3 1761 08106856 1

Бюллетени литературы и жизни.

g. 5, no. 7-9

Title transliterated:
Biulleteni literatury i zhizni

AP
50
B54
8.5
NO.7-9

Bulletin literatury i zhizni

Ц. 30 к. Въ провинціи и на ст. жел. дор. 35 к.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 7. Декабрь—I. 1913.
(Пятый годъ изданія.)

AP 50 B54 S.5 no. 7-9

Содержаніе

1. **Мудрость Востока** 371
2. **Идея рока и біологическій оптимизмъ** 375
3. **Къ здоровой жизни** 379
4. **Притчи Анъ Ринера.** Море. Великодушный жёлудь. Разбитая статуя. Крапова 381
5. **Старый и новый завѣтъ женщины.** („Безъ завѣта" О. Руновой) 384
6. **Вокругъ Достоевскаго и Горькаго.** 393
7. **Вилли Ферреро** 400
8. **Искусство чтенія** 406
9. **О роли интеллигенціи въ промышленной жизни страны** 410
10. **Изъ жизни русскихъ университетовъ.** (Изъ воспоминаній Фонвизина, П. И. Пирогова, П. Ѳ. Вистенгофа и И. А. Гончарова) 416
11. **Идеи, образы, факты:** Лекціи и диспуты. („О границахъ искусства" В. Иванова. — „Искусство нашихъ дней" Ѳ. Сологуба. — „О нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонахъ соврем. литературы" Ѳ. Сологуба. — „Объ идеологіи въ литерат. творчествѣ" М. Невѣдомскаго и Е. Аничкова. — Литературные суды. — „Тайна" Некрасова" Д. Мережковскаго. — „Религіозное народничество" Его же. — „О дерзающей личности" М. Кривицаго. — „Безъ идеала" и „Сильный человѣкъ" А. Давыдова. — Лекціи и диспуты о женщинѣ. — „Развалъ семьи" И. Василевскаго. — „Отъ смерти къ безсмертію" П. Тимофеевскаго. — „Межпланетныя путешествія" Я. Перельмана. — „О современномъ театрѣ". — „Народъ и театръ" — „Всёчество"). — Стачка дѣторожденія. — Вѣкъ ребенка. (Первый международный конгрессъ по охранѣ дѣтства. — Призовыя дѣти. — Школьное преподаваніе половой психологіи. — „Наука трезвости". — Политика въ американскихъ школахъ. — Подготовка дѣтей къ жизни). — Тангоманія 421
12. **Отзывы о книгахъ** 225
13. **Новыя книги** 247
14. **Содержаніе журналовъ** 255
15. **Объявленія о пріемѣ подписки на журналы и газеты.**

Подписная цѣна: 12 м.—4 р., 6 м.—2 р., 4 м.—1 р. 40 к. 3 м.—1 р., 1 м.—40 к. За границу—5 р.

Такса объявленій: 1 стр.—40 р., ½ стр.—25 р., ¼ стр.—16 р., ⅓ стр.—10 р.

Редакція и контора: Москва, Мерзляковскій пер., домъ 6. Телеф. 5-02-06.

ОТДѢЛЕНІЯ КОТОРЫ: 1) Москва, Б. Никитская, 10. Кн. маг. „Наука".
2) С.-Петербургъ, Стремянная, 6. Кн. скл. „Провинція".

Отъ конторы: При этомъ № всѣмъ подписчикамъ разсылаются проспекты журналовъ: 1) „Завѣты" (Спб., Рыночная, 10) и 2) „Природа" (Москва, Гусятниковъ пер., 11) и каталогъ „Книгоиздательства Писателей въ Москвѣ" (Никитскій бульв., 10). Лицъ, почему-либо не получавшихъ этихъ вкладокъ, просятъ обращаться по указаннымъ адресамъ съ просьбой о безплатной высылкѣ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПРАВОВѢДѢНІЕ

Ивана Каллиниковича Голубева.

Комиссіонера Государственной типографіи. МОСКВА, Никольская, д. Славянскаго Базара.

Магазинъ имѣетъ всѣ юридическія изданія: Анисимова, Березовскаго, Исаченко, Мартынова, „Право", Нюренберга, „Законовѣдѣніе", Стасюлевича и др. Имѣются въ продажѣ спеціальные справочники, алфавитные указатели, полный сводъ сенатскихъ рѣшеній, таможенные и желѣзнодорожные тарифы, сборники циркуляровъ, военно-юридическія книги, учебники, конспекты и пр., а также портреты Государя Императора, Государственные гербы, зеркала (ц. отъ 25 до 50 руб.) и др. предметы для Присутственныхъ мѣстъ. Подыскиваются и продаются номера сенатскихъ объявленій съ публикаціями о вызовѣ наслѣдниковъ, объ объявленіи несостоятельности и проч., дѣлаются справки въ собраніи узаконеній и пр., составляются юридическія библіотеки. Принимаются книги на комиссію отъ Гг. авторовъ и издателей. Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. Сверхъ своей спеціальности магазинъ исполняетъ заказы на всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги. Кромѣ юридическаго при магазинѣ отдѣлы: военный, духовный и техническій. Заказы исполняются немедленно. Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежемъ. По заказамъ отъ 10 р. желателенъ задатокъ.

ПОДБОРЪ КНИГЪ ПОСТОЯННО ПОПОЛНЯЕТСЯ НОВОСТЯМИ.

Каталогъ безплатно

Для телеграммъ: „МОСКВА—ЮРИСТЪ". ☐ ТЕЛЕФОНЪ МАГАЗИНА № 33—28.

Книжный складъ Т-ва А. А. ЛЕВЕНСОНЪ.

Москва, Трехпрудный, с. д., тел. 503-88.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1092 года, изданное Румянцевскимъ музеемъ, воспроизведенное буква въ букву съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей пергамента, письменъ и переплета. Ц. 100 р.

ДЕЛЬВИГЪ, Мои воспоминанія. Изд. Румянц. музея. Ц. 2 р. 50 к.

ВИКТОРЪ МИХАЙЛ. ВАСНЕЦОВЪ. Русскія пословицы и поговорки. Художествен. альбомъ. Ц. 10 р.

Русскія пословицы и поговорки въ рисунк. Викт. Мих. Васнецова и въ литературѣ нашихъ писателей. Ц. 1 р.

Ал. Зеленецкій. Эпитеты литературной русской рѣчи. Ц. 75 к.

Итальянскія сказки, подъ редакц. М. Горькаго, пер. Андреевой. Т. I, ц. 1 р. 25 к., т. II, ц. 75 к. (съ рис.).

Словарь иностранныхъ словъ, 2-е изд., ц. 1 р. 50 к.

Французско-русскій словарь, ц. въ перепл. 1 р. 50 к., безъ перепл. 1 р. 25 к.

Русско-англійскіе разговоры, ц. 1 р. 25 к.

Русско-французскіе разговоры, ц. въ пер. 1 р. 25 к.

Русско-нѣмецкіе разговоры, ц. въ пер. 1 р. 25 к.

Россійскій гербозникъ. Худож. въ краск. исполн. гербы 11-ти универс. губерній и Костромской. Ц. 2 р.

Щепкина-Куперникъ. Разрозненныя страницы, ц. 1 р.; Облака, ц. 1 р.; Письма изъ далека, ц. 1 р.

Изданія „ОКТО":

Письма Л. Н. Толстого, ц. въ пер. 2 руб., безъ пер. 1 р. 50 к.

„Библіотека классиковъ": Шекспиръ I и II т., Гомеръ, Байронъ I и II т., Гете, т. I, II, III, цѣна за томъ 2 р. 50 к. (Гомеръ—3 р. 50 к.). Мольеръ, Шиллеръ печатается. Принимается подписка на всю библіотеку (12 томовъ) на слѣд. условіяхъ: цѣна 31 р., задатокъ 2 р., а затѣмъ при полученіи каждаго тома 2 р. 50 к. (соч. Гомера 3 р. 50 к.). Задатокъ вычитается при доставленіи послѣдняго тома.

Историческіе очерки — А. А. Кизеветтеръ, ц. 3 р.

Образы прошлаго—М. О. Гершензонъ, ц. 3 р.

Гете — „Фаустъ" (отд. вып.), ц. 1 р.

Байронъ — Чайльдъ Гарольдъ, ц. 50 к.

Байронъ — Донъ-Жуанъ, ц. 1 р.

Вся библіотека классиковъ выпускается въ переплетахъ.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1913 г. * Декабрь — I. * № 7.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ

Мудрость Востока.

[149.918]

Въ ряду культурныхъ цѣнностей, вырабатываемыхъ каждымъ общежитіемъ, каждой исторической средой, какъ бы примитивна она не была, стоитъ указаніе практическихъ путей къ достиженію такой власти надъ міромъ, надъ космосомъ, при наличности которой онъ весь, цѣликомъ, подчиняется знающему эти тайны. Пути эти, начиная съ первобытной, подражательной и симпатической магіи дикихъ и полудикихъ племенъ и кончая стремленіемъ овладѣть законами матеріальной природы, движущимъ современнымъ естествознаніемъ, многообразны, и одно сравненіе ихъ способно пролить много свѣта на самыя быть можетъ темныя стороны человѣческаго мышленія. За послѣднее время усиливается интересъ къ тому преодолѣнію міровыхъ тайнъ, которое дается созерцаніемъ и которое развилось и могло развиться только въ странѣ такой глубокой и мощной духовной культуры, какъ Индія. Изложеніе основъ ученія іоговъ, хранителей тайнъ индійской мудрости, даетъ Н. Д. Успенскій въ своей брошюрѣ „Исканія новой жизни. Что такое іога".

„Много легендъ и фантастическихъ разсказовъ, говоритъ онъ,— существовало и существуетъ о таинственныхъ знаніяхъ индійскихъ мудрецовъ, философовъ, факировъ и святыхъ.

Многіе факты на самомъ дѣлѣ давно говорили, что кромѣ тѣхъ знаній, которыя заключены въ древнихъ книгахъ Индіи, въ ея священныхъ писаніяхъ, преданіяхъ, пѣсняхъ, поэмахъ и миѳахъ—существуетъ еще какое-то *другое знаніе*, которое нельзя почерпнуть изъ книгъ, которое не раскрывается публично, но слѣды котораго совершенно ясно видны.

Не мало силъ и энергіи было потрачено на поиски этой тайной доктрины Востока.

Но сущность этой „тайной доктрины" стала дѣлаться понятной Западу только тогда, когда начали появляться свѣдѣнія объ ученіяхъ іоговъ.

Іоги не имѣютъ ничего общаго съ бродячими факирами, невѣжественными фанатиками, истязающими себя для достиженія небеснаго блаженства, или фокусниками, показывающими за плату „чудеса", основанныя частью на ловкости и на пріученіи тѣла принимать невѣроятныя положенія или совершать свои функціи ненормальнымъ образомъ,—а частью на гипнотизированіи зрителей при помощи различныхъ хитрыхъ пріемовъ. Истиннаго іога всегда можно узнать потому, что онъ не стремится ни къ какимъ матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ и не можетъ ничего показывать за плату, а главное, по его глубокимъ знаніямъ, по его духовности и тонкой способности мыслить и разсуждать.

„Наука іоговъ", т.-е. методы, которыми іоги пользуются для развитія у себя необыкновенныхъ силъ и способностей, идетъ изъ глубокой древности. Тысячи лѣтъ тому назадъ мудрецы древней Индіи путемъ опыта пришли къ заключенію, что силы человѣка буквально во всѣхъ областяхъ и сферахъ, доступныхъ его дѣятельности, могутъ быть почти безконечно увеличены путемъ правильной тренировки и пріученія человѣка управлять своимъ тѣломъ, умомъ, вниманіемъ, волей, чувствами и желаніями.

Изучая человѣка, древніе индусы нашли въ немъ множество *скрытыхъ* силъ.

Убѣдившись въ этомъ, индійскіе философы и ученые начали искать способовъ:—во-первыхъ, дать человѣку возможность лучше узнать самого себя, понять свои скрытыя способности или наклонности, найти и опредѣлить, въ какомъ направленіи ихъ нужно развивать; а во-вторыхъ, пробуждать скрытыя способности и учиться ими пользоваться на всѣхъ путяхъ жизни".

Методы и науки, ведущія къ достиженію власти надъ этими скрытыми силами и способностями, и называются іогой. „Іога безконеч-

но увеличиваетъ творческія способности человѣка во всѣхъ сферахъ и областяхъ жизни, даетъ ему возможность непосредственнаго проникновенія въ тайны природы, раскрываетъ передъ нимъ секреты вѣчности и загадки бытія.

Іога помогаетъ человѣку бороться съ *обманомъ* словъ, ясно показываетъ ему, что мысль, выраженная словами, не можетъ быть истинной, что въ словахъ истины быть не можетъ, что въ лучшемъ случаѣ они могутъ только намекнуть на истину, показать ее на мгновеніе и потомъ закрыть ее. Іога учитъ находить скрытую истину, скрытую въ словахъ, въ вещахъ, въ дѣлахъ людей, въ писаніяхъ великихъ мудрецовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Іога прежде всего учитъ *дѣлать правильно* все, что человѣкъ дѣлаетъ.

Іога учитъ человѣка правильной экономіи силъ. Она учитъ его дѣлать *сознательно* все, что бы онъ ни дѣлалъ, помогаетъ человѣку во всемъ, что онъ дѣлаетъ, стремиться къ Вѣчному, отдавать свою работу Вѣчному. Это неизмѣримо увеличиваетъ силы человѣка и улучшаетъ результаты его работы.

Изученіе іоги показываетъ человѣку прежде всего, что онъ страшно ошибался на свой собственный счетъ. Человѣкъ убѣждается, что онъ гораздо сильнѣе и могущественнѣе, чѣмъ онъ себя считалъ.

Но въ то же время, пользуясь силами, даваемыми іогой, человѣкъ можетъ итти только въ одномъ направленіи, стремясь къ истинному и къ Вѣчному. Если онъ пойдетъ по другому пути, стремясь только къ личному и къ временному, сдѣлаетъ попытку заставить іогу служить его мелкимъ, земнымъ, человѣческимъ цѣлямъ, сама же іога, обратившись противъ него, остановитъ его, лишитъ всѣхъ силъ, не только увеличенныхъ силъ, даваемыхъ іогой, но даже силъ обыкновеннаго человѣка, а, можетъ быть, даже уничтожитъ его совсѣмъ.

Когда человѣкъ, изучившій іогу, беретъ въ руки нѣкоторыя книги, которыя, какъ ему казалось, онъ хорошо зналъ раньше, онъ вдругъ къ своему глубокому изумленію находитъ въ нихъ безконечно много новаго. Передъ его глазами въ нихъ точно раскрывается безконечная глубина, и онъ со страхомъ и съ удивленіемъ ощущаетъ эту глубину, понимаетъ, что раньше онъ видѣлъ только одну поверхность.

Это одно изъ основныхъ пріобрѣтеній, получающихся отъ изученія іоги. Духовный взоръ человѣка становится проницательнѣе.

Особенностью іоги является еще то, что ее не видно снизу. Новые горизонты открываются передъ человѣкомъ, изучающимъ іогу, по мѣрѣ того какъ онъ идетъ впередъ. Каждый сдѣланный шагъ показываетъ ему впереди новое, чего онъ раньше не видалъ. И, при началѣ изученія іоги, нельзя знать всего, что это изученіе дастъ.

Изученіе іоги невозможно при условіи той раскиданности мыслей, желаній и чувствъ, въ какихъ живетъ обыкновенный человѣкъ. Іога учитъ человѣка въ каждый данный моментъ сосредоточивать всѣ свои силы на томъ, что онъ дѣлаетъ, и эта способность сосредоточиваться безконечно увеличиваетъ и улучшаетъ результатъ всякой дѣятельности человѣка.

Человѣкъ, который надѣется узнать іогу, прочитавъ нѣсколько книгъ, глубоко разочаруется.

Общая цѣль всѣхъ видовъ іоги, это—измѣненіе человѣка, расширеніе его сознанія. Въ основѣ всѣхъ іогъ лежитъ одинъ принципъ — именно, что человѣкъ—существо незаконченное, несовершенное и могущее быть значительно измѣненнымъ.

Восточная психологія раздѣляетъ *четыре состоянія сознанія*.

1) Сонъ безъ сновидѣній (потенціальное состояніе сознанія).

2) Сонъ со сновидѣніями (субъективное состояніе сознанія, замкнутое въ кругу самого себя).

3) Бодрствующее состояніе (объективное состояніе сознанія, замкнутое въ кругу міра явленій).

4) Пробужденное или просвѣтленное состояніе сознанія, находящееся въ единеніи съ Безконечнымъ.

Къ этому просвѣтленному состоянію человѣкъ, по понятіямъ іоговъ, долженъ стремиться, потому что только въ этомъ состояніи можно найти и постигнуть истину. Все, что даютъ другія состоянія сознанія—иллюзорно и ложно".

Практическіе пути, предлагаемые этимъ ученіемъ, называются тоже іогами; индійская мудрость знаетъ пять такихъ путей:

„*Хатха-іога*—іога власти надъ тѣломъ и надъ природой.

Іоги утверждаютъ, что здоровое и нормально функціонирующее тѣло легче можетъ быть подчинено разуму, высшимъ стремленіямъ и духовнымъ началамъ, чѣмъ тѣло больное, разстроенное и развинченное, отъ котораго никогда не знаешь, чего ждать. Кромѣ того, здоровое тѣло легче не замѣчать. Больное тѣло подчиняетъ себѣ человѣка, заставляетъ черезчуръ много думать о себѣ, требуетъ слишкомъ много вниманія.

Поэтому первое—къ чему стремится хатха-іога—это здоровое тѣло.

Основная идея іоговъ относительно тѣла заключается въ томъ, что тѣло въ естественномъ состояніи совсѣмъ не представляетъ собой такого идеальнаго аппарата, какъ часто думаютъ.

„Искаженной формой", создавшейся среди тысячи неблагопріятныхъ условій, считаютъ іоги тѣло современнаго человѣка.

Тѣло такое, какое оно дается природой, съ нихъ точки зрѣнія, только матеріалъ. И человѣкъ, стремясь къ своимъ высшимъ цѣлямъ, можетъ воспользоваться этимъ матеріаломъ и, обработавъ его надлежащимъ образомъ, создать себѣ орудіе для осуществленія своихъ стремленій. Возможности, заложенныя въ тѣлѣ, по утвержденіямъ іоговъ, громадны.

Къ идеямъ іоговъ послѣднее время очень близко подошель проф. Мечниковъ, который тоже утверждаетъ, что человѣческое тѣло въ такомъ состояніи, какъ его создаетъ природа, совсѣмъ не идеальный аппаратъ и можетъ быть значительно улучшено, сдѣлано болѣе энергичнымъ и долговѣчнымъ.

Но въ долгой жизни іоги видятъ не цѣль, а только средство къ познанію истины, составляющему ихъ цѣль на всѣхъ путяхъ.

Раджа-іога—іога воспитанія ума. Человѣкъ, практически изучающій раджа-іогу, пріобрѣтаетъ сознаніе истиннаго „Я", т.-е. его самосознаніе переносится съ низшихъ плоскостей на высшія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пріобрѣтаетъ необыкновенныя внутреннія силы и способность вліять на другихъ людей.

Какъ хатха-іога смотритъ на физическое тѣло, какъ на несовершенное и могущее быть измѣненнымъ къ лучшему, точно такъ же раджа-іога разсматриваетъ психическій аппаратъ человѣка совсѣмъ не какъ идеальный.

Первое, что говоритъ раджа-іога, это—что мы совсѣмъ не знаемъ себя, своего „Я", непрерывно принимаемъ за себя то, что въ сущности не мы, принимаемъ за „Я" то, что въ сущности „не Я".

Первая практическая задача, которая ставится человѣку, начинающему изучать раджа-іогу—*это умѣть не думать*, т.-е. по желанію совершенно останавливать работу ума, давать *полный* отдыхъ психическому аппарату.

Это необходимое условіе для раскрытія нѣкоторыхъ дремлющихъ въ человѣкѣ силъ и возможностей. Только создавъ въ себѣ умѣніе останавливать ходъ своихъ мыслей, человѣкъ можетъ приблизиться къ тому, чтобы слышать мысли другихъ людей и всѣ голоса, непрерывно говорящіе въ природѣ, голоса разныхъ „малыхъ жизней" его собственнаго тѣла, голоса „большихъ жизней", въ которыя входитъ онъ самъ. Только умѣя создавать пассивное состояніе своего ума, можетъ человѣкъ надѣяться услышать *голосъ молчанія*, который единственно можетъ раскрыть человѣку скрытыя отъ него истины и тайны.

Когда „ученикъ" научится не думать, его учатъ думать—думать именно о томъ, о чемъ онъ хочетъ думать, а не о томъ, что ему приходитъ въ голову. Это методъ *сосредоточенія* или концентраціи.

Слѣдующая, третья, ступень—это размышленіе—*медитація*. Человѣка, изучившаго сосредоточеніе, учатъ пользоваться имъ, т.-е. размышлять, углубляться въ данный вопросъ, ставить передъ собой его различныя стороны, находить соотношенія и аналогіи со всѣмъ, что человѣкъ знаетъ, что онъ раньше думалъ или слышалъ.

Слѣдующая четвертая ступень—*созерцаніе*. Человѣка учатъ, поставивъ передъ собой тотъ или другой вопросъ, углубляться въ него не думая, или даже совсѣмъ не ставить никакого вопроса, а углубляться въ какую-нибудь идею, въ образъ, въ картину природы, въ явленіе, въ звукъ, въ число и т. п.

Человѣкъ, выучившійся созерцать, раскрываетъ высшія интуитивныя стороны своего ума, открываетъ себя вліяніямъ, идущимъ изъ высшихъ сферъ міровой жизни, какъ бы бесѣдуетъ съ глубочайшими тайнами Духа.

Въ результатѣ человѣкъ достигаетъ необыкновеннаго *освобожденія* и необыкновенной силы.

Карма-іога—іога труда и дѣятельности,—учитъ правильному отношенію къ людямъ и къ жизни. Всѣ другія іоги должны начинаться съ изученія этой.

Карма-іога заключаетъ въ себѣ мораль іогизма. Мораль іоговъ учитъ ихъ во всемъ, что они дѣлаютъ, стремиться къ Вѣчному.

Карма-іога учитъ человѣка понимать, что въ безконечномъ количествѣ случаевъ, когда ему кажется, что дѣйствуетъ онъ, въ дѣйствительности дѣйствуетъ не онъ, а только проходящія черезъ него силы, принадлежащія другимъ центрамъ. Вообще карма-іога говоритъ, что человѣкъ совсѣмъ не то, что онъ о себѣ думаетъ, и учитъ человѣка понимать, что онъ никогда и ни въ какихъ случаяхъ своей жизни не дѣйствуетъ самъ по себѣ, отдѣльно, а всегда какъ часть того или другого *большого цѣлаго*.

Бхакти-іога—іога религіознаго пути. Бхакти-іога показываетъ возможность религіознаго отношенія къ міру безъ какихъ-либо суевѣрій,

безъ личнаго обожанія людей или формъ, безъ поклоненія буквѣ или словамъ и безъ стремленія къ личному спасенію.

Выраженіе бхакти-іога иногда переводится—іога благоговѣнія. Но бхакти-іога учитъ, что благоговѣніе—это чувство, которое человѣкъ долженъ и можетъ испытывать только по отношенію къ Безконечному и Вѣчному и ни въ какомъ случаѣ не долженъ допускать въ своей душѣ по отношенію къ чему-нибудь земному, конечному и временному, по отношенію къ людямъ, какъ бы высоки они ему ни казались, и по отношенію къ ученіямъ, создаваемымъ людьми. Благоговѣніе—это прежде всего такое чувство, въ которомъ не можетъ и не должно быть ничего личнаго. Личное обожаніе человѣка, дѣла или идеи очень легко переходитъ въ суевѣріе и ханжество.

Поэтому первая заповѣдь бхакти-іоги: *не сотвори себѣ кумира.*

Бхакти, т.-е. благоговѣніе, возможно и на пути чистаго познанія и на пути служенія искусству, преклоненія передъ красотой формы и на пути религіознаго созерцанія.

Жнана (*или Ньяна*) *іога*,—іога знанія. Жнана-іога показываетъ человѣку прямой путь къ Безконечному. Эта іога людей интеллектуальнаго пути. Она освобождаетъ человѣческій умъ отъ оковъ матеріалистическаго міропониманія и отъ оковъ дуалистическаго спиритуализма и ведетъ его къ пониманію Истиннаго, Вѣчнаго и Единаго.

Жнана-іога учитъ тому, что *истиной* для человѣка является только то, что онъ ощутилъ, какъ истину, а затѣмъ учитъ, провѣряя одну истину другой, медленно восходитъ къ вершинамъ, вырабатывая въ себѣ новые органы интеллектуальныхъ ощущеній, все время не теряя изъ виду точки отправленія и иногда возвращаясь къ ней для самоконтроля.

А главное, жнана-іога учитъ, что всѣ безъ исключенія истины, доставляемыя человѣку его земнымъ, логическимъ умомъ—совсѣмъ не истины, съ точки зрѣнія высшаго сознанія.

Жнана-іога учитъ человѣка не вѣрить себѣ, не вѣрить своимъ ощущеніямъ, представленіямъ, понятіямъ, идеямъ, мыслямъ и словамъ; больше всего не вѣрить словамъ, провѣрять все и всегда, осматриваться на каждомъ шагу, сопоставлять все со свидѣтельствами высшаго разума.

Жнана-іога учитъ человѣка, что онъ живетъ совсѣмъ не въ матеріальномъ мірѣ трехъ измѣреній, каждое мгновеніе возникающемъ и исчезающемъ. Она говоритъ ему, что онъ живетъ въ мірѣ вѣчномъ, не ограниченномъ ни въ какомъ отношеніи и не разграниченномъ ни на какіе предѣлы ни въ какомъ протяженіи. Чтобы понять этотъ міръ безконечнаго и почувствовать себя въ немъ, а не въ иллюзоромъ и фантастическомъ трехмѣрномъ мірѣ, человѣкъ, съ точки зрѣнія жнана-іоги, долженъ прежде всего *правильно мыслить.*

Человѣкъ, воспринявшій идеи жнана-іоги, никогда не рѣшится умолчать что-нибудь изъ того, что онъ знаетъ или, что онъ нашелъ, на томъ основаніи, что будто бы другіе люди еще не доросли до пониманія этихъ идей, что имъ эти идеи принесутъ не пользу, а вредъ. Ему даже въ голову не придетъ подобная мысль, и онъ никогда не будетъ смотрѣть на другихъ людей, какъ на существа ниже его, которымъ онъ можетъ дать часть своего знанія, а часть удержать. Онъ будетъ глубоко вѣрить и знать, что истина никогда и никому повредить не можетъ, и въ то же время онъ будетъ знать, что все, что могутъ формулировать земнымъ умомъ люди и передать другъ другу на бѣдномъ земномъ языкѣ—никогда не будетъ истиной, а всегда будетъ только частичнымъ приближеніемъ къ истинѣ, невыразимой и недоступной; и онъ будетъ съ большой осторожностью относиться къ людямъ, утверждающимъ, что они нашли истину. Онъ больше будетъ вѣрить въ *исканіе истины*, чѣмъ въ ея *достиженіе*, и на людей, убѣжденныхъ въ томъ, что они достигли истины, будетъ смотрѣть, какъ на заблуждающихся, особенно если они будутъ говорить, что этой истины они не могутъ или не имѣютъ права открыть людямъ.

Голосъ, говорящій въ его собственной душѣ, онъ никогда не будетъ смѣшивать съ голосами жизни, потому что у него будетъ точный и ясный критерій для распознаванія этого голоса и вообще для отличенія истиннаго отъ ложнаго.

Находить этотъ критерій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ему будутъ помогать усвоенныя имъ основныя идеи ученія іоговъ о Вѣчномъ и Безконечномъ:

Смотри только на то, что невидимо.
Слушай только голосъ, который говоритъ безъ звука.
Желай только того, что внутри тебя.
Желай только того, что выше тебя.
Желай только того, что недостижимо."

Іога, являясь великолѣпнымъ средствомъ для приданія духовному облику всякаго вступающаго на этотъ путь самоопредѣленія тѣхъ качествъ, которыя одни могутъ обезпечить прочный и незыблемый въ вѣкахъ фундаментъ для вырабатываемыхъ жизнью культурныхъ цѣнностей, таитъ вмѣстѣ съ тѣмъ одну серь-

езную опасность для общества, не отдавшагося еще вѣковой разработкѣ и изслѣдованію тайнъ, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, опасность покоя и ухода къ мечтѣ о жизни вмѣсто созерцанія тайнъ жизни. Только созданіе не поверхностной, а цѣльной, охватывающей всѣ проявленія жизни, культуры можетъ дать право на подобное созерцаніе. Европейская культура еще строится.

Идея рока и біологическій оптимизмъ.

[149. 913]

Въ двухъ книжкахъ „Рус. Мысли“ (IX и X) напечатана большая статья проф. Ѳ. Зѣлинскаго „Міра“, въ которой нашъ извѣстный эллинистъ прослѣживаетъ роль судьбы въ разныя времена,—вскрываетъ передъ нами участіе этой неизбѣжной, ужасной „Міры“, или „Мойры“—какъ главнаго дѣйствующаго лица—и въ древней и въ новой трагедіи. Для читателей „Бюллетеней“ выводы Ѳ. Ф. Зѣлинскаго тѣмъ интереснѣе, что основной изъ вопросовъ, о которыхъ трактуетъ петербургскій ученый, тѣсно примыкаетъ къ предмету статьи В. Вересаева „Аполлонъ, богъ живой жизни“ (см. „Бюл.“ № 5).

Разобравъ, актъ за актомъ, одну изъ самыхъ значительныхъ, съ данной точки зрѣнія, античныхъ трагедій, „Царя Эдипа“, гдѣ, какъ мы всѣ знаемъ, несчастный Эдипъ принимаетъ на себя отвѣтственность за *невольныя*, рокомъ ему предназначенныя, дѣянія: убійство отца и женитьбу на родной матери, — разобравъ трагедію, авторъ статьи пишетъ далѣе:

„Побѣда осталась за Мирой—да, но только побѣда внѣшняя. Эдипъ—все еще тотъ, какимъ онъ предсталъ передъ нами въ первыхъ сценахъ – истинное воплощеніе силы и великодушія. То, что онъ сотворилъ невольно, онъ называетъ и считаетъ своими дѣяніями, полная отвѣтственность за которыя лежитъ на немъ. Пускай мятежная Іокаста гнѣвно возвращаетъ богамъ напрасный даръ жизни; Эдипъ рѣшилъ нести до конца бремя, которое они на него возложили, никого не обвиняя, кромѣ себя. Какъ убійца Лаія, онъ долженъ оставить страну; но эта кара, казавшаяся ему хуже смерти, недостаточна теперь, когда онъ уличилъ себя въ другихъ, гораздо болѣе ужасныхъ преступленіяхъ. За нихъ онъ обрекъ себя самой жалкой участи, сохранивъ жизнь и лишивъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ источника всѣхъ радостей жизни—свѣта дня.

Онъ уйдетъ за предѣлы страны слѣпымъ и безпомощнымъ бѣднякомъ и будетъ жить подаяніемъ людей, которымъ не будетъ страшно его прикосновеніе, до тѣхъ поръ, пока богамъ преисподней не будетъ угодно отозвать его къ себѣ. Такъ искупаетъ Эдипъ грѣхи своей жизни.

Отверженецъ Міры покидалъ свою новообрѣтенную родину, оставляя всѣхъ присутствующихъ подъ гнетомъ неразрѣшимаго вопроса: „за что?“

За что?.. Объ этомъ вопросѣ у насъ еще будетъ рѣчь; отдѣлаться отъ него не такъ-то легко...

Возмужавшая мысль новой Европы создала свою трагедію рока и—хотя и безсознательно—*противопоставила* ее античной: Эдипъ возродился въ Макбетѣ Шекспира. Великодушный, доблестный, мудрый вождь и правитель, спаситель своей родины—дѣлается преступникомъ, дѣлается цареубійцей и почти отцеубійцей въ силу полученнаго имъ предсказанія—эта основная идея осталась неизмѣнной.

...Дважды развитъ въ трагедіи мотивъ *претвореннаго* рока. Не потому дѣлается Макбетъ королемъ, что ему такъ рокъ судилъ, а потому, что, зная объ этомъ рѣшеніи и *вѣря въ него*, онъ смѣло вступаетъ на единственный путь, ведущій къ суженой цѣли, на путь цареубійства. И не потому падаетъ онъ отъ руки Макдуффа, что рокъ судилъ ему принять смерть отъ нерожденнаго женщиной, а опять-таки потому, что, зная объ этомъ рѣшеніи и *вѣря въ него*, онъ теряетъ все свое мужество при встрѣчѣ съ врагомъ, вырѣзаннымъ нѣкогда изъ тѣла своей матери. Для Софокла рокъ—*трансценденгный* моментъ; зная о немъ, Эдипъ всѣми своими силами съ нимъ борется, сохраняя въ этой борьбѣ всю свободу своей воли. Независимость свободной человѣческой воли отъ рока—основной догматъ античнаго фатализма. Для Шекспира, напротивъ, рокъ—*психологическій* моментъ; онъ дѣйствуетъ не самъ по себѣ, а черезъ нашу вѣру въ него, такъ какъ эта вѣра вліяетъ на нашу волю, покоря и отравляя ее. И мнѣ вспоминается распространенный предразсудокъ, будто античный міръ „преклонялся передъ рокомъ“. Что за заблужденіе—даже если призвать Софоклову трагедію, о которой идетъ рѣчь, показателемъ всего античнаго міра! Который изъ двухъ преклоняется передъ рокомъ—Эдипъ ли, ведущій съ нимъ борьбу до послѣдней минуты, или Макбетъ, дающій ему тлетворную власть надъ своей душой, совѣстью, волей?

Да, это любопытное претвореніе античнаго рока въ новѣйшей душѣ—этотъ *рокъ внутрь-*

нія—любопытное и далеко не единственное. Такъ и Грозному у А. Толстого звѣздочеты предсказываютъ смерть въ Кириллинъ день, и это предсказаніе—прямое воспроизведеніе роковыхъ для Цезаря мартовскихъ идъ, вплоть до зловѣщаго „Кириллинъ день еще не миновалъ". И все-таки онъ гибнетъ въ указанный день не потому, что день былъ ему назначенъ рокомъ, а потому, что, зная объ этомъ назначеніи и вѣря въ него, онъ своимъ страхомъ и волненіемъ разрушаетъ послѣднія силы своего организма. Еще шагъ дальше—и мы получимъ князя Мышкина у Достоевскаго, которому Аглая Ивановна предсказала, что онъ разобьетъ фарфоровую вазу, и который дѣйствительно разбиваетъ ее, разбиваетъ потому, что предсказаніе дѣйствуетъ на его болѣзненно разслабленную волю силою внушенія.

Гдѣ нѣтъ боговъ, тамъ рѣютъ привидѣнья. Внушенія новѣйшаго волюнтаризма—это именно такія привидѣнія, цѣлыми роями заполонившія нашъ обезбоженный міръ. Античная Мира своей тяжелой рукой разбивала иногда жизнь человѣка, но зато она оставляла неприкосновеннымъ его самое драгоцѣнное достояніе—его свободную волю.

Но психологическій рокъ Шекспира — не единственное претвореніе античнаго рока въ новѣйшей душѣ. Есть и другое; но только его трагедія еще не написана. Будетъ ли она когда-либо написана? — Не знаю. Пока же приходится считаться съ тѣмъ слабымъ и блѣднымъ ея предвареніемъ, которое намъ подарилъ предтеча новой поэзіи. Это — трагедія *имманентнаго* рока, „Призраки" Ибсена.

Тутъ передъ нами персоналъ античной трагедіи рока: Лаій, Іокаста, Эдипъ... Лаій—это камергеръ Альвингъ; онъ уже десятый годъ въ могилѣ, и на сценѣ только его призраки—два призрака, сынъ и дочь. Отцеубійства и грѣха съ матерью нѣтъ и не будетъ; для нашихъ донельзя истонченныхъ нервовъ достаточно и самыхъ легкихъ раздраженій. Осталось лишь маленькое кровосмѣшеніе, сводные братъ и сестра, да и это болѣе въ видѣ предположенія. А впрочемъ, и оно не нужно, какъ не нужна и вся фигура этой черствой, себялюбивой сестры. Нужны только двое,—Елена Альвингъ и ея сынъ Освальдъ; вся эта трагедія имманетнаго рока—не что иное, какъ продленная черезъ три дѣйствія сцена двойного признанія *).

Елена Альвингъ признается — и притомъ дважды—въ грустной тайнѣ своего брака. Въ первомъ признаніи она, какъ истая питомица этой тусклой, насыщенной призраками норвежской атмосферы, видитъ въ своемъ покойномъ мужѣ только безпутнаго и развратнаго бражника, отъ тлетворнаго вліянія котораго она сочла долгомъ удалить своего подрастающаго сына. Удалить за море, на югъ, въ ясную, солнечную атмосферу, изъ которой онъ вынесъ и принесъ на родину новое для ея туманнаго понятіе, жизнерадостность. „О матушка, эта жизнерадостность! о ней у насъ дома мало знаютъ—я ея никогда не чувствую, когда я дома. Да, и затѣмъ — трудорадостность. Да впрочемъ, это почти что одно и то же. И о ней вы здѣсь ничего не знаете. Васъ здѣсь учили вѣровать, что трудъ—это проклятіе и кара за грѣхи и что жизнь — это нѣчто жалкое, и что чѣмъ скорѣе она кончится, тѣмъ лучше. А тамъ люди и знать не хотятъ о подобныхъ вещахъ. Тамъ простое существованіе ощущается какъ восторгъ и счастье. Матушка, развѣ ты не замѣтила, что всѣ мои произведенія имѣютъ своимъ содержаніемъ жизнерадостность? Тамъ—и свѣтъ, и солнце, и воскресный воздухъ. И вотъ почему мнѣ страшно оставаться съ тобой на родинѣ. — Почему?— Я боюсь, что все то, что во мнѣ клокочетъ, здѣсь выродится въ безнравственность!"

Эти слова Освальда открываютъ Еленѣ Альвингъ глаза также и на ея прошлое: теперь она знаетъ, почему ея мужъ сталъ безнравственнымъ. Теперь ея признаніе о немъ уже иначе звучитъ. Она начинаетъ—пусть это случайное совпаденіе, оно тѣмъ болѣе знаменательно—почти такъ же, какъ и Іокаста свое признаніе: „А теперь я сниму съ твоей души тяжелую обузу, мой бѣдный, измученный сынъ".

Да, нѣкогда и его отецъ былъ жизнерадостнымъ молодымъ человѣкомъ—отъ него такъ и вѣяло весной на каждаго, кто съ нимъ встрѣчался. Но судьба забросила его въ мѣщанскую среду; вмѣсто радости—удовольствія, вмѣсто цѣли жизни—должность, вмѣсто труда—занятія, вмѣсто товарищей—собутыльники. И въ довершеніе всего — холодная, корректная жена, знавшая только обязанности, свои и его. Такъ-то случилось то, что должно было слу-

*) Намекъ на знаменитую „сцену двойного признанія" Іокасты, во второмъ дѣйствіи „Царя Эдипа", гдѣ жена-мать Эдипа, убѣждая его „не вѣрить пророчествамъ", открываетъ ему тайну своего несчастнаго, оскорбленнаго материнства, а затѣмъ—сама того не вѣдая—сообщеніемъ о извѣстныхъ ей подробностяхъ убійства Лаія, вмѣсто того, чтобы успокоить заподозрѣннаго въ этомъ убійствѣ Эдипа, разбиваетъ увѣренность его въ своей непричастности къ страшному дѣянію.

читься: жизнерадостность, клокотавшая въ груди поручика Альвинга, выродилась въ безнравственность. „Освальдъ, твой отецъ былъ уже сломленнымъ человѣкомъ, когда ты увидѣлъ свѣтъ“.

Своимъ откровеніемъ несчастная мать думала снять обузу раскаянія съ души своего сына; онъ вѣдь себя и свои невинныя удовольствія считалъ виною той загадочной болѣзни, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе подтачивала его силы, его трудоспособность и довела до того, что онъ, какъ узникъ черезъ рѣшетку, смотрѣлъ, вздыхая, на жизнерадостность и трудорадостность другихъ. Увы! — она этимъ откровеніемъ только закрѣпила незыблемо приговоръ его врачей,—въ современности вѣдь имъ принадлежитъ роль дельфійскаго оракула, роль вѣщателей и толкователей имманентнаго рока.

Займемся и его признаніемъ. Онъ велъ радостную, дѣятельную жизнь —жизнь живописца, тамъ, далеко, въ странѣ солнца. Но вотъ головныя боли, уменьшенная работоспособность, невозможность сосредоточить свои представленія... Обращеніе къ врачу, къ великому врачу; его совсѣмъ къ дѣлу не идущіе вопросы, его приговоръ: „уже съ вашего рожденія вы имѣете это червивое мѣсто...“ да, да, именно червивое.—И почему?—„Грѣхи отцовъ взыщутся съ дѣтей“.—Но вѣдь это нелѣпость! Мать ему всегда изображала отца какъ образецъ строгой добродѣтели!—Да? Что-жъ, тогда придется допустить другую причину.—Но вѣдь онъ самъ никогда не велъ распутной жизни!—Ну, не распутную, но все же веселую; съ него и этого достаточно. Самъ, значитъ, виноватъ!

Такъ можно было представлять себѣ дѣло прежде и надѣяться на исцѣленіе. Но признаніе матери подтвердило тотъ прежній, страшный приговоръ. Червоточина съ самаго рожденія—онъ вѣдь родился сыномъ сломленнаго человѣка. Теперь нѣтъ болѣе никакой надежды. И вотъ болѣзнь разрастается на нашихъ глазахъ. Сначала вялость, утомленность, сонливость при полной безсонницѣ, затѣмъ неудержимая страсть къ опьяняющимъ напиткамъ, затѣмъ все усиливающееся чувство томительнаго, безотчетнаго страха. И боли — здѣсь, здѣсь, во лбу. Тамъ сидитъ болѣзнь, страшная болѣзнь, унаслѣдованная отъ отца...

— Не кричи! Я не выношу крика. Да, матушка, она сидитъ здѣсь, какъ въ засадѣ, и можетъ вырваться въ любое время, въ любой часъ. О, если бы это была обыкновенная, смертельная болѣзнь! Я вѣдь смерти не боюсь, хотя и желалъ бы еще пожить. Но это! Это такъ ужасно, такъ отвратительно. Опять стать ребенкомъ, котораго кормятъ. И этотъ вѣчный страхъ, этотъ страхъ... Матушка, дай мнѣ солнце!

Рокъ настигъ свою жертву...

О нѣтъ, конечно: мы не преклоняемся передъ рокомъ, подобно наивному античному міру. Мы съ нимъ справились, но — увы! — справились такъ же успѣшно, какъ гетевскій ученикъ волшебника справился съ чудовищнымъ помеломъ-водоносомъ. Молотомъ своего раціонализма мы разбили на части мраморный кумиръ античной Мiры; но эти части теперь живутъ каждая своей жизнью и удесятеренной отравой отравляютъ нашу. Алкоголизмъ, венеризмъ, помѣшательство—они вѣдь не съ открытымъ забраломъ сражаются съ нами—эти змѣи охотнѣе всего скрываются въ корзинѣ розъ. И вотъ вырастаетъ младенецъ, зачатый, казалось бы, въ самомъ радостномъ упоеніи самой здоровой, зиждительной любви, и съ нимъ вмѣстѣ, и въ немъ самомъ растетъ и вселённая въ него змѣя, расширяется червоточина въ его бѣдномъ, ни въ чемъ неповинномъ тѣлѣ. И нигдѣ, нигдѣ нѣтъ спасенія и безопасности: полное здоровье брачущихся не обезпечиваетъ отъ призрака старинной вины отца или дѣда, который можетъ воплотиться во внукѣ или правнукѣ и отравить жизнь и ему, и его родителямъ—и за что?

За что?.. Да, вотъ онъ опять всплылъ наружу, нашъ основной, неразрѣшенный вопросъ. И въ одномъ долженъ убѣдиться каждый: онъ относится не къ одной только античной трагедіи рока. Кто пожелаетъ ее уронить, спрашивая насъ, „за что страдаетъ Эдипъ?“ — тѣхъ мы перепросимъ: „а за что страдаетъ Освальдъ Альвингъ?“ Аспектъ измѣнился, суть осталась неизмѣнной.

И будемъ откровенны: къ лучшему ли измѣнился аспектъ?

Вѣдь если и понынѣ судьба Эдипа заставляетъ дрожать отзывчивыя струны нашей души, то, конечно, не потому, чтобы мы вѣрили въ тотъ трансцендентный рокъ, который въ софокловой трагедіи выставленъ великимъ противникомъ героя. Нѣтъ; мы считаемся съ нимъ какъ съ символомъ—самъ онъ не реаленъ, но зато глубоко реально то страшное, неисповѣдимое нѣчто, символомъ котораго онъ является. Это-то страшное нѣчто, въ силу своей неотъемлемой и непосредственно ощущаемой реальности, заставляетъ насъ относиться и къ символизирующему его трансцендентному року Софокла какъ къ чему-то реальному... Я говорю, конечно, о нашей современной публикѣ а не о публикѣ Софокла и о немъ самомъ

Для него и для нея этотъ трансцендентный рокъ былъ непосредственно реаленъ, какъ была непосредственно реальна и та трансцендентная богиня Деметра, которой мы поклоняемся только въ таинственномъ шумѣ колосьевъ, „когда волнуется желтѣющая нива“.

Признаемъ же и здѣсь—этого требуетъ объективность—потенціальное превосходство античнаго человѣка; оно состоитъ въ той способности къ художественной трансцендентализаціи, которая у насъ атрофирована. Имманентный рокъ въ ибсеновскомъ смыслѣ открыли не мы; его прекрасно знали и античные люди, уже начиная съ очень древнихъ временъ, и онъ былъ логической предпосылкой ихъ біологическаго аристократизма. Но въ трагедію и въ царство Діониса этотъ червь съ его червоточиной не допускался. Какъ подъ вліяніемъ діонисическаго настроенія человѣкъ съ его силами и страстями преобразовывался и дорасталъ до размѣровъ героя, такъ и противникъ, съ которымъ онъ боролся, долженъ былъ быть достойнымъ его. Такъ-то передъ діонисически настроеннымъ человѣкомъ вырасталъ въ туманѣ исполинскій образъ Миры, руководящей жизнью человѣка вопреки его свободной волѣ. Это—тотъ образъ, къ которому Шиллеръ обратился со словами: „Ты возвышаешь мой духъ, ниспровергая меня,“ — словами, какъ нельзя лучше выражающими двойное дѣйствіе трагедіи. Про имманентный рокъ Ибсена никто этого не скажетъ: онъ только ниспровергаетъ, а не возвышаетъ насъ.

Но для этого дѣйствія необходимо, чтобы идея рока чувствовалась во всей своей чистотѣ; а это возможно только подъ условіемъ, чтобы была устранена всякая примѣсь *нравственной вины* героя, все то, что способно направить отвѣтъ на вопросъ „за что?“ по пути близорукой такъ называемой поэтической справедливости.

Ницше правъ, когда онъ переводитъ весь вопросъ съ *этической* области въ область *эстетическую*. „И вотъ наука,—говоритъ онъ („Рожденіе трагедіи“),—гонимая впередъ своей мощной мечтою, спѣшитъ неудержимо къ своимъ границамъ,—и здѣсь-то и терпитъ крушеніе ея скрытый въ существѣ логики оптимизмъ. Ибо окружность науки имѣетъ безконечно много точекъ, и въ то время, когда совершенно еще нельзя предвидѣть, какимъ путемъ когда-либо ея кругъ могъ бы быть окончательно измѣренъ,—благородный и одаренный человѣкъ еще до средины своего существованія неизбѣжно наталкивается на такія пограничныя точки окружности и съ нихъ вперяетъ взоръ въ неуяснимое. Когда онъ здѣсь, къ ужасу своему, увидитъ, что логика у этихъ границъ свертывается въ кольцо и, въ концѣ концовъ, впивается въ свой собственный хвостъ, тогда прорывается новая форма познанія — *трагическое познаніе*, которое, чтобы быть хотя бы только выносимымъ, нуждается въ защитѣ и цѣлебномъ средствѣ искусства“.

Идея рока—одна изъ точекъ этой окружности. Здѣсь этическая логика оптимизма, основавшая на равновѣсіи вины и кары и возлагающая бремя новой вины на нарушителя этого равновѣсія, безнадежно терпитъ крушеніе равновѣсіе нарушено, и тѣмъ не менѣе его нарушитель не подлежитъ отвѣтственности, ибо онъ—рокъ.

Но... за той окружностью, у которой этико-логическое познаніе терпитъ крушеніе, начинается для діонисически проясненнаго взора новое познаніе—познаніе *трагическое*. Равновѣсіе возстановляется, но не въ области блага—ово возстановляется тѣмъ, что голову борющагося и безвинно гибнущаго героя окружаетъ ослѣпительный ореолъ *красоты*.

А это—область поэта, какъ художника. И еще разъ правъ былъ Ницше, говоря, что это трагическое познаніе, для того чтобы быть только выносимымъ, нуждается въ защитѣ и цѣлебномъ средствѣ искусства. Художникъ путемъ художественной интуиціи возводитъ идею рока изъ быта въ жизнь, создавая изъ его безчисленныхъ реальныхъ, но антихудожественныхъ проявленій мраморный образъ Миры, освящающей своимъ прикосновеніемъ свою жертву. И въ этомъ освященіи — примиреніе.

Это ли пессимизмъ?—Нѣтъ. Мы не будемъ здѣсь возбуждать вѣкового вопроса объ оптимистическомъ или пессимистическомъ характерѣ трагедіи вообще и античной трагедіи въ особенности; но читатель видитъ самъ, что на почвѣ діонисическаго, трагическаго пониманія—или, что одно и то же, на почвѣ жизни, а не быта—эта антитеза разрѣшается сама собою. Воплощенное въ Эдипѣ человѣчество облагорожено и возвышено красотою его жизни и красотою его гибели; это возвышеніе стоило той жертвы. Такъ надъ близорукимъ этико-логическимъ пессимизмомъ торжествуетъ *біологическій оптимизмъ*. Горе Эдипу, павшему жертвою рока; но благо человѣчеству, сумѣвшему создать величественные образы его жизни, борьбы и гибели.“

Къ здоровой жизни.

[131 : 8]

Еще одна брошюра, написанная по поводу самоубійствъ среди учащихся [1]). На этотъ разъ авторъ проходитъ мимо статистики самоубійствъ, а также не останавливается и на выясненіи мотивовъ и симптомовъ этой ужасной болѣзни, а всецѣло погружается въ художественную литературу и тамъ старается найти оздоравляющіе, бодрящіе элементы.

Въ журналѣ „Новое Слово“ за прошлый годъ,—пишетъ авторъ,—помѣщена анкета (подъ заглавіемъ „Самоубійство“), гдѣ наши лучшіе современные художники, писатели, поэты высказывали свои откровенныя признанія, свою принципіальную точку зрѣнія на самоубійство. Надо сознаться, грустью, порой ужасомъ вѣетъ отъ этихъ признаній писателей, которые должны были бы указывать намъ пути къ счастью, разгадывать тайны бытія, разрѣшать намъ мучительные вопросы жизни и нравственности, когда они, въ большей своей массѣ, готовы оправдать существованіе этого печальнаго и страшнаго кошмара на фонѣ русской жизни, мало того, готовы, повидимому, даже выступить какъ будто даже съ проповѣдью самоубійства, признавая послѣднее явленіемъ нравственнаго порядка, основывающемся на священномъ и неотъемлемомъ правѣ человѣка распоряжаться своею жизнью, каковое право, — по увѣренію такого крупнаго писателя, какъ Л. Андреевъ, — единственная вѣрная гарантія свободы, твердая опора для человѣческаго достоинства, и отнимать, по его мнѣнію, у человѣка право на вольную смерть, закономъ заставлять его жить, — „это значитъ жизнь обезцѣнивать и великой радости смыслъ“.

Подобныя откровенныя страшныя признанія нашихъ художниковъ — не что иное, какъ послѣдовательный логическій выводъ изъ философскаго міросозерцанія каждаго изъ нихъ.

Если попытаться, на основаніи художественнаго творчества современныхъ художниковъ, писателей и поэтовъ, вкратцѣ изложить міровоззрѣніе послѣднихъ и нарисовать духовный обликъ каждаго изъ нихъ, то намъ они представятся личностями, у которыхъ замѣтно полное отсутствіе какихъ-либо вѣрованій въ идеалы, въ абсолютное добро, правду, вѣры въ счастье какъ личное, такъ и общечеловѣческое въ настоящемъ и грядущемъ [1]); отсюда пессимизмъ, соединяемый со всесокрушающимъ нигилизмомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ грубый реализмъ, какъ единственно возможный и естественный философскій выводъ. Въ жертву этому нигилизму принесено все небесное и земное, даже сама „жизнь“, какъ безсмысленная и жестокая игра какихъ-то стихійныхъ началъ и силъ, и потому не могущая быть оправданной никакой здравой логикой. Зло — ирраціонально; а если такъ, то и жизнь — безсмысленна; отсюда надежда на избавительницу смерть, которая побѣдитъ всю безсмысленность жизни, все міровое зло.

Эта философія пессимизма, граничащая нерѣдко съ нигилизмомъ, проповѣдуемая современными художниками въ ихъ твореніяхъ, въ связи съ установившимся у нихъ нездоровымъ эстетическимъ вкусомъ, нашла себѣ благопріятную и благодарную почву среди русскаго общества: разрушительная волна пессимизма современной литературы, съ признаніемъ низшихъ инстинктовъ, какъ самодовлѣющихъ началъ, очень заразительно подѣйствовала на массу, особенно на подрастающее молодое поколѣніе, которое, со свойственнымъ ему увлеченіемъ, стало воспринимать эту пищу и питаться отъ нездороваго источника; читающая публика и, въ особенности, молодежь съ большимъ интересомъ набросилась на все „новое“, „незнакомое“, которое открывали наши художники.

Подвергнувши свои духовныя цѣнности критическому анализу, молодежь естественно обратилась за поисками истины къ русской интеллигенціи въ лицѣ ея представителей, писателей, философовъ, публицистовъ. Къ сожалѣнію, она жестоко ошиблась въ своихъ расчетахъ найти духовныя „цѣнности“ у русскаго общества, такъ какъ послѣднее само въ то время переживало моментъ духовнаго банкротства. Характерную особенность переживаемаго времени составляетъ отсутствіе идеаловъ и искреннихъ вѣрованій. Люди какъ будто разочаровались во всемъ томъ, во что раньше вѣрили, что двигало, если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ, на подвиги и жертвы. Если лицо — зеркало души, то этотъ скрытый въ глубинѣ души молодыхъ людей пессимизмъ проглядываетъ и бываетъ замѣтенъ на ихъ лицахъ: какой-то отпечатокъ грусти, тяжелой внутренней драмы лежитъ въ ихъ взорѣ; не видно веселья и общаго жизнерадостнаго настроенія, а напротивъ того, наблюдается угрюмость, придавленность и духовная апатія... Единственный

---

[1]) А. Гладкій. „Взглядъ художниковъ на жизнь и самоубійство“. М. 1913 г. Ц. 40 к. (Отд. отписк. изъ журн. „Вѣст. Восп.“ 1913 г. № 6).

[1]) Въ чемъ напр., сознается въ анкетѣ писатель М. Арцыбашевъ.

способъ, посредствомъ котораго можно бороться съ вреднымъ вліяніемъ современной литературы — это развитіе въ обществѣ, въ частности среди учащейся молодежи, здороваго вкуса. На всѣхъ, поэтому, лицахъ, близко стоящихъ къ воспитанію дѣтей и юношества, лежитъ высокая нравственная обязанность — развивать у молодежи здоровый эстетическій вкусъ.

Но на ряду съ ужасной проповѣдью о безцѣльности жизни, бытія, съ проповѣдью самоуничтоженія и смерти, къ нашему счастью, слышимъ горячій призывъ къ бытію, гимны жизни. Такой вѣрой, глубокой вѣрой исполнены современные художники-проповѣдники „жизни“, которые по духу своего творчества приближаются къ нашимъ художникамъ-классикамъ. Самое вдохновеніе, безъ котораго немыслимъ актъ творчества художниковъ, представляется имъ какъ бы нашіемъ, откровеніемъ свыше, и въ эти моменты вдохновенія, въ моменты интуитивнаго творческаго процесса художники вѣрятъ, что душа ихъ соприкасается съ Божествомъ, что здѣсь происходитъ соприкосновеніе лучшей части человѣческаго существа, являющейся отраженіемъ божественныхъ совершенствъ, съ однимъ изъ моментовъ такого же объективнаго мірового совершества. Мысль о соприкосновеніи души художниковъ въ моменты творчества съ высшимъ трансцендентнымъ міромъ, не чуждая художникамъ, всегда предносилась также сознанію человѣчества и нашла себѣ выраженіе въ названіи творческаго вдохновенія божественнымъ, а представителей художественнаго творчества — служителями боговъ; теперь обычно усвояется имъ прекрасный эпитетъ „пророковъ“.

Божественное творчество, начавшее свое велико дѣло съ момента сотворенія міра, не прекратилось, а продолжаетъ свою созидательную работу. Орудіемъ этого Божественнаго творчества на землѣ послѣ сотворенія міра, какъ акта личной Божественной воли, являются великіе люди, геніи и таланты, которые своимъ творчествомъ, при содѣйствіи Божественной помощи, усовершаютъ красоту мірозданія, содѣйствуютъ счастью человѣчества и ведутъ его къ свѣтлому царству правды, добра и красоты. Поэтому всѣ творенія художниковъ-классиковъ, одухотворенныя искренней и глубокой вѣрой ихъ, исполнены величія, и на нихъ лежитъ печать совершенства. Исканіе въ жизни идеала составляетъ основную задачу каждаго художника-классика. Эта художественная преломляемость жизни облекалась въ разнообразныя формы. И хотя русская дѣйствительность иногда была не изъ веселыхъ, мрачна, сѣра, полна отрицательными явленіями, ненормальными эксцессами, но художники-классики, работая зачастую и въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ современные художники, при непригляднои обстановкѣ, напр., крѣпостное право, сумѣли, однако, сохранить здоровый оптимизмъ, спокойствіе духа, идеализировать русскую дѣйствительность, находили среди мрачныхъ тѣней свѣтлые уголки.

Если бросимъ ретроспективный взглядъ на прошлое русской классической литературы, то не можемъ не замѣтить, что въ ней отсутствуетъ тотъ мрачный фонъ, колоритъ, который составляетъ принадлежность литературы нынѣшняго дня; въ ней персонажи совершенно непохожи и не имѣютъ ничего общаго съ персонажами современной литературы — этими больными, искалѣченными жизнью, нервными людьми, для которыхъ жизнь явилась мачехой.

Сами художники-классики глубоко вѣрили въ „жизнь“, какъ прекрасную здоровую стихію, любили ее, признавали, что она можетъ быть вполнѣ оправдана, какъ имѣющая высокій смыслъ и назначеніе. „Жизнь“ дарована намъ для „жизни“, и потому она должна быть широка, глубока, интенсивна; и чѣмъ она шире, глубже и интенсивнѣе—тѣмъ она осмысленнѣе.

Такой же контрастъ воззрѣній художниковъ-классиковъ и современныхъ художниковъ замѣчается въ эстетическихъ взглядахъ на природу. Если у современныхъ художниковъ „нѣмая“, „бездушная“ природа не возбуждаетъ ни „новыхъ чувствъ“, ни „новыхъ силъ“ и „душу ихъ робкую безсмысленно пугаетъ ея неподвижный взглядъ“; если при созерцаніи красотъ природы, настроеніе современнаго художника аналогично бываетъ тому настроенію, которое поэтъ Лермонтовъ изображаетъ въ „Демонѣ“, то художники-классики съ благоговѣніемъ взирали и наслаждались природой—этимъ, прекраснымъ созданіемъ Великаго Художника, вѣря, что она—„не слѣпокъ, не бездушный ликъ, но у нея есть свобода, языкъ и любовь“ и что она открываетъ художникамъ свои тайны, позволяя заглянуть имъ, какъ въ сердце друга.

Огромное значеніе русской художественной классической литературы, какъ фактора воспитанія, можетъ и должна использовать школа въ дѣлѣ привитія, культивированія у молодежи здороваго оптимизма, идеализма, вѣры въ добро и счастье. Необходимо воспитывать юношество на лучшихъ образцахъ классической литературы, въ которой можно видѣть настойчивое стремленіе брать изъ жизни то, что въ ней есть лучшаго, постоянное усиліе художниковъ-классиковъ находитъ даже въ пошломъ и низкомъ свѣтлую черточку. Въ минуту мучительныхъ сомнѣній, поисковъ, духовнаго разлада,

грустнаго настроенія кромѣ, конечно, личнаго вліянія, хорошая, умная, честная книга спасетъ юношу отъ пессимизма, разочарованности, апатіи и поселитъ въ немъ противоположныя настроенія, дастъ ему испытать нравственное освѣженіе, пріободритъ его и заставитъ вѣрить въ „жизнь“ и счастье. Такое бодрое здоровое настроеніе, слагается, конечно, вслѣдствіе очень многихъ причинъ, но безспорно, что въ числѣ другихъ факторовъ, создающихъ ровное, доброе настроеніе, не послѣднее, мѣсто занимаетъ воспитаніе чувства и воображенія, которыя главнымъ образомъ и складываютъ характеръ человѣка. Это-то воспитаніе воображенія и чувства въ связи съ развитіемъ въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи разума, съ цѣлью воспитать въ человѣкѣ особое постоянное настроеніе — интересъ и вкусъ къ жизни, способность находить въ ней наслажденія въ созерцаніи изящнаго, въ искуствѣ и въ людяхъ, можетъ привить и сообщить своимъ питомцамъ школа, если будетъ воспитывать юношество на лучшихъ образцахъ русской художественной классической литературы. Тогда въ стѣнахъ школы будетъ воспитываться бодрая, жизнерадостная, здоровая юность, будутъ выходить изъ нея будущіе творцы жизни, въ надеждѣ славы и добра, впередъ глядящіе безъ боязни, они будутъ любить жизнь, природу, будутъ стремиться къ счастью, идеаламъ правды и красоты, и школа будетъ гарантирована отъ случаевъ самоубійствъ учащихся.

Притчи Анъ Ринера.

[84—3]

Французскій писатель Анъ Ринеръ (сначала онъ подписывался Henri Ner, теперь Han Ryner; и то, и другое соотвѣтствуетъ французскому произношенію его настоящаго имени Гансъ Ринеръ), совершенно неизвѣстный въ Россіи, но недавно избранный французской литературной молодежью „королемъ разсказчиковъ“, какъ она выбираетъ и „короля поэтовъ“, выпустилъ въ этомъ году книжку притчъ, названныхъ имъ „циническими“ въ томъ смыслѣ, что это притчи философа циника Психодора, путешествіямъ котораго онъ посвятилъ, десять лѣтъ тому назадъ, цѣлую книгу. Этотъ Психодоръ — вымышленный философъ, именемъ котораго воспользовался авторъ для выраженія своихъ мыслей.

Анъ Ринеръ родился въ 1862 г. въ Алжирѣ; отецъ его норвежецъ, а мать — каталонская испанка; въ молодости онъ отдался, по настоянію родителей, изученію философіи и готовился къ научной карьерѣ, но скоро бросилъ занятія и посвятилъ себя всецѣло литературѣ; его первые романы и единственная книга стиховъ появились въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія. Его перу, кромѣ десятка романовъ и трехъ пьесъ, принадлежатъ еще нѣсколько томовъ литературной и философской критики. Философской насмѣшкой проникнуто большинство его произведеній. Нѣкоторыя изъ „циническихъ притчъ“ его послѣдней книги предлагаемъ читателямъ.

Море.

У нѣжнаго Евбула *) была невѣста. Она тоже пришла послушать Психодора. Ей однако не удалось услышать ни одной его рѣчи и она, удивляясь привязанности юноши къ философу и ревнуя его, сказала:

— Если ты меня любишь, какъ ты смѣешь наслаждаться радостями, которыхъ я не раздѣляю съ тобой?—И прибавила:

— Я хочу, чтобы любящее меня сердце всецѣло принадлежало мнѣ. Я не потерплю, чтобы человѣкъ, говорящій мнѣ о своей любви, блаженствовалъ, слушалъ иной голосъ, кромѣ моего.

Наконецъ, она сказала:

— Выбирай между мною и этимъ старымъ безумцемъ.

— Увы!—съ грустью отвѣтилъ Евбулъ,—выборъ сдѣланъ уже тобою. Ты называешь безумiемъ то, что я называю мудростью. Я не могу соединить мою судьбу съ дѣвушкой, съ которой мы говоримъ на разныхъ языкахъ, которая не идетъ вверхъ по избранному мною пути, но, гордясь своей разумностью и пошлостью, глумится надъ высотами, къ которымъ я стремлюсь всей душой.

— Если таково твое желаніе,— воскликнула молодая дѣвушка, — то я навсегда покидаю тебя, и ты долго будешь меня оплакивать.

— Если я и буду плакать,—тихо отвѣтилъ Евбулъ, — то все же ты никогда этого не узнаешь.

Оставшись одинъ, покинутый юноша сперва негодовалъ на ушедшую отъ него дѣвушку; но вскорѣ онъ дѣйствительно сталъ ее оплакивать.

Нѣсколько дней и ночей провелъ онъ въ тревогѣ и волненіи. То онъ произносилъ однѣ изъ тѣхъ приподнятыхъ рѣчей, которыя возвышаютъ духъ и направляютъ его, то скрывался отъ всѣхъ и проливалъ горючія слезы. Онъ чувствовалъ себя особенно несчастнымъ потому,

*) Въ исторіи Греціи извѣстны два Евбула: одинъ,—ораторъ противникъ Демосѳена, другой авторъ комедіи. Оба жили за 300 лѣтъ до Р. Х. Ринеръ вѣроятно, имѣетъ въ виду писателя.

что стыдился своихъ слезъ и хотѣлъ бы скрыть ихъ даже отъ самого себя.

Наконецъ Евбулъ обратился за утѣшеніемъ къ Психодору и повѣдалъ ему о своемъ горѣ. Онъ разсказывалъ ему о внутренней борьбѣ, которую ему приходится вести, о частыхъ своихъ пораженіяхъ, о томъ, какъ онъ возставалъ для новой борьбы, для новыхъ терзаній и паденій.

— Мнѣ стыдно, — сказалъ онъ вздыхая,— не взирая на мои благородныя стремленія, испытывать страданія изъ за низкихъ чувствъ, къ которымъ я уже не считалъ себя способнымъ. Мнѣ стыдно, такъ какъ по временамъ я чувствую и думаю такъ же низко и пошло, какъ и самый подлый человѣкъ.

— Не тотъ подлъ, кто никогда не падаетъ, а кто никогда не возстаетъ и не исправляется,— замѣтилъ Психодоръ и продолжалъ, обнявъ Евбула:

— О, сынъ мой, выслушай слѣдующую притчу:

* * *

Однажды море, сѣтуя, говорило:

Тщетно вздымаю я свои волны къ недостижимымъ небесамъ. Увы, горе мнѣ, онѣ снова падаютъ, и къ великому стыду моему онѣ, массивныя, опускаются до уровня самыхъ грязныхъ лужъ.

Вѣтеръ отвѣтилъ морю:

Ты — существо земное и подчиняется всеобщему гнету притяженія, заставляющаго упадать на землю все, что держится на ней. Но ты самая могущественная, самая великая и самая живительная изъ всѣхъ земныхъ стихій. Не оскорбляй своихъ бурныхъ волнъ сравненіемъ съ чумными гніющими и глупыми водами болотъ. Никогда этихъ болотъ не вздымаетъ дивная гордыня бурь и никогда они не шлютъ землѣ очищающаго дыханія. Радуйся, глубокое и мощное море. Я не знаю ничего прекраснѣе тебя: ты борьба, вѣчно непокорная, ты героизмъ, вѣчно возстающій, и твои паденія не являются пораженіями, такъ какъ ты все снова начинаешь борьбу и остаешься всегда непобѣжденнымъ. Ты, благородное море, являешься возвышающей гармоніей гимновъ, сложенныхъ усиліями и стремленіями.

Великодушный жёлудь.

— Къ чему вся эта философія? — сказалъ Ѳеоманъ.—Весь законъ сводится къ одному слову: любить.

— Но кого любить? — спросилъ Евбулъ.

— Любить все. Но прежде и превыше всѣхъ существъ и вещей любить Бога; Онъ создалъ людей, сотворилъ землю, дабы она служила имъ жилищемъ; распростеръ надъ ними небо, этотъ дивный сводъ; повелѣлъ плодамъ созрѣвать, чтобы питать ихъ, и живымъ водамъ течь для утоленія ихъ жажды. Затѣмъ нужно любить всѣ Его твари и въ особенности людей, въ которыхъ мы можемъ, — какъ нѣжный братъ на лицѣ брата, признать улыбку отсутствующихъ родителей и свою собственную — признать образы и Творца и нашъ собственный. Вѣдь только въ виду всѣхъ намъ дозволено раскрыть ту истину нашего тайнаго ученія, которая гласитъ, что мы созданы по образу божіему.

Евбулъ, увлеченный, улыбался, а Ѳеоманъ продолжалъ:

— Онъ все даровалъ намъ, а такъ какъ Онъ во всемъ, то въ каждое мгновеніе осыпаетъ насъ міріадами даровъ изъ своей свѣтлой десницы; Онъ отдаетъ себя намъ. Будемъ же и мы подражать Ему. Въ этомъ единственная добродѣтель и единственное счастье.

Ѳеоманъ, подобно охваченному слишкомъ большой радостью, не въ силахъ былъ болѣе говорить и, только запинаясь повторялъ:

— Отдаваться, о! отдаваться...

— Учитель, сказалъ Евбулъ, — Ѳеоманъ великъ.

— Величіе человѣческое только въ мудрости, возразилъ Психодоръ. А Ѳеоманъ не мудръ, если не вѣдаетъ, когда и какъ жертвовать собой.

— Всегда, всегда, прошепталъ посвященный, — нужно всегда и всевозможными способами жертвовать собой.

Но старый философъ прервалъ его, говоря:

— О, нетерпѣливыя дѣти мои, выслушайте слѣдующую притчу:

* * *

Жёлудь, упавшій съ дуба, восторженно пѣлъ на землѣ:

— Люблю, люблю и хочу отдаться всѣмъ.

— Бѣдный ребенокъ, сказалъ дубъ, — настанетъ время, когда ты въ состояніи будешь многое дать, если теперь станешь сдерживать себя. Вѣдь долгъ жёлудя состоитъ не въ томъ, чтобы отдаваться, а въ проявленіи всѣхъ своихъ даровъ. Проскользни потихоньку въ уединенное мѣсто; по дорогѣ спрячься подъ листьями, подъ травой, скройся между камнями изъ опасенія, чтобъ какое-нибудь жадное животное не замѣтило тебя. Когда ты найдешь убѣжище, постарайся поглубже проникнуть въ землю. Пусть въ теченіе долгаго времени никто не знаетъ, какъ ты работаешь надъ собой и какъ твои мочки, подобно змѣйкамъ, извиваются и, отыскавъ

дремлющіе соки земли, вызываютъ ихъ къ жизни. Поднимайся постепенно, расти и развивайся. Не безпокойся о своемъ одиночествѣ и не считай за врага эту защиту твоей слабости. Настанетъ время, когда твоя краса станетъ могущественнымъ призывомъ, на чей голосъ стекутся толпы живыхъ существъ. Тогда вѣтеръ зашелеститъ твоими вѣтвями, какъ музыкальными струнами, и ты превратишься въ громадную лиру, въ обитель жизни, полной напѣвовъ. Ты станешь пріютомъ и тѣнистымъ навѣсомъ. Птицы полюбятъ тебя, и ихъ крылья и голоса затрепещутъ заодно съ колыханіемъ твоихъ вѣтвей. Молодежь, преслѣдуемая за свою любовь, узнаетъ дорогу, ведущую къ твоему мощному стволу и, прислоняясь къ нему, будетъ обмѣниваться поцѣлуями. Такимъ образомъ подъ потокомъ солнечныхъ лучей ты дивно раскинешь свой величественный шатеръ и послужишь пріютомъ для цѣлаго міра щебечущихъ птицъ и трепетныхъ надеждъ.

Но упрямый жёлудь ничего не слушалъ и только повторялъ:

— Отдаться, отдаться!

Онъ оставался неприкрытымъ, отдаваясь въ жертву всѣмъ. Но мало того, онъ сдѣлалъ нѣкоторое усиліе. Желая отвязаться отъ докучливыхъ совѣтовъ или, какъ онъ это называлъ, отъ брюзгливой старческой болтовни, онъ постарался докатиться до ближайшей дороги, чтобъ быть больше на виду и имѣть возможность поскорѣй отдаться.

Это ему удалось.

По дорогѣ, хрюкая, проходило стадо свиней, и великодушный жёлудь испыталъ ту радость, которой онъ такъ жаждалъ. Блестящіе бѣлые зубы свиньи разжевали его. Такимъ образомъ онъ превратился отчасти въ навозъ, отчасти въ мясо животнаго, валяющагося въ грязи.

* * *

— Дѣти мои, сказалъ въ заключеніе Психодоръ, старайтесь развиваться мощно и гармонически. Этимъ путемъ вы достигнете возможности отдаться и многое дать. Но человѣкъ нетерпѣливый, желающій отдаться вмѣсто того, чтобъ развить и проявить себя, совершаетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ преступленій: онъ—этотъ будущій обширный міръ переливовъ и пѣсенъ, губитъ себя, дастъ мало, отдается дурно и къ тому же существамъ, не стоющимъ его.

Разбитая статуя.

— Почему ты не записываешь своихъ мыслей?

— Быть можетъ потому, что такъ я болѣе увѣренъ въ способности продолжать мыслить.

— Что значатъ эти слова?

Но вмѣсто отвѣта Психодоръ спросилъ себя:

— Гдѣ же я однако прочелъ такую притчу?

Одинъ изъ учениковъ Фидія создалъ статую Афродиты, которую учитель счелъ достойной похвалы. Послѣ этого молодой ученикъ пересталъ изучать искусство и проводилъ все свое время лишь въ томъ, что любовался и хвалился своимъ твореніемъ.

Когда учитель говорилъ ему:

— Работай, сынъ мой...

Ученикъ отвѣчалъ:

— Я не знаю, на что способны другіе, но, разсматривая мою Афродиту, я не нахожу въ ней ни малѣйшаго недостатка и чувствую, что не въ силахъ создать ничего лучшаго. Зачѣмъ же я стану трудиться надъ чѣмъ-нибудь менѣе или даже столь же прекраснымъ?

Фидій ничего на это не отвѣтилъ.

Но, когда однажды утромъ молодой скульпторъ по обыкновенію явился принести свое время въ жертву богинѣ или вѣрнѣе своему тщеславію, онъ увидѣлъ, что его произведеніе разбито.

— Какой же завистникъ совершилъ такое преступленіе? Какой нечестивецъ позволилъ себѣ такъ надругаться надъ великой богиней? Какой варваръ оказался настолько дерзкимъ, чтобы рѣшиться уничтожить столь совершенную красоту? О, Афродита, ты вѣдаешь виновника и поразишь его очи, еще болѣе преступные, чѣмъ его руки, и если онъ оказался уже слѣпъ, какъ звѣрь, то пусть онъ лишится зрѣнія, какъ настоящій слѣпой.

Фидій спокойно замѣтилъ:

— Ты проклинаешь своего учителя. Но, къ счастью, я вѣрю лишь въ созданныхъ мною боговъ, и эти величественные, но неподвижные дѣти съ уваженіемъ относятся къ своему отцу.

— Что это значитъ? прошепталъ молодой человѣкъ, отъ сильнаго волненія съ трудомъ произнося слова. Неужели же ты сдѣлалъ это?

— Я хочу, чтобъ ты создалъ нѣчто лучшее. Бери снова твой рѣзецъ и превзойди себя, сынъ мой. Превосходить самого себя — человѣческій законъ, и если сегодняшній день не можетъ превзойти вчерашній, то пусть онъ по крайней мѣрѣ свободно возобновитъ его.

— Неужели же въ силу этого нужно уничтожать все прекрасное, что было создано?— съ язвительной насмѣшкой спросилъ ученикъ. И не велишь ли ты мнѣ пойти и уничтожить твоего Зевса или твой Аѳеней?

— Это было бы безполезно, такъ какъ я уже разбилъ эти творенія въ своей душѣ. Я

хочу этимъ сказать, что я забылъ о нихъ, чтобъ имѣть возможность создать нѣчто лучшее, и духъ мой такъ же свободенъ, какъ и мои руки.

Ты не можешь работать, держа въ рукахъ уже сдѣланную статую. А духъ скульптора подобенъ его рукѣ: онъ не можетъ, лаская вчерашнее, творить сегодня; многіе скульпторы этого и не понимаютъ.

Крапива.

— Обыкновенно, сказалъ Экциклъ, я чувствую въ душѣ радостную злость, она, быть можетъ, болѣе радостна и легкомысленна, чѣмъ злобна, такъ какъ мое сердце, мои уста и взоры улыбаются, если слова мои жгутъ, какъ крапива или впиваются въ душу безчисленными волосиками. Сегодня, не знаю почему, мысль моя кажется мнѣ болѣе сильной и богатой, но въ ней нѣтъ ни злобы, ни язвительности, нѣтъ ни малѣйшаго желанія ни мучить, ни унижать человѣка.

— Это, быть можетъ, происходитъ оттого, что твоя мысль въ цвѣту, замѣтилъ Психодоръ.

И тутъ же прибавилъ:

— Выслушай слѣдующую притчу:

Отецъ съ сыномъ шли какъ-то по полю. На нихъ были короткіе плащи, и ноги ихъ были босы.

Имъ пришлось свернуть съ раскаленной дороги и итти свѣжимъ лугомъ. Но на пути вскорѣ встрѣтилось мѣсто, поросшее крапивой. Отецъ шелъ впереди и повидимому не замѣчалъ ожидавшей его непріятности.

Сынъ, желая предупредить отца, закричалъ:

— Берегись, отецъ, тутъ крапива.

Но отецъ, не оборачиваясь и не отвѣчая, продолжалъ шагать попрежнему.

Тогда сынъ осторожно дотронулся до крапивы: сперва кончикомъ пальца, затѣмъ взялъ ее въ руки и удивился, что она нисколько не жжется.

Онъ въ свою очередь вступилъ въ эту страшившую его заросль крапивы и побѣжалъ къ отцу. Догнавъ его, онъ сказалъ:

— Эта крапива нѣсколько дней тому назадъ изожгла мнѣ всѣ ноги до волдырей. Сегодня же она невинными улыбками колышется отъ вѣтра, и мы идемъ по ней, не испытывая никакой непріятности. Если можешь, отецъ, объясни мнѣ это.

— Развѣ ты, сынъ мой, не видишь, что сегодня она въ цвѣту. Трепеща отъ радости и отъ восторженной любви, она забываетъ ненависть. Она, прекрасная и счастливая, стоитъ, выпрямивъ свои стебли, наполняя воздухъ ароматомъ меда, и думаетъ лишь о тѣхъ сѣменахъ, которыми она обильно усѣетъ будущее. Она теперь чужда зависти, и ей не приходится утишать ее злыми порывами и причиняемыми страданіями.

Старый и новый завѣтъ женщины.

(„Безъ завѣта“ О. Руновой.)

[891.7 — 3 : 396]

Мы заносимъ этотъ разсказъ (напечатанный въ десятой кн. „Совр. Міра“) не столько въ „бюллетени литературы“, сколько въ „бюллетени жизни“. Если подойти къ нему исключительно съ мѣркой художественности, то пришлось бы миновать его равнодушно, какъ одно изъ многаго множества заурядныхъ беллетристическихъ издѣлій. Но „Безъ завѣта“ нужно разсматривать шире, чѣмъ литературное произведеніе. Это—документъ жизни, женской жизни, въ которомъ обнаженъ далеко не маловажный нервъ современности, а именно отношеніе современной женщины къ материнству,—точнѣе, къ тому, что у насъ, въ одной изъ прежнихъ книжекъ, опредѣлено словами: „право родить и не родить“.

Разсказъ получаетъ тѣмъ большее значеніе, что за эту тему ухватилась писательница, женщина. И еще: можетъ быть, даже лучше, что „Безъ завѣта“ написано наспѣхъ, съ явнымъ—à la Боборыкинъ — желаніемъ живѣй откликнуться на „злободневный“ вопросъ: благодаря этому „документъ“ проникнутъ большей непосредственностью, отличается большей „документальностью“.

*
* *

Варвара Модестовна Ратаева, „Аличка“, жена желѣзнодорожнаго инженера, послѣ рожденія сына больна женской болѣзнью. Ее привезли въ лечебницу,—мужъ при содѣйствіи своего коллеги и ближайшаго начальника, Александра Альбертовича Гюгъ де-Ланжи, который испытываетъ къ женѣ товарища „бурную и страстную нѣжность“. Этотъ путейскій донъ-жуанъ, съ девизомъ: „дѣлай, что хочешь—и выйдетъ, что хочешь“, довольно опредѣленно ухаживалъ въ послѣднее время за Аличкой, и ухаживанье его уже начинаетъ оказывать свое дѣйствіе на молодую женщину.

Въ лечебницѣ, въ бреду, Ратаева вспоминаетъ, какъ она при прощаніи „протянула руку де-Ланжи и онъ поцѣловалъ ее долгимъ поцѣлуемъ... Какія у него полныя губы, горячія и нѣжныя... Онъ чуть-чуть прикасается ими къ

рукѣ, а поцѣлуй ей помнится... Какъ цѣлуютъ ей руку другіе мужчины, она совсѣмъ не знаетъ, не помнитъ..."

А когда утромъ „Аличка полураскрыла глаза... высокія, неестественныя въ своей величинѣ, кинулись ей въ глаза махровыя, яркорозовыя хризантемы. Дальше стояла овальная корзина свѣтло-зеленыхъ ландышей, а на тумбочкѣ у кровати, въ высокой стеклянной вазѣ,—букетъ бѣлыхъ розъ...

— Всѣ тебѣ цвѣты прислали... (говоритъ ей мужъ). Докторъ Румянцевъ, Павловъ, Гуидинъ, Гюгъ...

— Гуидинъ?— переспросила Аличка съ счастливой улыбкой"... и, конечно, эта счастливая улыбка относилась не къ безразличному Гуидину...

А отношеніе къ мужу:

„... Широкая спина Ратаева мелькнула у двери. И, какъ всякій разъ въ послѣднее время,—въ минуту, когда Аличка разставалась съ мужемъ на нѣсколько дней и онъ уходилъ своей развалистой медленной походкой,—ей хотѣлось крикнуть отъ приливавшей къ сердцу тоски, хотѣлось вернуть мужа, разбить ту паутинную, тонкую и вмѣстѣ съ тѣмъ неразрушимую преграду, которая непзвѣстно какъ, непзвѣстно когда выросла между ними. Давно ли Володя былъ больше, чѣмъ весь міръ. Онъ стоялъ, какъ огромная завѣса, между міромъ и ею. Все приходило, все чувствовалось черезъ него. А теперь въ этой завѣсѣ—прорывъ, пустоты, гигантскія пустоты. И отъ чудесной завѣсы остались какъ будто одни края. Володя сталъ какой-то странный, будто бы чужой..."

Женская лечебница широко открыла передъ Аличкой тотъ специфическій женскій міръ, о которомъ молоденькая, чистая, неопытная жена инженера до сихъ поръ имѣла самое туманное представленіе,—даже, можно сказать, не догадывалась о страшныхъ тайнахъ и мукахъ его,— и надъ которымъ, поэтому, не задумывалась. Первая изъ просвѣтившихъ ее, смутившихъ душевный покой ея, была сосѣдка по комнатѣ— Анна Сигизмундовна Войноровичъ, служившая въ банкѣ,—„странная женщина съ огромнымъ животомъ, съ совершенно сѣдыми волосами и моложавымъ лицомъ, на которомъ ярко свѣтлѣли большіе голубые глаза".

Анна Сигизмундовна „въ ту же ночь разсказала ей все про себя...

— Моя болѣзнь — фиброма. Операція мнѣ необходима. А получила я свою болѣзнь... ну, отъ этого, вы понимаете! Я не хотѣла имѣть дѣтей! Съ мужемъ жила восемнадцать лѣтъ, и не было ничего. Не надо думать дурно о покойникахъ, Богъ съ ними. Скажу только: жила по привычкѣ. Какъ мутный дымъ, была жизнь Оба работали, а потому, быть можетъ, и не очень вникали. Ну, тутъ онъ заболѣлъ ракомъ. Хворалъ полтора года, дѣлали двѣ операціи. Я сама его содержала, сама за все платила. Да! Я, женщина! Мнѣ никто не помогалъ... Ну, а тутъ,—уже сорокъ мнѣ стукнуло, — меня полюбили. Молодой человѣкъ, мальчикъ... Ему было всего-навсего восемнадцать лѣтъ... ребенокъ! Вы думаете, я не боролась съ собой? О, какъ еще! Я ночей не спала, я руки кусала. Я тысячу разъ говорила себѣ: „Слушай, Анна, ты не имѣешь никакого права! Уймись, старая"... Ну, и не выдержала! И только черезъ него, черезъ Колю, узнала, какъ можетъ женщина любить мужчину и какъ мужчина можетъ любить женщину. Ну, вотъ я и забеременѣла. Я не хотѣла дѣтей. Я не люблю ихъ. А если родить, надо вѣнчаться съ Колей. Подумайте-ка! Ему будетъ тридцать лѣтъ, а мнѣ—пятьдесятъ два. И это такъ скоро будетъ. Онъ разлюбитъ меня какъ женщину, долженъ разлюбить... Я сама не захочу. Когда руки обвиснутъ, когда грудь сморщится... А я уже увядаю. Понемногу, но увядаю. Для него незамѣтно. Онъ попрежнему восхищается мной. Ну, а мнѣ очень замѣтно. Такъ было хорошо, когда мы совершенно свободными себя чувствовали. Я вѣдь раньше думала, предупреждала... И если кто-нибудь вамъ скажетъ, что есть вѣрныя средства предупреждающія, плюньте тому въ глаза. Никому не вѣрьте! Нѣтъ такихъ средствъ! Онъ раньше три раза просилъ меня быть его женой, стоялъ на колѣняхъ, но я не соглашалась... Потому что люблю его, люблю! А тогда, если бы явился ребенокъ, вѣнчаться было бы неизбѣжно. Насильно. На всю жизнь! Какъ тотъ французскій каторжникъ со своимъ ядромъ. Незаконныхъ я не хотѣла, да и на службѣ моей это было бы неудобно; а я своимъ мѣстомъ очень дорожу. Я скоро тамъ двадцать пять лѣтъ кончаю и получу въ подарокъ годовой окладъ жалованья. Да и старая я! Ахъ, старая... Мучилась я, терзалась, рѣшилась. Какъ въ чаду я была! Я сказала Колѣ. Онъ плакалъ, умолялъ меня... онъ такъ хотѣлъ ребенка; и чѣмъ онъ больше меня упрашивалъ, тѣмъ я больше какъ-то вся ожесточалась. А когда я ужъ все сдѣлала и поздно было ворочаться назадъ и ужъ ничего, ничего нельзя было измѣнить, о, какъ мнѣ хотѣлось вернуть все назадъ... Весь бы остатокъ жизни отдала, себѣ бы только два года оставить, чтобъ все назадъ вернуть. Потомъ... Охъ... потомъ! Четыре раза еще я была беременна, почти каждый годъ, каждый годъ! Вотъ въ этомъ же домѣ, наверху, въ третьемъ этажѣ—

пріютъ родильный. Въ пріютѣ мнѣ и дѣлали. Очень хорошо это придумано! Наверху устроятъ, внизу лѣчатъ. Наверху тоже не дешево стоитъ. Тутъ у доктора Расмуссена была одна фельдшерица, очень ужъ ловкая и умненькая. Переманили ее въ пріютъ. Дали двойное жалованье.

Анна Сигизмундовна неестественно расхохоталась, помолчала и, сильно сжавъ руки, произнесла:

— И каждаго не хотѣла. И про каждаго думала: если оставить, — какъ тѣ, которые раньше? Развѣ забудешь? Не надо, не надо! Ни одного не надо!

— А онъ къ вамъ... сюда... приходитъ?— слабо вымолвила потрясенная Аличка.

— Приходитъ!? Онъ женился. Полгода, какъ женился. Его свели... Съ барышней, съ молоденькой, съ невинной. Свели на дачѣ... пьянаго. Проснулся въ ея постели. Они знали, какого человѣка ловятъ. Братъ ея родной въ этомъ дѣлѣ участвовалъ. Забеременѣла она съ перваго раза. Онъ говоритъ: „Я не могу, я долженъ жениться. Я не могу, чтобы мой ребенокъ родился безъ имени и пріюта. Абортъ дѣлать она не хочетъ. Боится и считаетъ безнравственнымъ". Я сказала: „Что же! Иди, женись!" И въ вечеръ свадьбы Коля былъ у меня, сидѣлъ у моихъ ногъ, плакалъ... „Галюся, Галюся, гдѣ наши дѣти? Зачѣмъ ты разбила наши жизни? Я никуда не уйду отъ тебя. Я твой, люблю только тебя". Ну, я выгнала его вонъ! Воинъ выгнала, какъ собаку! Ха! Она боится дѣлать абортъ, а не боялась отдаваться мало знакомому человѣку, да еще пьяному! Она боится! А мои пять... Я могла! для его свободы и счастья я могла!..

— Дуся, не надо! Перестаньте!—простонала Аличка, поднося руки ко лбу, какъ будто для защиты.—У меня жаръ. У меня въ головѣ все вертится. Вы такъ разсказывали... У меня въ головѣ все вертится. Вы такъ разсказывали... Я ихъ вижу!

Опять Аличка бредила всю ночь. Сплетались, спутывались сновидѣнія и во снѣ прояснили хаосъ дневныхъ противорѣчивыхъ чувствъ. Разговоръ съ Анной Сигизмундовной подняль острое ощущеніе какой-то огромной женской обиды. Обидно было на всѣхъ мужчинъ и на де-Ланжи. Ничего дурного не сдѣлалъ онъ, а было обидно. И на Володю обидно. Отчего Володя такой неживой?..

... Вечеромъ, послѣ кураторскаго осмотра, Анна Сигизмундовна позвала Аличку въ гостиную.

— Пойдемъ, посидимъ въ нашемъ клубѣ.

— А развѣ можно?

— Ну, конечно! Не долго. Хоть намъ и приказали лежать, да вѣдь все время лежать— съ ума сойдешь.

Первой въ глаза Алички бросилась высокая румяная дѣвушка въ оригинальномъ зеленомъ бархатномъ костюмѣ, въ модномъ золотистомъ маленькомъ паричкѣ, консерваторка по классу пѣнія, Левицкая. Выдѣлялись на ея лицѣ большіе выпуклые синіе глаза, холодные, оцѣнивающіе... Какъ Аличка узнала потомъ отъ Анны Сигизмундовны, Левицкой предстояла операція вырѣзыванія связокъ. Она рано встала послѣ произведеннаго ею аборта, связки ослабѣли, грозило выпаденіе матки.

— ...Я не считаю Расмуссена умнымъ человѣкомъ,— продолжала разговоръ Левицкая.— Онъ сегодня со мной опять говорилъ объ операціи. „Вѣроятно, говоритъ, вамъ придется все вырѣзать". Вѣдь вы знаете, у него болѣзненная страсть къ вырѣзыванію яичниковъ. Я спрашиваю: „а я не очень отъ этого располнѣю?" Вдругъ онъ, со всей доступной его деревянному голосу ироніей, попрошаетъ: „Ахъ, вы только этого боитесь?" Страшное дѣло! Конечно, боюсь. Боюсь располнѣть, подурнѣть, потерять голосъ, боюсь жить скучно, бѣдно, неинтересно. Нужно быть идіотомъ, чтобы этого не понять. И мнѣ не нужна его ирония! Мнѣ нужна хорошо сдѣланная операція, а ему нужны деньги. Это очень просто.

— Но вѣдь, если яичники... то вѣдь не будетъ дѣтей,—робко вставила сосѣдка Левицкой по комнатѣ, пожилая женщина, на которую Аличка много разъ взглядывала украдкой. Гладко причесанные сѣдѣющіе волосы, скорбное, худое лицо съ большими, очень открытыми, будто оголодавшими висками, высохшія руки съ надувшимися, отставшими отъ мускуловъ жилами. Ахъ, эти жилы... Казалось, ихъ можно взять двумя пальцами и приподнять. А животъ! Огромный животъ, на который можно было поставить блюдечко.

— Ну такъ что же?— вскинулась Левицкая.—Я ихъ совершенно и не хочу имѣть!

— А вдругъ захотите? Страшно.

— Я никогда не захочу невозможнаго. Я знаю, что это нелѣпо — хотѣть невозможнаго. А разъ я пришла къ убѣжденію, что никакія высшія силы, ни судьба, моей жизнью не управляютъ, такъ я должна избѣгать нелѣпостей.

— А вдругъ захотите? Страшно?..

— Въ васъ, Настасья Петровна, говоритъ вдова смотрителя духовнаго училища. На что мнѣ дѣти? Развѣ и безъ нихъ жизнь не захватывающа, не интересна? Искусство, сцена, любовь... Ну, послушайте—тутъ все свои—

вотъ у васъ было двѣнадцать человѣкъ дѣтей. Жили вы цѣломудренно, богобоязненно. Ну, и что же въ результатѣ? Нажили себѣ кисту? Дочери ваши — старыя дѣвушки, живутъ, мучатся, всѣ высохли отъ работы и непормальной жизни, а сыновья вамъ—чужіе. Сами же разсказывали, что старшаго не видали три года, а средній написалъ, что женился, только тогда, когда обвѣнчался. Вы одна! А жизнь-то! Роды, роды, кормленіе, кормленіе, вѣчная беременность. Ну, скажите по совѣсти: вотъ, если бы теперь вы начали свою жизнь сначала. Хотѣли бы вы имѣть дѣтей, да еще столько?

Настасья Петровна потупила свою старую голову.

— Не знаю... Нѣтъ, все-таки, хотѣла бы, хотя, можетъ быть, и не всѣхъ, и не такъ много...

...Пришла еще одна посѣтительница, изъ отдѣльной комнаты, толстая, низенькая, поправлявшаяся послѣ операціи,—Ржанцева, вдова генерала.

На головѣ у генеральши красовался рыжій парикъ, лицо было набѣлено и нарумянено, тусклые, словно пленкой затянутые глаза, глаза мертвой птицы, казались издали огромными отъ очертившаго ихъ кругомъ чернаго карандаша. Пестрое шелковое матинэ съ настоящими брюссельскими кружевами открывало ея толстую шею, на которой вялая, толстая, сморщенная кожа, похожая на индюшечій подзобокъ, отстала отъ хрящей горла и висѣла спереди пустымъ ярко набѣленнымъ мѣшкомъ, перехваченнымъ великолѣпнымъ жемчужнымъ ожерельемъ съ брилліантовой застежкой. На поджатыхъ губахъ лежалъ слой алой помады.

— Давно пора этой Ржанцевой на кладбище! — фыркнула пренебрежительно Левицкая. — Вся развалилась, а думаетъ о мужчинахъ. Самое главное—мужчина! Вотъ отчего я хочу быть и буду знаменитостью... Личностью, цѣлымъ. Чтобы жизнь была полна. Чтобы не было этого порабощенія передъ мужчинами до гробовой доски.

— А вы думаете, ваша знаменитость васъ застрахуетъ отъ влеченія къ мужчинѣ?—ядовито и лукаво спросила Анна Сигизмундовна.

— Трудъ и знаменитость дадутъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, право брать ихъ не за деньги, какъ навѣрное этой развалинѣ приходится дѣлать. Фу! отвратительная старуха... Вся въ кружевахъ, въ жемчугахъ. Такъ бы и сняла съ нея все это!

— Что браните? Не успѣете глазомъ моргнуть,— сами старухой сдѣлаетесь. Что тогда будете говорить?

— Тогда у молодыхъ буду жизнь воровать!— отвѣтила Левицкая безъ запинки и, берясь за ручку двери, гордо и красиво кивнула головой.

— Какая она храбрая, находчивая!— сказала Аличка вздыхая.

— Да... не изъ теряющихся!— протянула Анна Сигизмундовна, не то осуждая, не то хваля.—Недавно такъ высказалась: „Нелѣпо, говоритъ, было мнѣ ждать чего-то и киснуть. Когда я съ тринадцати лѣтъ чувствую себя женщиной... Кого хотѣла, того и взяла“.

— ...А я, знаете, больше въ гостиную не пойду,—промолвила Аличка.—Ужасно все это слушать! Какъ будто вся жизнь только изъ этого и состоитъ.

— А вы думаете, „это“ малую роль играетъ въ жизни? Нѣтъ, если вы, милая барышня, хотите правду знать, такъ „это“ самое важное и есть. Въ нашей женской жизни, по крайней мѣрѣ. Надо прежде „это“ рѣшить, съ „этимъ“ устроиться.

— Ну, не такъ ужъ много... не у всѣхъ. Тамъ,—Аличка сдѣлала неопредѣленный жестъ вправо,—въ жизни и другое есть.

— Да, обманываютъ себя, тряпочками цвѣтными прикрываютъ, стараются забыть... забываютъ. Вамъ бы все съ казоваго конца жить. Нѣтъ, вы попробуйте ее съ изнанки, чѣмъ она пахнетъ. Какая у нея подоплека!

Губы Анны Сигизмундовны дергались, глаза неестественно горѣли.

— Злая какая...—подумала Аличка.—Лучше ей ничего не отвѣчать.

— А въ гостиную вы все-таки будете ходить!—крикнула ей вслѣдъ Анна Сигизмундовна.—Вмѣстѣ со всѣми будете тамъ до тѣхъ поръ сидѣть, пока кастелянша Марія Ивановна не придетъ и не пропищитъ (Анна Сигизмундовна передразнила): „Медамъ, медамъ, Олафъ Роальдовичъ будетъ недоволенъ“...

...До боли захотѣлось Аличкѣ выздоровѣть, скорѣй, скорѣй, и никогда не заглядывать въ лечебницу. Пусть жизнь такова, какъ говоритъ Анна Сигизмундовна. Но она, Аличка, не хочетъ ея такой: она хочетъ ласки, свѣта, музыки, красоты, любви... Эти противныя женщины! Пусть дѣлаютъ это. Пусть во всякой семьѣ это дѣлается, громко объ этомъ говорить никому, никому не надо...

Анна Сигизмундовна оказалась пророчицей. Аличка часто, даже чувствуя себя плохо, часто стыдясь обманывать Расмуссена, все-таки почти каждый вечеръ ходила въ гостиную и тамъ жадно впитывала въ себя откровенныя, потрясающія признанія и разсказы, жадно ловила всѣ новости: рецепты для сохраненія красоты,

тайны женскаго туалета, адреса галантливыхъ парикмахеровъ и портнихъ, однимъ словомъ, все то, что составляетъ непонятный для мужчинъ, а для женщинъ необыкновенно важный женскій міръ. Говорили про мужчинъ, про ихъ мужскіе вкусы и нравы, столь отличные отъ женскихъ, про все то скрытое и преступнолюбопытное въ мужчинахъ, что узнавать женщинамъ кажется одинаково привлекательнымъ и отталкивающимъ. Почти каждый день обсуждали поведеніе доктора Расмуссена, и въ Аличкѣ подымалось похожее на страсть любопытство. Расмуссенъ — такой добрый, такой святой, похожій чѣмъ-то на стараго настоятеля-монаха, вдругъ любитъ изъ женщинъ дѣлать не-женщинъ. А что онъ это любитъ, говорили всѣ, даже его поклонница, молодая фельдшерица-акушерка изъ верхняго этажа, изъ родильнаго пріюта. Два года она служила у Расмуссена. И когда дамы (она по старой памяти приходила иногда посидѣть въ гостиной) пристали къ ней вплотную, правда ли, что докторъ Расмуссенъ любитъ вырѣзывать у женщинъ „все, все рѣшительно“, — нехотя отвѣтила:

— Да, у Олафа Роальдовича существуетъ убѣжденіе, что „это“ полезно, какъ предупрежденіе противъ женскихъ болѣзней.

Потерять способность рождать дѣтей!

Значитъ, можно безнаказанно сходиться съ мужчинами... Было въ этой мысли что-то запретное, развращающее и сладкое... Аличка ловила себя на какихъ-то едва ощутимыхъ мысляхъ, и сознаніе собственной грѣховности кололо ее.

Мало-по-малу она узнала расположеніе всего громаднаго помѣщенія лечебницы, приходила въ „приготовительную“ около операціонной, смотрѣла черезъ ея окошечко въ самую операціонную.

Такое же страстное любопытство, какъ то, которое влекло Аличку къ операціонной, заставляло ее узнавать и чужія исторіи“.

Вотъ одна изъ такихъ „чужихъ исторій“— исторія „блѣдной до прозрачности молодой женщины съ пріятнымъ, измученнымъ лицомъ“, жены присяжнаго повѣреннаго Тымковскаго, страдавшей постояннымъ кровотеченіемъ.

„— Ну... разскажу, отчего. Слушайте! Отъ того же самаго. Отъ выкидыша. Если бы вы знали, какой человѣкъ—мой мужъ, какъ мы любимъ другъ друга съ 14 лѣтъ... Столько вмѣстѣ пережито... передумано. Мы жить не могли одинъ безъ другого, понимали съ полуслова, съ буквы... И вотъ за пять лѣтъ у меня трое дѣтей. Я изнервничалась, отупѣла, ничего не читала, никуда не могла ходить. А я вѣдь кончила курсы, у меня двѣ работы есть по анатоміи растеній. Ихъ хвалили... Средства я разныя употребляла для нерожденія. Правду Войноровичъ говоритъ, что большинство никуда не годится. Наконецъ, одно нашла. И вотъ по собственной неосторожности, по непростительной небрежности... Я.. опять! Четвертаго!! Господи. Опять девять мѣсяцевъ, опять муки, кормленіе... безсонныя ночи, тупость, возня съ няньками, съ болѣзнями... Некогда газету прочитать. Да и средствъ не хватаетъ. Гдѣ ихъ взять? Вѣдь каждому образованіе нужно дать... Сколько я ночей сомнѣвалась. Такое было состояніе духа, такое, что, казалось, лучше ужъ прямо смерть, чѣмъ такое терзаніе. И вотъ рѣшилась. Шла когда къ доктору, здѣсь къ одному извѣстному, еще не знала, чѣмъ дѣло кончится. Докторъ сказалъ: „При такой слабости, при такомъ нервномъ состояніи даже наказуется“. Вышла изъ его лечебницы черезъ три недѣли, вернулась домой. Захворала. Постоянныя кровотеченія. Посовѣтовали къ доктору Расмуссену. Но это ничего. А то ужасно, что, когда я вернулась, Дмитрій былъ не тотъ. Я не нашла своего Дмитрія. Что это стало между нами? Что? Такое невидимое, но ясно ощутимое. А безъ Дмитрія, безъ моего прежняго Дмитрія, у меня нѣтъ жизни.

Тымковская безнадежно опустила руки вдоль тѣла,

По ея щекамъ текли слезы.

Аличка молчала. Больше она не приходила къ Тымковской. „Ахъ, какая ты гадкая,— говорила она сама себѣ и тутъ же подыскивала для себя оправданіе:

„Я не могу разстраиваться, не имѣю права! Что она говоритъ про своего мужа, такъ похоже на Володю“...

А вотъ другая „исторія“—молодой богатой купчихи изъ Уфы, Анфимовой, которой предстояло родить

„— ...А я вовсе не желаю ихъ (дѣтей)!— говорила она, скользнувъ высокомѣрнымъ, тупымъ взглядомъ по окружающимъ женщинамъ.— Съ какой стати. Только осенью вышла замужъ. Столько приданаго. Кое-что изъ Парижа даже выписала, только заглазно не очень удачно выходитъ. И вотъ извольте радоваться. Когда же я все свое носить буду! Собирались въ Москву на всю зиму, знакомства завести, театры посмотрѣть, автомобиль купить... а тутъ! Скажите, пожалуйста. Да я вовсе не желаю!

— А вдругъ захотите дѣтей, а ихъ больше и не будетъ?— произнесла Тымковская, неестественно улыбаясь.

— Ну, ужъ чего хорошаго, а это-то всегда

будетъ! А не будетъ, только въ этомъ году и убытку. У мужнина брата дѣтей полно. Будетъ кому и капиталъ, и дѣло наслѣдовать.

— Значитъ, вы потому не хотите имѣть дѣтей, чтобы не вышли изъ моды ваши юбки и корсажи?— продолжала Тымковская насмѣшливо и протяжно.

Алфимова не сробѣла: маленькіе глазки ея блеснули.

— А хоть бы и такъ. Кому до этого дѣло?

— Да... простите. Но вы такъ прямо говорите. Кто такъ прямо говоритъ, ставитъ себя въ необходимость выслушивать замѣчанія и вопросы.

— Тутъ совсѣмъ не въ этомъ дѣло!— вступилась Левицкая.— Развѣ важенъ поводъ, причины? Важно то, что женщина признала за собой право имѣть дѣтей или не имѣть ихъ. Отказалась быть машиной для производства человѣчества... И несомнѣнно для этого нужна извѣстная смѣлость. Сама творю свою судьбу, сама за нее отвѣчаю. Вѣдь въ томъ, чтобы отдать свою жизнь на волю судьбы, Богу, Его Величеству Случаю или кому тамъ хотите,— не мало трусости... пожалуй, одна только трусость и есть. Какъ моя милѣйшая Настасья Семеновна разъ высказалась: „Ахъ, смѣло вы живете; безъ Бога. А съ Богомъ хоть и труднѣй, да спокойнѣй: Его Святая Воля".

Аличка съ удивленіемъ чувствовала, что не испытываетъ къ Алфимовой ни брезгливости, ни антипатіи. „Что же, она только громко правду говоритъ. Когда она говорила, я про себя подумала. Вотъ мое пальто, сѣрое платье, за которое я за одинъ фасонъ заплатила сорокъ рублей. Какъ бы я стала носить ихъ въ такомъ положеніи? Я сказала Олафу Роальдовичу, что хочу имѣть еще ребенка. А правда ли это? Вѣдь ужасно досадно было бы не носить ни пальто, ни платья, стать толстой безобразной, раздутой. А показаться Александру Альбертовичу въ такомъ видѣ? Да никогда, никогда"...

И чѣмъ больше выслушивала Аличка „женскихъ исторій", тѣмъ сильнѣе поддавалась она господствовавшимъ здѣсь, въ лечебницѣ, настроеніямъ, „образу мыслей".

Познакомилась она еще съ Лебедевой, прозябавшей прежде гдѣ-то въ глуши Пензенской губерніи, въ замужествѣ со скромнымъ во всѣхъ отношеніяхъ учителемъ, а теперь жившей съ „извѣстнымъ богачомъ" Пятовымъ. Красавица Лебедева интересовала всѣхъ и своимъ общественнымъ положеніемъ и своей роскошью. Заинтересовала она и восхищенную ею Аличку.

„— Вотъ видите ли,— зашептала она (въ отвѣтъ на разспросы Ратаевой).— Я рѣдко съ кѣмъ позволяю себѣ быть откровенной. А съ вами вотъ хочется говорить. Да, я убѣжала съ купцомъ. Это вамъ правду сказали. И не очень я его любила... Это я вамъ говорю. Знаете, смотрѣла на себя въ зеркало и думала: одна у тебя жизнь, и ты проведешь ее въ этой гнусной норѣ. Вотъ, напримѣръ, 19-е августа 1912 г. Никогда, никогда больше не будетъ этого девятнадцатаго августа... А что ты видѣла въ этотъ день? Что почувствовала? Чѣмъ насладилась? Ничѣмъ! Такъ и пропадетъ все, что дано тебѣ природой... Другія гораздо хуже и глупѣе тебя, а пользуются всѣмъ... всѣмъ.

— Ахъ, правда, какая правда!— горячо прервала Аличка.— Вы знаете, я объ этомъ думала, въ первую же ночь думала, когда здѣсь ночевала. Даже такими же словами... Этими самыми...

Лебедева мягко положила свою руку на ея.

— И если кто-нибудь меня осуждаетъ,— пусть. Мнѣ это не страшно и не нужно знать. Я этого не замѣчаю. Понимаете? Прямо-таки не чувствую и не замѣчаю.

— А вы не боитесь испортиться отъ родовъ, дуся? Вы объ этомъ думали?

— Это—важный вопросъ, и я о немъ думала... Пряму мѣры. Во-первыхъ, еще вопросъ, будетъ ли у меня ребенокъ. А во-вторыхъ, нѣкоторыя женщины очень хорошѣютъ отъ родовъ. Думаю, что я изъ ихъ числа... Во всякомъ случаѣ, я сама хочу...

— Скажите, вы очень его любите?—опять прервала Аличка.

— Я себя люблю,—съ прелестнымъ, звонкимъ смѣхомъ отвѣтила Лебедева.— Я себя нашла. Теперь мнѣ — ничего не страшно. Я знаю, что завоюю жизнь... Что нигдѣ не пропаду. Я ничуть и никогда не стыдилась своего положенія. Жизнь — это вѣчная борьба всѣхъ со всѣми. Надо уяснить себѣ, какое мы занимаемъ въ ней мѣсто, мы—женщины. Ну, конечно, споровъ не можетъ быть. Самое главное оружіе наше—молодость, красота, женская привлекательность и умѣнье знать себѣ цѣну. А въ супружествѣ не то ли самое идетъ въ счетъ? И нечего разыгрывать изъ себя овечекъ, которыхъ мужчинамъ такъ хотѣлось бы въ насъ видѣть. Жизни нужно смотрѣть въ глаза прямо. И, знаете, я быть можетъ и не стану вѣнчаться съ Андреемъ. Какъ захочу!

Какъ только Лебедева ушла, Аличка, несмотря на усталость, схватила ручное зеркало и начала разсматривать въ него свое лицо, улыбалась, поворачивала голову въ профиль, дѣлала то насмѣшливые, то ласковые глаза.

„Не хуже, не хуже нисколько,— говорила она себѣ,—за что же ей, а не мнѣ?“

Для Алички настало тяжелое удушливое время. Она лежала цѣлые дни, то дремала, то просыпалась. Хотѣлось видѣть только Лебедеву да Алфимову, но ни та, ни другая не могли притти. Все раздражало, все не нравилось. Пріѣзжалъ два раза Володя. И какъ-то ужасно скучно было... Послѣ двухъ минутъ разговора она ужъ не знала, о чемъ говорить дальше. Мучительно хотѣлось спросить, почему, вотъ уже пять дней, не приходитъ де-Ланжи, а стыдно было спросить...

А цвѣты приносили каждый день. Черезъ сидѣлку, стыдясь и не будучи въ состояніи удержаться, Аличка спросила, кто заходилъ покупать цвѣты. Посыльный отвѣтилъ:

— Развѣ мы знаемъ? Каждый день заказываютъ. Сюда въ лечебницу на двѣ недѣли заказано.

Въ этотъ день, когда пріѣхалъ Володя, съ Аличкой сдѣлался первый припадокъ. Она металась по постели, вытягивала руки и сквозь сухія рыданія, кривившія ея хорошенькое лицо, выкрикивала, задыхаясь и дрожа:

— Не хочу, не хочу! Надоѣло! Домой... Къ Ворѣ! Къ моему Боричкѣ.

Володя сначала обнималъ Аличку и уговаривалъ ее успокоиться. Но его слова казались ей ненужными и неискренними; руки — неловкими и словно неживыми. И такъ противно пахло отъ него табакомъ и станціей...

...Аличка проснулась, когда сквозь спущенныя полотняныя занавѣси только что начинало сѣрѣть въ комнатѣ. Тоска желѣзными клещами сжимала ея сердце. Глубоко противны были всѣ люди. Часовъ въ двѣнадцать дня она встала, надѣла капотъ и вышла въ коридоръ. Ей вдругъ страстно захотѣлось узнать, что тамъ въ операціонной дѣлается, какъ дѣлается. Стоявшій у окошечка фельдшеръ строго взглянулъ на Аличку, но она сдѣлала умоляющее лицо, которое (она хорошо это знала) неотразимо дѣйствовало на мужчинъ. Фельдшеръ подумалъ, сдѣлалъ такой жестъ, который какъ бы говорилъ: „ну, все равно, дѣло кончено“, и подвинулся отъ окошечка, какъ бы приглашая Аличку занять его мѣсто.

— Кого оперируютъ?—спросила Аличка шелестящимъ, замирающимъ шопотомъ.

— Госпожу Левицкую. Операція уже кончена. И швы наложены. Приводятъ въ сознаніе...—пояснилъ фельдшеръ съ важностью профессіональнаго работника.

Аличка прильнула къ окну, круглая стеклянная рама котораго, похожая на иллюминаторъ, была распахнута настежь. Опять ударилъ ей въ голову бѣлый, зловѣщій цвѣтъ. И свѣтъ, бѣлый, ровный свѣтъ, лился со стекляннаго купола. Въ немъ, словно выточенные, стояли бѣлые не то люди, не то дьяволы съ бѣлыми масками на лицахъ, въ бѣлыхъ саванахъ, на которыхъ краснѣли свѣжія яркія пятна.

На маленькомъ бѣломъ столѣ стоялъ тазъ съ кипяткомъ, паръ поднимался надъ нимъ легкимъ невысокимъ облачкомъ, бѣлѣлъ другой тазъ, весь полный кровавыхъ комковъ ваты. Пахло остро и приторно-сладко хлороформомъ, но слышенъ былъ и еще какой-то запахъ, жирный, теплый и будто солоноватый. Аличка поняла, что это пахнетъ кровью. Сначала она не могла разобрать, что такое лежитъ посрединѣ длиннаго стола: не то розовое платье, не то какое-то уродливое, огромное подобіе циркуля, не то невѣроятныхъ размѣровъ паукъ-крестовикъ съ мохнатой головой, со спиной, пересѣченной темными, скрывающимися полосами. И вдругъ какая-то одна черта оживила и соединила всѣ разбросанные, непонятные образы, и отъ прежнихъ представленій о циркулѣ, паукѣ и платьѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда, такъ что невозможно было бы вызвать ихъ вновь. Аличка ясно увидѣла совершенно обнаженное тѣло Левицкой, несмотря на свою неподвижность сохранявшее розоватый цвѣтъ. Сине-блѣдно было только ея лицо, все похудѣвшее, заострившееся, съ закрытыми глазами, на которыхъ вѣки отливали зелено-желтымъ. Парички на ней не было, и собственные ея рыжеватые волосы мокрыми прядями свѣсились на лобъ, закрыли уши; ноги ея были широко разведены. И съ ними, и съ ея лицомъ и грудью высокіе дьяволы съ кровавыми пятнами на бѣлыхъ одеждахъ молча дѣлали что-то непонятное и страшное.

Холодъ и удушающій запахъ хлороформа окутали Аличку. „Уйти, уйти“—мелькнуло въ ея головѣ, и, шатаясь, она побрела къ двери. Но въ ту самую секунду, когда она ее отворила, изъ операціонной торопливо вышла одна изъ сидѣлокъ, неся длинный четырехугольный тазъ, весь наполненный сгустками крови и бѣлѣвшимися въ нихъ какими-то волокнами. Ближе къ одному боку лежало что-то странное, обтянутое полопавшейся тонкой пленкой, что-то похожее на крупную кровавую икру.

Догадка молніей мелькнула въ головѣ Алички. Тошнота и головокруженіе неожиданно отпустили ее. Схвативъ знакомую сидѣлку за руку, Аличка спросила отрывисто:

— Это яичники, Паша? Да? Значитъ, вырѣзали? Да? Значитъ, все вырѣзали?

— Все вырѣзали...—со вздохомъ подтвердила Паша.—Пустите меня, барыня. Напрасно

вы ушли изъ палаты. Не задерживайте меня. Олафъ Роальдовичъ сейчасъ выйдутъ.

Волна жалости, негодованія и еще какого-то особаго женскаго мстительнаго чувства нахлынула на Аличку. „Кончено, значитъ, кончено! Никогда уже Левицкая не будетъ настоящей женщиной, никогда больше не забеременѣетъ. Никогда не будетъ бояться и ждать ребенка и желать его, никогда не будетъ обнимать любимаго съ мыслями о новомъ маленькомъ существѣ. И даже, быть можетъ, никогда не будетъ цѣловать любимаго съ прежнимъ чувствомъ. Вѣдь, говорятъ, „такія“ женщины становятся похожими на евнуховъ, жирѣютъ, отекаютъ, голосъ теряетъ у нихъ звучность... Охъ, какой ужасъ!“

Аличка не послушалась совѣта поспѣшно удалявшейся Паши. Наоборотъ, она подождала и, увидѣвъ выходящаго Расмуссена, подошла къ нему съ такими блестящими глазами, съ такимъ гнѣвнымъ и возбужденнымъ лицомъ, что тотъ невольно пріостановился.

— Олафъ Роальдовичъ! Вы все вырѣзали у Левицкой?! Она вѣдь не хотѣла... только въ крайнемъ случаѣ, говорила она. Вы сдѣлали это. Развѣ это необходимо было?

— Я долженъ былъ это сдѣлать!— отвѣтилъ Расмуссенъ гордо.—Я бы могъ не отвѣчать вамъ. Вы не имѣете права учинять допросы врачу, но я высказываю вамъ открыто, громкимъ голосомъ: я долженъ былъ сдѣлать это.

Лицо Расмуссена дышало подавляющимъ, надменнымъ холодомъ; глаза свѣтились презрительно. Такимъ взглядомъ онъ еще никогда не смотрѣлъ на Аличку. Онъ стоялъ и не уходилъ и не отводилъ своего взгляда, какъ будто бы посылая молодой женщинѣ вызовъ. Мимо нихъ прошли одинъ за другимъ два доктора, служители принесли въ операціонную бѣлоснѣжныя носилки. Никто изъ этихъ выдрессированныхъ людей не обратилъ вниманія на необыкновенный разговоръ доктора Расмуссена съ больной.

— Теперь я вижу,— заговорила Аличка, переведя духъ.— Это правда. Вы ненавидите женщинъ... Зачѣмъ же вы женскій врачъ? Нельзя помогать тому, кого ненавидишь. Мнѣ теперь нечего спрашивать, почему вы не женились. Я сама знаю...

— Да, я ненавижу женщинъ. Тѣхъ женщинъ, которыхъ знаю и наблюдаю... И я никогда не женюсь. Я могъ бы совершенно не давать вамъ отвѣта, но я скажу. Вы еще дитя и вы, можетъ быть, сдѣлаетесь настоящей женщиной, хотя не знаю. У меня есть только слабая надежда. Вотъ я говорю! Женщина забыла свой законъ. Всѣ заповѣди. Она не имѣетъ завѣта. Ни Стараго, ни Новаго завѣта. Женщина, которая убиваетъ свое дитя, тысячами каждый день убиваетъ его,—не женщина. И что она можетъ дать, какую вѣру, какую силу тому своему нежелаемому ребенку, который имѣлъ явиться только потому, что мать была такъ мало осторожна? Зачѣмъ госпожѣ Левицкой ребенокъ? Чтобы вновь убить его и еще разъ возвращаться въ лечебницу? И если бъ я когда-нибудь захотѣлъ жениться, то уѣхалъ бы на острова, населенные дикими, или въ Сѣверную Америку, гдѣ женщины имѣютъ еще завѣтъ, еще имѣютъ Бога.. Я былъ тринадцатымъ ребенкомъ у своей матери, и я никогда не слыхалъ, чтобы она говорила: „Олафъ, ты лишній!“

— Но имѣетъ же право женщина жить для себя,—попробовала возразить Аличка.

— Но ея жизнь съ нами и была ея жизнью для себя!—вскрикнулъ Расмуссенъ, какъ ужаленный.

— Да, но если имѣть тринадцать дѣтей, когда же заниматься наукой, читать?

— О, слушать васъ, такъ много въ Россіи женщинъ, которыя читаютъ и занимаются наукой. Ну, если онѣ этимъ занимаются, то онѣ не должны, простите меня, знать мужчинъ!

— Нѣтъ,это нехорошо.Это тоже неестественно,— стыдясь и опуская рѣсницы, сказала Аличка.— Вотъ вы такъ говорите,— продолжала она съ трудомъ (голова ея опять начала кружиться, передъ глазами проплывалъ зеленый и жирный туманъ), а никто не уважаетъ женщину за то, что она—мать. Тогда уважайте ее. Давайте ей денегъ на каждаго ребенка!

Расмуссенъ сдѣлалъ шагъ къ Аличкѣ и крѣпко взялъ ее за руку. Глаза его смягчились и загорѣлись; все лицо оживилось и стало такимъ молодымъ, прекраснымъ,

— Это вы сказали хорошее, правильное слово. Ага! И вы понимаете это. Женщина отбросила то золото, за которое должна была бороться, и ухватилась за ненужное, пичтожное. Прежде чѣмъ быть адвокатомъ, судьей, профессоромъ, пусть она добьется права быть матерью, добьется права свободнаго материнства. Да. Совершенно такъ. За это право должна бороться женщина, долженъ бороться ея мужчина. Боритесь, добивайтесь, стройте баррикады. Я первый взойду на нихъ. Но это, это!

— А гдѣ же средства теперь воспитывать? А бѣдность!..

— Вы говорите про бѣдность? Левицкая будетъ говорить про бѣдность?!

Лицо Расмуссена выразило такую гадливость, такую страдальческую брезгливость, что это чувство невольно передалось Аличкѣ. Она за-

была всѣ тѣ неопровержимые доводы въ пользу нерожденія дѣтей, всѣ тѣ значительныя и умныя вещи, которыя она слышала въ лечебницѣ.

И неожиданно для самой себя она промолвила только:

— Тогда поѣзжайте на свою родину и женитесь тамъ.

— Я уѣду, да. Я оставляю лечебницу. Мой преемникъ—докторъ Мюллеръ. Но я не женюсь и на своей родинѣ. Это женское колѣно вездѣ одно и то же. Вездѣ безъ Бога, безъ завѣта. Ну, скажите, молодая женщина, которая прожила здѣсь скоро шесть недѣль, вамъ нравится, вамъ кажется человѣческимъ все, что вы тутъ слышали и видѣли?

Два служителя и двѣ сидѣлки бережно выносили носилки, на которыхъ протянулось тѣло Левицкой. Теперь она покрыта была до плечъ чѣмъ-то бѣлымъ. И когда Аличка взглянула ей въ лицо, она вдругъ пріоткрыла глаза, огромные, огромные, побѣднѣвшіе до того, что казались почти безцвѣтными. Нездѣшняя мука, нездѣшняя утомленность была въ этихъ глазахъ... Медленно опустились на нихъ истонченныя вѣки, зеленовато-желтыя. Приторный, жирный запахъ крови и острый — какого-то кислаго лекарства—съ необыкновенной силой, проникая во все тѣло, ударилъ въ лицо Алички. Она пошатнулась еще разъ и безъ сознанія упала на руки подхватившаго ее Расмуссена.

...Аличка какъ будто просвудась послѣ долгаго, долгаго сна. Ей нужно было обдумать что-то важное, по своей значительности равное какому-то внезапному удару, какому-то неожиданному и ослѣпительному свѣту, вдругъ вспыхнувшему со всѣхъ сторонъ и по-новому безпощадно ярко и правдиво освѣтившему свое, чужое, людей, событія, всю жизнь. Какая-то правда, какая-то большая и страшная правда, чувствовалась ей въ словахъ Расмуссена. И не столько мысли его подѣйствовали на ея воображеніе, сколько, главнымъ образомъ, подѣйствовалъ самъ онъ: горячій, убѣжденный звукъ его голоса, его негодующіе глаза, все его строгое, одухотворенное лицо. Лицо отца и вождя, за которымъ нужно итти, вѣря и не разсуждая. И желаніе быть хорошей, „настоящей“, быть достойной такого друга, какъ Расмуссенъ, потрясало сердце Алички. Ненужнымъ, грязнымъ и оскорбительнымъ представлялось ей все то, что такъ плѣняло ее еще недавно. Рисовалась какая-то иная жизнь, такая ясная, такая чистая, простая, скудная и самоотверженная, что слезы выступали, не проливаясь, на глаза Алички. „Богъ съ ней, со всей этой чужой роскошью, съ этими удовольствіями, съ ухаживаніемъ посторонихъ мужчинъ. Съ де-Ланжи она поговоритъ хорошо, серьезно, какъ сестра! И долго-долго Аличка перебирала въ головѣ всѣ тѣ слова, которыя она должна сказать Александру Альбертовичу, составляла фразы, передѣлывала ихъ, поправляла, по нѣскольку разъ возвращалась къ одной и той же мысли“.

Потомъ написала мужу сердечное письмо, умоляя его пріѣхать поскорѣй за нею.

„Попросивъ сидѣлку отправить письмо, Аличка, обводя ее взглядомъ, сказала:

— Вотъ еще что, Паша. Сходите, пожалуйста, къ швейцару и скажите ему, и нашему лакею тоже скажите, пожалуйста, чтобы онъ не принималъ цвѣтовъ, если завтра утромъ ихъ принесутъ. Пусть относятъ ихъ обратно въ магазинъ.

Въ эту ночь Аличка спала такъ хорошо, какъ будто бы она еще была здоровой, не знающей жизни дѣвушкой. Но—проснулась съ чувствомъ недовольства и щемящей безпокойной тревоги: „Господи, хотя бы скорѣй Володя пріѣхалъ!“ — громко шептала она, не находя въ себѣ ни вчерашняго спокойствія, ни вчерашнихъ ясныхъ и умиленныхъ мыслей.

...Сіялъ веселый, солнечный день. Кто-то постучалъ въ ея дверь, она машинально сказала:

— Войдите!

— Боже мой, уже на ногахъ и любуетесь на Москву! — прозвучалъ голосъ, котораго Аличка сначала не узнала. Порывисто обернулась она и, вся вспыхнувъ, растерянная до ужаса, смотрѣла на подходившаго къ ней де-Ланжи.

А тотъ улыбался и мысленно жалъ себѣ руку за то, что за десять дней отсутствія ни разу не напомнилъ о себѣ молодой женщинѣ.

Всѣ приготовленныя фразы вылетѣли изъ головы Алички. Кровь отхлынула отъ ея щекъ, и блѣдная она пролепетала дрожащимъ голосомъ:

— Почему васъ не было цѣлыхъ десять дней?

— Я уѣзжалъ.

— И не могли дать знать о себѣ? Не могли написать? — Всѣ силы свои напрягала Аличка, чтобы удержать слезы. Она старалась какъ можно глубже вдохнуть въ себя воздухъ, ущипнула себя за плечо... Все было напрасно.

— Очень странно...—начала она надменно, но губы ея вдругъ вытянулись впередъ и перекосились, глаза приняли жалкое выраженіе, и слезы потекли одна за другой, круглясь на щекѣ и падая на мягкую ткань капота.

— Вы не должны принимать... я просто нервная... я совсѣмъ не изъ-за этого,— говорила она, всхлипывая и мучительно подавляя рвущіяся изъ груди рыданія.

— Успокойтесь, милая... милая Варвара Модестовна!

Де-Ланжи обнялъ Аличку и нѣжно и осторожно прижалъ ее къ своей груди. И такъ же нѣжно, весь чутко сдерживаясь, онъ поцѣловалъ ее долгимъ поцѣлуемъ прямо въ губы.

Огненное ощущеніе ожога прошло въ глубинѣ тѣла Алички отъ плечъ и до ногъ, и кожа ея болѣзненно сжалась отъ сильной прыгающей дрожи. Сама не помня какъ, она отвѣтила де-Ланжи на поцѣлуй и тутъ же вырвалась изъ его рукъ.

— Вы не должны... не смѣете! Не думайте. Это никогда больше не повторится.

Глаза ея высохли и блестѣли, грудь высоко поднималась.

— Простите, я забылся... я никогда! Совсѣмъ съ ума сошелъ!— промолвилъ де-Ланжи, наклоняясь и нѣсколько разъ подъ рядъ цѣлуя руку Алички.

— Разумѣется, никогда,— овладѣвая собой и улыбаясь, сказала Аличка.— Надо быть хорошими друзьями. А теперь я пойду, лягу. Мнѣ нездоровится. Я должна многое вамъ сказать... Я такъ много думала...

Счастливо и растерянно улыбающіяся губы Алички дрожали. Она увѣряла себя, что ничего не случилось, что все—пустяки, пройдетъ безслѣдно, что мечты ея о новой жизни живы и сбудутся, а темное, тайное чувство настойчиво, безповоротно и тихо твердило:

— Не уйдешь, не уйдешь, не уйдешь!“

Вокругъ Достоевскаго и Горькаго.

[891.7.09:3]

„Послѣднія тучки разсѣянной бури“...

Если Горькаго не могутъ удовлетворить результаты, какіе далъ его публичный протестъ противъ инсценировки „Бѣсовъ“ и вообще романовъ Достоевскаго, то по крайней мѣрѣ однимъ могъ бы онъ утѣшиться: брошенный имъ русскому обществу со страницъ „Рус. Сл.“ призывъ—отвернуться отъ сценически воплощенныхъ образовъ „карамазовщины“ и „бѣсовщины“— призывъ этотъ приходится учесть все же какъ большое литературно-общественное „событіе“. Цѣлыхъ два мѣсяца у насъ многоголосое эхо на разные лады гулко повторяло во всѣхъ концахъ раскаты „капрійскаго“ грома, цѣлыхъ два мѣсяца—сначала только печатно, а потомъ, въ связи съ состоявшейся постановкой „Бѣсовъ“, и на лекціяхъ, диспутахъ объ этой постановкѣ Художественнаго театра—продолжали и такъ и сякъ обсуждать горьковскій призывъ. И кто, кто только не былъ вовлеченъ въ бурливый этотъ водоворотъ толковъ и споровъ о томъ —„вреденъ“ или невреденъ Достоевскій, правъ или неправъ Горькій...

Прежде всего опять (см. № 4) отмѣтимъ нѣкоторыя болѣе интересныя изъ мнѣній подавляющаго большинства.

Всюду поспѣвающія „Бирж. Вѣд.“ не преминули провести анкету среди писателей. Изъ десяти случайно представленныхъ тамъ (№ 13792) дѣятелей литературы только двумъ удалось сказать кое-что заслуживающее вниманія—Мережковскому и Иванову-Разумнику.

Д. С. Мережковскій. „Я нахожу, что задача Максима Горькаго вполнѣ вѣрна, но покушеніе Горькаго на Достоевскаго—покушеніе съ негодными средствами. Горькій не понимаетъ, въ чемъ ошибка Художественнаго театра, а ошибка безусловно есть.

„Достоевскій—реалистъ-психологъ, но не реалистъ-соціологъ; въ Художественномъ театрѣ Достоевскаго играютъ, какъ простодушнаго реалиста, чуть ли не какъ Чехова, въ то время какъ творчество Достоевскаго не только реально, но и символично.

„Проще говоря, въ Художественномъ театрѣ творчество Достоевскаго является какъ реалистическая ариѳметика, а у Достоевскаго это— высшая математика. Если бы Горькій съ этой точки зрѣнія отстаивалъ свой протестъ, то съ нимъ можно было бы согласиться, но средство, которымъ Горькій хотѣлъ одолѣть Достоевскаго,— неудачно. Обвиняя Достоевскаго въ отрицаніи революціи, Горькій разсуждаетъ эмпирически, не замѣчая совершенно, что Достоевскій дѣлаетъ это, стоя на почвѣ религіозной. Горькій неправильно подошелъ къ вопросу и, конечно, ничего не отстоялъ, а вѣдь Горькій имѣетъ правду, которою могъ бы преодолѣть ложь Достоевскаго,— я говорю о вѣрѣ Максима Горькаго въ освобожденіе Россіи“.

Ивановъ-Разумникъ. „Кто противъ враждебныхъ идей хочетъ бороться внѣшней силой (начиная отъ штыковъ и кончая запретами— разница тутъ только въ степени), тотъ не вѣритъ, или недостаточно вѣритъ, въ силу своихъ идей, тотъ бѣдно и блѣдно вѣритъ въ силу своей вѣры. Неужели же это судьба и М. Горькаго?“

Бѣлоруссовъ. („Рус. Вѣд.“ № 267.) „Въ сферѣ идей можно остаться лишь въ борьбѣ противъ идей. Но когда цѣлью является борьба противъ акта, если „общественный протестъ“ вызванъ желаніемъ предотвратить дѣйствіе,— онъ логически и психологически пере-

ходитъ въ дѣйствіе же. Сказочный поваръ, конечно, могъ ограничиться нотаціями по адресу кота, но зато онъ и попалъ въ передѣлку къ дѣдушкѣ Крылову. Люди же *логически* принуждены переходить границу, отдѣляющую слова отъ дѣйствій, каждый разъ, когда слово безсильно остановить враждебное дѣйствіе; *психологически* этотъ переходъ неизбѣженъ тамъ, гдѣ разгораются страсти. А... такъ какъ „общественный протестъ"... не достигаетъ цѣли, то начатое движеніе, развиваясь логически, переходитъ въ рядъ дѣйствій, носящихъ названіе дебоша.

Въ свободныхъ странахъ, гдѣ борьба идетъ во-всю, вѣроятно, поэтому-то борьба противъ актовъ и предоставляется общественной власти. Власть можетъ, когда это необходимо или указано закономъ, остановить общественный актъ. Но само общество, отдѣльныя его группы воздержинаются и должны воздерживаться отъ этого. Оттого въ республиканской Франціи націоналисты могутъ свободно манифестировать передъ статуей Страсбурга, католики— передъ Жанной д'Аркъ, соціалисты на Prés-st-Gervais; въ театрахъ и кабакахъ ставятъ пьесы на всѣ вкусы, на Монмартѣ служатъ „черныя мессы" и т. д. Если бы радикалы вздумали срывать митинги соціалистовъ, атеисты разгонять католиковъ отъ подножія Жанны д'Аркъ, друзья сенатора Беранже закрывать театрики, гдѣ пляшутъ вальсы апашей и танецъ живота,— жизнь превратилась бы въ сплошную свалку, и граждане республики начали бы мечтать о сладости полицейскаго государства, когда ничто никому не позволено и на всякаго обывателя въ предохраненіе отъ поступковъ надѣта горячечная рубашка.

Правда, и въ свободныхъ демократіяхъ общественное движеніе иногда сходитъ съ пути борьбы съ идеями и начинаетъ бороться съ актами и путемъ актовъ. Но случаи эти не часты, и они всегда свидѣтельствуютъ объ одномъ, и только объ одномъ: о численной и идейной слабости тѣхъ, кто пытается бороться съ враждебными идеями, „срывая" ихъ проявленіе и выраженіе.

Разсматривая подъ этимъ угломъ попытку *снять* „Бѣсовъ" со сцены Художественнаго театра, я не могу не счесть эту попытку, въ какихъ бы формахъ она ни была задумана, младенчески неудачной и соотвѣтственной *младенческому состоянію общественности*. Во-первыхъ, вся затѣя безцѣльна. Книга вѣдь останется, и останется то, что лежитъ въ основѣ книги,— извѣстный комплексъ настроеній и идей, только ярко выраженныхъ Достоевскимъ, но не составляющихъ его личнаго достоянія. Говорятъ, что книга—одно, а театръ, да еще Художественный—другое. Да, поэтому-то и существуетъ сугубо-строгая театральная цензура,— но зато ее и создала цензурная, а не свободная общественная мысль. И для меня этотъ аргументъ—контрабанда изъ чужого и враждебнаго лагеря.

Затѣмъ—идеи не снимаются. Съ ними борются на всемъ поприщѣ жизни, литературы и мысли, и идеи враждебныя, подъ извѣстнымъ угломъ и на условномъ языкѣ называемыя „вредными", должны быть не механически устранены, а замѣщены „добрыми" идеями. Кто не хочетъ механически устранять,— тотъ стремится творчески замѣстить ихъ. Кто не въ силахъ или кому лѣнь совершить творческое усиліе,— тотъ прибѣгаетъ къ механическому устраненію. Но я не думаю, чтобы гибельность этого послѣдняго пріема измѣнялась отъ того, будетъ ли устраненіе цѣломъ начальническаго произвола или общественнаго негодованія.

На мой взглядъ, пусть Художественный театръ, какъ и всякій другой, играетъ все, что ему угодно. Мы возьмемъ отъ него все хорошее, мы повернемъ силу всему враждебному нашему пониманію добра и зла и нашему идеалу. И если мы въ силахъ противопоставить соціальной философіи „Бѣсовъ" свою здоровую, сильную, свѣтлую и освобождающую соціальную философію, мы это сдѣлаемъ и воспользуемся для этого между прочимъ и постановкой „Бѣсовъ" на сценѣ Художественнаго театра".

П. М—нъ. („Полт. День" № 124.) „Затронутый писателемъ вопросъ лежитъ въ области взаимоотношеній творческой мысли автора и воспріятія читателя, въ области психологіи творчества. Но съ этой, единственно правильной точки зрѣнія, насколько намъ извѣстно, вопросъ не разсматривался.

Вредныхъ произведеній нѣтъ, какъ нѣтъ и вредной литературы, какъ нѣтъ ничего случайнаго въ области мысли и слова. Если и появится, какъ результатъ недуга, какой-либо болѣзненный наростъ, онъ отпадаетъ, его побѣждаетъ дѣятельная живая сила организма. „Вредное" произведеніе прежде всего было бы непосильно тягостно для своего творца, а затѣмъ и для читателя. Помимо „мукъ слова", оно создало бы потрясающую моральную драму въ душѣ автора. Поэтому-то и у писателя и у читателя есть громоотводы, не позволяющіе разразиться страшному нравственному удару. Для перваго—это освобожденіе отъ гнетущихъ тяжелыхъ образовъ путемъ ихъ объективиро

ванія, удаленія отъ нихъ, а для послѣдняго— неизбѣжно отрицательное къ нимъ отношеніе.

Законы творчества таковы, что изъ сочетанія характеровъ, изъ комбинацій положеній, изъ хода дѣйствія вытекаетъ невозможность сочувствія злодѣямъ, развратникамъ, мошенникамъ и скупцамъ, изображеннымъ въ созданіяхъ большихъ художниковъ.

Намѣченные здѣсь вопросы изъ психологіи художественнаго воспріятія были затушеваны для М. Горькаго примитивно понятымъ принципомъ „соціальной педагогики“, во имя котораго писатель взялся за совершенно безполезную задачу—протестовать противъ того, что органически вошло и живетъ въ нашей средѣ. Быть можетъ для Достоевскаго его уродливые образы были еще тяжелѣе, чѣмъ для насъ, но онъ не могъ подавить ихъ, не давать имъ жизни, какъ теперь не въ нашей власти прекратить общеніе съ „жестокимъ талантомъ“ Достоевскаго“.

Невѣдомый. („Россія“, № 2426.) „По существу, поступокъ Горькаго особаго протеста и не долженъ бы былъ вызвать, такъ какъ онъ слишкомъ близко подходитъ къ тому, что совершилъ Балашовъ надъ картиной Рѣпина и что еще въ столь недавнее время называлось просто сумасшествіемъ“...

* * *

Продолжали въ газетахъ откликаться и единомышленники Горькаго, яростно громя и высмѣивая его противниковъ — „литературныхъ цеховыхъ дѣлъ мастеровъ“, „цеховыхъ гасителей свѣта“, „рафинированныхъ эстетовъ“ (см., напр., „За Правду“ № 23, „Нов. Раб. Газ.“ № 60, „Мос. Газ.“ № 280, „Утро“ № 2105)... Среди этихъ замѣтокъ и статей изъ „другого лагеря“ стоитъ остановиться лишь на „письмѣ въ редакцію“ „Рус. Вѣд.“— Е. Кусковой.

„... На вопросъ о томъ, можно ли отдѣлить тенденцію, можно ли выкинуть ее, я думаю,— пишетъ она (№ 254),— двухъ отвѣтовъ быть не можетъ. Выкинуть тенденцію значитъ обѣднить произведеніе, дать ее значитъ... значитъ желать ее дать. Тенденція и произведеніе въ „Бѣсахъ“, это—плоть и кровь. И я вполнѣ допускаю, что можетъ быть справедливымъ мнѣніе: господа, такихъ тенденцій, какія проводятся въ „Бѣсахъ“, слишкомъ много сейчасъ въ русской дѣйствительности, слишкомъ много также людей, плохо въ нихъ разбирающихся. Зачѣмъ укрѣплять въ шаткихъ умахъ эту тенденцію?

Такой взглядъ вполнѣ законенъ. Слишкомъ близка еще намъ исторія „ссыльныхъ“ и „гонимыхъ“, чтобы дать намъ карикатуру на нихъ... Красующійся этими вещами Верховенскій слишкомъ больно рѣжетъ глазъ и рветъ душу. А за нимъ вѣдь, совсѣмъ не видно ни истинныхъ испытаній этихъ гонимыхъ, ни ихъ борьбы. Невольно хочется протестовать противъ тенденціозной односторонности... Своевременно ли вызывать такія страстныя переживанія и концентрировать ихъ вокругъ „Бѣсовъ“? Но если даже это вопросъ спорный, все же накидываться на Горькаго за то, что онъ его поднялъ, основаній нѣтъ. Напротивъ, мы должны быть ему благодарны за его горячее отношеніе къ душевнымъ испытаніямъ россіянъ. Смотрѣть „Бѣсовъ“, какъ и читать ихъ, это— вѣдь настоящее испытаніе; жестокій талантъ дѣйствительно истерзываетъ душу. Горькій же призываетъ отрѣшиться отъ этихъ страстей и сознательно отнестись къ тенденціямъ этого таланта. Такіе призывы можно только привѣтствовать.

Но Горькій этимъ не ограничивается; онъ хочетъ вызвать активный общественный протестъ,— въ видѣ ли подписей, въ широкомъ масштабѣ, или же въ видѣ бойкота пьесы, какъ когда-то бойкотировали „Контрабандистовъ“. Такъ по крайней мѣрѣ толкуютъ многіе его призывъ. Какова бы ни была форма организованнаго общественнаго протеста, къ ней надо отнестись рѣзко отрицательно. Мы протестуемъ противъ дѣла Бейлиса и противъ Художественнаго театра... Достаточно въ одной фразѣ сопоставить два факта, чтобы послѣдній изъ нихъ показался чудовищнымъ... А завтра интеллигенція организуетъ протестъ противъ самого Горькаго за его „Дачниковъ“ или „Дѣтей солнца“. И въ этихъ пьесахъ есть тенденція, далеко не прогрессивная. Что же, мы такъ и будемъ заниматься протестами другъ противъ друга? Не достаточно ли протестовъ въ одну сторону?“

Печатно — и лекціонно — сторонники Горькаго, по своей малочисленности (какъ и по маловѣскости своихъ доводовъ) не сумѣли внести замѣтной, сколько нибудь сильной ноты въ общій шумъ, поднятый этимъ писателемъ. Зато на публичныхъ „диспутахъ“ таковые—если не доводами отъ разума, то „отъ чувства“, именно своимъ настроеніемъ—давали тонъ, и такимъ образомъ обнаруживалось, что въ интеллигентной массѣ, въ прогрессивныхъ слояхъ русскаго общества,— издавна, традиціонно враждебныхъ политической идеологіи Достоевскаго,— походъ Горькаго противъ „злого генія нашего“ пользуется бо́льшимъ сочувствіемъ и успѣхомъ, чѣмъ въ литературныхъ кругахъ.

Существующій въ Парижѣ русскій литературно-художественный кружокъ организовалъ собесѣдованіе на тему о постановкѣ „Бѣсовъ“ и о протестѣ Горькаго. Большая зала café Voltaire была переполнена, бесѣда велась съ чрезвычайнымъ оживленіемъ, и въ результатѣ, собраніе послало привѣтственную телеграмму Горькому,—опредѣленно и рѣшительно стала на его сторону.

Впрочемъ, отъ русскаго населенія лѣвобережнаго Парижа нельзя было бы и ожидать иного отношенія къ вопросу. Болѣе, поэтому, показательны наши, россійскіе диспуты, особенно московскіе: диспутъ, организованный журналомъ „Маски“ въ Политехническомъ музеѣ, и другой, состоявшійся въ педагогическомъ собраніи, послѣ лекціи В. Потемкина.

О первомъ изъ нихъ мѣстныя газеты сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія. Пока ораторы, говоря о томъ, что далъ Художественный театръ, раскрывали передъ слушателя и глубину написаннаго Достоевскимъ, вниманіе, мысли публики уносились далеко отъ „животрепещущихъ“ вопросовъ улицы и сегодняшняго дня. Но какъ только дѣло дошло до письма Горькаго,—начали бушевать страсти. И—что слѣдуетъ подчеркнуть—не только въ аудиторіи, но и на каѳедрѣ...

„Отстаивали Достоевскаго съ пѣной у рта, бія себя кулакомъ въ грудь,—пишетъ въ „Утрѣ Рос.“ (№ 260, „Бѣсы“ о „бѣсахъ“) Маркъ Кривицкій.— Въ отвѣтъ неслись протесты, крики, свистъ и гамъ. На мѣстахъ публики — вскакивающія и размахивающія руками фигуры, искаженныя нетерпимостью лица. Съ обѣихъ сторонъ вырываются непарламентскія выраженія. Ораторы заявляютъ о „совершенномъ духовномъ убожествѣ части нашего общества“. Съ мѣстъ публики имъ кричатъ о намѣренномъ искаженіи текста письма Максима Горькаго.

П. Абрамовичъ, спокойный, но блѣдный, презрительно цитируетъ выдержки письма. Мужчина средняго роста, лысый и съ длинной бородой, вскочивъ съ мѣста и потрясая кулакомъ, кричитъ:

— Максимъ Горькій отсутствуетъ. Вы можете нападать смѣло!

Его поддерживаютъ дружными аплодисментами подъ робкое шиканье незначительной части зала. Чувствуется, что побѣдилъ Горькій. Предсѣдатель дѣлаетъ рукою умиротворяющій жестъ. Но его не слушаютъ; вступаютъ съ нимъ въ торгъ: о чемъ можно говорить и о чемъ нельзя. Нельзя защищать Достоевскаго, потому что правъ Горькій, называющій его оплотомъ реакціи. И Горькій правъ потому, что онъ страдаетъ въ изгнаніи...

Напрасно Абрамовичъ кляпется въ преданности прогрессу и всѣмъ прекраснымъ словамъ. Больше того, онъ говоритъ столько же словами, сколько и неподдѣльной страстной дрожью голоса, говоритъ, всѣми жестами кричитъ:

— Вѣдь это же и есть то самое попраніе свободы, за которую стоятъ защитники Максима Горькаго. Не надо намъ зажимающей глотку цензуры во всѣхъ ея видахъ. Вѣдь это же насиліе надъ творчествомъ!.. Достоевскій—поэтъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Онъ настоящій и подлинный демократъ. Но онъ, въ то же время, искатель вѣчной истины. Да, онъ искалъ и видѣлъ бѣсовъ, и онъ нашелъ ихъ не въ узкомъ мѣщанскомъ кругу, а въ водоворотѣ интеллигентскихъ страстей. Нѣтъ, мы еще не умѣемъ цѣнить подлинной свободы, мы вѣримъ только въ ярлыки и, рабы всегда, рабы по натурѣ, мы заслужили свое рабство...

Примирителемъ выступаетъ опять предсѣдатель, Сергѣй Глаголь,— онъ находитъ и съ экспрессіей бросаетъ въ публику крылатое слово:

— Въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ. Мы отравлены проклятіемъ все мѣрить на политическую мѣрку. Надо быть прежде всего людьми и людьми...

И дико и странно было слышать одинаково и „защиту“ великой тѣни геніальнаго писателя, и быть свидѣтелями рокового непониманія. Казалось, что нами вновь и вновь овладѣлъ бѣсъ упрощеннаго воспріятія жизни и быстраго и прямолинейнаго рѣшенія наболѣвшихъ и сложныхъ вопросовъ. Не объ такихъ ли бѣсахъ всю жизнь болѣлъ и толковалъ Достоевскій. Но онъ не выгналъ ихъ, а только распугалъ. И въ дикомъ и странномъ танцѣ они крутились теперь, какъ въ былые дни, надъ нашими главами. При всемъ уваженіи къ личности и таланту узника острова Капри, чувствовалось, что все-таки не онъ и не его прямолинейная доктрина призваны изгнать бѣсовъ изъ русской жизни.

Не такъ-то легко выбросить Достоевскаго изъ нашего прошлаго и настоящаго. Здѣсь какой-то мучительно затянувшійся узелъ нашей жизни.

И когда онъ развяжется и кто его развяжетъ,— пока неизвѣстно“.

По поводу бурно прошедшаго диспута пишетъ и самъ предсѣдатель его. „...Все забыто,— скорбитъ С. Глаголь въ своемъ газетномъ „послѣсловіи“ („Ст. Молва“ № 336):— и глубокій психологическій анализъ, и прозорливость человѣка, заглянувшаго въ самую

суть внутренней жизни, и мука, которую переживалъ писатель, охваченный клубкомъ собственныхъ внутреннихъ противорѣчій. Все забыто и все снова измѣрено партійнымъ аршиномъ...

Достоевскій мучился, видя, что бѣсы устраиваютъ изъ жизни „дьяволовъ водевиль“, и, конечно, видѣлъ, что бѣсамъ всего простонѣе работать не въ душѣ „человѣка въ футлярѣ“, и не мѣщанина, загородившагося рѣшеточками всякихъ традицій, обычаевъ, морали и пр. Онъ съ ужасомъ видѣлъ, какую вакханалію устраиваютъ бѣсы въ душѣ людей, освободившихся отъ разныхъ путъ, и бралъ этихъ людей объектомъ своего анализа. А мы все проглядѣли и кричимъ только объ одномъ:

— Какъ смѣлъ тронуть нашихъ?!..

Что и какъ рыскрыто въ человѣческой душѣ,— это насъ не интересуетъ. Главное,— чья взята душа. Если вообще, то пожалуйста, а нашу—не тронь. Если завтра большой писатель нарисуетъ картину того, какъ мерзавецъ мужчина, обманувъ красотою своихъ рѣчей, увлечетъ за собою дѣвушку-ребенка, надругается надъ нею и, не оглянувшись, пройдетъ мимо ея трупа, валяющагося въ грязи, насъ прежде всего займетъ вопросъ: кто обиженъ? Если гвардейскій офицеръ,— великолѣпно. Докторъ или адвокатъ,— туда-сюда, но если террористъ, то развѣ это можно? Это пасквиль, доносъ и пр.!

Для насъ революціонеръ все еще душка. Мы все еще думаемъ, какъ институтки, что достаточно хотѣть хорошаго и свѣтлаго, достаточно стремиться къ нему, чтобы сейчасъ же сдѣлаться и хорошимъ и свѣтлымъ. И это послѣ всѣхъ предательствъ и Азефовъ! Вопистину все тѣ же бѣсы владѣютъ нами и создаютъ все тотъ же дьяволовъ водевиль“...

Характерно, что „дьяволовъ водевиль“ получился не только тамъ, гдѣ, вмѣшиваясь въ диспутъ, на сцену выступала „толпа“, „масса“, „улица“. У одного изъ наблюдавшихъ всю шумиху со стороны почти такое же впечатлѣніе, еще раньше, составилось отъ газетнаго „диспута“, отъ самаго этого, открытаго Горькимъ, литературнаго турнира, или (если и дальше углубляться въ терминологію Достоевскаго) „кадрили литературы“.

„Вся эта полемика,— замѣчаетъ въ „Сарат. Вѣст.“ (№ 217) нѣкто Не-онъ,— производитъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе, такая она шумная, придирчивая и раздражительная.

Въ наше смутное время тяжело спорить. „Сбились мы“. Спутались тропинки спора.

„Всѣ дороги завесло“...

И хорошіе люди сбиваютъ споръ на мелочи, и не могутъ, и не хотятъ понять другъ друга, и ожесточаются сердцемъ, и говорятъ другъ другу злыя и упрямыя рѣчи. Невольно вспоминаются другіе „Бѣсы“:

„Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ“...

Самое важное и страшное въ этомъ спорѣ—это его безплодность. Въ этомъ спорѣ самое важное—то, что въ немъ невидимое и несказанное, но чувствуемое,—печать безвременья и распутицы.

Гдѣ-то тамъ —

„Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ“...

И здѣсь тонкія и прекрасныя сердца наполнились тревогой и предчувствіемъ и ожесточились въ усталой мукѣ ожиданья, и по мелочамъ наговорили другъ другу раздраженныхъ и злыхъ словъ.

И во всемъ этомъ спорѣ главнѣйшее совсѣмъ не въ томъ, правъ ли Горькій или „художественники“, и даже не въ томъ, ставить или не ставить „Бѣсы“, а въ томъ, что —

„Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!“...

* * *

На письмѣ своемъ „о карамазовщинѣ“, вызвавшемъ это продолжительное сумбурное словопреніе, Горькій не остановился. Въ защиту занятой имъ позиціи, противъ своихъ многочисленныхъ оппонентовъ, писатель опубликовалъ въ томъ же „Рус. Сл.“ (№ 248) второе „открытое письмо“, гдѣ онъ между прочимъ пишетъ:

„Мнѣнія, высказанныя литераторами, слагаются передо мною такъ:

— Хотя Достоевскій и реакціонеръ, хотя онъ является однимъ изъ основоположниковъ „зоологическаго національнализма“, который нынѣ душитъ насъ; хотя онъ—хулитель Грановскаго, Бѣлинскаго и врагъ вообще „Запада“, трудами и духомъ котораго мы живемъ по сей день; хотя онъ—ярый шовинистъ, антисемитъ, проповѣдникъ терпѣнія и покорности,—во при всемъ этомъ, его художественный талантъ такъ великъ, что покрываетъ всѣ его прегрѣшенія противъ справедливости, выработанной лучшими вождями человѣчества съ такимъ мучительнымъ трудомъ. И посему общество лишается права протеста противъ тенденцій Достоевскаго да и вообще противъ всякаго художника, какова бы ни была его проповѣдь.

Однако, когда въ 1907 году театръ Суворина поставилъ на сценѣ „Бѣсовъ“, общество, въ лицѣ прогрессивной печати, протестовало противъ печати, протестовало противъ этой инсценировки, справедливо опредѣливъ ее, какъ пріемъ политической борьбы.

Почему же то, что во грѣхъ Суворину, Немировичу-Данченко во спасеніе? Почему общество можетъ протестовать противъ ничтожной пьески „Контрабандисты“, а противъ сильнаго и злого романа „Бѣсы“ не можетъ?

Почему вашъ, господа, коллективный протестъ противъ моего мнѣнія—не цензура, а мой призывъ къ протесту—призывъ къ цензурѣ?

Прошу понять, что я не себя защищаю—я просто указываю, что общество имѣетъ право протеста противъ проповѣди того или иного художника,—имѣетъ это право и пользовалось имъ.

Ваше отношеніе къ вопросу мнѣ неясно.

Я не противъ Достоевскаго, а противъ того, чтобы романы Достоевскаго ставились на сценѣ.

Я убѣжденъ, что одно дѣло—читать книги Достоевскаго, другое—видѣть образы его на сценѣ, да еще въ такомъ талантливомъ исполненіи, какъ это умѣютъ показывать артисты Художественнаго театра.

Въ книгахъ для внимательнаго читателя ясны и реакціонныя тенденціи Достоевскаго, и всѣ его противорѣчія, всѣ тѣ страшныя натяжки, которыхъ никому другому не простили бы.

Когда четырнадцатилѣтняя дѣвочка говоритъ: „я хочу, чтобы меня кто-нибудь истерзалъ“, „хочу зажечь домъ“, „хочу себя разрушить“, „убью кого-нибудь“,—читатель видитъ что это правдоподобно, хотя и болѣзненно.

Но когда дѣвочка эта разсказываетъ, какъ „жидъ четырехлѣтнему мальчику сначала всѣ пальчики обрѣзалъ на обѣихъ ручкахъ, а потомъ распялъ на стѣнѣ гвоздями“, и добавляетъ: „Это хорошо. Я иногда думаю, что сама распяла. Онъ виситъ и стонетъ, а я сяду противъ него и буду ананасный компотъ ѣсть“,—здѣсь читатель видитъ, что дѣвочку оклеветали: она не говорила, не могла сказать такой отвратительной гнусности. Тутъ, на горе наше, есть правда, но это—правда Салтычихи, Аракчеева, тюремныхъ смотрителей, а не правда четырнадцатилѣтней дѣвочки.

Всматриваясь въ словоблудіе Ивана Карамазова, читатель видитъ, что это—Обломовъ, принявшій нигилизмъ ради удобствъ плоти и полѣни, и что его „непріятіе міра“—просто словесный бунтъ лѣнтяя, а его утвержденіе, что человѣкъ—„дикое и злое животное“,—дрянныя слова злого человѣка.

Читатель видитъ также, что Иваново трактирное разсужденіе о „ребеночкѣ“—величайшая ложь и противное лицемѣріе, тотчасъ же обнаженное самимъ нигилистомъ въ словахъ:

„Я никогда не могъ понять, какъ можно любить своихъ ближнихъ“.

Ближній—это и есть ребенокъ, человѣкъ, который завтра унаслѣдуетъ послѣ насъ все доброе и злое, совершонное нами на землѣ, а если Иванъ не понимаетъ, какъ можно любить его,—значитъ, все, что онъ говоритъ о жалости къ „ребеночку“,—сантиментальная ложь.

„Весь міръ познанія не стоитъ слезокъ ребеночка“,—говоритъ нигилистъ, но читатель знаетъ, что это—тоже ложь. Познаніе есть дѣяніе, направленное къ уничтоженію горькихъ слезъ и мученій человѣка, стремленіе къ побѣдѣ надъ страшнымъ горемъ русской земли. Вообще, читая книги Достоевскаго, читатель можетъ корректировать мысли его героевъ, отчего онѣ значительно выигрываютъ въ красотѣ, глубинѣ и въ человѣчности.

Когда же человѣку показываютъ образы Достоевскаго со сцены, да еще въ исключительно талантливомъ исполненіи,—игра артистовъ, усиливая талантъ Достоевскаго, придаетъ его образамъ особенную значительность и бо́льшую законченность.

Сцена переноситъ зрителя изъ области мысли, свободно допускающей споръ, въ область внушенія, гипноза, въ темную область эмоцій и чувствъ, да еще особенныхъ, „карамазовскихъ“, злорадно подчеркнутыхъ и сгущенныхъ,—на сценѣ зритель видитъ человѣка, созданнаго Достоевскимъ по образу и подобію „дикаго и злого животнаго“.

Но человѣкъ не таковъ—я знаю.

И вотъ, находя, что вся дѣятельность Достоевскаго-художника является геніальнымъ обобщеніемъ отрицательныхъ признаковъ и свойствъ національнаго русскаго характера, я увѣренъ, что образы его на сценѣ театра, подчеркнутые игрою артистовъ, пріобрѣтаютъ убѣдительность и завершенность бо́льшую, чѣмъ на страницахъ книгъ.

Я считаю это соціально вреднымъ, ибо человѣкъ—не „дикое и злое животное“, и онъ гораздо проще, милѣе, чѣмъ его выдумываютъ россійскіе мудрецы.

А протестъ общества противъ того или иного литератора одинаково полезенъ какъ для общества, которому пора созвать свои силы и свое право борьбы противъ всего, что ему враждебно, такъ и для личности.

Тотъ, кто достаточно силенъ вѣрой въ себя и въ жизненность своихъ идей, перешагнетъ черезъ всѣ сопротивленія, и общество душу его не умертвитъ.

Что заставило меня говорить на эту тему? Вотъ что: я знаю хрупкость русскаго характера, знаю жалостную шаткость русской души и склонность ея, замученной, усталой и отчаявшейся, ко всякаго рода заразамъ. Прочитайте внимательно анкету „Вѣст. Воспитанія“ *) прислушайтесь къ голосамъ современной молодежи,—нехорошо на Руси, господа.

Не Ставрогиныхъ надобно ей показывать теперь, а что-то другое. Необходима проповѣдь бодрости, необходимо духовное здоровье, дѣяніе, а не самосозерцаніе, необходимъ возвратъ къ источнику энергіи—къ демократіи, къ народу, къ общественности и наукѣ.

Довольно уже самоопливаній, замѣняющихъ у насъ самокритику; довольно взаимныхъ заушеній, безтолковаго анархизма и всякихъ судорогъ.

И Достоевскій великъ, и Толстой геніаленъ, и всѣ мы, господа, если вамъ угодно, талантливы, умны, но Русь и народъ ея значительнѣе, дороже Толстого, Достоевскаго и даже Пушкина, не говоря обо всѣхъ насъ.

Наша замученная страна переживаетъ время глубоко трагическое, и хотя снова наблюдается „подъемъ настроенія“, но этотъ подъемъ требуетъ организующихъ идей и силъ больше и болѣе мощныхъ, чѣмъ требовалъ назадъ тому восемь лѣтъ.

А „богоискательство“ надобно на время отложить,—это занятіе безполезное: нечего искать, гдѣ не положено. Не посѣявъ, не сожнешь. Бога у васъ нѣтъ, вы еще не создали его. Боговъ не ищутъ,—ихъ создаютъ; жизнь не выдумываютъ, а творятъ“.

Второе письмо это встрѣтило въ печати слабые отголоски: оно оказалось въ состояніи лишь подогрѣть настроеніе публики, устремившейся на диспуты о „Бѣсахъ“, но уже не могло наэлектризовать утомленную затянувшейся полемикой пишущую братію. Едва ли не единственный, кто нашелъ въ себѣ охоту — да и то „не столько по вопросу самаго письма, которое, въ сущности, и не очень насъ волнуетъ, сколько по поводу постановки пьесы И. Сургучева“—серьезно заняться новыми доводами Горькаго, это Homo Novus („Театръ и Иск.“ № 44).

Приведя цитируемыя М. Горькимъ слова „четырнадцатилѣтней дѣвочки“ о томъ, какъ она „противъ распятаго мальчика“ будетъ „ананасовый компотъ ѣсть“, Homo Novus пишетъ:

„Совершенно справедливо: тутъ нѣтъ правды. Но какой нѣтъ правды — реальной, въ художественномъ смыслѣ, или психологической? Первой правды нѣтъ, и, конечно, величайшее заблужденіе считать Достоевскаго реалистомъ. Но правда психологическая, правда возможная, зерно правды, преувеличенное въ 1.000 разъ, здѣсь есть. Когда свидѣтели приводятся къ присягѣ во французскомъ судѣ, они обѣщаются говорить „rien que la vérité et toute la vérité“— не только *одну* правду, но и *всю* правду. Вотъ этой „всей“ правды у Достоевскаго никогда не было. Достоевскій давалъ геніальные намеки на сокровенную правду, и задача художественнаго реализма, стремящагося итти по его слѣдамъ, заключается именно въ томъ, чтобы по намѣченной тропочкѣ дойти до раскрытія всей правды. Совершеннѣйшій вздоръ, чтобы дѣвочка кушала ананасный компотъ, когда распинаютъ мальчика съ обрубленными пальчиками. Но правда геніальнаго намека въ томъ, что религіозная экзальтація сопрягается сплошь и рядомъ съ жестокостью, съ садическимъ сладострастіемъ.

„Вся правда“ уже потому была чужда Достоевскому, что его плѣняла бездна, у края которой онъ останавливался, любуясь ея бездонностью. И христіанство, на которомъ Достоевскій отыгрывался, было—прошу извинить за выраженіе — та „контрамарка“, которую почтительно возвращаетъ Карамазовъ Богу. Христіанство не давало Достоевскому умиротворенія, ясности, какъ, напримѣръ, Островскому. Это было христіанство, которымъ Достоевскій дразнилъ бѣса. Если угодно, наоборотъ: это былъ бѣсъ, дразнившій христіанство, и въ этомъ была вся острота творчества Достоевскаго“.

* * *

Максимъ Горькій уже не находитъ больше охотниковъ оспаривать его настойчивыя указанія на вредъ „карамазовщины“. Зато противъ упорнаго протестанта выступилъ наконецъ самъ Достоевскій. Весьма и весьма кстати В. Ул. раскопалъ между страницъ одной библіографической рѣдкости, въ мало кому извѣстной книжкѣ „Политическіе процессы Николаевской эпохи. Петрашевцы“, и опубликовалъ (въ „Рус. Вѣд.“ № 251) интереснѣйшій документъ — письменное „показаніе“, которое далъ Достоевскій по дѣлу петрашевцевъ слѣдственной комиссіи.

Здѣсь будущій авторъ „Карамазовыхъ“ и „Бѣсовъ“ защищается отъ нападокъ, подобныхъ горьковскимъ, только исходившихъ изъ противоположнаго полюса.

Итакъ, пусть раздается голосъ самого „об-

*) №№ 5 и 6 за 1913 г. См. Маркова.

виняемаго", какъ бы возставшаго изъ гроба, и пусть это „послѣднее слово подсудимаго" будетъ послѣднимъ и въ нашемъ обзорѣ.

Еще 65 лѣтъ назадъ Достоевскій писалъ въ свое оправданіе:

„...Я говорилъ (на собраніяхъ Петрашевскаго) о цензурѣ, объ ея непомѣрной строгости въ наше время, и сѣтовалъ объ этомъ, ибо чувствовалъ, что произошло какое-то недоразумѣніе, изъ котораго вытекаетъ натянутый, тяжелый для литературы порядокъ вещей. Мнѣ грустно было, что званіе писателя унижено въ наше время какимъ-то темнымъ подозрѣніемъ... Мнѣ грустно слышать, что запрещается иное произведеніе не потому, чтобы въ немъ нашли что-нибудь вольнодумнаго и противнаго нравственности, а, напротивъ, потому, что повѣсть или романъ слишкомъ печально кончается, что выставлена слишкомъ мрачная картина, хотя бы эта картина не обвиняла и не подозрѣвала никого въ обществѣ, и хотя бы самая трагедія произошла чисто случайнымъ и внѣшнимъ образомъ. Пусть разберутъ все, что я написалъ напечатаннаго и ненапечатаннаго...! Пусть найдутъ въ нихъ хоть одно слово, противное нравственности... А между тѣмъ я именно подвергся... запрещенію собственно за то, что картина была написана слишкомъ мрачными красками. Но если бы знали, въ какое мрачное положеніе поставленъ былъ авторъ запрещеннаго сочиненія... Среди лишеній, грусти и отчаянія нужно еще найти столько легкихъ, веселыхъ часовъ, чтобы написать въ это время литературное произведеніе красками свѣтлыми, розовыми, пріятными... И на что я жаловался? *На недоразумѣніе.* Именно. Я бился изо всѣхъ силъ, доказывая, что каждый литераторъ уже заподозрѣнъ заранѣе, что на него смотрятъ съ недоумѣніемъ, съ недовѣріемъ, и обвинялъ самихъ же литераторовъ въ томъ, что они сами не хотятъ изыскивать средствъ для разрушенія пагубнаго недоразумѣнія. Пагубнаго потому, что литературѣ трудно существовать при такомъ напряженномъ состояніи. Цѣлые роды искусства должны исчезнуть: сатира, трагедія уже не могутъ существовать.

...*Какъ-будто, скрывая порокъ и мрачную сторону жизни, скроемъ отъ читателя, что есть на свѣтѣ порокъ и мрачная сторона жизни.* Нѣтъ, авторъ не скроетъ этой мрачней стороны, систематически опуская ее передъ читателемъ, а только заподозритъ себя передъ нимъ въ неискренности, въ неправдивости. Да можно ли писать однѣми свѣтлыми красками? Какимъ образомъ свѣтлая сторона картины будетъ видна безъ мрачной? Можетъ ли быть картина безъ свѣта и тѣни вмѣстѣ? О свѣтѣ мы имѣемъ понятіе только потому, что есть тѣнь.

Говорятъ: описывай дни доблести, добродѣтели. Но добродѣтели мы не узнаемъ безъ порока: самыя понятія *добра* и *зла*, произошли отъ того, что добро и зло жили вмѣстѣ, рядомъ другъ съ другомъ. Но вздумай я только выставить на сцену невѣжество, порокъ, злоупотребленіе, спѣсь, насиліе! Цензоръ сейчасъ же заподозритъ меня и подумаетъ, что я говорю про все вообще безъ изъятія. *Я не стою за изображеніе порока и мрачной стороны жизни: и тотъ, и другая вовсе не милы мнѣ; но я говорю единственно только въ интересахъ искусства... Я не поджигалъ кругомъ меня никого, потому что я вѣрилъ*".

Вилли Ферреро.

[15:78:92 (Ф)]

Природа, вселенная, макрокосмъ, таитъ въ себѣ силы, о которыхъ человѣчество ничего не подозрѣваетъ цѣлыя тысячелѣтія и которыя совершенно не вяжутся съ его обычными, за эти тысячелѣтія сложившимися, понятіями. И вдругъ какъ бы приподнимется завѣса... Чуть-чуть пріоткроется какая-нибудь изъ такихъ—самыхъ невозможныхъ, самыхъ удивительныхъ—тайнъ. Вотъ, на нашихъ глазахъ—иксъ-лучи, радій...

Но таковъ же и микрокосмъ, человѣческая природа, человѣческая душа. Наука изучила человѣка и вдоль и поперекъ, намъ порою начинаетъ казаться, что человѣческое существо—не только раскрытая, но уже и прочитанная книга. Однако... Приподнимется вдругъ и здѣсь „завѣса", ослѣпятъ наши изумленные взоры какіе-то—тоже невѣдомые, небывалые—лучи, блеснетъ и здѣсь нѣкій „радій", *свой* радій,—и тогда мы кричимъ въ неописуемомъ восторгѣ—отдаваясь радости большого открытія, не зная уже мѣры этой радости—или, растерянные, шепчемъ въ неизъяснимомъ трепетѣ, почти въ страхѣ, благоговѣйномъ страхѣ: „чудо, чудо... чудо!.."

Въ послѣднее время у насъ заговорили о двухъ феноменальныхъ дѣтяхъ: о Володѣ Зубрицкомъ, обладающемъ поразительными математическими способностями, и о еще болѣе загадочномъ Мишѣ Атласѣ, у котораго развита познавательная способность, начитанность, въ невѣроятной для *пятилѣтняго* возраста степени: онъ можетъ непринужденно бесѣдовать на разныя самыя серьезныя, даже „научныя" темы, что засвидѣтельствовано нѣкоторыми профессорами.

Но вотъ пріѣхалъ въ Россію семилѣтній дирижеръ, итальянецъ Вилли Ферреро—и затмилъ собою по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ) рѣшительно всѣхъ когда-либо существовавшихъ „вундеркиндовъ“. И все, что написано о немъ, (въ Петербургской печати), можно назвать только однимъ именемъ—„Пѣсней о чудѣ“ *).

„Судить о Вилли заочно,—заявляетъ одинъ изъ петербургскихъ музыкальныхъ критиковъ,—судить заочно на основаніи слуховъ или газетныхъ статей, все равно, что говорить о Ніагарскомъ водопадѣ по Бедекеру“. Тѣмъ не менѣе попытаемся „заочно“ познакомить читателей „Бюллетеней“ съ этимъ великимъ малюткой, отнесясь осторожно къ сообщеніямъ и отзывамъ лицъ, получившихъ возможность близко наблюдать его.

*
* *

Мы на репетиціи. Передъ нами прелестный мальчуганъ съ нѣжнымъ, блѣднымъ личикомъ, съ большими голубыми глазами, съ красиво спускающимися на лобъ пышными кудрями, крохотный, тонконогій, граціозный, необычайно рѣзвый и общительный, на видъ моложе своихъ лѣтъ.

Музыканты понемногу занимаютъ свои мѣста, а малютка-дирижеръ уже взобрался на спеціально для него устроенную посреди эстрады высокую, просторную, покрытую зеленымъ бархатомъ платформу съ игрушечнымъ пюпитромъ („тронъ его величества ребенка“),—напоминающую постаментъ для скульптуры крупныхъ размѣровъ,—усѣлся тамъ со своей любимой игрушкой—заводнымъ паровозикомъ и пускаетъ его по трибунѣ. А одинъ изъ скрипачей ловитъ игрушку и пускаетъ ее обратно къ Вилли. Если скрипачъ неумѣло это дѣлаетъ, Вилли вооружается своею дирижерской палочкой, превращаетъ ее въ шпагу и начинаетъ колоть ею своего пріятеля изъ оркестра въ животъ.

Моментъ—и Вилли за пюпитромъ. Онъ преображается. Это уже не шаловливый крошка-ребенокъ, а властный дирижеръ, мановенію руки котораго подчиняются 80 взрослыхъ музыкантовъ. Уже не то личико,—сосредоточенное, вдохновенное. Не тѣ глаза,—взглядъ серьезный, даже строгій. Не та мимика, не тѣ движенія... теперь четкія, сухія, повелительныя.

Маленькій Вилли, какъ извѣстно, дирижируетъ исключительно по памяти, безъ партитуры—по той простой причинѣ, что въ партитурѣ ему и не разобраться. Съ нотами онъ знакомъ только элементарно и еще не умѣетъ играть ни на одномъ инструментѣ, если не считать легкихъ упражненій на роялѣ. Музыкѣ началъ обучаться Вилли лишь годъ назадъ, хотя дирижируетъ онъ уже съ четырехлѣтняго возраста... Свой репертуаръ разучиваетъ этотъ единственный въ своемъ родѣ, за всю исторію человѣчества, дирижеръ понаслышкѣ. Вилли „проходитъ“ оркестровую партитуру, слушая пьесу въ исполненіи какого-нибудь дирижера. Достаточно одной-двухъ такихъ репетицій, а то и, говорятъ, просто игры отца или матери на роялѣ (по крайней мѣрѣ въ менѣе сложной пьесѣ),—и уже Вилли запомнилъ всѣ вступленія, всѣ динамическіе оттѣнки, всѣ подробности ритма, весь планъ экспрессіи, словомъ, вполнѣ освоился съ произведеніемъ и смѣло берется самъ за палочку.

О томъ, какъ быстро и легко усваиваетъ ребенокъ прослушанное, даетъ представленіе слѣдующій поразительный фактъ, разсказанный въ газетахъ со словъ концертмейстера оркестра гр. Шереметьева. Въ Петербургѣ Вилли впервые довелось слышать „Валькирій“ Вагнера и только всего одинъ разъ. Мальчикъ сейчасъ же продирижировалъ „полетомъ Валькирій“, не только уловивъ рисунокъ музыкальной картины, но и выдѣляя отдѣльные инструменты, группируя попарно валторны, такъ характерно представленныя Вагнеромъ въ „Валькиріяхъ“.

Любопытна одна подробность, подмѣченная изучавшимъ его педіатромъ д-ромъ В. Цедербаумомъ: на репетиціяхъ, стоя на трибунѣ, малютка иногда на мгновеніе начинаетъ продѣлывать ритмическія движенія какъ бы автоматически, глядя впередъ въ одну точку, а затѣмъ снова точно возвращается къ оркестру. Эти „паузы“, очевидно, необходимы бываютъ для того, чтобы оживить въ сознаніи звуковыя впечатлѣнія.

Во внутреннемъ слухѣ Вилли, повидимому, отпечатаны мельчайшія подробности и тончайшія „краски“ самой хотя бы сложной музыкальной ткани. Память у него настолько дифференцирована и слухъ такъ изощренъ, что онъ свободно различаетъ тембры музыкальныхъ инструментовъ, до мелочей точно помнитъ партію каждаго отдѣльнаго инструмента въ данной пьесѣ и не пропуститъ во время репетиціи ни

---

*) Москва — московская печать, московская музыкальная критика, да и публика — отнеслась къ Вилли Ферреро и его концертамъ гораздо „спокойнѣе“, „аналитичнѣе“, объективнѣе, чѣмъ ея всегдашній антагонистъ, Петербургъ, перемѣнившись съ нимъ, на этотъ разъ, ролями: Петербургъ показалъ себя въ роли „сердца“, Москва — „ума“... Резюме трезвыхъ москвичей сводится къ слѣдующему: „Если Ферреро все же (sic) производитъ такое обаятельное впечатлѣніе, то объясненіемъ тому—почти исключительно *зрѣлищная* сторона концерта“. („Утро Рос.“)

единой гармонической или ритмической ошибки *). Въ такихъ случаяхъ крошка дирижеръ обыкновенно обнаруживаетъ сильное волненіе, топаетъ ногой, останавливаетъ оркестръ, и, не имѣя возможности объяснить музыкантамъ, откуда слѣдуетъ повторить, онъ просто начинаетъ напѣвать партію отдѣльныхъ инструментовъ.

Когда на репетиціяхъ Вилли хочетъ показать, что скрипки разошлись, и не можетъ это ясно выразить словами (музыканты вѣдь и не владѣютъ итальянскимъ и французскимъ языками), онъ дѣлаетъ это чрезвычайно ясными и опредѣленными движеніями рукъ.

Онъ улавливалъ ошибки даже въ такой сложнѣйшей партитурѣ, какъ партитура „Мейстерзингеровъ“ или „Ракоччи-маршъ“ Берліоза, и за все время ни разу не сбивался съ ритма. Точнѣйшимъ образомъ онъ указываетъ даже наименѣе рельефныя вступленія каждой оркестровой группѣ, и—это совершенно ясно,—помнитъ наизусть всю партитуру, хотя и не знаетъ, какъ она написана. И какое стремленіе къ совершенству у *такого* малютки-дирижера: мальчуганъ нѣсколько разъ прерывалъ оркестръ, чтобы объяснить „свои“ нюансы, и настойчиво добивался угодныхъ ему деталей. И что еще поражаетъ—это непоколебимость *своего* ритма („желѣзнаго“—по общему признанію) у маленькаго Вилли. Онъ,—какъ свидѣтельствуютъ люди компетентные, напр., В. Вальтеръ,—ведетъ оркестръ съ такой увѣренной властностью, что артисты повинуются ребенку, какъ зачарованные имъ. Говорятъ, будто Вилли дѣйствуетъ въ состояніи гипноза. Эту мысль категорически отвергъ академикъ Бехтеревъ. И если вы взглянете на отношеніе оркестра къ Вилли, то скорѣе можно сказать, что именно этотъ крошечный ребенокъ гипнотизируетъ 80 человѣкъ взрослыхъ артистовъ. При этомъ Вилли опять-таки съ величайшей силой воли держитъ свой ритмъ не только въ общемъ ходѣ пьесы, но онъ владѣетъ и наиболѣе сложнымъ ритмомъ, отмѣчая одинъ ритмъ правой рукой и въ то же время указывая другой ритмъ лѣвой ручонкой.

„Впечатлѣніе настолько огромно,—пишетъ одинъ изъ присутствовавшихъ на репетиціи,—что заражаешься невольно тѣмъ волненіемъ, которое охватило оркестръ“. А кто-то изъ музыкантовъ оркестра разсказывалъ сотруднику „Дня“: „Повѣрите ли, я жду репетиціи какъ большого праздника. Въ каждой пьесѣ, интерпретируемой этимъ чудо-дирижеромъ, я не преувеличиваю,—впервые, несмотря на заграничность ея, улавливаю совершенно новую рельефность и ясность. Вилли выдѣляетъ до того тонко и мастерски темы въ каждой вещи, что передо мною какъ будто лежитъ не только одна партія моего инструмента, а вся партитура исполняемаго произведенія, и я ясно вижу строчку каждаго инструмента“.

Но вотъ окончена пьеса, объявленъ антрактъ,—и Вилли снова тянется къ своимъ паровозикамъ, снова превращается въ милаго, забавнаго, безпечнаго шалуна.

Когда къ Вилли подошелъ академикъ В. М. Бехтеревъ, малышъ прежде всего заинтересовался орденомъ новаго „дяди“ и заявилъ ему запросто:

— Вы очень похожи на рождественскаго дѣдушку. У того тоже предлинная борода!

И, не долго думая, запустилъ ручонку въ бороду маститаго ученаго...

Онъ совершенно не обращаетъ вниманія на столпившихся вокругъ него любопытныхъ и очень дѣловито отстраняетъ публику, чтобы она не мѣшала ему пускать по полу локомотивъ. „Via! via!“ (дорогу, дорогу!)—кричитъ Вилли музыкантамъ.

Значительная часть музыкальныхъ критиковъ, какъ они сами сознаются, пришла на первый концертъ маленькаго дирижера, о которомъ достаточно успѣли нашумѣть еще до его публичнаго выступленія у насъ, съ большимъ предубѣжденіемъ. Но первыми же взмахами палочки чародѣй Вилли покорилъ залу, а вмѣстѣ съ нею и своихъ строгихъ судей.

Вотъ какъ они передаютъ свои впечатлѣнія (мы намѣренно опускаемъ всѣ тѣ фразы, гдѣ восхищеніе ихъ переходитъ всякія границы).

„По увѣренности, съ какой онъ „подаетъ“ оркестрантамъ всѣ вступленія, по необычайной выразительности всѣхъ его жестовъ, отвѣчающихъ разнообразнымъ оттѣнкамъ исполненія, по его мимикѣ, по безукоризненной, желѣзной четкости его ритмики, по страстному увлеченію его стихіей звуковъ, о которомъ свидѣтельствуютъ каждый его жестъ, наклонъ головы, движеніе всего корпуса—вы видите, что этотъ маленькій артистъ дѣйствительно ведетъ оркестръ“.

„У мальчика врожденная, законченная дирижерская техника: его рука—это рука тонкаго, опытнаго дирижера-художника. Такой необычайной пластичности жеста многіе дирижеры

*) Характерно, что такую же самостоятельность Вилли проявляетъ и на концертахъ. На одномъ изъ петербургскихъ концертовъ, напр., замѣтивъ въ Adagio molto симфоніи Бетховена маленькій промахъ какого-то музыканта, маленькій дирижеръ „нахмурился“. А сюиту Грига онъ вдругъ остановилъ рѣзкимъ стукомъ палочки на первомъ аккордѣ: оказалось, что зазѣвавшійся музыкантъ забылъ дать трель.

не въ состояніи достигнуть путемъ неустанной, упорной работы. Дирижируя наизусть всей программой, Вилли Ферреро не только даетъ вступленія всѣмъ инструментамъ, но мало того, подготавливаетъ ихъ заранѣе взглядомъ, и это на музыкантовъ производитъ совершенно ошеломляющее дѣйствіе. Вѣдь этого часто не въ состояніи сдѣлать даже и выдающіеся дирижеры. И какое при этомъ огромное разнообразіе оттѣнковъ, сколько пониманія, какой огромный темпераментъ. Темпераментъ у семилѣтняго крошки!"...

„Послушайте, какъ онъ „предчувствуетъ" за нѣсколько тактовъ впередъ перемѣну темпа, фразировки, какъ всѣ его музыкальныя чувства и предчувствія отражаются на характерѣ движеній его рукъ, головы и всего тѣла... Онъ регулируетъ силу и скорость потока звуковъ съ мастерствомъ, которому позавидовалъ бы не одинъ взрослый дирижеръ-эрудитъ".

„Какъ очаровательны плавныя, качательныя движенія всего тѣла Ферреро, которыми онъ какъ бы отдаетъ себя во власть граціозныхъ, отдѣльными волнами набѣгающихъ мелодій! Съ какой недѣтской энергіей потрясаетъ онъ маленькими кулачками, когда по требованію партитуры должна зарычать мѣдь или загрохотать ударные! До чего экспрессивна и пластична вся та разнообразная жестикуляціонная „ритмическая гимнастика", съ помощью которой феноменальный ребенокъ стремится передать замедленія и ускоренія темповъ, усиленіе и ослабленіе звучности, ферматы, паузы, вообще всѣ элементы исполняемой имъ вещи".

„Маленькій Ферреро владѣетъ еще одной богатой тайной, которая говоритъ намъ чрезвычайно много: тайна эта—богатѣйшая рѣчь мимики. Этимъ языкомъ онъ владѣетъ въ совершенствѣ, и самыя ничтожныя детали въ нюансировкѣ онъ, путемъ взгляда, недовольнымъ сжиманіемъ губъ, легкой улыбкой, мѣрнымъ покачиваніемъ головы, говоритъ больше, нежели цѣлыя лекціи и многотомные трактаты о сочиненіяхъ корифеевъ музыки".

„Безъ партитуры, вооруженный лишь маленькой палочкой ребенокъ передавалъ тончайшіе нюансы первой бетховенской симфоніи. Словно въ забытьѣ, полузакрывъ глаза, творилъ онъ Andante cantabile первой части".

„Трудно забыть выраженіе мольбы на его нервномъ и блѣдномъ личикѣ, когда віолончели и контрабасы заиграли свое знаменитое соло (въ этой первой части)".

„Въ венгерскомъ маршѣ Берліоза онъ другой. Онъ перевоплотился. Глаза загораются;онъ радостенъ, онъ улыбается. И оркестръ, повинуясь ему, даетъ эту улыбку, вводящая ее въ звукахъ".

„Затѣмъ тихая печаль Грига („Танецъ Анитры"). Отъ тщедушной фигурки ребенка-дирижера вѣетъ элегіей. Онъ умоляюще смотритъ на оркестръ. Онъ нѣжно проситъ piano"...

„Когда онъ, сдерживая и безъ того затихшій оркестръ, весь подался впередъ и всей своей крошечной фигуркой и подвижнымъ выразительнымъ личикомъ какъ бы умолялъ музыкантовъ не противиться и произносилъ что-то въ родѣ: „тс... тс...",—надо было видѣть его!.. Словами этого не передашь"...

„Когда же ему нужно развить силу звука, онъ весь раскраснѣется, насторожится, начнетъ угрожать музыкантамъ кулачонками и какъ бы силой вырываетъ изъ оркестра нужный ему нюансъ".

„Жутко становится, когда онъ аттакируетъ звукъ во вступленіи къ маршу „Ракоччи" Берліоза или въ „Мейстерзингерахъ".

„Публика вся впивается въ крошечнаго чародѣя, передающаго гнѣвъ, силу и огневую страсть Вагнера. У Ферреро нервно подергивается лицо. Онъ весь горитъ. Ребенокъ блѣдный, какъ снѣгъ, поднимаетъ свои крошечныя ручки. Онъ словно вырастаетъ, онъ требуетъ еще и еще звуковъ, больше гнѣва, силы и въ заключительномъ кадансѣ доходитъ до апогея".

„Въ „Fortissimo" берліозовскаго марша и конца вагнеровскаго форшпиля достигнута такая звучность, что страшно стало отъ контраста грозной звуковой массы и миніатюрной, хрупкой, нѣжной фигурки. Точно волшебный гномъ, будилъ мальчикъ горы, и онѣ дрожали отъ громовыхъ раскатовъ. Еще долго будетъ насъ преслѣдовать вдохновенная фигурка, замершая въ восторгѣ послѣдняго вагнеровскаго каданса".

„Многіе наиболѣе удавшіеся Ферреро эпизоды монументальной увертюры Вагнера совершенно ошеломили меня. Прямо не вѣрилось своимъ глазамъ и ушамъ. Мальчикъ „понимаетъ" сложнѣйшую вагнеровскую полифонію! Онъ чувствуетъ, онъ въ какомъ-то смыслѣ „переживаетъ" музыкальные идеи и образы, которые недоступны иному взрослому опытному и ученому артисту!".

„Но его промахи не меньше, чѣмъ его удачи, свидѣтельствуютъ о гигантскихъ размѣрахъ его таланта. Мальчикъ чувствуетъ, что и гдѣ не вышло, не выдѣлено, смазано. Онъ что-то кричитъ, подпѣваетъ, негодуетъ, ни на минуту, однако, не теряясь, еще опредѣленнѣе давая вступленія, съ величайшей экспансивностью изображая жестами и мимикой малѣйшіе нюансы, перемѣны ритмики, метрики, темповъ".

Еще любопытнѣе отношеніе присутствовавшихъ на концертѣ виднѣйшихъ музыкантовъ—профессоровъ, дирижеровъ—къ своему маленъ-

кому коллегѣ. Впечатлѣніе получилось у нихъ до того сильное, что иные, даже старые, опытные дѣятели долго не могли притти въ себя.

Л. Ауэръ едва былъ въ состояніи досидѣть до конца,—такъ взволновало его увидѣнное и услышанное. „Это такъ же мало вѣроятно,— говоритъ онъ,—какъ если бы я увидѣлъ спустившагося съ неба поющаго ангела". С. Габель, весь красный, буквально задыхается отъ волненія: „Меня морозъ подираетъ по кожѣ! Я не чувствую подъ собою ногъ... Боже мой, развѣ стоитъ теперь учиться дирижерству... Нѣтъ, какое математическое знаніе партитуры! Какой необычайный темпераментъ!.." Дирижеръ Г. Вихтеръ: „Послѣ этого остается только одно— сломать палочку и перестать дирижировать"... Точно такъ же и другіе, въ томъ числѣ директоръ консерваторіи А. К. Глазуновъ, не могли скрыть своего чрезвычайнаго возбужденія. Одному изъ писавшихъ о концертѣ Ферреро невольно вспомнилась картина Поленова: „Христосъ, проповѣдующій мудрецамъ". „...И мудрецы внимаютъ божественной проповѣди единаго отъ малыхъ сихъ"...

Что же послѣ этого удивляться энтузіазму слушателей „простыхъ смертныхъ" и тѣмъ, прямо невѣроятнымъ, оваціямъ, которыми былъ награжденъ маленькій дирижеръ (въ Петербургѣ). „Публика совершенно потеряла способность владѣть собою"... „Настроеніе публики не можетъ быть передано никакими словами. Это было какое-то безуміе, ликованіе, умиленіе, жуть передъ чѣмъ-то необъяснимымъ, сверхестественнымъ". „Многихъ охватило чувство почти религіознаго экстаза". „Общему увлеченію поддались даже ипохондрики", „даже усталые и пресыщенные люди"... Иные рыдаютъ. Надо замѣтить при этомъ, что ребенокъ-дирижеръ встрѣченъ былъ сдержанно. Не только среди спеціалистовъ, но и въ публикѣ, повидимому, оказалось не мало лицъ, находившихся подъ расхолаживающимъ вліяніемъ кривотолковъ о рекламѣ, о гипнозѣ, о муштровкѣ, „натасканности" Вилли.

Публика неистовствуетъ, а ребенокъ стоитъ и смотритъ ясными глазками, смущенно перебирая струны поднесенной ему игрушечной шоколадной лиры. А черезъ минуту какую-нибудь мысли его уже далеко отъ всѣхъ этихъ аплодисментовъ, криковъ восторга, горящихъ взоровъ, сіяющихъ улыбокъ, слезъ умиленія: „крошка внимательно разсматриваетъ и сортируетъ полученные подарки. Медвѣжонокъ съ толстыми лапами и деревянный домикъ сейчасъ интересуютъ его не меньше, чѣмъ... менуэтъ изъ бетховенской симфоніи". „...И вотъ что еще непостижимо въ Ферреро,—пишетъ одинъ изъ рецензентовъ,—сейчасъ онъ, „одержимый" какимъ-то подлиннымъ вдохновеніемъ, легко и свободно, безъ тѣни манерности или застѣнчивости, машетъ своей палочкой, монархически властвуя надъ смычками музыкантовъ и сердцами слушателей. Черезъ пять минутъ онъ— самый обыкновенный ребенокъ, съ живымъ любопытствомъ разсматривающій сдѣланное ему кѣмъ-то „цѣнное" подношеніе — игрушечную желѣзную дорогу. Что же это, наконецъ, такое? Ничего не понимаю, ничего не знаю. Геніальность? Патологія? Чудо? Колдовство?.."

Такъ недоумѣвали и недоумѣваютъ всѣ, и... вопросы остаются безъ отвѣта. На нихъ нѣтъ еще отвѣта, и очень мало въ этомъ отношеніи даетъ пока и біографія феноменальнѣйшаго малютки.

Мать Вилли—хорошая скрипачка, отецъ— музыкальный эксцентрикъ (театра-варьетэ). Музыкальныя способности ребенка начали обнаруживаться необычайно рано,—чуть ли не тогда еще, когда ему было всего около года. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ родители однажды замѣтили, что во время ихъ обычной игры онъ „дирижируетъ" ложкой. И уже тогда, если вѣрить родителямъ, младенецъ продѣлывалъ это довольно толково. Впрочемъ, въ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Извѣстно, напр., что сынъ композитора Дворжака умѣлъ пѣть военный маршъ, отбивая при этомъ тактъ, въ возрастѣ одного года, а черезъ 6 мѣсяцевъ научился пѣть всѣ мелодіи своего отца, передавая ихъ вполнѣ правильно ритмически подъ его аккомпанементъ. Композиторъ Беллини отбивалъ тактъ, заслышавъ откуда-нибудь музыку, когда ему еще не было полнаго года; въ возрастѣ 1 года и 6 мѣсяцевъ онъ пѣлъ арію Фіораванти подъ аккомпанементъ отца.

Когда Вилли подросъ настолько, что ходилъ и бѣгалъ по комнатѣ, онъ устраивалъ себѣ оркестръ изъ стульевъ, табуретокъ и кусковъ бумаги и дирижировалъ имъ, будто бы, съ поразительной ясностью, точностью и отчетливостью! Родители, конечно, обратили вниманіе на исключительный даръ своего ребенка и стали его выводить дирижировать: сначала у друзей, у близкихъ, а затѣмъ и публично, на маленькихъ сценахъ, какъ это видно по имѣющимся у родителей афишамъ и программамъ. Но въ первые годы всѣ, начиная съ самихъ родителей, смотрѣли на способности Вилли слишкомъ легкомысленно. Ребенка, напр., демонстрировали въ парижскомъ кафешантанѣ „Фоли-Бержеръ", гдѣ, конечно, заставляли исполнять соотвѣтствующій репертуаръ, загримировавъ его, для вящшей сенсаціи, подъ какого-то популярнаго капельмейстера. И такимъ образомъ то „музыкальное

чудо", которое у насъ произвело положительно-таки потрясающее впечатлѣніе чего-то сверхземного, въ Парижѣ превратилось въ простую забаву, очередной „аттракціонъ"...

Изъ ряда выходящая даровитость *четырехлѣтняго* дирижера снискала тогда весьма благосклонное вниманіе „самого" Сенъ-Санса. Однако только въ нынѣшнемъ году мальчику посчастливилось найти просвѣщеннаго руководителя—въ лицѣ крупнаго итальянскаго дирижера Муньоне, который и далъ должное направленіе музыкальному развитію малютки. И вотъ этой весною Вилли впервые выступилъ съ серьезнымъ репертуаромъ и во главѣ серьезнаго оркестра—въ Римѣ, на большомъ симфоническомъ концертѣ. Какъ и въ Россіи теперь, мальчикъ въ сильнѣйшей степени заинтересовалъ тамошнихъ и музыкальныхъ и ученыхъ спеціалистовъ. И какъ и у насъ, принялись дѣлать наблюденія надъ нимъ, „изучать" его, анализировать „чудо"...

Такъ кто же такой этотъ неслыханный доселѣ вундеркиндъ? Какъ *объяснить* эту новую загадку дѣтской психологіи?

Оставимъ спеціалистовъ, авторитетовъ спорить о томъ, геній ли малолѣтній Вилли или только „геніалоидъ", т.-е. „геніеподобный", или же просто талантъ, и какой талантъ—„односторонній" или нѣтъ, и что можно ожидать отъ него въ будущемъ, а также—вредны или не вредны для мальчика его раннія выступленія передъ публикой. Ограничимся лишь тѣмъ, что процитируемъ мнѣніе одного чуткаго, вдумчиваго, интеллигентнѣйшаго петербургскаго музыканта—Виктора Вальтера. Онъ пишетъ („Солнце Рос." № 47):

„... Что-же собственно насъ такъ поражаетъ, что приводитъ, скажу безъ преувеличенія, въ какой-то священный трепетъ въ родѣ того чувства, которое испыталъ Моисей, когда увидѣлъ горящій и не сгорающій терновый кустъ и услышалъ голосъ Бога, звучавшій ему изъ куста?

... Самой изумительной для меня является способность Вилли къ величайшему эмоціональному возбужденію, которое онъ передаетъ оркестру и всей публикѣ. Уже самый фактъ, что такой крошечный мальчикъ можетъ въ мимикѣ и жестѣ съ такой силой и яркостью передавать настроеніе безконечной мощи, или нѣжной грусти, или граціозной веселости—уже этотъ фактъ самъ по себѣ повергаетъ насъ въ величайшее изумленіе. Но вѣдь это не все. Главное въ каждомъ великомъ дирижерѣ—это его способность передавать свое эмоціональное возбужденіе оркестру и всей публикѣ. И когда мы выходимъ изъ концерта Никиша, потрясенные его исполненіемъ Чайковскаго, то мы понимаемъ, что этотъ артистъ во время исполненія самъ переживаетъ (художественно!) душевныя потрясенія, и этими переживаніями онъ заражаетъ насъ. Мы какъ бы переживаемъ съ нимъ вмѣстѣ и безконечную скорбь, и трогательную нѣжность, и отчаянныя усилія безплодной борьбы (6-я симфонія), и за такое обогащеніе нашей душевной жизни мы безконечно благодарны композитору и его истолкователю. При этомъ мы понимаемъ, что наши переживанія вызваны въ насъ сознательной волей Никиша.

Но развѣ этотъ крошечный ребенокъ Вилли Ферреро можетъ имѣть сознательную волю, которою онъ заставляетъ насъ переживать разнообразныя и сложныя эмоціи, выражаемыя музыкой вступленія къ „Мейстерзингерамъ"?

Вѣдь въ реальной жизни онъ настоящій крошечный мальчикъ, который дѣйствительно всецѣло поглощенъ игрушками, и фактически его воля обнимаетъ только крошечный кругъ его поступковъ, какой онъ можетъ охватить своими руками. Почему же, когда онъ становится на эстраду и подымаетъ свою палочку, онъ преображается и становится повелителемъ нашихъ душевныхъ движеній? Какая же сила истекаетъ изъ его горящаго взора, отчего наше сердце начинаетъ усиленно биться, когда эта крошечная ручка вызываетъ громы берліозовскаго марша, отчего мы улыбаемся и слезы выступаютъ на глазахъ, когда это блѣдное и худенькое личико, обрамленное темными кудрями, начинаетъ жалостно покачивать, передавая грусть, выраженную въ „похоронномъ маршѣ маріонетки" Гуно? Отчего? Какъ можемъ мы, толпа взрослыхъ людей, подчинять свою волю волѣ этого крошечнаго ребенка, несомнѣнно не охватывающаго своимъ сознаніемъ того, что онъ съ нами дѣлаетъ?

Не ребенку подчиняемся мы, взрослые, а тому Безсмертному Духу, который говоритъ намъ во взорѣ и жестѣ этого ребенка, и вотъ почему охватываетъ насъ священный трепетъ при видѣ крошечнаго дирижера, повелѣвающаго толпою взрослыхъ людей, вотъ почему къ горлу подступаютъ слезы восторга, когда разсказываешь о чудесномъ видѣніи людямъ, не видѣвшимъ его"...

Оставимъ, наконецъ, и самого Вилли Ферреро и, поднявшись надъ сегодняшнимъ и вчерашнимъ днями, заглянемъ далеко впередъ, черезъ многія и многія „завтра",—заглянемъ глазами проф. А. Погодина. О туманномъ будущемъ загадываетъ названный ученый въ статьѣ „Охрана геніевъ" („Утро", № 2136):

„... Эти ранніе геніи представляютъ нѣчто глубоко значительное. Это ранніе всходы, слиш-

комъ ранніе ростки тѣхъ зеренъ, которыя засѣяны на нивѣ человѣчества. Повидимому создаются новые типы будущихъ людей. Какъ всякій зоологическій родъ, развивается и человѣчество. Какъ-то недавно писали о томъ, что все чаще наблюдается появленіе на свѣтъ уродовъ, лишенныхъ нѣкоторыхъ человѣческихъ органовъ, не обладающихъ особеннымъ развитіемъ мозга. Эти уроды, прежде рождавшіеся мертвыми, теперь оказываются въ состояніи прожить уже нѣсколько часовъ. Будто бы въ эту сторону движется развитіе человѣчества *).

Пусть такъ. Но въ области духовной жизни эти дѣти-геніи представляютъ какіе-то новые шаги, которые дѣлаетъ человѣчество. Они наслѣдуютъ отъ предковъ особенно сильные, особенно быстро и крѣпко ассоціирующіеся музыкальные или зрительные образы. Они являются психологическимъ аппаратомъ, приспособленнымъ для особенно быстрыхъ и инстинктивно точныхъ и отчетливыхъ дѣйствій. Именно въ инстинктъ у нихъ превращаются способности, пріобрѣтаемыя предшествующими поколѣніями путемъ опыта".

Искусство чтенія.

[028].

Искусство читать, можетъ быть, не менѣе трудно и сложно, чѣмъ искусство писать. Поэтому разговоръ о чтеніи весьма интересенъ и поучителенъ.

Брандесъ, извѣстный датскій критикъ, въ своей брошюрѣ „О чтеніи" ставитъ три вопроса по поводу этой темы:

1) Почему слѣдуетъ читать?
2) Что читать?
3) Какъ читать?

Отвѣчая на первый вопросъ, Брандесъ предупреждаетъ, что онъ „вовсе не склоненъ переоцѣнивать познанія, которое пріобрѣтается чтеніемъ", потому что часто „оно по необходимости является лишь суррогатомъ непосредственнаго познанія жизни и міра".

„Книги слѣдуетъ, собственно говоря, разсматривать какъ теорію. Какъ врачъ не можетъ вычитать свои познанія, а долженъ изучать больныхъ, точно такъ же и книги, вообще говоря, не могутъ научить насъ чему-нибудь, если мы не учимся въ то же время у жизни. Если мы не обладаемъ самостоятельнымъ знаніемъ человѣческой души, то мы не въ состояніи читать какъ слѣдуетъ даже романъ. Вѣдь мы въ такомъ случаѣ не можемъ судить о томъ, правдиво или ложно изображены въ немъ отношенія.

Не слѣдуетъ думать, что мы можемъ обогатить свой умъ путемъ проглатыванія книгъ. Должна быть создана почва для того, чтобы мы могли понять и усвоить себѣ хотя бы частицу той мудрости, которая, быть можетъ, заключена въ хорошей книгѣ,—и эта почва создается только жизнью.

Но, съ другой стороны, необходимо также помнить, что у книгъ есть преимущество по сравненію съ людьми.

Онѣ приводятъ въ движеніе мысль, тогда какъ люди дѣлаютъ это очень рѣдко.

Онѣ молчатъ, когда ихъ не спрашиваютъ,—людямъ рѣдко свойственна такая деликатность. Какъ часто подвергаешься посѣщенію назойливыхъ, непріятныхъ людей! Въ моемъ рабочемъ кабинетѣ стоятъ семь, восемь тысячъ книгъ, которыя никогда не тяготятъ меня, а часто доставляютъ радость.

И, наконецъ, книги рѣдко бываютъ такими пустыми, какъ люди, къ которымъ часто примѣнимы слова Гете: „Будь это книги, я никогда бы ихъ не читалъ".

Если мнѣ позволено употребить обычную, банальную фразу, то я скажу, что мы должны читать также и съ той цѣлью, чтобы къ своему опыту присоединить опытъ другихъ, болѣе крупныхъ и проницательныхъ людей. Мы должны читать потому, что въ наукѣ работа и пытливость столѣтій представлены намъ въ сгущенномъ и просвѣтленномъ видѣ, и потому, что въ произведеніяхъ изящной литературы мы встрѣчаемъ своеобразную красоту и прекрасную индивидуальность, съ которыми мы можемъ познакомиться только такимъ путемъ. Чтеніе можетъ дать намъ болѣе острое чутье и болѣе сильную воспріимчивость къ тому, что поистинѣ цѣнно.

И даже въ томъ случаѣ, когда чтеніе доставляетъ намъ лишь невинное развлеченіе, оно имѣетъ значеніе въ нашей скучной и полной однообразнаго напряженія повседневности. Чтеніе для простого развлеченія ни въ коемъ случаѣ не заслуживаетъ пренѣнія,—если только оно дѣйствительно развлекаетъ".

Сказать „что читать"— большое полезное дѣло. Книжный рынокъ ежедневно наполняется сотнями новыхъ изданій, не говоря уже о газетахъ, расходящихся по всему міру въ милліонахъ экземпляровъ.

Прежде всего о читателяхъ газетъ. Число таковыхъ огромно. Но это число не даетъ намъ основаній сдѣлать выводъ о значительномъ распространеніи серьезнаго хорошаго чтенія. Га-

*) См. „Бюл." № 6 за 1911/12 г. „О будущей породѣ людей".

зеты не требуютъ напряженія и вниманія. Ихъ можно читать между дѣломъ, чуть ли не на ходу: въ трамваяхъ, на желѣзной дорогѣ и т. д. Поэтому онѣ всѣмъ доступны и интересны.

Читателямъ газетъ Брандесъ желаетъ „во-первыхъ, чтобы они читали свою газету съ нѣкоторой критикой, и, во-вторыхъ, чтобы это чтеніе не удовлетворяло ихъ настолько, чтобы дѣлать ихъ неспособными ко всякому другому чтенію“.

Толпа вообще по мнѣнію Брандеса, не умѣетъ читать. Даже такія книги, какъ Библія, имѣющаяся чуть ли не въ каждомъ домѣ средняго культурнаго человѣка, не одинаково воспринимаются читателями, что объясняется неровностью достоинствъ священной книги. Извѣстно напр., что, заключая въ себѣ, съ одной стороны, величайшія произведенія общечеловѣческой поэзіи (кн. пророка Исаіи), Библія содержитъ и неудачныя историческія компиляціи, какъ напр. книга Паралипоменонъ. Понятно, что не всякій читатель способенъ разобраться во всемъ этомъ.

„Но если, такимъ образомъ, даже эта книга, признанная за лучшую, не можетъ назваться хорошей для всѣхъ, то что же тогда сказать о классикахъ! Въ большинствѣ состоятельныхъ домовъ такъ называемыя классическія произведенія собраны въ книжномъ шкафу, по обыкновенно они только стоятъ на своемъ мѣстѣ, ихъ читаютъ рѣдко или никогда, и удовольствіе, которое онѣ доставляютъ, когда ихъ вынимаютъ, очень незначительно: вѣдь чистая случайность, если ихъ понимаютъ. Классики писали для минувшихъ поколѣній, и поэтому имъ обыкновенно свойственно нѣчто такое, что чуждо поколѣнію подрастающему. Въ силу этого лучше, быть можетъ, начинать съ книгъ, написанныхъ для нынѣ живущихъ. Эти книги молодежь понимаетъ до конца, а черезъ нихъ лежитъ путь къ старымъ великимъ писателямъ.

Но, спросятъ меня, какъ мы найдемъ хорошія книги, которыя пришлись бы намъ по душѣ? Разумѣется, всегда трудно отвѣтить на подобный вопросъ. Въ данномъ случаѣ такъ же невозможно указать вѣрные способы, какъ невозможно указать способы разыскать людей, знакомство съ которыми можетъ доставить удовольствіе или пользу. Но можно предостеречь отъ способовъ, которые не ведутъ къ цѣли или ведутъ мимо нея.

Есть люди, которые полагаютъ, что имъ нѣтъ надобности самимъ читать книги; они и безъ того могутъ узнать то, что въ нихъ содержится. Такъ какъ большинство обыкновенно стремится получить общій взглядъ на цѣлое и думаетъ, что узнаетъ больше всего, взявъ какой-нибудь обзоръ, захватывающій наиболѣе широкую область, то прибѣгаютъ къ такого рода книгамъ, которыя начинаются съ сотворенія міра и кончаются нашими днями,—къ такъ называемымъ исторіямъ всемірной литературы.

Слѣдуетъ остерегаться подобныхъ книгъ. Ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не въ состояніи единолично написать такой исторіи, а въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ имѣемъ, эти книги скорѣе способны сбить съ толку, чѣмъ научить чему-нибудь. Авторъ такой исторіи всемірной литературы говоритъ о книгахъ, написанныхъ на полсотнѣ различныхъ языковъ, изъ которыхъ онъ знаетъ лишь незначительную часть. Если бы онъ началъ читать еще въ чревѣ матери и только бы и дѣлалъ, что читалъ — никогда бы не жилъ, никогда бы не спалъ, никогда бы не ѣлъ и не пилъ, а все читалъ бы вплоть до выпуска своей книги,— то и тогда у него не хватило бы времени прочитать болѣе чѣмъ самую ничтожную часть тѣхъ книгъ, о которыхъ онъ судитъ. Такимъ образомъ, онъ самъ крайне поверхностно знаетъ ту область, въ которой претендуетъ на руководство другими,— и поэтому польза, которую онъ можетъ принести, весьма проблематична.

Книга, дѣйствительно способная руководить, должна охватывать лишь отдѣльную страну или опредѣленный короткій періодъ времени. Я даже готовъ сказать: чѣмъ короче періодъ, тѣмъ лучше. Относительная ограниченность темы не дѣлаетъ ограниченной книгу. Широта и размахъ проистекаютъ не изъ того, что въ кругъ изслѣдованія включенъ необъятный матеріалъ, а отъ глубины изслѣдованія, отъ широты кругозора автора. Безконечность зависитъ не отъ огромныхъ размѣровъ, а отъ претворенія единичнаго въ образъ. Натуралистъ, описывая насѣкомыхъ, можетъ открыть намъ глаза на жизнь вселенной. Поэтому выдающійся писатель всегда разсматриваетъ свою тему какъ символъ. Даже въ томъ случаѣ, если онъ напишетъ о какомъ-нибудь краткомъ періодѣ или о какой-нибудь отдѣльной личности, сквозь его описаніе, толкованіе и критику — эти три постоянныхъ элемента — будутъ просвѣчивать общіе законы творчества и всякой духовной дѣятельности.

Поэтому бойтесь объемистыхъ обзоровъ! Замѣните ихъ энциклопедическимъ словаремъ! Словарь не претендуетъ на индивидуальность. Онъ содержитъ лишь сухія, обычно вѣрныя свѣдѣнія о людяхъ и ихъ произведеніяхъ.

Наше время отличается преувеличенной вѣрой въ такъ называемое общее образованіе— слово, которое меня немного пугаетъ. Люди читаютъ, чтобы достичь „общаго образованія“.

Увы, оно очень легко становится настолько общимъ, что перестаетъ быть образованіемъ. Читаютъ то о китахъ, то о государствѣ Конго, то о сценическомъ искусствѣ, то о зубахъ, то о соціализмѣ въ Баваріи, то о сербскихъ народныхъ пѣсняхъ, то о революціи 30-го года — все вперемежку, чтобы получить общее образованіе.

Но всѣ люди, знающіе вообще что-нибудь, знаютъ что-нибудь спеціально. Изъ спеціальнаго открываются окна на общее. А отъ всеобщаго къ спеціальнымъ познаніямъ ведутъ гораздо болѣе длинные пути.

Итакъ, на вопросъ: что читать? — мой отвѣтъ гласитъ: читай лучше десять книгъ объ одномъ предметѣ или объ одномъ человѣкѣ, чѣмъ сто книгъ о ста различныхъ предметахъ.

Представьте себѣ, что кто-нибудь, желая изучить англійскій парламентскій строй, углубился бы въ стенографическіе отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ и постарался бы прочитать ихъ за нѣсколько десятилѣтій или больше. Думаю, что у него голова пошла бы кругомъ.

Я когда-то заинтересовался англійскимъ государственнымъ дѣятелемъ, лордомъ Биконсфильдомъ, который въ то же время писалъ романы; сначала только имъ однимъ. Я началъ съ того, что прочиталъ его романы и повѣсти, а затѣмъ занялся изученіемъ его общественной дѣятельности. Это привело меня, между прочимъ, къ его политическимъ рѣчамъ въ парламентѣ. И такъ какъ мой интересъ вращался вокругъ опредѣленнаго центра, то всѣ эти рѣчи о предметахъ, столь мнѣ далекихъ раньше, сдѣлались для меня увлекательными, и не только его собственныя рѣчи, но и рѣчи его единомышленниковъ и, особенно, противниковъ. Противниковъ у него было множество, и каждый изъ нихъ обладалъ своей индивидуальностью. Эти люди сдѣлались для меня относительно интересными, такъ какъ тотъ, на котораго они нападали, былъ предметомъ моего напряженнаго вниманія; и такимъ образомъ цѣлый періодъ политической исторіи Англіи, который раньше былъ мнѣ довольно безразличенъ, пріобрѣлъ для меня захватывающій интересъ.

Итакъ, коль скоро какая нибудь личность или какой-нибудь предметъ интересуютъ тебя, углубись съ головой въ изученіе ихъ. Такимъ путемъ ты научишься въ тысячу разъ большему, чѣмъ углубляясь въ тысячу предметовъ и личностей. Предметъ будетъ расширяться передъ твоимъ взоромъ, пока не охватитъ цѣлый горизонтъ. Но никогда не начинай съ горизонта, не то ты обреченъ на глазѣнье въ пространство.

Этимъ, разумѣется, я не хочу сказать, что не существуетъ массы плохихъ книгъ, читать которыя значитъ терять время. Справедливо предостерегаютъ противъ опасныхъ книгъ, и часто книги, которыя называютъ такъ, дѣйствительно, бываютъ опасными. Но опасны не только книги, которыя спекулируютъ на чувственныя влеченія юныхъ читателей или потворствуютъ ихъ лѣности и легкомыслію, но и тѣ книги, которыя стараются возбудить уваженіе къ низкимъ и плоскимъ вещамъ, или распространяютъ предразсудки, или изображаютъ благородство и свободолюбіе въ невыгодномъ свѣтѣ.

Польза и вредъ, опасность и безопасность къ тому же относительныя понятія. Книги, которыя даютъ ребяческую и въ силу этого лживую картину человѣческой природы, можно, конечно, безъ особаго вреда дать въ руки восьми-девятилѣтнимъ дѣтямъ; дѣтей старшаго возраста онѣ легко могутъ сдѣлать менѣе сильными въ жизненной борьбѣ. Вообще говоря, книги, непріемлемыя для взрослыхъ, могутъ дѣтямъ доставить развлеченіе и пользу. И, наоборотъ, есть много книгъ, которыя безъ всякихъ дурныхъ побужденій изображаютъ человѣческія отношенія, пороки, столкновенія страстей и обязанностей, такія книги было бы неразумно дать въ руки неразвитымъ существамъ, тогда какъ для взрослыхъ и установившихся людей онѣ вполнѣ пригодны для чтенія и вообще ничуть не теряютъ въ своей цѣнности.

Почти такъ же, какъ опасныя книги, плохи книги скучныя, и крайне несносно суевѣріе, заставляющее невольно уважать серьезность и ученость, которыя усыпляютъ. Скучныя книги отпугиваютъ людей отъ пріобрѣтенія настоящихъ познаній.

Историческія книги, напримѣръ, часто написаны невыносимо скучно; нужно дѣлать усиліе воли, чтобы читать ихъ, такъ какъ считаешь это своего рода долгомъ. Не теряй своего времени и своихъ силъ на всякую сушь, если только ты не спеціалистъ, ищущій какихъ-либо разъясненій. Не ломай своихъ зубовъ объ эти камни! Исторія можетъ и должна быть самой увлекательной изъ всѣхъ наукъ. Я полагаю, что увлекательнѣе узнать что-нибудь о живыхъ людяхъ, чѣмъ о вымышленныхъ, даже если эти послѣдніе списаны съ живыхъ людей. Но историки часто слишкомъ легко относятся къ своей задачѣ: они изображаютъ людей съ ихъ наружной стороны, не давъ себѣ предварительно труда вжиться въ ихъ внутреннюю жизнь.“

На третій вопросъ („какъ читать?“) отвѣтить труднѣе, чѣмъ на два предыдущіе. Но это не мѣшаетъ сдѣлать попытку. Нѣкоторые (по мнѣнію Брандеса,—молодыя дѣвушки) охотнѣе читаютъ такія произведенія, въ которыхъ находятъ то или иное сходство съ собственной судьбой и со своими личными переживаніями.

Несомнѣнно, мы ничего не можемъ понять иначе, какъ черезъ себя самихъ. Однако при чтеніи книги дѣло идетъ не о томъ, чтобы найти себя въ ней, а о томъ, чтобы усвоить себѣ, что хотѣлъ сказать намъ авторъ при помощи той системы знаковъ, какой являются дѣйствующія лица книги.

Черезъ книгу мы проникаемъ въ душу, давшую ей жизнь. И когда черезъ книгу мы приблизились къ тому, кто ее написалъ, у насъ является желаніе познакомиться и съ другими его произведеніями. Мы догадываемся, что между различными написанными имъ вещами существуетъ связь, и, читая ихъ въ связи, мы начинаемъ глубже понимать какъ ихъ, такъ и ихъ автора.

Возьмемъ, напримѣръ, драму Ибсена „Привидѣнія“. Эту книгу нельзя рекомендовать незрѣлымъ людямъ, но вѣдь отъ этого она не теряетъ въ своей цѣнности. Когда „Привидѣнія“ появились въ свѣтъ, эта значительная и глубокая пьеса была почти единодушно заклеймена названіемъ безнравственнаго произведенія. Слѣдующая работа Ибсена, „Врагъ народа“, изображаетъ, какъ извѣстно, злобный пріемъ, оказанный городишкомъ своему врачу, когда тотъ выступаетъ съ утвержденіемъ, что вода купальнаго заведенія отравлена. Городъ не желаетъ потерять пріѣзжихъ и потратиться на всякія преобразованія, которыя являются необходимыми, а предпочитаетъ вмѣсто этого травить врага, словно онъ, а не вода—источникъ заразы. Эта пьеса была, такимъ образомъ, своего рода сравненіемъ того пріема, который былъ оказанъ „Привидѣніямъ“, и знаніе этихъ отношеній проливаетъ совсѣмъ новый свѣтъ на все произведеніе. Слѣдовательно, слѣдуетъ читать такимъ образомъ, чтобы видѣть связь между отдѣльными работами писателя.

Полезно также читать такимъ образомъ, чтобы вникать въ связь между произведеніями писателя и тѣми произведеніями, которыя оказали на него вліяніе или на которыя повліялъ онъ. Остановимся немного на „Врагѣ народа“ и обратимъ вниманіе на то значеніе, какое въ этой пьесѣ играетъ несправедливость въ отношеніяхъ большинства къ свободной личности, вспомнимъ заключительныя слова о силѣ, свойственной одинокому! Если кто-нибудь, пораженный значительностью и оригинальностью этихъ мыслей, пожелаетъ изслѣдовать, не высказывались ли онѣ въ болѣе раннихъ сѣверныхъ книгахъ, онъ найдетъ ихъ выраженными съ поразительной энергіей въ писаніяхъ Сёрена Киркегора, увидитъ связь между норвежской и датской литературой, отмѣтитъ вліяніе одной страны на другую. Такимъ образомъ, путемъ внимательнаго чтенія мы черезъ книгу проникаемъ къ писателю, а черезъ него къ великой духовной связи, въ которой онъ стоитъ, и къ тѣмъ вліяніямъ, которыя онъ, въ свою очередь, оказываетъ на другихъ.

Однако такой способъ чтенія — не для всѣхъ. Его можно рекомендовать лишь тѣмъ, кто хоть въ малой мѣрѣ обладаетъ критическими наклонностями. Зато всѣ безъ исключенія могутъ читать такимъ образомъ, чтобы изъ прочитаннаго извлекать заключающуюся въ немъ мораль.

Мы не должны думать, что простое чтеніе можетъ насъ совершенствовать, и не должны требовать отъ писателя, чтобы онъ дѣлалъ насъ лучше своими нравоученіями. Тѣмъ не менѣе мы должны читать такъ, чтобы усваивать себѣ тѣ полезныя наставленія, которыя въ скрытомъ видѣ заключаются въ книгѣ...

Итакъ,—для чего мы должны читать? Для того, чтобы расширять свой кругозоръ, избавляться отъ своихъ предразсудковъ и постоянно все болѣе и болѣе совершенствовать свою личность.

Что мы должны читать? Книги, которыя отвѣчаютъ нашимъ наклонностямъ и захватываютъ насъ. Такія книги для насъ — хорошія книги.

Одного моего знакомаго спросили: „Какія книги вы предпочитаете,— романтическія, натуралистическія, символическія или еще какія-нибудь?“—„Хорошія книги“, отвѣтилъ онъ, и это былъ отличный отвѣтъ. Ибо нѣтъ ничего нелѣпѣе, какъ придавать значеніе рубрикамъ и этикетамъ. Хороша для меня та книга, которая развиваетъ меня.

Какъ же мы должны читать эти хорошія книги? Прежде всего съ увлеченіемъ, во-вторыхъ, съ критикой, въ третьихъ, такъ, если возможно, чтобы въ чтеніи мы имѣли какой-нибудь центральный пунктъ и чувствовали или видѣли связь между моментами, и, наконецъ, такъ, чтобы мы какъ слѣдуетъ усваивали себѣ то нравственное поученіе, которое заключается въ разсказѣ о любомъ событіи.

И тогда въ одной книгѣ для насъ можетъ открыться цѣлый міръ. Мы можемъ съ помощью книги узнать цѣлую область человѣческой души, въ которой мы найдемъ не только свою собственную душу — такую измѣнчивую и богатую превращеніями — но и неизмѣнную

сущность и вѣчные законы вселенной. Мы можемъ, наконецъ, путемъ внимательнаго чтенія поднять себя на такую нравственную высоту, съ которой ясно видно, что мы должны дѣлать и чего не должны."

О роли интеллигенціи въ промышленной жизни страны.

[338 : 658]

Задачи всесторонняго обновленія нашей государственной и общественной жизни и тотъ внутренній кризисъ, который пришлось пережить въ послѣдніе годы сначала руководителямъ государственной, а потомъ и руководителямъ общественной идеологіи, заставляютъ пересмотрѣть очень многія, считавшіяся еще недавно неоспоримыми, положенія и правильнѣе учесть сложность проблемъ, разрѣшавшихся упрощеннымъ способомъ, больше въ силу теоретическихъ и идеологическихъ предпосылокъ, чѣмъ на основаніи вдумчиваго проникновенія въ сущность протекающихъ на глазахъ у всѣхъ соціальныхъ процессовъ.

„Въ Россіи въ послѣдніе годы чувствуются признаки стихійнаго экономическаго прогресса, чувствуется нарастаніе матеріальныхъ силъ, какъ бы пробужденіе дремавшихъ задатковъ будущей экономической мощи."

Поэтому всестороннее уясненіе экономическаго процесса такъ, какъ онъ протекаетъ въ наше время, а *не долженъ* или будетъ когда-то и гдѣ-то протекать, и осознаніе и преодолѣніе нашихъ предубѣжденій въ этой области является насущной потребностью нашего сегодняшняго дня. А. Рыкачевъ посвящаетъ въ октябрьской книжкѣ „Русской Мысли" статью, „О нѣкоторыхъ нашихъ предубѣжденіяхъ" выясненію взгляда на предпринимателя и на отношеніе общества къ нему.

О соціальной важности роли предпринимателя много распространяться не приходится; „въ капиталистической хозяйственной системѣ организующая, руководящая дѣятельность разъ навсегда отдѣлена отъ исполнительной, умственный трудъ отдѣленъ отъ ручного и вмѣстѣ съ тѣмъ признанъ приматъ духовнаго, руководящаго труда". Дѣйствительно, въ наше время результаты вещественныхъ затратъ и физическаго труда въ сильнѣйшей степени зависитъ отъ цѣлесообразности принятаго плана хозяйства, отъ одаренности, умѣнія и старанія тѣхъ, кто комбинируетъ и утилизируетъ вещественные капиталы массы живого человѣческаго труда. Организующими центрами въ современной хозяйственной жизни служатъ руководители предпріятій, промышленныхъ и торговыхъ. Предпринимательскій элементъ исполняетъ роль ствола, который поднимаетъ и распредѣляетъ живые соки растенія: если замретъ жизнь въ стволѣ, то пропадутъ безъ пользы запасы пищи, приготовленные въ землѣ для корней."

Но важности и отвѣтственности роли предпринимателя далеко не соотвѣтствуетъ повышенная общественная оцѣнка этой дѣятельности. „По всей странѣ трудятся инженеры, химики, техники разныхъ спеціальностей, и отрадно видѣть, какъ изъ года въ годъ множится ихъ число. Но у большинства изъ нихъ нѣтъ подлиннаго сознанія, что они служатъ своему, а не чужому дѣлу. Вѣдь большинство относится отрицательно и къ основамъ современнаго хозяйственнаго строя, и къ той дѣятельности, отъ которой больше всего зависитъ окончательная соціальная цѣнность всѣхъ видовъ труда,— къ дѣятельности промышленниковъ и торговцевъ.

Всѣ говорятъ о необходимости развитія производительныхъ силъ страны, но если мы посмотримъ, какъ представляетъ себѣ средній русскій интеллигентъ конкретные пути къ подъему производительныхъ силъ, то увидимъ, что имѣется въ виду либо увеличеніе доли трудящихся классовъ въ національномъ доходѣ, либо развитіе техническихъ знаній и умѣній. Невозможно спорить противъ необходимости улучшенія положенія рабочихъ классовъ. Но допустимъ, что заработная плата стоитъ на очень высокомъ уровнѣ, жизнь и здоровье населенія ограждены всѣми возможными мѣрами соціальнаго законодательства, и вмѣстѣ съ тѣмъ во главѣ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій стоятъ люди безталанные, невѣжественные и нетрудоспособные: въ распредѣленіи труда служащихъ и рабочихъ царитъ хаотическій безпорядокъ, матеріалы пріобрѣтаются не соотвѣтствующіе цѣлямъ производства, машины плохо установлены, новые магазины, склады, конторы открываются въ неподходящихъ мѣстахъ, вырабатываемые продукты не соотвѣтствуютъ потребностямъ рынка, большой процентъ предпріятій работаетъ въ убытокъ и быстро приходитъ къ ликвидаціи, крупные капиталы пропадаютъ, и массы рабочихъ остаются безъ заработка. Будетъ ли спасеніемъ при такихъ условіяхъ высокая заработная плата?

Допустимъ, что уровень техническихъ знаній въ странѣ очень высокъ и высшія школы выпускаютъ достаточное число прекрасно образованныхъ инженеровъ. Но если эти инженеры обречены служить въ плохо организованныхъ

и фатально убыточныхъ предпріятіяхъ, то знанія ихъ не принесутъ пользы народному хозяйству и будутъ растрачены непроизводительно, какъ драгоцѣнный матеріалъ въ рукахъ невѣжественнаго ремесленника.

Казалось бы, никакихъ усилій нельзя жалѣть на то, чтобы повысить качество предпринимательской дѣятельности, чтобы привлечь въ торгово-промышленную среду лучшія силы страны, чтобы создать вокругъ руководителей промышленныхъ и торговыхъ предпріятій атмосферу благожелательнаго общественнаго вниманія. Но въ сознаніи русскаго общества сильны предразсудки противъ предпринимательской дѣятельности, и эти предразсудки мертвымъ грузомъ давятъ на прогрессивныя силы русскаго народнаго хозяйства".

Причины такого отношенія къ предпринимательской дѣятельности можно свести къ двумъ.

„Во-первыхъ, предпринимательская дѣятельность толкуется, какъ наиболѣе совершенное выраженіе чистаго экономическаго мотива. По этому взгляду купецъ и промышленникъ руководятся и должны руководиться только однимъ правиломъ: какъ можно дешевле покупать, какъ можно дороже продавать, какъ можно больше выручать. Чѣмъ строже слѣдуетъ предприниматель этому правилу, чѣмъ меньше оглядывается по сторонамъ и думаетъ о какихъ-нибудь иныхъ цѣляхъ, кромѣ наживы, тѣмъ совершеннѣе работаетъ механизмъ современныхъ рыночныхъ отношеній, тѣмъ лучше выполняется историческая миссія капитализма.

Если стать на эту точку зрѣнія, то, конечно, не приходится говорить ни о воспитаніи торгово-промышленной среды, ни объ отвѣтственности ея передъ обществомъ и государствомъ. Единственнымъ раціональнымъ воспитаніемъ было бы, пожалуй, полное освобожденіе промышленниковъ и торговцевъ отъ привязанности къ родинѣ, отъ чувства профессіональнаго долга, отъ честолюбія и любви къ творческому труду.

Представленіе старыхъ экономистовъ объ эгоизмѣ, какъ всеобщемъ и простѣйшемъ двигателѣ хозяйственной жизни, дѣйствующемъ съ правильностью силъ физическихъ, было отвергнуто, по крайней мѣрѣ, въ прежнемъ своемъ видѣ, позднѣйшею наукой. Но въ этомъ старомъ ученіи была и остается доля истины. Homo oeconomicus не есть чистая фикція. Трудность заключается лишь въ ясномъ и точномъ опредѣленіи того мѣста, какое занимаетъ экономическій мотивъ въ ряду другихъ мотивовъ, вліяющихъ на поведеніе людей въ хозяйственной жизни.

Экономическій мотивъ, поскольку онъ въ современной наукѣ противопоставляется тому эгоизму, о которомъ думали и говорили экономисты классической школы, характеризуется прежде всего отсутствіемъ этической окраски. Это—именно не эгоизмъ, не порокъ и не добродѣтель. Ибо этотъ мотивъ вообще существуетъ лишь въ отношеніяхъ человѣка къ природѣ и вещамъ, не въ отношеніяхъ людей между собой. Лишь поскольку экономическія отношенія между людьми овеществляются въ актахъ свободной купли-продажи, хозяйственный мотивъ становится соціальнымъ факторомъ. И вотъ необходимо установить, что для предпринимателей менѣе, чѣмъ для кого-либо, хозяйственный мотивъ, въ только что указанномъ специфическомъ смыслѣ, является единственнымъ или главенствующимъ. Какъ это ни странно на первый взглядъ, именно предприниматель есть менѣе всего homo oeconomicus. Дѣло въ томъ, что возможность свободнаго проявленія хозяйственнаго мотива обусловлена наличностью организованнаго рынка. Условіе же это не есть для предпринимателя нѣчто впередъ данное и готовое, какъ для другихъ участниковъ хозяйственнаго оборота: оно само предпринимателемъ создается. Предприниматель, какъ таковой, есть организаторъ рынка; для него рынокъ—не готовая возможность покупокъ и продажъ, а объектъ активнаго воздѣйствія. Массовый покупатель, какъ таковой, выбирая между потребностями и между вещами, равнодушенъ къ личности торговца или производителя. Предприниматель же, по существу своей функціи, не можетъ быть равнодушенъ къ психологіи своихъ покупателей и своихъ рабочихъ. Въ отличіе отъ другихъ, пассивныхъ участниковъ рынка, предприниматель представляетъ на рынкѣ активное начало. Его мышленіе и дѣятельность по необходимости имѣютъ соціальную окраску. Онъ принципіально не можетъ быть мыслимъ какъ индивидуалистъ, какъ чистый homo oeconomicus".

Въ жизни экономической, какъ и во всякой другой, одни процессы, а соотвѣтственно этому и дѣятели этихъ процессовъ, носятъ динамическій, другіе статическій характеръ. „Предприниматели суть нарушители равновѣсія, обусловленнаго законами экономической статики. Ихъ роль—въ осуществленіи новыхъ хозяйственныхъ комбинацій. Ихъ толкаетъ на путь творчества, не простой хозяйственный расчетъ. Ихъ выдвигаетъ не обладаніе капиталомъ, а сила творчества, сила организующей воли. Это—вожди въ хозяйственной жизни, властно влекущіе за собой пассивное большинство.

Предприниматель, въ своей специфической функціи, менѣе всего можетъ быть понятъ, какъ экономическій атомъ, движимый одной элемен-

тарной силой—стремленіемъ дешевле купить, дороже продать, больше выручить. Предприниматель, по существу своихъ функцій, есть организаторъ. Онъ не просто спекулируетъ на разницѣ въ цѣнахъ, онъ распоряжается тѣми вещественными процессами, которые лежатъ въ основѣ образованія цѣнъ. Предприниматель утилизируетъ стихійные, безличные процессы рынка, но утилизація эта выводитъ за предѣлы рынка. Одно лицо предпринимателя обращено къ рынку, другое—къ силамъ природы и общественнаго труда."

Было бы неправильнымъ упускать изъ виду, что дѣятельность каждаго предпріятія направлена не исключительно на достиженіе извѣстнаго денежнаго результата, подобно биржевой игрѣ, но въ равной формѣ и на организацію общественно полезнаго производства и общественно необходимаго потребленія. „Интересъ натурально-хозяйственный и интересъ денежно-хозяйственный—вотъ поистинѣ „основной дуализмъ" современнаго хозяйственнаго строя. Въ этомъ дуализмѣ коренится и двойственный характеръ предпринимательскихъ функцій. Съ одной стороны, предприниматели суть организаторы рынка, съ другой, они—организаторы производства и потребленія. Обѣ функціи одинаково существенны и могутъ быть поняты только во взаимной связи. Задача капиталистическаго предпріятія заключается въ использованіи натуральныхъ источниковъ и средствъ богатства путемъ свободнаго привлеченія къ этимъ натуральнымъ источникамъ покупательной силы потребителей и рабочей силы трудящихся. Не исполняютъ своего назначенія и съ равнымъ правомъ могутъ быть названы паразитическими какъ такія предпріятія, которыя получаютъ барыши чисто спекулятивнымъ путемъ, не питаясь живыми соками естественныхъ производственныхъ процессовъ, такъ и такія, которыя достигаютъ большихъ техническихъ успѣховъ цѣною убыточности, цѣною безвозвратной потери затраченнаго капитала.

Отвлеченный интересъ денежнаго барыша не можетъ быть единственнымъ руководящимъ мотивомъ предпринимательской дѣятельности въ силу самой отвлеченности своей. Живой, а не абстрактный предприниматель думаетъ не только о нормѣ прибыли, но и о пріумноженіи капитала, и не только о пріумноженіи денежнаго капитала, но также объ упроченіи и расширеніи натуральнаго субстрата, въ который вложенъ и съ которымъ вмѣстѣ растетъ и живетъ его денежный капиталъ.

Какъ распорядители затраченныхъ, завязанныхъ въ землѣ и трудѣ, капиталовъ, промышленники и купцы осуществляютъ опредѣленную профессіональную дѣятельность, несутъ свой профессіональный долгъ, имѣютъ профессіональныя требованія къ обществу и государству, связаны между собой профессіональной солидарностью. Долгъ мясоторговцевъ—снабжать населеніе доброкачественнымъ мясомъ, долгъ желѣзной дороги—перевозить пассажировъ и грузы съ достаточной скоростью, удобствомъ и безопасностью, такъ же какъ долгъ врача—лѣчить больныхъ, учителя—учить дѣтей.

Каждая профессія имѣетъ свои темныя и свѣтлыя стороны. Въ каждой таится опасность односторонняго, противообщественнаго использованія профессіональныхъ знаній и вообще всѣхъ преимуществъ, связанныхъ съ выполненіемъ данныхъ соціальныхъ функцій. Но общество заинтересовано не въ исчезновеніи силы профессіональнаго сцѣпленія, а въ использованіи ея для высшихъ цѣлей, не въ подавленіи профессіональныхъ интересовъ, а въ облагороженіи ихъ.

Каждое общество имѣетъ такихъ профессіональныхъ дѣятелей, какихъ оно само воспитало; живое чувство отвѣтственности и возвышенное представленіе о своихъ задачахъ можетъ у нихъ возникнуть, только если само общество имѣетъ возвышенное представленіе о задачахъ данной профессіи. Не можетъ быть хорошихъ врачей въ обществѣ, презирающемъ врачебную науку, и хорошихъ адвокатовъ въ обществѣ, лишенномъ чувства законности и уваженія къ суду.

Второй предразсудокъ въ отношеніи предпринимательской дѣятельности заключается въ утвержденіи ея паразитическаго характера. Общественный предразсудокъ гласитъ, что предприниматель всегда и необходимо, по существу своихъ функцій, есть паразитъ и эксплоататоръ. Этотъ предразсудокъ имѣетъ два источника: во-первыхъ, инстинктивную враждебность народныхъ массъ ко всякой новой дифференціаціи, ко всякой новой власти, ко всякому новому неравенству и, во-вторыхъ, соціалистическую доктрину, подкрѣпляемую практикой пролетарской классовой борьбы.

Предпринимательская дѣятельность заключаетъ въ себѣ элементъ властвованія. Авторитетъ власти не можетъ быть созданъ логическимъ убѣжденіемъ. Верховнымъ доводомъ въ пользу власти служитъ самый фактъ признанія ея и признаннаго осуществленія. Но инстинктъ неповиновенія не можетъ быть искорененъ до конца даже въ отношеніи власти прочно утвердившейся, общественно-продуктивной и мудрой. Само по себѣ, инстиктивное народное предубѣжденіе противъ предпринимательской дѣятельности въ странѣ мало культурной и съ слабымъ развитіемъ промышлен-

ности и торговли не есть такое препятствіе, къ которому слѣдовало бы относиться трагически. Всякій наблюдавшій практическую жизнь знаетъ, какъ легко и великодушно забываютъ работающіе свое недовѣріе къ руководителямъ, когда почувствуютъ въ послѣднихъ благожелательное вниманіе къ себѣ, серьезное отношеніе къ дѣлу и способность достигать реальныхъ успѣховъ.

Гораздо опаснѣе озлобленіе, накопляемое въ организованной классовой борьбѣ рабочихъ противъ капитала: здѣсь оно служитъ началомъ, сплачивающимъ разрозненныя массы, здѣсь озлобленіе помогаетъ объединенію и, какъ таковое, культивируется руководителями движенія. Но здѣсь и сознанію принадлежитъ болѣе значительная роль, и доводы разсудка имѣютъ больше шансовъ на успѣхъ.

Моральный бойкотъ предпринимательской дѣятельности, какъ онъ проповѣдуется марксистами или такими защитниками соціализма, какъ М. И. Туганъ-Барановскій, несостоятеленъ въ самой логической основѣ своей. Марксисты (и вмѣстѣ съ ними М. И. Туганъ-Барановскій), съ одной стороны, клеймятъ предпринимателей именемъ эксплоататоровъ, съ другой—считаютъ частно-предпринимательскую дѣятельность исторически необходимымъ этапомъ въ развитіи общественно-производительныхъ силъ.

Тутъ скрывается или формалистика и игра словъ, или непониманіе и недоговоренность. Если въ моемъ сознаніи моя дѣятельность представляется мнѣ общественно-полезной, то она можетъ противорѣчить какой-нибудь чужой морали, которую мнѣ навязываютъ, можетъ противорѣчить общественному мнѣнію, но не можетъ противорѣчить *моему* правосознанію, моему внутреннему убѣжденію.

Именно съ точки зрѣнія марксистской философіи исторіи предпринимательская дѣятельность должна быть признана столь же благодарнымъ поприщемъ служенія народному благу, какъ и дѣятельность по организаціи народныхъ массъ для борьбы съ капиталомъ. Кто вѣритъ, что отъ успѣховъ капиталистическаго развитія зависитъ скорѣйшее осуществленіе соціализма и кто стремится ускорить наступленіе новаго строя, а въ рамкахъ существующаго строя добиться наибольшаго возможнаго повышенія доли рабочаго класса въ благахъ культуры, тотъ, очевидно, обѣимъ этимъ цѣлямъ можетъ служить и въ предпринимательскомъ, и въ рабочемъ лагерѣ: вѣдь и на высоту заработной платы, и на условія труда, и тѣмъ болѣе на успѣхи капиталистическаго производства предприниматель можетъ имѣть вліяніе не меньшее, чѣмъ секретарь рабочаго союза.

У защитниковъ традиціоннаго русскаго отрицательнаго отношенія къ функціямъ властованія всегда имѣется въ запасѣ старый діалектическій аргументъ: проституція, воровство, шпіонство суть тоже исторически-необходимыя явленія, однако было бы нелѣпостью призывать къ облагороженію этихъ „профессій". Здѣсь опять игра словъ. По отношенію къ преступленіямъ понятіе исторической необходимости имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ по отношенію къ предпринимательской дѣятельности. Преступленія суть *необходимый результатъ* извѣстной комбинаціи соціальныхъ явленій, предпринимательская дѣятельность есть необходимое условіе нормальнаго отправленія жизненныхъ функцій общества. Преступность, проституція и т. д. суть неустранимый осадокъ соціальныхъ процессовъ, предпринимательская дѣятельность есть необходимое бродильное начало.

Къ тяжелымъ сторонамъ предпринимательской дѣятельности принадлежитъ сопротивленіе чрезмѣрнымъ требованіямъ рабочихъ—вѣдь психологически невозможно существованіе наемнаго труда безъ возникновенія время отъ времени чрезмѣрныхъ и неосуществимыхъ требованій! Сантиментально настроенная, наша интеллигенція со страхомъ отворачивается отъ перспективы такого сопротивленія. Однако далеко не всегда отворачивается отъ благъ матеріальной культуры и привилегированнаго положенія, отъ матеріальныхъ средствъ, собранныхъ съ народа чьею-то суровою рукой. Не малодушіе ли—это бѣгство отъ борьбы? Не лицемѣрно ли это презрѣніе къ суровымъ задачамъ организаторовъ народнаго труда? Тѣ, кто по уровню жизни стоятъ выше рабочихъ классовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣютъ склонности или необходимыхъ качествъ, чтобы быть на передовыхъ позиціяхъ экономическаго соперничества, должны бы были по крайней мѣрѣ воздерживаться отъ клеветы и легкомысленной хулы на добытчиковъ и охранителей ихъ привилегій.

Есть еще третья, побочная струя въ существующихъ предразсудкахъ противъ предпринимательской дѣятельности,—она заключается въ фаталистическомъ и суевѣрномъ взглядѣ на особыя психическія свойства, необходимыя предпринимателю. Въ носителяхъ капиталистической культуры хотятъ видѣть особою породу людей, какую-то чужую и темную силу, во всемъ враждебную старому быту. Ихъ боятся и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляются имъ и преувеличиваютъ ихъ внутреннія возможности.

Удовлетворительное выполненіе предпринимательскихъ функцій требуетъ высокихъ личныхъ качествъ, и особо важное значеніе этихъ

функцій для всего общественнаго бытія въ наше время заставляетъ желать, чтобы въ этой области работали лучшія, избранныя силы. Но самый отборъ лучшихъ силъ возможенъ только при условіи признанія объективной необходимости предпринимательскихъ функцій, какъ таковыхъ. Россія должна имѣть достойную ея мірового значенія національную армію предпринимателей, органически связанную съ русскими народными массами. Нужно только, чтобы цѣль была ясно поставлена въ общественномъ сознаніи, и рано или поздно она будетъ достигнута. Когда-то англичане завидовали коммерческимъ способностямъ голландцевъ и бранили себя за отсутствіе предпріимчивости. Потомъ нѣмцы такъ же завидовали англичанамъ. Нужно учиться искусству экономической организаціи, какъ учатся всякому мастерству.

Чѣмъ дальше подвигается усвоеніе какихъ-нибудь завоеваній общечеловѣческой культуры новыми и новыми народами, тѣмъ больше этотъ процессъ усвоенія превращается изъ случайнаго и эмпирическаго въ раціональный и предначертанный. Капитализмъ германскій въ гораздо большей степени, чѣмъ капитализмъ англійскій, есть продуктъ сознательнаго національнаго воспитанія. Капитализмъ русскій долженъ быть и будетъ еще въ большой степени продуктомъ предначертаннаго національнаго культивированія. Конечно, говоря о культивированіи, мы здѣсь имѣемъ въ виду не только внѣшнія средства экономическаго воспитанія, каковы таможенныя пошлины, но также болѣе внутреннія и сложные процессы — приспособленіе національной психики къ новымъ хозяйственнымъ формамъ."

Указавъ на основныя черты предубѣжденія противъ предпринимателей и предпринимательской дѣятельности, какъ таковой, А. Рыкачевъ переходитъ къ выясненію тѣхъ цѣлей, которыя ставятся передъ предпринимателями. „Передъ руководителями капиталистическихъ предпріятій стоятъ общечеловѣческія цѣли: развитіе производительныхъ силъ, съ одной стороны, усовершенствованіе системы экономическаго сотрудничества и экономической кооперація — съ другой стороны. Сила денегъ призвана служить оплодотворенію силъ природы и воспитанію силъ и способностей человѣка. Раціонально организованная, частно-предпринимательская система хозяйства ознаетъ для человѣчества примѣненіе новаго метода объективной провѣрки способностей и идей. Она должна служить воспитанію здороваго индивидуализма, она должна замѣнить мораль безрадостнаго самоотреченія облагороженной религіей успѣха.

Но отъ другихъ профессій предпринимательская дѣятельность отличается громадностью значенія въ ней элемента власти. Отсюда особая важность ея національныхъ и государственныхъ задачъ. Новая сила, сила денегъ и вооруженнаго деньгами предпринимательства, должна быть подчинена національно-государственнымъ задачамъ, но не путемъ насильственнаго подавленія своеобразной автономіи частнаго предпринимательства и свободныхъ рынковъ, а путемъ взаимнаго приспособленія государственнаго строя, національнаго сознанія и экономической системы.

Союзъ власти государственной и власти денежно-предпринимательской, въ концѣ концовъ, такъ же неизбѣженъ, какъ и соперничество между ними. И Россія наша слишкомъ бѣдна, чтобы не быть кровно заинтересованной въ возможно болѣе трезвомъ и сознательномъ осуществленіи этого раздѣленія и приспособленія властей. Наша расшатанная государственная власть не можетъ не искать опоры въ буржуазіи, поскольку вообще буржуазія можетъ быть такой опорой. И наши бѣдныя культурой промышленность и торговля не могутъ не искать опоры въ государствѣ. Нужно только, чтобы обѣ стороны ясно понимали границы допустимаго союза, своеобразіе примиряемыхъ силъ и непереложимую, самостоятельную отвѣтственность каждой стороны.

А наша общественность? Наша интеллигенція? Основной недостатокъ современной общественности — отсутствіе общихъ, объединяющихъ и воодушевляющихъ идейныхъ цѣлей. Основной же грѣхъ стараго, уже пожитаго, интеллигентскаго воодушевленія — отсутствіе воли къ власти, желаніе служить народу, не управляя имъ, помогать, не повелѣвая, вести за собой массы, не отдѣляясь отъ массъ. Но вотъ открываются въ капиталистической системѣ хозяйства новыя формы власти, безконечно болѣе гибкія, оставляющія широкій просторъ личнымъ стремленіямъ и не насилующія личной совѣсти. Фактически возможно быть преуспѣвающимъ и вліятельнымъ предпринимателемъ, не поступаясь ни своими политическими убѣжденіями, ни своимъ пониманіемъ нравственнаго долга и общественныхъ обязанностей. *Фактически возможно*, хотя, разумѣется, трудно, потому что трудно всякое большое дѣло! Не здѣсь ли — прекрасное приложеніе силъ для всѣхъ, кого не удовлетворяетъ окружающая дѣйствительность, кого внутренній голосъ отвращаетъ отъ рутины и послушанія презираемымъ авторитетамъ и влечетъ къ борьбѣ и творчеству! И въ этомъ смыслѣ хочется сказать дѣтямъ и внукамъ тѣхъ, кто когда-то „шли въ народъ": идите въ промышленность и торговлю!

Замѣчательно, что русскій интеллигентъ до-

вольно легко приспособляется къ практической жизни въ качествѣ подчиненнаго, безотвѣтственнаго и неполноправнаго участника организаціи власти. Онъ охотно идетъ въ положеніе „третьяго элемента“, въ эту своеобразную двусмысленную позицію, созданную специфическими условіями русской общественности. Въ понятіи третьяго элемента существенно важно то, что типическій представитель этой общественной позиціи внутренне считаетъ себя выше „перваго элемента“, которому онъ формально подчиненъ, выше по образованію, интеллигентности, трудоспособности и идейнымъ цѣлямъ, и, считая себя выше, надѣется, подъ формой порученныхъ ему обязанностей, послужить болѣе широкимъ общественнымъ цѣлямъ. Важно также то, что типическій представитель третьяго элемента не ставитъ своей задачей проникнуть въ ряды перваго, болѣе вліятельнаго элемента, а наоборотъ, считаетъ себя болѣе на мѣстѣ именно въ безотвѣтственной роли исполнительнаго органа. Считается, что честнѣе быть агрономомъ на службѣ у землевладѣльческаго земства, чѣмъ землевладѣльцемъ; статистикомъ у промышленниковъ, чѣмъ промышленникомъ! Бѣдность общественной культуры и приниженность личности—вотъ что проявляется въ этомъ пристрастіи къ третьимъ мѣстамъ, въ этомъ страхѣ передъ первыми ролями, въ этомъ отказѣ отъ неприкрытаго, мужественнаго пользованія властью!

Капиталистическая система хозяйства открываетъ широкія дороги для людей таланта и труда. Капиталъ ищетъ людей, пригодныхъ для предпринимательскихъ функцій, просится имъ въ руки. И нигдѣ такъ, какъ въ Россіи, не ощущается „недостатокъ людей“, нигдѣ способной молодежи изъ неимущихъ слоевъ населенія не улыбались бы такіе шансы, если бы нѣсколько иначе были у насъ направлены мысли и воля и трудовыя привычки подрастающихъ поколѣній.

Связь торгово-промышленнаго класса съ политическими интересами страны можетъ сдѣлаться прочной, искренней и живой только черезъ углубленное пониманіе этимъ классомъ своихъ собственныхъ профессіональныхъ задачъ и профессіональныхъ обязанностей. То служеніе родинѣ, которое вытекаетъ изъ самой сущности предпринимательской дѣятельности и въ которой торгово-промышленный классъ можетъ принести наивысшую пользу, заключается въ привлеченіи національныхъ силъ къ новому творчеству въ области промышленности и торговли, въ открытіи передъ націей новыхъ возможностей. Давать работу своему народу—не только въ тѣсномъ и прямомъ смыслѣ предоставленія заработковъ, но и въ иномъ, болѣе глубокомъ смыслѣ, въ смыслѣ предоставленія національной культурѣ новыхъ путей и новыхъ средствъ проявить себя—вотъ національное призваніе предпринимательскаго класса. Національное творчество поляковъ въ борьбѣ съ германизмомъ путемъ организаціи хозяйственныхъ силъ заключалось не просто въ бойкотѣ нѣмцевъ, а въ открытіи новыхъ сферъ дѣятельности передъ самими поляками. Это была національзація польской торговли, промышленности, кредита, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и еще больше, это была коммерціализація и индустріализація польской національно-культурной работы.

Отдѣльному предпріятію надлежитъ стоять на собственныхъ ногахъ, безъ подпоръ и костылей, его затраты должны окупаться,—въ этомъ основной законъ капиталистической системы. Но существуютъ общія условія хозяйственнаго оборота, не зависящія отъ отдѣльныхъ предпріятій. Существуетъ общая дѣловая атмосфера, благопріятная или неблагопріятная, и вотъ въ ней-то даютъ себя чувствовать общіе успѣхи или неудачи національнаго бытія. Отдѣльное предпріятіе можетъ быть правильно задумано, прекрасно оборудовано и искусно руководимо, но если кругомъ царятъ мертвая тишина, апатія и бѣдность, то всякая энергія будетъ сломана, всякая предусмотрительность обманута. Жертвы, принесенныя для созданія болѣе благопріятной общей дѣловой обстановки, могутъ не окупиться съ точки зрѣнія отдѣльнаго предпріятія, но отъ нихъ не откажется жизнеспособная предпринимательская среда. Авторъ интересной книги о помѣщеніи капиталовъ въ чужихъ странахъ, фонъ-Вальтерсгаузенъ, говоритъ о работѣ англійскаго капитала въ Аргентинѣ: „Мы не ошибемся, если при подобныхъ помѣщеніяхъ капиталовъ допустимъ нѣкоторое вліяніе чувства національной солидарности. Иной англичанинъ потерялъ въ Аргентинѣ свои деньги, но Англія, какъ цѣлое въ концѣ концовъ выиграла“.

Въ Россіи гораздо меньше традицій здороваго труда и предпріимчивости, чѣмъ у народовъ болѣе старой культуры, и многое изъ того, что тамъ совершалось въ силу національнаго инстинкта, у насъ можетъ быть сдѣлано только планомѣрною работой національнаго сознанія. Намъ нужно сознательнѣе усвоить, раціонализировать и одухотворить національною идеей капиталистическую систему.

Многое изъ того, что здѣсь было сказано, можетъ показаться слишкомъ смѣлой мечтой. Въ Россіи ли, отсталой, бѣдной, инертной, мечтать о воспитаніи новаго, лучшаго типа предпринимателя, о созданіи облагороженныхъ ме-

годовъ экономической конкуренціи? Но въ области культурно-соціальной работы учиться— значитъ продолжать творчество своихъ учителей. Пусть инертный обыватель, не видящій дальше сегодняшняго дня, лѣниво зубоскалитъ надъ мыслями о лучшемъ будущемъ торгово-промышленной дѣятельности въ Россіи! Въ борьбѣ съ предубѣжденіями только ярче обозначается сила новыхъ, выдвигаемыхъ жизнью задачъ."

Изъ жизни русскихъ университетовъ.

[378]

Исторія русскихъ университетовъ—это въ миніатюрѣ исторія духовной жизни Россіи. Всѣ „теченія", „настроенія" и „вѣянія", всѣ моменты жизни экономической и политической, періоды реакціи и застоя мысли, какъ и періоды подъема и особенно интенсивной кипучей духовной жизни русскаго общества, неизбѣжно давали соотвѣтствующіе „моменты" и „періоды" и въ жизни русскихъ университетовъ. Въ свою очередь, и русское общество всегда чутко прислушивалось къ жизни университетовъ. много свѣтлыхъ общественныхъ начинаній, много путеводныхъ огоньковъ русской общественной жизни зажглось именно въ стѣнахъ университетовъ. И, несмотря на это, литература, посвященная исторіи университета, его жизни, быту и его вопросамъ у насъ очень невелика, разбросана и до сихъ поръ оставалась въ тѣни.

„Историческая комиссія учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній", желая восполнить этотъ пробѣлъ, предприняла изданіе „Русскіе университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ".

Пока вышелъ первый выпускъ, охватывающій періодъ отъ основанія московскаго университета (12 января 1755 г.) до эпохи 60-хъ годовъ.

Въ рядѣ цѣнныхъ офиціальныхъ документовъ и мемуаровъ вскрываются прежній строй нашей высшей школы, ея внутренняя жизнь, настроенія и интересы студенчества, при чемъ ярче всего выступаетъ жизнь московскаго университета.

Изъ воспоминаній Фонвизина.

[92(Ф)]

О томъ, что представлялъ изъ себя Московскій университетъ въ первые годы послѣ своего открытія, можно судить по автобіографическимъ запискамъ Фонвизина. Изъ нихъ видно, насколько либеральный по духу университетъ того времени былъ примитивенъ и оставлялъ многаго желать въ смыслѣ преподаванія.

„Справедливость велитъ мнѣ предварительно признаться,—пишетъ Фонвизинъ,—что нынѣшній университетъ (т.-е. въ концѣ XVIII столѣтія, когда Ф. писалъ эти строки) уже не тотъ, какой при мнѣ былъ. Учителя и ученики совсѣмъ нынѣ другихъ свойствъ, и сколько тогдашнее положеніе сего училища подвергалось осужденію, столь нынѣшнее похвалы заслуживаетъ. Я скажу въ примѣръ бывшій нашъ экзаменъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунѣ экзамена дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре; удивленный сею странностію, спросилъ я учителя о причинѣ. „Пуговицы мои вамъ кажутся смѣшны", говорилъ онъ, „но онѣ суть стражи вашей и моей чести: ибо на кафтанѣ значатъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; итакъ,—продолжалъ онъ, ударяя по столу рукою,—извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: второго склоненія. Съ спряженіемъ поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете". Вотъ каковъ былъ экзаменъ нашъ! О, вы, родители, восхищающіеся часто чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свою призы, послушайте, за что я медаль получилъ. Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ партищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы безъ всякаго приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? Въ Черное море, отвѣчалъ онъ: спросили о томъ же другого моего товарища; въ Бѣлое, отвѣчалъ тотъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ; не знаю, сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго.

„Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностью вспоминать университетъ. Ибо въ немъ, обучаясь по-латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ.

Склонность моя къ писанію являлась еще въ младенчествѣ, и я, упражняясь въ переводахъ на россійскій языкъ, достигъ до юношескаго возраста...

Въ бытность мою въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и россійскій языкъ зналъ очень хорошо".

Изъ воспоминаній Н. И. Пирогова.

[92(П)]

Очень живы воспоминанія о бытѣ казенно-коштныхъ студентовъ 20-хъ годовъ у Н. И. Пирогова.

„Это было въ сентябрѣ 1824 г. Съ этого дня началась новая эра моей жизни... Началось посѣщеніе лекцій. Выдали матрикулъ безъ всякихъ церемоній. Приходъ Троицы въ Сыромятникахъ не близокъ къ университету,—будетъ съ часъ ходьбы; положено было оставаться въ обѣденное время у Ѳеоктистова, и только въ 4—5 часовъ вечера возвращаться на извозчикѣ.

Ѳеоктистовъ былъ казенно-коштный студентъ и жилъ вмѣстѣ съ пятью другими студентами въ 10-мъ нумерѣ корпуса квартиръ для казенно-коштныхъ.

Надо остановиться на воспоминаніи о 10-мъ нумерѣ. Немудрено, что воспоминанія эти сохранились. 10-й нумеръ я посѣщалъ ежедневно, нѣсколько лѣтъ сряду...

Вхожу бывало въ большую комнату, уставленную по стѣнамъ пустыми кроватями со столиками: на каждомъ столикѣ наложены кучи зеленыхъ, желтыхъ, красныхъ, синихъ книгъ и пачки тетрадей; вижу лежитъ на одной кровати чья-то фуражка, дномъ наружу; на днѣ—надпись; читаю „Hunc pil...—тутъ стерто, не разберу—Fur rapidis manibus tangere noli: possessor cuius fuit semperque erit Tschistof, qui est studiosus quam maxime generosus." Понимаю. Гдѣ же этотъ г. Чистовъ? А вотъ, онъ входитъ въ дверь; испитой, съ густыми, темными волосами, свинцоваго цвѣта лицомъ, темносинею, выбритою гладко, бородою; за нимъ приходитъ съ лекціи и мой Ѳеоктистовъ; дверь начинаетъ безпрестанно отворяться и затворяться; являются одно за другимъ все новыя и новыя лица, рекомендуются, привѣтливо обращаются ко мнѣ; вотъ г. Лейченко, самый старшій,—дѣйствительно,—на видъ лѣтъ много за 30; вотъ Лобачевскій, длинный, рыжій, усѣянный, должно быть, веснушками по всему тѣлу, судя по лицу и рукамъ, и еще человѣкъ шесть нумерныхъ и посторонніихъ.

Начинаются бесѣды, закуриваніе трубокъ; говорятъ всѣ разомъ,—ничего не разберешь; дымъ поднимается столбомъ; слышится по временамъ и брань неприличными словами.

Чего я не насмотрѣлся и не наслышался въ 10-мъ нумерѣ!

Представляю себѣ теперь, какъ все это видѣнное и слышанное тамъ дѣйствовало на мой 14—15-лѣтній умъ! Является, напримѣръ, какой-то гость Чистова, хромой, блѣдный, съ растрепанными волосами, вообще страннаго вида на мой взглядъ,—теперь его можно было бы, по наружности, причислить къ нигилистамъ,—по тогдашнему это былъ только вольнодумецъ.

Говорилъ онъ какъ-то захлебываясь отъ волненія и обдавая своихъ собесѣдниковъ брызгами слюны.

Въ разговорахъ быстро, скачками переходитъ отъ одного предмета къ другому, не слушая или не дослушивая никакихъ возраженій. „Да что Александръ I,—куда ему,—онъ въ сравненіе Наполеону не годится. Вотъ геній, такъ геній!.. А читали вы Пушкина „Оду на вольность?" А? Это, впрочемъ, винигретъ какой-то. По нашему не такъ; révolution, такъ révolution, какъ французская—съ гильотиною!" И услыхавъ, что кто-то изъ присутствующихъ говорилъ другому что-то о бракѣ, либералъ 1824—1825 гг. вдругъ обращается къ разговаривающимъ: „Да что тамъ толковать о женитьбѣ! что за бракъ! на что его вамъ? кто вамъ сказалъ, что нельзя попросту спать съ любою женщиною?.. Вѣдь это все ваши проклятые предразсудки: натолковали вамъ съ дѣтства ваши маменьки, да бабушки, да нянюшки, а вы и вѣрите. Стыдно, господа, право стыдно!"—А я-то, я—стою и слушаю, ни одного слова не проронивъ.

Вдругъ соскакиваетъ съ своей кровати Катоновъ, хватаетъ стулъ и—бацъ его по срединѣ комнаты! „Слушайте, подлецы!", кричитъ Катоновъ: „кто тамъ изъ васъ смѣетъ толковать о Пушкинѣ? слушайте, говорю!"—вопитъ онъ во все горло, потрясая стуломъ, закатывая глаза, скрежеща зубами:

„Тобя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Я съ злобной радостію вижу,
Ты ужасъ міра, стыдъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ"...

Катоновъ, восторженный обожатель Мочалова, декламируя, выходитъ изъ себя,—не кричитъ уже, а вопитъ, реветъ, шипитъ, размахиваетъ во всѣ стороны поднятымъ вверхъ стуломъ.

у рта пѣна, жилы на лбу переполнились кровью, глаза выпучились и горятъ. Изступленіе полное. А я стою, слушаю съ замираніемъ сердца, съ первою дрожью; не то восхищаюсь, не то совѣщусь.

Ревъ и изступленіе Катонова, наконецъ, надоѣдаютъ; на него наскакиваетъ рослый и дюжій Лобачевскій. „Замолчишь ли ты, наконецъ, скотина!“ — кричитъ Лобачевскій, стараясь своимъ крикомъ заглушить ревъ Катонова. Начинается схватка; у Лобачевскаго ломается высокій каблукъ. Паденіе, хохотъ и аплодисменты. Бросаются разнимать борющихся на полу.

Не проходило дня, въ который я не услыхалъ бы или не увидѣлъ чего-нибудь новенькаго, въ родѣ описанной сцены, особенно полезной для меня потому только, что она была для меня первою невидалью; потомъ все вольнодумное сдѣлалось уже дѣломъ привычнымъ. За исключеніемъ одного или двухъ, обитатели 10-го нумера были всѣ изъ духовнаго званія, и отъ нихъ же, именно, я наслышался такихъ вещей о попахъ, богослуженіи, обрядахъ, таинствахъ и вообще о религіи, что меня на первыхъ порахъ, съ непривычки, морозъ по кожѣ подиралъ... Всѣ запрещенные стихи, вродѣ „Оды на вольность“, „Къ временьщику“ Рылѣева, „Гдѣ тѣ братцы, острова“, и т. п., ходили по рукамъ, читались съ жадностью, переписывались и перечитывались сообща при каждомъ удобномъ случаѣ.

Читалась и барковщина, но весьма рѣдко, а замѣняла въ то время болѣе современная поэзія, подобнаго же рода, студента Полежаева. О Богѣ и церкви сыны церкви изъ 10-го нумера знать ничего не хотѣли и относились ко всему божественному съ полнымъ пренебреженіемъ.

Понятій о нравственности 10-го нумера, несмотря на мое короткое съ нимъ знакомство, я не вынесъ ровно никакихъ. Разгулъ при наличныхъ средствахъ, полный индифферентизмъ къ добру и злу при пустомъ карманѣ,—вотъ вся мораль 10-го нумера, оставшаяся въ моемъ воспоминаніи.

Вотъ настало первое число мѣсяца. Получено жалованье. Нумеръ накопляется.

Дверь то и дѣло хлопаетъ. Солдатъ, старикъ Яковъ, ветеранъ, служитель нумера, озабоченно приходитъ и уходитъ для исполненія разныхъ порученій. Являются чайники съ кипяткомъ и самоваръ.

Входятъ разомъ человѣка четыре, двое нумерныхъ студентовъ, одинъ чужой и высокій, здоровенный протодьяконъ. Шумъ, крикъ и гамъ. Протодьяконъ что-то баситъ. Всѣ хохочутъ. Яковъ является со штофомъ подъ черною печатью за пазухою, въ рукахъ несетъ колбасу и паюсную икру. Печать со штофа срывается съ восклицаніемъ: „Ну-ка, отецъ дьяконъ, бѣлаго панталоннаго хватимъ!“ — „Весьма охотно“, глухимъ басомъ и съ разстановкою отвѣчаетъ протодьяконъ. Начинается попойка. Приносится Яковомъ еще штофъ и еще,—такъ до положенія ризъ.

— Знаете ли вы,—говоритъ мнѣ кто-то изъ жильцовъ 10-го нумера,— что у насъ есть тайное общество? Я членъ его, и я и масонъ.

— Что же это такое?

— Да такъ, надо же положить конецъ.

— Чему?

— Да правительству, ну его къ чорту!

И я, послѣ этого открытія, смотрю на господина, сообщившаго мнѣ такую любопытную вещь, съ какимъ-то подобострастіемъ.

Масонъ! Членъ тайнаго общества? То-то у него книги все въ зеленомъ переплетѣ. А я уже прежде гдѣ-то слыхалъ, что у масоновъ есть книги въ зеленомъ переплетѣ.

— А слышали, господа: наши съ Полежаевымъ и хирургами (студентами московской медико-хирургической академіи) разбили вчера ночью б...ъ на Трубѣ? Вотъ молодцы-то!

Начинаются разсказы со всѣми сальными подробностями. И это откровеніе я выслушиваю съ тѣмъ же наивнымъ любопытствомъ, какъ и сообщенную мнѣ тайну объ обществѣ и масонствѣ.

На первыхъ же порахъ, послѣ вступленія моего въ университетъ, 10-й нумеръ снабдилъ меня костями и гербаріемъ; кости конечностей, нѣсколько реберъ и позвонковъ были, по всѣмъ вѣроятіямъ, краденыя изъ анатомическаго театра отъ скелетовъ, что доказывали проверченныя на нихъ дыры, а кости черепа, отличавшіяся бѣлизною, были, вѣрно, украдены у Лодера, раздававшаго ихъ слушателямъ на лекціяхъ остеологіи. Кромѣ костей и гербарія, я привезъ еще домой изъ 10-го нумера и мое новое міровоззрѣніе, удививъ и опечаливъ этимъ немало мою благочестивую и богомольную матушку. Въ церковь къ заутренямъ и даже всенощнымъ я продолжалъ еще ходить, соблюдалъ постъ и всѣ обряды; но при каждомъ случаѣ, когда заходила рѣчь съ матерью и домашними о святости внѣшняго богопочитанія, о страшномъ судѣ, мукахъ въ будущей жизни, и т. п., я сильно протестовалъ, глумился надъ повѣствованіями изъ Четьи-Минеи о дьяволѣ и его проказахъ, и пр.

— Да разсудите, сдѣлайте милость, маменька, сами,—доказывалъ я логически:—какъ же это можетъ быть? Вѣдь Богъ, вы знаете, всевѣдущъ,

всевидящъ, правосуденъ, милосердъ; поэтому Онъ зналъ навѣрное, что мы будемъ злы, и все-таки накажетъ насъ потомъ за то, что мы были злы,—гдѣ же тутъ справедливость и милосердіе?

— Да вѣдь тебѣ Богъ далъ волю; выбирай, не дѣлай зла.

— А, позвольте, къ чему же мнѣ эта воля, когда Богу заранѣе было извѣстно,—вѣдь Онъ всевѣдущъ,—что я согрѣшу и буду грѣшникомъ?—Такъ резонировалъ я съ моею старушкою (тогда она не была еще такъ стара), и замѣчу кстати, что этимъ же самымъ пошленькимъ резонерствомъ я затыкалъ не однажды ротъ православнымъ догматикамъ изъ семинаристовъ. Я помню, что съ старымъ товарищемъ по профессорскому институту (онъ былъ годами 20-ю старше меня) я цѣлые часы, ночью, болталъ на эту тему. И ни ему, ни мнѣ не приходило въ башку, что ни о всевѣдѣніи, ни о правосудіи, ни о милосердіи творческомъ намъ не суждено знать, и не намъ, не нашему человѣческому уму судить о свойствахъ абсолюта.

Когда наше нравственное начало ищетъ себѣ опору въ Божествѣ, то мы неминуемо должны остановиться на откровеніи и вѣрить Христу, разрѣшавшему подобныя моимъ сомнѣнія тѣмъ, что невозможное для человѣка—возможно для Бога.

Справедливо кто-то замѣтилъ, что двумъ мало-мальски образованнымъ русскимъ нельзя сойтись вмѣстѣ, чтобы не заговорить тотчасъ же объ отвлеченныхъ предметахъ.

Это должно быть признакъ молодости нашей культуры; все ново, зелено, незрѣло, не передумано, не перечувствовано, не осмыслено. Такъ и со мною: лишь только я выскочилъ изъ дома на волю и сблизился съ университетскою молодостью,—тотчасъ же давай слушать, судить и рядить о матеріяхъ отвлеченныхъ. Почти съ того же давняго времени у меня составилось и крѣпло вѣрованіе, и я началъ убѣждаться въ предопредѣленіи.

Въ 1824—1825 годахъ университетская молодежь, предоставленная самой себѣ, жила, гуляла, училась, бѣсилась по своему. Не было ни попечителей, ни инспекторовъ, въ современномъ значеніи этихъ званій. Попечителя, князя Оболенскаго, видали мы только на актѣ, разъ въ годъ, и то издали; инспекторы тогдашніе были тѣ же профессора и адъюнкты, знавшіе студенческій бытъ потому, что сами были прежде (иные и не такъ давно) студентами.

Экзаменовъ курсовыхъ и полукурсовыхъ не было. Были переклички по спискамъ на лекціяхъ и репетиціи,—у иныхъ профессоровъ и довольно часто; но все это дѣлалось такъ себѣ, для очищенія совѣсти. Никто не заботился о результатахъ. Между тѣмъ аудиторіи были биткомъ набиты и у такихъ профессоровъ, у которыхъ и слушать было нечего, и нечему научиться. Проказъ было довольно, но чисто студенческихъ.

Болтать, даже и въ самыхъ стѣнахъ университета, можно было вдоволь, о чемъ угодно, и вкривь, и вкось. Шпіоновъ и наушниковъ не водилось; университетской полиціи не существовало; даже и педелей не было; я въ первый разъ съ ними познакомился въ Дерптѣ. Городская полиція не имѣла права распоряжаться со студентами, и провинившихся должна была доставлять въ университетъ. Мундировъ еще не существовало. О какихъ-нибудь демонстраціяхъ никогда никто не слыхалъ. А надо замѣтить, что это было время тайныхъ обществъ и недовольства; всѣ грызли зубы на Аракчеева; запрещенныя цензурою вещи ходили по рукамъ, читались студентами съ жадностію и во всеуслышаніе; чего-то смутно ожидали.

Правда, общественная жизнь того времени не была еще, какъ теперь, взбаломученнымъ моремъ. О меньшей братіи не было еще толковъ. Культурный слой заботился только о себѣ и смотрѣлъ вверхъ, а не внизъ. Буржуазія еще стояла на пьедесталѣ. Но развѣ все это не было для насъ гораздо натуральнѣе и проще? Тогда, какъ и теперь, всѣмъ извѣстно было, что, въ сущности, что бы тамъ не говорилось, всякій заботится исключительно о себѣ; но тогда люди были, должно быть, откровеннѣе и, заботясь о себѣ, не толковали о меньшей братіи и не поступали такъ, какъ будто бы изъ кожи лѣзутъ для другихъ. Всесвѣтное горе, Weltschmerz не волновало еще умы людей и не было модным занятіемъ тѣхъ, кому нечего было дѣлать. Правда, и тогда знали, что во времена оны Сынъ Человѣческій скорбѣлъ этимъ горемъ не для Себя; не знали также, что то былъ Единый, Непогрѣшимый, Безгрѣшный, имѣвшій власть отпускать и грѣхи другихъ; а потому, считая самоотверженіе и безкорыстное служеніе общему благу не дѣломъ во грѣхѣ рожденныхъ сыновъ человѣческихъ, подозрительно смотрѣли на вожаковъ и агентовъ вспомоществованія всесвѣтному горю.

Конечно, молодежь, какъ самый чувствительный къ вѣяніямъ времени барометръ, всегда обнаруживаетъ замѣтнѣе признаки небывалыхъ стремленій; такъ, немудрено, что современная молодежь, при появленіи на свѣтъ новыхъ соціальныхъ ученій, тотчасъ же изъявила готовность донкихотствовать и окунаться въ взбаламученное море".

Изъ воспоминаній П. Ѳ. Вистенгофа.

[92(В:Л)]

Воспоминанія П. Ѳ. Вистенгофа относятся къ 30-мъ годамъ. Авторъ вспоминаетъ, между прочимъ, какъ слушалъ лекціи вмѣстѣ съ М. Ю. Лермонтовымъ.

„Всѣхъ слушателей на первомъ курсѣ словеснаго факультета,—пишетъ онъ,—было около ста пятидесяти человѣкъ. Среди нихъ выдѣлялись молодые люди, горячо принявшіеся за науку: Станкевичъ, Строевъ, Красовъ, Компанійщиковъ, Плетневъ, Ефремовъ, Лермонтовъ.

Студентъ Лермонтовъ, въ которомъ, тогда никто изъ насъ не могъ предвидѣть будущаго замѣчательнаго поэта, имѣлъ тяжелый, несходчивый характеръ, держалъ себя совершенно отдѣльно отъ всѣхъ своихъ товарищей, за что въ свою очередь и ему платили тѣмъ же. Его не любили, отдалялись отъ него и, не имѣя съ нимъ ничего общаго, не обращали на него никакого вниманія...

Передъ рождественскими праздниками профессора дѣлали репетиціи, т.-е. провѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе и согласно отвѣтамъ ставили баллы, которые брались въ соображеніе потомъ и на публичномъ экзаменѣ.

Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изящную словесность, задалъ Лермонтову какой-то вопросъ.

Лермонтовъ началъ бойко и съ увѣренностью отвѣчать. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ:

— Я вамъ этого не читалъ; я желалъ бы, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ. Откуда могли вы почерпнуть эти знанія?

— Это правда, господинъ профессоръ, того, что я сейчасъ говорилъ, вы намъ не читали и не могли передавать, потому что это слишкомъ ново и до насъ еще не дошло. Я пользуюсь источниками изъ своей собственной библіотеки, снабженной всѣмъ современнымъ.

Мы всѣ переглянулись.

Подобный отвѣтъ данъ былъ и адъюнктъ-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику.

Дерзкими выходками этими профессора обидѣлись и постарались срѣзать Лермонтова на публичныхъ экзаменахъ".

Изъ воспоминаній И. А. Гончарова.

[92(Г)]

Приведемъ кстати разсказъ И. А. Гончарова о посѣщеніи Пушкинымъ Московскаго университета. Пушкина привезъ на лекцію министръ Уваровъ.

„Здѣсь я,—пишетъ И. А. Гончаровъ,—сдѣлаю небольшое отступленіе по поводу этого приснопамятнаго мнѣ—конечно, и всѣмъ тогдашнимъ студентамъ—посѣщенія великаго поэта, тогда уже въ апогеѣ его славы. Когда онъ вошелъ съ Уваровымъ, для меня точно солнце озарило всю аудиторію; я въ то время былъ въ чаду обаянія отъ его поэзіи; я пигался ею, какъ молокомъ матери; стихъ его приводилъ меня въ дрожь восторга. На меня, какъ благотворный дождь, падали строфы его созданій („Евгенія Онѣгина", „Полтавы" и др.). Его генію я и всѣ тогдашніе юноши, увлекавшіеся поэзіею, обязаны непосредственнымъ вліяніемъ на наше эстетическое образованіе.

Передъ тѣмъ однажды я видѣлъ его въ церкви, у обѣдни—и не спускалъ съ него глазъ. Черты его лица врѣзались у меня въ памяти. И вдругъ этотъ геній, эта слава и гордость Россіи—передо мной въ пяти шагахъ! Я не вѣрилъ глазамъ. Читалъ лекцію Давыдовъ, профессоръ исторіи русской литературы.

„Вотъ вамъ теорія искусства",—сказалъ Уваровъ, обращаясь къ намъ, студентамъ, и указывая на Давыдова:—„а вотъ и самое искусство",—прибавилъ онъ, указывая на Пушкина. Онъ эффектно отчеканилъ эту фразу, очевидно, заранѣе приготовленную. Мы всѣ жадно впились глазами въ Пушкина. Давыдовъ оканчивалъ лекцію. Рѣчь шла о „Словѣ о Полку Игоревомъ". Тутъ же ожидалъ своей очереди читать лекцію, послѣ Давыдова, и Каченовскій. Нечаянно между ними завязался, по поводу „Слова о Полку Игоревомъ", разговоръ, который мало-по-малу перешелъ въ горячій споръ.—„Подойдите ближе, господа,—это для васъ интересно",—пригласилъ насъ Уваровъ, и мы тѣсной толпой, какъ стѣной, окружили Пушкина, Уварова и обоихъ профессоровъ. Не умѣю выразить, какъ велико было наше наслажденіе—видѣть и слышать нашего кумира.

Я не припомню подробностей ихъ состязанія,—помню только, что Пушкинъ горячо отстаивалъ подлинность древнерусскаго эпоса, а Каченовскій вонзалъ въ него свой безпощадный аналитическій ножъ. Его щеки ярко горѣли алымъ румянцемъ и глаза бросали молніи сквозь очки. Можетъ быть, къ этому раздраженію много огня прибавлялъ и извѣстный литературный антагонизмъ между нимъ и Пушкинымъ. Пушкинъ говорилъ съ увлеченіемъ, но, къ сожалѣнію, тихо, сдержаннымъ тономъ, такъ что за толпой трудно было разслушать. Впрочемъ, меня занималъ не Игорь, а самъ Пушкинъ".

Идеи, образы, факты.

Ленціи и диспуты.

[7 + 8 + 3 + 1 + 5]

Такого урожая у насъ на лекціи, доклады, рефераты, „бесѣды“, диспуты, какой даетъ нынѣшній сезонъ, кажется, и „старожилы не запомнятъ“. Особенно имъ можетъ похвалиться Москва, гдѣ къ услугамъ слушателей теперь цѣлая армія чтецовъ, ораторовъ, „диспутантовъ“ и всякихъ „литературныхъ судей“, гдѣ публика каждый вечеръ озабочена вопросомъ, кого же сегодня итти слушать, и гдѣ даже плохонькій лекторъ не обманется въ расчетахъ на достаточно обильную аудиторію. И какое разнообразіе темъ, самыхъ современныхъ, даже злободневныхъ! Можно было бы порекомендовать вниманію господъ лекторовъ еще одну весьма своевременную тему, а именно: чѣмъ объяснить это, все растущее, лекціонное оживленіе—новыми ли потребностями, „назрѣвшими запросами“, или же повѣтріемъ, модой...

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ чтеній и диспутовъ, замѣтимъ, что мы и здѣсь ставимъ своей задачей обозрѣть—по отраженіямъ ихъ въ печати—лишь тѣ „идеи, образы, факты“ въ данной области, которые въ томъ или иномъ отношеніи характерны для нашей умственной жизни, и что провинціальныя лекціи пока совершенно не входятъ въ кругъ нашихъ наблюденій.

„О границахъ искусства“ (Вячеславъ Ивановъ, Москва, Религ.-Фил. общество). Вотъ, такъ сказать, остовъ доклада В. Иванова. Въ творческомъ пути докладчикъ различаетъ шесть ступеней: три ступени восхожденія и три—нисхожденія, при чемъ въ этихъ ступеняхъ чередуются моменты „діонисическіе“,—экстаза, лирическаго волненія,—съ моментами „аполлиническими“,—созерцанія и изложенія. Восхожденіе возможно не для одного художника, но и для всякаго человѣка: это—принципъ духовнаго пути. Нисхожденіе присуще одному лишь художнику: это—принципъ художественнаго творчества. Но если само творчество есть нисхожденіе, то нисходитъ-то художникъ, чтобы показать намъ тропу восхожденія.

Восхожденіе нормально, оно всегда благотворно, нисхожденіе же можетъ быть и божественнымъ, и звѣринымъ. Оно божественно, когда художникъ поднялся до высшей возможной сферы, граничащей съ божественной, позналъ тамъ высшія реальности и претворилъ ихъ въ просто реальности, чтобы мы отъ этихъ простыхъ реальностей могли подняться до высшихъ. Это — творчество символическое въ идеальномъ значеніи этого слова, божественное нисхожденіе. Звѣриное нисхожденіе получится въ томъ случаѣ, если художникъ поднимется лишь не высоко отъ земли, въ полосу „зеркальнаго тумана“, и отображеніе своихъ земныхъ страстей принесетъ намъ вмѣсто дара небесъ. Это—символизмъ демоническій, такъ сильно распространенный въ настоящее время. Но между высшей, граничащей съ божественной, сферой и низшей сферой зеркальной туманности есть еще сфера „ледяной пустынности“, куда тоже можетъ подняться художникъ и увидѣть нашъ міръ во всей его неприкрытой наготѣ и потомъ повѣдать эту правду о мірѣ намъ. Это—типъ совершеннѣйшаго реализма, реализма Флобэра.

Итакъ, творчество—всегда нисхожденіе; наивысшее творчество, символическое, есть нисхожденіе отъ высшаго реальнаго къ просто реальному. Въ этомъ — сущность символа, но символъ—не жизнь, и искусство никогда не можетъ быть творчествомъ жизни, а тѣмъ болѣе божеской жизни, т. - е. творчествомъ теургическимъ. Здѣсь границы искусства. Всякая попытка теургическаго творчества есть магизмъ, колдовство и, какъ таковое, должно быть отвергнуто. Но томленіе по теургическому творчеству никогда не прекращается, — и это хорошо, ибо этимъ подтверждается важность и необходимость божескаго дѣланія въ мірѣ. Какъ идеалъ, можно представить себѣ такое искусство, которое будетъ трансцендентно къ Богу и имманентно къ міру.

„Искусство нашихъ дней“ (Ѳедоръ Сологубъ, Петербургъ и Москва). Подъ этимъ искусствомъ лекторъ подразумѣваетъ не искусство сегодняшняго дня, не „модное“ искусство: „важно не то, что есть, а чего хотимъ“. Чего же мы хотимъ отъ искусства? Оно должно тѣсно связать проблемы эстетическую и этическую, въ отличіе какъ отъ тенденціознаго направленства, такъ и отъ самодовлѣющаго эстетизма. Искусство для искусства и искусство „для жизни“ (тенденціозное)—одинаково несовершенны. Эстетика и этика — сестры-близнецы, и „кто обижаетъ одну, заставляетъ плакать другую“.

Искусство нашихъ дней выходитъ на путь *свободнаго* творчества, ибо въ немъ преобладаетъ волевое направленіе. Искусство находитъ себя въ себѣ самомъ, а не внѣ себя. Говорятъ — искусство есть зеркало жизни. Это — заблужденіе, тѣмъ болѣе опасное, что

въ немъ, какъ во всякомъ заблужденіи, таится зерно истины. Люди и бытъ не содержаніе искусства, а лишь матеріалъ, „модель“. Искусство должно быть не зеркаломъ жизни, а *покрываломъ для жизни*. Истинное искусство имѣетъ *свои* цвѣта, *свои* архитипы, чьими копіями является все то, что существуетъ. Поэтъ, художникъ творитъ образы, и образы эти служатъ мѣрой цѣннаго, прекраснаго и вѣчнаго на землѣ. Созданія творческой фантазіи не умираютъ на нашей планетѣ, они—хозяева и учителя нашей жизни. Слова ихъ вплелись въ наши рѣчи, сужденія ихъ владычествуютъ надъ нашими поступками. Въ нашу убѣгающую жизнь они вливаютъ лучи яснаго свѣта. Итакъ, не жизнь творитъ искусство, а искусство творитъ жизнь. Искусство идетъ впереди жизни и ведетъ ее за собою. Если же искусство возвращается къ жизни, къ „быту“, это значитъ, что наступило время упадка, что жизнь обнесена китайской стѣной.

Но такое свободное искусство, искусство, подчиняющееся лишь своимъ внутреннимъ законамъ, не будетъ оттого антиобщественнымъ, антиморальнымъ. Мораль искусства зиждется на правдѣ, искренности, важности того, *какъ* сказано, въ *какомъ* напряженіи выражена творческая энергія, творчество сердца. Вполнѣ же свободнымъ и моральнымъ искусствомъ можетъ быть только символическое искусство. Оно приводитъ къ раздумью надъ смысломъ жизни, какъ и, наоборотъ, раздумье надъ смысломъ жизни находитъ свое выраженіе лишь въ символическомъ искусствѣ.

Существуютъ два способа познанія міра: ироніи и лирика. Иронія, въ представленіи лектора, является принятіемъ даннаго міра; лирика, выражаясь въ волевомъ настроеніи, активномъ, отрицаетъ и разрушаетъ міръ и строитъ на его развалинахъ новый міръ. Отношеніе Санчо-Пансо къ Альдонсѣ, — вотъ „ироническое“ отношеніе; „лирическое“ отношеніе—въ отношеніи Донъ-Кихота къ Дульцинеѣ. Какъ безсмертный мечтатель Донъ Кихотъ въ грубой крестьянкѣ Альдонсѣ прозрѣлъ дивную красавицу Дульцинею Тобозскую, такъ и мы сквозь пеструю безсмыслицу внѣшней жизни должны провидѣть истину, сквозь міръ явленій—міръ сущности, сквозь временное—вѣчное. Пути этого интуитивнаго прозрѣнія—религія и искусство.

Искусство преображаетъ жизнь усиліемъ творческой воли. Чѣмъ больше искусство насыщается творческой энергіей, тѣмъ больше ея переливается въ жизнь. Искусство, говоритъ Сологубъ, должно стать „золотымъ куполомъ надъ храмомъ жизни“, потому что въ искусствѣ жизнь получаетъ достойное завершеніе. Новое искусство утверждаетъ жизнь, какъ творческій процессъ.

Новое, символическое, искусство вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозное искусство, заключаетъ въ себѣ устремленіе къ трагическому. А какъ религіозное искусство, оно не можетъ не быть всенароднымъ, демократическимъ.

„*О нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонахъ современной литературы*“ (Ѳ. Степунъ, Москва, Юридическое собраніе). Лекція эта теперь напечатана въ „Сѣв. Зап.“ и уже извѣстна нашимъ читателямъ по предыдущей кн. „Бюл.“; слѣдовательно, на содержаніи ея можно не останавливаться. Отмѣтимъ здѣсь лишь самое необходимое. Прежде всего, отмѣтимъ то общее, что связываетъ эту лекцію съ лекціей Сологуба.

Оба—и Ѳ. Сологубъ и Ѳ. Степунъ—говорили объ „искусствѣ нашихъ дней“,—о томъ, какимъ оно должно быть, или вѣрнѣе, какимъ оно *не* должно быть. И оба провозгласили принципъ *синтеза*, возвращая такимъ образомъ наше вниманіе къ тому новому, пока слабому, теченію въ русской художественной литературѣ, которое обнаружилось впервые еще въ позапрошломъ сезонѣ, какъ это можно видѣть по „Бюллетенямъ“ того времени (см. №№ 13 и 14–15 за 1911/12 г.).

„Изживъ періодъ ложной и художественно мертвой объективности (то, что Ѳ. Сологубъ опредѣляетъ какъ „искусство для жизни“ и тенденціозное направленство), испытавъ также и путь ложной, произвольной субъективности (у Сологуба—самодовлѣющій эстетизмъ), русская литература должна встать на путь истиннаго и внутренняго объединенія этихъ началъ“,—говорилъ Ѳ. Степунъ. „Современный писатель-художникъ, съ одной стороны, неспособный къ созерцанію и прозрѣнію (т.-е. къ подлинному творчеству), а съ другой — не признающій своимъ дѣломъ и наблюденія (т.-е. созерцанія съ опредѣленной точки зрѣнія и въ виду опредѣленной цѣли, которую должно „блюсти“ и проводить въ жизнь), не являясь, съ одной стороны, воплощеніемъ конкретной идеи, съ другой же, считая ниже своего призванія проповѣдывать отвлеченный идеалъ и принципъ, — современный писатель невольно попалъ въ тупикъ безысходнаго субъективизма... Переставъ *созерцать и творить*, и переставъ *наблюдать и писать*, онъ начинаетъ просто *глазѣть и описывать*“.

Отсюда—„опасность *безыдейнаго реализма, обезсмысленнаго, голаго факта*“. А такъ какъ современный писатель-субъективистъ отъ

идеи личности перешелъ къ самой личности, т.-е. къ личности въ смыслѣ отдѣльной писательской особи, и сталъ бездумно и безответственно расширять ея границы, то ему угрожаетъ опасность и съ другой стороны—„опасность *безпочвеннаго раціонализма, теоретической безсмыслицы*“.

„Лишь въ радикальномъ отказѣ современныхъ художниковъ отъ господствующаго въ ихъ средѣ профессіонально-артистическаго *диллетантизма жизни*, лишь въ устремленіи къ *судьбѣ въ біографіи* и *житію въ жизни*, видимъ мы путь подлиннаго освобожденія современной русской литературы изъ-подъ угнетающей ее власти неосмысленнаго факта и теоретической безсмыслицы“.

„Объ идеологіи въ литературномъ творчествѣ“ (М. П. Невѣдомскій и Е. В. Аничковъ, Петербургъ, Всероссійское Литературное общество). М. П. Невѣдомскій, въ своемъ „вступительномъ словѣ“ къ „бесѣдѣ“, занявшей два вечера, находитъ вполнѣ основательнымъ тотъ пессимистическій взглядъ на состояніе современной русской литературы, который господствуетъ сейчасъ въ критикѣ. Всѣ теченія и развѣтвленія модернизма потерпѣли полное фіаско и врядъ ли оставили прочный слѣдъ въ литературѣ. Идеологія, питавшая буржуазные классы и вдохновлявшая писателей, вышедшихъ изъ ихъ среды, исчерпала себя, и потому такъ туго нарождаются новые таланты. Но,—убѣжденъ докладчикъ,—будущее литературы зависитъ отъ демократіи, идущей впереди вѣка, и тѣхъ идеаловъ, которые ее одушевляютъ.

Изъ оппонентовъ наибольшее вниманіе вопросу удѣлилъ Е. Аничковъ. Онъ доказывалъ неосновательность утвержденія, будто идеологія буржуазіи исчерпала себя и потому наша современная литература застряла въ тупикѣ и не выдвигаетъ крупныхъ талантовъ. Е. В. Аничковъ считаетъ это положеніе невѣрнымъ не только въ отношеніи къ Россіи, гдѣ еще не исчерпана даже дворянская идеологія, но даже въ отношеніи европейской литературы. Ораторъ находитъ далѣе, что о модернизмѣ его порицатели судятъ сплеча, что они мало знакомы съ новѣйшими литературными теченіями, въ которыхъ болѣе ярко отражаются демократическія тенденціи вѣка, чѣмъ въ проповѣди классовой литературы.

Литературные „суды“. Цѣлый рядъ лекцій и диспутовъ посвящаются отдѣльнымъ писателямъ или группамъ ихъ. Д. С. Мережковскій читалъ о „тайнѣ Некрасова“, В. Львовъ-Рогачевскій читалъ о послѣдней драмѣ Леонида Андреева и объ его творчествѣ, К. Арабажинъ—лекцію „Четыре писателя (Толстой и Горькій, Андреевъ и Сологубъ) о смыслѣ жизни“, К. Чуковскій о футуристахъ, и т. п. Но главное мѣсто среди такого рода чтеній и бесѣдъ приходится отвести все болѣе прививающимся у насъ, такъ называемымъ литературнымъ судамъ (въ собственномъ и несобственномъ смыслѣ), которые при этомъ все чаще начинаютъ переходить въ литературныя расправы. И опять-таки и здѣсь Москва идетъ впереди.

Постановка „Бѣсовъ“ въ Художественномъ театрѣ вмѣстѣ съ самымъ романомъ, дали богатый матеріалъ доброму десятку чтецовъ и ораторовъ, но лекціи и диспуты о „Бѣсахъ“ непремѣнно превращались въ судъ надъ безсмертнымъ авторомъ романа-памфлета. Затѣмъ „судили“ другого нашего безсмертнаго, Пушкина—конечно, охочіе до такихъ дѣлъ футуристы (лекція „Пушкинъ и Хлѣбниковъ“). Впрочемъ, и ихъ самихъ, наконецъ, „засудили“ публично (лекція К. Чуковскаго). Еще одинъ изъ нашихъ великихъ, благодаря критику Ю. Айхенвальду, сталъ жертвой модныхъ „судовъ“—Бѣлинскій...

Заодно упомянемъ и о многочисленныхъ диспутахъ и судахъ, широкошумно устраиваемыхъ надъ героями арцыбашевской „Ревности“, каковыми затѣями уже соблазняются даже клубы приказчиковъ...

„Тайна Некрасова“ (Д. С. Мережковскій, Петербургъ и Москва). Насъ здѣсь интересуетъ только заключительная часть лекціи Мережковскаго, поскольку она выходитъ изъ рамокъ историко-литературныхъ и подходитъ близко къ нашей современности, находясь въ нѣкоторой связи съ другой (нижеслѣдующей) лекціей этого писателя.

„...Въ томъ-то и ужасъ нашъ, русскій ужасъ, — говорилъ лекторъ (см. „Рус. Сл.“ № 253, ст. „Трагедія совѣсти“), — что нѣтъ у насъ безкровной доблести, нѣтъ середины, постепенности: или сразу подлецъ, или сразу мученикъ.

Тотъ не герой, кто лавромъ не увитъ,
Иль на щитѣ не вынесенъ изъ боя.

Но что же дѣлать обыкновеннымъ людямъ, не подлецамъ и не героямъ? А то же, что дѣлалъ Некрасовъ: сгорать, сжигать себя на медленномъ огнѣ стыда.

Огонь стыда—огонь совѣсти. По этой мукѣ мы только и знаемъ, что живы. Для каждаго изъ насъ, русскихъ обывателей, наступаетъ хоть разъ въ жизни такая минута, когда

„совѣсть нѣсню свою запѣваетъ“. И тогда уже нѣтъ сомнѣнія, нѣтъ колебанія между двумя станами. Мы можемъ не пойти туда, куда зоветъ совѣсть, но не услышать зова, не отвѣтить на него не можемъ.

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

Насъ хотѣли увѣрить, что въ этомъ станѣ не любовь, а ненависть, что это — станъ разбойничій, стадо свиней, въ которое вошли „бѣсы“. Но мы не повѣрили, не забыли, и если бы и забыли, то Некрасовъ напомнилъ бы намъ, что именно сейчасъ въ Россіи, болѣе, чѣмъ когда-либо и гдѣ-либо, любовь можетъ быть ненавидящей, и ненависть — любящей.

Кто живетъ безъ печали и гнѣва.
Тотъ не любитъ отчизны своей“...

Русская общественная совѣсть, — по мысли Мережковскаго,—явленіе порядка религіознаго. Если бы спросили Некрасова, вѣритъ ли онъ въ Бога, онъ отвѣтилъ бы: за кого его принимаютъ? Православіе, попы — все въ одну кучу было свалено и все отвергнуто. Но въ русской литературѣ никто такъ не жаждалъ молиться, какъ Некрасовъ. И то, что онъ молился, не вѣря, еще сильнѣе подчеркиваетъ искренность его религіознаго чувства. Въ этомъ чувствѣ слился онъ съ народомъ.

Красота спасетъ міръ? Нѣтъ, она только сіяніе. Не она спасетъ міръ, а любовь. Любовь есть Богъ. Свобода есть Богъ. Чтобы напомнить намъ объ этомъ, бродитъ около насъ тоскующая тѣнь Некрасова.

Тайна Некрасова—тайна „любви ненавидящей“.

„*Религіозное народничество*“ (Д. С. Мережковскій, Петербургъ, Литературное общество). Докладчикъ поставилъ себѣ задачей раскрыть дѣйствительный смыслъ недавно вышедшей книги В. Богучарскаго „Активное народничество 70-хъ годовъ“. Онъ полагаетъ, что по-настоящему книгу эту слѣдовало бы озаглавить: „Революціонное и религіозное народничество“. Хотя соединеніе этихъ словъ: „религія“ и „революція“ все еще рѣжетъ интеллигентское ухо, тѣмъ не менѣе оно— историческій фактъ, о которомъ и свидѣтельствуетъ вся книга В. Богучарскаго. Оно-то, это соединеніе, и есть то огромное, что дѣлаетъ его книгу знаменіемъ времени. Религія—скрытая теплота народничества. Вся историческая часть книги Богучарскаго вскрываетъ эту религіозную основу народничества, общую, по мнѣнію докладчика, со славянофильствомъ, но на самомъ дѣлѣ глубоко отъ него отличную—не количественно, а качественно, не по силѣ религіознаго горѣнія, а по химическому составу огня. По плодамъ славянофильства и народничества мы узнаемъ, что это не двѣ расходящіяся вѣтви на одномъ деревѣ, а два разныя дерева.

Подтверждая свои положенія многочисленными цитатами изъ книги, Мережковскій указываетъ, что авторъ не замѣчаетъ тѣхъ выводовъ, которые изъ его книги вытекаютъ, и даже приходитъ къ выводамъ противоположнымъ. Такъ, „въ Россіи,—говоритъ, между прочимъ, В. Я. Богучарскій,— еще не рѣшена политическая проблема. Съ рѣшеніемъ ея и рабочее движеніе пойдетъ несомнѣнно по тому же реалистическому пути, по которому оно идетъ на Западѣ. Столь же несомнѣнно, что освободившемуся отъ утопическихъ элементовъ народничеству предстоитъ еще въ Россіи широкая и плодотворная дѣятельность“.

— Нѣтъ,— возражаетъ докладчикъ,—религія—не утопія, а душа человѣчества. Она— не паръ, а если паръ, то такой, которымъ все движется, по крайней мѣрѣ, всѣ освобожденія, всѣ революціи. Сознать или не сознать религіозный смыслъ освобожденія—значитъ сейчасъ для Россіи быть или не быть свободной. Вотъ чему учитъ насъ книга Богучарскаго.

Послѣ продолжительныхъ преній взялъ слово самъ авторъ книги. Онъ доказывалъ, что религія народниковъ была земною, реальнаго характера, и въ этомъ заключалась ея моральная сила.

„*О дерзающей личности*“ (Маркъ Криницкій, Москва, Политехническій музей). Содержаніе лекціи сводилось къ слѣдующему. Школа даетъ намъ слова, но не наполняетъ ихъ конкретнымъ содержаніемъ. Воспитанникъ школы знаетъ слова: истина, добро, справедливость, но не вкладываетъ въ нихъ ничего,— они пустыя... Вотъ эти пустыя слова и населяютъ духовный міръ обывателя, „срединнаго“ человѣка—человѣка „общаго“, готоваго міросозерцанія, не цѣнящаго глубины и силы продуманныхъ, *своихъ*, мыслей. Изъ готовыхъ понятій онъ создалъ идоловъ и живетъ въ бездонной мертвенности быта, въ тискахъ обычая, въ плѣну у преходящихъ, модныхъ словъ-фетишей: реализмъ, атеизмъ, богоискательство... Обывателю лѣнь самому думать: рѣшеніе вѣчныхъ вопросовъ онъ всегда откладываетъ „до завтра“.

Бытъ, это—убійство личности. Въ бытѣ, какъ и въ словѣ, есть опасность: быть есть аполо-

гія срединности. А кромѣ того, въ бытѣ есть мода. Сегодня—одно платье, завтра—другое; мода даетъ возможность высшимъ классамъ отличаться отъ низшихъ, не имущихъ. Мы живемъ въ такое время, когда идея, подобно ветчинѣ, продается и является достояніемъ лишь немногихъ. Мода эта къ тому же родитъ ложный стыдъ. Напр., въ декабрѣ никто не пойдетъ въ желтыхъ ботинкахъ...

Міросозерцаніе каждаго человѣка должно быть основано на началахъ разума, совѣсти и внутренней честности, „честности съ собою". Творчество не есть удѣлъ только избранныхъ, но присуще рѣшительно каждому. Нужно только воспитывать людей иначе. Духъ творчества—въ отказѣ отъ готовыхъ рѣшеній, въ освобожденіи отъ застоя. Задача воспитанія общественнаго творчества — очередная задача времени.

„Объ идеалѣ и счастьѣ жизни" (Л. Гинзбургъ, Москва, Политехническій музей). Человѣкъ не можетъ жить, если у него нѣтъ идеала въ жизни, хотя бы и самаго маленькаго. Это одинъ тезисъ лектора...

Всякъ своего счастья кузнецъ — это второй и... послѣдній тезисъ...

„Безъ идеала" и *„Сильный человѣкъ"* (А. П. Давыдовъ, Москва, Политехническій музей). Философская мысль послѣдняго времени успѣшно борется въ области чистой метафизики, религіи и др. областяхъ съ догматизмомъ нѣкоторыхъ истинъ и категорій. Лекторъ сдѣлалъ попытку примѣнить этотъ методъ непосредственно къ психологіи „идеала".

Русская интеллигенція самобытна, оригинальна и во многомъ отличается отъ интеллигенціи западной. Трагизмъ русской души — явленіе исключительное. Нигдѣ на Западѣ этого трагизма нѣтъ: западный интеллигентъ дифференцированъ, замкнутъ въ узкихъ интересахъ спеціальности, среды, и терзанія неудовлетворенной души мало ему свойственны. Западный интеллигентъ — практикъ, профессіонадъ; русскій никогда не замыкается въ спеціальность, въ профессію, но всегда жадно ищетъ отвѣтовъ на общіе, міровые вопросы. Исканіе смысла жизни — задача, свойственная только русской душѣ. Отличительная черта русскаго интеллигента—его „вѣра" въ идеалы.

Но жестокость исторической дѣйствительности приводитъ къ разочарованію, къ „разбитому корыту". Вчерашняя вѣра въ народъ, въ крестьянство, въ пролетаріатъ, въ коллективизмъ—рухнула безспорно. Увлеченіе творческими тенденціями символизма и модернизма тоже принесло разочарованіе. Оставшись снова безъ вѣры и идеала, русская интеллигенція, въ своей массѣ, безудержно отдалась безыдейной вакханаліи наслажденій и карьеризма. Принципъ переживаемаго времени: „хлѣба и зрѣлищъ".

Но отсутствіе идеала вызываетъ тоску по немъ, неудовлетворенность, самоубійства. Какъ выйти изъ современнаго культурнаго тупика? Какъ преодолѣть трагизмъ смѣны, крушенія идеаловъ?

Лекторъ отвѣтилъ на вопросъ весьма упрощенно: на основаніи „долголѣтнихъ теоретическихъ размышленій" онъ предложилъ—отказаться отъ идеала... Вотъ что должно спасти русскую интеллигенцію отъ всѣхъ золъ, а также отъ горести вѣчныхъ разочарованій...

Послѣ второй лекціи „Сильный человѣкъ", въ которой развиты были, на почвѣ раціонализма, мысли первой лекціи, г. Давыдовъ подвергся ожесточенной бомбардировкѣ оппонентовъ. Ему пришлось выслушать обвиненія и въ безнадежномъ блужданіи межъ трехъ сосенъ: индивидуализма, эгоизма и общественности, и въ откровенномъ цинизмѣ, и, наконецъ, въ „заячьей психологіи"...

Лекціи и диспуты о женщинѣ. Большая часть ихъ также приходится на долю Москвы. На одномъ изъ диспутовъ, послѣ лекціи Н. Я. Абрамовича, спорили на тему: *„О женской свободѣ и мужскомъ рабствѣ"*. Другой диспутъ проведенъ былъ по такой программѣ: *трагедія и комедія любви, любовь и бракъ, любовь и ревность, и героини „Ревности" Арцыбашева...* Программа третьяго диспута: *„Вершины и бездны женской души"*. Изъ лекцій особеннымъ успѣхомъ пользовалась лекція Е. А. Прудниковой, повторенная нѣсколько разъ, прочитанная и въ Петербургѣ: *„Новая этика, или проблема любви и брака, и духовная производительность женщины"*. Г-жа Прудникова проводила ту мысль, что новѣйшее теченіе въ женскомъ движеніи стремится осуществить въ жизни идеи молодой науки „евгеники",—науки, задачу которой составляетъ усовершенствованіе будущихъ поколѣній.

Германская женщина, говоритъ лекторша, первая опредѣлила тотъ фокусъ, въ которомъ заключено разрѣшеніе судьбы будущихъ поколѣній. Этотъ фокусъ—признаніе функціи материнства соціальной функціей, иначе говоря, каждая мать, служа обществу, имѣетъ на него извѣстныя права, а общество относительно каждой матери должно нести извѣстныя обязанности.

Германскій союзъ охраны материнства, помимо разнообразной дѣятельности по оказанію

практической помощи дѣвушкѣ-матери, предпринялъ смѣлую идейную пропаганду сексуальной реформы и провозглашаетъ принципы „новой этики".

„Новая этика" борется противъ двойственности современной половой морали, противъ различной оцѣнки личности мужчины и женщины, требуетъ „правового и моральнаго признанія свободныхъ, внѣбрачныхъ союзовъ", по существу отвѣчающихъ внутреннимъ требованіямъ брака.

Осуществленіе принциповъ новой этики возможно лишь при условіи, если „охрана материнства" станетъ общественной функціей; поэтому новая этика требуетъ правительственнаго страхованія женщинъ, на время беременности, и выплачиванія государственной дѣтской ренты.

Будущее знамя вѣка — свободная въ высшемъ духовномъ смыслѣ любовь и свободный творческій трудъ.

„*Развалъ семьи*" (И. М. Василевскій, Москва, Политехническій музей). Характеризуя современную „войну мужчины и женщины" (главнымъ образомъ, поскольку она отражается въ литературѣ) и распадъ нравственныхъ связей между мужьями и женами, и „отцами и дѣтьми" какъ хулиганство, лекторъ пытался рѣшить вопросъ, „переживаемъ ли мы развалъ семьи или только ея перестройку".

„*Отъ смерти къ безсмертію*". (Д-ръ П. И. Тимофеевскій, Москва). Лекторъ говоритъ о личномъ опытѣ, какъ единственномъ имѣющемъ практическую цѣнность доказательствѣ безсмертія, и о томъ, какъ достичь „опытнаго осознанія" *своего* безсмертія,— оккультнымъ путемъ. Но такъ какъ осознаніе индивидуальнаго безсмертія не удовлетворяетъ человѣка, жаждущаго безсмертія общаго, то надо найти путь къ безсмертію человѣчества, какъ цѣлаго. Долженъ произойти сдвигъ въ сознаніи человѣчества. Исходъ изъ тупика современной цивилизаціи, это — „непріятіе міра", переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, на основѣ добровольнаго радостнаго служенія индивидуума коллективу...

„*Межпланетныя путешествія*". (Я. И. Перельманъ, Петербургъ, Общество любителей міровѣдѣнія). Докладчикъ — небезызвѣстный популяризаторъ физики. Докладъ былъ прочитанъ на общемъ собраніи названнаго общества.

Докладчикъ подробно охарактеризовалъ существующія по настоящій моментъ какъ фантастическіе, такъ и вполнѣ реальные проекты межпланетныхъ путешествій.

Извѣстный французскій инженеръ Эсно-Пельтри, изобрѣтатель моноплана „Rep" и предсѣдатель французскаго общества воздушной промышленности, представляетъ себѣ путешествіе на луну въ послѣдовательномъ преодолѣніи трехъ фазъ. Первая фаза — отдѣленіе отъ земли и удаленіе отъ нея на такое разстояніе, которое позволило бы снаряду, благодаря уже развитой имъ скорости, чувствовать себя почти свободнымъ отъ притяженія земли. Вторая фаза начинается со вступленія въ безвоздушное пространство, гдѣ снарядъ, освободившись отъ земного притяженія и тяжести, полетитъ съ прогрессивно возрастающей быстротой въ силу инерціи. Третья фаза наступаетъ съ приближеніемъ къ лунѣ, когда ея притяженіе станетъ слишкомъ значительнымъ, угрожая снаряду паденіемъ. Здѣсь потребуется затормозить движеніе.

Самымъ лучшимъ снарядомъ для сообщенія съ луной Эсно-Пельтри считаетъ приборъ, построенный по принципу „ракеты". Для движенія этой ракеты, по способу Эсно-Пельтри, необходимъ двигатель мощностью до 400.000 лошадиныхъ силъ. Ни одно изъ существующихъ взрывчатыхъ веществъ не могло бы дать такой чудовищной силы. Эсно-Пельтри указываетъ на радій, который можетъ удовлетворительно разрѣшить задачу, но требуемое имъ количество въ 20 пуд. уже свидѣтельствуетъ о малой практичности изысканій французскаго изобрѣтателя.

Гораздо проще смотритъ на проблему сообщенія съ межпланетнымъ міромъ нашъ соотечественникъ К. Э. Ціолковскій, которому въ сущности и принадлежитъ идея, развиваемая теперь въ французскихъ воздухоплавательныхъ кругахъ.

Еще въ 1891 г. имъ разработанъ былъ проектъ реактивнаго аппарата тоже системы „Ракета", — который въ будущемъ долженъ стать „междупланетнымъ дирижаблемъ". Принципъ Ціолковскаго обоснованъ математическими выводами. Скорость, которую долженъ имѣть аппаратъ, чтобы преодолѣть земное притяженіе — 11 километровъ въ секунду. Современныя взрывчатыя вещества и конструкціи орудій имѣютъ пока предѣльную скорость полета снарядовъ — до 600 метровъ въ секунду. Слѣдовательно, надо приготовить такое взрывчатое вещество, которое бы давало дѣйствіе въ 20 разъ сильнѣе пироксилина.

Открытіе такой взрывчатой смѣси въ предѣлахъ техники. Радій или какое-нибудь другое вещество могутъ дать необходимую энергію для работы двигателя „Ракеты".

При желаніи долетѣть до луны, слѣдуетъ

при вылетѣ изъ предѣловъ земного притяженія продолжать взрывы, направляющіе „Ракету“ къ лунѣ, а при вступленіи въ зону лунного притяженія (въ 22 раза меньшаго по сравненію съ земнымъ) ослабить силу удара объ ея поверхность нѣсколькими контръ-взрывами.

Мысль К. Э. Ціолковскаго считается столь трезвой, что извѣстнымъ шведскимъ физикомъ, проф. Боркеландомъ, производятся опыты съ моделью реактивнаго прибора въ безвоздушномъ стекляномъ ящикѣ.

Самъ докладчикъ убѣжденъ въ томъ, что если человѣчество полетитъ когда-нибудь на луну и планеты, то только на приборахъ, построенныхъ по принципу Ціолковскаго.

„О современномъ театрѣ“ (Петербургъ, диспутъ въ залѣ Калашниковской биржи). Настроеніе царило на этомъ диспутѣ „о кризисѣ театра“,— и среди слушателей, и среди самихъ ораторовъ,—такое, что газеты опредѣлили его какъ „эстетическій митингъ“.

На театральномъ „митингѣ“ сразились приверженцы „новаго“ и „стараго“ театра. Е. В. Аничковъ, объявившій, что онъ „пришелъ сюда съ открытымъ забраломъ“ и что онъ уже 18 лѣтъ „борется за новое искусство“, съ пафосомъ зоветъ къ „новымъ“ драматургамъ — Блоку, Сологубу, Ремизову, Вяч. Иванову, Брюсову. Его столь же горячо поддерживаетъ В. Мейерхольдъ, увѣряя публику, что она — сила. „Въ вашихъ рукахъ власть. Идите же въ театръ и требуйте новаго искусства. Идите съ моченными яблоками и забрасывайте то, что вамъ не нравится!..“ Ю. Слонимская доказывала, что Островскій, за котораго такъ держатся „старовѣры“, „бытовики“, вовсе даже не бытовой писатель, что бытъ въ его пьесахъ простое недоразумѣніе, это — лишняя подробность; главное въ нихъ—не среда, а „борьба темныхъ и свѣтлыхъ силъ“. И поэтому-де постоялый дворъ Островскаго могъ бы быть безъ всякаго ущерба замѣненъ хотя бы даже великосвѣтскимъ салономъ; любую пьесу его можно поставить въ любомъ стилѣ, хотя бы въ стилѣ Людовика XIV... Наконецъ иные ораторы отъ ненавистнаго имъ „стараго“ театра звали къ спасительному „старинному“ театру — театру масокъ и свободной импровизаціи Карла Гоцци.

Оппоненты пылкихъ новаторовъ защищали идею органическаго роста театра и старались раскрыть истинное пониманіе „быта“. Е. Карповъ говорилъ о томъ, что старый театръ не нуждался, въ сущности, ни въ какихъ *бытовыхъ* обстановочныхъ средствахъ: ему нуженъ былъ только актеръ „Божіей милостью“. Д-ръ В. Чеховъ указывалъ на связь кризиса театра съ общимъ кризисомъ культуры и общественности. Бѣда въ томъ, что въ наши дни отсутствуетъ „моральный центръ“.

„Народъ и театръ“. Диспутъ о народномъ театрѣ организованъ былъ секціей содѣйствія устройству деревенскихъ и фабричныхъ театровъ, состоящей при Московскомъ обществѣ народныхъ университетовъ.

На обсужденіе поставленъ былъ рядъ вопросовъ: народный театръ или театръ для народа, существуетъ ли у народа влеченіе къ театру, возможенъ ли народный театръ, чѣмъ должна и что можетъ отвѣтить интеллигенція на эти запросы и это влеченіе, и т. д.

Но въ сущности всѣ пренія вертѣлись вокругъ одного вопроса: долженъ ли быть спеціальный народный театръ, или театръ, какъ всякое искусство, долженъ быть общечеловѣческимъ? И въ концѣ-концовъ большинствомъ участниковъ диспута вопросъ былъ признанъ праздднымъ, а пренія по такому вопросу — „ненужными интеллигентскими разглагольствованіями“, и самое противопоставленіе народа интеллигенціи—архаизмомъ.

— Театръ,— говорилъ резюмировавшій пренія Б. И. Сыромятниковъ, — не можетъ быть ни народнымъ, ни интеллигентскимъ; онъ вообще не долженъ носить классоваго отпечатка, и единственное требованіе, которое нужно предъявлять къ театру,—это, что бы онъ былъ общедоступнымъ носителемъ всечеловѣческой культуры. И на Западѣ борются за общечеловѣческую культуру, не говоритъ о какой-то особой породѣ людей, называемой интеллигенціей. Намъ нуженъ національный, а не народный театръ.

„Всёчество“. Эта лекція о новѣйшей живописи, прочитанная въ Московскомъ Обществѣ частныхъ курсовъ изученія искусства, интересна тѣмъ, что лекторъ, г. Зданевичъ, еще въ прошломъ году провозглашавшій торжество футуризма, спѣлъ отходную этому движенію.

Футуризмъ отжилъ свой вѣкъ. Его смѣнило „всёчество“...

Сущность послѣдняго въ томъ, что ни одинъ моментъ искусства, ни одна эпоха не отвергаются. Наоборотъ, побѣдившіе время и пространство „всёки“ черпаютъ источники вдохновенія, гдѣ имъ угодно.

Конечно, это „всёчество“, за исключеніемъ неуклюжаго названія, просто-напросто — всегда существовавшій эклектизмъ, но нельзя все-таки не отмѣтить того, что варварски-разрушительныя тенденціи футуризма отвергаются нынѣ даже бывшими его адептами.

Стачка дѣторожденія.

[3:396]

До сихъ поръ пролетарскимъ женщинамъ рекомендовали воздержаніе отъ дѣторожденія одни только французскіе синдикалисты. Только они съ этой цѣлью рекламировали различныя предупредительныя средства, утверждая, что, освобождая себя отъ лишняго потомства, женщина-работница скорѣе достигнетъ лучшихъ условій существованія, и что уменьшеніе числа дѣторожденій подорветъ современный милитаризмъ, уменьшая численность падающихъ его жертвою лицъ.

Теперь вопросъ объ ограниченіи дѣторожденія, или вопросъ о „стачкѣ дѣторожденія", поднятъ докторами Мозесомъ и Бернштейномъ на нѣсколькихъ собраніяхъ и въ печати германской соціалъ-демократіи. Какъ на собраніяхъ въ Берлинѣ, такъ и въ соціалъ-демократической печати вопросъ о „стачкѣ дѣторожденія" вызвалъ горячіе споры. Сторонники примѣненія рабочими неомальтузіанскихъ средствъ пытались разсматривать этотъ вопросъ не съ точки зрѣнія индивидуальной этики, а съ точки зрѣнія классовой борьбы. Ограничивая дѣторожденіе, рабочій классъ уменьшаетъ численность рабочей арміи, тѣмъ самымъ улучшая положеніе ея на рынкѣ труда; въ то же время „стачка дѣторожденія" уменьшаетъ число лицъ, подлежащихъ призыву, и тѣмъ самымъ дѣлаетъ невозможнымъ ростъ милитаризма. Далѣе, освобождая рабочаго и работницу отъ заботъ о многочисленныхъ дѣтяхъ, ограниченіе дѣторожденія дѣлаетъ ихъ болѣе способными къ борьбѣ за лучшую жизнь и даетъ имъ возможность лучше воспитать тѣхъ дѣтей, которыя у нихъ уже имѣются. Наконецъ, женщина-работница, освобождая себя отъ бремени пошенія и кормленія многочисленныхъ дѣтей, пріобрѣтаетъ возможность рука объ руку бороться вмѣстѣ съ мужемъ за лучшее будущее, тогда какъ при большомъ числѣ дѣтей она превращается въ „родильную машину", въ самку.

Таковы главнѣйшіе аргументы сторонниковъ „стачки дѣторожденія", какъ средства классовой борьбы. Эти доводы встрѣчаютъ сочувствіе значительныхъ круговъ рабочихъ, страдающихъ отъ все растущей дороговизны жизни и тяготящихся своими многочисленными семьями.

Но эти аргументы вызвали рѣзкій отпоръ среди виднѣйшихъ дѣятелей с.-д. партіи: К. Цеткиной, Р. Люксембургъ, Каутскаго и др.

Противники „стачки дѣторожденія" прежде всего протестуютъ противъ того, что соціалистическіе неомальтузіанцы подмѣняютъ задачи классовой борьбы средствами, которыя индивидуально могутъ примѣняться въ „частныхъ спальняхъ", но не подлежатъ признанію въ качествѣ исполняющихъ средствъ. Условія жизни заставляютъ многихъ рабочихъ и работницъ ограничивать дѣторожденіе, но отъ этого до признанія „стачки дѣторожденія", какъ средства классовой борьбы—дистанція огромнаго размѣра.

Напротивъ, съ точки зрѣнія соціальныхъ задачъ, стоящихъ передъ рабочимъ классомъ, ему, какъ классу, надлежитъ не приспособляться къ существующимъ условіямъ путемъ „стачки дѣторожденія", а бороться за измѣненіе этихъ условій въ смыслѣ достиженія возможности прокармливать и воспитывать всѣхъ своихъ дѣтей, сколько бы ихъ ни было.

Что касается отдѣльныхъ аргументовъ въ пользу „стачки дѣторожденія", то въ нѣсколькихъ словахъ Каутскому и Р. Люксембургъ удалось обнаружить ихъ несостоятельность.

Въ концѣ-концовъ сторонники такой стачки оказались въ меньшинствѣ среди германскихъ соціалистовъ („Недѣля Вѣст. Зн.").

Вѣкъ ребенка.

[649:371]

„Дорогу ребенку!" — такой призывъ громко и настойчиво сталъ звучать лишь въ наше время. И все замѣтнѣе усиливается теперь общественное вниманіе къ дѣтскому міру, къ дѣтскимъ интересамъ, къ дѣтскимъ правамъ. Такимъ образомъ, начинаетъ оправдываться предсказаніе Эллены Кей, что двадцатый вѣкъ будетъ „вѣкомъ ребенка"... XX вѣкъ, между прочимъ, ввелъ въ жизнь особые, посвященные дѣтямъ конгрессы, выставки, анкеты, даже международнаго характера. Такъ, напр., нѣмцы устраиваютъ первый свой конгрессъ по дѣтской литературѣ; у насъ созывается первый „всероссійскій съѣздъ по вопросамъ дѣтскаго чтенія". Въ Америкѣ широко задумана анкета о дѣтскихъ садахъ. Уже состоялось нѣсколько международныхъ конгрессовъ по школьной гигіенѣ и т. д.

Первый международный конгрессъ по охранѣ дѣтства. Онъ собирался нынѣшнимъ лѣтомъ въ Брюсселѣ. Отмѣтимъ нѣкоторые результаты конгресса.

Постановлено просить бельгійское правительство созвать дипломатическимъ путемъ международную комиссію для установленія однообразныхъ основаній для статистики дѣтской смертности. Далѣе, вынесена резолюція: „Всѣ дѣти, находящіяся на попеченіи внѣ родительскаго

крова, должны быть поставлены подъ наблюденіе общественныхъ органовъ; разрѣшеніе на принятіе на воспитаніе чужихъ дѣтей должно подлежать опредѣленнымъ условіямъ“ и т. д.

Для охраны дѣтей отъ пагубныхъ послѣдствій алкоголя предложено рѣшительное законодательное вмѣшательство. Малолѣтніе должны быть отбираемы отъ родителей пьяницъ и передаваемы въ соотвѣтственныя учрежденія или почтеннымъ семьямъ. Во всѣхъ государствахъ въ школахъ всѣхъ разрядовъ должно быть введено обязательное наставленіе о пагубныхъ послѣдствіяхъ алкоголизма.

Въ заключеніе былъ сдѣланъ первый шагъ къ учрежденію въ Брюсселѣ международнаго бюро охраны дѣтства. („Гиг. и Санит.“).

Призовыя дѣти. Существуютъ призовыя лошади, телята, кабаны. И съ большимъ терпѣніемъ, настойчивостью и неусыпной энергіей культивируются и выращиваются овощи, цвѣты, растенія. Недоставало только призовыхъ дѣтей, и въ настоящій моментъ и ихъ можно найти,— въ разныхъ уголкахъ Соединенныхъ Штатовъ. Нью-Іоркъ сравнительно запоздалъ, и первая выставка прекрасно вскормленныхъ младенцевъ была устроена въ одной изъ школъ восточнаго Нью-Іорка только лишь весною сего года.

Это было первое серьезное проявленіе новаго движенія, охватившаго Соединенные Штаты, начало которому положено было въ земледѣльческихъ районахъ.

Движеніе объединило муниципалитеты, комитеты по снабженію чистымъ молокомъ, общества улучшенія жизни ребенка и разнообразные клубы. Имъ поздѣе помощь оказали и богатыя филантропическія общества, и не отказали въ содѣйствіи также извѣстные спеціалисты-врачи.

Въ Денверѣ подобная выставка была устроена подъ покровительствомъ National Western Live Stock Association. Около 300 младенцевъ разныхъ слоевъ общества и разнообразныхъ національностей были принесены на эту выставку. Свыше 50 врачей-спеціалистовъ по дѣтскимъ, горловымъ, носовымъ и ушнымъ болѣзнямъ и др. посвятили свое время на изслѣдованіе младенцевъ. Выдача призовъ была чуть ли не обращена въ національное торжество. Тысячная толпа собралась вокругъ открытой арены, на которой раздавались призы, доходившіе до 200 долларовъ.

Трудно даже вообразить, какое громадное воспитательное значеніе имѣютъ эти выставки и какъ много онѣ дѣлаютъ для пробужденія въ родителяхъ сознанія своего долга и обязанностей по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ. Дочь одной довольно развитой женщины, къ великому огорченію обоихъ родителей, не получила приза. Это заставило мать призадуматься. Она тщательно изучила врученный ей бланкъ съ отмѣтками, посовѣтовалась съ врачами, и въ слѣдующій годъ ея дѣвочка получила первый призъ.

Въ связи съ выставками идетъ непрерывная пропаганда многихъ полезныхъ свѣдѣній. Родители могутъ изъ безплатно раздаваемыхъ брошюрокъ узнать, какъ ухаживать за зубами дѣтей, какъ предупредить зараженіе чахоткой, какое вліяніе имѣютъ дѣтскія игры на развитіе организма, о значеніи дѣтской библіотеки; не упущенъ изъ виду и вопросъ о половой гигіенѣ.

Такимъ образомъ, эта на видъ незатѣйливая выставка здоровыхъ дѣтей обращается въ цѣлое просвѣтительное учрежденіе. Хотя бы и искусственными мѣрами, но вызвана кооперація родителей, и это влечетъ за собою лучшій уходъ за младенцами, болѣе серьезное и внимательное отношеніе къ ихъ нуждамъ и потребностямъ. („Вѣстн. Восп.“).

Школьное преподаваніе половой физіологіи. Опытъ Германіи, — гдѣ сначала въ Дюссельдорфѣ, а затѣмъ въ Саксоніи, Баваріи, Вюртембургѣ и Пруссіи было введено еще съ 1905 года преподаваніе физіологіи половыхъ органовъ, — давшій прекрасные результаты, направилъ на обсужденіе этого вопроса и французскихъ педагоговъ. Значительное количество книгъ по данному предмету, появившихся въ послѣднее время, и спеціальная анкета среди директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, давшихъ благопріятные отзывы, приводятъ къ заключенію о скоромъ введеніи, по примѣру Германіи, преподаванія физіологіи половыхъ органовъ и ихъ функцій и во французской школѣ. („Шк. и Ж.“).

„Наука трезвости“. Борьба съ алкоголизмомъ въ „вѣкъ ребенка“ получила новое развитіе: руководители антиалкогольнаго движенія поняли наконецъ, что здѣсь, какъ и во всемъ, надо смотрѣть „въ корень вещей“ и организовать борьбу со *школьнымъ* алкоголизмомъ. Основнымъ программнымъ пунктомъ этой борьбы является разработка и введеніе въ школьное преподаваніе „науки трезвости“.

Впереди другихъ странъ пошла Америка. Vermont былъ первымъ штатомъ, который ввелъ у себя обязательное для всѣхъ дѣтей ознакомленіе съ вредомъ, происходящимъ отъ

употребленія спиртныхъ напитковъ, и обязательное имѣетъ съ этимъ во всѣхъ школахъ преподаваніе уроковъ трезвости — temperance-lessons. Въ Канадѣ и Австраліи наука трезвости стоитъ въ одномъ ряду съ другими науками курса начальной и средней школы. Въ Швеціи, Норвегіи, Бельгіи, Швейцаріи „наука трезвости“ составляетъ особый обязательный предметъ. Во Франціи антиалкогольное ученіе присоединено къ нѣкоторымъ предметамъ, напр., къ гигіенѣ, къ природовѣдѣнію, или же оно ведется путемъ расширенія программъ всѣхъ предметовъ. Въ Германіи установлено обязательное преподаваніе „науки трезвости“ на особыхъ урокахъ. Въ Англіи и Голландіи „наука трезвости“ не входитъ въ курсъ школы; преподаваніе ведется тамъ повсюду отъ имени обществъ трезвости черезъ посредство особыхъ лекторовъ, переходящихъ изъ деревни въ деревню, изъ школы въ школу. Въ Россіи антиалкогольное преподаваніе закономъ не установлено.

Преподаваніе обыкновенно дѣлится на два цикла: подготовительный (младшіе классы) и систематическое изложеніе предмета (въ старшихъ классахъ). Первый циклъ построенъ такимъ образомъ, что въ любой урокъ вкрапливаются мимоходомъ нѣсколько штриховъ изъ антиалкоголизма. Напр., для простого упражненія въ чтеніи или списываніи подбирается соотвѣтствующій матеріалъ. По ариѳметикѣ могутъ рѣшаться задачи, иллюстрирующія экономическую сторону вреда пьянства, и т. п. Такъ создается почва для сознательнаго усвоенія „науки трезвости“ въ старшихъ отдѣленіяхъ, которая излагается по слѣдующему плану: I. Часть гигіеническая. Строеніе человѣческаго организма. Пища. Алкогольные напитки. II. Часть медицинская. Вліяніе алкоголя на различные органы. Наслѣдственность, вырожденіе. III. Часть нравственная. Преступность, самоубійства и пр. IV. Часть экономическая. V. Борьба съ алкоголизмомъ.

Для закрѣпленія и, такъ сказать, воплощенія въ жизни почерпнутыхъ въ школѣ свѣдѣній существуютъ еще за границей кружки трезвенниковъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ типовъ. Такъ называемые „Союзы надежды“ (Band of Hope) очень распространены во многихъ странахъ. Они составляютъ основныя ячейки, изъ которыхъ вырастаютъ потомъ студенческія организаціи и, наконецъ, внѣшкольныя общества трезвости, связанныя другъ съ другомъ тѣсными узами. („Русск. Мысль“).

Политика въ американскихъ школахъ. Американецъ съ самаго ранняго дѣтства принимаетъ активное участіе въ общественной и политической жизни.

Когда въ школьныхъ клубахъ назрѣваетъ какой-нибудь вопросъ, дѣти не стѣсняются обратиться со своими запросами къ городскому мэйору, депутатамъ, сенаторамъ и даже къ самому президенту республики. И послѣдніе никогда не отказываются выступить передъ дѣтьми.

Рузвельтъ и Вильсонъ не разъ выступали и выступаютъ передъ дѣтьми съ разъясненіями по политическимъ вопросамъ. Покойный нью-іоркскій мэйоръ Гейноръ посвятилъ очень значительную часть своей обширной корреспонденціи переписке со школьниками и школьными клубами. По различнымъ городскимъ вопросамъ и особенно по вопросу о школьной тѣснотѣ и о дѣтскихъ паркахъ онъ не разъ принималъ дѣтскія депутаціи и, что важнѣе всего, *считался* съ ихъ требованіями. Когда подгода тому назадъ въ Бруклинѣ (части Нью-Іорка) возникъ вопросъ о покупкѣ за 100 тысячъ долларовъ незастроеннаго участка для устройства дѣтскаго парка и тамошніе домохозяева, не желавшіе платить лишнихъ налоговъ, выступили противъ этого проекта, депутація бруклинскихъ дѣтей явилась къ Гейнору и добилась у него поддержки этого проекта, который затѣмъ прошелъ и сейчасъ приводится въ исполненіе.

Курсъ политическаго воспитанія дѣти проходятъ особенно наканунѣ выборовъ. Когда взрослые граждане раздѣляются по партіямъ и выдвигаютъ своихъ кандидатовъ въ соотвѣтствіи со своими политическими симпатіями и центральными вопросами предстоящихъ выборовъ, такія же партійныя раздѣленія и обсужденіе вопросовъ происходятъ и въ школахъ, начиная Public Schools (народными училищами), и кончая университетами. Всѣ вопросы сначала обсуждаются въ школьныхъ клубахъ подъ руководствомъ своихъ выборныхъ предсѣдателей. Затѣмъ каждый клубъ, классъ, или „независимая группа“ выдѣляютъ изъ своей среды избирательный комитетъ, входящій въ соглашеніе съ другими „дружественными организаціями“ того же училища, подъ руководствомъ учителей и завѣдующаго школой. Эти комитеты подвергаютъ публичному обсужденію платформы взрослыхъ кандидатовъ и высказываются за или противъ нихъ. За двѣ недѣли до дѣйствительныхъ выборовъ въ городѣ, или странѣ, въ школѣ производится straw ballot („соломенная баллотировка“), происходящая по всѣмъ правиламъ выборовъ, точь въ точь, какъ у взрослыхъ. И результаты этихъ straw ballots настолько серьезны, что пресса при

оцѣнкѣ шансовъ кандидатовъ дѣйствительной избирательной кампаніи принимаетъ во вниманіе результаты школьныхъ straw ballots...

Когда избирательная кампанія уже въ полномъ разгарѣ, дѣти (съ 7-лѣтняго возраста) начинаютъ принимать въ ней дѣйствительное участіе. Помимо манифестацій съ плакатами тѣхъ взрослыхъ кандидатовъ, на сторону которыхъ они стали, дѣти принимаютъ участіе въ раздачѣ и разноскѣ по домамъ избирательной литературы. За два—три дня передъ выборами каждая партія вооружаетъ своихъ маленькихъ сторонниковъ спеціальными дудками, издающими звуки наподобіе автомобилей, и дѣти съ литературой въ рукахъ производятъ послѣдній обходъ квартиръ и почтовыхъ ящиковъ избирателей. О томъ, что на каждомъ экипажѣ, развозящемъ ораторовъ для открытыхъ митинговъ, и на самихъ митингахъ вы найдете множество дѣтей, и говорить нечего: это само собой разумѣется.

И дѣти чрезвычайно энергично и сознательно реагируютъ на то, что происходитъ кругомъ.

На-дняхъ, наканунѣ выборовъ, можно было видѣть на улицахъ нью-іоркскаго Истъ-Сайда такую картинку: посреди улицы двигалась большая дѣтская процессія съ обязательнымъ полисменомъ впереди. Каждый изъ дѣтей несъ въ рукахъ большой картонный плакатъ съ именемъ одного изъ многочисленныхъ кандидатовъ, выставленныхъ соперничающими капиталистическими партіями, или съ какимъ-нибудь изъ ихъ избирательныхъ лозунговъ. А впереди шелъ десятилѣтній мальчикъ съ плакатомъ, на которомъ огромными буквами было написано одно лишь слово:

— Liars! (Лжецы).

Это былъ отвѣтъ соціалистически настроенныхъ дѣтей рабочихъ Истъ-Сайда на взаимныя обвиненія всѣхъ капиталистическихъ кандидатовъ во лжи...

Дѣти не остаются въ сторонѣ и въ день выборовъ. Election day (день выборовъ), это—ихъ день. Въ этотъ день, который считается оффиціальнымъ праздникомъ, всѣ фабрики, магазины и, разумѣется, школы закрыты. Милліонъ учащихся нью-іоркскихъ школъ провели этотъ день на улицахъ. Съ самаго ранняго утра улицы переполнились шумомъ, звономъ и трескомъ спеціальныхъ дудокъ, жестяныхъ колокольчиковъ и хлопушекъ, которые дѣти наготовили спеціально на этотъ день. Улицы напоминали собой веселый карнавалъ. Вездѣ въ толпѣ носились дѣти, съ дудками во рту и со спеціальными метелочками въ рукахъ. Этими метелочками, обмазанными пудрой, мѣломъ, а иногда и сажей, дѣти норовятъ попасть въ лица и носы зазѣвавшихся прохожихъ. Тѣ уклоняются, дѣти настигаютъ ихъ, кругомъ крики, хохотъ, смѣхъ, — и все это создаетъ особенное праздничное приподнятое настроеніе, отличающее Election day отъ всякаго другого дня.

Къ вечеру на улицахъ запылали костры. Это тоже одна изъ необходимыхъ дѣтскихъ затѣй, приспособленная спеціально ко дню выборовъ, обыкновенно бывающаго 4-го ноября, и къ Independence day (день объявленія независимости, 4-го іюля).

Несчастій отъ этихъ костровъ не бываетъ. Дѣти, даже въ самомъ разгарѣ игры, сами зорко наблюдаютъ за порядкомъ и безопасностью. Для этого у нихъ имѣется своя особенная, свободно-выбранная дѣтская полиція безопасности.

И эта полиція работаетъ такъ успѣшно, что покойный мэоръ Гейноръ даже назначилъ прошлымъ лѣтомъ оффиціальную дѣтскую полицію для надзора за порядкомъ и чистотой въ паркахъ. Дѣти тогда прекрасно выполнили свою миссію. („День“).

Подготовка дѣтей къ жизни. Нами уже сообщалось — въ № 2 — о появленіи въ Америкѣ особыхъ vocational-specialist'овъ, занимающихся опредѣленіемъ призванія, помогающихъ въ выборѣ профессіи. Теперь можемъ дополнить свое сообщеніе.

Что дѣлать съ тысячами, десятками тысячъ подростковъ, юношей, дѣвицъ, взрослыхъ, которые на распутьи жизни не знаютъ, въ какую сторону повернуть? Какъ прекратить эту безсмысленную трату человѣческой энергіи, трату тамъ, гдѣ меньше всего слѣдовало бы ее допускать? Вотъ разрѣшеніемъ этого вопроса въ данный моментъ и задались американцы, что положило начало движенію, извѣстному здѣсь подъ именемъ Vocational Education и Vocational Guidance. И носителемъ этой новой идеи въ Соединенныхъ Штатахъ явился профессоръ Парсонъ изъ Бостона.

Въ Нью-Іоркѣ это движеніе началось почти по тѣмъ же самымъ мотивамъ. Нѣсколько учителей составили группу, задавшись цѣлью помочь учащимся пріискать мѣсто по окончаніи школы. При этомъ главной цѣлью было пристроить этихъ подростковъ такимъ образомъ, чтобъ ихъ способности и наклонности не глохли, а если возможно, даже развивались.

Вслѣдъ за Нью-Іоркомъ послѣдовали Чикаго, Питсбургъ, Филадельфія, С.-Луисъ, Кливландъ и нѣсколько другихъ городовъ.

Практическія указанія, какимъ путемъ осуществить то, что стремится сдѣлать проф. Парсонъ, находимъ въ его книгѣ „Choosing a Vocation“ (Выборъ профессіи).

Въ общемъ все изслѣдованіе производится имъ въ такомъ видѣ:

I. На первомъ планѣ ставятся личныя свѣдѣнія, которыя даются письменно.

II. Затѣмъ является *самоанализъ*, подготовкой для котораго служитъ предварительная бесѣда съ совѣтчикомъ.

III. Необходимо также ознакомленіе съ выборомъ профессіи, сдѣланнымъ самимъ обратившимся за совѣтомъ, такъ какъ обязанность совѣтчика не указывать, а исправлять, направлять, совѣтовать, помогать.

IV. Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ составленный уже совѣтчикомъ анализъ, который разбивается на слѣдующія рубрики:

1) наслѣдственность, условія жизни и матеріальное положеніе.

2) темпераментъ и природныя наклонности;

3) наружность и характеръ;

4) образованіе и опытъ;

5) болѣе яркія желанія и наклонности.

V. Необходимыми также являются и свѣдѣнія изъ міра профессіональнаго и промышленнаго, а именно:

1) списокъ и классификація занятій, промышленностей, профессій и т. п.;

2) очеркъ необходимыхъ требованій для успѣха въ той или другой карьерѣ;

3) текущія свѣдѣнія изъ міра профессіональнаго, промышленнаго и торговаго;

4) условія жизни, необходимыя для подготовки для того или другого ремесла (напримѣръ, условія жизни подмастерья);

5) списокъ профессіональныхъ школъ и курсовъ, имѣющихся въ данной или ближайшей мѣстности;

6) списокъ добросовѣстныхъ конторъ по пріисканію работъ.

VI. Затѣмъ дѣлаются заключенія, которыя со стороны совѣтчика требуютъ яснаго міросозерцанія, логическаго размышленія, очень внимательнаго разбора всего матеріала и, понятно, такта и сочувствія.

VII. И послѣднимъ является, конечно, совѣтъ.

Теперь, естественно, возникаетъ вопросъ, гдѣ взять такихъ совѣтчиковъ. „Міръ не безъ добрыхъ людей“, но американцы думаютъ, что этимъ добрымъ людямъ еще нужна также training — подготовка, для чего имѣются уже частныя школы при нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ.

Новое движеніе выдвинуло много важныхъ вопросовъ: что такое школа, если она не можетъ подготовить къ жизни? Какая цѣна тѣхъ знаній, которыя не имѣютъ никакого или очень мало практическаго приложенія? Зачѣмъ, наконецъ, вся эта трата энергіи съ той и съ другой стороны — учащихъ и учащихся?.. („Вѣстн. Восп.“).

Тангоманія.

[79:301:15]

О чемъ больше всего писали газеты въ послѣдніе мѣсяцы, т.-е. какимъ фактамъ, явленіямъ, если исключить политику, отведено было за это время въ лѣтописи современной жизни виднѣйшее мѣсто? Ну, конечно, такимъ событіямъ, какъ дѣло Бейлиса или, напр., новые успѣхи радіотерапіи, а въ частности, что касается нашей, русской, прессы — выступленіе Максима Горькаго противъ Достоевскаго, дирижерское выступленіе чуда-ребенка Вилли Ферреро. А еще? Какого рода сообщеніями еще пестрѣли газетные столбцы? О чемъ каждый день аккуратно докладывались очередныя новости, одна неожиданнѣе, „сенсаціоннѣе“ другой?..

Гвоздь сезона. „Танго“ заразилъ, захватилъ, покорилъ всѣ слои французскаго общества. Завезенный въ Европу изъ трущобъ и притоновъ Буэносъ-Айреса, этотъ негритянскій канканъ съ быстротой повальной болѣзни перекинулся изъ монмартрскихъ (и уайтчепельскихъ) кабачковъ въ частныя гостиныя — вплоть до аристократическихъ салоновъ Парижа и Лондона...

...„Танго“ танцуютъ вездѣ: въ городахъ, въ курортахъ, на модныхъ пляжахъ.

Литература о „танго“. Написано уже нѣсколько книгъ, служащихъ руководствомъ не только для техническаго, но и „*психологическаго*“ изученія танго.

...Извѣстный поэтъ-академикъ Жанъ Ришпэнъ написалъ драматическую поэму „Танго“.

...Нѣкоторыя большія парижскія газеты („Gil Blas“, „Excelsior“) опросили рядъ видныхъ лицъ, причастныхъ къ искусству: „Пристойно ли танцовать танго?“ Анкеты дали богатый матеріалъ...

...Противники и сторонники новаго танца ведутъ горячую полемику о „приличіи“ или „неприличіи“ танго.

Лекціи о танго. Общепризнанный арбитръ изящества и законодатель мужскихъ модъ въ Парижѣ, А. Фукьеръ, прочиталъ лекцію о мод-

номъ танцѣ. Хотя авторитетный лекторъ не видитъ никакихъ разумныхъ основаній для предпочтенія танго вальсу, тѣмъ не менѣе онъ предсказываетъ новому танцу блестящую будущность, но только въ хорошемъ обществѣ. По причинѣ своей сложности, танго не можетъ стать прочнымъ достояніемъ широкихъ общественныхъ круговъ.

Танго и французская академія. На торжественномъ годичномъ актѣ соединенныхъ пяти отдѣленій Institut de France назначенный докладчикомъ делегатъ академіи изящныхъ искусствъ, популярный поэтъ Жанъ Ришпэнъ, темой своего доклада избралъ „вопросъ о танго“. Въ своей рѣчи академическій ораторъ старался исторически, философски, эстетически и морально обосновать „право гражданства“ новаго экзотическаго танца во Франціи.

Танго и французскія власти. Мода на танго (и на танецъ апашей) приняла въ Парижѣ такіе размѣры, что наложенъ запретъ на публичное исполненіе этихъ танцевъ.

Танго въ Германіи. Послѣ нѣсколькихъ дуэлей, вызванныхъ танго, императоръ Вильгельмъ издалъ приказъ по арміи, запрещающій офицерамъ участвовать въ этомъ и ему подобныхъ новѣйшихъ танцахъ („уанъ-степъ“ и „ту-степъ“).

Танго въ Италіи. Король Викторъ-Эммануилъ III и королева Елена пожелали лично убѣдиться въ справедливости нареканій на „знаменитый“ танецъ. Танго до того понравился королевѣ, что она, пренебрегши строгимъ придворнымъ этикетомъ, сама стала танцовать этотъ танецъ. Примѣръ королевы значительно увеличилъ успѣхъ танго среди дамъ итальянской аристократіи.

...Король и королева итальянскіе получаютъ отъ своихъ подданныхъ множество писемъ съ просьбой не танцовать танго, какъ танецъ „слишкомъ задорный“.

Танго и Ватиканъ. За послѣднее время многіе епископы разныхъ странъ обращались въ Ватиканъ за инструкціями относительно того, слѣдуетъ ли имъ публично заклеймить современные танцы, въ особенности танго. Папа передалъ этотъ вопросъ въ комиссію таинствъ, занявшуюся ознакомленіемъ съ мнѣніями извѣстныхъ богослововъ, чтобы рѣшить, должно ли признать танго безнравственнымъ. Въ ожиданіи формальнаго рѣшенія папа предоставилъ епископамъ руководствоваться своими личными соображеніями.

Танго въ Англіи. Епископъ Кенсингтонскій выступилъ со словомъ рѣзкаго осужденія танго. Среди печатныхъ откликовъ на это осужденіе отмѣчаютъ скорбное письмо извѣстной англійской танцовщицы, Габи Дели, заявляющей, что своимъ суровымъ словомъ епископъ ей „разбилъ сердце“, и протестъ Бернарда Шоу, со всей силой своего сарказма напавшаго на чопорнаго представителя Церкви.

Танго въ Россіи. Москва. „Техническій“ балъ. Публика слоняется изъ угла въ уголъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ танго. Танго—лозунгъ вечера. Но вотъ по заламъ пронеслась вѣсть: „Начался танго!“... Публика густо валитъ въ малый залъ... Танго—въ разгарѣ... Публика отъ удовольствія подвизгиваетъ...

И такъ далѣе, и такъ далѣе... Впрочемъ, еще одно сообщеніе,—да разрѣшитъ читатель наложить „послѣдній бликъ“ на картину:

Соперникъ танго. Въ Парижѣ уже входитъ въ моду новый танецъ „кроулингъ“, который, судя по описаніямъ тамошней прессы, заслуживаетъ названія „танца змѣй“. Онъ состоитъ въ томъ, что танцующіе послѣ двухъ-трехъ тактовъ вальса, бросаются на полъ и начинаютъ, сохраняя извѣстную ритмичность, ползти и извиваться, подражая при этомъ движеніямъ извивающихся змѣй.

Такъ какъ продѣлывать замысловатыя па „кроулинга“, лежа въ бальномъ туалетѣ на полу, не совсѣмъ удобно, для „танца змѣй“ придуманъ особый костюмъ: черная мѣшкообразная блуза, мягкая черная шапочка, защищающая волосы отъ пыли, и черныя перчатки, подбитыя внутри мягкой матеріей, чтобы легче было „ползти“ на рукахъ...

* *
*

Остается теперь „освѣтить“ получившуюся картину. Это сдѣлаетъ нашъ извѣстный поэтъ Н. Минскій, парижскій корреспондентъ „Утра Россіи“ (№ 248).

„ ...Я назвалъ „танго“ „гвоздемъ“ сезона, и примѣръ съ гвоздемъ поможетъ намъ понять всю заразительную мощь, все скрытое обаяніе этой негритянской выдумки.

Возьмите гвоздь и сильными ударами молотка начните вбивать его въ стѣну. Если стѣна податливая, гвоздь, подвигаясь съ каждымъ ударомъ, будетъ оставаться холоднымъ, сила ударовъ перешла въ движеніе. Но если гвоздь наскочилъ на камень, то сила ударовъ, не тратясь на движеніе, перейдетъ въ теплоту, и гвоздь накалится.

Въ танцахъ роль гвоздя исполняютъ сами танцующіе, а ударомъ, движущей силой бываетъ возбужденіе, порождаемое музыкальной мелодіей и, главное, близостью существа другого пола. Въ старыхъ „променадныхъ“ тан-

цахъ—менуэтѣ, гроссъ-фатерѣ—и даже въ такихъ, какъ кадриль или бостонъ—еще не соединенныхъ и объятіемъ, сила удара бывала ничтожная, и танцующіе оставались холодными. На смѣну имъ пришли танцы страстные: мазурка, полька и всесильный вальсъ,—въ которыхъ мужчина и женщина возбуждаются близостью объятія и призывнымъ томленіемъ музыкальнаго напѣва. Сила удара очень велика, но она вся безъ остатка расходуется въ быстромъ движеніи, въ „упоительномъ вихрѣ“ полета и кружеиіи, точно такъ же, какъ это бываетъ въ народныхъ танцахъ—въ чарданѣ, присядкѣ, тарантеллѣ, гарротидѣ. Посмотрите на танцующую пару послѣ бурнаго вальса. Дама упала на стулъ и, закрывшись вѣеромъ, спѣшитъ отдышаться. У мужчины волосы прилипли ко лбу и слегка дрожатъ ноги. Обаяніе танца пережито въ самомъ танцѣ, оставивъ послѣ себя сладкую память о прошломъ и усталость, нервный срывъ въ настоящемъ. Кончился балъ—и „догорѣли огни, облетѣли цвѣты“.

Похотливые негры и аргентинскіе пастухи въ своихъ душныхъ пряныхъ трущобахъ догадались, что можно создать танецъ, наслажденіе котораго будетъ заключаться не только въ немъ самомъ,—танецъ, который долженъ служить зазывомъ, приготовленіемъ къ другому, грядущему наслажденію. Сила удара, начальное возбужденіе въ танго огромны. Объятіе доведено до тѣснаго прикосновенія. Мужчина и женщина обращены другъ къ другу лицомъ, прижимаясь грудью, всѣмъ тѣломъ, слегка откинувъ головы и впиваясь другъ въ друга глазами. Музыка стонетъ отъ страсти, толкаетъ, но все это возбужденіе не тратится въ движеніи, а накапливается въ нервномъ аппаратѣ танцующихъ. Движенія въ танго чрезвычайно мало, и въ этомъ вся тайна обаянія этого танца. Увидѣвъ танго въ первый разъ, невольно спрашиваешь себя: да танецъ ли это? Кавалеръ и дама высоко сгибаютъ ногу въ колѣнкѣ и осторожно ставятъ ее на землю, какъ будто перебираясь черезъ рѣчку по камнямъ. Шагъ впередъ, шагъ назадъ, мужчина стоитъ неподвижно, а женщина трется вокругъ него, поворачиваясь корпусомъ то направо, то налѣво. И опять осторожные шаги и вращеніе женщины вокругъ мужчины, какъ вокругъ оси. Я говорю о танго, привезенномъ изъ Аргентины, раньше, чѣмъ имъ завладѣли профессора танцевъ, придумавшіе множество ненужныхъ фигуръ.

Трудно передать силу и быстроту, съ какой пожаръ танго распространился въ Парижѣ, какъ только женщины поняли, что въ этомъ танцѣ не тратится, а копится нервное возбужденіе. Образовались притоны танго, куда свѣтскія дамы пріѣзжали инкогнито на часъ, на два часа, танцовали съ первымъ встрѣчнымъ—формальность знакомства была устранена—и скромно исчезали. Я видѣлъ женщинъ послѣ этого страннаго радѣнія. Онѣ говорили, что никогда такъ не вибрировали, не чувствовали въ себѣ такого заряда непонятнаго томленія. Оконченный танецъ не только не оставляетъ послѣ себя усталости, но окрыляетъ, будитъ, превращая нервную систему въ заряженную лейденскую банку. Бульварные шутники недаромъ прозвали танго „центральнымъ отопленіемъ“.

Грубыхъ, циничныхъ движеній въ танго нѣтъ, и ошибаются тѣ, кто полагаетъ, будто танго мимируетъ актъ любви. Въ Парижѣ къ подобной мимикѣ давно привыкли, и танцы, которыми насъ угощаютъ въ ночныхъ ресторанахъ,—всѣ эти вальсы-шалупе и кроконетты,—пестрятъ откровенно половыми жестами. Это и некрасиво, и не убѣдительно. Танго убѣдителенъ, потому что искренъ. Онъ не мимируетъ акта любви, но подготовляетъ, ведетъ, къ нему, „постулируетъ“ его.

...Европейская усталая толпа жадно воспринимаетъ эти танцы (танго и прежніе—кэкъ-уокъ, матчишъ), какъ продуктъ ветронутой чувственности, какъ жгучій, привезенный изъ-подъ тропическаго неба, нервно-стимулирующій напитокъ“.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1913 г. * Декабрь — I. * № 7.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

Отзывы о книгахъ.

159. Рубакинъ, Н. А. 028

Среди книгъ. Опытъ обзора русскихъ книжныхъ богатствъ въ связи съ исторіей научно-философскихъ и литературно-обществен. идей. Т. II. 1913. М., изд. 2-е, испр. и дополн., кн. маг. „Наука". 930+XV+66 стр. Ц. 4 р.

Поистинѣ—это монументальный трудъ. Книги не только систематизированы здѣсь по отдѣламъ, обнимающимъ: исторію, религіозно-церковный строй, строй семейный и его исторію, строй народнаго образованія, строй политическій и юридическій, строй соціальный и экономическій, строй матеріальной культуры, статистику и демографію, соціологію. Онѣ оцѣниваются по ихъ достоинству, по степени доступности, по тому, въ какой мѣрѣ и съ какой стороны преимущественно обнимаютъ предметъ. Это—длинный рядъ библіографическихъ указателей по столь важнымъ главнымъ отдѣламъ и многочисленнымъ подотдѣламъ и отдѣльнымъ вопросамъ знанія и общественной жизни. Книга посвящена произведеніямъ, затрогивающимъ самые живые вопросы современности. Авторъ предупреждаетъ, однако, о своей полной безпристрастности въ разборѣ пособій, которыхъ касается. Каждый предметъ онъ стремится представить въ томъ разностороннемъ освѣщеніи, какой ему даютъ имѣющіяся пособія къ его изученію. Всѣ указанія Р. отличаются большою полнотою. Не могутъ они не быть оцѣнены и по ихъ значенію и достоинству. Р.—самый компетентный знатокъ книги. И не только книги. Онъ посвятилъ много времени и труда на изученіе и читательской среды. И трудно желать чему-либо больше распространенія, чѣмъ томамъ „Среди книгъ", цѣль которыхъ—распространить книги вообще. (*Н. Дружининъ. „Голосъ". 1913—264*).

Трудъ Р. представляетъ собой настоящую энциклопедію для самообразованія и чтенія по самымъ различнымъ отраслямъ знанія. Перечню книгъ по отдѣламъ предпосланы нѣкоторыя общія характеристики предметовъ, при чемъ по нѣкоторымъ вопросамъ, особенно щекотливымъ по своей злободневности, авторъ предоставилъ высказаться, такъ сказать, „заинтересованнымъ лицамъ". Напр., различныя теченія современной соціалистической мысли въ Россіи изложены „самими" Ленинымъ и Мартовымъ. Свѣдѣнія, помѣщенныя въ книгѣ, изложены вполнѣ объективно, хотя, конечно, въ указаніяхъ и введеніяхъ не могъ не сказаться общій духъ міросозерцанія почтеннаго автора, проникнутаго страстнымъ уваженіемъ къ наукѣ и точному знанію. (*„Совр. Сл." 1913—2077*).

Въ процессѣ популяризаціи книжныхъ богатствъ авторъ ставитъ на первое мѣсто ознакомленіе читателя съ внутреннимъ содержаніемъ книги; сперва долженъ быть выясненъ характеръ книги, затѣмъ принадлежность ея къ тому или иному теченію мысли и уже послѣ ознакомленія читателя со способами и формой ея изложенія, должно опредѣлить степень ея приспособленности къ тому или иному кругу читателей, къ той или иной подготовкѣ ихъ.

Выполненіе этихъ основныхъ тезисовъ работы популяризаціи и сдѣлано въ книгѣ Р.

Особую цѣнность въ книгѣ имѣютъ, конечно, общіе обзоры, такъ какъ они, предлагая читателю нѣсколько различныхъ міросозерцаній и точекъ зрѣнія, позволяютъ читателю путемъ ихъ сопоставленія выработать свой собственный взглядъ.

Цѣль, поставленная авторомъ, выполнена имъ исчерпывающе. (*А. О—въ. „Утро". 1913—2145*).

Работа Р.—не только старательно выполненное обозрѣніе нашихъ книжныхъ цѣнностей (зарегистрировано почти 9.000 книгъ). По справедливому и нисколько не преувеличенному мнѣнію Р., книга его „необходима русской читающей публикѣ, всѣмъ работникамъ книжнаго дѣла, начиная отъ братьевъ-писателей, редакторовъ и сотрудниковъ періодическихъ изданій, библіотекарей, книгопродавцевъ и кончая читателями, стремящимися къ самообразованію — вообще всѣмъ тѣмъ, кому необходимо знать книгу и умѣть разбираться въ наличности русскихъ книжныхъ богатствъ". И Р. сдѣлалъ многое, чтобы книга его могла выполнить свое отвѣтственное назначеніе. Такъ, введеніе къ отдѣлу „Строй земельныхъ отношеній и аграрный вопросъ" заключаетъ въ себѣ, помимо общаго обзора земельныхъ отношеній, обзоръ литературы о землевладѣльческомъ классѣ, въ связи съ его исторіей, о крестьянствѣ, объ аграрномъ вопросѣ въ связи съ вопросомъ о преимуществахъ крупнаго или мелкаго хозяйства и о борьбѣ, происходящей между этими двумя формами сельскаго хозяйства. Обзоръ теорій аграрнаго вопроса даетъ подробную характеристику взглядовъ ортодоксально-марксистскаго и ревизіонистскаго теченій на Западѣ и литературы народнической, марксистской, несоціалистической и аграріевъ въ Россіи. Введенія къ отдѣламъ, посвященнымъ обзору соціалистической литературы, заключаютъ въ себѣ

общій историческій обзоръ утопій, обзоръ литературы о научномъ соціализмѣ на Западѣ и въ Россіи, о соціалъ-реформизмѣ и государственномъ соціализмѣ въ ихъ теоріи и практикѣ, синдикализмѣ и анархизмѣ, при чемъ, согласно общему плану книги, указаніе трудовъ главнѣйшихъ теоретиковъ соціализма сопровождается указаніемъ критической литературы о нихъ.

Книги каждаго отдѣла распредѣлены на группы, приспособленныя къ тремъ типамъ библіотекъ: сельскихъ и фабричныхъ, товарищескихъ и общественныхъ,—что одновременно позволяетъ использовать трудъ Р. для цѣлей какъ самообразованія, такъ и составленія библіотекъ. *(—б. „Кіев. М.“ 1913—310).*

160. Дидро, Дени. 1(Д)

Избранныя философскія сочиненія. Пер. съ примѣч. В. Сережникова. 1913. Спб., изд. М. И. Семенова. 318 стр. Ц. 2 р.

Удивительная книга! Произведеніямъ, собраннымъ въ ней, среднимъ счетомъ полтораста лѣтъ. При всемъ почтеніи къ имени автора, книга казалось бы, заслужила почетное мѣсто подъ слоемъ пыли на полкахъ библіотеки, въ ряду вспоминаемыхъ съ уваженіемъ, но нечитаемыхъ классиковъ. А между тѣмъ въ ней сохранилась какая-то странная жизнь. Тутъ не только мастерство изложенія. Съ нѣкоторыхъ страницъ ея вѣетъ дыханіемъ злободневности. Точно подъ пепломъ полутора столѣтій вспыхиваютъ еще не погасшіе огоньки, словно изъ дали полутора вѣковъ доносятся не утратившія своей звучности боевыя нотки, слышатся призывы къ еще неконченной борьбѣ.

И не мудрено! Со страницъ этой книги глядитъ страстное и смѣлое лицо могучаго борца, пламеннаго иконоборца, крушителя авторитетовъ. Авторъ ея принадлежалъ къ великимъ въ царствѣ мысли.

Правда, нельзя соглашаться съ приводимымъ въ предисловіи переводчика отзывомъ о немъ: „Онъ дунулъ однажды, и сталъ Руссо. Итакъ его дуновенію обязаны Кондильякъ...“ и т. д. Руссо и безъ оплодотворяющаго вліянія Д. „сталъ“ бы тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ, а Кондильякъ былъ вскормленникомъ англійскаго эмпиризма. Но въ Д. съ большею полнотою, чѣмъ въ Вольтерѣ, Монтескье и Руссо отразился восемнадцатый вѣкъ, вѣкъ просвѣщенія и великой французской революціи. Почти всѣ звѣзды и ракеты, свѣтившія этому вѣку, взошли во всестороннемъ и гибкомъ умѣ Д.

Книга вводитъ насъ въ атмосферу напряженной умственной жизни кружка философовъ и ученыхъ, трудами которыхъ былъ подготовленъ весь арсеналъ идей и доводовъ, понадобившійся буржуазіи въ ея борьбѣ со старымъ порядкомъ и сконцентрированный въ великой французской энциклопедіи, иниціаторомъ, организаторомъ и однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ которой былъ Д. Книга полна идей, своихъ и чужихъ, но хорошо ассимилированныхъ, съ однимъ устремленіемъ. Со страницъ ея вѣетъ и древнею моралью Эпикура, величайшаго представителя „вѣка просвѣщенія“ въ древней Греціи, по созвучію настроеній нашедшаго себѣ громкій откликъ въ сердцахъ революціонной французской буржуазіи XVII вѣка не только въ виду ненависти къ религіямъ, но и благодаря своему основному принципу изолированной индивидуальности, такъ соотвѣтствовавшему потребностямъ возникавшаго тогда и крѣпнувшаго капитала.

Впрочемъ, эпикуреизмъ у Д. не только головной, разсудочный, онъ у него и въ крови и въ плоти, онъ заложенъ въ самой основѣ его темперамента. Въ самой природѣ этого замѣчательно одареннаго человѣка столько благородства и красоты, что онъ считалъ самымъ естественнымъ полагаться во всемъ на руководство природы.

Не отошли въ область исключительно историческаго интереса и естественно-научные взгляды Д. Его указанія относительно методовъ естественныхъ наукъ во многомъ сохранили свою цѣнность. Его геніальныя догадки предвосхищаютъ выводы точнаго знанія. Въ „Снѣ Д'Аламбера“ заключены въ зародышѣ и современный монизмъ и взгляды Ламарка на происхожденіе видовъ. (*Л. Деингъ. „Наша Заря“. 1913—9*).

Кто хочетъ уяснить себѣ происхожденіе матеріалистической философіи, тотъ долженъ изучать Д.—геніальнаго представителя матеріализма въ наукѣ. Для Россіи Д. имѣлъ особое значеніе. Онъ оказалъ большое вліяніе на русскихъ передовыхъ людей XVIII столѣтія: сама Екатерина II была съ нимъ въ перепискѣ и считала его своимъ „учителемъ“ – больше, впрочемъ, по недоразумѣнію: Д. былъ человѣкомъ другой культуры, и его идеалы находились въ явномъ противорѣчіи съ государственной дѣятельностью Екатерины. Но все же идейное значеніе Д. для Россіи огромно: на немъ воспитывался рядъ русскихъ либеральныхъ поколѣній, и, перечитывая его произведенія, до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чувствуешь живую связь геніальнаго мыслителя съ настоящимъ. Такія, напримѣръ, произведенія, какъ „Разговоръ философа съ супругой маршала де***“, для многихъ и въ настоящее время можетъ послужить серьезнымъ толчкомъ при выработкѣ религіознаго міровоззрѣнія. Кстати этотъ „Разговоръ“ является въ своемъ родѣ классическимъ образцомъ той формы, при помощи которой французскіе энциклопедисты дѣлали популярными самые трудные, головоломные вопросы—это форма легкаго, изящнаго діалога. Общій духъ и характеръ произведеній Д. переданъ правильно: языкъ перевода легокъ, литературенъ. Всѣмъ, кому дороги великіе этапы, пройденные человѣчествомъ на трудномъ, а подчасъ и тернистомъ, пути развитія,—съ интересомъ и любовью прочтутъ эту книгу. (*Н. А. „Сарат. Вѣст.“ 1913—256*).

Эпоха энциклопедіи была временемъ дѣятельнаго усвоенія и популяризаціи новой научной философіи (главнымъ образомъ англійской), подвергшейся при этомъ упрощенному, но зато послѣдовательному и по столько часто весьма цѣнному развитію; время, чреватое громадными историческими результатами, но чрезвычайно скудное въ смыслѣ оригинальнаго философскаго творчества. Изъ всѣхъ извѣстныхъ энциклопедистовъ Д. былъ, пожалуй, самымъ вліятельнымъ, но въ философскомъ отношеніи также наименѣе оригинальнымъ. Поразительны многосторонность и всеобъемлемость его знаній, широта его интересовъ, живость и изящество рѣчи, еще сильнѣе, однако, оттѣняющія его идейную несамостоятельность и эклектичность. Да и какъ могло быть иначе: для Д., какъ и для всего его времени, мысль не имѣла самостоятельной цѣнности, но разсматривалась прежде всего, какъ могучее

орудіе борьбы съ церковной и политической неправдой. Поэтому блестяще написанныя сочиненія Д. обладаютъ большимъ интересомъ, но интересъ этотъ чисто историческій По внѣ историческому (систематическому) содержанію своему сочиненія его несомнѣнно и навсегда устарѣли. Переводчикъ, страннымъ образомъ видящій въ Д. учителя современности, ограничился мало говорящимъ предисловіемъ и случайными примѣчаніями, главнымъ образомъ, взятыми изъ полнаго французскаго собранія сочиненій Д. Подборъ сочиненій Дидро (кромѣ „Племянника Рамо"), появляющихся на русскомъ языкѣ впервые, могъ бы быть болѣе удачнымъ: можно было бы, напр., смѣло опустить мало интересные нынѣ „примѣры" изъ „Мыслей по поводу объясненія природы" и вмѣсто того дать хотя бы одну статью изъ столь вліятельныхъ въ свое время писаній Д. по теоріи искусства. Переводъ — очень тщательный и хорошій, хотя кое-гдѣ и встрѣчаются шероховатости. (*Sergius.* „*Рѣчь*". *1913—323*).

161. Сорокинъ, П. 301

Преступленіе и кара, подвигъ и награда. Соціологич. этюдъ объ основныхъ формахъ обществ. поведенія и морали. Съ предисл. проф. М. М. Ковалевскаго. 1914. Спб., изд. Я. Г. Долбышева. 453+L стр. Ц. 2 р. 75 к.

Авторъ въ введеніи, сѣтуя на нормативный характеръ современныхъ гуманитарныхъ наукъ, пробуетъ доказать, „что если этика, какъ наука возможна, то она можетъ быть только теоретической, и что нормативныхъ наукъ, какъ противоположныхъ теоретическимъ наукамъ, нѣтъ и быть не можетъ". Для доказательства этого положенія авторъ исходитъ изъ той мысли, что всякая наука есть „совокупность отдѣльныхъ сужденій", „сужденіе же можетъ быть только теоретическимъ", поскольку оно руководствуется началомъ истинности связи субъекта и предиката. Отвергая общеобязательность нормативныхъ сужденій, авторъ полагаетъ, что теоретическое изученіе морали и законовъ ея развитія „практически" сдѣлаетъ „общезначимымъ и всѣми пріемлемымъ" идеалъ добра.

Переходя къ темѣ, авторъ устанавливаетъ предметъ ея, какъ соціальное поведеніе людей, при чемъ поведеніе есть не что иное, какъ реализація психическихъ переживаній индивида. Матеріальныя вещи, изучаемыя соціологіей, являются ея объектомъ потому, что „онѣ суть символы психическихъ переживаній". Но соціальная связь возможна лишь въ томъ случаѣ, если психическія переживанія и ихъ внѣшнее выраженіе совпадаютъ у членовъ соц. группы, иначе говоря, если на основѣ взаимодѣйствія возникаетъ организованность Систематизируя поведеніе человѣка, авторъ находитъ, что они могутъ состоять или въ дѣланіи чего-либо (facere), или въ недѣланіи (non facere). Послѣдняя группа въ свою очередь распадается на воздержаніе и терпѣніе. Далѣе, въ каждой группѣ существуютъ акты: рекомендуемые, должные и запрещенные. Если же къ этой схемѣ присоединить еще реакцію другого индивида на указанные акты, которая, принимая должное, т.-е., „къ исполненію", стремится какъ бы наградить сверхдолжное или рекомендуемое и, наоборотъ, покарать или возстановить status quo при актахъ запрещенныхъ, то мы получимъ слѣдующія три пары акцій и реакцій, изъ которыхъ состоитъ всякое взаимодѣйствіе: преступленіе — наказаніе, подвигъ — награда, „дозволенный актъ—должная реакція". Останавливаясь на составѣ преступленія или подвига, авторъ, какъ и въ традиціонной доктринѣ, различаетъ субъектовъ ихъ („представленіе лица"), объектовъ („представленіе актовъ" услуги или преступленія) „модальности", дестинаторовъ и т. п., слѣдуя совѣтамъ психологической доктрины Л. І. Петражицкаго. Заканчиваетъ авторъ систематику своего ученія тезисомъ шаблонизаціи каръ и наградъ, устанавливающейся въ каждой постоянной соціальной группѣ.

Переходомъ къ генетической части служитъ ученіе о функціяхъ каръ и наградъ. Теоремы мотиваціоннаго вліянія тѣхъ и другихъ авторомъ сводятся къ слѣдующимъ: одна и та же кара или награда вліяетъ на одного и того же человѣка: смотря по временной близости ея, смотря по степени увѣренности въ ея неизбѣжности; на различныхъ людей или на человѣка въ разные періоды его жизни: по степени нуждаемости въ ней или по степени важности отнимаемаго блага; по степени устойчивости міросозерцанія индивида, по степени соотвѣтствія ея нравственнымъ убѣжденіямъ индивида; различныя кары и награды на одного и того же индивида: по степени ея страдательности или желательности. Результатъ этой мотивацій сказывается въ трансформаціи нашихъ нравовъ и обычаевъ и въ укрѣпленіи соціально-должнаго (полезнаго) поведенія, соціальная же роль ихъ сводится къ замиренію внутри-групповыхъ конфликтовъ. То же, въ общемъ, приложимо и къ внѣгрупповымъ конфликтамъ.

Въ генетической части авторъ пытается разрѣшить проблему возникновенія и измѣненія соц. группы, психики и т. п. Авторъ, устанавливая динамическую природу соц. группы, выводитъ отсюда измѣнчивость шаблоновъ группового поведенія. Что касается эволюціон. тенденцій каръ и наградъ, то относительно ихъ авторъ устанавливаетъ слѣдующій законъ: „кары и награды уменьшаются и по своей интенсивности и по количеству караемыхъ и награждаемыхъ лицъ".

Но авторъ дѣлаетъ здѣсь очень важную оговорку, именно въ виду указанной измѣнчивости шаблоновъ поведенія подъ вліяніемъ перегруппировокъ составныхъ группъ болѣе обширныхъ общественныхъ соединеній. Это обстоятельство принуждаетъ автора внести дополнительный законъ колебанія каръ и наградъ, сущность котораго состоитъ въ увеличеніи интенсивности каръ и наградъ при условіи примитивности общества или антагонистической разнородности психики его членовъ.

Въ заключеніе авторъ высказываетъ убѣжденность въ совершающемся прогрессѣ и надежду на наступленіи такой солидарности, при которой и кары, и награды должны будутъ свестись къ нулю. *) Книга въ общемъ представляетъ собой развитіе отдѣльныхъ положеній теоріи Л. І. Петражицкаго, и, дѣйствительно, ученіе его наложило рѣшающій отпечатокъ на нее. Однако, авторъ чуждъ упрека въ несамостоятельности и некритическомъ отношеніи къ своему научному вдохновителю. Уже все введеніе представляетъ

*) См. „Бюллет. № 6. „Улучшается-ли природа человѣка".

рѣшительный шагъ въ сторону оригинальности и самобытности, что всецѣло приложимо и къ ученію о генезисѣ общества и психики, опредѣленію соціологіи и діагност. признака психичности и мн. др.

Въ этой части авторъ находится подъ рѣшающимъ вліяніемъ проф. Вагнера и новѣйшихъ соціологовъ: Зиммеля, де-Роберти и Дюркгейма. Но всюду сказывается лишь вліяніе, а не заимствованіе. Наоборотъ, вся книга блещетъ стремленіемъ къ самостоятельности, самобытности и желаніемъ критически проникнуть въ тайны соціальнаго бытія. Нельзя не отмѣтить хорошаго знакомства автора съ памятниками древней религіи и культуры.

Ея крупнѣйшимъ недостаткомъ являются нѣкоторыя отчасти скрытыя, отчасти явно выраженныя методологическія предпосылки старой раціоналистической доктрины. И если авторъ порою съ любовью вспоминаетъ знаменитаго Юсти, Зоннефельса и др., то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, какъ и въ его симпатіяхъ къ Бентаму. У С. ясно выражена предпосылка: „Въ соціальномъ явленіи нѣтъ ничего, что бы уже не заключалось въ индивидуальн. сознаніи".

Проблему возникновенія соц. организаціи онъ по существу сводитъ къ проблемѣ возникновенія нравственнаго инстинкта и др. Изъ этого основного недостатка проистекаетъ и рядъ другихъ, неразрывно связанныхъ съ нимъ: дедуктивность, демонстрація положеній фактами и т. п. Впрочемъ, авторъ не вездѣ выдерживаетъ этотъ методъ и прибѣгаетъ изрѣдка къ индукціи.

Отдѣльные недостатки въ книгѣ также встрѣчаются. Будучи психологистомъ въ строгомъ смыслѣ, авторъ признакомъ психичн. считаетъ „развитую нервную систему", отдавая дань біологическимъ изысканіемъ проф. Вагнера; затѣмъ есть и крупные пробѣлы въ знаніи литературы, что особенно рѣзко сказывается, напримѣръ, въ главѣ о символическомъ значеніи поведенія, при обсужденіи проблемы соціологіи даже не упоминается ученіе о нижней сферѣ сознанія. Есть, наконецъ, и крупные историческіе промахи (см., напр., представит. мандатъ, отвѣтственность монарха и др.). Однако, отъ молодого автора трудно требовать огромной эрудиціи и полнаго отсутствія дефектовъ. Нельзя не отдать ему должнаго въ талантливости и строгости научнаго мышленія, которыя приближаютъ его опытъ, по объективности, къ наукамъ физическимъ и біологическимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, искренно пожелаемъ ему вмѣстѣ съ проф. М. Ковалевскимъ, давшимъ очень теплое предисловіе, дальнѣйшихъ успѣховъ на стезѣ русской науки. (*Н. Тоцкій. „Право". 1913—44*).

Соціально-философскія воззрѣнія С. сложились, повидимому, подъ двумя преобладающими вліяніями: строгаго методологическаго позитивизма (проф. М. М. Ковалевскій и Е. В. де-Роберти) и „психологической теоріи права" проф. Л. І. Петражицкаго. Самостоятельное усвоеніе этихъ двухъ вліяній позволило С. занять очень широкую и оригинальную позицію при разрѣшеніи ряда спорныхъ вопросовъ, связанныхъ съ темой его этюда.

Книга С. обладаетъ большими достоинствами и представляетъ собою цѣнный вкладъ въ нашу соціологическую литературу. Написана она очень обстоятельно и съ эмоціональнымъ подъемомъ, отдѣльные тезисы автора прекрасно аргументированы и подкрѣплены ссылками на литературу вопроса. Принципіальная позиція автора вызываетъ нѣкоторыя возраженія. Начать хотя бы съ „введенія". Авторъ — не спеціалистъ въ вопросахъ философіи, но самостоятельная манера мысли и чутье дѣйствительности во многомъ ему помогаютъ. Авторъ правильно почувствовалъ фальшь въ понятіи „нормативной науки" и произвольность обычнаго построенія абстрактныхъ этическихъ системъ. Но, вмѣсто того, чтобы искать основы нормативной этики въ общечеловѣческихъ свойствахъ психики, въ самой человѣческой личности, онъ предлагаетъ строить этическій идеалъ на основаніи знакомства съ историческими формами морали и не признаетъ за этимъ идеаломъ никакой логической и теоретической обязательности. Однако, самъ С. утверждаетъ, что „практически" существуютъ всѣми пріемлемыя моральныя нормы и видитъ такія нормы въ общечеловѣческой солидарности, альтруизмѣ и т. п. Конечно, солидарность и альтруизмъ составляютъ часть моральнаго идеала, но не менѣе законную сторону его долженъ образовывать здоровый индивидуализмъ, развитіе личности и ея охрана отъ опеки со стороны „общества". С. не считаетъ, конечно, идеаломъ своимъ „солидарность" какой-нибудь восточной деспотіи, которая держится „карами и наградами". Отличительной чертой примитивнаго общества онъ объявляетъ именно закостенѣлость моральноправовыхъ шаблоновъ, смѣняющуюся на высшихъ ступеняхъ развитія ихъ гибкостью, свободой, индивидуализаціей морали. Но въ изложеніи своемъ С. все время выдвигаетъ на первый планъ солидарность и окрашиваетъ „эгоизмъ" сплошь въ „черный" цвѣтъ. Остается не вполнѣ яснымъ, какъ относится С. къ такому „деспотизму общественнаго мнѣнія", который такъ усиливается въ современномъ обществѣ и вызываетъ справедливые протесты мыслителей-индивидуалистовъ. Возрѣнія С. на нравственность, такимъ образомъ, грѣшатъ крайнимъ историзмомъ и реализмомъ.

Опредѣленія „преступленія" и „подвига" даны имъ только формальныя и самыя эти понятія объявлены чисто относительными. По отношенію къ „преступленію" этотъ пріемъ не очень спасенъ, такъ какъ конечный выводъ С. получился бы несомнѣнно и при иной точкѣ зрѣнія. Но опредѣленіе „подвига", какъ „рекомендуемаго", „услужнаго" акта возбуждаетъ большія сомнѣнія. Отрицательное отношеніе С. ко всякому „эгоизму" побуждаетъ его непомѣрно уменьшать общественное значеніе „подвига". Признаніе „геніевъ" и „героевъ" „порожденіями среды" не можетъ уменьшить высокую оцѣнку ихъ заслугъ, а потому и паденіе „наградъ" никогда не дойдетъ до нуля. Измѣнится грубо-внѣшній характеръ наградъ, измѣнится ихъ соціальная роль: изъ стимула полезной дѣятельности онѣ превратятся въ выраженіе признательности общества и общественную поддержку выдающихся людей, но исчезнуть окончательно онѣ врядъ ли могутъ.

Книга С. страдаетъ нѣкоторымъ раціонализмомъ. Онъ исключаетъ изъ сферы вѣдѣнія психологіи не только рефлексы, но и всѣ эмоціональные импульсы, изъ которыхъ развилась болѣе сложная психика. Соціальное явленіе опредѣляется, какъ „соціальная связь, реализующаяся въ сознаніи индивидовъ, выступая въ то же

время по содержанію и продолжительности за его предѣлы". Несмотря на послѣднюю оговорку и рѣзкую критику всѣхъ „договорныхъ" и „цѣлевыхъ" теорій, объясняющихъ возникновеніе правовыхъ нормъ сознательными установленіями людей, авторъ все же склоненъ раздробить общество на отдѣльныя „эгоистическія" личности и затѣмъ искусственно скрѣплять ихъ „карами и наградами". Первобытное общество представляется ему совершенно разрозненнымъ, и весь историческій процессъ сводится къ принудительной солидаризаціи, между тѣмъ какъ ростъ „личности, какъ культурно-историческаго явленія" остается въ тѣни. Авторъ мало освѣщаетъ роль принудительной государственной власти въ усиленіи жестокости „карь" и пышности „наградъ", благодаря чему всѣ „кары и награды" превращаются въ порожденіе „общественнаго мнѣнія", и совершенно стирается грань между мирной общиной дикарей и завоевательнымъ государствомъ какихъ-нибудь ассирійцевъ. Въ этомъ отношеніи авторъ слѣдуетъ за Дюркгеймомъ, книга котораго „О раздѣленіи общественнаго труда" оказала на С. сильное вліяніе. Но въ основѣ всѣхъ схемъ Дюркгейма лежитъ его ученіе о прогрессирующемъ раздѣленіи труда. Между тѣмъ, у С. вопросъ о раздѣленіи труда поднимается только въ послѣднихъ главахъ и мимоходомъ, при чемъ авторъ рѣзко отрицательно относится къ соціально-закрѣпленному раздѣленію труда (дѣленію общества на классы и неподвижныя профессіи). Благодаря этому, цѣнныя стороны схемы Дюркгейма выступаютъ у С. ярче, освобождаясь отъ тенденціи прославленія общественной дифференціаціи. Но соціально-экономическая сторона правового процесса осталась у С. совсѣмъ не освѣщенной. Вопреки мнѣнію С., соціальные конфликты далеко не всегда обусловливаются антагонизмомъ моральныхъ убѣжденій, часто въ ихъ основѣ лежитъ борьба за экономическія преимущества. Ученіе Маркса о „фетишизмѣ товарнаго производства" имѣетъ не только экономическое, но и соціальное значеніе, какъ попытки освѣтить „власть вещей" на психику рядового члена общества. Въ области экономической психологіи особенно ясна ирраціональность общественнаго процесса и, не освѣтивъ эту сторону, С. погрѣшилъ даже противъ своихъ „соціологическихъ" задачъ. Соціологія „ищетъ законовъ, управляющихъ движеніемъ всѣхъ элементовъ", образующихъ „общественность", а не только элементовъ права и морали. Въ книгѣ С. имя Михайловскаго употребляется только два раза въ „Литературѣ вопроса". А, между тѣмъ, болѣе углубленное изученіе сочиненій этого „недипломированнаго" соціолога не только показало бы С., какъ мало въ нихъ устарѣлаго, какъ много совпадающаго съ „послѣднимъ словомъ науки" (въ томъ числѣ и съ главными выводами книги С.) но, можетъ быть, и уяснило бы С., что индивидуализмъ и общественность не столь противоположны, какъ онъ это, повидимому, полагаетъ. Ученіе Михайловскаго о „двуединой правдѣ" очень близко къ идеямъ этическаго „введенія" С., его воззрѣнія на общественный процессъ тоже совпадаютъ со схемами „Преступленія и подвига". Равнымъ образомъ близки къ теоріи С. и нѣкоторыя излюбленныя идеи Лавроза, напр., объ ускореніи общественнаго развитія на высшихъ ступеняхъ, о традиціяхъ культуры и борьбѣ съ ними личности, о животныхъ обществахъ, о „цивилизаціи и дикихъ племенахъ". Когда же мы научимся цѣнить своихъ крупныхъ людей, основателей соціологіи въ Россіи? Вообще подборъ литературы въ книгѣ С., несмотря на обширность, односторонненъ. Мало использованы философскія, публицистическія и литературныя произведенія, часто ярко освѣщающія „мораль и право" даннаго общества. Однако, въ цѣломъ, повторяю, книга С.—выдающееся научное явленіе. (*Ал. Гизетти. „День". 1913—313*).

Въ полномъ соотвѣтствіи съ современной этнологіей, которая все больше выдвигаетъ психологическое изученіе первобытной жизни (назову труды Леви Брюля, Фистера и др.), С. подчеркиваетъ, что „преступленіе можетъ быть только психическимъ явленіемъ", и что „опредѣлить признаки преступленія—это значитъ отмѣтить признаки специфическаго класса психическихъ переживаній".

Очень интересна глава VI о соціальной роли каръ и наградъ и отдѣлъ, посвященный роли психологическихъ процессовъ, создавшихъ первоначальную соціальную организацію. По оригинальности сужденій и богатству матеріала книга С., несомнѣнно, составитъ одно изъ значительнѣйшихъ явленій въ нашей возникающей соціологической литературѣ. (*Проф. А. Л. Погодинъ. „Рѣчь". 1913—309*).

Въ соціологіи уже давно поднятъ вопросъ о происхожденіи этики и, если такія наивныя и поверхностныя сочиненія, какъ „Эволюція этики" Летурно, не могутъ служить углубленію нашихъ понятій объ этомъ предметѣ, то послѣ появленія сочиненія Штейнметца „Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe" 1894 г. соціологія вышла на вѣрный путь въ этой области, по которому съ чрезвычайной эрудиціей идетъ и нашъ молодой ученый. Вмѣстѣ съ проф. Ковалевскимъ выскажемъ увѣренность, что въ будущей русской соціологической литературѣ не одинъ томъ будетъ принадлежать перу талантливаго автора этой книги. (*„Утро". 1913—2107*).

162. Таль, Л. С. 347.4

Трудовой договоръ. Цивилистич. изслѣдованіе. Общія ученія. 1913. Ярославль. XII+422 стр. Ц. не обозн.

Въ современныхъ гражданскихъ кодексахъ равно какъ и въ наукѣ гражданскаго права господствующимъ взглядомъ на договоръ о наймѣ труда является взглядъ, видящій сущность договора въ томъ обстоятельствѣ, что „одно лицо за вознагражденіе пріобрѣтаетъ право пользоваться чужими благами". Согласно такому воззрѣнію, договоръ о наймѣ труда входитъ въ общую рубрику договоровъ о возмездномъ пользованіи чужимъ имуществомъ, и трудъ оказывается такимъ же „чужимъ благомъ", какъ, напримѣръ, чужая квартира или чужая машина, взятыя на пользованіе. Изъ такого пониманія существа договора и изъ такого взгляда на трудъ вытекаетъ цѣлый рядъ выводовъ, всецѣло принимаемыхъ господствующимъ ученіемъ, напримѣръ, представленіе о полномъ равенствѣ сторонъ, заключающихъ договоръ, и вообще трактовка договора, какъ „свободнаго соглашенія равноправныхъ лицъ". Въ свою очередь изъ пониманія договора о наймѣ труда, какъ „свободнаго соглашенія равноправныхъ лицъ", слѣдуетъ рядъ другихъ

весьма важныхъ практическихъ выводовъ гражданско-правового характера: очень и очень ограничивается отвѣтственность предпринимателя за вредъ, причиненный его „контрагенту"— работнику въ процессѣ работы; заработная плата, при взысканіяхъ за долги, при вычетахъ трактуется, какъ всякая другая плата, полученная за наемъ вещей и пр., и пр.

Противъ такого ученія, которое вполнѣ справедливо можно назвать узко-буржуазнымъ, и направлена работа Т. Въ противовѣсъ господствующей почти безраздѣльно доктринѣ онъ выдвигаетъ новое ученіе, опредѣляющее суть значительнѣйшей части договоровъ о наймѣ труда совершенно иначе. Прежде всего авторъ самымъ категорическимъ образомъ протестуетъ противъ объединенія въ одну общую группу договоровъ о трудѣ и договоровъ о возмоздномъ пользованіи имуществомъ. Специфическая и яркая особенность труда человѣка заключается въ неотдѣлимости труда отъ личности работника, въ тѣсной и неразрывной, духовной близости труда съ личностью. И изъ теоретическихъ и изъ практическихъ соображеній авторъ требуетъ, вслѣдъ за Офнеромъ, Эндеманомъ, Лотмаромъ и др., выдѣленія договоровъ о трудѣ въ самостоятельную, вполнѣ обособленную группу. Суть ученія Т. заключается въ построеніи понятія трудового договора, понятія болѣе узкаго, чѣмъ понятія договоровъ о трудѣ, и обнимающаго лишь часть, правда, весьма значительную, договоровъ о трудѣ.

Трудовой договоръ—заключается въ томъ, что „одно лицо обѣщаетъ за вознагражденіе приложеніе своей рабочей силы на опредѣленный или неопредѣленный срокъ къ предпріятію или хозяйству другого въ качествѣ несамостоятельнаго работника (рабочаго, служащаго или ученика), обязуясь подчиняться, насколько это вытекаетъ изъ содержанія и цѣли договора, хозяйской власти работодателя". „Рядомъ съ этимъ, обнимающимъ важнѣйшіе для малоимущаго населенія виды трудовыхъ сдѣлокъ, основнымъ типомъ,— пишетъ авторъ—стоитъ другой, охватывающій не менѣе обширную область договоровъ о самостоятельномъ или предпринимательскомъ трудѣ. Мы можемъ его опредѣлить, какъ договоръ, коимъ одно лицо обѣщаетъ другому опредѣленную работу, лично имъ исполняемую или имъ организуемую, безъ подчиненія хозяйской власти, а другое лицо обѣщаетъ вознагражденіе за эту работу". „Изложеннымъ выше понятіемъ о трудовомъ договорѣ—вполнѣ правильно замѣчаетъ авторъ — устанавливается особаго рода обязательственное отношеніе, по своей юридической природѣ не соотвѣтствующее вашему обычному представленію объ обязательствѣ. Сущность его заключается въ частичномъ подчиненіи личности работника хозяйской власти работодателя. Предѣлъ послѣдней опредѣляется, кромѣ содержанія и цѣли договора, неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами личности работника и тѣми обязанностями, съ которыми при современномъ уровнѣ правовой культуры, независимо отъ соглашенія сторонъ, неразрывно связана власть человѣка надъ человѣкомъ".

Ясна, такимъ образомъ, пропасть, отдѣляющая традиціонное, господствующее цивилистическое ученіе отъ ученіе Т. и тѣхъ немногихъ цивилистовъ, къ которымъ онъ въ общемъ примыкаетъ. Элементъ личнаго подчиненія, игнорируемый господствующей доктриной, здѣсь не игнорируется, а выдвигается на первый планъ. И, конечно, не можетъ быть двухъ мнѣній, что такое „выдвиганіе" вполнѣ отвѣчаетъ соціальной сущности взаимоотношеній между рабочимъ и работодателемъ; вполнѣ соотвѣтствуетъ такое подчеркиваніе личнаго элемента и современному правосознанію. Исходя лишь изъ такого принципіальнаго пониманія существа рабочаго договора, можно логически понять и объяснить тѣ новыя теченія въ рабочемъ законодательствѣ, которыя, клонясь къ защитѣ болѣе слабой стороны — рабочаго, съ точки зрѣнія господствующаго цивилистическаго воззрѣнія являются не чѣмъ инымъ, какъ отступленіемъ отъ общихъ принциповъ. При пониманіи всѣхъ договоровъ о трудѣ, какъ свободныхъ соглашеній между равноправными лицами, преимущественная защита одной стороны является, конечно, отступленіемъ, даже неправильностью.

Заслуживаютъ вниманія и частности книги.

Интересенъ, напримѣръ, историческій экскурсъ, гдѣ доказывается, что господствующее пониманіе договора о наймѣ труда сохранилось, въ силу консерватизма гражданскаго права, отъ римскаго средневѣковаго права. Интересенъ анализъ дѣйствующихъ законодательствъ и первыхъ робкихъ попытокъ въ новѣйшихъ законодательствахъ отказаться отъ традиціонныхъ ученій и стать на новый путь, котораго, по вполнѣ справедливому мнѣнію автора, требуетъ сама жизнь. Кое съ чѣмъ въ книгѣ Т., напримѣръ, съ его методологическими указаніями на счетъ отысканія нормъ „дѣйствующаго не формальнаго" права, нельзя согласиться. Покажется нѣсколько смутнымъ, пожалуй, изложеніе чужихъ доктринъ, близкихъ къ доктринѣ самого автора. Но эти частные недочеты нисколько не уменьшаютъ общаго интереса и значенія работы. (*„Рус. Бог." 1913—11*).

Нельзя не привѣтствовать появленія книги Т., посвященной этому сравнительно новому въ цивилистической литературѣ и Запада, не говоря уже о Россіи, вопросу. Нельзя не указать на то, что, благодаря литературности изложенія спеціальная работа Т. становится доступной и неспеціалистамъ. Ее слѣдуетъ рекомендовать всѣмъ, кто интересуется юридической сторовой вопросовъ рабочаго права и соціальнаго законодательства, какъ чрезвычайно добросовѣстную, полную и основательную монографію по новому въ гражданско-правовой литературѣ вопросу о „трудовомъ договорѣ". (*С. Левинъ. „День". 1913—285*).

Работа Т. показываетъ въ авторѣ умѣніе подойти къ новому, животрепещущему вопросу и любовь къ цивилистич. проблемамъ нашего времени. Недочеты неизбѣжны, есть они и у Т. Планъ книги не выдержанъ, историческія данныя едва ли вполнѣ правильно учтены, отсутствуетъ полная ясность постановки догматической задачи и, повидимому, неправиленъ методъ ея рѣшенія на почвѣ нерегулированнаго договора; пропущено также въ обзорѣ законодательствъ англо-американское право... Но всѣ эти недочеты покрываются вполнѣ достоинствами книги. Написана она научно и ясно, читается свободно и легко и можетъ быть даже прочтена не спеціалистами; вопросъ поставленъ въ связи съ жизнью, широко и глубоко и, что главное, въ

общемъ поставленъ правильно. (*Проф. В. Синайскій. „Юрид. Библ.“ 1913/14—3*).

163. Бѣлоконскій, И. П, 352(47)

Земское движеніе. Изд. 2-ое, испр. и знач. дополн., иллюстрир. Съ 260 портр. земскихъ и обществ. дѣятелей и 3 группами, съ факсимиле протокола земск. съѣзда 1904 г. 1914. М., изд. „Задруга“. 400 стр. Ц. 3 р.

„Земское движеніе“— заглавіе, пожалуй, слишкомъ широкое для этой книги, слишкомъ общее: она не касается культурной и хозяйственной дѣятельности земства, а говоритъ только о политическомъ движеніи, поскольку оно выразилось среди отвѣтственныхъ земскихъ дѣятелей. Попутно авторъ касается настроеній среди ихъ ближайшихъ сотрудниковъ-статистиковъ и иныхъ служащихъ, называемыхъ „третьимъ элементомъ“, а также большихъ всероссійскихъ и областныхъ съѣздовъ, въ родѣ Пироговскаго, естествоиспытателей и врачей, техническаго, кустарнаго и пр., въ которыхъ земскіе служащіе играли видную роль, но всего этого касается слегка, въ нѣкоторые наиболѣе выпуклые моменты, лишь для выясненія вліянія этихъ настроеній на движеніе среди земцевъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Разсматривая „земское движеніе“ въ этихъ опредѣленныхъ границахъ, авторъ, однако, не довольствуется однимъ офиціальнымъ проявленіемъ его на подмосткахъ земскихъ собраній, но заглядываетъ и за кулисы,— на земскіе съѣзды и нѣкоторыя частныя собранія земцевъ.

Вполнѣ понятно, что о дѣятельности болѣе ранней разсказывается кратко, какъ потому, что сами проявленія этой дѣятельности были очень слабы, такъ главнымъ образомъ потому, что на бумагѣ она почти не запечатлѣлась, многіе тогдашніе дѣятели умерли, воспоминанія оставшихся въ живыхъ стерты или засыпаны событіями послѣдующаго времени. Событія же послѣднихъ лѣтъ гораздо многочисленнѣе, болѣе оформлены, часто запротоколированы, записаны въ печати, свѣжи въ устныхъ разсказахъ, и они изложены въ книгѣ Б. подробно, иногда съ большими выдержками изъ документовъ. Это, правда, нѣсколько затягиваетъ общій ходъ разсказа, но сами по себѣ эти выдержки большею частью очень содержательны и любопытны.

По прочтеніи книги Б. у читателя остается два основныхъ впечатлѣнія, сильныхъ и опредѣленныхъ, но совершенно разнородныхъ. Одно гнетуще-тяжелое, удручающее, заставляющее въ ужасѣ кричать: „да такъ же нельзя, что вы дѣлаете? куда идете и куда ведете страну? что разрушаете и кого отталкиваете, съ кѣмъ остаетесь?“ И другое, обнадеживающее, свидѣтельствующее, что сознаніе населенія растетъ, захватываетъ все болѣе и болѣе широкіе круги, что справедливость и общественная дѣятельность опираются на болѣе прочную основу, чѣмъ прежде, что, стало быть, несмотря на все, можно съ облегченіемъ воскликнуть —„а все-таки!“.

Авторъ очень мѣтко характеризуетъ нашъ режимъ. „Русское правительство—говоритъ онъ—во всѣ времена примѣняло, если можно такъ выразиться, шлюзную систему: какъ только замѣчало оно проявленіе вольнаго духа среди населенія, тотчасъ воздвигало шлюзъ; когда онъ заполнялся недовольствомъ и послѣднее начинало переливаться черезъ первый шлюзъ, правительство ставило второй, третій и т. д., совершенно не соображая, что при такомъ способѣ самый источникъ недовольства не только не уничтожался, а страшно возрасталъ“...

Эта шлюзная система была примѣнена и къ земскому движенію. Шлюзы выдвигались постоянно, но періодически ихъ сооруженіе принимало особенно внушительный характеръ соотвѣтственно съ оживленіемъ общественныхъ настроеній и проявленія ихъ.

Поводомъ для проявленія земскихъ политическихъ настроеній бывали важныя событія во внутренней жизни страны, иногда обращеніе правительства къ обществу съ призывомъ къ поддержкѣ его въ трудныя или смутныя минуты или съ предложеніемъ высказаться по нѣкоторымъ существеннымъ очереднымъ вопросамъ.

Вся разсказанная авторомъ исторія земскаго движенія—сплошной кондуитный, штрафной журналъ земства, по мнѣнію правительства, а по мнѣнію земствъ—скорбный листъ ихъ честнаго, легальнаго служенія родинѣ съ синодикомъ земскихъ дѣятелей, наиболѣе талантливыхъ, съ наиболѣе чутко развитымъ сознаніемъ долга, съ чистымъ сердцемъ и ясной мыслью.

И всѣ они, длинный рядъ ихъ, несмотря на свою умѣренность и миролюбіе, были отвергнуты и выведены изъ строя легальной, открытой борьбы за благо народа, за планомѣрное развитіе его! Движеніе въ этомъ направленіи, когда-то робкое, проявлявшееся въ единичныхъ представителяхъ земства, въ началѣ настоящаго вѣка перелилось черезъ самые высокіе и крѣпкіе шлюзы и заполнило широкіе круги чуть ли не всѣхъ земствъ. Авторъ не заглядываетъ въ земскія настроенія послѣ-революціонныхъ годовъ. Непосредственные участники „земскаго движенія“, быть можетъ, найдутъ въ разсказѣ нѣкоторые пропуски, можетъ быть, могли бы кое-что пополнить, кое что исправить. Многое покажется имъ слишкомъ извѣстнымъ, не новымъ.

Цѣль и значеніе разсматриваемой книги— освѣтить въ связномъ разсказѣ весьма существенную сторону земской дѣятельности, до послѣдняго времени остававшуюся, по понятнымъ причинамъ, въ тѣни и неизвѣстности для широкихъ слоевъ читателей. И это сведеніе въ связный, общій очеркъ матеріала, разрозненнаго и разбросаннаго въ малодоступныхъ изданіяхъ, представляется въ высокой степени интереснымъ и важнымъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя не привѣтствовать книгу Б. и не пожелать широкаго распространенія ея. (*С. Игумновъ. „Утро“. 1913—2138.*)

Второе изданіе интересной и поучительной книги Б. почти вдвое больше перваго. Почти всѣ важнѣйшіе документы, приводившіеся въ первомъ въ извлеченіяхъ, теперь даны полностью. Къ замѣчательному документу, фотографическому факсимиле протокола знаменитаго перваго ноябрьскаго земскаго съѣзда, приложенъ докладъ бар. Будберга объ этомъ съѣздѣ. Напечатанъ полностью „основной законъ“ земскихъ конституціоналистовъ. Подробнѣе (по статьямъ „Освобожденія“) описаны настроенія земскихъ группъ, больше мѣста отведено комитетамъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, III техническаго и IX Пироговскаго съѣздовъ и т. д. Отдѣлъ иллюстрацій подвергся коренной переработкѣ. Даны около 260 портретовъ земскихъ и общественныхъ дѣятелей, такъ или иначе свя-

завшихъ свое имя съ нашей конституціонной реформой, и, наоборотъ, исключено нѣсколько портретовъ административныхъ лицъ.

Б. можно поставить въ упрекъ отсутствіе болѣе глубокаго соціологическаго изслѣдованія тѣхъ соціальныхъ силъ, которыя привели Россію къ конституціонному строю. Онъ на это, вѣроятно, возразитъ, что сознательно ограничилъ себя болѣе узкой задачей: прагматическимъ изложеніемъ внѣшнихъ событій земско-конституціоннаго движенія.

Изъ пробѣловъ, замѣченныхъ нами въ книгѣ, укажемъ на два важнѣйшихъ: ничего не говорится о петергофскихъ совѣщаніяхъ, результатомъ которыхъ явилось положеніе о Гос. Думѣ 6 августа, хотя протоколы этихъ совѣщаній уже опубликованы, и почти совершенно не очерчена дѣятельность правыхъ организацій, агитировавшихъ противъ земскихъ съѣздовъ.

Въ общемъ книга Б. представляетъ большую цѣнность и читается съ живымъ интересомъ. Это—лѣтопись событій нашихъ дней, это—одна изъ славнѣйшихъ главъ русской исторіи, способная поддержать столь необходимый теперь оптимизмъ и вѣру русскаго общества въ свои силы. (*А. С. Изгоевъ. „Рѣчь". 1913—309.*)

Книга Б. составилась изъ очерковъ, напечатанныхъ первоначально въ журналѣ „Былое" и „Историч. Сборникѣ". Попутно съ главной своей задачей, авторъ рисуетъ зарожденіе „Союза Освобожденія", его первые шаги, касается мимоходомъ многихъ другихъ явленій русской политической жизни. Все это сдѣлало бы книгу очень интересной для чтенія, если бы не обиліе сырыхъ необработанныхъ матеріаловъ, на которые не поскупился Б. Онъ цѣликомъ перепечатываетъ протоколы земскихъ засѣданій, банкетовъ, рѣчи, доклады, проекты. Все это увеличиваетъ цѣнность книги для спеціалиста, но дѣлаетъ ее утомительной для рядового читателя. Это тѣмъ болѣе досадно, что у насъ нѣтъ болѣе или менѣе сжатаго и цѣльнаго очерка земскаго движенія да и вообще—исторіи земства, если не считать единственнаго въ своемъ родѣ огромнаго по объему, но тенденціознаго труда Б. Б. Веселовскаго „Исторія земства за сорокъ лѣтъ". Потребность же въ такой книгѣ несомнѣнно имѣется. Издана книга прекрасно и снабжена огромнымъ количествомъ (не всегда удачныхъ) портретовъ, снимковъ. (*В. Гус—нъ. „День". 1913—319.*)

Та быстрота, съ которой трудъ Б. появился вторымъ изданіемъ, сама по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что книга попала въ цѣль. Если даже октябристы склонны думать, что мы переживаемъ сейчасъ новый „1904-й годъ", то ясно, какой интересъ получаетъ теперь вопросъ о роли земскихъ дѣятелей въ нашемъ политическомъ движеніи: вѣдь 1904 годъ—это именно эпоха политическаго подъема въ земствѣ, эпоха наиболѣе яркихъ и важныхъ земскихъ выступленій. Но книга Б. даетъ связный очеркъ всего земскаго движенія. (*„Совр. Сл." 1913—2112*).

Эта книга—не только памятникъ юбилею героическаго пятидесятилѣтія нашихъ земскихъ учрежденій, но и изложеніе исторіи русской жизни между двумя великими реформами 1846 и 1905 гг. (*В. Викторовъ. „Гол. Москвы". 1913—265.*)

164. Обуховъ, А. и Коридалинъ, А. 371

Какъ организовать и какъ вести занятія съ нѣсколькими отдѣленіями 1913. М., изд. „Сотрудникъ Школъ". 206 стр. Ц. 1 р. 10 к.

Вся книга, въ сущности, распадается (лично мое дѣленіе) на два основныхъ отдѣла: какъ организовать занятія съ нѣсколькими отдѣленіями, и какъ и что проходить въ каждомъ отдѣленіи. Наиболѣе существенна и удачна, по нашему мнѣнію, первая часть.

Большинство вопросовъ разрабатывается интересно, не мало дѣльныхъ замѣчаній и совѣтовъ, являющихся результатомъ практическаго знакомства авторовъ съ постановкою преподаванія въ начальной школѣ. Есть, конечно, и здѣсь „слабости", изъ которыхъ на одной мнѣ и хочется остановиться. Предлагая свой планъ занятій съ нѣсколькими отдѣленіями, — авторы усиленно стараются доказать, что многоотдѣленность нач. школы ужъ не такъ страшна, ибо у нѣмцевъ есть школы, гдѣ одинъ учитель ведетъ 7 и 8 отд. и результаты получаются вполнѣ удовлетворительные; многоотдѣленность, по мнѣнію авторовъ, не только недостатокъ школъ, но и преимущество, ибо, говорятъ они, при одномъ учителѣ на каждое отдѣленіе „слишкомъ ужъ трудно учителю не увлечься, соблюсти мѣру, умѣрить свою активность, стушеваться въ необходимые моменты"... Всѣ эти разсужденія, на нашъ взглядъ, по меньшей мѣрѣ педагогическая ересь. Для большинства учителей школа съ 3 и 4 отд. на одного учителя сейчасъ является неизбѣжнымъ зломъ, съ которымъ учительство мирится только потому, что иного выхода нѣтъ. И будь возможность измѣнить это ненормальное положеніе, 3 отдѣленная школа отжила бы свой вѣкъ и замѣнена была бы давно школой, гдѣ на одного учителя приходилось бы 1 и, въ крайнемъ случаѣ, 2 отдѣленія. И авторамъ настоящей книги не пригибать бы нужно было педагогическія положенія къ жизни, а наоборотъ, выставить эти положенія во всей ихъ безспорности и постараться „пригнуть" жизнь къ нимъ...

Во второй части книги даются методическіе указанія, какъ вести самостоят. занятія въ I, II, III и IV отд. и что проходить въ каждомъ изъ нихъ. Примѣры большею частію взяты изъ практики одной земской школы. Основной недостатокъ этой части книги—перегруженіе ненужнымъ матеріаломъ. Останавливаясь на урокахъ чтенія, письма и т. д., авторы безчисленное число разъ даютъ подробнѣйшіе конспекты шаблонныхъ уроковъ, съ подробнѣйшими вопросами и воображаемыми отвѣтами учениковъ.

Что касается методическихъ указаній по существу, — то тутъ не все благополучно.

Есть въ практическихъ совѣтахъ и цѣнныя крупицы, но все это разбавлено такой массой ничего не говорящихъ и лишнихъ подробностей, въ которыхъ совершенно тонутъ и становятся незамѣтными эти крупицы. Вообще же, нѣтъ въ этой части оригинальности, всѣ или почти всѣ пріемы преподаванія стары и извѣстны; мало здѣсь мыслей, способныхъ дать толчокъ самостоятельному творчеству. Тѣсно и, право, скучно отъ большинства этихъ указаній.

Въ концѣ книги помѣщена глава о занятіи во второмъ классѣ двухкласснаго училища. Перечитываешь и не понимаешь, зачѣмъ авторы

втянули эту главу въ книгу? Никакой помощи учителю 2-хкл. училища она не окажетъ.

И все же, книга эта, несмотря на недостатки, интересна, особенно та часть, которая трактуетъ объ организаціи классныхъ занятій съ нѣсколькими отдѣленіями. И въ этомъ отношеніи для учителя неопытнаго, только что начинающаго работать въ школѣ съ нѣсколькими отд., книга окажется полезной; она поможетъ ему на первыхъ порахъ разобраться въ сложной техникѣ веденія занятій съ нѣсколькими отд., введетъ его въ курсъ дѣла и укажетъ, пусть даже односторонне, куда идти. Потомъ, со временемъ, онъ самъ разберется, что цѣнно, что нѣтъ, что жизненно, что явилось результатомъ увлеченія данной идеей. (*А. В. „Нар. Уч.“ 1913—35*).

Авторы даютъ весьма много цѣнныхъ указаній по организаціи совмѣстныхъ занятій. Въ книгѣ даны и примѣрныя распредѣленія учебныхъ занятій въ школахъ разнаго типа, приводятся примѣрные уроки, указаны и всѣ пособія, могущія облегчить тяжелую задачу учителя. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ составители обнаружили большую освѣдомленность: указаны почти исключительно наилучшія руководства и, что особенно важно для бѣдной школы—самыя дешевыя. Вопросъ о письменныхъ занятіяхъ разработанъ въ книжкѣ съ исчерпывающей полнотой, при чемъ исключены почти работы чисто механическаго характера. Каждая письменная работа вытекаетъ изъ предыдущаго устнаго урока. Типы работъ взяты наиболѣе интересные для учащихся и весьма цѣнные въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Много вниманія удѣляется развитію рѣчи, сильно использованы при этомъ прекрасныя книжки „Развитіе рѣчи“ Соловьевой, Лопырevой и др. Вообще дѣтскому творчеству, проявленію инициативы, мышленію, изобрѣтательности дается въ письменныхъ работахъ много простору. Въ отношеніи ореографіи соблюдается чрезвычайно цѣнное правило—всячески предупреждать ошибки. Вопросу о провѣркѣ работъ удѣлено много вниманія. Вполнѣ естественно, что при совмѣстныхъ занятіяхъ накопляется огромное количество тетрадей и провѣрка ихъ отнимаетъ у учителя много времени и къ тому же весьма утомительна. Авторы даютъ много указаній, имѣющихъ цѣлью облегчить эту задачу. Къ исправленію работъ привлекаются и старшіе учащіеся и часто весь классъ, что ускоряетъ работу и одновременно укрѣпляетъ навыки въ правописаніи. Въ книгѣ даны также указанія для организаціи самостоятельныхъ занятій въ школѣ четырехгодичной съ двумя или тремя преподавателями, при чемъ подробно разобраны всѣ возможныя комбинаціи отдѣленій. Особенно цѣнны въ этомъ отдѣлѣ примѣрныя расписанія занятій. Говоря о занятіяхъ съ тремя отдѣленіями, авторы нѣсколько увлекаются и готовы признать за такими занятіями немаловажное педагогическое значеніе. Они усматриваютъ въ нихъ естественный переходъ отъ обученія къ самообученію, эти работы, по ихъ мнѣнію, пріучаютъ учениковъ къ самостоятельному и совмѣстному труду, къ вниманію и къ сосредоточенности въ работѣ. Все это можетъ быть и такъ, но лишь при условіяхъ нѣмецкой школы, которая отличается прекрасной профессіональной подготовкой учителя, особенной дисциплинированностью дѣтей, продолжительностью курса, обязательностью обученія, хорошимъ оборудованіемъ школъ, а также обширной литературой по этому вопросу. Русская школа въ современномъ ея состояніи не даетъ повода для такихъ оптимистическихъ выводовъ. Въ концѣ книги есть указанія относительно занятій одного учителя съ 4 отдѣленіями при ежегодномъ и неежегодномъ пріемѣ, есть также рядъ интересныхъ указаній въ послѣднемъ случаѣ относительно занятій съ отстающими. Въ общемъ книга производитъ прекрасное впечатлѣніе своею продуманностью, богатствомъ содержанія и заслуживаетъ весьма внимательнаго отношенія со стороны учителей. (*В. Сольцъ. „Вѣст. Евр. Просвѣщ.“ 1913—24*).

Нельзя не привѣтствовать появленія этой книги, такъ какъ у насъ почти совершенно отсутствуютъ руководства, посвященныя этому вопросу. Цѣнность книги увеличивается тѣмъ, что значительная часть практическихъ указаній выведена на основаніи работъ К. въ земской начальной школѣ, а часть примѣровъ взята изъ наблюденій О. въ нѣмецкихъ школахъ. (*С. С—о. „Педаг. Л.“ 1913—7*).

Дѣловое содержаніе этой книги сослужитъ большую и полезную службу каждому народному учителю, а легкое, ясное и живое ея изложеніе облегчитъ пользованіе ею и сдѣлаетъ его пріятнымъ. Главной цѣлью книги является—выяснить различныя формы занятій съ нѣсколькими отдѣленіями и наиболѣе подходящія условія для ихъ примѣненія. Подробный планъ занятій авторы считаютъ не только излишнимъ, но даже вреднымъ: выполнить механически готовый планъ совершенно невозможно, такъ какъ каждая школа и каждый день занятій имѣютъ свои условія и свои особенности, соотвѣтственно которымъ учителю и приходится направлять свою работу.

Все въ книгѣ связано съ основнымъ вопросомъ, вызваннымъ житейской потребностью—необходимостью для большинства народныхъ учителей заниматься сразу съ нѣсколькими отдѣленіями—и отвѣчаетъ назрѣвшей уже теперь другой потребности—введенія 4 и 6-годичнаго курса въ народныхъ русскихъ школахъ.

Не со всѣми мыслями, въ книгѣ изложенными, весьма вѣроятно, согласятся читатели.

Взять хотя бы допущеніе авторами мысли о цѣлесообразности и полезности, при нѣкоторыхъ условіяхъ, неежегоднаго пріема учащихся: мы думали бы, что въ странѣ, въ которой чуть ли не половина населенія до настоящаго времени не овладѣла простой грамотностью, слѣдуетъ искать иного выхода изъ затрудненій, создаваемыхъ скудостью бюджета, идущаго на нужды народнаго образованія. (*Н. П. „Вят. Рѣчь“. 1913—24*).

165. Хвольсонъ, О. Д., проф. *) 531

Принципъ относительности. Общедоступное изложеніе. 1914. Спб., кн-во „Естествоиспытатель“. 56 стр. Ц. 50 к.

Несмотря на то, что на русскомъ языкѣ имѣется чрезвычайно богатая литература о принципѣ относительности, тѣмъ не менѣе появленіе работы проф. Х. является отнюдь не излишнимъ. Поразительная по ясности изложенія и по содержанію, заключающая только то, что существенно важно, эта книжка знакомитъ читателя съ переворотомъ въ основныхъ понятіяхъ механики и физики.

Никогда новаторы не разрушали съ такимъ

*) См. № 12 „Бюллетеней“ за $19^{12}/_{13}$ г.

ожесточеніемъ старые принципы и никогда они не предлагали болѣе парадоксальныхъ ученій:

Масса не есть нѣчто постоянное, присущее тѣлу, она, наоборотъ, находится въ зависимости отъ скорости даннаго тѣла; вотъ мячъ въ покоѣ, и вотъ мячъ на лету: по новой теоріи масса въ обоихъ случаяхъ не одинакова, она вырастаетъ вмѣстѣ со скоростью; что можетъ быть парадоксальнѣе этого. Время не является абсолютнымъ: для различныхъ наблюденій, имѣющихъ различныя скорости, время фактически течетъ не одинаково быстро; если для насъ промежутокъ времени равенъ, напр., году, то для другихъ наблюдателей тотъ же промежутокъ можетъ быть равенъ двумъ, десяти, ста, тысячѣ лѣтъ, въ зависимости отъ скоростей наблюдателей. Скорость тѣла въ міровомъ пространствѣ имѣетъ, предѣлъ перейти который никакими средствами нельзя. Законъ о сложеніи скорости перестаетъ быть вѣрнымъ, такъ что скорость биллиарднаго шара на палубѣ корабля не равняется суммѣ скорости корабля и собственной скорости шара, а меньше этой суммы. Но, конечно, практически все должно остаться по-старому, ибо замѣтная разница между старымъ и новымъ достигается при скоростяхъ близкихъ или сравнимыхъ со скоростью свѣта (300.000 клм. въ сек.), а съ такими скоростями въ природѣ мы почти не встрѣчаемся.

Несомнѣнно книга талантливаго популяризатора найдетъ широкое распространеніе. (*В. Тер-Оганесовъ. „День“. 1913—264*).

Чрезвычайная сложность, неясность и новизна принципа относительности дѣлаютъ его изложеніе для широкой публики чрезвычайно затруднительнымъ. Авторъ и не излагаетъ его полностью: въ его книжкѣ мы имѣемъ въ прекрасномъ изложеніи постулаты знаменитаго принципа съ великолѣпнымъ по ясности ихъ толкованіемъ, указаніемъ на ихъ значеніе въ наукѣ, но безъ выводовъ; откуда они взялись,—въ большинствѣ случаевъ остается невыясненнымъ. Но этого ни въ коемъ случаѣ нельзя ставить въ вину автору. Х. смѣло можетъ сказать: „feci, quod potui“ [1] и мы съ своей стороны добавимъ: „melior [2]“ въ этой области сдѣлаютъ не скоро“. (*С. Гальперсонъ. „Изв. Р. О. Люб. Мір.“. 1913—8*).

166. Мэйнотъ, Ч. С. 57

Современныя проблемы біологіи. Пер. подъ ред. д-ра Л. А. Тарасевича. 1913. М., изд. „Природа“. 119 стр. Ц 60 к.

Авторъ сумѣлъ въ сжатой и вполнѣ ясной формѣ изложить основные вопросы біологіи, отмѣтивъ въ исторической послѣдовательности развитіе каждаго изъ нихъ. Наибольшій научный интересъ представляютъ лекція первая о новомъ ученіи о клѣткѣ и пятая по вопросу объ опредѣленіи пола.

По мнѣнію М., главной проблемой біологіи слѣдуетъ считать изслѣдованіе строенія и химическаго состава живого вещества, а не клѣтокъ. Основа жизни и проявленіе жизненныхъ процессовъ обусловливаются соединеніемъ многихъ химическихъ веществъ, стоящихъ въ совершенно опредѣленныхъ взаимоотношеніяхъ; при этомъ минимальное количество общей массы этихъ веществъ должно быть во много разъ больше количества, достаточнаго для химической реакціи, и въ то же время величина этой массы такова, что ее можно увидѣть подъ микроскопомъ. „Если мы вообще когда-либо дойдемъ до того, чтобы понимать жизнь вполнѣ безъ остатка, то эта цѣль будетъ достигнута только тогда, когда химики окажутся въ состояніи объяснить жизненныя явленія съ химической точки зрѣнія“.

Въ лекціи, посвященной ученію о безсмертіи, лекторъ подвергаетъ критикѣ существующія теоріи наслѣдственности. Самая лучшая изъ старыхъ—это, по его мнѣнію, ученіе о пангенезѣ Дарвина: изъ новыхъ ученій онъ признаетъ лишь теорію проф. Морица Нуссбаума.

„Понятіе жизни страдаетъ большой неопредѣленностью“,—говоритъ М. въ своей послѣдней лекціи. Все же онъ считаетъ небходимымъ подѣлиться съ слушателями нѣсколькими положеніями, добытыми біологіей и служащими основаніемъ для опредѣленія этого понятія. „Прежде всего,—заявляетъ онъ,—нужно подчеркнуть, что жизнь извѣстна намъ только въ связи съ матеріей“. Исходя изъ этого положенія, онъ рѣшительно осуждаетъ всѣ попытки богослововъ дать научное обоснованіе загробному существованію души и рѣзко выступаетъ противъ спиритизма и теленатіи. Онъ утверждаетъ, что подавляющее большинство біологовъ не считаетъ доказательства спиритовъ состоятельными. Исключеніемъ является лишь знаменитый Альфредъ Уоллэсъ, основатель теоріи естественнаго отбора. Но изъ неоднократныхъ бесѣдъ съ нимъ М. вынесъ впечатлѣніе, что и Уоллэсъ рѣзко отдѣлялъ область спиритизма отъ науки.

Будучи приверженцемъ механической жизни, т.-е. теоріи, объясняющей жизненныя явленія химизмомъ и строеніемъ протоплазмы и ядра, М. констатируетъ, что все же существуютъ важныя жизненныя явленія, которыя до сихъ поръ не поддались объясненію этой теоріи. Таковы организація, цѣлесообразный механизмъ и сознаніе. Возможность механическаго объясненія первыхъ двухъ явленій должна быть допущена; что же касается третьяго, то врядъ ли сознаніе можно будетъ объяснить съ точки зрѣнія механизма. Сознаніе—самая темная проблема біологіи. Извѣстно лишь, что сознаніе дѣятельно и что оно вызываетъ превращенія энергіи. Но само по себѣ сознаніе совершенно своеобразно и не представляетъ собой ни состоянія протоплазмы, ни особой формы энергіи. Невозможность объясненія сознанія съ точки зрѣнія механической теоріи, быть можетъ, приведетъ насъ къ дуализму, въ силу котораго мы познаемъ вселенную, какъ энергію и сознаніе.

Написана эта книга такимъ простымъ, яснымъ и популярнымъ языкомъ, что доступна читателю безъ всякой научной подготовки. Переводъ сдѣланъ удовлетворительно. Остается только пожалѣть о нѣкоторыхъ корректурныхъ погрѣшностяхъ, невыгодно отразившихся, главнымъ образомъ, на именахъ извѣстныхъ ученыхъ. (*Кировъ. „День“. 1913—264*).

Въ лекціи о развитіи смерти М. излагаетъ свою теорію состариванья организма, сильно отличающуюся отъ теорій Мечникова, Гете и др. По его мнѣнію, состариваніе вызывается увеличеніемъ и дифференціаціей протоплазмы. Въ лекціи объ опредѣленіи пола авторъ становится всецѣло на точку зрѣнія изслѣдователей, считающихъ полъ животнаго предопредѣленнымъ строеніемъ половой клѣтки (мужской или женской у

[1] „Сдѣлалъ, что могъ“.
[2] „Лучше“.

разныхъ формъ различно), и подробно излагаетъ результаты наблюденій американскихъ біологовъ надъ „добавочной“ хромозомой, опредѣляющей полъ. Въ заключительной лекціи о сущности жизни онъ отмежевывается отъ рѣзко механическаго взгляда на жизнь и предпочитаетъ нѣкоторый агностицизмъ.

Въ книгѣ много интересныхъ мыслей и фактовъ, и познакомиться съ ней можно рекомендовать всѣмъ интересующимся біологіей. Переводъ не дуренъ, но и жно пожалѣть, что онъ не былъ, очевидно, проредактированъ зоологомъ,—иначе, надо думать, ни въ чемъ не повинный броненосецъ не превратился бы одинъ разъ въ „водяного ослика“, а другой разъ—въ „мокрицу“. Точно такъ же и молюскъ Cepidula не былъ бы повышенъ въ рангъ „морской утки“, и исчезли бы, вѣроятно, и „зубастые карпы“. (*Ш. Ю. Шмидтъ. „День“. 1913—306*).

Разумѣется, вопросами, затронутыми въ настоящей книжкѣ (ученіе о клѣткѣ, цитоморфозъ, ученіе о безсмертіи, развитіи смерти, опредѣленіе пола, понятіе о жизни), не исчерпывается кругъ современныхъ проблемъ біологіи: цѣлый рядъ другихъ основныхъ вопросовъ не нашелъ себѣ мѣста у М. Но это нисколько не умаляетъ значенія его книги, такъ какъ главная цѣнность ея, намъ кажется, и заключается въ томъ, что авторъ съ рѣдкой простотой и общедоступностью вводитъ читателя въ сферу своей научной работы, знакомя его съ тѣми вопросами и сомнѣніями, надъ разрѣшеніемъ которыхъ работаетъ сейчасъ его мысль. Это же обстоятельство заставляетъ мириться и съ нѣкоторыми воззрѣніями, проводимыми въ книгѣ. Разъ цѣлью книги не является изложеніе наиболѣе распространенныхъ воззрѣній, а лишь освѣщеніе точки зрѣнія автора на интересующіе его вопросы, то само собой понятно присутствіе его личныхъ, подчасъ еще очень спорныхъ воззрѣній. Знакомство съ оригинальными, хорошо разработанными воззрѣніями вообще всегда представляетъ большой интересъ, а такъ какъ М. къ тому же является однимъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ біологовъ и вопросы, которые онъ затрагиваетъ, являются коренными вопросами біологіи, знакомство съ которыми важно для каждаго образованнаго человѣка, то понятенъ выдающейся интересъ его книги. Прекрасный языкъ, удивительно простой и точный, а также и превосходный методъ изложенія, принятый М., дѣлаютъ книгу вполнѣ общедоступной. (*Ю. Бѣлоголовый. „Рус. Вѣд.“ 1913—256*).

Книжечка написана живо, интересно и достаточно просто при условіи наличности общей подготовки въ читателѣ. (*В. Таліевъ, „Бюл. Харьк. О. Люб. Пр.“ 1913—4*).

167. Обермайеръ, Г. 571

Человѣкъ въ его прошломъ и настоящемъ. Т. I. Доисторическій человѣкъ. Пер. съ нѣм. проф.-доц. П. Ю. Шмидта. Съ предисл. проф. Д. Н. Анучина. 1913. Спб., изд. т-ва „Брокгаузъ и Ефронъ“. 679 стр. Съ 39 табл., 4 карт. и 404 рис. Ц. не обозн.

Вопросы, касающіеся исторіи происхожденія человѣка и его роли въ новѣйшей исторіи земли, составляютъ одну изъ наиболѣе интересныхъ и далеко еще не выясненныхъ задачъ естествознанія. Въ русской научно-популярной литературѣ имѣется уже довольно значительное число книгъ и статей по этимъ вопросамъ, но совершенно нѣтъ труда, который давалъ бы общее представленіе о происхожденіи человѣка съ точки зрѣнія современной доисторической археологіи. Трудъ О. какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ потребности въ подобнаго рода книгѣ. Первый томъ появляется въ прекрасномъ переводѣ П. Ю. Шмидта. Проф. Анучинъ снабдилъ книгу интереснымъ введеніемъ, дополняющимъ данныя автора такими свѣдѣніями, которыя особенно цѣнны для русскаго читателя. Проф. М. А. Мензбиръ взялъ на себя трудъ проредактировать книгу. Такимъ образомъ, трудъ О. попалъ у насъ въ руки наиболѣе авторитетныхъ представителей науки, участіе которыхъ въ этомъ дѣлѣ гарантируетъ научную цѣнность этого изданія, поскольку это касается полноты и точности фактовъ. К ига представляетъ цѣнную сводку главнѣйшихъ фактовъ древней исторіи человѣческаго рода. Множество черныхъ рисунковъ, цвѣтныя таблицы и карты какъ нельзя болѣе содѣйствуютъ пониманію текста. Книга издана роскошно. (*И. Палибинъ. „День“. 1913—319*).

О. состоитъ проф. международнаго парижскаго института, изученія доисторическаго человѣка или института человѣческой палеонтологіи, который основанъ только три года тому назадъ. Такимъ образомъ и на самый этотъ трудъ мы можемъ смотрѣть, какъ на продуктъ научной дѣятельности названнаго института, который поставилъ себѣ цѣлью собрать въ своемъ зданіи всѣ знанія, всѣ документы и всѣ факты относительно доисторической жизни человѣчества.

Теперь совокупность этихъ знаній и этихъ фактовъ издается проф. О. въ названномъ трудѣ. Его мы можемъ признать исчерпывающимъ въ этомъ отношеніи. И если читатель все-таки останется неудовлетворенъ имъ, онъ можетъ быть увѣренъ, что это—все, что современная наука знаетъ о далекомъ прошломъ человѣчества, и что бо́льшаго, во всякомъ случаѣ, онъ нигдѣ не найдетъ. Въ небольшомъ предисловіи проф. Анучинъ сдѣлалъ краткій обзоръ русскихъ трудовъ въ изученіи первобытнаго человѣка и тѣхъ русскихъ находокъ, которыя остались неизвѣстны О. или не упомянуты имъ.

Множество иллюстрацій, большею частью хорошо исполненныхъ, значительно оживляютъ и украшаютъ книгу. Но на мой взглядъ слѣдовало бы замѣнить русскими снимками всѣ тѣ, которыя легко замѣнить. Можно пожалѣть руссификаціи книги тѣмъ болѣе, что осуществить ее въ настоящее время не представляетъ никакого труда. Одновременно, конечно, пришлось бы сдѣлать соотвѣтствующія вставки и въ самый текстъ. Тогда въ немъ не было бы, напр., такихъ опущеній, какъ относительно земляного зайца, который у насъ извѣстенъ подъ общимъ именемъ тушканчика и водится на Дону, о чемъ въ текстѣ совсѣмъ не упомянуто. Конечно, подобныя упущенія неизбѣжны въ переводномъ трудѣ. Самый же трудъ О. настолько солиденъ, что въ рекомендаціяхъ не нуждается. Навѣрное, онъ будетъ украшеніемъ всякой библіотеки. (*М. Новорусскій. „Рѣчь“. 1913—295*).

Книга О. — она изъ лучшихъ работъ въ области доисторической археологіи и написана по широкому плану. Она не просто знакомитъ съ ахреологическими находками изъ древнѣйшихъ эпохъ, не ограничивается даже одной областью мате-

ріальной культуры, а пытается также возсоздать по археологическимъ даннымъ религіозныя вѣрованья и другія стороны жизни доисторическаго человѣка. Такъ какъ въ книгѣ имѣются, съ другой стороны, вводныя главы, рисующія геологическія условія и растительный и животный міръ въ различныя періоды, то для читателя становятся ясными и внѣшнія условія, среди которыхъ приходилось жить человѣку и которыя такъ сильно повліяли на его культуру. Широкимъ надо признать планъ книги и въ томъ отношеніи, что она, хотя, конечно, не съ одинаковой полнотой, затрагиваетъ самыя разнообразныя, географическія области, а не ограничивается подобно большинству аналогичныхъ трудовъ, исключительно данными одной европейской археологіи. Съ особенною подробностью останавливается О. на древнѣйшемъ каменномъ вѣкѣ, и изъ его книги русскій читатель - неспеціалистъ впервые получаетъ возможность ознакомиться съ нашумѣвшимъ за послѣднее время вопросомъ объ эолитическихъ находкахъ. Очень интересна глава о палеолитическомъ искусствѣ (тоже вопросъ, привлекающій теперь къ себѣ большое вниманіе), и въ ней цѣнны сопоставленія палеолитическаго искусства съ искусствомъ современныхъ малокультурныхъ народовъ, — австралійцевъ, бушменовъ и т. д. Въ общемъ это—книга, годная одинаково и спеціалисту для разнаго рода справокъ, и простому читателю, интересующемуся доисторической жизнью человѣка. Написана она достаточно популярно, несмотря на свои большіе размѣры. (*А. Максимовъ. „Рус. Вѣд". 1913—268*).

168. Буттель-Реепенъ, Г. Ф., д-ръ 573

Изъ исторіи происхожденія человѣчества. Пер. В. И. Вуколовой и Г. Т. Крыловой. Подъ ред. проф. Е. А. Шульца. 1913. М., изд. „Природа". 116 стр. Съ 106 рис. Ц. 70 к.

Книжка представляетъ очень хорошую популярную сводку нашихъ свѣдѣній о прошломъ человѣчества. То обстоятельство, что авторъ не ограничивается, какъ это обычно дѣлается, одной анатомической стороной вопроса, а удѣляетъ много мѣста и исторіи культуры первобытнаго человѣка, значительно увеличиваетъ интересъ книги. Обильныя свѣдѣнія по культурѣ человѣка на низшихъ ступеняхъ его развитія сильно оживляютъ изложеніе и облегчаютъ знакомство съ остеологическими данными, которыя иначе показались бы очень и очень многимъ черезчуръ сухими и малоинтересными. Но подобное расширеніе темы въ интересахъ большей общедоступности нисколько не отражается на научности содержанія книги Б.-Р., и въ ней читатель найдетъ не только свѣдѣнія о всѣхъ главнѣйшихъ находкахъ дилювіальнаго человѣка, но и добросовѣстное изложеніе той научной критики, которую встрѣтили эти находки. Это даетъ возможность даже вполнѣ несвѣдущему читателю разобраться въ этой главѣ изъ исторіи человѣчества, по которой за послѣднее время накопилось такъ много интереснаго матеріала. Насъ удивило лишь, что авторъ такъ мало мѣста отводитъ вопросу о происхожденіи человѣка.

Мы нашли лишь краткое описаніе нѣкоторыхъ находокъ предполагаемыхъ промежуточныхъ формъ и бѣглое изложеніе вопроса о развитіи группы приматовъ, являющееся простымъ пересказомъ послѣднихъ выводовъ Клаача. Но богатый фактическій матеріалъ по исторіи первобытнаго человѣка, умѣло собранная научная критика, при очень доступномъ изложеніи, освѣщенномъ многочисленными, прекрасно исполненными рисунками, дѣлаютъ книгу очень цѣннымъ пособіемъ для лицъ, интересующихся исторіей человѣчества на низшихъ ступеняхъ его развитія. (*Ю. Бѣлоголовый. „Рус. Вѣд". 1913—262*).

Эта книжка, предназначенная для широкихъ круговъ читателей, излагаетъ всѣ главнѣйшія находки, относящіяся къ древнему каменному вѣку. Вмѣстѣ съ этимъ въ ней изложенъ и весь ледниковый періодъ. Авторъ разбираетъ находки череповъ и скелетовъ человѣка очень рѣдкія для древняго каменнаго вѣка, а также и всѣ находки кремневыхъ и костяныхъ орудій, сдѣланныхъ человѣкомъ, и произведенія искусствъ изъ пещеръ Франціи. Въ очень краткомъ изложеніи, такимъ образомъ, выяснены всѣ особенности культуры каменнаго вѣка Европы и характерныя черты людей того періода. Заканчиваетъ авторъ указаніемъ на развитіе человѣчества и въ слѣдующіе періоды. Упрекомъ можно послать книжкѣ чрезмѣрную сжатость и краткость изложенія, при чемъ очень много остается невыясненнымъ, напр., хотя бы названіе четырехъ ледниковыхъ періодовъ. Также и вопросъ объ эолитахъ трактуется черезчуръ подробно и опредѣленно, хотя сами эолиты очень еще спорная вещь.... При этомъ странная особенность, что авторъ указываетъ на кремни, найденные аббатомъ Буржуа, какъ на сомнительные, въ то время какъ именно эти находки признаются учеными, даже наиболѣе скептически относящимися къ вопросу о третичномъ человѣкѣ. Книжка очень богато снабжена рисунками, взятыми изъ хорошихъ источниковъ. (*А. П. „Бюл. Харьк. О. Люб. Пр." 1913—4*).

Чтобы дать возможность широкому кругу читателей вникнуть въ тѣ факты, на которые опирается современное ученіе объ эволюціи человѣка, наиболѣе подходящей была бы книжка Б.-Р. но, къ сожалѣнію, онъ ограничилъ свое изложеніе исключительно только данными геологіи, палеонтологіи и археологіи. Иллюстраціи, которыми пер полненна вся книжка, помогаютъ читателю самому представить наглядно ископаемыя реликвіи и ихъ удивительныя черты.

Что касается нападокъ на теорію о происхожденіи человѣка, то авторъ говоритъ о нихъ слѣдующее: „Съ тѣхъ поръ, какъ цѣлый рядъ духовныхъ лицъ открыто призналъ эволюціонную теорію, никто уже болѣе не осмѣлится считать дарвинизмъ равнозначущимъ атеизму". Здѣсь, конечно, разумѣются духовныя лица Англіи, Германіи и Скандинавіи, но отнюдь не Россіи.

Книжка представляетъ изъ себя довольно сухой, объективный трактатъ, лишенный развязности и зажигательности Геккеля и Бельше. Но тѣмъ сильнѣе она будетъ дѣйствовать на умы, ищущіе серьезныхъ званій и не желающихъ ограничиваться однимъ довѣріемъ къ авторитету того, либо другого ученаго. (*М. Новорусскій. „Рѣчь". 1913—288*).

169. Лехе В., проф. 573

Человѣкъ, его происхожденіе и эволюціонное развитіе. Пер. съ нѣм. и ред. проф. М. А. Мензбира и С. А. Усова. 1913. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ. VII + 422 стр. Съ 250 рис. Ц. 2 р. 60 к.

Книга Л. читается съ одинаковымъ увлеченіемъ отъ первой до послѣдней страницы, и форма изложенія которой, лишенная академической сухости, является весьма общедоступной. Вотъ почему, привѣтствуя появленіе труда Л. на русскомъ языкѣ, мы позволяемъ себѣ высказать опасеніе, какъ бы названіе „учебникъ“ не сдѣлало этотъ трудъ исключительно достояніемъ лицъ, посвятившихъ себя изученію біологическихъ наукъ, и не лишило его того широкаго распространенія, какого онъ по справедливости заслуживаетъ. Л. не загромождаетъ изложенія излишними подробностями и не отклоняется въ сторону отъ фактовъ, которыми намѣчаются этапы развитія эволюціоннаго ученія. Только съ этими фактами онъ считается и, устанавливая между ними логическую связь, приходитъ къ своимъ выводамъ и заключеніямъ. Это же обстоятельство заставило его пренебрежительно отнестись къ тѣмъ многочисленнымъ гипотезамъ, которыя смѣняли одна другую на протяженіи всей исторіи развитія эволюціонной теоріи. Изъ относящихся къ обсуждаемому имъ вопросу гипотезъ онъ привелъ въ своемъ трудѣ только тѣ, которыя, по его словамъ, могутъ служить путеводною нитью для будущихъ изслѣдованій; но, излагая ихъ, онъ всегда старался выставить ихъ тѣмъ, что онѣ есть, а не въ качествѣ несомнѣнныхъ научныхъ доводовъ.

Принимая во вниманіе, что обсужденіе вопроса о происхожденіи и эволюціонномъ развитіи человѣка было бы мало понятнымъ безъ предварительнаго ознакомленія съ цѣлымъ рядомъ явленій, которыми характеризуется ученіе объ эволюціи, авторъ въ первыхъ трехъ главахъ знакомитъ читателя съ основными законами, господствующими въ органическомъ мірѣ, путемъ обзора различныхъ стадій развитія и историческаго развитія высшихъ организмовъ.

Посвятивъ двѣ слѣдующія главы сравнительно-анатомическому очерку и эмбріологіи человѣка, проф. Л. болѣе подробно останавливается на рудиментарныхъ органахъ человѣческаго тѣла, являющихся блестящимъ доказательствомъ справедливости эволюціоннаго ученія. Здѣсь онъ приводитъ много интересныхъ литературныхъ случаевъ. Крайне обстоятельно изложены научныя изслѣдованія о значеніи червеобразнаго отростка.

Далѣе, въ главѣ о головномъ мозгѣ, авторъ знакомитъ читателя съ интересными работами Галля, Флексига и Эдингера. Послѣдній, исходя изъ установленнаго положенія, что особое сильное развитіе лобной доли мозга сопровождается повышенными духовными способностями индивидуума, обратилъ вниманіе на то, что типъ лица большого числа выдающихся людей производитъ такое впечатлѣніе, точно они въ дѣтствѣ страдали гидроцефаліей, но что эта болѣзнь впослѣдствіи исчезла. Гидроцефалія — или водянка мозга — болѣзнь, вызываемая ненормально большимъ скопленіемъ мозговой жидкости, возникающей въ эмбріональной жизни и способствующей увеличенію мозговой капсулы.

Какъ доказательство справедливости такого своего пониманія, Эдингеръ приводитъ то, что большая мозговая коробка знаменитаго музыканта Рубинштейна при вскрытіи показала ясные признаки стараго рахита, что Кювье, обладавшій очень тяжелымъ мозгомъ, въ молодости былъ гидроцефаломъ, что тоже относится и къ геніальному Гельмгольцу. Интересны въ той же главѣ смѣлыя обобщенія Л. въ области изслѣдованія духовнаго міра человѣка и животныхъ и, въ частности, въ отношеніи проблемы инстинкта.

Едва ли не больше всего въ книгѣ удѣлено мѣста изслѣдованію ближайшихъ къ человѣку родственныхъ формъ животныхъ, т.-е. обезьянъ всѣхъ видовъ. Авторъ считаетъ, что вопросъ объ обезьянахъ принадлежитъ не только къ числу самыхъ интересныхъ, но и самыхъ трудныхъ вопросовъ. И надо отдать справедливость, авторъ освѣщаетъ этотъ вопросъ исчерпывающимъ образомъ. Рядъ фактовъ и неоспоримыхъ доказательствъ приводятъ насъ къ заключенію, что высшія обезьяны, человѣкообразныя, обладаютъ значительнымъ родственнымъ сходствомъ съ нами. Это трагическое сходство не только анатомическое, но родство по крови въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова. И все же, несмотря на всѣ многочисленныя доказательства родства между человѣкомъ и человѣкообразными обезьянами, Л. приводитъ данныя, заставляющія категорически отрицать высказываемое нѣкоторыми учеными предположеніе, что „человѣкъ произошелъ отъ обезьяны“. „Человѣкъ и человѣкообразныя обезьяны“, по его словамъ, „являются двумя расходящимися линіями. Но расходящіяся линіи, будучи продолжены въ извѣстномъ направленіи, должны сойтись въ одномъ пунктѣ. И на самомъ дѣлѣ, всѣ выводы изъ фактовъ, касающихся интересующей насъ области, приводятъ къ одному заключенію: человѣкъ и человѣкообразныя обезьяны имѣютъ общее происхожденіе“. Хотя къ такому результату авторъ пришелъ на основаніи данныхъ сравнительной анатоміи, эмбріологіи и физіологіи, все же окончательное рѣшеніе этого вопроса, по его мнѣнію, принадлежитъ палеонтологіи, которой и посвящены двѣ послѣднія главы его прекраснаго труда.

Прежде всего, авторъ устанавливаетъ, что первое появленіе человѣка относится къ третичному времени. Фактическій матеріалъ, служащій доказательствомъ подобнаго предположенія, состоитъ лишь изъ слѣдовъ человѣческой дѣятельности, именно, каменныхъ орудій и древеснаго угля. То обстоятельство, что въ отложеніяхъ третичной формаціи не было найдено человѣческихъ скелетовъ, объясняется палеонтологами тѣмъ, что скелетъ гораздо легче разрушается, чѣмъ камни. Принимая во вниманіе, однако, что въ четвертичныхъ отложеніяхъ были найдены и человѣческіе скелеты и орудія, изготовленныя руками человѣка, слѣдуетъ предположить, что этому періоду долженъ былъ предшествовать болѣе ранній, т.-е. третичный, когда человѣкъ не обрабатывалъ матеріала, а пользовался для того или другого употребленія просто кусками камня.

По свидѣтельству Л., сдѣланныя открытія приводятъ къ опредѣленному заключенію, согласно которому человѣчество въ самомъ началѣ ни тѣлесно, ни духовно не было такимъ, каково оно нынѣ; „оно развилось постепенно изъ низшихъ существъ, которыя имѣли много общихъ чертъ съ наиболѣе высоко организованными въ извѣстномъ отношеніи животными, съ человѣкообразными обезьянами“. (*Б. Цирусъ. „День“. 1913 — 278*).

Вопросъ о происхожденіи человѣка является однимъ изъ интереснѣйшихъ въ біологіи. Мало

того, рѣшеніе этого вопроса современной наукой, являющееся до извѣстной степени завершеніемъ и увѣнчаніемъ эволюціонной теоріи, необходимымъ образомъ входитъ въ кругъ общаго міровоззрѣнія въ качествѣ одной изъ существеннѣйшихъ его составныхъ частей. Не предъявляя къ читателю какихъ-нибудь особыхъ требованій, кромѣ привычки къ чтенію и желанія учиться, книга Л. постепенно вводитъ читателя въ кругъ трактуемаго ею вопроса, сообщая ему по возможности всѣ предварительныя знанія, необходимыя для пониманія предмета. Описанныя въ послѣднихъ главахъ находки остатковъ первобытнаго человѣка, а также „обезьяночеловѣка", или питекантропа съ острова Явы, довершаютъ картину и дѣлаютъ вполнѣ обоснованнымъ общій выводъ автора.

Внѣшность изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго, а обиліе рисунковъ способствуетъ въ огромной степени пониманію текста. Нельзя, однако, не упомянуть объ одномъ редакціонномъ упущеніи: отсутствуетъ сообщеніе объ открытіи остатковъ первобытнаго человѣка близъ Сессекса, въ Англіи. Выдающійся знатокъ и одинъ изъ самыхъ крупныхъ современныхъ антропологовъ Клаачъ называетъ вновь открытое существо древнѣйшимъ представителемъ человѣческаго рода изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ до настоящаго времени и присваиваетъ ему даже особое видовое названіе Eoanthropus Dawsoni. (*„Вѣст. Зн.". 1913 — 11.*)

Читатель, проштудировавши эту книжку, убѣдится, что всякая иная, не эволюціонная теорія происхожденія человѣка, можетъ поддерживаться только путемъ кривотолковъ.

Книга представляетъ довольно сухой, объективный трактатъ, но тѣмъ сильнѣе она будетъ дѣйствовать на умы, ищущіе серьезныхъ знаній, и можно быть увѣреннымъ, что этотъ серьезный читатель найдется у книжки въ самыхъ разнородныхъ слояхъ нашего общества. (*М. Новорусскій. „Рѣчь". 1913 — 288*).

170. Лѣпиловъ К., худ. 73/4(07)

Рисованіе и лѣпка въ народной школѣ. 1913. М., изд. журн. „Народн. Учитель". 48 стр. Ц. 30 к.

Наша школа переживаетъ періодъ реконструкціи педагогическихъ пріемовъ. Несомнѣнно, живую струю въ школу внесетъ рисованіе и лѣпка, какъ предметъ преподаванія. Наблюденіе и изученіе формы предметовъ окружающаго міра, ихъ строенія и окраски, воспроизведеніе всего этого, конечно, разовьетъ эстетическое чувство учащихся. Если рисованіе проникнетъ въ народныя массы, то продукты народнаго творчества будутъ отличаться большей изящностью и оригинальностью. Преподаваніе рисованія и лѣпки прежде всего долженъ взять народный учитель, лицо, близкое къ широкимъ слоямъ народа. Но для этого учителю нужно обладать графической грамотностью. Въ книгѣ Л. даны первоначальныя указанія на пріемы обученія рисованію и лѣпкѣ. Въ заключеніе приведенъ краткій списокъ пособій по начальному обученію этимъ искусствамъ. Въ приложеніяхъ иллюстрированы: рисованіе по представленію, съ натуры, лѣпка и составленіе украшеній. Для лицъ, уже знакомыхъ съ элементарными правилами рисованія, книга можетъ служить полезнымъ справочнымъ пособіемъ. (*В. В—ъ. „Сиб. Жизнь". 1913—220*).

Брошюра даетъ не только программу занятій рисованіемъ и лѣпкой, но и самыя подробныя практическія указанія того, *какъ* нужно и можно поставить обученіе примѣнительно къ средствамъ нашей начальной школы. Указанія относительно рисованія и лѣпки могутъ быть особенно полезными для заброшенныхъ по глухимъ угламъ учителей. (*О. Щ—нъ. „День". 1913 — 257*).

О постановкѣ рисованія и лѣпки въ начальной школѣ у насъ, съ одной стороны, такъ много говорятъ и пишутъ, а съ другой — въ методической литературѣ такъ мало, чтобы не сказать „совсѣмъ нѣтъ", пособій, касающихся прямо и непосредственно задачъ начальной школы въ дѣлѣ рисованія, что каждое, хотя бы и скромное, руководство этого рода встрѣчается съ большой радостью. Книжечка Л. — едва ли не одна изъ первыхъ ласточекъ и если, какъ первая ласточка „не дѣлаетъ весны", то во всякомъ случаѣ даетъ попытку внимательно составленнаго руководства для учителя начальной школы, желающаго поставить рисованіе. Въ небольшой брошюрѣ невозможно дать что-либо исчерпывающее, да авторъ и не претендуетъ на это — его цѣль „выяснить общеобразовательное значеніе рисованія и лѣпки и заинтересовать учителя пріобрѣтеніемъ навыковъ въ этихъ искусствахъ на лѣтнихъ курсахъ или въ какой-либо школѣ", но въ предѣлахъ задачи авторъ даетъ много и много полезнаго, практически необходимаго. Жалко, что работа Л. издана безъ достаточной внимательности къ ея задачамъ: рисунки отпечатаны на плохой бумагѣ и слѣпо. Во всякомъ случаѣ мы рекомендуемъ полезную книжечку Л. вниманію каждаго народнаго учителя и каждой школы. (*В. Мурзаевъ. „Пед. Обозр." 1913 — 8*).

171. Мейеръ-Грефе, Ю. 75„18:19"

Импрессіонисты: Гисъ, Мане, Ванъ-Гогъ, Писсаро, Сезаннъ. Пер. съ нѣм., подъ ред. М. С. Сергѣева. 1914. М., изд. „Проблемы эстетики". Съ иллюстр. Ц. 2 р. 50 к.

Имя М.-Г. почти неизвѣстно у насъ широкимъ кругамъ лицъ, чувствующихъ влеченіе къ искусству; но оно почтительно произносится людьми, болѣе близко стоящими къ художественной жизни современности, а въ Германіи пользуется и настоящей славой, если и не такъ широко раскинувшейся, какъ шумное реномэ покойнаго Муттера, но зато несомнѣнно имѣющей болѣе крѣпкіе и живые корни. Трудно было бы, дѣйствительно, указать среди критиковъ и изслѣдователей современнаго искусства кого-нибудь, кто такъ глубоко и такъ умно разбирался бы въ явленіяхъ и стремленіяхъ искусства нашихъ дней. М.-Г. мы обязаны многими художественными „открытіями"; на страницахъ его книгъ впервые былъ высказанъ рядъ положеній, которыя теперь стали достояніемъ каждаго изслѣдователя новѣйшихъ теченій. „Импрессіонисты" чаще всего связываются съ именемъ М.-Г.; эта книга въ ряду критическихъ работъ его занимаетъ то мѣсто, которое заставляетъ къ имени „Мейеръ-Грефе" прибавлять: авторъ „Импрессіонистовъ". Какъ показываетъ перечень именъ художниковъ, которымъ посвящена книга, рядомъ со стариками импрессіонизма здѣсь равноправно поставлены Ванъ-Гогъ и Сезаннъ, — кумиры нашихъ дней. Въ этомъ было въ свое время боевое значеніе книги. Старшіе критики

импрессіонизма несомнѣнно „проглядѣли“ и Ванъ-Гога, и Сезанна, и лишь М.-Г. ярко поставилъ ихъ на должное мѣсто. Второе значеніе „Импрессіонистовъ“ — въ отсутствіи схематизаціи каждаго оцѣниваемаго явленія. М.-Г. принимаетъ художника во всей его сложности, со всѣми его слабыми сторонами, соединяя всѣ элементы въ одно цѣлое съ поразительной, художественной жизненностью. Въ этомъ смыслѣ глава о Сезаннѣ, этомъ „труднѣйшемъ“ мастерѣ, осталась непревзойденной. Отдѣльныя главы своей книги М.-Г. впослѣдствіи разработалъ въ большія монографіи, гдѣ дано много новыхъ оцѣнокъ и сужденій. Съ этой точки зрѣнія „Импрессіонисты“ устарѣли, и переводъ книги нѣсколько запоздалъ. Но все же въ основномъ „Импрессіонисты“ сохранили всю свою яркость и силу, а тѣмъ болѣе для насъ, такъ мало избалованныхъ выдающимися работами о современномъ искусствѣ. Поэтому появленіе перевода „Импрессіонистовъ“ надо вполнѣ привѣтствовать. Выполненъ онъ довольно тщательно, особенно принимая во вниманіе органическое неумѣніе М.-Г. писать легко; не плохи и репродукціи, хотя съ четкостью снимковъ, приложенныхъ къ нѣмецкому оригиналу, онѣ спорить не могутъ. (*Россіи. „Русск. Вѣд.“ 1913 — 250*).

Книга М.-Г. дополнитъ уже имѣющіяся по импрессіонизму на русскомъ языкѣ работы Моклера и Мутера.

Авторъ глубоко изучилъ сложныя теченія импрессіонизма отъ тонкаго Гиса до причудливаго Писсаро и Ванъ-Гога. Предъ нами проходитъ рядъ блестящихъ характеристикъ, написанныхъ литературнымъ перомъ. Въ стремленіи охватить всю школу со всѣхъ сторонъ М.-Г. нѣсколько усложняетъ свою задачу и поневолѣ долженъ прибѣгать къ спорнымъ обобщеніямъ. Такъ, напримѣръ, очень оспоримъ его методъ сравненія современныхъ художниковъ со старыми мастерами. Но всѣ его обобщенія, иногда и ортодоксальныя и произвольныя, всегда блестящи и чрезвычайно интересны. Очень цѣнно въ его книгѣ то умѣніе, съ какимъ онъ выясняетъ эволюцію и традицію импрессіонизма. Для лицъ, желающихъ понять современныя теченія въ живописи, книга М.-Г. необходима. Переводъ сдѣланъ недурно, не болѣе. Издана книга очень изящно, снимки хороши. (*Я. В. Перовичъ. „Утро“. 1913 — 2131*).

Теперь, когда полвѣка отдѣляетъ насъ отъ рѣшительнаго выступленія той группы художественной молодежи, которая впервые развернула знамя импрессіонизма, это движеніе въ искусствѣ не представляется намъ такимъ оторваннымъ и безпочвеннымъ, какимъ казалось оно современникамъ знаменитаго „Салона Отверженныхъ“ 1863 г.

М.-Г. выбралъ изъ группы импрессіонистовъ нѣсколько именъ, сопоставленіе которыхъ способно освѣтить различные уклоны, по которымъ пошло художественное движеніе, такъ рѣшительно заявившее о себѣ на салонѣ 1863 г. Быть можетъ создалась бы болѣе полная картина, если бы были обрисованы и такіе значительные столпы импрессіонизма, какъ Клодъ-Монэ, Дега и Ренуаръ. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ книга М.-Г. является очень значительнымъ и интереснымъ опытомъ о той революціи, которая была произведена въ французской живописи Эд. Манэ и его друзьями. Справедливо и то вниманіе, которое удѣлено превосходному рисовальщику Кон. Гису, который, хотя и не примыкаетъ непосредственно къ импрессіонистамъ, но во многомъ родственъ ихъ художественному міропониманію. Книгѣ предпослана горячая и убѣдительная статья о значеніи современнаго французскаго искусства и его цитадели — Парижа. (*А. К. „У. Россіи“. 1913 — 265*).

172. Озаровская, О. Э. 8—5

Школа чтеца. Хрестоматія для драматич., педагогич. и оратор. курсовъ. 1913. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 515 стр. Ц. 2 р.

Настоящее руководство по выбору и распредѣленію матеріала, по своеобразной и оригинальной системѣ представляетъ собой нѣчто новое въ этого рода литературѣ и является весьма удачной попыткой ввести новый, раціональный методъ изученія художественнаго чтенія.

Полагая, что чтецъ-художникъ, какъ и представитель любого другого искусства, долженъ обладать данными: художественной фантазіей, темпераментомъ и чувствомъ формы и стиля, авторъ и вводитъ въ своей книгѣ три отдѣла для развитія этихъ сторонъ творчества. Каждому отдѣлу авторъ предпосылаетъ особое объясненіе.

Но, къ сожалѣнію, объясненія эти, которыя должны быть существеннѣйшей и наиболѣе цѣнной частью книги, слишкомъ кратки, мало разъясняютъ вопросъ и дѣлаютъ книгу мало пригодною для самостоятельнаго обученія. Авторъ совсѣмъ не останавливается на деталяхъ и почти не даетъ элементовъ художественнаго чтенія. Наиболѣе удачны введенія къ отдѣламъ логическаго тонированія и художественной фантазіи, какъ наиболѣе вѣрно и полно разъясняющія сущность и смыслъ этихъ сторонъ художественной передачи слова. Въ остальномъ авторъ ограничивается лишь поверхностнымъ, а иногда довольно туманнымъ объясненіемъ, приводящимъ подчасъ къ довольно недвусмысленнымъ выводамъ. Что касается выбора матеріала для чтенія, то въ этомъ смыслѣ названная книга обладаетъ большими достоинствами. Наиболѣе бѣднымъ является отдѣлъ ораторскаго искусства. (*С. В. „Утро“. 1913—2138*).

Съ группировкой матеріала едва ли можно согласиться. Съ одной стороны, она не можетъ быть признана исчерпывающей, и потому характеръ ея поневолѣ случайный, съ другой — при бѣгломъ просмотрѣ литературныхъ образцовъ, составляющихъ содержаніе книги, бросается въ глаза искусственность въ его распредѣленіи по отдѣламъ — и ясно становится, что перетасовка статей, стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ изъ одной рубрики въ другую нисколько не измѣнила бы дѣла.

За всѣмъ тѣмъ, если не считаться серьезно съ опытами О. соединить хрестоматію съ теоретическимъ курсомъ декламаціи (а что на практикѣ съ этимъ считаться не будутъ, мы въ томъ убѣждены), книга остается цѣнной, какъ любовно, тщательно и разнообразно составленный сборникъ для художниковъ-чтецовъ. (*М. Всѣ-коне. „День“. 1913—306*).

Авторъ—имя довольно извѣстное на подмосткахъ. Прекрасная артистка, О. стяжала себѣ славу въ области выразительнаго чтенія. Пригодность книги для школы можетъ оцѣнить, ко-

ночно, только практика и опытъ; принципіально возражать противъ системы, избранной О., трудно. Конечно, какъ и всякая система, она не чужда искусственности и доктринерства, но все же О. исходила преимущественно изъ принциповъ искусства подлиннаго. Хрестоматія издана недурно. (*А. DR. „У. Рос."* *1913—253*).

Несмотря на искусственность, группировка матеріала въ книгѣ имѣетъ свои преимущества съ точки зрѣнія педагогической. Болѣе сомнѣній возбуждаетъ вопросъ о томъ, въ достаточной ли степени удачевъ выборъ произведеній, вошедшихъ въ ту или другую группу. Разумѣется, мы встрѣчаемъ въ книгѣ имена и Пушкина, и Лермонтова, и Гоголя. Но можно ли говорить серьезно, напр., объ отдѣлѣ, предназначенномъ для выработки „чувства стиля", если въ немъ совершенно отсутствуютъ и баллады Жуковскаго, и антологія Щербины, и пѣсни Кольцова, нѣтъ ничего изъ „Пѣсни пѣсней", стиль которыхъ такъ великолѣпно схваченъ Меемъ, нѣтъ ни Гете (ему, впрочемъ, вообще не посчастливилось,—ни въ одномъ отдѣлѣ мы его не находимъ), ни Шиллера, ни Т. Готье, ни Мюссе, ни Бодлера? Отсутствіе того или другого изъ „стильныхъ" писателей составительница могла бы объяснить, пожалуй, экономіей мѣста, если бы въ этомъ же отдѣлѣ мы не встрѣчались съ Ѳ. Сологубомъ цѣлыхъ четыре раза и столько же разъ съ Маріэтой Шагинянъ, поэтессой, не лишенной таланта, но о „стилѣ" которой говорить пока не приходится. Еще въ большее недоумѣніе повергаетъ отдѣлъ сатирическій. Если исключить иностранныхъ писателей, то окажется, что ровно одну треть этого отдѣла занимаютъ однообразныя и въ достаточной мѣрѣ пошловатыя сатиры Саши Чернаго. О томъ, что есть въ сатирической литературѣ Кузьма Прутковъ, о великолѣпныхъ сатирическихъ опытахъ В. Соловьева, о „гражданской" сатирѣ Минаева, о зломъ и мѣткомъ сарказмѣ графа Алексѣя Жасминова, о дробящихъ, какъ „тяжкій млатъ", сатирическихъ выпадахъ Случевскаго составительница какъ будто вовсе и не слыхала. Въ отдѣлѣ ораторскомъ О. хочетъ дать образцы лишь такихъ рѣчей, которыя „пронизаны убѣжденностью въ своей силѣ и правдѣ", иначе говоря, рѣчей искреннихъ. Но ровно половина приведенныхъ примѣровъ взята изъ произведеній Ѳ. Сологуба, писателя въ высшей степени манернаго, котораго въ чемъ въ чемъ, а ужъ въ искренности заподозрѣть никакъ нельзя. Въ общемъ слѣдуетъ признать, что трудно пользоваться сборникомъ, когда приходится слишкомъ многое выкидывать изъ него, какъ балластъ, а многое дополнять. (*В. Ю. „Нов. Вр."*. *1913—13522*).

173. [. . . . . 8—8

„Слово". Сборникъ первый. 1913. М., изд. „кн-ва Писателей въ Москвѣ". 255 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ очень удаченъ. Онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ своему названію и опредѣленно говоритъ о поставленной цѣли.

Статья Вересаева, предпосланная беллетристикѣ, почти программная для всего сборника, такъ какъ цѣль его, повидимому,—объединить не только художественно-зрѣлое, но и здоровое въ новой литературѣ—утверждающее, а не отвергающее жизнь.

Она затрагиваетъ самую важную для современности проблему—о жизни, надъ которой мучаются всѣ „молодые" писатели. Съ одной стороны, страстно, судорожно люблю жизнь, съ другой—не могу принять ее разумомъ и постоянно чувствую соблазнъ самовольно уйти изъ нея...

Вересаевъ какъ бы подсказываетъ выходъ изъ этой запутавшейся психологіи, характеризуя мудраго эллина.

Прославленіе жизни, проповѣдь любви къ ней очень распространены въ новой литературѣ. Всѣ „молодые" писатели раздѣлились на два лагеря: кто „за жизнь" и кто—противъ. Одни могутъ вести свою родословную отъ свѣтозарнаго Пушкина, другіе—отъ „скорбника" Гоголя...

Къ сожалѣнію, даже у тѣхъ писателей, которые „за жизнь", есть какая-то головная нарочитость въ этой любви къ жизни. На всѣхъ перекресткахъ готовъ человѣкъ кричать о своей жадности къ жизни и доказывать другимъ необходимость любви къ ней, а самъ втихомолку пугаетъ себя картинами смерти. Замѣтно это и въ участникахъ сборника.

„Пріятіе жизни" объединяетъ всѣхъ авторовъ сборника. Даже коротенькая красивая легенда Телешева о монахѣ, который нарушилъ уставъ, пустивши въ свою келью переночевать женщину съ ребенкомъ, заканчивается соотвѣтствующимъ аккордомъ: „къ жизни".

Въ художественномъ отношеніи матеріалъ сборника подобранъ съ большимъ вкусомъ. Въ немъ совсѣмъ нѣтъ слабыхъ вещей. Каждый изъ разсказовъ отличается не только зрѣлостью, но и свѣжестью,—говоритъ объ авторскомъ ростѣ.

Даже у такихъ, вполнѣ сложившихся писателей, какъ Бунинъ, чувствуется движеніе впередъ, внутреннее развитіе. Въ разсказѣ: „При дорогѣ" онъ ушелъ отъ своего утрированнаго сѣраго реализма, далъ себѣ свободу. Конкретность изображенія здѣсь сочетается у него съ полетомъ. Психологія деревенской дѣвицы необычно тонка и сложна. Разсказъ захватываетъ, несмотря на свой малоубѣдительный, мелодраматичный финалъ.

По новому волнуетъ и А. Толстой своимъ солнечнымъ, ярко идеалистическимъ разсказомъ. Это наиболѣе счастливый изъ наслѣдниковъ Достоевскаго, сумѣвшій взять отъ него не только истерію и чертовщину, а и нѣчто большее.

Въ пріемахъ у всѣхъ авторовъ, вошедшихъ въ „Слово", замѣтенъ безспорный прогрессъ и переходъ отъ искусственнаго и вычурнаго къ простому—желанное приближеніе къ Чехову.

Въ цѣломъ, новый сборникъ—то именно слово, которое хотѣлось бы слышать отъ новой литературы. (*Е. Колтоновская. „Рѣчь"*. *1913—288*).

Альманахъ черпаетъ свой матеріалъ преимущественно изъ круга писателей съ реалистическимъ уклономъ. Въ сборникѣ есть вещи безспорно превосходныя, и если кто сомнѣвается еще въ законности и жизнеспособности этого художественнаго теченія, пусть прочтетъ чудеснѣйшій разсказъ Шмелева,—и скептицизмъ долженъ будетъ исчезнуть въ атмосферѣ непосредственнаго эстетическаго наслажденія, радующей ритмичностью образовъ и настроеній. Но не одно соприкосновеніе съ поэтическимъ творчествомъ волнуетъ васъ: вы встрѣтитесь въ

альманахѣ и съ такими элементами, которые дадутъ толчокъ работѣ сознанія. Сборникъ открывается статьею Вересаева „Аполлонъ, Богъ живой жизни“ *).

Пусть ученый эллинистъ разбираетъ, правильно или неправильно понялъ Вересаевъ духъ эллинской религіи съ объективной, научной точки зрѣнія. Для меня важно сейчасъ не это, а то, что русскій писатель заговорилъ о такомъ міропониманіи именно въ данный моментъ. Человѣку свойственно искать въ завѣтахъ прошлаго матеріала и помощи для формулировки того, что наростаетъ въ его душѣ и сознаніи, какъ результатъ переживанія современности. Сколь болѣе сказывается такое вліяніе на людей типа Вересаева, который есть художникъ, слѣдовательно—натура по преимуществу эмоціональная, впечатлительная, сугубо отзывчивая на зовы современности. Итакъ русскому художнику сейчасъ захотѣлось почему-то заговорить о безпощадномъ рокѣ, непобѣдимо разбивающемъ лучшія стремленія человѣка, и о томъ, что это не причина отказываться отъ благородныхъ порывовъ, наоборотъ — прекраснѣйшій стимулъ для гордаго и неуклоннаго служенія своей правдѣ, а тамъ—будь, что будетъ, ибо красота и правда не въ достиженіи, а въ порывѣ, не въ побѣдѣ, а въ подвигѣ. Пусть боги ставятъ непреоборимые предѣлы, пусть подвиги наши безцѣльны въ смыслѣ объективномъ, — наше сердце, наша кровь, наши мускулы властно требуютъ подвига, голодаютъ, изнываютъ безъ него, и мы пойдемъ на радостное подвижничество и на самую гибель, не задумываясь о результатѣ. (*С. Адріановъ. „Вѣст. Евр.“ 1913—11*).

Статья Вересаева интереснѣе всего, что помѣщено въ сборникѣ, по своему настроенію, по выводамъ, по тому бодрому призыву, который скрытно въ ней заключается.

Прочтите статью Вересаева и вы ощутите, слѣдуя его словамъ, „не трепетъ въ душѣ, не ужасъ, а только гордость за человѣка и вѣру въ необоримую силу его духа“. (*И. Игнатовъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—243*).

„Самое высокое и самое прекрасное, чѣмъ можетъ человѣкъ прославить Бога, что онъ долженъ нести ему,—это собственныя радость и счастье“.

Казалось бы, что эта свѣтлая теза редактора сборниковъ должна бы пропитать ихъ цѣликомъ, должна бы опредѣлить ихъ направленіе, настроеніе и подоплеку. Однако, жизнерадостность и свѣтлыя тезы Вересаева, къ сожалѣнію, мало отражаются въ сборникѣ. Теорія въ данномъ случаѣ, вопреки Мефистофелю, цвѣтетъ въ сіяющей веснѣ, а жизнь мрачна и сѣра. И сборники „Слова“, повидимому, никакъ не могутъ оторваться отъ органическаго пессимизма, такъ свойственнаго нашей жизненной полосѣ, и слиться съ аполлоническими взглядами Вересаева. И это очень жаль.

Быть можетъ, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, пора стряхнуть съ себя это старое наслѣдство пореволюціоннаго кошмарнаго кризиса, наслѣдство, которое тяжело давитъ плечи современнаго поколѣнія и отравляетъ ему существованіе, обезсиливая его волю и отравляя его сознаніе ядомъ скорбнаго пессимизма, безысходнаго и безнадежнаго.

*) См. „Бюлл.“ № 5.

Жизнь упорно рвется впередъ изъ оковъ и путъ, нагромождаемыхъ въ ея путяхъ. И не пришла ли пора пойти на помощь къ этой жизни, навстрѣчу ея бодрящимъ зовамъ?

Пора, пора! И редакторъ сборниковъ „Слово“ отлично это сознаетъ и воспринимаетъ, а подъ его жизнерадостной рукой все-таки мало жизненныхъ радостей, и та литература, которая характеризуетъ сборники „Слово“, отнюдь не отличается какимъ бы то ни было новымъ направленіемъ.

Она ярко окрашена цвѣтомъ той же печали, которая залегла уже давно въ сердцѣ русскаго художника. Куда ни посмотритъ художественный взоръ, вездѣ и всюду видитъ лишь тоскующую даль, мрачные горизонты и скорбныхъ людей.

Въ общемъ сборникъ очень удаченъ. Писатели-реалисты объединились, конечно, въ немъ не случайно. Ихъ роднитъ единство настроенія и единство отношенія къ жизни, единство ихъ знаменъ. Очень хорошо. (*Ал. Ожиговъ. „Совр. Сл.“ 1913—2087*).

Сборникъ „Слово“—это торжественное примиреніе съ дѣйствительностью. Писатели этого сборника не только желаютъ заявить, что, не взирая на декадентскую хворь, свирѣпствовавшую въ литературѣ, старое великое царство реализма еще существуетъ. Они всѣми силами стараются подчеркнуть, что внѣ реальныхъ тенденцій, внѣ бытовой основы литература обречена не безплодіе.

Антипатія авторовъ „Слова“ къ „свѣтлой кажимости, къ обманчивому покрывалу Майи“, опредѣленно высказывается въ вводномъ очеркѣ В. Вересаева

Его точка зрѣнія, на мой взглядъ, совершенно правильная. Только напрасно Вересаевъ думаетъ, что онъ совершаетъ какой-то новый переворотъ въ пониманіи греческаго искусства. Это вѣрно, что Ницше навязалъ Аполлону совершенно не свойственныя ему черты. Но до „Рожденія трагедіи“, т.-е. до книги, превратившей лучезарныхъ олимпійцевъ въ эстетическіе феномены, вся нѣмецкая эстетика истолковывала греческое искусство именно такъ, какъ истолковываетъ его теперь Вересаевъ. По мнѣнію Лессинга, напр., у древнихъ грековъ господствовало тождество жизни и поэзіи. Или сказать точнѣе, греки были великіе художники, но не поэты. Т.-е. они умѣли прекрасно копировать дѣйствительность но никогда не давали порабощать себя мечтѣ. Оттого въ пластикѣ, напр., они произвели такія замѣчательныя вещи потому, что сама дѣйствительность преподносила имъ здѣсь дивные образцы. Тогда какъ мечтательности, порыва въ ихъ произведеніяхъ такъ же мало, какъ и христіанскаго смиренія. У Шекспира въ одномъ пальцѣ, говоритъ другой нѣмецкій писатель, больше поэзіи, чѣмъ у всѣхъ греческихъ поэтовъ вмѣстѣ взятыхъ.

Точно также и въ разсказахъ настоящаго сборника господствуетъ тождество жизни и поэзіи. Каждый изъ нихъ, въ зависимости отъ авторскаго таланта, представляетъ собою болѣе или менѣе яркій отпечатокъ подлинной дѣйствительности. Т.-е. одни изъ этихъ авторовъ просто копируетъ событія жизни, другіе—подражаютъ ея пріемамъ и создаютъ свои образы синтетически. Но слѣпо воспроизводить природу нельзя. Всякое произведеніе искусства больше всего

плѣняетъ примѣсью человѣческаго таланта, а не близостью къ подлиннику.

А обширный разсказъ И. Шмелева — къ сожалѣнію во многомъ простая дагерротипія. Приближеніе смерти Данилы Степаныча разложено на безконечное множество деталей, указывающихъ на острую наблюдательность автора, на изощренную способность анализа, но совсѣмъ не свидѣтельствующихъ объ умѣньи претворять свои наблюденія въ художественные образы.

Въ общемъ, однако, надо сказать, что разсказъ читается съ интересомъ и мѣстами оставляетъ сильное впечатлѣніе.

Не жалѣетъ подробностей и А. Толстой. Но подробности эти не будничнаго, а скорѣе анекдотическаго свойства.

И поэтому описанія его носятъ характеръ малой достовѣрности. „Овражки"— это исторія, переданная съ чужого голоса и заключающая въ себѣ много непровѣренныхъ фактовъ.

Сжато, тепло и красочно написанъ очеркъ Бориса Зайцева „Студентъ Бенедиктовъ". Тутъ мало событій и мало дѣйствующихъ лицъ: студентъ, поручикъ, дама, сторожъ и кучеръ. Случайно встрѣчаются они и немедленно исчезаютъ въ потокѣ повседневныхъ событій. Но авторъ умѣетъ фиксировать вниманіе на этихъ лицахъ. И вы не только ихъ помните, вы знаете, о чемъ они думаютъ, вы заинтересованы ихъ жизнью и долго представляете себѣ ихъ чувства, ихъ разговоры, какъ живыя реальности.

Но лучшій разсказъ въ этомъ сборникѣ—„При дорогѣ". Въ очеркѣ Б. Зайцева преобладаетъ внутренній смыслъ. Лица не связаны между собою опредѣленною фабулой, но говорятъ, движутся и сближаются въ силу духовнаго сродства. Бунинъ описываетъ только индивидуальное, только личное. Въ его распоряженіи всегда имѣются такія яркія краски для изображенія волнистыхъ полей, по которымъ странствуютъ одинокіе люди, для описанія кошачьихъ лицъ и блестящихъ глазъ. Бунинъ знаетъ такое множество прекрасныхъ словъ, которыми онъ такъ волнующе-хорошо разсказываетъ объ ударахъ судьбы, о покинутыхъ дѣвушкахъ, о смерти. Онъ съ удивительной быстротою гонитъ событія передъ вами, не даетъ вамъ перевести духъ. Каждое мгновеніе жизни воспроизводитъ онъ во всей полнотѣ, во всемъ его эстетическомъ блескѣ. И вы безъ размышленій довѣряетесь потоку его нервнаго воображенія и разстаетесь съ нимъ, обогащенный новыми воспоминаніями и новыми лицами. Такой рѣдкой опредѣленностью характеристикъ отличаются Устинъ, Параша и Никаноръ въ разсказѣ „При дорогѣ". Эти лица должны быть отнесены къ наслѣдію незабываемыхъ литературныхъ фигуръ. (*Л. Войтоловскій. „Кіевъ. М." 1913—285*).

Еще одинъ новый сборникъ. Однако, новаго въ немъ—развѣ статья Вересаева да переводъ—прозой—нѣсколькихъ стихотвореній индійскаго поэта Р. Тагора. Крупнаго же, значительнаго—ничего, хотя почти все хорошо написано и читается съ интересомъ.

Статья объ Аполлонѣ нова какъ по темѣ для автора, такъ и по высказаннымъ имъ мыслямъ. Рядомъ цитатъ изъ Гомера Вересаевъ подтверждаетъ свой выводъ о самой мрачной безнадежности эллинскаго гомеровскаго пониманія жизни.

Стихотворенія Р. Тагора говорятъ о свѣтлыхъ радостяхъ жизни и мотивы ихъ свѣжи и полны своеобразной прелести. Поэтъ разрушаетъ темные храмы, его Богъ улыбается ему подъ солнцемъ на поляхъ и дорогахъ. Но и смерть не страшитъ его, и когда она придетъ,—онъ поставитъ передъ ней „полный кубокъ своей жизни".

Изданъ сборникъ вполнѣ опрятно. (*О. Щеколдинъ. „День". 1913—292*).

174. Скоттъ, Леруа. 82—3

Секретарь союза. Пер. съ англ. С. Цедербаума. 1913. М., кн-во „Польза", В. Антикъ и К°. 455 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Живо и интересно развертывающееся дѣйствіе романа происходитъ въ центрѣ развитія современной промышленной жизни и капитализма, въ Нью Іоркѣ. Передъ глазами читателя встаютъ рельефныя картины быта американскихъ тредъ-юніоновъ со всѣми его положительными и отрицательными сторонами, при чемъ основой фабулы служитъ борьба честнаго и стойкаго рабочаго Тома Киттинга, преданнаго интересамъ своего союза, съ властолюбивымъ, умнымъ секретаремъ послѣдняго, преслѣдующимъ исключительно личныя выгоды и держащимъ въ своихъ рукахъ какъ рабочихъ, такъ и подрядчиковъ. Удачно задумана любовная интрига, вплетающаяся въ основной ходъ дѣйствія,—неожиданно вспыхивающая, на почвѣ идейнаго сочувствія, горячая любовь между интеллигентной красивой дѣвушкой и рабочимъ Киттингомъ. Слабо лишь заключеніе романа, обрывающагося какъ-то внезапно и психологически неясно послѣ достиженія героемъ намѣченной цѣли. Языкъ перевода вполнѣ хорошъ. (*Вл. Смыльскій. „День". 1913—313*).

Стоитъ прочесть первую сотню страницъ — и уже не оторвешься отъ книги: такъ увлекательно написана она, такъ интересно развертывается дѣйствіе романа. Тотъ, кто ищетъ живого, занятнаго чтенія, будетъ доволенъ, хотя „романическаго" въ романѣ очень мало, и „любовная интрига"—лишь канва, по которой красочно, ярко расшиты узоры совсѣмъ иного порядка. Но потому и серьезный читатель не напрасно потеряетъ время: тутъ есть, чему поучиться, есть, къ чему прислушаться. Силой, бодростью, энергіей вѣетъ отъ страницъ книги. И при нашей „тоскѣ по бодрости" она не можетъ не имѣть успѣха. (*С. Б. „Стол. М". 1913—339*).

Романъ—чисто американскій. Написанный въ стилѣ Бретъ-Гарта и Джэка Лондона, читается онъ съ захватывающимъ интересомъ. Выходъ романа въ Америкѣ сопровождался въ свое время рядомъ скандаловъ, вызвавъ съ одной стороны, бурю негодованія, а съ другой—восхищенія передъ мужествомъ автора, который смѣло освѣтилъ темные углы профессіональнаго движенія рабочихъ, къ которому, какъ піявка, присасываются разные дѣльцы ради своихъ личныхъ выгодъ. Безъ стѣсненія продаютъ они близкое рабочимъ дѣло, за деньги устраиваютъ стачки, за деньги же прекращаютъ ихъ, пуская всѣ средства въ ходъ, лишь бы сохранить за собой свои выгодныя позиціи руководителей и вождей рабочаго движенія.

Конечно, рабочее настроеніе въ Америкѣ носитъ по преимуществу практическій характеръ. Въ книгѣ С. ни разу не упоминается слово „соціализмъ". Здѣсь не говорятъ о классовомъ антагонизмѣ. Но тѣмъ не менѣе, вѣроятно, и въ Европѣ не мало рабочихъ организацій, гдѣ рабочіе интересы играютъ лишь роль идейнаго

заслона, подъ защитой котораго ловко устраиваются разнаго рода гешефтмахеры. Рабочимъ и молодежи во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ прочесть этотъ романъ, тѣмъ болѣе, что на ряду со „злодѣями“ онъ рисуетъ прекрасные образы мужественныхъ борцовъ за профессіональное дѣло. Переводъ романа исполненъ прекрасно и принадлежитъ перу Цедербаума,—имя достаточно извѣстное въ марксистской средѣ. (*Andros. „У. Рос.“. 1913—247*).

175. Авилова, Л. 891.7—3

Образъ человѣческій. Разсказы. 1913. М., изд. „Кн-ва Писателей въ Москвѣ“. Ц. 1 р. 25 к.

Я съ увлеченіемъ прочиталъ небольшую книжку А. Въ каждомъ городѣ, говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, долженъ быть хоть одинъ привѣтный очагъ, вокругъ котораго можно было бы собираться для того, чтобы, вымывъ руки дома, здѣсь начисто вымывать свое сердце. Книга А.— одинъ изъ такихъ маленькихъ привѣтныхъ огонь-ковъ. Это — бѣллетристика дилетантки, и судить ее надо только, какъ таковую. У А. нѣтъ большого размаха, разсказы ея не блещутъ красотой изложенія и эффектами стиля, но она владѣетъ даромъ неподдѣльной сердечности. И въ этомъ заключается тайна ея пріятности.

Многія мысли А. обязаны своимъ появленіемъ Л. Андрееву, Мопассану, Тургеневу.

Въ чувствахъ А. есть нѣчто отъ Элизы Ожешко, отъ Кононицкой, отъ Крестовской. Но это не мѣшаетъ ея разсказамъ, оставаться трогательными и теплыми. Со страницъ ея книги струится нѣжная и красивая грусть. Можетъ быть слово не всегда повинуется А., но ей превосходно повинуется чувство. Читателю совершенно безразлично, навѣяно ли послѣднее книгой или непосреднымъ изученіемъ жизни. Онъ видитъ автора, который повсюду ищетъ живую душу, „образъ человѣческій“, ищетъ — и находитъ. И это плѣняетъ читателя гораздо больше, чѣмъ новыя слова и красивыя фразы.

Яснымъ, простымъ и сердечнымъ языкомъ описываетъ А. несложныя, самыя будничныя событія. Любимѣйшіе герои этой писательницы— скромныя, энергичныя труженицы, мечтательныя одиночки, которыя не любятъ говорить о томъ, что онѣ носятъ въ душѣ, но смотрятъ на весь міръ духовными очами своей мечты. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она раздраженно высмѣиваетъ слабости своихъ героевъ, вы знаете, что не услышите отъ нея ни одного несправедливаго, ни одного злого укора. Не потому, что она слишкомъ сантиментальна или намѣренно-великодушна. А оттого, что каждая пошлость, по мнѣнію А., рано или поздно въ силу какихъ-то таинственныхъ причинъ обречена на страданіе. Небо или природа повелѣваютъ человѣку стремиться къ вѣрѣ, къ возвышенному, къ чистотѣ, обязываютъ насъ любить красоту. И въ цѣломъ рядѣ разсказовъ А. рисуетъ намъ расплату за пустоту и безвѣріе. (*Л. Войтоловскій. „Кіев. М.“ 1913—270*).

Въ книжкѣ А. собранъ цѣлый рядъ коротенькихъ разсказовъ, преимущественно психологическаго содержанія. Не всѣ они въ одинаковой степени интересны по темамъ, весьма различны они и по выполненію. Но въ каждомъ изъ нихъ горитъ искра настоящаго непосредственнаго таланта, чувствуется свѣжесть души и живость наблюденій. Особенно хороши разсказы, въ которыхъ передано соприкосновеніе человѣка съ природой („Въ весенней дымкѣ“, „Послѣдній звонъ“, „Сирень цвѣтетъ“, „Родное“). То, къ чему такъ упорно и не всегда такъ успѣшно стремятся наши „молодые“ писатели—къ проникновенію въ душу міра, къ сближенію съ космосомъ—далось А. безъ всякихъ усилій съ ея стороны, само собой. Она природѣ не чужая. Тютчевскіе „рѣки и лѣса“ вели съ нею бесѣду „языками неземными“. Особенно близка ея душѣ весенняя природа съ своими буйными соками и веселящимъ солнцемъ.

Всѣ герои и героини А. одарены способностью этой особенной внутренней жизни — тютчевской ночной жизни души. Въ этомъ ихъ привлекательность. Чѣмъ больше авторъ позволяетъ развернуться этой ихъ способности, тѣмъ интереснѣе выходитъ у него разсказъ (поэтому, напр., такъ волнуетъ этюдъ „Родное“). Все же раціоналистическое, особенно претендующее на иронію и сарказмъ („Царица“), гораздо менѣе ему удается. Большимъ преимуществомъ А. является то, что она избѣгаетъ чрезмѣрной договоренности, которою очень часто грѣшатъ женщины-писательницы. Она не дѣлаетъ утомительнаго доклада о переживаніяхъ своихъ героевъ, а умѣло схватываетъ суть ихъ. Иногда это — лишь намекъ... удачный аккордъ, который можетъ разрастись въ душѣ читателя въ симфонію. Чувствуется близость къ Чехову. Вѣроятно, эта близость природная, такъ какъ правильно пройденной школы у А., къ сожалѣнію, не чувствуется.

Полная непосредственность творчества, отсутствіе всего привычнаго, профессіональнаго, конечно, достоинство А. Но здѣсь же кроется и нѣкоторая опасность для нея. Есть что-то случайное, дилетантское въ ея писательствѣ. Нѣтъ въ немъ необходимой литературной устойчивости и прочности. Отсюда и неровность ея творчества, невоздержанность тона и внутренняя незаконченность нѣкоторыхъ ея разсказовъ. (*Е. Колтоновская. „Вѣст. Евр.“ 1913—11*).

Книга разсказовъ А. производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Большинство разсказовъ читаются съ большимъ удовольствіемъ; чистотой и свѣжестью вѣетъ отъ нихъ, дышатъ они глубокой жизненной правдой и всѣ полны теплаго отношенія къ жизни и къ людямъ.

Едва ли не лучшими являются въ данной книгѣ разсказы изъ жизни дѣтей. Авторъ, повидимому, великолѣпно знаетъ жизнь дѣтей и отлично усвоилъ ихъ психологію, и нѣкоторыя страницы этихъ милыхъ разсказовъ положительно трогаютъ и волнуютъ („Ревнивцы“ и „Пышная жизнь“). Языкъ А. достаточно гибокъ и выразителенъ, рисунокъ рельефенъ и мѣстами тонокъ. Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ своихъ вещахъ А. не свободна отъ слащавости и сантиментальности. Какъ на минусъ книги, укажемъ на разсказъ „Романъ милліонерши“, противорѣчащій основному тону книги: разсказъ нудный, истеричный, написанный подъ недобрымъ и слишкомъ замѣтнымъ вліяніемъ Достоевскаго. (*Г. Вяткинъ „Сиб. Жизнь“. 1913—243*).

Безъ всякихъ претенціозныхъ выкриковъ, просто и безхитростно, разсказываетъ авторъ о горестяхъ и радостяхъ своихъ сѣренькихъ героевъ, объ „образѣ человѣческомъ“ подъ загрубѣлой, одичавшей внѣшностью. Краски А. не настолько ярки, чтобы остановить вниманіе, образы не запечатлѣваются надолго, зато ея

разсказы читаются легко, не безъ интереса и не вызываютъ досадной скуки. (*Ю. С. „Утро". 1913—2138*).

176. Бунинъ, И. 891.7—3

Іоаннъ Рыдалецъ. Разсказы и стихи. 1912—13 гг. 1913. М., изд. „Кн-во Писателей въ Москвѣ". 264 стр. Ц. 1 р. 50 к.

И въ прежде появившихся разсказахъ и вещахъ болѣе крупнаго размѣра и теперь—своимъ чуднымъ по простотѣ и сжатости, какимъ-то проникновенно-чуткимъ языкомъ Б. разсказываетъ о томъ, что никогда, или почти никогда, незамѣтно для глазъ простого зрителя,—о томъ, что кроется въ бѣдныхъ, полузабытыхъ церковныхъ оградахъ, въ туманно-сиротливыхъ даляхъ русскихъ полей („Іоаннъ Рыдалецъ"), въ тишинѣ ея встревоженной, въ широтѣ ея необъятной.

Б. часто ставятъ въ упрекъ его кажущуюся однобокость въ изображеніи русской деревни. Пожалуй, эта группа читателей и въ данномъ сборникѣ найдетъ матеріалъ для дальнѣйшихъ нареканій.

И трусливый, первобытно-хитрый лѣсникъ Ермилъ („Преступленіе") съ его жестокой, нелѣпой, но понятной затѣей, окончившейся убійствомъ, съ его полудѣтскимъ признаніемъ: „Я — дюже преступный"—признаніемъ, которое онъ дѣлаетъ съ удовольствіемъ; и угрюмый старикъ Авдей Забота, такъ зло и попрано шагающій въ тоскливую темноту наступающей осенней ночи („Забота"), и хранящій въ глубинѣ своей мрачной души какую-то скрытую злобу на все и всѣхъ Александръ Романовъ („Я все молчу") и—сказочникъ по прихоти барина — Никифоръ, вся фантазія котораго неизбѣжно утыкается въ какую-то сладострастную порку выдуманнаго барина выдуманнымъ мужикомъ,—все это—темные, безотрадные, быть можетъ, уродливые типы и явленія, — но тотъ, кто знаетъ деревню не книжно, увидитъ въ этихъ разсказахъ гораздо больше, чѣмъ „однобокость" и пресловутый пессимизмъ Б. И, можетъ быть, для опредѣленнаго читателя, настроеннаго предубѣжденно, многое покажется новымъ, отраднымъ и даже необычнымъ для Б. Коновалъ Липатъ („Хорошихъ кровей"), изъ котораго такъ и хлещетъ земная и радостная сила; или мастерски вылѣпленная фигура Лукьяна Степанова („Князь въ князьяхъ"), живущаго съ особеннымъ смакомъ въ темной земляной берлогѣ, когда на дворѣ стоитъ новый, просторный и удобный домъ; для насъ же это только одинъ изъ звучныхъ мажорныхъ аккордовъ, которые ужъ не такъ рѣдко встрѣчаются въ творчествѣ Б.

Языкъ деревни Б. удается необыкновенно. Отъ его мужицкихъ рѣчей не пахнетъ барской „потугой", балагановъ, привычнымъ издѣліемъ, чѣмъ грѣшатъ многіе изъ современныхъ бытописателей деревни. Вмѣстѣ съ естественной образностью и силою и мѣткостью мысли въ языкѣ мужиковъ Б. сохраняетъ чуткую границу мѣры.

Въ концѣ книги — рядъ стихотвореній. Съ обычнымъ мастерствомъ написаны вещи въ мотивахъ народныхъ пѣсенъ (начиная „Невѣсткой" по порядку и кончая „Мачехой"). Изъ остальныхъ отмѣтимъ: „Дѣдушка", „Мушкетъ", „Лѣтняя ночь" и въ особенности „Степь", кончающаяся аккордомъ, необыкновенно удачнымъ и характернымъ для всей поэзіи Б.:

...Пьетъ глаза онъ до донушка,
Собираетъ по косточкамъ дань...
Сторона ли моя, ты, сторонушка,
Вѣковая моя глухомань!

(*М. К—овъ. „У. Рос." 1913—176*).

„Древняя Русь" давно привлекаетъ вниманіе Б. Онъ настойчиво отыскиваетъ слѣды ея въ современной жизни. Все, чѣмъ мы живемъ, на что разсчитываемъ въ будущемъ, связано съ этими корнями, вездѣ отголоски прошлаго, на всемъ его марка. Каковы-жъ они, наши древніе корни, что они намъ сулятъ?..

По Б., какъ онъ высказался еще въ „Суходолѣ", мало отраднаго. А вѣдь онъ глубоко, внимательно заглянулъ въ нашу старину и далъ себѣ въ ней ясный отчетъ, трезвый и добросовѣстный, какъ и подобаетъ писателю-реалисту. Б. никогда не измѣнялъ реализму. Однако его реализмъ много впиталъ въ себя изъ окружающаго, въ немъ какъ бы есть примѣсь новѣйшей стилизаціи; онъ тенденціозенъ и субъективенъ. Яркія бунинскія изображенія не столько говорятъ о своемъ предметѣ, сколько о самомъ авторѣ. Рисунокъ у Б. красивъ, изященъ, тщателенъ, точенъ и очень тонокъ; но его кружевныя детали все же выдвигаютъ главнымъ образомъ оттѣнки авторскихъ настроеній, а не душу вещей. Поэтому на картинахъ Б. рискованно дѣлать какія-нибудь обобщенія, хотя они и подсказываются авторомъ. Если бы вы прочли у настоящаго, стараго реалиста, что „Ермилъ—малорослый, коротконогій, морщинистый мужикъ", вы бы такъ просто это и приняли, — какъ характеристику какого-то мужика. Но у Б. за этимъ есть задняя мысль. У него всегда есть задняя мысль, и ему хочется, чтобы вы ее, прежде всего, почувствовали. Для него всякій русскій мужикъ „малорослый" и „коротконогій", чуть ли не вся Россія въ прямомъ или косвенномъ смыслѣ малорослая и коротконогая. Вотъ въ чемъ дѣло.

Разсматривая корни, Б. распредѣлилъ ихъ на три категоріи, на три слагаемыхъ, вошедшихъ въ составъ нашего современного быта, точнѣе, деревенскаго быта: крестьянство, дворянство и тотъ промежуточный смѣшанный классъ истребителей „вишневаго сада", который впервые опредѣленно выступилъ у Чехова. Всѣ представители этихъ группъ окутаны одинаковымъ мрачнымъ флеромъ, и у нихъ есть одна общая черта: звѣриная некультурность—некультурность въ такой мѣрѣ, что рождается сомнѣніе въ возможности какого бы то ни было строительства изъ этихъ элементовъ.

Въ цѣломъ рядѣ колоритныхъ разсказовъ: „Преступленіе", „Сказка", „Будни", „Забота" и др. даны выразительныя картины темной мужичьей жизни. Въ другихъ — обрисованы сложныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ („Сказка", „Личарда").

Зато дворяне бунинскіе—совершенно отпѣтые, выродившіеся, безнадежные и сами ни на что не надѣющіеся, безсильно отступающіе передъ натискомъ жизни. Жадные покупатели „вишневыхъ садовъ" изображены у Б., пожалуй, съ наибольшимъ безпристрастіемъ и правдоподобіемъ,—можетъ быть, потому, что они ему совсѣмъ чужіе.

Какъ всегда, красивый, чеканный языкъ Б. достигаетъ въ этихъ коротенькихъ новыхъ разсказахъ законченнаго совершенства. Въ прозѣ

онъ больше поэтъ, чѣмъ въ стихахъ. (*Е. Колтоновская. „Рѣчь". 1913—323*).

Читаешь эту книжку,—какъ будто бредешь по деревенской Руси, отъ усадьбы къ усадьбѣ, отъ села къ селу, а рядомъ съ тобой идетъ поводырь съ ясными глазами. И все-то онъ тутъ знаетъ, обо всемъ поразскажетъ ласково и спокойно. Все примѣчаетъ онъ, умѣетъ и заглянуть въ отрѣшившуюся отъ земныхъ радостей и заботъ душу умирающаго мужика („Худая трава"), и подслушать безсильно-сердитыя мысли разорившагося барина-помѣщика, дѣдовское гнѣздо котораго сегодня уже займетъ новый владѣлецъ („Послѣдній день"), но обо всемъ онъ разскажетъ все тѣмъ же ровнымъ, слегка грустнымъ голосомъ, такими же все красивыми и чуть задумчивыми словами. Знать, много онъ видѣлъ, и не возмущаютъ уже его духа ни шумная суета базаровъ и проѣзжихъ дорогъ, ни жуткое оскудѣніе умирающихъ родовыхъ усадебъ, ни неудавшаяся любовь („Вѣра"), а съ нею—и жизнь, ни само преступленія („Преступленіе"). Все живописуетъ онъ въ одинаково красивыхъ, слегка меланхолическихъ, но спокойныхъ тонахъ.—Таковъ Б. былъ всегда. Но—

„какъ вѣрятъ моряки,
„Что ихъ моря зовутъ въ часы ночной тоски,
Такъ кличутъ и меня мои воспоминанья"...

И вотъ идетъ онъ на зовъ своихъ воспоминаній и ведетъ за собою насъ, показываетъ, какъ было и есть, не прибавляя ничего отъ себя. Но чудится—вѣритъ онъ, что не только такъ было и есть, но такъ и будетъ всегда.

Но — человѣкъ „долженъ итти, если итти необходимо": Б. не отталкиваетъ и нарождающаяся новая жизнь, формы которой еще не сложились, не выработались и способны многихъ пугать своей стихійной дикостью. Спокойно встрѣчаетъ онъ смѣну одного дня другимъ.

Онъ знаетъ, коротки и сочтены наши дни. Но—„каждое мгновеніе свое долженъ человѣкъ посвящать жизни", иначе — „былъ бы онъ безуменъ и безплоденъ".—Величавая легенда о кончинѣ Моисея („Смерть") едва ли не самая значительная и глубокая вещь въ сборникѣ. Черезъ нестерпимый ужасъ и возмущеніе передъ смертью приводитъ насъ здѣсь къ спокойной примиренности съ неизбѣжнымъ.

Нѣсколько путевыхъ очерковъ, вошедшихъ въ сборникъ, колоритны; однако здѣсь Б.—не дома, и потому показываетъ только внѣшнее, окрашенное лишь его личными настроеніями. Хороши и богаты стихи. Но на ряду съ такими, напр., строфами:

„Гавріилъ, кадя небеснымъ Силамъ,
Въ темномъ онміамѣ царскихъ вратъ
Блещетъ огнедышащимъ кадиломъ".—

Нельзя пройти мимо страннаго сравненія въ стихотвореніи „Судный день": „и будетъ твердь подобна красной кожѣ, повергнутой кожевникомъ въ разсоль". Это—когда тѣнь Бога „падетъ на судный долъ"! (*Ѳ. Щеколдинъ. „День". 1913—306*).

Разсказы Б. говорятъ о жизни древней Руси и о тѣхъ величавыхъ отголоскахъ старины русской, которые то тутъ, то тамъ выявляются изъ подъ наслоеній современности; таковъ, напримѣръ, поэтичный разсказъ „Псальма", мастерски передающій одну трогательную украинскую пѣсню-быличку; таковъ „Іоаннъ Рыдалецъ", легенда „Илья Пророкъ", жуткая „Сказка" о помѣщикѣ и мужикѣ. Чеховской мягкостью и теплотой дышетъ маленькій изящный набросокъ „Безъ заглавія"; красочныя очерки изъ путешествій поэта: „Крикъ", „Генисаретъ" и „Въ Красномъ морѣ". Большинство стихотвореній, помѣщенныхъ въ книгѣ, относятся тоже къ древней Руси: „Конь Святогора", „Алисафія", „Мачеха" и др., но есть и стихи, напоминающіе прежняго Б.—прекраснаго пейзажиста, тонкаго, вдумчиваго наблюдателя, умѣвшаго двумя-тремя штрихами нарисовать яркую, характерную картину или фигуру. Лучшимъ стихотвореніемъ этого тома, украшеніемъ всей книги является большая лирическая пьеска „Мать".

Прелестны, кромѣ того, стихотворенія „Ритмъ", „Художникъ", „Чибисы", „Монастыри" и „Завѣса". Почитателямъ Б. новый томъ его произведеній, несомнѣнно, дастъ большую радость. (*Г. В. „Сиб. Жизнь". 1913—255*).

178. Кузьминъ, М. 891.7—3

Третья книга разсказовъ. 1913. М., изд. „Скорпіонъ". 443 стр. Ц. 1 р. 80 к.

Неторопливый, намѣренно задержанный тонъ повѣствованія, иронически спокойное отношеніе ко всему описываемому—таковы свойства прозы К. Въ своей теоретической статьѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ К. провозгласилъ лозунгъ „прекрасной ясности". Онъ требовалъ радостнаго, упорнаго мастерства, отрицалъ всякую импрессіонистическую растрепанность формы, истеричность, ложную углубленность. Онъ хотѣлъ ясности и изысканной простоты, продиктованной хорошимъ вкусомъ. И вотъ въ значительной степени онъ добился этой прекрасной, холодной, осенней ясности, этой четкости каждаго образа, этой трудной, изощренной простоты. Въ своемъ разсказѣ „Высокое искусство" даетъ К. какъ бы обоснованіе своихъ взглядовъ на жизнь и искусство. Этотъ разсказъ написанъ въ стилѣ „литературныхъ воспоминаній", написанъ преднамѣренно просто, почти публицистически, но между тѣмъ именно въ немъ огромнѣйшаго мастерства достигаетъ авторъ и въ смыслѣ строгой стройности построенія и въ тщательной шлифовкѣ каждой фразы.

Въ разсказѣ К. описываетъ молодого писателя Щ тинина, погубившаго свой простой, ясный талантъ, свою бодрую, веселую жизнь изъ-за старанія „сѣсть на большого коня", но что бы то ни стало служить „Высокому искусству", разрѣшать міровыя проблемы и пр., и пр. (*Сергѣй Ауслендѐръ, „День". 1913—272*).

К. можно, пожалуй, назвать,—разумѣется въ видѣ похвалы ему,—писателемъ старомоднымъ за его стремленіе къ простотѣ, правдѣ и естественности. Но, при простотѣ манеры письма, являются ли повѣсти и разсказы К. точно такъ же простымъ и безхитростнымъ отраженіемъ жизни? Этого о большинствѣ изъ нихъ сказать нельзя. Чаще всего въ нихъ чувствуется придуманность, кажется, что авторъ писалъ ихъ, имѣя въ виду доказать какое-нибудь отвлеченное положеніе. Разсказъ о „Ваниной родинкѣ", благодаря которой онъ узналъ, что ни дѣвица Варя, ни дама Аглая Николаевна не любятъ его по настоящему, былъ бы очень милъ, если бы въ

заключительномъ аккордѣ не прозвучалъ тотъ же мотивъ, который авторъ настойчиво выдвигалъ въ „Крыльяхъ“ или „Картонномъ домикѣ“. Мудрый дядя утѣшаетъ Ваню, что въ его огорченіяхъ можно найти утѣшеніе при посредствѣ „подходящихъ товарищей“, и даетъ при этомъ наставленіе, что „надо быть безъ предразсудковъ“. Самое крупное и по объему и по замыслу произведеніе—повѣсть „Мечтатели“. Двѣ сестры, исторія которыхъ ведется параллельно, выходятъ одновременно замужъ, обѣ по любви, обѣ за людей, вполнѣ любви достойныхъ, но и въ томъ и въ другомъ бракѣ въ первый же годъ обнаруживается „трещина“, приводящая въ концѣ концовъ къ полному крушенію супружества. Устами одной изъ героинь авторъ даетъ поясненіе такой развязки: „Вѣдь всѣ четверо мы дѣти, только дѣти, и идемъ ощупью, наугадъ, и слишкомъ всѣ молоды, чтобы постараться понять другого и сдѣлать уступку,— мы слишкомъ понадѣялись на любовь“. Центральная фигура повѣсти—поручикъ Толстой, который имѣетъ неотразимое вліяніе на сердца, къ которому всѣ тянутся, какъ магнитныя стрѣлки къ полюсу,— не только женщины, но и мужчины. Но секретъ его обаянія такъ и остается неразгаданнымъ. Онъ, кажется, какъ увѣряетъ одна изъ героинь, „такимъ цѣльнымъ, своимъ, единственнымъ и неискоренимо плѣнительнымъ“. По внѣшнему же облику, какъ рисуетъ его авторъ, это обыкновенный гвардейскій офицеръ, съ подстриженными усами, румяными щеками, розовыми губами,— и на этомъ контрастѣ между обаяніемъ, производимымъ поручикомъ Толстымъ, его внѣшнимъ обличіемъ, зиждутся эффекты повѣсти,—эффекты, которые не производятъ должнаго впечатлѣнія, благодаря ихъ слишкомъ ужъ большой наивности и замѣтной для читателя преднамѣренности ихъ. (*Ю—нъ. „Нов. Вр.“ 1913—13536*).

У К. все о мертвомъ, о сонномъ. Герои его произведеній, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ, сплошь мечтатели,— люди „усталые отъ неопредѣленныхъ мечтательствъ и чувствительныхъ сумбуровъ“, „занятые воображаемыми и возможными переживаніями“. Среди этихъ „изгнанниковъ изъ жизни“ есть существа, совершенно пассивныя („сидимъ сложа руки и смотримъ, что судьбѣ заблагоразсудится съ нами сдѣлать“), и существа съ твердой волей, съ упрямствомъ, но все же „отгороженныя“. Это тѣ, что „духа своего не угашаютъ“, какъ Толстой, массонъ и общій кумиръ. Но въ то же время и „самъ Андрей (Толстой) развѣ не самый главный мечтатель, мучитель и мученикъ“? Со строгой безпощадностью, съ чисто академическимъ спокойствіемъ, не спѣша, приноровляя къ общему темпу изображаемой жизни и темпъ своего повѣствованія, К. повѣствуетъ намъ, какъ эти жестокіе люди мучатся и терзаютъ другихъ, неудачливо „занимаясь всѣмъ съ одинаковымъ паскономъ: и поэзіей, и пѣніемъ, и спортомъ, и рисованіемъ по фарфору, и сценой, все не будучи въ состояніи „себя найти“. Тяжелое, почти кошмарное впечатлѣніе! Едва хватаетъ силъ прослѣдить до конца исторію дней этихъ мечтателей. Она плачевна сама по себѣ, нелѣпая и смѣшная ихъ судьба, въ изображеніи же К. она дѣлается нестерпимо жуткой. К. обладаетъ важнымъ секретомъ изобразительности: въ его произведеніяхъ глубина замысла неизмѣнно сочетается съ простотой и ясностью изложенія; тщательной отдѣлкѣ подвергается каждая фраза. Вотъ почему такъ угнетаютъ по существу повседневныя картинки жизни людей, больныхъ „возвышеннымъ и унылымъ празднословіемъ и отвращеніемъ отъ жизни съ ея трудами и радостями“. Подъ перомъ другого автора, онѣ, быть можетъ, не имѣли бы такой остроты, какую имъ придало изысканное и выдержанное мастерство К. (*А. О—въ. „Утро“. 1913—2117.*)

179. Абрамовичъ, Ш. Я. (Менделе Мойхеръ Сфоримъ). 892.4—3

Избранныя сочиненія. Т. I. Кляча. 1913. М., изд. „Универс. кн-ва Л. А. Столяръ“. 214 стр. Ц. 1 р.

Прошло сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ появилось это своеобразное произведеніе, въ которомъ реализмъ и фантастика, лирическій элементъ и трезвое изображеніе бытовыхъ чертъ такъ тѣсно и причудливо переплетаются между собой. За эти сорокъ лѣтъ многое перемѣнилось въ еврейской жизни, да и литература еврейская обогатилась длиннымъ рядомъ новыхъ произведеній, затронувъ немало вопросовъ, раньше не стоявшихъ на очереди. Но, читая эту, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже устарѣвшую книгу, можно понять то могущественное вліяніе, какое она оказала когда-то на умы, ту популярность, которая выпала на долю этого созданія „Дѣдушки еврейской литературы“, какъ называютъ нерѣдко А. Передъ нами—одна изъ тѣхъ книгъ, которыя являются особенно яркимъ выраженіемъ національныхъ нуждъ, запросовъ, упованій или сѣтованій извѣстнаго народа. Если отдѣльныя детали въ романѣ, въ частности, что касается нереальнаго, фантастическаго элемента, нельзя признать удачными, высоко оригинальной является самая мысль сдѣлать жалкую, забитую, израненную Клячу, за которую не заступается даже „Общество покровительства животнымъ“ (главный герой пишетъ жалобу на это Общество), олицетвореніемъ выносящаго въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ всевозможные удары судьбы еврейскаго народа. Но волѣ автора о своихъ встрѣчахъ съ загадочной Клячей разсказываетъ человѣкъ, утратившій душевное равновѣсіе, видящій галлюцинаціи, это является достаточнымъ оправданіемъ тѣхъ фантасмагорій, которыя проходятъ передъ нами, чередуясь съ картинами вполнѣ реальнаго, неприкрашеннаго еврейскаго быта. Въ общемъ „Кляча“, которую трудно отнести къ опредѣленной категоріи литературныхъ произведеній,— настолько своеобразенъ замыселъ автора,— заключаетъ въ себѣ много весьма интересныхъ и мѣткихъ сужденій на ряду съ разнообразными картинами еврейскаго быта въ чертѣ осѣдлости. Это одновременно—плачъ о былыхъ страданіяхъ и призывъ къ обновленію. (*Ю. Весловскій. „Рус. Вѣд.“ 1913—268.*)

Въ сочиненіяхъ А. очень многое носитъ узкоеврейскій этнографическій характеръ, а юморъ автора, въ силу особенностей жаргона, въ значительной мѣрѣ блѣднѣетъ и обезцвѣчивается въ переводѣ,— такъ своеобразны и интимно-народны его черты.

„Кляча“— самое популярное и самое блестящее изъ произведеній автора. „Кляча“ чрезвычайно оригинальна по формѣ: это записки книгоноши, начиная съ его дѣтства. Въ лицѣ героя

аллегорически выведенъ средній русскій еврей съ его злополучной судьбой, съ бременемъ его нравственныхъ мукъ, незаслуженныхъ обидъ и оскорбленій.

Аллегорія—вообще любимѣйшій пріемъ автора, и въ картинахъ, гдѣ авторъ наблюдаетъ за Клячей, болѣетъ ея горемъ и муками, онъ не устаетъ варьировать, въ различныхъ олицетвореніяхъ, силы и воздѣйствія, съ которыми Кляча сталкивается въ жизни. Обиліе аллегорій и метафоръ, обычно присущее еврейской художественной манерѣ, въ данномъ случаѣ вызвано, очевидно, и дореформенной цензурой; сейчасъ намъ кажется странно разгадывать ребусы эзоповскаго языка.

Чужда нашей психологіи и та безропотность, то полное отсутствіе протеста, которымъ проникнута книга. Что же касается художественности изложенія, то въ этомъ отношеніи маститому писателю не приходится простить одинъ серьезный недостатокъ, именно многословіе и растянутость; даже отъ стараго балагура-книгоноши, отъ имени котораго ведется разсказъ, русскій читатель требуетъ нѣкоторой сжатости и сдержанности. Зато книга подкупаетъ читателя своей искренностью, проникающимъ ее горячимъ и человѣчнымъ чувствомъ и мягкимъ юморомъ. (*Л. В. „Рѣчь“ 1913—267.*)

Новыя книги.

Сбшія сочиненія [0]

700. В. К. Ш. 016(47.723)

Указатель книгъ и статей отдѣла имени кн. Г. А. Потемкина по исторіи и современному состоянію Новороссійскаго края. Съ прилож. портр. кн. Г. А. Потемкина и снимокъ съ картины Ѳ. Я. Алексѣева „Видъ Херсона въ 1787 г.“ 1913. Херсонъ, изд. Херсон. Обществ. Библ. IV+116 стр. Ц. не обозн.

Изъ предисловія: „Херсон. обществ. библіотека, для облегченія всесторонняго изученія Новоросс. края, основала у себя около 20 лѣтъ тому назадъ особый мѣстный отдѣлъ, посвященный им. кн. Потемкина. Выпуская въ свѣтъ настоящій указатель, библіотека разсчитываетъ встрѣтить со стороны всего общества сочувствіе, которое дастъ ей возможность поставить это начинаніе на надлежащую высоту и создать мѣсто, гдѣ будутъ сосредоточены всѣ матеріалы, необходимые для изученія исторіи и нуждъ нашего края“.

701. Караваевъ, В. Ф. 016:352:37

Списокъ изданій земскихъ и городскихъ самоуправленій по народному образованію. 1914. Спб., изд. газ. „Школа и Жизнь“. 64 стр. Ц. 50. к.

702. Зеленинъ, Д. К. 016:39

Библіографич. указатель русской этнографич. литературы о внѣшнемъ бытѣ народовъ Россіи. 1710—1910 г.г. (Жилище. Одежда. Музыка. Искусство. Хозяйств. бытъ).—„Записки Имп. Рус. Географ. О-ва по отд. этнографіи. Вып. 1. Труды коммиссіи по составленію этнографич. картъ Россіи“. Изд. подъ наблюд. А. А. Шахматова. 1913. Спб., изд. Имп. Рус. Геогр. О-ва. XXIX+133 стр. Ц. не обозн.

703. Елачичъ, Евг. 028:087.1

Сборникъ статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія. 1914. Спб., изд. Е. А. Елачича. 222 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловіе, которое правильнѣе было бы назвать заключеніемъ. Въ защиту дѣтской литературы. Мѣсто морали въ дѣтской литературѣ. Сказки, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія. Басни Крылова и сказки Кота-Мурлыки, какъ матеріалъ для дѣтскаго чтенія. О чтеніи дѣтьми книгъ по естествознанію. О критикѣ дѣтской литературы самими дѣтьми. Приложеніе: Ж. Ж. Руссо о баснях.

704. Короткова, Е. 087.1

Какъ вырѣзать изъ цвѣтной бумаги. Рисунки—образцы для вырѣзанія и наклеиванія. 1913. М., изд. И. Горбунова-Посадова, 2-ое, „Библ. И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юнош. № 294.“ 32 стр. Ц. 25 к.

705. Линдеманъ, А. 087.1

Дочь венгерскаго вождя. Историч. повѣсть для юнош. Съ иллюстр. Н. И. Живаго. Пер. съ нѣм. Евг. Дидрикиль, подъ ред. А. М. Васютинскаго. 1914. М., изд. „Задруга“. 242 стр. Ц. 1 р. 75 к.

706. Робертсъ, Ч. 087.1

1. Маленькій ушанъ. II. Хекки-землекопъ. Пер. съ англ. М. Волошиновой. Съ рис. 1914. М., изд. И. Горбунова-Посадова.—„Библ. И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юнош. № 295.“ 32 стр. Ц. 20 к.

707. Фердинандсъ, К. 087.1

Свайный поселокъ. Историч. повѣсть для юношества. Съ иллюстр. Н. И. Живаго. Пер. съ нѣм. Е. Дидрикиль, подъ ред. А. М. Васютинскаго. 1914. М., изд. „Задруга“. 156 стр. 1 р. 50 к.

Философія [1]

708. Эйгесъ, В. 1

Критика феноменализма. (О міроотношеніяхъ). 1914. М., тип. О. Л. Сомовой. 95 стр. Ц. 85 к.

Изъ предисловія: „Размышляя по поводу спора Гете съ Ньютономъ относительно теоріи цвѣтовъ, я пришелъ къ новому взгляду, представляющему собой раскрытіе относительности трансцендентнаго и дающаго тѣмъ совершенно особенное пониманіе феноменализма. Изложенію его я и посвящаю настоящій очеркъ“.

709. [. . . . . 1(082)

Новыя идеи въ философіи. Непериод. изд., выход. подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 13. Современные метафизики. I. 1914. Спб., изд. „Образованіе“. 153 стр. Съ портр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Н. Г. Дебольскій. Трансцендентальный реализмъ Гартманна. И. И. Лапшинъ. Неокритицизмъ Шарля Ренувье. А. А. Крогіусъ. Очеркъ философіи В. Вундта.

710. Секстъ, Э. 1(3)

Три книги Пирроновыхъ положеній. Пер. съ греч. Предисловіе и примѣчанія Н. В. Брюлловой-Шаскольской. Подъ ред. А. І. Маленина.—„Труды Спб. Философ. О-ва. Вып. IX.“ 1913. Спб. Тип. М. А. Александрова. 213 стр. Ц. не обозн.

711. Успенскій, П. Д. 1(3):294
Исканія новой жизни. Что такое іога? 1913. Спб., скл. изд. у т-ва А. С. Суворина „Нов. Время". 42 стр. Ц. 30 к.
Содержаніе: Тайна Востока. Пять іогъ: Хатха-іога, Раджа-іога, Карма-іога, Бхакти-іога, Жнана-іога.

712. Лосскій, Н. 1(B)
Интуитивная философія Бергсона. 1914. М., изд. „Путь" 116 стр. Ц. 70 к.
Содержаніе: Предисловіе. Введеніе.—Разсудокъ и интуиція. Душевная жизнь. Свобода воли А. Свобода воли В. Вкладъ Бергсона въ ученіе о свободѣ. Теорія воспріятія. Память. Матерія. Жизнь. Недостатки гносеологіи Бергсона и вліяніе ихъ на его метафизику.—Заключеніе.

713. Флоренскій, П., свящ. 1:2
Столпъ и утвержденіе Истины. Опытъ православной Ѳеодиціи въ 12-ти письмахъ. 1914. М., изд. „Путь". 814 стр. Съ иллюстр. Ц. 3 р. 50 к.
Содержаніе: Столпъ и утвержденіе Истины. Къ читателю. Два міра. Сомнѣніе. Тріединство. Свѣтъ Истины. Утѣшитель. Противорѣчіе. Грѣхъ. Геенна. Тиарь. Софія. Дружба. Ревность. Послѣсловіе. — Разъясненіе и доказательство нѣкоторыхъ частностей, въ текстѣ предполагавшихся уже доказанными. Нѣкоторыя понятія изъ ученія о безконечности. Задача Л. Кэрролля и вопросъ о догматѣ. Ирраціональности въ математикѣ и догматъ. Поня іе тождества въ схоластич. философіи. Понятіе тождества въ математич. логикѣ. Время и Рокъ. Сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка по ученію Слова Божія. Икона Благовѣщенія съ космическою символикою. Къ методологіи историч. критики. Вирюзовое окруженіе Софіи и символики голубого и синяго цвѣта. „Амулетъ" Паскаля. Къ исторіи термина „антиномія". Эстетизмъ и религія. Гомотипія въ устройствѣ человѣч. тѣла. Замѣтки о Троичности. Основные знаки и простѣйшія формулы логистики (для справокъ). — Примѣчанія и мелкія замѣтки. Разъясненія нѣкоторыхъ символовъ и рисунковъ. Замѣченныя погрѣшности.

714. Сѣдловъ, М. 133
"Цезарь Ломброзо и спиритизмъ. Историч. и критич. очеркъ. 1913. М., Изд. „Мусагетъ". 60 стр. Ц. 85 к.

715. Безантъ, А. 149.918
Въ преддверіи храма. Пер. А. Каменской (Alba). 1913. Спб., изд. журн. „Вѣстн. Теософіи", 2-ое испр., 106 стр. Ц. 80 к.
Содержаніе: Предисловіе переводчицы. Очищеніе. Контроль мысли. Созданіе характера. Духовная алхимія. На порогѣ.

716. Безантъ, А. 149.918
Древняя мудрость. Пер. Е. Писаревой. 1913. Спб., изд. журн. „Вѣст. Теософіи", 2-ое испр. 238 стр. Ц. 1 р. 85 к.
Содержаніе: Введеніе. Основное единство всѣхъ религій. Физическая и астральная сферы. Камалока (Чистилище). Ментальная сфера. Девакань (Небо). Духовныя сферы (Буддхи и Нирвана). Перевоплощеніе. Карма. Законъ жертвы. Восхожденіе человѣка. Строеніе Космоса.

717. Вороновъ, Д. Н. 178.1
Алкоголизмъ въ городѣ и деревнѣ въ связи съ бытомъ населенія. (Обслѣдованіе потребленія вина въ Пензенской губ. въ 1912 г.) 1913. Пенза, скл. изд. Суворовская, 25—56 стр. Ц. 50 к.
Содержаніе: Введеніе. Потребленіе вина въ г. Пензѣ. Пензенскій у. (безъ г. Пензы). Тайная продажа вина въ сельскихъ мѣстностяхъ Пензенской г.

Религія [2]

718. Спасскій, А., проф. 2
Эллинизмъ и христіанство. (Исторія литературно-религіозн. полемики между эллинизмомъ и христіанствомъ за раннѣйшій періодъ христіан. исторіи. 150 — 254.) 1913. Сергіевъ посадъ, скл. изд. кн. маг. М. С. Елова. 365 + III + 8 стр. Ц. 2 р.
Содержаніе: Задача изслѣдованія. „Октавій" Минуція Фотикса, какъ первый полемич. опытъ. Лукіанъ Самосатскій и его отношеніе къ христіанству. Значеніе Цельса и Оригена въ исторіи литературной полемики между эллинизмомъ и христіанствомъ. Христосъ въ изображеніи Цельса. Эсхатологія христіанъ. Христіанство въ его историко-практич. выраженіи. Оригенъ и его апологія. Христосъ Іудея и Оригена. Христосъ съ точки зрѣнія Іудеевъ, отказавшихся отъ закона и вступающихъ въ число послѣдователей Іисуса. Христіанство въ его практич. выраженіи. Христіанство и римская религія.

719. Герье, В. 271
Зодчіе и подвижники „Божьяго Царства". Ч. II. Западное монашество и папство. 1913. М., тип. т-ва „Печатня С. П. Яковлева". IV + 336 стр. Ц. 2 р.
Содержаніе: Вступленіе: Монашество и Папство. Монахъ св. Бернардъ: Монахъ въ кельи. Монахъ-устроитель и защитникъ Церкви;— наставникъ и устроитель въ мірѣ; — наставникъ и реформаторъ папства. Папа Иннокентій III: Избраніе Иннокентія III. Иннокентій III, какъ глава Церкви. Состояніе Церкви при Иннокентіи III. Защита церковныхъ учрежденій и людей. Способы воздѣйствія Иннокентія на Церковь. Вліяніе Иннокентія III на епископовъ. Иннокентій III, какъ реформаторъ Церкви. Иннокентій III и монашество.

720. Рамачарака, іогъ. 294
Пути достиженія индійскихъ іоговъ. 1913. Спб., скл. изд. у т-ва А. С. Суворина „Нов. Время". 275 стр. Ц. 1 р. 30 к.
Изъ предисловія: „12 чтеній, входящихъ въ составъ этой книги, представляютъ собою продолженіе книги „Основы міросозерцанія индійск. іоговъ". Чтенія съ 1-го по 4-е содержатъ анализъ и объясненіе книги „Свѣтъ на пути", представляющей собой сборникъ правилъ для человѣка, стремящагося къ высшимъ цѣлямъ. Чтенія отъ 5-го до 7-го трактуютъ о различн. отрасляхъ философіи іоговъ. Въ 8-мъ и 9-мъ чтеніяхъ излагается ученіе о Дхармѣ—этическая философія іоговъ, или, иначе говоря, философія „правильнаго дѣйствія". Въ этихъ чтеніяхъ указана та общая почва, на которой могутъ сойтись различныя направленія мысли. Чтенія отъ 10-го до 12-го представляютъ собой изложеніе высшихъ метафизич. и научныхъ доктринъ іоговъ".

721. Петражицкій, Л. І., проф. 296
О ритуальныхъ убійствахъ и дѣлѣ Бейлиса. Спб. 1913. Тип. „Обществ. Польза". 32 стр. Ц. 15 к.

722. Борель, Генри. 299.513
„Непротивленіе". Wu-Wei. Новелла, основанная на философіи Лао-Тзо. Пер. Н. Дмитріевой. 1913. Скл. изд. Спб., Ивановская, д. 22, кв. 24. 90 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Нѣсколько словъ о Лао-Тзе и его ученіи. Предисловіе „Тао". Искусство. Любовь.

Соціальныя науки [3]

723. Фортунатовъ, А. Ф., проф. 31:63
Нѣсколько страницъ изъ экономіи и статистики сельскаго хозяйства. 1913. М., изд. 3-е. 103 стр. Ц. 55 к.

724. [. 33
Новыя идеи въ экономикѣ. Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Сборникъ № 2. Теорія народонаселенія и мальтузіанство. 1914. Спб., кн-во „Образованіе" 154 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: М. И. Туганъ-Барановскій: Теорія народонаселенія при свѣтѣ новыхъ фактовъ. Взгляды Каутскаго на вопросы народонаселенія. Л. Эльстеръ. Экономисты современной эпохи и Р. Мальтусъ. Ю. Вольфъ: Средства борьбы съ уменьшеніемъ рождаемости. Законъ народонаселенія.

725. Туганъ-Барановскій, М., проф. 33(09)
Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. 1914. Спб., изд. юрид. кн. скл. „Право". 5-ое, IV+256 стр. Ц. 1 р.

726. [. 331
Правда о ленскихъ событіяхъ. 1913. М., изд. П. Н. Баташева. 100 + 216 стр. Ц. 2 р.

Изъ предисловія: „Въ настоящемъ трудѣ издаются матеріалы, полученные отъ выборныхъ ленскихъ рабочихъ и всѣхъ лицъ, сочувствовавшихъ разъясненію истины. Цѣль печатаемаго труда выяснить „правду о ленскихъ событіяхъ, „правду", за которую страдали ленскіе рабочіе, но которая до сихъ поръ запечатана семью печатями, несмотря на правительственныя сообщенія".

727. Канчеръ, Евсевій Ст. 334
Руководство по сельской кооперації. Подъ ред. и съ предисл. Е. А. Гагемейстера. 1913. Спб. Изд. Спб. отд. ком. о сельск. ссудо-сберег. и пром. товарищ. XVI+337+56 стр. Ц. 75 к.

728. Гачекъ, Ю., проф. 342
Общее государственное право на основѣ сравнительнаго правовѣдѣнія. Подъ ред. и съ предисл. проф. М. А. Рейснера. Авториз. пер. съ нѣм. М. Я. Лазерсона. Ч. I—III. [1913]. Рига, изд. „Наука и Жизнь". (Изъ библіотеки „Sammlung Göschen".) 217+180+205. Ц. по 65 к. вып.

Содержаніе: Ч. I. Право современной монархіи Ч. II. Право современной демократіи. Ч. III. Право современнаго государств. соединенія.

729. Катковъ, В. Д., проф. 347.7
Iurisprudentiae novum organon (Реформированныя общимъ языковѣдѣніемъ логика и юриспруденція). Томъ I. Цивилистика. Одесса. 1913. Тип. „Техникъ". Стр. XI+509. Ц. 4 р.

730. Вандамъ, А. 355„:13"
Будущая война на морѣ и на сушѣ. Изъ „Essays and Critictisms" военнаго сотрудника „The Times". 1913. Спб. Тип. А. С. Суворина. Стр. 101. Ц. 1 р.

731. Нэгели, Отто., проф. 368:616
Вліяніе страхованія при неврозахъ. Вступительная рѣчь. Разрѣш. авторомъ пер. съ нѣмец. подъ ред. д-ра С. Лясса. 1913. Саратовъ. Тип. Авербахъ. Стр. 24. Ц. 50 к.

732. Селихановичъ А., прив.-доц. 371
Очеркъ общей педагогики для семьи, школы и самовоспитанія. 1913. Кіевъ. Скл. изд. въ кн. маг. „Н. Я. Оглоблина". Стр. 194+IV. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе. Наука о воспитаніи. Предметъ воспитанія. Цѣли воспитанія. Какъ возможно воспитаніе? Физическое воспитаніе. Умственное воспитаніе. Воспитаніе чувствъ. Воспитаніе воли. Нравственное воспитаніе. Эстетич. воспитаніе. Религіозное воспитаніе. Воспитаніе личности.

733. Холлъ, Стэнли. 371
Эволюція и воспитаніе чувства природы у дѣтей. Пер. съ англ. подъ ред. Л. Г. Оршанскаго. 1914. Спб., изд. газ. „Школа и Жизнь". Ц. 50 к.

734. [. . . . . 371(082)
Новыя идеи въ педагогикѣ. Неперіод. изд., выход. подъ ред. Г. Г. Зоргенфрея. Сборникъ № 3. Средняя школа. 1914. Спб., изд. „Образованіе". Стр. 156. Ц. 80 к.

Содержаніе: В. Іерузалемъ. Сущность и задачи средней школы. С. Любомудровъ. Къ вопросу о реставраціи нашей классич. школы. Г. Гартенъ. Этическія и соціальныя задачи средней школы. Ф. Паульсенъ. Реальная гимназія и гуманитарное образованіе.

735. Харди, Лиліенъ. 372.21
Дневникъ дѣтскаго сада. Пер. съ англ. подъ ред. и съ предисл. Н. В. Чехова. М. 1914. Изд. „Задруга". Стр. 56. Съ иллюстр. Ц. 30 к.

Изъ предисловія Н. В. Чехова: „Въ саду, описанномъ въ настоящей книгѣ, ярко отразилось современное педагогич. теченіе, требующее, чтобы дѣтей воспитывали не для отвлеченной идеи, не для будущей, еще предстоящей имъ жизни, а для нихъ самихъ, для ихъ жизни въ настоящую минуту. Чтобы ихъ маленькія радости, чтобы ихъ слабыя стремленія къ работѣ, ихъ „работа"— составляли цѣль воспитат. дѣятельности сада. И какъ просто и правильно съ воспит. точки зрѣнія проведена эта идея въ саду миссъ Л. Харди!".

736 Медынскій, Е. Н. 374.6
Внѣшкольное образованіе, его значеніе, организація и техника. Курсъ, читан. въ Педагог. Академіи. 1913. Спб. Стр. IV+249. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Общіе вопросы внѣшкольнаго образованія. Народныя чтенія. Библіотеки. Школы для взрослыхъ. Музеи. Народные дома. Народный театръ.

737. [. . . . . 378(47.31)
Московскій Городской Народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1914. М. Изд. О-ва Взаимопом. слуш. М. Г. Н. Ун. им. А. Л Шанявскаго. Стр. IV+270+26. Ц. 75 к.

Содержаніе: Историч. очеркъ возникновенія и развитія Моск. Гор. Нар. Унив. Слу-

шатели университета. Кружокъ по изученію русской флоры и фауны. О-во взаимопомощи слушателей университета: Издательск. комиссія. Бюро труда. Хозяйств. комиссія. — Справочный отдѣлъ: Учебные планы. Программы лекцій и практич. занятій. Спеціальные курсы. Эпизодич. курсы и иностр. языки. Научно-попул. отдѣленіе. Условія поступленія въ университетъ. Приложеніе: Экономич. положеніе студенчества.

738. **Португаловъ, М. В.** 396:8

Женщина въ русской художественной литературѣ XIX в. (1823—1876). Вступит. статья и избранные отрывки изъ произведеній. 1914. М. Кн-во типо-лит. „Энергія". („Культурно-историч. библ. подъ ред. Историч. Ком. Уч. Отд. О. Р. Т. Зи.") Стр. 156. Ц. 1 р.

Изъ предисловія: „Задача книги—представить въ избранныхъ отрывкахъ наиболѣе яркіе женскіе образы, которые создала русская художеств. литература XIX в. Три обобщающихъ признака, которые позволяютъ намъ составить художеств. галлерею женскихъ образовъ, таковы: тяготѣніе русской женщины къ новой жизни, отчужденіе отъ среды и трагическая коллизія съ избранникомъ сердца".

Филологія [4]

739. **Миртовъ, К. В.** 491.7—1

Систематическій курсъ правописанія (Практич. грамматика). 1913. Спб. Изд. А. В. Миртова. Стр. 106. Ц. 35 к.

740. **Тумимъ, Г. Г.** 491.7—1

Первые шаги. Пособіе при первоначальномъ обученіи правописанію, письму и чтенію рукописнаго текста. 1913. Спб. Тип. т-ва А. С. Суворина. 4⁰. Стр. IV+62. Ц. 25 к.

741. **Мясниковъ, Ф.** 491.7—87

„Свѣтикъ". Хрестоматія для дѣтей отъ 10 лѣтъ. Ч. 2. Вторая послѣ букваря книга для чтенія. Съ объяс. словъ и выраженій. [1913]. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. Стр. VIII+198+III. Съ иллюстр. Ц. 55.

Содержаніе отдѣловъ: Среди людей. Среди природы. Отечество. Чѣмъ люди живы, или любовь къ ближнему.

742. **Хмелевъ, К. Х.** 491.7—87

Свѣтлое дѣтство. Хрестоматія для старшаго класса (3 и 4-го отд.) начальной и для младш. класс. средн. школы съ темами для устн. и письм. упражн. и толков. словаремъ. Со многими рисун. 1913. Рига. Изд. К. Г. Зихманъ. Стр. 494. Ц. 80 к.

Содержаніе: Разсказы, сказки, басни и стихотв. изъ жизни людей и животныхъ. Времена года. Изъ общественн. жизни. Географич. очерки и картины. Очерки по исторіи культуры и русской. Приложеніе: Почтовыя свѣдѣнія, съ коими необходимо знакомить учащихся въ начальн. учил. Каталогъ книгъ, рекоменд. для внѣкласси. чтенія дѣтямъ отъ 8 до 16-ти лѣтъ.

Чистыя науки [5]

743. [. 51

Новыя идеи въ математикѣ. Неперіод. изд., выход. подъ ред. засл. проф. А. В. Васильева. Сборникъ № 6. Теорія ассамблей I. 1914. Спб, Изд. „Образованіе". Стр. 184. Ц. 80 к.

Содержаніе: Г. Кантор: Основы общаго ученія о многообразіяхъ. О различныхъ точкахъ зрѣнія на актуально-безконечное. Къ ученію о трансфинитномъ.

744. **Герлахъ, А.** 511(07)

Какъ обучать ариѳметикѣ въ духѣ творческаго воспитанія. (Какъ сдѣлать уроки ариѳметики прекрасными часами.) Вып. 2. Съ нѣмец. 1913. М. Изд. П. Горбунова Посадова.—„Библ. новаго восп. и образов., подъ ред. П. Горбунова-Посадова. Вып. LXXXI". Стр. 52. Ц. 35 к.

Содержаніе: Безконечный рядъ чиселъ. Прикладныя задачи. Счетъ простыми дробями. Вычисленіе поверхностей и объемовъ. Заключеніе.

745. **Литцманъ.** 511(07)

Преподаваніе ариѳметики. (Современная картина преподаванія ариѳметики въ Германіи.) Съ предисл. Ф. Клейна. Перев. съ нѣмец. Д. А. Бема и Р. Э. Струве. Подъ ред. А. А. Волкова. Вып. I. 1913. М. Изд. „Сотрудникъ Школъ" А. К. Залѣсской. Стр. XV+153. Ц. 83 к.

746. **Гильомъ, Ш. Э.** 531

Введеніе въ механику. Пер. съ франц. послѣдняго изд. подъ ред. В. Р. Мрочека.—„Всеобщая библіотека". 1913. Спб. Изд. „Герольдъ". 16⁰. Стр. 291. Съ 50 рис. Ц. 10 к.

747. **Вальтеръ, К. и Реттингеръ, М.** 536

Ученіе о теплотѣ. (Термодинамика.) Авторизов. пер. съ послѣдняго нѣмец. изд. инж. Я. Ливена. (Русское изданіе „Sammlung Göschen".) 1913. Рига. Изд. „Наука и Жизнь". 16⁰. Стр. 138. Съ чертеж. Ц. 65 к.

748. **Ипатьевъ, В. Н., проф.** 54

Химическія явленія въ природѣ. Явленія катализа. — „Библіотека натуралиста. Собраніе научно-популярныхъ статей русскихъ ученыхъ". 1913. Спб. Изд. А. С. Панафидиной. Стр. 49. Ц. 25 к.

749. **Леганъ, А., д-ръ м.** 54

Физіологическая химія. Часть I. Ассимиляція. Авторизов. пер. съ послѣдняго нѣмец. изд. Б. А. Сассъ - Тисовскаго. (Русское изданіе „Sammlung Göschen".) 1913. Рига. Изд. „Наука и Жизнь". 16⁰. Стр. 165. Съ рис. Ц. 65 к.

750. **Тумаловскій, А. Г.** 54

Анализъ питьевой воды. Простѣйшіе способы изслѣдованія физическихъ, химич. и бактеріологич. свойствъ питьевой воды. Въ вопросахъ и отвѣтахъ. 1913. Одесса. Тип. К. Де-Морей. Стр. 90+6. Ц. 1 р.

751. **Готвальдъ, В. А.** 546

Сѣра. (S—32.) 1914. М. Изд. I. А. Маевскаго.—„Летучая энцикл.". Стр. 48. Ц. 15 к.

Содержаніе: Свойства и добываніе сѣры. Сѣрная кислота. Качественный анализъ.

752. **Готвальдъ, В. А.** 546

Хлоръ. (Cl.—$35{,}_5$). М. 1914. Изд. I. А. Маевскаго.—„Летучая энцикл.". Стр. 48. Съ рис. Ц. 15 к.

Содержаніе: Свойства хлора и его добываніе. Поваренная соль. Соляная кислота. Хлоръ и кислородъ. Хлоръ и углеродъ. Качеств. анализъ хлора и хлорист. соединеній.

753. [. . . . . 57(082)

Новыя идеи въ біологіи. Неперіод. изд., вы-

ход. подъ ред. проф. В. А. Вагнера и Е. А. Шульца. Сборникъ № 3. Смерть и безсмертіе. I. 1914. Спб. Изд. „Образованіе". Стр. 148. Ц. 80 к.

Содержаніе: А. Вейсманъ. О жизни и смерти. Ч. С. Майнотъ. О безсмертіи и о развитіи смерти. Р. Гертвигъ. О причинѣ смерти. Е. Шульцъ. О молодѣніи.

754. Аржановъ, С. П. 581

Изъ жизни растеній. Въ лиственномъ лѣсу. Популярно-біологич. очерки. 1913. Спб. Изд. А. Ф. Девріена. Стр. XIII+129. Съ 67 рис. Ц. 60 к.

755. Ростовцевъ, С. Н., проф. 588

Морфологія и систематика печеночниковъ и мховъ. Руководство для высшихъ школъ и для самообразованія. 1913. М. Тип. т-ва И. Кушнеревъ и К°. Стр. VI+215. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

756. [. . . . . 59(07)

Естествознаніе въ школѣ. Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. В. А. Вагнера и Б. Е. Райкова. Сборникъ № 4. Преподаваніе зоологіи. 1914. Спб. Изд. „Образованіе". Стр. 126. Съ иллюстр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Б. Райковъ. Очерки по методикѣ зоологіи. С. Л. Петровъ. Приготовленіе микроскопич. препаратовъ по зоологіи въ сред. школѣ. Л. С. Севрукъ. Начальный курсъ зоологіи въ рус. учебн. литературѣ. В. А. Вагнеръ. О жизни животныхъ въ учебникахъ средней школы. В. Біанки. Постановка наблюденій надъ размноженіемъ птицъ. Б. Вандоллекъ. Простые способы монтировки зоологич. объектовъ.

Прикладныя науки [6]

757. Кизсъ, А., проф. 611

Человѣческое тѣло. Пер. съ анг. д-ра П. П. Дьконова съ предисл. и подъ ред. А. А. Дешина. 1913. М. Кн-во „Природа". Стр. 216. Съ рис. Ц. 90 к.

Содержаніе: Предисловіе редактора и автора. Какъ изучить человѣч. тѣло. Мозгъ человѣка. Мѣсто человѣка среди животныхъ. Ростъ, пропорція и увеличеніе роста. Вертикальное положеніе тѣла. Хвостъ и нѣкот. др. остаточные органы. Развитіе человѣч. тѣла. Уродства и пороки развитія у человѣка. Измѣненія тѣла въ связи съ возрастомъ. Половые признаки человѣч. тѣла. Характерныя расовыя особенности въ человѣч. тѣлѣ. Особенности въ строеніи тѣла—указатели на духовный обликъ человѣка. Кожа, волосы и органы чувствъ человѣч. тѣла. Механика человѣч. тѣла. Дегенерація и регенерація. Генеалогія и древность происхожденія человѣка. Библіографія.

758. Ромачарака, іогъ. 613:294

Хатха-іога. Ученіе іоговъ о физическомъ здоровьѣ съ многочисленными упражненіями. [1913]. Спб. Скл. изд. у т-ва А. С. Суворина „Нов. Время". Стр. 214. Ц. 1 р,

Содержаніе: Что такое хатха-іога. Забота іоговъ о физич. тѣлѣ. Работа Божеств. Строителя. Нашъ другъ—жизненная сила. Лабораторія тѣла. Жизненный флюидъ. Крематорій тѣла. Питаніе. Голодъ и аппетитъ. Поглощеніе праны изъ пищи. О пищѣ. Орошеніе организма. Пепелъ и зола человѣч. системы. Дыханіе іоговъ. Дѣйствіе правильн. дыханія. Дыхательн. упражненія. Дыханіе носомъ или ртомъ. „Маленькія жизни" тѣла. Пріобрѣтеніе власти надъ непроизвольными мышцами и органами. Праническая энергія. Правич. упражненія. Наука объ освобожденіи мускуловъ отъ напряженія. Правила освобожденія. Пользованіе физич. упражненіемъ. Физич. упражненія іоговъ. Купанье іоговъ. Солнечная энергія. Свѣжій воздухъ. Сонъ—возстановитель силъ. Возрожденіе. Душевное настроеніе. Подъ руководствомъ духа.

759. Lewandowsky, M., prof. 616,89

Практическая неврологія для врачей. Перев. съ нѣм. Я. Б. Эйгера. 1913. Спб. Изд. ж-ла „Медицинскій Современникъ". Стр. VIII+272. Съ 20 рис. Ц. 2 р. 25 к.

760. Рябчинскій, И. В. 621.3

Электромонтеръ. Руководство для монтеровъ по установкѣ электрич. освѣщенія и передачи силъ согласно правиламъ и нормамъ утверж. VI Всеросс. Электротехнич. Съѣзда, съ добавл. и измѣнен., принятыми на VII съѣздѣ. 1913. Спб. Изъ К. Л. Риккера, 2-е, испр. и доп. 16°. 228+IV стр. Съ 32 черт.

761. Сроковской, К. І., инж. 625.7

Дороги телѣжныя обыкновенныя, грунтовыя, мостовыя и шоссе. Для дорожныхъ десятниковъ, техниковъ, инженеровъ и земствъ. 1913. Кіевъ. Изд. 3-е, расшир. XVIII+327 стр. Ц. 3 р. 45 к.

762. Александровскій, А., д-ръ. 649

Первая помощь больному ребенку. Краткое популярное руковод. для родителей. 1913. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. 18 стр. Ц. 15 к.

763. Геннадіевъ, Г. 649.

Годовалый ребенокъ и его воспитаніе. 1913. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. 16 стр. Ц. 15 к.

764. Штанге, А. Д., инж-хим. 664

Практическое руководство къ изслѣдованію пищевыхъ и вкусовыхъ продуктовъ. Съ добавл: изслѣдованія мыла, воска, питьевой воды и краткаго хода судебно-химич. анализа. 1914. М., изд. 2-ое, испр. и расшир., скл. изд. кн. маг. „Наука". 150 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Виноградное вино. Пиво. Квасъ. Крѣпкія спиртныя напитки. Уксусъ. Жиры и масла. Коровье масло. Рыбій жиръ. Молоко. Сгущенное молоко. Сливки. Сыръ. Чай Какао. Шоколадъ. Кофе. Кофейные суррогаты. Пряности. Медъ. Кондитер. издѣлія. Консервы. Икра. Мясо. Колбаса. Мука. Хлѣбъ. Дѣтская пища. Мыло. Воскъ. Питьевая вода. Судебно-химич. анализъ. Реактивы.

765. Ипатьевъ, В. Н., проф. 665

Нефть и ея происхожденіе.—„Библіотека натуралиста. Собраніе научно-популярныхъ статей русскихъ ученыхъ." 1913. Спб. Изд. А. С. Панафидиной. 46 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

766. Ларкинъ, Н. 686

Какъ самому переплетать книги. (Практич. руководство къ переплетанію книгъ). Съ 4 рис. 1913. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ.—„Библ. полезн. знаній. 23". 16 стр. Ц. 15 к.

767. Зубриловъ, Н. и Овсянниковъ, В. 692(075)

Координаты. Руководство къ нанесенію плановъ и вычисленію площадей плановъ при помощи таблицъ приращенія координатъ. Пособіе для низшихъ технич. и профессіон. школъ, для низшихъ землемѣрныхъ техниковъ и для само-

образованія. 1913. Спб. Изд. А. Ф. Девріена. VIII+79 стр. Съ черт. Ц. 70 к.

Изящныя искусства [7]

768 Горностаевъ, Ѳ. Ѳ. 72(47.8)

Дворцы и церкви Юга. 1914. М., изд. т-ва „Образованіе". („Культур. сокровища Россіи". Вып. VIII). 92 стр. Съ иллюстр. Ц. 2. р. 50 к.

Содержаніе: Въ былое время. Гетманскій дворецъ въ Батуринѣ. Кожелецкій соборъ. Церковь въ Лемешахъ. Дворцы въ Почепѣ и Баклани. Лятичи.—Дворецъ гр. П. В. Завадовскаго. Въ глуши.

768. Николаева, Н. 75

Н. К. Айвазовскій. Подъ ред. С. Глаголя. 1914. М., изд. І. А. Маевскаго.—„Летучая Энцикл." 16⁰. 48 стр. Съ иллюстр. Ц. 15 к.

Содержаніе: И. К. Айвазовскій (очеркъ). Списокъ картинъ А., находящихся въ М. и Спб. Библіографія.

770. Николаева, Н. 75

И. Н. Крамской. Подъ ред. С. Глаголя. 1914. М., изд. І. А. Маевскаго.—„Летучая Энцикл". 16⁰. 48 стр. Съ иллюстр. Ц. 15 к.

Содержаніе: И. Н. Крамской (очеркъ). Списокъ главныхъ произведеній К. Библіографія.

771. Штернбергъ, П. 77:52

Нѣкоторыя примѣненія фотографіи къ точнымъ измѣреніямъ въ астрономіи. I. Примѣненіе фотографіи къ измѣренію двойныхъ звѣздъ. II. Попытка опредѣленія собственнаго движенія туманности. 4514 G. C. 1913. М. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰. 212 стр.+2 табл. Ц. не обозн.

Литература. [8]

772. Шершеневичъ, В. 801

Футуризмъ безъ маски. (Компилятивная introдукція.) 1914. М., кн-во „Искусство". 104 стр. Ц. 50 к.

Отъ автора: „Въ настоящемъ небольшомъ обзорѣ я попытался взглянуть прямо въ глаза футуризму, предварительно оглянувшись съ вниманіемъ на его путешественниковъ. Основной моей цѣлью было ближе познакомить публику съ новымъ стихійнымъ поэтическимъ теченіемъ. Многочисленныя замѣтки и критическіе выпады не объясняли публикѣ, чего собственно хотятъ футуристы. Читатели на каждомъ шагу слышали новое слово, но смыслъ его оставался для нихъ непонятенъ. Сжатость этой книги вызвана желаніемъ дать только выпуклое, опуская незначительныя детали".

773. [. . . . . 8—8

„Летучіе альманахи". Вып. X. 1913. Спб., изд. „Рубиконъ". 148 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: И. Рѣпинъ. Впечатлѣнія дѣтства. А. С. Гринъ. Глухая тропа. Г. Яблочковъ. Операція. С. Городецкій. Елизавета. А. Свирскій. Арестантская философія. А. Саксаганскаи. Изъ „связки писемъ". Илья Лѣсной. Спрутъ. Н. Карповъ. Пчельникъ. А. Васильевскій. На зеленомъ островѣ. Дм. Цензоръ. Человѣкъ со скрипкой и Неронъ. Стихотворенія.

774. [. . . . . 8—8

„Цвѣтные сборники". Изумрудный. (Сборникъ второй). 1913. Спб., изд. „Освобожденіе". 128 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: А. И. Купринъ. Ницца плянетъ. С. Юшкевичъ. Гувернантка. А. А. Измайловъ. Миражъ на болотѣ. Вл. Ленскій. Лиліи. Ив. Рукавишниковъ. Эврика. С. Городецкій. Зеленая. М. Кряницкій. Сыръ. Ал. Будищевъ. На родинѣ. С. Городецкій. Спеціалисты. Карменъ. Павшій въ бою.

775. Уйда. 82—3

Корзина со сливами. Разсказъ. Пер. М. Ватсонъ. 1913. Спб., изд. В. Яковенко.—„Народы въ разсказахъ своихъ писателей. Итальянцы". 20 стр. Ц. 8 к.

776. Лондонъ, Дж. 82(73)—3

Полное собраніе сочиненій. (Авторизов. изданіе). Т. XVIII. До Адама. Авториз. пер. съ анг. М. Андреевой. 1914. М., изд. І. А. Маевскаго. 202 стр. Ц. 1 р.

777. Гейерстамъ, Г. 839.7—3

Какъ Андерсъ Петтеръ продалъ лѣсъ. Разсказъ. Пер. со швед. К. Жикаревой. 1913. Спб., изд. В. Яковенко.—„Народы въ разсказахъ своихъ писателей. Шведы". 20 стр. Ц. 7 к.

778. Доде, А. 84—3

Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Фромонъ младшій и Ризлеръ старшій. Романъ. Пер. съ франц. Вероники Андреевой. 1914. М., изд. І. А. Маевскаго. 402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

779. Доде, А. 84—3

Полное собраніе сочиненій. Т. V. Тартаренъ изъ Тараскона. Провансальскія легенды. Пер. съ франц. І. А. Маевскаго. 1914. М., изд. І. А. Маевскаго. 202 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Тартаренъ изъ Тараскона: Въ Тарасконѣ. Въ странѣ туровъ. Въ странѣ львовъ. Провансальскія легенды: Жоржайль у Господа Бога. (Прованс. легенда). Смоковница и лѣнивецъ. (Алжир. легенда).

780. Ибаньесъ, Б. 86—3

Въ морѣ. Разсказъ. Пер. съ испан. М. Ватсонъ. 1913. Спб., изд. В. Яковенко.—„Народы въ разсказахъ своихъ писателей. Испанцы". 12 стр. Ц. 5 к.

781. Пардо-Басанъ, Э. 86—3

Горнорабочій. Разсказъ. Пер. съ испан. М. Ватсонъ. 1913. Спб., изд. В. Яковенко.—„Народы въ разсказахъ своихъ писателей. Испанцы". 8 стр. Ц. 3 к.

782. Пардо Басанъ, Э. 86—8

„Ресторанъ". Разсказъ. Пер. съ испан. М. Ватсонъ. 1913. Спб., изд. В. Яковенко.—„Народы въ разсказахъ своихъ писателей. Испанцы" 8 стр. Ц 3 к.

783. Нажоттъ, Е. 87(09).

Исторія латинской литературы отъ ея начала до VI вѣка нашей эры, съ планами, бюстами наиболѣе знаменитыхъ авторовъ и т. д. Пер. З. Н. Шамониной, съ предисл. акад. Ѳ. Е. Корша. 1913. М. Тип. „Обществ. Польза". 667 стр. Ц. 2 р.

784. Ильинскій, Н. 88—2.

Софоклъ въ обработкѣ для школы. Вступит. статьи, сокращ. текстъ всѣхъ сохранившихся трагедій (въ переводахъ О. Вейсъ, проф. Зѣлинскаго, Мережковскаго, Шестакова, Водовозова

и Н. Ильинскаго), примѣчанія и приложенія. 1913. Тифлисъ, изд. Кавказ. Учебн. Округа. VIII+384 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Краткая исторія античной трагедіи. Софоклъ, его жизнь и литерат. дѣятельность. Эдипъ-Царь. Статья. Сокращ. текстъ (пер. О. Вейсъ и Шестакова). Эдипъ Колонскій. Статья и сокращ. текстъ (пер. Мережковскаго). Антигона. Статья. Сокращ. текстъ (пер. Мережковскаго и Годовозова). Электра. Статья и сокращ. текстъ (пер. проф. Зѣлинскаго). Аякъ. Статья и сокращ. текстъ (пер. Н. Ильинскаго). Филоктетъ. Статья и сокращ. текстъ (пер. проф. Зѣлинскаго). Филоктетъ. Статья и сокращ. текстъ (пер. Н. Ильинскаго). Приложенія: Сцены изъ „античныхъ" трагедій Г. ф.-Гофмансталя (пер. О. Чюминой). Эдипъ и Сфинксъ: Убійство Лая. Приходъ въ Ѳивы. Побѣда надъ сфинксомъ. Электра. Монологъ Электры. Объясненіе съ матерью. Клитемнестра.

785. [. . . . 891.1

Бхагавадъ—Гита или Пѣснь Господня, перев. съ англ. и санскрит. А. Каменской и И. Манціарли. 1914. Калуга. Изд. журн. „Вѣстникъ Теософіи". 16⁰. 188 стр. Ц. 50 к.

Изъ предисловія: „Бхагавадъ-Гита" есть часть великой поэмы „Махабхарата", повѣсть о Великой Войнѣ. Въ ней излагается исторія славнаго рода потомковъ могущественнаго Царя Бхарата, сына Думіанта и Сакунталы.

786. Замотинъ, И. И., проф. 891.7 (09)

Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX ст. въ русской литературѣ. Т. II. 1913. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ, 2-ое просм. и доп. II+455+II стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Предисловіе. Романтич. идеализмъ въ западно-европ. литературѣ конца XVIII и начала XIX ст. Основные мотивы романтич. идеализма: индивидуумъ, нація и универсумъ въ идеалистич. міровоззрѣніи романтиковъ. Романтич. идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-хъ г.г. XIX ст. Источники романтич. идеализма и его общій характеръ въ рус. обществ. и литерат. жизни начала XIX ст.; отраженіе его основныхъ мотивовъ: романтич. индивидуализмъ, національнзмъ и универсализмъ на рус. почвѣ. Романтич. индивидуализмъ въ рус. литер. 20—30-хъ г.г. XIX ст. А. А. Бестужевъ-Марлинскій: „Русскія повѣсти и разсказы". Культъ личнаго „я"; идеализація сильной личности: „высшая натура", ея основныя свойства и культурныя задачи. Литерат. мотивы и и пріемы въ духѣ Байрона и Гюго въ произведеніяхъ А. А. Бестужева. Романтич. націонализмъ въ рус. литер. 20—30-хъ г.г. XIX ст. М. Н. Загоскинъ: „Юрій Милославскій". Культъ національн. „я"; поэтич. воспроизведеніе народн. быта и народн. духа. Литерат. манера Вальтера Скотта въ романѣ Загоскина.

787. Зелинскій, В. 891.7(09)

Русская критическая литература о произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова. Хронологич. сборникъ критико-библіографич. статей. Ч. I—II. Собралъ В. Зелинскій. 1913—14. М., скл. изд. М., Спиридоновка, д. Бойцова. 216+240 стр. Ц. 1 р.+1 р.

Содержаніе: Біографич. свѣдѣнія о М. Ю. Лермонтовѣ. Статья П. И. Иванова. Критика 40-хъ гг. „Герой нашего времени". Стихотворенія Л. О сочиненіяхъ Л. Критика конца 50-хъ гг.: значеніе Л. въ русской словесности. Критика 60-хъ гг.

788. Бальмонтъ К. 891.7—4

Край Озириса. Египетскіе очерки. 1914. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 324 стр. Съ иллюстр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Преддверіе въ Египетъ. Нилъ. Солнечное единобожіе. Двойная связь. Повѣствованіе Гробницъ. Маякъ въ Пустынѣ. Богъ Воскресенія. Египетъ. Литургія. Звѣропоклонство. Звѣри-Водители. Солнцепоклонничество. Забытыя Сокровища. Египетъ. Пѣсни. Египетъ. Горлица. Слово Египта. Слово Египетъ. Старца. Славословіе Солнца и Луны.

789. Брихничевъ, Іона. 891.7—1

Осанна. (Вторая книга стиховъ.) 1914. Одесса, скл. изд. Нѣжинская, 55, тип. „Св. Павелъ". 128 стр. Ц. 80 к.

790. Евдокимовъ, И. 891.7—1

Городскія смѣны. Стихи. 1913. Невскъ (Спб.), ск. изд. Спб. Садовая, 18, кв. 19. 48 стр. Ц. 50 к.

791. [. . . . 891.7—1

Избранные стихи русскихъ поэтовъ. Серія сборниковъ по темамъ. Россія. 1914. Спб., скл. изд. у М. М. Стасюлевича. 16⁰. 140 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: Стихи: Одоевскаго, Хомякова, Пушкина; Кольцова, Лермонтова, Тютчева, Фета, А. К. Толстого, Майкова, Мея, Никитина, Аксакова, Огарева, Жемчужникова, Тургенева, Добролюбова, Омулевскаго, Некрасова, Апухтина, Голенищева-Кутузова, Фруга, П. Я. Надсона, Минскаго, Случевскаго, Вл. Соловьева, Фофанова, Ѳ. Сологуба, Бунина, Бальмонта, Коневскаго, Брюсова, Гиппіуса, В. Иванова, Рудичъ, Бѣлаго, П. Потемкина, Саши Чернаго, Эренбурга, Чумаченко, Блока, Городецкаго, А. Н. Толстого, Зенкевича, Клычкова, Клюева.

792. [. . . . 891.7—1

Избранные стихи русскихъ поэтовъ. Серія сборниковъ по періодамъ. Періодъ первый. 1914. Спб., скл. изд. у М. М. Стасюлевича. 16⁰. 224 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Стихи: Давыдова, Дельвига, Пушкина, Баратынскаго, Языкова, Веневитинова, Бенедиктова, Полежаева, Кольцова, Хомякова, Лермонтова, Полонскаго, Щербины, Мея, Майкова, Тургенева, Толстого, Тютчева, Фета.

793. Крыловъ, И. А. 891.7—1

Басни. Полное собраніе съ приложеніемъ біографіи, сост. К. И. Арабажинымъ 1913. Спб. Изд. Спб. о-ва Грамотности. 351+IV стр. Съ рис. Ц. 45 к.

794. Рышковъ, В. 891.7—2

Собраніе драматич. произведеній. Т. I—III. 1913. Спб., изд. журн. „Театръ и Искусство". 253+164+304 стр. Ц. 2 р.+2 р.+3 р.

Содержаніе: Первая ласточка. Склепъ. Волна. Распутница.—Казенная квартира. День дѣньщика Душкина. Желанный и нежданный. Очень просто. Кленъ. Баронъ и Агафонъ. „Мартобря 86 числа".—Болотный цвѣтокъ. Обыватели. Прохожіе. Змѣйка.

795. Аверченко, А. 891.7—3

8 одноактныхъ пьесъ и инсценировъ. разсказовъ. (1913). Спб. изд. т-ва „Новый Сатириконъ". 98 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Гололедица. Красивая женщина. Рыцарь индустріи. Конецъ любви. Юби-

лей антрепренера. Настоящіе парни. Безъ ключа. Четверо.

796. Аверченко, А. 891.7—3

Театральная пыль. Юмористич. разсказы. 1913. Спб., изд. „Освобожденіе". 16°. 64 стр. Ц. 10 к.

Содержаніе: Дурная наслѣдственность. Ядъ. Постановка—moderne. Подмостки. Данныя для успѣха. Дачный театръ.

797. Ауслендеръ, С. 891.7—3

Послѣдній спутникъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. 1913. М., кн-во К. Ф. Некрасова. 192 стр. Ц. 1 р.

798. Волкова, Е. 891.7—3

Первый русскій печатникъ. Историч. разсказъ изъ временъ царя Ивана В. Грознаго. (1913.) Спб., изд. М. Н. Слѣпцовой.—„Книжка за книжкой. 166." 40 стр. Ц. 12 к.

799. Гаринъ, (Михайловскій), Н. 891.7—3

Полное собраніе сочиненій. Т. 12. Сумерки. 1913. Спб., кн-во „Освобожденіе". 220 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Трясина. Сумерки. Веселые люди (очеркъ). Когда-то... Коротенькая жизнь. Мои скитанія. Картинки Волыни.

800. Городецкій, С. 891.7—3

Старыя гнѣзда. Повѣсти и разсказы. 1913. Спб. Изд. Тов. А. С. Суворина. 246 стр. Ц. 1 р.

801. Достоевская, Л. Ѳ. 891.7—3

Адвокатка. Современные типы. 1913. Тип. И. Н. Сойкина. 164 стр. Ц. 1 р. 50 к.

802. Опискинъ, Ѳома. 891.7—3

Сорныя травы. 1914. Спб., изд. журн. „Новый Сатириконъ". 248 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловіе къ книгѣ (Аркадія Аверченко). Ч. I. Чертополохъ и крапива. Ч. II. Бурьянъ. Ч. III. Цвѣтики въ травѣ.

803. Свирскій, А. И. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. 5. Богъ любви. 1914. Спб., кн-во „Освобожденіе". 256 стр. Ц 1 р. 25 коп.

Содержаніе: Богъ любви. Отцовская кровь. Интрига. По-господски. Записки странника. Убѣжище.

804. Фонвизинъ, С. 891.7—3

Записки свободной женщины. 1914. Спб., тип. „Энергія". 260 стр. Ц. 1 р. 50 к.

805. Сроковскій, М. 891.85—3

Трагедія страсти. (Дневникъ одинокаго человѣка.) Романъ. Пер. съ польск. С. Штернъ. 1914. Спб., изд. С. С. Михайловой. 180 стр. Ц. 1 р.

Исторія и географія [9].

806. [. . . . 9(074)

Отчетъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея имени Имп. Александра III въ Москвѣ за 1912 г. 1913. М. Синод. Тип. 4°. 94 стр. Съ 19 рис., снимкомъ съ Болгар. Евангелія XIII в. и портр. П. И. Щукина. Цѣна не обозн.

Содержаніе: Отчеты музея. Пріобрѣтеніе памятниковъ. Отдѣлъ древностей доисторич. и историч. Отдѣлъ монетъ и медалей. Отдѣлъ памятниковъ искусства. Отдѣлъ рукописей. Архивъ (документы и историко-литер. матеріалы). Библіотека. Ученая дѣятельность Музея. Посѣщеніе Музея Высоч. Особами. Занятія въ Музеѣ сторонникъ лицъ. Денежныя средства Музея. Строит. работы. Приложенія: Петръ Ив. Щукинъ. († 12 окт. 1912 г.) Отдѣленіе Имп. Рос. Ист. Музея им. Имп. Александра III—музей П. И. Щукина. Даровавіе новаго штата Имп. Рос. Ист. Музею.

807. Тураевъ Б. А., проф. 9(3)

Исторія древняго Востока. Ч. I. Курсъ, читан. въ Спб. Унив. 1913. Спб., изд. 2-е испр. и иллюстр. Скл. изд. у Г. С. Цукермана. 370 стр. Ц. 2 р. 75 к.

Содержаніе: Введеніе: Источники. Исторія науки. Хронологія. Географич. условія. Этнографія древняго Востока. Семитаарско-египет. эпоха: Древнѣйшія Сумерійскія государства. Выступленіе семитовъ. Вавилонъ и Хаммураби. Вавилон. религія и культура. Передняя Азія до XVI в. Архаическій Египетъ. Древнее царство. Переходное время. Среднее царство. Религія и литература въ эпоху Средняго царства. Гиксосы. Египетское преобладаніе: Расцвѣтъ Египта при первыхъ царяхъ XVIII династіи. Аменхотепъ III. Сирія и Финикія подъ египет. владычествомъ. Египет. религія въ эпоху Новаго царства и попытка реформировать ее. Аменхотепъ IV (Ехнатонъ) и Азія. Египетъ и Хетты. Хеттская культура. Ремессиды. Состояніе Египта въ эпоху XIX и XX династій.

808. Вольтеръ. 9(44)

Исторія Карла XII. Пер. съ франц. Н. Кравихфельдъ. „Общедоступная библіотека". 1913. Спб. Изд. „Дѣятель". 290 стр. Ц. 50 к.

809. Андреевъ, Ник. 9(47)

Петербургская Россія. III. Эпоха Александра I. Съ 37 рис. 1913. Спб., изд. В. И. Яковенко.—„Культурно-историч. очерки Россіи № 11". 104 стр. Ц. 30 к.

Содержаніе: Павелъ и его царствованіе. Преобразованія новаго царствованія. Жизнь крестьянъ и дворянъ. Города и торгово-промышл. жизнь. Война 1812 г. Какъ управлялась Россія при Александрѣ I. Русская литература въ Александров. эпоху.

810. Сенъ-Викторъ, П. де. 92.

Боги и люди. Пер. М. Волошина. 1914. М., кн-во М. и С. Сабашниковыхъ.—„Страны, вѣка и народы". стр. 478 Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловіе переводчика и автора. Ч. I. Венера Милосская. Діана. Церера и Прозерпина. Елена. Мелеагръ. Мумія. Ч. 2. Неронъ. Маркъ Аврелій. Аттила. Карлъ XII. Людовикъ XI. Цезарь Борджіа. Бенвенуто Челлини. Діана де-Пуатье. Генрихъ III. Испанскій дворъ при Карлѣ II. Ч. 3. Комедіи смерти. Цыгане. Корсиканскія вопленницы. Деньги. Ч. 4. Роландъ. Декамеронъ Боккачіо. Агриппа д'Обинье. Донъ-Кихотъ. Жиль Блазъ. Фейныя сказки. Манонъ Леско. М-lle Аиссе. Свифтъ.

811. Жаффруа, Г. 92 (Р)

Рубенсъ. Біографія-характеристика". Пер. Э. С. Бухштабъ.—„Всеобщая библіотека". 1913. Спб. Изд. Акц. О-ва Типограф. Дѣла. 16°. 58 стр. Съ 4 рис. Ц. 10 к.

Содержаніе журналовъ.

„Аполлонъ“. (1913—9). М. Волошинъ. М. С. Сарьянъ.— Н. Радловъ. О скульптурѣ Коненкова.— Д. Курошевъ. Художникъ „радугъ“ и „поцѣлуевъ“.— Вс. Дмитріевъ. Константинъ Сомовъ (опытъ историческаго опредѣленія). В. Ванъ-Гогъ. Письма къ Э. Бернару.— Н. Пунинъ. Пути современнаго искусства (по поводу „Страницъ худож. критики“ С. Маковскаго).— С. Маковскій. Отвѣтъ Н. Пунину.— Essem. „Міръ искусства“.— Р. „Отчетная“ выставка въ Академіи Художествъ.—А. Р—въ. Художественныя дѣла.— Ксэнъ. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ.— В. Чудовскій. Петербургскіе театры.— Каратыгинъ. Петербургскіе концерты.— Я. Тугенхольдъ. Московскіе театры.—Р. S. Еще о Гончаровой.— Н. В. Н. Общество друзей Румянцевскаго музея— Мих. Гершенфельдъ. Письмо изъ Одессы.— Б. Яновскій. Музыка въ Одессѣ.—Н. Иваньшинъ. Письмо изъ Ярославля.— У., Вс. Дм. Новая книга по искусству.— Художественныя вѣсти съ Запада.— Rossica.

„Богословскій Вѣстникъ“. (1913 — 11). Св. Максима Исповѣдника житіе. Перев., изд. и примѣч. М. Д. Муретова.— Письма еписк. Игнатія (Брянчанинова) къ разнымъ лицамъ. Сообщ. іером. Игнатій (Садовскій).— С. С. Глаголевъ. Менделизмъ.— С. И. Смирновъ. Русскіе духовники и расколъ старообрядства.—Н. Л. Тупицкій. Обзоръ разработки вопроса о литературной дѣятельности св. Климента, еп. Словенскаго.— Свящ. І. М. Смирновъ. Древне-ц.-сл. языкъ и его возможное жизненное примѣненіе.— П. С. Страховъ. Пессимистическое отрицаніе воскресенія позднимъ язычествомъ.— Леонтій, митрополитъ Моск. Мои замѣтки и воспоминанія.— Критика.— Изъ академической жизни.

„Вѣра и Разумъ“. (1913—21). Проф.-прот. Т. Н. Бугкевичъ. О смыслѣ и значеніи кровавыхъ жертвоприношеній въ дохристіанскомъ мірѣ и о такъ называемыхъ ритуальныхъ убійствахъ.— Проф.-прот. Н. Стеллецкій. Любовь, какъ главное начало христіанской нравственности.— К. Вознесенскій. Пастырская душепопечительность Христа и апостоловъ. (Продолж.).— А. Вертеловскій. Торжество христіанства надъ язычествомъ при Константинѣ Великомъ. (Оконч.).— Прот. П. Ѳоминъ. Церковныя древности Харьковскаго края. (Продолж.).— В. Таланкинъ. Оптимистическія воззрѣнія на жизнь (orthoDoxy) проф. Мечникова и философская критика ихъ. (Продолж.).

„Вѣстникъ Воспитанія“. (1913—8). А. Е. Грузинскій. Л. Н. Толстой въ письмахъ къ женѣ.— Ѳ. А. Кудринскій. Педагогъ-гражданинъ. (По поводу 25-лѣтія со дня смерти В. Я. Стоюнина.— Э. В. Яновская. Домъ свободнаго ребенка.— В. Улановъ. Пропедевтическія бесѣды по исторіи въ начальной школѣ и въ первыхъ классахъ средней школы. — М. Обуховъ. (М. Шоринъ). Домашнія занятія учащихся начальной школы.— С. Орловъ. О школьномъ пѣніи.— Критика и библіографія.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“. (1913—11). Заграничная хроника: I. Общественная жизнь: Рѣчь Ллойдъ-Джорджа объ аграрной программѣ англійской либеральной партіи. Итоги послѣдняго съѣзда германской соц.-демократической партіи въ Іенѣ. Катастрофа съ цеппелиновскимъ дирижаблемъ VII въ Германіи. Бракъ, какъ жизненный элексиръ.— II. Историческія новости: новая книга о Мирабо. Лейпцигская битва народовъ 16—19 окт. 1813 г. Идиллія Наполеона на о. св. Елены. Принцъ-супругъ.—III. Литература и печать. Двухсотлѣтній юбилей со дня рожденія Дидро.— Е. Робинсъ. Куда ты идешь? Съ англ.— М. Мадленъ. Моника. Съ нѣм.— Кл. Фарреръ. Корсаръ изъ Санъ-Мало. Съ фр.— П. Веберъ. Опасная интрижка. Съ фр.—Уэйманъ. Ставка Крильона, разск.— Д. Бэрисъ. Изъ рукъ въ руки.— С. Недзвѣцкій. Обиженный.—Д. Каптоніари. Отговорилъ горничную.—Его же. Вдова съ ромашкой.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Электрической Математики“. (1913—6 (594). Н. Извольскій. Цѣль обученія ариѳметикѣ. — М. Рудзкій. Возрастъ земли.— М. Фихтенгольцъ. Альфа-лучи и опредѣленіе элементарнаго заряда электричества.— Подготовит. работы комитета Перваго Всерос. съѣзда преподавателей физики, химіи и космографіи.— Библіографія. — Задачи.— Рѣшенія задачъ.

„Голосъ Минувшаго“. (1913—11). Н. М. Мендельсонъ. Памяти Н. П. Огарева. (Къ 100-лѣтію со дня рожденія).—М. О. Гершензонъ. Грибоѣдовская Москва. — П. Н. Сакулинъ. Новая глава въ біографіи И. А. Гончарова.—В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. (Продолж.). — Ю. М. Стекловъ. Интернаціоналъ послѣ Гаагскаго конгресса.—Н. А. Морозовъ. Во имя братства. (Продолж.).—Тимофей Запцъ. Записки. (Продолж.). Пер. и ред. А. К. Чертковой и Н. П. Гусева.—П. Е. Щеголевъ. Изъ резолюціи Имп. Николая о декабристахъ.—М. Л. Лемке. Неизданное произведеніе Н. М. Сатина „Умирающій художникъ“.— М. О. Гершензонъ. Неизданные матеріалы о Н. П. Огаревѣ.—Ч. Вѣтринскій. Статья Герцена „Сигизмундъ Сѣраковскій.“—Н. К-овъ. Матеріалы для исторіи русской журналистики. Архивъ Гольцева: письма Г. И. Успенскаго, Н. К. Михайловскаго, Д. Г. Короленко, Н. В. Шелгунова и П. Я. Якубовича.—Критика и библіографія.—Хроника.

„Для Народнаго Учителя“. (1913—18). Д-ръ В. Игнатьевъ. Нормировка учащихся по классамъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ.—Т. Ш. Школьная жизнь за границей.—(Французскіе учителя и право учительскихъ союзовъ).—Н. Рыбниковъ. Молодая деревня въ ея пѣснихъ.— Шестидесятилѣтіе рожденія В. Г. Короленко. (Докладъ Л. Козловскаго).—Письма съ мѣстъ (Бѣлевъ. Музей им. П. В. Жуковскаго.—Ялтинскій у. Вечерніе классы для татаръ). — Обзоръ журнальной и книжной литературы.—П. Шестаковъ. Библіотечная практика. (Дѣтскія библіотеки въ Америкѣ и въ Россіи).—Судъ надъ книгой. (Исторія кн. „Новь“).—Изъ писемъ учителей. (О самообразованіи народнаго учителя).— Земскія собранія очередной сессіи.—Работы въ Москвѣ по школьному дѣлу. — Г. М. Гладышевъ. — Библіографія. — Дѣйствія правительства. — Предстоящіе рождественскіе съѣзды.— Министерскій проектъ программъ для начальныхъ училищъ.—Разныя извѣстія.

„Дошкольное Воспитаніе“. (1913—8). П. Егуновъ. О Художественномъ воспитаніи.—М. Безобразова. Душевная жизнь дѣтей дошкольнаго возраста.—Ц. В. Т. Нашъ дѣтскій садъ.— В. Бырченко. О воспитаніи въ дошкольномъ возрастѣ. (Окончъ.).—М. Петерсонъ. Занятія съ пер-

комъ.—Е. Іорданская. Дѣтскій журн. „Жаворонокъ“. — Педагогическая хроника. — Критика и библіографія.

„Извѣстія по Народному Образованію“. (1913—11). Правительственныя распоряженія.—В. Н. Катинъ. „Василиса Мелентьева“—В. В. Акимовъ. Народное образованіе въ Кіевской губ.—А. Д. Григорьевъ. Школьно-строительный фондъ им. преобразователя Россіи Петра Великаго.—Первый всероссійскій съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія.—Отзывы о книгахъ.

„Извѣстія Русскаго О-ва Любителей Міроведенія“. (1913—8(4). Э. Эпикъ. Наблюденія Персеидъ въ 1913 г. въ Ревелѣ.—А. Бочекъ. О наблюденіяхъ Венеры и Меркурія.—А. Чикинъ. Серебреніе зеркалъ для рефлекторовъ.—Г. Сорокоумовскій. Фотометрія для яркихъ звѣздъ.—А. Ушаковъ. Систематическое обозрѣніе неба съ цѣлью отысканія кометъ.—Астрономическія наблюденія. — Разныя замѣтки. — Библіографія.—Хроника.—Списокъ новыхъ членовъ О-ва.

„Маски“. (1913/4—2). Изъ неопубликованной переписки П. И. Чайковскаго съ С. И. Танѣевымъ.—Е. Гунстъ. О композиторской работѣ П. И. Чайковскаго.—М. Путницъ. О сценической теоріи К. С. Станиславскаго.— Ѳ. Коммисаржевскій. О прекрасной Еленѣ. — В. Сахновскій. О „Ревности“ М. Арцыбашева.—М. Бончъ-Томашевскій. Пантомима. А. Шницлера. Въ Свободномъ театрѣ.—Г. Гунстъ. „Покрывало Пьеретты“ Шницлера-Донани.—А. Бродскій. Театральная жизнь Петербурга.—Ал. Н. Вознесенскій. „Николай Ставрогинъ“ въ Художеств. театрѣ.—И. Жиляевъ. Дѣйствительно ли на Верди отразилось вліяніе Вагнера?—За рубежомъ.—Театральная лѣтопись. — Музыкальная лѣтопись.—Указат. сценической литературы.—Прилож.: „Дядька въ затруднительномъ положеніи“, перев. Н. В. Гоголя.

„Народное Образованіе“. (1913—10) В. М. Мірская учительница. (Встрѣча съ уч—цей Е. Г. Басалаевой). — Уголки школьной жизни: Г. Симанцевъ. Владыка въ школѣ. А Красиковъ. Осенью. Свящ. Е. Куликовъ. Святыня. Учат. С. Троховъ. Родители виноваты... О. Зеновъ. Пріемный день въ 4-хгодичной школѣ. Ѳ. Кули. Какъ ученики провели лѣто. — Г. П. Житная литература для дѣтей.—А. Налимовъ. Къ толкамъ о низшей учобѣ.—Г. Поповъ. Элементарная дидактика. (продолж.)—Г. П. Изъ школьной практики. Недостатки звукового и словозрительнаго методовъ.—А. Налимовъ. Особый или подручный предметъ граматика?—Н. Б. Книжное и журн. обозрѣніе.—Н. Тичеръ. Изъ иностр. педагогической литературы.—Библіографическій отдѣлъ.—Школьное дѣло.—Разныя извѣстія и мелкія замѣтки о школьномъ дѣлѣ въ Россіи и за границей.—Почтовый ящикъ.—Школьное пѣніе.

„Новый Журналъ для Всѣхъ“. (1913—11). Б. О., К. Градичъ, Ольгердъ, Е. Эдвардъ. Стихотворенія.—Ф. Нарли. Пурга. — Н. Киселевъ. Генералъ.—С. Рафаиловичъ. Намѣстникъ.—А Плоуменъ. Опоздалъ.—М. Кузьминъ. Послушный подпасокъ.—М. Кисинъ. Компаньонка.—Мих. Траценко. Земляки. — Н. Кустодіевъ. Какъ я оздоровилъ нравственную атмосферу N-ской гимназіи.—А. Кондратьевъ. Семицвѣтный поясъ Иттаръ.—Н. Г. Помяловскій (По поводу 50-лѣтія со дня его смерти).—Н. В. Станкевичъ. (По поводу 100-лѣтія со дня его рожденія)—С. Гамаловъ. Больная Россія.—Ушинскій. Женское движеніе въ Англіи. — Г. Звѣревъ. Кончина міра.— М. Пляшевскій. Неовиталізмъ и оккультизмъ.—Сады-бесѣдки. (Рабочія колоніи въ городахъ).—Новыя книги.

„Педагогическое Обозрѣніе“. (1910—8). Н. В. Чеховъ. Педагогика и методика въ курсѣ VIII класса женскихъ гимназій.—Д. Е. Румянцевъ. Проблема совмѣстнаго обученія съ психологической точки зрѣнія. (Оконч.).—Я. Кулжинскій. Рабочій день ученика средней школы.—Н. Малицева. Лѣтнія дѣтскія колоніи за границей.—Обзоръ журналовъ.—Хроника школьной жизни.—Изъ школьной практики: Какъ самому составить коллекцію историч. картинъ. Что слѣдуетъ учителю „дѣлать“ и „не дѣлать“.— Критика и библіографія.

„Популярный Литературно - Медицинскій Журналъ“. (1913—10). Проф. А. Бляшко и др. мед. М. Якобзонъ. Терапія кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Перев. съ нѣм. (Продолж.).— Проф. Ф. Краузъ и проф. Т. Бругшъ. Основы питательной терапіи. Перев. съ нѣм. (Продолж.).— Д-ра Н. Флейссигъ. Ученіе о лѣкарствахъ. Съ предисл. проф. Р. Штахелина. Перев. съ нѣм. д-ра Э. И. Ланда. (Продолж.).—**„Домашній Докторъ“.** (1913—10). Д-ръ В. М. Бурлаковъ. Дезодоризація и обезараживаніе.—А. Бахтіаровъ. Опасныя для здоровья профессіи.—М. Никольскій. Гигіена школьнаго юношества.—Практическая медицина. — Общественная медицина.— Растительный столъ.—Домашняя ветеринарія.— Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ.

„Путь“. (1913—11). М. Криницынъ. Припадокъ, разск.—П. Петровскій. Отъѣздъ, стих.—Н. Ашукинъ. Градъ Китежъ Невидимый, очеркъ. — Ал. Бѣлоусовъ. Стихотв.—Н. Шкляръ. Ночью, разск.— А. П. Похороны Л. Н. Толстого. Изъ восп. — Ю. Соболевъ. Чѣмъ намъ дорогъ Толстой.—Литературное обозрѣніе: 1. Баснописецъ 20-хъ годовъ. 2. Воспом. о Я. Полонскомъ. 3. Новое о Пушкинѣ. 4. Продажа имѣнія А. А. Фета.—Д. Мировъ. Научныя бесѣды.—В. Гарской. Провинціальные очерки.—Библіографія.

„Русская Мысль“. (1913—11). А. Блокъ. Стихотв. — А. Ремизовъ. Свѣтъ незримый, разск. (Оконч.).—В. Брюсовъ. У сѣвернаго моря, стихотв. — В. С. Сѣрова. Какъ росъ мой сынъ. Воспом. о В. А. Сѣровѣ. (Продолж.)—І. А. Луксъ. Лола Монтецъ. Историч. очерки. Авториз. перев. съ нѣм. Э. К. Пименовой. (Продолж.) — Н. Н. Киселевъ. Въ концѣ дороги, разск.—С. Радловъ. Стихотв.—І. Фалькбергетъ. Эли Шюрсдоттеръ. Перев. съ норвежск. М. П. Благовѣщенской.— А. Топольскій. Стихотв.—С. Л. Франкъ. Космическое чувство въ поэзіи Тютчева.—А. А. Ростиславовъ. Объ искусствахъ въ театрѣ.—Кн. Е. Трубецкой. Э. Л. Радловъ о В. С. Соловьевѣ.— В. Шмидтъ. Гоголь. (По поводу книги О Діонисѣ орфическомъ.—П. Струве. Политическая экономія и бухгалтерія. Мысли о реформѣ политической экономіи въ духѣ эмпиризма.—Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры: І. И. М. Малышева. Изъ неизданныхъ писемъ И. С. Тургенева. II. В. П. Быстреннъ. Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни А. Н. Плещеева.—А. Н. Быковъ. Памяти К. Л. Кирпичева.—В. А. Маклаковъ. Спасительное предостережевіе. Смыслъ дѣла Бейлиса.—Въ Россіи и за границей.— Критическое обозрѣніе.

Издатели: **В. Крандіевскій и В. Носенковъ.**
Редакторъ **В. Крандіевскій.**

Типографія В. М. Саблина. Москва, Петровка, 26. Тел. 88-60 и 131-34.

4 р. въ годъ за 24 кн.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913—14 годъ (5-й г. изд.)

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печат. л. большого формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (2000 страницъ). ● „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодич., такъ и неперіод., какъ русской, такъ и иностранной. ● Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной духовной жизни современности. ● „Бюллетени“— это коллективная литер. записка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. ● О типѣ журнала „Бюллетени“ еще 35—40 лѣтъ назадъ мечтали такіе корифеи литературы, какъ Достоевскій и Успенскій. ● За истекшій годъ въ „Бюлл.“ напеч. 240 ст. по самымъ разнообраз. вопр. и 700 отзывовъ о книгахъ; данъ перечень 2500 нов. кн. и приведено содержаніе болѣе 50 журн. за годъ. ● *Библіографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.*

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

Утро Рос.: „Журн. заслуживаетъ особаго вниманія. Въ журн. сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью“. ● Рус. Вѣд.: „Бюлл.“ знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. совр. жизни“... ● Руо. Шк.: „Бюлл.“ дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ епархіальнымъ же „Бюлл.“ оказываютъ огромную услугу“... ● Огни: „Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культур. запр., который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журн.“... ● Рус. Сл.: „Въ журн. запечатлѣна вся литер. жизнь года“... ● Совр. Сл.: „Задача журн. имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе“... ● Голосъ: „Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли“. ● Ист. Обозр. Гол. М.: „Бюлл.“ безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину дух., нравственной, внут. русской жизни за цѣлый годъ“. ● Нов. Ж. для Вс.: „Бюлл.“ незамѣнимы особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекомен. книгъ“. ● Рязанск. Вѣст.: „Бюлл.“ умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журн. отмѣчается все наиболѣе интересное, что поступаетъ на книж. рынокъ“... ● Сѣв. У.: „Журн. въ дѣльныхъ обстоят. статьяхъ даетъ квинтъ-эссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... Служитъ гармоничнымъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго“... ● Рус. Молва: „Все то важное, что терялось въ гущѣ журн. и пестромъ содержаніи газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые спеціально въ этой области работаютъ — для нихъ журналъ незамѣнимъ,—но и самые широкіе круги читателей“... ● Кіев. Мысль: „Бюлл.“ могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющіе возможность слѣдить за литературой по „первоисточникамъ“, а для тѣхъ, кто такой возможности лишенъ, въ особенности для провинц. читателя, руководителей библіотекъ и т. д., журналъ, вполнѣ доступный и по цѣнѣ, представляетъ интересъ сугубый“. ● Ран. Утро: „Не говоря уже о практич. значеніи журнала... главнымъ образ. для провинціи, нельзя не отмѣтить интереса его, какъ періодич. лѣтописи нашей духовной жизни. Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться „Бюллетенями“.

Проспектъ журнала высылается безплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 руб., 6 м.— 2 р., 3 м.— 1 р. За границу на годъ—5 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ—3 р. 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюлл.“ за 1911—12 и 1912—13 гг. Цѣна комплекта 3 р. 50 к. съ пересылкой, въ переплетѣ (2 т.) — 4 р. 50 к.

Подписной годъ начинается съ 1-го сентября.

Можно подписываться съ 1-го числа кажд. мѣс.

Контора и ред. Москва, Мерзляковс. пер. д. 6. Тел. 5-02-06.

Издатели: *В. Крандіевскій и В. Носенковъ.*

Редакторъ: *В. Крандіевскій.*

Для завтрѣчу подписчикамъ журнала „Бюллетени Литературы и Жизни", мы рѣшили при представленіи настоящаго талона въ нашего оптового склада дѣлать 10% скидки на наши наборы елочныхъ украшеній, такъ что вмѣсто 1 р. 90 к. платятъ 1 р. 71 к. и т. п.

УКРАШЕНІЯ для ЕЛОКЪ.

Оптоваго склада

Л. С. БАЛДИНОЙ.

Москва,
Никитскій бул., д. 21.
Тел. 4-30-38.

КОЛЛЕКЦІИ СЪ ПРЕМІЕЙ

съ пересылкой и упаковкой Въ Азіатск. Россію съ доб.

№ 1 изъ 140 пр.	— 1 р. 90 к.	№ 5 изъ 501 пр.	— 8 р.
№ 2 „ 191 „	— 2 „ 50 „	№ 6 „ 610 „	— 10 „
№ 3 „ 259 „	— 3 „ — „	№ 7 „ 726 „	— 15 „
№ 4 „ 268 „	— 5 „ — „	№ 8 „ 918 „	— 20 „

НОВОСТЬ 1-й разъ въ Россіи наборы „БѢЛЫХЪ ЕЛОКЪ".

За границей особеннымъ почетомъ пользуются наборы „Бѣлыхъ елокъ".

№ 3 — 3 р.	По красотѣ и изящ-	№ 6 — 10 р.
№ 4 — 5 „	ству трудно что-либо	№ 7 — 15 „
№ 5 — 8 „	другое подобрать	№ 8 — 20 „

Каждый нашъ наборъ по качеству и количеству вещей въ другихъ фирмахъ стоитъ на 25% ДОРОЖЕ.

НОВОСТЬ: Елочный фейерверкъ 30 шт. 1 руб.
Локоны (не воспламен.) кор. 30, 50 и 60 к.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА:

МОСКОВСКІЙ ГОРОДСКОЙ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

именн А. Л. ШАНЯВСКАГО.

Историческій очеркъ возникновенія и развитія универс. Слушатели университета. Общество взаимопомощи слушателей. Учебные планы, программы лекцій и указаніе пособій. М. 1914 г. 268 стр. Ц. 75 к.

Имѣются на складѣ ранѣе вышедшія изданія Об-ва взаимопомощи слушателей ун-та им. А. Л. Шанявскаго.

Б. И. Сыромятниковъ. Краткій обзоръ и указатель литературы по исторіи государственной власти въ Россіи. М. 1913 г. 26 стр. Ц. 20.

Г. В. Вульфъ. Кристаллы, ихъ основныя свойства и образованіе. Курсъ, читанный въ М. Г. Н. Университетѣ им. А. Л. Шанявскаго (литограф.) М. 1913 г. 162 стр. Ц. 1 р. 75 к.

И. К. Кольцовъ. Болотная лихорадка (малярія) и комары. М. 1913 г. 31 стр. Ц. 16 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва, 3-я Тверская-Ямская, д. 56, кв. 26. Открытъ 12—2 ч. Телеф. 4-33-27.
Выписывающіе непосредственно изъ склада на сумму не менѣе 1 руб. при условіи высылки денегъ впередъ за пересылку не платятъ.

КАТАЛОГИ НА СТАРЫЯ И РѢДКІЯ КНИГИ

ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ **И. М. ФАДѢЕВЪ.** МОСКВА, Моховая, д. 26.

Типографія В. М. Саблина. Москва, Петровка, 26. Телеф. 88-60 и 131-34.

ц. 30 к. Въ провинціи и на ст. жел. дор. 35 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 8. Декабрь—II. 1913.

(Пятый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. О ревности 435
2. Поэтъ энтузіазма 438
3. Соціальный писатель (В. Г. Короленко) 443
4. Новыя пьесы. Еще о „Ревности“ М. Арцыбашева.—„Левъ и Андроклъ“ Бернарда Шоу.—„Братья Луверне“ Ж. Шюмбержэ.—„Трагедія сердца“ П. Аппеля 447
5. Будущіе пастыри („Новая бурса“ Л. Добронравова) 453
6. Женщина въ новѣйшей беллетристикѣ. „Ступени“ Вѣры Рудичъ.—„Записки свободной женщины“ С. Фоввизина.—„Virago“ Л. Дилль.—„Признанія счастливой женщины“ Вань-Ворстъ... 469
7. Записки кн. М. Н. Волконской... 489
8. Старая Москва 498
9. Возможны ли межпланетныя путешествія? 501
10. Отзывы о книгахъ 257
11. Новыя книги 272
12. Содержаніе журналовъ 279
13. Объявленія о подпискѣ на журналы и газеты.

Подписная цѣна: 12 м.—4 р., 6 м.—2 р., 4 м.—1 р. 40 к. 3 м.—1 р., 1 м.—40 к. За границу—5 р.

Такса объявленій: 1 стр.—40 р., ½ стр.—25 р., ¼ стр.—16 р., ⅛ стр.—10 р.

Редакція и контора: Москва, Мерзляковскій пер., домъ 6. Телеф. 5-02-06.

ОТДѢЛЕНІЯ КОТОРЫ: 1) Москва, Б. Никитская, 10. Кн. маг. „Наука“. 2) С.-Петербургъ, Стремянная, 6. Кн. скл. „Провинція“.

Отъ конторы: При предыдущемъ № 7 всѣмъ подписчикамъ, вмѣстѣ съ др. вкладками, были разосланы: 1) проспектъ книгоиздательства Е. Д. Трауцкой (Москва, Волхонка, д. 7, кв. 6) и 2) проспектъ и переводный бланкъ журнала „Сѣверныя Записки“ (С.-Петербургъ, Загородный, 21). Лицъ, почему-либо не получившихъ эти проспекты, просятъ обращаться по указаннымъ адресамъ съ просьбой о безплатной высылкѣ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ПРАВОВѢДѢНІЕ

Ивана Каллиниковича Голубева.

Комиссіонера Государственной типографіи. МОСКВА, Никольская, д. Славянскаго Базара.

Магазинъ имѣетъ всѣ юридическія изданія: Анисимова, Березовскаго, Исаченко, Мартынова, „Право", Нюренберга, „Законовѣдѣніе", Стасюлевича и др. Имѣются въ продажѣ спеціальные справочники, алфавитные указатели, полный сводъ сенатскихъ рѣшеній, таможенные и желѣзнодорожные тарифы, сборники циркуляровъ, военно-юридическія книги, учебники, конспекты и пр., а также портреты Государя Императора, Государственные гербы, зерцала (ц. отъ 25 до 50 руб.) и др. предметы для Присутственныхъ мѣстъ. Подыскиваются и продаются номера сенатскихъ объявленій съ публикаціями о вызовѣ наслѣдниковъ, объ объявленіи несостоятельности и проч., дѣлаются справки въ собраніи узаконеній и пр., составляются юридическія библіотеки. Принимаются книги на комиссію отъ Гг. авторовъ и издателей. Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. Сверхъ своей спеціальности магазинъ исполняетъ заказы на всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги. Кромѣ юридическаго при магазинѣ отдѣлы: **военный, духовный и техническій.** Заказы исполняются немедленно. Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ. По заказамъ отъ 10 р. желателенъ задатокъ.

ПОДБОРЪ КНИГЪ ПОСТОЯННО ПОПОЛНЯЕТСЯ НОВОСТЯМИ.

Каталогъ безплатно

Для телеграммъ: „МОСКВА—ЮРИСТЪ". ☐ **ТЕЛЕФОНЪ МАГАЗИНА № 33—28.**

Самый дешевый журналъ. 1 р. 60 к. въ годъ без перес. 2 р. въ годъ съ перес.

Изд-во „НОВАЯ ЖИЗНЬ" (годъ 5-ый) Петербургъ. Свѣчной, 16.

Открыта подписка на 1914 г.
(Подписка принимается въ редакціи и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ).

Самый дешевый журналъ. 25 к. отдѣльн. книжка во всѣхъ кн. магаз. 35 к. съ пересылкой.

СВОБОДНЫЙ ЖУРНАЛ

Слѣдуя задачамъ прекратившагося „ЖУРНАЛА ДЛЯ ВСѢХЪ", „СВОБОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ" ставитъ своей цѣлью: художественность и серьезность содержанія, популярность изложенія, при полной доступности цѣны. Это самый дешевый, демократическій ежемѣсячникъ трудовой интеллигенціи съ широко поставлен. отдѣлами: 1) Художественно-Литературнымъ, 2) Научно-Популярнымъ, 3) Общественнымъ, 4) Критическимъ, 5) Художеств. иллюстрацій къ тексту и репродукцій съ картинъ извѣстныхъ художниковъ.

Въ „СВОБОДНОМЪ ЖУРНАЛѢ" принимаютъ постоянное участіе лучшія силы литературы (подробный списокъ сотрудн. высылается по требованію). Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками большого формата (140—130 ст.) съ большимъ количествомъ художественныхъ иллюстрацій и репродукцій въ текстѣ.

Годовые подписчики получатъ безплатное приложеніе по выбору: или 4 КНИГИ полн. собр. сочин. **Н. Помяловскаго** или 4 АЛЬМАНАХА **Міровой литературы.**

Декабрьская книжка будетъ разослана БЕЗПЛАТНО всѣмъ подписавшимся до 1 декабря.

Въ декабрьской книжкѣ, между проч., будетъ напечатано: БЕЛЛЕТРИСТИКА: Леонидъ Андреевъ—Происшествіе. Г. Чулковъ — Глухая ночь. Вл. Ленскій — Бѣлый покой. А. Рославлевъ — Баронъ Курасовъ. СТАТЬИ: Н. Рубакина, П. Берлина, М. Энгельгардта, В. Филатова и др. СТИХИ: С. Кречетова, А. Брюсова, Д. Цензора и др., а также художеств. исполненныя иллюстраціи, репродукціи съ картинъ, портретовъ и пр. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ приложеніями: на годъ безъ доставки—1 р. 60 к., съ перес.—2 р. На 1/2 года—1 р. 10 к. Народн. учителямъ разсрочка: при подпискѣ — 1 р., къ 1 апрѣля — 1 р. Заграницу 3 р. Пробный № высылается за двѣ 7 коп. марки. Адресъ для переводовъ: Петербургъ, Свѣчной, 16—редакція „Свободнаго Журнала". Издательница М. И. Комарова.

Совмѣстная подписка: Выписывающіе одновременно „СВОБОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ" и „НОВ. ЖИЗНЬ", (журналы разнаго типа) платятъ за оба, съ приложеніями — 6 р. 50 к. Допуск. разср.: при подпискѣ—3 р. 50 к., 1 апр.—1 р. 75 к. и 1 іюля—1 р. 50 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1913 г. * Декабрь — II. * № 8.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ

О ревности.

[179.8]

Въ только что вышедшей книгѣ свящ. Павла Флоренскаго„—Столпъ и утвержденіе истины“, представляющей собою весьма значительное явленіе въ нашей литературѣ, заключается множество глубокихъ мыслей. Мысли эти построены вокругъ единаго центра—Церкви, но онѣ всѣ имѣютъ не одно церковное, въ узкомъ смыслѣ слова, значеніе. Сила ихъ во всеобъемлемости. Охваченныя пламенемъ творящей ихъ души, онѣ посильно вмѣщаютъ въ себя полноту и многообразіе жизни. Достоинствомъ о. Флоренскаго является еще и его необыкновенная эрудиція. Познанія истинно-научныя, познанія различнаго характера (а именно-филологическія, философскія, богословскія, математическія, литературныя, эстетическія) дѣлаютъ его книгу вѣской и глубокой.

Въ настоящемъ № журнала мы позволяемъ себѣ извлечь изъ этой книги отрывки изъ „письма двѣнадцатаго о ревности“. Въ будущемъ, однако, мы надѣемся возвратиться къ интересующему насъ автору въ нѣсколько иной формѣ, а пока помѣщаемъ избранныя нами мѣста изъ разсужденія автора о ревности.

— Мнѣ кажется, — говоритъ свящ. Флоренскій, стало несомнѣннымъ, что обсужденіе любви вообще и дружбы въ частности, и въ ихъ конкретной жизненности, почти неизбѣжно подымаетъ вопросъ о явленіи тѣснѣйше съ ними связанномъ,—о ревности. Что практически этотъ вопросъ выдвигается на первую линію по важности,—о томъ едва ли возможно двоякое мнѣніе. Но, мнѣ думается, не достаточно сознается большинствомъ мыслителей его теоретическая важность: въ философской литературѣ понятіе ревности загнано куда-то на задворки и рѣдко-рѣдко когда его удостаиваютъ взглядомъ. Вотъ почему мнѣ кажется необходимымъ глубже проникнуть въ понятіе ревности. Полагаю, что уясненіе понятія ревности служитъ, вмѣстѣ, къ уясненію самаго понятія дружбы и любви.

Итакъ, что же такое ревность?

Въ ходячемъ, интеллигентскомъ слово-употребленіи ревность понимается какъ порокъ, или, по меньшей мѣрѣ, какъ безспорный нравственный недостатокъ,—нѣчто постыдное и достойное осмѣянія. Въ основѣ ревности интеллигенціей принято усматривать и гордость, и тщеславіе, и самолюбіе, и подозрительность, и недовѣріе, и мнительность,—словомъ, все что угодно, но только не какое-либо моральное преимущество. Этотъ взглядъ на ревность особенно свойственъ тому вѣку, который былъ революціонно-интеллигентскимъ по преимуществу,—XVIII-му; и осуждается ревность въ особенности въ томъ мѣстѣ, гдѣ просвѣтительская разсудочность царила нетерпимѣе всего,—въ Парижѣ.“

Чтобы понять ревность въ собственной ея природѣ, надо тѣснѣе связать ее съ любовью, ввести въ самое сердце любви и, подчеркнувъ *личную* природу любви, вскрыть, что *ревность есть сама любовь, но въ своемъ „ино-бытіи“*; намъ надо обнаружить, что *ревность есть необходимое условіе и непремѣнная сторона любви,—но обращенная къ скорби,—такъ что желающій уничтожить ревность уничтожилъ бы и любовь.* Точно также, въ вожделѣніи есть всегда ненависть съ завистью.

„Чтобы показать это, прежде всего надо снять съ ревности тяготѣющій надъ нею моментъ осужденія. Ревность такъ часто смѣшивалась съ извѣстными недолжными видами проявленія ея, что самыя слова: *„ревность“*, *„ревновать“* и *„ревнивый“*, не говоря ужъ о *„ревнивецъ“*, стали словами осужденія.

И однако, видѣть въ подозрительности, мелочномъ самолюбіи, недовѣріи, недоброжелательствѣ, злобѣ, ненависти съ завистью и т. п. сущность ревности — столь же неправильно,

какъ въ недаваніи свободы, лицепріятіи, несправедливости и т. п. полагать суть любви, или въ холодности, черствости сердца, жестокости и жестокости его усматривать суть справедливости. Подозрительность, ненависть съ завистью и т. д.—все это дурныя, недолжныя, эгоистическія *проявленія* ревности, рождающіяся отъ смѣшенія любви съ вожделѣніемъ. Между тѣмъ, *два ряда* историческихъ данныхъ намекаютъ на эту непредосудительность, и даже не только *не* предосудительность, а прямо положительность, должность ревности. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ, народъ съ богосознаніемъ чистѣйшимъ, избранный народъ еврейскій, яснѣе, нежели кто-нибудь, знавшій и понимавшій любовь Божію, настойчиво, непрестанно, безъ колебаній твердитъ *о ревности Божіей*. Вся Библія насыщена и пронизана *ревностью Божіею*, и не считаться съ этимъ—невозможно. А затѣмъ, во-вторыхъ, народъ чистѣйшей человѣчности, геніальный народъ эллинскій, лучше кого бы то ни было знавшій и понимавшій человѣческую любовь во всѣхъ ея видахъ, онъ опять-таки черту ревности имѣетъ во всемъ какъ основную черту, какъ черту характернѣйшую и неотъемлемую отъ него. Фр. Ницше, въ своихъ наброскахъ „размышленія“—„Мы филологи“, среди трехъ „избранныхъ пунктовъ изъ древности“, преднамѣчаетъ къ разработкѣ: „Облагороженіе ревности, греки—самый ревнивый народъ“. И съ этимъ, опять, нельзя не считаться. Если и яснѣйшій геній и чистѣйшая вѣра являютъ намъ ревность, какъ силу положительную и необходимую въ существѣ любви, какъ человѣческой, такъ и Божественной, то значитъ—она и есть такова и, значитъ, она—совсѣмъ не то, что побочныя страсти, сопровождающія ее.

Но что же, въ такомъ случаѣ, — *сама* ревность? Она — одинъ изъ моментовъ любви, основа любви, фонъ любви, первичная тьма, въ которой возсіяваетъ лучъ любви. Любовь есть свободное избраніе: изъ *многихъ* личностей Я, актомъ внутренняго само-опредѣленія, избираетъ *одну* и къ ней,—одной изъ многихъ, — устанавливаетъ отношеніе, какъ къ единственной, душевно прилѣпляется къ ней. Ее,—обыкновенную,—Я хочетъ разсматривать какъ необыкновенную; ее—сѣрую—, —какъ праздничную; ее, — будничную —, — какъ торжество. Она въ толпѣ стоитъ, но Я вызываетъ ее и съ площади ведетъ въ прибранную горницу сердца своего. Я рисуетъ изображеніе ея на чеканномъ золотомъ полѣ. И—справедливо, ибо это изображеніе — не карикатура, какую рисуютъ люди въ большинствѣ случаевъ; это даже и не портретъ,—живописуемый мудрыми. Это — образъ образа Божія,—*икона*. Я, нарушая „справедливость“ закона тождества, метафизическимъ актомъ самоопредѣленія, — не разсудкомъ, — всѣмъ существомъ своимъ,—рѣшаетъ видѣть въ избранной,—одной изъ многихъ,—личности—исключительную, изъ ряда прочихъ выходящую—однимъ словомъ, дѣлаетъ себя въ отношеніи къ избранной такимъ, что та личность дѣлается для него Ты. Дружба такъ же *исключительна*, какъ исключительна и супружеская любовь. *Много*—признакъ несовершенства объекта любви, какъ такового, признакъ незаконченности Ты, какъ Ты. И много-брачіе и много-дружіе ложны по самой идеѣ своей и неизбѣжно должны или перейти въ нѣчто личное,—первое въ едино-брачіе, второе—въ едино-дружіе —, —или же вовсе растлиться и перегнить,—первое въ отношеніи похоти, а второе—въ отношеніи корысти, т.-е. изъ полу-личныхъ сдѣлаться вещными. „Нельзя,—говоритъ Аристотель,—нельзя быть другомъ многихъ, имѣя въ виду совершенную дружбу, точно такъ же, какъ нельзя въ одно время быть влюблену во многихъ. Подобная дружба кажется совершенствомъ и, какъ таковое, можетъ быть обращена лишь на одного человѣка“.

Но, если даже сказать здѣсь, что такихъ, любимыхъ, Ты—бываетъ „много“, то все таки къ каждому, при любви, отношеніе — какъ къ единственному. Всякая любовь, въ существѣ своемъ, имѣетъ избирательную, избирающую силу, есть dilectio, и потому, любимый—всегда избранникъ, избранный, единственный. Въ этомъ-то и заключается личная природа любви, безъ которой мы имѣли бы дѣло съ вещнымъ вожделѣніемъ и съ безразличіемъ въ замѣнѣ вожделѣнной вещи вещью ей равною. Требованіе нумерическаго тождества любимой личности,—хотя бы при отсутствіи тождества генерическаго, признаковаго, т.-е. вѣрность личности и при измѣненіи ея,—характеризуетъ любовь и, вмѣстѣ, нарушеніе ею закона тождества, тогда какъ требованіе генерическаго, признаковаго тождества вожделѣнной вещи,—при безразличіи къ тождеству нумерическому, даже при непониманіи его,—и, потому,—соблюденіе закона тождества характеризуетъ собою вожделѣніе. Сознаніе единственности—таково условіе любви, даже въ самыхъ несовершенныхъ ея проявленіяхъ; мало того, даже для иллюзіи любви нужна, если не единственность, то хотя бы иллюзія единственности, неповторимости, исключительности, —хотя бы онъ, любящій, мнилъ любимое существо единственнымъ столь же неосновательно, сколь всегда мнитъ себя единственною въ мірѣ и исторіи всякая первая любовь, сколь ошибочно считаетъ себя единственнымъ каждый изъ

„единственно-законныхъ“ наслѣдниковъ и истолкователей Канта, столько ложно, наконецъ, утверждаетъ себя единственнымъ „Единственный“ Штирнера. Иначе—безусловно невозможна даже иллюзія любви, и будетъ въ отношеніяхъ лишь корысть, грязь и смерть. Самая мысль о возможности замѣны одного лица другимъ, какъ опирающаяся на признаніе оміусіи, т.-е. вещности, есть мысль грѣховная и ведущая къ смерти.

Непонятнымъ актомъ избранія личность сдѣлана единственной, призвана къ высокому, къ царственному сану Ты. Она согласилась на это избраніе. Она сказала „Да“ и возложила на себя вѣнецъ величія. Чего же теперь Я хочетъ?—Только одного: того, чего восхотѣло, — любви своей. Я утверждаетъ актъ любви своей какъ вѣчный по цѣнности и, значитъ, требуетъ его пребываемости, его неотмѣнности. Это внутреннее утвержденіе выражаетъ себя какъ рвеніе или ревность воплотить во времени свой вѣчный актъ избранія любимаго Ты. Я желаетъ, чтобы Ты не мѣшало ему въ его любви, т.-е. чтобы оно въ отношеніи къ нему дѣйствительно было Ты. Пусть любимое Ты ведетъ себя, какъ единственное; пусть не сходитъ со своего пьедестала выдѣленности, обособленности, избранничества. Это ничего, если избранное Ты будетъ самымъ заурядным въ толпѣ и для толпы. Но для Я, для избравшаго, оно должно быть именно Ты, и—ничѣмъ, кромѣ какъ Ты: иначе невозможна самая любовь, иначе не можетъ воплотиться во времени самый актъ избранія. Иначе „*время*“ любви не будетъ „*подвижнымъ образомъ вѣчности*“, избранія. Ты, въ отношеніи Я, должно и вести себя какъ Ты, а не какъ одинъ изъ многихъ,—должно быть въ вѣнцѣ царскомъ, а не въ ночномъ колпакѣ. Сознаніе необходимости этого отъ Ты для самой возможности любви влечетъ за собою желаніе осуществить это избранничество и, затѣмъ, утвердить и охранить его. Все это вмѣстѣ и будетъ *ревностью*.

А если Ты не захочетъ этого? Если оно *упорно* нарушаетъ санъ свой и высокое положеніе, свободно имъ принятые? Если оно, сказавъ „Да“ на предложеніе ему новой *сущности*,—Ты,—если оно, по легкомыслію, или по упрямству, или по недостатку искренности въ принятомъ на себя высокомъ жребіи, своей *жизнью* показываетъ, что для него Я—не Я? Если, желая быть Ты, оно не хочетъ признавать Я за Я?—Тогда Я не можетъ и не должно оставаться безъ *противо*-дѣйствія. Это противодѣйствіе есть проявленіе *ревности*,—ревности къ своей любви, т.-е. заботы о непорочности, о подлинности, наконецъ, о сохраненіи своей любви. Требованіе этого отъ Ты во имя самой возможности любви влечетъ за собою желаніе осуществить это избранничество, утвердить и оградить его. Все это, вмѣстѣ,—повторяю,—и будетъ ревностью. Что-нибудь одно. *Или* Ты должно *признать* это противо-дѣйствіе себѣ, эту борьбу за любовь, эту ревность—и измѣниться *или* же оно должно *отказаться* отъ сана своего, признать себя *только* заурядным, вернуться съ престола въ сѣрую толпу, изъ торжества—въ будничную обстановку. Для Я нельзя любить и не ревновать, когда Ты фактически перестаетъ быть Ты, т.-е. не стараться снова сдѣлать его Ты. Поэтому, если за нимъ не признаютъ права и долга ревности, то не остается ему ничего, кромѣ какъ низверженія Ты съ его престола. Я должно забыть о Ты, разлюбить его, ибо только этимъ путемъ можно избавить Ты отъ требованія отвѣтной любви. Но Ты—выросло въ Я, сдѣлалось частью его. Разлюбить — это значитъ лишиться части своей. Забыть — это значитъ отсѣчь отъ себя кусокъ живой плоти. Такъ и бываетъ, когда, уважая чужую свободу, приходится вырвать любовь изъ груди вмѣстѣ съ самымъ сердцемъ.

Любовь—безпредѣльна; она не ограничивается ни мѣстомъ, ни временемъ, она—вселенска. Но эта вселенскость любви не только не исключаетъ, но даже *предполагаетъ* обособленность, отъединенность, изоляцію. Вѣдь любовь имѣетъ корнемъ своимъ *святыню* души и возможна лишь постольку, поскольку жива эта святыня. Оберегать жемчужину души—значитъ оберегать самую любовь; нерадѣть о святынѣ своей — значитъ нерадѣть о любви. Любовь не только вселенска, но—и ограниченна; не только безпредѣльна, но—и замкнута. Слово, сказанное о семъ Господомъ, нынѣ не пріемлется и считается жесткимъ и жестокимъ; но, что всего замѣчательнѣе, въ „мати всѣмъ книгамъ“,—въ Евангеліи, —оно стоитъ непосредственно послѣ слова о неосужденіи ближняго и притчи о бревнѣ и сучкѣ въ глазу. „Лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ твоего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего“ (Мо. 6[5]). И антитетически встрѣчается съ этою мыслью, какъ бы направляясь остріемъ противъ ея острія: „Не давайте святыни псамъ и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобы онѣ не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали васъ“ (Мо. 7[6]). Какъ бы поясняя это изреченіе, преп. Серафимъ Саровскій учитъ насъ: „Что есть лучшаго въ сердцѣ,—то мы безъ надобности не должны обнаруживать; не всѣмъ открывай тайны сердца твоего“.

Итакъ, съ одной стороны, „не осуждай“, но,

съ другой, „считай псами и свиньями“ тѣхъ, которымъ не достоитъ открывать тайны сердца. Открывай ихъ лишь нѣкоторымъ, избраннымъ, выдѣленнымъ изъ стада свинаго. Это—антиномія, и антиномія эта приблизительно равносильна антиноміи любви-ревности.

Изъ произведеннаго анализа понятія ревности видна глубочайшая связь ея съ преодолѣваніемъ закона тождества,—этой перво-основы разсудка. Отсюда, понятно, почему ревность, даже въ наиболѣе чистыхъ проявленіяхъ своихъ, навлекаетъ на себя косой взглядъ недоброжелательства со стороны разсудка, почему „здравый смыслъ“ и кровная дочь его, насмѣшка, такъ охотно прохаживаются на счетъ ревности, даже когда послѣдняя берется in abstracto, въ принципѣ. Какъ любовь, такъ и ревность,—другая любовь,—сражаются съ разсудкомъ, прорывая своимъ напоромъ основную часть его,—законъ тождества. И, въ этомъ смыслѣ, ревность — глубоко несправедлива. Если безразсудность ревности навлекаетъ на нее интеллектуальное осужденіе, какъ „нелѣпости“, то эта несправедливость ревности, въ свою очередь, вызываетъ раздраженную моральную оцѣнку ея, какъ явленія „безнравственнаго“. Вотъ еще причина затемнѣнія разобраннаго нами понятія ревности.

Итакъ, общее заключеніе, къ которому пришли мы, будетъ таково: Этимологія и словоупотребленіе слова ревность и производныхъ его безспорно подтверждаютъ вполнѣ метафизическій анализъ понятія ревности. А именно, окончательно снимается съ ревности тяготѣющее на ней осужденіе, и она признается лишь необходимымъ выраженіемъ, или, точнѣе сказать, лишь необходимою стороною сильной любви. Это-то и дѣлаетъ понятнымъ, почему Слово Божіе столь часто и столь упорно приписываетъ ревность Богу. Да и было бы совершенно непонятно, какъ состояніе, само въ себѣ предосудительное, можетъ быть образомъ чего-то въ Божественной жизни. Вѣдь никогда, ни при какихъ антропопаѳизмахъ Богу не приписывается грѣха, или похоти, или лжи. Если же Ему приписывается ревность, то, какъ бы мы ни понимали эту Божію ревность, заранѣе можно утверждать, что она—нѣчто святое; и потому, человѣческая ревность не есть что-то само въ себѣ недолжное и сквернное. Изъ сдѣланныхъ же здѣсь разъясненій очевидно, что въ таковомъ приписываніи Богу ревности должно видѣть не натянутый антропопаѳизмъ, а точное обозначеніе существа дѣла. Вѣдь ревность есть понятіе онтологическое, а не психологическое и не этическое.

Но мало того, что ревность есть необходимый моментъ любви. Она, по распространительному толкованію преп. Исаака Сирина, есть необходимая сторона всего добраго, что ни есть въ человѣкѣ. Она вообще есть сила, осуществляющая добрыя желанія. „Кто имѣетъ добрыя желанія, тому противленіе не можетъ воспрепятствовать исполнить оныя... Бываетъ же это по слѣдующей причинѣ. За всякою мыслью добраго желанія, въ началѣ его движенія, послѣдуетъ нѣкая ревность, горячностію своею уподобляющаяся огненнымъ углямъ; и она обыкновенно *ограждаетъ сію мысль, и не допускаетъ, чтобы приблизилось къ ней какое-либо сопротивленіе, препятствіе и преграда*, потому что ревность сія пріобрѣтаетъ великую крѣпость и несказанную силу ограждать на всякій часъ душу отъ разслабленія или отъ боязни, при устремленіяхъ на нее всякаго рода стѣснительныхъ обстоятельствъ. И какъ первая та мысль есть сила святого желанія, отъ природы насажденная въ естествѣ души, такъ ревность сія есть мысль, движимая раздражительною въ душѣ силою, данная намъ Богомъ на пользу, для соблюденія естественнаго предѣла, для выраженія понятія о своей свободѣ исполненіемъ естественнаго желанія, находящагося въ душѣ. Это есть *добродѣтель, безъ которой не производится доброе*, и она называется ревностью, потому что отъ времени до времени движетъ, возбуждаетъ, распаляетъ и укрѣпляетъ человѣка. Нѣкто—ревность сію въ словахъ своихъ назвалъ *псомъ и хранителемъ закона Божія*, т. е. добродѣтели...“

Далѣе, св. Отецъ объясняетъ, что ревность слагается изъ страха утратить благо и изъ стремленій удержать его; вотъ почему ослабленіе ревности—худое предзнаменованіе, обусловленное либо охлажденіемъ духовнымъ, либо самонадѣянностью и гордостью, т.-е. отношеніемъ къ духовному благу уже не живымъ и личнымъ, а имущественнымъ и плотскимъ, какъ къ какой-то вещи, которую можно положить подъ замокъ и, и не переживая ее, все же владѣть ею“.

Поэтъ энтузіазма.

[849.3.09].

Многообразіе современной жизни, та, часто незамѣчаемая, красота, которая таится въ работѣ и отдѣльныхъ, казалось бы, незначительныхъ и малоинтересныхъ людей и въ трудѣ цѣлыхъ группъ, поколѣній, странъ, порывъ всего живущаго и живящаго на землѣ, все это находитъ яркій и смѣлый откликъ въ

поэзіи бельгійскаго поэта Эмиля Верхарна, посѣтившаго на дняхъ Россію и читавшаго въ Петербургѣ и Москвѣ лекціи объ энтузіазмѣ, а также знакомившаго многочисленную аудиторію съ различными сторонами своего поэтическаго творчества. При всемъ поразительномъ многообразіи этого творчества, заставляющемъ признать Верхарна, быть можетъ, самымъ яркимъ поэтомъ современности и во всякомъ случаѣ наиболѣе полнымъ выразителемъ тѣхъ сторонъ нашей культуры, которыя отдѣляютъ ее отъ прошлыхъ эпохъ человѣческой исторіи, именно этотъ энтузіазмъ и пламенная его проповѣдь, ставшіе за послѣдніе 10-12 лѣтъ главной осью всего творчества Верхарна, привлекаютъ къ себѣ больше всего вниманія. То обстоятельство, что поэтъ счелъ возможнымъ выдѣлить эту сторону своего творчества и посвятить ей свою лекцію, значительно облегчаетъ ознакомленіе съ его основными идеями и, съ другой стороны, придаетъ имъ тотъ характеръ непосредственности, который не могъ бы проявиться, если бы это выдѣленіе было произведено кѣмъ-нибудь постороннимъ.

Въ сообщеніи, сдѣланномъ въ Москвѣ, Верхарнъ самъ намѣтилъ главные этапы своего художественнаго развитія и сумѣлъ придать этому изложенію достаточно обобщающую форму, что еще болѣе усиливаетъ ея интересъ.

Поэтъ, которому сейчасъ 58 лѣтъ и у котораго за плечами тридцать лѣтъ упорной работы, такъ излагаетъ ходъ развитія человѣческой души и эволюцію ея отношеній къ міру, въ которомъ она принуждена вести свое существованіе. Прежде всего душа, начинающая задумываться надъ своимъ отношеніемъ къ этому міру, приходитъ къ рѣзкому протесту противъ необходимости, царящей въ немъ; весь міръ рисуется ей въ черныхъ тонахъ, посторонніе люди кажутся ей враждебными и одиночество, одновременно и гордое и страдальческое, представляется единственнымъ достойнымъ отвѣтомъ на эту жестокую и безсмысленную необходимость. Небезынтересно отмѣтить, что эта юношеская враждебность къ міру и „непріятіе“ его, подтверждаемое постоянными наблюденіями и такъ ярко подчеркиваемое Верхарномъ, объясняется, напр., Мечниковымъ чисто физіологически и считается имъ однимъ изъ законовъ нашего развитія. Цѣнность положеній, высказываемыхъ Верхарномъ, становится тѣмъ значительнѣй, что и это, и всѣ послѣдующія — не выводы ученаго, спокойно созерцающаго законы жизни, а плоды личнаго опыта поэта, созрѣвшіе въ его душѣ послѣ ряда глубокихъ и мучительныхъ процессовъ, о которыхъ онъ повѣдалъ намъ въ своихъ книгахъ. Острота этого юношескаго пессимизма у Верхарна усиливалась до чрезвычайности еще его болѣзненностью, отъ которой ему удалось впослѣдствіе излѣчиться, и въ періодъ между 28 и 38 годами его жизни поэзія его является крикомъ ужаса, тоски и отчаянія. Дальнѣйшей ступенью развитія человѣческаго духа, по Верхарну, является признаніе красоты въ этой необходимости міра и красоты въ этомъ мірѣ. Душа перестаетъ интересоваться только собой, только своими ощущеніями и переживаніями, но начинаетъ обрѣтать точки соприкосновенія, а не только отталкиванія отъ міра, благодаря чему является желаніе совершенствованія, увеличивающаго это соприкосновеніе и признаніе красоты этого желанія. Въ этотъ періодъ творчества Верхарномъ были созданы тѣ книги, въ которыхъ онъ прославляетъ красоту города и привѣтствуетъ рабочую демократію, на челѣ которой онъ видитъ зори будущаго.

Но на этомъ поэтъ не останавливался. Душа его ширится и растетъ. Прекрасно уже не только стремленіе къ совершенству. Это совершенство создается работой, сознательной и упорной, цѣлаго ряда смѣняющихся поколѣній. Всякій, кто въ ней участвуетъ, отъ рабочаго до философа, вноситъ свою долю въ тотъ порывъ усилія, которое ведетъ человѣчество впередъ и впередъ. И поэтъ славитъ это усиліе, славитъ усилія всѣхъ отдѣльныхъ людей, ибо каждый стоитъ здѣсь плечомъ къ плечу и каждое мѣсто должно быть занято въ строѣ тѣхъ, чьими усиліями, чьей волей „воля судьбы претворяется въ волю человѣческую“. Отсюда уже непосредственный переходъ къ тому энтузіазму, которому онъ посвящаетъ свою лекцію, который заставляетъ его начинать одну изъ своихъ наиболѣе яркихъ книгъ „Многоцвѣтное сіяніе“ завѣтомъ: „восхищайтесь другъ другомъ“ и далѣе: „восхищайтесь человѣкомъ и восхищайтесь землей, и вы будете жить пламенными и свѣтлыми“.

Указавъ на ту печаль и возмущеніе неустройствомъ міра, которая овладѣваетъ сердцемъ юноши, Верхарнъ отмѣчаетъ, что съ годами научаешься цѣнить полноту жизни, ея многогранность, разнообразіе и ту радость, которая разлита въ каждомъ ея проявленіи.

Радость побѣдоносно разлита въ мірѣ. Радость видѣть женщину, „прекрасную, какъ свѣтъ“, и смотрѣть въ лихорадочные глаза больного; радость есть въ тихомъ вечерѣ, опускающемся на деревенскія поля, и въ краскомъ заревѣ, которымъ окрашиваютъ ночное небо огни огромныхъ заводовъ; радость въ

величіи человѣческаго духа и въ могучихъ порывахъ стихій.

Но высшая радость—познаніе красоты генія въ человѣчествѣ и познаніе величія прошлаго земли. На нихъ зиждется вся сила нашихъ душъ.

Геній, это — „осверхчеловѣчившіеся“ мы сами.

Въ душѣ Гюго, Паскаля, Толстого и Достоевскаго, какъ въ огромныхъ зеркалахъ, отражается душа каждаго человѣка.

И поэтому мы влечемся къ нимъ, даже противъ своей воли, мы не можемъ отвернуться, оттолкнуть ихъ.

Въ величественномъ стихотвореніи „Le Monde“ онъ сравнилъ геніевъ человѣчества съ солнцами, вокругъ которыхъ извѣчно вращаются планеты безчисленныхъ міровъ.

„Міръ состоитъ изъ звѣздъ и изъ людей.

Вверху, начиная съ какихъ временъ, навсегда безмолвныхъ, вверху, въ какихъ обширныхъ и бурно разросшихся небесныхъ садахъ, вверху, вокругъ какихъ солнцъ, подобныхъ огненнымъ ульямъ, кружится въ сіяніи наполняемаго энергіей пространства тысячеголосый и чудный рой трагическихъ планетъ?

Та или другая звѣзда неизвѣстно когда выпустила ихъ изъ себя какъ пчелъ; и вотъ онѣ летаютъ вокругъ цвѣтовъ, бесѣдокъ и садовъ золотого эфира; и вотъ каждая изъ нихъ въ своемъ вѣчномъ вращеніи, вспыхивающемъ ночью, туманящемся днемъ, плыветъ, удаляется, возвращается обратно, но всегда тяготѣетъ къ своей материнской звѣздѣ.

О, это безумное вращеніе планетныхъ свѣтилъ! это великое бѣлое молчаніе, о, этотъ общій порядокъ, правящій надъ необузданнымъ и ропщущимъ бѣгомъ золотыхъ шаровъ вокругъ ихъ родного костра; и это неизбѣжное и ужасающее размноженіе; и эти листья пламени и кустарники огня, тянущіеся все вдаль, ползущіе все вверхъ, рождающіеся, умирающіе или множащіеся сами изъ себя, освѣщающіе и сжигающіе другъ друга и подобные драгоцѣннымъ камнямъ неизслѣдимаго нагроможденія вѣнцовъ.

Земля — это блескъ брилліанта, выпавшаго нѣкогда, неизвѣстно когда, изъ одной изъ небесныхъ коронъ.

Цѣпенящій и медленный холодъ, влажный и тяжелый воздухъ успокоили ея рѣзкій, подобный вихрю пламень; волны океановъ заставили поблѣднѣть ея поверхность; горы подняли свои ледяные гребни; лѣса содрогнулись, начиная отъ земли и до верхушекъ, отъ кровавой и сплетающейся узлами схватки звѣрей; перевороты, прокатывающіеся отъ запада къ востоку, то создавали, то разрушали континенты; тамъ, гдѣ циклонъ кипитъ въ своемъ гнѣвѣ, мысы вознеслись надъ зыбящимися и безумными волнами; всеобщее усиліе стремленій, ударовъ, паденій мало-по-малу ослабѣло въ своемъ безграничномъ безуміи и медленно, послѣ тысячи лѣтъ тьмы и борьбы, въ зеркалѣ вселенной возникъ человѣкъ.

Онъ былъ властелиномъ, который сразу, со своимъ прямымъ тѣломъ, со своимъ поднятымъ лбомъ, утвердилъ себя таковымъ и отдѣлился отъ своихъ предковъ. И земля, со своими днями и со своими ночами, безконечно широко раскинулась передъ нимъ съ востока на западъ; и первые взлеты первыхъ мыслей изъ глубины мозга человѣческаго и властительнаго возникли подъ солнцемъ.

Мысли! О, ихъ пытливыя устремленія, ихъ разсѣивающійся пламень, ихъ красная изступленность или ихъ алая примиренность! Какъ звѣзды вверху просвѣчивали сквозь тучи, такъ онѣ зажглись надъ безвѣстной равниной; онѣ разносились въ пространствѣ, подобныя огнямъ, преодолѣвали горы, освѣщали рѣку и перебрасывали свой вселенскій и только что возникшій уборъ отъ моря къ морю надъ молчаливыми странами.

Но чтобы наконецъ установилась гармонія среди ихъ золотыхъ порывовъ, какъ всегда было вверху, какъ еще есть вверху, подобные солнцамъ, появились и вызвали восторгъ среди народовъ земли геніи.

Съ серцами, исполненными пламени, устами, исполненными меда они просто произносили насущное слово и всѣ полеты, разсѣянные въ затосковавшей ночи поворотили къ улью ихъ мысли. Вокругъ нихъ тяготѣли приливы и отливы пламенныхъ поисковъ и безумныхъ задачъ; мгла была внимательной къ ихъ рѣзкому свѣту; новое содроганіе пробѣжало по матеріи; воды, лѣса, горы почувствовали себя легкими подъ дуновеніями морского вѣтерка, подъ вѣтромъ рощъ; казалось, что волны танцуютъ и улетаютъ вѣтви, скалы колыхались подъ поцѣлуями бѣлыхъ потоковъ, все обновилось до своихъ глубинъ: истина, добро, любовь, красота, безобразіе. Тонкія связи, сплетенныя изъ излученій и искръ, составили основу вселенской души и пространство, гдѣ встрѣтились всѣ эти любящіе, зажило наконецъ по тому закону, который царитъ въ тверди.

Міръ состоитъ изъ звѣздъ и изъ людей.“

Вторую, высшую радость познаемъ мы, погружаясь въ исторію человѣчества, видя великія творенія прошлыхъ культуръ Египта и Вавилона, Халдеи и Ассиріи, Греціи и Рима.

А наше время, когда „въ союзѣ съ природой мы завоевываемъ ее“, по слову тоже про-

чтеннаго тогда же стихотворенія Верхарна „La conquête“, — развѣ оно не полно величія и красоты?

— Я страстно люблю нашъ вѣкъ!—восклицаетъ Верхарнъ.

Чудесный ростъ шумныхъ городовъ, пронизывающіе ночную даль маяки, опутавшіе земной шаръ сѣти стальныхъ путей, проволоки, по которымъ пробѣгаетъ мысль изъ одного конца свѣта въ другой,—все это полно непревзойденнаго величія.

Великая культура нашего времени прекрасна еще тѣмъ, что ростъ ея не конченъ. Четыре великихъ націи Европы, — итальянцы — создатели искусства, французы—создатели готическихъ соборовъ, монархіи и революціи, нѣмцы—творцы философіи и англичане—творцы парламента — несутъ ее въ дебри дикихъ странъ, до крайнихъ предѣловъ міра.

„Міръ дрожитъ отъ поѣздовъ и кораблей.

Отъ востока къ западу, отъ юга къ сѣверу, рѣзкіе и буйные они плывутъ и бѣгутъ; и ихъ сигналы и ихъ свистки разсѣкаютъ зарю, день, вечеръ, ночь; и ихъ дымы, безграничные и разстилающіеся застилаютъ огромные города и равнину, и морской берегъ, и волны и небо; и глухой громъ ихъ катящихся осей и хриплый и прерывистый шумъ ихъ котловъ заставляютъ мятежными ударами гонга содрогнуться здѣсь, тамъ, повсюду—до ея глубинъ—землю.

И работа мышцъ, и усиліе мозговъ, и трудъ рукъ, и полетъ мысли опутываютъ чудесную сѣть, которую рисуетъ въ огромномъ и охваченномъ тоской пространствѣ бѣгъ поѣздовъ и пароходовъ. И на горизонтѣ поднимаются города пламени и тьмы, и вокзалы стекла и чугуна, и огромные порты, воздвигнутые для борьбы или для мечты, закругляютъ свои молы и поднимаютъ свои мосты; и маяки, чьи огни рѣзко вращаются, освѣщаютъ ночь и плывутъ надъ моремъ; и здѣсь—Марсель, Гамбургъ, Глазго, Антверпенъ, и тамъ—Бомбей, Сингапуръ и Мельбурнъ.

О, эти ясные корабли и эти гигантскіе караваны, нагруженные кожами, деревомъ, плодами, амброй или мѣдью, въ странѣ самума или льда, въ дикомъ или цѣпенѣющемъ океанѣ! О, эти лѣса въ глубинѣ трюмовъ, о эти выемки, переносящія согнутыя спины тяжелыхъ вагоновъ и этотъ золотистый мраморъ, что прекраснѣй свѣта, и эти холодные камни, что свѣтлѣе яда, пестрые груды тяжелой добычи, привезенной изъ Канланда, Сахалина или Цейлона, вокругъ которыхъ кипитъ въ конвульсивныхъ усиліяхъ вся борьба злого и ядовитаго золота.

О, золото! кровь неумолимой и современной силы, золото чудодѣйственное, золото сму, щающее, золото преступное, золото троновъ-золото гетто, золото алтарей, золото подземное, жилами котораго являются банки и которое мечтаетъ въ ихъ нѣдрахъ прежде, чѣмъ уйти по морю, которое оно пересѣкаетъ или по землѣ, которую оно попираетъ, питать или томить голодомъ, увеличивать или снова сжимать тысячное и красное сердце толпы.

Нѣкогда золото было чистымъ и посвящалось богамъ. Оно было огненной душой, въ которой зарождалась ихъ молнія. Когда ихъ храмы вставали, бѣлые и строгіе, изъ пыли, оно украшало ихъ вершины и отражало небо. Во времена бѣлокурыхъ героевъ оно стало легендарнымъ; Зигфридъ, ты пришелъ къ нему при морскомъ закатѣ и твои глаза видѣли, что его лучезарная масса свѣтитъ, какъ солнце сквозь зеленыя волны Рейна. Но теперь золото живетъ и дышетъ въ человѣкѣ, оно его упорная вѣра и его жестокая аксіома, оно рыщетъ багровымъ свѣтомъ вокругъ его безумія; оно наполняетъ его сердце, оно разрушаетъ его доброту; оно кладетъ свое бѣльмо на божественныя очи его красоты; когда полный разгромъ приходитъ на развалины, золото переворачиваетъ и разслабляетъ, какъ война, мощную надежду городовъ земли.

Однако это благодаря ему человѣкъ однажды поднялъ голову для того, чтобы безграничное стало его добычей.

О, помраченіе въ умахъ! Металлы, проводники быстрыхъ словъ надъ безумными вѣтрами, подъ безумнымъ моремъ, кажутся натянутыми нервами одного огромнаго существа. Кажется, что все повинуется какому-то новому приказу. Европа—кузница, въ которой вырабатывается идея. Народы древнихъ странъ, несогласованныя силы, вы связываете ваши разрозненныя судьбы съ того времени, какъ золото заровнитъ въ вашихъ умахъ ту же бьющуюся надежду; гавани и набережныя, липкія отъ смолы и камеди, червые склады, гремящія верфи, красныя фабрики, ваша гигантская работа стягиваетъ во всѣхъ направленіяхъ свои узлы съ того времени, какъ золото земли затмило золото небесъ. Это золото жизни, это золото смерти, это лирическое золото очерчиваетъ Азію и проникаетъ въ Африку; это заокеанское золото, бродячее золото, устремившееся отъ бѣлыхъ полюсовъ къ золотистому экватору, золото, блестящее надъ побѣдами и пораженіями, золото, вращающееся вокругъ вѣковъ какъ звѣзды, золото единодушное и ясное ведетъ упорно, отъ моря къ морю, отъ континента къ континенту, всюду, гдѣ только вздымается ихъ мачта или протяги-

вается ихъ рельсъ, укрощенный порывъ поѣздовъ и кораблей".

Всѣхъ, чьи усилія влекутъ человѣчество дальше, привѣтствуетъ поэтъ.

„Я люблю васъ, парни бѣлокурыхъ странъ, погонщики ржущихъ, спокойныхъ и тяжелыхъ запряжекъ, и васъ, рыжіе дровосѣки полныхъ запахами лѣсовъ, и тебя, согнувшійся старый крестьянинъ бѣлыхъ деревень, любящій только поля, и ихъ убогія дороги и бросающій посѣвъ широкимъ взмахомъ руки сначала въ воздухъ, прямо передъ собой, къ свѣту, чтобы онъ пожилъ въ немъ немного, прежде чѣмъ упадетъ на землю.

Также и васъ, моряки, отправляющіеся въ море съ простой пѣсней, ночью, при звѣздахъ, когда надуваются подъ океанскими вѣтрами паруса и когда дрожатъ мачты и оснастка корабля; и васъ, тяжелые грузчики, чьи широкія плечи грузятъ или разгружаютъ вдоль красныхъ набережныхъ корабли, которые плывутъ и плывутъ подъ солнцемъ чтобы покорить себѣ волны вплоть до полюсовъ.

И васъ, искатели дѣлающихъ безумными металловъ, ищущіе въ ледяныхъ равнинахъ, на снѣжныхъ берегахъ, въ глубинѣ бѣлыхъ странъ, гдѣ васъ захватываетъ холодъ и внезапно сжимаетъ въ своихъ огромныхъ тискахъ; и васъ, рудокопы, роющіеся подъ землей ползкомъ, съ лампой въ зубахъ, до узкой жилы, гдѣ слоистый уголь уступаетъ подъ вашимъ темнымъ и уединеннымъ усиліемъ.

И васъ, наконецъ, молотобойцы, кузнецы, лица въ сажѣ и въ золотѣ, прорѣзающія мглу и туманъ, мускулистыя спины, склоненныя или внезапно отскакивающія отъ костровъ и огромныхъ наковаленъ, черные плющильщики, созданные для вѣчной работы, тянущейся отъ вѣка къ вѣку все шире и шире надъ городами ужаса, нищеты и пышности, я чувствую васъ въ своемъ сердцѣ, мощныхъ и братскихъ!

О, эта работа, жестокая, суровая, упорная, строгая, въ равнинахъ, среди морей, въ сердцѣ горъ, завязывающая свои узлы повсюду и заклепывающая свои звенья отъ одного къ другому концу странъ земли! О, эти смѣлыя движенія во мглѣ или въ свѣтѣ, эти мышцы, всегда напряженныя, и эти руки, никогда неустающія, эти мышцы, эти руки, соединенныя черезъ пространства, чтобы оттиснуть во что бы то ни стало на покоренной вселенной знакъ человѣческаго захвата и силы и пересоздать горы, моря и равнины по другой волѣ".

Но если восхищенія и любви достойны люди и ихъ усилія, въ каждомъ изъ которыхъ есть своя неповторяемая красота, то не меньшаго восхищенія достоинъ и міръ, окружающій насъ. Вотъ что говоритъ Верхарнъ въ своей поэмѣ „Вокругъ моего дома", взятой изъ той же книги.

„Чтобы жить яснымъ, твердымъ и справедливымъ, я восхищаюсь въ моемъ сердцѣ передъ всѣмъ, что дрожитъ, работаетъ и кипитъ въ человѣческой нѣжности и на священной землѣ.

Проходитъ зима и вотъ мартъ, а потомъ апрѣль, а потомъ начало лѣта, радостное и дѣтское.

На цвѣтущей глициніи, обрызганной росой, тысячи красныхъ, зеленыхъ, голубыхъ, желтыхъ, коричневыхъ, алыхъ насѣкомыхъ блестятъ и собираютъ медъ подъ солнцемъ.

О, чудо ихъ блестящихъ крылій, и ихъ тѣло, тонкое какъ шелкъ, и ихъ лапки, и ихъ ежедневный нарядъ на побѣгахъ травы или куста! Какъ они четки, какъ они подвижны! ихъ панцырь хрупкой эмали болѣе измѣнчивъ, чѣмъ потокъ воды; съ помощью моихъ глазъ, отражающихъ ихъ, я чувствую, что они живутъ и немного проникаютъ въ меня; о, ихъ испугъ, и ихъ игры, и ихъ любовь, и ихъ волненіе, и ихъ битвы вокругъ фіолетовыхъ кистей винограда.

Мое сердце слѣдуетъ за вами въ вашемъ устремленіи къ свѣту,—побѣги сіянія, крошки красоты, кусочки золота и пылинки жизни! Я отстраняю отъ нихъ ненасытныя сѣти: клей, грязь и преслѣдованіе птицъ; въ теченіе цѣлыхъ дней я охраняю ихъ работы; мой вкусъ восхищается ихъ совершенными трудами; я созерцаю пустяки, изъ которыхъ созданъ ихъ домъ, ихъ движенія, полезныя и отчетливыя, ихъ полетъ, ищущій и увѣренный, ихъ путешествіе въ свѣтѣ, далекое и безъ парусовъ и когда они теряются гдѣ-нибудь въ лазури, я вѣрю, что они отправились присоединяться къ звѣздамъ.

Но вотъ тѣнь и солнце надъ садомъ и осы, трепещущія тамъ въ лучахъ свѣта; вотъ длинныя, свѣтлыя и извилистыя дороги, окаймленныя тяжелыми маками и розами. Сегодня, въ день разлившагося свѣтлокудраго лѣта, на блестящихъ лужайкахъ и побурѣвшихъ холмахъ каждый лепестокъ подобенъ глазу, въ который проникаетъ и, трепеща, согрѣваетъ свѣтъ. Наиболѣе гордые изъ побѣговъ и самые скромные листья обрисованы такъ чисто, твердо и такъ первны, что въ нихъ все устремляется и все принимаетъ свѣтлое и благоговѣйное почитанье глазъ. Время рыжаго іюля убѣжало въ свою очередь и вотъ теперь спокойное солнце и нѣжный дождь, которые мягко прикасаются къ цвѣтамъ, не заставляя ихъ осыпаться; приблизимъ, какъ они, къ цвѣтамъ, не срывая ихъ, наши губы и пусть наше сердце, пока

мы цѣлуемъ ихъ красоту, созданную изъ столькихъ радостей и изъ столькихъ тайнъ, вѣритъ, что мы цѣлуемъ, пламенно, упоенно и сладострастно, самыя губы земли.

Насѣкомыя, цвѣты, листья, вѣтви сплетаютъ свою охватывающую и крошечную жизнь въ моей деревнѣ, вокругъ луговъ и огородовъ. Мой маленькій домикъ захваченъ въ ихъ сѣти. Часто послѣ полудня, до сумерокъ, отъ окна къ окну, вдоль прямой шестерни они волнуются и шумъ ихъ доходитъ до моей крыши; часто также, когда солнце убѣгаетъ къ горизонту, я слышу такъ сильно ихъ лихорадочное волненіе, что чувствую себя и мое сердце живущими какъ бы въ центрѣ ихъ возбужденія.

Тогда нѣжные цвѣты и хрупкія насѣкомыя окутываютъ меня какъ тысяча крыльевъ, созданныхъ изъ вѣтра, дождя и свѣта. Мой домикъ кажется гнѣздомъ, бережно сотрясаемымъ всѣмъ тѣмъ, что движется и живетъ въ свѣтѣ. Я безумно восхищаюсь всей завершенной природой, начиная съ карликоваго кустика и кончая гигантскимъ солнцемъ; я беру почтительно своими влюбленными пальцами лепестокъ, побѣгъ, спѣлое зернышко хлѣба; я больше не отличаю міра отъ самого себя, я—раскинувшаяся широко листва и колеблющіяся вѣтви, я—почва, блѣдные камни которой я попираю ногами, и я—трава придорожныхъ канавъ, куда я вдругъ спускаюсь, опьянѣвшій и изступленный, угрюмый, счастливый и плачущій".

Соціальный писатель.

(В. Г. Короленко).

[891.7.09]

Интересно знать, какая причина создаетъ писателю извѣстность — критика или какія-нибудь другія обстоятельства, незамѣтно дѣйствующія въ глубинѣ общественнаго вниманія къ писателю. Несомнѣнно, что критика является весьма часто своего рода толчкомъ, побуждающей причиной, и большинство писателей извѣстностью своей обязаны критикѣ. Но бываетъ и другой видъ писателей, которыхъ критика часто проглядываетъ и которые какимъ-то непонятнымъ путемъ проходятъ въ сознаніе общества и становятся или центромъ вниманія, или властителями думъ. Ко второй группѣ писателей принадлежитъ В. Г. Короленко, по словамъ г. Дермана („Завѣты", 1913 г., № 11),—„рѣдкій примѣръ писателя и общественнаго дѣятеля съ обширной популярностью, процессъ роста которой совершался, однако, почти незамѣтно".

„Въ этой жизни много блестящихъ страницъ, и вся въ цѣломъ она блестяща, но сіяніе ея ровно, равномѣрно: нѣтъ внезапныхъ вспышекъ и погасаній, которыми порою оттѣняются самыя вспышки. Въ его славѣ художника, напримѣръ, критика не сыграла почти никакой роли. Вышло какъ-то такъ, что не критика привлекла къ Короленко вниманіе и интересъ читателей, какъ это обыкновенно происходитъ, но, наоборотъ, читатели своимъ живымъ и дѣятельнымъ вниманіемъ вовлекли критику въ процессъ изслѣдованія творчества Короленко. Вообще, критическая литература, посвященная Короленко, бѣдна и качественно, и количественно и совершенно не соотвѣтствуетъ интересу, проявляемому къ этому писателю русскимъ обществомъ. Это особенно бросается въ глаза, если сравнить ее съ критической литературой о нашихъ другихъ писателяхъ — Чеховѣ, Горькомъ, Андреевѣ.

Это явленіе, конечно, имѣетъ свои причины, и главная изъ нихъ, кажется, та, что Короленко наиболѣе „традиціоненъ" изъ крупныхъ русскихъ художниковъ послѣдней эпохи. Онъ не столько возбуждалъ идейные споры,— самый значительный ингредіентъ нашей критики,— сколько будилъ идейное сочувствіе. Въ окружающей жизни онъ не столько открывалъ новыя области, сколько новымъ свѣтомъ освѣщалъ то, что открыто было его предшественниками. Его вниманіе привлекалъ глубокій и широкій фарватеръ жизни и его наиболѣе типическія отклоненія отъ нормы,— другими словами: элементарныя и массовыя, такъ сказать, линіи жизни, а не пряные, утонченные и экзотическіе ея мотивы. Онъ не столько прокладывалъ новыя дороги, сколько углублялъ старую, соціальную, традиціонно-гуманную колею русской литературы.

Именно на этой почвѣ углубленнаго соціальнаго чувства произошло общеніе В. Г. Короленко съ его читателемъ, расширившимъ на его разсказахъ свой соціальный опытъ, свой запасъ сочувствій.

Не такъ трудно добыть содержаніе отъ сложной человѣческой фигуры, полной дарованій, противорѣчій, внутренней борьбы,— все это само за себя говоритъ и, какъ яркая краска, кидается въ глаза. Но попробуйте добыть важное содержаніе у полудикаго Макара, у Микеши, съ ихъ потемками души, бѣднымъ языкомъ, съ элементарными очертаніями ихъ быта, ихъ жизни. Для того, чтобы раскрыть ихъ внутренній міръ, его надобно замѣтить, а онъ именно незамѣтенъ и сливается съ фономъ, на которомъ онъ рисуется, какъ сливаются предметы впотьмахъ,— онъ почти ничѣмъ во

внѣ не проявляется... Мопассанъ говоритъ въ одномъ частномъ письмѣ: „Тотъ, кто займетъ меня, повѣствуя о камушкѣ, стволѣ дерева, старомъ стулѣ, будетъ, очевидно, на вѣрномъ художественномъ пути“. Въ этихъ словахъ заключается цѣлый трактатъ о художественномъ творчествѣ. Замѣтить незамѣтное и раскрыть его содержаніе, которое, при своей абсолютной убогости, точно по волшебству, вдругъ оказывается необыкновенно значительнымъ, нужнымъ и важнымъ — вотъ подлинное мастерство. Недаромъ развитіе значенія русской литературы, отъ ничтожной величины до нынѣшнихъ всемірныхъ размѣровъ, шло неизмѣнно параллельно съ поворотомъ вниманія русскихъ писателей отъ парадныхъ сторонъ жизни — къ невиднымъ и незамѣтнымъ, отъ разззолоченныхъ вершинъ къ сѣрой глубинѣ, сливающейся съ сѣрымъ топомъ земли. И на этомъ пути Короленко принадлежитъ одно изъ почетныхъ мѣстъ.

Короленко незамѣтное дѣлаетъ значительнымъ исключительно силою своего художническаго вниманія.

Это вниманіе не того, нѣсколько техническаго, оттѣнка, которое можно обострить „упражненіями“, „выработать“, какъ выражаются спеціалисты. Это вниманіе сердца, которое дается любовью. Можно сказать съ увѣренностью, что годы внимательнаго „изученія“ природы народныхъ суевѣрій, или быта русскихъ поселенцевъ на Дунаѣ не дадутъ того, что дало Короленко утро затменія и однодневная поѣздка, или случайное знакомство съ соотечественникомъ, кинутымъ судьбою въ Румынію. Изученіе человѣка и изученіе всего остального, нечеловѣка — двѣ вещи разныя; очень хорошій геологъ или механикъ можетъ быть изъ рукъ вонъ плохимъ психологомъ... „Знаніе дается любовью“, говоритъ Короленко („Въ голодный годъ“, 276), и, конечно, всякое знаніе; но любовь на любовь не походитъ, и любовь къ человѣку — есть совершенно особенный талантъ, отличный отъ таланта любви къ вещамъ и къ чему бы то ни было, и этимъ талантомъ природа наградила В. Г. Короленко. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ видѣлъ пророческій сонъ: онъ увидѣлъ себя Наполеономъ, но не завоевателемъ, а защитникомъ. „Я пріѣхалъ въ Россію, чтобы сдѣлать здѣсь какое-то важное дѣло и кого-то непремѣнно защитить... Какое это дѣло, и кто ждалъ моей защиты — это было неясно. Въ смутномъ облакѣ неопредѣленно болящихъ ощущеній носились и фигуры Рыхлинскихъ, и солдатъ Аоанасій, и моя плачущая мать, и мать Стройновскаго... Гдѣ-то слышались отдѣльные выстрѣлы и крики, и стоны“...—Кого-то непремѣнно защищать — вѣдь это и есть девизъ всей дѣятельности Короленко, а крики и стоны, и отдѣльные выстрѣлы это — какъ разъ тѣ звуки жизненной борьбы, на которые онъ непрерывно откликается...

Каковы эти звуки въ ихъ конкретной формѣ, и какимъ образомъ на нихъ откликается Короленко, — мы здѣсь не станемъ подробно перечислять. Несомнѣнно одно, что все это совершается въ атмосферѣ любви. Именно любовь открыла ему тайники простыхъ, грубыхъ, порой порочныхъ душъ, скупыхъ въ проявленіи своихъ движеній и равнодушному глазу представляющихся потому неподвижными. Понять Макара можно, лишь полюбивъ его, не иначе.

Художникъ не можетъ собрать всѣ факты даннаго порядка, не можетъ строить образъ на основаніи статистическихъ выкладокъ и итоговъ. Но въ обращеніи съ человѣческимъ матеріаломъ у него долженъ быть могучій внутренній регуляторъ, любовь, внѣ которой никакой правды о человѣкѣ нѣтъ.

Чувствуя себя больнымъ, Толстой писалъ женѣ въ 1871 г.: „Больнѣе мнѣ всего за себя то, что я отъ нездоровья своего чувствую себя $^1/_{10}$ того, что есть. Нѣтъ умственныхъ, а главное, поэтическихъ наслажденій. На все смотрю, какъ мертвый, то самое, за что я не любилъ многихъ людей. А теперь самъ только вижу, что есть; понимаю, соображаю, но не вижу насквозь, съ любовью, какъ прежде“.

Въ этихъ словахъ схвачена самая сущность, сердцевина художественнаго созерцанія жизни: надо видѣть не то, что есть, а насквозь, съ любовью. Именно такъ Короленко и созерцаетъ жизнь. Развѣ его Макаръ идеализированъ? Его убожество во всѣхъ смыслахъ прямо подчеркнуто, онъ не только людей, но самого Господа Бога пытается надуть, пробуя подтолкнуть ногою чашку вѣсовъ, на которой лежитъ бремя его грѣховъ, и Тойонъ его обзываетъ обманщикомъ, лѣнивцемъ и пьяницей далеко не безъ основанія. Но за оболочкой фактовъ, этой $^1/_{10}$, Короленко напряженіемъ любви разглядѣлъ остальныя $^1/_{10}$ его придавленнаго человѣческаго существа и возстановилъ, такимъ образомъ, не только попранную справедливость, но и перспективу правды, столь часто извращаемую равнодушіемъ.

Въ произведеніяхъ Короленко самыя обычныя выраженія: сердце сжималось жалостью, или сочувствіемъ, безотчетный ужасъ сжалъ мое сердце и т. п. Это — простѣйшая и важнѣйшая реакція на человѣческое горе, мимо

котораго онъ никогда не проходитъ равнодушно. Здѣсь надо различать двѣ стороны явленія: сознаніе общей отвѣтственности, которое Короленко считаетъ характернѣйшей чертой послѣднихъ поколѣній, и непосредственное чувство любви. Въ немъ одинаково сильны и прямо слиты оба процесса. И, какъ это было указано на примѣрѣ съ Макаромъ, они рождаютъ уже чисто познавательные результаты. Однако, съ особенной яркостью эта способность любить, и потому самому глубоко понимать, выступаетъ въ очеркахъ Короленко, гдѣ нѣтъ ничего беллетристическаго, отъ фантазіи и воображенія.

Недостаточно обладать изобразительнымъ даромъ художника. Необходимы иксъ-лучи, освѣщающіе не наружныя, всѣмъ видимыя, а потайныя, скрытыя черты человѣческаго существа, недоступныя ни одному Родіонову на свѣтѣ, какъ бы тщательно онъ ни „изучалъ“ народъ, какъ бы ни сокрушался о его одичаніи и хулиганствѣ и какъ бы ни „владѣлъ перомъ“... Исходятъ же эти иксъ-лучи отъ солнца любви:

Ночь смотритъ тысячами глазъ, а день глядитъ однимъ,—
Но солнца нѣтъ, и по землѣ тьма стелется, какъ дымъ.
Умъ смотритъ тысячами глазъ, любовь глядитъ однимъ,—
Но нѣтъ любви — и гаснетъ жизнь, и дни бѣгутъ, какъ дымъ.

Любовь творитъ чудеса — выводъ автора этихъ очерковъ изъ его житейскихъ наблюденій. Любовь, какъ помнитъ читатель, переродила фатально обиженнаго природой слѣпого музыканта, растворившаго свою скорбь въ бѣдствіяхъ другихъ обездоленныхъ и даже почувствовшаго себя прозрѣвшимъ въ моментъ наивысшаго напряженія любви. Самыя запутанныя человѣческія отношенія, гдѣ все кажется безсильнымъ ихъ распутать, разрѣшаетъ лишь одна любовь.

Въ этомъ процессѣ было бы ошибочно усмотрѣть отвлеченную теоретизацію, перешедшую въ соціальный навыкъ, своего рода любовь къ человѣку по „долгу совѣсти“, велѣнію мысли. Бываетъ, конечно, и это (быть можетъ, гораздо чаще, чѣмъ кажется), но у Короленко этого не замѣчается ни на практикѣ, ни въ теоріи. Въ періодъ споровъ „народниковъ“ съ „марксистами“, заволакивавшихъ порою ближніе горизонты, нуждавшіеся въ живомъ вниманіи, онъ писалъ о томъ, что „Суббота“ роковыхъ законовъ, фетишизмъ схематическихъ процессовъ, своеобразная телеологія „конечныхъ цѣлей“ — закрываютъ нерѣдко многообразіе и живое волненіе жизни съ ея „требованіями“, изъ которыхъ, однако, въ окончательномъ счетѣ и слагается равнодѣйствующая самыхъ „законовъ“. — Располагая въ должной перспективѣ дальнее и ближнее, Короленко напоминалъ, что человѣкъ живетъ не для того, чтобы служить матеріаломъ для тѣхъ или другихъ схемъ, и процессъ жизни важенъ не по тѣмъ лишь конечнымъ формуламъ, которыми отличаются тѣ или другіе періоды, а и самъ по себѣ. Дорогъ „человѣкъ“, дорога его свобода, его возможное на землѣ счастье, развитіе, усложненіе и удовлетвореніе человѣческихъ потребностей... Поэтому, несомнѣнно, важны не одни конечные результаты, а и то, какъ они достигаются.

Возможное на землѣ счастье человѣка и есть въ сущности основная проблема литературной и всякой другой дѣятельности Короленко. Любая красота теряетъ въ его глазахъ свою привлекательность, свою цѣнность, если она не оживлена человѣкомъ. Самая природа навѣваетъ на него глубокую грусть, если на фонѣ ея не видно человѣка. „Мы говорили,— пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,— о впечатлѣніи, которое Крымъ произвелъ на меня, пріѣзжаго человѣка... Основнымъ фономъ этихъ впечатлѣній было ощущеніе какой-то загадочной тоски, которая, какъ назойливая муха, преслѣдовала меня среди всей этой захватывающей, ласкающей и манящей красоты, и все жужжала мнѣ въ ухо что-то навязчивое и непонятное. Мнѣ казалось, что это было ощущеніе безлюдья“. Какъ читатель можетъ замѣтить, это настроеніе прямо противоположно тому, которое получило въ послѣднее время широкое распространеніе въ литературѣ, являясь какъ бы ренессансомъ Байроновскаго индивидуализма на фонѣ XX вѣка, и которое можно формулировать, какъ тягу къ уединенію. И это несходство простирается и далѣе: байронистъ XX вѣка видитъ міръ съ его живымъ населеніемъ такимъ, какимъ онъ просвѣчиваетъ сквозь его уже готовое настроеніе одиночества. Художники типа Короленко, наоборотъ, получаютъ свое настроеніе въ прямой зависимости отъ того, въ какихъ формахъ стоитъ предъ ними міръ и — главное — человѣческая жизнь.

Вопросъ о формахъ человѣческой жизни — для послѣднихъ кардинальный вопросъ, и въ этомъ смыслѣ Короленко долженъ быть названъ соціальнымъ писателемъ. Это и опредѣлило самый выборъ мотивовъ въ его творчествѣ, направленіе его художническаго вниманія и систему разработки его темъ. Критика въ свое время отмѣтила относительную примитивность его сюжетовъ и какое-то отвращеніе къ

экзотичности. И это, разумѣется, не оттого, что жизнь представляется Короленко въ упрощенныхъ схемахъ,— онъ очень высоко цѣнитъ ея сложность и благословляетъ ея дальнѣйшее и вѣчное усложненіе. Причина кроется въ томъ, что соціально настроеннаго писателя съ особенной силой притягиваетъ къ себѣ основной, широкій фарватеръ жизни, магистраль народнаго быта. Это во-первыхъ, а затѣмъ та самая любовь къ человѣку, на которой и вырастаетъ это соціальное настроеніе, толкаетъ писателя въ ту сторону, гдѣ страданій больше, и гдѣ страдающіе беззащитнѣе. Вотъ почему Короленко всего охотнѣе обращается къ изображенію невидныхъ, простыхъ людей, и не только беретъ ихъ тамъ, гдѣ они сами идутъ подъ руку — въ якутской тайгѣ, въ глухихъ деревняхъ, но не теряетъ ихъ изъ поля зрѣнія и въ шумной сутолокѣ американской жизни, очерки которой онъ, столь характерно, посвятилъ изображенію своихъ родныхъ лозищанъ, Матвѣя и другихъ.

Въ этомъ широкомъ теченіи жизни ясно намѣчается ея вѣчное направленіе: стремленіе къ счастью. Это стремленіе для всѣхъ очевидно, но иные видятъ въ немъ лишь причину фатальныхъ трагедій, ибо счастье по своей природѣ неосуществимо. Короленко въ этомъ отношеніи является несомнѣннымъ оптимистомъ: „...я глубоко вѣрю,— пишетъ онъ въ письмѣ къ Гольцеву,— что вселенная не есть случайная игра случайныхъ силъ и явленій, что и „детерминизмъ“ и „эволюція“, что все это ведетъ къ признанію нѣкотораго закона, который „необходимо“ тяготѣетъ къ чему-то, что мы называемъ „благомъ“ во всѣхъ его видахъ (добро, истина, правда, красота, справедливость)“. Онъ влагаетъ въ уста одному своему герою формулу человѣческаго счастья: „человѣкъ созданъ для счастья, какъ птица для полета“.

Однако, жизнь эту формулу калѣчитъ, и она пріобрѣтаетъ уже иное значеніе: „человѣкъ созданъ для счастья, только счастье не всегда создано для него“. Но „не всегда“ еще оставляетъ надежду въ самомъ отсутствіи категоричности, а кромѣ того — и это самое главное — то, что портитъ человѣку счастье, не представляется Короленко всепобѣждающимъ, роковымъ и неизбѣжнымъ (по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ), и съ этимъ можно и должно бороться, можно и должно побѣждать. И вотъ Короленко съ неослабнымъ вниманіемъ прослѣживаетъ захватывающій своимъ живымъ, но не фатальнымъ драматизмомъ процессъ исканія счастья человѣкомъ, его борьбу съ препятствіями, его „искривленія“ и, съ особеннымъ сочувствіемъ, его „выпрямленія“.

Стремленіе къ счастью, какъ понятіе родовое, развѣтвляется на безчисленное множество видовыхъ стремленій, болѣе и менѣе элементарныхъ и наглядныхъ, или сложныхъ и потаенныхъ, поверхностныхъ или глубокихъ, открытыхъ или стыдливо прячущихся... Короленко останавливается въ своихъ произведеніяхъ на множествѣ такихъ ручейковъ, сливающихся въ могучую рѣку жизни, но нѣкоторые являются у него излюбленными. Таковы стремленія къ справедливости, гармоничности, къ свѣту, къ свободѣ, къ высшей правдѣ. Его представленіе о счастьѣ имѣетъ мало общаго съ ходячимъ шаблономъ этого понятія. — „Не стоитъ ли одинъ мигъ настоящей жизни цѣлыхъ годовъ прозябанья!..“ — восклицаетъ молодой офицеръ изъ разсказа „Мгновеніе“, выворачивая, такимъ образомъ, на изнанку ходячую формулу счастья: потише, поспокойнѣе, но зато подольше. И, вѣроятно, „средніе“ умы, „среднія“ сердца, а точнѣе всего — „среднія“ совѣсти отшатнулись бы отъ многихъ стремленій короленковскихъ героевъ, какъ отъ бѣдствія.

Отношеніе Короленко къ своимъ ищущимъ счастья героямъ очень сложно, ибо оно глубоко. Для поверхностнаго взгляда его рыбалка Нечипоръ, ищущій золотого Митридата на Керченской горѣ, окажется просто человѣкомъ, стремящимся безъ труда разбогатѣть. Для Короленко сквозь его исканія клада просвѣчиваетъ нѣчто болѣе возвышенное, хотя Нечипоръ бросилъ рыбачить, дѣйствительно, въ поискахъ матеріальнаго, а не отвлеченнаго клада; но этотъ кладъ, этотъ золотой Митридатъ, котораго онъ никогда не найдетъ, вырастаетъ въ символъ земной справедливости, которой судьба лишила Нечипора, повидимому, навѣки. Или вотъ девяностолѣтній Емельянъ. Этому, напротивъ, не только клада, а даже ничего „не нужно“, и автору лишь съ большими усиліями удалось выведать у Емельяна одно желаніе, да и то не прямо выраженное: желаніе имѣть новый кожухъ. Но въ этомъ кожухѣ нѣтъ ничего ни комическаго, ни прозаическаго: онъ указываетъ не на благоденствіе и удовлетворенность Емельяна, а, напротивъ, на его полную и многолѣтнюю неудовлетворенность, на страшную несправедливость жизни, лишившей Емельяна охоты и возможности чего бы то ни было желать... За хозяйственными, меркантильными хлопотами Маруси изъ глухой заимки въ Сибири Короленко разглядѣлъ нѣчто отличное отъ стремленія къ „мелкобуржуазному“ благополучію. Онъ увидѣлъ стремленіе къ гармоническому существованію, въ которомъ тай-

ной поэзіи больше, чѣмъ явной прозы. „У выхода изъ лѣсу, — пишетъ онъ, — на самой опушкѣ взглядъ мой остановила странная молодая лиственница. Нѣсколько лѣтъ назадъ деревцо, очевидно, подверглось какому-то нападенію: вѣроятно, какой-нибудь врагъ положилъ свои личинки въ сердцевину, — и ростъ дерева извратился: оно погнулось дугой, исказилось. Но затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы, тонкій стволъ опять выпрямился, и дальнѣйшій ростъ шелъ уже безукоризненно въ прежнемъ направленіи: внизу опадали усохшіе вѣтки и сучья, а вверху надъ изгибомъ буйно и красиво разрослась корона густой зелени. И мнѣ показалось, что я понялъ тихую драму этого уголка. Такимъ же стремленіемъ изломанной женской души держится весь этотъ маленькій мірокъ: оно вѣетъ надъ этой полумалорусской избушкой, надъ этими прозябающими грядками, надъ молоденькой березкой". — „Изломанная, смятая какой-то бурей, — пишетъ авторъ о той же Марусѣ, — она стремилась возстановить въ себѣ женщину и хозяйку. Для этого ей нужно было ея хозяйство, весь этотъ уголокъ. Для хозяйства нуженъ хозяинъ. Все это — лишь внѣшняя оболочка, въ которую, какъ улитка, пряталась больная женская душа". И когда Короленко узнаетъ, что у Маруси уже есть и хозяйство, и хозяинъ, и весь „укладъ" „мелкобуржуазнаго" существованія, — онъ вспоминаетъ про искалѣченную лиственницу и съ глубокимъ сочувствіемъ замѣчаетъ: „выпрямилась". — Инстинктивное стремленіе выпрямиться отъ навалившейся невзгоды, побороть ее — въ глазахъ Короленко является могучимъ факторомъ блага, и его высокое символическое значеніе подъ перомъ гуманнаго художника отдѣляется, какъ масло отъ воды, отъ корыстной и элементарно-эгоистической стороны процесса."

Свой очеркъ заканчиваетъ г. Дерманъ указаніемъ на тотъ кажущійся разладъ, который критики видятъ въ Короленкѣ художникѣ и публицистѣ. По мнѣнію автора, въ дѣйствительности нѣтъ никакого разлада, никакой трагедіи, потому что въ произведеніяхъ художника чувствуется внутренняя гармонія.

„Всѣ голоса въ немъ сильны: художника, публициста, общественнаго дѣятеля, заступника, но поютъ они объ одномъ, о любви. И это многообразіе, выросшее изъ одного корня, весьма для Короленко характерно. Оно наблюдается не только между разными отраслями его дѣятельности, но и въ сферѣ каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Въ гармоническомъ же многообразіи, которымъ является процессъ дѣятельности Короленко, я не могу усмотрѣть трагедіи... Если уже говорить о трагедіи, то развѣ лишь о трагедіи русской жизни, которая лишаетъ насъ объективныхъ цѣнностей, вынимаетъ изъ руки художника кисть и вкладываетъ въ нее мечъ. Короленко могъ бы, въ другихъ условіяхъ, только созидать положительное, а ему пришлось еще разрушать отрицательное, не только творить добро, но и бороться со зломъ. Макаръ и Микита закрѣплены въ образахъ, а мултанскій процессъ — только въ сердцахъ нашихъ, — и эти объективныя потери русской жизни, вообще говоря, неисчислимыя, очень велики и въ примѣненіи къ Короленко... Разумѣется, и для самого художника не можетъ быть легкой разлука съ кистью, невыполненіе замысловъ, — однако, все это такъ съ точки зрѣнія результата, но не процесса. Процессъ же дѣятельности у Короленко носитъ скорѣе эпическій, а не трагическій характеръ; онъ весь цѣликомъ уходитъ въ свою работу, безъ внутренней борьбы и разлада и всегда во славу единаго бога Любви.

Потому-то его дѣйствія и захватываютъ общество, что въ нихъ уходитъ вся его личность. И притомъ общество увѣрено, что онъ сражается только со зломъ и только во имя любви, справедливости и правды."

Новыя пьесы.

Еще о „Ревности" М. Арцыбашева.

[891.7—2]

Если судить по тому шуму—нѣтъ, это слабо — грохоту, съ какимъ арцыбашевская пьеса перекатывается по театрамъ, газетнымъ листамъ и лекціоннымъ заламъ Руси великой, можно Богъ вѣсть что подумать объ этомъ пріобрѣтеніи нашей сцены и нашей литературы. Но стоитъ только вникнуть въ „психологію" такой шумихи—и откроется довольно любопытное, весьма характерное, даже можно сказать, типичное явленіе современности. Это сдѣлалъ одинъ изъ публицистовъ „Утра Россіи", вѣкто ГА. Замѣтка его называется „Т-ш-ш!.." (№ 255).

„Не такъ давно былъ со мною въ театрѣ курьезный случай. Не только курьезный, впрочемъ, но и обидный, едва не закончившійся протоколомъ. Дѣло началось съ того, что гдѣ-то въ заднихъ рядахъ кто-то и кому-то, не знаю о чемъ—шепнулъ...

— Шш...—прекратилъ разговоръ сосѣдъ.

Но кто-то другой услыхалъ сосѣда и, уже по адресу этого послѣдняго, крикнулъ:

— Тише, пожалуйста.

— Тш...—зашипѣли сосѣди.

— Тише! — раздался протестъ уже рядомъ со мною.

— Шш!.. Тише!—зашипѣло на протестанта разомъ нѣсколько голосовъ.

И съ этого началось. Вскакивали взволнованно съ мѣстъ, кричали „тише!“ и „довольно!“, заговорили возмущенно, видимо, бранясь... Кто-то требовалъ, чтобы сѣли...

— Сядьте! — зашумѣли въ разныхъ мѣстахъ.

— Шш!.. Тише! Довольно!—останавливали другіе.

— Тише!—попытался я, наконецъ, возстановить тишину. Но, оглянувшись, закипѣлъ отъ негодованія: прямо въ упоръ смотрѣло на меня лицо съ ощетинившимися усами, съ глазами, вытаращенными отъ злобы, и шипѣло:

— Тише вы! Слышите?!

— А я что говорю?—прошипѣлъ я въ отвѣтъ.

— А я вамъ говорю: тише!

— А я что говорю?!—вскипѣвъ, возвысилъ я голосъ.

— Ти-и-ше-е!.. — звучалъ въ одной нотѣ чей-то уже истерическій голосъ...

Этотъ курьезный, а тогда возмутившій меня случай вспоминается мнѣ, когда я слышу шумъ вокругъ арцыбашевской „Ревности“. Весь этотъ нескончаемый рядъ ораторовъ отъ г-на Ефимовскаго въ Юридическомъ собраніи до г-жи Гончаровой на диспутѣ въ Политехническомъ музеѣ напоминаетъ мнѣ шумѣвшую изъ ничего театральную публику. Признано, очевидно, тогда же, въ театрѣ, что пьеса — ничто. Сцена обращена въ скотопригонный дворъ, а въ зрительномъ залѣ виситъ въ воздухѣ, какъ въ пивной, непечатное слово. Но, разумѣется, вѣдь не о томъ, что дѣлается на скотопригонномъ дворѣ, и не о томъ, что говорится въ пивной, дѣлать доклады и вести пренія. И приходится поэтому прибѣгать къ своеобразному критическому методу: утвердительно-отрицательному. Припоминать положительную терминологію и прилагать къ ней всяческія „нѣтъ“, „анти“ и „не“. Г. Ефимовскій дошелъ уже до послѣдней точки, заявивъ, что „Ревность“ Арцыбашева—не есть литературный фактъ.

— Тише! —готово было, очевидно, сорваться съ устъ г-на Ефимовскаго.

Но въ чемъ же все-таки дѣло? И откуда шумъ?

Разгадка, мнѣ кажется, заключается въ томъ, что когда-то и кто-то — совсѣмъ тихо, правда, — обругалъ писателя Арцыбашева. Съ этого и началось. И вотъ выросъ и растетъ еще этотъ своеобразный и безтолковый, какъ въ театрѣ, шумъ—слава писателя Арцыбашева. И всякій, кто берется серьезно за перо, кто всходитъ, серьезный, на ораторскую трибуну, — строитъ этажи этой курьезной арцыбашевской славы, цѣликомъ состоящей изъ „тише“ и „довольно“. „Сядьте!“ — рекомендуютъ еще нѣкоторые, сами вставая для большей убѣдительности. Создается безвыходное положеніе: чѣмъ больше успокаивать публику, чѣмъ энергичнѣе раскрывать пустоту арцыбашевскихъ потугъ,— тѣмъ выше, оказывается, настраивать этажи этой курьезной славы. Говоря слово: „тише!“—вы, оказывается, шумите! И, конечно, чѣмъ сильнѣе человѣкъ, поднимающій свой голосъ противъ Арцыбашева, тѣмъ большій вырастаетъ шумъ...“

* * *

Конечно, не все въ этомъ театрально-литературно-лекціонномъ шумѣ заслуживаетъ такого окрика: „Т-ш-ш! тише!“ Кое къ чему, наоборотъ, слѣдовало бы, пожалуй, прислушаться.

Выдѣлимъ нѣсколько мыслей изъ высказаннаго Л. Войтоловскимъ въ „Кіевск. М“. (№ 310).

„Говорятъ, что Арцыбашевымъ руководило желаніе оттѣнить безграничное великодушіе мужчины и втоптать въ грязь мірокрушительную подлость женщины. Нѣтъ, если онъ кого, дѣйствительно, втаптываетъ въ грязь въ этой пьесѣ, такъ это мужчину, который съ радостью, съ ненавистью, съ неукротимымъ сладострастіемъ предается необузданной ревности. Арцыбашевъ раскрываетъ самую природу мужской любви и приходитъ къ выводу, что во всякой мужской любви есть только два элемента: вожделѣніе и ревность.

Не женщина сама по себѣ — воплощенная похоть и грязь, а это мы, укладывая ее въ чужія постели, перебрасывая ее изъ объятій въ объятія своей ревнивой фантазіей, доводимъ ее до цинизма и лжи. Она десять разъ отопрется отъ самаго пустого признанія — изъ страха вызвать нашъ деспотическій гнѣвъ, и затѣмъ, обозленная и измученная, начнетъ притворяться и подличать на каждомъ шагу— изъ мести, изъ желанія оплевать и унизить. Если бы послѣдняя сцена драмы не закончилась смертью Елены, то, продолжая оставаться въ той же атмосферѣ похотливыхъ исканій, съ одной стороны, и вѣчной подозрительности, съ другой,—Елена Николаевна неминуемо перешла бы отъ флирта къ разврату. Чистая Соня

сдѣлалась бы разнузданной и беззастѣнчивой Клавочкой.

Не потому, что гдѣ-то въ глубинѣ ея существа таится непобѣдимая потребность грѣховности и лжи. Даже Клавочка говоритъ своимъ любовникамъ съ отвращеніемъ: „Отдаваться... Дѣло не въ этомъ. Это только неизбѣжный конецъ, который вы, мужчины, и требуете“... Но у Елены Николаевны просто нѣтъ другого исхода. Новый мужъ или новый любовникъ будетъ вѣдь такимъ же ревнивцемъ, какъ и Сергѣй Петровичъ, если не хуже. И переходы отъ мужчины къ мужчинѣ, отъ ревнивца къ ревнивцу будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока ложь, подлость и похоть не зальютъ въ душѣ Елены Николаевны послѣдняго чистаго уголка, и она не „шлепнется въ грязь, какъ послѣдняя тварь“.

И мудрецы, подобные доктору, или Андрею Ивановичу, съ презрѣніемъ указываютъ на нихъ пальцемъ и поучительно наставляютъ другъ друга: вотъ онѣ въ кого превращаются, эти нѣжныя и чувствительныя Сонечки.

Таковъ заколдованный кругъ, въ который загоняетъ женщину наша ревность: отъ Сони къ Еленѣ и отъ Елены къ Клавочкѣ. Средніе вѣка не знали нашего лицемѣрія и открыто заточали женщину въ терема и гаремы. Мы сочиняемъ интересныя книги въ посрамленіе пошлякамъ и насильникамъ; но чуть дѣло коснется насъ самихъ,—не въ книгѣ, а въ жизни, мы тревожно подкарауливаемъ каждый жестъ и каждый взглядъ нашей возлюбленной и не стыдимся признаться, что считаемъ ее существомъ низкимъ и развратнымъ, готовымъ отдаться всѣмъ и каждому, встрѣчному и поперечному, глупо, безцѣльно, грязно, какъ собака.

...Значитъ, пьеса эта сатира? Злая сатира на мужчинъ, которые исплевали женскую душу и сами же подло хихикаютъ надъ своими любовницами, душатъ, терзаютъ и убиваютъ?

Тогда почему же эти женщины оскорбляютъ вашу порядочность? Почему волна такой нестерпимой пошлости несется на васъ со сцены?

Потому, что и самъ Арцыбашевъ—одинъ изъ этихъ ревнивцевъ, представленныхъ имъ въ освѣщеніи такой жестокой иронiи. Потому, что Арцыбашевъ-ревнивецъ побѣдилъ въ немъ художника и наполнилъ воображеніе послѣдняго воспаленною похотью. Оттого онъ не видитъ ни чистоты, ни святости въ женщинѣ и съ жаднымъ любопытствомъ прислушивается къ пошлымъ сплетнямъ своего пьянаго доктора“.

„Левъ и Андроклъ“ Бернарда Шоу.

[82—2]

О Бернардѣ Шоу теперь усиленно твердятъ, что съ каждой новой пьесой талантъ его идетъ на убыль. Въ нынѣшній сезонъ онъ далъ сразу три новинки: „Льва и Андрокла“, „Великую Екатерину“ (Лондонъ) и „Пигмаліона“ (Вѣна). Если двѣ послѣднія пьесы дѣйствительно не заслуживаютъ серьезнаго вниманія, то этого нельзя сказать о первой, въ которой многіе напрасно увидѣли чуть не клоунаду зазнавшагося моднаго драматурга, просто шалость блестящаго, но не всегда разборчиваго пера.

Пьеса „Левъ и Андроклъ“ уже выпущена на рус. языкѣ, отдѣльнымъ изданіемъ, а кромѣ того, переводчица ея З. Венгерова дала какъ бы сопроводительную статью о пьесѣ въ „Рус. Сл.“ (см. № 264).

Бернардъ Шоу разработалъ извѣстную легенду объ Андроклѣ и вылѣченномъ имъ львѣ, который отплатилъ тѣмъ, что пощадилъ его при новой встрѣчѣ, въ циркѣ, когда въ бронированномъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ узналъ своего благодѣтеля. Поскольку использовано древнее преданіе, пьеса является проповѣдью любви къ животнымъ и коренного единства жизненнаго начала въ мірѣ, его живой сущности. Но не только въ этомъ выраженъ идеализмъ автора, обычно сочетающійся у Б. Шоу съ парадоксальной сатирической формой. Идеализмъ его здѣсь—болѣе возвышеннаго характера. Въ основѣ замысла „Льва и Андрокла“ лежитъ вѣра въ исканія духа человѣческаго и въ живой подвигъ любви.

Своего Андрокла (по легендѣ—рабъ) Шоу сдѣлалъ христіанскимъ мученикомъ. Задачей драматурга было изобразить первыхъ христіанъ, раскрыть ихъ психологію, но такъ, чтобы отчетливо возсоздалось то существенное, что живо, дѣйственно и понынѣ,—изобразить событія минувшаго такъ, какъ ихъ переживали бы мы съ нашими чувствами, съ нашей психикой. Основа жизни и основа духа,—по мысли Б. Шоу,—единая для всѣхъ временъ. И поэтому писатель считаетъ себя въ правѣ замѣнить историческую правду правдой психологической.

Среди христіанскихъ мучениковъ въ пьесѣ Шоу выдѣляется яркая фигура силача Феровія—фанатика христіанской вѣры, но безсильнаго привить себѣ основу христіанства—кротость. Одна изъ центральныхъ сценъ второго дѣйствія—та, гдѣ его рѣшеніе быть кроткимъ подвергается жестокому испытанію. Къ нему

подступаетъ молодой патрицій Лентулъ, и между ними происходитъ слѣдующій разговоръ.

„Лентулъ.—Говорятъ, ты подставляешь другую щеку, если тебя ударить?

Феровій.—Да, милостью Господней, я теперь такъ поступаю.

Лентулъ.—Конечно, не изъ трусости, а изъ одного благочестія. Ха-ха!

Феровій.—Я больше боюсь Господа, чѣмъ людей; по крайней мѣрѣ, таково мое стремленіе.

Лентулъ.—Ну, посмотримъ. (Ударяетъ его по щекѣ. Феровій подставляетъ другую щеку. Лентулъ, растерявшись, хихикаетъ и слабо ударяетъ его снова). Мнѣ бы, конечно, было стыдно терпѣть побои. Но я, вѣдь, не христіанинъ. Я — мужчина. (Феровій грозно поднимается и стоитъ передъ нимъ исполиномъ. Лентулъ мѣняется въ лицѣ и зеленѣетъ отъ ужаса).

Феровій (со спокойствіемъ парового молота). — Я прежде не былъ такимъ смиреннымъ. Первый человѣкъ, ударившій меня, былъ покрѣпче тебя. И ударилъ онъ больнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Я не устоялъ противъ искушенія и палъ... Тогда-то впервые испыталъ горечь сокрушеннаго стыда. Я не могъ успокоиться, пока не сталъ на колѣни передъ его изголовьемъ въ госпиталѣ и не испросилъ его прощенія. (Опускаетъ со всей силой руки на плечи Лентула съ отеческимъ видомъ). Но теперь я научился сдерживать себя; мнѣ на это дана сила свыше. Я не стыжусь болѣе, не гнѣваюсь.

Лентулъ (безпокойно).—И...прощайте.

Феровій (удерживая его за плечи). — Не ожесточай своего сердца, юноша. Испытай лучше на себѣ самомъ, что нашъ путь спасительнѣе. Я сейчасъ ударю тебя по щекѣ, а ты подставь другую,—и ты увидишь, до чего тебѣ будетъ легче на душѣ, чѣмъ если бы ты поддался искушенію гнѣва. (Держитъ его одной рукой, а другую сжимаетъ въ кулакъ). Ну, братецъ, соберись съ духомъ. Я причиню на минуту страданія твоей плоти, но духъ твой возликуетъ въ своемъ торжествѣ надъ тѣломъ. (Собирается ударить его).

Андроклъ.—Легче, Феровій, легче. Въ прошлый разъ ты сломалъ челюсть тому, кто на тебя напалъ. (Лентулъ пытается убѣжать, но Феровій безжалостно держитъ его за плечо).

Феровій.—Это правда, но я спасъ его душу. Что въ сравненіи съ этимъ сломанная челюсть?!

Лентулъ. — Не тронъ меня, — слышишь? Законъ...

Феровій. — Законъ броситъ меня на съѣденіе львамъ; худшаго онъ со мною не можетъ сдѣлать, даже если бы я убилъ тебя. Молись, чтобы духъ твой укрѣпился, и молитва твоя будетъ услышана.

Лентулъ. — Пусти меня. Твоя вѣра запрещетъ тебѣ ударить меня.

Феровій.—Напротивъ, — она мнѣ это повелѣваетъ. Какъ ты подставишь другую щеку, если я не ударю тебя сперва по одной?

Лентулъ (почти въ слезахъ).—Но я и такъ убѣжденъ въ истинѣ твоихъ словъ. Я прошу прощенія за то, что ударилъ тебя.

Феровій (обрадованный).—Значитъ, я смягчилъ твою душу, твое сердце, сынъ мой? Такъ примкни къ намъ. Пойдемъ вмѣстѣ на съѣденіе львамъ. Претерпи съ нами муки и смерть...

Лентулъ (падая на колѣни, въ слезахъ). — Помогите мнѣ!

Феровій.—Эти слезы увлажнятъ твою душу, сынъ мой, и принесутъ благіе плоды. Господь щедро благословилъ мои труды въ дѣлѣ обращенія невѣрующихъ. Хочешь, я разскажу тебѣ объ одномъ чудесномъ,—именно чудесномъ,—обращеніи, совершенномъ мною въ Каппадокіи. Нѣкій юноша,—какъ-разъ такой, какъ ты, съ такими же золотыми волосами, какъ твои, — потѣшался надо мной и ударилъ меня, вотъ какъ ты дразнилъ и билъ меня. Я провелъ съ нимъ наединѣ цѣлую ночь напролетъ и боролся съ нимъ за его душу. Къ утру онъ не только обратился въ христіанство, но и волосы у него были бѣлые, какъ снѣгъ. (Лентулъ падаетъ въ глубокомъ обморокѣ.) Ну, вотъ, унесите его. Имъ овладѣлъ духъ, и онъ изнемогъ. Бѣдный мальчикъ. Снесите его осторожно домой и предоставьте остальное на волю Божью.“

Феровій—не карикатура на христіанина, а христіанинъ, оставшійся, при всемъ усердіи своей вѣры, *по ту сторону христіанства*. Еще болѣе по ту сторону христіанства другой изъ обреченныхъ умретъ на аренѣ — Спинто. Мученичество его страшитъ, но это единственно возможная въ его положеніи коммерческая сдѣлка съ небеснымъ правосудіемъ; поэтому, чтобы „пострадать за вѣру“, ему необходимо только быть увѣреннымъ, что „мученичество уплачиваетъ по всѣмъ счетамъ“.

На другомъ полюсѣ отношенія къ христіанству стоитъ героиня пьесы, Лавинія. Въ ней воплощено философское отношеніе къ религіи, чистый культъ духа. Ей не нужна вѣра въ загробную награду. „Неужели вы думаете, что я убѣгаю отъ ужасовъ жизни ради удобствъ неба?—возражаетъ она старающемуся смутить ее капитану.—Если бы грядущей жизни и не было, или если бы она была сплошной мукой,

все же я должна была бы итти моимъ путемъ. Надо мной рука Господня". Ея чистая духовность тоже выходитъ за предѣлы вѣры, носительницей которой она выступаетъ, и единственнымъ цѣльнымъ христіаниномъ въ пьесѣ является Андроклъ — смиренный, безмятежный, не мудрствующій защитникъ слабыхъ, другъ животныхъ.

Всѣ эти разныя души, внутренно мало объединенныя общей цѣлью, къ разному и приходятъ на своемъ общемъ пути.

На сценѣ (третье дѣйствіе) идетъ подготовка къ представленію: охарашиваются гладіаторы, въ страхѣ жмутся другъ къ дружкѣ христіане передъ выходомъ на арену. Первой свершается судьба маловѣрнаго Спинто. Страхъ одолѣваетъ его, и онъ бѣжитъ принести спасительную жертву богамъ. Но, по ошибкѣ, онъ попадаетъ не къ алтарю, а прямо въ пасть голодному льву. Погибнувъ ужасной смертью, онъ отъ страха не успѣлъ даже сдѣлаться мученикомъ...

Судьба Феровія опредѣляется борьбой Марса съ новой вѣрой въ его душѣ. Онъ идетъ на арену съ мечомъ въ рукѣ, съ тѣмъ, чтобы не поднять его на аренѣ и тѣмъ ярче доказать свою вѣру. Онъ страшится не смерти, не муки, а себя и своего гнѣва,— и выходитъ изъ боя пораженнымъ, т.-е. побѣдителемъ. Забывъ свое рѣшеніе, давъ волю гнѣву, онъ уложилъ на мѣстѣ шесть гладіаторовъ. Въ глазахъ Рима, въ глазахъ восхищеннаго цезаря онъ — тріумфаторъ, онъ — первый человѣкъ. Этимъ пользуется капитанъ, чтобы спасти Лавинію, къ которой всплылъ любовью. Цезарь великодушно освобождаетъ не только ее, но и всѣхъ христіанъ. Феровій въ отчаяніи: онъ погубилъ свою душу. Но онъ принимаетъ рѣшеніе рока и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаетъ и отклоненное имъ раньше предложеніе вступить въ гвардію. „Марсъ побѣдилъ,— говоритъ онъ цезарю. — Христіанскій Богъ еще не воцарился. Онъ придетъ, когда Марсъ и я будемъ прахомъ. А пока я буду служить богамъ, которые существуютъ въ мірѣ, а не грядущему Богу. Я согласенъ служить въ гвардіи, цезарь".

Лавинія, когда ея братья по вѣрѣ отрекаются отъ „грядущаго Бога", остается „служить Богу, царство котораго еще не пришло". Ея религія — въ исканіяхъ духа.

На живой подвигъ вѣры и любви способенъ только чистый и простой духомъ Андроклъ. Всѣхъ христіанъ освободили, но толпу нельзя лишать зрѣлища: ей нуженъ обѣщанный христіанинъ для голоднаго льва, и Андроклъ просто беретъ на себя искупительную жертв И онъ со своей жертвой, со своей любовью настолько въ предѣлахъ постижимаго, живого и насущнаго, что просто и естественно свершается чудо жизни, и его подвигъ вознагражденъ благодарностью льва.

Послѣ его побѣды происходитъ забавная сцена бѣгства цезаря отъ льва, который недоволенъ обращеніемъ съ его другомъ Андроклом. Цезарю приходится притворно пожимать руки Андроклу и цѣловать его, какъ брата, чтобы успокоить льва. „Убѣдите его, ваша милость, что мы съ вами — большіе друзья! Снизойдите до этого, ваша милость!"— кричитъ ему Андроклъ, спасая его отъ наивнаго проявленія „дружескихъ" чувствъ со стороны льва.

Б. Шоу вѣренъ себѣ: въ событіяхъ минувшихъ вѣковъ онъ усматриваетъ не ихъ законченный смыслъ, а ихъ движущее начало. Феровій, Спинто, Лавинія—не исторія. Все такъ же живъ въ наше время Марсъ въ душахъ современныхъ Феровіевъ, все такъ же не вмѣщаютъ они исповѣдуемой ими вѣры, но не такъ искренно сознаются въ этомъ. Все такъ же движима лишь страхомъ и корыстью темная масса современныхъ Спинто. Все такъ же живая религіозная сила обращена на грядущее, и въ мыслящемъ человѣчествѣ не прекращается подвигъ Лавиніи. И все такъ же нуженъ міру безхитростный подвигъ любви, воплощенный въ Андроклѣ. Въ этихъ двухъ образахъ Лавиніи и Андрокла Шоу воплотилъ вѣчную сущность религіозной идеи — исканія духа и живую любовь, обращенную на жизнь.

„Братья Лувернэ" Ж. Шлюмберже. [84—2].

Въ Парижѣ плохо прививается серьезный, идейный театръ. Героическія усилія „Théâtre Libre" извѣстнаго Антуана и позднѣйшаго, еще влачащаго свое существованіе „Théâtre des Arts" неизмѣнно разбивались и разбиваются о рутину и низменный вкусъ публики. Недавно открылся еще одинъ такой театръ — „Du Vieux Colombier" („Старой Голубятни"), поставившей своей цѣлью борьбу съ „индустріализмомъ парижской сцены".

Объ одной изъ пьесъ репертуара этого новаго культурнаго театра пишетъ въ „Русск. Вѣд." (№ 259) Бѣлоруссовъ, и сейчасъ же видно, какъ чужда пьеса Шлюмберже тому духу, которымъ живетъ современная специфически-французская драма.

Передъ зрителемъ развертывается столкновеніе двухъ характеровъ, — двухъ братьевъ Луверне, изъ которыхъ старшій Дидье — силь-

ный, властный, эгоистическій и душевно элементарный человѣкъ, привыкшій брать отъ жизни все, что ему нужно. Алланъ,—младшій и физически слабѣйшій,—съ дѣтства привыкъ обуздывать себя, побѣждать свои желанія. Зрителямъ ясно, что это—самозащита слабѣйшаго. Но въ то же время борьба съ собой расширила его душевные горизонты и облагородила его. Всѣ живыя силы его ушли не на добычу для себя, а на служеніе другимъ. Онъ отдалъ брату свою часть наслѣдственнаго имѣнія и на оставленномъ клочкѣ земли устроилъ школу садоводства для крестьянъ. Въ то время, когда братъ хозяйничаетъ и наживается, онъ учительствуетъ. И не только землю уступилъ онъ брату, — онъ уступилъ ему и дѣвушку Сильвію, которую они оба полюбили, — уступилъ отчасти по привычкѣ уступать, отчасти по неувѣренности въ себѣ. За то онъ пользуется всеобщей любовью крестьянъ, всеобщимъ уваженіемъ сосѣдей, брата же ненавидятъ за его кулацкія замашки.

Дѣйствіе начинается съ того, что старшій братъ рѣшается прогнать нѣсколькихъ арендаторовъ, не уплатившихъ вслѣдствіе неурожая аренду за свои фермы, и въ томъ числѣ преданнаго стараго крестьянина, которому семья много обязана. Младшій протестуетъ, пытается отговорить брата,—но неудачно. „Или хозяйничать, или заниматься филантропіей“,—говоритъ тотъ. Младшій ищетъ тогда денегъ, чтобы заплатить за фермера, и не находитъ. Передъ его глазами совершается возмутительная вещь, и онъ безсиленъ. Хуже того: онъ самъ далъ своему брату возможность гнуть и разорять людей. Одновременно онъ узнаетъ, что жена брата,—та, отъ которой онъ отказался,— несчастлива замужемъ, что она въ сущности любила его, ждала его, но не дождалась, что старшій взялъ ее почти насильно. И этотъ двойной ударъ вызываетъ въ немъ глубокій душевный кризисъ. Кто вѣчно уступаетъ, кто все отдаетъ другимъ, не только самъ остается съ пустыми руками,—онъ становится безполезнымъ для другихъ. Надо умѣть бороться, побѣждать и брать. И на первый разъ онъ беретъ жену брата,—женщину, которую онъ любитъ и которая любитъ его. Ночью они объяснились, утромъ они уѣзжаютъ. Сложены чемоданы, лошади запряжены,—остается сѣсть и ѣхать. Но какъ же со школой? Бросить дѣло цѣлой жизни? И, съ другой стороны, развѣ, „укравъ“ жену брата, онъ сохранитъ уваженіе людей,—тѣхъ людей, которымъ онъ служилъ? „Оставайся,— говоритъ ему Сильвія,— я уѣду одна; нельзя для женщины бросать дѣло жизни; это не дастъ ни счастья, ни удовлетворенія“... Въ эту минуту входитъ братъ. Вражда сосѣдей, „измѣна“ жены раздавили его. Онъ измученъ; онъ усталъ бороться. И, видя жену и брата готовыми къ отъѣзду, онъ опускаетъ руки. „Вы, значитъ, ѣдете? Ну, такъ уѣзжайте же скорѣе. Лошади ждутъ. Ну!“ Но роль берущаго, роль „грабителя“, не по силамъ младшему. Онъ что-то говоритъ, что-то хочетъ объяснить, оправдаться. Старшій слушаетъ презрительно и вдругъ властно подходитъ къ женѣ и нѣжно, но въ то же время сильно, говоритъ ей: „Постой. Ты—все-таки моя жена... Этого не передѣлаешь... Пойдемъ домой“. И, обнявъ ее, уводитъ. „Алланъ, Алланъ!“—стонетъ Сильвія,—стонетъ, но идетъ за сильнымъ. А слабый Алланъ, потрясенный и униженный, стоитъ и молча смотритъ, какъ второй разъ у него отнимаютъ то, что онъ хотѣлъ имѣть...

„Трагедія сердца“ П. Аппеля.
[83—2]

Пьеса эта прошла съ большимъ успѣхомъ въ Мюнхенѣ. Отмѣчающій ее корреспондентъ „Театральной Газеты“ (№ 7) г. М. выдѣляетъ „Трагедію сердца“ въ текущемъ репертуарѣ западно-европейскаго театра по „тонкости наблюденій надъ будничной психологіей любви“. Вотъ содержаніе пьесы.

Приватъ-доцентъ Эрнстъ Гермейленъ послѣ трехъ лѣтъ супружества начинаетъ чувствовать охлажденіе къ женѣ. Онъ не увлеченъ другой женщиной, но жена потеряла для него всякую притягательную силу. Онъ ее уважаетъ, привязанъ даже къ ней, но влеченія къ ней, какъ къ женщинѣ, у него уже нѣтъ. Онъ, съ одной стороны, старается все время ловить себя на этой мысли и испытываетъ при этомъ большія мученія, но, съ другой стороны, всѣмъ моральнымъ существомъ противится такому сознанію и рѣшается во что бы то ни стало не выдать себя, не дать ничего почувствовать женѣ, невиноватой въ томъ, что она утратила для него свое обаяніе женщины. Она должна оставаться въ счастливымъ невѣдѣніи и думать, что онъ ее попрежнему любитъ.

Параллельно съ такими переживаніями мужа у жены его Гертруды совершенно самостоятельно возникаетъ дѣтски-наивное желаніе „заставить мужа испытать муки ревности“. Подвертывается удобный случай. Къ Гертрудѣ уже давно неравнодушенъ неуклюжій и мало интересный педагогъ Риттеръ. Она устраиваетъ такъ, что безплодно воздыхающій педагогъ получаетъ возможность на колѣняхъ молить ее о поцѣлуѣ. Въ этотъ моментъ входитъ мужъ. Гертруда счастлива и, стараясь по вов-

можности сохранить серьезный тонъ, съ притворствомъ ловкой комедіантки „признается“ мужу, что она любитъ Риттера. Для мужа это, конечно, является поражающей его неожиданностью, но въ слѣдующій моментъ онъ готовъ благодарить судьбу, которая сама идетъ ему навстрѣчу, и съ удовольствіемъ даетъ женѣ „полную свободу“. Несчастную женщину исходъ ея шутки точно громомъ ударилъ, и она падаетъ, какъ снопъ, въ глубокомъ обморокѣ на полъ.

Когда черезъ нѣсколько дней она оправилась отъ перваго потрясенія, одинъ изъ близкихъ друзей ея мужа, которому онъ довѣрился во всемъ, посвящаетъ ее въ мотивы и переживанія мужа, приведшія къ столь неожиданнымъ для бѣдной женщины результатамъ. Самоубійствомъ заканчиваетъ она „трагедію сердца“. Когда мужу сообщаютъ о смерти Гертруды, кто-то въ сосѣдней комнатѣ какъ разъ наигрываетъ грустную мендельсоновскую пѣсенку: „Скоро, увы, проходятъ дни счастья...“

Будущіе пастыри.

(„Новая бурса“ Л. Добронравова.)

[891.7—3 : 254]

Нынѣшней осенью исполнилось полвѣка со дня смерти бытописателя дореформенной бурсы—И. Г. Помяловскаго. Съ этой пятидесятилѣтней годовщиной совпало печатанье въ „Завѣтахъ“ (VI—X) большой повѣсти изъ семинарской жизни нашего времени. Заглавіе, данное авторомъ своему произведенію, удачно подчеркиваетъ „красную нить“ повѣсти. Да, это уже *новая* бурса — не бурса Помяловскаго. Недавно пережитые всей Россіей „дни свободы“ властно внесли и сюда кое-какія „новыя вѣянія“, хоть малую частицу „духа свободы“. Но все же это попрежнему—въ основѣ своей—все та же знаменитая, такъ туго поддающаяся натиску „новыхъ вѣяній“, *бурса*, во многомъ еще такая же дикая, нелѣпая, грубо-жестокая. И не разъ при чтеніи повѣсти Л. Добронравова забываешь совершенно, что цѣлыхъ полстолѣтія отдѣляетъ героевъ ея отъ типовъ „старой бурсы“, увѣковѣченныхъ когда-то Помяловскимъ.

* * *

Изъ разсказанныхъ молодымъ авторомъ семинарскихъ „событій“ первое, которое становится *событіемъ* и въ глазахъ читателя, это—изгнаніе инспектора о. Варсонофія. Ближайшимъ поводомъ къ самосуду послужили обыскъ въ „комодной“ и слѣдующее обстоятельство.

„...Передъ урокомъ Лошади (урокомъ „страшной“ философіи) классъ опустѣлъ. Человѣкъ пятнадцать рѣшили „спастись“.

Шишъ взобрался на каѳедру и, паясничая и кривляясь, заговорилъ:

— Ваши преосвященства, милостивые архипастыри и отцы!.. Приглашаю членовъ общества спасанія на водахъ и въ тайныхъ мѣстахъ приступить къ своимъ прямымъ обязанностямъ!..

Любитъ бурса „спасаться“. „Спасаются“ отъ уроковъ, отъ обѣденъ и всенощныхъ, утреннихъ и вечернихъ молитвъ, но никто не „спасается“ отъ обѣдовъ и ужиновъ. „Спасаются“ вездѣ, гдѣ можно: въ клозетахъ, въ „живописке“, „переплеткѣ“, „столяркѣ“, спальняхъ, нѣкоторые — въ столовой, больницѣ и подвальномъ этажѣ. „Втираются“ Варсонофію, его помощникамъ, получаютъ дурные баллы „по поведенію“,— но не перестаютъ „спасаться“. А Варсонофій умѣлъ и любилъ ловить „спасалъ“. Часто, задравъ полы рясы и подрясника, онъ мчался бѣгомъ по коридорамъ и лѣстницамъ въ погонѣ за неисправной бурсой и кричалъ ей вслѣдъ:

— Вижу-у!.. Все равно вижу-у, кто!

А бурса, поднявъ воротники тужурокъ на головы, бѣжала изо всей мочи, свистѣла и кричала Варсонофію:

— Врешь!.. Не видишь!..

Труднѣе всего было „спастись“ отъ уроковъ, потому что преподаватели, кромѣ Лошади, записывали отсутствующихъ въ журналъ“.

Итакъ, отъ сегодняшняго урока покладистаго „Лошади“ спасалось не меньше пятнадцати человѣкъ. Но на этотъ разъ даже „Лошадиное“ терпѣніе лопнуло: въ числѣ „спасавшихся“ оказался и дежурный класса.

„... Въ дежурномъ журналѣ, гдѣ писали отсутствующихъ, Лошадь вывелъ четкимъ почеркомъ: „Дежурнаго въ классѣ не было“. Если онъ не записалъ всѣхъ въ свой журналъ, гдѣ были отмѣтки, то его замѣчаніе было безвредно, страдалъ только одинъ дежурный. А если Лошадь помѣтилъ каждаго отсутствующаго,— то дѣло плохо.

Громко говорили, перебивали другъ друга и изобрѣтали средство, чтобы обмануть инспектора. Сзади кто то цыкнулъ.

— Т-с ц!.. Варсонофій!

Онъ вошелъ, съ сердитымъ, краснымъ лицомъ и сразу заговорилъ:

— Сейчасъ мнѣ въ учительской Павелъ Петровичъ жаловался, что изъ вашего класса, съ урока философіи, убѣжали восемнадцать человѣкъ. Кто дежурный?

— Я, — сказалъ Спиноза, выходя впередъ.
— Вы гдѣ были во время урока?
— Въ больницѣ.
— У кого отпрашивали-п-сь?
— Ни у кого.
— Почему-у?
— Не успѣлъ. Животъ болѣлъ.
— Почему у васъ болитъ животъ только передъ философіей?
— Спросите доктора! — отрѣзалъ Спиноза и продолжалъ задорнымъ тономъ:
— И, вообще, попрошу, о. инспекторъ, говорить съ нами деликатно... Мы не первоклассники!
— А ведете себя хуже и-ихъ! — прервалъ Варсонофій. — Вы были дежурный — ваша обязанность записать всѣхъ, кто отсутствовалъ на урокѣ, и представить мнѣ.
— А я въ классѣ не былъ, — сказалъ Спиноза, насмѣшливо щуря глаза, — какъ же мнѣ это сдѣлать?
— Спросите товарищей!
— Я не сыщикъ! — буркнулъ Спиноза.
— Какъ знаете-е! Все равно отсутствующіе записаны Павломъ Петровичемъ въ журналъ. Извѣстно, кто не былъ.
— Такъ зачѣмъ же вамъ и наша запись, если вамъ извѣстно?
Варсонофій смѣшался, покраснѣлъ и задергалъ бороду.
— Это не ваше дѣло! Пусть лучше сознается тотъ, кто убѣгалъ, я прощу его... А то плохо будетъ!
Варсонофій повернулся и вышелъ изъ класса.
— Я сознаюсь, — сказалъ Шишъ, когда начали обсуждать вопросъ о томъ, записать отсутствующихъ или нѣтъ.
— Дур-ракъ! — рѣзко произнесъ Кишка, — тебѣ же влетитъ!
— Нѣтъ, не дуракъ!.. У меня за эту четверть по поведенію выходитъ четыре. А если и сегодняшнее спасанье узнаетъ Варсонофій — будетъ три, значитъ, близко къ выставкѣ изъ семинаріи. А сознаюсь, все равно ничего не будетъ... проститъ.
— Жди! — усмѣхнулся Спиноза. — Когда ракъ свистнетъ и кошка на собаку залаетъ.
— Да вѣдь обѣщалъ при всѣхъ.
— Ну, такъ что?
— Какъ что? Слово далъ!
— А что Варсонофію слово! — замѣтилъ Селезень. — Я знаю его слова.
Шишъ подумалъ и ушелъ. Вернулся передъ началомъ слѣдующаго урока.
— Ну, что, Шишъ? Какъ? — обступили его со всѣхъ сторонъ.
Шишъ длинно выругался матерной бранью чалъ разсказывать:
— Прихожу къ нему. Здравствуйте, о. инспекторъ! — Здравствуйте. Что скажете? — Пришелъ сознаться. — Въ чемъ? — Съ урока убѣжалъ. — Хорошо, дѣлаетъ вамъ честь. А кто еще изъ вашихъ товарищей не былъ на урокѣ?
— Вотъ сволочь, сукинъ сынъ, іезуитъ проклятый! — выпалилъ Спиноза.
— Постой, Спиноза, не мѣшай! — сказалъ Шишъ: — Я говорю: — не знаю, на урокѣ не былъ. А за себя прошу прощенія. А Варсонофій, мать его за ногу, помолчалъ и говоритъ: прощу, когда вы товарищей укажете. Тутъ я понялъ, что никого Лошадь не записалъ, а я дурака свалялъ, что пошелъ признаться... — Ну, говорю ему, вы, о. инспекторъ, обѣщали, что простите, кто сознается. — За себя — говоритъ — прощаю, а за Павла Петровича не могу простить. Такъ что придется вамъ поведеніе сбавить... — Вотъ мазурикъ проклятый!
— Ты бы его за горло взялъ! — посовѣтовалъ Фарисей.
— Поди, самъ возьми!
— Надо, братцы, проучить Варсонофія и за вчерашній обыскъ, и за все, — сказалъ Кишка и, оглянувшись въ сторону Лимона и Монашки („подскулы“, любимцы начальства), шепнулъ: — Вздуть!
— Вѣрно! — подхватилъ Спиноза. — Давайте, трахнемъ!
— Эхъ! — крякнулъ Фарисей. — Ужъ гвоздану я его, сволочь! Будетъ помнить!“
Когда же бурсѣ стало извѣстно, что на педагогическомъ совѣтѣ, созванномъ въ тотъ же день для обсужденія результатовъ обыска и другихъ экстренныхъ дѣлъ, больше всѣхъ настаивалъ на исключеніи „виновныхъ“ инспекторъ, участь его была рѣшена съ быстротой „военнаго суда“.
„... Планъ избіенія Варсонофія былъ таковъ: во-первыхъ, заставить классной доской дверь, что было запрещено инспекціей. Это надо было сдѣлать нарочно, чтобы привлечь Варсонофія въ классъ — читать нотацію. Во-вторыхъ, при входѣ Варсонофія — Фарисей долженъ былъ быстро набросить на него мѣшокъ изъ-подъ картофеля, украденный передъ ужиномъ въ семинарской кладовой. Въ этотъ моментъ на обязанности Шиша, Кишки и Спинозы лежало — потушить лампы, а всѣмъ остальнымъ схватить Варсонофія, втиснуть его въ уголъ и — бить.
Варсонофій обходилъ классы по вечерамъ, обыкновенно, около одиннадцати часовъ. Было только четверть одиннадцатаго. Всѣ сидѣли въ

классѣ, на своихъ мѣстахъ, кромѣ Лимона, Монашки и Мочалы, которые, почуявъ въ воздухѣ скандалъ, рѣшили заранѣе ретироваться. Телеграфистъ игралъ на балалайкѣ и заливался сиплымъ, надрывистымъ теноромъ:

„Ишла баба съ Питеру,
Сѣла на ракитину;
Цѣлый день ёна сидѣла,
Соловьемъ ёна запѣла“...

— Выставятъ всѣхъ за эту штуку,— сказалъ меланхолично Мистеръ. Селезень чмокнулъ губами и равнодушно отвѣтилъ:

— Ну, такъ что? Не одного тебя, а всѣхъ сразу!.. Это здорово!

„Я любому богачу
Носъ и рыло сворочу,
Сворочу и носъ, и рыло
И скажу, что такъ и было“.

— Ловко зашпариваетъ!—одобрилъ Цѣна и началъ подпѣвать дальше:

„Я сидѣла подъ окномъ,
Ѣла кашу съ толокномъ,
Увидала я милова,
Да по кашѣ кулакомъ“...

— Э-эхъ здорово!— вздохнулъ Цыбикъ и, закинувъ руки за шею, пошелъ плясать русскую. Чувствовалось сильное нервное напряженіе. На всѣхъ лицахъ появлялось и исчезало и снова появлялось ожиданіе того, что должно случиться скоро, черезъ пятнадцать-двадцать минутъ, сейчасъ. И словно стараясь не помнить объ этомъ и заглушить и отогнать мысли пѣсней, Телеграфистъ залихватски выводилъ:

„Говорила я милому,
Говорила дураку,
Ты не пой вина простова,
Не кури ты табаку“...

Подвыпившій Рогачъ взобрался на парту и, блаженно улыбаясь, размахивалъ обѣими руками, какъ капельмейстеръ. Лицо его лоснилось, волосы растрепались и пенснэ едва держалось на носу. Носачъ сторожилъ у двери, чтобы дать знать, когда появится въ коридорѣ Варсонофій. Почти всѣ главные участники покушенія были въ подпитіи. Фарисей, красный, какъ обоженный кирпичъ, стоялъ у доски и, потряхивая грязнымъ мѣшкомъ, кричалъ:

— Пой громче, Телеграфистъ! Жарь по всѣмъ проволокамъ!

А Телеграфистъ, не переставая пѣть, кивалъ головой и съ чувствомъ вылъ:

„Перекину кирпичину
Черезъ быстрый руче-е-акъ,
Штобъ ходилъ ко мнѣ миленокъ,
Да кажинный вечеро-о-акъ“...

Носачъ вбѣжалъ въ классъ съ взволнованнымъ лицомъ и махнулъ рукой.

— Идетъ!

Мгновенно въ классѣ стало тихо. Телеграфистъ застылъ, съ разинутымъ ртомъ, на полусловѣ пѣсни и испуганными глазами посмотрѣлъ на дверь. Рогачъ потерялъ равновѣсіе и чуть не упалъ съ парты. Молчаніе продолжалось не больше двухъ-трехъ секундъ, но казалось, будто оно сковало насъ и лишило возможности двигаться и говорить минутъ десять.

Первымъ опомнился Фарисей.

— Галди, ребята! Вони! Во вся тяжкая!— рѣзко и быстро скомандовалъ онъ своимъ густымъ басомъ: — Кишка и Спиноза! Гасите лампы!

Въ классѣ поднялась буря. Свистали, пѣли, кричали, рѣзко и сильно ругались и стучали досками партъ. Кишка и Спиноза прикрутили фитили и загасили лампы, и въ классѣ потемнѣло. Нѣкоторые встали съ партъ и подошли къ доскѣ, чтобы быть наготовѣ.

— Только, чуръ, не убейте, братцы!— взволнованнымъ шопотомъ предупредилъ ихъ Фарисей и, услыхавъ скрипъ двери, замолчалъ и расправилъ мѣшокъ. Только Варсонофій сталъ выходить изъ-за доски въ классъ, какъ Фарисей короткимъ и быстрымъ движеніемъ набросилъ на него сзади мѣшокъ и обнялъ Варсонофія могучими руками. Послѣдняя лампа потухла — и наступилъ мракъ. Крики, пѣсни и вой стихли, и вмѣсто нихъ зашипѣли голоса, перебивая другъ друга.

— Дай ему!.. Подожди, тащи въ уголъ!.. Держи!.. Ой, чортъ, не бей по шеѣ, я не Варсонофій! Смотри, сволочь, хорошо!

Варсонофій началъ кричать какимъ-то страннымъ, необычнымъ, не своимъ голосомъ, но кто-то зажалъ ему ротъ и крикъ оборвался.

Въ темнотѣ слышалось пыхтѣнье, возня и глухіе, гудящіе звуки, какіе всегда бываютъ при ударѣ кулакомъ по тѣлу. Варсонофія били дружно, молча и остервенѣло. Въ темнотѣ попадали по товарищу, но не обращали на это вниманія и только старались ударить Варсонофія какъ можно сильнѣе и больнѣе. Обозленные люди дѣлали въ темнотѣ свое дѣло — осуществляли свое человѣческое правосудіе и, казалось, что это уже не сорокъ человѣкъ и одинъ, а что-то одно, общее, съ переплетшимися движеніями многочисленныхъ рукъ, съ подавленными выкриками и злобными восклицаніями, барахтающееся въ темнотѣ, какъ многоголовый и многолапый звѣрь.

Я не помню ясно всего, что происходило... Было оно, какъ въ непроглядномъ, густомъ туманѣ или черномъ, тяжеломъ снѣ, когда хочется шевельнуться — и не можешь, хочешь

крикнуть—и нѣтъ голоса. Отрывками доносились ко мнѣ тихія, дѣловитыя приказанія Фарисея.

— Стой, довольно!.. Не шевелится... Забирай справа!.. Такъ!.. А, чортъ дырявый, не туда!.. Такъ!..

Варсонофія, потерявшаго сознаніе, отнесли въ уголъ и бросили на полъ. И я слыхалъ, какъ тяжело брякнулось о полъ его тѣло и осталось неподвижнымъ.

— Теперь, братцы, въ спальную!— скомандовалъ Фарисей:—Не всѣ сразу!.. По разнымъ лѣстницамъ!

Но его не дослушали и побѣжали испуганно, вразсыпную, не оглядываясь. Я чувствовалъ слабость въ ногахъ и стукъ въ вискахъ и бѣжалъ вмѣстѣ со всѣми, не зная куда и зачѣмъ. И то, что я ни разу не ударилъ схваченнаго Варсонофія, наполняло мою душу большой, свѣтлой радостью, и я благодарно шепталъ:

— Боже, благодарю Тебя!.. Господи, Господи!..

А впереди всѣхъ, раздувая тонкія ноздри, мчался Спиноза, размахивая руками. И въ тишинѣ, дрожащей и звенѣвшей слабымъ звукомъ чуть задѣтой струны, раскатился его торжествующій, дикій, изступленный и побѣдный крикъ:

— Ге-ей!.. Варсонофія убили!

Въ нашей спальной быстро раздѣвались и ложились участники избіенія, словно желая скорѣе заснуть и забыть о томъ, что только что произошло внизу, въ темномъ классѣ, гдѣ сейчасъ лежалъ избитый, быть можетъ, убитый Варсонофій. Но никто не могъ заснуть. Трепетали перешептыванія, пересказы и удовлетворенные возгласы:

— Получилъ, сукинъ сынъ! Такъ и надо!..

Спиноза вертѣлся подъ одѣяломъ, тяжело дышалъ и выговаривалъ слова медленно, съ натугой отъ волненія, будто подыскивая тѣ, которыя были нужны сейчасъ, въ этотъ моментъ.

— Я... его... Фарисей помѣшалъ... я... задушить хотѣлъ... У-у!..

Спиноза хляскнулъ зубами.

— А что теперь намъ, братцы, будетъ?— жалобно протянулъ Телеграфистъ, не тѣмъ залихватскимъ голосомъ, какимъ недавно пѣлъ пѣсни, а тонкимъ и испуганнымъ.

— Ничего. Выставятъ,— коротко отвѣтилъ Цѣна.

— Самъ знаю, что выставятъ, безъ никакихъ словъ... А куда мы пойдемъ?

Въ коридорѣ была суетня. Бѣгали, говорили что-то, чего нельзя было разобрать—двери спальной были закрыты...

Донеслось только „Варсонофій“, и опять все слилось въ неясный гулъ.

Въ боязливыхъ перешептываніяхъ, въ невѣрныхъ, прыгающихъ разговорахъ чудилось искаженное и блѣдное лицо страха.

— Теперь, братцы, смотри!— предупредилъ Фарисей.— Чтобы никого не выдавать! А если кто-нибудь изъ господъ подскулъ попробуетъ пошептать, тому будетъ то же, что и Варсонофію. Поняли?

Бурса уже начала бояться предательства и подозрительно посматривать на Лимона и Монашку. Почему-то самые скромные, религіозные и благочестивые были всегда ректорскими наушниками.

По коридору пробѣжали нѣсколько человѣкъ, крича:

— Ректоръ внизу!.. Ректоръ!..

Ректоръ никогда не появлялся ни внизу, ни въ спальныхъ послѣ вечерней молитвы. И теперь въ его появленіи было что-то значительное, угрожающее и необыкновенное.

— Пойдемъ, братцы, посмотримъ!—предложилъ Телеграфистъ.—Теперь все равно...

Нѣкоторые завернулись въ одѣяла, нѣкоторые наскоро одѣлись — и всѣ вышли въ коридоръ, къ широкому квадратному пролету парадной лѣстницы.

Внизу, во второмъ коридорѣ, прошелъ высокій вахтеръ, пробѣжали два служителя и исчезла стройная фигура ректора. Тѣ минуты, что ректоръ пробылъ въ темномъ классѣ, были томительно длинны и, казалось, ректоръ уже не появится обратно.

Рядомъ со мной стоялъ Фарисей и, сдвинувъ брови, молча смотрѣлъ внизъ длительнымъ, настойчивымъ взглядомъ. Что онъ хотѣлъ увидать?

Наконецъ, слышно было, какъ съ легкимъ трескомъ отворилась внизу дверь, и въ коридорѣ зашумѣли сбивчивые, топочущіе шаги. Показался вахтеръ съ фонаремъ въ рукахъ; за нимъ служителя несли неподвижнаго Варсонофія на мѣшкѣ, которымъ накрылъ его Фарисей; сзади шелъ ректоръ. Варсонофія понесли на квартиру. Бурса притихла. Нѣкоторые любопытно перегибались черезъ перила и заглядывали на лѣстницу, по которой спускалась процессія съ Варсонофіемъ.

— Здорово дали!—сказалъ кто-то громкимъ басомъ:— Мощá!.. Такъ и надо!

Никто не откликнулся. То, что избили Варсонофія,— осталось позади; а впереди—неясно и угрожающе выступала невѣдомая и зловѣщая кара за совершонное.

Застучали вверхъ по лѣстницѣ быстрые, суетливые шаги, и кто-то крикнулъ предостерегающе:

— Ректоръ!..

Побѣжали по спальнямъ любопытные, переговариваясь по дорогѣ, захлопали двери, зазвенѣло разбитое стекло— и въ коридорѣ стало тихо.

Ректоръ быстро вошелъ въ нашу спальную и остановился у ближайшихъ къ двери кроватей. Было такъ тихо, что я разслышалъ частое ректорское дыханіе.

— Господа четвертый классъ!— громко и сурово сказалъ ректоръ, и въ этомъ непривычномъ и новомъ обращеніи: „господа четвертый классъ“, и въ гнѣвныхъ тонахъ голоса, сдержанно-угрожающаго, мы почувствовали, что приближается то, о чемъ думали всѣ, сразу послѣ избіенія Варсонофія.

— Господа четвертый классъ!—повторилъ ректоръ.— Вы совершили поступокъ, неслыханный доселѣ въ лѣтописяхъ нашей семинаріи. Вы опозорили и себя и ее!.. Какъ разбойники и душегубы, вы предательски напали на вашего инспектора, отца Варсонофія, и избили его до потери сознанія...

— Слава Богу, не убили! — зашелестѣлъ рядомъ со мной чей-то радостный шопотъ — и стихъ.

— Послѣ этого вы можете не считать себя больше воспитанниками нашей семинаріи. Ваше мѣсто отнынѣ не здѣсь, а рядомъ съ преступниками!.. Всѣ вы уволены!..

Ректоръ повернулся къ двери и хотѣлъ выйти, но въ темнотѣ ржавыми звуками заклокоталo чье-то откашливанье и тихій, дрожащій голосъ сказалъ:

— Отецъ ректоръ!

Ректоръ остановился и спросилъ:

— Кто меня зоветъ?

— Это я, отецъ ректоръ... Померанцевъ.

Я узналъ голосъ нашего товарища Скороходa. Онъ сѣлъ на кровати и облокотился локтемъ о подушку.

— Что скажете?— холодно и небрежно бросилъ вопросъ ректоръ.

Померанцевъ всталъ, завернулся въ одѣяло, подошелъ къ двери и оперся на нее спиной.

— Позвольте мнѣ, отецъ ректоръ, сказать вамъ два слова о происшедшемъ,— сказалъ Скороходъ крѣпнувшимъ голосомъ.— Вы увольняете всѣхъ, думая, что всѣ били Варсонофія... Хорошо!.. Значитъ, и я билъ... И въ той мѣрѣ, въ какой и на меня падаетъ вина, я хочу сказать вамъ, за что и почему мы раздѣлались съ Варсонофіемъ по-своему.

— Я не желаю вовсе слушать!— рѣзко перебилъ ректоръ и двинулся къ двери.— Позвольте пройти, Померанцевъ!

— Нѣтъ не позволю!— покачалъ головой Скороходъ:— сначала выслушайте, отецъ ректоръ!.. Я говорю съ вами не какъ вашъ подчиненный, а какъ уволенный изъ семинаріи. Имѣйте мужество выслушать! Братцы, я буду говорить за всѣхъ васъ...

— Да, да!..— глухо зашумѣли на кроватяхъ.— Говори!..

— Извольте!— небрежно усмѣхнулся ректоръ и презрительно процѣдилъ:— я с-слуш-шаю!..

— Отецъ ректоръ!— сказалъ Скороходъ, завернувшись плотнѣе въ одѣяло.— Вы и мы— были и будемъ врагами... Васъ интересовали только тѣ изъ насъ, кто имѣлъ пухлыя, смазливыя личики... Тѣхъ вы приглашали къ себѣ по вечерамъ — мы знаемъ, зачѣмъ...

— Померанцевъ!— вспыхнулъ ректоръ,— не забывайтесь.

— Не сердитесь, отецъ ректоръ!—спокойно сказалъ Скороходъ и протянулъ впередъ руку.— Вѣдь это же правда!.. Это всѣ мы знаемъ... Ихъ вы подпаивали сладкой наливкой, задаривали деньгами, а когда они теряли для васъ интересъ —вы выгоняли ихъ изъ семинаріи... Неправда?...

— Померанцевъ!— крикнулъ ректоръ,— пустите меня!..

— Нѣтъ, позвольте!.. Я не кончилъ.

Ректоръ въ волненіи прошелся по спальной и остановился у печки.

— Это было, отецъ ректоръ, это всѣмъ извѣстно!.. Мы же, остальные, некрасивые и непривлекательные, жили своей жизнью, до которой никому не было никакого дѣла. Варсонофій хотѣлъ знать, что мы думаемъ, о чемъ мечтаемъ. Онъ чрезъ своихъ шпіоновъ былъ хозяиномъ въ нашей жизни каждый часъ, каждую минуту... Когда всѣ мы провинялись въ чемъ-нибудь, онъ призывалъ одного изъ насъ и говорилъ: „Скажите, кто это сдѣлалъ... За это вамъ ничего не будетъ“... Развѣ не подлый пріемъ? Распечатывали наши письма... Выгоняли изъ семинаріи не за проступки даже, а только по подозрѣнію... А мы, увидавъ въ васъ всѣхъ не друзей, а враговъ, соединились въ темное стадо... Мы начали пить, играть въ карты, безобразничать... Вѣдь примѣры были предъ глазами!.. Мы знали, что пьете вы, пьютъ педагоги... Отчего же было не пить и намъ? Мы начали растеривать вѣру во все, съ чѣмъ хорошо живется человѣку на землѣ. Мы не слыхали отъ васъ никогда ни одного огненнаго, вдохновеннаго слова... Все, что вы говорили, было казенно, шаблонно, и неискренно... И вотъ мы выросли... И что

же? Все оставалось попрежнему... Наше молодое, чуткое самолюбіе,— а оно есть у насъ,— каждый день страдало отъ вашихъ грубыхъ прикосновеній, отъ васъ, отъ Варсонофія, отъ всѣхъ... Мы молчали и терпѣли... Молчали, боялись. А когда намъ стало невтерпежъ — мы дѣлали то, за что вы насъ исключали... Мы били Варсонофія... Это — гнусный способъ мести, отталкивающій и грубый... Но вы не имѣете права упрекнуть насъ въ отсутствіи нѣжности, потому что вы виноваты въ этомъ. Мы выместили на Варсонофіи не только свою ненависть къ нему, а ко всѣмъ вамъ.

Ректоръ быстро подошелъ къ Скороходу и высокомѣрно сказалъ:

— Вы пустите меня, или нѣтъ?

Скороходъ замолчалъ и сказалъ другимъ, упавшимъ голосомъ:

— Идите, отецъ ректоръ!.. Я больше ничего не скажу.

Онъ подошелъ къ своей кровати, легъ и укрылся съ головой. А ректоръ, прошелся между кроватями, приподнялъ штору у окна посмотрѣлъ на улицу, постоялъ и вышелъ изъ спальной.

Мы молчали. И въ тишинѣ раздался сиплый, низкій голосъ Цѣны:

— Ду-ракъ!..

— Кто?— спросилъ Селезень.

— Скороходъ.

Селезень вздохнулъ и сказалъ:

— Ты, Цѣна, животное!..

И со всѣхъ сторонъ зазвучало:

— Подлецъ!

— Дубина!

— Ладно, вы-то хороши!— огрызнулся цѣна.—Сволочи несчастные! Выставили, вотъ, всѣхъ. Дождались!..

Утромъ стало извѣстно, что Варсонофій пострадалъ меньше, чѣмъ всѣ предполагали. Передавали, что лицо его и тѣло въ синякахъ и кровоподтекахъ, и что онъ сегодня чувствуетъ себя хорошо.

Перваго урока не было ни въ одномъ классѣ, потому что педагоги обсуждали въ экстренномъ засѣданіи вчерашнее происшествіе.

... Педагоги начали приходить въ классы съ третьяго урока, но бурса сидѣла неспокойно, не слушала объясненій, шумѣла и разсказывала. Передавали, что ректоръ ушелъ къ владыкѣ съ докладомъ и вернется къ обѣду. Это была правда. Передъ четвертымъ урокомъ ректоръ тихо вошелъ въ нашъ классъ, въ клобукѣ, съ четками въ рукахъ и остановился у первой парты. Мы встали.

— Я былъ сейчасъ у владыки,— сказалъ онъ глядя черезъ наши головы въ стѣну.— Владыка скорбитъ о происшедшемъ, но оказываетъ намъ великую милость. Онъ оставилъ васъ всѣхъ, за исключеніемъ Померанцева, въ семинаріи, подъ тѣмъ условіемъ, что вы раскаетесь въ совершонномъ и попросите прощенія у отца Варсонофія.

— Извиняемся!— загудѣли со всѣхъ сторонъ.

— Хорошо... Всѣмъ вамъ будетъ поставлено по тройкѣ по поведенію. И если что-нибудь подобное повторится, вы будете исключены съ волчьими билетами.

— За что меня увольняютъ?— спросилъ Скороходъ.

— Такова воля владыки,— холодно отвѣтилъ ректоръ, не глядя на него.

— А какъ вы доложили?

— Я съ вами, господинъ Померанцевъ, не намѣренъ разговаривать!— отрѣзалъ ректоръ.— Сегодня же потрудитесь очистить семинарію! Деньги на дорогу получите у отца эконома... Кромѣ Померанцева, исключаются за прежніе поступки Семилейскій и... — ректоръ назвалъ фамилію Совы.— Итакъ, мы ждемъ, что вы дальнѣйшимъ примѣрнымъ поведеніемъ искупите свой тяжкій поступокъ.

Сова быстро подошелъ къ ректору и, глядя ему въ глаза, спросилъ:

— А что, если я тебѣ дамъ сейчасъ въ морду?

Ректоръ отшатнулся и протянулъ впередъ руки.

— Не бойся, не дамъ!— продолжалъ Сова.— Не хочу марать рукъ о твою поганую іезуитскую рожу. Развѣ...— онъ плюнулъ ректору въ лицо.— Получи за всѣхъ!..

Ректоръ закрылъ лицо руками и вышелъ изъ класса; его проводило общее молчаніе.

... Варсонофій не выходилъ изъ своей квартиры. Къ концу второй недѣли прошелъ въ бурсѣ слухъ, что Варсонофій возводится въ санъ архимандрита и назначается ректоромъ въ далекую семинарію. Вяло поговорили объ этомъ, нехотя ругнули Варсонофія и опять успокоились".

А черезъ нѣсколько дней Варсонофій служилъ въ семинарской церкви свою послѣднюю — „прощальную" — литургію.

„Послѣ нея долго пѣли молебенъ „въ путь шествующимъ".

Когда всѣ приложились ко кресту, изъ алтаря вышли: Американецъ, Халатъ и нашъ Лимонъ. Халатъ и Лимонъ взяли икону, а Американецъ выступилъ впередъ, откашлялся и началъ рѣчь:

— Дорогой отецъ Варсонофій! Только что мы принесли Господу Силъ молитвы о вашемъ

благополучномъ путешествіи и теперь разстаемся съ вами съ искренней грустью и печалью.

— Держи карманъ!— проворчалъ Кишка, усмѣхаясь.

— ... За время вашего пребыванія въ нашей семинаріи вы были неизмѣннымъ...

— Мерзавцемъ!— вставилъ шепотомъ Шишъ.

— ... Свѣтлымъ руководителемъ юношества на пути добра и истины. Ваше чуткое, отзывчивое сердце всегда живо откликалось на всякую нужду, горе и несчастье. За это мы всѣ васъ искренно отъ всего сердца...

— Вздули,— прошепталъ Спиноза.

— ... Полюбили, какъ мудраго и опытнаго руководителя нашей жизни. Волею Божіею вы теперь уходите отъ насъ...

— Скатертью дорога!—не унимался Шишъ.— Попутный вѣтеръ въ корму и перо!..

— ... Чтобы другимъ нести свѣтъ вашей любви, вашего ума, таланта и дарованія...

Американецъ говорилъ долго и чувствительно, а я вспоминалъ, что онъ говорилъ вчера у Касьяныча въ кабачкѣ и гдѣ былъ потомъ (у „барышень“). Варсонофій, вѣроятно, повѣрилъ Американцу, потому что сначала горделиво выпрямился, а когда Американецъ сказалъ: „примите же въ память нашей любви къ вамъ этотъ образъ вашего святого, и пусть онъ охраняетъ васъ на всѣхъ путяхъ вашихъ“, даже растрогался и поцѣловалъ икону.

Шишъ и Спивоза начали паясничать и хныкать. Варсонофій отдалъ икону Лимону и Халату, которые осторожно, ступая на носкахъ, понесли ее къ аналою, и сказалъ козлинымъ, блеющимъ голосомъ:

— Возлюбленные отцы, братія, юноши! Во-отъ я иду на страну далече, къ невѣдомымъ мнѣ людямъ, не зная, что же меня тамъ ожидае-етъ...

—Тоже будутъ бить!— предсказалъ Спиноза.

Варсонофій сказалъ пространную рѣчь, изъ которой было видно, что его любятъ вездѣ, гдѣ онъ не появится.

Потомъ всѣ вышли изъ церкви.

— Братцы, качните-ка на прощанье отца Варсонофія!—посовѣтовалъ, улыбаясь, ректоръ, и вся бурса съ ревомъ бросилась на вышедшаго изъ церкви Варсонофія, схватила его, подбросила нѣсколько разъ кверху и потащила на рукахъ внизъ, въ квартиру. Надъ сотнями головъ безпомощно болтались ноги Варсонофія въ рыжихъ сапогахъ и потертыхъ люстриновыхъ шароварахъ.

— Я ему по загривку треснулъ!— радовался Кишка.— На прощанье!

Вечеромъ Варсонофій уѣхалъ, и вся бурса проводила его на вокзалъ“.

* * *

Бурса говѣла. Шла первая недѣля Великаго поста.

Въ церкви только началась вечерняя служба. Таяли въ коридорѣ глухіе, тяжелые молитвенные аккорды: „Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе“...

Я постучался въ „живописку“. Кто-то зашепталъ, двинулъ табуреткой или партой. Тихо. Постучалъ опять и опытнымъ ухомъ уловилъ крадущіеся шаги.

— Откройте! Это я.

Чуть отодвинулся край занавѣски, и я увидалъ лицо Рогача. Онъ открылъ дверь и впустилъ меня въ „живописку“.

— Напугалъ только!.. Запирай хорошенько...

За ширмой, вокругъ стола, сидѣли: Мочала, Рогачъ, Спиноза и Кишка и играли въ преферансъ.

— Грѣшно играть на первой недѣлѣ поста въ девятый валъ,—подмигнулъ мнѣ Спиноза.— Азартъ воспрещенъ канонами... А мы потихоньку... въ преферансъ, для ради душевнаго спасенія...

— Верблюдъ, въ церкви былъ?— спросилъ Кишка, тасуя карты.

— Нѣтъ.

— И мы тоже... Службы теперь по три часа... Околѣешь!..

— Сдавай скорѣй!—перебилъ Рогачъ.

Было тихо. Изъ церкви доносилась порой волна грустнаго пѣнія. Рогачъ подпѣвалъ и хлопалъ глазами:

— „Душе моя, душе моя, возстани, что спи-ши“... Ходи, Посачъ, скорѣе! Что долго думаешь?.. „Возстани, что спиши“... Безъ двухъ!..

Играли до конца службы. Рогачъ проигрался и долженъ былъ угостить товарищей водкой. Спиноза потиралъ руки и, морща носъ, говорилъ:

— Послѣ трудовъ праведныхъ не вредно хватить стакашекъ... Закуска постная... Одна благодать!.. Подъ капустку да подъ огуречикъ—мое почтеніе!

Настроеніе у меня было подавленное, удрученное. Я началъ ходить въ церковь. По вечерамъ въ ней было темно. Только у иконостаса свѣтились небольшія пятна лампадокъ. Молча стояли неподвижные ряды.

Къ концу службы ноги ломило и было трудно стоять. Изъ алтаря струился тонкій запахъ ладана. На клиросѣ долго читали „повечеріе“. Хотѣлось незамѣтно уснуть подъ монотонный

же? Ве
лодо
ни

головѣ медленно бро-
И казалось, что все,
съ, хоть сама смерть,—
жно.
ачалась исповѣдь. Сна-
адшіе классы. Я помню,
тонились къ исповѣди,
[illegible] у другого прощенія въ грѣхахъ и обидахъ и шли къ духовнику со страхомъ: вдругъ не приметъ грѣховъ и не допуститъ до причастія? А товарищи передавали достовѣрные случаи, какъ тамъ-то и тогда-то отбросило отъ причастія человѣка, не сказавшаго духовнику всѣхъ грѣховъ. Мы боялись того же, записывали на бумажкахъ всѣ свои грѣхи, стараясь не пропустить ни одного. На исповѣди прочитывали ихъ духовнику, который потомъ бралъ наши бумажки и разрывалъ ихъ въ клочья, говоря:

— Рукописаніе грѣхъ нашихъ раздери, Христе Боже, и спаси насъ...

Послѣ исповѣди старались меньше разговаривать и больше думать о грѣхахъ. Если случалось подраться съ товарищемъ или выругаться, бѣжали исповѣдываться второй разъ.

Но проходили годы. Религіозное чувство охлаждалось при всякомъ случаѣ, и исповѣдь потеряла то обаятельное, немного жуткое и прелестное значеніе, какое имѣла раньше. Шли исповѣдываться равнодушно, какъ отбывая неизбѣжную и скучную повинность, посмѣивались надъ старымъ духовникомъ и потомъ передавали въ классахъ подробности исповѣди, искажая и привирая. Послѣ исповѣди выпивали и разсказывали сальные анекдоты.

Пришла моя очередь исповѣдываться.

Небольшая, узкая ризница. На высокомъ аналоѣ горитъ тоненькая восковая свѣча, и въ ея дрожащемъ, мутномъ свѣтѣ играетъ позолота креста и небольшого евангелія. Духовникъ, отецъ Павелъ, въ эпитрахили, съ серебряными очками на самомъ кончикѣ носа, стоитъ и ждетъ.

Я всталъ на колѣни и почувствовалъ, какъ на мою голову мягко легла пахнущая ароматнымъ ладаномъ эпитрахиль, и услыхалъ тихій голосъ наклонившагося духовника:

— Вотъ я пришелъ къ Тебѣ, Господи, открыть душу свою передъ крестомъ Твоимъ, на которомъ Ты умеръ за грѣхи міра... Говори!..

Отъ этихъ немудрыхъ, ясныхъ и добрыхъ словъ всколыхнулось что-то теплое въ моей душѣ, глаза стали мокры, и я едва слышно сказалъ:

— Мнѣ тяжело...

Больше я не могъ ничего сказать. А духовникъ наложилъ свою руку мнѣ на голову и, словно читая, что творилось у меня въ душѣ, сказалъ:

— Молись и проси помощи!.. Вѣрь!.. Вѣрь, говорю тебѣ!.. И да будетъ сердце твое мирно!..

Вспоминая свою жизнь, свои мысли, паденіе, обиды, я говорилъ отцу Павлу, сбиваясь и повторяя уже сказанное, и чувствовалъ, что въ душѣ становилось спокойнѣе, проще и яснѣе. Меня осѣнило тихое, чудесное настроеніе.

Послѣ исповѣди я не пошелъ ни въ классъ, ни въ „живописку“, а взобрался съ ногами на широкій подоконникъ, съ котораго мнѣ была видна и лѣстница, и темный актовый залъ, и думалъ о себѣ и своей жизни. Я слышалъ, какъ въ „живопискѣ“ хлопнула дверь, и Кишка сказалъ кому-то:

— Поиграй за меня, пока я поисповѣдаюсь! Я сейчасъ прибѣгу. Моя сдача!..

* * *

На Пасху неожиданно появился въ семинаріи — пришелъ разговляться съ бывшими товарищами — одинъ изъ недавно уволенныхъ, Сова.

„Ректоръ покропилъ кушанья, поздравилъ всѣхъ съ праздникомъ и ушелъ. Спиноза убѣжалъ куда-то и вернулся съ большимъ, чернымъ „саркофагомъ“.

Открыли „саркофагъ“ — и внутри блеснули четыре большихъ четвертныхъ бутылки водки.

— Доставай сначала одного ребеночка! — скомандовалъ Фарисей. — Мы въ порядкѣ исходящихъ.

Налили всѣмъ по чайному стакану водки. Спиноза разбилъ яйцо, поднесъ его къ носу, понюхалъ и плюнулъ:

— У, сволочи! Тухлое!

Онъ остервенѣло запустилъ яйцомъ въ стѣну, и визъ по стѣнѣ медленно потекла желтая, мутная струя.

Молча чокнулись и выпили. Всѣ были нахмурены и молчали и думали каждый о своемъ. Фарисей откупорилъ вторую четверть и снова разлилъ водку по стаканамъ.

— Пейте, брацы, скорѣе, не задерживайте! До свиданья!.. Ну, гопъ!

Онъ выпилъ, покраснѣлъ и крякнулъ. Пили молча, много и часто, словно хотѣли напиться вдребезги во что бы то ни стало. И такъ вся бурса, даже малыши, первоклассники. Только послѣ того, какъ хмель ударилъ въ голову, разлился по тѣлу горячимъ огнемъ, сжалъ сердце и спуталъ мысли, — заговорили, перебивая другъ друга и сильно жестикулируя.

— Ей-ей, братцы, ровно арестанты! — жаловался плаксиво опьянѣвшій Телеграфистъ. — Отмѣрили по куску, яйца тухлыя, чортъ бы

ихъ дралъ, пасха—словно замазка. И сидимъ такъ, чортъ бы далъ нашу душу, какъ сволочи какіе!..

Спиноза, обернувшійся къ двери, прищурился и крикнулъ:

— Посмотрите-ка, братцы, кто идетъ!..

Къ намъ подходилъ Сова. Не тотъ нашъ товарищъ, завѣдывавшій „живописной“ и уволенный изъ семинаріи, а другой, новый, непохожій на прежняго. Лицо его было блѣдно, худо и истощено. Волосы спутанно висѣли надо лбомъ, изъ-за нихъ выглядывали тяжелые, блестѣвшіе глаза. Онъ былъ въ короткомъ, поношенномъ весеннемъ пальто, съ короткими рукавами и поднятымъ воротникомъ.

— Сова, голубчикъ, тебя ли я вижу? — умиленно закричалъ Телеграфистъ и, протянувъ руки, хлопнулъ себя по груди.—Хр-ристоссъ воскрр!.. Ахъ, ты! Давай, лобзнемся!

Сова подошелъ и поцѣловался со всѣми.

— Совушка, стаканчикъ раздираица казеннаго! — предложилъ Фарисей и налилъ ему стаканъ.

Сова взялъ стаканъ, посмотрѣлъ на водку и отодвинулъ въ сторону.

— Я, братцы, сначала закушу.

— Нѣтъ, ты выпей сначала!

— Успѣю. Я, братцы, жрать хочу, какъ волкъ...— Сова помолчалъ и прибавилъ угрюмо: — Я три дня ничего не жралъ... Подводитъ!..—Отъ этихъ такихъ простыхъ и жесткихъ словъ вдругъ наступило молчаніе, и Совѣ быстро начали подвигать ветчину и куличъ, и яйца, и хлѣбъ. Телеграфистъ долго смотрѣлъ на Сову, словно хотѣлъ узнать, онъ это, или не онъ, не выдержалъ, заплакалъ и, обнявъ Сову за шею, уткнулся носомъ въ его плечи. Лицо Совы стало мягче и свѣтлѣе. Онъ откашлялся преувеличеннымъ басомъ и, поправляя волосы, незамѣтно отеръ рукой глаза.

— Гдѣ же ты теперь, Совушка?—спросилъ Фарисей, положивъ локти на столъ и глядя на Сову застылымъ, туманнымъ взглядомъ.

— Нигдѣ.

— А живешь гдѣ?..

— Не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ.— Сова помолчалъ, прожевалъ кусокъ ветчины и сказалъ:

— Въ ночлежкѣ.

Опять стало тихо.

— Ты бы хоть пальто снялъ.

Сова качнулъ головой, усмѣхнулся и разстегнулъ пальто: подъ нимъ ничего не было. Голое тѣло.

— У-у, сволочи, монахи!—заревѣлъ вдругъ Фарисей и ударилъ кулакомъ по столу и съ такой силой, что изъ стакана Совы расплескалась водка.

— Тише, чортъ!

Фарисей не слушалъ никого. Вращая красными, гнѣвными глазами, онъ рычалъ, стиснувъ зубы, неожиданно хватилъ пустую бутыль и съ размаху бросилъ ее въ лампу. Зазвенѣло разбитое стекло, и на полъ посыпались осколки.

— Фарисей, что ты? Ошалѣлъ? Прочухайся!—испуганно лепеталъ Спиноза.

Фарисей, упавъ головой на столъ, задергался и зарыдалъ, завылъ, какъ звѣрь.

— Смочите, братцы, голову водой!—елейно посовѣтовалъ Лимонъ, сидѣвшій въ сторонѣ и ничего не пившій.—Налакался до такого состоянія!

Фарисей вскочилъ со скамейки и, обдавъ Лимона презрительнымъ, злымъ взглядомъ, сильно и неспокойно, срываясь, заговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Налакался?.. Эхъ, ты, чучело безъ мозговъ! Налакался! — Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь. — Здѣсь болитъ — понимаешь? Здѣсь, здѣсь, гдѣ у людей сердце, а у тебя кусокъ г...а. Понялъ? Ты, подлецъ, не поймешь никогда... не можешь понять... ты... паршивый святоша! Товарищъ пришелъ къ намъ... голый! Понимаешь! Слышишь ты, или нѣтъ? — гремѣлъ Фарисей на всю столовую. — Голый! Въ свѣтлый праздникъ, въ пасху — голый и три дня не ѣлъ. Вотъ отчего у меня болитъ!

— Я не виноватъ, что онъ голый,— прошепталъ Лимонъ тонкимъ голоскомъ, озираясь вокругъ испуганными глазками.

— Ты не виноватъ... Но по какому праву ты, прохвостъ, гадина,—съ отвращеніемъ произнесъ Фарисей, — мѣшаешь намъ жалѣть товарища и говоришь, что это оттого, что мы налакались?

— Ты не очень кричи! — обидѣлся Лимонъ. — Поосторожнѣе!.. Что, я, что ли, выставилъ его изъ семинаріи? Онъ самъ виноватъ, что его...

— Вонъ отсюда!—заревѣлъ Фарисей.

Лимонъ усмѣхнулся.

— Столовая общая, казенная!.. Когда будешь имѣть свою, тогда и выставляй!

Фарисей задохнулся, схватилъ первое, что попалось подъ руку,—это было яйцо,—и бросилъ въ Лимона. По его лицу расплылся желтокъ и замазалъ и носъ, и усы.

Лимонъ вскочилъ и, вытирая на ходу лицо, пошелъ къ дверямъ.

— Я жаловаться буду!..

— Пошелъ къ...

Фарисей пустилъ ему вслѣдъ крѣпкое ругательство.

Опять начали пить и разспрашивать Сову. Въ окна уже заглядывало утро. Въ монастырѣ звенѣли и гудѣли колокола. И въ этомъ торжественномъ, красивомъ гулѣ разсказъ Совы выступалъ особенно печально. Сова уже совсѣмъ опьянѣлъ и разсказывалъ медленно и съ разстановкой, дѣлая послѣ каждаго слова паузу. Наступило время, когда онъ кончилъ, и всѣ устали и хотѣли спать.

...По лѣстницѣ карабкались вверхъ на четверенькахъ разговѣвшіеся. На площадкахъ лежали въ одиночку неподвижныя фигуры бурсаковъ, которые не могли одолѣть труднаго пути въ четвертый этажъ и заснули на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ сразилъ сонъ.

Въ спальной пахло табакомъ и запахомъ извергнутой пищи и водки. Я уложилъ Фарисея рядомъ съ Совой, который заснулъ въ своемъ пальто на своемъ прежнемъ мѣстѣ, и спустился внизъ мимо спящихъ и ползущихъ. Былъ седьмой часъ".

* * *

Сразу же послѣ пасхальныхъ праздниковъ начались экзамены. Вторымъ былъ „самый страшный" экзаменъ — философія.

„Лошадь пришелъ къ намъ въ классъ, далъ программу и попросилъ, чтобы мы сами нарѣзали пятьдесятъ билетовъ.

— Только, пожалуйста, господа, безъ всякихъ помѣтокъ!

Лошадь ушелъ — и началось длинное совѣщаніе: какъ нарѣзать билеты, чтобы можно было узнать.

— На тонкой бумагѣ, — посовѣтовалъ Возжа.

Спиноза презрительно сплюнулъ.

— Самъ ты тонкая балда!.. На тонкой бумагѣ? Эхъ, ты!..

— Тогда можно карандашемъ помѣтить съ краю.

— Не годится.

— Я знаю! — закричалъ Шишъ и продолжалъ шопотомъ: — раздѣлимъ курсъ пополамъ, по двадцати пяти билетовъ. Каждый пусть зубритъ любую половину: первую или вторую...

— А билеты? — спросилъ Посачъ.

— Подожди, дура!.. Билеты мы нарѣжемъ такъ: первые двадцать пять — ножницами, аккуратно, а другіе двадцать пять ножемъ, чтобъ по краю билета были зазубринки. Поняли?

— Ура, Шишъ! — закричалъ Фарисей. — Качать его!

Планъ былъ простъ, легко выполнимъ и всѣмъ понравился. Легче было выучить двадцать пять билетовъ, чѣмъ пятьдесятъ. Это поняли даже и Курица и Посачъ, и Лимонъ. Распредѣляли, кому какую часть надо приготовить, и — началась самая отчаянная зубрежка, которая прекратилась на четвертый день утромъ, когда въ классъ вошла „комиссія": Лошадь, Кривоносъ (учитель математики) и ректоръ — предсѣдатель. Подали Лошади программу и стопку билетовъ.

— Позвольте, — спросилъ Кривоносъ: — вы сами дѣлали билеты?

— Да, — отвѣтилъ Шишъ.

— Однако!

Кривоносъ насмѣшливо хмыкнулъ, покачалъ головой и сказалъ Лошади:

— Позвольте мнѣ билеты. Я полюбопытствую, нѣтъ ли на нихъ символическихъ знаковъ.

Онъ взялъ стопку и началъ внимательно осматривать каждый билетъ, подносилъ его близко къ глазамъ, прищуривался и разсматривалъ на свѣтъ. Но цифры были написаны нарочно тонкимъ, едва замѣтнымъ почеркомъ.

Кривоносъ пожалъ плечами и передалъ билеты Лошади.

— Странно! Ни одной помѣтки.

Лошадь разбросалъ на столѣ билеты вѣеромъ и сказалъ:

— Пожалуйте, господа!

Отвѣчали съ конца алфавита. Вышли трое, взяли билеты и, сложивъ руки за спиной, показали пальцами, какіе номера взяты. Богачъ сейчасъ же торопливо отмѣтилъ эти номера на бумажкѣ, гдѣ длиннымъ столбикомъ были написаны билеты.

Отвѣчали хорошо, бойко и увѣренно. И такъ все шло до перерыва. Когда „комиссія" вторично вошла въ классъ, Лошадь пошепталася съ ректоромъ и Кривоносомъ, посмотрѣлъ на насъ и началъ тщательно тасовать билеты.

— Мѣшай хорошенько! — проворчалъ Шишъ. — Все равно дальше двадцать пятаго не вытащу.

Отвѣчали попрежнему хорошо, и до сихъ поръ никто еще не „просыпался". А экзаменъ философіи считался самымъ труднымъ въ семинаріи, и обыкновенно большій процентъ „просыпавшихся" приходился на долю неудачныхъ философовъ. Лошадь нѣсколько разъ мѣшалъ билеты, но это не помогло.

Когда Шишъ подошелъ къ столу, Кривоносъ взялъ одинъ билетъ и подалъ ему.

— Пожалуйста.

Шишъ бросилъ на билетъ быстрый, пронзительный взглядъ, увидалъ, что этотъ билетъ

во второй половинѣ, отъ 25 до 50, и сказалъ:

— Позвольте мнѣ самому взять билетъ.

— А я рекомендую вамъ этотъ!

— А я не желаю.

Кривоносъ повысилъ голосъ.

— Почему же вы не желаете? Потрудитесь объяснить!

— Потому, что я имѣю право самъ взять билетъ!— дерзко отвѣтилъ Шишъ.

Кривоносъ язвительно улыбнулся.

— А развѣ у васъ есть тайныя причины опасаться этого билета?

— Виноватъ,— сухо вмѣшался ректоръ,— я не понимаю, чего вы хотите отъ него? Пусть онъ самъ беретъ билетъ, какой ему угодно.

Кривоносъ покраснѣлъ и досадливо отвѣтилъ:

— Да вѣдь здѣсь плутня! Я подозрѣваю это.

На партахъ загудѣли и зашипѣли.

— Тише, господа!— спокойно сказалъ ректоръ и попрежнему сухо продолжалъ, обращаясь къ Кривоносу:— Я не вижу никакой плутни. Если она есть, потрудитесь ее доказать, а предпо-ло-же-ніе не есть ут-вер-жденіе,— отчеканилъ ректоръ.— Это тоже относится къ области философіи.

Кривоносъ замолчалъ и засопѣлъ, а Шишъ взялъ свой билетъ „не дальше двадцать пятаго“ и бойко отвѣтилъ на всѣ вопросы нахмуреннаго Лошади.

Экзаменъ кончился. Никто не получилъ отмѣтки ниже тройки. Ректоръ выходилъ изъ класса сзади Кривоноса и Лошади (съ которыми онъ враждовалъ). Когда тѣ вышли въ коридоръ, онъ остановился и весело подмигнулъ:

— Молодцы, ребята! Спасибо! Самъ чувствую и увѣренъ, что сжульничали, но художественно! Молодцы!

Послѣ философіи Шишъ ходилъ задумчивый и печальный.

— Что съ тобой?— спросили его наканунѣ слѣдующаго экзамена—физики.

— Плохо!—вздохнулъ Шишъ,—завтра экзаменъ, а я знаю два билета, пятый и восемнадцатый: состояніе тѣлъ и законъ Бойля-Маріотта.

— Ничего, проскочишь!

— Нѣтъ! Годовая — пара съ минусомъ. Разъ! Ни черта не знаю—два! И Кривоноска на меня сердитъ за все и за философію — три!

Наступилъ тяжелый для Шиша день. Шишъ трясся на своемъ мѣстѣ и ждалъ очереди отвѣчать. И когда онъ вышелъ къ столу, дверь въ классъ быстро распахнулась, вбѣжалъ Менандръ (новый инспекторъ) и тихой скороговоркой сказалъ:

— Преосвященнѣйшій Амвросій!

Мы всѣ встали. Фарисей задалъ топъ: соль-си-ре-си-соль, и навстрѣчу входившему Амвросію грянули хоромъ:

— Исполла эти де-е-спота.

Амвросій широкимъ жестомъ благословилъ всѣхъ, а потомъ отдѣльно Кривоноса и ассистента Дьяконова и сѣлъ въ широкое кресло. По бокамъ, на краешкахъ стульевъ, присѣли ректоръ и Менандръ, отодвинувшій изъ почтительности свой стулъ назадъ.

Амвросій былъ первый викарій епархіи. О немъ говорили, что это одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ, умныхъ и ученыхъ архіереевъ. Онъ всегда сурово сдвигалъ брови и говорилъ отчетливымъ, глубокимъ басомъ, которому завидовалъ даже соборный протодіаконъ и нашъ экономъ.

— Физика?— спросилъ Амвросій, не глядя на Кривоноса и усаживаясь въ креслѣ удобнѣе.

— Физика, ваше преосвященство.

— Хорошо! Продолжайте экзаменъ!— Онъ взглянулъ спокойно на Шиша.—Ваша очередь отвѣчать?

— Моя, ваше преосвященство.

— Билетъ брали?

— Нѣтъ еще.

— Возьмите!

Шишъ медленно вытащилъ билетъ, взглянулъ на него и подалъ Кривоносу.

— Тридцать шестой? Отвѣчайте...

Шишъ помолчалъ, откашлялся и началъ говорить о законѣ Бойля-Маріотта, о единственномъ законѣ физики, который былъ ему извѣстенъ. Кривоносъ рылся въ бумагахъ и пропустилъ начало отвѣта, а когда спохватился, Шишъ уже бойко доказывалъ законъ.

— Вы не о томъ разсказываете!— Перебилъ Кривоносъ.— Вамъ нужно отвѣчать о катушкѣ Румкорфа.

— Это все равно,— сказалъ Амвросій, и нельзя было понять, шутитъ онъ или говоритъ серьезно.— Я въ физикѣ профанъ, и законъ Бойля-Маріотта мнѣ такъ же глубоко интересенъ, какъ и катушка Румкорфа, тѣмъ болѣе, что онъ такъ превосходно изложенъ. Продолжайте,— кивнулъ онъ Шишу,— я васъ слушаю.

А по партамъ пролетѣлъ тихій шелестъ:

— Молодчина! Получилъ Кривоносъ!

Шишъ кончилъ и замолчалъ. Кривоносъ дергался на стулѣ и порывался задать вопросъ,

но изъ деликатности молчалъ, ожидая, когда епископъ самъ предложитъ это сдѣлать. Но Амвросій, словно не замѣчая Кривоноса, спросилъ:

— Скажите, кто же такіе были Бойль и Маріоттъ?

— Бойль — англійскій физикъ,— отвѣтилъ Шишъ,— а Марріотъ—французскій аббатъ.

— Это чрезвычайно интересно!—живо сказалъ Амвросій, обращаясь къ педагогамъ и ректору.— Западное, инославное, духовенство всегда шло по пути съ наукой, двигало ее или, по крайней мѣрѣ, не отставало. Фактъ полный большого значенія. Просвѣщенные люди!..— Амвросій вздохнулъ, помолчалъ и спросилъ Шиша:

— У васъ какой годовой балъ? Четыре?

— Два съ минусомъ!— громко и отчетливо сказалъ Шишъ.

— Да-а? Странно! Вы прекрасно знаете то, о чемъ разсказываете. Прекрасно и основательно! Очень хорошо! Прекрасно!.. Пять!

Амвросій кивнулъ головой въ знакъ того, что отвѣтъ оконченъ, въ вѣдомости противъ фамиліи Шиша вывелъ крупную пятерку и сурово взглянулъ на листъ Кривоноса. Тамъ не было никакой отмѣтки.

— Вы что же, не согласны съ моей оцѣнкой?— голосъ Амвросія спустился на нѣсколько нотъ ниже.

— Вполнѣ согласенъ,— кисло протянулъ Кривоносъ и нехотя поставилъ пять, а ректоръ подхватилъ:

— Превосходно знаетъ физику и жаль, что по недоразумѣнію получилъ плохую годовую отмѣтку! Я тоже поставилъ пять! Прекрасно знаетъ физику!"

* * *

Празднованіе Богослова дня—26 сентября—большое событіе въ обиходѣ духовной семинаріи. До этого дня „богословы", особенно „младшіе", или „младшіе женихи" (т.-е. пятый классъ), по традиціи считаютъ даже „неприличнымъ" заниматься науками...

Официальная часть торжества—литургія и годичный „актъ", но, конечно, для „богослововъ" праздникъ начинался только съ того момента, когда имъ можно было наконецъ сѣсть за обѣденный столъ.

„Ректоръ пришелъ къ намъ въ столовую, благословилъ столъ — „ясти и пити рабомъ Твоимъ" и при словѣ „пити" многозначительно и тонко улыбнулся. Въ графинахъ вмѣсто воды была водка, купленная въ складчину наканунѣ. Дежурный помощникъ инспектора Рединскій (недавно поступившій) ходилъ въ проходѣ, между столами, и оглядывался на всякій шумъ. Но ректоръ предложилъ ему уйти.

— Нѣтъ, ничего, не безпокойтесь, отецъ ректоръ!—сказалъ Рединскій.—Я останусь!

Ректоръ улыбнулся.

— Лучше уходите.

— Почему?

— Богословъ день сегодня. Не раздражайте ихъ! Кружки очень тяжелыя, мѣдныя...

Рединскій понялъ и ушелъ за ректоромъ, а въ столовой начался тотъ характерный, пьяный шумъ, который обыкновенно стихалъ къ утру другого дня, когда и бурса, и педагоги, съ тяжелыми головами послѣ похмелья, сидѣли въ классахъ и томительно ожидали конца уроковъ.

Съ утра до обѣда, до трехъ часовъ дня, ничего не ѣли, и потому послѣ перваго стакана водки почти всѣ были уже пьяны и шумѣли въ столовой. У насъ пьянство продолжалось и послѣ обѣда. Кишка сидѣлъ на піанино и билъ ногами по клавишамъ. Передъ нимъ стоялъ Селезень и упрашивалъ:

— Слѣзь, Кишка, сломаешь!..

А Кишка отвѣчалъ съ пьянымъ задоромъ:

— Имѣю право!.. Н-латилъ деньги!

Было душно и тяжело отъ запаха водки, табаку и извержений. Изъ всѣхъ классовъ рвалась въ коридоръ пьяная, тягучая пѣсня. Телеграфистъ хотѣлъ сыграть на балалайкѣ, но свалился на полъ, разбилъ инструментъ и заснулъ, уткнувшись лицомъ въ грязную лужу.

Въ „столяркѣ" собрались семинаристы разныхъ классовъ. Возжа взобрался на низкій шкафъ, всталъ на немъ, упираясь головой въ потолокъ, и началъ лить изъ бутылки пиво на большое каменное колесо точила, а Мистеръ усердно вертѣлъ колесо, и брызги попадали ему въ лицо. На верстакѣ лежалъ Фарисей, съ блѣднымъ лицомъ, открывъ ротъ, и мычалъ. На полу блестѣли осколки разбитыхъ бутылокъ. Рогачъ пилъ водку изъ горлышка бутылки, и его ротъ и руки были въ крови. Онъ не могъ откупорить бутылки, отбилъ горлышко и началъ глотать водку, не безпокоясь, что порѣзалъ ротъ и руки.

Спиноза, Офицеръ и Кобель пошли ухаживать за горничной Чижика (другого помощника инспектора), но ихъ предпріятіе кончилось скандаломъ. Горничная просила подождать ее на черной лѣстницѣ и обѣщала притти туда. О томъ, что произошло послѣ, Спиноза разсказывалъ такъ:

— Мы трое ждали ее на площадкѣ. Лампу кто-то разбилъ, и было темно. Ждали, пожалуй, часъ. Вдругъ видимъ — открывается

дверь, и выходитъ она съ длинными, распушенными волосами. Ну, думаю, сейчасъ начнется! И волосы распустила! Только я цапнулъ ее, какъ слѣдуетъ быть, слышимъ голосъ Менандра:—Что вы! Что вы, господа! Христосъ съ вами! Кто здѣсь?—Ну, мы сиганули внизъ по лѣстницѣ, я колѣно зашибъ, а Менандръ гонится за нами. Такъ и не поймалъ... Вотъ чортъ! Въ темнотѣ за бабу приняли!

Къ вечеру пьянство достигло высшаго напряженія. Въ квартирахъ ректора и эконома звучала „Чарочка“. Въ коридорахъ и классахъ били стекла. Бурса веселилась. По зданію разносился изступленный, дикій ревъ, въ которомъ было мало человѣческаго. Въ умывальникахъ отливали водой ослабѣвшихъ товарищей. Раздѣвали ихъ, клали голыми въ желобъ и отвинчивали краны. Приводимый въ чувство сначала лежалъ неподвижно подъ струями холодной воды, потомъ начиналъ что-то мычать, шевелиться и, наконецъ, открывалъ глаза, осматривалъ удивленно товарищей и ругался крѣпкими словами. Тогда его поднимали изъ желоба, одѣвали и посылали пить водку „для чувствъ“, а на его мѣсто клали слѣдующаго „ослабѣвшаго“.

Передъ ужиномъ Менандръ поднялся по лѣстницѣ въ классы, но сверху кто-то бросилъ въ него табуретку. Она только сшибла клобукъ, головы не задѣла, ударилась въ стѣну и разлетѣлась въ щепы. Менандръ поблѣднѣлъ и побѣжалъ къ себѣ на квартиру.

За ужиномъ вмѣсто него ходилъ Рединскій и боязливо оглядывался. Но въ концѣ ужина кто-то изловчился и попалъ кочаномъ капусты въ голову помощника инспектора. Рединскій съежился, втянулъ голову въ плечи и рысцой затрусилъ изъ столовой.

Пришла ночь. Спали вездѣ: и въ спальняхъ, и въ „живописке“, и въ „переплетке“, и въ „столяркѣ“, и въ классахъ, вездѣ, гдѣ безпомощно и тяжело рухнули пьяныя тѣла.

...Первый урокъ у насъ былъ гомилетика, предметъ особенно любимый богословами за то, что новый преподаватель Геронтій — молодой, статный монахъ—ничего не „задавалъ“ и не признавалъ учебника, а много говорилъ о себѣ и своемъ ораторскомъ талантѣ.

— Сегодня займемся импровизаціей,— сказалъ Геронтій сиплымъ, грубымъ голосомъ, расчесывая аккуратно проборъ золотыхъ волосъ.—И тема вамъ будетъ по сезону: о пьянствѣ. — Онъ улыбнулся, думая, что сказалъ остроумную вещь, засмѣялся, вызвалъ Рогача и сошелъ съ каѳедры. Рогачъ, блѣдный, недавно опохмелившійся, медленно вышелъ на середину класса.

— На каѳедру, на каѳедру! — сказалъ Геронтій.—Привыкайте!

Рогачъ неуклюже взобрался на каѳедру, поправилъ пенснэ и хмуро спросилъ:

— Чего говорить-то?

— О пьянствѣ,—улыбнулся Геронтій, прислонясь къ стѣнѣ.—Соберите свои воспоминанія и впечатлѣнія вчерашняго, напримѣръ, дня и произнесите слово...

На партахъ раздался шумъ и смѣхъ.

— Тише, господа, слушайте внимательно! Это и васъ касается.

Рогачъ помолчалъ и угрюмо сказалъ:

— Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа... Братіе!..

И замолчалъ.

— Ну? Что же вы?—спросилъ Геронтій.— На братіи и застряли? Небось, вчера шибко разговаривали?

— Я не могу, отецъ Геронтій! — отказался Рогачъ.

— Ерунда! говорите и не стѣсняйтесь. Для проповѣдника самое главное — не стѣсняться! Представьте, что вы священникъ, а ваши товарищи — паства, которая любитъ залить за галстухъ, и начинайте!.. Не мѣшайте, господа! И васъ заставлю!

Рогачъ, бывшій вчера мертвецки пьянымъ, откашлялся и заговорилъ, шевеля губами, на которыхъ остались кровавыя царапины отъ разбитаго горлышка бутылки.

— Братіе!.. Эг-к-мнг-!.. гм... пьянство великій порокъ, который... эгмп... доводитъ человѣка до нищеты и... смерти. „Не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ“ — сказано въ священномъ писаніи...

— Вино веселитъ сердце человѣка, — подсказалъ шипящамъ голосомъ Спиноза.

— Ладно, ладно, не подсказывайте, Радановичъ! — сказалъ Геронтій. — Это мы безъ васъ знаемъ... Ну-съ, дальше?

Рогачъ посмотрѣлъ на товарищей, увидалъ улыбающіяся лица и отчаянно продолжалъ:

— Пьяный человѣкъ есть поношеніе и поруганіе среди людей, онъ уподобляется скоту...

— Рогачу,—прошепталъ Шишъ.

— ...И кто напивается...

— Какъ Рогачъ.

— Тише, господа! Дайте ему сказать!

Но Рогачъ смутился и больше не могъ произнести ни одного слова. Геронтій поставилъ ему четыре, отослалъ на мѣсто и началъ разсказывать о себѣ, о томъ, какъ часто приходится говорить безъ подготовки, „экспромтомъ“, и какое сильное впечатлѣніе онъ производилъ на слушателей“.

* *
*

Это было какъ разъ въ ту осень, когда по городамъ и весямъ Руси разлилась широкой волной революція, — въ тѣ дни, когда назрѣвала „великая всеобщая забастовка". Революціонная волна не могла не коснуться и бурсы. Состоялась „первая" въ лѣтописи ея сходка — и, послѣ „новыхъ, смѣлыхъ, не слыханныхъ въ семинаріи словъ", объявлена была и бурсацкая забастовка. Начальство ничего не могло подѣлать съ забастовщиками, не помогли и увѣщанія пріѣхавшаго въ семинарію викарнаго епископа: его семинаристы попросту прогнали изъ зала...

„...Мы со дня на день ожидали закрытія семинаріи. Въ классахъ, столовой, въ коридорахъ часто пѣли марсельезу. Бурса оживленно говорила о томъ, что творится въ городѣ. Передавали тяжелыя, скорбныя извѣстія о количествѣ убитыхъ и раненыхъ на улицахъ во время столкновеній съ войсками. И было въ этихъ извѣстіяхъ большое, важное и острое, важнѣе нашихъ семинарскихъ безпорядковъ.

...Въ актовомъ залѣ разливался громкій говоръ, какъ быстрый, шумящій потокъ. Иногда вырывался отдѣльно чей-нибудь вызывающій, возбуждающій голосъ, и разговоры на минуту затихали. И опять, послѣ недолгой тишины, всѣ начинали говорить заразъ, не слушая одинъ другого. Это было родительское совѣщаніе, созванное Правленіемъ семинаріи, чтобы какъ-нибудь прекратить забастовку. Собрались часъ тому назадъ, но еще ничего не обсуждали, а разбились на группы, и каждая изъ нихъ производила такой шумъ, который былъ достаточенъ и для всѣхъ собравшихся.

Около каоедры размѣстились на стульяхъ чинные, хорошо одѣтые городскіе священники, упитанные, солидные, съ плавными, неторопливыми движеніями. Подальше у оконъ — сельскіе священники и дьяконы въ потертыхъ, неуклюжихъ рясахъ, дьячки, попадьи, — деревенскія въ платочкахъ, городскія въ модныхъ шляпахъ и платьяхъ,—дьячихи, просфорни и остальной духовный людъ, пріѣхавшій изъ деревни и смотрѣвшій на городскихъ собратій съ завистью и уваженіемъ.

— Господа! — закричалъ молодой, рыжій дьяконъ, покрывая звонкимъ голосомъ шумъ и суету.—Господа, надо выбрать руководителя этого собранія, предсѣдателя, чтобы ввести порядокъ! Выбирайте!

Разговоры прекратились. Духовенство переглядывалось, морщило лбы, поднимало вверхъ брови и не знало, кого же выбрать?

На каоедру медленно взошелъ высокій, толстый священникъ, съ наперснымъ крестомъ и орденами, надѣтыми „для форсу", и носовымъ, протяжнымъ голосомъ сказалъ:

— Отцы и братіе! Предлагаю избрать предсѣдателемъ мужа сановитаго, мужа совѣта и разума, опытнаго и искушеннаго въ разныхъ предсѣдательствованіяхъ. Я, къ примѣру, многократно предсѣдательствую въ училищномъ совѣтѣ, и потому полагалъ бы, что смогу и...

— Просимъ, просимъ!

— Кто такой?

— Протоіерей Сладкогласовъ.

— Что жъ онъ самъ себя выбираетъ?

— Просимъ, просимъ!

— А мы его не хотимъ!

— Проси-имъ!

Протоіерей важно поклонился и постучалъ рукой по каоедрѣ.

— Ти-ише! Объявляю засѣданіе открытымъ! Кто желаетъ высказаться?

Къ каоедрѣ подскочила маленькая, худая, какъ древесный сукъ, дама, въ темномъ платьѣ, съ сморщеннымъ, злымъ лицомъ и жидкими, словно мокрыми, волосами. Мы узнали потомъ, что эта была жена протоіерея Сладкогласова. Она быстро взбѣжала по ступенькамъ каоедры и завизжала, топоча ногами и дѣлая руками рѣзкіе, судорожные жесты.

— Драть! Драть ихъ надо! Мальчишки, хулиганы! Безобразники! Драть! Березовой каши имъ!

— Что вы! — усмѣхнулся священникъ, съ крестомъ на георгіевской лентѣ.—У меня сынъ кончаетъ въ этомъ году семинарію, взрослый человѣкъ... Такъ какъ же...

— Драть!—взвизгнула протоіерейша.—Это ихъ подкупили! Жидишки подкупили!

— Довольно! — закричали съ боку, но въ другой сторонѣ зала нѣсколько голосовъ запротестовали:—Просимъ, просимъ!

— Довольно!

— Просимъ!

Опять поднялись крики. Мы сидѣли на подоконникахъ, въ третьемъ коридорѣ, и, открывъ окна, смотрѣли внизъ, въ актовый залъ. Фарисей и Спиноза отпускали по адресу протоіерейши тонкія замѣчанія, такъ что, если бы она слышала, приказала бы выдрать ихъ въ первую очередь. Дверь въ актовый залъ открылась, и вошли Райка и Графъ.

— Кто такіе? Что надо?—зашумѣло духовенство.—Вонъ!

— Мы делегаты отъ семинаріи! — громко сказалъ Райка, какъ говорилъ на сходкахъ.—Семинарія желаетъ присутствовать на вашемъ засѣданіи.

— Вонъ пошли! Мерзавцы! Негодяи!

Райку и Графа окружили возбужденные „отцы“, кричали и размахивали руками. Старый, сѣдой дьяконъ, увидавъ на Райкѣ зеленыя брюки, загудѣлъ глухимъ, сердитымъ басомъ:

— А, зеленые штаны! Переодѣтый студентъ! Гони его въ шею! Бей студента!

Райку и Графа вытолкали изъ актоваго зала, а черезъ нѣсколько минутъ у дверей собралась вся бурса.

— Ну, что? Какъ?

— Выставили! Не пускаютъ! — быстро передалъ Райка.

— Вали въ залъ! Двигай, ребята!

— Высаживай дверь, высаживай здоровѣй!

Духовенство отхлынуло отъ каѳедры и сгрудилось у дверей, желая оказать сопротивленіе и не впускать бурсу въ актовый залъ. Въ коридорѣ закипѣли крики, свистки и ругательства.

— Нажми, ребята!

— Здоровѣе!

— Еще!

— Р-разъ!

Съ холоднымъ, безстрастнымъ звукомъ лопнули стекла и ломко звякнули о паркетъ. Дверь открылась, и въ актовый залъ влилась черная, бурливая толпа. Тотъ самый дьяконъ, который счелъ Райку за студента, плюнулъ въ ладонь, замахнулся кулакомъ и хотѣлъ ударить Спинозу по лицу, но между нимъ и Спинозой всталъ какой-то священникъ, въ золотыхъ очкахъ, и схватилъ дьякона за руку.

— Что вы, что вы, о. дьяконъ! Опомнитесь!

— Надо дунуть! — захрипѣлъ дьяконъ.— Мерзавцы! Сукины сыны!

Если бы дьяконъ ударилъ Спинозу, неизвѣстно, чѣмъ могла окончиться исторія. Вѣроятно, завязалась бы рукопашная, сыновья избили бы „отцовъ“, и, въ концѣ-концовъ — скандалъ на всю епархію. Бурса разсыпалась по залу, перемѣшалась съ родителями, и поднялся такой дикій шумъ и крикъ, что ничего нельзя было понять и разобрать. Протоіерейша Сладкогласова сжала сухіе кулаченки, махала ими передъ своимъ лицомъ, визжала и гнѣвно припрыгивала на одномъ мѣстѣ. Ея мужъ, покраснѣвъ, что-то кричалъ, а что — не было слышно. Кто-то посовѣтовалъ уходить изъ зала. Это помогло. Шумъ утихалъ, но въ коридорахъ запрыгали, заскакали обрывистыя, и злобныя восклицанія спорщиковъ.

Къ вечеру все утихло“.

А семинарію на время закрыли...

* * *

Въ январѣ, когда уже семинарская жизнь снова вошла въ колею, экономъ, онъ же дьяконъ семинарской церкви, „отецъ Паша“, праздновалъ день своего рожденія.

„Обыкновенно празднованіе продолжалось три дня, потому что въ первый день у эконома обѣдали педагоги, во второй — пилъ чай и ужиналъ шестой классъ, а въ третій — пятый. И потомъ экономъ недѣлю ходилъ съ синебагровымъ лицомъ и сипѣлъ:

— Обалдѣлъ! Съ сволочажными только свяжись!.. Опился!

Когда мы пришли къ эконому, у него уже были гости: нѣсколько пѣвчихъ архіерейскаго хора, въ сюртукахъ, существа мрачныя и надмѣнныя. Здоровались и говорили они сухо, больше молчали, откашливались и хмыкали. Кромѣ нихъ, были ихъ жены, молодыя дамы, одѣтыя по модѣ, но пестро. Онѣ хотѣли казаться совсѣмъ дамами хорошаго общества, и потому смѣялись и говорили громче, чѣмъ надо. Были и бойкія дѣвицы, или, какъ ихъ называлъ экономъ, „дивчатки“, напудренныя, остроглазыя и смѣшливыя. Ихъ экономъ пригласилъ „на случай“. Можетъ быть, понравятся какому-нибудь богослову и подцѣпятъ мужа.

— А-а, сволочажные! — загудѣлъ экономъ, увидавъ насъ.—Входите, входите!.. Садись осторожнѣй! Не запачкай! Вѣдь бархатъ, а не что-нибудь!

Чай разливала одна изъ женъ пѣвчихъ, о которой бурса говорила, что у нея съ экономомъ „цыплята высиживаются“. Она кокетничала, строила глазки, но старалась показать, что она — существо высшаго полета и смотритъ на насъ сверху внизъ, а улыбается сейчасъ только потому, что мы — гости ея знакомаго.

Фарисей и Спиноза подсѣли къ дѣвицамъ и заболтали всякій вздоръ. Дѣвицы хихикали, подвизгивали, говорили: „ой, что вы, какъ можно“, а экономъ, въ новомъ, зеленомъ шуршащемъ подрясникѣ, щурилъ глаза и весело гудѣлъ:

— Полегче!.. Не очень нажимай, вѣдь дѣвицы!..

Выпили чай и наступила минута, когда всѣ не знали, что дѣлать дальше. Экономъ позвалъ пѣвчихъ въ кабинетъ, играть въ карты, а Фарисею сказалъ:

— Будь хозяинъ! Смотри, чтобъ мадамы и дивчатки не скучали!.. Потанцуйте!..—И прибавилъ, понизивъ голосъ: — Пивко холодное

есть, въ столовой, у шкафа... Только не налакайтесь до ужина!

— Безъ тебя знаемъ, отецъ!—отвѣтилъ весело Фарисей.—Иди, играй, а мы тутъ управимся.— Онъ повернулся на каблукахъ и развязно крикнулъ:

— Медамъ, же ву при а ля контредансъ!.. Арсеньевъ, играй!

Арсеньевъ молча и покорно сѣлъ къ піанино и заигралъ вальсъ. Фарисей, Спиноза, Шишъ и Кишка пригласили дамъ — и балъ начался. Фарисей былъ необыкновененъ. Танцуя, онъ то лихо искрикивалъ, то быстро кружилъ вокругъ себя даму, оставлялъ ее, мчался галопомъ въ другой конецъ комнаты и пускался тамъ въ присядку. Ему подражали остальные. Это былъ хорошій сюжетъ художнику для картины: „пляска дикихъ“. Лицо Фарисея блестѣло отъ пота, воротничекъ обмякъ и опустился, но онъ не унимался ни на минуту и зычнымъ басомъ кричалъ изобрѣтенныя имъ самимъ французскія фразы:

— Плювитъ аррете грандъ рондъ грандъ маманъ!.. Ходи веселѣй!.. Женераль! Женераль, чортъ тебя задави! Женераль бонжуръ кальсонъ мерси!.. Ж-жив-ва-а!..

Экономъ изрѣдка вставалъ изъ-за картъ, подходилъ къ гостиной, смотрѣлъ и одобрительно улыбался.

— Здорово! Завинчивай!

Кавалеры освѣжались пивомъ и танцовали безъ устали. Одинъ изъ пѣвчихъ, молодой человѣкъ, съ закрученными усами, стоялъ, картинно облокотившись о каминъ, и презрительно улыбался. Онъ былъ теноръ-солистъ архіерейскаго хора, и потому ужасно гордъ и солиденъ. Около него юлилъ Цыбикъ, который мечталъ послѣ окончанія семинаріи поступить въ архіерейскій хоръ и тоже попасть въ солисты.

— Ты что стоишь? — крикнулъ пѣвчему Фарисей, пролетая мимо въ какомъ-то чудовищномъ танцѣ.—Анпаже даму!..

Пѣвчій нахмурился, закусилъ губу и, когда кончился танецъ, пошелъ въ столовую, гдѣ Фарисей пилъ пиво.

— Мнѣ нужно объясниться съ вами, молодой человѣкъ! — сказалъ пѣвчій громко и медленно, трогая Фарисея за руканъ.

Общій разговоръ смолкъ. Всѣ уставились на пѣвчаго и Фарисея, который не отвѣтилъ и продолжалъ пить пиво.

— Я ж-жду, моллодой чел-ловѣкъ! —повторилъ пѣвчій, стараясь говорить свободно и твердо.

— Что нужно?—спросилъ Фарисей, быстро оборачиваясь къ нему.

Пѣвчій смѣрилъ Фарисея презрительнымъ взглядомъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— На какомъ-такомъ полномъ правѣ вы мнѣ произносите ты?

— О-гопъ! — выкрикнулъ сзади Кишка.— Баронъ паршивый!

Фарисей посмотрѣлъ на пѣвчаго и прыснулъ. Пѣвчій покраснѣлъ.

— Я васъ спрашиваю, молодой человѣкъ, и жду отвѣта!—Онъ поправилъ свою прическу и заложилъ руки за спину.

— Пошелъ къ чорту!—сказалъ лѣниво Фарисей.

— Т.-е. какъ, къ чорту? Вы объяснитесь!

— А вотъ такъ! Къ чорту—и все! Понялъ?

— На какомъ правѣ вы мнѣ микашонствуете? Я ж-желаю знать!

— Ты не приставай, а то въ морду дамъ!— сказалъ Фарисей, оттолкнулъ пѣвчаго, проходя въ гостиную, и крикнулъ тамъ: — Алонъ, а дансъ паденатиперсъ! Селезень! Жарь мазуку! Анпаже мадамъ!..

— Вашъ товарищъ плохо и невозможно воспитанъ,—сказалъ пѣвчій.—Онъ не умѣетъ держать себя въ образованномъ обществѣ.

— Замолчи!—равнодушно перебилъ его Цѣпа, наливая себѣ пиво.— Если будешь приставать съ разговорами, дадимъ въ морду и... манишку порвемъ!—прибавилъ онъ неожиданно.

Пѣвчій вздернулъ плечами и гордо вышелъ изъ столовой, подрагивая бедрами. За ужиномъ онъ молчалъ и имѣлъ оскорбленный видъ, шепталсся съ сосѣдкой и показывалъ головой то на Фарисея, то на Цѣпу, которые этого не замѣчали. Фарисей балагурилъ, наливалъ дамамъ вино, пилъ и, задѣвая кого-нибудь локтемъ, извинялся:

— Пардонъ а ля пу-пу!

Говорили эконому рѣчи и пѣли „многая лѣта“. Шишъ долго стучалъ ножомъ по тарелкѣ, требуя молчанія, и, когда всѣ перестали говорить, сказалъ:

— Отецъ! Мы тебя любимъ и обожаемъ за то, что ты не такая сволочь, какъ другіе! Ур-ра! Многая лѣта!

— Ур-ра!

Экономъ былъ растроганъ, цѣловался со всѣми, благодарилъ и каждому шепталъ въ ухо, пачкая мокрыми усами:

— У меня, братъ, много припасено! Пей, сволочажный, не жалѣй!“

Женщина въ новѣйшей беллетристикѣ.

[8—3:396]

„Ступени“ Вѣры Рудичъ.

Авторъ—сравнительно недавно выступившая поэтесса, уже замѣченная цѣнителями поэзіи, даже премированная (академіей наукъ). Теперь она дебютируетъ въ беллетристикѣ—маленькой, но полновѣсной книжкой. Ея „Ступени“ — это ступени одной изъ обиженныхъ судьбою женскихъ жизней. Какъ часто „равнодушная“ природа облекаетъ das ewig weibliche, со всѣмъ богатствомъ этихъ „вѣчно-женскихъ“ порывовъ, томленій, требованій, въ недостаточно притягательную и недостаточно „гармонирующую“ внѣшнюю оболочку. Какъ часто отсутствуетъ здѣсь соотвѣтствіе между *формой* и *содержаніемъ*. Вотъ въ книжечкѣ В. Рудичъ и даны намъ интимнѣйшія признанія одной такой обездоленной женской души, признанія на разныхъ ступеняхъ того яркаго и сложнаго—и *опаснаго*—періода, когда въ женщинѣ неудержимо проявляется ея *женское*,—распускается, расцвѣтаетъ, разгорается, потрясаетъ все существо, и только постепенно увядаетъ, гаснетъ, стихаетъ, замираетъ, уступая всесильному времени... Шесть ступеней—въ семнадцать лѣтъ, въ двадцать, въ двадцать пять, въ тридцать, въ тридцать пять и сорокъ лѣтъ... На всѣхъ этихъ „ступеняхъ“,— какъ и въ приведенномъ въ прошлой книжкѣ „Безъ завѣта“ О. Руновой,— мы читаемъ „человѣческіе документы“.

* *
*

Весна. Весна и на землѣ, и въ сердцѣ семнадцатилѣтней Лиды. Вся ихъ большая шумная семья съ гостями уѣхала на „маёвку“. Только она не захотѣла принять участія въ пикникѣ. Ей, незамѣтной, некрасивой, не весело тамъ, гдѣ такъ весело другимъ. Она веселится по-своему,—когда никто ее не видитъ.

„...Съ радостнымъ смѣхомъ Лида раскидываетъ руки навстрѣчу яркой красотѣ весенняго сада, потомъ быстро поворачивается, идетъ въ свою комнату. Тамъ она торопливо сбрасываетъ старенькое коричневое платье, достаетъ изъ шкафа и надѣваетъ другое, легкое, розовое, открывающее глубокимъ вырѣзомъ молодыя плечи и руки. И все время ея губы дрожатъ все той же свѣтлой улыбкой, а расширенные глаза свѣтятся мягкимъ, сіяющимъ блескомъ. Она перегибается въ окно къ молодой яблонкѣ въ цвѣту, срываетъ пахучую, осыпанную бѣлорозовыми звѣздами вѣтку и прикалываетъ у вырѣза платья на груди, потомъ передъ маленькимъ зеркаломъ осыпаетъ бѣлой пудрой свои кудрявые русые волосы и тогда, вся свѣтлая, идетъ къ большому зеркалу въ залу. Нѣтъ у нея на лицѣ болѣзненной брезгливой гримасы, съ которой она всегда въ обычные дни смотритъ въ зеркало на свое неправильное блѣдное лицо—молчатъ нездоровые нервы, болѣзненно ловящіе всегда въ мимолетныхъ взглядахъ сравненіе съ красивыми сестрами и обидное равнодушіе къ себѣ,—потому что теперь хороша она, вся бѣлорозовая, какъ молодой цвѣтъ на яблоняхъ.

Потомъ Лида выходитъ на терассу, сбѣгаетъ по ступенькамъ и идетъ подъ весенними яблонями, и ее такъ и подымаетъ приливъ безотчетнаго молодого ликованья и смутнаго, сладко щемящаго сердце ожиданья, что кто-то встрѣтитъ ее тамъ гдѣ-то—не то въ сквозномъ зеленомъ храмѣ березовой рощи, не то въ той жизни, которая вся впереди ея семнадцати лѣтъ. Кто встрѣтитъ—Лида и сама не знаетъ: можетъ быть, ея двоюродный братъ Валеріанъ, бѣлокурый пажъ, который приходилъ къ нимъ въ отпускъ каждый праздникъ въ Петербургѣ зимой, а можетъ быть, кто-нибудь, еще невѣдомый, еще не встрѣченный—не все ли равно молодому тѣлу и молодой душѣ, на чью первую бережную ласку они отвѣтятъ.

За эту зиму семнадцатилѣтняго расцвѣта изъ дѣвочки въ женщину, много было мужчинъ, у которыхъ при взглядѣ на Лиду вспыхивали глаза и понижался до нѣжной ласки на самыхъ обыкновенныхъ словахъ голосъ—и изо всѣхъ этихъ мужчинъ слился онъ, тотъ, который ждетъ ее и къ кому она идетъ по весеннему саду, бѣлорозовая, какъ яблоновый цвѣтъ. Подымаясь на цыпочки, чтобы коснуться лицомъ цвѣтущихъ вѣтокъ, нагибаясь къ землѣ, чтобы сорвать пахучую богородицыну травку съ лиловыми цвѣтами, Лида чувствуетъ на себѣ загорающіеся, любующіеся взгляды, слышитъ беззвучныя, неопредѣленныя нѣжныя слова—и отвѣчаетъ тихимъ смѣхомъ, отрывистыми словами. Въ этомъ снѣ наяву входитъ она въ сквозной храмъ зеленой березовой рощи и долго сидитъ на обросшемъ мохомъ пнѣ на залитой солнцемъ полянѣ.

Понемногу меркнутъ, тускнѣютъ ликующія краски зелени, неба, воздуха. Солнце сѣло. И вмѣстѣ съ ними меркнетъ и гаснетъ у Лиды молодое напряженное счастье. Она подымается съ пня и идетъ домой, усталая, опустившаяся, не глядя ни на что, безъ мыслей,

безъ ощущеній. Дома переодѣвается въ старое коричневое платье, стряхиваетъ пудру, расчесываетъ волосы и садится на ступенькахъ крыльца, вглядываясь въ тонущую въ сумеркахъ дорогу и прислушиваясь—не слышно ли мягкаго звука колесъ и мѣрнаго топота".

А ночью, когда всѣ засыпаютъ, Лида пишетъ стихи...

Лидѣ двадцать лѣтъ. Въ душѣ ея идетъ борьба съ унизительной любовью. Чѣмъ только не пробуетъ она заглушить эту безрадостную любовь — къ двоюродному брату Валеріану. Поступала въ сестры милосердія. Уѣзжала въ пригородный женскій монастырь. Спасается отъ безвыходныхъ, мучительныхъ мыслей въ свою, созданную фантазіей, особенную жизнь, гдѣ любитъ ее „прекрасный Митя", любитъ „такъ, какъ ей надо". Но все напрасно... Мысли перекидываются къ одному и тому же.

„— Теперь, вѣрно, онъ скоро придетъ,— соображаетъ Лида.—Вчера былъ ровно мѣсяцъ, какъ приходилъ.

При мысли о регулярности его рѣдкихъ приходовъ, Лиду охватываетъ чувство глубокаго униженія, слезы выступаютъ у нея на глазахъ, она жалко улыбается и шепчетъ вслухъ:

— Беру милостыню, такъ нечего разбирать, какъ подаютъ".

Валеріанъ, дѣйствительно, приходитъ. „Бѣлокурый коренастый офицеръ... съ великолѣпными зубами подъ пышными усами".

Они втроемъ съ бабушкой пьютъ чай, потомъ Лида по просьбѣ Валеріана поетъ.

„Валеріанъ ходитъ по залѣ и слегка подпѣваетъ. При ходьбѣ онъ сначала заходитъ въ сосѣднюю маленькую полутемную гостиную, а потомъ и совсѣмъ остается тамъ.

Пѣсня окончена. Лида встаетъ и нерѣшительно, точно ее кто-то тянетъ, идетъ къ маленькой гостиной.

— Какъ тутъ темно,—съ нервнымъ смѣхомъ говоритъ она, останавливаясь на порогѣ.

— Это только такъ кажется,—отвѣчаетъ въ глубинѣ комнаты Валеріанъ.—Каминъ еще тлѣетъ, и тутъ свѣтло. Посмотрите сами.

Съ чувствомъ замиранія, какъ входятъ въ холодную воду, Лида медленно идетъ вглубь комнаты. Передъ каминомъ широкая оттоманка, на ней сидитъ Валеріанъ, и въ полутьмѣ его папироса горитъ яркой точкой.

Лида садится въ кресло по другую сторону камина и говоритъ:

— Сегодня опять вашъ полкъ въ караулѣ.

Ей самой ея голосъ кажется неестественно размѣреннымъ и громкимъ. Зубы у нея стучатъ, руки холодѣютъ и по тѣлу пробѣгаетъ дрожь.

Голосъ Валеріана звучитъ тоже странно, когда онъ отвѣчаетъ:

— Да, каждые девять дней.

Говоря это, онъ бросаетъ папиросу въ каминъ, нагибается впередъ, протягиваетъ руки и сразу, сильнымъ движеніемъ переноситъ Лиду на оттоманку рядомъ съ собой.

— Валеріанъ, что вы дѣлаете,—шепчетъ Лида, задыхаясь.

— Я теперь уже не хожу въ караулъ,— продолжаетъ Валеріанъ тѣмъ же громкимъ, размѣреннымъ голосомъ.

Лида видитъ, какъ блестятъ глаза на его возбужденномъ лицѣ, и слышитъ его неровное дыханіе.

— А вчера мнѣ показалось, что я васъ встрѣтила,—говоритъ она первую попавшуюся фразу и смѣется вздрагивающимъ смѣхомъ.

— Гдѣ?

Валеріанъ нагибается и касается губами ея ноги.

— На Морской.

Валеріанъ опять подымаетъ ее однимъ движеніемъ и сажаетъ къ себѣ на колѣни, говоря въ то же время:

— Въ которомъ часу?

— Часа въ три. Вы ѣхали на извозчикѣ.

— Не помню.

Рука его скользитъ по ея ногѣ. Лида лихорадочно шепчетъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу.

Она вырывается гибкимъ движеніемъ и вскакиваетъ на ноги.

— Не буду, не уходите,— сквозь зубы говоритъ Валеріанъ и притягиваетъ ее опять на оттоманку.

Минуту они сидятъ молча. Лидѣ мучительно хочется уловить въ немъ хоть проблескъ интереса и вниманія къ своимъ мыслямъ, желаніямъ, къ чему-нибудь въ ея жизни, но она ясно чувствуетъ безнадежность этого. Все-таки она говоритъ, придавая фразѣ шутливый тонъ:

— Знаете, я недавно уѣзжала въ монастырь. Прожила цѣлыя двѣ недѣли.

— Да?— равнодушно спрашиваетъ Валеріанъ и сейчасъ же смѣется, видимо, вспомнивъ что-то забавное:

— Я бывалъ въ женскихъ монастыряхъ. Между монашенками есть очень хорошенькія.

Лида вся съеживается отъ чувства униженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ ее охватываетъ приливъ покорной безнадежной любви. Она прижимается лицомъ къ рукаву его мундира, потомъ быстро наклоняется, цѣлуетъ Валеріану руку и шепчетъ:

— Я васъ такъ люблю.

Валеріанъ отдергиваетъ руку и мягко, но рѣшительно шепчетъ:

— Не надо этого дѣлать... и говорить.

Спустя еще минуту онъ замѣчаетъ съ тихимъ смѣхомъ:

— А тамъ подумаютъ, что это мы замолчали.

Лида быстро и громко говоритъ:

— Когда же слѣдующій атлетическій вечеръ?

— Черезъ недѣлю.

Валеріанъ закуриваетъ папиросу, и разговоръ идетъ на атлетическія темы минутъ пять.

Въ столовой часы бьютъ двѣнадцать. Валеріанъ бросаетъ папиросу и говоритъ:

— Ну, пора и по домамъ, пока хозяева не выгнали.

Оба встаютъ. Валеріанъ закидываетъ Лидины руки себѣ на плечи и крѣпко прижимаетъ къ себѣ всю ее, потомъ молча отпускаетъ и мѣрной военной походкой идетъ въ столовую.

Тамъ онъ обмѣнивается съ бабушкой нѣсколькими фразами объ общихъ родственникахъ.

Лида идетъ за нимъ въ столовую, зябко поеживаясь и щуря на свѣтъ глаза. Потомъ она провожаетъ его въ переднюю и стоитъ, прислонясь къ стѣнѣ, пока онъ надѣваетъ пальто.

Онъ говоритъ:

— Сейчасъ иду въ клубъ. Буду играть въ пикао.

— Ой, не проиграйте!—съ громкимъ смѣхомъ вызывающе бросаетъ ему Лида.

Валеріанъ широко раскрываетъ глаза съ невинно-удивленнымъ выраженіемъ, прикладываетъ руку къ шапкѣ, звякаетъ шпорами и уходитъ, а Лида идетъ въ столовую, смутно ощущая томительное чувство неудовлетворенности.

Бабушка раскладываетъ пасьянсъ и встрѣчаетъ Лиду ласково-насмѣшливой улыбкой.

— Ну, что, напилась меду, довольна?—спрашиваетъ она шутливо.

Лида неопредѣленно улыбается. Бабушка вздыхаетъ и прибавляетъ серьезнымъ тономъ:

— Нынче все говорятъ: давайте молодежи свободу. А мнѣ, по-старинному-то, не нравится, что ты съ нимъ тамъ сидишь. А, Лидуша?

Лида смутно чувствуетъ раскаяніе, но она еще вся отуманена, такъ что не обращаетъ на него вниманія и досадливо пожимаетъ плечами.

— Бабушка, вѣдь мнѣ двадцать лѣтъ.

— Я, голубчикъ, знаю и худого не думаю. Я вѣдь тебѣ вѣрю. Ты дѣвушка не глупая. Только... пора бы стряхнуть это увлеченіе. Право же, милуша моя.

Лида нетерпѣливо говоритъ:

— Я ничего дурного не дѣлаю, бабушка.

— Вѣрю, дружокъ. Только мнѣ тебя жалко. Бѣдный народъ вы, дѣвушки.

— Я спать пойду. Прощай, бабушка,—говоритъ Лида, цѣлуетъ ее и уходитъ.

Въ своей комнатѣ она раздѣвается все такими же возбужденными движеніями, долго смотритъ въ зеркало въ упоръ въ свои блестящіе глаза. Мыслей еще нѣтъ, а есть только ощущенія.

Лида ложится въ постель и беретъ, по привычкѣ, раскрытую книгу, англійскія идилліи Теннисона. Она пробѣгаетъ глазами страницы спокойныхъ, чистыхъ стиховъ—и ей кажется, что отъ книги пахнетъ полями и лугами, гдѣ гуляютъ молодые, здоровые влюбленные, о которыхъ говоритъ стихи.

Минутъ черезъ пять Лида бросаетъ книгу и горько плачетъ.

— Боже мой! Боже мой!—шепчетъ она между рыданіями:—Какая бываетъ чистая любовь. До чего я дошла! Грязь-то какая! Униженье-то какое!

Она мечется по постели и зажимаетъ ротъ подушкой. Потомъ садится, растерянная, заплаканная, и, стиснувъ зубы и руки, озлобленно шепчетъ:

— Какая я дрянь! какая дрянь! Что дѣлать? Что же мнѣ дѣлать-то?

Потомъ вдругъ отчаянно всплескиваетъ руками и глухо вскрикиваетъ:

— А бабушка! Бабушка, милая! „Напилась меду“. „Вѣрю тебѣ, голубчикъ“. Какъ же—я честная, умная, двадцать лѣтъ мнѣ... Милая бабушка!

Лида зарывается въ подушки въ новомъ приступѣ рыданій.

Наплакавшись до того, что ей рѣжетъ глаза, она сползаетъ съ постели на полъ босыми ногами, ложится горячимъ мокрымъ отъ слезъ лицомъ на холодныя крашеныя доски и безсвязно молится:

— Господи! Я сама не знаю, о чемъ прошу. Только помилуй, очисти и дай, чтобы было лучше!“

Въ двадцать пять лѣтъ...

„...Интересно бы подвести итоги этой зимы. Впрочемъ, не зима это была для меня, а сплошной истерическій припадокъ.

Ну — ужъ осенью изъ деревни я пріѣхала сюда съ рѣшеніемъ самой предложить себя Валеріану всю цѣликомъ, а не дразнить и его

и себя развращающими осторожными „ласками“. Цинично, грубо это звучитъ, выраженное въ словахъ, а какъ было красиво, и желанно, и честно въ мечтахъ, лѣтомъ въ нашемъ старомъ саду, когда я ходила по дорожкамъ подъ старыми яблонями въ теплыя звѣздныя ночи. Сколько страницъ въ моемъ дневникѣ полно намеками, полусловами объ этихъ неясныхъ, себѣ самой недоговоренныхъ грезахъ. И жалко себя чуть не до слезъ, и смѣшно чуть не до слезъ, когда перечитываешь это теперь.

Ну, рѣшено: предложу себя. Но вѣдь какъ же: некрасива я. Вдругъ „цѣлникомъ“-то не понравлюсь, покажусь противной. И холодомъ униженія обдавала эта мысль. Но и тутъ нашептали выходъ мечты. Валеріанъ часто говорилъ о своемъ знакомомъ атлетѣ-художникѣ. Какъ только пріѣхала въ Петербургъ, написала ему: „Не согласитесь ли, какъ человѣкъ опытный, сказать мнѣ, хорошо ли я сложена. Если да,—напишите, когда и въ какомъ костюмѣ притти“.

Въ назначенный вечерній часъ художникъ встрѣтилъ меня въ своей мастерской, посмѣиваясь. Посмѣиваясь, указалъ уголъ за какой-то драпировкой, гдѣ я переодѣлась въ костюмъ опереточнаго пажа; посмѣиваясь, оглядывалъ меня, сидя верхомъ на стулѣ передо мной, вѣроятно растерянной и неловкой въ непривычномъ, обтягивающемъ все тѣло костюмѣ. Посмѣиваясь, сталъ просить, чтобы я сняла и этотъ костюмъ и позволила срисовать себя нагой.

Я была бы не я, если бы не согласилась: похвалили мою фигуру, хотятъ рисовать ее—это вмѣсто ожидаемаго съ первной дрожью униженія.

Ну, и стояла я нагая, на какомъ-то возвышеніи, облитая свѣтомъ висячей лампы, а художникъ, все посмѣиваясь, рисовалъ.

А когда у меня вырвалась, наконецъ, завѣтная мысль:

— Вы хвалите, какъ художникъ. Ну, а какъ мужчина?

Онъ громко захохоталъ:

— Вотъ вы про что!

И потомъ, сразу ставъ серьезнымъ, сказалъ:

— Близость съ такой женщиной, какъ вы, вещь пріятная для всякаго мужчины.

Какимъ приливомъ счастья поднимали меня эти слова еще долго потомъ! Когда, полуодѣтая, я наклонилась надъ законченнымъ рисункомъ и удивилась, что у меня такая стройная фигура,—конечно, художникъ подумалъ, что я жду извѣстнаго конца приключенію: желѣзныя руки атлета схватили меня, понесли на диванъ за перегородку—и долго я билась и извивалась, безсвязно прося отпустить меня и увѣряя, что я не этого хотѣла.

Потомъ онъ сидѣлъ такъ утомленно на диванѣ и добродушно говорилъ:

— Ну, не хотите, такъ не надо. А большой вы комикъ.

Тогда я, благодарная, чувствуя себя какъ-то неопредѣленно виноватой передъ его неудовлетвореннымъ желаніемъ, нагнулась и поцѣловала ему руку съ такими же безсвязными оправданіями и объясненіями. А онъ такъ хорошо, безъ гадкаго оттѣнка, поцѣловалъ меня и сказалъ:

— А все-таки вы хорошая.

Вотъ и все, что было тогда, и я была вполнѣ искренна въ своихъ увѣреніяхъ, что я „не за тѣмъ пришла“. Но эта первая настоящая, не оглядывающаяся на дверь и не размѣренная мужская ласка сильно подняла и натянула уже давно развинченные нервы. А Валеріанъ приходилъ по разу въ мѣсяцъ; и пока удалось уловить такой моментъ въ этихъ посѣщеніяхъ, когда безъ навязчивости, безъ униженія можно было „предложить“ себя—шли недѣли, мѣсяцы, шла зимняя городская жизнь: театры съ пьесами, гдѣ во всѣхъ видахъ преподносится „любовь“, вечера съ танцами, съ медленнымъ колыханіемъ вѣнскаго вальса, когда полулежишь на груди мужчины и несутъ не то охватывающая тебя рука, не то вкрадчивая, поющая мелодія. А то еще любительскіе концерты съ возбужденнымъ настроеніемъ въ „артистической“ комнатѣ и на эстрадѣ, подъ взглядами и аплодисментами цѣлой залы народу. А послѣ — ужины въ отдѣльныхъ кабинетахъ ресторана своей компаніей,—словомъ, вся нездоровая, пряная городская жизнь.

А тутъ вступили въ мою жизнь еще двое мужчинъ: пріѣхалъ изъ провинціи дядя Федя (потрепанный „полу-старикъ“), и познакомился и сразу сталъ оказывать мнѣ открытое, не таящееся вниманіе Иванъ Ивановичъ (красивый, статный старикъ).

Особенно ярко помнится мнѣ одинъ вечеръ: Федя повезъ меня съ кузинами въ циркъ. Однимъ изъ номеровъ была дрессированная лошадь. Подъ красивымъ сѣдломъ, вся въ какихъ-то украшеніяхъ, вся подобранная, золотистая, красивая, она изящно и четко переступала подъ музыку по аренѣ. Потомъ понемногу съ нея сняли сѣдло, подпругу, узду, украшенія; движенія ея становились все рѣзче, свободнѣе, и кончила она безпорядочнымъ карьеромъ, съ храпомъ, съ прижатыми ушами, подъ гиканье и щелканье бичомъ. Я смотрѣла

изъ ложи, за моимъ стуломъ сидѣлъ Федя и тайкомъ отъ всѣхъ тискалъ и мялъ въ рукахъ мою закинутую назадъ руку, а у меня по спинѣ пробѣгали мурашки, и я думала:

— Вотъ и я, какъ эта лошадь: пока еще иду въ сбруѣ и уздѣ; но вѣдь я почти у такого же безумнаго карьера"...

Иванъ Ивановичъ первый почувствовалъ эту „близость къ карьеру". Послѣ одного ресторaннаго ужина компаніей, онъ, подъ безпорядочный говоръ, смѣхъ, пѣнье —„говорилъ, что я больна, что я въ сплошной истерикѣ, а онъ хочетъ вылечить меня и добьется своего, хоть бы ему пришлось заставить меня притти къ нему. А я, полупьяная, отвѣчала хохотомъ, намеками, полупризнаніями, и, отходя отъ меня, онъ нѣсколько разъ пониженнымъ голосомъ повторилъ свой адресъ „на всякій случай".

А разъ въ мѣсяцъ приходилъ Валеріанъ, и между этими посѣщеніями я иногда по ночамъ въ постели или днемъ въ углу пустой церкви рыдала отъ униженія, отъ приступовъ безсильнаго гнѣва на свое рабство, издѣвалась надъ собой; когда же онъ приходилъ, загоралась вся счастіемъ, дразнила его и себя, хвастаясь все развивающейся свободой словъ и движеній, а сама ловила, не дрогнетъ ли у него въ голосѣ, въ глазахъ хоть отблескъ человѣческаго, а не скотскаго чувства ко мнѣ. А потомъ опять гложущая, тупая тоска неудовлетворенности, униженія, безсилія.

Ивану Ивановичу недолго пришлось ждать меня къ себѣ"...

Но Иванъ Ивановичъ, чуткій въ одномъ отношеніи (нѣсколько свиданій „не позволялъ себѣ ничего, кромѣ словъ"), оказался не чуткъ въ другомъ—и въ Лидѣ вспыхнула гнѣвная, презрительная обиженность. „...Все мнѣ было больно. И то, что въ серединѣ моей попытки выразить—не то для него, не то для самой себя—въ словахъ то, что, по-моему, давало мнѣ право топить въ грязи горе нераздѣленной любви, онъ вдругъ вспомнилъ, что у него въ спальнѣ топится печка и пошелъ ее помѣшать. И то, что онъ развалился на диванѣ въ то время, когда я стояла; и то, что не пошелъ проводить меня, а только заперъ дверь за мной, и я одна спускалась по полутемной, незнакомой лѣстницѣ, съ невольными слезами униженія на глазахъ и какой-то растерянной усмѣшкой"...

Трещину не такъ легко было замазать, и вотъ—„разнузданный карьеръ загналъ меня въ номеръ гостиницы къ Федѣ. Оттуда я вышла уже не со слезами униженія, а съ истерическимъ плачемъ въ голосѣ. Зажимая ротъ платкомъ, я дошла до Казанскаго собора и въ самомъ темномъ углу его, упавъ на полъ передъ какой-то иконой, рыдала, какъ сумасшедшая, приговаривая полушепотомъ отчаянныя, безсвязныя слова.

У художника было скверно, но тамъ была сила, молодость и все-таки человѣческое отношеніе. А здѣсь—эта кровать въ пошломъ, грязноватомъ номерѣ гостиницы, этотъ полуизношенный старикъ въ одномъ бѣльѣ, который ворчливо говорилъ:

— Ну, постой, постой, куда же ты, мнѣ надо успокоиться, это вѣдь вредно такъ.

Я вся сжималась, отряхивалась отъ воспоминаній, какъ если бы вышла изъ лохани съ помоями. Я на другой же день побѣжала къ женщинѣ-врачу, чтобы убѣдиться, что я дѣвушка еще; меня ослѣпляла безсильнымъ бѣшенствомъ мысль, что онъ, а не Валеріанъ могъ бы первый „взять" меня.

...Женщина-врачъ говорила:

— А лучше совсѣмъ избѣжать этого.

Она не понимаетъ, что насталъ для меня „двѣнадцатый часъ", ужасное время, когда столько обидъ позади, а впереди такъ мало осталось времени, пока еще можно предъявлять права на что-нибудь молодое. Дальше вѣдь пойдетъ все ровное, сѣрое, ни на какіе порывы ни силъ, ни смѣлости не станетъ, будешь чувствовать, что они смѣшны и жалки. И теперь, пожалуй, жалки, но не смѣшны еще.

Она не знаетъ, а я вижу, что все старое понемногу уходитъ отъ меня, сестры, сверстницы выходятъ замужъ, бабушка все слабѣе и слабѣе—и мнѣ съ ужасомъ мерещится время, когда я буду совсѣмъ одна. А я не хочу быть одной, это самое страшное; чтобы избѣжать этого, можно на многое пойти. Зачѣмъ бояться ребенка? Тогда была бы цѣль— работать для ребенка. И былъ бы конецъ этому безплодному, отнимающему силы и радость жизни томленію по тому, что не дается.

О Боже, Боже мой! Какъ лгутъ, какъ дразнятъ себя мечтами люди!

...Солнце садилось, когда я шла къ Валеріану и остановилась на мосту, глядя на пылающее въ зимнемъ закатѣ небо. Сквозь одервенѣніе страшнаго нервнаго напряженія, въ которомъ я шла всю дорогу отъ дому, смутно пробилась мысль:

— Послѣдній разъ гляжу на солнце такая, какой была до сихъ поръ.

О Боже, Боже мой! Какъ лгутъ люди и какъ дурачатъ другихъ! Изо всѣхъ книгъ, которыя рисуютъ „наслажденіе", „безумный восторгъ" первой близости съ любимымъ муж-

чиной, ни одна не обмолвилась, что никакого восторга нѣтъ, а есть въ лучшемъ случаѣ неловкость, а въ худшемъ—дикая боль, которую я не могла перенести. Будь со мной извращенный человѣкъ, онъ вѣрно съ наслажденіемъ бы изнасиловалъ меня. Будь сердцемъ любящій меня человѣкъ, онъ одной силой любви сгладилъ бы все тяжелое. Но Валеріанъ—добродушный, чуждый всякой жестокости по натурѣ, а меня онъ только не прочь былъ взять, какъ всякую молодую женщину, которая сама лѣзетъ въ руки... И вотъ, когда я шла назадъ по тому же мосту—я была все та же дѣвушка, но растерянная, обливающаяся то жаромъ, то холодомъ новаго, небывалаго еще униженія.

Это дано всякой женщинѣ, прачкѣ, кухаркѣ, грубой, скверной, а мнѣ и въ этомъ отказано. Столько перемучиться любовью, понемногу отказаться отъ ея высшихъ, чистыхъ требованій, спуститься до самаго низшаго, что только можно, пойти на униженіе предложить себя (я первая ему сказала—хотите, приду)—и все для чего же? Чтобы увидѣть, что я и на это не годна, узнать еще послѣднее униженіе. Это какая-то изысканная насмѣшка судьбы...

На другой день я написала Валеріану, чтобы онъ зашелъ на минуту въ нашу церковь, когда будетъ итти вечерня: меня жегъ, грызъ безумный страхъ, безумный стыдъ, что можетъ быть послѣ вчерашняго я ему противна, онъ брезгуетъ мной.

Почти пустая церковь, невнятное чтеніе гдѣ-то въ дальнемъ придѣлѣ, огоньки передъ темными ликами на иконахъ, нѣсколько минутъ усталаго невѣрящаго ожиданія—и вдругъ шаги, звонъ шпоръ по каменнымъ плитамъ. Мы обмѣнялись всего нѣсколькими словами,—онъ звалъ итти къ нему, я отказалась,—потомъ онъ ушелъ, а я, вся дрожа отъ счастья, что не противна ему, отошла нѣсколько шаговъ и упала передъ иконой, лицомъ на холодный каменный полъ.

Это была, пожалуй, самая свѣтлая, самая ярко радостная минута во всей моей несчастной любви. Потомъ опять пошла безпросвѣтная муть. Были еще свиданія, положеніе оставалось все то же; только остраго, все-таки очищающаго душу отчаянія у меня уже не было, а у него не было бережной мягкости"...

Но и тому малому, что давалъ ей Валеріанъ, пришелъ конецъ.

Однажды Лида узнала, что онъ женится...

„...Я сидѣла въ своей комнатѣ надъ книгой и засовывала въ ротъ платокъ, чтобы не закричать въ голосъ. А потомъ были сутки, когда мнѣ казалось, что я беременна, когда меня всю ночь обливало отъ безпросвѣтнаго ужаса то горячимъ, то холоднымъ потомъ, а утромъ я ушла изъ дому и не помню, гдѣ блуждала до вечера. Судьба поставила передо мной мою мечту голой, безъ украшеній фантазіи,—и я шарахнулась отъ нея въ ужасѣ. Истерическій припадокъ кончился".

Въ тридцать лѣтъ...

Молодой провинціальный профессоръ Тревишинъ, попавъ въ Петербургъ, послѣ одного товарищескаго обѣда вспомнилъ о родственницахъ—бабушкѣ съ Лидой—и поѣхалъ навѣстить ихъ. Долго никто не отзывался на его звонки. Дома оказалась одна Лида. Прислуга уже спала.

Въ ярко освѣщенной столовой Тревишинъ увидѣлъ столъ, уставленный бутылками и стаканами... Профессоръ съ ужасомъ соображаетъ скоро, что Лида пьяна. Онъ все не можетъ притти въ себя отъ неожиданности.

„— Это что-то дикое, неестественное! Запереться одной и пить. Ну, кто другой, а ты. Умная, талантливая. Я просто не могу вѣрить глазамъ...

Она налила себѣ изъ первой попавшейся бутылки и залпомъ выпила стаканъ. Потомъ засмѣялась злымъ смѣхомъ:

— Талантъ у меня, ты говоришь? На какого дьявола вамъ такой талантъ! Вамъ у женщины нуженъ одинъ талантъ—чтобы васъ отъ нея корчило. А тамъ украсите вы это „глубокой любовью" или гольемъ преподнесете—это уже не существенно.

Морщась отъ ея тона и опустивъ глаза на стаканъ, который онъ нервно двигалъ по столу, Александръ Петровичъ началъ опять:

— Прости. Я задѣлъ больное мѣсто... Но, Боже мой! Этотъ цинизмъ, грубость! Ты опустилась, распустилась, и оправданія тебѣ нѣтъ. Личная жизнь не удалась—очень жаль. Но люди кругомъ тебя? Но дѣло? Дѣла-то вездѣ сколько! Твой умъ, талантъ—это обязываетъ, это...

Она оттолкнула стаканъ такъ, что онъ покатился и упалъ со стола на коверъ, а сама сложила руки на столѣ и легла на нихъ головой.

— Если бы всѣ, кто мнѣ говоритъ: „Цѣны ты себѣ не знаешь",—если бы они могли понять всю горечь униженья: тридцать лѣтъ прожить и ни разу не слышать ни слова любви, ни взгляда преданности не видѣть отъ мужчины. „Je vous veux" (я васъ хочу)—эта фраза изъ „Demi Vierges" разъ въ мѣсяцъ — вотъ все, что я имѣла, о чемъ смѣла мечтать въ любви. Мнѣ не „мужа хочется", какъ го-

ворятъ ваши поганыя мужскія шутки о „старыхъ дѣвахъ“, не вашихъ мужскихъ прикосновеній, а своей части женской гордости, женскаго достоинства. Можетъ быть, это ложный взглядъ, можетъ быть, мое достоинство не страдаетъ отъ этого—но чтобы понять это сразу, въ молодости, мнѣ бы надо родиться позже или въ другой, не патріархальной, какъ ты умилялся, семьѣ.

Александръ Петровичъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, противъ стола и угрюмо смотрѣлъ на нее.

— А бабушка? Неужели она не видитъ...

— Оставь!—громко закричала Лида, ударяя рукой по столу.— Не смѣй говорить про бабушку! Она старенькая. Въ ея время все было другое. Развѣ можно мучить ее этой грязью. Помочь все равно никто не можетъ.

Опять она тяжело облокотилась на столъ и положила голову на скрещенныя, вытянутыя руки.

— Знаешь,—медленно заговорила она,— сегодня годовой праздникъ въ нашей гимназіи, гдѣ я училась. Я пошла. Изъ нашего выпуска была еще только Лена Буланина, а то все новыя, чужія лица. Мы съ Леной стояли у дверей нижней залы, а по лѣстницѣ мимо насъ бѣгутъ гимназистки, катится эта лавина молодости. Молодыя лица, молодой говоръ, буйный смѣхъ. Вихрь отъ нихъ какой-то шелъ. Лена смотритъ и только улыбается; скоро ея дѣвочки будутъ такія же. А мнѣ было страшно: попадись-ка на дорогѣ этому вихрю съ чѣмъ-нибудь своимъ, отживающимъ, склееннымъ изъ заплатокъ, изъ осколочковъ—растопчутъ, въ прахъ сотрутъ, не глядя, съ этимъ же молодымъ хохотомъ, съ молодой безпощадностью.

Она переложила руки подъ головой по-другому. Александръ Петровичъ молчалъ.

— Потомъ начался концертъ,—еще медленнѣе заговорила Лида,—теноръ какой-то вышелъ и поетъ „Мнѣ больше некого любить“—помнишь, у Надсона. А передо мной сидятъ двѣ гимназистки—одна обернулась къ другой, вся сіяетъ смѣхомъ, перекинула косу черезъ плечо и говоритъ: „А мы-то на что?“ Нѣтъ, ты только вдумайся...

Голосъ у Лиды порвался. Александръ Петровичъ зашевелился на стулѣ и смущенно кашлянулъ. Лида подняла голову.

— Боишься истерики?—насмѣшливо сказала она.—Не бойся! Тогда и этого—она отодвинула стаканъ,—не надо было бы, если бы еще могла такъ плакать, какъ прежде, и молиться. Съ лѣтами оскотиниваешься.

Она опять взяла стаканъ. Александръ Петровичъ смотрѣлъ на ея покраснѣвшее лицо, на сузившіеся глаза и все сильнѣе ощущалъ какую-то неловкость. Заглушая это чувство, онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Да, не такъ сложилась твоя жизнь.

Лида, не слушая, перебила, подпершись рукой тяжелую голову и глядя остановившимися глазами:

— Я чего боюсь—озлобленія. Знаешь—озлобленная старая дѣва, мишень юмористическихъ листковъ и куплетовъ въ опереткѣ. Проклятые вы, мужчины. Это вы довели до того, что стыдишься дѣвственности, что готова на улицѣ кричать, что если стара, то хоть не „дѣва“. Какъ же—позоръ рабыни, которой ни разу не „бросили платка“. Фу! Знаешь, я молодежь иногда ненавижу за буйную, жестокую, самоувѣренную молодость. И Валеріана иногда ненавижу за...

Она оборвала и опять прилегла на столъ головой“...

Уже тридцать пять лѣтъ...

Смерть унесла близкихъ. Пошли суровые годы нужды, тяжелаго, скучнаго труда. Послѣ разныхъ мытарствъ Лида—корректоршей въ большой газетѣ.

Домой возвращается она изъ типографіи уже подъ утро. Путь ея лежитъ мимо высокаго краснаго дома, гдѣ теперь живетъ женатый Валеріанъ. При видѣ этого дома Лида, „вспоминая всѣ страданія, которыя дало ей ея чувство къ Валеріану, шепчетъ, пожимая плечами:

— Стоило! Только оттого и мучилась этимъ, что не знала настоящаго горя. И труда настоящаго не знала. Вотъ какъ теперь, для развлеченія, для того, чтобы встряхнуться отъ дурмана работы—на это онъ годится. А убить на такія муки пятнадцать лѣтъ жизни, свѣта за ними не видѣть—стоило!“

Дома ...„въ глаза ей бросается бѣлый конвертъ у прибора. Она нагибается.

— Отъ Ивана Ивановича. А ну его къ чорту!

Она садится къ столу, жадно ѣстъ и пьетъ, потомъ наскоро раздѣвается, ложится въ постель и сразу засыпаетъ тяжелымъ каменнымъ сномъ,

...Вечеромъ Лида звонитъ въ холостую квартиру Ивана Ивановича.

...Онъ ведетъ ее къ дивану, усаживаетъ, раскупориваетъ бутылку бѣлаго вина, наливаетъ стаканы и садится рядомъ съ Лидой.

Обнявъ ее, Иванъ Ивановичъ въ порывѣ нѣжности сжимаетъ и притягиваетъ къ себѣ все ея гибкое тѣло и ласково говоритъ:

— Ласточка ты. Когда тебя обнимаешь—

кажется, что ласточку держишь въ рукахъ. Видала близко ласточекъ?

Лида съ тихимъ смѣхомъ поддается его ласкамъ. Потомъ онъ подаетъ ей стаканъ со стола.

— Пей же. Ты любишь бѣлое. А вотъ конфекты. Бери шоколадную.

Иванъ Ивановичъ вынимаетъ папиросу и нагибается къ лицу Лиды.

— Что это у тебя подъ глазомъ?

Лида тянется къ конфектамъ и говоритъ:

— Металломъ брызнуло. Монтеръ былъ пьянъ и не смотрѣлъ за металломъ, а я еще неопытна.

Иванъ Ивановичъ безпокойно шевелится, раскуривая папиросу.

— Нѣтъ, не мѣсто тебѣ въ этой ужасной работѣ. Я давно тебѣ говорю. Тамъ между всякимъ сбродомъ... Да еще ночью ходишь по улицамъ одна, — чего насмотришься, наслушаешься.

Лида, лежа на диванѣ такъ, что лица ея не видно ему, зло закусываетъ губы. Но тутъ же мелькаетъ мысль:

— А Валеріанъ и этого не скажетъ.

Иванъ Ивановичъ продолжаетъ волноваться. Лида, досадливо хмуря брови, слушаетъ десятки разъ слышанныя, безплодныя и обидныя этой безплодностью слова и наконецъ перебиваетъ его:

— А какую остроту я недавно слышала. Я вошла въ наборную, а одинъ наборщикъ кричитъ другому...

И невольно понижая голосъ, она повторяетъ мѣткую, но невообразимо циничную фразу.

Иванъ Ивановичъ возмущенно говоритъ:

— Мерзавецъ! Это при тебѣ?

Но глаза у него искрятся смѣхомъ, а губы неудержимо расплываются въ улыбкѣ. Тогда Лида вытягивается всѣмъ тѣломъ и прижимаетъ тѣснѣе къ сосѣду. Иванъ Ивановичъ останавливается и нагибается, стараясь заглянуть ей въ глаза;

— Что ты?

— Ничего,—съ короткимъ смѣхомъ отвѣчаетъ Лида.

Выраженіе лица у Ивана Ивановича мѣняется, рука скользитъ по ея груди, кнопки у кофточки трещатъ, разстегиваясь. На повернутомъ въ сторону лицѣ Лиды мелькаетъ циничная усмѣшка. Но потомъ глаза у нея затуманиваются, и она нервнымъ движеніемъ мѣняетъ положеніе на диванѣ, поддаваясь ласкамъ мягкихъ, опытныхъ рукъ.

На другой день, въ послѣобѣденное время Лида сидитъ въ своей комнатѣ въ глубокомъ креслѣ передъ письменнымъ столомъ. На маленькомъ диванчикѣ, рядомъ со столомъ, сидитъ Валеріанъ; онъ куритъ, и при улыбкѣ попрежнему блестятъ великолѣпные зубы подъ золотистыми пушистыми усами.

Лида слушаетъ его, глядя прищуренными глазами на могучую фигуру, на бѣлокурую голову, на моложавое лицо. Въ серединѣ его разсказа она откидывается въ креслѣ, вытягиваетъ ногу и упирается ею въ диванъ. У Валеріана слегка вздрагиваютъ брови, потомъ постепенно выраженіе глазъ и голоса начинаетъ мѣняться. Онъ бросаетъ папиросу. Рука тянется къ ея ногѣ и нервно ее поглаживаетъ. Лида по вчерашнему цинично усмѣхается и снимаетъ ногу. Валеріанъ обрываетъ разсказъ и послѣ молчанія говоритъ пониженнымъ голосомъ:

— Идите сюда.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Лида, тоже понижая голосъ,—нельзя. Могутъ войти.

Она киваетъ на дверь.

— А тогда... Помните?

— Тогда тамъ играли на фортепіано. А теперь сидятъ въ столовой, чуть не рядомъ.

— Ну, пойдемъ туда... Знаете?

Глаза у Валеріана уже приняли особое выраженіе, ротъ—особую складку, онъ сидитъ, нагнувшись впередъ, и глядитъ на Лиду исподлобья.

— Нѣтъ,—нерѣшительно говоритъ Лида,—къ девяти на службу.

— Теперь семь. Успѣете. Я пойду впередъ,—говоритъ онъ, вставая.

— Ну, хорошо,— рѣшается Лида, морщась и поводя плечами.—Идите.

Часа черезъ полтора Лида одѣвается въ номерѣ гостиницы. На столѣ черный кофе, коньякъ. За занавѣской смятая кровать. Валеріанъ приглаживаетъ передъ зеркаломъ бѣлокурые волосы и усы.

— Смотрите, и образъ тутъ, — говоритъ Лида, взглянувъ въ уголъ.

— А какъ же!—отзывается Валеріанъ.

Оба одѣты. Валеріанъ останавливается передъ Лидой и, говоря: „Ну, прощай“, нагибается и цѣлуетъ ее въ губы.

Спускаясь за нимъ по лѣстницѣ, Лида смѣшливо думаетъ:

— Обрядъ это у нихъ что ли такой: этотъ поцѣлуй на прощанье, хоть чувства въ немъ никакого. Но каждый разъ то же.

По лѣстницѣ передъ ними сбѣгаетъ маленькій мальчикъ и, отворяя имъ дверь, получаетъ отъ Валеріана на чай. На улицѣ расходятся въ разныя стороны безъ слова. Лида

спѣшитъ къ трамваю, нервно позѣвывая и думая:

— Нѣтъ, надо бросить это. Ему хорошо! А мнѣ вѣдь на работу. Выспаться бы лучше.

Она вскакиваетъ въ трамвай и ѣдетъ на рабочую ночь. Отъ только что бывшаго ярко выдѣляются въ воспоминаніи два пятна: образъ въ углу номера гостиницы и маленькій мальчикъ у двери—и оба вызываютъ на ея лицѣ такую холодную злую усмѣшку".

Сорокъ...

Лида, теперь уже небезызвѣстная поэтесса, гоститъ въ деревнѣ у тети Кати и пишетъ своей пріятельницѣ о деревенскихъ впечатлѣніяхъ.

„8-го іюля. Пріѣхала на двѣ недѣли молодежь, кузены Боба и Коля. Теперь они уже политехники, Боба на второмъ, Коля на третьемъ курсѣ.

...Мое счастье, что это просто молодежь, а не влюбленныя парочки. Не знаю, какъ бы отвѣтили первы въ томъ случаѣ. Я, конечно, знаю, что они оба влюблены тамъ у себя, въ Кіевѣ, я сама пью наливку за здоровье ихъ „лапушекъ" (помнишь, ты ввела это слово?), и остроты ихъ отражаю больше вылазками въ эту область, потому что они тогда краснѣютъ и удираютъ.

А вотъ что бы я сказала, если бы лапушки были здѣсь, если бы шло перешептываніе, переглядываніе, воркующій смѣхъ, внезапныя исчезновенія, позднія прогулки при лунѣ, съ которыхъ возвращаются съ такими возбужденными, но старающимися казаться равнодушными глазами и говорятъ:

— Ахъ — ужъ такъ поздно? Въ саду такъ хорошо! Луна. Пахнетъ клеверомъ.

Брррр... Каково-то было бы тогда.

А можетъ быть—Танечка, милая!—можетъ быть *оно* прошло? Можетъ быть древняя рабыня Агарь, которая только и ждала, когда ей велятъ натереть себя ароматами и лечь — можетъ быть, она уже уснула тамъ, въ моихъ внутренностяхъ? Вѣдь мнѣ сорокъ, хоть я моложава я, хоть и сама чуть не „по-сокольски" переступаю порядочный заборчикъ однимъ взмахомъ ноги и гнусь все тѣмъ же свободнымъ движеніемъ, передъ которымъ Иванъ Ивановичъ, бывало, умилялся и сравнивалъ меня съ кошкой, а у Валеріана вспыхивали глаза.

Я не отказываюсь отъ наслажденій тѣла, но едва ли не лучшее ему наслажденіе ну хоть тонуть босыми ногами во влажной солнцемъ нагрѣтой землѣ или въ мягкой травѣ, облитой теплымъ ливнемъ или росой: каждый шагъ—такая мягкая, нѣжная ласка, что трудно каждый разъ удержаться отъ тихаго, счастливаго смѣха. А ощущенье своего тѣла, когда лежишь нагая на нагрѣтой травѣ, вся облитая солнечнымъ мягкимъ зноемъ! Такого наслажденія не давало ни одно прикосновеніе Валеріана, куда тамъ!

И этихъ наслажденій не стыдно, ихъ не прячешь, и, когда послѣ нихъ смотришь на людей—собственные глаза не кажутся лживыми и безстыдными.

Не отрекаюсь я и отъ болѣе глубокихъ наслажденій страсти; но опять-таки въ другой, болѣе чистой, благородной формѣ я переживаю ихъ теперь: то же растущее напряженіе всего существа въ одномъ стихійномъ, непреоборимомъ желаніи творчества—тамъ тѣла, тутъ духа—тѣ же невидящіе глаза, неслышащія уши, потомъ яркій мигъ, когда напряженіе выливается въ творческомъ порывѣ. И потомъ на время та же усталость и какое-то холодное, иногда непріязненное даже отчужденіе отъ того, что за минуту заслоняло весь свѣтъ.

Знаешь, я сама себя не узнаю здѣсь—сама съ собой наново знакомлюсь въ деревенской тишинѣ и свѣжести и такія мысли и чувства нахожу въ себѣ, о которыхъ и не подозрѣвала за всѣ эти годы городской безсмысленной сутолоки, не знала, что они во мнѣ есть.

Я знаю, что я только здѣсь живу въ здоровомъ воздухѣ, безъ особыхъ раздраженій для нервовъ, безъ Валеріана поблизости.

Но... у насъ здѣсь есть бѣлая корова. Недавно Максимъ доложилъ тетѣ Катѣ:

— Коровѣ, извините, барыня, быка нужно.

На другой день ее повели въ сосѣднюю деревню. Но когда къ вечеру привели назадъ, въ кухнѣ были полные сожалѣній разговоры, что она что-то этому быку не понравилась; а корова опять весь вечеръ мычала и „безпокоилась" въ хлѣву. На другой день повели ее въ другую деревню, и она вернулась торжествующая, успокоенная и сейчасъ же пошла пастись съ большимъ аппетитомъ.

Если Валеріану опять придетъ блажь, и онъ позоветъ меня „туда", позоветъ какъ это принято—понижая измѣнившійся голосъ, глядя затуманенными глазами и сжимая мнѣ ногу осторожнымъ и сильнымъ пожатіемъ—неужели я не вспомню бѣлую корову и не стыдно мнѣ станетъ вторгаться въ ея область?

10-го августа. Скоро ты прочтешь въ „моемъ" журналѣ, за моей подписью, восторженный гимнъ вѣчно молодымъ звѣздамъ, вѣчно молодому сердцу.

Хочешь знать, „откуда мнѣ сіе" послѣ Валеріана и прочихъ, послѣ номера гостиницы

съ образомъ въ углу и мальчикомъ у входной двери, который получаетъ на чай отъ уходящей пары?

Вотъ: копаю недавно въ огородѣ—ой, какъ окатывало зноемъ солнце, какая была теплая мягкая земля подъ ногами!—вдругъ за густой стѣной переплетенныхъ хмелемъ старыхъ сливъ и акацій, которая отдѣляетъ садъ отъ проѣзжей дороги, гаркнулъ хоръ мужскихъ голосовъ и съ такой лихостью началъ отчеканивать подробности о какой-то Марусенькѣ, что я сразу рѣшила—солдаты идутъ.

Это оказалась какая-то съемочная партія или что-то въ такомъ родѣ—человѣкъ двадцать офицеровъ и при нихъ солдаты.

Они простояли три дня. Днемъ ѣздили на съемки, по вечерамъ собирались на какія-то засѣданія въ нашей школѣ, которую превратили въ собраніе.

Между нашими постояльцами былъ одинъ брюнетъ, плотный, невысокій, лѣтъ около сорока. Выдержкой, мѣрными движеніями онъ напоминалъ Валеріана.

Моя ли нѣкоторая „извѣстность“ (они всѣ читали мои стихи), или просто онъ большой любитель женскаго общества, но всѣ эти вечера онъ непремѣнно попадался мнѣ навстрѣчу или на крыльцѣ, или у калитки сада, или въ окно раскланяется.

Обмѣнивались нѣсколькими словами, потомъ онъ говорилъ, что, молъ, вечеръ чудный (были звѣздные, теплые вечера) и хорошо бы пройтись.

Мы шли пройтись.

Медленно идемъ во влажной, теплой темнотѣ по двору, выходимъ на дорогу въ поле. На небѣ много яркихъ звѣздъ. Пахнетъ осенью. Его папироса вспыхиваетъ въ темнотѣ. Говоримъ о пустякахъ. Онъ разсказываетъ о своей походной жизни, иногда вставитъ старый анекдотъ, надъ которымъ я хохочу, какъ будто никогда не слыхивала. Иногда перекинемся остротами. Иногда онъ немного пригнется и скажетъ что-нибудь тономъ, граничащимъ съ кокетствомъ, на что я отвѣчу тѣмъ же. Вотъ и все.

Но во мнѣ что-то ликовало, и дай я себѣ волю, я смѣялась бы такимъ счастливымъ смѣхомъ, что напугала бы его еще.

Подумай: когда мнѣ было семнадцать лѣтъ, сюда пріѣзжалъ весной по дѣламъ чиншевой чиновникъ, молодой, веселый, недавно изъ Петербурга, стихи писалъ, восторгался французскимъ театромъ. Я теперь встрѣчаю его имя въ газетахъ, онъ предводитель дворянства. Онъ конечно радъ былъ найти въ глуши бойкую, задорную „кончившую гимназистку“, только что изъ Петербурга, и сильно за мной ухаживалъ.

Такъ вотъ тогда тоже были такія вечернія прогулки съ пустяковой болтовней, съ веселымъ смѣхомъ, но съ ликующимъ ощущеніемъ, что вотъ такая тишь, такая теплая, влажная тьма, звѣзды, зелень, ароматный холодокъ деревенской ночи—и рядомъ статная мужская фигура, низкій голосъ, внимательные глаза.

И *это* сохранилось свѣжимъ гдѣ-то въ душѣ послѣ всего, что было!

Милый капитанъ (или кто онъ тамъ такой). Если опять когда встрѣчу его—кого жизнь не сталкиваетъ—отъ души ему скажу:

— Спасибо, голубчикъ, за все—за статную фигуру, за военную походку, за позваниванье шпорами, за выразительные взгляды, за пониженный голосъ, за очарованіе теплыхъ августовскихъ вечеровъ, когда при вашемъ содѣйствіи „вѣчно-мужское“ перестало быть для меня тяжелымъ бременемъ, библейскимъ проклятіемъ „влеченіе твое къ мужу“, а стало на свое мѣсто, на которомъ оно должно стоять у одинокихъ трудящихся женщинъ — на мѣсто праздничнаго украшенія жизни, какъ наслажденіе „отпускомъ“, свободой, зеленью деревьевъ, солнцемъ, запахомъ травъ, всѣмъ, что такъ и подымаетъ человѣка бурной радостью, про что онъ вспоминаетъ съ доброй, мечтательной улыбкой, когда вернется опять „изъ отпуска“ къ буднямъ, со свободы въ ярмо.

Разъ на насъ такъ же тяжело легла первая, мужская, половина проклятія—„въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ“,—зачѣмъ намъ гнуться еще и подъ спеціально женскимъ проклятьемъ?

Прощай! Скоро увидимся въ газетной каторгѣ.

Но я думаю, что теперь не буду безсильно злиться и проклинать всѣхъ и вся. Знаешь, почему?

Я не могу сказать, вѣрующая ли я или невѣрующая. Я не умѣю думать строго и послѣдовательно и приходить къ выводамъ.

Молоденькая—я любила молиться; это были плачъ покаянія и просьбы помочь и поддержать, обращенныя къ кому-то сильному и доброму, который все можетъ. Я горѣла душой передъ красотой Божіей Матери и безъ слезъ не могла клониться къ землѣ, когда пѣли „Едина чистая и благословенная“.

Помню тоже, уже въ разгарѣ „предсмертныхъ прыжковъ израненнаго звѣря“, молодости моей, мнѣ показалось, что меня тянетъ къ одному человѣку. Утомленная, невѣрящая, что кто-нибудь можетъ меня спасти, я въ неурочный часъ зашла въ пустую, полутемную

церковь, взяла свѣчку, поставила ее образу того святого, котораго имя носилъ этотъ человѣкъ, и, лежа на полу, просила отвести отъ меня это чувство.

Но что-то во мнѣ, безсознательное, что люди называютъ талантомъ,—оно всегда, вѣрно, думало о Богѣ, потому что сначала слагало умиленныя молитвы; потомъ въ отчаяніи стало сомнѣваться, спрашивать Бога, какъ Онъ смѣетъ, почему не слышитъ; а теперь—оно опять покорилось Богу, но уже не проситъ, не молитъ, а почти спокойно, увѣренно ждетъ того, что будетъ послѣ смерти и въ будущихъ его жизняхъ, и чувствуетъ Бога вездѣ и во всемъ".

„Записки свободной женщины" С. Фонвизина.

Этотъ писатель въ короткое время успѣлъ не только обзавестись изрядным литературнымъ багажемъ, но и завоевать популярность: его романы и разсказы выдерживаютъ всѣ по нѣсколько изданій, чему въ нынѣшнія плохія времена могли бы позавидовать виднѣйшіе наши беллетристы. Но у критики,—у критики, пользующейся авторитетомъ,— г. Фонвизинъ не въ фаворѣ. Завоевать себѣ здѣсь благосклонное вниманіе мѣшало и мѣшаетъ ему его близость къ „другому лагерю" и то обстоятельство, что „правые" критики съ излишней поспѣшностью принялись протежировать „своему" романисту.

Такой же двойственный пріемъ встрѣтилъ и новый романъ С. Фонвизина. Тогда какъ, напр., въ „Рѣчи" Е. Колтоновская въ своемъ фельетонѣ „О женщинѣ" (№330) сочла достаточнымъ лишь вскользь, да еще съ пренебрежительной гримасой, упомянуть о „банальныхъ", по „готовому" рецепту „состряпанныхъ" „Запискахъ свободной женщины", нововременскій критикъ посвящаетъ этому „выдающемуся" произведенію и его „крупному общественному значенію" восторженную статью (№ 13549).

* * *

Показанная намъ „свободная женщина" — Ната Волоцкая, свѣтская барышня, ставшая потомъ всемірно знаменитой концертной пѣвицей. А свобода, ею культивируемая—это, главнымъ образомъ, свобода отъ брачныхъ цѣпей и всякой брачной грязи. Ната свято хранитъ завѣтъ покойнаго отца, адвоката по бракоразводнымъ дѣламъ (показавшаго примѣръ своимъ кліентамъ): „Любовь—счастье, бракъ—могила любви... Безъ свободы нѣтъ счастья, бракъ—рабство,—никогда не выходи замужъ, Ната". Еще молоденькой дѣвушкой она, сознательно и рѣшительно, скрѣпила торжественнымъ обѣщаніемъ отцовское заклятье, приписавъ къ этимъ словамъ въ своемъ дневникѣ: „Аминь"... Такъ гармонируютъ воззрѣнія и желаніе отца съ голосомъ ея собственной натуры, такъ *свободно* задумала она построить свою жизнь на этомъ принципѣ. И тѣ браки, которые даютъ матеріалъ ея наблюденіямъ,—нездоровая супружеская атмосфера въ домѣ молодожеповъ Слезкиныхъ, горькая замужняя доля подруги дѣтства Дупечки, отношенія отца и матери, второй бракъ матери, — все это только укрѣпляетъ рѣшеніе Наты. Она никогда не превратится въ „половину", хотя бы и „дражайшую"... И когда въ сердцѣ ея распускается первый цвѣтокъ любви, она остается непоколебимой въ своемъ рѣшеніи.

„*Петербургъ. Мартъ 1902 г.*

Наконецъ, я встрѣтила человѣка, который не только мнѣ нравится, но котораго, кажется, я могу полюбить... быть можетъ, уже полюбила. Мнѣ 24 года, за мной начали ухаживать, когда я еще носила короткія платья, и съ того времени я была окружена поклонниками,—но ни одинъ изъ нихъ не заставилъ мое сердце биться сильнѣе. Поэтому я мало-по-малу начинала приходить къ убѣжденію, что любовь не моя стихія. Вся нѣжность моей души, вся та потребность любви и ласки, которую я въ себѣ ощущала, изливались полностью на папу. Его не стало—исчезли и онѣ. Осталась одна страсть — пѣніе. Она поглотила меня всю, не оставивъ мѣста ни для какого другого чувства. Такъ, по крайней мѣрѣ, я думала и, вотъ, оказывается, ошиблась.

Я попробовала взять себя въ руки. Мнѣ было немножко обидно и досадно. Я всегда думала, что уже если полюблю, то непремѣнно человѣка выдающагося, какого-нибудь генія, какого-нибудь богатыря мысли или чувства. И вдругъ — ничего подобнаго. Бѣлавскій недуренъ собой, но я встрѣчала мужчинъ гораздо болѣе красивыхъ; не глупъ, но ничего блестящаго, изъ ряда вонъ; очень порядоченъ, воспитанъ, породистъ даже, но вотъ и все. Въ общемъ—золотая посредственность,—не больше. И я вижу, понимаю это, и, тѣмъ не менѣе, меня тянетъ къ нему неудержимо. Что же это такое? Неужели question d'épidérme — и только? Но въ такомъ случаѣ, какъ это стыдно!

...Не сегодня—завтра онъ сдѣлаетъ предложеніе. А я трушу,—боюсь, выдержитъ ли онъ рѣшительное испытаніе и, если нѣтъ, выдержу ли его я. Смогу ли справиться со своимъ сердцемъ, не поступлюсь ли въ угоду ему своими взглядами и убѣжденіями... Охъ, жутко! Что-то будетъ?

Петербургъ. Мартъ.

Свершилось!

Блѣдный, взволнованный, съ трясущимися губами онъ стоялъ передо мной и безсвязно бормоталъ:

— Простите... Не сердитесь... Я знаю, что недостоинъ васъ... Но я безумно васъ люблю... Пожалѣйте... будьте моей женой.

А у меня—ледяное лицо и наружно я—воплощенное спокойствіе. Зато внутри — очень нехорошо. Сердце бьется такъ, что я ощущаю его толчки, и громко кричитъ: „Неужели ты не видишь, какъ онъ страдаетъ... Чего же ты ждешь? Говори скорѣй, что любишь его". А въ головѣ—пустой и холодной—звучитъ другой голосъ — твердый, суровый: „Погоди не спѣши... Прежде чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, обдумай хорошенько, достаточно ли ты любишь его". И я подчиняюсь, закрываю глаза рукой и еще разъ провѣряю себя. „Да, люблю. Люблю глубоко и сильно". Тогда голосъ умолкаетъ, а сердце бьется радостно и побѣдно, и я тихо роняю:

— И я васъ люблю.

Онъ сразу изъ блѣднаго становится пунцовымъ, глаза его загораются. Онъ бросается, схватываетъ мою руку.

— Ната!

Но я отстраняю его и спокойно — хотя теперь сердце замираетъ отъ тревоги — говорю:

— Постойте, я не договорила. Да, я васъ люблю, но быть вашей женой не могу.

Онъ вздрагиваетъ и широко открываетъ глаза.

— Но... почему же?

— А потому... Впрочемъ, сначала сядьте и успокойтесь.

Я беру первую тетрадь дневника, подаренную мнѣ папой,—я приготовила ее заранѣе,— открываю на первой страницѣ и протягиваю ему.

— Во избѣжаніе длинныхъ объясненій и чтобы вы сразу поняли, прочтите то, что здѣсь написано... наверху. Писалъ мой отецъ, а внизу моя скрѣпа.

Онъ читаетъ внимательно, не отрываясь, спрашиваетъ одинъ только разъ, перевертывая страницу: „И дальше можно?" прочитываетъ всю первую запись и, возвращая мнѣ тетрадь, спрашиваетъ съ недоумѣніемъ:

— Что же это значитъ? Вы, стало быть, никогда не выйдете замужъ?

— Никогда.

Онъ нервно вскакиваетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ.

— Но это чортъ знаетъ что! Это преступленіе, какое-то изувѣрство! Люди созданы, чтобы жить парами... чтобы плодиться и множиться... Вѣдь и тамъ у васъ прямо сказано: любовь — счастье.

— Я и не собираюсь отказываться отъ этого счастья.

— То-есть, какъ же такъ? Думаете удовольствоваться платоническою любовью? Ну, это, знаете, фантазія.

— Вовсе нѣтъ... Да вы не волнуйтесь... Я не могу быть вашей женой, но согласна сдѣлаться вашей...— судорога сдавила мнѣ горло, я съ усиліемъ ее проглотила и закончила съ дрожью, совсѣмъ тихо:— вашей любовницей.

Онъ остановился, какъ вкопанный, и смотрѣлъ на меня съ ужасомъ, словно видѣлъ предъ собою сумасшедшую.

— Что вы говорите, Наталья Сергѣевна? Опомнитесь!

Я молчала, хотѣла насмѣшливо улыбнуться, но губы безпомощно задергались, сложились въ жалкую гримасу.

— Вы, очевидно, не даете себѣ отчета, говорите подъ впечатлѣніемъ минуты... Я убѣжденъ, что, обсудивъ хорошенько, обдумавъ, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ, вы сами поймете всю чудовищность вашего... согласія.

Но теперь я уже овладѣла собою, и мой отвѣтъ прозвучалъ спокойно-иронически:

— Должна вамъ сказать, Глѣбъ Григорьевичъ, что такое убѣжденіе не дѣлаетъ чести вашей наблюдательности. Вы знаете меня уже пятый мѣсяцъ и за это время должны были бы убѣдиться, что я никогда не говорю и не дѣйствую зря, необдуманно; тѣмъ болѣе не способна поступать опрометчиво въ такомъ важномъ и серьезномъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ вся моя будущность. Нѣтъ, Глѣбъ Григорьевичъ, въ этомъ отношеніи вы можете быть вполнѣ спокойны. Я дѣйствую не очертя голову и говорю очень и очень обдуманно.

Онъ поднялъ плечи и растерянно развелъ руками.

— Удивляюсь! Удивляюсь!.. Но въ такомъ случаѣ... Поймите, что я, лично я не могу на это пойти... Вѣдь я — порядочный человѣкъ, Наталья Сергѣевна.

— Вы, кажется, путаете... Соблазнить дѣвушку и, воспользовавшись ея увлеченіемъ, сдѣлать ее своею любовницей — дѣйствительно непорядочно; но когда сама дѣвушка первая идетъ на это, притомъ вполнѣ сознательно и обдуманно,— при чемъ же тутъ ваша порядочность?

— Но кто же повѣритъ, что она сама пошла на это?

— О, да. Если васъ такъ заботитъ то, что будутъ говорить...

Онъ смущенно замигалъ глазами.

— Положимъ, конечно, это еще не важно... но... А мое офиціальное положеніе?

— Ха-ха! Вотъ это—дѣйствительно... Предводитель дворянства—и вдругъ—свободное сожительство. Какой пагубный примѣръ безнравственности для прочихъ господъ дворянъ... нѣчто прямо чудовищное. Какъ могла я упустить это изъ виду... Хотя, представьте,— буду совершенно откровенной,— я и объ этомъ подумала и даже нашла, что такое ужасное положеніе разрѣшается весьма просто— выходомъ въ отставку. Быть можетъ, впрочемъ, вы желали на мнѣ жениться именно съ цѣлью заполучить подходящую „предводительшу“? Въ такомъ случаѣ, конечно, мнѣ остается только извиниться въ своей наивности.

— Зачѣмъ столько насмѣшки, зачѣмъ такъ зло? Повѣрьте, мнѣ очень, очень больно.— И съ отчаяніемъ:— Наконецъ, у насъ могутъ быть дѣти... Каково будетъ ихъ положеніе?

— Что жъ дѣти... постараемся воспитать ихъ такъ, чтобы они гордились своимъ званіемъ незаконнорожденныхъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня какимъ-то дикимъ, страдальческимъ взглядомъ, ничего не отвѣтилъ, опустился въ кресло и закрылъ лицо руками.

Мнѣ стало жаль его.

— Послушайте, Глѣбъ Григорьевичъ,— начала я мягко:— Я понимаю, вы потрясены и совсѣмъ сбиты съ толку. Поѣзжайте домой и, когда успокоитесь, хорошенько все обдумайте. И,—тутъ я сорвалась съ тона и опять перешла на иронію,— согласно пословицѣ: „семь разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь“, не торопитесь съ отвѣтомъ... Я могу и подождать.

Но онъ не обратилъ вниманія на иронію, тотчасъ же всталъ и, тихо выговоривъ:— Да, вы правы,— поцѣловалъ мою руку и съ низко опущенной головой направился къ двери.

А я, когда онъ ушелъ, бросилась на тахту. Высокій крахмальный воротникъ давилъ мнѣ шею, стѣснялъ дыханіе. Я сорвала его. Но къ горлу подкатывалъ какой-то противный комокъ, и я задыхалась. И, несмотря на это, мнѣ такъ хотѣлось смѣяться, что я, наконецъ, не выдержала и громко расхохоталась. Хохотала долго, должно быть, до истерики, такъ какъ очнулась въ объятіяхъ Берты (компаніонка, бывшая гувернантка). Она смачивала мнѣ голову и лицо водой и нѣжно приговаривала:

— Ма pauvre petite, ma pauvre petite!

— Да, пожалѣй меня, приласкай!

И, прижавшись къ ея груди, я зарыдала какъ ребенокъ“.

Цѣлыхъ четыре дня Ната не имѣла о Бѣлявскомъ никакихъ извѣстій. Вечеромъ четвертаго дня явился неожиданно одинъ изъ ея новыхъ знакомыхъ, беллетристъ Карелинъ, съ которымъ у нея установились сразу же добрыя дружественныя отношенія на дѣловой почвѣ,— онъ готовитъ къ изданію рукопись ея покойнаго отца. Оказалось, что его прислалъ Бѣлявскій, поручивъ ему, какъ земляку и пріятелю, деликатную миссію—передать о согласіи на „предложеніе“, а главное, „проэкзаменовать“ или, вѣрнѣе, переэкзаменовать ее.

„— Одинъ вопросъ всего... Вы, разумѣется, приготовились къ тому, что послѣ этого шага вы потеряете свое положеніе въ обществѣ. Оно отъ васъ отвернется, не захочетъ васъ знать... Вы должны приготовиться къ тому, что васъ будутъ унижать, оскорблять... Вамъ кинутъ оскорбительное слово и, какой бы правой вы себя ни чувствовали, все равно вамъ будетъ тяжело и обидно...

— Не знаю. До сихъ поръ мнѣ ничего подобнаго испытывать не приходилось. Думаю, однако, что въ этомъ отношеніи у меня теорія не очень разойдется съ практикой. Вы помните у Шопенгауэра того древняго философа, которому кто-то разбилъ лицо и который послѣ этого сталъ выходить на улицу съ дощечкой на лбу, гдѣ было написано: „Nicodramus fecit? (дѣло рукъ Никодрама)“? Объ этомъ умномъ философѣ я вспоминаю не иначе, какъ съ восхищеніемъ.

Онъ развелъ руками.

— Да... Если вы не только разумомъ, но и чувствомъ такъ сроднились съ духовной высотою древнихъ римлянъ, то, конечно...— Онъ помолчалъ.— Вотъ все, на что, по, зрѣлому размышленію, я нашелъ нужнымъ обратить ваше вниманіе.

Я вздохнула съ облегченіемъ.

— Только-то? А я, признаться, не на шутку боялась. А ну какъ, думаю, онъ такъ меня раскритикуетъ, что и косточекъ не останется...

— Какъ вы тамъ ни храбритесь, а вамъ придется не мало перетерпѣть...

— Будетъ вамъ каркать... Скажите мнѣ лучше, что подѣлываетъ теперь Глѣбъ и какъ себя чувствуетъ. Вѣдь я не видѣла его цѣлыхъ четыре дня.

— Онъ? Его теперь здѣсь нѣтъ. Вчера отправился въ Москву съ тѣмъ, чтобы проѣхать въ Троице-Сергіеву лавру.

— Въ Троице-Сергіеву лавру?..—Это было такъ неожиданно, что я даже привстала.— Зачѣмъ?

— Хочетъ тамъ говѣть.

— Вотъ какъ.— Я помолчала, соображая.— Я совсѣмъ не подозрѣвала, что онъ такой на-

божный... И, знаете, мнѣ это нравится. Я всегда чувствовала большое уваженіе къ истинно-религіознымъ людямъ.

— Всякая искренняя вѣра — большое благо и достойна уваженія.

— Когда же онъ вернется?

— Собирался—черезъ недѣлю.

Я задумалась, и опять у меня на сердцѣ заскребли кошки.

— А вы не полагаете,—съ дѣланной усмѣшкой спросила я наконецъ,— что такое паломничество и, быть можетъ, бесѣды съ какими-нибудь святыми отцами могутъ повліять на его рѣшеніе. А вдругъ какъ онъ тамъ одумается и опять станетъ ужасаться моей „безнравственности“.

— О, нѣтъ... Пусть васъ это не тревожитъ. Кто однажды васъ полюбилъ, въ особенности же тотъ, кого вы полюбили, того не заставятъ отъ васъ отказаться никакіе святые.

И въ его глазахъ промелькнуло такое выраженіе, какого прежде мнѣ никогда не случалось замѣчать. Я недовольно нахмурилась. „Нѣтъ, нѣтъ, только не это! Я такъ дорожу его дружбой... Неужели мнѣ суждено ее потерять?“...

Петербургъ. Апрѣль.

Черезъ недѣлю мы уѣзжаемъ за границу. Мнѣ хочется избавить Глѣба отъ тѣхъ свѣтскихъ условностей, которыхъ онъ такъ боится. За границей Глѣбу не придется ощущать неудобствъ, связанныхъ съ его положеніемъ „незаконнаго“ мужа.

...Глѣбъ очень милъ, и я чувствую, какъ съ каждымъ днемъ онъ становится мнѣ ближе и дороже.

Употреблю всѣ старанія, чтобы его любовь ко мнѣ продолжалась какъ можно дольше“.

Эта счастливая пора, длившаяся четыре года, закончилась довольно шаблонно. Глѣбъ „до безумія“ увлекся какой-то босоножкой, „декадентской трясогузкой“. Ната попробовала, по его же просьбѣ, „увезти“ его, но это не помогло. Бѣлявскій на пятый день вдругъ помчался обратно изъ Парижа въ Біарицъ...

Вѣрная своему девизу: „Разлюблю — уйду, разлюбитъ онъ—скатертью дорога“, Ната, послѣ безсонной ночи, пишетъ лаконическое письмо: „Прощай, Глѣбъ, и навсегда“.

А вслѣдъ затѣмъ заноситъ въ дневникъ:

„Не правда ли, какъ гордо и съ какимъ достоинствомъ выражено? Однако, послушай, другъ мой, Ната... Вѣдь никто никогда и не сомнѣвался въ силѣ твоей воли и твердости характера... Поменьше гордости и побольше смиренія, Ната... А, главное, подумай хорошенько, пока ты еще въ состояніи думать, что тебѣ теперь дѣлать. Прими во вниманіе также, что сегодня утромъ, когда, собравъ всю свою волю и взявъ себя въ руки, ты рѣшила по обыкновенію поупражняться, тебѣ не удалось выдавить изъ своего горла ни единаго звука. Вспомни, что такой случай былъ съ тобою всего одинъ разъ въ жизни, вскорѣ по кончинѣ твоего отца, и что, слѣдовательно, положеніе и теперь серьезное. Прибавь ко всему этому, что тебя трясетъ лихорадка и что ты черезъ силу водишь перомъ, а потому можешь въ очень скоромъ времени и совсѣмъ свалиться... И, наконецъ, что за послѣдніе дни ты познакомилась съ чувствомъ, никогда прежде не испытаннымъ,—съ чувствомъ страха къ одиночеству: что страхъ этотъ съ каждымъ часомъ становится непреодолимѣе и острымъ холодомъ замораживаетъ и разумъ и сердце... Такъ не медли же ни минуты и, пока еще не поздно, начинай укладываться и...

Нѣтъ, больше не могу... Скорѣй—телеграмму Бертѣ“.

Прошло больше года. Рана наконецъ затянулась. Завязывается новый романъ „свободной женщины“—съ молодымъ гусаромъ гр. Тулубьевымъ, „славнымъ мальчикомъ“, боготворящимъ ее. Впрочемъ, сначала Натѣ приходится рѣшать щекотливый вопросъ относительно Карелина, съ которымъ она по возвращеніи изъ-за границы еще болѣе сблизилась и у котораго не сегодня—завтра можетъ выйти столкновеніе съ болѣе счастливымъ соперникомъ.

„Петербургъ. Январь 1908 г.

Положеніе обостряется, становится невыносимымъ. Я рѣшила прибѣгнуть къ хирургической операціи... Я сознаю, что играю va banque.

. . . . . .

— Милый другъ, мнѣ необходимо очень серьезно съ вами поговорить.

Карелинъ испуганно поднимаетъ на меня глаза, и я вижу, какъ книга въ его рукѣ начинаетъ дрожать... Онъ чуткій, сразу догадался.

— Я знаю, что вы меня любите, и чувствую, какъ вы страдаете.

Онъ роняетъ книгу и машетъ руками.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. ради Бога, не надо! Вѣдь я же вамъ ничего не говорилъ.

— Да, а потому я извиняюсь, что сама поднимаю этотъ вопросъ. Я хорошо сознаю, что поступаю и неделикатно, и нежественно, но я больше не могу... Ваши страданія и меня измучили, и оставаться дольше въ такомъ по-

ложеніи я рѣшительно не въ силахъ... тѣмъ болѣе, что ему и конца не предвидится, такъ какъ отвѣчать на ваше чувство я не могу.

Онъ сдѣлался совсѣмъ бѣлымъ, точно его посыпали мукой, всталъ и пробормоталъ прерывающимся голосомъ:

— Я всегда это зналъ и ни на что не надѣялся... Но я не подозрѣвалъ, что это... это... такъ замѣтно... Въ этомъ—моя ошибка... Ради Бога, простите... Теперь, конечно, вы больше меня не увидите.

Я взяла его за руку и заставила его сѣсть.

— Садитесь, не волнуйтесь и дайте мнѣ договорить. Я такъ васъ люблю и уважаю, какъ человѣка, такъ привязалась, такъ привыкла къ вамъ, что ради того, чтобы сохранить въ васъ друга, готова пойти на все... Я свободна, могу распоряжаться собою, какъ хочу, и вотъ теперь... готова...— я чувствовала, какъ мой голосъ предательски дрожалъ, а на глазахъ выступили слезы,— готова... („дай, Богъ, храбрости!“) готова быть вашей.

„Уфъ! Какъ это было тяжело... Но что-то будетъ, что-то будетъ?“

Онъ смотрѣлъ на меня остановившимися, широко открытыми глазами, словно въ столбнякѣ. Потомъ лицо его залилось яркой краской, голова опустилась, и, плотно сжавъ губы, онъ уставился пристальнымъ взглядомъ на коверъ.

Я молча, но тревожно, со страхомъ наблюдала за нимъ. „Бѣдный, какъ онъ страдаетъ. Какая въ немъ происходитъ борьба“.

Вдругъ онъ выпрямился, скользнулъ по мнѣ глазами и медленно, тихо, будто про себя, выговорилъ:

— Благодарю васъ за довѣріе. Я понялъ, что вы отъ меня ожидаете. Не знаю только, смогу ли... Постараюсь... Но теперь разрѣшите мнѣ уйти.

Я смотрѣла ему вслѣдъ, и сердце мое сладостно билось. Мнѣ казалось, я почти была увѣрена, что онъ вернется.

...Онъ не показывался четыре дня. Я ежедневно справлялась по телефону объ его здоровьѣ. Онъ неизмѣнно отвѣчалъ, что чувствуетъ себя хорошо, но еще не знаетъ, когда придетъ. Наконецъ, сегодня онъ явился. Лицо его носило явные слѣды утомленія, но глаза смотрѣли бодро, смѣло, губы складывались въ мягкую, добродушную улыбку. Какъ умный человѣкъ, онъ сразу и очень оригинально объявилъ мнѣ о своемъ рѣшеніи:

— Позвольте мнѣ называть васъ Натой и говорить вамъ: ты.

Я радостно засмѣялась.

— Конечно, конечно. Я сама хотѣла предложить вамъ... тебѣ, тебѣ это.

— А ты не боишься, что „онъ“ можетъ истолковать такую перемѣну въ... нехорошемъ смыслѣ?

Я пожала плечами.

— О, это не важно... Но какой ты молоденъ, Павелъ. Дай, я тебя поцѣлую.

Мгновенное колебаніе—и онъ быстро подошелъ, подставилъ лобъ и потомъ очень искренно, съ глубокимъ чувствомъ выговорилъ:

— Благодарю тебя, Ната.

А я внутренно ликовала и готова была крикнуть себѣ: „Браво, браво, Ната! Какимъ ты оказалась тонкимъ психологомъ... А, главное, тебя на этотъ разъ не обманула вѣра въ могущество человѣческаго духа. Сильный духъ,— правда, такихъ немного,—всегда восторжествуетъ надъ животными инстинктами тѣла“.

Умная героиня Фонвизина блестяще, такимъ образомъ, вышла изъ затруднительнаго положенія, закрѣпивъ и обезвредивъ свою дружбу съ однимъ и обезопасивъ любовь къ другому. И опять записываетъ она въ дневникѣ: „Чувствую себя вполнѣ счастливой“.

Зато положеніе ея „славнаго мальчика“ съ каждымъ днемъ становится все болѣе труднымъ. Графиня-мать, въ заботѣ о продолженіи „древняго и славнаго рода“, хочетъ видѣть „единственнаго, послѣдняго представителя“ этого рода въ законномъ бракѣ. А „свободныя“ отношенія сына съ Наталіей Сергѣевной Волоцкой совсѣмъ не „устраивали“ графиню Тулубьеву. И вотъ ей нуженъ разрывъ этихъ отношеній во что бы то ни стало.

Когда не удается ей воздѣйствовать ни на сына, ни на добрую волю своей „незаконной“ невѣстки, графиня пытается достигнуть цѣли инымъ путемъ—лишеніемъ сына получаемаго отъ нея большого содержанія и отказомъ заплатить его долги.

Ната искусно повела контръ-атаку и нашла для „Володи“ удобный, успокаивающій его, выходъ изъ матеріальныхъ затрудненій. Тогда графиня признала себя побѣжденной, по крайней мѣрѣ, по виду: помирилась съ сыномъ, даже удвоила ему содержаніе. Но при этомъ поставила условіемъ, чтобы онъ объѣхалъ и обревизовалъ всѣ ихъ имѣнія. Было еще одно conditio sine qua non, что Тулубьеву приходилось волей-неволей тщательно скрывать отъ возлюбленной...

Передъ отъѣздомъ на „ревизію“ графъ, запинаясь, заговорилъ о своемъ, уже знакомомъ Натѣ, бывшемъ товарищѣ по полку Власовѣ (теперь—„чичисбей“ при его матери, которая

также и содержала его). Этотъ Власовъ, съ перваго же знакомства, сталъ крайне антипатиченъ Волоцкой—не только потому, что онъ пользовался „отвратительной репутаціей", но и самъ по себѣ. Одной изъ своихъ наглыхъ выходокъ онъ даже успѣлъ уже задѣть ея личность.

„— Маленькая просьба... Видишь ли, на-дняхъ пріѣзжаетъ Власовъ. Его посылаетъ сюда мать для наблюденія за однимъ важнымъ дѣломъ въ Сенатѣ. Само собой, онъ явится къ тебѣ... но боится, что ты его не примешь. Такъ вотъ... я и прошу тебя: прими его и не будь съ нимъ ужъ чересчуръ суровой.

Я широко открыла глаза.

— Вотъ какъ! Почему такая перемѣна? Ты его прежде терпѣть не могъ.

— Я ошибался, считалъ его своимъ врагомъ... Между тѣмъ оказалось, что мать примирилась со мной, главнымъ образомъ, вслѣдствіе его совѣтовъ и настояній.

— Ой, такъ ли? Что-то не вѣрится. Онъ самъ тебѣ это говорилъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Говорила мать... А про тебя онъ отзывается прямо восторженно, увѣряетъ, что никогда такой женщины не встрѣчалъ.

— Все это очень подозрительно, Володя. Вспомни „веселую женщину".

— Вздоръ! Простое бахвальство! Онъ любитъ поражать своимъ цинизмомъ, особенно при первомъ знакомствѣ.. Въ сущности же, онъ совсѣмъ не такъ ужъ плохъ... А, главное, онъ имѣетъ большое вліяніе на мать, мнѣ же,— да и тебѣ, если ты меня любишь,—необходимо съ этимъ считаться..."

Тулубьевъ уѣхалъ. А черезъ нѣкоторое время появляется Власовъ. Хотя онъ былъ „очень ужъ антипатиченъ", все же кое-чѣмъ обладалъ онъ такимъ, что производило обратное дѣйствіе на Нату. Великолѣпная фигура, „классическая, удивительно красивая голова римскаго патриція", „мягкій, грудной, удивительно пріятный голосъ"... Особенно этотъ голосъ. Когда Власовъ пѣлъ, его голосъ „положительно очаровывалъ". Поддаваясь невольному очарованію, Ната приглашаетъ и Власова встрѣтить съ нею и ея друзьями Новый Годъ въ ресторанѣ.

Тамъ, въ ресторанѣ, Власовъ показалъ себя во весь ростъ. Онъ при всѣхъ оскорбляетъ Нату, но такимъ образомъ, что реагировать на оскорбленіе долженъ прежде и больше всѣхъ Карелинъ: именно къ нему онъ обратился (по-французски) съ грязной, полной намековъ, эпиграммой. Состоялась дуэль, и Карелинъ былъ тяжело раненъ. А при первомъ же удобномъ случаѣ Власовъ раскрываетъ передъ Натой секретъ своей странной выходки. Онъ любитъ ее... Что касается Карелина...

„— Мнѣ любить онъ, конечно, не мѣшалъ, но онъ *самъ* мѣшалъ меня полюбить... Чувствовать ко мнѣ ненависть вы не можете. Я въ этомъ убѣжденъ.

Меня опять взорвало.

— Да? А я желала бы, чтобы вы убѣдились теперь въ другомъ... что вамъ пора уходить.

...Онъ вышелъ. А я еще долго сидѣла и думала, и мнѣ было очень не по себѣ... Да и теперь, кончая эту запись, я опять сильно волнуюсь. Дѣло въ томъ, что я должна написать сейчасъ нѣчто до того невѣроятное, нѣчто до того чудовищное, что у меня дрожитъ рука и прыгаетъ перо... Но я никогда не позволяла себѣ ничего утаивать на этихъ страницахъ, не смѣю и теперь... Когда онъ сказалъ, что любитъ меня, сердце мое забилось: мнѣ стало пріятно"...

Власовъ зналъ, какъ дѣйствовать дальше: безцеремонно появляется онъ вновь въ гостиной Наты, подъ благовиднымъ предлогомъ, и... безъ приглашенія, конечно, садится за рояль, чтобы спѣть рубинштейновскую „Азру". А затѣмъ просто обращается къ хозяйкѣ съ вопросомъ:

— А не спѣть ли намъ что-нибудь вмѣстѣ? Мнѣ кажется, что наши голоса должны подойти другъ къ другу.

„Я колебалась. Я слышала предостерегающій голосъ: „не надо, не надо!" Но искушеніе было слишкомъ велико, и, не справившись съ нимъ, я встала и сказала:

— Это интересно. Попробуемъ...

...И только, когда онъ ушелъ и я пришла въ себя, я поняла, какую сдѣлала крупную оплошность". Вѣдь она даже попросила его опять притти попѣть...

Сдѣланнаго не воротишь. Власовъ не преминулъ явиться и, послѣ вторичнаго продолжительнаго дуэтированія, пользуясь моментомъ, когда она „полулежала на тахтѣ, съ закрытыми глазами, все еще полная звуковъ",—этотъ новый Демонъ окончательно помутилъ разсудокъ „Тамары"—варіаціей на тему: „И будешь тамъ царицей міра"...

— „Эхъ, Наталья Сергѣевна! Бросьте вы всѣхъ и вся и поѣдемте концертировать. Вѣдь мы съ вами міръ завоюемъ!"

А въ дальнѣйшемъ, уже „задушевномъ", разговорѣ, подготовивъ нужное настроеніе умѣлой игрой на струнѣ женской жалости къ „падшимъ ангеламъ", соблазнитель повелъ такія рѣчи:

„— ...У насъ у обоихъ артистическія натуры, и въ этомъ отношеніи мы какъ бы другъ для друга созданы. Но кромѣ запросовъ духа существуютъ требованія тѣла,— и не менѣе важныя, законныя. А что вамъ говоритъ ваше тѣло? Да то, что оно жаждетъ моего,—не будете же вы отрицать этого... И вотъ, казалось бы, чего же лучше? Намъ остается сойтись и наслаждаться. Такъ нѣтъ же. Ваше чувство протестуетъ: „Не можетъ, не должно этого быть“. Почему? „Да потому, что моя душа бѣла, какъ первый снѣгъ, а его—черна, какъ вакса“. Вотъ и спрашивается теперь: которое же чувство правдивѣе? То ли, которое притягиваетъ васъ ко мнѣ, или же то, которое отталкиваетъ васъ отъ меня? Въ концѣ концовъ побѣдитъ, конечно, болѣе сильное, т.-е. болѣе жизненное, естественное. Но, пока, сколько колебаній, сомнѣній, страданій даже...

Я не возражала. Къ чему? Въ главномъ онъ правъ. Да, какъ это ни постыдно, меня тянетъ къ нему неудержимо... Вчера вечеромъ, когда между двумя романсами я перелистывала ноты, онъ чуть коснулся губами моего затылка. Я вся похолодѣла, съ головы до ногъ затрепетала... и не отъ гнѣва... о, нѣтъ.

Папа, милый папа! Твоя дочь, твоя любимая Ната, переживаетъ тяжелыя минуты... Пожалѣй ее, помоги ей!..

Петербургъ. Февраль.

...Пока я еще борюсь, но чувствую, что силъ моихъ хватитъ не надолго. Только бы дотянуть до пріѣзда Володи. Я сказала бы ему все, и тогда мнѣ было бы легче... Въ послѣднемъ письмѣ я откровенно предупредила его, что начинаю увлекаться Власовымъ.

Цѣлыми часами сижу я и думаю, стараясь понять,—нѣтъ, не понять, понимать тутъ нечего,— а стараясь оправдать себя, успокоить возмущенное чувство. Я такъ носилась со своей свободой, такъ боялась утратить ее. На ея фундаментѣ, казавшемся столь незыблемымъ и прочнымъ, я построила зданіе своей жизни. И что же? Къ чему привела меня эта свобода? Развѣ во имя ея я не имѣю теперь права бросить Володю и отдаться Власову? Несомнѣнно имѣю. Но легче ли мнѣ отъ этого сознанья? Нѣтъ, и право—правомъ, а сердце не хочетъ его признавать и мучительно протестуетъ...

Петербургъ. 20 февраля. 4 ч. утра.

Я умоляла его, говорила: „Подождите. Пріѣдетъ Володя, я скажу ему и тогда я—ваша“. Но онъ смѣялся, увѣрялъ, что въ конецъ истомился, больше ждать не можетъ, и я—безвольная покорилась ему... И не жалѣю... О, нѣтъ! Я узнала, что такое страсть... Волны бездоннаго моря,—жгучія, одуряющія,—въ которыхъ сладко захлебнуться, утонуть...

Теперь онъ спитъ. Я долго стояла и смотрѣла на него. Какъ онъ красивъ! Я чувствовала, что буду его любить, что уже люблю... А любовь творитъ чудеса. И вѣрю я, что подъ ея вліяніемъ онъ переродится, станетъ другимъ человѣкомъ.

Черезъ три дня мы уѣзжаемъ въ Монте-Карло. О, да, онъ правъ: мы завоюемъ съ нимъ весь міръ.

. . . . . .

10 ч. утра.

Какой-то кошмаръ...

Когда я проснулась, его около меня уже не было. Изъ уборной раздавался плескъ воды. Я встала, распорядилась насчетъ кофе, взяла ванну. Онъ ждалъ меня въ кабинетѣ, прислонившись къ каминной доскѣ. Одинъ взглядъ на него, и я поняла, что меня ожидаетъ что-то страшное.

— Я заждался васъ. Хотѣлъ уже уходить. Мнѣ некогда. Прощайте, Наталья Сергѣевна, прощайте навсегда.

Холодъ ужаса пробѣжалъ по мнѣ, и съ идіотской улыбкой,—я сознавала всю неумѣстность того, что собиралась сказать, и все-таки не могла удержаться,—я выговорила, еле ворочая языкомъ:

— А какъ же... кофе? Развѣ вы не выпьете кофе?

Но онъ, казалось, не слышалъ и продолжалъ деревяннымъ голосомъ, словно заученный урокъ:

— Сначала я хотѣлъ уйти—такъ, безъ всякихъ объясненій, но потомъ мнѣ стало васъ жаль. Лучше вамъ знать все, чтобы успѣть приготовиться... Я обманулъ васъ, Наталья Сергѣевна; говоря, что васъ люблю, лгалъ и притворялся. Я добивался одного: разлучить васъ съ Тулубьевымъ. Но для этого вы должны были ему измѣнить, сдѣлаться моей любовницей. Онъ сегодня, сейчасъ пріѣзжаетъ. Я ѣду его встрѣчать и сообщу о вашей измѣнѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ явится сюда немедленно. Насколько я его знаю, вамъ придется выдержать цѣлую бурю. Онъ такъ вспыльчивъ и горячъ, что въ минуты гнѣва способенъ на все. Соберитесь съ силами и приготовьтесь... И еще, послѣднее: мое поведеніе должно вамъ казаться такимъ гнуснымъ, что оно требуетъ объясненія, иначе вы можете заподозрѣть меня во лжи, подумать, что я все это говорю нарочно. Объясненіе очень простое: за то, что я сдѣлался вашимъ любовникомъ, я получаю цѣлое состояніе. Отъ кого—вы и сами догадываетесь. Она, его мать, и весь этотъ планъ придумала. Она

вѣдь очень умна и зла. Ну, а я такъ тяготился своею зависимостью, такъ жаждалъ вырваться на волю, что и не на то бы пошелъ... Но до конечнаго результата мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Я уже раньше предупреждалъ ее, чтобы она не очень-то разсчитывала на успѣхъ. Вы такъ умны, а Владиміръ васъ такъ любитъ, что въ концѣ концовъ онъ можетъ со всѣмъ примириться. Буду даже радъ, если вамъ удастся его образумить и старуха останется съ носомъ.

Онъ сдѣлалъ паузу, видимо ожидая моего отвѣта.

Но я молчала. Хотя каждое его слово било по мнѣ тяжелымъ молотомъ, наружно я оставалась спокойной, даже не смотрѣла на него.

— Вотъ и все. Больше мнѣ прибавить нечего. Я сказалъ всю правду, безъ утайки... Теперь—прощайте. Благодарю васъ за вниманіе и ласку... и это вполнѣ искренно. Очень жалѣю, что мнѣ пришлось внести въ вашу жизнь столько горя. Я никогда не встрѣчалъ такой женщины, какъ вы, и при другихъ обстоятельствахъ, кто знаетъ... Еще разъ повторяю: мужайтесь и желаю вамъ успѣха. Прощайте, Наталья Сергѣевна.

Я выждала, пока затворилась за нимъ дверь, бросилась къ телефону и позвонила къ Павлу (Карелину). У меня мутилось въ головѣ отъ страшныхъ мыслей... Я не вынесу, не вынесу!.. Онъ одинъ можетъ меня спасти... Но — увы!— его не было дома. Онъ куда-то ушелъ, а куда—неизвѣстно. И тутъ не повезло.

. . . . . .

Звонокъ... Володя.

. . . . . .

— Такъ это правда? Ты сошлась съ Власовымъ?

— Правда.

— Подлая обманщица!

Но на меня этотъ окрикъ подѣйствовалъ, какъ ушатъ холодной воды. Мнѣ стало сразу легче. Я ожидала взрывовъ горя, отчаянья, слезъ... А такъ... такъ мы еще поговоримъ.

— Никакого обмана не было. Я сама тебѣ сказала бы... Да я и предупреждала тебя, написала...

— Неправда! Врешь!.. Я три недѣли не получалъ отъ тебя писемъ... однѣ телеграммы... Ты трусила, нарочно скрывала!

— Для чего мнѣ было скрывать? Я никогда не клялась тебѣ въ вѣчной любви, всегда считала себя свободной... Хочу—люблю, хочу—нѣтъ, сегодня—тебя, завтра—другого.

— Да, да! Ты всегда была развратной женщиной!.. А я... Я молился на тебя, вѣрилъ тебѣ, какъ Богу... Я смѣялся надъ матерью: сто Власовыхъ ничего съ нею не подѣлаютъ... Такъ я былъ въ тебѣ увѣренъ...

— Что? Что ты сказалъ? Ты, значитъ, зналъ, былъ съ ними заодно, участвовалъ въ заговорѣ?

— А хотя бы и зналъ... Не все ли равно... Развѣ это мѣняетъ дѣло?

— Какая низость! Какая гадость!

— Не подлѣе того, что ты сдѣлала со мной...

— О, въ тысячу разъ подлѣе!.. Уходи! Ты мнѣ гадокъ, противенъ!

— Пата!.. Что ты говоришь? Успокойся.

— Уходи, уходи! Я видѣть тебя не могу!

Я была внѣ себя, топала ногами, кричала.

— Пата, да что же это такое... что ты со мною дѣлаешь... Пата, прости... Я иначе не могъ... Мать поставила условіе: или чтобы я согласился на это испытаніе, или—опять ни копейки денегъ... А я такъ тогда измучился...

— Ахъ, какой негодяй!.. Да уходи же наконецъ!.. Или ты хочешь, чтобы я тебя ударила?

И я пошла на него съ поднятой рукой.

Тогда онъ повернулся и вышелъ, а я упала въ кресло. Я вся тряслась... Мнѣ не хватало воздуху, меня душило...

. . . . . .

Какъ мнѣ не хорошо... А Павла все нѣтъ... Я позвала Берту... На ней лица не было...

— Поѣзжай, разыщи мнѣ Павла... Добудь его хоть со дна морского... но только скорѣй, скорѣй!

. . . . . .

Телефонъ... Наконецъ-то!.. Но почему не онъ самъ?.. Какая Берта дура!

. . . . . .

Володя застрѣлился...

Папа! Зачѣмъ ты на меня такъ смотришь?.. Папа, ты плачешь... А я... Не надо, не надо, папа... Погоди... Я сейчасъ...“

Волоцкую нашли лежащей около письменнаго стола, навзничь. Раскинутыя руки еще двигались. Изъ праваго виска сочилась тоненькая струйка крови... Она и тутъ выказала свою индивидуальность: женщины не стрѣляются въ голову...

* * *

Мы уже коснулись критическихъ отзывовъ о послѣднемъ романѣ г. Фонвизина. Въ заключеніе остановимся на нѣсколькихъ выдержкахъ изъ статей упомянутыхъ выше критиковъ.

А. Бурнакинъ. „Въ заглавіи—„Записки свободной женщины“ — несомнѣнная иронія автора, его горькая усмѣшка о незавидной женской долѣ. Авторъ изображаетъ свою сво-

бодную женщину въ условіяхъ, наивыгоднѣйшихъ для ея свободолюбивыхъ стремленій. У нея строгое воспитаніе, выдержанный характеръ, независимая складка, несомнѣнное преобладаніе разсудка и воли. „Слабость женской натуры“ въ ней доведена до минимума. И однако она погибаетъ, она жертва своей женской натуры. Чувство въ рѣшительную минуту беретъ перевѣсъ надъ разсудкомъ, и свободная, гордая женщина вдругъ превращается въ рабыню, въ игрушку въ рукахъ безсердечнаго и хищнаго эгоиста. Оказалось: отъ „свободы“ до „анархіи“ даже не шагъ, а то „небольшое разстояніе“, которое необходимое для жажды ласкъ и поцѣлуевъ.

Изображая крушеніе женскаго дерзанія, авторъ, однако, далекъ отъ осужденія женщины, отъ произнесенія надъ ней приговора. Онъ только предостерегаетъ ее отъ фальшиваго пониманія свободы. — Ты умѣешь отстоять себя отъ общественнаго мнѣнія, но умѣешь ли ты бороться съ собой? Но *свободна ли ты внутри?* Но осилила ли свои древніе инстинкты рабства и вожделѣнія? Подчинила ли ихъ контролю ума и воли?..“

Е. Колтоновская. „На первомъ планѣ у Наты искусство, карьера пѣвицы, а все остальное играетъ случайную, подчиненную роль. Любви она не ищетъ, но и не бѣжитъ отъ нея, относясь къ ней по-мужски, просто, не дѣлая ея содержаніемъ жизни.

„Свободная любовь“, которою Ната хочетъ украсить свою жизнь, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ интимнымъ чувствомъ, которое мелькаетъ какъ сонъ, а иногда и долго, втайнѣ, озаряетъ путь другихъ, внѣ обыденныхъ рамокъ. Это шаблонный „незаконный“ союзъ, громоздкій и прозаическій, со всѣми аксессуарами легальнаго супружества, кромѣ общаго паспорта.

И, въ концѣ концовъ, „холостая“ Ната, несмотря на всю свою сдержанность и мужскую разсудительность, погибаетъ въ любовныхъ сѣтяхъ, самымъ жалкимъ образомъ, совсѣмъ по-женски.

...Новая женщина, какъ и вообще новый человѣкъ, стремится къ тому, чтобы найти руководящій критерій *внутри* себя, въ своей собственной природѣ, въ своемъ ирраціональномъ „я“, и, согласно ему, жить всей полнотой своихъ силъ, стараясь полностью выразить себя въ жизни.

Отсюда неизбѣжный, иногда мучительный разрывъ новаго человѣка съ старыми догматами и принципами и разрывъ новой женщины съ старой моралью и предразсудками въ самой близкой ей области—половой.

Освободиться отъ всякаго мертваго балласта и рутины и жить въ согласіи съ тѣмъ, что *внутренно* ощущается и сознается, какъ должное... Вотъ та цѣль, которая ярко рисуется новымъ людямъ, но пути ихъ пока окутаны туманомъ“.

„Virago“ Л. Дилль.

Если судить по новинкамъ нѣмецкаго рынка,— пишетъ въ „Рус. Вѣд„. (№ 265) В. Фриче,— то придется сдѣлать выводъ, что въ Германіи антагонизмъ между полами не только не идетъ на убыль, но все болѣе растетъ и обостряется.

Все снова выступаютъ писатели, доказывающіе, что женщина—зло, которое должно быть превзойдено. Эмансипаціи женщины отъ мужчины они противополагаютъ эмансипацію мужчины отъ женщины. Противъ культа дамы или кокотки они выдвигаютъ эллинскій идеалъ чисто мужской культуры. Таково, напримѣръ, содержаніе романа Гютерсло: „Die tanzende Törin“, слабаго въ художественномъ отношеніи, но не лишеннаго симптоматическаго значенія.

О томъ, насколько идея полового антагонизма нынѣ въ модѣ въ Германіи, свидѣтельствуетъ хотя бы и тотъ фактъ, что мюнхенское книгоиздательство Лангенъ выпускаетъ въ настоящее время большой иллюстрированный трудъ подъ заглавіемъ „Die Weiberherrschaft“. (Господство женщинъ).

Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ имѣется спеціальная глава объ амазонкахъ прошлаго и настоящаго.

Типъ амазонки, типъ женщины мужеподобной и мужененавидящей, выведенъ и въ послѣднемъ романѣ г-жи Дилль „Virago“.

Фридерика Концъ, дочь крупнаго заводчика,— одна изъ тѣхъ мужеподобныхъ женщинъ, которыхъ люди Ренессанса окрестили именемъ „Virago“.

Въ ней нѣтъ ничего женственнаго! Дѣвочкой она въ куклы не играетъ. Дѣвушкой не любитъ рядиться и танцовать. Никакихъ ни семейныхъ, ни хозяйственныхъ наклонностей. Въ ея характерѣ преобладаютъ черты мужскія. Она любитъ разъѣзжать на неосѣдланныхъ лошадяхъ, любитъ читать научныя книги, чувствовать себя какъ дома въ шахтѣ и на заводѣ. Ея рѣшительность порой доходитъ до жестокости. Дѣвочкой она убиваетъ рѣдкой красоты ангорскую кошку за то, что она съѣла канарейку. Дѣвушкой во время стачки она преспокойно беретъ изъ шкафа ружье и хочетъ стрѣлять въ толпу. Когда ночью къ ней забирается грабитель, она (одинокая) не теряется, а хладнокровно разстрѣливаетъ его изъ револьвера. Развито въ ней и товарищескос чув-

ство, которому она остается вѣрна, не боясь грязныхъ инсинуацій по ея адресу. Больше всего она дорожитъ своей экономической самостоятельностью. По окончаніи школы она хочетъ изучить медицину. Когда ее отправляютъ въ пансіонъ, гдѣ воспитываютъ барышень, она тайкомъ убѣгаетъ. Дочь крупнаго заводчика, она хочетъ сама зарабатывать себѣ деньги, и отецъ вынужденъ дать ей мѣсто въ своей конторѣ. Энергичная и работоспособная, она не можетъ жить безъ дѣла.

Какъ настоящая virago, Фридерика равнодушна къ мужчинамъ. „Она чувствовала отвращеніе къ физической любви, хотя и не испытала ея. Любовь казалась ей чѣмъ-то непонятнымъ, оскорбляющимъ человѣческо достоинство“. Тѣмъ не менѣе она была дважды невѣстой. Такъ какъ отецъ смотритъ на нее какъ на человѣка неравноправнаго, то она не прочь выйти замужъ, чтобы стать вполнѣ самостоятельной, но она тотчасъ же расходится съ женихомъ, какъ только тотъ требуетъ, чтобы она отказалась отъ мѣста и отдалась всецѣло семейной жизни. Потомъ, когда отецъ хочетъ продать дѣло (за отсутствіемъ преемника), она принимаетъ предложеніе другого жениха только затѣмъ, чтобы сохранить за собой заводъ. Если раньше она больше отстаивала свою самостоятельность, то на этотъ разъ она уже явно стремится къ господству. „Она хотѣла одного: имѣть номинальнаго владѣльца дѣла и неограниченную власть для себя“. Когда женихъ не хочетъ ей подчиниться, требуя, чтобы она подчинилась ему, она порываетъ и съ нимъ.

Словомъ, передъ нами—настоящая женщина-амазонка, лишенная всего „женственнаго“, равнодушная къ любви и къ семейному очагу.

И однако она не остается до конца такой virago.

Послѣ того, какъ на судѣ (она привлечена за убійство грабителя, бывшаго кучера, при чемъ обвиненіе исходитъ изъ предположенія, что она находилась съ нимъ въ любовной связи) свидѣтели обрисовали ее, какъ женщину, которая на самомъ дѣлѣ скорѣе мужчина, она не находитъ возможнымъ оставаться въ родномъ городѣ, продаетъ заводъ и скитается съ сѣвера на югъ. Она чувствуетъ себя отверженной потому, что она — не женщина. Быть можетъ, счастье улыбнется ей, когда она перестаетъ быть мужчиной? Въ Ниццѣ, среди чарующей природы, среди наслаждающихся жизнью людей въ ея душѣ происходитъ переворотъ. Она знакомится съ молодымъ человѣкомъ и предлагаетъ ему мѣсто директора будущаго предпріятія и... близкаго лица. Онъ сначала соглашается, потомъ отказывается. Когда она была мужчиной, ее ненавидѣли. Когда она стала женщиной, ее отвергли. Для нея нѣтъ мѣста на землѣ, и она добровольно уходитъ изъ жизни.

Превращаясь изъ амазонки въ женщину, Фридерика отнюдь не хотѣла отказаться отъ своей независимости: она думала купить себѣ въ лицѣ директора предпріятія вполнѣ отъ нея зависящаго мужа-любовника, т.-е. она не измѣняла своему принципу: „Мнѣ неограниченная власть“.

И вотъ это-то стремленіе не только къ освобожденію отъ мужчины, но и къ господству надъ мужчиной и есть та новая черта, которая отличаетъ романъ г-жи Дилль отъ аналогичныхъ болѣе раннихъ произведеній въ родѣ „Vierges fortes“ Прево, „Tagebuch einer Emanzipirten“ Асеньевой и др. И потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ противоположномъ лагерѣ, въ мужскомъ станѣ, все чаще раздается протестъ противъ этой надвигающейся Weiberherrschaft и все чаще слышится призывъ къ возрожденію эллинскаго идеала чисто мужской культуры.

„Признанія счастливой женщины“ Ванъ-Ворстъ.

Это уже не первая крупная вещь начинающей входить въ моду американской писательницы. Но только названнымъ романомъ она создала себѣ имя, которымъ теперь заинтересовались и по сю сторону океана.

Романъ,—съ нимъ знакомятъ насъ „Бирж. Вѣст.“ (№ 13884),— ведется отъ имени „реминготонистки“ Эстеръ Кери. Одинъ изъ ея работодателей, сенаторъ Беллардсъ, диктуетъ ей однажды письмо къ племяннику своему, Стефану Кирклэнду, прожигающему въ ту минуту жизнь въ Парижѣ. Письмо, предназначаемое для вразумленія племянника—интимнаго свойства, но сенаторъ какъ будто и не думаетъ объ этомъ: для него реминготонистка — почти такой же неодушевленный предметъ, какъ и пишущая машина. Только закончивъ письмо, онъ случайно взглядываетъ на дѣвушку, встрѣчается съ ея проницательнымъ взглядомъ, и ему вдругъ ясно становится, что передъ нимъ не машина, а живой человѣкъ. „Вы далеко пойдете, Эстеръ Кери!“—говоритъ онъ ей.

Предсказаніе сенатора оправдывается. Племянникъ, слѣдуя его предостереженіямъ, бросилъ Парижъ и вернулся въ Америку. Это высокій, довольно неуклюжій молодой человѣкъ, некрасивый, но симпатичный. Производитъ впечатлѣніе сильнаго и слабаго въ одно и то же время. Силенъ онъ своими порывами и стремленіями къ дѣятельности, къ поэзіи, къ искус-

ству. Слабъ—недостаткомъ настойчивости и выдержки. Ни на чемъ онъ не можетъ долго сосредоточиться. Оттого, вѣроятно, его постигаютъ на каждомъ шагу неудачи, которыя вызываютъ у него упадокъ духа, гонятъ къ пьянству, игрѣ, кутежамъ, женщинамъ.

Сколько ни бьется сенаторъ со своимъ племянникомъ, онъ ничего съ нимъ подѣлать не можетъ. Но тутъ выступаетъ на сцену романтонистка: она задалась цѣлью спасти погибающаго молодого человѣка. Какъ же она берется за это дѣло? Осторожная Марлиттъ ввела бы дѣвушку въ домъ въ качествѣ гувернантки, наградила бы ее ангельскимъ терпѣніемъ и, въ результатѣ, въ видѣ награды, выдала бы ее замужъ за исправившагося грѣшника. Смѣлая американская романистка поступаетъ иначе. Эстеръ выходитъ замужъ за грѣшника именно для того, чтобы его исправить. Ее не пугаетъ даже угроза сенатора, что въ такомъ случаѣ онъ лишитъ своего племянника наслѣдства (милліонъ!). На его замѣчаніе, что она закрываетъ Стефену доступъ къ золотымъ розсыпямъ, дѣвушка отвѣчаетъ, что она сумѣетъ открыть золотоносную жилу въ немъ самомъ.

И вотъ начинается подвигъ перевоспитанія человѣка. Нѣсколько лѣтъ проходятъ для Эстеръ въ безплодныхъ усиліяхъ и мученіяхъ. На что только не бросается за это время ея мужъ. Онъ и драмы пишетъ, и на биржѣ играетъ, и секретарствуетъ у политическихъ дѣятелей, и на поприщѣ адвокатуры подвизается. Но каждое изъ этихъ дѣлъ занимаетъ его недолго,—и заканчивается, какъ прежде, пьянствомъ и женщинами. Правда, каждый разъ онъ возвращается къ своему ангелу-хранителю — женѣ, но и ее начинаютъ, въ концѣ-концовъ, одолѣвать сомнѣнія: справится ли она со своей задачей. А тутъ, вдобавокъ, и ее окружаютъ соблазны. Но сильная женщина героически все преодолѣваетъ и, наконецъ, видитъ себя вознагражденною за всѣ свои страданія. Мужу удалось благополучно довести до конца большое желѣзнодорожное предпріятіе въ штатѣ Невада. Его избираютъ губернаторомъ штата, затѣмъ — сенаторомъ, и въ той залѣ, въ которой дядя произнесъ знаменитую рѣчь за таможенный тарифъ, племянникъ произноситъ блестящую рѣчь противъ тарифа.

Эстеръ торжествуетъ. Цѣль достигнута. Но не это даетъ ей счастье, а другое. До сихъ поръ некогда было думать о себѣ. Теперь она убѣждается, что она и мужъ другъ друга любятъ.

Мораль ясна. Миссъ Ворстъ хочетъ сказать своимъ романомъ женщинамъ:

„Каждая изъ васъ можетъ добыть себѣ счастье, но для этого надо пройти путь испытаній“...

Въ сущности, это — не романъ счастливой женщины, а романъ сильной американки, сумѣвшей выковать себѣ счастье, создать себѣ его, какъ создаютъ себѣ въ Америкѣ дѣла, положеніе, богатство, карьеру. Въ этомъ смыслѣ, романъ миссъ Ворстъ—типично-американскій, въ лучшемъ смыслѣ слова; въ смыслѣ энергіи, бодрости, вѣры въ себя и въ жизнь. Въ этомъ — его интересъ для европейскихъ женщинъ.

Записки кн. М. Н. Волконской.

[92 (в)]

Мемуарная литература обогатилась появленіемъ на русскомъ языкѣ „Записокъ кн. М. Н. Волконской“. Напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ читателямъ объ этой замѣчательной женщинѣ. Марья Николаевна Волконская (урожденная Раевская изъ семьи извѣстнаго генерала Раевскаго—героя 1812 г.) была женой извѣстнаго декабриста кн. Сергѣя Волконскаго, арестованнаго 7 января 1826 г. за участіе въ Тайномъ Обществѣ и сосланнаго на каторгу въ Сибирь.

Послѣ вступленія въ силу суроваго приговора кн. Волконская отправилась вслѣдъ за мужемъ и провела тамъ все время до 1856 г. (т.-е. все время ссылки—30 л.), когда декабристы были возвращены въ Россію манифестомъ Александра II. Умерла она въ 1863 г.

Какъ извѣстно, кн. М. Н. не была единственной изъ женъ декабристовъ, пожелавшей раздѣлить печальную участь своего мужа. Таковыхъ оказалось не мало.

Но кн. Волконская является центральной фигурой, наиболѣе яркой характеромъ своего подвига. Отзывы современниковъ рисуютъ ее въ очень привлекательномъ свѣтѣ.

Но не только судъ современниковъ оцѣнилъ эту удивительную женщину.

Слава пережила ее. Некрасовъ воспѣлъ ее въ поэмѣ „Русскія женщины“.

Русское общество глубоко чтитъ ея память до послѣдняго времени.

И на нашихъ глазахъ историческій образъ начинаетъ облекаться ореоломъ легенды. Обратимся же къ ея „Запискамъ“.

Свои воспоминанія кн. Волконская начинаетъ съ 1825 г., т.-е. съ года, въ которомъ она вышла замужъ за князя Сергѣя Волконскаго, „достойнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ людей“.

„Мои родители думали, пишетъ она, что обез-

печили мнѣ блестящую, по мнѣнію свѣта, будущность. Мнѣ было грустно разстаться съ ними: словно сквозь подвѣнечный вуаль мнѣ смутно рисовалась судьба, ожидавшая насъ. Въ скорости я заболѣла, и меня послали въ Одессу на морскія купанья съ матерью, сестрой и моей англичанкой. Сергѣй не могъ насъ сопровождать, такъ какъ по дѣламъ службы долженъ былъ остаться при своей дивизіи. Я почти совсѣмъ не знала его до свадьбы. Въ Одессѣ я пробыла все лѣто, и, такимъ образомъ, въ первый годъ нашей супружеской жизни я провела съ мужемъ только три мѣсяца; я и не подозрѣвала тогда о существованіи Тайнаго Общества, членомъ котораго онъ состоялъ. Будучи старше меня лѣтъ на двадцать, онъ не могъ поэтому довѣриться мнѣ въ такомъ важномъ дѣлѣ.

Въ концѣ осени онъ пріѣхалъ за мной, отвезъ меня въ Умань, гдѣ стояла его дивизія, а самъ уѣхалъ въ Тульчинъ,—главную квартиру второй арміи. Черезъ недѣлю онъ вернулся среди ночи и тотчасъ же разбудилъ меня: „Вставай скорѣе!“ Я вскочила, дрожа отъ страха. Я была въ послѣднемъ періодѣ беременности, и это внезапное возвращеніе среди ночи напугало меня. Онъ растопилъ каминъ и сталъ жечь какія-то бумаги. Какъ умѣла, я ему помогала, спрашивая, что все это значитъ? „Пестель арестованъ!“ — „Почему?“ — Отвѣта нѣтъ. Вся эта таинственность меня безпокоила. Я видѣла, что онъ былъ печаленъ, чѣмъ-то сильно озабоченъ. Наконецъ, онъ мнѣ сказалъ, что обѣщалъ моему отцу отвезти меня къ нему на время родовъ,—и вотъ мы отправились въ имѣніе отца, гдѣ онъ сдалъ меня на попеченіе моей матери, а самъ тотчасъ же уѣхалъ; немедленно по возвращеніи онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ. Такъ прошелъ первый годъ нашей супружеской жизни,—онъ еще не кончился, а Сергѣй уже сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости“.

Вначалѣ княгиня была въ полномъ невѣдѣніи относительно мужа. Къ тому же наступили роды, затѣмъ двухмѣсячная болѣзнь, во время которой родители и близкіе ея сообщали ей вымышленныя свѣдѣнія, чтобы не безпокоить больную. Но время шло. Марья Николаевна выздоровѣла и настоятельно добилась истинныхъ свѣдѣній. Узнавъ объ арестѣ мужа, она собралась немедленно къ нему. Еще не совсѣмъ выздоровѣвшая и слабая, она съ необыкновенной энергіей совершаетъ весной въ самую распутицу продолжительную и трудную поѣздку въ Петербургъ, гдѣ добивается свиданія съ мужемъ въ крѣпости.

„Это свиданіе при постороннихъ было чрезвычайно тяжело; мы ободряли другъ друга, но дѣлали это безъ всякаго убѣжденія. Я не рѣшалась его разспрашивать: всѣ взоры были обращены на насъ; мы обмѣнялись платками. Вернувшись къ себѣ, я поспѣшила посмотрѣть, что тамъ было, но нашла лишь нѣсколько словъ утѣшенія, которыя были написаны на углу платка и которыя я съ трудомъ могла разобрать“.

Вскорѣ послѣ этого М. Н. уѣзжаетъ въ Москву и затѣмъ домой въ имѣніе отца къ покинутому ею ребенку. Тамъ она съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій о мужѣ и наконецъ изъ газетъ узнаетъ о приговорѣ.

Князь былъ разжалованъ вмѣстѣ со своими товарищами.

Вотъ какъ это произошло:

„13-го іюля на зарѣ ихъ собрали всѣхъ и размѣстили по категоріямъ противъ пяти висѣлицъ. Сергѣй, какъ только пришелъ, снялъ съ себя мундиръ и бросилъ его въ костеръ, не желая, чтобы его сорвали съ него. Для уничтоженія мундировъ и орденовъ приговоренныхъ разложили и зажгли нѣсколько костровъ, затѣмъ имъ приказали всѣмъ стать на колѣни, и надъ головой каждаго жандармъ ломалъ саблю въ знакъ разжалованья: дѣлалось это очень неловко: нѣкоторымъ при этомъ поранили головы. Когда ихъ привезли обратно въ тюрьму, они получили не свою обычную пищу, а каторжный паекъ, точно также перемѣнили имъ и одежду: имъ дали куртку и штаны изъ грубаго сѣраго сукна.

„Вслѣдъ за этой сценой послѣдовала другая, гораздо болѣе ужасная. Привели пятерыхъ приговоренныхъ къ смертной казни. Пестель, Сергѣй Муравьевъ, Рылѣевъ, Бестужевъ-Рюминъ (Михаилъ) и Каховскій были повѣшены, но съ такой возмутительной неловкостью, что трое изъ нихъ сорвались съ веревки, и ихъ снова потащили на эшафотъ. Сергѣй Муравьевъ не захотѣлъ, чтобы его поддерживали. Рылѣевъ, снова получивъ возможность говорить, сказалъ: „Я счастливъ умереть дважды за отечество“. Ихъ тѣла были положены въ два большихъ ящика, наполненныхъ негашеной известью, и погребены на островѣ Голодаѣ. Часовой не позволялъ никому приближаться къ нимъ. Я не могу спокойно говорить объ этой сценѣ, мнѣ больно ее описывать, она меня разстраиваетъ; у меня нѣтъ силъ заставить себя описать ее. Генералъ Чернышевъ (впослѣдствіи графъ и князь) объѣзжалъ верхомъ вокругъ пяти висѣлицъ и усмѣхаясь смотрѣлъ въ лорнетъ на пять жертвъ.“

Послѣ того какъ мужъ М. Н. былъ приго

ворснъ къ 20 годамъ каторжныхъ работъ и пожизненной ссылкѣ и былъ отправленъ въ Сибирь, М. Н. немедленно объявляетъ роднымъ о своемъ рѣшеніи ѣхать вслѣдъ за мужемъ. Для полученія права на это она обращается къ Государю и получаетъ отъ него личное разрѣшеніе.

„Теперь я должна разсказать вамъ сцену, которую я буду помнить до послѣдняго вздоха. Мой отецъ былъ все время мраченъ и неприступенъ. Однако, мнѣ нужно же было ему сказать, что мы должны разстаться и что я назначаю его опекуномъ моего бѣднаго малютки, котораго мнѣ не позволили взять съ собой. Я показала ему письмо Его Величества; тогда мой бѣдный отецъ, не владѣя болѣе собой, поднялъ кулаки надъ моей головой и воскликнулъ: „Я прокляну тебя, если ты не вернешься черезъ годъ“. Я ничего не отвѣтила, бросилась на кушетку и спрятала лицо въ подушку.

Мой отецъ, этотъ герой 1812 года, обладавшій твердымъ и возвышеннымъ характеромъ, этотъ патріотъ, который, видя, что его войска при Дашковѣ дрогнули, схватилъ двухъ своихъ подростковъ-сыновей и бросился съ ними въ огонь непріятеля, — былъ нѣжно-любящимъ семьяниномъ; онъ не могъ перенести мысли о моемъ изгнаніи, и мой отъѣздъ казался ему чѣмъ-то чудовищнымъ.

Въ ту же ночь я выѣхала; съ отцомъ мы прощались молча: онъ благословилъ меня и отвернулся, не будучи въ состояніи произнести ни слова. Глядя на него, я говорила себѣ: „Все кончено, я его уже больше не увижу, я умерла для семьи“. Я заѣхала обнять свекровь, которая приказала выдать мнѣ ровно столько денегъ, сколько нужно было заплатить за лошадей до Иркутска. Я приказала купить для себя кибитку, и въ одну минуту мои вещи были уже уложены: я взяла немного бѣлья, три платья и ватошный капотъ, который былъ на мнѣ. Остальныя деньги я берегла для Сибири и зашила ихъ въ платье. Передъ отъѣздомъ я стала на колѣни передъ колыбелью моего сына и долго молилась. Этотъ вечеръ онъ провелъ около меня, играя печатью на письмѣ, которымъ мнѣ разрѣшалось уѣхать и покинуть его навсегда. Ему очень нравилась большая печать изъ краснаго воска на письмѣ. Я поручила своего бѣднаго ребенка заботамъ свекрови и невѣсткамъ и, наконецъ, оторвавшись отъ него, вышла“.

Кн. Волконская ѣхала черезъ Москву, гдѣ провела два дня, затѣмъ Казань, Иркутскъ. Интересна ея остановка въ Казани.

„Я пріѣхала въ Казань вечеромъ; былъ канунъ Новаго Года; меня заставили выйти изъ кибитки, не знаю почему, въ гостиницѣ; домъ Дворянскаго собранія былъ на томъ же дворѣ, залы его были ярко освѣщены, и я видѣла, какъ туда входили маски на балъ. Я говорила себѣ: „Какой контрастъ! Здѣсь собираются танцевать, веселиться, а я—я ѣду въ бездну. Все кончено для меня: и пѣсни, и танцы“.

Подобное ребячество было вполнѣ простительно въ моемъ возрастѣ: мнѣ только что исполнилось 21 годъ.

Я продолжала путь; погода была ужасная; хозяинъ гостиницы сказалъ мнѣ, что лучше было бы обождать, потому что будетъ метель.

Я подумала, что то ли еще мнѣ предстоитъ въ Сибири, и, приказавъ опустить рогожу съ верха кибитки, отправилась дальше. Но я не знала степныхъ метелей: снѣгъ навалился на полости такъ, что между ямщикомъ и нами образовалась гора изъ снѣга. Я заставила свои часы прозвонить: была полночь—мой Новый Годъ, моя встрѣча Новаго Года! Я повернулась къ моей горничной, чтобы пожелать ей счастливаго года, не имѣя больше никого, кого бы можно было поздравить, но она была въ такомъ дурномъ расположеніи духа, ея выраженіе лица было такое непріятное, что я обратилась къ ямщику: „Съ Новымъ Годомъ тебя поздравляю!“—И я мысленно перенеслась къ своимъ родителямъ, къ своей молодости, дѣтству. Какъ праздновался всегда у насъ этотъ день, сколько радостей, сколько удовольствій! А мой бѣдный Сергѣй, что съ нимъ? Печальная дѣйствительность представилась мнѣ во всей своей неприглядности; я думала теперь только о мужѣ. Лошади стали, ямщикъ сказалъ, что мы сбились съ дороги и что надо выйти и искать убѣжища. Къ счастью, недалеко оказалось зимовье дровосѣка, и мы вошли туда; я велѣла развести огонь, заварила чай для людей и переждала до утра, чтобы продолжать путь. Такъ ѣхала я въ продолженіе 15 дней, то пѣла, то читала стихи, не встрѣтивъ въ пути ничего интереснаго; я совсѣмъ не видѣла мѣстъ, черезъ которыя проѣзжала, былъ сильный холодъ, и кибитка была закрыта.“

Пріѣхавъ въ Иркутскъ, М. Н. должна была перенести нѣсколько испытаній. Гражданскій губернаторъ Цейдлеръ тотчасъ явился къ ней читать наставленія и уговаривать вернуться въ Россію. Такъ онъ дѣйствовалъ по предписанію Государя. Но княгиня была непреклонна. Тогда онъ предложилъ ей подписать условія, при соблюденіи которыхъ ей разрѣшалось ѣхать къ мужу и оставаться при немъ. А затѣмъ „куча чиновниковъ“ обыскали всѣ ея вещи.

Дальше дорога шла черезъ Байкалъ, Верхне-

удинскъ, Кяхту (на Китайской границѣ) и Большой Нерчинскій заводъ, гдѣ княгиня М. Н. догнала Катюшу Трубецкую. Здѣсь она узнала, что ея мужъ находится на разстояніи 12 верстъ отъ завода въ Благодатскомъ рудникѣ, куда она уѣхала на другой день рано утромъ. Пріѣхавъ въ Благодатскъ, М. Н. немедленно отправилась въ тюрьму на свиданіе къ мужу. Вотъ какъ она разсказываетъ о встрѣчѣ:

„Въ первую минуту я ничего не видѣла,—такъ тамъ было темно: открыли маленькую дверцу налѣво, и я поднялась въ отдѣленіе мужа. Сергѣй бросился ко мнѣ; лязгъ его цѣпей поразилъ меня. Я не знала, что онъ былъ закованъ въ кандалы. Подобное суровое наказаніе дало мнѣ понять о всей силѣ его страданій. Видъ его кандаловъ такъ взволновалъ и растрогалъ меня, что я бросилась передъ нимъ на колѣни и поцѣловала сначала его кандалы, а потомъ и его самого. Бурнашевъ, который за недостаткомъ мѣста не могъ войти, а стоялъ на порогѣ, остолбенѣлъ отъ изумленія при видѣ моего восторга и уваженія къ мужу, которому онъ говорилъ „ты“ и съ которымъ обращался, какъ съ каторжникомъ.

Я старалась казаться веселой: зная, что дядя мой Давыдовъ находится за перегородкой, я стала говорить громко, чтобы онъ могъ меня слышать, и сообщила ему свѣдѣнія о его женѣ и дѣтяхъ. Когда свиданіе окончилось, я отправилась устраиваться въ ту же крестьянскую избу, гдѣ до меня жила Катюша. Она была такъ тѣсна, что, когда я ложилась на полу на своемъ матрацѣ, то головой касалась стѣны, а ногами упиралась въ дверь. Печь дымила, такъ что ее нельзя было топить, если погода была вѣтреная; въ окнахъ, вмѣсто стеколъ, была вставлена слюда.

На другой день по пріѣздѣ въ Благодатскъ я встала на разсвѣтѣ и отправилась по деревнѣ, разспрашивая о мѣстѣ, гдѣ работаетъ мой мужъ. Я увидѣла входъ, ведущій какъ бы подъ землю, въ подвалъ и возлѣ вооруженнаго часового. Мнѣ сказали, что здѣсь они спускаются въ рудникъ. Я спросила, можно ли ихъ увидѣть за работой. Этотъ добрый парень поспѣшилъ дать мнѣ восковую свѣчу, нѣчто въ родѣ факела, и въ сопровожденіи еще одного сторожа—старшаго,—я рѣшила спуститься въ этотъ мрачный лабиринтъ. Тамъ было довольно тихо, но спертый воздухъ затруднялъ дыханіе. Я шла быстро и услышала позади себя голосъ, который кричалъ мнѣ, чтобы я остановилась. Я поняла, что это былъ офицеръ, который хотѣлъ удержать меня отъ разговора съ узниками. Я погасила факелъ и бросилась бѣжать, такъ какъ я видѣла вдали свѣтящіяся точки. Это были наши узники, работающіе на небольшомъ возвышеніи; они спустили мнѣ лѣстницу, я влѣзла по ней, затѣмъ ее втащили обратно,—и такимъ образомъ я увидѣла товарищей мужа, передала имъ извѣстія изъ Россіи и привезенныя письма. Здѣсь не было ни мужа, ни Оболенскаго, ни Якубовича, ни Трубецкого. Я увидѣла Давыдова, обоихъ Борисовыхъ и Артамона Муравьева. Они были въ числѣ первыхъ 8-ми человѣкъ, высланныхъ изъ Россіи, и единственные, отправленные въ Нерчинскіе заводы. Тѣмъ временемъ офицеръ внизу, продолжая звать меня, терялъ терпѣніе; наконецъ, я спустилась,—и съ тѣхъ поръ послѣдовало строгое запрещеніе впускать насъ, дамъ, въ шахты. Артамонъ Муравьевъ назвалъ эту сцену моимъ „сошествіемъ въ адъ“.

Между прочимъ интересны наблюденія кн. Волконской надъ каторжанами и случаи столкновенія ея съ ними.

„Когда началась оттепель, я стала замѣчать, какъ несчастные неженатые каторжники, жившіе въ общей казармѣ, садились у порога тюрьмы и по-долгу смотрѣли въ даль. Я спросила о причинѣ этого, и мнѣ объяснили, что съ приближеніемъ весны несчастными каторжниками овладѣваетъ непреодолимое желаніе бѣжать и они съ радостью наблюдаютъ всегда таяніе снѣга: зимой, не имѣя ни шубы, ни теплой обуви, они не рискуютъ бѣжать, но весной большая часть ихъ убѣгала, при чемъ нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось достигнуть Россіи. Никогда не случалось, чтобы ихъ выдавали, и они доживали тамъ свои дни.

Кромѣ нашей тюрьмы, тамъ была еще одна тюрьма, въ которой содержались тѣ несчастные, которые нѣсколько разъ совершали побѣги и грабежи. Ихъ кандалы были гораздо тяжелѣе, а работа—труднѣе. Среди нихъ находился и знаменитый разбойникъ Орловъ — герой въ своемъ родѣ. Онъ никогда не трогалъ бѣдняковъ, а нападалъ только на купцовъ и въ особенности на чиновниковъ, онъ однажды даже доставилъ себѣ удовольствіе и нѣкоторыхъ изъ нихъ высѣкъ. У этого Орлова былъ великолѣпный голосъ, онъ составилъ хоръ изъ своихъ товарищей по заключенію, и часто, при заходѣ солнца, я слушала, какъ они пѣли съ необыкновенной стройностью и выраженіемъ; особенно часто они любили повторять одну пѣсню, полную глубокой тоски: „Воля, воля дорогая“. Это было ихъ единственнымъ развлеченіемъ; набитые въ тѣсной, темной тюрьмѣ, они выходили изъ нея только для работы.

Насколько мнѣ позволяли средства, я помогала имъ, поощряла ихъ пѣніе, садясь возлѣ

ихъ печальнаго жилища. Однажды я узнаю, что Орловъ бѣжалъ. Всѣ поиски его остались тщетны. Какъ-то прогуливаясь возлѣ тюрьмы, я увидѣла каторжника, слѣдовавшаго за мной; когда-то это былъ бравый гусаръ; онъ говоритъ мнѣ въ полголоса: „Княгиня, меня къ вамъ послалъ Орловъ, онъ скрывается въ этихъ горахъ, въ скалахъ надъ вашимъ домомъ, онъ уже давно тамъ и проситъ васъ послать ему денегъ на шубу; ночи становятся уже холодныя". Меня очень испугало это открытіе, а съ другой стороны—какъ оставить бѣднягу безъ помощи? Я вернулась домой, взяла 10 рублей, предварительно сказавъ бывшему гусару, чтобы онъ за мной не слѣдовалъ, но замѣтилъ бы то мѣсто, гдѣ я во время прогулки наклонюсь, чтобы положить деньги подъ камень. Онъ исполнилъ все, какъ я ему сказала, и сразу нашелъ деньги. Спустя двѣ недѣли, когда я была одна въ комнатѣ, а Каташа еще не возвращалась со свиданья, я сидѣла за клавикордами и пѣла; было довольно темно; вдругъ кто-то очень высокаго роста вошелъ и сталъ на колѣни у порога. Я подошла—это былъ Орловъ въ шубѣ съ двумя ножами за поясомъ. Онъ сказалъ мнѣ: „Я опять пришелъ къ вамъ, дайте мнѣ сколько-нибудь, мнѣ совсѣмъ нечѣмъ жить, Богъ вернетъ вамъ, ваше сіятельство!" Я дала ему пять рублей и попросила поскорѣе уйти. Возвратившаяся изъ тюрьмы Каташа очень испугалась, узнавъ объ этомъ визитѣ, да и было отчего, какъ вы сейчасъ увидите. Я легла поздно, все время думая объ этомъ разбойникѣ, котораго могли схватить, и тогда Бурнашевъ, конечно, не упуститъ случая повторить свою фразу: „Вы хотите поднять каторжниковъ". Среди ночи вдругъ слышу выстрѣлы, бужу Каташу, и мы посылаемъ въ тюрьму узнать, въ чемъ дѣло. Тамъ все спокойно. Вся деревня на ногахъ, и мнѣ говорятъ, что бѣглыхъ схватили на горѣ и всѣхъ арестовали за исключеніемъ Орлова, который бѣжалъ черезъ трубу или, вѣрнѣе, черезъ отверстіе, устроенное для выпусканія дыма. Этотъ несчастный, вмѣсто того, чтобы купить хлѣба, устроилъ попойку со своими товарищами, празднуя ихъ освобожденіе изъ тюрьмы. На другой день—наказаніе плетьми, чтобы узнать, отъ кого получены деньги на водку; никто не выдалъ меня; гусаръ, какъ онъ мнѣ разсказывалъ впослѣдствіи, предпочелъ обвинить себя въ кражѣ, чѣмъ предать меня. Сколько благодарности и преданности въ этихъ людяхъ, которыхъ мнѣ представили, какъ какихъ-то чудовищъ!"

Жизнь женъ, послѣдовавшихъ за мужьями-декабристами, была очень тягостной. При чемъ тяжесть эта не ограничивалась извѣстными матеріальными лишеніями, съ которыми „русскія женщины" быстро и легко примирились. Гораздо хуже было отношеніе къ нимъ начальства. „Было запрещено (на Большомъ Заводѣ), говоритъ М. П., не только съ нами видѣться, но и кланяться намъ; всѣ, кого мы встрѣчали, или сворачивали въ переулокъ, или отворачивались отъ насъ. Наши письма передавались Бурнашеву открытыми, пересылались въ канцелярію Коменданта, затѣмъ отправлялись въ канцелярію Иркутскаго Гражданскаго Губернатора, а отсюда уже въ Петербургъ — въ III Отдѣленіе Канцеляріи Его Величества, такъ что письма наши, прежде чѣмъ доходили до нашихъ родственниковъ, были въ пути безконечно долго.

Ко всѣмъ страданіямъ, которыя испытывали наши заключенные, присоединилось еще новое: на нихъ напали клопы, и въ такомъ количествѣ, что Трубецкой натирался скипидаромъ, и все же это не помогало. Резановъ позволилъ имъ ночевать на чердакѣ,—и это хотя на нѣсколько часовъ освобождало ихъ отъ мученій.

Когда я возвращалась изъ тюрьмы, я вытрясала свое платье,—такая масса клоповъ была на мнѣ. Для нашихъ заключенныхъ это было равносильно наказанію, которое налагается въ Персіи на преступниковъ, обреченныхъ на съѣденіе насѣкомымъ".

Но не все время пришлось имъ жить на Большомъ Заводѣ. Получилось извѣстіе, что всѣхъ ихъ переведутъ въ Читу, что и состоялось въ скорости. Въ Читѣ за неимѣніемъ рудниковъ комендантъ придумалъ для заключенныхъ другія работы: онъ заставилъ ихъ чистить хлѣвы и казенныя конюшни, давно заброшенныя, подобно миѳическимъ Авгіевымъ конюшнямъ. „Это было еще зимой, задолго до нашего пріѣзда, а съ наступленіемъ лѣта имъ приказано было мести улицы. Мой мужъ пріѣхалъ спустя два дня послѣ насъ со своими товарищами и ихъ неизбѣжными спутниками. Послѣ того, какъ улицы были приведены въ порядокъ, комендантъ придумалъ дать имъ работу на ручныхъ мельницахъ; заключенные должны было смолоть каждый день опредѣленное количество муки,—наказаніе, налагаемое обыкновенно въ монастырихъ, но здѣсь эта работа какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала монастырскому образу жизни, которой вели наши заключенные. Такъ провели они 15 лѣтъ своей прекрасной юности въ суровомъ заточеніи, будучи приговорены только къ ссылкѣ и каторжнымъ работамъ, а никакъ не къ тюремному заключенію.

Въ Читѣ наша жизнь сдѣлалась болѣе сносной; дамы видѣлись другъ съ другомъ во время прогулокъ въ окрестностяхъ деревни; мужчины снова встрѣтились со своими прежними друзьями. Въ тюрьмѣ все было общее—вещи, книги, но было очень тѣсно, такъ какъ между кроватями было не болѣе аршина разстоянія; лязгъ цѣпей, шумъ отъ разговоровъ и пѣсенъ были невыносимы для тѣхъ, чье здоровье начинало слабѣть. Тюрьма была темная: окна въ ней, какъ въ конюшнѣ, находились подъ потолкомъ. Лѣтомъ заключенные проводили время на воздухѣ; на большомъ дворѣ каждый изъ нихъ имѣлъ клочекъ земли, которую обрабатывалъ, но зимой было невыносимо.

Такъ какъ свиданія были разрѣшены только два раза въ недѣлю, то мы ходили къ тюремной оградѣ, которая представляла собою высокій частоколъ изъ толстыхъ, плохо сбитыхъ бревенъ: здѣсь мы видались и разговаривали съ нашими заключенными. Первое время мы очень боялись, чтобы не быть застигнутыми старымъ комендантомъ или его ужасными помощниками, бродившими кругомъ тюрьмы; мы давали денегъ часовому, и онъ предупреждалъ насъ объ ихъ приближеніи.

Однажды какой-то солдатъ горнаго вѣдомства счелъ своимъ долгомъ накричать на Катишу и—мало того—ударилъ ее кулакомъ. Тогда я побѣжала къ начальнику деревни Смольянинову, который пригрозилъ солдату наказаніемъ, и написала затѣмъ очень рѣзкое письмо коменданту,—онъ на меня обидѣлся и надулся, но съ тѣхъ поръ мы могли оставаться у ограды, сколько хотѣли. А Катиша устраивала здѣсь цѣлое собраніе: она приносила съ собой складной стулъ и садилась (она была очень полна); внутри тюремнаго двора собирался кружекъ изъ заключенныхъ, и каждый ожидалъ для разговора своей очереди".

1829 годъ.

„1 августа 1829 года пришла великая новость: курьеръ привезъ повелѣніе снять съ заключенныхъ кандалы. Мы такъ привыкли къ звону цѣпей, что я даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ прислушивалась къ нему, такъ какъ онъ извѣщалъ меня при свиданіяхъ о приближеніи Сергѣя...

Первое время нашего изгнанія я думала, что оно, навѣрное, кончится черезъ 5 лѣтъ, затѣмъ я увѣряла себя, что это произойдетъ черезъ 10, потомъ черезъ 15 лѣтъ, но послѣ 25 лѣтъ я перестала ждать. Я просила у Бога только одного: чтобы онъ вывелъ изъ Сибири моихъ дѣтей.

Въ Читѣ я получила извѣстіе о смерти моего бѣднаго Николая, моего первенца, оставленнаго мною въ Петербургѣ.

Пушкинъ прислалъ мнѣ на него эпитафію:

Въ сіяньи, въ радостномъ покоѣ,
У трона Вѣчнаго Отца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца...

Черезъ годъ я узнала о смерти моего отца. Я такъ мало была подготовлена къ этому, потрясеніе было такъ сильно, что мнѣ казалось, что небо упало на мою голову; я заболѣла. Комендантъ разрѣшилъ Вольфу, доктору и товарищу моего мужа, посѣщать меня подъ конвоемъ солдатъ и офицера.

Въ это время прошелъ слухъ, что комендантъ строитъ въ 600 верстахъ отъ насъ огромную тюрьму съ казематами безъ оконъ; это насъ очень опечалило. Я забыла сказать о томъ, что встревожило насъ раньше еще больше: въ прошломъ году черезъ Читу прослѣдовала цѣпь каторжниковъ, въ числѣ ихъ были и трое ссыльныхъ: Сухининъ, баронъ Соловьевъ и Мозгалевскій. Всѣ они принадлежали къ Черниговскому полку и были товарищами покойнаго Сергѣя Муравьева; они прошли весь путь пѣшкомъ вмѣстѣ съ уголовными преступниками. Они извѣстили насъ о своемъ прибытіи. Мужъ велѣлъ мнѣ пойти къ нимъ, помочь имъ, постараться успокоить Сухинина, который былъ очень возбужденъ и уговорить его потерпѣть и не волноваться.

Острогъ, гдѣ остановились каторжники, находился за деревней, въ трехъ верстахъ отъ насъ. На разсвѣтѣ я разбудила Катишу и Ентальцеву и мы отправились, разумѣется, пѣшкомъ по страшному холоду; мы сдѣлали большой крюкъ, чтобы насъ не замѣтили часовые. Когда мы подошли къ тюремной оградѣ, узники уже были тамъ и ожидали насъ; было еще довольно темно. Сухининъ былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что и слушать ничего не хотѣлъ; онъ говорилъ все время о томъ, что надо поднять каторжниковъ въ Нерчинскѣ, вернуться въ Читу и освободить государственныхъ преступниковъ.

Соловьевъ, какъ человѣкъ очень спокойнаго и терпѣливаго характера, сказалъ мнѣ, что это не болѣе какъ временное возбужденіе и что онъ успокоится. Наконецъ, я ушла — печальная и встревоженная. И, дѣйствительно, мои опасенія сбылись. Какъ только Сухининъ прибылъ въ Нерчинскъ, онъ пересталъ довѣрять своимъ товарищамъ, разошелся съ ними, предавшись всецѣло на сторону мѣстныхъ каторжниковъ; въ количествѣ 200 человѣкъ они вооружились чѣмъ попало и отступили къ китайской границѣ; но они жестоко ошиблись,

китайцы всегда выдаютъ русскому правительству довѣрившихся имъ бѣглыхъ, несчастныхъ безумцевъ ожидала другая участь: они были всѣ схвачены пограничными казаками и заключены подъ стражу. Былъ отправленъ курьеръ къ Его Величеству, и полученъ приказъ судить всѣхъ въ 24 часа и наиболѣе виновныхъ разстрѣлять. Нашъ комендантъ отправился въ рудники и въ точности исполнилъ все, что ему было приказано.

Сухининъ узналъ о приговорѣ, произнесенномъ надъ нимъ, наканунѣ того дня, когда приговоръ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе,—но когда явились за нимъ въ тюрьму, то нашли его мертвымъ: онъ повѣсился на балкѣ, поддерживавшей потолокъ, а веревку ему замѣнилъ ремешокъ отъ кандаловъ. Всѣ остальные приговоренные въ количествѣ 20 человѣкъ были выведены за околицу деревни и здѣсь преданы смерти, но какимъ образомъ! Скомандовали солдатамъ стрѣлять, но ружья у нихъ были старыя и заржавленныя, а сами они, не умѣя цѣлиться, попадали то въ руку, то въ ногу, словомъ, это была поистинѣ мученическая смерть. На другой день комендантъ приказалъ похоронить умершихъ и, когда всѣ разошлись, онъ поклонился каждой могилѣ, прося прощенія. Мы узнали всѣ эти подробности отъ Соловьева и Мозгалевскаго, которыхъ перевели къ намъ. Это повергло насъ въ глубокую печаль. Комендантъ возвратился мрачный и разстроенный, ему всюду видѣлись побѣги и пожары, и онъ торопился окончаніемъ постройки Петровской тюрьмы.

Петровская тюрьма была закончена, и комендантъ приказалъ заключеннымъ готовиться къ отъѣзду. Это переселеніе совершилось пѣшкомъ въ августѣ.

Новая тюрьма построена была въ видѣ подковы съ красной крышей. Видъ ея былъ мрачный: наружу не выходило ни одного окна, такъ что насъ совсѣмъ не обманули, сказавъ, что тюрьма была безъ оконъ. Я забыла вамъ сказать, что изъ Читы всѣ дамы писали графу Бенкендорфу (шефу жандармовъ), прося разрѣшенія жить въ тюрьмѣ,—это намъ было позволено.

Такъ какъ домъ Александрины Муравьевой былъ готовъ, то она поселилась тамъ, но всѣ остальныя дамы устроились на нѣсколько дней въ камерахъ своихъ мужей. Я купила маленькую крестьянскую избушку для моего человѣка и служанки. Я ходила туда одѣваться, мыться и доставляла себѣ удовольствіе проводить ночи подъ тюремными затворами; увѣряю васъ, очень страшно слышать шумъ тюремныхъ замковъ; только черезъ годъ разрѣшили семейнымъ ссыльнымъ жить внѣ тюрьмы. Самое ужасное въ камерахъ было отсутствіе оконъ: цѣлый день у насъ горѣлъ огонь, что очень утомляло зрѣніе.

Каждая изъ насъ, какъ могла лучше, устроила свою тюрьму. Въ нашей камерѣ я обтянула стѣны шелковой матеріей (мои бывшіе занавѣски, присланныя изъ Россіи); у меня были здѣсь клавикорды, шкафъ съ книгами, два диванчика,—словомъ, было почти элегантно. Мы написали графу Бенкендорфу, прося разрѣшенія сдѣлать въ камерахъ окна; это намъ было позволено, но нашъ старый комендантъ, трусливый болѣе чѣмъ когда-либо, вздумалъ устроить ихъ совсѣмъ высоко, подъ самымъ потолкомъ. Мы жили уже въ своихъ домахъ, когда пришло это разрѣшеніе. Заключенные устроили возвышенія у оконъ, чтобы можно было читать.

Постепенно мы начали возвращаться къ обычнымъ условіямъ нашей жизни, на кухнѣ мы больше не работали, такъ какъ для этого у насъ была прислуга, но солдатъ всегда находился при насъ и долженъ былъ вездѣ сопровождать заключеннаго, куда бы онъ ни шелъ, чтобы тотъ не забывалъ, что онъ узникъ. То же самое было и со всѣми семейными.

Въ этомъ 1832 году явился ты на свѣтъ, мой обожаемый Миша [1]), на радость и счастье твоихъ родителей. Я была твоей кормилицей, нянькой и отчасти твоей учительницей, и когда, нѣсколько лѣтъ спустя, Богъ далъ мнѣ Нелли, твою сестру, счастье мое было полное. Мои мысли принадлежали только вамъ, я почти не посѣщала своихъ подругъ. Эта безумная, заполняющая собою каждую минуту любовь принадлежала вамъ обоимъ.

Спустя шесть мѣсяцевъ послѣ твоего рожденія, заболѣла Александрина Муравьева. Вольфъ не выходилъ изъ ея комнаты. Онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы спасти ее, но Богъ судилъ иначе. Ея послѣднія минуты были прекрасны: она продиктовала прощальныя письма своимъ роднымъ и, не желая будить свою четырехлѣтнюю малютку „Ноно“, потребовала ея куклу и поцѣловала вмѣсто нея. Исполнивъ свой христіанскій долгъ, какъ святая, она занялась исключительно своимъ мужемъ, утѣшая и ободряя его. Она умерла на своемъ посту, и эта смерть повергла насъ въ уныніе и глубокую скорбь. Каждая говорила себѣ: „Что ждетъ безъ меня моихъ дѣтей?“

[1]) Записки написаны по просьбѣ сына М. Н.

Такъ начался въ Петровскѣ длинный рядъ лѣтъ, не принося съ собой никакой перемѣны въ нашей судьбѣ. Заключенные, срокъ которыхъ кончался, уѣзжали, увозя съ собой сожалѣнія о тѣхъ, которые оставались.

Тюрьма мало-по-малу пустѣла; по окончаніи срока заключенныхъ увозили и разселяли по Сибири, какъ поселенцевъ. Эта жизнь безъ семьи, безъ друзей, безъ всякаго общества была тяжелѣе, чѣмъ первоначальное заключеніе.

Наконецъ, настала и наша очередь: Вольфъ, Никита и Александръ Муравьевы и мы выѣхали одни за другими, чтобы на почтовыхъ станціяхъ не оставаться безъ лошадей. Мой мужъ заранѣе просилъ, чтобы его поселили вмѣстѣ съ Вольфомъ, — докторомъ и его старымъ товарищемъ по службѣ, я тоже этого очень хотѣла, желая обезпечить своимъ дѣтямъ совѣты этого прекраснаго врача; что же касается мѣста, куда заброситъ насъ судьба, мы совсѣмъ не безпокоились, и Господь сжалился надъ нами: мы были отправлены на поселеніе въ Урикъ — недалеко отъ Иркутска, столицы Восточной Сибири; это была довольно убогая деревушка, но со сноснымъ климатомъ. Мнѣ все казалось хорошо, лишь бы былъ въ случаѣ надобности хорошій врачъ для моихъ дѣтей.

Въ этой же деревнѣ жилъ и Михаилъ Луниннъ, старый товарищъ моего мужа. Не найдя крестьянской избы, пригодной для жилья, такъ какъ всѣ онѣ были заняты другими поселенцами, мы отправились за 8 верстъ отсюда къ моему родственнику Поджіо, который только за годъ передъ этимъ былъ привезенъ изъ Шлиссельбургской крѣпости; онъ былъ счастливъ нашему пріѣзду и принялъ насъ съ распростертыми объятіями, тѣмъ болѣе, что онъ вынесъ восемь съ половиной лѣтъ одиночнаго заключенія въ этой ужасной тюрьмѣ. Въ продолженіе всѣхъ этихъ долгихъ лѣтъ онъ видѣлъ только своего тюремнаго сторожа да изрѣдка коменданта. Онъ былъ въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что происходило за стѣнами тюрьмы, его никогда не выпускали на воздухъ и когда онъ спрашивалъ у часового: „какой сегодня день?“ тотъ ему отвѣчалъ: „не знаю“. Онъ ничего не зналъ ни о Польскомъ возстаніи, ни объ Іюльской революціи, ни о войнахъ съ Персіей и Турціей, ни даже о холерѣ; его часовой умеръ внезапно у его дверей, а онъ и не подозрѣвалъ объ эпидеміи.

Однажды вечеромъ онъ увидѣлъ отраженіе луннаго свѣта на наружной стѣнѣ тюрьмы и ему захотѣлось полюбоваться имъ; онъ влѣзъ въ окну и съ большимъ трудомъ просунулъ голову въ маленькую форточку, съ восторгомъ дыша свѣжимъ воздухомъ и любуясь звѣзднымъ небомъ. Вдругъ онъ слышитъ въ коридорѣ шаги: боясь, какъ бы его не застали въ такомъ положеніи, онъ тащитъ голову обратно, но уши ему мѣшаютъ; наконецъ, послѣ долгихъ усилій и весь исцарапанный, онъ вытащилъ голову, но съ тѣхъ поръ онъ оставилъ подобныя попытки. У него въ тюрьмѣ была такая сырость, что все его платье было пропитано ею, табакъ покрывался плѣсенью; здоровье же было такъ разшатано, что у него выпали всѣ зубы, но онъ просидѣлъ въ одиночной тюрьмѣ только 8 лѣтъ, тогда какъ несчастный Батенковъ былъ въ заключеніи болѣе 20 лѣтъ, не видя никого, даже коменданта. Онъ разучился говорить и, чтобы не лишиться разсудка, читалъ и перечитывалъ Библію, поставивъ себѣ за правило переводить ее мысленно на разные языки: сначала на русскій, на слѣдующій годъ на французскій, затѣмъ на латинскій. По выходѣ изъ тюрьмы оказалось, что онъ совсѣмъ разучился говорить, — ничего нельзя было понять изъ того, что онъ хотѣлъ сказать, даже его письма были непонятны. Способность рѣчи вернулась къ нему мало-помалу. Тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ свое душевное спокойствіе, бодрость духа и необыкновенную доброту; прибавьте сюда силу характера, которую вы въ немъ знаете, и вы поймете, что это былъ за удивительный человѣкъ.

Наша свобода на поселеніи была ограничена: мужчины могли гулять и охотиться въ окрестностяхъ, а дамы — ѣздить въ городъ за покупками. Наши средства были еще болѣе урѣзаны, чѣмъ въ тюрьмѣ. Я получала въ Петровскѣ десять тысячъ рублей ассигнаціями, между тѣмъ какъ въ Урикѣ мнѣ выдавали всего двѣ тысячи. Дабы пополнить это ограниченіе, наши родственники присылали намъ сахаръ, чай, кофе и всякаго рода провизію, а также и одежду.

Никита Муравьевъ проводилъ время въ занятіяхъ и чтеніи. Его мать переслала ему постепенно всю его библіотеку: воспитаніе дочери было самымъ любимымъ его занятіемъ.

Луниннъ велъ уединенную жизнь. Будучи страстнымъ охотникомъ, онъ все лѣто проводилъ въ лѣсахъ и только зимой жилъ дома. Онъ много писалъ, забавляясь тѣмъ, что въ письмахъ къ своей сестрѣ высмѣивалъ правительство. Наконецъ, онъ написалъ свои комментаріи по поводу приговора надъ участниками Польскаго возстанія. Дѣло всплыло наружу, и вотъ однажды, въ полночь, являются двѣнадцать жандармовъ и окружаютъ его домъ, нѣсколько чиновниковъ входятъ, чтобы его

взять; Лунинъ, возвратившись съ охоты, крѣпко спалъ, они же не посмѣялись его разбудить, но при видѣ висѣвшихъ на стѣнѣ ружей и пистолетовъ смутились, и одинъ изъ нихъ не могъ не высказать своего страха. Тогда Лунинъ, обращаясь къ находившемуся возлѣ него жандарму, сказалъ: „Не безпокойтесь, такихъ людей бьютъ, а не убиваютъ“. Ему принадлежитъ также слѣдующая выходка. Во время его пребыванія еще въ Финляндской крѣпости, въ тюрьму явился по обязанностямъ службы генералъ-губернаторъ Закревскій и спросилъ его: „Не желаете ли заявить какихъ-либо претензій?“ Тюрьма была ужасная, потолокъ былъ такъ плохъ, что когда шелъ дождь, вода протекала. Лунинъ отвѣтилъ ему съ улыбкой: „Я вполнѣ доволенъ всѣмъ, мнѣ не хватаетъ только зонтика“.

Лунинъ былъ увезенъ всей этой военной свитой, явившейся за однимъ человѣкомъ, и заключенъ въ Акатуѣ — самой ужасной тюрьмѣ, гдѣ содержались преступники-рецидивисты, совершавшіе убійства и грабежи. Онъ не могъ долго выносить зараженный и сырой воздухъ этой тюрьмы и умеръ здѣсь спустя четыре года. Это былъ человѣкъ большой силы воли, необыкновеннаго ума, веселаго нрава, безграничной доброты и глубоко-религіозный. Его отъѣздъ насъ сильно опечалилъ; я отправила ему книгъ, шоколаду для груди и подъ видомъ лекарствъ чернилъ въ видѣ порошка, а въ немъ нѣсколько стальныхъ перьевъ, такъ какъ у него было все отнято, при чемъ строго было запрещено писать или читать что-либо, кромѣ Библіи.

Я забыла упомянуть, что мы уже давно переселились въ Урикъ, такъ какъ постройка нашего дома продолжалась всего нѣсколько времени. Къ намъ пріѣзжали изъ города, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ Вольфомъ и дѣлали это тѣмъ охотнѣе, что онъ отказывался отъ всякаго вознагражденія.

Вскорѣ мы были страшно напуганы слухомъ, будто наши дѣти будутъ у насъ отняты по повелѣнію Его Величества. Генералъ-губернаторъ Рупертъ прислалъ однажды за моимъ мужемъ, Никитой Муравьевымъ, Трубецкимъ, который жилъ въ деревнѣ въ 30-ти верстахъ отъ насъ, и за всѣми тѣми, кто былъ женатъ. Я тотчасъ же поняла, что дѣло касалось нашихъ дѣтей. Мужчины отправились; невозможно передать тѣ мученія и страданія, которыя я перенесла, пока они не вернулись. Наконецъ, они возвратились, и мужъ, выходя изъ повозки, сказалъ мнѣ: „Твое предчувствіе тебя не обмануло, дѣло касается дѣтей: ихъ хотятъ увезти въ Россію, отнять у нихъ ихъ фамилію и помѣстить въ казенныя учебныя заведенія“. — „Но сказано ли въ приказѣ, чтобы взять ихъ силою?“ — „Нѣтъ, Государь только велѣлъ предложить это ихъ матерямъ“. Услышавъ это, я успокоилась; мое сердце снова наполнилось радостью. Я схватила васъ въ свои объятія и стала душить поцѣлуями. „Нѣтъ, мы не разстанемся, вы не отречетесь отъ имени вашего отца“. Однако, вашъ отецъ колебался въ своемъ отказѣ, думая, что онъ не имѣетъ права помѣшать вамъ возвратиться въ Россію, но это происходило лишь отъ избытка чувствъ къ вамъ. Онъ согласился на мои настоятельныя просьбы и убѣжденія, что, напротивъ, когда-нибудь вы могли бы упрекнуть насъ въ томъ, что мы безъ вашего на то согласія лишили васъ вашего имени. Итакъ, снова воцарилось общее спокойствіе, потому что и товарищи Сергѣя тоже послали отказъ генералъ-губернатору. Этотъ злой человѣкъ, лишь изъ желанія показать свое усердіе къ службѣ, донесъ Его Величеству, что государственные преступники до того закоренѣли въ своихъ преступленіяхъ, что вмѣсто благодарности Его Величеству за его отеческое предложеніе, отнеслись къ нему съ высокомѣріемъ. На самомъ же дѣлѣ нашъ отказъ былъ выраженъ въ самой деликатной формѣ, такъ какъ мы понимали, что, дѣйствительно, лишь движимый добрымъ чувствомъ Государь предложилъ намъ воспитать нашихъ дѣтей на свой счетъ, хотя и съ ограниченіями, вполнѣ выражающими его взглядъ на вещи.

Спустя пять лѣтъ, моему Мишѣ исполнилось 12 лѣтъ. Я постаралась окружить его всѣмъ, что было необходимо для его образованія. Я пригласила въ домъ, между прочимъ, господина Сабинскаго, сосланнаго поляка, прекрасно владѣвшаго французскимъ языкомъ и отдававшаго Мишѣ все время безъ малѣйшаго вознагражденія. Я обратилась съ просьбой разрѣшить мнѣ переѣхать въ Иркутскъ, чтобы дать возможность Мишѣ пройти курсъ гимназическаго образованія. Графъ Орловъ выхлопоталъ мнѣ это разрѣшеніе, и я поселилась въ городѣ. Два раза въ недѣлю мужу было разрѣшено пріѣзжать къ намъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя и совсѣмъ переселиться въ Иркутскъ.

Другіе ссыльные тоже получили разрѣшеніе, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые были поселены недалеко отъ Иркутска. Такъ прошло еще 19 лѣтъ, изъ которыхъ послѣднія восемь никогда не изгладятся изъ моего благодарнаго сердца: генералъ-губернаторомъ былъ уже не Рупертъ, а Николай Муравьевъ — честнѣйшій и даровитѣйшій человѣкъ. Онъ открылъ для

Россіи пользованіе Тихимъ океаномъ въ то время, когда французы и англичане отняли у насъ Черное море. Какъ онъ самъ, такъ и его достойная, прекрасная жена относились къ намъ превосходно. Онъ развивалъ въ тебѣ, Миша, духовныя способности для служенія отечеству и направлялъ тебя на пути терпѣнія и умственнаго труда.

Въ годъ коронованія Императора Александра II мы были всѣ возвращены изъ ссылки, но увы! изъ 121 члена Тайнаго Общества осталось въ живыхъ всего 12 или 15 человѣкъ: остальные умерли или были убиты на Кавказѣ.

Отецъ вашъ, по возвращеніи на родину, былъ встрѣченъ, какъ вы знаете, сердечно, а нѣкоторыми — даже съ восторгомъ.

Бѣдная Каташа умерла за годъ передъ тѣмъ; ее глубоко сожалѣли ея дѣти, друзья и всѣ тѣ, кому она дѣлала добро.

Вашъ отецъ, благороднѣйшій изъ людей, никогда не питалъ злопамятнаго чувства по отношенію къ Императору Николаю, напротивъ,— онъ отдавалъ справедливость его хорошимъ качествамъ, твердости его характера, хладнокровію, проявленному имъ во многихъ обстоятельствахъ жизни; во всякой другой странѣ, говорилъ онъ, онъ также былъ бы подвергнутъ строгому наказанію. На это я ему отвѣчала, что наказаніе не было бы такимъ суровымъ, такъ какъ не приговариваютъ человѣка къ каторжнымъ работамъ, къ одиночному заключенію и къ 30 годамъ ссылки только за его политическія убѣжденія и зато, что онъ былъ членомъ тайнаго общества: вашъ отецъ не принималъ участія ни въ какомъ возстаніи, а если даже въ своихъ собраніяхъ они и говорили о перемѣнѣ образа правленія, то все-таки надо было считаться не со словами, а съ дѣйствіями. Теперь въ Петербургѣ и Москвѣ всюду говорятся гораздо болѣе серьезныя вещи, и все-таки никого за это не арестовываютъ. И если бы мнѣ было позволено высказать свое мнѣніе о событіи 14 декабря и о возстаніи полка Сергѣя Муравьева, я бы сказала, что это было несвоевременно: нельзя поднимать знамя свободы, не имѣя за собой сочувствія ни солдатъ, ни народа, который ничего въ этомъ еще не понимаетъ. И въ будущемъ оба эти возмущенія будутъ разсматриваться не иначе, какъ совершенно отдѣльныя, ничѣмъ не связанныя другъ съ другомъ, событія".

Старая Москва.

[9(47.31)]

Сто лѣтъ назадъ Грибоѣдовъ вмѣстѣ со своимъ Чацкимъ, мысленно озирая Москву *недавняго* для него прошлаго, воскликнулъ: „Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!" Когда читаешь мемуары нынѣшнихъ московскихъ старожиловъ, вообще воспоминанія о московской жизни, не такъ давно отошедшей въ исторію, и московскихъ людяхъ, еще совсѣмъ недавно сошедшихъ со сцены, — отъ этихъ „свѣжихъ преданій" получается вотъ такое же впечатлѣніе маловѣроятности.

Въ послѣднихъ книжкахъ „Ист. Вѣст." Н. Слоновъ разсказалъ многое „изъ жизни торговой Москвы" 60—70-хъ годовъ. Нѣсколько раньше Н. В. Давыдовъ въ своей книгѣ „Изъ прошлаго" собралъ все, что уцѣлѣло въ его памяти о нашей Первопрестольной того же приблизительно періода. Нѣкоторыя сообщаемыя имъ подробности быта тогдашней, „патріархальной", Москвы интересны не только для историка.

Среди московскаго населенія пользовался тогда большой популярностью полицеймейстеръ Огаревъ. Изъ приказовъ Огарева особенно былъ извѣстенъ слѣдующій: онъ приказалъ, чтобы въ каждой будкѣ на столѣ лежала книга, въ которой должны расписываться квартальные во время ночныхъ обходовъ. Но такъ какъ въ то время на улицахъ не было такого движенія и суеты, какъ теперь, и вообще нравы были проще, то квартальные обходы дѣлали очень рѣдко, предпочитая имъ спокойный сонъ. Взамѣнъ ночныхъ обходовъ будочники ежедневно утромъ приносили книги для подписи въ околотокъ.

Про эти продѣлки квартальныхъ узналъ Огаревъ и приказалъ находящіяся въ будкахъ книги припечатать къ столамъ. Но это нисколько не измѣнило дѣла. Послѣ этого приказа можно было видѣть на московскихъ улицахъ будочниковъ со столами на головахъ... Будочники такимъ образомъ представляли въ околотокъ припечатанныя къ столамъ книги для подписи начальства...

Днемъ будочники терли нюхательный табакъ и для большей крѣпости подсыпали въ него толченое стекло. Любителей этого табаку находилось много, и будочники торговали имъ довольно бойко...

Но самымъ главнымъ московскимъ „отпечаткомъ" были московскія мостовыя. Это было нѣчто невозможное. Вымощенныя крупнымъ булыжникомъ, всегда грязныя и пыльныя, съ большими ямами, а зимой глубокими ухабами,

онѣ всегда были египетскою казнью москвичей. На нихъ часто происходили аваріи, калѣчились лошади, ломались экипажи... Часто страдали и сѣдоки, ломая себѣ руки и ноги... На этихъ удивительныхъ мостовыхъ долгое время были „притчей во языцѣхъ“ московскіе извозчики, одѣтые въ грязные и рваные зипуны. Они слѣзали съ козелъ, становились кучками у тротуаровъ и зазывали къ себѣ сѣдока. Найдя такового, они бросались на него толпой и съ оглушительнымъ крикомъ: „пажа... пажа“... хватали сѣдока за руки и каждый тащилъ къ своему экипажу.

Особой назойливостью отличались извозчики, стоявшіе у вокзаловъ, тамъ они пассажировъ и ихъ багажъ буквально рвали на части...

Въ то время центральныя улицы Москвы освѣщались керосиновыми фонарями, а на окраинахъ и въ глухихъ переулкахъ горѣли подслѣповатые масляные фонари; зажигать и чистить ихъ лежало на обязанности пожарныхъ, которые большую часть конопляпаго масла (довольно плохого), отпускавшагося имъ для освѣщенія, съѣдали съ кашей. Вслѣдствіе этого рѣдко поставленные масляные фонари, ночью едва мигавшіе на темныхъ улицахъ, рано гасли, и улицы съ переулками погружались въ кромѣшную тьму.

Легко представить себѣ поэтому, какой дурной славой пользовались нѣкоторыя мѣстности „Бѣлокаменной“ въ вечернюю и ночную пору, особенно площади. Тамъ, гдѣ теперь Нарышкинскій скверъ, примыкающій къ Страстному бульвару, въ тѣ годы существовала еще Сѣнная площадь. Иногда при наступившей темнотѣ — даже еще не поздно вечеромъ — съ этой площади доносились крики: „караулъ! грабятъ!“ Болѣе храбрые изъ мѣстныхъ обывателей выбѣгали на площадь, менѣе же мужественные ограничивались тѣмъ, что отворяли форточки и возможно внушительнѣе и громче возглашали: „идемъ!..“

Что касается спеціально „торговой“ Москвы описываемыхъ десятилѣтій, она представляла особенно много курьезовъ. Вѣдь это были времена Островскаго...

Центръ тогдашней торговой Москвы — старый Гостиный дворъ. Зимой въ сильные морозы хозяева весь день сидѣли въ трактирѣ, а мерзнуть въ лавкахъ великодушно предоставляли приказчикамъ и мальчикамъ. Тѣ для согрѣванія себя протягивали по рядамъ толстые канаты: ихъ тянули съ крикомъ въ разныя стороны и этимъ согрѣвались.

Многіе небогатые купцы не имѣли ни приказчика, ни мальчика, но въ трактиръ ходили аккуратно каждый день по два раза и сидѣли тамъ довольно долго. Уходя въ трактиръ, купецъ не запиралъ лавку и даже не затворялъ ее, а просто ставилъ поперекъ дверей метлу и уходилъ спокойно. Если въ его отсутствіе приходилъ покупатель, то, увидѣвъ въ дверяхъ метлу, онъ безропотно уходилъ обратно, оставляя покупку до другого раза.

Изъ купеческихъ трактировъ славилось заведеніе Бубнова со своей достопримѣчательностью, „Бубновской дырой“, куда приходилось спускаться по узкой лѣстницѣ въ двадцать ступеней.

Помѣщеніе „Дыры“ состояло изъ большого подвала съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ, безъ оконъ, перегороженное тонкими деревянными перегородками на маленькія отдѣленія, похожія на пароходныя каюты. Въ каждомъ такомъ отдѣленіи, освѣщенномъ газовымъ рожкомъ, стоялъ посреди столъ съ залитой виномъ грязной скатертью и кругомъ его четыре стула. Другой мебели тамъ не было. Въ этихъ темныхъ, грязныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ ежедневно съ самаго ранняго утра и до поздней ночи происходило непробудное пьянство купцовъ... Эти „троглодиты“ безъ воздуха и свѣта чувствовали себя тамъ прекрасно, потому что за отсутствіемъ женщинъ тамъ можно было говорить, пѣть, ругаться и кричать громко и откровенно о самыхъ интимныхъ и щекотливыхъ предметахъ. Тамъ кричали всѣ. Поэтому, за общимъ шумомъ и гвалтомъ, невозможно было понять не только разговаривающихъ за тонкой перегородкой, но и сидящихъ рядомъ съ вами.

Иные „бубновскіе прихожане“, въ теченіе долгихъ лѣтъ, выпивали тамъ ежедневно по пятидесяти-шестидесяти рюмокъ вина и водки... Отъ винныхъ испареній и табачнаго дыма атмосфера „въ дырѣ“ была похожа на лондонскій туманъ, въ которомъ на разстояніи трехъ шаговъ ничего нельзя видѣть. Въ „Бубновской дырѣ“ нѣкоторые купцы ухитрялись пропивать цѣлыя состоянія.

Для купцовъ существовало еще одно довольно оригинальное учрежденіе — подъ названіемъ „Яма“, куда сажали несостоятельныхъ должниковъ.

Само собою разумѣется, что своихъ постояльцевъ „Яма“ вербовала больше всего среди завсегдатаевъ „Дыры“. Попадали послѣдніе въ „Яму“ тѣмъ скорѣе и легче, что „дыра“-то, куда исчезали купеческіе доходы, оказывалась частенько не простая, а двойная: „Дыра“ тамъ, у Бубнова, и въ то же время „дыра“ у себя, въ выручкѣ. Г. Слоновъ описываетъ одну такую двойную жертву „Дыры“ — чудака-торговца Ватракова, ежедневно съ утра заби-

равшагося въ Зубовское подземелье, откуда онъ возвращался уже подъ вечеръ красный, какъ вареный ракъ... Входя въ лавку, онъ громко спрашивалъ приказчиковъ: „Что, продавали?“ Старшій приказчикъ отвѣчалъ: „Продавали-съ“. Купецъ шелъ за прилавокъ къ „выручкѣ“, отворялъ пустой ящикъ... „А гдѣ же деньги?“ — „Да вѣдь продавали, да не продали-съ“... Купецъ молча подходилъ къ приказчику и что-то долго и внушительно шепталъ ему въ ухо...

Очень типиченъ былъ иконный рядъ въ Гостиномъ дворѣ. Одну половину его занимали иконныя лавки, а другую—бабы... торговавшія въ маленькихъ шкапчикахъ ручными кружевами.

Въ иконныхъ лавкахъ иконы не продавались, а „вымѣнивались“... Это дѣлалось такимъ образомъ. Покупатель, входя въ лавку, говорилъ:

— Я бы желалъ вымѣнять икону.

Продавецъ въ отвѣтъ на это быстро снималъ съ своей головы картузъ и клалъ его тутъ же на прилавокъ.

Покупатель слѣдовалъ примѣру продавца и стоялъ также съ непокрытой головой.

Икона выбрана. Покупатель спрашиваетъ:

— Сколько стоитъ вымѣнять икону?

Купецъ назначалъ за нее баснословную цѣну.

Начинался торгъ. Для большей убѣдительности продавецъ говорилъ, что назначилъ цѣну божескую, потому что за иконы торговаться грѣшно... Покупатель съ нимъ соглашался и покупалъ икону за „божескую цѣну“.

Иконы вымѣнивали большею частью рогожскіе и замоскворѣцкіе купцы. Болѣе интеллигентные покупатели не соглашались съ „божескими цѣнами“, назначаемыми купцомъ. Просили его покрыть голову картузомъ и взять за иконы половину „божеской“ цѣны.

Купцы и приказчики, торговавшіе иконами, были всѣ поголовно ярыми алкоголиками. Они въ „Зубовской дырѣ“ считались самыми почетными гостями и пользовались особымъ уваженіемъ.

***

Патріархальная Москва имѣла и своего патріархальнаго газетнаго дѣльца — Н. И. Пастухова съ его „Листкомъ“. На современномъ языкѣ пресса того пошиба, которому у насъ далъ ходъ покойный Пастуховъ, зовется „желтой“, „бульварной“. Но къ старой Москвѣ эти названія какъ-то не идутъ, и „Московскій Листокъ“ перваго періода, когда въ немъ принималъ ближайшее участіе самъ шефъ, лучше всего опредѣлить какъ „патріархальную“ газету.

Въ ноябрьской кн. „Ист. Вѣст.“ въ очеркѣ М. Шевлякова набросанъ портретъ этого оригинальнаго редактора-издателя, сумѣвшаго изъ сидѣльца винной лавки превратиться, — подъ начальнымъ руководствомъ знаменитаго московскаго „златоуста“ О. П. Плевако, тогда скромнаго студентика,—въ газетнаго туза-милліонера.

Какъ въ домашней жизни, такъ и въ обращеніи съ людьми Пастуховъ былъ необычайно патріархаленъ. Богатствомъ не кичился, былъ простъ и доступенъ, со всѣми говорилъ на „ты“ и называлъ всѣхъ пріятелями.

Дома онъ не обѣдалъ, не ужиналъ и очень любилъ ресторанную жизнь. Сначала онъ проводилъ дни въ тѣстовскомъ трактирѣ, затѣмъ перешелъ въ Большую Московскую, а подъ конецъ жизни водворился въ „Метрополѣ“,—и всюду у него былъ свой собственный „пастуховскій столъ“, въ уголкѣ общей залы.

Всѣ свои дѣловыя и пріятельскія свиданія Пастуховъ неизмѣнно назначалъ въ трактирѣ, гдѣ къ его столу иногда подсаживались люди совсѣмъ мало знакомые съ нимъ, но тѣмъ не менѣе встрѣчавшіе съ его стороны радушное угощеніе. Случалось, что въ отсутствіе Пастухова къ его столу примащивались совершенно никому неизвѣстныя лица и заявляли офиціантамъ:

— Я къ Николаю Ивановичу... Скоро онъ будетъ?

— Да неизвѣстно... можетъ быть, черезъ часъ, а можетъ быть, черезъ два...

— Ну, такъ я подожду... дайте-ка мнѣ ухи да растегайчиковъ...

Наѣдятся, напьются и уйдутъ, никѣмъ не безпокоенные, потому что Пастуховымъ разъ навсегда былъ отданъ приказъ „ничего не получать за требуемое на его столъ съ кого бы то ни было“. Ну, и пользовались тѣ, кому былъ извѣстенъ этотъ размахъ издателя „Московскаго Листка“.

Пастуховъ, несмотря на свою наружную угрюмость, любилъ общество, и его изо дня въ день окружала толпа, въ особенности въ трактирѣ, гдѣ обѣдъ тянулся по нѣсколько часовъ, потому что контингентъ обѣдающихъ съ нимъ мѣнялся по нѣсколько разъ. Одни уходятъ, другіе приходятъ. Счета ему подавались разъ въ мѣсяцъ и были колоссальными по размѣрамъ, несмотря даже на скидку, которая ему дѣлалась „изъ уваженія“.

А вечеромъ, послѣ театра или игры въ стуколку гдѣ-нибудь въ гостиничномъ номерѣ, онъ чаще всего посѣщалъ „Яръ“, въ Петровскомъ

паркѣ, гдѣ у него былъ также свой „пастуховскій столъ“, за которымъ его уже поджидалъ кто-нибудь изъ знакомыхъ, уже угощавшійся за его счетъ. И такую жизнь Пастуховъ велъ изо дня въ день, пока сидѣлъ въ Москвѣ, несмотря на то, что отживалъ девятый десятокъ лѣтъ. Выносливъ былъ и крѣпокъ.

Пастуховъ былъ щедръ, никакими расходами не стѣснялся, но въ мелочахъ былъ потѣшно скупъ. Если, бывало, ѣхалъ на извозчикѣ, то любилъ, чтобы съ извозчикомъ расплатился второй сѣдокъ. Въ угощеніи чаемъ видѣлъ къ себѣ „уваженіе“. Поэтому, при частыхъ своихъ посѣщеніяхъ московскихъ театровъ, гдѣ обыкновенно сидѣлъ въ ложѣ, антрепренеры въ аванложѣ, а если таковой не было, то въ конторѣ сервировали чай и непремѣнно съ самоваромъ, за которымъ онъ въ антрактахъ благодушествовалъ. Такимъ путемъ антрепренеры пріобрѣтали въ „Московскомъ Листкѣ“ благопріятныя рецензіи. Къ этому „уваженію“ Пастуховъ относился чутко. Если же владѣлецъ театра не успѣвалъ сдѣлать этого въ сущности весьма невиннаго подкупа, Пастуховъ могъ осерчать и сейчасъ же отдавалъ по редакціи приказъ „ругать“. Правда, эти размолвки не были продолжительными, а антрепренеры находили способъ примириться съ нимъ очень скоро, тѣмъ болѣе, что Пастуховъ былъ отходчивъ и незлопамятенъ. Но зато антрепренерамъ матеріально расходоваться на рецензентовъ „Московскаго Листка“ не приходилось, потому что „Николай Ивановичъ“ за этимъ слѣдилъ строго и взяточничества не терпѣлъ.

Но однажды между Пастуховымъ и содержателемъ цирка Соломонскимъ была вражда очень продолжительная.

Былъ отданъ приказъ ругать циркъ во-всю. И ругали его долго, методически.

Соломонскій оказался упорнымъ и не шелъ мириться съ Пастуховымъ. Очевидно, систематическая травля „Московскаго Листка“ не вредила его дѣламъ. Тогда Пастуховъ выступилъ самъ.

Зашелъ въ редакцію и съ упрекомъ сказалъ сотрудникамъ:

— Чтобы отвадить публику отъ цирка, надо вотъ какъ писать.

И сдалъ въ типографію такую краткую, но выразительную замѣтку:

„Въ циркъ Соломонскаго ходить нельзя, потому что тамъ падаютъ кирпичи на голову зрителей“.

И это оказалось такимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ, что Соломонскій дня черезъ два прибѣжалъ къ Пастухову заключать миръ.

Конечно, паденіе кирпичей было опровергнуто, а свалился-де съ потолка, гдѣ была прикрѣплена трапеція, маленькій кусочекъ известки...

Пастуховъ былъ „газетчикомъ“, какъ говорится, съ ногъ до головы. Всего больше цѣнилъ онъ у себя въ „Московскомъ Листкѣ“ отдѣлъ происшествій, съ котораго начиналъ свою газетную карьеру, и хорошаго репортера всегда предпочиталъ самому талантливому фельетонисту. А корреспонденціи съ нижегородской ярмарки считалъ до того важнымъ репортажемъ, что даже не находилъ людей, которымъ можно было бы довѣрить этотъ исключительный репортажъ, и поэтому на открытіи ярмарки всегда, изъ года въ годъ, присутствовалъ лично. Ярмарка эта была его главнымъ „литературнымъ пунктомъ“. Въ іюлѣ онъ весь уходилъ въ нее, жилъ ея интересами и былъ убѣжденъ, что дѣлаетъ чуть ли не историческое дѣло, снабжая свою газету телеграммами и обширными письмами о ней, при чемъ за корреспонденціи эти онъ самъ съ себя бралъ гонораръ, имъ же себѣ назначенный. Въ редакціонной конторѣ должны были тщательно подсчитывать его строчки и производить съ нимъ расчетъ, какъ съ посторонникомъ сотрудникомъ. Въ гонорарный день онъ официально являлся въ контору, получалъ свою построчную плату и кряхтѣлъ, что по старости сталъ мало зарабатывать. Время отъ времени онъ производилъ себя въ „заслуженнаго“ и накидывалъ себѣ по нѣсколько копеекъ на строчку.

— Пастуховъ вотъ уже двадцать пять лѣтъ пишетъ въ „Московскомъ Листкѣ“,—отдавалъ онъ приказъ въ конторѣ:—накиньте пятачокъ на строчку.

И къ вящшему его удовольствію, „старѣйшему сотруднику“ гонораръ повышался.

Возможны ли межпланетныя путешествія.

[629]

Нѣкоторые экономисты пугаютъ человѣчество возможностью того, что когда-нибудь ему станетъ слишкомъ тѣсно на своей планетѣ и „борьба за существованіе“ приметъ ужаснѣйшіе размѣры. Слѣдуетъ ли опасаться такого критическаго будущаго въ исторіи человѣчества, пока неизвѣстно, но что уже и сейчасъ „тѣсно“ на землѣ и въ земной атмосферѣ отдѣльнымъ человѣческимъ „я“, человѣческой фантазіи, творческой мысли „дерзающей личности“—это мы знаемъ. И видимъ, какъ все чаще и настойчивѣе эта дерзающая ненасытная мысль

работаетъ въ одномъ и томъ же направленіи — сдѣлать человѣка хозяиномъ не только земной планеты, но и вселенной, хозяиномъ тѣхъ загадочныхъ міровъ, которые своимъ манящимъ свѣтомъ приковываютъ къ себѣ въ ночномъ мракѣ наши взоры.

То здѣсь, то тамъ, одинъ за другимъ, начинаютъ появляться „безумцы", которые вполнѣ серьезно отдаются этой властной тягѣ къ „мірамъ инымъ" (Читатели „Бюллетеней" вспомнятъ объ оригинальнѣйшемъ изъ русскихъ умовъ, Н. О. Федоровѣ, и англичанинѣ Фурнье Дальбъ, — см. №№ 7 и 14 за 1912/3 г.). Нѣкоторые идутъ дальше и дальше въ своемъ дерзаніи: уже подумываютъ о реализаціи смѣлой мечты — уже изыскиваютъ подходящія средства сообщенія. Даже ставятъ уже вопросъ о „вселенской добывающей промышленности", даже загадываютъ (какъ, напр., одинъ изъ французскихъ авторитетовъ воздухоплаванія) о „межпланетныхъ конгрессахъ", которые будутъ созываться „черезъ нѣсколько вѣковъ"...

Я. Перельманъ, читавшій въ Петербургѣ, на общемъ собраніи Общество любителей міровѣдѣнія, докладъ на тему „о межпланетныхъ путешествіяхъ", помѣстилъ извлеченія изъ этого доклада въ „Совр. Сл." (№ 2119). Статья его настолько любопытна, что мы передаемъ ее цѣликомъ.

„Суждено ли намъ когда-нибудь совершать путешествія на иныя планеты, или мы навсегда останемся плѣнниками земного шара?—спрашиваетъ авторъ. — Лѣтъ двѣсти-триста тому назадъ, когда воздухоплаваніе было только заманчивой грезой, этотъ вопросъ казался тѣсно связаннымъ съ проблемой летанія по воздуху. Но вотъ мы уже путешествуемъ по воздуху, перелетаемъ черезъ рѣки, горные хребты, пустыни, моря, скоро, вѣроятно, перелетимъ черезъ океанъ, — а вопросъ о полетахъ въ бездны мірового пространства остается попрежнему неразрѣшеннымъ.

Оно и понятно: вѣдь это двѣ совершенно различныя проблемы.

Съ точки зрѣнія механики, между движеніемъ аэроплана и, напримѣръ, парохода или паровоза нѣтъ большой разницы: колеса паровоза отталкиваются отъ рельсовъ, винтъ парохода — отъ воды, а пропеллеръ аэроплана отталкивается отъ воздуха. Но въ міровомъ пространствѣ нѣтъ воздуха, нѣтъ вообще никакой среды, на которую могъ бы опираться движущій снарядъ. Поэтому, чтобы осуществить межпланетныя путешествія, техника должна разрѣшить совершенно особую задачу — передвигаться, не имѣя никакой опоры въ окружающей средѣ.

Разрѣшима ли эта задача? Можетъ ли современная наука указать путь къ ея разрѣшенію? И не намѣчается ли уже теперь — хотя бы въ фантазіяхъ романистовъ — форма осуществленія этой мечты, въ далекомъ будущемъ, когда первые небесные дирижабли прорѣжутъ пустыни міровыхъ пространствъ и перенесутъ земныхъ туристовъ на луну, на планеты, въ область другихъ звѣздъ-солнцъ?..

Чародѣй Жюль Вернъ весьма остроумно рѣшилъ эту задачу — по крайней мѣрѣ, въ фантазіи. Вы помните, конечно, какъ онъ посадилъ въ огромное пушечное ядро пассажировъ, зарядилъ этимъ ядромъ исполинскую пушку и выстрѣломъ отправилъ своихъ героевъ на луну... Геніальный фантастъ, придумавшій свой электрическій „Наутилусъ" еще тогда, когда не было ни подводныхъ лодокъ, ни электро-двигателей, романистъ, провидѣвшій воздушные управляемые корабли задолго до „Цеппелиновъ" и „Грандовъ", — не указываетъ ли намъ и здѣсь на плодотворную идею, заслуживающую вниманія техники?

Остановимся немного на смѣломъ проектѣ Жюля Верна и попробуемъ разобраться, что въ немъ исполнимо и что является неосуществимой мечтой. Читатели Жюля Верна склонны думать, что фантастична здѣсь самая возможность перебросить предметъ съ Земли на Луну; все остальное не вызываетъ уже у нихъ сомнѣній. Но это не такъ. Идея отправить ядро на Луну — насколько не утопична. Легко вычислить, что всякій предметъ, покидающій земную поверхность со скоростью болѣе восьми верстъ въ секунду, никогда уже не упадетъ на землю. Наши современныя пушки обладаютъ силою взверженія въ десять разъ меньшей. Но это уже вопросъ техническій. Завтра химики могутъ напасть на соединеніе, обладающее взрывчатой силой вдесятеро большей, чѣмъ пироксилинъ — и тогда ничто не помѣшаетъ намъ наполнить міровое пространство пушечными ядрами, посылать стальныя издѣлія Круппа на Луну, на Марсъ и т. д. А если бы напряженіе тяжести на земномъ шарѣ было всего въ десять разъ слабѣе, нежели теперь, то мы бы уже и сегодня могли отправлять ядра и пули на иныя планеты. Среди свѣтилъ нашей солнечной системы есть много такихъ, гдѣ идею Жюля Верна вполнѣ возможно осуществить, пользуясь нашими обыкновенными пушками.

Но какъ обстоитъ дѣло съ пассажирами? Участь ихъ недаромъ безпокоила Жюля Верна. И знаете, какой моментъ небеснаго путешествія долженъ быть для нихъ самымъ опаснымъ? Моментъ выстрѣла, моментъ отправленія въ путь; точнѣе говоря, — та ничтожная доля секунды, въ теченіе которой ядро-вагонъ будетъ

скользить по каналу орудія. Мистеръ Барбикенъ—одинъ изъ трехъ Жюль-Верновыхъ пассажировъ — предупреждалъ своихъ товарищей, что моментъ, когда ядро полетитъ, будетъ для нихъ совершенно такъ же опасенъ, какъ если бы они находились не внутри ядра, а впереди его. Барбикенъ вполнѣ правъ: съ точки зрѣнія механики совершенно безразлично, ударитъ ли пассажировъ наружная часть снаряда или нижняя площадка вагона-ядра. Эффектъ долженъ получиться одинъ и тотъ же, и напрасно Жюль Вернъ думалъ, что обезопаситъ своихъ героевъ, если снабдитъ ядро водяными или пружинными буферами. Расчетъ показываетъ, что никакими ухищреніями немыслимо ослабить ударъ настолько, чтобы сдѣлать его безопаснымъ для жизни пассажировъ. Въ теченіе нѣсколькихъ сотыхъ долей секунды скорость пассажировъ должна возрасти отъ нуля до пятнадцати верстъ. Такое быстрое нарастаніе скорости выразится въ томъ, что пассажиры будутъ съ неимовѣрной силой придавливаться къ полу своей каюты; они словно станутъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ разъ тяжелѣе и, конечно, должны быть раздавлены своимъ собственнымъ вѣсомъ. (Вспомнимъ хотя бы, что цилиндръ мистера Барбикена въ эти роковыя мгновенія будетъ вѣсить не менѣе 1.000 пудовъ).

Чтобы избѣжать такого быстраго и опаснаго нарастанія скорости, необходимо удлинить путь ядра въ каналѣ орудія. Расчетъ показываетъ, однако, что только 600-верстная пушка можетъ отправить пассажировъ въ путь живыми, — да и то, если мы сможемъ какъ-нибудь удалить атмосферу, черезъ которую столь быстро несущееся ядро должно пролетать какъ черезъ твердую массу. Какъ видимъ, приходится оставить этотъ заманчивый проектъ.

Соперникъ и литературный замѣститель Жюля Верна — Гербертъ Уэльсъ — также фантазировалъ на эту тему. Въ остроумномъ романѣ „Первые люди на Лунѣ“ онъ предлагаетъ такой проектъ межпланетныхъ путешествій. Надо изобрѣсти вещество, которое было бы столь же непроницаемо для силы притяженія, какъ непрозрачныя тѣла непроницаемы для свѣта. Тогда, защитивъ себя отъ земного притяженія слоемъ этого вещества, нетрудно было бы перелетѣть на Луну или вообще на любую планету. Ту же идею—объ изобрѣтеніи вещества, избавляющаго отъ тяготѣнія — высказалъ и Курдъ Лассвицъ (нѣмецкій философъ и физикъ) въ извѣстномъ романѣ „На двухъ планетахъ“. Ходъ мыслей у обоихъ фантастовъ нѣсколько различный,— но оба сходятся въ одномъ: что путешествія по небеснымъ пространствамъ станутъ легко осуществимы, если люди найдутъ вещество, которое не подвержено силѣ тяготѣнія.

Быть можетъ, въ идеѣ такого вещества и нѣтъ ничего невозможнаго, но ставить разрѣшеніе интересующей насъ проблемы въ зависимость отъ подобнаго гипотетическаго открытія — значитъ обречь себя на неопредѣленно долгое ожиданіе.

Для умовъ практическихъ, вѣроятно, болѣе интересенъ слѣдующій проектъ, основанный на использованіи силы такъ называемаго „свѣтового давленія“. Недавно русскій ученый П. Н. Лебедевъ доказалъ опытнымъ путемъ, что лучи свѣта, падая на тѣло, всегда оказываютъ на него извѣстное давленіе. Освѣщая земной шаръ, обливая его потоками свѣта, солнце въ то же время и отталкиваетъ его отъ себя давленіемъ свѣтовыхъ лучей. Для массивной планеты, какъ наша Земля, сила этого свѣтового отталкиванія, хотя и измѣряется милліонами пудовъ, но въ билліоны разъ слабѣе притяженія, и потому Земля какъ бы не чувствуетъ его. Но для очень мелкихъ тѣлъ, масса которыхъ ничтожна, отношеніе свѣтового давленія къ притяженію выражается уже болѣе крупной дробью. Доказано, что мельчайшія пылинки отталкиваются свѣтомъ сильнѣе, нежели притягиваются солнцемъ и планетами; онѣ могутъ поэтому носиться по міровымъ безднамъ, вопреки силѣ тяжести. Мельчайшія бактеріи и ихъ зародыши легко могутъ покидать нашъ земной шаръ, чтобы, подталкиваемыя солнечными лучами, мчаться въ межпланетныя и межзвѣздныя пустыни.

Не можетъ ли и человѣкъ воспользоваться этой силой? Нельзя ли, напримѣръ, снабдить легкій вагонъ большимъ зеркаломъ, которое, подъ давленіемъ солнечныхъ лучей, покинуло бы землю и увлекло съ собою пассажировъ? Увы—нѣтъ: самое тонкое зеркало (въ $^1/_{10.000}$ долю миллиметра—толщина тончайшихъ золотыхъ листковъ) должно было бы имѣть поверхность въ нѣсколько верстъ, чтобы увлечь съ собой вагонъ съ людьми. Да и едва ли кто рискнулъ бы воспользоваться межпланетнымъ вагономъ, который мчится съ возрастающей скоростью и котораго мы не въ силахъ остановить...

Въ сторонѣ отъ всѣхъ фантастическихъ проектовъ стоитъ идея, высказанная нашимъ извѣстнымъ теоретикомъ воздухоплаванія — К. Э. Ціолковскимъ. Здѣсь передъ нами уже не измышленіе романиста, а научно разработанная и глубоко продуманная техническая идея, высказанная вполнѣ серьезно. К. Э. Ціолковскій указываетъ на единственный реальный путь осуществленія межпланетныхъ путешествій. Принципъ, на который опирается его проектъ—

это давно извѣстный, но еще почти не использованный техникой принципъ реакціи, отдачи (появляющійся, напримѣръ, при стрѣльбѣ). На этомъ основано устройство ракетъ—и межпланетный дирижабль Ціолковскаго, въ сущности, не что иное, какъ огромная ракета.

Отчего ракета взлетаетъ вверхъ? Ошибочно думать, что ракета летитъ, подобно пулѣ, или что она „отталкивается отъ воздуха вытекающими изъ нея газами“. Въ томъ-то и дѣло, что полетъ ракеты нисколько не зависитъ отъ воздуха и вообще отъ окружающей среды. Газы, образующіеся при сгораніи пороха въ трубкѣ ракеты, стремительно вытекаютъ внизъ, — а сама ракета силою реакціи (отдачи) отбрасывается въ обратномъ направленіи, т.-е. вверхъ. Въ абсолютной пустотѣ ракета бы взлетѣла на еще большую высоту, такъ какъ воздухъ, вслѣдствіе тренія, только мѣшаетъ ея полету. Если вы вообразите себѣ ракету колоссальныхъ размѣровъ, съ камерой для людей, могущихъ по желанію регулировать истеченіе газовъ — вы получите наглядное представленіе объ управляемомъ небесномъ снарядѣ Ціолковскаго.

Преимущества такого снаряда очевидны. Во-первыхъ, онъ въ полномъ смыслѣ слова управляемъ, ибо, регулируя скорость и направленіе истеченія газовъ, пассажиры могутъ по желанію измѣнять быстроту и направленіе своего движенія. Во-вторыхъ, нарастаніе скорости происходитъ здѣсь не внезапно (какъ въ ядрѣ Жюля Верна), а постепенно, по мѣрѣ истеченія газовъ, — такъ что пассажирамъ не грозитъ опасность быть раздавленными собственнымъ вѣсомъ.

Ціолковскій разрабатываетъ свой проектъ уже болѣе 20-ти лѣтъ. Правда, онъ еще настолько далекъ отъ практическаго осуществленія, что не вылился даже въ конкретную форму, но принципъ указанъ совершенно правильно. Любопытно, что извѣстный французскій авіаторъ и конструкторъ, инженеръ Эсно Пельтри, недавно выступилъ въ Парижѣ съ докладомъ о возможности достичь луны на аппаратѣ, основанномъ именно на этомъ принципѣ. Очевидно, идея реактивнаго прибора для межпланетныхъ путешествій въ наши дни, какъ говорятъ, „носится въ воздухѣ“.

Главное и, пожалуй, даже единственное препятствіе къ немедленному осуществленію реактивнаго небеснаго дирижабля — это отсутствіе достаточно сильнаго взрывчатаго вещества. Мы еще не знаемъ источника, который при современномъ состояніи техники способенъ былъ бы развить силу, достаточную для движенія такой огромной ракеты [1]). Но вспомнимъ, что въ такомъ же положеніи были всего четверть вѣка тому назадъ первые піонеры авіаціи: принципъ летанія былъ указанъ правильно, и остановка была лишь за достаточно могучимъ двигателемъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что не сегодня - завтра будетъ найденъ необходимый источникъ энергіи — двигатель будущихъ небесныхъ дирижаблей. Тогда заманчивая мечта о достиженіи иныхъ міровъ, о путешествіи на луну, на Марсъ или Сатурнъ превратится, наконецъ, въ реальную дѣйствительность. Воздухъ, необходимый для дыханія, нетрудно будетъ взять съ собой (въ видѣ хотя бы жидкаго кислорода), точно такъ же, какъ и аппараты для поглощенія выдыхаемой углекислоты. Точно такъ же, конечно, вполнѣ мыслимо снабдить небесныхъ путешественниковъ достаточнымъ запасомъ пищи, питья и т. п. Съ этой стороны едва ли могутъ представиться серьезныя препятствія для путешествія, напримѣръ, на луну, а со временемъ — и на планеты.

Итакъ, если намъ суждено когда - нибудь вступить въ непосредственное сообщеніе съ другими планетами, включить ихъ въ сферу своей добывающей промышленности, быть можетъ, даже колонизовать иные міры, если астрономія превратится когда-нибудь въ „небесную географію и геологію“,—словомъ, если земному человѣчеству суждено вступить въ новый „вселенскій“ періодъ своей исторіи, то осуществится это, всего вѣроятнѣе, при помощи исполинскихъ ракетъ и вообще реактивныхъ приборовъ. Это единственное намѣчающееся въ настоящее время практическое разрѣшеніе проблемы межпланетныхъ путешествій“.

Дадимъ понятіе о скорости, съ какой долженъ летѣть „межпланетный дирижабль“, чтобы „оторваться“ отъ земной атмосферы (заимствуемъ изъ дополнительное свѣдѣніе изъ „Daily News“). аппарату необходимо развить скорость, при которой можно было бы обогнуть нашу планету въ 66 минутъ, а путь отъ Петербурга до Москвы совершить въ одну минуту... Путешествіе же на луну заняло бы 49 часовъ.

[1]) К. Э. Ціолковскій указываетъ, какъ на возможный источникъ энергіи для его „Ракеты“, на перегрѣтый водяной паръ, образующійся при смѣшеніи жидкихъ кислорода и водорода; запасъ этихъ веществъ на снарядѣ долженъ быть очень значителенъ. ЭсноПельтри указываетъ на радій, таящій въ себѣ огромный источникъ энергіи, который надо лишь научиться освобождать въ теченіе нѣсколькихъ минутъ (нормально вся эта энергія радія освобождается въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій). Надѣется на радіоактивныя вещества и самъ Ціолковскій. Однако, потребныя для этого количества радія такъ огромны (исчисляются фунтами и даже пудами!), что едва ли раціонально было бы вести поиски въ этомъ направленіи.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1913 г. * Декабрь — II. * № 8.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

Отзывы о книгахъ.

180. Дурылинъ, С. 281.93

Церковь Невидимаго Града. (Сказаніе о градѣ Китежѣ). 1914. М. изд. „Путь“. 69 стр. Ц. 50 к.

Близъ села Владимирскаго, у озера Свѣтлояра, въ 100 верстахъ отъ Городца, въ Макарьевскомъ у. Нижегородской губ., каждый годъ въ праздники Вознесенія, Петра и Павла и Троицынъ день, преимущественно же въ ночь съ 22 на 23 іюля, на праздникъ Владимирской иконы Божіей Матери, бываетъ огромное стеченіе богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи. Для посторонняго объективнаго наблюдателя особливый интересъ этого богомолья заключается въ томъ, что здѣсь молятся совершенно незримымъ святынямъ. По народнымъ преданіямъ, здѣсь во время нашествія Батыя былъ г. Большій Китежъ, но, по молитвамъ обитавшихъ въ немъ праведниковъ, городъ сталъ невидимымъ. По однимъ варіантамъ преданій его укрыла земля; по другимъ — свѣтлое озеро Свѣтлояръ, по третьимъ, градъ Китежъ стоитъ и теперь тамъ же, гдѣ стоялъ, но видитъ его лишь тѣ, кто пришелъ къ нему тропой особеннаго подвига и вѣры.

Въ этомъ ежегодномъ народномъ богомольѣ и въ самыхъ преданіяхъ о „невидимомъ градѣ“ сказывается, по мнѣнію Д., очень глубокое религіозное творчество и богатый религіозный смыслъ. Жизнь въ таинственномъ общеніи съ невидимыми святынями, съ Невидимой Церковью показываетъ, что сила Церкви не въ ея внѣшнихъ Церковныхъ формахъ, а во внутреннемъ устремленіи къ ней человѣческой души. Это позволяетъ оставаться въ Церкви и почитать ея учрежденія, вопреки ихъ видимымъ недостаткамъ, и даже тѣ, кто совершенно оторванъ отъ официальной Церкви, стремятся къ Церкви Невидимой. Оттого къ Китежу устремляются ежегодно и православные, и старообрядцы, и разные сектанты, а такъ же религіозно настроенные интеллигенты.

Д. не ограничился въ своей книжкѣ изложеніемъ впечатлѣній отъ личной поѣздки въ Китежъ и передачей извѣстныхъ о немъ въ литературѣ данныхъ, а попытался „уяснить религіозный смыслъ этого сказанія на основѣ народно-религіознаго опыта и Церкви“. Въ итогѣ авторъ находитъ, что народъ, поскольку его отношеніе къ Церкви выразилось въ сказаніи о Китежѣ, совершенно солидаренъ съ тѣми понятіями о Церкви, какія имѣли Хомяковъ, Ив. Аксаковъ, Достоевскій и Вл. Соловьевъ. Авторъ протестуетъ противъ тѣхъ „призывовъ къ отпѣванію“, которые въ наше время по отношенію къ исторической Церкви „объединяютъ Льва Толстого и соціалъ-демократа, Мережковскаго и Иліодора“: онъ допускаетъ по оношенію къ Церкви только „призывъ къ покаянію“, ибо „лишь въ Церкви человѣчество отъ жизни природной и тлѣнной пріобщается къ Богожизни“.

Трудно понять, съ точки зрѣнія автора, почему къ Китежу устремляются и православные, пользующіеся всѣми данными Церкви, и сектанты, отрекшіеся отъ нея; еще труднѣе понять, почему онъ ставитъ знакъ равенства въ отношеніи къ Церкви Мережковскаго и Льва Толстого. Вообще по книжкѣ Д. видно, что самъ авторъ имѣетъ вѣрное внутреннее чутье Церкви, но оно еще не настолько окристаллизовалось въ немъ, чтобы получить ясное внѣшнее выраженіе. Отсюда порой ненужная риторичность изложенія, расплывчатость опредѣленій, несправедливое отношеніе къ Мережковскому и неумѣніе подчеркнуть свою главную и основную идею. Все же, въ виду бѣдности нашей религіозно-философской литературы, мы рекомендуемъ книжку Д. вниманію читателей: она изобличаетъ въ авторѣ подлинное религіозное чутье. (*И. К. „Рѣчь“. 1913—337*).

Руководящая мысль автора этой небольшой, но содержательной книжечки состоитъ въ томъ, что современное интеллигентное общество въ своемъ осужденіи Церкви принимаетъ ея видимую часть за цѣлое. На это „сбиваются роковымъ образомъ всѣ разсужденія Толстого, Мережковскаго и русской интеллигенціи“. Народная душа, наоборотъ, если видитъ несовершенство въ земной Церкви, находитъ себѣ утѣшеніе въ Церкви небесной, невидимой. Мысль эта совсѣмъ не новая, но вышитая на узорѣ необыкновенно поэтическаго сказанія о невидимомъ градѣ Китежѣ и притомъ очень заботливо, искренно и талантливо, увлекаетъ. Какъ странно, что никто изъ писавшихъ о Свѣтломъ озерѣ и градѣ Китежѣ не останавливается на моментѣ безысходной мрачности своихъ впечатлѣній. Въ самомъ дѣлѣ, отбросимъ на мгновеніе поэтическую этнографію Китежа и перенесемся въ другой край. Совершенно та же апокалипсическая легенда о низ-ходящемъ градѣ, совершенно та же религіозная психологія людей, и вотъ мы что видимъ въ одномъ уголкѣ Кавказа: десятки лѣтъ священнымъ долотомъ и священнымъ топорикомъ люди долбятъ каменную гору, вѣруя, что градъ, украшенный аметистами и топазами, низшелъ въ эту гору. Не то ли и въ Китежѣ:

Старушка, вздохнувъ, сморщенная, лѣзетъ ползкомъ къ корягѣ, подлѣ овражка, и что-то тычетъ туда, за корягу, въ валкій, провалистый мохъ, образующій что-то въ родѣ отдушины.

— Бабушка, что ты?

— Пообносились угоднички-то. Ризы ветхія, холстинки имъ сунула. Не прогнѣвались бы!

Тихо плескаетъ вода...

Отбросьте эстетику умиленія автора, — получится дыра Кавказа; прибавьте роковую душу интеллигента, потомка этой старушки, ищущаго видимую Церковь на землѣ,—и будетъ трагедія, и съ нею смыслъ. (*М. Пришвинъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—279*).

Сдѣлавъ бѣглый, но четкій и продуманный обзоръ современныхъ философско-религіозныхъ отношеній къ Церкви, Д. останавливается на громадномъ для православія значеніи ученія о св. Софіи, раскрытію котораго мы такъ много обязаны острой, ясной мысли Вл. Соловьева. Послѣднее даетъ автору поводъ отмѣтить отсутствіе проникновенія въ сущности св. Софіи, отождествляемой Вл. Соловьевымъ съ міровой душой, у славянофиловъ и подтвердить нерасрывность судебъ православія съ судьбами Россіи. Отрицательныя мнѣнія о Церкви вообще и православіи въ частности Мережковскаго и Розанова въ корнѣ отвергаются Д. Въ чисто соловьевскомъ духѣ пишетъ онъ о великомъ грѣхѣ ограниченія религіозныхъ стремленій Церковью видимой и о незыблемомъ всесовершенствѣ Невидимой Церкви, лучшимъ выраженіемъ которой въ преломленіи народно-мистическаго сознанія является „Сказаніе о градѣ Китежѣ“. Съ трогательнымъ, глубоко-поэтическимъ чувствомъ описываетъ авторъ картины, свидѣтелемъ которыхъ ему довелось быть, картины, поистинѣ достойныя пера Достоевскаго. Вообще удивительно много содержанія сумѣлъ вложить Д. въ свою маленькую книжку, проникнутую громадною трезво-безпристрастною любовью къ народу и Церкви. Языкъ его—строго-наученъ и вмѣстѣ тонко художественъ. Горячо рекомендуемъ книжку Д. всѣмъ, кому дороги и близки религіозно-народныя судьбы родины. (*З. Б. „Россія“. 1913—2433*).

181. Кофодъ, А. 333.5(47)

Русское землеустройство. 1913. Спб., изд. 2-е. 172 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Офиціальное положеніе помогло автору собрать большой фактическій матеріалъ, касающійся русскаго землеустройства, снабдить книгу рядомъ плановъ и картограммъ, впрочемъ, не всегда удачно расположенныхъ; авторъ сознаетъ, что дѣлать окончательные выводы изъ пятилѣтней практики русскаго землеустройства еще рано, но есть основаніе выводить нѣкоторыя заключенія; одно изъ важнѣйшихъ заключеній сводится къ тому, что хуторское и отрубное хозяйство сравнительно производительнѣе, нежели хозяйство на надѣльныхъ земляхъ, состоящихъ въ чрезполосномъ владѣніи, что замѣчается улучшеніе обработки полей, стремленіе примѣненія мелиоративныхъ работъ, однимъ словомъ, землеустройство русское поставлено на правильный путь, уже налицо „кое-какіе правильные показатели выгодности для крестьянъ перехода къ самостоятельному хозяйству“. Книга К. представляетъ офиціальную апологію правительств. мѣропріятій, поэтому пользованіе ею требуетъ осторожности. (*С. Аваліани. „Изв. Об. Биб. О-ва“. 1913—7*).

Сама по себѣ книга К. довольно содержательна: авторъ изложилъ исторію землеустройства, которую онъ ведетъ съ момента освобожденія крестьянъ, доказывая преемственную связь второй „великой реформы“ съ первой; самостоятельное движеніе крестьянъ на хутора до 1906 г.; юридическую, техническую и финансовую стороны современнаго правительственнаго землеустройства, его количественный успѣхъ; далѣе,—опроверженіе всѣхъ возраженій противъ реформы, выставленныхъ ея противниками, и въ заключеніе — результаты землеустройства для самихъ крестьянъ. Но, несмотря на богатство содержанія и внѣшнюю обстоятельность изложенія, этотъ трудъ непріятно отличается отъ прежнихъ работъ обиліемъ существенныхъ недостатковъ, неизбѣжныхъ, впрочемъ, во всякой книгѣ, написанной „съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“. Желаніе во что бы то ни стало „объ-ять“ реформу заставляетъ автора подчеркивать всѣ существующія и несуществующія достоинства и прятать въ тѣнь тѣ недостатки, которыхъ онъ, какъ спеціалистъ своего дѣла, не можетъ не сознавать. Отсюда—цѣлый рядъ неясностей, противорѣчій и не подкрѣпленныхъ фактическимъ матеріаломъ увѣреній въ идеальномъ положеніи и благопріятныхъ результатахъ реформы. Такъ К. знаетъ, что основной задачей землеустройства является уничтоженіе не только черезполосицы, но и болѣе вреднаго длинноземелья, онъ понимаетъ, что поэтому разница между отрубами, при которыхъ крестьянскія усадьбы въ большинствѣ остаются на старыхъ мѣстахъ, и хуторами,—когда крестьяне переселяются на участки,—весьма существенна. Но въ его трудѣ, какъ и въ офиціальныхъ источникахъ, дѣленія землеустроенныхъ хозяйствъ на хутора и отруба нѣтъ, а безъ такого дѣленія всѣ увѣренія въ радикализмѣ нашей реформы, сравнительно съ европейской, голословны. Такъ же голословна характеристика землеустроительной практики: К. описываетъ, какимъ должно быть землеустройство, строящееся, по циркулярамъ, на основѣ дорожной и гидротехнической сѣти, таково ли оно на самомъ дѣлѣ,—мы не узнаемъ изъ его книги; мы узнаемъ только, что „нерѣдко встрѣчаются еще отступленія отъ руководящихъ началъ, но съ каждымъ годомъ техника улучшается“, и въ то же время авторъ говоритъ о „зачаточномъ состояніи мелиоративныхъ (въ томъ числѣ и гидротехническихъ) предпріятій“. Гордясь тѣмъ, что у насъ землеустройство одной десятины обходится въ 4 рубля, а въ Пруссіи—въ 24 р., авторъ не сознаетъ, что эта самая разница въ расходахъ въ корнѣ противорѣчитъ его убѣжденію въ радикализмѣ нашего землеустройства. Однимъ словомъ, закрывая послѣ прочтенія книгу, мы не нашли въ ней отвѣта на два центральныхъ вопроса: что даетъ русское землеустройство крестьянину и развитію производительныхъ силъ страны и какъ оно идетъ на самомъ дѣлѣ? (*Н. Огановскій. Рус. Вѣд.“ 1913—285*).

...Признавая, что скупка надѣловъ является отрицательной стороной укрѣпленія надѣльныхъ долей въ личную собственность, авторъ, на основаніи обширнаго статистическаго матеріала приходитъ къ выводу, что только „радикальное землеустройство“, т.-е. выдѣлъ укрѣпленныхъ участковъ къ одному мѣсту, есть наиболѣе

дѣйствительное средство бороться съ этимъ зломъ. Округленные участки настолько поднимаются въ цѣнѣ, что пріобрѣтеніе ихъ становится невыгоднымъ для профессіоналовъ-скупщиковъ, и они, такимъ образомъ, остаются въ рукахъ трудового крестьянства. Это обстоятельство побуждаетъ К. быть сторонникомъ „радикальнаго землеустройства"—полнаго округленія надѣльныхъ участковъ и уничтоженія черезполосицы, борьба съ которой въ будущемъ, по мѣрѣ подъема культуры, станетъ невозможной. Въ подтвержденіе этого положенія К. ссылается на примѣръ Германіи, гдѣ полное уничтоженіе черезполосицы въ настоящее время недостижимо, благодаря тому, что „по мѣрѣ повышенія культуры какъ сельскохозяйственной, такъ и общей, растетъ въ земледѣльцахъ чувство независимости и привязанности къ унаслѣдованнымъ участкамъ, почему они все болѣе и болѣе настраиваются противъ измѣненія границъ и тѣмъ паче обмѣна этихъ участковъ". Авторъ въ заключеніе отмѣчаетъ бодрое настроеніе „землеустроенныхъ" и высказываетъ надежду, что конечнымъ результатомъ землеустроительныхъ работъ явится созданіе сильнаго крестьянства, того элемента, который „всегда и вездѣ служилъ и служитъ оплотомъ государственной мощи". Книга въ общемъ является весьма полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу по вопросамъ землеустройства. (*В. Быстреникъ. „Г. М.". 1913—259*).

182. Гартевельдъ, В. 343(0:8)

Каторга и бродяги Сибири. 1913. М., изд. „Дѣло". 195 стр. Ц. 1 р.

Въ 1909 году, благодаря Г., многіе познакомились съ пѣснями сибирскихъ каторжанъ и бродягъ, съ ихъ знаменитымъ подкандальнымъ маршемъ—этимъ „гимномъ каторги".

Теперь передъ нами отдѣльное изданіе путевыхъ замѣтокъ Г. Первое чувство, съ какимъ подходишь къ его книжкѣ, смѣняется разочарованіемъ, какъ только прочитаешь книгу. Ни по своему содержанію, ни по внѣшней отдѣлкѣ эта книга не представляетъ ничего оригинальнаго. Простое повѣствованіе о томъ, какъ ѣздилъ авторъ въ Сибирь, какъ собиралъ онъ пѣсни каторжанъ и бродягъ, съ какими опасностями пришлось ему столкнуться etc... И тотъ, кто читалъ хотя бы одного Дж. Кеннана, тому книжка Г. ничего не сообщитъ новаго, за исключеніемъ развѣ той главы, гдѣ авторъ даетъ картину смертной казни... Но все-таки книга заслуживаетъ того, чтобы остановиться на ея содержаніи. Лучшими главами книжки Г. являются: „Тобольская каторга", „Злодѣй на покоѣ", „Кусокъ мыла". Читателей, знакомыхъ со сборникомъ пѣсенъ сибирскихъ каторжанъ, можетъ заинтересовать глава: „Пѣсни каторжанъ". Несмотря на то, что о сибирской каторгѣ писали много, очеркъ о тобольской каторгѣ все-таки читается съ большимъ интересомъ. Изъ своего посѣщенія этой тюрьмы, отличающейся „германскимъ режимомъ", авторъ вынесъ самое угнетенное впечатлѣніе.

О пріѣздѣ Г. въ тобольскую тюрьму губернаторъ Гондатти предупредилъ тюремную администрацію по телефону. Само собой разумѣется, что администрація „приготовилась", послѣ чего этнографъ, обойдя девять больничныхъ палатъ, могъ иронически замѣтить, что онъ „все нашелъ въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ". А когда Г. увидѣлъ въ кабинетѣ тюремнаго инспектора (кабинетъ при тюрьмѣ) пару плетей, то смотритель Могилевъ сумѣлъ ретироваться заявленіемъ, что въ Тобольскѣ хотятъ устроить... тюремный музей. Послѣ, Могилевъ сознался, что сажаніе въ темный и „свѣтлый" карцеры, наказаніе розгами широко практикуются въ тобольской тюрьмѣ, и онъ, Могилевъ, считаетъ, что этотъ способъ наказанія является единственнымъ средствомъ, позволяющимъ ему держать въ повиновеніи до 600 преступниковъ... А тобольскій мировой судья разсказалъ Г., что онъ нашелъ въ тобольской тюрьмѣ 21 человѣка, которые „лежали на животахъ, ибо сидѣть не могли, такъ какъ у нихъ были отбиты ягодицы"... „Я никогда не видѣлъ,—говоритъ Г. — никакихъ застѣнковъ, никакихъ ужасовъ въ посѣщенной мною каторжной тюрьмѣ, но она произвела на меня страшное, скажу, потрясающее впечатлѣніе. Это какой-то „домъ молчанія", какая-то большая „братская могила", наполненная живыми покойниками.

Неслышно выступая въ своихъ „котахъ", арестанты выглядятъ какими-то мертвецами. А такъ какъ разговоровъ никакихъ не допускается, то получается нѣчто жуткое, ужасное, леденящее кровь. Я представлялъ себѣ „каторгу", какъ мѣсто истязаній, произвола и муки, но то, что я видѣлъ на самомъ дѣлѣ, ужаснѣе того, что я ожидалъ. И виновата въ этомъ только „военная дисциплина, введенная по образцу германскихъ тюремъ". При „германскомъ режимѣ" человѣкъ остается живъ, но, какъ личность, онъ вполнѣ умираетъ. И въ этомъ-то и заключается, по моему убѣжденію, ужасъ „современной каторги". Въ тобольской тюрьмѣ Г. удалось записать нѣсколько пѣсенъ, тѣхъ пѣсенъ, въ которыхъ „всѣ моменты жизни находятъ себѣ иллюстраціи". Но изъ всего цикла слышанныхъ пѣсенъ потрясающее впечатлѣніе произвелъ на автора „подкандальный маршъ". „Такъ какъ въ тюрьмѣ запрещены всякіе музыкальные инструменты, то исполняется онъ на гребешкахъ, съ тихимъ пѣніемъ хора и равномѣрными ударами кандаловъ. Игру на гребешкахъ ввели матросы съ „Потемкина". Въ концѣ своей книги авторъ пытается дать характеристику сибирскаго бродяги, его быта, психологіи. Но выполненіе этой задачи, при недостаточномъ знакомствѣ съ Сибирью, оказалось не по силамъ. Утвержденіе, что около 20.000 бродягъ „безъ цѣли и дѣла шатаются по тундрамъ и тайгѣ", обнаруживаетъ большое заблужденіе. Очевидно, Г. неизвѣстно, что значительная часть бродягъ находитъ себѣ пріютъ на пріискахъ и въ батракахъ у сибиряковъ. Что много бродягъ образуютъ кадры бродягъ-профессіоналовъ, это—фактъ, но это не значитъ, что всѣ „20.000" бродягъ „никого и ничего на свѣтѣ не признаютъ". (*В. Ангаринъ. „Завѣты". 1913—11*).

Записки Г. читаются съ самымъ живымъ интересомъ. Авторъ — наблюдатель и, главное, разсказываетъ очень просто, живо, не скрывая ничего ему извѣстнаго. Эта подкупающая простота заставляетъ прочитать книгу съ начала до конца съ неослабѣвающимъ вниманіемъ даже послѣ очерковъ Мельшина, послѣ Чехова, послѣ такого интереснаго разсказчика, какъ Дорошевичъ. Авторъ живо описываетъ Златоустъ, гдѣ народъ мрачный, молчаливый, никогда не улыбающійся, Челябинскъ—„военный городъ", гдѣ, однако, совсѣмъ небезопасно ходить ночью по улицѣ, Тюмень, Тобольскъ. Очень любопытно описаніе тобольской каторги и быта каторжанъ.

Въ каторжной тюрьмѣ очень тяготятся вынужденнымъ сожительствомъ и уголовные, и политическіе, которыхъ, по послѣднимъ циркулярамъ, сравняли... Политическіе согласны на какой угодно „режимъ“, лишь бы ихъ изолировали...

Авторъ приводитъ и правила каторжной тюрьмы... „Они способны навести на размышленіе“— говоритъ онъ... Очень интересны страницы, посвященныя Клочкову, виртуозу на балалайкѣ, погибшему таланту. Эти сцены прямо художественны. Поразительный разсказъ — описаніе смертной казни арестанта камеры № 38. (*А. А. „Утро“. 1913—2117*).

183. Покровская, В. и Соловьева, Е. 371(08)

„Дѣтскій садъ“. Оригин. рис. и обложка Т. Гиппіусъ. 1913. Спб., изд. „Просвѣщеніе“ 103 стр. Ц. 80 к.

Планъ книги простъ и удобенъ; на фонѣ мѣняющихся временъ года, въ краткихъ разсказахъ, вполнѣ доступныхъ дѣтямъ 5-6 лѣтъ, передъ юными слушателями проходитъ цѣлый рядъ въ большинствѣ случаевъ хорошо знакомыхъ имъ животныхъ и предметовъ. Разсказы частью, повидимому, оригинальные, частью заимствованные изъ „Роднаго Слова“ Ушинскаго, изъ книгъ для чтенія Л. Толстого и др., въ большей части составлены и выбраны умѣло; мѣстами чувствуется нѣкоторая тенденціозность, напр., въ сказкѣ „Бѣлочка-герой“. Трудная задача подобрать подходящія для маленькихъ дѣтей стихотворенія выполнена довольно удачно. Исключеніе, по нашему мнѣнію, составляютъ: пѣсня „Садовники“—некрасивая по формѣ, и странно звучащее „Въ лѣсу“ Городецкаго. Послѣднее даже въ дѣтахъ вызываетъ чувство неудовлетворенности: одинъ мальчикъ 8 лѣтъ, любящій, чувствующій поэзію, такъ старался объяснить свое впечатлѣніе: „мнѣ не нравится,.. не очень хорошо, не очень красиво собраны слова“. Почти ко всѣмъ разсказамъ примыкаютъ, часто иллюстрируя ихъ, занятія и игры. Оригинальные рисунки, въ обиліи украшающіе текстъ, мало удовлетворительны; для примѣра приведемъ рисунокъ, повторяющійся на обложкѣ: дѣвочка не выдѣляется на фонѣ сада, а стоитъ, какъ великанша, придавивъ собою дома и деревья. Къ сожалѣнію, „Дѣтскому саду“ не предпосланы указанія, какъ имъ пользоваться, и нигдѣ не выяснены основные принципы, которыми руководились составительницы. Вслѣдствіе этого книга вызываетъ въ насъ цѣлый рядъ вопросовъ и недоумѣній. Судя по перечню на заглавномъ листѣ видовъ занятій, заключающихся въ книгахъ, судя потому, что занятій и игръ почти столько же, сколько и разсказовъ, и потому, что къ книгѣ приложенъ еще цѣлый списокъ пособій и руководствъ для веденія занятій съ дѣтьми дошкольнаго возраста, мы должны притти къ заключенію, что составительницы предполагали дать именно руководство для занятій съ дѣтьми дошкольнаго возраста, обнимающее и бесѣды, и чтеніе и различныя работы, и занятія связывающія и то и другое въ одно стройное цѣлое. Если это такъ, то возникаетъ вопросъ, почему въ книгѣ, главнымъ образомъ заполненной разсказами о животныхъ и о природѣ, природа уходитъ на второй планъ, а на ея мѣсто выступаетъ рисунокъ? Только два раза во всей книгѣ дѣти приглашаются рисовать непосредственно съ натуры. Даже лѣпить фрукты и овощи предлагается съ рисунка. И такъ, то, что слѣдовало бы положить въ основу знакомства съ внѣшнимъ міромъ, является какъ бы случайнымъ. Наблюденіе, опытъ—вотъ съ чего, по нашему разумѣнію, слѣдуетъ начинать; бесѣда вызывается наблюденіемъ, разъясняетъ его, помогаетъ связать его съ другими наблюденіями. Почти то же должны мы сказать и про работы, указанныя въ книгѣ;—ручной трудъ не можетъ быть только случайнымъ, напротивъ, на него должно опираться все обученіе дѣтей; онъ долженъ быть не только иллюстративнымъ, но, главнымъ образомъ, воссоздающимъ, если можно такъ выразиться. Затѣмъ, въ каждой по возможности работѣ должна проявляться самостоятельность ребенка въ большей или меньшей степени, конечно. Текстъ книги скорѣе принудительный, предполагающій лишь послушаніе, а не возбуждающій, какъ бы слѣдовало, самостоятельное желаніе, порывъ къ чему-нибудь. Резюмируя все сказанное, слѣдуетъ признать, что „Дѣтскій садъ“ можетъ быть использованъ, какъ первая книга для чтенія послѣ азбуки. Однако далеко не всѣ встрѣчающіеся въ ней разсказы дѣйствительно хороши. Врядъ ли желательны для дѣтей традиціонные анекдоты о высокомъ умѣ и добродѣтели животныхъ. „Дѣтскій садъ“ могъ бы также быть использованъ и какъ пособіе при занятіяхъ съ дѣтьми дошкольнаго возраста, но для этого слѣдовало бы снабдить его методическими указаніями и внести цѣлый рядъ довольно существенныхъ измѣненій (*С. Лыжина. „Что и к. ч. д.“ 1913—8/9*).

Книга стремится притти на помощь тѣмъ матерямъ, которыя не могутъ въ силу какихъ-либо причинъ посылать дѣтей въ дѣтскій садъ. Задача авторовъ выполнена настолько хорошо, что даетъ возможность каждой матери устроить дѣтскій садъ у себя дома. Изданія книга хорошо, рисунки художественны. (*„Рус. Молва“ 1913—74*).

184. Рубакинъ, Н. А. 551.4

Разсказы о горахъ. 1913. Спб., изд. „Просвѣщеніе“. VI+150 стр. Съ 53 рис. Ц. 50 к.

Книжка разсчитана на самыхъ неподготовленныхъ юныхъ читателей, которыхъ слѣдуетъ заинтересовать предварительно самымъ предметомъ изученія земли, раньше чѣмъ засаживать за учебники. И въ этомъ отношеніи популяризаторскій талантъ Р. оказываетъ большую услугу: въ удивительно простой, крайне незатѣйливой формѣ бесѣды-разсказа авторъ умѣетъ заинтересовать читателя и сообщить ему довольно разнообразныя свѣдѣнія о причудливыхъ явленіяхъ земной поверхности. Книжка снабжена рисунками, въ общемъ довольно удачно исполненными. (*„Совр. Сл.“ 1913—2042*).

Авторъ—опытный популяризаторъ и въ началѣ книжки сразу заинтересовываетъ читателя, но затѣмъ невольно становится скучнымъ, ибо ставитъ своей задачей „объять необъятное“. На протяженіи 30 страницъ онъ пробуетъ дать географическое и художественное описаніе всѣхъ главнѣйшихъ горныхъ цѣпей земного шара. Описанія эти страдаютъ однообразіемъ. Дальше еще хуже, такъ какъ на нѣсколькихъ страницахъ тянется петрографическое описаніе породъ, страдающее неполнотой и неточностью (напр., отъ большого давленія и нагрѣванія известнякъ, по словамъ автора, превращается въ мраморъ, гранитъ—застывшая лава; изъ описанія автора можно подумать, что гнейсъ порода неслоистая

Въ главахъ о происхожденіи горъ авторъ излагаетъ почти всю физическую геологію, нагромождая массу фактовъ; попутно разсказываетъ онъ о дѣйствіи воздуха, воды и снѣга на горныя породы. Все это относится имъ къ горообразовательнымъ процессамъ, при чемъ ни словомъ не упоминается, что факторы эти разрушаютъ горы, засыпаютъ низины и стремятся нивелировать земную поверхность. Рисунки въ большинствѣ хороши, хотя среди нихъ попадаются такіе устарѣлые и неправдоподобные, какъ рисунокъ изображающій горы-складки. Книга издана хорошо. (*В. Р. „День“. 1913—319*).

„Разсказы о горахъ“—книжка интересная по содержанію и по плану. Авторъ умѣетъ заинтересовать читателя и искусно поддерживаетъ его интересъ къ трактуемому вопросу отъ первой страницы до послѣдней. Это надо безусловно поставить на плюсъ книжкѣ, но... и минусы ея столь серьезны, что мы позволимъ себѣ остановить на нихъ вниманіе читателей и всѣхъ интересующихся „литературой для народа“. Интересное изложеніе положительно пестритъ фактическими неточностями, грубыми географическими ошибками, а мѣстами и отсутствіемъ логичности въ построеніи фразъ. Быть можетъ, нѣкоторыя неточности можно отнести къ разряду описокъ, объяснить поспѣшностью работы, но это все-таки мало извиняетъ автора, уже давно пользующагося репутаціей талантливаго популяризатора. Р. перенесъ въ книгу оставленный уже наукою взглядъ о связи между дѣятельностью вулкановъ и морской водой. Прежде полагали, что вода морей и океановъ проникаетъ къ подземнымъ очагамъ и пробуждаетъ ихъ къ дѣятельности; теперь же Зюссъ, напр., говоритъ: „не вулканы питаются морской водой, а, наоборотъ, моря умножаютъ свою воду, благодаря изверженіямъ вулкановъ. Происходитъ непрерывный переносъ веществъ изъ глубины на поверхность... если бы не существовало переноса воды на поверхность земли (вулканами), то количество воды, обращающейся на поверхности земли, все уменьшалось бы, и наконецъ она исчезла бы совершенно. ...Вода, происходящая изъ очаговъ магмы (ювенильная вода), образуется въ результатѣ постепеннаго остыванія этихъ очаговъ и зависящаго отсюда выдѣленія газовъ“. Къ горамъ Р. считаетъ возможнымъ причислить пирамиды Египта, забывая упомянуть о томъ, что огромность этихъ построекъ обусловливалась характеромъ рядомъ лежащей пустыни, которая засыпала бы своими песками обыкновенный мавзолей. Пирамиды автору нужно было превратить въ горы лишь для того, чтобы имѣть возможность сдѣлать нужное для его плана эффектное сопоставленіе: если столько силъ понадобилось на постройку пирамиды въ 72 саж. высотою, то сколько силъ должна была затратить природа на возведеніе какого-нибудь Гауризанкара! Для этого Р. создалъ фантастическую географическую разновидность „горъ, сдѣланныхъ человѣческими руками“ и т. п. и такимъ образомъ внесъ далеко нежелательную путаницу въ основныя географическія понятія о горахъ. Что касается языка книжки, то написана она въ старой извѣстной манерѣ Р.: языкомъ не просто простымъ, а упрощеннымъ, приноровленнымъ для необразованнаго сѣраго читателя. (*А. Мезіеръ. „Рус. Шк.“ 1913—10*).

Есть книги, появленіе которыхъ можно считать настоящимъ праздникомъ въ книжномъ мірѣ. Къ такимъ рѣдкимъ отраднымъ явленіямъ относится все, что выходитъ изъ-подъ пера Р. Идеаломъ дѣтской популярно-научной книжки можно считать книжки Л. Н. Толстого, и въ этомъ отношеніи рядомъ съ ними можно смѣло поставить популярныя книжки Р., который въ этой области—несомнѣнно классикъ. Всего цѣннѣе въ популярныхъ произведеніяхъ Р. это то, что они одинаково привлекательны для всѣхъ возрастовъ: ими зачитываются и только что научившійся читать семилѣтка, и юный читатель „старшаго возраста“, и серьезный читатель болѣе старшаго возраста, разъ взявши въ руки книжку Р., не такъ скоро и не такъ охотно разстается съ нею. Это самое лучшее, что можно сказать о книгѣ. Расхваливать книжки Р., перечислять ихъ достоинства—излишне. Излишне было бы также пожелать имъ успѣха и широкаго распространенія. (* *„Вѣст. Евр. Просв.“ 1913—24*).

185. Гольдшмидтъ, Р., проф. 575.1

Основы ученія о наслѣдственности. (Въ 20 лекціяхъ для естествен., медиковъ и сельск. хозяевъ). Пер. съ нѣм. П. Ю. Шмидта. 1913. Спб., изд. А. Ф. Девріенъ. 428 + VIII стр. Съ 163 рис. Ц. 3 р. 50 к.

Книга появилась въ оригиналѣ два года тому назадъ и привлекла къ себѣ общее вниманіе. Дѣйствительно, изъ всѣхъ вышедшихъ до сихъ поръ большихъ сводокъ по наслѣдственности (Баура, Гэккера, Плате) она является безусловно лучшей. Авторъ въ своихъ „Основахъ ученія о наслѣдственности“ не ограничивается только послѣдней, а захватываетъ и всѣ примыкающіе къ ней вопросы, т. е. всю ту область, для которой въ научной литературѣ уже установился особые терминъ — генетика. Первый отдѣлъ книги посвященъ явленіямъ измѣнчивости, при чемъ здѣсь особенно бросается въ глаза мастерское изложеніе статистическихъ методовъ изслѣдованія и полученныхъ этимъ путемъ результатовъ. Разобравъ законы Гальтона и ученіе Іогансена о чистыхъ линіяхъ, авторъ останавливается на мутаціяхъ, которымъ посвященъ второй отдѣлъ книги. За нимъ слѣдуетъ подробный разборъ проблемы наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ, слѣдующій же и наиболѣе обширный отдѣлъ касается явленій гибридизаціи, иначе менделизма, играющаго теперь столь важную роль въ біологіи. Заканчивается книга подробнымъ анализомъ одного изъ интереснѣйшихъ вопросовъ генетики — проблемы опредѣленія пола. Написанная живымъ, увлекательнымъ языкомъ, стоящая по каждому вопросу au courant послѣдняго слова науки, книга Г. является незамѣнимымъ введеніемъ въ ученіе о наслѣдственности какъ для зоологовъ и ботаниковъ, такъ и для врачей, сельскихъ хозяевъ-практиковъ и всѣхъ лицъ, такъ или иначе интересующихся этими вопросами. Отмѣтимъ лишь, что эта книга значительно спеціальнѣе другихъ обзоровъ явленій наслѣдственности, уже появившихся въ русской литературѣ, и чтеніе ея требуетъ нѣкоторой подготовки. Переводъ сдѣланъ чрезвычайно тщательно, всѣ термины и спеціальныя понятія (для многихъ изъ которыхъ не было еще соотвѣтствующихъ словъ въ русскомъ языкѣ) переданы вполнѣ удачно. Если въ чемъ и можно упрекнуть переводчика, то это лишь въ томъ, что конструкція многихъ фразъ слишкомъ близка къ нѣ-

мецкому тексту, отчего языкъ мѣстами тяжеловатъ. Нельзя не пожалѣть однако объ отсутствіи въ переводѣ указателя литературы, составленнаго чрезвычайно удачно и являющагося безусловно однимъ изъ крупныхъ достоинствъ подлинника. Русскій переводъ, какъ отмѣчено въ предисловіи, „не содержитъ никакихъ измѣненій или отступленій отъ оригинала". Несмотря на быстрый ростъ генетики за послѣднее время, никакихъ особенныхъ неудобствъ отъ этого не замѣчается, кромѣ послѣдняго отдѣла книги, гдѣ рядъ небольшихъ измѣненій или дополненій былъ бы, намъ кажется, очень желателенъ. Дѣло въ томъ, что самъ Г. рѣзко измѣнилъ свой взглядъ на опредѣленіе пола и въ настоящее время въ ридѣ статей защищаетъ именно то воззрѣніе, которое онъ сильно критикуетъ въ своей книгѣ. Авторизированный переводъ послѣдней долженъ былъ бы отразить въ себѣ измѣненіе взглядовъ автора, чего, къ сожалѣнію, не произошло. Однако всѣмъ сказаннымъ отнюдь не умаляются достоинства книги Г. (*„Рус. Бог." 1913—11*).

Книга написана просто и понятно, а по своему содержанію она есть одна изъ лучшихъ монографій по вопросу о наслѣдственности. Авторъ подробно останавливается на варіаціонной статистикѣ, т.-е. обработкѣ варіацій статистическимъ путемъ, описываетъ опыты, показавшіе безсиліе естественнаго отбора въ чистыхъ расахъ, излагаетъ серію наблюденій и опытовъ надъ передачей по наслѣдству различныхъ особенностей отъ каждаго изъ родителей, говоритъ о мутаціяхъ (опыты де-Фриза), о дарвинизмѣ и ламаркизмѣ, о законѣ Менделя, о химерахъ (продуктахъ срастанія отдѣльныхъ частей различныхъ организмовъ, наприм., томатовъ и чернаго паслена въ одно цѣлое) и заканчиваетъ свою книгу обсужденіемъ проблемы пола. Переводъ исполненъ хорошо; отмѣтимъ лишь одну существенную ошибку на стр. 334. Mespilus есть не кизиль Cornus изъ сем. Corneae, а мушмула, принадлежащая къ тому же сем. Rosaceae, какъ и Crataegus. (*І. Лукашевичъ. „Совр. Міръ" 1913-11*).

Чрезвычайно отраднымъ является фактъ перевода на рус. яз. такого прекраснаго, всесторонне освѣщающаго вопросъ пособія, какимъ нужно назвать книгу Г. Ее можно рекомендовать каждому, кто пожелалъ бы серьезнѣе ознакомиться съ новѣйшими теченіями въ ученіи о наслѣдственности. (*В. Талѣевъ. „Бюл. Харьк. О-ва Л. Пр." 1913—3*).

186. Артари, А. П. 589

Руководящіе принципы оцѣнки воды по ея флорѣ. 1913. М., изд. „Bios". Подъ ред. прив.-доц. В. С. Елпатьевскаго. 56 стр. съ 3 табл. въ краскахъ. Ц. 50 к.

За послѣдніе годы съ поразительной быстротой развивается новая отрасль примѣненія біологическихъ знаній въ видѣ такъ называемаго біологическаго изслѣдованія воды въ цѣляхъ оцѣнки ея качествъ. Громадное жизненное значеніе этого вопроса, увеличивающееся съ возрастаніемъ населенія и загрязненіемъ водныхъ источниковъ, заставляетъ все осмотрительнѣе и осторожнѣе относиться къ его рѣшенію въ каждомъ частномъ случаѣ санитарной практики и пользоваться для этого всѣми возможными путями и способами. Давно уже примѣняющіеся методы химическаго и бактеріологическаго изслѣдованія, несмотря на все свое совершенство и разработанность оказываются по самому существу своему неспособными отвѣтить на нѣкоторые важные вопросы, которые могутъ быть разрѣшены только біологическимъ изслѣдованіемъ. Лишь комбинированное примѣненіе всѣхъ названныхъ методовъ изслѣдованія, освѣщая вопросъ съ разныхъ сторонъ, позволяетъ рѣшить его съ точностью, отвѣчающей современному состоянію нашихъ знаній въ этой области. Кромѣ того біологическое изслѣдованіе, отличаясь само по себѣ большой простотой, будучи введено въ общую программу работы, чрезвычайно упрощаетъ ее, вноситъ въ нее планомѣрность и предохраняетъ отъ многихъ ошибокъ во время самой работы. Все это дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ, съ одной стороны, указанную уже быстроту, съ которой растетъ примѣненіе біологическаго метода на практикѣ, съ другой — громадные успѣхи въ теоретической разработкѣ его основаній. Сущность біологическаго изслѣдованія состоитъ въ изученіи микро-и макрофлоры и фауны водоема и въ оцѣнкѣ качества его воды по присутствію тѣхъ или иныхъ видовъ растительнаго и животнаго царства, которые являются характерными для водъ различной степени загрязненія. Въ русской литературѣ до послѣдняго времени имѣлись лишь спеціальныя, почти недоступныя широкой публикѣ изслѣдованія въ этой области, преслѣдовавшія рѣшеніе того или иного частнаго вопроса санитаріи.

Въ книгѣ А. появилась впервые попытка популярнаго изложенія этого метода. Автору удалось въ ясной и сжатой формѣ затронуть всѣ основные вопросы біологич. изслѣдованія. При чтеніи книги сразу чувствуется, что авторъ имѣетъ свой личный большой опытъ въ этой области, который и позволяетъ ему быть вполнѣ самостоятельнымъ и оригинальнымъ и избѣжать столь распространенной и непріятной компилятивности. Книга написана прекраснымъ языкомъ, читается легко, снабжена рисунками, и всякій интересующійся дѣломъ найдетъ въ ней отвѣты на всѣ наиболѣе существенные вопросы. (*Я. Никитинскій. „Рус. Вѣд". 1913—279*).

Несмотря на спеціальное заглавіе книги и на тѣ узкія, казалось бы, задачи, которыя она преслѣдуетъ, книга является весьма интересной и поучительной и для всякаго начинающаго біолога и вообще читателя, желающаго ознакомиться съ біологіей водъ. Первыя двѣ главы представляютъ изложеніе общихъ условій жизни водныхъ растительныхъ организмовъ. Третья глава, „Группировка организмовъ съ эйкологич. точки зрѣнія", т.-е. дѣленіе ихъ по мѣстообитанію, по условіямъ жизни, является центральнымъ пунктомъ всей книги, потому что здѣсь-то именно и содержится основа ученія о показательныхъ формахъ. Книга производитъ прекрасное впечатлѣніе; пріятно видѣть, что авторъ, задаваясь спеціальной задачей, сумѣлъ ее осуществить такъ просто, научно вмѣстѣ съ тѣмъ—почти не выходя изъ сферы общебіологич. вопросовъ — сдѣлать ее доступной и интересной для всякаго сколько-нибудь интересующагося біологіей читателя. Для желающихъ заняться дальнѣйшимъ изученіемъ вопроса въ концѣ книжки приложенъ перечень главнѣйшей иностранной и русской литературы. (*В. Грощенковъ. „Есте. и Геогр." 1913—8*).

Біологическіе анализы и очистка воды при-

надлежатъ къ очень интереснымъ вопросамъ, современныхъ естествознанія и медицины. Поэтому нужно привѣтствовать очеркъ, написанный по этому вопросу однимъ изъ лучшихъ современныхъ спеціалистовъ по водорослямъ А. и составившійся изъ лекцій, читанныхъ въ химико-бактеріол. институтѣ, Ф. М. Блюменталя. Всѣ, интересующіеся названными вопросами, должны непремѣнно прочесть эту книгу. Очень важно, что вначалѣ авторъ далъ очень цѣнное и полное изложеніе свѣдѣній по химіи, необходимыхъ для уясненія біологическихъ процессовъ загрязненія и очистки воды. Далѣе авторъ описываетъ показательные организмы воды, при чемъ этому описанію очень помогаютъ три небольшія, но прекрасно исполненныя, раскрашенныя таблицы, изображающія микроскопическіе препараты, содержащіе наиболѣе характерные растительные организмы прѣсной воды трехъ основныхъ стадій загрязненія (полимезо- и олигосапробовъ). Авторъ останавливается на растеніяхъ, а не на животныхъ, не только потому, что первыя (т.-е. водоросли, бактеріи и грибы) „являются предметомъ его спеціальныхъ занятій", но и вслѣдствіе того, что „растительные организмы оказываются болѣе разнообразными и болѣе изученными съ физіологической стороны". Въ заключеніе авторъ совершенно безпристрастно говоритъ о біологическомъ методѣ оцѣнки воды, вполнѣ ясно указывая на достоинство и недостатки послѣдняго. По его мнѣнію, „названный методъ далекъ отъ строгой точности и категоричности въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ понимается въ химическомъ анализѣ". Заключеніе этого метода „иногда приблизительно грубы и условны". Но „для многихъ практическихъ цѣлей данныя біологическаго метода даютъ цѣнныя указанія". (*Прив.-доц. Н. Гайдуковъ. „У. Рос.". 1913—241*).

187. Ѳедоровъ, В. 68

Игрушка—какъ начало столярнаго дѣла. Съ предисл. Н. Д. Бартрамъ. 1914. М., изд. т-ва И. Д. Сытина. 75 стр. Съ 228 рис. въ текстѣ и 90 рис. на отд. табл. Ц. 75 к.

Духъ демократизаціи жизни властвуетъ надъ нашими думами, поэтому трудъ становится во главу угла новой педагогики, а сердце жалѣетъ ребенка, и какъ-то невольно хочется оттянуть суровую пору обязательности труда, хочется оставить дѣтямъ радость игры и творчества. На помощь этой морально-соціальной тенденціи идетъ, на наше счастье, современная психологія. „Привычка должна быть основана на инстинктѣ",—говоритъ Джемсъ. Стенли Холлъ, опредѣляетъ „игру какъ одно изъ самыхъ чистыхъ выраженій моторной наслѣдственности". Появляются на свѣтъ книжки, старающіяся найти практическіе пути для удовлетворенія этой идеи, для выработки новыхъ методовъ дѣтскаго труда, соединеннаго съ дѣтской игрой и творчествомъ. Созданіе игрушки какъ „удовлетвореніе инстикта" можетъ создать и „привычку къ труду", и выработать механизмъ труда, навыкъ, ловкость, технику его. Одна изъ такихъ новыхъ симпатичныхъ попытокъ передъ нами. Введеніе Н. Д. Бартрама, извѣстнаго дѣятеля на поприщѣ изученія и проведенія въ жизнь ребенка хорошей художественной игрушки, крайне интересно и охватываетъ въ сжатой формѣ идею „соединенія работы рукъ съ работой мысли". Къ сожалѣнію, его немногими словами развитіе этой идеи и кончается. Объ этомъ можно пожалѣть, ибо какъ-разъ тому, кто задумается надъ вопросомъ, почему дѣланіе игрушки важнѣе и полезнѣе въ жизни ребенка, чѣмъ „полочка, скамейка, шкатулка, мало говорящія мысли",—и надо было бы показать, какъ изъ маленькаго дѣтскаго замысла, соединеннаго съ игрой, растетъ постепенно и задача мысли, и трудность дѣла, какъ ростъ „работы мысли" тѣсно связанъ съ ростомъ „работы рукъ". Въ книжкѣ даны прекрасные рисунки моделей игрушекъ, расположенные по трудности исполненія, и нѣтъ ни слова, во-первыхъ, какъ эти игрушки могутъ быть связаны съ данными интересами ребенка и, во-вторыхъ, какъ помочь ребенку самому придумывать задачи и модели для работы, не останавливаясь лишь надъ данными образцами. Съ технической стороны нѣтъ еще одного очень важнаго для успѣха этой симпатичной идеи условія, нѣтъ никакого, хотя бы краткаго, проспекта, какъ начать дѣлать игрушку болѣе примитивными средствами, съ помощью ножа, съ чего начинаетъ вообще новая педагогика, и какъ постепенно, пользуясь вырабатывающимся искусствомъ и зрѣлостью критики, переходить къ болѣе усложненной техникѣ столярнаго дѣла. Есть еще другая задача у этой книжки, тоже весьма почтенная, указываемая въ предисловіи Н. Д. Бартрамомъ. Это—возможность для взрослаго изучить производство деревянныхъ игрушекъ для полученія заработка. Къ этой цѣли содержаніе книжки, пожалуй, болѣе подходитъ, чѣмъ къ первой.

Разбирая самое содержаніе книги, описаніе техники столярной работы, можно указать, что оно составлено весьма умѣло, ясно, съ богатымъ наборомъ иллюстрацій, что очень важно для усвоенія пріемовъ работы. Начинающему работнику-педагогу или профессіоналу въ ней нехватаетъ ряда практическихъ свѣдѣній, крайне нужныхъ какъ разъ при началѣ знакомства съ дѣломъ. (*А. Зеленко. „Руск. Вѣд." 1913—268*).

Какъ руководство „для кустарей, ремесленныхъ школъ и для занятій ручнымъ трудомъ", книжку можно рекомендовать: составлена она толково и обстоятельно, съ знаніемъ и любовью къ дѣлу, а многочисленные рисунки прекрасно иллюстрируютъ и поясняютъ текстъ. Думаемъ, цѣнной она была бы для сельскихъ учителей, а также для родителей, часто не знающихъ, какое бы занятіе придумать дѣтямъ. Важно то, что въ книжкѣ подробно указано,—что необходимо имѣть, безъ чего можно обойтись и вообще, какъ все устроить проще, по возможности домашнимъ способомъ и съ небольшими затратами. Приложены смѣты расходовъ и чертежи первыхъ образцовъ игрушекъ. И если даже выдѣлка игрушекъ не будетъ первой ступенью столярнаго дѣла, какъ полагаютъ составители книжки, то, все же для однихъ, для кустарей, это занятіе само по себѣ можетъ уже доставить заработокъ, для другихъ для дѣтей, будетъ, несомнѣнно, очень интереснымъ и полезнымъ. (*Ѳ. Щеколдинъ. „День". 1913—1913*).

188. Тепферъ, Р. 7

О прекрасномъ въ искусствѣ. Размышленія и замѣтки женевскаго художника. Пер. съ

франц. М. Д. Г. 1913. Спб. изд. „Огни". IV+106 стр. Ц. 90 к.

Извѣстный эстетическій трактатъ Т. (1799—1846 гг.), швейцарскаго живописца и беллетриста, впервые появляется на русскомъ языкѣ, съ сокращеніями, противъ которыхъ ничего нельзя возразить, такъ какъ они произведены весьма умѣло и избавляютъ читателя отъ необходимости блуждать вслѣдъ за авторомъ въ лабиринтѣ всевозможныхъ отступленій по разнымъ поводамъ. Благодаря такой редакціи, съ книги стерта неизбѣжная пыль годовъ, и исчезло впечатлѣніе устарѣлости. Взгляды Т. на искусство сложились подъ вліяніемъ современной ему германской философіи. Въ метафизику и философію искусства Т. не внесъ ничего новаго и оригинальнаго, но, основываясь на высказанномъ символѣ вѣры и руководствуясь и превосходнымъ общимъ и спеціальнымъ образованіемъ, и техническими знаніями, навыками и наблюденіями художника, привыкшаго смотрѣть на міръ, не выпуская изъ рукъ кисти или карандаша, онъ, въ немного вялой, но изящной манерѣ, преподалъ рядъ объясненій и совѣтовъ, полезныхъ всѣмъ, кто любитъ искусство и учится ему. (*Н. Л. „Вѣст. Евр." 1913—3*).

Пытаясь дать посильный отвѣтъ по вопросу о прекрасномъ, Т. говоритъ:

„Прекрасное въ искусствѣ вытекаетъ безусловно и единственно изъ свободной человѣческой мысли... Понятіе о прекрасномъ есть божественный символъ нашей души. Прекрасное въ искусствѣ независимѣе и выше прекраснаго въ природѣ. Прекрасное, которое мы познаемъ и мысленно создаемъ, и есть абсолютно прекрасное. Чтобы его постигнуть надо, быть особо одареннымъ, надо развить въ себѣ природныя способности, изучать великихъ художниковъ и при этомъ надо отрѣшиться отъ всѣхъ предразсудковъ и дать полную свободу мысли. Чтобы воспроизвести прекрасное, надо изучить всѣ способы, пригодные для изображенія природы, надо умѣть пользоваться всѣми существующими художественными пріемами. Изъ совокупности дѣятельности творческаго генія, постигшаго прекрасное, и умѣлаго работника, его воспроизводящаго, рождается искусство въ его высшемъ значеніи!"

Это общая платформа Т., которая въ книгѣ его получила богатую и разнообразную обработку. Всякій, кого интересуютъ теоретическіе вопросы искусства, найдетъ въ этой книгѣ очень много цѣннаго и интереснаго. (*В. Е. „Жив. Сл." 1913—50*).

Видоизмѣняя слова предисловія этой книги, можно сказать, что охарактеризовать манеру письма автора трудно, оцѣнить ее можно, только ознакомившись съ самими произведеніями. Во всякомъ случаѣ своеобразное по формѣ созданіе Т. дышитъ наравнѣ съ удивительно тонкимъ пониманіемъ сущности искусства, также и искренностью, для нашего времени рѣдкой. Именно теперь кстати выслушать этотъ загробный, но милый и искренній голосъ. Образно даетъ Т. характеристику представителей разныхъ отраслей искусства, прекраснаго въ жизни и въ природѣ и его пониманія въ разныя эпохи.

Не только художнику, но, быть можетъ и главнымъ образомъ—вообще любящему искусство, въ широкомъ смыслѣ слова, сторонникуу чистой эстетики книга Т. дастъ много интереснаго, сообщитъ рядъ цѣнныхъ и свѣжихъ мыслей. (*С. Гр. „Куб. Край". 1913—274*).

189. Курбатовъ, В. Я. 7(47.41)

Петербургъ. Художественно-историч. очеркъ и обзоръ художественнаго богатства столицы. 1913. Спб., изд. Общины св. Евгеніи. 16°. VIII+662+32 стр. Съ 315 иллюстр. и книжн. украш. А. П. Остроумовой - Лебедевой. Ц. 3 р. 50 к.

К. какъ бы суммируетъ въ своей книгѣ итоги разбросанныхъ въ спеціальныхъ изданіяхъ отдѣльныхъ изслѣдованій по прошлому и настоящему петербургскаго зодчества, облегчая возможность изучить Петербургъ съ этой стороны. Пусть былая архитектурная цѣлость Петербурга и „строгій, стройный видъ", который такъ любилъ Пушкинъ, нарушены, все же осталось много первоклассныхъ зданій, цѣлыхъ архитектурныхъ ансамблей и отдѣльныхъ уцѣлѣвшихъ отъ эпохи расцвѣта деталей. На долю нашей столицы выпало счастье быть тѣмъ послѣднимъ городомъ, гдѣ творили великіе зодчіе начала девятнадцатаго вѣка, этой послѣдней эпохи великихъ созданій въ архитектурѣ. Исторія петербургскаго зодчества изложена К. въ яркихъ и интересныхъ главахъ. Онъ начинаетъ съ Петровской эпохи и затѣмъ подробно останавливается на позднѣйшихъ періодахъ. Передъ читателемъ проходятъ картины елизаветинскаго и екатерининскаго Петербурга въ созданіяхъ архитекторовъ этихъ эпохъ, и особое вниманіе удѣляется петербургской архитектурѣ въ царствованіе Александра I, когда работали Томонъ, Захаровъ и Росси. Затѣмъ идетъ періодъ упадка, непрерывный до нашихъ дней, когда появляются первые признаки возрожденія, питаемаго изученіемъ великихъ образцовъ прошлаго. Зодчество составляетъ главнѣйшій предметъ книги К. Изданіе носитъ печать вкуса и изящества. (*Кн. „Кіев. М." 1913—331*).

Книга К., извѣстнаго знатока Петербурга, имѣетъ цѣлью „помочь любящимъ красивое и желающимъ изучить Петербургъ", раскрыть глаза читателей на окружающую насъ красоту. Со страницъ изящно изданной книжки, такой пріятной даже по своему внѣшнему виду, смотрятъ безчисленные порталы, фризы, аттики, барельефы, давно извѣстныя зданія, мимо которыхъ каждый проходилъ сотни разъ, представляясь читателю въ новомъ, незнакомомъ свѣтѣ, внятно разсказывая своимъ видомъ объ яркой, красочной жизни, протекавшей въ былые дни въ стѣнахъ этихъ домовъ-дворцовъ, домовъ-храмовъ. Даны превосходныя иллюстраціи не только внѣшности города, но даже и внутренняго убранства нѣкоторыхъ частныхъ домовъ и церквей. Отдѣльныя главы разсматриваютъ петербургскую живопись, скульптуру, мелкія художественныя украшенія, мебель, словомъ все то, изъ чего слагается фонъ обитаемаго жилища. Въ высшей степени интересенъ „обзоръ художественнаго достоянія Спб." по районамъ и улицамъ: здѣсь отмѣчены зданія или детали ихъ, мосты, сады,—все, имѣющее какую-либо художественную цѣнность, съ точнымъ указаніемъ эпохи, къ которой относится каждая данная достопримѣчательность. Историческій очеркъ, написанный живо, сжато и обоснованно, страдаетъ,

однако, небольшими недочетами; книга разсчитана не на спеціалистовъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуетъ отъ читателя извѣстной подготовленности въ области исторіи архитектуры; нѣтъ точнаго опредѣленія направленій, встрѣчаются упоминанія европейскихъ зданій безъ указанія ихъ мѣстонахожденія и т. п.; въ спорныхъ вопросахъ петербургскаго зодчества есть нѣкоторая невыдержанность. Эти частичные недочеты отнюдь не умаляютъ общаго значенія труда первой и единственной въ наше время книги о Петербургѣ, въ которой „полнощныхъ странъ краса и диво“ получаетъ любовную и исчерпывающую оцѣнку. (*Т. Глаголева. „День“. 1913—268*).

Собственно говоря, книгу вѣрнѣе было бы назвать „Старымъ Спб.“, потому что новыя постройки—начиная со второй половины XIX в.— не вошли сюда. Не всѣ рисунки одинаковаго достоинства, но большинство изъ нихъ превосходны. Претендовать на серьезное научное значеніе книга не можетъ, да она и названа очеркомъ. Но изученіе это, какъ справочное, можно рекомендовать каждому петербуржцу, и при нашей небрежности и неосвѣдомленности насчетъ памятниковъ старины ознакомиться обывателю съ трудомъ К. прямо-таки необходимо. (*Г. „Ист. Вѣстн.“ 1913—12*).

190. [Щепкинъ, М. С.] 792:92(Щ.)

Мих. Сем. Щепкинъ (1788—1863). Записки его, письма, разсказы, матеріалы для біографіи и родословная. Съ предисл. и подъ ред. М. А. Щепкина. 1914. Спб., изд. т-ва А. С. Суворина. 396 стр. Съ портр. и иллюстр. Ц. 2 р. 50 к.

Книга представляетъ собою какъ бы второе и очень дополненное изданіе вышедшихъ въ 1864 г. „Записокъ и писемъ Щ.“ Редакторъ новаго изданія сообщаетъ въ предисловіи, что онъ хотѣлъ помѣстить въ своей книгѣ „по возможности все появившееся въ печати о Щ., начиная съ 1864 г.“.

Это намѣреніе, конечно, не выполнено, да и не могло быть выполнено, потому что, помимо монографической литературы о знаменитомъ артистѣ, существуетъ о немъ громадная „мемуарная“ литература, въ которой Щ. упоминается, такъ сказать, попутно. Укажемъ хотя бы, что послѣ 1864 г. появились записки Ив. Ив. Панаева, гдѣ почти вся вторая глава второй части посвящена Щ. Русьевъ въ своей обширной біографіи Щ. (1912 г., „Половцевскій словарь“) приводитъ громадную библіографію. Редакторъ второго изданія „Записокъ“ ею не воспользовался, да и вообще его изданіе носитъ совершенно случайный характеръ. Цѣнность его только въ томъ, что распроданное изданіе появилось вновь въ продажѣ, притомъ съ дополненіями. Впервые появилось въ этомъ изданіи одно доселѣ неизвѣстное письмо Щ. къ актеру Сосницкому. Письмо мало интересное. Въ общемъ, очень пріятно, что эта книга появилась, хотя она не можетъ удовлетворить ни спеціалистовъ, такъ какъ даетъ имъ слишкомъ мало, ни широкаго читателя, такъ какъ слишкомъ дорога. „Записки Щ.“ написаны живо, читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ. Для характеристики крѣпостныхъ нравовъ начала XIX вѣка — онѣ незамѣнимы. Не забудемъ, наконецъ, что „первопричиной“ записокъ Щ. явился А. С. Пушкинъ. Первыя слова рукописи написаны имъ. Щ. былъ не только замѣчательнымъ артистомъ. Онъ былъ самъ по себѣ довольно значительный человѣкъ. Изъ двороваго мальчика графовъ Волконштейновъ онъ превратился въ „премьера“ казеннаго московскаго театра, въ друга Гоголя, въ пріятеля Грановскаго, Аксакова и многихъ другихъ замѣчательныхъ людей сороковыхъ годовъ. (*Эльзевиръ. „Рѣчь“. 1913—330*).

Чтеніе „Записокъ“ даетъ много наслажденія ароматомъ старины, занимательностью и умѣньемъ изложенія, — большой талантъ ихъ автора сказался и здѣсь. Въ это изданіе включены не вошедшія въ первое двѣ послѣднихъ (XI и XII) главы „Записокъ“. Очень интересны и собранныя воедино въ этомъ изданіи письма Щ., разсѣянныя прежде по различнымъ газетамъ и журналамъ. Сюда вошли письма: къ Сосницкому, Гоголю, А. И. Шубертъ, сыну Николаю, Аннѣнкову, Шумскому, Баратинскому, Лентовскому, теплыя письма къ Шевченко, съ которымъ Щ. былъ связанъ горячей любовью и дружбой, и др. Очень интересны 10 писемъ Гоголя къ Щ. Эти письма печатались раньше со многими ошибками, пропусками, выпущенными фамиліями, теперь же они исправлены по оригиналамъ, находившимся у М. В. Лентовскаго. Третью часть книги составляютъ: родословная, матеріалы для біографіи, разсказы Щ. и воспоминанія о немъ. Безспорно эта книга — одна изъ интереснѣйшихъ въ небогатой литературѣ по исторіи русскаго театра. Издана она хорошо и изящно. (*Ф. Н—въ. „Кіевъ. М.“ 1913—331*).

Щ. великъ въ исторіи нашего театра не столько тѣмъ, что былъ талантливый актеръ, превосходно воплотившій своей игрою типы Грибоѣдова и Гоголя, сколько тѣмъ, что онъ первый заговорилъ о долгѣ и обязанностяхъ актера. Онъ первый у насъ, въ Россіи, сталъ указывать на то, что надо играть не роли, а пьесу, что надо думать не объ успѣхѣ лично своемъ, а объ успѣхѣ ансамбля. Тѣ завѣты, что оставилъ онъ своимъ товарищамъ, дышатъ великой любовью къ искусству и свидѣтельствуютъ о томъ, какъ горячо и беззавѣтно относился Щ. къ театру, которому отдался всей душою еще крѣпостнымъ подросткомъ. Онъ въ теченіе всей долгой жизни оставался на высотѣ своей задачи: просто, естественно передавать движенія человѣческой души. Этимъ онъ захватилъ и покорилъ своихъ современниковъ, — онъ показалъ, какъ фальшива та декламація, которой обучали старички молодежь. И понятно, почему Пушкинъ, Гоголь, Грановскій были ближайшими друзьями Щ. То, что говорилъ, за что ратовалъ Щ., — это то истинное, то великое, что нерѣдко у насъ въ наши дни забываютъ, — это правда, и прежде всего правда. Когда Гоголь по прошествіи многихъ лѣтъ послѣ перваго появленія „Ревизора“ на сценѣ сталъ увѣрять, что имъ выведены не живые люди, а символы, Щ. съ жаромъ возсталъ противъ этого толкованія. Онъ писалъ Гоголю, что такъ сроднился не только со Сквозникомъ, а со всѣми Пуговицыными, что отнять ихъ отъ себя не позволитъ. „Не давайте мнѣ никакихъ намековъ,— пишетъ онъ автору пьесы,— что это-де не чиновники, а наши страсти. Нѣтъ, не хочу я этой передѣлки, это люди настоящіе, живые люди, между которыми я выросъ и почти состарился... Съ этимъ въ десять лѣтъ я совершенно сроднился, и вы хотите от-

нять ихъ у меня! Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ, не дамъ, пока существую! Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ, а до тѣхъ поръ не уступлю вамъ Держиморды, потому что мнѣ онъ дорогъ...“

Взглядъ Щ. на то, чѣмъ долженъ быть актеръ на сценѣ и какъ онъ долженъ приступать къ изученію роли, особенно ясно виденъ изъ письма его къ своему ученику, впослѣдствіи къ одному изъ лучшихъ артистовъ XIX вѣка — С. В. Шумскому. Онъ говоритъ, что совершеннымъ актеръ быть не можетъ, но приближаться къ совершенству долженъ настолько, сколько природа дала ему средствъ.

„Ради Бога, — пишетъ онъ дальше, — не думай смѣшить публику: вѣдь и смѣшное и серьезное вытекаетъ все-таки изъ вѣрнаго взгляда на предметъ... Слѣди неусыпно за собой. Пусть публика тобой довольна, но самъ къ себѣ будь строже ея — и вѣрь, что внутренняя награда дороже всѣхъ аплодисментовъ. Старайся быть въ обществѣ, сколько позволяетъ время, изучай человѣка въ массѣ, не оставляй ни одного анекдота безъ вниманія, и всегда найдешь предшествующую причину, почему случилось такъ, а не иначе: эта живая книга замѣнитъ тебѣ всѣ теоріи... Всматривайся во всѣ слои общества, безъ предубѣжденія къ тому или другому, и увидишь, что вездѣ есть и хорошее и дурное... Не пренебрегай отдѣлкой сценическихъ положеній и разныхъ мелочей, подмѣченныхъ въ жизни, но помни, чтобъ это было вспомогательнымъ средствомъ, а не главнымъ предметомъ: первое хорошо, когда уже изучено и понято совершенно второе...“ (*Rectus. „Нов. Вр.“ 1913—13549*).

191. Карповъ, П. *) 891.7—3

Пламень. Романъ изъ жизни и вѣры хлѣборобовъ. 1914. Спб. 141 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Не слишкомъ ли напряженнымъ усиліемъ привлечь вниманіе и заставить остановиться на жизни деревни объясняется появленіе въ свѣтѣ произведенія, которое, при всей его комичности и анекдотичности, все же наводитъ на весьма грустныя размышленія.

Произведеніе это именуется „Пламень“. Отвести его къ какому-либо опредѣленному типу произведеній—невозможно. Съ первой же строчки его читателю становится ясно, что въ печатныхъ строкахъ довольно изящнаго съ внѣшней стороны изданія все насыщено какимъ-то больнымъ бредомъ, съ одной стороны, и какимъ-то стилистическимъ блудомъ—съ другой. И по мѣрѣ того, какъ разворачивается предъ читателемъ жизнь современной деревни (нужно сказать: будто бы жизнь современной деревни), ея хлѣборобовъ и ихъ вѣра,—все сильнѣе и сильнѣе охватываетъ желаніе бросить куда-нибудь подальше эту кощунственную книгу, сочиненную больнымъ мозгомъ, убитымъ больными призраками и грязными фантазіями. Книгу, въ которой нѣтъ современной деревни, современнаго крестьянина, современнаго помѣщика, современныхъ теченій, современной жизни. Книгу, гдѣ есть одинъ грязный распущенный хаосъ, сплошная безтолочь, удушающій туманъ, скопище животныхъ, по ошибкѣ именуемыхъ людьми, и одна единственная интрига, которая выражается исключительно въ проявленіяхъ похоти.

*) См. „литературный отд.“ въ № 6. „Новые романы и повѣсти“.

Говорятъ, авторъ молодъ и самъ изъ крестьянской среды. Если это такъ, если у него есть хоть атомъ самокритики, онъ долженъ просто бросить свой „Пламень“ въ пламень печки. Это будетъ самымъ талантливымъ его шагомъ. А затѣмъ, уже послѣ того, какъ сожжетъ такой скверный и вредный корабль, ему нужно садиться на литературную скамью и учиться заново.

Теперь онъ весь во власти подражанія. Слишкомъ поздно узналъ онъ о крайностяхъ модернистскихъ теченій въ литературѣ. Но ухватилъ ихъ подражательно, хорошо копируя и повторяя чужія слова. И составилъ, такъ сказать, букетъ крайностей.

Крестьянскій міръ совершенно не виденъ въ „романѣ“ К. Его нѣтъ. Есть отдѣльные мужички, которые въ нужные случаи говорятъ довольно-таки избитыя радикальныя слова о землѣ. Всѣ же остальные представители деревни живутъ только религіозными наваждѣніями, которыя хороши лишь участіемъ въ нихъ женщинъ непремѣнно и неизмѣнно нагихъ, точно современные крестьяники изучали культъ наготы подъ руководствомъ самого Сологуба.

Деревнѣ противопоставленъ нѣкій Гедеоновъ, сильный помѣщикъ, который, по волѣ автора, то дѣлается губернаторомъ съ неограниченными полномочіями, то живетъ мирно въ своемъ углу. Авторъ не поскупился на то, чтобы изобразить этого Гедеонова сосудомъ самыхъ невѣроятныхъ мерзостей и гнусностей. Гедеоновъ —какой-то сверхземной злодѣй, какое-то олицетвореніе жестокости, зла и страсти мучительствовать: между прочимъ, ему поручается усмиреніе крестьянскихъ безпорядковъ. И вотъ, при этомъ усмиреніи Гедеоновъ проявляетъ во всѣхъ отношеніяхъ чисто нероновскую силу жесткости. И эта картина отталкиваетъ читателя своей вздорностью, своимъ клеветническимъ характеромъ, своей наглой выдуманностью, наглой потому, что, если бы были возможны теперь такія картины на Руси, не стояла бы Русь того, чтобы она существовала. К., конечно, нагло лжетъ, говоря о мужикахъ, посаженныхъ на колъ, о мужикахъ, у которыхъ сжимаютъ веревками голову до тѣхъ поръ, пока не хлынетъ оттуда сѣрый мозгъ, о мужикахъ, у которыхъ вырѣзали на спинахъ кресты и засыпали ихъ солью и битымъ стекломъ, о мужикахъ, у которыхъ, по приговору суда, рубили голову. Да и самъ Гедеоновъ пьющій живую кровь у дѣвушекъ изъ надрѣзанныхъ грудей,—это такая глупая мальчишеская выдумка, о которой серьезно говорить не приходится.

Нелѣпицу К. расширяетъ еще больше, когда рисуетъ жизнь крестьянъ въ ихъ религіозныхъ переживаніяхъ. Оказывается, что всѣ крестьяне хлысты, да при томъ самые злостные; неизмѣнно всѣ моленія оканчиваются у нихъ свальнымъ грѣхомъ. Мало этого: въ массѣ крестьянства, кромѣ хлыстовъ, очень много душителей, красносмертниковъ и, наконецъ, поклонниковъ дьявола—самихъ сатанаиловъ. Всѣ изувѣрскія, соединенныя съ кровью и человѣческими жертвоприношеніями, секты ютятся около монастырей, потому что именно въ монастыряхъ и въ церквахъ, вѣрнѣе въ подпольяхъ подъ ними, совершаются черныя мессы, моленія дьяволу, истязанія, кровопролитія и приношенія юношей въ жертву.

Священники тоже не чужды этого движенія.

По крайней мѣрѣ, К. заставляетъ убивать жену именно священника. А затѣмъ, этого же священника онъ заставляетъ служить въ церкви обѣдню, во время которой, вмѣсто причастія, онъ отравляетъ всѣхъ молившихся. И вмѣстѣ съ тѣмъ, К. спѣшитъ творить и чудеса, и, напримѣръ, заставляетъ мужика съ прострѣленной грудью встать на ноги и весело итти послѣ того, какъ въ рану наливаетъ ему какого-то зелья кудесникъ, каковыхъ, если вѣрить, деревня любитъ и каковыми она до сихъ поръ наполнена.

Дѣлаетъ безумными К. и всѣхъ обитателей тюрьмы и даже самого палача. Описываетъ онъ сцену смертной казни совершенно кошмарно-нелѣпо, и заставляетъ палача требовать, чтобы и его повѣсили. Тюремщики, „содравъ старую кожу на рукахъ и ногахъ, вытянули синія жилы изъ-подъ кроваваго мяса... намотали себѣ на руки", а потомъ катали окровавленнаго человѣка по ковру, усыпанному осколками стекла и пропитанному ядомъ.

Всѣ безумны у К., ни единаго человѣческаго голоса вы не услышите въ его произведеніяхъ. Это сплошной вопль умалишенныхъ, въ палатѣ номеръ шестой, сплошной стонъ и дикій хохотъ. И это сплошная клевета на русскій народъ, на его религіозныя переживанія. Извѣстно вѣдь и младенцамъ, что русскіе сектанты представляютъ собою какъ разъ наиболѣе культурный, тихій и положительный элементъ жизни. На нихъ обрушивалось столько гоненій, столько страданій и мукъ вынесли они, что только жестокое сердце не преклонится предъ такими страданіями, привлекавшими даже къ себѣ иногда взоры всего культурнаго человѣчества. И представлять русское сектантство, какъ религіозно-половое помѣшательство, какъ эксцессъ ритуальныхъ убійствъ, какъ садическія вакханаліи, можетъ только или злостный невѣжда, или больной человѣкъ.

Конечно, раздувать значеніе больной вспышки больного пера не стоитъ. Это просто литературная эскапада, которой будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣе ее забудутъ. Но если мы говоримъ объ этомъ произведеніи, то только потому, что въ немъ слишкомъ много наглой развязности и клеветы въ сужденіяхъ о русскомъ народѣ и его религіозныхъ исканіяхъ, и потому еще, что въ произведеніи отразился болѣзненный уклонъ нашей литературы.

Для полноты его характеристики нужно еще добавить, что оно написано кудрявымъ, претенціознымъ, модернистско-футуристскимъ языкомъ. Темно, непонятно, безсмысленно, обрывисто, загадочно, безъ всякаго порядка, безъ системы, безъ развитія сюжета. Вздорная напыщенность стиля, бездарное стараніе стилизовать народную рѣчь и народную психологію, окружить ее какими-то тайнами, сообщить ей какую-то оккультическую глубину и демоническій обликъ. И все это вздоръ. Вздоръ явный, вздоръ вредный, вздоръ бездарный. Приплетать еще русскую деревню къ этимъ претензіямъ глупости,—значитъ, играть въ абсолютно проигрышную игру. И если деревней теперь мало интересуются, то развѣ можетъ кого-либо заинтересовать деревня въ изображеніи К., въ которой плотское скотство является единственнымъ содержаніемъ жизни. Впрочемъ, есть и положительная сторона въ произведеніи, К. старающагося подчеркнуть, что она все-таки лагеря-то либеральнаго. Авторъ этого вздорнаго произведенія посвящаетъ нѣсколько страницъ лирическимъ и истерическимъ воплямъ на тему о необходимости народу русскому отомстить... Японіи. Этого вполнѣ достаточно, чтобы судить объ идейномъ багажѣ автора. (*Ал. Ожиговъ. „Совр. Сл." 1913—2074*).

По разнымъ причинамъ, которыя мнѣ кажутся вѣскими, объ этой книгѣ молчать нельзя.

Во-первыхъ, К. не лишенъ таланта. Среди сѣрой современной беллетристики, К. все-таки, выдѣляется. Его писанія могутъ возмущать, даже приводить въ бѣшенство, но въ нихъ есть темпераментъ, есть необычность, свойственная только писателямъ недюжиннымъ.

А, во-вторыхъ, и это главное, самъ К., какъ личность, достоинъ вниманія. Въ его безумныхъ писаніяхъ многое объясняется его біографіей.

К.—представитель своеобразнаго и очень современнаго типа. Онъ самъ себя считаетъ аристократомъ, подлиннымъ хлѣборобомъ, представителемъ той среды, которая должна спасти міръ. Онъ — носитель высшей истины.

И новый его романъ, для написанія и напечатанія котораго онъ поставилъ все на карту,— не просто романъ, а новый рецептъ спасенія Россіи и ея хлѣборобовъ.

Нигдѣ, кромѣ Россіи, появленіе подобной книги немыслимо. Только въ странѣ первобытнаго варварства, покрытаго тонкимъ, легко исчезающимъ налетомъ культуры, возможно такое сочетаніе послѣдней дикости, съ послѣднимъ слевомъ модернизма.

Какъ начинающій писатель, К., конечно, подражаетъ. И кому же? А. Бѣлому!

К.—дикарь съ полупроснувшимся сознаніемъ. Обостренное чувство личности выталкиваетъ его изъ среды. Но инстинктивно онъ за среду свою цѣпляется, и всѣ свои личныя, сумбурныя, даже болѣзненныя, переживанія — относитъ на счетъ „хлѣборобовъ", навязываетъ безъ и того темному и несчастному крестьянству русскому, какія-то небывалыя мысли и чувства, подобранныя въ туманной, промозглой атмосферѣ петербургскаго декадентства.

Поэтому книга его—сплошная клевета на русскій народъ, на русскаго хлѣбороба, на его религіозныя исканія.

К. пророчествуетъ о свѣтломъ градѣ будущаго. Но этотъ градъ, украшенный бутафорскими лиліями, розами и ландышами, не внушаетъ никакого довѣрія. Онъ какой-то случайный, притянутый за волосы. Гораздо реальнѣе безотчетная, слѣпая ненависть автора неизвѣстно къ кому и къ чему, его болѣзненная, почти психопатическая фантазія въ описаніи ужасовъ жизни.

Въ его романѣ льются прямо рѣки крови. Оказывается, что не только черносотенные генералы и монахи, но буквально всѣ хлѣборобы кровожадные хлысты, жаждущіе крови во имя религіозной идеи.

Сначала эта кровь васъ тревожитъ. Но потомъ вы становитесь равнодушны. Такъ же какъ городской санитаръ на скотобойнѣ, вы начинаете этой крови не замѣчать и съ трудомъ отличать одну тушу отъ другой. И когда въ самомъ концѣ скотобойни появляется свѣтлый гробъ съ лиліями, вы швыряете книжку въ уголъ.

Поразительно еще вотъ что. К. отлично знаетъ свою крестьянскую среду. Человѣкъ, несомнѣнно обладающій литературными способностями, онъ могъ бы эту среду сдѣлать живой, видимой для нашего душевнаго и плотяного глаза. Но зара-

женный петербургскимъ декадентствомъ, онъ брезгуетъ простой здоровой эстетикой. Хочетъ быть, прежде всего, „символистомъ“. Въ результатѣ получается болѣзненная галиматья. Неизвѣстно гдѣ, что и какъ. Все какіе-то „крутосклоны“. „хвои“, синія бездны, ночные шолесты и златокрылыя ладьи, сладострастныя вакханки съ упругими грудями. И вся эта „поэзія“ густо обмазана „народнымъ стилемъ“. Къ концу книги надо было бы приложить словарь. Иначе, кто пойметъ такія слова, какъ: реготъ, допявшись, гуширь, записпѣвшій, прогундосилъ, суглобый, закуравленный, и т. д.

Нѣтъ. Какъ картина „жизни и вѣры хлѣборобовъ“, книжка хлѣбороба К.—сплошная клевета. Какъ литературное произведеніе, она, свидѣтельствуя о несомнѣнномъ дарованіи автора, должна бы была пролежать у него въ „портфелѣ“, въ качествѣ пробы пера. (*Д. Философовъ. „Рѣчь“. 1913—281*).

Эта книга,—книга великой народной ненависти, порожденной безысходной тьмою подземелья, въ которое загнана русская душа. Тутъ все неумѣренно, непримиримо, страшно, тутъ бунтъ, тутъ ужасающая обнаженность язвъ, выжженныхъ „пламенемъ“, на тѣлѣ хлѣбороба, лишеннаго солнца и земли и раздавленнаго символическимъ генераломъ Гедеоновымъ. Тутъ озера и рѣки крови народной, тутъ и закланіе, и самозакланіе, тутъ сильный и страстный языкъ, въ сравненіи съ которымъ, бѣдный языкъ Андрея Бѣлаго, кажется лепетомъ. Тутъ, наконецъ—бредъ, пугающій кошмаръ.

Стоитъ задуматься надъ потрясающимъ „бредомъ“ К., если въ особенности принять во вниманіе, что его поэма есть отраженное зарево того пожара, въ которомъ сгорѣлъ и отецъ автора, и едва не сгорѣлъ самъ авторъ,— не вымышленнаго, а дѣйствительнаго пожара.

Еще давно авторъ „Пламени“ былъ дѣятельнымъ сектантомъ-„пламенникомъ“, искавшимъ свѣта и въ религіи, и въ революціи, но къ „черносотеннымъ нѣдрамъ“, какъ явно несправедливо утверждаетъ Философовъ, онъ никогда не примыкалъ.

Послѣднее утвержденіе должно быть особенно обидно для К.

Кто же, однако, изъ насъ не проглатывалъ той жабы, о которой говоритъ одинъ писатель, гонимый критиками? Каждый день подавали ему критики жабу; онъ негодовалъ, выходилъ изъ себя и, мало-по-малу, привыкъ до того, что сталъ переваривать жабъ.

Привыкнетъ и К. Жабы—жабами, но зашумятъ и лавры надъ его головою, дастъ Богъ! (*Іер. Ясинскій. „Бирж. Вѣд.“ 1913—13806*).

Если, К. дѣйствительно, талантливый человѣкъ, онъ долженъ совершенно заново переработать вошедшій въ эту книгу матеріалъ. Въ настоящемъ же своемъ видѣ она стоитъ внѣ литературы. Раньше всего ее слѣдуетъ разгрузить отъ крика, нелѣпаго нагроможденія преступленій и мерзостей. По количеству убійствъ и насилій повѣсть К. вѣроятно оказалась рекордной. И все это совершается главнымъ образомъ во имя вѣры. Повѣсть лишена рисунка и выразительности, ибо всѣ краски разлиты и перемѣшаны либо рукой дикаря, либо рукой неуравновѣшеннаго ребенка. (*Евг. Лундбергъ, „День“. 1913—285*).

Мало сказать, что „Пламень“—это не романъ, и не повѣсть, и не бытовые очеркъ; это—нѣчто безформенное во всѣхъ смыслахъ, не только въ литературномъ.

Несмотря на это, а пожалуй, именно благодаря этому, книгу К. нельзя обойти молчаніемъ; вѣдь К. вовсе не „пробуетъ перо“; онъ не похожъ на болѣе или менѣе „обѣщающаго“ автора; онъ не предается столь модньмъ недавно „исканіямъ“, болѣе, или менѣе „мятежнымъ“.

Кто же такой авторъ „Пламени“? Онъ—никто. Книга его—вовсе не книга. Не надо смущаться тѣмъ, что „Пламень“ напечатанъ типографской краской, тѣмъ, что на обложкѣ его художникъ аккуратно насажалъ какихъ то голышей въ акуратномъ терновомъ вѣнчикѣ. Все это — одна условность.

Читая „Пламень“ на любой страницѣ, съ конца ли, съ начала ли, я думаю: вотъ человѣкъ, который всей силой души чувствуетъ, что на него возложена какая то обязанность; обязанность не личная вовсе: онъ исполняетъ нѣкій родовой завѣтъ; можетъ быть, онъ испробовалъ уже много путей для того, чтобы исполнить этотъ завѣтъ; теперь онъ выбралъ вотъ этотъ путь—путь „книжный“; если же и этотъ путь не приведетъ его къ цѣли, онъ опять будетъ искать другихъ путей; и, что всего важнѣе, если не найдетъ ихъ, если погибнетъ онъ, не найдя отвѣта,— дѣло его перейдетъ къ слѣдующему за нимъ; другой „никто“ возьмется за тотъ же плугъ и тотъ, какъ и этотъ, будетъ только звеномъ цѣпи, исполнителемъ завѣта безконечнаго рода „хлѣборобовъ“, который тянется черезъ всю русскую жизнь; не будетъ этому роду конца до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится самое большое, самое сокровенное и самое страшное въ Россіи.

Вотъ почему книга посвящена „пресвѣтлому духу отца, страстотерпца и мученика, сожженнаго на кострѣ „жизни“: плохая аллегорія, суконный языкъ и... святая правда. Вотъ почему и молчать о „Пламени“ не приходится.

Что же такое „Пламень“? Авторъ не видитъ въ русской жизни ничего, кромѣ рѣкъ крови и моря огня; страсть, насиліе, убійства, казни, всѣ виды мучительствъ душевныхъ и тѣлесныхъ,— это фонъ „повѣсти“; на такомъ фонѣ борются два начала: начало тьмы, самъ дьяволъ, олицетворяемый помѣщикомъ, „камергеромъ-дѣторастителемъ“ Гедеоновымъ, который самъ себя называетъ „желѣзнымъ кольцомъ государства“: и начало свѣта, олицетворяемое хлыстомъ Крутогоровымъ, который сквозь мракъ и страданіе идетъ къ Свѣтлому Граду. Всѣ остальныя лица—мужики, хлысты, „злыдота“, колдунья - Люда, свѣтлая Марія, родственники камергера, монахи и пр., и пр.—такія же „олицетворенныя начала“, какъ два основныхъ лица: не лица, а отпрыски двухъ родовъ—свѣтлаго и проклятаго; чуть начинаютъ сквозить личныя черты, — и вотъ уже нѣтъ ихъ, онѣ стираются, исчезаютъ; выступаютъ черты родовыя; но стираются и родовыя черты,— передъ нами опять только „начала“; авторъ не можетъ видѣть иначе; кровь и огонь окрасили все въ глазахъ его однимъ цвѣтомъ.

Критики „Пламени“ твердятъ на разные лады о томъ, что это—„бредъ“; одни говорятъ о бредѣ съ брезгливостью, другіе—съ похвалой; слово, во всякомъ случаѣ, считается найденнымъ. Они правы, если слово „бредъ“ что-нибудь опредѣляетъ.

Бредъ автора „Пламени“ не тотъ, который у

больныхъ проходитъ отъ лѣченья, у декадентовъ—отъ возраста, у пьяницъ—отъ того, что они кладутъ зарокъ; играя словами, можно сказать, что это „непроходимый бредъ", или бредъ неизлѣчимый. Одинъ изъ рецензентовъ полагаетъ даже, что бредъ автора будетъ увѣнчанъ, и „надъ его головой зашумятъ лавры". До лавровъ ли автору „Пламени"? Лавры надъ этой несчастной головой, какая горькая насмѣшка!

Критики говорятъ еще, по поводу К., объ Андреѣ Бѣломъ. Одинъ говоритъ, что К. подражаетъ ему, другой,—что языкъ К. гораздо сильнѣе языка А. Бѣлаго. Впрочемъ, оба говорятъ о подражаніи А. Бѣлому, какъ о чемъ-то непозволительномъ и неприличномъ

Дѣло, конечно, не въ „техникѣ", которой такъ владѣетъ А. Бѣлый, и до которой нѣтъ дѣла К. (не я буду упрекать его въ этомъ). Есть что-то трогательное и значительное въ томъ, что „отверженецъ" К. со своимъ дѣломъ, которое многимъ приходится не ко двору, ищетъ поддержки въ музыкѣ самаго отверженнаго изъ сравненныхъ писателей—А. Бѣлаго. (*„День" 1913—292*).

192. Кармазина, Е. 891.7—3

Дарьины жильцы. Разсказы изъ студенческой жизни конца 90-хъ гг. 1913. Юрьевъ. 247 стр. Ц. 1 руб. 25 коп.

И будни и праздники учащейся молодежи 90-хъ гг. проходятъ передъ глазами читателя въ живыхъ и правдивыхъ сценахъ. Авторъ,—курсистка того времени,—пишетъ не воспоминанія о прошломъ. Всѣ разсказы книги появлялись въ свое время въ провинціальной періодической печати отдѣльными очерками, какъ свѣжія наблюденія и впечатлѣнія только что пережитого. Поэтому они больше напоминаютъ дневникъ, чѣмъ законченную картину; поэтому же недостатки ихъ, какъ художественнаго произведенія, въ значительной мѣрѣ восполняются тѣмъ здоровымъ, жизнерадостнымъ настроеніемъ молодости, которымъ вѣетъ со страницъ книги Да, въ этомъ молодомъ настроеніи автора и ея героевъ и заключается секретъ обаянія „Разсказовъ" К. Здѣсь такъ легко, такъ необходимо слезы смѣняются улыбкой, скорбь—радостью. Такъ быстро залѣчиваются раны. Здѣсь сама смерть теряетъ свое жало, превращаясь въ одно изъ необходимыхъ звеньевъ непрерывающагося процесса жизни. Когда на послѣдней страницѣ книги мы попадаемъ на кладбище вслѣдъ за гробомъ безвременно скончавшейся курсистки Дуни, авторъ и здѣсь сохраняетъ свою неизмѣнную вѣру въ побѣду и торжество жизни.

„У засыпаемой могилы—заканчиваетъ онъ книгу—глухо билась жизнь, росли новыя чувства, складывались новыя отношенія; готовились новыя радости, новыя страданія и слезы". (*Вл. Кр. „Совр. М." 1903—9*).

Скромная идиллическая книжка, написанная нѣсколько наивно, неопытною, видно, рукою. К. сохранила свѣтлую память о тѣхъ временахъ, когда молодежь почти поголовно была увлечена политической борьбой, когда просиживали напролетъ ночи за чтеніемъ какой-нибудь, съ страшнымъ трудомъ добытой, нелегальной книжки, за безконечными спорами марксистовъ съ народниками, а влеченіе къ другимъ занятіямъ, въ ущербъ этимъ, считалось чуть не порокомъ.—Вспоминаетъ она эти времена въ наше безвременье, и захотѣлось ей разсказать, какихъ она видала тогда славныхъ, честныхъ, самоотверженныхъ юношей и дѣвушекъ, какъ они дружно жили, цѣлыми колоніями, изъ которыхъ одна и описана въ книжкѣ.

Дарьины жильцы—колонія студентовъ и курсистокъ, цѣлое землячество, описанное съ большой любовью, даже съ большой долей наивной идеализаціи. Всѣ серьезно учатся, горячо отдаются общественному дѣлу и нѣжно и глубоко любятъ. Даже серьезное разногласіе по вопросу, итти или не итти на демонстрацію, въ этой группѣ молодежи разрѣшается мягко, не вызывая не только ссоръ, какъ это обычно бывало, но даже жестокихъ споровъ.

Хотя спорятъ много,—по вопросамъ теоретическимъ; впрочемъ, о такихъ спорахъ авторъ сообщаетъ лишь отъ себя, какъ и о революціонной дѣятельности нѣкоторыхъ членовъ кружка, кончившейся арестомъ и безвременной смертью зачахнувшей, какъ водится, въ тюрьмѣ милой дѣвушки. Передъ читателемъ же проходитъ домашняя жизнь колоніи, съ безконечными чаепитіями, общими чтеніями, малороссійскими пѣснями и длинными разговорами.

Разговариваютъ очень много и обстоятельно, отъ родителей письма получаютъ пространныя и благородныя, чай пьютъ, такъ чуть ли не сосчитаешь, кто сколько стакановъ выпилъ. А все-таки пріятно вспомнить свѣтлыя стороны той хорошей поры. Да и наивности вѣдь, право, немало было въ самой жизни такой молодежи. (*О. Щеколдинъ. „День". 1913—313*).

193. Гадмеръ, Е. 891.7—3 : (69)

Около желѣза и золота. Очеркъ изъ жизни уральскихъ рабочихъ. 1913. Спб., изд. О. Н. Поповой, 64 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Задача книжки—познакомить въ формѣ разсказа со способами добыванія желѣзной руды и золота на Уралѣ. Герой повѣсти—мальчикъ сирота Гриша, послѣ смерти отца долженъ содержать мать и младшихъ братьевъ и сестеръ. Онъ идетъ искать работы сначала на желѣзный рудникъ, а затѣмъ поступаетъ въ компанію старателей—золотоискателей. Все время находится кто-нибудь, кто объясняетъ Гришѣ все, что онъ видитъ на пріискахъ. Такимъ образомъ, читатель знакомится со способами добыванія желѣза и золота, съ обжиганіемъ желѣзной руды, промывкой золота, съ устройствомъ нѣкоторыхъ машинъ, съ жизнью рабочихъ на Уралѣ и т. п. Конечно, объясненія эти довольно поверхностны, но все же нѣкоторое понятіе даютъ; иллюстраціи—фотографіи съ натуры—помогаютъ понимать эти объясненія, хотя, можетъ быть, юнымъ читателямъ не разъ нужны будутъ объясненія старшихъ. Книжка годится для дѣтей средняго и старшаго возраста. (*„Что и какъ чит. дѣт." 1913—12*).

Въ книжкѣ сообщается много интереснаго матеріала о добычѣ руды и золота; ее вполнѣ можно рекомендовать дѣтямъ. (*Б. Б-въ. „Сиб. Ж." 1913—199*).

Въ качествѣ начальнаго чтенія брошюра представляетъ подходящій матеріалъ. Написана она литературно и достаточно занимательно. (*„Одес. Л." 1913—12*).

Хорошо изданная, съ рисунками, книжечка въ полубеллетристической формѣ очень популярно описываетъ добываніе желѣзной руды и разсыпного и жильнаго золота на Уралѣ. Къ сожалѣнію

описаніе весьма кратко; главное вниманіе обращено только на промывку желѣзной руды и золота, о самомъ же добываніи почти не говорится. Кромѣ того, встрѣчаются и неточныя, а иногда и невѣрныя техническія названія, или даже явныя несообразности. Напримѣръ, упоминается о „жилѣ (?) бурагожелѣзняка" (можетъ быть, пластъ?); развѣдочная канава названа штрекомъ; твердую породу, по словамъ автора, выдалбливаютъ бурами (!) (бурами выдалбливаютъ въ твердой породѣ только цилиндрическія углубленія и въ нихъ закладываютъ динамитъ, или порохъ). Попадаются и нѣкоторыя шероховатости стиля: напр., „покатая наклонность". Несмотря на отмѣченные недостатки изложенія, книжечка заслуживаетъ вниманія, такъ какъ написана простымъ языкомъ, вполнѣ пригодна для дѣтскаго чтенія. (*В. Р. „День". 1913—306*).

194. Жоржель, аббатъ.*) 9(47)(003)

Путешествіе въ Петербургъ аббата Жоржеля въ царствованіе имп. Павла I. Пер. Н. Соболевскаго. 1913. М., кн-во К. Ф. Некрасова, 230 стр. Ц. 1 р. 20 к.

„Мнѣ было семьдесятъ лѣтъ, когда я совершилъ путешествіе въ тысячу шестьсотъ лье; описаніе того, что я видѣлъ, и достойныхъ упоминанія событій въ тѣхъ странахъ, черезъ которыя я проѣзжалъ,—занимало мои досуги"

Такими словами начинается эта любопытная книга. Престарѣлый аббатъ, пережившій гоненія французской революціи, принимавшій энергичное участіе во многихъ политическихъ интригахъ, ѣхалъ въ далекую варварскую страну въ качествѣ депутата мальтійскаго ордена.

На депутаціи лежала сложная обязанность укрѣпить причудливаго императора въ его желаніи стать послѣднимъ за щитникомъ великаго ордена. Всю свою дипломатическую изворотливость депутаты должны были направить къ тому, чтобы разузнать обо всемъ, что творится въ таинственной сѣверной столицѣ.

Зоркимъ, привычнымъ взглядомъ многое увидѣлъ Ж. въ свое сравнительно недолгое пребываніе въ Петербургѣ; много услышалъ придворныхъ сплетенъ, о многомъ догадался. Все это онъ даетъ страницамъ своихъ записокъ. Но не только лукавымъ дипломатомъ рисуется по этимъ запискамъ авторъ ихъ, въ немъ чувствуется, кромѣ того, человѣкъ, одаренный живымъ умомъ и большой любознательностью ко всему, что ему пришлось видѣть. Съ одинаковой точностью заноситъ онъ въ свои записки и о томъ, какъ принималъ ихъ въ Митавѣ Людвигъ XVIII, и въ какихъ корчмахъ приходилось имъ ночевать; и о любовницѣ графа Кутайсова, французской актрисѣ Шевалье, и о непомѣрной платѣ, которую взялъ съ нихъ кузнецъ за поломанное колесо; и о политикѣ Павла, и о петербургскихъ гостиницахъ,—обо всемъ пишетъ онъ съ одинаковой остроумной живостью, вдаваясь въ очаровательныя бытовыя подробности. Вся книга состоитъ изъ ряда не безъ искусства нарисованныхъ картинъ. Безконечное, столь характерное для той эпохи путешествіе въ почтовой каретѣ, съ неизбѣжными приключеніями, въ родѣ напившихся кучеровъ, сломавшейся среди болота оси, переправы черезъ незатянувшійся льдомъ рѣчки, — потомъ подробное описаніе улицъ, домовъ, каналовъ Санктъ-Петербурга; сложныя правила придворнаго этикета; народное гулянье; покрой платьевъ и фасонъ шляпъ; курьезные анекдоты.

Нравы общества, распущенность которыхъ доказывается русскими банями, посѣщаемыми мужчинами и женщинами одновременно; гнѣвныя вспышки императора, опала Суворова и фантастическая судьба графа Кутайсова,— все это равно занимаетъ автора, и онъ пишетъ книгу, кое-гдѣ, можетъ быть, и грѣшащую неточностями, но любопытную и очаровательную, такъ какъ въ ней отражена жизнь интереснѣйшей эпохи. (*Сергѣй Ауслендѐръ. „Рѣчь". 1913—302*).

Какъ европеецъ, Ж. знаетъ, что еще совсѣмъ недавно русскій народъ былъ дикъ, и Петръ Великій (ибо онъ былъ настоящій геній), стремясь цивилизовать свой народъ, долженъ былъ предварительно попутешествовать по Европѣ. Онъ затрудняется включить и теперешнюю Россію въ составъ европейскихъ державъ, т. к. даже величайшій деспотъ Азіи—китайскій богдыханъ, и тотъ обладаетъ властью меньшею, чѣмъ русскій императоръ. Факты и наблюденія той нервной атмосферы, полной всякихъ неожиданностей, которая царила при Павлѣ, являются какъ бы иллюстраціями его положенія. Самъ Павелъ I — непостоянецъ, вспышки гнѣва его необузданны, онъ подозрителенъ ко всѣмъ, относится пренебрежительно даже къ иностраннымъ посламъ. Но онъ достоинъ трона, и Ж. кажется, что онъ откроетъ новую эру въ лѣтописи исторіи.

Интересная и содержаніемъ и отношеніемъ къ нему автора книга должна найти широкій кругъ читателей. Тѣмъ болѣе жаль, что слишкомъ скудны примѣчанія и что переводчикъ странно передалъ польскія названія. (*С. Валкъ. „День" 1913—285*).

Въ книгѣ много любопытнаго, читается она съ большимъ интересомъ. Нравы петербургской аристократіи, описываемые аббатомъ, способны внушить большое презрѣніе, но авторъ все-таки хорошо думаетъ о самомъ народѣ. (*А. „Утро". 1913—2138*).

Авторъ записокъ проявилъ себя, какъ наблюдательный, съ многосторонними интересами человѣкъ, и потому книга его представляетъ большой историческій интересъ.

Въ ней вы встрѣтите цѣлый рядъ мѣткихъ характеристикъ, удачныхъ замѣчаній и оригинальныхъ оцѣнокъ, при чемъ, конечно, дѣло не не обошлось и безъ курьезовъ.

Въ общемъ съ Ж. повторилось общее недоразумѣніе, преслѣдующее иностранныхъ писателей о Россіи; покуда они сообщаютъ чисто внѣшнія наблюденія и факты,—они правдивы; но всѣ они безсильны объяснить душу народа и сквозь его грубые покровы увидѣть его золотую сущность. Тѣмъ не менѣе записки его крайне интересны; написаны онѣ очень популярнымъ языкомъ и читаются легко и свободно. (*В. Е. „Жив. Сл."* *1913—47*).

195. Волкова, Е. 92(0)

Другъ рабочихъ. Разсказъ изъ жизни и дѣятельности Р. Оуэна. 1913. М., Изд. „Задруга". 64 стр. Съ 3 рис. и портр. О. Ц. 15 к.

Сынъ бѣднаго торговца въ Валлисѣ, О. является однимъ изъ первыхъ соціальныхъ рефор-

*) м. „Бюл." № 6. „Изъ историч. прошлаго"

маторовъ прошлаго вѣка. Женившись 20 лѣтъ отъ роду (род. О. въ 1771 г.) на дочери фабриканта Дели, О. послѣ смерти тестя сдѣлался владѣльцемъ фабрики и всю жизнь свою посвятилъ на улучшеніе быта рабочихъ. Весьма желательно распространеніе этой брошюры въ широкихъ кругахъ населенія. (*Z. „Утро" 1913—2138*).

Очеркъ написанъ очень живо, интересно и вполнѣ доступенъ пониманію дѣтей не только старшаго, но и средняго возраста. Положеніе рабочихъ обрисовано, правда, нѣсколько „подѣтски", но въ общемъ вполнѣ хорошо. Ни особой тенденціозности, ни утрировки нѣтъ, и ребенокъ - читатель выноситъ опредѣленное впечатлѣніе о томъ, какъ тяжело, какъ невыносимо тяжело складывается жизнь рабочихъ, и о томъ, какъ кристально-чистый, энергичный, твердый человѣкъ О. положилъ долгіе годы своей жизни на улучшеніе условій ихъ существованія. Хорошо описано то нескрываемое недовѣріе, которымъ рабочіе на первыхъ порахъ встрѣчали всѣ благія начинанія О., и та тяжелая борьба за свое дѣло, которую съ такимъ упорствомъ, съ такою неуклонностью велъ этотъ идеалистъ, стремившійся доказать „всѣмъ фабрикантамъ, что заботы ихъ о своихъ рабочихъ не разорятъ ихъ", и „всему міру, что счастье бѣдняковъ не можетъ принести вреда богачамъ". Въ очеркѣ чувствуется талантливость автора, хотя онъ и не принадлежитъ къ числу лучшихъ его произведеній. Рисунки Н. Живаго талантливы, хорошо передаютъ отдѣльные моменты, но производятъ впечатлѣніе набросковъ, а не готовыхъ иллюстрацій. Въ общемъ книга желательна для дѣтей, такъ какъ въ ней хорошо разсказано о хорошемъ человѣкѣ. (*В Рихтеръ. „Что и какъ чит. дѣт." 1913/14—1*).

196. Щербачевъ, Ю. Н. 92(Щ.+К.)

Пріятели Пушкина—Мих. Андр. Щербининъ и Петръ Павл. Каверинъ. 1913. М., изд. Имп. О-ва Ист. и Древн. Рос. 215 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Дружба Пушкина позолотила и завѣщала потомству нѣсколько именъ, принадлежавшихъ людямъ мало выдающимся, но типичнымъ представителямъ своей эпохи и круга, въ которомъ вращался великій поэтъ. Таковы имена Щербинина, и Каверина; обоихъ Пушкинъ цѣнилъ, обоимъ написалъ посланія, оба „засѣдали" вмѣстѣ съ нимъ въ „Зеленой Лампѣ". Въ Щербининѣ его плѣняло роскошное, красивое эпикурейство; въ Каверинѣ—„возвышенный умъ и сердце подъ легкимъ покрываломъ рѣзвыхъ шалостей", и обоимъ поэтическое сочувствіе Пушкина даровало грамоты на безсмертіе. Для автора эти имена — родовая гордость: онъ внукъ Щербинина и внучатый племянникъ Каверина, выросъ въ атмосферѣ, насыщенной воспоминаніями о нихъ и объ ихъ геніальномъ пріятелѣ. Этотъ культъ Щ. внесъ въ свою интересную книгу. Пользуясь разсказами родныхъ и фамильными бумагами, онъ написалъ біографіи обоихъ своихъ дѣдовъ, двѣ прекрасныя историческія характеристики, и при этомъ сообщилъ длинныя выдержки изъ тетрадей Каверина. На послѣднихъ съ особеннымъ вниманіемъ остановится пушкинистъ. Записки Каверина, въ виду его близости къ Пушкину, вообще заслуживаютъ довѣрія. Есть двѣ любопытныя новинки—застольные стихи, написанные Пушкинымъ въ 1819 г. на дружеской пирушкѣ у Каверина, и эпиграмма Пушкина на самого себя, относящаяся еще къ его пребыванію въ лицеѣ. И неспеціалистъ охотно прочитаетъ книгу Щ., отъ которой вѣетъ ароматомъ незабвенной пушкинской эпохи, полюбуется портретами обоихъ пріятелей Пушкина: въ этихъ изящныхъ, привлекательныхъ обликахъ такъ много „исторіи". (*Н. Л. „Рѣчь". 1913—302*).

Въ оставшихся послѣ смерти П. П. Каверина запискахъ его Щ. нашелъ неизданные стихи Пушкина, относительно принадлежности которыхъ Пушкину авторъ приводитъ рядъ неопровержимыхъ объективныхъ данныхъ. Знатокъ Пушкина Б. Л. Модзалевскій высказывается въ положительномъ смыслѣ по поводу убѣдительности доводовъ Щ. Впрочемъ, относительно нѣкоторыхъ изъ стихотвореній дневникъ Каверина не оставляетъ никакихъ сомнѣній.

Горячій поклонникъ Пушкина, Каверинъ собиралъ все, что выходило изъ-подъ пера поэта. Въ его тетрадяхъ имѣется длинный рядъ стихотвореній Пушкина, изъ которыхъ многія различаются отъ принятаго печатнаго текста. Подъ стихотвореніями Пушкина въ тетрадяхъ Каверина нигдѣ почти не значится его фамилія въ то время, какъ подъ стихотвореніями другихъ авторовъ въ тѣхъ же тетрадяхъ имена авторовъ проставлены. Въ ряду общеизвѣстныхъ стихотвореній Пушкина, какъ „Къ Дельвигу", „Къ Орлову" и др. Щ. отмѣчаетъ недописанныя посланія „Къ Сипягину" и „Къ Плещееву", которыя онъ, не утверждая этого окончательно, склоненъ считать пушкинскими. Вотъ эти стихотворенія:

„На женитьбу Сипягина".

„Уборъ супружескій пристало
Герою съ лаврами носить:
Но ихъ, къ несчастію такъ мало,
Что нечѣмъ даже плѣшь закрыть".

„Къ Плещееву".

„Изъ школы возвратившись,
Обрадуй насъ собой,
И, пьянымъ здѣсь напившись,
Огваливай домой".

Въ тетради Каверина приводится извѣстное стихотвореніе „Рефуртація Беранжера", относительно котораго Щ. приводитъ рядъ доказательствъ несомнѣнной его принадлежности Пушкину. Стихотвореніе это въ редакціи Каверина значительно разнится отъ редакціи, принятой въ изданіи „Литературнаго фонда" и С. А. Венгерова. Въ стихотвореніи имѣются даже двѣ новыя строфы,—третья и пятая. Трудъ Щ. несомнѣнно составитъ цѣнный вкладъ въ исторію изученія Пушкина. (*„День". 1913—300*).

Каверинъ по тѣмъ упоминаніямъ о немъ, какія есть въ стихахъ Пушкина и въ его перепискѣ, рисуется лихимъ гусаромъ, отчаяннымъ кутилой; о немъ говоритъ и Грибоѣдовъ,—что онъ былъ любителемъ „тринкену задать". Щ. рисуетъ его и съ другой стороны, какъ человѣка съ натурой поэтической и мечтательной, съ уваженіемъ относившагося къ наукѣ,—онъ, напримѣръ, до самой старости хранилъ и „съ какимъ-то благоговѣніемъ" показывалъ записку, полученную имъ въ Геттингенѣ отъ одного знаменитаго естествоиспытателя. Къ музѣ Пушкина онъ отно-

сился съ обожаніемъ, и его біографъ дѣлаетъ догадку, что поэтъ, цѣня его вниманіе и литературный вкусъ, сообщалъ ему свои стихи, „быть можетъ допуская его критику". Этому предположенію не противорѣчатъ и извѣстные, посвященные Каверину стихи, въ которыхъ поэтъ, упоминая о „гусарскихъ грѣхахъ" своего пріятеля, вмѣстѣ съ тѣмъ иронически говорилъ о „черни", которая не вѣдаетъ,

Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный, и сердце можно скрыть.

Къ числу лицъ, съ которыми Пушкинъ непрочь былъ проводить дни, „какъ вѣрный сынъ Пафоской вѣры", принадлежалъ и „Щербининъ, рѣзвый другъ забавы". Относительно его Щ. дѣлаетъ предположеніе, не послужитъ ли онъ „хотя нѣкоторыми сторонами своего нравственнаго облика образцомъ, съ коего Пушкинъ писалъ Онѣгина". Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы доказательства, приводимыя въ пользу такой догадки, были особенно убѣдительными. Во всякомъ случаѣ, изслѣдованіе Щ. заслуживаетъ полнаго вниманія, а собранные въ книгѣ матеріалы имѣютъ интересъ не только, какъ касающіеся въ извѣстной степени и Пушкина, но и для характеристики данной эпохи вообще. *(В. Ю. Б. „Нов. Вр." 1913—13557).*

Новыя книги.

Общія сочиненія [0]

812. Ан—скій, С. А. 028

Народъ и книга. Опытъ характеристики народн. читателя, съ прилож. очерка „Народъ и война". 1914. М., „Универс. ки-во" Л. А. Столяръ. 266 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Изъ предисловія: „Книга, составленна изъ очерковъ, значит. дополн. и переработ., появившихся въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ въ различн. періодич. органахъ печати („Рус. Бог.", „Рус. Шк.", „Вѣст. Евр.", „Образ.", „Нов. Жизнь"), является дальнѣйшимъ развитіемъ воззрѣній, изложен. авторомъ въ его трудѣ „Очерки народн. литературы" (1894), изъ котораго въ книгу вошла глава „Что читать народу?".

813. Зоновъ, А. С. 059

Календарь для каждаго. 1914. Годъ изд. VIII. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. 1914. М., скл. изд. „Посредникъ". 207 (дв.) стр. Ц 20 к.

Содержаніе: Общекаленд. свѣдѣнія. (Въ чемъ истинное благо. Благо въ любви. Благо любви. Могущество любви. Кого любитъ Богъ. Пѣсни о любви). Борьба со зломъ. Воспитаніе. Трудъ и трудовыя колоніи. Противъ пьянства. Вегетаріанство. Война. Междунар. яз. Кооперація. Памяти Л. Н. Толстого. Біографіи. (Конгрессъ мира. 2-й междунар. конгрессъ моральн. воспит. 4 междунар. конгрессъ по исторіи религіи. Союзъ для реформы преподав. религіи. Этическія церкви. Всеросс. съѣздъ по семейн. воспит. Дѣло всеобщ. согласія. Общество единенія. Юношескіе этич. кружки. Перелетная птица. Изъ св. Іоанна Златоуста. Стихотв. Указатель книгъ для чтенія). Медицин. и гигіенич. свѣдѣнія.

814. [. 059

Сельскій и деревенскій календарь. И. Горбунова-Посадова. Для улучшенія крестьян. хозяйства. 1914 г. XXI годъ изд. Съ рис. 1914. М., скл. изд. „Посредникъ". 176 (дв.) стр. Ц. 20 к.

Содержаніе: Общекаленд. свѣдѣнія. Какъ сѣять хлѣба и пр. для полученія лучшихъ урожаевъ. Посѣвъ овса. Какъ полезнѣе удобрять навозомъ. Какъ подсиливать землю минеральн. удобреніями. Какъ заготовить лучшія сѣмена. О посѣвѣ рядовыми сѣялками. Какъ улучшить плохіе луга и превратить пустоши въ хорошіе покосы. Какъ получить большіе корма для скота. Хорошій кормъ для скота—кормовые корнеплоды. Какъ улучшить льноводство. Какъ лучше разводить картофель. Какъ вести огородничество. Уходъ за плодовымъ и ягоднымъ садомъ. О хорошемъ уходѣ за скотомъ. Какъ кормить скотъ, чтобы далъ больше дохода. Какъ лучше выбрать молочный скотъ. Уходъ за курами, за пчелами. О деревен. сельскохоз. обществахъ. Какъ достать въ деревнѣ хорошую книгу. Списки полезныхъ книгъ по сельск. хозяйству, кооперации и пр.

815. [. . . . . 082(06)

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ 1913 г. Т. XVIII. Кн. 2-я. 1913. Спб., изд. Имп. Акад. Наукъ, 352 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Перетцъ, В. Н. Украинскій діалогъ. Никаноръ, арх. Великая наука. Марковъ, О. О. Гоголь. Пархоменко, В. А. Три центра древней Руси. Де-Виттъ, А. Повѣсть о Щилѣ. Степановъ, Н. В. Болгарское лѣтосчисленіе. Михайловъ, П. Е. Судная Грамота. Глаголева, Т. М. Сатиры Кантемира. Варнеке, Б. В. Источникъ одной драмы. Бугославскій, С. А. Поученіе Луки Жидяты. Соболевъ, И. И. Языкъ и образы въ стихотв. Ломоносова. Истоминъ, К. К. Старая манера Тургенева.

816. Алтаевъ, Ал. 087.1

Гроза въ Москвѣ. Историч. романъ изъ эпохи Іоанна Грознаго для юношества. 1914. Спб. Тип. М. М. Стасюлевича. 235 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

817. Гартманъ, М. 087.1

Цѣлитель. Баскское преданіе. („Книжка за книжкой", кн. № 94-й). 1913. Спб. Изд. М. И. Слѣпцовой. 16°. 32 стр. Ц. 10 к.

818. Гауффъ, В. 087.1

Избранныя сказки. Пер. съ нѣмец. М. и Е. Соломинныхъ. Съ 12 рис.—„Библ. нашихъ дѣтей, основ. Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ, № 50". Спб. Изд. т-ва О. Н. Поповой, 2-е. 152 стр. Ц. 30 к.

Содержаніе: Карликъ Носъ. Маленькій Мукъ. Судьба Савда. Калифъ Аистъ.

819. Гоголь, Н. В. 087.1

Собраніе сочиненій для дѣтей средняго возраста. 1913. Спб. Тип. М. Стасюлевича. 386 стр., съ 36 рис. Ц. 60 к.

820. Грэнъ, Г. 087.1

Слѣпой братъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Съ англ. въ изложеніи Д. Д. Т. 1913. Спб. Изд. „Школьные Годы". 101 стр. Ц. 30 к.

821. Живаго, Н. 087.1

Коротай Коротаевичъ. Нявина сказка. Текстъ и иллюстр. Н. Живаго. 1913. М. Изд. „Задруга". 4°. 20 стр. Ц. не обозн.

822. Жирковъ, Ив. 087.1
Избранныя русскія сказки. Кн. I. Для маленькихъ дѣтей. 1913. М. Изд. 7-е, Ряз. учебн. мастерской И. Жиркова. 77 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

823. Жуковскій, В. А. 087.1
Собраніе сочиненій для дѣтей средняго возраста. 1913. Спб. Тип. М. Стасюлевича. XII+264 стр. Съ 48 рис. Ц. 40 к.

824. Лабулэ, Эдуардъ. 087.1
Петруша. Финская сказка.—„Библіотека сказокъ". 1914. М. Изд. М. В. Клюкина. 16⁰. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

825. Лемке, Марія. 087.1
Жемчужины русской поэзіи. Для дѣтей стараго возраста. Золотая библіотека. 1913. Спб. Изд. М. О. Вольфа. IV+96+VI стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

826. Лукашевичъ, Кл. 087.1
Воришка. Разсказъ. 1913. М. Изд. т. д. С. Купринъ и К⁰. 31 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

827. Лукашевичъ, Кл. 087.1
Въ глухомъ углу. (Изъ жизни скромныхъ труженицъ). 1914. М. Тип. т-ва И. Д. Сытина. 43 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

828. Лукашевичъ, Кл. 087.1
Искра Божія. Разсказъ. 1914. М. Тип. т-ва И. Д. Сытина. 40+2 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

829. Митьковъ, Н. А. 087.1
Арабскія сказки „Тысяча и одна ночь". Новый пересказъ для русскихъ дѣтей. 1913. М. Изд. І. Кнебеля. 138 стр. Съ рис. Ц. не обозн.

830. Пенькова, М. 087.1
Въ гору. Исторія одной глухонѣмой дѣвочки. Рисунки Ж. Рейнъ. — „Библ. нашихъ дѣтей, основ. Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ. № 49". 1913. Спб., изд. О. Н. Поповой. 144 стр. Ц. 50 к.

831. Поспѣловъ, С. 087.1
Разсказы о дикихъ животныхъ Россіи. Кн. I. Съ 5 рис. — „Библ. нашихъ дѣтей, основ. Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ. № 35". 1914. Спб., изд. т-ва О. Н. Поповой, 2-е. 64 стр. Ц. 15 к.
Содержаніе: Бѣлый медвѣдь. Два брата. Сохатый. Бобръ. Тигръ.

832. Пушкинъ, А. С. 087.1
Собраніе сочиненій для дѣтей средняго возраста. 1913. Спб. Тип. М. Стасюлевича. XI+411 стр. Съ 71 рис. Ц. 60 к.

834. Робертсъ, Ч. 087.1
Разсказы. Кн. 2. Пер. съ англ. М. Волошиновой. Съ 9 рис.—„Библ. нашихъ дѣтей, основ. Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ. № 78". 1913. Спб., изд. т-ва О. Н. Поповой. 126 стр. Ц. 30.
Содержаніе: Воръ. Лѣсной обжора. Въ осадѣ. Воздухоплаватели на верхушкахъ деревьевъ. Зони и Кидъ.

834. Томпсонъ-Сетонъ, Э. 087.1
Приключенія Рольфа. Пер. съ англ. М. Волошиновой. 1914. Спб., изд. т-ва О. Н. Поповой. VI+570 стр. Съ иллюстр. въ текстѣ и на отд. листахъ. Ц. 2 р. 50. к.

835. Ульяновъ, А. 087.1
Вакса и скрипка. Разсказъ изъ жизни разносчика и музыканта. 1914. М. Изд. кн. скл. С. Курнинъ и К⁰. 48 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

836. Хатунскій, С. 087.1
Каменное чудовище. 1913. М. Изд. журн. „Народ. Учитель". 86 стр. Ц. 60 к.

837. Хатунскій, С. 087.1
Приключенія крестьянскаго мальчика. Разсказъ. 1914. М. Изд. кн. скл. С. Курнинъ и К⁰. 88 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

838. Хатунскій, С. 087.1
Съ міру по ниткѣ—голому рубашка. Сказка о голодающихъ дѣтяхъ. 1914. М. Изд. кн. скл. С. Курнинъ и К⁰. 48 стр. Ц. 20 к.

839. Шведеръ, Е. 087.1
Большіе и малые. Разсказы. Библіотека „Тропинки". Подъ ред. П. Соловьевой и Н. Манасеиной. 1914. М. Изд. И. Д. Сытина. 90 стр. Ц. 50 к.

840. Шведеръ, Ев. 087.1
Гимназистки въ гимназіи, дома, на каникулахъ и въ деревнѣ. 1913. Спб. Изд. В. И. Губинскаго. 241 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

841. Шведеръ, Ев. 087.1
Хорошіе люди. Разсказъ для дѣтей. 1914. М. Изд. М. В. Клюкина. 67 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

842. д'Эрвильи, Э. 087.1
Приключенія доисторическаго мальчика. Пер. съ франц. А. Мезіеръ. Со многими рис. 1914. Спб., изд. т-ва О. Н. Поповой, 4-е. 188 стр. Ц. 80 к.
Изъ предисловія: „Авторъ попытался разсказать милымъ слушателямъ отъ 10 до 15-лѣтн. возраста,—не прибѣгая ни къ громкимъ латинскимъ или французскимъ словамъ, ни къ педагогич. пріемамъ,— какъ жили, играли, ѣли, спали, словомъ—какъ боролись съ суровой жизнью своихъ временъ маленькія дѣти тѣхъ людей, которые были нашими предками и жили на нашей землѣ задолго до всякой историч. эпохи."

Философія [1]

843. Фихте, І. Г. 1
Назначеніе человѣка. Пер. съ нѣм. Т. В. Поссе и В. М. Брадиса. Со вступ. статьей проф. И. И. Лапшина. Съ портр. І. Г. Фихте. 1913. Спб., изд. журн. „Жизнь для всѣхъ". 200 стр. Ц. 1 р.

844. Чемберленъ Х. С. 1
Арійское міросозерцаніе. Пер. съ нѣм. О. К. Синцовой. 1913. М. Изд. „Мусагетъ". 88 стр. Ц. 50 к.
Содержаніе: Понятіе гуманизма. Историч. обзоръ. П. Дейссенъ. Значеніе, свойства арійскаго мышленія. Чистота расы. Буддизмъ—явленіе не арійское. Мышленіе цѣлаго народа. Органическое, алогическое мышленіе. Матерія, форма арійскаго мышленія. Эллинъ и индоарієцъ. Мышленіе и религія. Заключеніе. Библіографич. приложеніе.

845. Хвостовъ В. 17
Этика Метерлинка. 1913. М. Тип. т-ва И. Н. Кушнерева и К⁰. 117 стр. Ц. 75 к.
Содержаніе: Мѣсто М. въ наукѣ о нравственности. Природа человѣка. Судьба. Мудрость. Драмы и стихотворенія М. Двѣ міровыя тайны и ихъ соотношеніе. Общая оцѣнка ученія М.

846. Мюллеръ-Лізръ, Ф., д-ръ. 176
Фазы любви. Авториз. пер. съ нѣм. В. Базарова. 1913. М., изд. П. Б. Дауге. XVI+244 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предварит. замѣчанія. Спеціальная часть: Измѣненія чувства любви. Измѣненія мотивовъ брака. Формы и фазы добыванія женъ. Фазы брака. Фазы и причины соціал. положенія женщины. О неустойчивости половыхъ правовъ. Общая часть: Методъ фазъ и линіи направленія прогресса. Линіи направленія въ развитіи полового отношенія.

847. Гладкій, А. 179.7
Взглядъ художниковъ на жизнь. (По поводу самоубійствъ среди учащихся). 1913. М., типолитогр. т-ва И. Н. Кушнерова и К°. 46 стр. Ц. 40 к.

Религія [2].

848. Астровъ, Вл. 28:92
Не нашли пути. (Изъ исторіи религіознаго кризиса). Станкевичъ—Бѣлинскій — Герценъ — Кирѣевскій—Достоевскій. 1914. Спб., кн. скл. М. М. Стасюлевичъ. X+292 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Къ психологіи религіознаго кризиса. Станкевичъ. Бѣлинскій. Герценъ. Ив. Кирѣевскій. Достоевскій: Мечтатель. Мистикъ. Подполье (вопросъ о творчествѣ). „Глубины души человѣческой" (психологъ и художникъ). Приложеніе: забытый автобіографич. очеркъ Ѳ. М. Достоевскаго.

849. Извѣковъ, Н. Д., прот. 2(062)
Историческій очеркъ полувѣковой жизни и дѣятельности Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія. (1863—1913 гг.). Юбилейное изданіе. 1913. М. Тип А. И. Снегиревой. 250+VII стр. съ портр. и рис. Ц. 1 р. 50 к.

850. Даль, В. И. 296
Записка о ритуальныхъ убійствахъ. 1913. Спб. Скл. изд. т-во А. С. Суворина „Нов. Вр.". 127 стр. Ц. 1 р.

851. [. 296
Документъ изъ архива Графа Н. С. Мордвинова, „Употребляютъ или не употребляютъ евреи человѣческую, въ частности христіанскую, кровь въ своемъ пасхальномъ ритуалѣ". Предисловіе и перев. Д. Атласъ. 1913. Одесса. Тип. „Одесск. Новостей". Ц. 5 к.

Соціальныя науки [3]

852. Карнеги, Андрью. 33
Евангеліе богатства. Соціальные этюды. Пер. съ англ., подъ ред. и съ предисл. Б. Л. Эльяшева. 1913. М., скл. изд. т-во скоропеч. А. А. Левенсонъ. XVIII+170 стр. Съ портр. Карнеги. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе редактора рус. изд. Богатство. Трудъ. Конечныя отношенія между капиталомъ и трудомъ. Вознагражденіе. Земля. Индивидуализмъ и соціализмъ. Многообразіе въ природѣ и обществѣ. Семья и бракъ.

853. Силинъ, Н. 332.1 (43.6)
Австро-Венгерскій банкъ. Изслѣдованіе по вопросу объ отношеніяхъ между центральнымъ эмиссіоннымъ банкомъ и государствомъ. 1913. М. Тип. А. Снегиревой. XIII—651 стр. Ц. 3 р.

854. Хаукe, О. А. 333.5
Крестьянское земельное право. Подробное систематич. пособіе къ изученію дѣйствующаго законодательства и практики по вопросамъ крестьянскаго земловладѣнія. „Труды об-ва межевыхъ инженеровъ. Вып. 5" 1914. М. Тип. В. Рихтеръ. X.+372 стр. Ц. 3 р.

855. [. 334
Хронологическая таблица для экономиста. Подъ ред. прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. 1913. М., изд. О-ва Взаимопом. студ. Моск. унив. 1 л. Ц. 20 к.

Содержаніе: Древніе вѣка. Средніе вѣка. Новое время. Либеральный періодъ. Соціальный періодъ. Кооперація.

856. Астровъ, П. И., Вормсъ, А. Е. и др. 34
Изъ текущей юридической практики. 710 вопросовъ и отвѣтовъ изъ области граждан., торговаго, администрат., крестьянскаго и нотаріальнаго права, помѣщен. въ журн. „Вѣст. права и нотаріата" за 1910—1912 гг. Съ предмет. указателемъ. Подъ ред. и съ предисл. А. Э. Вормса. 1913. М. Изд. журн. „Вѣстн. Права". XXI+228 стр. Ц. 2 р. 25 к.

857. [. 347.4
Общедоступная юридич. библіотека, изд. подъ ред. В. Я. Крюковскаго. № 1. Наемъ имущества. Общедост. излож. основн. началъ дѣйствующ. права. 1914. Спб., изд. кн. маг. б. М. В. Попова. 114+12 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Что такое наемъ имущества? Кто можетъ сдавать имущество въ наемъ? Кто можетъ снимать въ аренду имущество? Что можетъ быть предметомъ найма? На какой срокъ можно заключать договоръ найма? (Форма договора). Что слѣдуетъ включить въ договоръ найма имущества? (Содержаніе договора). Обязанности и права наймодавца (хозяина). Обязанности и права нанимателя (арендатора). Общія правила отвѣтственности за неисполненіе договора. Послѣдствія неисправности наймодавца (хозяина). Послѣдствія неисправности нанимателя (арендатора). Прекращеніе найма. Иски и ихъ подсудность. Образцы договоровъ, исковыхъ прошеній и дѣловыхъ бумагъ.

858. Слобожанинъ, М. 352 (47)
Изъ исторіи и опыта земскихъ учрежденій въ Россіи. Очерки. (Къ 50-лѣтію земскихъ учрежденій). 1913. Спб., изд. журн. „Жизнь для всѣхъ". XII+551 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Предисловіе. Земскіе запросы Россіи и земскія положенія 1864 и 1890 гг.: Древнѣйшія земскія организаціи и объемъ ихъ правъ. Распаденіе земской волостной общины и упадокъ земскаго начала въ управленіи. Замѣна идеи земскаго самоуправленія идеей земскихъ повинностей. Основныя тенденціи въ дѣлѣ земской реформы. Земскія Положенія 1864 и 1890 гг. Нѣкоторыя общія условія земской дѣятельности: I. Очеркъ хронически голодающей губерніи: Естественно-климатич. условія. Крестьян. земледѣліе и землепользованіе. Заработки населенія и промыслы. Доходы и расходы крестьянъ. Общекультурныя условія жизни населенія. Выводы и намѣчавшіяся задачи земства. II. Земскія ходатайства передъ правительствомъ: Ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Судьбы земскихъ ходатайствъ. III. О земскихъ финансахъ: Земское обложеніе и земскія раскладки. Вопросъ объ обязательныхъ земскихъ расходахъ и о по

собіяхъ земствъ отъ казны. Земскіе доходы и вопросъ о коренномъ ихъ увеличеніи. IV. Роль крестьянскаго представительства въ земствѣ. Черты изъ жизни и дѣятельности земскихъ учрежденій: Земское хозяйство въ земскихъ и неземскихъ губер. доконституц. періода. Изъ опыта экономич. мѣропріятій земства. Земство въ вопросахъ всеобщаго обученія. Народное здравіе и общественное призрѣніе.

859. Ельницкій, К. 371

Классное чтеніе произведеній, изучаемыхъ въ начальныхъ школахъ. Объяснительное чтеніе. Съ приложеніемъ объяснительныхъ статей, стихотвореній и басенъ. Пособіе для начальныхъ учителей и учительницъ. 1913. Спб. Изд. М. М. Гутзаца. 111 стр. Ц. 50 к.

860. [. . . . : 38(06)

Извѣстія Москов. Коммерческаго Института. Экономич. отдѣленіе. Кн. 1. 1913. М., изд. Моск. Комм. Инст. 212 стр. Съ табл. чертеж. и діагр. Ц. не обозн.

Содержаніе: Проф. А. О. Фортунатовъ. О темахъ студенч. работъ по статистикѣ и экономич. географіи. Проф. П. П. Гензель. Очерки по исторіи финансовъ. Очеркъ I. Финансы древняго міра. Е. П. Данилова. Проблема нравствен. воспитанія (предл. проф. П. Н. Соколовымъ). И. Григорьевъ. Вексельный протестъ въ Россіи (предл. проф. А. Е. Вормсомъ). О. Измаильская. Рабочіе нефтяного дѣла (предл. проф. А. А. Мануиловымъ). П. В. Сытинъ. О вздорожаніи жизни въ Россіи въ 1900—9 гг. и ея причинахъ (предл. проф. А. Ѳ. Фортунатовымъ). Проф. Н. С. Лунскій. Биржевыя вычисленія.

861. М—скій, И. 385

Желѣзнодорожный справочникъ. Служба на желѣзныхъ дорогахъ. Необходимое пособіе для каждаго желѣзнодорожника. 1913. М. Изд. газ. „Семафоръ". 96+II стр. Ц. 60 к.

862. Фуксъ, Эд. 39(09)

Иллюстрированная исторія нравовъ. Т. III. Буржуазный вѣкъ. Пер. В. М. Фриче. 1919. М. Изд. „Соврем. Проблемы". VII+348 стр.+174 листа рис. Ц. 6 р.

Чистыя науки [5]

863. Богомоловъ, С. 513

Вопросы обоснованія геометріи. Ч. 1. Инструкція, математическая логика, идея порядка въ геометріи. Съ приложеніемъ статьи: „Философія математики въ работахъ А. Пуанкарэ". 1913. М. Изд. В. Думнова. 243 стр. Ц. 1 р. 50 к.

864. Вржесневскій, Окт. 513

Доказательство „аксіомы" параллельныхъ прямыхъ (5-й постулатъ Эвклида). Изд. общедоступ. 1913. М., скл. изд. кн. маг. „Наука". 16 стр. Ц. 20.

Изъ предисловія: „Аксіому паралл. прямыхъ не удавалось доказать, потому что было упущено изъ виду слѣдствіе изъ 4-й аксіомы прямой—если какая-нибудь линія пересѣкаетъ данную прямую, то она обязательно пересѣчетъ цѣлый пучекъ прямыхъ, параллельныхъ данной. Между тѣмъ, опираясь на него, нетрудно доказать аксіому параллельныхъ, какъ это и дѣлаетъ авторъ".

865. Лексинъ, Н. Г. 513

Опытъ практическаго руководства по методикѣ геометріи. Практическій курсъ геометріи. Методическія указанія въ формѣ бесѣдъ съ учителями и примѣрные наглядно-лабораторные уроки съ учащимися. 1913. Казань. Изд. кн. маг. Маркелова и Шаронова. 432+IV стр. Ц. 2 р.

866. Щербаковъ, С. 52(075)

Курсъ космографіи для среднихъ учебныхъ заведеній. 1913. Н.-Новгородъ. Изд. 11-е. II+236 стр. Съ рис. + 8 картъ. Ц. 1 р. 10 к.

867. Мигай, М. 53(075)

Уроки физики. Опытъ учебника физики для сельскихъ двуклас. школъ. Съ 149 рис., съ добавл. нѣкотор. практич. указаній для преподавателя и спискомъ учебн. пособій. 1913. Спб., изд. Э. И. Блэкъ. 163+VIII стр. Съ 149 рис. Ц. 80 к.

868. Лебонъ. Г., д-ръ. 53/4

Эволюція матеріи. Пер. съ 12-го франц. изд. съ предисл. инж. Б. С. Бычковскаго. 1914. Спб., изд. М. И. Семенова, 3-е испр. и доп. XXVIII+283 стр. Съ 63 рис. Ц. 2 р.

Содержаніе: Предисловія переводчика и автора. Введеніе. Новыя воззрѣнія на матерію. Ингра-атомная энергія и силы, отъ нея происходящія. Міръ невѣсомый. Дематеріализація матеріи. Промежуточный міръ между матеріей и эфиромъ. Міръ вѣсомый. Возникновеніе, эволюція и исчезновеніе матеріи. Экспериментъ. изслѣдованія автора.

869. Бурштейнъ, А. 57

Анабіозъ и его практическое примѣненіе. По проф. Бахметьеву. 1913. Одесса. Скл. изд. въ кн. маг. „Одес. Новости". 23+1 стр. Ц. 20 к.

870 Ватсонъ (I. A. S Watson). 575.1

Наслѣдственность. Пер. съ англ. д-ра М. Соколова, подъ ред. проф. В. Шимкевича. Съ 15 рис. 1914. Спб., изд. т-ва О. Н. Поповой. 110 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: Введеніе. Почему „подобное порождаетъ подобное"? Измѣненія въ развитіи, или варіаціи. Природа и причины уклоненія въ развитіи. Наслѣдованіе „пріобрѣтенныхъ признаковъ", въ чистыхъ линіяхъ, при скрещиваніи—законы Менделя. Менделизмъ — общій разборъ. Статистич. изученіе наслѣдственности. Задачи хозяйствен. разведенія породъ. Усовершенствованіе врожденныхъ качествъ человѣка. Источники вспомогат. чтенія.

Прикладныя науки [6]

871. Словцовъ, Б. И., проф. 61

Стѣнныя таблицы для медицин. лабораторій. I—VI. 1913. Спб., изд. К. Л. Риккера. 8°.6 (двойн.). табл. Ц. по 20 к.

Содержаніе: Качествен. анализъ мочи. Количеств. анализъ мочи. Качеств. и количеств. изслѣдованіе молока. Клинич. изслѣдованіе кала. Изслѣдованіе крови.

872. Соловьевъ, Б. 616

Леченіе рабочихъ по закону 23 іюня 1912 года. Съ приложеніемъ правилъ о врачебной помощи, принятыхъ страховымъ совѣтомъ. 1913. Спб., изд. „Прибой". 46 стр. Ц. 15 к.

873. Лукинъ, М. Г. 62

Муфты спѣшныя и упругія. Разсчеты, описаніе и разборъ муфтъ различныхъ системъ. 1913. М. Тип. Русск. Товарищ. 320+II стр. съ рис. Ц. 3 р.

874. Сѣровскій, Н. 621.3

Простѣйшая электрическая пожарная сигнализація. Практич. руковод. для самостоят. работъ. 1913. Спб. Изд. К. Л. Риккера. 16°. 126 стр. Съ 103 рис. Ц. 75 к.

875. Богдановъ, С. М., проф. 63

Хозяинъ-практикъ. Пособіе для начинающихъ сельскихъ хозяевъ и для необходимыхъ справокъ по всѣмъ отраслямъ практич. сельскаго хозяйства. 1913. Спб. Изд. А. Ф. Деврієна. XXX+457 стр. Съ 459 рис. Ц. 3 р. 50 к.

876. Фокинъ, Н. Н. 639.1

Охота на тетеревей. 1913. Спб. Изд. журн. „Наша Охота". 48 стр. Ц. 40 к.

877. Патканова, Е. Н. 653

Курсъ практической стенографіи по слуховой методѣ М. А. Терне, разработанной и примѣненный ко всѣмъ языкамъ. 1913. Спб. Изд. 4-е. Тип. В. О. Киршбаума. 62 стр. Съ XVII табл. Ц. 1 р. 60 к.

878. Соколовъ, В. Д. 665

Космическое происхожденіе нефти и другихъ битумовъ. 1913. М. Тип. П. П. Рябушинскаго. 23 стр. Ц. 50 к.

879. Грекуловъ, А. 676

Какъ дѣлаютъ бумагу. Разсказъ для дѣтей. 1913. Бендеры, изд. мастер. наглядн. учеби. пособій. Бендер. Земства. 16°. 12 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

880. Хитьковъ, Н. А. 68(07)

Ручной трудъ. Опытъ руководящихъ правилъ для классовъ ручного труда. Пособіе для завѣдывающихъ училищ., преподав. и воспит. учит. инст., семинарій и курсовъ. 1913. Казатинъ, изд. автора (ст. Казатинъ, Юго-Зап. ж. д.) 16°. 24 стр. Ц. 10 к.

Изъ предисловія: „принявъ во вниманіе авторитетныя мнѣнія лучшихъ педагоговъ, а также личный опытъ и ту богатую литературу, которая указывается въ концѣ брошюры, я и попытался составить предлагаемыя правила".

881. Ѳедоровъ, Вакхъ. 684

Игрушка, какъ начало столярнаго дѣла. Съ предисл. Н. Д. Бартрамъ. 1914. М. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. 149 стр. Съ рис. и табл. Ц. 75 к.

Изящныя искусства [7]

882. Вельфлинъ, Г. 72

Ренессансъ и барокко. Изслѣдованіе о сущности и происхожденіи стиля барокко въ Италіи. Пер. съ нѣм. Е. Лундберга. Съ 16 табл. на отд. листахъ и 19 рис. въ текстѣ. 1913. Спб., изд. „Грядущій День". Ред. А. Л. Волынскій. XII+164 стр. 2 р. 75 к.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Сущность смѣны стилей: Живописный, Монументальный стили. Массивность. Движеніе. Причины смѣнный стилей. Развитіе типовъ: церковная, дворцовая архитектура. Виллы и сады.

883. Фромантенъ. 75

Старинные мастера. Пер. съ франц. Г. Кепинова. Обложка, титульн. листъ и украш. В. Н. Ловитскаго. 1913. Спб., изд. „Грядущій День". Ред. А. Л. Волынскій. 304 стр. Съ иллюстр. Ц. 3 р.

Содержаніе: Предисловіе. Бельгія. Голландія. Примитивы. Именной указатель.

884. Фромантэнъ, Эженъ. 75

Старые мастера. Бельгія-Голландія. Пер. Н. Соболевскаго, съ 21 франц. изд., подъ ред. М. С. Сергѣева. Съ 91 рис. въ текстѣ и 2 рис. въ краск. 1914. М., изд. „Проблемы эстетики" М. Марескъ. 412 стр. Ц. 3 р. 25 к.

Содержаніе: Вступленіе. Бельгія: Музей въ Брюсселѣ. Учителя Рубенса. Рубенсъ въ Брюссельскомъ музеѣ, въ Мехельнѣ. Снятіе съ креста и Распятіе. Рубенсъ въ Антверпен. музеѣ. Рубенсъ - портретистъ. Могила. Рубенса. Ванъ-Дейкъ. Голландія: Гаага и Шевенингенъ. Происхожденіе и характеръ голланд. школы. Vivier. „Сюжетъ" въ голланд. картинахъ. Павелъ Поттеръ. Тербургъ, Метсу и П. де Хогъ въ Луврѣ. Рейсдаль. Кейпъ. Вліяніе Голландіи на франц. пейзажъ. Урокъ анатоміи. Фр. Хальсъ въ Гарлемѣ. Амстердамъ. Ночной дозоръ. Рембрандтъ въ галлереяхъ Сикса и Ванъ Лоонъ, въ Луврѣ. Синдики. Рембрандтъ. Бельгія: Ванъ Эйки и Мемлингъ.

885. Юринъ, Н. А. 78(09)

Краткій очеркъ всеобщей исторіи музыки. Конспективное изложеніе примѣнительно къ консерваторской программѣ. Пособіе для изученія исторіи музыки и для подготовки къ экзаменамъ по этому предмету въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ. 1913. Спб. Изд. В. Бессель. IV+154 стр. Ц. 1 р. 50 к.

886. Тернанъ, К. И. 796

Фехтованіе на рапирахъ. Предисловіе ген-лейт. А. Д. Бутовскаго. 1913. Спб. Тип. періодич. изд. М-ва Финан. 16°. 220 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Литература [8]

887. [. . . . . 8—8

Летучіе альманахи. Вып. 11. 1913. Спб., изд. „Рубиконъ". 143 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: И. Рѣпинъ. Впечатлѣнія дѣтства. А. Купринъ. Бестія. П. Рукавишниковъ. Когда пали стѣны храма. Карменъ. Кукинъ папа. А. Вознесенскій. Мостикъ. А Тамариновъ. Бонза. Стихотворенія: С. Городецкаго и Д. Цензора.

888. [. . . . . 8—8

Лирика. Первый альманахъ. 1913. М., кн-во „Лирика". 94 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Стихотворенія Ю. Анисимова, Н. Асѣева, С. Боброва, Б. Пастернака, С. Раевскаго, С. Рубановича, А. Сидорова, В. Станевичъ.

889. [. . . . . 8—8

Мезонинъ поэзіи. Вып. III—IV. Крематорій здравомыслія. 1913. М., кн-во „Мезонинъ Поэзіи". 48 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: И. Сѣверянинъ: Самоубійца. Отъ Севастополя до Ялты. Хрисавоэ: Нынче еще... Скорбью я скоро убью... Небо усталостью стиснуто... Тарантелла тарантула!.. Въ сумракъ

опустимъ... В. Шершеневичъ: Благовѣстъ кувыркнулся... Землетрясеніе. Вы вчера... Въ рукавицу извозчика... С. Третьяковъ: Мы строимъ... Лифтъ. Безоблачное небо. Итти свѣтло. Мы чаю не допили. Р. Ивневъ: Былъ вѣтеръ... Трогательную строчку... Каждый разъ... Нелли: Узоромъ исхищреннымъ... К. Большаковъ: Грезная ванна. Милостивые Государи, сердце разрѣжьте... Фабрика. П. Широковъ. Я—клоунъ полуночья... Б. Лавреневъ: Истерика Большой Медвѣдицы. Боевая тревога. П. Погодинъ: По хорошему. Видѣнье. На террасѣ. М. Сандомірскій: Вѣдьма. Сумерки. К. Чайкинъ: Майская ночь. М. Моравская: Фіалки. Жалость уходитъ. Южная истерика. С. Бекетова: Прощайте!.. В. Шершеневичъ. Прозаическіе эксперименты. Хрисанѳъ: Княжна Каракатищева. Разсказъ. В. Шершеневичъ: Открытое письмо М. М. Россіянскому. М. Россіянскій: Изъ отрывного календаря элементарностей. Аббатъ Фанферлюшъ: Пошлость на пьедесталѣ („Звенья“ Бальмонта). Милостивымъ Государямъ. Письмо въ редакцію. К. Большакова.

890 [. . . . . 8—8

„Прометей“. Литературно-художеств. сборники. Кн. 2. 1913. Спб., изд. „Прометей“ Н. Н. Михайлова. 265 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Прибой, А. По темному. Никандровъ, Н. Во всемъ дворѣ первая. Сургучевъ, И. Сосѣдка. Измайловъ, А. Бѣлый дурманъ. Треневъ, К. Владыка. Воиновъ, Вл. Крутьковская, Пасха. Шагинянъ, М. Стихотворенія. Яблочковъ. Г. Старикъ. Пѣтуховъ.

891. Майнъ-Ридъ 82—3

Въ погонѣ за дикой лошадью. Пер. Н. Н. Лотоцкой. 1913. Спб. Изд. „Дѣятель“. 16⁰. 139 стр. Ц. 20 к.

892. Вернъ, Жюль 84—3

Приключенія капитана Гаттераса. Пер. А. Г. Загловской. 1913. Спб. Изд. „Дѣятель“. 16⁰. 480 стр. Ц. 70 к.

893 Коппе, Фр. 84—3

Кусокъ хлѣба и др. разсказы. Пер. съ франц. О. А. Лобасовой. 1913. Спб. Изд. „Дѣятель“. 65 стр. Ц. 20 к.

894. Коппе, Фр. 84—3

Молочная сестра и др. разсказы. Перев. съ франц. О. А. Лобасовой. Общедоступная библіотека. № 284. 1913. Спб. 16⁰. 59 стр. Ц. 10 к.

895. Эрманъ-Шатріанъ. 84—3

Исторія новобранца 1813 г. (Повѣсть). Съ рис. Сокращ. пер. съ франц. В. Корженцева. 1914. М., изд. „Задруга“. 120 стр. Ц. 25 к.

896. Абд-ур-Рауфъ. 891.55—3.

Разсказы индійскаго путешественника (Бухара, какъ она есть). Пер. съ персид. А. Н. Кондратьева. 1913. Самаркандъ, изд. Махмудъ-Ходжа Бегбуди. 102 стр. Ц. 60 к.

Изъ предисловія: „Нѣсколько мѣсяцевъ я изучалъ Бухару и бухарцевъ и познакомился съ большинствомъ ихъ дѣлъ. Съ полнымъ прискорбіемъ я могу сказать: бухарцы не одни принимаютъ участіе въ общемъ упадкѣ мусульманскаго міра, ови тащатъ за собой въ долину безпечности и другіи мусульманскія племена“.

897. [. 891.6

Романъ Тристана и Изольды въ изложеніи Ж. Бедье. Пер. Е. С. Уреніусъ. 1913. М., кн-во К. Ф. Некрасова. 202 стр. Ц. 1 р.

Изъ предисловія: „Легенда о Т. и И. принадлежала къ тѣмъ бретонскимъ эпическимъ твореніямъ, которыя кельты противопоставили клонящейся къ упадку римской литературѣ, неся съ собой свѣжую струю чувствъ, новаго постиженія тайнъ природы, тайнъ любви и смерти. Сила этихъ чувствъ и тайнъ такъ велика и чиста, что и теперь цѣлебно прикоснуться къ нимъ. Бедье проникся незамѣнимой ясностью древнѣйшаго варіанта поэмы и его яснымъ свѣтомъ пронизалъ прочія перипетіи романа, кропотливой работой извлеченныя изъ груды разрозненныхъ фрагментовъ“.

898. Елеонская, Е. И. 891.7 (09)

Матеріалъ для занятій въ семинаріи по народной словесности. (Сказка). 1913—14 М. Тип. А. Снегиревой. 26 стр. Ц. 15 к.

899. Большаковъ, Конст. 891. 7—1

Сердце въ перчаткѣ. (Стихи). 1913. Кн-во „Мезонинъ Поэзіи“. 16 стр. Ц. 45 к.

Содержаніе: Посвященіе. Грезная ванна. 2. Иммортель. Аэромечта. Нѣсколько словъ къ моей памяти. 6. 7. Очень длинный вечеръ. Полночь. Городская весна. Августу. Intérieur. Вернисажъ осени. Фабрика. В. Шершеневичу. Святое ремесло. 17. Эпилогъ.

900. Ивневъ, Р. 891.7—1

Самосожженіе (откровеніе). Листъ 2. Книга I. (Стихи). 1913. Спб. Изд. „Петербургскій Гламатай“. 16 стр. Ц. 50 к.

901. Леонидовъ, Олегъ. 891.7—1

Стихи. 1914. М. Изд. „Лорлей“. 95 стр. Ц. 1 р.

902. П. Я. 891.7—1

Русская Муза. Художественно-историч. хрестоматія. Составилъ П. Я. 1914. Спб., скл. изд. конт. жур. „Рус. Бог.“ VIII+468 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Изъ предисловія: „Мы старались подобрать даже крупицы поэзіи,—отдѣльныя блестки, тамъ и сямъ разсѣянныя въ нашей стихотворной литературѣ, и твердо надѣемся, что въ общемъ книга эта даетъ читателю правильное представленіе о художествен. характерѣ русской лирики, начиная съ Державина и кончая стихами текущаго столѣтія“.

903. Хомяковъ, А. и Аксаковъ, К. 891.7—1

Стихотворенія. Съ предисл. Т. П.: Жизнь и произведенія Х. и А. въ связи съ теоріей славянофильства. 1913. Спб., изд. журн. „Жизнь для вс.“ 12⁰. 184 стр. Ц. 50 к.

904. Рылѣевъ и Одоевскій. 891.7—1/3

Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева и А. И. Одоевскаго. Съ прилож. очерка Т. В. Поссе: „Жизнь и творчество Рылѣева и Одоевскаго въ связи съ общественн. и литературными теченіями начала XIX в.“ 1913. Спб., изд. журн. „Жизнь для всѣхъ“. 565+VI стр. Съ 3 портр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Очеркъ Т. Поссе. Сочиненія Рылѣева: Думы. Отрывки изъ Думъ. Поэмы. Стихотворенія. Проза. Письма. Сочиненія Одоевскаго: Стихотворенія. Проза.

905. Витинъ, В. 891.7—2

Земскій дѣятель Нератовъ. Сцены въ 4-хъ дѣствіяхъ. 1913. Спб., скл. изд. кн. маг. б. М. В. Попова. 62 стр. Ц. 60 к.

906. Афанасьевъ, А. Н. 891.7—3

Русскія народныя сказки. Т. I. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. 1913. М. Тип. товарищества

И. Д. Сытина. LXII+224+II стр. Съ рис. Ц. не обозн.

907. Брандтъ, Н. 891.7—3

Carceri (Темницы). Четвертая книга стиховъ. 1913. Кіевъ, тип. „Прогрессъ", 3. М. Сахнина. 96 стр. Ц. 70 к.

Содержаніе: Карменчита. Синѣютъ окна... Людовикъ XI. Будемъ безмолвны... Прогулка палача. Святилище страсти. Котъ-сводня. О, скорбь... Ночное. Онъ и она. Исповѣдь въ погребкѣ. Какъ прощальная ласка... Два міра. Подъ святки. Повсюду строгость ликовъ... Царство дремы... Ужели нѣтъ... О если бъ. Отходящіе. Лукреція Борджіа. Хорошо умереть... Въ сердцѣ моемъ... Сатана на шабашѣ. Безмолвье... Пробужденіе. Ея дыханье. Неистребимое. Напрасно ночь. По-архангельски безстрашенъ... Въ часовнѣ изъ березъ... Панъ Твардовскій. Надеждамъ. Старая маркиза. Покуда сонъ... Пророкъ. Серенада Мефистофеля. Вагнеріо. Въ плѣну. Какъ въ Магдебургѣ... И любо травкамъ... Въ темень уносятся... Два дара. Видѣнье. Донъ Жуанъ. Докучаютъ думы... Послѣдній титанъ. Есть звуки... Наплывъ тѣней... Надъ городомъ... Бьется сонъ... Das Würfelspiel. Nur schwache... Ich frug... Der Wind... In der Himmel... Было время... Башня. По круглой лѣстницѣ... Стремился ввысь... Древнихъ красокъ... Въ часъ смерти. Безумье. Побѣда. Скользитъ... Поклоненіе волхвовъ. Снова осень... Мечта несчастливца. То сіяла... Когда въ груди... Я склонялась... Замокъ души. О, эти пальцы... Бываютъ дни... М. А. Е. С. Н. С. Есть тишина... Обломки дней... Смыкала глаза... Невозможное.

908. Засодимскій, П. 891.7—3

Въ подвалѣ. Разсказъ. 1914. М. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

909. Каменскій, А. 891.7—3

Княжна Дуду. Новые разсказы. 1913. Спб. Изд. „Прогрессъ". 222 стр. Ц. 1 р.

910. Кормчій, Л. 891.7—3

На зативѣ. Разсказъ изъ жизни рыбаковъ. 1914. Спб. Изд. В. П. Губинскаго. 46 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

911. М-скій, Мих. 891.7—3

Отъ бурсы до снятія сана. (Дневникъ). (Безъ г. печ.) Спб., скл. изд. кн. маг. б. М. В. Попова. 160 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Въ бурсѣ. Діакономъ. Молодымъ священникомъ.

912. Немировичъ-Данченко, В. И. 891.7—3

Близнецы. „Книжка за книжкой", кн. 102-я. 1913. Спб. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 56 стр. Цѣна. 15 к.

913. Печерскій, А. 891.7—3

Груня. Разсказъ. 1913. Спб. Изд. товарищество М. О. Вольфъ, 2-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

914. Шведеръ, Ев. 891.7—3

Носильщикъ. Разсказъ. 1913. М. Изд. М. В. Клюкина. 16°. 15 стр. Ц. 5 к.

915. Глазуновъ, Н. Л. 891.7—5.

Декламаціонная хрестоматія. Матеріалъ для систематич. занятій выразительнымъ чтеніемъ на драматич. курсахъ, въ театр. уч. и др. уч. зав. Въ 2-хъ частяхъ. Ч. II. 1914. Спб., изд. 2-ое, испр. и доп. Скл. изд. „Спб. учебный магазинъ". XII+270 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Отъ составителя. О чтеніи и чтецѣ.—Ода. Гимнъ. Писателямъ. Элегія. Пѣсня. (Народ. пѣсни. Пѣсни литерат.) Молитва. Смѣна настроеній. Сатира (негодующая и шутливая). Любовь. Ненависть. Патологич. отдѣлъ. Юморъ, комизмъ, шутка. (Въ стихахъ. Въ прозѣ).

916. Словацкій, Юлій. 891.85—1

Ангелли. Поэма. Пер. съ польск. А. Виноградова. 1913. М. Изд. „Мусагетъ". 16°. 95 стр. Ц. 50 к.

Исторія и географія [9]

917. Вагнеръ, Р. 9 (∞)

Вибелунги. Всемірная исторія на основаніи сказанія. Пер. съ нѣм. С. Шенрока, поясним. статьи Э. Метнера и М. Ценкера. 1913. М., кн-во „Мусагетъ". XVI+80 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Э. Метнеръ: „Вибелунги" Вагнера. Р. Вагнеръ: Вибелунги. М. Ценкеръ: О „Виболунгахъ" Вагнера.

918. Ардашевъ, П. Н., проф. 9 (063)

Третій международный историческій конгрессъ въ Лондонѣ. 1913. Спб. Тип. Сенатская. 59 стр. Ц. 50 к.

919. Гиро, П. 9 (38)

Частная и общественная жизнь грековъ. Пер. съ послѣдн. франц. изд. Н. П. Лихаревой.—Историч. чтенія. Греческая исторія. Вып. II. Съ 49 рис. Вып. III. Съ 20 рис. 1913. Спб., изд. т-ва О. Н. Поповой. 84+117 стр. Ц. 50+70 к.

Содержаніе: Частная жизнь. Рабство. Трудъ и богатство. Общественная жизнь.

920. [. 902

Записки Имп. Москов. Археологич. Инст. им. Имп. Николая II, изд. подъ ред. А. И. Успенскаго. Т. XVIII. 1913. М., изд. Моск. Археолог. Инст. 308+27 стр.

Содержаніе: Н. Гальковскій. Борьба христіанства съ остатками язычества въ древней Руси. Ф. А. Ниве и П. К. Русвурмъ. Сооруженіе и оборудованіе архивовъ.

921. Боднарскій, М. 91 : 538.7

О земномъ магнетизмѣ. Съ 24 чертежами. 1914. М., Изд. „Сборника въ честь 70-лѣтія проф. Д. Н. Анучина" 40 стр.

Содержаніе. Основные факты земного магнетизма. Историческій очеркъ ученія о земномъ магнетизмѣ. Склоненіе. Наклоненіе. Напряженіе магнитной силы. Варіаціонныя наблюденія и приборы. Потенціалъ земного магнетизма. Анормальный земной магнетизмъ. Теорія земного магнетизма. Прил.: Essai du magnétisme terrestre. Résumé.

922. Тумановъ, Г. М. 92 (08)

Характеристики и воспоминанія. Кн. 1. 1913. Тифлисъ, изд. „Тифлис. Журналъ", 2 ое доп. 16°. 264 стр. Съ портр. Ц. 50.

Содержаніе: Предисловія къ 1 и 2-му изд. Г. Е. Перетели („Н. О." 1900). Кн. Д. Г. Эристовъ. („Т. Ж." 1913). Г. І. Арцруни („Н. О". 1892 94). А. С. Матіевъ. П. А. Измайловъ. („Н. О." 1895). Кн. В. Н. Черкезовъ. („Б." 1910). М. И. Тамамшевъ. А. С. Хахановъ. („Р. М.," „К." 1912. „З." 1907). В. М. Петріашвили. („З." 1908). А. М. Казбекъ („Н. О." 1893). Кн. Р. Эристовъ („Н. О." 1895). Кн. Н. Бараташвили („Н. О." 1893). Кн. В. Орбеліани („Н. О". 1894).

З. Антоновъ. („Н. О.“ 1893). Л. Ардазіани („Т. В.“ 1878). И. Ниношвили („Н. О“ 1894). Г. А. Доканишіевъ („Н. О.“ 1900). А. В. Степановъ („Н. О.“ 1897). Г. С. Теръ-Степановъ („Н. О.“ 1900). А. А. Калантаръ. И. С. Джабадари. („Н“. 1913). Н. Г. Чернышевскій и кавказцы. („С.“ 1913). А. И. Чупровъ („К. Х.“ 1909). Клочки воспоминаній. В. А. Гольцевъ—В. А. Карауловъ („Б.“ 1906—10).

923. Николай Михайловичъ, В. Кн. 92 (47)

Генералъ-адъютанты Императора Александра I. 1913. Спб. Тип. Экспед. заготов. Госуд. Бумагъ. 4⁰. IX+188 стр. Съ 47 портр. Ц. 25 р.

924. Орсье, Жозефъ. 92 (А)

Агриппа Неттесгеймскій. Знаменитый авантюристъ. XVI. в. Кратко-біографич. очеркъ пер. Брониславы Рунтъ. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣч. Валерія Брюсова. Съ приложеніемъ трехъ статей редактора: „Оклеветанный ученый“, „Легенда объ Агриппѣ“ и „Сочиненія Агриппы и источники его біографіи“. 1913. М. Изд. „Мусагетъ“. 16⁰ стр. Съ рис. Ц. 75 к.

925. Левицкій, В. 92(Б)

Августъ Бебель. Его жизнь и дѣятельность. 1840—1913 г. Съ портр. А. Бебеля. 1914. Спб., скл. изд. б. М. В. Попова. 79 стр. Ц. 35 к.

926. Гриммъ, Г. 92(Б)

Микель-Анджело Буонарроти. Вып. 2. Пер. В. Г. Малахіевой-Мировичъ. Орнам. книги подъ ред. М. Добужинскаго. 1913. Спб., изд. „Грядущій День“. А. Л. Волынскій. 63—116 стр. Съ иллюстр. въ текстѣ и на отд. листахъ. Ц. по подп.

927. Галанинъ, Д. Д. 92(М)

Леонтій Филипповичъ Магницкій и его ариѳметика. Вып. I. Личность Магницкаго и его время. 1914. М., скл. изд. „Наука“. 68 стр. Ц. 50 к.

928. Щепкинъ, С. А. 92(Щ)

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. 1783—1863 г. Записки его, письма, разсказы, матеріалы для біографіи и родословная. 1914. Спб. Изд. А. С. Суворина. VIII+396 стр. съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

929. [. . . . .] 92(Ю)

Житіе брата Юнитера, Ученика святого Франциска Ассизскаго. Пер. со старо-итальян. А. А. Печковскаго. 1914. М. Изд. кн-ва „Слово“. 30+2 стр. Ц. 15 коп.

Содержаніе журналовъ.

„Вегетаріанское Обозрѣніе“, (1913—9). А. Кушлейко. Отвѣтъ на „Вегетаріанскія загадки“. — Проф. А. П. Воейковъ. Нужно ли щадить всякую жизнь? — Ив. Наживинъ. Календарь „Зеленой палочки“. — Р. Буткевичъ. Вегетаріанство и пчеловодство. — М. Дудченко. Къ вопросу о кооперации. — С. О. Перперъ. Письма изъ Италіи. (Объ оспопрививаніи). — Колонія плодоводства „Эденъ“ близъ Берлина. — Д-ръ И. Теодоровичъ. Роль воды въ человѣческомъ организмѣ. Съ болг. Хр. Досевъ. — Е. Ю. Рейнке. Одна изъ причинъ отсутствія энергіи и жизнерадостности. — А. Хирьяковъ. Памятникъ нерукотворный. — Н. Б. Н.-Сѣверова. Воззваніе къ русской интеллигентной женщинѣ. — Общество „Духовное Пробужденіе“. — Въ мірѣ печати. — Старый Вегетаріанецъ и С. О. Перперъ. По міру. (Хроника вегетаріанскаго движенія въ Россіи и за границей). — Вопросы и отвѣты, касающіеся вегетаріанства. — Библіографія и критика — Смѣсь. — Редакціонныя сообщенія.

„Вопросы Психіатріи и Неврологіи“. (1913—11). М. Ю. Лахтинъ. Страданіе какъ источникъ человѣческихъ вѣрованій. — Рецензіи. — Рефераты. — Хроника.

„Вѣра и Разумъ“. (1913—22). Проф.-прот. Т. И. Буткевичъ. О смыслѣ и значеніи кровавыхъ жертвоприношеній въ дохристіанскомъ мірѣ и о такъ называемыхъ ритуальныхъ убійствахъ. — Проф.-прот. Н. Стелецкій. Любовь, какъ главное начало христіанской нравственности. — К. Вознесенскій. Пастырская душепопечительность Христа и апостоловъ. (Продолж.) — П. С. Гдѣшинскій. Совмѣщеніе интеллектуальнаго и физическаго труда въ приложеніи къ образованію. (Оконч.) — Прот. П. Ѳоминъ. Церковныя древности Харьковскаго края. (Продолж.). — З. Таланкинъ. Оптимистическія воззрѣнія на жизнь (ortobioz) проф. Мечникова и философская критика ихъ. (Оконч.).

„Вѣстникъ Еврейскаго Просвѣщенія“. (1913—25(XI). А. Конштамъ. О преподаваніи исторіи въ еврейской начальной школѣ. (Оконч.). — Э. В. Яновская. Американскій методъ обученія грамотѣ. — Е. Ривлина. Изъ впечатлѣній учительницы. — М. Штейнгауэръ. Физическое воспитаніе въ еврейской школѣ. — Вопросы библіотечной жизни: Объ открытіи читаленъ при еврейскихъ библіотекахъ. М. Шалита. Библ. Виленскаго отд. О. П. Е. — Изъ педагогической жизни на Западѣ. Лига нравственнаго воспитанія въ Англіи. — Критика и библіографія. — Хроника и совѣщанія.

„Вѣстникъ Европы“. (1913—12). С. Юшкевичъ. Давидъ Ленинъ. — Ю. Верховскій. Лѣтомъ, стих. — М. Осоргинъ. Призраки. (Изъ повѣсти дней моихъ). (Оконч.). — В. Умановъ-Каплуновскій. Звенья, стих. — Ив. Бунинъ. Чаша жизни. — Д. Айзманъ. Бѣлая пустынь. (Оконч.). — С. Астровъ. Въ дорогѣ, стих. — М. Острогорскій. Конституціонная эволюція Англіи. (Въ теченіе послѣдняго полувѣка). — Л. Клейнбортъ. М. Горькій и читатель низовъ. — Ив. Трегубовъ. Сектанты и военная служба. — С. Р. Кроккетъ. Карьера Сэнди, разск. перев. съ англ. З. Журавской. — Т. Ефименко. Сонетъ, стих. — Н. Огановскій. Хроника. Очерки по аграрному вопросу. IV. Соврем. тенденція переселенческой политики. — М. Ковалевскій. Армянскій вопросъ. — А. Дивильковскій. Подъемъ низовъ. (Съѣздъ швейцарскихъ провинціальныхъ союзовъ). — К. Залевскій. Польскія политическія партіи и дѣло Бейлиса. — В. В. Изъ деревенскихъ настроеній. Ив. Коноваловъ. „Очерки соврем. деревни“ — Вл. Набоковъ. „Міровой“ процессъ. — М. Ковалевскій. Памяти В. Ѳ. Миллера. — Н. Огановскій. Мелиораціонное дѣло въ Россіи въ освѣщеніи Сѣверно-русскаго съѣзда. — П. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе. — К. Арсеньевъ. Предметные уроки. — Литературное обозрѣніе. — Иностранное обозрѣніе. — В. Кузьминъ-Караваевъ. Вопросы внутренней жизни. — Библіографическій листокъ. — Алфавитный указатель „В. Е.“ за 1913 г.

„Вѣстникъ Знанія.“ (1913—12). Проф. В. Рамзай. Роль гелія въ природѣ. — Д-ръ Ф. Гартъ-Кепеникъ. Формы углерода. — Н. Ларю. Образо-

ваніе почвы дѣятельностью вѣтра. — Д-ръ Е. Н. Севастьяновъ. Теорія невосприимчивости и красные фагоциты. — Д-ръ Т. Деккеръ. Полезно ли ощущеніе боли. — И. Ст-овъ. Очерки русскаго бюджетнаго законодательства. — А. Зусманъ. Ессенъ. — В. П. Электричество непосредственно изъ угля. — Приготовленіе болгарской простакваши (іогурта). — Д-ръ Шютонъ. Новый способъ покрытія вещей металлами. — Д-ръ Дитмаръ. Искусственный холодъ. — Цвѣтной кинематографъ. — Добываніе золота изъ морской воды. — Новыя взрывчатыя вещества. — Борьба съ ледяными годами. — Научная хроника. — В. Г. Голиковъ. Лубокъ символизма или модернистскій кумачъ. — Библіографія. — Содержаніе «В. З.» за 1913 г. — В. В. Битнеръ. Бесѣды съ молодежью: О дѣлающей бодрости и вѣрѣ въ себя. — К. Эвальдъ. Разсказы: І. Вѣгеръ. ІІ. Добрякъ. — Д-ръ М. Гильцгеймеръ. Подземные строители въ животномъ царствѣ. — Какъ устроить самому хорошіе вѣсы.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики“. (1913 — 7(595) М. Фихтенгольцъ. Альфа-лучи и опредѣленіе элементарнаго заряда электричества. (Оконч.). — Прив.-доц. В. Каганъ. Къ предстоящему II Всероссійскому Съѣзду преподавателей математики. — Библіографія. — Задачи. — Рѣшенія задачъ.

„Жизнь для Всѣхъ“. (1913 — 11). Котъ-Мурлыка. Швея. — Р. Кумовъ. Могила Шевченки. — Ю. Байкальскій. Васька Олень. — Пагпанникъ. На чужой землѣ. — С. Фельдъ. На чужбинѣ. — Е. Нечаева. Письма гр. Л. Н. Толстого къ женѣ. — В. Евгеньевъ. Великій неудачникъ и его послѣдніе завѣты. — Л. Василевскій. М. С. Щепкинъ. — П. Книжникъ. Нравственность іудаизма. — П. Миролюбовъ. Изъ записокъ инструктора коопераціи. — П. Чаровъ. Очерки провинціальной жизни. — П. Рубакинъ. Бесѣды о самообразованіи. — В. Зюрюкинъ. Изъ-за Урала. — А. Пинкевичъ. Геологическіе очерки. — В. Поссе. Общественная жизнь. — Отъ род. Къ свѣдѣнію подписчиковъ. — Товарищеская бесѣда. — С. Дрожжинъ и П. Горьева. Стихи.

„Журналъ Министерства Юстиціи“. (1913—9). Законодательство. — Извлеченіе изъ Высоч. приказовъ по гражданскому вѣдомству. — Приказы по вѣдомству Мин. Юстиціи. — Циркулярныя распоряж. по Мин. Юстиціи. — И. Г. Щегловитовъ. Судъ присяжныхъ (изъ лекціи по русскому судопроизводству). — П. П. Гуссаковскій. Отвѣтственность за неисполненіе договоровъ. (Оконч.). — И. М. Страховскій. Губернское устройство. (Оконч.) — А. В. Москалевъ. О реорганизаціи суда на Кавказѣ. Хроника. — Н. Якубенко. О примѣненіи закона 6 іюня 1909 г. о похищеніи скота въ Сѣв. Кавказѣ (въ Терской обл.). — В. Плетневъ. П. Я. Фойницкій. — Х. Ф. Энекенъ. Письма изъ Парижа. — Сессиль Мидъ Алленъ. Письма изъ Англіи. — Литературное обозрѣніе.

„Завѣты“. (1913 — 11). К. Бальмонтъ. Круглый годъ. — И. Вольный. Юность. (Продолж.). — С. Гедройцъ. Китайскіе разсказы. — Новелла. Дж. Гэлсуорси. Перев. съ англ. М. Розенфельдъ. — А. Н. Иванчинъ-Писаревъ. Изъ воспом. о „хожденіи въ народъ“. (Продолж.). — В. Вонновъ. Въ камышахъ. — Рабиндраната Тагоръ. Гитанджали. Перев. Ю. Балтрушайтисъ. — М. Лемке. Партизаны сыска. — А. Дермавъ. В. Г. Короленко. — И. Эфренъ. Польско-еврейскія отношенія. — Н. Гиммеръ. Техника и Экономика въ сельскомъ хозяйствѣ. — М. Пришвинъ. По градамъ и весямъ: Крыса. — Г. Христіанъ. Политическіе выборы въ Италіи. — Текущая жизнь. — *Въ Россіи*: С. Мстиславскій. І. Общ. жизнь. Бейлисъ и Вилли Ферреро. ІІ. Искусство: И. Игнатовъ. „Бѣсы“ въ Художественномъ театрѣ. Г. О. Ларинъ. „Ревность“ М. Арцыбашева. ІІІ. Наука: М. Новорусскій. Изъ добиблейскихъ временъ. IV. Экономика: Н. Огановскій. Реставрація помѣщичьяго хозяйства въ Сибири. За границей: А. Чумановъ. Рабочее движеніе въ Норвегіи. 2. Н. Ракитникова. Кооперація нейтральная и кооперація соціалистическая. — Ивановъ-Разумникъ. Жертвы вечерніе. — Библіографія. — Е. Лундберъ. Н. П. Огаревъ. — С. Мстиславскій. Свое и Чужое.

„Историческій Вѣстникъ“. (1913 — 12). П. П. Гнѣдичъ. Оѳенька Палтусовъ, разск. — Г. П. Федоровъ. Моя служба въ Туркестанскомъ краѣ. (Оконч.). — А. Бахтіаровъ. Атаманъ. (Изъ недавняго прошлаго). — К. Б. Бертенсонъ. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспом.). (Оконч.). — М. В. Шевляковъ. Оригиналы и чудаки. — Н. В. Козлова. Подъ военной грозой. (Воспом. сестры-волонтерки). (Оконч.). — И. А. Слоновъ. Изъ жизни торговой Москвы. (Полвѣка назадъ). (Оконч.). — К. П. Михайловъ. На редакціонномъ пріемѣ у С. П. Шубинскаго. (Личныя о немъ воспоминанія). — Р. К. Устьмедвѣдицкій. Подвижникъ слова. (Восп. объ Ив. Л. Леонтьевѣ-Щегловѣ). — А. А. Танковъ. Памяти В. Ѳ. Миллера. — И. Г. Датчанинъ-Войнагорскій. — Н. Т. Исканія новой истины. — В. И. фонъ-Штейнъ. Освободительное движеніе и законодательная дѣятельность Госуд. Думы. — Б. Б. Глинскій. Развѣнчанные герои революціи 1905 г.). 1) Г. С. Хрусталевъ-Носарь. (Оконч.). — Б. М. Гурьевъ. Баку и нефтяные промыслы. — Критика и библіографія. — Заграничныя историч. новости и мелочи. — Смѣсь. — Некрологи. — Замѣтки и поправки.

„Народное Образованіе“. (1913—11). Ал. Платонова. Изъ жизни лѣтней колоніи. — Уголки школьной жизни: Свящ. Е. Куликовъ. Послѣднія минуты на постѣ стараго служенія. (Изъ памятн. кн. учителя), И. Б. Перемѣна; Ѳ. Кули. Записочка; свящ. І. Скородумовъ. „Попечитель“. — Свящ. А. Знаменскій. Школа и хулиганство. — Г. Поповъ. Элементарная дидактика. (Продолж.). — Изъ школьной практики: Свящ. І. Покровскій. О преподаваніи исторіи; А. Красиковъ. Общія классныя сочиненія; А. Напимовъ. Еще объ ученическихъ сочиненіяхъ; свящ. П. Шумилинъ. Вечера въ школѣ. (Изъ учительск. воспом.). — И. Б. Книжное и журн. обозрѣніе. — Н. Тичеръ. Изъ иностр. педагогической литературы. — Библіографическій отдѣлъ. — Школьное дѣло на мѣстахъ. Разныя извѣстія и школьныя замѣтки о школьномъ дѣлѣ въ Россіи и за границей. — Почтовый ящикъ. — Школьное пѣніе.

„Обновленіе Школы“. (1913—кн. XVI и XVII). Шейда. Планъ постановки ученій. — О рисованіи и лѣпкѣ въ американскихъ школахъ. Перев. Мальцевой. — Л. Кравченко. Общая характеристика плана организаціи. — Прод. Адамсъ. Объективный методъ въ воспитаніи. — Монтессори. Критическій обзоръ педагогики и ея отношеніе къ современной наукѣ. — А. Туфановъ. Библіографія.

„Обновленіе Школы“. (1913—кн. XVIII и XIX). А. Фишеръ. Методы экспериментальнаго изслѣдованія элементарныхъ процессовъ воображенія. Перев. А. Старожицкой. — Проф. Монтессори.

Критическій обзоръ новой педагогики и ея отношеніе къ современной наукѣ.— С. Ф. Знаменскій. Вопросы образованія и воспитанія на съѣздахъ Германіи.—Ал. Туфановъ. Методическія замѣтки о преподаваніи ариѳметики и геометріи въ первый годъ обученія восьмилѣтнихъ дѣтей.—Хроника.—Педагогическіе курсы.

„Педагогическій Листокъ“. (1913—8). Н. Каринцевъ. Народныя школы въ Голландіи.—П. Саломатинъ. Культурная дѣятельность школъ. (Оконч.)—А. Тулпаровъ. Единство и круговоротъ матеріи.—А. Коринфскій. Назаръ-нѣвецъ, стих.—Н. Саввинъ. Дѣтская литература и журналистика послѣдняго года. (Оконч.)—Д. И. Тихомировъ. Всероссійская подписка на памятникъ К. Д. Ушинскому.—Отчетъ о дѣятельн. Комитетъ по подпискѣ на памятникъ К. Д. Ушинскому.—Хроника.—Отъ организац. Комит. 1-го Всерос. съѣзда по нар. образ.—Содержаніе „Пед. Л.“ за 1913 г.

„Педагогическій Сборникъ“. (1914—11). Часть официальная.—Б. Флейшеръ. Изъ размышленій инспектора классовъ.—В. П. Будановъ. Изъ разговоровъ въ учительской.—М. П. Дифференціалъ и интегралъ.—А. А. Зонненштраль. Общій строй франц. школы и преподаваніе физики во франц. ср.-уч. завед.—Изъ исторіи журнала для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“. Сообщ. И. С. Симоновъ.—В. Я. Стоюнинъ. (Къ 25-лѣтію со дня смерти).—Критика и библіографія.

„Популярный Литературно-Медицинскій Журналъ“. (1913—11). Проф. А. Бишко и д-ръ мед. М. Якобзонъ. Терапія кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Перев. съ нѣм. (Продолж.).—Проф. Ф. Краузъ и проф. Т. Бругшъ. Основы питательной терапіи. Перев. съ нѣм. (Продолж.).—Д-ръ П. Флейссигъ. Ученіе о лѣкарствахъ. Съ предисл. проф. Р. Штахелина. Перев. съ нѣм. д-ра Э. Ланда. (Продолж.).—**„Домашній Докторъ“.** (1913—11). Д-ръ С. Ф. Клейнъ. Къ причинамъ дѣтской смертности.—Д-ръ А. Яковлевъ. Вода и ея очищеніе.—Д-ръ Я. Лурье. Кумысъ и кефиръ. (Письмо въ ред.).—Практическая медицина.—Общественная медицина.—Растительный столъ.—Домашняя ветеринарія.—Медицинскія замѣтки.

„Природа“. (1913—11). Проф. Л. Е. Чичибабинъ. Бѣлковыя вещества и пути къ ихъ синтезу.—Д-ръ А. Штанге. Младенческіе годы химіи.—С. Г. Григорьевъ. Дм. Ник. Анучинъ.—П. В. Циклинская. Роль бактерій въ кишечномъ каналѣ человѣка и животныхъ.—В. Н. Лебедевъ. Какъ борется Америка съ вредными насѣкомыми.—Научныя новости и хроника.—Смѣсь.—Географическія извѣстія.—Библіографія.

„Просвѣщеніе“. (1913—11). М. Горькій. Но душѣ, разск.—Л. Старкъ. Радость. Предчувствіе, стих.—Ив. Вольный. Послѣ смѣны, разск.—Дм. Семеновскій. Безумцы, стих.—Г. Чудновскій. Двѣ теоріи кризисовъ.—Ю. Н. Стекловъ. Французскіе черносотенцы и рабочій классъ.—Изъ переписки К. Маркса. съ Фр. Энгельсомъ.—Н. Б-х-нъ. Партейтагъ австрійско-нѣмецкой соціалъ-демотіи.—Ѳ. Ротштейнъ. Къ вопросу объ объединеніи соціалистовъ въ Англіи.—Демьянъ Бѣдный. Друзьямъ, стих.—Н. Н. О постановкѣ народнаго образованія въ Сѣв. Америкѣ и Зап. Европѣ.—В. Ильинъ. Критическія замѣтки по національному вопросу.—Г. Зиновьевъ. Что случилось?—Ал. Трояновскій. Законопроектъ о печати.—8-ми часовой рабочій день.—Ю. Градовъ. Разорванный договоръ.—Демьянъ Бѣдный Казенный заказъ.—Мих. Садко. О составѣ ссылки.—К. Волгинъ. Проститутка, стих.—А. Зазановъ. Изъ практики профессіональнаго движенія въ Петербургѣ.—Б. Г. Данскій. Страховая кампанія.—А. Б-къ чему приводитъ ликвидаторство и „незавимость“ депутатовъ.—Библіографія.

„Русская Старина“. (1913—12). П. В. Къ столѣтію битвы народовъ подъ Лейпцигомъ.—Е. С. Шумигорскій. Родители вел. кн. Павла Петровича.—П. О. Лернеръ. Замѣтки о Пушкинѣ.—Т. Вел. кн. Николай Михайловичъ. Донесеніе австр. посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 гг.—М. В. Станиславскій. Имп. Александръ I и русская оккупація Вост. Пруссіи въ концѣ 1812 г. и въ началѣ 1813 г.—Кн. М. В. Волконская. За 38 лѣтъ.—Славлевъ. Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры.—Н. О. Лернеръ. Изъ литер. наслѣдія Пушкина.—Э. О. Липинъ. Записи бар. Беліо.—В. Тимощукъ. Тайная полиція на Вѣнскомъ конгрессѣ.—В. Случевскій. Борьба съ антихристомъ подъ г. Тирасполемъ.—Сто лѣтъ назадъ. Извлеч. изъ писемъ И. П. Одентали къ А. Я. Булгакову о петербур. новостяхъ и слухахъ. Сообщ. С. Долговъ.—М. Безобразова. Розовое и черное изъ моей жизни.—М. Ф. Чулицкой. Изъ старыхъ дѣлъ.—Записки А. А. Половцова.—Е. А. Альбовскій. Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.—Л. П. Любимовъ. Изъ жизни инженера путей сообщенія.—Изъ записной кн. Р. С.“.—Отданіе воинской чести лѣвой рукой. Сообщ. В. П. Федоровъ.—Библіограф. листокъ.—В. В. Тимощукъ. Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ 153—156 тт. „Р. С.“.

„Русская Школа“. (1913—10). Законодательныя постановл. и правительств. распоряженія.—С. Ашевскій. „Ясная Поляна“ Л. Толстого въ критикѣ 60-хъ годовъ.—П. Мижуевъ. Средняя школа въ Англіи и ея реформы XX в. (Продолж.)—С. Левитинъ. Новѣйшія общественно-педагогическія теченія на Западѣ. I. Трудовая школа.—С. Я. Штрайхъ. Изъ педагогической дѣятельности Н. И. Пирогова.—С. Поляковъ. Традиціонные взгляды и педагогическія идеи въ школьномъ воспитаніи.—В. Флеровъ. Свободная диктовка.—Я. Я. Гуревичъ и Н. П. Малиновскій. Объ опредѣленіи числа дѣтей школьнаго возраста, остающихся за дверями школы.—М. В. Новорусскій. Что дѣлать народному учителю. Руководство къ оборудованію своей школы. (Продолж.).—Н. Вабаласъ-Гудайтисъ. Изслѣдованіе простѣйшихъ психическихъ процессовъ. (Продолж.).—Библіографія. (Эксперим. отдѣлъ).—Критика и библіографія.—Педагогическая хроника.

„Свободное Воспитаніе“. (1913/4—3). А. Зеленко. Современные реформаторы воспитанія и образованія. Америка.—В. Флеровъ. Свободное слово.—Е. Розенъ. Что дѣлается для хромыхъ дѣтей въ С.-Штатахъ.—Кружокъ московск. городскихъ уч—цъ. Опытъ преподаванія въ третьемъ классѣ 4-хгодичной начальной школѣ.—Р. Ландсбергъ. Маленькая республика.—Площадки для игръ и народное здоровье. Доминкуса и др. Сообщ. Н. К.—„Институтъ ребенка“ при университетѣ Кларкъ въ Ворчестрѣ. Съ англ. Е. О.—Н. К. Отовсюду. (1. Воспитаніе и обученіе дѣтей. 2. Школьная выставка въ Ліонѣ въ 1914 г. 3. Институтъ Ж.—Ж. Руссо. 4. Обязательное купанье для школьныхъ дѣтей. 5. Огородничество

въ школахъ Аляски.) — Отъ Организаціоннаго Комитета I Всерос. съѣзда по вопросамъ народнаго образованія.

„Современникъ“. (1913—11). Г. Гребенщиковъ. Волчья жизнь, разск.—Ю. Верховскій. Стих.—Р. Зардарьянъ. Изъ армянской литературы, разск. Перев. М. Т.—Г. Ивановъ. Особнякъ, стих.—Г. Этертонъ. Похожденія Джудіи Френсъ, ром. (Оконч.). Перев. Э. Пименовой.—Свѣтозаръ Чоровичъ. Изъ сербской литературы, разск. Съ предисл. проф. П. Лаврова. Перев. В. Чернобаева.—М. Фроленко. Воспоминанія о движеніи 70-хъ и 80-хъ годовъ.—Р. Г. Барчъ. Нѣмецкое горе, ром. (Продолж.). Перев. К. Жихаревой.—Ф. Сиротскій (Л. Герасимовъ). Интеллигенція и народъ во Франціи.—Мих. Павловичъ. Россія и армянскій вопросъ.—Е. Аничковъ. Опять Шекспиръ—не Шекспиръ.—Н. Череванинъ. Пролетаріатъ и художественное творчество.—П. Бѣлецкій. Неблагодарный край.—В. Богучарскій. Памяти П. П. Огарева.—Итоги и факты: Б. Веселовскій. Очерки мѣстнаго самоуправленія. — Н. Гиммеръ. Къ итогамъ и перспективамъ новѣйшей аграрной политики.—В. Вольскій. Эволюція тактики.—С. Прокоповичъ. Объ условіяхъ служащихъ моск. трамвая.—А. О. Общеземскій съѣздъ по сбыту кустарныхъ издѣлій (8—14 окт. 1913 г.). В. Водовозовъ. Балканская война и Россія.—В. Моравскій. Переворотъ въ Китаѣ.—А. Ожиговъ. Беллетристика праваго стана.—Н. Гарри. Филиппъ Герасимовичъ Сиротскій (Л. Герасимовъ).—Новыя книги.

„Современный Міръ“. (1913—11). С. Сергѣевъ-Ценскій. Лерикъ. Изъ романа „Красота“.—А. Липецкій. Во время безсонницы, стих.—А. Вережниковъ. „Корчажное золото“, разск.—С. Кречетовъ. Родинѣ, стих. — М. Врановъ. Брызги жизни. Разсказы: 1. Марсель изъ Марселя. 2. Ожина. 3. Брызги жизни.—В. Эльснеръ. Сѣверная осень, стих.—Х. Бергеръ. Анемоны, разск. Перев. со шведск. Вяч. Болотова. — Г. Цыперовичъ. Спортъ.—Л. Дейчъ. У начала легенды.—Л. Клейнборгъ. Очерки рабочей демократіи. Ст. V. Фабрично-заводскіе поэты.—Г. Алексинскій. „Казуистика“.—Д. Тальниковъ. Бѣсовское наваждение. — Вл. Кранихфельдъ. Литературные отклики. Въ мірѣ призраковъ. — І. Ларскій. Вопросы текущей жизни. Азартная игра. — Н. Іорданскій. Политическія замѣтки. Трагедія компромисса. Э. Зиновьева. Въ поискахъ новыхъ путей. (Письмо изъ Америки).—Критика и библіографія

„Сѣверныя Записки“. (1913—11). К. Бальмонтъ. Волшебства Таухаки. (Маорійская сказка). О маори. Вступит. замѣтка. — Ал. Блокъ. Осенній вечеръ былъ, стихотв. — А. Кипенъ. Полтора Ивана.—С. Бондаревъ. Въ селѣ учителемъ. (Оконч.).—С. Патрашкинъ. Свѣтлояръ, ром. (Продолж.).—Рабиндраната Тагоръ. Гитанджали. (Пѣсенныя жертвоприношенія). Перев. съ предисл. Л. Б. Хавиной.—Ѳ. Степунъ. Прошлое и будущее славянофильства. — П. Бирюковъ. Л. Н. Толстой и интеллигентскія земледѣльческія общины. (Изъ біографич. матеріаловъ III т.).—Я. Тугенхольдъ. Современное искусство и народность.—В. Чудовскій. Памят. сильнаго духомъ. Н. Огаровъ.—Н. С. (Н. Добровольскій). Къ открытію Панамскаго канала. — В. Водовозовъ. Походъ на печать.—И. Брусиловскій. Сановная Россія и дѣловая Европа.—М. Б. Обзоръ журналовъ. Современный моментъ въ освѣщеніи русской журналистики,—Б. Эйхенбаумъ. Обзоръ иностранныхъ журналовъ.

„Украинская Жизнь“. (1913—11). С. А. Ефремовъ. Волчья тактика.— В. П. Кошевой. Мечты польскихъ націоналистовъ и дѣйствительность.—Кн. Д. И. Шаховской. Отвѣтъ на анкету „Укр. Жизни“ — С. Ф. Русова. Къ 40-лѣтнему юбилею Юго-Зап. Отд. Имп. Географич. О-ва.— И. В. Лебединскій. Изъ исторіи кодификаціи украинскаго права.— Л. Аб—нчъ. В. Винниченко. (Литерат. эскизъ).— І. П. Кризисъ въ Галиціи въ освѣщеніи нѣмецкаго публициста.—М. Данько. Украинцы въ Вѣнѣ.— С. В. Петлюра. „Сокращенное“ разоблаченіе украинства г-номъ Щеголевымъ.—На Украинѣ и внѣ ея.—Библіографія.

„Художественно - Педагогическій Журналъ“. (1913 — 18). В. Позинъ. II конгрессъ національнаго французскаго о-ва „Искусство въ школѣ“. — Л. Мищенко. Городъ Антиноя. — М. В. Легкія работы по дереву въ связи съ черченіемъ. — Е. Соломинъ. Бумажное искусство. Критико-библ. замѣтки.— Искусство и жизнь.— Хроника — Выставки.— Музеи.— Иностр. худож. хроника.— Библіографія.— Некрологи: П. Г. Мясоѣдовъ. Ю. С. Нечаевъ-Мальцевъ.

„Художественно - Педагогическій Журналъ“. (1913 — 19). В. Позинъ. II конгрессъ французскаго національнаго о-ва. „Искусство въ школѣ“.— М. В. Легкія работы по дереву въ связи съ черченьемъ. (Оконч.).— Ф. Шпала. Примѣненіе рисованія къ ручному труду.— Искусство и жизнь. — Хроника. — Выставки. — Музеи. — Иностр. худож. хроника.— Библіографія. — Некрологи. Альфредъ Эстъ.

„Что и какъ читать дѣтямъ“. (1913/4—2). Отъ редакціи. По поводу съѣзда по вопросамъ дѣтскаго чтенія.— В. С. Мурзаевъ. „Чтеніе“ картинокъ въ дѣтской книгѣ.— Разборъ журнала „Золотое Дѣтство“.— Обзоръ сочиненій А. Свирскаго для дѣтей.— Отзывы о книгахъ.— Справки о вновь вышедшихъ книгахъ.—Алфавитный указатель.

„Что и какъ читать дѣтямъ“. (1913/4 — 3). В. Коротневъ. Книга-подарокъ. Книги для дѣтей младшаго возраста. — А. Калмыкова. Еще къ вопросу о сказкахъ, какъ матеріалѣ для дѣтскаго чтенія.— Обзоръ сочиненій В. Лонга. — Отзывы о книгахъ. — Справки о вновь вышедшихъ книгахъ.

Отъ редакціи:

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію (съ 1-го ноября 1913 г.), будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ № 9 „Бюллетеней“.

Издатели: { В. Крандіевскій. В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

Типографія В. М. Саблина. Москва, Петровка, 26. Тел. 88-60 и 131-34.

4 р. въ годъ за 24 кн.

БЮЛЛЕТ
ЛИТЕРАТУРЫ И Ж.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 8-
формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (2000 страницъ). ● „Бюлле.
чу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возмож
широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодич., такъ и непериод., какъ
ской, такъ и иностранной. ● Главная задача журн.—всесторонне отражать картину
идейной духовной жизни современности. ● „Бюллетени“— это коллективная литер.
памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ со-
временности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно
интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. ● О типѣ журнала
„Бюллетени“ еще 35—40 лѣтъ назадъ мечтали такіе корифеи литературы, какъ
Достоевскій и Успенскій. ● За истекшій годъ въ „Бюлл.“ напеч. 240 ст. по самымъ
разнообраз. вопр. и 700 отзывовъ о книгахъ; данъ перечень 2500 нов. кн. и
приведено содержаніе болѣе 50 журн. за годъ. ● *Библіографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.*

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

Утро Рос.: „Журн. заслуживаетъ особаго вниманія. Въ журн. сообщается все наиболѣе интересное, что дано текущей печатью“. ● Рус. Вѣд.: „Бюлл.“ знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явл. соврем. жизни“... ● Рус. Шк.: „Бюлл.“ дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны даже и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюлл.“ оказываютъ огромную услугу“... ● Огни: „Трудно представить себѣ человѣка, съ извѣстными культур. запр., который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журн.“... ● Рус. Сл.: „Въ журн. запечатлѣна вся литер. жизнь года“... ● Совр. Сл.: „Задача журн. имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе“... ● Голосъ: „Въ журн. сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій какъ отечественной, такъ и міровой мысли“. ● Ил. Обозр. Гол. М.: „Бюлл.“ безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину дух., нравственной, внут. русской жизни за цѣлый годъ“. ● Нов. Ж. для Вс.: „Бюлл.“ незамѣнимы особенно въ провинціи, столь бѣдной библіотеками и компетентными людьми для рекомен. книгъ“. ● Ряз. Вѣст.: „Бюлл.“ умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни... Въ журн. отмѣчается все наиболѣе интересное, что поступаетъ на книж. рынокъ“... ● Сѣв. У.: „Журн. въ дѣльныхъ обстоят. статьяхъ даетъ квинтъ-эссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ... Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго“... ● Рус. Молва: „Все то важное, что творилось въ гущѣ журн. и пестромъ содержаніи газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ не только тѣ, которые спеціально въ этой области работаютъ — для нихъ журналъ незамѣнимъ,—но и самые широкіе круги читателей“... ● Кіев. Мысль: „Бюлл.“ могутъ просматривать съ интересомъ даже люди, имѣющіе возможность слѣдить за литературой по „первоисточникамъ“, а для тѣхъ, кто такой возможности лишенъ, въ особенности для провинц. читателя, руководителей библіотекъ и т. д., журналъ, вполнѣ доступный и по цѣнѣ, представляетъ интересъ сугубый“. ● Рам. Утро: „Не говоря уже о практич. значеніи журнала... главнымъ образ. для провинціи, нельзя не отмѣтить интереса его, какъ періодич. лѣтописи нашей духовной жизни. Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться „Бюллетенями“.

Проспектъ журнала высылается безплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 руб., 6 м.— 2 р., 3 м.— 1 р. За границу на годъ—5 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ—3 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюл.“ за 1911—12 и 1912—13 гг. Цѣна комплекта 3 р. 50 к. съ пересылкой, въ переплетѣ (2 т.)—4 р. 50 к.

Подписной годъ начинается съ 1-го сентября.

Контора и ред. Москва, Мерзляковс. пер. д. 6. Тел. 5-02-06.
Издатели: *В. Крандіевскій и Б. Носековъ.*
Редакторъ: *В. Крандіевскій.*

Можно подписываться съ 1-го числа кажд. мѣс.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

А. МАЕВСКАГО.

Москва, Скатертный пер., домъ 27. Телефонъ 530-33.

ОТКРЫТА ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПОДПИСКА

НА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ НА:

Полное собраніе сочиненій *Альфонса Додэ.* 20 томовъ, розничная цѣна 25 руб.; по предварительной подпискѣ — 20 руб.

Полное собраніе сочиненій *Оноре де Бальзака.* 16 томовъ, розничная цѣна 18 руб.; по предварительной подпискѣ — 15 руб.

Флорентійскія чтенія. (Жизнь и культура Италіи въ связи съ эпохой Возрожденія). 7 томовъ, розничная цѣна 17 р. 50 к., по предварительной подпискѣ — 14 руб.

Продолжается подписка съ разсрочкою платежа на полное собраніе сочиненій *Джека Лондона.* 22 тома, цѣна 23 руб. 75 коп.

Каталоги и проспекты высылаются безплатно.

Книгоиздательство и кн. складъ К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва, Тверская, 29, кв. 46.

Кристоферъ Марло. „Трагическая исторія доктора Фауста". Переводъ въ стихахъ К. Бальмонта. Цѣна 80 коп.

Марло, самый крупный изъ предшественниковъ Шекспира, очень мало извѣстенъ русской публикѣ. Нельзя не привѣтствовать поэтому переводъ одной изъ самыхъ выдающихся его пьесъ, сдѣланный опытною и искусною рукою. „Вѣстникъ Европы", кн. 5, 1912 г

...Легендарный образъ Фауста глубоко интересовалъ многихъ большихъ и малыхъ, знаменитыхъ и малоизвѣстныхъ поэтовъ. Знаменитъ „Фаустъ" геніальнаго Гете. Немногимъ извѣстна замѣчательная драматическая поэма глубоко-оригинальнаго нѣмецкаго поэта Николая Ленау, мало распространенъ „Фаустъ" Клингемана. Произведеніе Марло до перевода К. Б. Бальмонта русскимъ читателямъ было совс. неизвѣстно. ..„Фаустъ" Марло попалъ въ хорошія руки: переводъ К. Д. Бальмонта превосходенъ. Издана книга изящно. Стоимость ея, конечно, не высока. „Сибирская Жизнь" № 86, отъ 18 апрѣля 1912 г.

Фридрихъ Максимиліанъ Клингеръ. Жизнь, дѣянія и гибель Фауста. Переводъ съ нѣмецк. со вступит. статей и примѣчаніями А. Лютера. Цѣна 1 руб. 80 коп.

Послѣ гетевскаго, клингеровскій „Фаустъ" самое крупное и глубокое произведеніе изъ всѣхъ другихъ, написанныхъ на эту тему. Своего героя Клингеръ отождествляетъ съ майнскимъ типографщикомъ Іоанномъ Фаустомъ, однимъ изъ первыхъ мастеровъ печатнаго дѣла. Это хотя и противорѣчитъ нѣмецкимъ народнымъ преданіямъ, но зато даетъ возможность Клингеру развить интересные мотивы. Въ противоположность гетевскому, Фаустъ Клингера терзается не столько метафизическими вопросами, сколько этическими, и въ этомъ отношеніи всецѣло находится подъ вліяніемъ Руссо. Появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ надо привѣтствовать, какъ полезное пособіе для изученія эпохи Гете. „Рѣчь", № 20, 21 января 1913 г.

Давно пора русскому интеллигенту ознакомиться съ „Фаустомъ" Клингера, и издательство К. Ф. Некрасова прекрасно сдѣлало, издавъ переводъ А. Лютера, добросовѣстный, литературный и снабженный интереснымъ біографическимъ очеркомъ и обстоятельными примѣчаніями. „Рижская Мысль", № 1682, 4 марта 1913 г.

Полный каталогъ издательства высылается по требованію безплатно. Выписывающіе непосредственно изъ склада на сумму отъ 3 руб. за пересылку не платятъ. Книги высылаются также и съ наложеннымъ платежомъ. Складъ высылаетъ также и всѣ другія книги, вышедшія въ Россіи.

Типографія К. М. Сабашна. Москва, Пятровка, 26. Телеф. 88-60 и 131-34.

ц. 30 Въ провинціи и на ст. жел. дор. 35 к.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 9. Январь—I. 1914.

(Пятый годъ изданія.)

СОДЕРЖАНІЕ

1. Наука о любви къ Богу 505
2. Трагедія знанія. („Преступленіе доктора Лурье" М. Арцыбашева)..... 510
3. Эпопея труда и непреклонной воли. („Тунгусъ" Келлермана) 514
4. Чеховъ въ своихъ письмахъ. 1892—1898 гг. (О себѣ.—О своемъ писательствѣ.—О современной Чехову пишущей братіи и русской интеллигенціи.—Отдѣльные отзывы о писателяхъ.—Исторія „Чайки") 529
5. О В. А. Сѣровѣ. (Дѣтство и юность.—Смерть.—Одна изъ „жемчужинъ" въ искусствѣ Сѣрова). 538
6. Мысли о современномъ театрѣ (Крахъ „аморальнаго" театра.—Старый и новый театръ.—Существо театра.—Огрубѣніе театра)..... 543
7. Изъ литературнаго прошлаго. Л. Толстой, Тургеневъ, Гаршинъ.—Достоевскій.—Вл. Соловьевъ.—Ив. Щегловъ (Леонтьевъ).—Джозефъ Пулицеръ. 551
8. Двѣ казни 562
9. Идеи, образы, факты. Научныя перспективы. (Аппаратъ для изобличенія лжи.—Леченіе безумія кислородомъ.—Новое теченіе въ эсопсихологіи. — Искусственныя почки. — „Шопированіе".—Жидкій углеродъ.—Ультрафіолетовые лучи.—F-лучи („Лучи Уливи").— Новая побѣда безпроволочнаго телеграфа).— Прогрессъ общественной гигіены. (Недѣля здоровья. — Недѣля чистки города) 564
10. Отзывы о книгахъ 285
11. Новыя книги 302
12. Содержаніе журналовъ 309
13. Книги, поступившія въ ред. 313
14. Объявленія.

Подписная цѣна: 12 м.—4 р., 6 м.—2 р., 5 м.—1 р. 75 к. 3 м.—1 р., 1 м.—40 к. За границу—5 р.

Такса объявленій: 1 стр.—40 р., ½ стр.—25 р., ¼ стр.—16 р., ⅛ стр.—10 р.

Редакція и контора: Москва, Мерзляковскій пер., домъ 6. Телеф. 5-02-08.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ: 1) Москва, Б. Никитская, 10. Кн. маг. „Наука".
2) С.-Петербургъ, Стремянная, 6. Кн. скл. „Провинція".

ТЪ КОНТОРЫ: При этомъ № всѣмъ подписчикамъ разсылается проспектъ книгоиздательства „Лотосъ" и журн. „Вѣстникъ Теософіи". Неполучившихъ просятъ ращаться по адресу: Калуга, Вознесенская ул., д. 449—съ просьбой о безплатной высылкѣ.

...ый магазинъ ПРАВОВѢДѢНІЕ

Ивана Каллиниковича Голубева.

...онера Государственной типографіи. МОСКВА, Никольская, д. Славянскаго Базара.

...агазинъ имѣетъ всѣ юридическія изданія: Анисимова, Березовскаго, Исаченко, Мартынова, „Право“, Нюренберга, „Законовѣдѣніе“, Стасюлевича и др. Имѣются въ продажѣ спеціальные справочники, алфавитные указатели, полный сводъ сенатскихъ рѣшеній, таможенные и желѣзнодорожные тарифы, сборники циркуляровъ, военно-юридическія книги, учебники, конспекты и пр., а также портреты Государя Императора, Государственные гербы, зерцала (ц. отъ 25 до 50 руб.) и др. предметы для Присутственныхъ мѣстъ. Подыскиваются и продаются номера сенатскихъ объявленій съ публикаціями о вызовѣ наслѣдниковъ, объ объявленіи несостоятельности и проч., дѣлаются справки въ собраніи узаконеній и пр., составляются юридическія библіотеки. Принимаются книги на комиссію отъ Гг. авторовъ и издателей. Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. Сверхъ своей спеціальности магазинъ исполняетъ заказы на всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги. Кромѣ юридическаго при магазинѣ отдѣлы: военный, духовный и техническій. Заказы исполняются немедленно. Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ. По заказамъ отъ 10 р. желателенъ задатокъ.

ПОДБОРЪ КНИГЪ ПОСТОЯННО ПОПОЛНЯЕТСЯ НОВОСТЯМИ.

Каталогъ безплатно

Для телеграммъ: „МОСКВА—ЮРИСТЪ“. ☐ ТЕЛЕФОНЪ МАГАЗИНА № 33—28.

Книжный складъ Т-ва А. А. ЛЕВЕНСОНЪ.

Москва, Трехпрудный, с. д., тел. 503-88.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1092 года, изданное Румянцевскимъ музеемъ, воспроизведенное буква въ букву съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей пергамента, письменъ и переплета. Ц. 100 р.

ДЕЛЬВИГЪ. Мои воспоминанія. Изд. Румянц. музея. Ц. 2 р. 50 к.

ВИКТОРЪ МИХАЙЛ. ВАСНЕЦОВЪ. Русскія пословицы и поговорки. Художествен. альбомъ. Ц. 10 р.

Русскія пословицы и поговорки въ рисунк. Викт. Мих. Васнецова и въ литературѣ нашихъ писателей. Ц. 1 р.

Ал. Зеленецкій. Эпитеты литературной русской рѣчи. Ц. 75 к.

Итальянскія сказки, подъ редакц. М. Горькаго, пер. Андреевой. Т. I, ц. 1 р. 25 к., т. II, ц. 75 к. (съ рис.).

Словарь иностранныхъ словъ, 2-е изд., ц. 1 р. 50 к.

Французско-русскій словарь, ц. въ перепл. 1 р. 50 к., безъ перепл. 1 р. 25 к.

Русско-англійскіе разговоры, ц. 1 р. 25 к.

Русско-французскіе разговоры, ц. въ пер. 1 р. 25 к.

Русско-нѣмецкіе разговоры, ц. въ пер. 1 р. 25 к.

Россійскій гербовникъ. Худож. въ краск. исполн. гербы 11-ти универс. губерній и Костромской. Ц. 2 р.

Щепкина-Куперникъ. Разрозненныя страницы, ц. 1 р.; Облака, ц. 1 р.; Письма изъ далека, ц. 1 р.

Изданія „ОКТО“:

Письма Л. Н. Толстого, ц. въ пер. 2 руб., безъ пер. 1 р. 50 к.

„Библіотека классиковъ“: Шекспиръ I и II т., Гомеръ, Байронъ I и II т., Гете, т. I, II, III, цѣна за томъ 2 р. 50 к. (Гомеръ—3 р. 50 к.). Мольеръ, Шиллеръ печатается. Принимается подписка на всю библіотеку (12 томовъ) на слѣд. условіяхъ: цѣна 31 р., задатокъ 2 р., а затѣмъ при полученіи каждаго тома 2 р. 50 к. (соч. Гомера 3 р. 50 к.). Задатокъ вычитается при доставленіи послѣдняго тома.

Историческіе очерки — А. А. Кизеветтеръ, ц. 3 р.

Образы прошлаго—М. О. Гершензонъ, ц. 3 р.

Гете — „Фаустъ“ (отд. вып.), ц. 1 р.

Байронъ — Чайльдъ Гарольдъ, ц. 50 к.

Байронъ — Донъ-Жуанъ, ц. 1 р.

Вся библіотека классиковъ выпускается въ переплетахъ.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1914 г. * Январь — I. * № 6[illegible]

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ

Наука о любви къ Богу.

[215:294]

Читатели „Бюллетеней“ уже знакомы съ основами ученія индійскихъ іоговъ, ученія, получающаго теперь все большее и большее распространеніе. Быть можетъ ни одна его часть не воплощаетъ съ такой полнотой начала чистой созерцательности и умѣніе отвлекаться и возвышаться надъ любой временной, исторической формой, которую принимаетъ тотъ или иной руководящій жизненный принципъ, какъ та, въ которой говорится объ отношеніи іоги и іоговъ къ религіи, къ абсолютному началу всей жизни. Изложеніе этого ученія дано въ книгѣ іога Рамачарака „Пути достиженія индійскихъ іоговъ“.

„Философія іоговъ,—говорится тамъ,—раздѣляется на нѣсколько отраслей или видовъ, изъ которыхъ каждый спеціально приспособленъ къ требованію извѣстнаго разряда лицъ, изучающихъ эту философію. Каждый изъ этихъ путей приводитъ къ одной и той же цѣли: къ раскрытію души, къ ея развитію и росту. Человѣка, желающаго расти духовно посредствомъ развитія силы воли или путемъ упорнаго давленія ума на покровы, облекающіе „высшее я“, будетъ привлекать Раджа-Іога. Тотъ же, кто захочетъ совершенствоваться путемъ знанія—черезъ изученіе тайны вселенной и разумное постиженіе началъ, лежащихъ въ основѣ жизни—естественно будетъ чувствовать влеченіе къ Жнани-іогѣ; и наконецъ, тотъ, у кого сильно развито религіозное чувство, предпочтетъ достигать постиженія Абсолюта и единенія съ Нимъ при помощи силы любви—при помощи того вдохновенія, которое дается любовью къ извѣстному представленію о Богѣ и къ извѣстной формѣ поклоненія, быть можетъ, связанной съ даннымъ представленіемъ о Божествѣ. Такой человѣкъ будетъ послѣдователемъ Бхакти-іоги *).

*) Объясненіе терминовъ см. въ статьѣ „Мудрости Востока“ въ № 7 „Бюллетеней“.

Конечно, человѣкъ можетъ быть ревностнымъ послѣдователемъ Раджи-Іоги или ученымъ Жнани-іогомъ и въ то же время быть преисполненнымъ такого благоговѣнія и любви къ Абсолютному, что онъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ преуспѣвать и въ Бхакти-Іогѣ. И, дѣйствительно, мы не представляемъ себѣ, какъ можно не сдѣлаться Бхакти-Іогомъ, если изучать какую-нибудь отрасль Іоги. Знать Бога—значитъ любить Его, и чѣмъ больше мы познаемъ Его, тѣмъ больше мы Его невольно любимъ. Точно такъ же познать самого себя, значитъ полюбить Бога, такъ какъ черезъ самопознаніе мы познаемъ и свое отношеніе къ Нему. И чѣмъ больше мы развиваемся, тѣмъ больше мы преисполняемся любовью къ Абсолютному.

Бхакти-Іога удовлетворяетъ жаждѣ любви къ Абсолюту и отвѣтной любви Абсолюта, жаждѣ, которой преисполнено сердце человѣческое. Жажда эта проявляется въ томъ, что мы называемъ „религіознымъ инстинктомъ“, инстинктомъ поклоненія. Всѣ люди обладаютъ этимъ инстинктомъ, проявляющимся въ разнообразныхъ формахъ. Даже тѣ, которые называютъ себя „свободомыслящими“ и „агностиками“ равно, какъ и тѣ, которые совсѣмъ отрицаютъ существованіе Бога, и придерживаются матеріалистическихъ взглядовъ, чувствуютъ эту инстинктивную потребность и проявляютъ ее въ любви къ „природѣ“, или искусству, или музыкѣ, ни мало не подозрѣвая, что, поступая такимъ образомъ, они все же воздаютъ любовь и поклоненіе извѣстнымъ проявленіямъ того самого Бога, котораго они отрицаютъ.

Съ точки зрѣнія Бхакти-Іоги всѣ люди поклоняются Абсолюту, Средоточію жизни, Духу—Богу. Какъ бы ни были грубы варварскія представленія о Божествѣ у дикихъ народовъ, Бхакти-Іогъ признаетъ, что они выражаютъ свою любовь и поклоненіе высшему представленію о Божествѣ, доступному имъ при ихъ низкомъ уровнѣ развитія, и что тѣмъ самымъ они дѣлаютъ все, что могутъ.

Абсолютное—неизмѣнно; оно сегодня таково

...какимъ было вчера и какимъ будетъ ...тра; но человѣческое представленіе объ ...олютномъ постоянно измѣняется по мѣрѣ движенія человѣчества по пути прогресса. Богъ человѣка всегда лишь не много совершеннѣе его самаго; нѣкоторые говорятъ, что Богъ для каждаго человѣка есть совокупность всѣхъ лучшихъ чертъ самого этого человѣка, и, говоря такъ, они очень удачно выражаютъ только что высказанную нами мысль. Ветхозавѣтный Богъ совсѣмъ не похожъ на Бога Новаго Завѣта, а Богъ современной христіанской церкви весьма отличенъ отъ того Бога, котораго та же церковь признавала пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И, однако, Богъ остался тѣмъ же самымъ; въ немъ не произошло никакой перемѣны, и различіе зависитъ отъ развитія и совершенствованія умовъ людей, изъ которыхъ состоитъ церковь. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ совершенствуется, онъ усматриваетъ болѣе высокіе аттрибуты Божества и, такъ какъ въ своемъ понятіи о Божествѣ онъ всегда любитъ и поклоняется высшему и лучшему, то онъ перерабатываетъ свое прежнее низшее понятіе о немъ въ высшее настоящее. А со временемъ будутъ усвоены еще болѣе возвышенные взгляды, и понятія грядущихъ поколѣній о Богѣ будутъ выше нашихъ современныхъ понятій. И тѣмъ не менѣе Богъ не измѣнился и ни мало не измѣнится; только человѣкъ мѣняетъ свои понятія о Немъ.

Невѣжественный дикарь вѣритъ въ такого Бога, который намъ показался бы дьяволомъ; но это—Богъ, созданный имъ по его подобію, только немного лучше. Дикарь вырѣзываетъ изъ дерева какую-нибудь чудовищную фигуру, изображающую этого Бога, и онъ падаетъ передъ нимъ ницъ и поклоняется ему; приноситъ ему жертвы; окропляетъ кровью его алтарь, думая, что Богъ, подобно ему, любитъ видѣть кровь своихъ враговъ. Враги дикаря всегда бываютъ врагами и его Бога, и это представленіе держится у человѣка очень долго, въ чемъ мы можемъ убѣдиться, посмотрѣвъ вокругъ себя, даже въ настоящее время, въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ. По прошествіи нѣкотораго времени дикари, или вѣрнѣе ихъ потомки, пріобрѣтая больше знанія и пониманія, низвергаютъ Бога своихъ оцовъ и создаютъ себѣ новаго Бога сотвѣтствующаго болѣе высокому пониманію Божества, которое они составили себѣ, благодаря своему большему знанію и развитію. Прогрессъ въ пониманіи Божества, можетъ быть, лишь незначителенъ, но все-таки онъ былъ движеніемъ въ должномъ направленіи, и новый Богъ немного лучше стараго, немного добрѣе, немного любвеобильнѣе того, который былъ раньше. И такъ постепенно, шагъ за шагомъ, человѣчество поднимается до все болѣе возвышенныхъ понятій о Богѣ; каждый шагъ на этомъ пути знаменуетъ собою отреченіе отъ старыхъ идеаловъ и созданіе новыхъ и лучшихъ. И тѣмъ не менѣе Богъ остается тѣмъ же, хотя въ умахъ людей и возникли болѣе высокія понятія о немъ.

Люди преслѣдовали другихъ людей, потому что у этихъ послѣднихъ были иныя представленія о Богѣ, чѣмъ у преслѣдователей. А преслѣдуемые, въ свою очередь, достигнувъ власти, начинали преслѣдовать какихъ-нибудь другихъ, болѣе слабыхъ, чѣмъ они, людей, придерживавшихся, опять-таки, иного, особаго понятія, о томъ же самомъ Богѣ. И всякій изъ нихъ думалъ, что, преслѣдуя другихъ, онъ исполняетъ волю Божію, а преслѣдуемые думали, что они страдаютъ во имя Божіе. Пуритане были изгнаны изъ своей родной земли вслѣдствіе ихъ особыхъ понятій о Богѣ, а когда они поселились въ новой странѣ, они стали карать мирныхъ квакеровъ, понятіе которыхъ о Богѣ ихъ оскорбляло. И всякій изъ нихъ думалъ, что онъ дѣлаетъ угодное Богу, карая тѣхъ, кто не былъ согласенъ съ его понятіемъ о Немъ. Какимъ ребячествомъ все это представляется тѣмъ, кто достигъ болѣе широкихъ взглядовъ и видитъ во всѣхъ людяхъ чадъ Божіихъ, поступающихъ такъ, какъ имъ кажется лучше, и поклоняющихся Богу соотвѣтственно высшему доступному имъ понятію о Немъ. И, притомъ, никого нельзя упрекать за эту узкость и слѣпоту; всѣ, вѣдь, дѣлаютъ лучшее, на что способны.

И всѣ они поклоняются Богу—единому, Богу—истинному, Богу—единственно возможному, Богу—Абсолютному. И всѣ дѣлаютъ это въ силу требованій религіознаго инстинкта, толкающаго ихъ впередъ по пути развитія и самосовершенствованія. Всѣ они послѣдователи Бхакти-Іоги (въ ея элементарной формѣ), хотя они этого и не знаютъ. Они думаютъ, что поклоняются различнымъ представленіямъ Божества—различнымъ богамъ; но это не такъ; на самомъ дѣлѣ всѣ они воздаютъ любовь и поклоненіе Единому Богу, Абсолютному, Реальному. Разсматриваемое сквозь призмы различныхъ умовъ, Абсолютное представляется зрителямъ въ различныхъ и, нерѣдко, уродливыхъ формахъ, но при всемъ томъ, истинно Сущее остается Неизмѣннымъ, Единымъ, Вѣчнымъ, Абсолютнымъ.

Какъ бы ни была груба и дика форма поклоненія, она все же возносится къ Единому. Будетъ ли видимымъ объектомъ поклоненія палка, камень, образъ, дерево, змѣя или

какая-либо другая форма, созданная человѣческимъ желаніемъ найти внѣшнее выраженіе для своего внутренняго вѣрованія—все равно истиннымъ предметомъ поклоненія будетъ Единый, Неизмѣнный, Вѣчный, Всемогущій, Всевѣдущій, Вездѣсущій. И неразвитой человѣкъ, поклоняющійся высшему, доступному ему представленію о Божествѣ, творить благо. Онъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ лучшее, на что способенъ, и онъ не менѣе достоинъ уваженія, чѣмъ его болѣе просвѣщенный братъ, который, вѣдь, тоже поклоняется Божеству, какимъ Оно представляется ему, сообразно высшимъ, доступнымъ ему понятіямъ. И понятія ихъ обоихъ, какъ дикаря, такъ и просвѣщеннаго человѣка, будутъ съ теченіемъ времени становиться все выше и лучше, и въ умѣ какъ того, такъ и другого, по мѣрѣ ихъ развитія, откроется доступъ притоку духовнаго знанія. Постараемся, по мѣрѣ нашихъ силъ, вести нашихъ младшихъ братьевъ къ болѣе совершеннымъ понятіямъ о Божествѣ, если они способны воспользоваться нашими наставленіями. Но не будемъ ихъ осуждать, потому что они наши братья, Божьи чада, стоящіе на томъ же пути, на которомъ стоимъ и мы. Мы всѣ какъ бы лишь дѣти на различныхъ ступеняхъ развитія; всякій изъ насъ поступаетъ соотвѣтственно своему возрасту, всякій обладаетъ пониманіемъ, свойственнымъ его возрасту и всякій дѣлаетъ лучшее, на что способенъ. Не будемъ ни относиться презрительно, ни осуждать, ни ненавидѣть, но пусть наша любовь распространяется на всѣхъ нашихъ братьевъ, хотя бы въ отношеніи духовнаго знанія они и находятся еще, какъ бы въ стадіи нерожденныхъ младенцевъ. Такова Бхакти-Іога въ одной изъ своихъ фазъ.

Бхакти-Іога раздѣляется на двѣ отрасли или ступени. Первая извѣстна подъ именемъ *Гауни-Бхакти*, вторая, болѣе высокая, называется *Пара-Бхакти*. Первая изъ нихъ, Гауни-Бхакти, является предварительной стаціей и заключаетъ въ себѣ ученіе о любви къ Богу и о поклоненіи Ему, поскольку эти чувства связаны съ понятіемъ о Богѣ, какъ о личномъ существѣ, т.-е. съ понятіемъ „личнаго Бога“. Предметомъ второй, высшей стадіи или Пара-Бхакти, является поклоненіе Богу и любовь къ Нему, какъ къ Духу Сверхличному и Абсолютному. Конечно, одинъ и тотъ же Богъ составляетъ предметъ любви и поклоненія въ обоихъ случаяхъ, но умственное развитіе послѣдователя Гауни-Бхакти не даетъ ему возможности составить себѣ понятіе о сверхличномъ Богѣ, и онъ, дѣлая наилучшее, на что способенъ, создаетъ себѣ умственный о личнаго Бога.

Первобытный человѣкъ, побуждаемый [illegible] гіознымъ инстинктомъ, но неспособный [illegible] ясному мышленію, даетъ исходъ своему инстинктивному чувству, поклоняясь грубымъ символамъ. Онъ поклоняется чурбанамъ и камнямъ, грому и молніи, солнцу, лунѣ и звѣздамъ, вѣтру и другимъ явленіямъ природы. Немного позднѣе у человѣка начинаетъ появляться представленіе о Богѣ, какъ о нѣкоторомъ лицѣ—какъ о человѣкѣ огромныхъ размѣровъ, живущемъ гдѣ-то въ пространствѣ, о человѣкѣ невидимомъ, но видящемъ. Въ умѣ дикаря создается представленіе о Богѣ, обладающемъ тѣми же свойствами, какъ и онъ самъ, только въ гораздо большемъ масштабѣ. Жестокій и кровожадный дикарь можетъ составить себѣ представленіе только о жестокомъ и кровожадномъ Богѣ. Негръ представляетъ себѣ Бога чернокожимъ. Богъ монгола имѣетъ косые глаза, можетъ быть, даже носитъ косу. Индѣецъ представляетъ себѣ Бога краснокожимъ, съ раскрашеннымъ лицомъ и перьями въ волосахъ, съ лукомъ и стрѣлами. Невѣжественный индусъ представляетъ своего Бога почти обнаженнымъ и ѣдущимъ верхомъ на быкѣ или слонѣ и т. д. Такимъ образомъ, Богъ всякаго народа обладаетъ характерными чертами этого народа. Всякая народность подъ вліяніемъ религіознаго инстинкта создаетъ представленіе о личномъ Богѣ, и всякое такое представленіе бываетъ сходно съ лицомъ, создающимъ его. Всякій изъ этихъ созданныхъ боговъ любитъ и ненавидитъ тѣхъ же лицъ и тѣ же вещи, которыя любитъ и ненавидитъ создавшій его человѣкъ. Всякій изъ этихъ боговъ горячій патріотъ своего отечества и ненавидитъ и презираетъ всѣ другія страны и народы.

Мы упоминаемъ объ этихъ фактахъ вовсе не съ цѣлью злостно критиковать или осмѣивать ихъ. Здѣсь нѣтъ и слѣда подобныхъ намѣреній. Мы говоримъ обо всемъ этомъ лишь для того, чтобы показать, какъ труденъ былъ тотъ путь, по которому шелъ человѣкъ въ поискахъ Бога. Какъ бы ни было грубо понятіе о Богѣ, какъ бы ни была жестока варварская форма поклоненія Ему, какъ бы ни были переполнены суевѣріями эти формы религій—все же каждая изъ нихъ есть шагъ въ направленіи къ единенію съ Божествомъ и должна быть признана таковымъ. Человѣкъ, избавляясь отъ религіознаго невѣжества, срываетъ съ истины одинъ покровъ суевѣрія за другимъ и всякій разъ открываетъ новую,

болѣе совершенную форму поклоненія. И этотъ процессъ еще продолжается и будетъ продолжаться. Мы перерастаемъ старыя формы и создаемъ новыя, лучшія. Это одно изъ проявленій процесса эволюціи.

Матеріалистъ указываетъ на эти же самые факты и приходитъ къ тому заключенію, что всѣ религіи ложны, потому что исторія прежнихъ вѣковъ указываетъ ложность прежнихъ понятій о Богѣ. Но онъ не видитъ того, что его собственныя представленія о веществѣ и природѣ точно такъ же являются лишь ступенями въ процессѣ эволюціи, и что современныя его воззрѣнія только одна изъ ступеней лѣстницы точно такъ же, какъ и тѣ формы и представленія, надъ которыми онъ смѣется. Онъ, подобно дикарямъ и ихъ преемникамъ, тоже ищетъ Бога, но не сознаетъ этого.

Мы не должны забывать, что вся форма религіознаго ученія, всякая вѣра, всякая церковь, какъ бы ни были грубы ихъ ученія и культы, занимаетъ извѣстное мѣсто въ религіозномъ развитіи человѣчества. Всякая изъ нихъ соотвѣтствуетъ потребностямъ своихъ послѣдователей, и поэтому ко всякой вѣрѣ слѣдуетъ относиться съ уваженіемъ. Когда паства перерастаетъ извѣстныя формы культа и понятія, пастыри отбрасываютъ неприемлемыя ученія и измѣняютъ ихъ такъ, чтобы попасть въ тонъ своимъ слушателямъ. Пастыри обыкновенно бываютъ гораздо дальновидѣе своей паствы, но они знаютъ, что еще не созрѣло время для перемѣны. Переворотъ во взглядахъ наступаетъ постепенно. Ученія современныхъ церквей — даже самыхъ ортодоксальныхъ — показались бы еретическими и даже кощунственными нашимъ предкамъ. Оживившія вѣрованія отбрасываются въ сторону, и ихъ мѣсто занимаютъ новыя, и все-таки церковныя организаціи продолжаютъ существовать подъ прежними названіями. Здѣсь мы видимъ нѣчто подобное тому, что было съ мальчикомъ, постоянно починявшимъ свой ножъ. Онъ перемѣнилъ на немъ четыре рукоятки и шесть лезвій, а ножъ все-таки считался тѣмъ же самымъ старымъ ножомъ. Многіе изъ насъ, отбросивъ старые взгляды, выражаютъ нетерпѣніе и даже презрѣніе по отношенію къ тѣмъ, кто остался въ предѣлахъ того круга, который мы уже покинули. Это совершенно неправильно. Тотъ, кто остался, находится именно тамъ, гдѣ ему надлежитъ быть — это лучшее мѣсто для него въ данное время.

Поклоненіе личному Богу, будь то поклоненіе Богу дикаря, или личному Богу развитого человѣка, представляетъ собою форму *Гауни-Бхакти*. И только, когда человѣкъ отбрасываетъ понятіе „личнаго“ Бога, онъ переходитъ въ стадію Пара-Бхакти, т.-е. къ пониманію Бога въ болѣе высокомъ смыслѣ. Это вовсе не значитъ, что Богъ лишенъ личнаго аспекта. Онъ не связанъ предѣлами личнаго сознанія, но не находится въ противорѣчіи съ нимъ. Можно любить Абсолютное, какъ отца или мать, какъ ребенка, какъ друга, какъ любимаго человѣка. Оно заключаетъ въ своемъ существѣ всѣ свойства, вызывающія эти разныя проявленія любви, и можетъ отвѣтить на всѣ запросы. Въ дѣйствительности человѣку нѣтъ никакой надобности просить Бога объ отвѣтной любви. Подобно тому, какъ человѣкъ, выходя на солнечный свѣтъ, подставляетъ себя его живительнымъ лучамъ, точно такъ же и любящій человѣкъ открываетъ себя воздѣйствію лучей Божественной Любви и воспринимаетъ даруемое ею благо. Любовь къ Богу сама по себѣ уже открываетъ доступъ въ наши души Божественной Любви. Если человѣкъ чувствуетъ потребность въ любви Отца-покровителя, онъ только долженъ открыть ей доступъ. Если ему нужна нѣжная любовь Матери, онъ получитъ ее, какъ только раскроетъ ей свою душу. Захочетъ ли человѣкъ любить Бога, какъ любитъ свое дитя — и такая любовь найдетъ отвѣтъ, разъ его сердце открыто притоку Божественной любви; и многіе изъ тѣхъ, кто чувствовалъ потребность такой любви, но боялись ея, считая кощунственнымъ думать о Богѣ такъ, какъ думаютъ о любимомъ дитяти — найдутъ, что такая любовь можетъ облегчить много душевныхъ мукъ. И они не останутся безъ отвѣтной любви Божіей, которая утѣшитъ ихъ такъ же, какъ находитъ утѣху мать въ прильнувшемъ къ ея груди дитяти. Въ западныхъ религіяхъ не говорится ничего объ этой послѣдней формѣ любви къ Богу, но на Востокѣ религіозные люди знаютъ ее, и можно нерѣдко слышать, какъ индусская женщина (употребляя поэтическія выраженія этого народа) говоритъ о себѣ, какъ о „матери Бога“. Такое, на нашъ взглядъ, въ высшей степени странное утвержденіе есть ни болѣе, ни менѣе, какъ признаніе со стороны этой женщины того факта, что Богъ удовлетворяетъ всякую потребность человѣческаго сердца въ любви. Точно такъ же можно любить Бога, какъ любятъ друга, брата и товарища: можно чувствовать къ Богу и пылкое чувство любовника. Всѣ эти формы любви къ Богу извѣстны Бхакти-ісгамъ. Наши западныя понятія о Богѣ даютъ намъ возможность чувствовать къ Нему только любовь дитяти къ Отцу, а между тѣмъ, человѣческое сердце по временамъ чувствуетъ потребность въ мате-

рипской Божеской любви. Богъ не принадлежитъ ни мужскому, ни къ женскому полу; оба пола только частичныя проявленія Его; Онъ заключаетъ въ себѣ всѣ формы—въ томъ числѣ и многія еще неизвѣстныя намъ въ данное время.

Бхакти-іогъ знаетъ, что черезъ неослабную любовь къ Богу онъ будетъ приближаться къ Нему и въ концѣ-концовъ дойдетъ до сознанія и „вѣдѣнія“ истиннаго отношенія между собою и Богомъ. Человѣкъ, любящій Бога, но находящійся еще на ступени *Гауни-Бхакти*, не знаетъ ничего о той силѣ любви и близости, которую испытываетъ человѣкъ, достигшій ступени *Пара-Бхакти*. Перваго можно сравнить съ ребенкомъ, любящимъ свою подругу по играмъ и думающимъ, что онъ имѣетъ понятіе о любви; второй же подобенъ человѣку, достигшему зрѣлости и чувствующему приливъ глубокой, чистой и благородной любви къ подругѣ своей жизни. Первый въ лучшемъ случаѣ соприкасается съ Богомъ только въ одной точкѣ, между тѣмъ какъ другой убѣждается въ томъ, что Богъ отвѣчаетъ на всѣ его запросы и что съ Нимъ можно соприкасаться въ тысячѣ точекъ. Онъ никогда не покидаетъ насъ подобно тому, какъ и солнце всегда свѣтитъ на небѣ, и чтобы ощутить его лучи, нужно только войти въ полосу свѣта; отъ насъ не требуется для этого ничего болѣе. Точно такъ же и Богъ ничего не требуетъ отъ человѣка, кромѣ только того, чтобы онъ чувствовалъ потребность въ общеніи съ Нимъ.

Послѣдователи іоги поклоняются Богу вездѣ и всегда; что бы они ни дѣлали, они знаютъ, что всякое дѣло есть служеніе Ему и что Его храмъ на всякомъ мѣстѣ. Они чувствуютъ постоянный притокъ Божественной силы; чувствуютъ, что всегда находятся передъ лицомъ Бога, видящаго и знающаго ихъ — словомъ, всегда ощущаютъ Его присутствіе. И они не испытываютъ страха; они такъ преисполнены любви, что въ ихъ душѣ нѣтъ мѣста для чего-либо другого. Для нихъ любовь изгоняетъ всякій страхъ. Для такихъ людей всякій день — воскресенье; всякій холмъ, долина, поле и домъ — храмъ. Для нихъ всякій человѣкъ — будь то мужчина или женщина—священнослужитель и всякій ребенокъ — прислужникъ у алтаря Бога. Они обладаютъ способностью проникать духовнымъ взоромъ сквозь обманчивые внѣшніе покровы и видѣть душу, скрывающуюся подъ тѣлесной оболочкой, часто безобразной“.

Іога не относится отрицательно и къ внѣшней формѣ проявленія религіознаго чувства, въ частности къ молитвѣ, конечно, не потому, что она нужна почему нибудь Богу, но потому, что она помогаетъ вѣрующему придерживаться избраннаго имъ пути. „Молитва приноситъ большую пользу человѣку, потому что при помощи ея онъ приводитъ себя въ гармонію съ Безконечнымъ и открываетъ въ свою душу доступъ силѣ, мужеству и мудрости, проистекающимъ отъ близости къ Богу—Центру могущества и мудрости. Въ этомъ секретъ молитвы. Человѣкъ, молящійся искренно, отъ глубины сердца, приводитъ себя въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ Абсолютнымъ. Молящійся можетъ не произнести ни одного слова, но его молитвенное настроеніе создаетъ нѣкоторую форму единенія съ Богомъ и открываетъ свободный доступъ силѣ и мудрости Безконечнаго. Однако, большинство изъ насъ предпочитаетъ употреблять слова, такъ какъ они помогаютъ вызывать соотвѣтствующее настроеніе. Но слова только и имѣютъ это служебное значеніе. Богъ не нуждается въ томъ, чтобы съ нимъ говорили словами; когда конечный умъ взываетъ къ Безконечному, его вѣсть и безъ словъ можетъ быть услышана и понята.

Мы вообразили, что Богъ гдѣ-то далеко отъ насъ, и теперь должны укрѣплять въ себѣ сознаніе, что Онъ именно здѣсь, съ нами, въ данный моментъ. Говорите съ Богомъ такъ, какъ вы бы говорили съ вашимъ отцомъ, матерью, любимымъ ребенкомъ, другомъ, мужемъ или женой, или любимымъ вами человѣкомъ. Онъ все это—и больше этого. Обращайтесь къ Нему такъ, какъ вы обращаетесь къ тому человѣку, съ которымъ вы особенно близки. Проникайтесь чувствомъ близости къ вамъ Бога, и Онъ будетъ вблизи васъ. Молясь, нѣтъ надобности подбирать красивыя выраженія; употребляйте тѣ же слова, съ которыми вы обращаетесь къ дорогимъ для васъ и любимымъ вами людямъ. Богъ не сидитъ, словно царь, на престолѣ, ожидая, чтобы вы пали ницъ къ его ногамъ и лепетали вашу просьбу. Нѣтъ, Онъ, какъ бы сажаетъ васъ рядомъ съ Собою и обнимаетъ Своею рукою, такъ что вы чувствуете себя совершенно непринужденно, и, забывая вашъ страхъ и смущеніе, разсказываете Ему о томъ, что у васъ на душѣ, самыми простыми словами.

Не думайте, что человѣкъ, любящій Бога, долженъ вести какой-нибудь особенный, не свойственный ему образъ жизни, чтобы быть угоднымъ Божеству. Пусть онъ ведетъ совершенно естественный образъ жизни, не отдаляясь отъ занятій, развлеченій и удовольствій, которыя онъ считаетъ подходящими для себя. Оставьте за собой право свободнаго выбора и не заставляйте себя ни соприкасаться насиль-

но съ явленіями жизни, не удаляться отъ нихъ. Не воображайте, что суровое, серьезное выраженіе лица болѣе пріятное Божеству, чѣмъ улыбающееся, веселое. Будьте только естественны—вотъ и все. Человѣкъ, чувствующій, какъ въ него проникаетъ Божественная любовь, склоненъ быть въ счастливомъ, радостномъ настроеніи; онъ всюду, какъ бы приноситъ съ собой солнечный свѣтъ. Онъ не боится смѣяться, пѣть и танцовать, если онъ чувствуетъ къ этому расположеніе, потому что все это прекрасно, если мы пользуемся всѣми этими вещами, но не даемъ имъ власти надъ собою. Будемъ радоваться солнцу, дождю, жару и холоду; будемъ наслаждаться вполнѣ всѣми явленіями природы. Чѣмъ ближе мы стоимъ къ Богу, тѣмъ больше наслаждаемся природой. Будемъ вести естественный, простой образъ жизни. Постараемся извлекать изъ всѣхъ вещей то, что въ нихъ есть лучшаго, и все обращать въ хорошую сторону. Будемъ жизнерадостны, будемъ привѣтливы. Пусть основной нотой нашей жизни будетъ „радость, радость и радость".

Можетъ быть, вы думаете, что вы любите Бога, что вы знаете, какъ нужно любить Его. Прочтите слѣдующую индусскую басню, и вы узнаете, такъ ли это. Вотъ эта басня: „Однажды чела (ученикъ) пришелъ къ Іогу-Гуру (учителю) и просилъ, чтобы онъ научилъ его высшимъ ступенямъ Пара-Бхакти; онъ говорилъ, что ему не нужны предварительныя ступени, такъ какъ онъ уже знаетъ, какъ любить Бога. Іогъ только улыбнулся на слова юноши. Юноша нѣсколько разъ приходилъ снова съ тою же просьбой и получалъ тотъ же отвѣтъ. Въ концѣ-концовъ, онъ потерялъ терпѣніе и потребовалъ у іога, чтобы тотъ объяснилъ свое поведеніе.

Тогда іогъ привелъ юношу къ большой рѣкѣ и, заставивъ войти въ воду, погрузилъ его подъ водой. Молодой человѣкъ боролся, стараясь вырваться, но не могъ поднять головы надъ поверхностью воды. Наконецъ, іогъ вытащилъ его и спросилъ: „Сынъ мой, чего ты желалъ бы больше всего, когда былъ подъ водой?"— „Глотка воздуха",— отвѣтилъ юноша, вдыхая полной грудью.— „Да, совершенно вѣрно",— сказалъ іогъ,— „и вотъ, когда ты будешь желать Бога, какъ ты желалъ глотка воздуха, только тогда ты будешь готовъ къ высшимъ ступенямъ Бхакти—и тогда ты воистину будешь любить Бога".

Едва ли нужно подчеркивать, что приведенныя здѣсь мысли не являются какимъ-либо специфическимъ, восточнымъ, индійскимъ ученіемъ. Религіозный опытъ, независимо отъ его многообразныхъ формъ, всегда, при достаточной глубинѣ переживанія, приводитъ къ тому результату, который только что былъ изложенъ, но это указаніе менѣе всего способно уменьшить цѣнность данной стороны этого ученія. Пускай въ немъ стираются оригинальныя черты, этотъ результатъ достигается той глубиной религіознаго сознанія, при которой всѣ видимыя формы истаиваютъ и становятся совершенно прозрачными. Умѣющему смотрѣть остается только быть зоркимъ.

Трагедія знанія.

(„Преступленіе доктора Лурье", М. Арцыбашева).

[891.7—3]

Будущій историкъ русской литературы XX вѣка, навѣрное, съ немалымъ любопытствомъ остановится на писательской фигурѣ М. П. Арцыбашева, стоящей особнякомъ въ „плеядѣ" корифеевъ нынѣшней нашей беллетристики. Всмотрѣться въ автора „Санина" и „Ревности" съ одного бока—какое-то „фамильное" сходство съ m-me Вербицкой. Взглянешь съ другой стороны—передъ вами одинъ изъ наиболѣе пытливыхъ, наиболѣе *безпокойныхъ* выразителей современныхъ исканій и тревогъ въ русской художественной литературѣ, правда, недостаточно глубокій, зато достаточно чувствующій всякія „глубины". Пусть большею частью неудачно, неумѣло подходитъ онъ къ огромнымъ—„вѣчнымъ"—вопросамъ, къ волнующимъ проблемамъ, съ которыми, вѣдь, не справиться и болѣе сильнымъ и мудрымъ правдоискателямъ, во всякомъ случаѣ дѣлаетъ это онъ, какъ видно, по внутреннимъ, а не внѣшнимъ побужденіямъ,—хоть въ тѣ моменты, когда онъ подымаетъ тотъ или другой вопросъ, *живетъ* писатель этимъ.

Новое „философское" произведеніе автора „Смерти Лаванде" напечатано въ дек. кн. „Нов. Жизни". Художественно незначительный, страдающій нѣкоторыми логическими несообразностями, разсказъ однако представляетъ серьезный интересъ — развертывающимся здѣсь процессомъ мысли и исторіей необычайнаго преступленія, „преступленія доктора Лурье".

Для этого разсказа Арцыбашеву понадобился не какой-нибудь обыкновенный докторъ, не рядовой представитель интеллигенціи. Докторъ Жанъ Лурье—чуть не міровая извѣстность. Многолѣтняя неустанная, напряженная, самоотверженная научная дѣятельность дала ему „званіе члена Пастеровскаго Института,

уваженіе величайшихъ ученыхъ нашего времени и даже нѣкоторую славу если и не выдающагося ученаго, то во всякомъ случаѣ — человѣка, безкорыстно и страстно преданнаго наукѣ".

Теперь этотъ, всѣми уважавшійся, всѣми прославлявшійся, человѣкъ науки—въ тюрьмѣ, уже „заклейменный именемъ злодѣя, предметъ всеобщаго возмущенія, конченный человѣкъ"...

Въ тюрьмѣ докторъ Лурье пишетъ записки,— даетъ своимъ судьямъ, всѣмъ людямъ, человѣчеству отчетъ въ совершонномъ имъ загадочномъ „преступленіи".

„...Я не стану говорить о томъ, какимъ путемъ сложныхъ извѣтвленій мысли я пришелъ къ необходимости своего опыта, и скажу только, что, посвятивъ всѣ силы и самую жизнь знанію, я естественно долженъ былъ задуматься, наконецъ, надъ вопросомъ: въ знаніи ли залогъ счастья человѣческаго, добру или злу служу я, созидая—не разрушаю ли?

О, сколько умныхъ, ученыхъ, совершенно искреннихъ и благородныхъ людей проводятъ жизнь въ труднѣйшихъ изысканіяхъ, открывая все новыя и новыя тайны природы и ни разу не задумываясь надъ тѣмъ, куда они ведутъ человѣчество, которому хотятъ служить всѣми силами своей души.

Я самъ, прививая себѣ ядъ ужасной болѣзни, не думалъ тогда о томъ, что, сохраняя жизнь пораженнымъ индивидуумамъ, подготовляю цѣлые вѣка страданій для ихъ потомства—слабоумныхъ, калѣкъ, уродовъ и злодѣевъ.

Да, ученый ищетъ истину только для ближайшаго этапа того пути, на которомъ стоитъ: открывая взрывчатое вещество, онъ не заботится о томъ, что его динамитъ больше разорветъ человѣческихъ тѣлъ, чѣмъ скалъ, больше породитъ ненависти и преступленій, чѣмъ машинныхъ двигателей. Ему важно сдѣлать лишній шагъ по пути въ вѣчную тьму, окружающую человѣчество, а куда ведетъ этотъ путь, что ожидаетъ человѣка въ концѣ этой дороги, онъ если и думаетъ, то лишь общими краснвыми фразами—этимъ непостижимымъ божествомъ человѣчества, во имя котораго оно милліоны лѣтъ обливается кровью и слезами.

Въ началѣ было Слово, сказано въ книгѣ Бытія, и слово было Богъ!.. Но это было не въ началѣ, это было всегда и есть теперь: слово движетъ человѣческой совѣстью и мыслью, словомъ подмѣняютъ непостижимыя тайны, во имя слова идутъ на смерть. И долгъ разума, такъ рѣшилъ я, не созданіе новыхъ словъ, не утѣшеніе словомъ, не обманъ словомъ, какъ бы прекрасно ни было оно, а разрушеніе слова. Разумъ долженъ сорвать маску прекрасныхъ словъ съ гнилого черепа человѣческой жизни, показать его во всемъ безобразіи и ужасѣ его. Тогда, когда уничтожатся всѣ предразсудки, созданные обаяніемъ хитросплетенныхъ словъ, когда обнаружится голая истина, когда падутъ суевѣрія религіозныя, моральныя и философскія, и когда люди поймутъ, что тамъ, надъ звѣздами, нѣтъ никого, что они беззащитны, одиноки и несчастны въ самомъ существѣ своемъ, тогда они найдутъ, что имъ дѣлать. Быть можетъ, они уничтожатъ свою безполезную жизнь, быть можетъ, они убьютъ себя и другихъ, быть можетъ, они сольются въ истинное братство одинокихъ, только себѣ и между собою близкихъ существъ, но, что бы ни сдѣлали они, это будетъ истиной и будетъ лучше того нелѣпаго кошмара, который тянется уже столько вѣковъ, какъ затяжная мучительная, безобразная и омерзительная агонія.

Это понялъ я и такъ какъ вся моя жизнь была посвящена неуклонному, самоотверженному служенію знанію, во имя прекрасныхъ словъ: „наука, прогрессъ, свѣтъ и благо для всѣхъ", то я и выступилъ на борьбу со своимъ собственнымъ идоломъ, наиболѣе живучимъ изъ всѣхъ созданныхъ словомъ человѣческимъ.

Во имя этого идола разрушаютъ созданное для блаженства человѣка великое, блаженное незнаніе, по камешку, по плиточкѣ растаскиваютъ великое зданіе громаднаго, непостижимаго, прекраснаго въ своей тайнѣ, превращая чудо въ скучную, сухую мелочь научнаго закона. И, обнажая пышное тѣло міра до его скелета, думаютъ, что обогащаютъ міръ человѣка, несутъ ему счастье и спокойствіе. Я проклинаю это знаніе теперь"...

Какимъ же путемъ дошелъ докторъ Лурье отъ рабскаго служенія до проклятія?

Идея рокового для него опыта зародилась въ его мозгу „по пустому, даже нѣсколько забавному поводу" — въ Африкѣ, во время научной экспедиціи, на одной изъ стоянокъ.

„Ночь была темная, но звѣздная. Звѣзды горѣли такъ ярко, какъ будто здѣсь онѣ были ближе къ землѣ. Я сидѣлъ одинъ на пескѣ, прислушиваясь къ загадочнымъ и значительнымъ звукамъ ночи.

Маленькая обезьянка пронзительно закричала въ лѣсу, и невольно представилось ея человѣкообразное хрупкое и безсильное тѣльце, внезапно забившееся въ неодолимыхъ и безжалостныхъ когтяхъ какой-то темной, гро-

мадной силы, распустившей свои черныя крылья надъ ея крошечной, уже окончившейся жизнью.

Въ эту секунду это маленькое жизнерадостное существо бьется въ безполезныхъ усиліяхъ, въ чувствѣ одного, ни съ чѣмъ несравнимаго предсмертнаго ужаса. Темныя крылья вѣютъ надъ нею, и горятъ круглые таинственные страшные глаза. Они ждутъ, когда затихнутъ послѣднія судороги горячаго маленькаго тѣльца, о которомъ завтра уже ничто не будетъ напоминать въ этомъ, вѣчно зеленомъ, полномъ свѣта и жизни, лѣсу. Ждутъ, не мигая, какъ бы не слыша предсмертныхъ воплей, не видя судорогъ, безжалостные и загадочные, какъ сама смерть.

А еще за секунду передъ тѣмъ, какъ надъ головой пронесся взмахъ зловѣщихъ крылъ, бѣдная маленькая обезьянка, угрѣвшаяся въ своей лазейкѣ, мирно дышала во снѣ, утомленная долгимъ жаркимъ днемъ веселой, яркой, живой жизни.

Ея конецъ—одинъ мигъ ужаса и страданія, быть можетъ, даже и не понятаго ею. Прыгая въ зеленыхъ вѣтвяхъ за какимъ-нибудь орѣхомъ, или съ пронзительнымъ визгомъ радостно раскачиваясь на хвостѣ надъ зеркальной гладью водъ, маленькое существо и не думало о томъ, что гдѣ-то, въ томъ же лѣсу, въ сыромъ и темномъ дуплѣ, слѣпо вращая желтыми круглыми глазами и машинально открывая и закрывая короткій загнутый клювъ, сидитъ ея безсмысленная, неумолимая, неизбѣжная смерть.

Сразу, отъ жизни, полной свѣта, радости и движенія, она, сквозь короткій мигъ безсознательной борьбы, переходитъ въ пустоту смерти. Въ ту самую черную дыру, въ которую я, докторъ Лурье, въ теченіе десятковъ лѣтъ своей жизни протискиваюсь совершенно сознательно, разрываемый на части сомнѣніями, надеждами, страхомъ и тоской. Ея великое благое незнаніе—милосердіе природы, котораго лишенъ я, мыслящій и страдающій человѣкъ.

Когда-то я замѣнялъ это незнаніе наивной и смѣшной, но могучей вѣрой въ безсмертіе, въ высшій смыслъ и предназначеніе своей жизни, въ мудрую волю Кого-то сильнѣе меня.

Я самъ убилъ эту вѣру, этотъ спасительный щитъ между собой и ужасомъ смертнаго приговора, вскрывъ ея пустоту, словно ножомъ анатома, остріемъ своей мысли.

Но не уподобился ли я при этомъ ребенку, который ломаетъ утѣшавшую его игрушку только для того, чтобы убѣдиться, что въ ней нѣтъ ничего, и выбросить ее вонъ, вмѣстѣ съ ею выбросивъ и еще одну радость своей маленькой жизни.

Почему-то мнѣ вспомнилось, какъ мать моя, у насъ на фермѣ, гдѣ я бѣгалъ еще безъ-заботнымъ мальчишкой, побѣдоносно стуча своими деревянными башмаками, рѣзала куръ. Еще тогда я поражался, глядя на беззаботно клохтавшую курицу, важно разыскивавшую и проглатывавшую крошечныхъ живыхъ червячковъ, когда мать, съ длиннымъ ножомъ въ рукѣ, подоткнувъ фартукъ, уже шла за ней изъ кухни. Эта курица, разбрасывая землю лапкой и отпугивая налетавшихъ воробьевъ, чувствовала, что весь міръ, солнце, тепло, земля и червяки для нея: только для того, чтобы была полнѣе ея куриная жизнь. А смерть шла съ ножомъ въ рукахъ и думала о какихъ-то своихъ дѣлахъ, невообразимыхъ и непонятныхъ куриному мозгу. И я думалъ, что если бы разсказать всему птичьему и скотному двору про ножи, про обухи, про пламя печей, про блюда, на которыхъ завтра будутъ пожирать ихъ закоченѣвшіе изуродованные члены, какая паника, какой ужасъ и безуміе воцарились бы среди нихъ!.. Ревѣли бы быки, потрясая рогами крѣпкіе заборы, прыгали и жалобно блеяли бы овцы, куры и гуси носились бы въ воздухѣ, наполняя дворъ летающимъ пухомъ. И все бѣжало бы, кричало, ревѣло, разбивалось о стѣны. Но они не знаютъ этого, и вотъ, солнце свѣтитъ, курица скребетъ лапкой, пѣтухъ гордо похаживаетъ кругомъ, сонно и благодушно жуютъ свою жвачку коровы, мирно и радостно блеютъ овцы... жизнь, свѣтлая и простая, благостно наполняетъ ихъ міръ.

Въ болотистой мѣстности, на закатѣ солнца, торжественно погружавшагося въ вечернія тѣни, сотни комаровъ кружились бывало вокругъ меня, съ побѣдными кликами: вотъ, онъ! Сюда!.. И, вонзивъ жало, постепенно наливаясь моей кровью, такъ что круглилось и свѣтилось розовое прозрачное брюшко, комаръ замиралъ въ блаженствѣ, ощущая, какъ жизнь переливается во всѣхъ фибрахъ его существа... И, прихлопнутый ладонью, безпомощно трепеща крылышками, съ разорваннымъ брюшкомъ, беззвучно валился на землю, даже не понимая, что случилось.

Да здравствуетъ счастливый, незнающій, немыслящій животный міръ! Въ немъ только — радость жизни и нѣтъ ужаса смерти, а потому нѣтъ и ужаснаго безсмыслія, нѣтъ пустоты, милліоны вѣковъ гасящихъ радость въ сердцѣ человѣка, ввергающихъ его въ непостижимое томленіе духа.

И, глядя на таинственное мерцаніе сливающихся свѣтилъ, слушая неумолчный гулъ лѣс-

ныхъ голосовъ надъ темною гладью водъ, я мучительно спрашивалъ себя:

— Но зачѣмъ же такая неодолимая жажда знанія, такое неугасимое мучительное стремленіе все въ глубь и въ глубь тьмы?.. Почему же мы не удовлетворялись ни счастливой слѣпотой звѣря, ни наивной вѣрой дикаря, самую тьму смерти населившаго благостными образами вѣчнаго свѣта и добра?.. Неужели все это ошибка, какая-то насмѣшка дьявола, подъ прекраснымъ тѣломъ обнаруживающаго ужасный скелетъ, полный смердящихъ и омерзительныхъ внутренностей. Неужели, точно, человѣкъ станетъ счастливѣе, когда слетитъ весь покровъ прекрасной тайны жизни и вскроется вся ея бездушная и слѣпая механика?..

И въ это время взглядъ мой упалъ на маленькаго негра, неподвижно сидѣвшаго въ трехъ шагахъ отъ меня, поджавъ ноги.

Было уже поздно. Желая посмотрѣть, который часъ, я вынулъ часы и карманный электрическій фонарикъ. Скучающимъ движеніемъ я нажалъ кнопку, и слабый таинственный огонекъ голубенькимъ лучомъ легъ во тьму.

Я слышалъ, какъ зашуршалъ песокъ подъ удивленнымъ Разу. Маленькій негръ, выпуча черные глаза, смотрѣлъ на меня и на таинственный холодный огонекъ, ровнымъ голубымъ лучомъ тихо скользившій по моимъ пальцамъ, одеждѣ и по песку берега.

Какая-то смутная мысль заставила меня оставить на мѣстѣ свой фонарикъ и отойти. Голубой лучъ остался лежать на пескѣ, освѣщая ближайшія камышинки и камешки.

Издали я внимательно слѣдилъ за Разу. Маленькій негръ неподвижно сидѣлъ противъ моего фонарика и, какъ заколдованный, смотрѣлъ на него.

Разу оглянулся, какъ бы ища объясненія этой странной загадкѣ. Глаза его, ослѣпленные свѣтомъ, не могли видѣть меня.

Наконецъ, онъ шевельнулся и тихо, на четверенькахъ, подкрался къ фонарику. Съ минуту мнѣ было видно его освѣщенное снизу черное лицо, съ блестящими расширенными зрачками. Потомъ онъ протянулъ руку, похожую на лапку обезьяны, и осторожно тронулъ фонарикъ. Тронулъ и отдернулъ руку.

Лучъ свѣта передвинулся по землѣ и продолжалъ свѣтить такъ же ровно и беззвучно, освѣщая изумленное, напряженное вспыхнувшей мыслью, забавное черное личико...

...Мнѣ стоило огромнаго труда выполнить свой замыселъ. Я началъ съ того, что всѣми возможными средствами, съ помощью револьвера, камеръ-обскуры, граммофона и маленькой электрической батарейки, старался поразить вниманіе Разу и убѣдить его въ своей сверхъестественной силѣ.

Мнѣ надо было подчинить его волю и для этого я прибѣгъ къ слѣдующему: ночью на полянѣ, вдали отъ лагеря, я съ помощью камеръ-обскуры вызвалъ тѣнь великаго негра, который деревяннымъ голосомъ фонографа приказалъ нашему ниць Разу исполнять всѣ повелѣнія бѣлаго человѣка.

Послѣ невѣроятныхъ трудностей, самъ измученный всей этой затѣей до-нельзя, я привезъ Разу въ Парижъ и помѣстилъ его въ старой оранжереѣ нанятаго мною для этой цѣли стараго особняка на краю города.

Со дня на день, изобрѣтая все новое и новое, пользуясь всѣми орудіями цивилизаціи, я окружилъ своего маленькаго плѣнника чудесами, въ которыхъ его слабый разумъ запутался совершенно.

И вотъ явилось то, чего я добивался: Разу сдѣлать меня богомъ своего замкнутаго, непостижимаго для него мірка. Часто слѣдя за нимъ сквозь незамѣтное отверстіе въ стѣнахъ оранжереи, я однажды увидѣлъ зрѣлище, поистинѣ замѣчательное: бѣдный маленькій Разу стоялъ на колѣняхъ передъ маленькимъ жертвенникомъ, сооруженнымъ изъ камней, на которомъ стоялъ мой собственный портретъ, чудесной силой въ его присутствіи появившійся на дощечкѣ, и, потирая одну ладонь о другую, молился.

Онъ пѣлъ, и въ словахъ его странной и дикой пѣсни я слышалъ свое имя, повторяющееся съ приложеніемъ эпитетовъ божескаго смысла. Онъ пѣлъ о моей страшной силѣ, о тайнахъ, которыми владѣю я, о своей волѣ надъ каждымъ движеніемъ его, Разу, о власти моей надъ всѣмъ видимымъ міромъ, который появляется и исчезаетъ только по слову моему.

Это была цѣлая религія и, право, своей убѣдительностью она нисколько не уступала религіямъ цѣлаго міра!... Я былъ провозглашенъ Богомъ, и маленькій разумъ негра удовлетворился моимъ именемъ для объясненія всѣхъ тайнъ окружавшаго его міра. Все было отъ меня и ко мнѣ, прежде всего былъ я, и все появилось изъ меня.

Съ этого момента я увидѣлъ, что всѣ сомнѣнія, страхи и тоска Разу исчезли. Его мірокъ былъ полонъ, разъ нашлась сила, которая миловала и наказывала его, которая думала за него.

Смыслъ жизни его былъ найденъ и отнынѣ все, что окружало его, было полно этого смысла

... И вотъ тогда-то я счелъ, что наступило время. Шагъ за шагомъ, безжалостно разобличая самъ себя, я сталъ объяснять Разу всѣ мои фокусы и умерщвлять созданный мною самимъ и его фантазіей сверхъестественный міръ. Вначалѣ жадное любопытство озаряло личико Разу. Съ дикимъ прыжками, съ восторгомъ прикоснувшагося къ тайнамъ міра человѣка, онъ встрѣчалъ каждое объясненіе и самъ по сотнямъ разъ продѣлывалъ объясненные ему фокусы.

Но съ каждымъ днемъ пустѣлъ его мірокъ: тайны разоблачались, все становилось просто, привычно и скучно. Мало-по-малу онъ отсталъ отъ фокусовъ и вяло смотрѣлъ на нихъ, когда я повторялъ ихъ. По цѣлымъ днямъ онъ слонялся по своему крошечному мірку, отыскивая новой пищи для своей скучающей любознательности. Я замѣтилъ его слабыя попытки проникнуть за черту своего міра. Но я слѣдилъ неотступно, и это не удавалось бѣдному негру.

Наконецъ, я открылъ ему все, кромѣ одного: смысла моего опыта, а, слѣдовательно, и смысла его заключенія, смысла всей его жизни. Онъ сталъ приставать ко мнѣ, но я хранилъ молчаніе, и тоска изображалась на его умномъ черномазомъ личикѣ.

И, наконецъ, насталъ день катастрофы: вернувшись изъ Института, я нашелъ жертвенникъ разрушеннымъ, мой портретъ сожженнымъ. Разу разрушилъ свой мірокъ, свою вѣру и все, утративъ смыслъ его и погружаясь въ пустоту безцѣльнаго, безсмысленнаго съ его точки зрѣнія, жалкаго существованія человѣка, которому извѣстно и не интересно все, что вокругъ него, котораго тянетъ къ тайнамъ самаго главнаго, къ тайнѣ его жизни.

Я попробовалъ говорить съ нимъ, но онъ сѣлъ безучастно, съ выраженіемъ тоски на лицѣ, безмолвный и бездѣятельный.

А въ тотъ день, когда кончилось все, я нашелъ его трупъ, жалко вытянувшійся на желѣзной скобѣ запертой двери.

Вотъ и все.

Разу умеръ первый, вторымъ умираю я самъ. Я понялъ, что служу не дѣлу жизни, а дѣлу разрушенія, что, служа знанію и срывая покровы съ таинственнаго прекраснаго міра, я обрекаю человѣчество на тоску безсмысленной и механической пустоты, въ которой собственная жизнь его становится безцѣльной и жалкой, какъ песчинка, уносимая ураганомъ.

Не знаю, поймутъ ли меня, но это не такъ важно мнѣ. Умирая, я чувствую, что я сдѣлалъ самый важный и рѣшительный шагъ по пути"...

На этомъ кончается рукопись доктора Жана Лурье, отравившагося въ камерѣ своей тюрьмы. На рукописи имѣется клеймо прокурорскаго надзора и чья-то надпись:

„Это писалъ или сумасшедшій или глупецъ"...

Эпопея труда и непреклонной воли.

(„Туннель" Келлермана).

[83—3]

Пользующійся огромнымъ успѣхомъ романъ Б. Келлермана „Туннель", съ содержаніемъ котораго читатели „Бюллетеней" познакомились въ № 2 журнала за этотъ годъ, вышелъ недавно въ русскомъ переводѣ (изд. кн-ва „Прометей"), что даетъ намъ поводъ снова вернуться къ нему и дать нѣсколько наиболѣе яркихъ картинъ изъ этой захватывающей эпопеи труда и непрекловной воли, пересоздающей, по недавно цитированному слову Верхарна, землю.

Молодой американскій инженеръ Макъ Алланъ, вышедшій изъ семьи бѣднаго рудокопа, пережившій въ дѣтствѣ катастрофу въ шахтѣ, засыпанный тамъ землей и получившій благодаря этому возможность добиться высшаго образованія (онъ осиротѣлъ во время обвала, былъ единственнымъ спасшимся и внушилъ благодаря этому жалость одной богатой дамѣ изъ Чикаго), задумалъ грандіозный проектъ который онъ держитъ пока въ тайнѣ и повѣряетъ подъ секретомъ только банкиру Ллойду, помощь котораго ему нужна для осуществленія своего плана. Ллойдъ, человѣкъ съ очень темнымъ прошлымъ, но достигшій теперь огромнаго вліянія на финансовую жизнь, заинтересовывается этимъ проектомъ, обѣщающимъ, помимо всего прочаго, и рядъ чисто финансовыхъ выгодъ; онъ обѣщаетъ Макъ Аллану свою поддержку и созываетъ собраніе милліонеровъ для выработки плана субсидированія задуманнаго предпріятія, считая въ то же время нужнымъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы тайна Макъ Аллана была сохранена до того момента, когда собраніе придетъ къ тому или иному рѣшенію.

...„Въ Нью-Іоркѣ стояла эти дни жестокая жара, такъ что Алланъ рѣшилъ устроить собраніе на крышѣ отеля Атлантикъ, на Бродвэѣ.

Приглашенные, по большей части изъ дальнихъ Штатовъ, прибыли въ теченіе дня; иные еще наканунѣ.

Они пріѣзжали въ огромныхъ дорожныхъ автомобиляхъ, съ женами, дочерьми, сыновья-

ми, изъ своихъ лѣтнихъ резиденцій въ Вермонтѣ, Мэнѣ, Гемпширѣ, Массачусетсѣ и Пенсильваніи. Одинокіе и нелюдимые предпочитали экстренные поѣзда, дѣлавшіе перегонъ изъ Санъ-Луи, Чикаго и Цинциннатти, не останавливаясь ни на одной станціи. На рѣкѣ Гудсонъ гордо покачивались вновь прибывшія роскошныя яхты. Трое богачей изъ Чикаго: Кильгалленъ, Мюлленбахъ и Сенъ Морисъ прибыли на воздушномъ экспрессѣ, дѣлающемъ 900 миль отъ Чикаго до Центральнаго Парка въ Нью-Іоркѣ въ восемъ часовъ, а спортсменъ Вандерштифтъ на своемъ монопланѣ около трехъ часовъ спустился прямо въ садъ, разбитый на крышѣ Атлантика. Были и такіе, что приходили въ отель пѣшкомъ, какъ скромные путники, съ скромнымъ портфелемъ подъ мышкой.

Но все же приходили. Ллойдъ позвалъ ихъ на совѣщаніе по дѣлу важности первостатейной, и солидарность капитала, болѣе крѣпкая, чѣмъ узы крови и родства, не позволила никому отказаться отъ приглашенія. Они пришли не только потому, что учуяли выгодное дѣльцо (возможно было даже, что ихъ здѣсь ощиплютъ) но главнымъ образомъ, потому, что надѣялись содѣйствовать осуществленію проекта, грандіозность котораго тѣшила ихъ предпріимчивость, ихъ авантюризмъ, которому они были обязаны своимъ обогащеніемъ. Въ своемъ циркулярномъ посланіи Ллойдъ назвалъ таинственный проектъ, который имъ предстояло обсудить, „такимъ великимъ и дерзновеннымъ, какого еще не было на свѣтѣ“. Этого было достаточно, чтобъ вытащить изъ берлоги и нелюдима, ибо созданіе новыхъ дѣлъ было богачамъ такъ же дорого и важно, какъ ихъ собственная жизнь.

Этотъ сборъ стольких вождей капитала, конечно, не могъ пройти незамѣченнымъ, ибо за каждымъ въ отдѣльности слѣдила цѣлая рать репортеровъ, выработавшая цѣлую систему сигнализаціи. Уже съ утра на биржѣ ощущалось легкое лихорадочное возбужденіе. Точная информація въ этотъ день могла сразу обогатить. Въ газетахъ были перечислены по именамъ всѣ участники собранія въ Атлантикѣ, при чемъ обозрѣватель не забылъ упомянуть, сколько каждый изъ нихъ „стоитъ“. Къ пяти часамъ уже накопились горы милліардовъ. Во всякомъ случаѣ, предстояло нѣчто небычайное—гигантская битва капиталовъ. Нѣкоторыя газеты дѣлали видъ, будто сотрудники ихъ только что вернулись съ завтрака у Ллойда и по горло нагружены информаціей, но Ллойдъ заткнулъ имъ ротъ и велѣлъ молчать. Иные шли дальше и заявляли, что Ллойдъ по дружбѣ повѣрилъ имъ за десертомъ, въ чемъ дѣло:—ничего особеннаго—всего только продолженіе электрической однорельсовой желѣзной дороги отъ Чикаго до Санъ-Франциско. Говорили также о расширеніи сѣти воздушныхъ сообщеній, которая должна покрыть всѣ Штаты, такъ что изъ любого города можно будетъ перелетѣть въ любой другой, какъ теперь можно полетѣть въ Бостонъ, Чикаго, Буффало и Санъ-Луи. Нѣкоторые увѣряли, что рѣчь идетъ о реализаціи фантастической идеи Гобби (инженера, пріятеля Макъ Аллана, пользовавшагося огромной популярностью)—превратить Нью-Іоркъ въ американскую Венецію.

Репортеры обнюхивали отель, какъ полицейскія ищейки, напавшія на слѣдъ. Они выдалбливали каблуками ямки въ размякшемъ отъ жары асфальтѣ Бродвэя и до тѣхъ поръ пялили глаза на тридцать шесть этажей Атлантика, пока блескъ ослѣпительной бѣлой стѣны не вызывалъ у нихъ галлюцинацій. Одинъ — отчаянная башка—напалъ даже на геніальную мысль—контрабандой пробраться въ отель, въ качествѣ телефоннаго рабочаго, и не только въ отель, а въ самые покои, занимаемые милліардами, и вездѣ подолгу возился съ телефонными аппаратами, въ надеждѣ поймать нужное слово. Но „мэнеджеръ“ (управляющій отелемъ) учтиво завѣрилъ его, что у нихъ всѣ аппараты въ порядкѣ и дѣйствуютъ исправно.

Обвѣянный удушливымъ зноемъ и лихорадочнымъ возбужденіемъ бѣлый домъ, высокій, какъ башня, стоялъ недвижный и безмолвный. Насталъ вечеръ, а онъ все еще оставался безмолвнымъ. Прогнанный лже-телефонистъ съ горя черезъ часъ вернулся съ накладными усами, подъ видомъ будто бы монтера Вандерштифта, которому надо что-то поправить въ своей машинѣ, оставшейся на крышѣ. Но мэнеджеръ съ вѣжливой улыбкой объявилъ ему, что на монопланѣ г. Вандерштифта марконіевскій аппаратъ тоже въ порядкѣ.

Изобрѣтательный репортеръ снова очутился на улицѣ и провалился сквозь землю, или, по крайней мѣрѣ, исчезъ куда-то, въ поискахъ новой блестящей идеи. И черезъ часъ вернулся обратно глобтроттеромъ, въ автомобилѣ, съ грудой привязанныхъ къ нему чемодановъ, и потребовалъ себѣ номеръ въ 36-мъ этажѣ. Но, такъ какъ въ 36-мъ этажѣ жила отельная прислуга, ему пришлось удовольствоваться комнатой № 3512, съ изысканной любезностью предложенной ему управляющимъ. Здѣсь онъ подкупилъ китайца-боя, прислужившаго въ саду на крышѣ, умоливъ его сунуть въ листья одного изъ растеній въ кадкахъ небольшой аппаратъ, не больше кодака...—Но не разсчиталъ того, что алланитъ (изобрѣтенное Алла-

номъ вещество) — твердая сталь, которой не пробьешь и ядромъ.

Алланъ далъ строжайшія инструкціи, и мэнеджеръ поручился за точное выполненіе ихъ. Какъ только всѣ приглашенные будутъ въ сборѣ, подъемная машина не должна ходить выше 35-го этажа. Бои, прислуживающіе въ саду, не имѣютъ права уйти изъ него, пока не уйдетъ послѣдній гость. На собраніи были допущены всего лишь шестеро представителей печати и трое фотографовъ (Алланъ нуждался въ нихъ столько же, сколько и они въ немъ), но и они обязались честнымъ словомъ, что до окончанія конференціи не будутъ имѣть никакого сообщенія съ внѣшнимъ міромъ.

За нѣсколько минутъ до девяти часовъ Алланъ явился въ садъ, чтобы лично убѣдиться, въ точности-ли выполнены всѣ его распоряженія. И тотчасъ же нашелъ контрабандой проникшій туда аппаратъ для безпроволочнаго телеграфированія, скрытый въ вѣтвяхъ лаврового дерева. И четверть часа спустя догадливый репортеръ получилъ его обратно въ видѣ срочнаго пакета, тщательно перевязаннаго и запечатаннаго, въ свой № 3512 — и не удивился, потому что въ свой, принимающій денепши аппаратъ, онъ отчетливо слышалъ голосъ, немного сердито приказывающій: „Уберите это отсюда“.

Съ девяти часовъ началъ работать лифтъ.

Приглашенные, отдуваясь и обливаясь потомъ, выходили изъ коробки подъемной машины, гдѣ несмотря на всѣ приспособленія для охлажденія воздуха, было жарко, какъ въ банѣ. Но это значило — попасть изъ огня да въ полымя. Каждый выходящій изъ лифта невольно пятился назадъ передъ надвигавшейся на него стѣной зноя. И моментально снималъ сюртукъ, предварительно учтиво извинившись передъ дамами. Эти дамы были — Модъ (жена Макъ Аллана), веселая, цвѣтущая, вся въ бѣломъ, и м-рсъ Броунъ, маленькая бѣдно одѣтая старушенка съ увядшимъ, желтымъ лицомъ и подозрительнымъ взглядомъ тугихъ на ухо скрягъ: первая въ Штатахъ богачка и извѣстная ростовщица.

Всѣ безъ исключенія приглашенные знали другъ друга. Они и раньше сталкивались на разныхъ аренахъ борьбы; они годами сражались плечомъ къ плечу, или же другъ противъ друга. Они не то, чтобы очень уважали другъ друга, но все же цѣнили. Всѣ почти были уже сѣдые или съ сѣдѣющими волосами, спокойные, полные достоинства, съ вдумчивыми, просвѣтленными лицами, *осенними* лицами, у многихъ глаза были добродушные, ласковые, можно сказать, дѣтскіе. Они разбились на группы и болтали между собой преувеличенно громко или же парами расхаживали взадъ и впередъ и шептались. Одинокіе и нелюдимые заранѣе усѣлись поглубже въ покойныя кресла и задумчиво, холодно и немного сердито поглядывали на персидскій коверъ, устилавшій полъ. Отъ времени до времени вынимали часы и поглядывали на лифтъ, доставлявшій все новыхъ и новыхъ гостей...

Внизу клокотала, била ключомъ жизнь огромнаго города, и отъ этого зной, казалось, удваивался. Нью-Іоркъ обливался потомъ, какъ борецъ послѣ борьбы, пыхтѣлъ какъ локомотивъ, сдѣлавшій свои триста миль и теперь постепенно остывающій въ вокзальномъ сараѣ. На Бродвэѣ, увязая въ размякшемъ асфальтѣ, гудѣли и шипѣли автомобили; раздавались сигнальные звонки нагоняющихъ другъ друга поѣздовъ электрическаго трамвая; гдѣ-то вдали рѣзко звонилъ колокольчикъ — это пожарная команда мчалась на пожаръ. Весь воздухъ словно наполненъ былъ гудѣніемъ гигантскихъ колоколовъ, смѣшанныхъ съ криками, несшимися издали, словно тамъ, гдѣ-то вдали, бились между собою толпы людей.

Кругомъ въ темно-синюю жаркую ночь врѣзывались сотни недвижимыхъ и мерцающихъ огней, о которыхъ съ перваго взгляда трудно было сказать, гдѣ они: на небѣ или на землѣ. Съ сада на крышѣ видна была часть колоссальной въ двадцать километровъ длиною, Бродвэй, какъ ущелье, перерѣзывающей Нью-Іоркъ пополамъ: отсюда она казалась разверстой пастью до бѣла раскаленной печи, въ которой прыгали огненные обручи и на днѣ которой копошились микроскопическія крупицы пепла — люди. Ближайшая боковая улица слѣпила глаза, какъ потокъ расплавленнаго свинца. Въ болѣе дальнихъ поперечныхъ улицахъ клубился серебристый туманъ. Съ ярко освѣщенной площади возносились къ небу, какъ призраки, отдѣльные чудовищные небоскребы. Мѣстами высились группы тѣсно прильнувшихъ другъ къ дружкѣ высокихъ домовъ-башенъ, рядомъ съ которыми другіе дома въ 12—15 этажей казались приземистыми, вросшими въ землю карликами. Вдали на горизонтѣ виднѣлись одинъ надъ другимъ съ дюжину слабо свѣтящихся обручей — ряды освѣщенныхъ оконъ, домовъ же не было видно вовсе. Мѣстами, на сорокаэтажныхъ громадахъ горѣли матовымъ свѣтомъ огни висячихъ садовъ, разбитыхъ на крышахъ Режисъ, Метрополитэна, Вальдорфъ Асторіи, отеля Республика. Кругомъ на горизонтѣ заревомъ горѣли Гобокенъ, Джерсей-Сити, Бруклинъ, Остъ-Нью-Іоркъ. Въ расщелинѣ между двухъ темныхъ небоскребовъ еже-

минутно вспыхивалъ двойной лучъ свѣта, словно два огненныхъ моста, перекинутыхъ отъ стѣны къ стѣнѣ—воздушная желѣзная дорога Шестой Авеню.

Вокругъ отеля трещалъ обычный фейерверкъ. Свѣтящіеся фонтаны разсыпались огненными брызгами, съ улицъ возносились къ небу разноцвѣтные снопы огней. Зигзагообразная молнія прорѣзала снизу до верху высокій, какъ башня, домъ и зажигала наверху колоссальный башмакъ. На другомъ, словно сразу вспыхнувшемъ домѣ, въ пламени вырисовался красный быкъ съ надписью: „Курительный табакъ Булль Дурхама“. Съ трескомъ разрывавшіяся ракеты чертили въ воздухѣ точно слова заклинаній. Высоко подъ облаками вертѣлось, какъ безумное, фіолетовое солнце, изрыгая пламя на Манхаттанъ; блѣдные конусы прожекторовъ ощупывали горизонтъ, озаряя бѣлыя оштукатуренныя стѣны домовъ. А надъ всѣмъ этимъ ослѣпительнымъ блескомъ высоко въ небѣ стояли блѣдные, невзрачные, жалкіе — звѣзды и мѣсяцъ.

Откуда-то взвился рекламный аэростатъ, съ мягкимъ жужжаньемъ пропеллера и двумя огромными красными совиными глазами. И на брюхѣ совы, смѣняясь, выступали слова: Здоровье. — Успѣхъ. — Внушеніе. — Богатство. — Пайнъстритъ 14. А на тротуарѣ у тридцатишестиэтажнаго зданія чернѣло цѣлое море шляпъ—репортеры, агенты, маклера, любопытные, всѣ—залитые ослѣпительнымъ свѣтомъ, всѣ, не отбрасывающіе отъ себя тѣни—всѣ дрожа отъ напряженнаго ожиданія, не сводя глазъ съ гирляндъ разноцвѣтныхъ фонариковъ, опоясывавшихъ садъ наверху. Сквозь лихорадочное жужжанье голосовъ, разбивавшееся о стѣны отеля, отчетливо врывались крики бродвэйскихъ крысъ—газетчиковъ, непрерывно выкликавшихъ: „Экстренный выпускъ! Экстренный выпускъ! „Sun“ въ послѣдній моментъ ухитрился-таки затмить всѣ остальныя газеты. Онъ, всезнающій, зналъ и то, какой новый проектъ готовились спустить сверху обливавшіеся потомъ милліардеры: *подводная почта*. Какъ сейчасъ посредствомъ воздушнаго давленія по подземнымъ трубамъ письма пересылаются изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско, точно также, по толщеннымъ трубамъ, заложеннымъ, какъ кабеля, подъ водой, они будутъ пересылаться въ Европу, черезъ Бермудскіе и Азорскіе острова, въ теченіе трехъ часовъ. (Какъ видите, „Sun“ сумѣлъ добыть точнѣйшія свѣдѣнія о маршрутѣ Аллана и сумѣлъ использовать ихъ).

Даже самые крѣпкіе нервы здѣсь, наверху, не могли не откликнуться на это впечатлѣніе лихорадочно волнующейся улицы, гудящаго и сверкающаго Нью-Іорка и безумной жары. По мѣрѣ того, какъ затягивалось ожиданіе, всѣ болѣе или менѣе волновались и вздохнули съ облегченіемъ, когда бѣлокурый Гобби, преисполненный важности, объявилъ собраніе открытымъ.

Размахивая телеграммой, онъ заявилъ, что Ч. Х. Ллойдъ, къ сожалѣнію, лишенъ возможности лично привѣтствовать гостей и поручилъ ему представить имъ г. Макъ Аллана, давнишняго сотрудника Edison Works Limited и изобрѣтателя брильянтовой стали, алланита.

— Вотъ онъ! — Гобби указалъ на Аллана, сидѣвшаго возлѣ Модъ, въ плетеномъ креслѣ, безъ сюртука, какъ и всѣ прочіе.

— Г. Алланъ имѣетъ предложить ихъ вниманію проэктъ, который, какъ имъ уже извѣстно, самъ Ллойдъ считаетъ такимъ великимъ и дерзновеннымъ, какого еще не бывало на свѣтѣ. Г. Алланъ достаточно геніаленъ, чтобы осуществить задуманное, но для осуществленія ему нужны деньги. (Аллану): — Go on, Mac... [1]).

Алланъ поднялся.

Но Гобби сдѣлалъ ему знакъ подождать минутку и, заглянувъ въ телеграмму, заключилъ:—Я забылъ вамъ сообщить... въ случаѣ, если собраніе согласится поддержать проектъ г. Макъ Аллана, онъ, Ллойдъ, готовъ внести свою долю, въ размѣрѣ двадцати пяти милліоновъ долларовъ. (Аллану): Now my boy... [2]).

Мѣсто Гобби заступилъ Алланъ. Тишина и духота дѣйствовали удручающе. Улица внизу гудѣла громче. Всѣ взоры были направлены на него—такъ вотъ онъ, утверждающій, будто выдумалъ что-то небывалое, необычайное. (Губы Модъ отъ волненія и страха сами собою раскрылись). Алланъ ничѣмъ не выразилъ своего почтенія къ столь рѣдкому собранію. Онъ спокойно обвелъ взглядомъ собравшихся, и никто не замѣтилъ по лицу его, какъ онъ внутренно волновался. Сунуть свою голову въ пасть такимъ драконамъ—не бездѣлица; къ тому же, онъ былъ все, что угодно, только не ораторъ. Впервые ему доводилось говорить передъ такимъ большимъ и избраннымъ собраніемъ. И все же, когда онъ началъ, голосъ его звучалъ спокойно и отчетливо.

Онъ началъ съ того, что Ллойдъ, пожалуй, возбудилъ своей рекомендаціей его проекта чрезчуръ большія ожиданія, и онъ боится разочаровать собраніе. Его проектъ врядъ ли болѣе заслуживаетъ названія великаго, чѣмъ Панам-

---

[1]) Макъ, продолжай.
[2]) Ну, братъ, теперь твой чередъ.

скій каналъ, или мостъ сэра Роджэрса,—связывающій Цейлонъ съ предверіемъ Индіи. Въ сущности, онъ даже очень простъ.

Алланъ вынулъ изъ кармана кусокъ мѣла и на доскѣ, стоявшей позади него, начертилъ двѣ линіи. Вотъ это Америка, а это—Европа. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ онъ обязуется выстроить подводный туннель, который свяжетъ оба континента, и поѣзда изъ Америки въ Европу будутъ ходить всего двадцать четыре часа. Вотъ въ чемъ заключается его проектъ.

Въ это мгновеніе вспыхнули магній, защелкали кодаки фотографовъ, и Алланъ сдѣлалъ паузу. Улица внизу загудѣла еще пуще: тамъ поняли, что битва началась.

Вначалѣ казалось, что проектъ Аллана, переводившій на новые рельсы исторію обоихъ континентовъ, и даже для нашего вѣка прогресса незаурядный, не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на слушателей. Многіе были даже разочарованы. Имъ показалось, что они уже гдѣ-то слыхали объ этомъ проектѣ: подобно многимъ другимъ, назрѣвшимъ, онъ висѣлъ въ воздухѣ. И, однако же, еще пятьдесятъ—что я говорю—еще двадцать лѣтъ тому назадъ осмѣлившійся публично изложить такой проектъ, вызвалъ бы только усмѣшки. Здѣсь были люди, которые, заводя часы, зарабатывали больше, чѣмъ большинство людей въ теченіе мѣсяца; здѣсь были люди, которые бровью бы не повели, если бы завтра вся земля разорвалась, какъ бомба, но не было ни одного, который позволилъ бы приставать къ себѣ съ чѣмъ-нибудь скучнымъ. И этого они больше всего боялись, потому что, вѣдь, и Людъ могъ дать маху. Чего добраго, этотъ молодчикъ вытащитъ изъ архива какой-нибудь старый хламъ, въ родѣ осушенія Сахары и ея оплодотворенія, или еще что нибудь въ этомъ родѣ. Его затѣя, по крайней мѣрѣ, не скучна. Это уже много. Въ особенности, молчальники и нелюдимы вздохнули свободнѣе.

Алланъ отнюдь не ждалъ, чтобъ его аудиторія просгерлась ницъ передъ его проектомъ и остался доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ. Большаго онъ, пока, и требовать не могъ. Онъ могъ постепенно, съ подготовкою, развить свою идею, но предпочелъ умышленно бросить ее сразу, какъ бомбу, слушателямъ, чтобы разбить броню кажущагося равнодушія, способную привести въ уныніе любого оратора—однимъ ударомъ раздробить эту броню, слагавшуюся изъ флегмы, усвоенныхъ навыковъ, усталости, разсчета и недовѣрія. Онъ заставитъ эти семь милліардовъ слушать себя. Это была его первая, очередная задача—это и ничто другое. И, какъ будто, это ему удалось. Кожаныя кресла поскрипывали. Нѣкоторые расположились поудобнѣе, откинувшись на спинки креселъ, и закурили сигары. М-ръ Броунъ приставилъ къ уху слуховую трубку. Виттерштейнеръ изъ Нью-Іоркскаго Центральнаго банка шепнулъ что-то на ухо мѣдному королю Дж. О. Морзу.

Ободренный, Алланъ продолжалъ увѣреннѣе.

Туннель будетъ начинаться въ ста километрахъ къ югу отъ Нью Іорка, съ берега Нью-Джерсея, пройдетъ мимо Бермудскихъ и Азорскихъ острововъ и закончится на берегу Біскайскаго залива, во Франціи. Обѣ океаническія станціи, Бермудскіе и Азорскіе острова, съ технической точки зрѣнія необходимы. Притомъ же, онѣ чрезвычайно важны въ смыслѣ доходности туннеля. Бермудскіе острова вмѣщаютъ въ себя все почтовое и пассажирское сообщеніе мексиканскаго бассейна, Вестъ-Индіи, Центральной Америки и Панамскаго канала. Азорскіе — все сообщеніе Африки и Южной Америки. Океаническія станціи станутъ такими же важными узловыми пунктами, какъ Нью-Іоркъ и Лондонъ. А ужъ какую роль будетъ играть въ немъ начальныя и конечныя станціи, американская и европейская—это ясно и безъ комментарій. Отдѣльныя правительства вынуждены будутъ дать свое согласіе на постройки туннеля; больше того, онъ Макъ Алланъ принудитъ ихъ допустить къ обращенію на ихъ биржахъ акцій синдиката по постройкѣ туннеля—если они сами будутъ настолько неразумны, что захотятъ нанести такой ущербъ собственной промышленности и интересамъ тысячъ милліоновъ людей.

— Туннель черезъ Беринговъ проливъ, начатый постройкой три года назадъ, и другой туннель, изъ Дувра въ Кале, который въ этомъ году будетъ оконченъ, достаточное доказательство тому, что постройка подводныхъ туннелей, при той высотѣ, на какую поднята современная техника, затрудненій не представляетъ. Туннель Дувръ-Кале имѣетъ протяженіе, приблизительно, въ пятьдесятъ километровъ. Мой туннель будетъ имѣть около пяти тысячъ километровъ длины. Слѣдовательно, задача моя заключается только въ томъ, чтобы умножить во сто разъ работу англичанъ и французовъ, хотя я не отрицаю, что здѣсь могутъ возникнуть и болѣе крупныя затрудненія. Но не мнѣ говорить вамъ, что, гдѣ человѣкъ ухитрился поставить машину, тамъ онъ—дома. Въ финансовомъ смыслѣ выполненіе проекта зависитъ отъ вашего, господа, согласія. Гобби невѣрно сказалъ—въ деньгахъ вашихъ я не нуждаюсь, ибо туннель свой я буду строить и на американскія, и на европейскія деньги, на деньги всего міра. Возможность осуществить этотъ

проектъ въ теченіе всего пятнадцати лѣтъ обусловливается исключительно моимъ изобрѣтеніемъ уже извѣстнаго вамъ—алланита, твердой стали, которая твердостью всего на одну ступень ниже бриллианта и допускаетъ обработку самаго твердаго камня, позволяя изготовлять неограниченное количество буровъ любой величины и размѣра по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

Аудиторія слушала внимательно. Она какъ будто дремала, но именно это былъ знакъ, что работа въ мозгахъ началась. Сѣдые и сѣдѣющія головы были по большей части опущены; но два-три лоснящихъ отъ пота лица обращены вверхъ къ небу, на которомъ мерцали звѣзды. Одинъ вертѣлъ въ губахъ сигару и по временамъ быстро взглядывалъ на Аллана; другой сидѣлъ, опершись подбородкомъ на руку и задумчиво кивалъ головой. Почти у всѣхъ разгладилось въ глазахъ добродушное и дѣтское выраженіе, уступивъ мѣсто вдумчивому, туманному, или же истребиному, зоркому. М-рсъ Броунъ не открывала глазъ отъ губъ Аллана и ротъ ея кривился въ насмѣшливую, почти злую улыбку. Всѣ эти мозги тридцати рабовладѣльцевъ, въ которые Алланъ, точно колья загоняя, вбивалъ свои идеи и аргументы, пришли въ движеніе. Деньги, желѣзо, сталь, мѣдь, дерево, уголь — мыслили, соображали, разсчитывали. Дѣло, предлагаемое Алланомъ, было не изъ обычныхъ. О немъ стоило подумать. Такіе проекты на улицѣ не валяются. И дѣло это не легкое. Тутъ рѣчь идетъ не о трехъ милліонахъ бушелей пшеницы, или о милліонѣ мѣшковъ хлопчатника, не о тысячѣ какихъ-нибудь акцій австралійскихъ розсыпей Короля Эдуарда. Много больше того. Однимъ затѣя Аллана сулила горы денегъ, безъ особеннаго риска нажитыхъ на желѣзѣ, на сталн, на углѣ. Рѣшеніе этихъ не трудно было предвидѣть. Для другихъ она означала возможность крупныхъ барышей, но и крупный рискъ. Но рѣшать надо было тутъ же, сейчасъ. Ибо тутъ дѣло шло не только о проектѣ Аллана—тутъ орудовалъ самъ всемогущій Ллойдъ, шагавшій по землѣ, какъ закованный въ золотѣ призракъ, творя и уничтожая. Ллойдъ знаетъ, что дѣлаетъ. Этотъ Алланъ только думаетъ, что онъ самъ выступаетъ — его выдвинулъ Ллойдъ. За послѣднія недѣли въ Валльстритѣ было заключено много крупныхъ сдѣлокъ въ области горнозаводской и желѣзной промышленности.—Теперь они знали, что это Ллойдъ, черезъ подставныхъ людей, двинулъ въ наступленіе свою армію. Ну, конечно, Ллойдъ, который сидитъ на своемъ золотомъ мѣшкѣ, покуривая сигару, началъ кампанію уже нѣсколько недѣль тому назадъ, а этотъ Макъ Алланъ—кулакъ его, которымъ онъ бьетъ по конкурентамъ. И вездѣ этотъ Ллойдъ первый; вездѣ онъ умѣетъ урвать львиную долю, раньше, чѣмъ тронутся другіе. Но, вѣдь, есть еще время хоть отчасти наверстать упущенное. Надо только сегодня же вечеромъ разослать депеши по всему міру, тотчасъ по окончаніи митинга. Завтра утромъ будетъ ужъ поздно...

Надо рѣшать...

Нѣкоторые, разгорячennые усиленнымъ мышленіемъ, для того, чтобы легче рѣшить вопросъ, принялись, точно въ увеличительное стекло, разглядывать Макъ Аллана. Внимательно вслушиваясь въ то, что онъ говорилъ о постройкѣ туннеля—о томъ, какъ онъ будетъ обшивать штольни и вбивать устои—они въ то же время изучали его, отъ лакированныхъ сапогъ, бѣлоснѣжныхъ фланелевыхъ брюкъ, пояса, сорочки, воротника и галстуха — до гладкаго пробора, отливающаго мѣдью. Вспотѣвшее лицо Аллана блестѣло, какъ бронзовое, но ни малѣйшихъ слѣдовъ усталости на немъ не было видно, хотя онъ говорилъ уже болѣе часа. Наоборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ оно становилось бодрѣй и значительнѣе. Когда онъ только началъ говорить, выраженіе глазъ у него было добродушное, дѣтское; теперь они смотрѣли ясно и смѣло, поблескивая, какъ сталь, какъ тотъ алланитъ, который только на одну ступень уступаетъ въ твердости бриллианту. И ясно, что этотъ человѣкъ не часто позволяетъ вотъ такъ заглядывать себѣ въ глаза. И зубы у него крѣпкіе, разгрызутъ самый твердый орѣхъ безъ щипцовъ. И голосъ грудной, тяжелый какъ молотъ, словно вбивающій мысль въ головы слушателей. Алланъ набрасывалъ на доскѣ чертежъ туннеля, — они приглядывались къ его сильной, смуглой рукѣ съ двумя вытатупированными на ней скрещенными молотками, — это была рука привычнаго игрока въ теннисъ и борца. Они изучали Аллана, какъ боксера, за котораго будутъ держать пари. Человѣкъ, безъ сомнѣнія, надежный. Если и потеряешь на немъ, стыдно не будетъ. У Ллойда глазъ наметанный, опытный. Они уже знали, что въ двѣнадцать лѣтъ Алланъ служилъ мальчишкой-конюхомъ, кучеренкомъ въ рудникѣ, и за двадцать лѣтъ изъ глубины восьмисотъ метровъ подъ землею съумѣлъ вскарабкаться на крышу Атлантика. Это уже само по себѣ кое-что. Чего нибудь стоитъ и то, что онъ съумѣлъ придумать и разработать такой проектъ, но всего важнѣй и удивленія достойнѣй то, что онъ ухитрился собрать здѣсь, въ назначенный часъ тридцать человѣкъ, для которыхъ время деньги, и заставить ихъ слушать себя при температурѣ 90° по Фа-

рентейту. На глазахъ ихъ разыгрывалось рѣдкое зрѣлище: по отвѣсной стеклянной горѣ къ нимъ пришелъ человѣкъ, рѣшившій занять мѣсто въ ихъ рядахъ и отстоять свое право на это мѣсто.

Алланъ между тѣмъ говорилъ:—Для оборудованія штоленъ и, вообще, для производства работъ мнѣ нужна сила тока, равная силѣ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ энергій, которыя даетъ Ніагара. Но Ніагары уже не получишь; поэтому я построю собственную Ніагару.

Теперь ужъ всѣ, насторожившись, смотрѣли на Аллана.

И еще одно бросилось имъ въ глаза: за все время, что онъ излагалъ свой проектъ, этотъ человѣкъ ни разу не улыбнулся и не позволилъ себѣ ни единой шутки. Юморъ, очевидно, не по его части. Только дважды обществу далъ былъ поводъ посмѣяться. Первый разъ, когда фотографы чуть не передрались между собою, подняли страшный крикъ, и Алланъ повелительно бросилъ имъ: „Stop this nonsense!“. (Прекратите эти глупости). Въ другой разъ, когда Алланъ предложилъ журналисту, зажигавшему одну спичку за другой, одолжить свою машинку для добыванія огня, и тотъ отвѣтилъ ему: —Не безпокойтесь.

Въ заключеніе Алланъ прочелъ отзывы объ его проектѣ первыхъ авторитетовъ міра: инженеровъ, океанографовъ, геологовъ, статистовъ, финансистовъ изъ Нью-Іорка, Бостона, Лондона, Берлина.

Наибольшій интересъ вызвало резюме Ллойда, разработавшаго финансовую сторону и смѣту доходности туннеля. Алланъ прочелъ его послѣднимъ, и всѣ тридцать головъ заработали снова, дружно, быстро и отчетливо.

Жара, казалось, вдругъ утроилась. Изнемогая, лежали богачи въ своихъ креслахъ, даже не обтирая лицъ, съ которыхъ потъ лилъ градомъ. Даже холодильники, поставленные за кустами, непрерывно выдѣляя холодный, насыщенный озономъ воздухъ, не умѣряли зноя, парнаго, словно подъ тропиками. Китайцы-бои, одѣтые въ бѣлоснѣжное, прохладное полотно, безшумно скользили между креселъ, обнося гостей лимонадомъ, джинфицомъ, водой со льдомъ и разными прохладительными. Зной словно поднимался съ улицы и горячимъ комомъ, который, казалось, можно было схватить руками, перекатывался по саду. Городъ, весь построенный изъ желѣзо-бетона и асфальта, словно гигантскій аккумуляторъ, всѣ эти недѣли впитывалъ въ себя зной и теперь выплевывалъ его обратно. А далеко внизу немолчно ревѣло и кричало глубокое ущелье — Бродвэй. Нью-Іоркъ, эта громада, воздвигнутая людьми между 3.000 миль океана и 3.000 миль твердой земли, самъ кипучій, не знающій сна Нью-Іоркъ, казалось, требовалъ, заклиналъ, пришпоривалъ людей, толкая на все болѣе огромныя, неслыханныя усилія. Самъ Нью-Іоркъ, мозгъ Америки, казалось, думалъ, обмозговывалъ и рождалъ гигантскую мысль.

Алланъ вдругъ пересталъ говорить. Кажется, даже не докончилъ фразы. Никакого заключенія своей рѣчи онъ не далъ. Кульминаціонный пунктъ этой рѣчи уже былъ въ самомъ началѣ. И конецъ ея вышелъ такимъ неожиданнымъ, что когда Алланъ удалился, чтобы предоставить собранію свободнѣе обсудить свой проектъ, всѣ остались сидѣть въ прежнихъ позахъ, какъ будто еще прислушиваясь.

Рекламный аэростатъ кружилъ надъ садомъ, и на немъ огненными буквами горѣли слова: *25 лишнихъ лѣтъ жизни. — Съ ручательствомъ. — Д-ръ Ностъ, Бруклинъ*“.

Не безъ колебанія планъ Аллана былъ принятъ, а уже на слѣдующее утро оказалось, что Алланъ заблаговременно закупилъ земли у входовъ проектированнаго имъ туннеля и на промежуточныхъ станціяхъ, и на слѣдующій же день началась работа. Для финансированія предпріятія былъ созданъ грандіозный синдикатъ, а пріобрѣтенные заранѣе участки Макъ Алланъ сталъ распродавать по колоссальной цѣнѣ. Въ своемъ предпріятіи Аллану удалось заинтересовать всѣхъ и акціи были раскуплены всѣми, у кого были хотя какія-нибудь сбереженія; его дѣло становилось дѣйствительно національнымъ, потому что почти всѣ были въ немъ такъ или иначе заинтересованы.

Между тѣмъ работа кипѣла. Съ помощью буровъ изъ изобрѣтеннаго имъ раньше металла—алланита Макъ Аллану удалось вести ее поразительно быстро.

...„Мѣсто, гдѣ орудовала сверлильная машина Макъ Аллана, туннельные рабочіе прозвали „пескомъ“. Шумъ здѣсь стоялъ такой чудовищный, что всѣ рабочіе болѣе или менѣе глохли, хоть и затыкали себѣ уши ватой. Аллановскіе буры, сверлившіе гору, издавали рѣзкій, звенящій пронзительный звукъ; гора кричала, какъ тысячи смертельно испуганныхъ дѣтей, хохотала, какъ цѣлая армія сумасшедшихъ, бредила, словно палата горячечныхъ, и грохотала, какъ рядъ огромныхъ водопадовъ. Сквозь жаркія штольни, въ которыхъ, казалось, можно было испечься живьемъ, на протяженіи пяти миль неслись такіе страшные стоны и вопли, что никто не услышалъ бы, если бы гора, дѣйствительно, обвалилась и задавила всѣхъ рабочихъ. Никакіе командные крики, никакіе

звуки гудка не покрыли бы этого шума; поэтому всѣ сигналы подавались оптическимъ способомъ. Огромные прожекторы бросали снопы яркаго свѣта, то ослѣпительно бѣлаго, то кроваво-краснаго, въ этотъ хаосъ обливающихся потомъ человѣческихъ тѣлъ и катящихся камней, которые тоже иногда казались похожими на человѣческія тѣла, пропизывая свѣтомъ густыя облака пыли, клубившейся надъ мѣстомъ работъ. А посреди̇нѣ этого хаоса катящихся тѣлъ и камней стояло, трясясь и медленно ползя впередъ, сѣрое, покрытое пылью чудовище, словно какой-то допотопный звѣрь, вывалявшійся въ болотѣ,—сверлильная машина Макъ Аллана.

До послѣднихъ мелочей придуманная самимъ Алланомъ она походила на чудовищную, бронированную чернильную рыбу; внутренностями ея были кабеля и электромоторы; въ черепѣ ея копошились голые люди; позади тащился хвостъ изъ проволокъ и канатовъ. Съ энергіей, равной силѣ двухъ локомотивовъ поѣзда-экспресса, она ползла впередъ, ощупывая гору несчетными щупальцами, выраставшими изъ ея расщепленной морды, освѣщая ее свѣтомъ, бившимъ изъ ея пасти. Вся дрожа отъ звѣриной ярости, раскачиваясь взадъ и впередъ въ неистовой жаждѣ разрушенія, она съ оглушительнымъ воемъ и грохотомъ въѣдалась головой и грудью въ гору. Потомъ отодвигалась, снова вытягивала щупальцы и что-то вспрыскивала въ выѣденныя ею отверстія. Эти щупальца были сверла съ наконечниками изъ алланита, пустыя внутри, охлажденныя водой, и эти пустыя внутри сверла выплевывали въ готовыя уже отверстія взрывчатыя вещества. И, какъ морская чернильная рыба, машина Аллана внезапно мѣняла окраску. Изъ челюстей ея шелъ кровавый паръ; хребетъ ея, словно вздыбясь, сверкалъ злобно и грозно; страшная и жуткая, какъ чернильная рыба, она откатывалась назадъ, окутываемая кровавымъ туманомъ—и снова ползла впередъ. Впередъ и назадъ, день и ночь, годами, безостановочно.

И, какъ только она перемѣнится въ цвѣтѣ и начнетъ отползать назадъ, къ каменной стѣнѣ кидается куча людей и начинаетъ съ лихорадочной поспѣшностью свивать вмѣстѣ проволоки, торчащія изъ просверленныхъ бурами отверстій, и моментально, словно гонимые страхомъ, люди отскакиваютъ и бѣгутъ назадъ. А взорванная гора дрожитъ, стонетъ, гудитъ и съ угрозой устремляется въ погоню за бѣглецами, осыпая ихъ градомъ камней, отскакивающихъ отъ стальной брони, въ которую одѣта машина. Клубы пыли катятся навстрѣчу красной свѣтящейся разинутой пасти, которая неожиданно извергаетъ ослѣпительно бѣлый свѣтъ. И тогда полчища полуобваженныхъ людей кидаются въ это клубящееся облако пыли и взбираются на еще дымящіяся груды камней.

А жадно катящееся впередъ чудовище выдвигаетъ наружу какія-то страшныя орудія пожиранія—краны, щипцы, подтягиваетъ кверху отвисшую нижнюю челюсть и жадно глотаетъ камни, куски руды и мусоръ, которые бросаютъ ему въ пасть сотни людей съ искаженными лицами, обливающихся потомъ и кровью. Челюсти его перемалываютъ и глотаютъ сожранное; волочащееся по землѣ брюхо мгновенно переваритъ его, и сзади льются безконечнымъ потокомъ мелкіе и крупные камни.

Сотни обливающихся потомъ людей топчутся между катящимися камнями, тянутъ за цѣпи, кричатъ, орутъ, и груда обломковъ и мусора подъ ними таетъ. Весь осыпавшійся камень надо поскорѣй убрать прочь съ дороги, чтобы снова очистить путь чудовищу.

И вотъ ужъ снова что-то измѣряютъ, буравятъ и суетятся живые клубки грязныхъ человѣческихъ тѣлъ подъ прожорливой пастью чудовища, сглаживая ему путь. Пыхтя отъ натуги, несутъ другіе люди шпалы и рельсы, укладываютъ на землю шпалы, привинчиваютъ къ нимъ рельсы — чудовище катится дальше.

На его покрытомъ грязью тѣлѣ, на бокахъ, на грозно ощетинившемся хребтѣ, подъ брюхомъ—всюду висятъ крохотные человѣчки. Они пробуравливаютъ отверстія въ потолкѣ и стѣнахъ подземнаго хода, въ днѣ его и въ торчащихъ наружу каменныхъ глыбахъ, чтобы въ каждый данный моментъ можно было наполнить эти отверстія динамитомъ и взорвать преграду.

Такая же адская, лихорадочная работа кипитъ и позади сверлильной машины, тамъ, гдѣ катится безконечной рѣкой извергаемый машиною камень. Всего полчаса дается на то, чтобы приготовить машинѣ свободный путь обратно на разстояніе въ двѣсти метровъ, чтобы она могла откатиться и въ безопасности дождаться взрыва.

Какъ только брюхо машины начинаетъ извергать сожранный камень на огромный, все время находящійся въ движеніи желѣзный листъ, на 10 метровъ торчащій позади машины, рослые мускулистые парни вскакиваютъ на него и первымъ дѣломъ хватаются за большія глыбы, которыя не подъ силу поднять человѣку. Передвигаясь вмѣстѣ съ листомъ, они накидываютъ на эти глыбы крѣпкія петли изъ желѣзныхъ цѣпей и пристегиваютъ цѣпи къ подъемнымъ кранамъ, торчащимъ изъ задней стѣнки машины.

Съ листа вся масса мелкаго камня съ шу-

момъ и грохотомъ сыплется въ низкія желѣзныя вагонетки, напоминающія „псовъ“ въ угольныхъ копяхъ, длинный рядъ которыхъ уже стоитъ въ ожиданіи на полукругломъ соединительномъ рельсовомъ пути, за рудничнымъ локомотивомъ, который приводится въ движеніе съ помощью аккумуляторовъ. Кучки людей съ блѣдными лицами и крупными каплями пота на лбу, съ кашицей изъ грязи во рту и пескомъ, хрустящимъ на зубахъ, толпятся вокругъ листа и „псовъ“, крича и галдя, роются въ камнѣ, разгребаютъ его, накладываютъ въ вагонетки; рѣзкій свѣтъ прожекторовъ слѣпитъ имъ глаза, воздухъ, вырывающійся изъ воздухоприводныхъ каналовъ, какъ вѣтеръ въ бурю, свиститъ въ ихъ ушахъ.

Битвы, которыя ежедневно разыгрываются передъ сверлильной машиной, гибельны для человѣка, и каждый день бываютъ раненые — нерѣдко убитые.

Послѣ четырехъ часовъ такого неистовства одна смѣна рабочихъ уступаетъ мѣсто другой. Совершенно истощенные, сварившіеся въ собственномъ соку, блѣдные, задыхаясь отъ сердцебіенія, вышедшіе изъ „пекла“ люди въ изнеможеніи бросаются на влажный каменный полъ вагона и мгновенно засыпаютъ, чтобы проспаться только на другой день.

Къ концу второго года съ американской стороны туннель былъ уже выведенъ на протяженіи девяносто пяти километровъ, и вдоль всего этого немалаго пути лихорадочно кипѣла работа. Ибо Алланъ ежедневно, ежечасно подгонялъ и подхлестывалъ своихъ рабочихъ, заставляя ихъ до послѣдней степени напрягать силы. Онъ безпощадно увольнялъ инженеровъ, не умѣвшихъ въ положенный срокъ сдать положенное количество кубическихъ метровъ, и такъ же безпощадно увольнялъ рабочихъ, отъ усталости бросавшихъ работу раньше срока смѣны.

Еще громыхаютъ желѣзные „псы“ (корзины для вывозки камня) и взорванная штольня еще полна пыли, осколковъ камня и оглушительнаго шума, а батальоны рабочихъ при свѣтѣ рефлекторовъ уже тащатъ бревна, доски и столбы, обшивая и укрѣпляя штольню противъ напора катящагося каменнаго потока. Отрядъ техниковъ уже прокладываетъ электрическіе кабеля, рукава и трубы, водопроводныя и для притока нагнетаемаго насосами воздуха.

Возлѣ поѣздовъ новыя полчища рабочихъ выгружаютъ доставленный матеріалъ и распредѣляютъ его по всему пути такъ, чтобы вездѣ все нужное было подъ рукою: бревна, доски, зажимы, винты, трубы, кабеля, буры, оболочки для динамитныхъ патроновъ, цѣпи, шпалы и рельсы.

А черезъ каждые триста метровъ неистовствуетъ новый отрядъ грязныхъ полуодѣтыхъ людей, буравя между столбами-устоями боковую стѣну подземнаго хода; съ помощью кирокъ, молотковъ и динамита они выбиваютъ въ стѣнѣ нишу, величиной въ ростъ человѣка, а, когда мимо съ пронзительнымъ свистомъ проносится поѣздъ, прячутся за столбы. Но скоро ниша вырастаетъ на столько, что имъ уже нечего бояться поѣздовъ, а черезъ нѣсколько дней за каменной стѣной начинаетъ чувствоваться пустота, стѣна обрушивается, и открывается параллельный ходъ, по которому, какъ и сквозь первый, несутся поѣзда. Дѣло сдѣлано, и отрядъ идетъ дальше, чтобы черезъ триста метровъ снова начать пробивать сквозной поперечный ходъ.

Эти поперечные ходы служатъ для вентиляціи и для множества разныхъ другихъ цѣлей.

А по пятамъ за этими идетъ другой отрядъ, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы укрѣпить и выложить камнемъ эти узкіе соединительные ходы. Изо дня въ день, изъ года въ годъ ничего другого они и не дѣлаютъ. Но каждую двадцатую штольню оставляютъ нетронутой, безъ каменной кладки.

Дальше, все дальше, впередъ!

Мчится поѣздъ и останавливается у двадцатаго поперечнаго хода. Изъ вагоновъ выскакиваютъ закопченные люди, неся на плечахъ сверла, кирки, желѣзныя штанги, мѣшки съ цементомъ, шпалы и рельсы. Съ быстротою молніи они исчезаютъ въ поперечной штольнѣ, а позади уже нетерпѣливо звенитъ колокольчикъ: на минуту задержавшійся поѣздъ уже стремится дальше, дальше. Поперечная штольня поглотила черныхъ людей, и вотъ уже тамъ визжатъ сверла, трещитъ и ломается камень, штольня ширится и растетъ, возникаетъ новый широкій ходъ, идущій наискось къ главному пути черезъ туннель; его стѣны, дно, потолокъ — все изъ желѣзобетона. Сквозь него проложены рельсы. Это — вспомогательный путь.

Эти поперечные туннели неоцѣнимы, такъ какъ сквозь нихъ черезъ каждые шесть километровъ можно по желанію переправлять непрерывные поѣзда съ камнемъ и матеріалами съ одного главнаго рельсоваго пути на другой.

Такимъ образомъ можно въ любой моментъ изолировать участокъ пути длиною въ шесть километровъ для окончательной его обработки.

Тянувшійся на протяженіи шести километровъ лѣсъ балокъ, подпоръ, скрѣпъ и столбовъ, превращается въ такой же длинный лѣсъ металлическихъ фермъ и желѣзнаго фахверка.

Гдѣ есть адъ, тамъ есть и должно быть и чистилище. И это мѣсто стройки зовется „чи-

стилищемъ", а рабочіе, занятые здѣсь —„пургаторименами", какъ тамъ — „хелльменами". Hell — значитъ „адъ".

Здѣсь путь свободенъ, и вагоны безъ устали, какъ волны морскія, катятся на этомъ участкѣ пути, со всѣхъ сторонъ, какъ гроздьями винограда, увѣшанные людьми. И вотъ, ужъ началась новая битва, въ сотнѣ мѣстъ заразъ: пушечные выстрѣлы, звуки сигнальныхъ рожковъ, блескъ и сверканье прожекторовъ. Это снова взрываютъ штольню, чтобы придать ей надлежащую ширину и высоту. Гулъ идетъ такой, словно ядра впиваются въ металлическую обшивку броненосца. Это гремятъ желѣзные балки и рельсы, брошенные на землю. Штольня завалена окрашенными суриком желѣзными листами, стойками и раскосами съ желѣзопрокатныхъ заводовъ въ Пенсильваніи, Огайо, Кентукки и Оклагамѣ. Старыя шпалы срываютъ; динамитомъ и мелинитомъ углубляютъ дно туннеля; лихорадочно работаютъ кирки и лопаты. Люди воютъ, кряхтятъ, надрываются; мышцы напряглись, жилы на вискахъ вздулись, какъ змѣи, лица искажены непомѣрнымъ усиліемъ; гуськомъ, одинъ за другимъ, тѣло къ тѣлу, они тащатъ огромныя двутавровыя балки, на которыя потомъ ляжетъ рельсъ туннельной желѣзной дороги — потому что желѣзная дорога въ туннелѣ будетъ однорельсовая. Группы инженеровъ съ измѣрительными аппаратами и прочимъ инженернымъ инструментомъ лежатъ на землѣ и работаютъ, напрягая каждый нервъ, каждый фибръ своего мозга, и потъ, градомъ катящійся съ нихъ, пестритъ тигровыми узорами ихъ полунагія тѣла. Каждая балка три метра длиною, 18 сантиметровъ высотою, слегка загнутая вверхъ на концахъ, укладывается одна плотно возлѣ другой, и на нихъ льется рѣкою бетонъ, заливающій ихъ почти до верху. Какъ сотня муравьевъ тащитъ соломинку, такъ здѣсь сотня кряхтящихъ отъ усилія людей съ подгибающимися отъ натуги колѣнями тащатъ толщенные, въ тридцать метровъ длиною, рельсы, которые прикрѣпляются къ этимъ шпаламъ. А за ними вслѣдъ ужъ ползутъ другіе двуногіе муравьи, таща отдѣльныя части тяжелаго металлическаго каркаса, которымъ будетъ выложенъ внутри весь овалъ туннеля. Вмѣстѣ сложенныя онѣ имѣютъ форму эллипсиса, нѣсколько приплюснутаго у подошвы. Каждая ферма состоитъ изъ четырекъ частей: подошвы, двухъ боковыхъ подпоръ и верхняго покрытія. Всѣ онѣ изъ крѣпкаго дюймоваго желѣза и связаны между собой въ крѣпкій остовъ. Гулко стучатъ машины для склепки, гудитъ штольня. Одинъ лежень ложится рядомъ съ другимъ. Вся штольня охвачена желѣзной рѣшеткой изъ скрѣпъ и связей. И на нихъ уже карабкаются каменщики, выстилающіе туннель внутри толстымъ, въ метръ толщины, панцыремъ изъ бетона, который выдержитъ давленіе хотя бы всего земного шара. По обѣимъ сторонамъ этого единственнаго круглаго рельса на опредѣленныхъ разстояніяхъ отъ него укладываются трубы различныхъ размѣровъ — для телефонныхъ и телеграфныхъ проводовъ, для проводящихъ токъ кабелей, огромныя трубы для водяныхъ насосовъ и не менѣе огромныя для нагнетающихъ воздухъ, который день и ночь непрерывно гонятъ въ туннель машины, работающія внѣ его. И еще особыя трубы для пневматической почты. Трубы засыпаютъ пескомъ и щебнемъ, а поверхъ ихъ кладутъ шпалы и рельсы для обыкновенныхъ балластныхъ поѣздовъ, но солидные, крѣпкіе, позволяющіе и товарные поѣзда гнать съ быстротою скорыхъ.

Не успѣли склепать послѣднюю ферму, какъ ужъ путь въ шесть километровъ готовъ. И по немъ уже мчатся поѣзда, между тѣмъ, какъ каменьщики еще задѣлываютъ промежутки между желѣзнымъ фахверкомъ.

А впереди, въ тридцати километрахъ, попрежнему работаетъ, неустанно въѣдаясь все дальше и дальше въ гору, механическій буръ Макъ Аллана.

...Эдиссоновскій біоскопъ все еще дѣлалъ блестящія дѣла со снимками работъ въ Туннелѣ, еженедѣльно мѣняя программу.

На экранѣ появлялась прежде всего грозная гряда облаковъ, неизмѣнно висящая надъ товарною столицей въ Макъ-Сити. Затѣмъ показывали необозримые ряды вагоновъ, которые тащили за собой изо всѣхъ штатовъ Америки тысячи дымящихъ локомотивовъ; грузовые мостики, поворотные краны, кошки и подъемные краны.

Показывали „пекло" и „чистилище", гдѣ метались и сновали словно обезумѣвшіе люди; при чемъ фонографъ одновременно съ этимъ силился передать шумъ, стоящій въ „пеклѣ". И, хотя шумъ этотъ былъ записанъ за двѣ мили отъ „пекла", все же, онъ былъ такъ оглушителенъ и ужасенъ, что публика испуганно затыкала уши.

Вся Библія современнаго труда проходила въ эдиссоновскомъ біоскопѣ. И зрители, десять минутъ тому назадъ забавлявшіеся раздирающей мелодрамой, чувствовали, что тутъ пахнетъ серьезнымъ, что всѣ эти пестрыя, дымящія и гудящія картины трудовой жизни, проходившія передъ ними на полотнѣ — не что иное, какъ сцены изъ много болѣе крупной и вели-

чественной драмы, героемъ которой была ихъ эпоха.

Эдиссоновскій біоскопъ воспѣвалъ эпосъ желѣза, болѣе грозный и торжественный, чѣмъ всѣ эпосы древности.

Желѣзные рудники въ Бильбао, Сѣверной Испаніи, Джелливарѣ, Гренгесбергѣ, въ Швеціи. Рудничный поселокъ въ Огайо; въ воздухѣ дождь пепла, на улицахъ сплошныя лужи черной грязи, цѣлый лѣсъ трубъ, густой, какъ тростникъ. Пылающія доменныя печи въ Швеціи, съ заревомъ, точно сѣверное сіяніе, на темномъ ночномъ горизонтѣ. Желѣзопрокатный заводъ въ Вестфаліи. Дворцы изъ стекла, огромныя, высокія залы, машины, изобрѣтенныя человѣкомъ, какіе-то допотопные мамонты, и рядомъ съ ними крохотные карлики-человѣчки—ихъ изобрѣтатели и руководители. Электромагнитъ обнюхиваетъ старое желѣзо, листы, рельсы, присасывается къ нимъ, разметываетъ ихъ по сторонамъ, какъ соломинки. Огромный молотъ опускается на весь этотъ желѣзный ломъ и кустъ, толчетъ его, разбиваетъ въ куски. Группа огромныхъ, какъ башни, доменныхъ печей, опоясанныхъ желѣзными обручами, изрыгающихъ пламя. Со свистомъ взбѣгаютъ наверхъ вагонетки, нагруженныя рудой; печь заполняется. Въ пасти ея ядовитые газы, скопляясь, образуютъ вихрь, нагрѣтый до температуры въ 1000 градусовъ: уголь и коксъ сами собой начинаютъ плавиться. Триста тоннъ желѣзной руды переплавляетъ за день такая печь. Новая картина: изъ пробитаго въ устьѣ печи отверстія течетъ въ формы потокъ расплавленнаго желѣза; люди около, кажется, сами пылаютъ; лица у нихъ, какъ у покойниковъ. Бессемеровы и Томассовы конверторы—огромные разбухшіе пауки, приводимые въ движеніе силой воды, то стоя, то лежа, дуютъ на раскаленное желѣзо, выбрасывая далеко впередъ огненныя змѣи и снопы искръ. Огонь, жаръ, пекло и торжество ада. Печи всевозможныхъ системъ, паровые молоты, прокатные валы, дымъ, пляски искръ, пылающіе люди, и на каждомъ дюймѣ побѣда, торжество генія. Желѣзо плавится, трещитъ, мечетъ искры; сплавъ рѣкою течетъ между валами, вытягивается, какъ воскъ, все длиннѣе и длиннѣе, принимаетъ окончательную форму—и вотъ уже лежитъ, горячій и влажный, черный, побѣжденный, готовый рельсъ—„изготовленный заводомъ Круппа, въ Эссенѣ“.

Въ заключеніе показываютъ штольню въ угольныхъ копяхъ. На экранѣ появляется голова лошади, сама лошадь и рядомъ мальчуганъ въ высокихъ сапогахъ; лошадь тащитъ длинный рядъ тачекъ съ углемъ. Лошадь, мотая головой, подходитъ все ближе, и съ нею мальчикъ, и наконецъ, занимаетъ все полотно, ухмыляясь публикѣ своимъ закоптѣлымъ, вымазаннымъ угольной пылью блѣднымъ лицомъ.

А „конферансье“ поясняетъ:—Такимъ повиноемъ былъ и Макъ Алланъ, строитель туннеля, двадцать лѣтъ назадъ.

Въ публикѣ эта картина неизмѣнно вызываетъ неистовый восторгъ. Она рукоплещетъ человѣческой энергіи, настойчивости — и самой себѣ, осуществленію своихъ надеждъ.

Въ тридцати тысячахъ кинематографовъ ежедневно ставятся эти картины. Нѣтъ такого медвѣжьяго угла въ Сибири и Перу, гдѣ бы публика уже не познакомилась съ ними. Естественно, что имена и лица всѣхъ руководителей постройки Туннеля такъ же хорошо знакомы публикѣ, какъ имя и лицо самого Аллана. Ихъ имена врѣзались въ память народную, какъ имена Наполеона, Вашингтона, Стефенсона, Маркони, Эрлиха, Коха“.

Напряженная работа продолжала подвигаться, когда на седьмой годъ прорытія туннеля отъ невыясненной причины, по всей вѣроятности отъ взрыва скопившагося въ одной изъ подземныхъ пустотъ газа, произошелъ страшный пожаръ, уничтожившій сверлильную машину и рядъ незаконченныхъ еще сооруженій, вызвавшій колоссальную панику среди рабочихъ и стоившій жизни тремъ тысячамъ изъ нихъ, сгорѣвшимъ заживо, задохнувшимся въ дыму и просто растоптанными во время бѣгства и борьбы за мѣста въ поѣздахъ, возвращавшихъ ихъ на землю.

Семьи рабочихъ, остававшіяся въ городѣ у входа въ туннель, совершенно обезумѣли отъ ужаса, а когда стали прибывать толпы бѣглецовъ, перепуганныхъ и озлобленныхъ, общее негодованіе вылилось въ погромъ, во время котораго были убиты жена и дочь Аллана, вышедшіе случайно навстрѣчу толпѣ. Аллана самого въ это время въ городѣ не было, онъ пріѣхалъ позже и немедленно отправился въ горящій тунель спасать тѣхъ, кого забыли или не захотѣли ждать поддавшіеся общей паникѣ машинисты поѣздовъ.

Результатомъ взрыва была забастовка рабочихъ, не поддававшихся ни на какіе доводы, которые приводилъ имъ Макъ Алланъ. Дѣла синдиката, которому какъ разъ въ это время предстояло заключить второй заемъ, пошатнулись; оказала вліяніе и крупная растрата, совершенная распорядителемъ синдиката Вульфомъ, пытавшимся занять въ немъ доминирующее положеніе, зарвавшагося въ операціяхъ, которыя должны были привести его къ желанной цѣли, и принужденнаго окончить жизнь

самоубійствомъ подъ колесами поѣзда. При дѣятельной поддержкѣ Ллойда синдикатъ все же рѣшилъ произвести въ срокъ тѣ платежи по акціямъ и обязательствамъ, срокъ которымъ пришелъ черезъ три мѣсяца послѣ катострофы, но недостатокъ размѣнныхъ денегъ въ нѣкоторыхъ кассахъ вызвалъ панику въ публикѣ, собравшейся въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ. Паника повлекла за собой разграбленіе кассъ и пожаръ огромнаго тридцати-двухъэтажнаго зданія синдиката; только счастливая находчивость одного изъ служащихъ, замѣтившаго этотъ пожаръ, позволила избѣжать новыхъ человѣческихъ жертвъ.

Результатомъ всѣхъ этихъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ несчастій было огромный экономическій крахъ. Общественное негодованіе не знало границъ, и Макъ Аллана предали суду по обвиненію въ злоупотребленіи общественнымъ довѣріемъ. На судѣ Алланъ сознался, что онъ считалъ возможнымъ, что ему не удастся закончить туннель въ назначенный имъ пятнадцатилѣтній срокъ, но что онъ надѣялся все же преодолѣть всѣ затрудненія. Его приговорили къ шестилѣтнему тюремному заключенію. Приговоръ пересматривался два раза; быть можетъ этому помогло улучшеніе финансоваго положенія, но высшій судъ оправдалъ Аллана. Онъ былъ утомленъ донельзя всѣмъ пережитымъ и желалъ только одного: уединенія.

Дочь Ллойда Этель давно полюбила Аллана, еще при первой встрѣчѣ, когда отецъ посвятилъ ее въ тайну его проекта. Во время процесса она вела дѣятельную агитацію за Аллана, стоившую ей даже короткаго тюремнаго заключенія. Она настойчиво старалась пробудить въ Алланѣ желаніе вновь бороться за свое дѣло, сумѣла расположить вновь своего отца, который въ ней души не чаялъ; когда Алланъ понялъ, что дальнѣйшій успѣхъ его дѣла зависитъ отъ его брака съ Этель Ллойдъ, онъ сдѣлалъ ей предложеніе. Своей кипучей дѣятельностью и преданностью тому дѣлу, которымъ жилъ Алланъ, Этель быстро завоевала любовь своего мужа, а поддержка ея отца, выгодно воспользовавшагося создавшимся положеніемъ, поставила снова на ноги казавшееся рухнувшимъ навсегда дѣло.

Черезъ двадцать четыре года послѣ начала работъ туннель былъ оконченъ. Алланъ долженъ былъ проѣхать по нему въ первомъ поѣздѣ, и описаніемъ этой поѣздки заканчивается романъ.

Тысячная толпа собралась провожать Аллана въ его поѣздку. Его появленіе было встрѣчено радостными привѣтствіями.

...„Алланъ началъ строить туннель молодымъ человѣкомъ, теперь онъ стоялъ передъ многотысячной толпой сѣдой, какъ лунь, поблекшій, съ блѣднымъ, нѣсколько обрюзгшимъ лицомъ и добродушными синевато-сѣрыми дѣтскими глазами. Вмѣстѣ съ нимъ вышла и Этель, которая вела за руку маленькаго Мака. За ними шелъ маленькій, сгорбленный человѣчекъ съ поднятымъ воротникомъ и большой, широкой шапкой, низко надвинутой на глаза. Онъ былъ немногимъ больше маленькаго Мака, и всѣ думали, что это краснокожій грумъ. Это былъ Ллойдъ.

Маленькая мумія подала руку Этель и маленькому Маку и осторожно полѣзла въ вагонъ: стало быть пассажиромъ былъ Ллойдъ! Не монархъ, не король, не президентъ республики, а всемогущій Ллойдъ,—капиталъ былъ первымъ пассажиромъ! Этель съ мальчикомъ остались. Она привезла маленькаго Мака изъ Равеля для того, чтобы онъ запомнилъ это великое мгновенье. Макъ обнялъ сына и Этель, и Этель сказала: „Ну, до свиданья, Макъ. Надѣюсь, съѣздишь благополучно!“

Колеса дрогнули, галлерея наполнилась гулкимъ, свистящимъ шумомъ и поѣздъ двинулся при неистовыхъ, ликующихъ крикахъ толпы. Рефлекторы бросали блѣдные снопы свѣта на Хобокенъ, Нью-Іоркъ и Бруклинъ, сирены пароходовъ въ докахъ, на Гудзонѣ, въ бухтѣ — трубили и ревѣли, звенѣли телефоны, стучали и телеграфы — Нью-Іоркъ, Чикаго, Санъ-Франциско бурно заволновались, весь міръ провожалъ Аллана ликующими привѣтствіями. Въ тоже время во всѣхъ частяхъ свѣта пріостановились на пять минутъ всѣ фабрики, заводы, машины и одновременно засвистали и затрубили всѣ поѣзда и пароходы, находившіеся въ пути: это великое, могучее привѣтствіе труда—труду!

Старый Ллойдъ раздѣлся и легъ спать.

Они неслись въ Туннелѣ.

Въ отеляхъ обѣдали въ десять часовъ тысячи людей и возбужденно говорили о великомъ событіи. Играли оркестры. Лихорадочное возбужденіе вся росло. Люди доходили до экзальтаціи, становились поэтами. Туннель называли „величайшимъ человѣческимъ дѣяніемъ всѣхъ временъ“.

„Алланъ создалъ эпопею о желѣзѣ и электричествѣ“. Вспоминали все, что пережилъ Макъ Алланъ за эти двадцать пять лѣтъ и называли его „Одиссеемъ современной техники“.

Въ пятьдесятъ минутъ двѣнадцатаго вспыхнули плакаты Эдиссонъ-Віо, на которыхъ выведено было: „Тише“! И все мгновенно затихло. Тотчасъ же заработали телекинематографы.

Во всѣхъ большихъ городахъ земного шара увидали въ тотъ же мигъ покрытые человѣческой массой перроны станціи Хобокенъ. Увидали огромный туннельный поѣздъ, видѣли, какъ Алланъ прощается съ Этель и съ своимъ сыномъ—люди машутъ шляпами: поѣздъ выходитъ изъ галлереи... Поднялось неописуемое, оглушительное ликованіе, длившееся нѣсколько минутъ. Люди вскакивали на столы, сотни бокаловъ разбились вдребезги и растаптывались ногами. Оркестры грянули туннельныя пѣсни: „Three cheers and a tiger for him"—Трижды ура и бокалъ за него!—Но шумъ былъ такъ великъ, что ни одного звука нельзя было разобрать.

Затѣмъ, на полотнѣ вспыхнула надпись: „Двадцать пять портретовъ". Алланъ, когда онъ начиналъ строить Туннель, Алланъ—въ настоящее время. Опять бури восторговъ. Гобби, Штромъ, Гарриманъ, Берманъ, С. Вульфъ, „Толстый Мюллеръ", Ллойдъ. Потомъ пошли картины. Собраніе на крышѣ „Атлантика", „первый ударъ заступомъ"... Кинематографы цѣлую ночь демонстрировали—всѣ фазы работъ и появленіе портрета Аллана вызывало каждый разъ новую бурю восторговъ. Мелькали картины катастрофы, забастовки. Макъ Алланъ говорилъ въ трубу съ арміей рабочихъ (и фонографъ воспроизводилъ отрывки изъ его рѣчи), двигалась процессія туннельныхъ рабочихъ, потомъ картина пожара—все!

Позднѣе въ часъ ночи на полотнѣ вспыхнула телеграмма: „Алланъ въѣхалъ въ Туннель! Восторженное ликованіе народа! Въ давкѣ много убитыхъ!"

Опять мелькали картины. Алланъ проѣхалъ сотый километръ—двухсотый километръ,—Алланъ остановилъ на минуту поѣздъ!"

Заключались неслыханныя пари. Никто больше не смотрѣлъ на кинематографъ. Всѣ дѣлали вычисленія, бились объ закладъ, кричали. Прибудетъ-ли поѣздъ безъ опозданія на Бермудскіе острова?

Этотъ первый переѣздъ Аллана изъ Америки въ Европу — сталъ тѣмъ-то вродѣ гонки, состязаніемъ на скорость. Въ первый часъ онъ побилъ рекордъ электрическихъ поѣздовъ, до тѣхъ поръ считавшійся за поѣздами линіи „Берлинъ-Гамбургъ". Къ концу второго часа онъ приблизился къ скорости летательныхъ машинъ, а къ концу третьяго часа побилъ и этотъ рекордъ. На пятый часъ онъ побилъ міровой рекордъ скорости германскихъ дирижаблей. „Ура! Ура, Алланъ! Ура! Ура!"

Около пяти часовъ утра волненіе опять дошло до крайности. На кинематографическомъ полотнѣ появилось переданное телекинематографическимъ путемъ изображеніе залитаго солнцемъ вокзала Бермудской станціи. Ровно въ пять часовъ вынырнулъ сѣрый поѣздъ и остановился.

Алланъ выходитъ изъ вагона, разговариваетъ съ Штромомъ, Штромъ и Алланъ опять садятся. Поѣздъ уносится дальше. Телеграмма: „Алланъ пришелъ на Бермудскіе острова съ двухминутнымъ опозданіемъ!"

Нѣкоторые участники банкетовъ разошлись по домамъ, большая часть осталась. Они провели двадцать четыре часа безъ сна, и слѣдили за всѣми движеніями Аллана. Многіе взяли и комнаты въ отеляхъ, и ложились отдохнуть часа на два, распорядившись, чтобы ихъ тотчасъ разбудили, „если что-нибудь случится"...

На улицахъ уже продавались экстренные выпуски газетъ. Алланъ летѣлъ...

Поѣздъ несся по штольнямъ, и на много миль впереди и позади него катился глухой гулъ. На поворотахъ поѣздъ кренился на бокъ, какъ мастерски слаженное парусное судно. На подъемахъ поднимался ровно и мѣрно, какъ летательная машина. Поѣздъ летѣлъ. Огни въ темномъ Туннелѣ напоминали щели въ темнотѣ, сигнальныя лампы, сверкавшія напути—яркія звѣзды, станціонные огни—сонмы метеоровъ. Туннельные рабочіе, дюжіе парни, не прослезившіеся во время страшной октябрьской катастрофы, заплакали отъ радости, когда увидали пролетавшаго мимо нихъ „стараго Мака".

Ллойдъ велѣлъ разбудить себя въ восемь часовъ. Онъ принялъ ванну, позавтракалъ и закурилъ сигару. Онъ смѣялся. Онъ чувствовалъ себя въ Туннелѣ превосходно. Наконецъ-то онъ былъ одинъ, далеко отъ людей, въ такомъ мѣстѣ, куда никто не могъ притти къ нему. Онъ прохаживался по своимъ двѣнадцати сверкающимъ покоямъ, полнымъ чудеснаго, насыщеннаго озономъ воздуха, которые локомотивъ тащилъ за собою. Въ девять часовъ Этель позвонила ему по-телефону и разговаривала съ нимъ десять минутъ.

— Не кури много, папа! — сказала ему Этель. Потомъ онъ сталъ читать телеграммы. Вдругъ поѣздъ остановился. Это была большая станція въ „знойной штольнѣ". Ллойдъ посмотрѣлъ въ щель окна и увидѣлъ группу людей, среди которыхъ стоялъ Алланъ.

Ллойдъ пообѣдалъ, поспалъ. Поѣздъ остановился, и тотчасъ открыли окна его салона. Ллойдъ увидалъ голубое море по одной сторонѣ, а по другой— необозримую массу восторженно кричащихъ людей. Азорскіе острова! Лакей его сообщилъ ему, что они пришли съ сороками-

нутнымъ опозданіемъ, такъ какъ бассейнъ съ масломъ далъ течь.

Затѣмъ опять закрыли окна. Поѣздъ полетѣлъ внизъ, и старый, высохшій маленькій Ллойдъ засвисталъ отъ удовольствія, чего уже лѣтъ двадцать не бывало съ нимъ.

Съ Азорскихъ острововъ поѣздъ велъ Штромъ. Онъ пустилъ въ ходъ всѣ аккумуляторы, и ходомѣръ показывалъ двѣсти девяносто пять километровъ въ часъ.

Инженеры забезпокоились, но Штромъ, потерявшій въ знойныхъ штольняхъ свои волосы, и сохранившій свои крѣпкіе нервы, никому не позволялъ дѣлать ему указанія...

— Это будетъ, позоръ, если мы придемъ съ большимъ опозданіемъ!— сказалъ онъ. Поѣздъ несся съ такой быстротой, что казалось, будто онъ не трогается съ мѣста. Огни мелькали мимо, какъ искры.

Финистерра.

Въ Нью-Іоркѣ опять наступила ночь. Отели вновь были полны. Люди неистовствовали отъ возбужденія. Наверстаютъ они опозданіе или нѣтъ? Пари доходили до безумныхъ размѣровъ...

На послѣднихъ пятидесяти километрахъ поѣздъ опять велъ Алланъ. Онъ не спалъ двадцать четыре часа, но его поддерживало нервное возбужденій... Онъ былъ утомленъ, блѣденъ, и задумчивъ...

Онъ многое вспоминалъ въ эти часы...

Они должны были пріѣхать черезъ нѣсколько минутъ и считали километры и секунды. Мелькнули сигнальныя лампы.

Вдругъ бѣлый рѣзкій свѣтъ полоснулъ ихъ по глазамъ. Это былъ день. Алланъ остановилъ поѣздъ.

Поѣздъ прибылъ въ Европу съ двѣнадцатиминутнымъ опозданіемъ".

По поводу „Тоннеля" Келлермана Л. Андреевъ на страницахъ „Совр. Міра" (№ 12) высказалъ нѣсколько интересныхъ мыслей.

„Въ этой книгѣ, — пишетъ онъ, — до того все живо, образно и ярко, ея герои, ея машины, ея голоса и шумы, что подъ конецъ сама книга, это пачка сброшюрованныхъ бумажныхъ листковъ, становится живою, начинаетъ шевелиться на столѣ и звучать въ пустой комнатѣ: сразу узнаешь столъ, на которомъ въ грудѣ другихъ книгъ лежитъ „Тоннель". Удивительная книга! Въ ней есть огонь и подлинное тепло: явленіе довольно рѣдкое въ текущей литературѣ, гдѣ все струится холодно, медленно и вяло, какъ кровь изъ раненой рыбы, гдѣ рѣдкія вспышки свѣта, пожалуй, и прекрасны, но холодны, какъ сѣверное сіяніе.

Дѣйствіе своего романа Келлерманъ переноситъ лѣтъ на 25—30 впередъ отъ нынѣшняго дня, но это не дѣлаетъ его романомъ будущаго — нѣтъ, это только дань стремительному темпу съ какимъ идетъ и развивается теперешняя жизнь. Этимъ перенесеніемъ событій въ близкое будущее Келлерманъ намѣчаетъ и самый характеръ романа: событія развиваются въ бѣшеномъ темпѣ, когда мелькаютъ, какъ спицы въ вертящемся колесѣ, личность съ кратковременностью ея бытія поглощается массою, коллективомъ, народомъ. Вообще съ личностью кончено, пѣсенка ея спѣта—такъ говоритъ и показываетъ романъ, хотя офиціально личность даже какъ будто торжествуетъ, и въ психологической части романа авторъ даетъ великолѣпные образцы индивидуальныхъ характеристикъ. Въ этомъ смыслѣ характеристики нѣкоего Вольфа, да и самого Макъ-Аллана, являются истинными шедеврами тонкаго психологическаго анализа.

Офиціальный герой романа—Макъ-Алланъ—американецъ, инженеръ, человѣкъ энергіи неукротимой и размаха широчайшаго, какъ и подобаетъ американцу, да еще американцу ближайшаго будущаго. Задача всей его жизни: построить тоннель между Америкой и Европой подъ таинственнымъ дномъ Атлантическаго океана—чего Макъ-Алланъ и достигаетъ: первый электрическій поѣздъ приходитъ изъ Америки въ Европу съ опозданіемъ на 12 минутъ. Для торжества своей идеи — этотъ „тоннель" скорѣе идея, чѣмъ обычный, хотя бы и широкій, практическій замыселъ — Макъ-Алланъ жертвуетъ всей своею жизнью: на протяженіи двадцати пяти лѣтъ, пока строится тоннель, Алланъ теряетъ жену, которую убили послѣ страшной катастрофы на стройкѣ разъяренные, обезумѣвшіе рабочіе, теряетъ друзей, теряетъ здоровье, радость, покой,—лишается всего, что составляетъ смыслъ и оправданіе личной жизни. Онъ даже не честолюбивъ, этотъ трагическій Макъ-Алланъ: пока его нечестный сотрудникъ, чувственный и страстный Вольфъ, играетъ деньгами, женщинами, могуществомъ, виномъ,— онъ только работаетъ, равнодушный къ своей міровой популярности, воздержанный и строгій, какъ аскетъ, печальный и покорный, какъ жертва. Когда неодолимыя препятствія заставляютъ его на время прекратить работу, когда потеря и смерть жены преисполняютъ его душу отчаяніемъ, — онъ смутнымъ и печальнымъ призракомъ шатается по свѣту, молчаливый, одинокій, непужный, какъ винтъ, выпавшій изъ какой-то сложной машины. Но

вотъ въ кинематографѣ — конечно, сіятельный Кинемо уже царитъ въ этомъ романѣ близкаго будущаго — Макъ-Алланъ видитъ, забредя случайно, картины работъ въ тоннелѣ, и его бѣдная душа, душа винтика, выскочившаго изъ сложной машины, пробуждается къ жизни; снова подхваченный бѣшенымъ ритмомъ труда и машинъ, онъ мчится въ Америку, опять добываетъ милліарды денегъ, опять созываетъ сотни тысячъ рабочихъ и заканчиваетъ тоннель.

Но и въ самомъ торжествѣ его нѣтъ радости побѣдителя: состарившійся и мрачный, какъ сама смерть, проносится Макъ-Алланъ подъ таинственнымъ днемъ океана; и не голову побѣдителя въ лавровомъ вѣнкѣ, а скорбную сѣдую голову побѣжденнаго освѣщаетъ солнце Европы, когда изъ чернаго отверстія тоннеля вылетаетъ на свѣтъ Божій электрическій поѣздъ „изъ Америки“. Кто же побѣдилъ Макъ-Аллана? Чья онъ жертва? Кто тотъ новый Молохъ, что вновь потребовалъ крови и души у человѣка?

На этихъ серьезныхъ и важныхъ мысляхъ надолго останавливаетъ превосходный романъ Келлермана. И по мѣрѣ того, какъ думаешь, все отчетливѣе выступаютъ чудовищные контуры машинъ, растетъ и облекается плотью образъ самодовлѣющаго Труда, самоцѣльной Энергіи, бѣшенно стремящейся. И только тутъ вполнѣ отдаешь себѣ отчетъ, съ какой художественной мощью изображены Келлерманомъ машины, сколько ослѣпительной яркости, жизни и силы въ его картинахъ массоваго труда, страшной и мучительной работы подъ землею. Описываетъ ли онъ ежедневную методическую работу въ тоннелѣ, относительное спокойствіе которой соотвѣтствуетъ нашему обычному представленію о бурѣ, даетъ ли онъ поразительную по захвату картину ужасной подземной катастрофы, — онъ вездѣ остается не только талантливымъ изобразителемъ внѣшняго, но художникомъ-психологомъ, сумѣвшимъ найти душу и у желѣза, и у движенія. Оно одушевлено, его движеніе, оно совсѣмъ оторвано отъ тѣхъ живыхъ и мертвыхъ орудій, которыя его производятъ, оно существуетъ какъ бы само по себѣ; и почти безразличной становится судьба тѣхъ маленькихъ данныхъ человѣчковъ, которые въ данный моментъ воплощаютъ его въ своихъ суетливыхъ, короткихъ, индивидуальныхъ движеніяхъ, сливающихся въ массовую трудовую гармонію. Безразлично, кто поднимаетъ руку, чтобы надавить рычагъ — тотъ или этотъ; совершенно не важно, что три тысячи человѣкъ погибли—на ихъ мѣстѣ уже новыя три тысячи паръ рукъ и ногъ; пусть умретъ, не выдержавъ, самъ Макъ-Алланъ,— придетъ кто-то другой и кончитъ начатое имъ. Все умираетъ, все мѣняется и проходитъ: и машины и люди, но одно остается неизмѣннымъ и вѣчнымъ— Движеніе. И совершенно не важно въ концѣ концовъ, строится ли это тоннель или осуществляется какой-нибдуь другой грандіозный планъ—важно только, чтобы это была работа, чтобы что-то строилось, чтобы осуществлялось во всей своей царственной автономности великое Движеніе. Его трагической жертвой палъ посѣдѣвшій Макъ-Алланъ, его покорными рабами являются и всѣ остальные, большіе и малые, рычаги и винтики. Всѣхъ ихъ, начиная съ Макъ-Аллана и милліардера Ллойда— и кончая послѣднимъ чернорабочимъ, подметающимъ соръ на проложенныхъ путяхъ, увлекаетъ въ загадочную даль одна и та же побѣдоносная и неудержимая сила. Движеніе! Движеніе!

Но почти невозможно, оставаясь въ предѣлахъ разумѣнія человѣческаго, представить себѣ Движеніе безъ воли, его направляющей, безъ цѣли, дающей ему смыслъ. Кто же субъектъ? И тогда, вглядываясь все глубже въ данные Келлерманомъ образы, начинаешь смутно прозрѣвать нѣкій грандіозный, почти немыслимый, совсѣмъ неосязаемый, мистическій въ глубинѣ своей, непостижимый образъ всего Человѣчества. Это оно создаетъ движеніе, держитъ натянутой тетиву, съ которой одна за другою летятъ оперенныя стрѣлы; это мы жалкія и временныя частицы его, ничего не знаемъ и не понимаемъ и гибнемъ мрачно и въ отчаяніи—а оно знаетъ. Безтрепетной рукою, не знающей колебаній, шлетъ оно безчисленныя стрѣлы въ заоблачную высь: недоступна взорамъ нашимъ его возвышенная цѣль. Хочешь— вѣрь, что такая цѣль существуетъ, утѣшайся ею въ ожогахъ своихъ, переломахъ костей, въ смерти близкихъ и своей собственной. Не хочешь—думай, что цѣли нѣтъ; что ты — лишь безсловесный рабъ самодовлѣющаго Движенія; что все это Человѣчество, частицу котораго ты составляешь, подобно въ стремленіи своемъ курьерскому поѣзду, который съ растущей быстротой несется... къ обрыву. Цѣль—или пропасть?

Но эти человѣческія, слишкомъ человѣческія мысли приходятъ потомъ, когда кончился романъ и кончилось Движеніе, въ которомъ невольно принимаешь участіе,—а пока читаешь, пока движешься, то испытываешь только радость. И не въ этой ли радости смыслъ движенія, который мы привыкли искать дальше? — и нужно ли оправданіе для радости? Вотъ чудовищная, безсонная съ красными глазами машина день

и ночь долгими годами сверлитъ камень; вотъ глухіе взрывы одинъ за другимъ годами потрясаютъ нѣдра земли—и я всѣмъ существомъ своимъ чувствую ту радость, что испытываетъ освобожденная Энергія, будетъ ли то энергія динамита, или мускуловъ, или высокаго ума. И что мнѣ до старческихъ сѣдинъ Макъ-Аллана! Пусть дымкою усталости и печали кроется конецъ его жизни: эта печаль не трогаетъ меня глубоко, я скоро забываю о ней въ радости могучаго Движенія. Только связанныя силы обречены на тоску и сомнѣнія—а о связанныхъ силахъ нѣтъ и слова въ этой живой и счастливой книгѣ!

Добавлю еще, что при всей серьезной важности своего содержанія, „Тоннель“ читается съ такой же стремительностью и захватомъ, съ какими живутъ и дѣйствуютъ изображенные въ немъ люди: некогда вздохнуть, пока не кончишь всей книги.“

Чеховъ въ своихъ письмахъ.

(1892—1896.)

[92 (Ч) : 891.7.09]

Чеховъ прожилъ короткую жизнь, но успѣлъ оставить богатое литературное наслѣдіе. Такъ же богато другое, интимно-литературное, наслѣдіе А. П.,—собраніе его писемъ, которое, по числу томовъ, обѣщаетъ составить въ концѣ концовъ цѣлую „библіотеку“.

Вышелъ теперь IV томъ этихъ чеховскихъ писемъ, самый объемистый пока, обнимающій четырехлѣтній „мелиховскій“ періодъ (1892—1896),—тотъ, едва ли не важнѣйшій, періодъ дѣятельности писателя, когда онъ, уже достигшій высшей зрѣлости своихъ духовныхъ силъ, но еще не связанный роковой болѣзнью, стоитъ передъ нами въ зенитѣ своей жизни. Это былъ періодъ, когда Чеховъ написалъ такія произведенія, какъ „Моя жизнь“, „Палата № 6“, „Три года“, „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка“, „Чайка“. Съ другой стороны—это былъ періодъ, когда Чеховъ ближе всего подошелъ къ общественной жизни, общественной дѣятельности, прикоснулся къ самой гущѣ жизни. Ставъ „помѣщикомъ“, „сельскимъ хозяиномъ“—владѣльцемъ имѣнія Мелихово (Серпуховскаго уѣзда),—А. П. не могъ не стать заодно и врачомъ-практикомъ, для предоставленныхъ собственной судьбѣ жителей окрестныхъ деревень. Опять же, какъ врачу, Чехову пришлось принимать участіе въ борьбѣ съ холерой. По своему новому общественному положенію помѣщика, ему невозможно было уклониться отъ массы новыхъ—зачастую весьма тягостныхъ—знакомствъ, а затѣмъ и отъ избранія въ земскіе гласные. На этомъ поприщѣ А. П. проявилъ немало энергіи, заботясь, напримѣръ, объ улучшеніи дорогъ, главное же, о постройкѣ школъ. Особое вниманіе, уже какъ частное лицо, оказывалъ Чеховъ ближайшему крестьянскому населенію, помимо врачебной помощи: строилъ колокольню въ Мелиховѣ, строилъ пожарный сарай, и т. п. Въ 1896 г. онъ принялъ большое участіе въ народной переписи. Чеховъ при этомъ не ограничивался мѣстными нуждами. Такъ, напр., въ данный періодъ онъ положилъ начало общественной библіотекѣ въ родномъ ему Таганрогѣ, дѣятельно заботился о дальнѣйшемъ ея процвѣтаніи и сформировалъ при библіотекѣ нѣчто въ родѣ справочнаго бюро.

Словомъ — въ письмахъ разсматриваемаго періода естественно намъ искать слѣдовъ наибольшей (по крайней мѣрѣ за время до женитьбы) полноты, разнообразія и глубины переживаній А. П. Намъ естественно съ сугубымъ интересомъ присмотрѣться къ личности Чехова на протяженіи именно этихъ „кульминаціонныхъ“ четырехъ лѣтъ,—ибо когда же, какъ не въ эти годы расцвѣта, увидѣть во весь ростъ *внутренняго человѣка* въ авторѣ „Хмурыхъ людей“, въ пѣвцѣ всякихъ „сумеречныхъ“ душъ, развинченныхъ, дрябдыхъ, безвольныхъ нытиковъ, въ пѣвцѣ тоски по „богу живого человѣка“, по „изящной жизни“... увидѣть—и понять творчество его. Понять, какъ глубоко въ личности и интимной жизни писателя прячутся корни этого творчества...

Самое цѣнное въ IV т., какъ и въ предшествующихъ—это переписка съ А. С. Суворинымъ. Съ каждымъ томомъ все больше убѣждаешься въ томъ, что у А. П. не было болѣе близкаго, болѣе дорогого друга, чѣмъ покойный издатель „Новаго Времени“, несмотря на огромную разницу ихъ лѣтъ. Какъ ни разсматривать дѣятельность и историческое значеніе Суворина, въ одномъ отношеніи во всякомъ случаѣ заслуживаетъ онъ доброй, признательной памяти русскаго общества: дружба съ нимъ такъ много давала Чехову, такъ скрашивала его жизнь; только съ старымъ Суворинымъ отводилъ онъ душу. Вѣдь это о немъ—когда въ 1892 г. болѣзнь старика приняла угрожающій характеръ—писалъ Чеховъ одному изъ пріятелей (Щеглову): „...Для меня это была бы такая потеря, что я, кажется, постарѣлъ бы лѣтъ на десять!“ (IV, стр. 146). И это Суворину—только ему—онъ дѣлалъ такія трогательно-нѣжныя признанія: „Обидно, что Вы уѣзжаете за границу. Когда я прочелъ объ

этомъ въ Вашемъ письмѣ, то у меня въ нутрѣ точно ставни закрыли" (IV, 234).

О себѣ.

(А. С. Суворину. 10. I. 1892). Не хочется сидѣть на одномъ мѣстѣ. Когда вертишься, то какъ-то на душѣ покойнѣе.

(Ему же. 8. IV). Вы говорите, что я былъ моложе [1]). Да, представьте! Какъ это ни странно, мнѣ уже давно перевалило за 30 и я уже чувствую близость 40. Постарѣлъ я не только тѣлесно, но и душевно. Я какъ-то глупо оравнодушѣлъ ко всему на свѣтѣ и почему-то начало этого оравнодушенія совпало съ поѣздкой за границу. Я встаю съ постели и ложусь съ такимъ чувствомъ, какъ будто у меня изсякъ интересъ къ жизни. Это или болѣзнь, именуемая въ газетахъ переутомленіемъ, или же неуловимая сознаніемъ душевная работа, именуемая въ романахъ душевнымъ переворотомъ; если послѣднее, то все, значитъ, къ лучшему.

(Ему же. 19. V). Я, какъ старый хрычъ, просыпаюсь уже въ 3 часа утра. Встанешь, одѣнешься и не знаешь, что дѣлать съ жизнью: день кажется необычайно длиннымъ.

(Ему же. 28. V). Жизнь коротка и Чеховъ, отъ котораго Вы ждете отвѣта, хотѣлъ бы, чтобы она промелькнула ярко и съ трескомъ; онъ поѣхалъ бы и на Принцевы острова, и въ Константинополь, и опять въ Индію, и на Сахалинъ... Но, во-первыхъ, онъ не свободенъ: у него есть благородное семейство, нуждающееся въ его покровительствѣ. Во-вторыхъ, въ немъ есть большая доза трусости. Заглядываніе въ будущее я называю не иначе, какъ трусостью. Я боюсь запутаться, а каждая поѣздка значительно осложняетъ мои финансовыя дѣла. Нѣтъ, не искушайте меня безъ нужды! Не пишите мнѣ о морѣ... Мнѣ ужасно, ужасно хочется парохода и вообще воли. Опротивѣла ровная, благочестивая жизнь.

(Ему же. 16. VI). Душа моя просѣтся въ ширь и въ высь, но поневолѣ приходится вести жизнь узенькую, ушедшую въ сволочные рубли и копѣйки. Нѣтъ ничего пошлѣе мѣщанской жизни съ ея грошами, харчами, нелѣпыми разговорами и никому ненужной условной добродѣтелью. Душа моя изныла отъ сознанія, что я работаю ради денегъ и что деньги центръ моей дѣятельности. Поющее чувство это вмѣстѣ со справедливостью дѣлаютъ въ моихъ глазахъ писательство мое занятіемъ презрѣннымъ, я не уважаю того, что пишу, я вялъ и скученъ самому себѣ, и радъ, что у меня есть медицина, которою я, какъ бы то ни было, занимаюсь все-таки не для денегъ. Надо бы выкупаться въ сѣрной кислотѣ и совлечь съ себя кожу, и потомъ обрости новой шерстью.

(Ему же. 1. VIII). Я назначенъ холернымъ докторомъ... Я организую, строю бараки и проч. и я одинокъ, ибо все холерное чуждо душѣ моей, а работа, требующая постоянныхъ разъѣздовъ, разговоровъ и мелочныхъ хлопотъ, утомительна для меня. Писать некогда. Литература давно уже заброшена и я нищъ и убогъ, такъ какъ нашелъ удобнымъ для себя и для своей самостоятельности отказаться отъ вознагражденія, какое получаютъ участковые врачи. Мнѣ скучно, но въ холерѣ, если смотрѣть на нее съ птичьяго полета, очень много интереснаго. Изъ всѣхъ серпуховскихъ докторовъ я самый жалкій: лошади и экипажъ у меня паршивые, дорогъ я не знаю, по вечерамъ ничего не вижу, денегъ у меня нѣтъ, утомляюсь я очень скоро, а главное — я никакъ не могу забыть, что надо писать, и мнѣ очень хочется наплевать на холеру и сѣсть писать. И съ Вами хочется поговорить. Одиночество круглое.

(Ему же. 16. VIII). Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себѣ, думать только о поносахъ, вздрагивать по ночамъ отъ собачьяго лая и стука въ ворота (не за мной ли пріѣхали?), ѣздить на отвратительныхъ лошадяхъ по невѣдомымъ дорогамъ и читать только про холеру и ждать только холеры и въ то же время быть совершенно равнодушнымъ къ сей болѣзни и къ тѣмъ людямъ, которымъ служишь—это, сударь мой, такая окрошка, отъ которой не поздоровится. Интеллигенція работаетъ шибко, не щадя ни живота, ни денегъ; я вижу ее каждый день и умиляюсь и когда при этомъ вспоминаю, какъ Житель и Буренинъ выливали свои желчныя кислоты на эту интеллигенцію, мнѣ дѣлается немножко душно. Въ Нижнемъ врачи и вообще культурные люди дѣлали чудеса. Я ужасался отъ восторга, читая про холеру.

(Ему же. 18. X). Теперь о себѣ. Жениться я не хочу, да и не на комъ. Да и шутъ съ нимъ. Мнѣ было бы скучно возиться съ женой. А влюбиться весьма не мѣшало бы. Скучно безъ сильной любви.

Вы сквозь призму моего благодушества увидѣли жизнь однотонную, безцвѣтную и унылую. Я де самъ по себѣ, а мое Монрепо и семь лошадей сами по себѣ. Я, голубчикъ мой, далекъ отъ того, чтобы обманывать себя насчетъ истиннаго положенія вещей; не только скучаю и недоволенъ, но даже чисто по медицински,

[1]) Суворинъ писалъ Чехову о своемъ впечатлѣніи отъ его „гигантской фотографіи" (раб. Шапиро). А. П-чу въ это время было 32 года.

т.-е. до цинизма убѣжденъ, что отъ жизни сей надлежитъ ожидать одного только дурного—ошибокъ, потерь, болѣзней, слабости и всякихъ пакостей, но при всемъ томъ, если бы Вы знали, какъ пріятно не платить за квартиру и съ какимъ удовольствіемъ я вчера уѣзжалъ изъ Москвы. Что-то новое для меня есть въ сознаніи, что я не обязанъ жить на такой-то улицѣ и въ такомъ-то домѣ. Сегодня я гулялъ въ полѣ по снѣгу, кругомъ не было ни души, и мнѣ казалось, что я гуляю по лунѣ. Для самолюбивыхъ людей, неврастениковъ нѣтъ удобнѣе жизни, какъ пустынножительство. Здѣсь ничто не дразнитъ самолюбія и потому не мечешь молній изъ-за яйца выѣденнаго.

(И. Л. Щеглову. 24. X). И тепло, и просторно, и сосѣди интересные, и дешевле, чѣмъ въ Москвѣ, но, милый капитанъ... старость! Старость, или лѣнь жить, не знаю что, но жить не особенно хочется. Умирать не хочется, но и жить какъ будто бы надоѣло. Словомъ, душа вкушаетъ хладный сонъ.

(Ал. П. Чехову. 16. III. 1893). Меня обуяла физическая и мозговая вялость, точно я переспалъ. Состояніе противное. Ничего не болитъ, но тянетъ на постель или на диванъ. Читаю массу, но вяло, безъ аппетита. А въ душѣ, какъ въ пустомъ горшкѣ изъ-подъ кислаго молока: сплошное равнодушіе. Объясняю сіе состояніе отчасти погодою (5° мороза), отчасти старостью, отчасти же неопредѣленностью моего существованія въ смыслѣ цѣлей.

(Ему же. 4. IV). Чѣмъ глубже погружаюсь я въ старость, тѣмъ яснѣе вижу шипы розъ, коими усѣянъ твой жизненный путь, и тѣмъ грубѣе представляется мнѣ матерія, изъ которой сшиты подштанники нашей жизни. Нервы скверные до гнусности, денегъ нѣтъ и не будетъ, смѣлости и умѣнья жить тоже нѣтъ, здоровье скверное, настроеніе хорошее для насъ почти уже недоступно—короче говоря, не будьте благомысленны, какъ говорилъ Мишка Черемисъ.

(А. С. Суворину. 28. VII). ...Въ самомъ дѣлѣ, весной жилось мнѣ противно. Я уже писалъ Вамъ объ этомъ. Геморрой и отвратительное психопатическое настроеніе. А весна была мерзкая, холодная. И денегъ не было. Но подулъ зефиръ, наступило лѣто—и все какъ рукой сняло.

(Ему же. 2. VIII). Не хорошо быть врачомъ. И страшно, и скучно, и противно. Молодой фабрикантъ женился, а черезъ недѣлю зоветъ меня „непремѣнно сію минуту, пожалуйста“... Все это противно, долженъ я Вамъ сказать. Дѣвочка съ червями въ ухѣ, поносы, рвоты, сифилисъ — тьфу!! Сладкіе звуки и поэзія, гдѣ вы?

(Л. С. Мизиновой. 13. VIII). Помышляю о постройкѣ въ томъ участкѣ и мечтаю о переселеніи. Но все это пошло. Не пошла одна только поэзія, которой мнѣ не достаетъ. Денегъ! Денегъ! Будь деньги, я уѣхалъ бы въ Южную Африку, о которой читаю теперь очень интересныя письма. Надо имѣть цѣль въ жизни, а когда путешествуешь, то имѣешь цѣль.

...Мнѣ кажется, что жизнь хочетъ немножко посмѣяться надо мной, и потому я спѣшу записаться въ старики. Когда я, прозѣвавши свою молодость, захочу жить по человѣчески и когда мнѣ не удастся это, то у меня будетъ оправданіе: я старикъ. Впрочемъ все это глупо.

(А. С. Суворину. 18. VIII). Подуло холодцемъ и стало противно; я тоже съ удовольствіемъ уѣхалъ бы куда-нибудь, но чортъ дернулъ меня въ прошломъ году дать слово не покидать уѣзда, если будетъ холера. У меня не характеръ, а мочалка. Черткову я отдалъ Палату № 6, потому что передъ весной и весной я находился въ такомъ настроеніи, что мнѣ было все равно. Если бы онъ сталъ просить всѣ мои произведенія, то я отдалъ бы, и если бы онъ пригласилъ меня на висѣлицу, то я пошелъ бы. Этакое безличное и безвольное состояніе держитъ меня иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. Этимъ отчасти и объясняется весь строй моей жизни.

(Ему же. 27. III. 1894). Послѣ того, какъ я совершенно бросилъ курить, у меня уже не бываетъ мрачнаго и тревожнаго настроенія. Быть можетъ оттого, что я не курю, толстовская мораль перестала меня трогать, въ глубинѣ души я отношусь къ ней недружелюбно и это, конечно, несправедливо. Толстовская философія сильно трогала меня, владѣла мною лѣтъ 6—7, и дѣйствовали на меня не основныя положенія, которыя были мнѣ извѣстны и раньше, а толстовская манера выражаться, разсудительность и, вѣроятно, гипнотизмъ своего рода. Теперь же во мнѣ что-то протестуетъ; разсчетливость и справедливость говорятъ мнѣ, что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса. Война зло и судъ зло, но изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ ходить въ лаптяхъ и спать на печи вмѣстѣ съ работникомъ и его женой и проч. и проч. Но дѣло не въ этомъ, не въ „за и противъ“, а въ томъ, что такъ или иначе, а для меня Толстой уже уплылъ, его въ душѣ моей нѣтъ и онъ вышелъ изъ меня, сказавъ: се оставляю домъ вашъ пустъ. Я свободенъ отъ постоя. Разсужденія всякія мнѣ надоѣли, а такихъ свистуновъ, какъ Максъ Нордау, я читаю просто съ отвращеніемъ. Лихорадящимъ, больнымъ

ѣсть не хочется, но чего-то хочется и они это свое неопредѣленное желаніе выражаютъ такъ: „чего-нибудь кисленькаго“. Такъ и мнѣ хочется чего-то кисленькаго. И это не случайно, такъ какъ точно такое же настроеніе я замѣчаю кругомъ. Похоже, будто всѣ были влюблены, разлюбили теперь и ищутъ новыхъ увлеченій. Очень возможно и очень похоже на то, что русскіе люди опять переживутъ увлеченіе естественными науками и опять матеріалистическое движеніе будетъ модными. Естественныя науки дѣлаютъ теперь чудеса, и онѣ могутъ двинуться, какъ Мамай, на публику и покорить ее своею массою, грандіозностью.

(Ему же. 22. VI). Мнѣ хочется жить и куда-то тянетъ меня какая-то сила. Надо бы въ Испанію и въ Африку.

(Л. В. Средину. 14. II. 1895). Работаю, старѣю, понемногу тупѣю...

(А. С. Суворину. 25. II). ...У меня стали часто повторяться головныя боли съ мерцаніемъ въ глазахъ. Болѣзнь эта называется такъ: мерцающая скотѣма. Не скотина, а скотома. И теперь вотъ то лежу, то брожу и не знаю, что дѣлать со своей особой. Лѣчиться же нечѣмъ. Попрежнему всюду преслѣдуетъ меня звонъ и попрежнему мнѣ никто никогда не даритъ ни подушекъ, ни брелокъ, ни галстуковъ. Вѣроятно, и не женатъ я до сихъ поръ только по той причинѣ, что жены имѣютъ привычку дарить мужьямъ туфли. Но жениться я не прочь, хотя бы на рябой вдовѣ. Становится скучно.

(Ему же. 23. III). Извольте, я женюсь, если Вы хотите этого. Но мои условія: все должно быть, какъ было до этого, то-есть она должна жить въ Москвѣ, а я въ деревнѣ и я буду къ ней ѣздить. Счастье же, которое продолжается изо дня въ день, отъ утра до утра—я не выдержу. Когда каждый день мнѣ говорятъ все объ одномъ и томъ же, одинаковымъ тономъ, то я становлюсь лютымъ. Я обѣщаю быть великолѣпнымъ мужемъ, но дайте мнѣ такую жену, которая, какъ луна, являлась бы на моемъ небѣ не каждый день: оттого, что я женюсь, писать я не стану лучше.

(Ему же. 10. XI). Веду жизнь воздержанную во всѣхъ отношеніяхъ. Мнѣ надо бы купаться и жениться. Я боюсь жены и семейныхъ порядковъ, которые стѣснятъ меня и въ представленіи какъ-то не вяжутся съ моею безпорядочностью, но все же это лучше, чѣмъ болтаться въ морѣ житейскомъ и штормовать въ утлой ладьѣ распутства. Да уже я и не люблю любовницъ и по отношенію къ нимъ мало-по-малу становлюсь импотентомъ.

(Ему же. 13. XII). Мнѣ скучно. Я не знаю, что мнѣ дѣлать съ собственной особой, такъ какъ положительно не знаю, чѣмъ мнѣ наполнить время отъ полудня до ночи. Лѣтомъ я не испытываю скуки, но зимой просто бѣда. Это называется—духъ праздности.

(Ему же. 29. XII). Не работать мнѣ нельзя. Денегъ у меня такъ мало, а работаю я такъ медленно, что прогуляй я 2—3 недѣли (я прогулялъ ихъ уже 5), мое финансовое равновѣсіе пойдетъ къ чорту и я залѣзу въ долги. Я зарабатываю чортъ знаетъ какъ мало.

Я пишу небольшую повѣсть и никакъ не могу ее кончить; мѣшаютъ гости. Съ 23 декабря у меня толчется народъ и я тоскую по одиночествѣ, а когда остаюсь одинъ, то злюсь и чувствую отвращеніе къ прожитому дню. Цѣлый день ѣда и разговоры, ѣда и разговоры.

О своемъ писательствѣ.

(А. С. Суворину. 31. III. 1892). Все обстоитъ попрежнему: ни скучно, ни весело. Веду жизнь по преимуществу растительную, которая постоянно отравляется мыслью, что надо писать, вѣчно писать. Пишу повѣсть [1]). Прежде чѣмъ печатать, хотѣлъ бы прислать Вамъ ее для цензуры—ибо Ваше мнѣніе для меня золото, но надо торопиться, такъ какъ нѣтъ денегъ. Въ повѣсти много разсужденій и отсутствуетъ элементъ любви. ...Но надо было бы съ Вами посовѣтоваться, а то я боюсь нагородить чепухи и скуки. У Васъ превосходный вкусъ и Вашему первому впечатлѣнію я вѣрю, какъ тому, что на небесахъ есть солнце. Живя замкнуто въ своей самолюбивой эгоистической скорлупѣ и участвуя въ умственномъ движеніи только косвенно, рискуешь нагородить чорта въ ступѣ, не желая этого.

(Ему же. 4. VI). Я пишу повѣсть—маленькую любовную исторію (повидимому, „Сосѣди“). Пишу съ удовольствіемъ, находя пріятность въ самомъ процессѣ письма, а процессъ у меня кропотливый, медлительный. Когда же болитъ голова, или около меня говорятъ вздоръ, то пишу со скрежетомъ зубовнымъ. Голова часто болитъ, а слушать вздоръ приходится еще чаще. Есть у меня интересный сюжетъ для комедіи, но не придумалъ еще конца. Кто изобрѣтетъ новые концы для пьесъ, тотъ откроетъ новую эру. Не даются подлые концы! Герой или женись или застрѣлись, другого выхода нѣтъ. Называется моя будущая комедія такъ: „Портсигаръ“. Не стану писать ее, пока не придумаю конца, такого же заковыристаго, какъ начало. А придумаю конецъ, напишу ее въ двѣ недѣли.

---

[1]) „Палата № 6“.

(И. Л. Щеглову. 24. X). Не писалось, да и медицина все лѣто мѣшала, а можетъ быть, и отвыкъ писать. Я уже давно не писалъ съ удовольствіемъ, а это дурной знакъ.

(Л. Я. Гуревичъ. 9. I. 1893). Все, что я писалъ осенью, мною забраковано, а теперь я ничего не пишу, въ ожиданіи, когда посѣтитъ меня добрая муза и встряхнетъ мою вялую душу. Изъ всѣхъ беллетристовъ я самый лѣнивый и самый ненадежный.

(Ей же. 22. V). Давать опредѣленныя обѣщанія и держать ихъ я не могу, такъ какъ пишу вообще медленно, вяло, съ длинными антрактами, пишу и передѣлываю и часто, не окончивъ, бросаю. Работа скучная и потому я работаю всякій разъ со скукой.

(А. С. Суворину. 11. XI). Все лѣто меня томило безденежье, я изнывалъ, теперь же, когда расходы стали меньше, я успокоился. Чувствую свободу отъ денегъ, т.-е. мнѣ начинаетъ казаться, что больше двухъ тысячъ въ годъ мнѣ уже не нужно и я могу писать и не писать.

...Въ послѣднее время мною овладѣло легкомысліе и рядомъ съ этимъ меня тянетъ къ людямъ, какъ никогда, и литература стала моей Ависагой (которая должна была „омолаживать“ дряхлаго Давида), и я до такой степени привязался къ ней, что сталъ презирать медицину. Но въ литературѣ я люблю не тѣ романы и повѣсти, которые Вы ждете или перестали ждать отъ меня, а то, что я въ продолженіе многихъ часовъ могу читать, лежа на диванѣ. Для писанья же у меня не хватаетъ страсти.

(Л. С. Мизиновой. 27. III. 1894). Ни на одну минуту меня не покидаетъ мысль, что я долженъ, обязанъ писать. Писать, писать и писать. Я того мнѣнія, что истинное счастіе невозможно безъ праздности. Мой идеалъ: быть праздным и любить полную дѣвушку. Для меня высшее наслажденіе—ходить, или сидѣть и ничего не дѣлать; любимое мое занятіе—собирать то, что не нужно (листки, солому и проч.) и дѣлать безполезное. Между тѣмъ я литераторъ и долженъ писать даже здѣсь, въ Ялтѣ. Милая Лика, когда изъ васъ выйдетъ большая пѣвица и Вамъ дадутъ хорошее жалованье, то подайте мнѣ милостыню: жените меня на себѣ и кормите меня на свой счетъ, чтобы я могъ ничего не дѣлать... Я до такой степени измочалился постоянными мыслями объ обязательной, неизбѣжной работѣ, что вотъ уже недѣля, какъ меня безостановочно мучаютъ перебои сердца. Отвратительное ощущеніе.

(Л. А. Авиловой. Іюль. 1894). Мнѣ опротивѣло писать, и я не знаю, что дѣлать. Я охотно бы занялся медициной, взялъ бы какое-нибудь мѣсто, но уже не хватаетъ физической гибкости. Когда я теперь пишу, или думаю о томъ, что нужно писать, то у меня такое отвращеніе, какъ будто я ѣмъ щи, изъ которыхъ вынули таракана,—простите за сравненіе. Противно мнѣ не самое писанье, а этотъ литераторскій entourage, отъ котораго никуда не спрячешься и который носишь съ собой всюду, какъ земля носитъ свою атмосферу.

О современной Чехову пишущей братіи и русской интеллигенціи.

(П. А. Лейкину. 26. IV. 1892). Вы пишете, что беллетристы нынче вялы. Да, вялы. Но кто теперь гибокъ? Главная причина—куража нѣтъ. Работать безъ страсти, для безстрастныхъ читателей, знать, что отъ писанія жизнь твоя и твоихъ шестерыхъ дѣтей не станетъ лучше—поневолѣ будешь вялымъ.

(А. С. Суворину. 25. XI). Васъ не трудно понять и Вы напрасно браните себя за то, что неясно выражаетесь. Вы горькій пьяница, а я угостилъ Васъ сладкимъ лимонадомъ и Вы, отдавая должное лимонаду, справедливо замѣчаете, что въ немъ нѣтъ спирта. Въ нашихъ произведеніяхъ нѣтъ именно алкоголя, который бы пьянилъ и порабощалъ, и это Вы хорошо даете понять. Отчего нѣтъ? Оставляя въ сторонѣ Палату № 6 и меня самого, будемъ говорить вообще, ибо это интереснѣй. Будемъ говорить объ общихъ причинахъ, коли Вамъ не скучно, и давайте захватимъ цѣлую эпоху. Скажите по совѣсти, кто изъ моихъ сверстниковъ, т.-е. людей въ возрастѣ 30—45 лѣтъ, далъ міру хотя одну каплю алкоголя? Развѣ Короленко, Надсонъ и всѣ нынѣшніе драматурги не лимонадъ? Развѣ картины Рѣпина или Шишкина кружили Вамъ голову? Мило, талантливо, Вы восхищаетесь и въ то же время никакъ не можете забыть, что Вамъ хочется курить. Наука и техника переживаютъ теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное, сами мы кисны и скучны, умѣемъ рождать только гуттаперчевыхъ мальчиковъ [1]), и не видитъ этого только Стасовъ, которому природа дала рѣдкую способность пьянѣть даже отъ помоевъ. Причины тутъ не въ глупости нашей, не въ бездарности и не въ наглости, какъ думаетъ Буренинъ, а въ болѣзни, которая для художника хуже сифилиса и полового истощенія. У насъ нѣтъ „чего-то“, это справедливо и это зна-

[1]) Намекъ на извѣстный разсказъ Григоровича.

чить, что поднимите подолъ нашей музѣ и Вы увидите тамъ плоское мѣсто. Вспомните, что писатели, которыхъ мы называемъ вѣчными или просто хорошими, и которые пьянятъ насъ, имѣютъ одинъ общій и весьма важный признакъ: они куда-то идутъ и Васъ зовутъ туда же, и Вы чувствуете не умомъ, а всѣмъ своимъ существомъ, что у нихъ есть какая-то цѣль, какъ у тѣни отца Гамлета, которая не даромъ приходила и тревожила воображеніе. У однихъ, смотря по калибру, цѣли ближайшія—крѣпостное право, освобожденіе родины, политика, красота или просто водка, какъ у Дениса Давыдова, у другихъ цѣли отдаленныя—Богъ, загробная жизнь, счастье человѣчества и т. п. Лучшіе изъ нихъ реальны и пишутъ жизнь такою, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, какъ сокомъ, сознаніемъ цѣли, Вы кромѣ жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, какая должна быть, и это плѣняетъ Васъ. А мы? Мы! Мы пишемъ жизнь такою, какая она есть, а дальше—ни тирру ни пу... Дальше хоть плетями насъ стегайте. У насъ нѣтъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ цѣлей и въ нашей душѣ хоть шаромъ покати. Политики у насъ нѣтъ, въ революцію мы не вѣримъ, Бога нѣтъ, привидѣній не боимся, а я лично даже смерти и слѣпоты не боюсь. Кто ничего не хочетъ, ни на что не надѣется и ничего не боится, тотъ не можетъ быть художникомъ. Болѣзнь это или нѣтъ—дѣло не въ названіи, но сознаться надо, что положеніе наше хуже губернаторскаго. Не знаю, что будетъ съ нами черезъ 10—20 лѣтъ—тогда, быть можетъ, измѣнятся обстоятельства, но пока было бы опрометчиво ожидать отъ насъ чего-нибудь дѣйствительно путнаго, независимо оттого, талантливы мы или нѣтъ. Пишемъ мы машинально, только подчиняясь тому давно заведенному порядку, по которому одни служатъ, другіе торгуютъ, третьи пишутъ... Вы и Григоровичъ находите, что я уменъ. Да, я уменъ по крайней мѣрѣ настолько, чтобы не скрывать отъ себя своей болѣзни и не лгать себѣ, и не прикрывать своей пустоты чужими лоскутьями въ родѣ идей 60-хъ годовъ и т. п. Я не брошусь, какъ Гаршинъ, въ пролетъ лѣстницы, но и не стану обольщать себя надеждами на лучшее будущее. Не я виноватъ въ своей болѣзни и не мнѣ лѣчить себя, ибо болѣзнь сія, надо полагать, имѣетъ свои скрытыя отъ насъ хорошія цѣли и послана не даромъ... Не даромъ, не даромъ она съ гусаромъ!

Ну-съ, теперь объ умѣ. Григоровичъ думаетъ, что умъ можетъ пересилить талантъ. Байронъ былъ уменъ, какъ сто чертей, однако же талантъ его уцѣлѣлъ. Если мнѣ скажутъ, что Иксъ понесъ чепуху оттого, что умъ у него пересилилъ талантъ, или наоборотъ, то я скажу: это значитъ, что у Икса не было ни ума, ни таланта.

(Вл. И. Немировичу-Данченко. 26. XI. 1896). Милый другъ, отвѣчаю на главную суть твоего письма—почему мы вообще такъ рѣдко ведемъ серьезные разговоры. Когда люди молчатъ, то это значитъ, что имъ не о чемъ говорить, или что они стѣсняются. О чемъ говорить? У насъ нѣтъ политики, у насъ нѣтъ ни общественной, ни кружковой, ни даже уличной жизни, наше городское существованіе бѣдно, однообразно, тягуче, неинтересно—и говорить объ этомъ такъ же скучно, какъ переписываться съ Л. Ты скажешь, что мы литераторы и что это уже само по себѣ дѣлаетъ нашу жизнь богатой. Такъ ли? Мы увязли въ нашу профессію по уши, она исподволь изолировала насъ отъ внѣшняго міра—и въ результатѣ у насъ мало свободнаго времени, мало денегъ, мало книгъ, мы мало и неохотно читаемъ, мало слышимъ, рѣдко ѣздимъ... Говорить о литературѣ? Но вѣдь мы о ней уже говорили... Каждый годъ одно и то же, одно и то же, и все, что мы обыкновенно говоримъ о литературѣ, сводится къ тому, кто написалъ лучше и кто хуже; разговоры же на болѣе общія, болѣе широкія темы никогда не клеятся, потому что когда кругомъ тебя тундра и эскимосы, то общія идеи, какъ непримѣнимыя къ настоящему, такъ же быстро расплываются и ускользаютъ, какъ мысли о вѣчномъ блаженствѣ. Говорить о своей личной жизни? Да, это иногда можетъ быть интересно и мы, пожалуй, поговорили бы, но тутъ ужъ мы стѣсняемся, мы скрытны, неискренни, насъ удерживаетъ инстинктъ самосохраненія и мы боимся. Мы боимся, что во время нашего разговора насъ подслушаетъ какой-нибудь некультурный эскимосъ, который насъ не любитъ и котораго мы тоже не любимъ; я лично боюсь, что мой пріятель N., умъ котораго тебѣ нравится, во всѣхъ вагонахъ и домахъ будетъ громко, поднявъ кверху палецъ, рѣшать вопросъ, почему я сошелся съ N въ то время, какъ меня любитъ Z. Я боюсь нашей морали, боюсь нашихъ дамъ... Короче, въ нашемъ молчаніи, въ несерьезности и въ неинтересности нашихъ бесѣдъ не обвиняй ни себя, ни меня, а обвиняй, какъ говоритъ критика, „эпоху“, обвиняй климатъ, пространство, что хочешь, и предоставь обстоятельства ихъ собственному роковому, неумолимому теченію, уповая на лучшее будущее.

А за Гольцева, я, конечно, радъ и завидую ему, ибо въ его годы я уже буду не способенъ.

(А. С. Суворину. 5. XII. 1894). Русскаго человѣка всегда больше интересовала иностранная политика, чѣмъ своя русская, и, прислушиваясь къ разговорамъ, видишь теперь, до какой степени наивенъ и суевѣренъ русскій интеллигентъ, и какъ мало у него знаній. Его нянька въ дѣтствѣ ушибла, его запугали воспитаніемъ, и онъ боится имѣть собственное мнѣніе и такъ мало вѣритъ себѣ, что если сегодня сдѣлалъ овацію Ермоловой, то завтра ему уже совѣстно этой овацін. Но какъ бы то ни было, всѣ ждутъ и на что-то надѣются, и всѣ при встрѣчѣ улыбаются.

(Ему же. 12. XII. 1893). Вы спрашиваете въ послѣднемъ письмѣ: „что долженъ желать теперь русскій человѣкъ?“ Вотъ мой отвѣтъ: желать. Ему нужны прежде всего желанія, темпераментъ. Надоѣло кисляйство.

Отдѣльные отзывы о писателяхъ.

(А. С. Суворину. Мартъ. 1892). Прочелъ „Легендарные характеры“ Лѣскова, Русское Обозрѣніе, Январь. Божественно и пикантно. Соединеніе добродѣтели, благочестія и блуда. Но очень интересно. Прочтите, если не читали. Прочелъ опять критику Писарева на Пушкина. Ужасно наивно. Человѣкъ развѣнчиваетъ Онѣгина и Татьяну, а Пушкинъ остается цѣлехонекъ. Писаревъ дѣдушка и папенька всѣхъ нынѣшнихъ критиковъ, въ томъ числѣ и Буренина. Та же мелочность въ развѣнчиваніи, то же холодное и себялюбивое остроуміе, и та же грубость и неделикатность по отношенію къ людямъ. Оскотиниться можно не отъ идей Писарева, которыхъ нѣтъ, а отъ его грубаго тона. Отношеніе къ Татьянѣ, въ частности къ ея милому письму, которое я люблю нѣжно, кажется мнѣ просто омерзительнымъ. Воняетъ отъ критики назойливымъ придирчивымъ прокуроромъ. Впрочемъ, шутъ съ нимъ!

(Ему же. 13. II. 1893). Я читаю Тургенева. Прелесть, но куда ниже Толстого! Толстой, я думаю, никогда не постарѣетъ. Языкъ устарѣетъ, но онъ все будетъ молодъ.

(Ему же. 26. X. 1895). Дочери Толстого очень симпатичны. Онѣ обожаютъ своего отца и вѣруютъ въ него фанатически. А это значитъ, что Толстой въ самомъ дѣлѣ великая нравственная сила, ибо если бы онъ былъ неискрененъ и не безупреченъ, то первыя стали бы относиться къ нему скептически дочери, такъ какъ дочери тѣ же воробьи: ихъ на мякинѣ не проведешь... Невѣсту и любовницу можно надуть, какъ угодно, и въ глазахъ любимой женщины даже оселъ представляется философомъ, но дочери—другое дѣло.

(Ему же. 24. II. 1893). Боже мой! Что за роскошь „Отцы и дѣти“! Просто хоть караулъ кричи. Болѣзнь Базарова сдѣлана такъ сильно, что я ослабѣлъ и было такое чувство, какъ будто я заразился отъ него. А конецъ Базарова? А старички? А Кукшина? Это чортъ знаетъ какъ сдѣлано. Просто геніально. „Наканунѣ“ мнѣ не нравится все, кромѣ отца Елены и финала. Финалъ этотъ полонъ трагизма. Очень хороша „Собака“: тутъ языкъ удивительный. Прочтите, пожалуйста, если забыли. „Ася“ мила, „Затишье“ скомкано и не удовлетворяетъ. „Дымъ“ мнѣ не нравится совсѣмъ. „Дворянское гнѣздо“ слабѣе „Отцовъ и и дѣтей“, но финалъ тоже похожъ на чудо. Кромѣ старушки въ Базаровѣ, т.-е. матери Евгенія и вообще матерей, особенно свѣтскихъ барынь, которыя всѣ, впрочемъ, похожи одна на другую (мать Лизы, мать Елены), да матери Лаврецкаго, бывшей крѣпостной, да еще простыхъ бабъ, всѣ женщины и дѣвицы Тургенева невыносимы своей дѣланностью и, простите, фальшью. Лиза, Елена—это не русскія дѣвицы, а какія-то Пиѳіи, вѣщающія, изобилующія претензіями не по чину. Ирина въ Дымѣ, Одинцова въ Отц. и дѣтяхъ, вообще львицы, жгучія, аппетитныя, ненасытныя, чего-то ищущія—всѣ онѣ чепуха. Какъ вспомнишь толстовскую Анну Каренину, то всѣ эти тургеневскія барыни со своими соблазнительными плечами летятъ къ чорту. Женскіе отрицательные типы, гдѣ Тургеневъ слегка карикатуритъ (Кукшина), или шутитъ (описаніе баловъ), нарисованы замѣчательно и удались ему до такой степени, что, какъ говорится, комаръ носа не подточитъ. Описанія природы хороши, но... чувствую, что мы уже отвыкаемъ отъ описанія такого рода и что нужно что-то другое.

(Ему же. 26. IV. 1893). Читаю Писемскаго. Это большой, большой талантъ! Лучшее его произведеніе — „Плотничья артель“. Романы утомительны подробностями. Все то, что имѣетъ у него временный характеръ, всѣ эти шпильки по адресу тогдашнихъ критиковъ и либераловъ, всѣ критическія замѣчанія, претендующія на мѣткость и современность, и всѣ такъ называемыя глубокія мысли, брошаемыя тамъ и сямъ—какъ все это по нынѣшнимъ временамъ мелко и наивно! То то вотъ и есть: романистъ—художникъ долженъ проходить мимо всего, что имѣетъ временное значеніе. Люди у Писемскаго живые, темпераментъ сильный. Скабичевскій въ своей „Исторіи“ обвиняетъ его въ обскурантизмѣ и измѣнѣ, но Боже мой, изъ всѣхъ современныхъ писателей я не знаю ни одного, который былъ бы такъ страстно и убѣжденно либераленъ, какъ Писемскій. У него

всѣ попы, чиновники и генералы—сплошные мерзавцы. Никто не оплевалъ такъ старый судъ и солдатчину, какъ онъ. Кстати: прочелъ я и „Космополисъ“ Бурже. У Бурже и Римъ, и папа, и Корреджіо, и Микель Анжело, и Тиціанъ, и дожи, и красавица въ 50 лѣтъ, и русскіе, и поляки—но какъ все это жидко и натянуто, и слащаво и фальшиво въ сравненіи съ нашимъ хотя бы все тѣмъ же грубымъ и простоватымъ Писемскимъ...

(Ему же. 25. II. 1895). Съ такимъ философомъ какъ Ницше, я хотѣлъ бы встрѣтиться гдѣ-нибудь въ вагонѣ или на пароходѣ и проговорить съ нимъ цѣлую ночь. Философію его, впрочемъ, я считаю не долговѣчной. Она не столь убѣдительна, сколь бравурна.

(Ему же. 13. IV. 1895). Одолѣваю „Семью Половецкихъ“ Сенкевича. Это польская творожная пасха съ шафраномъ. Если къ Полю Бурже прибавить Потапенку, попрыскать варшавскимъ одеколономъ и раздѣлить на два, то получится Сенкевичъ. „Половецкіе“ несомнѣнно навѣяны „Космополисомъ“ Бурже, Римомъ и женитьбой (Сенкевичъ недавно женился); тутъ и катакомбы, и старый чудакъ-профессоръ, вздыхающій по идеализмѣ, и иже во святыхъ Левъ XIII съ неземнымъ лицомъ, и совѣтъ возвратиться къ молитвеннику, и клевета на декадента, который умираетъ отъ морфинизма, поисповѣдавшись и причастившись, т.-е. раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ во имя церкви. Семейнаго счастья и разсужденій о любви напущена чортова пропасть, и жена героя до такой степени вѣрна мужу и такъ тонко понимаетъ „сердцемъ“ Бога и жизнь, что становится въ концѣ концовъ приторно и неловко, какъ послѣ слюняваго поцѣлуя. Сенкевичъ, повидимому, не читалъ Толстого, не знакомъ съ Ницше, о гипнотизмѣ онъ толкуетъ, какъ мѣщанинъ, но за то каждая страница у него такъ и пестритъ Рубенсами, Боргезе, Корреджіо, Боттичели—и это для того, чтобы щегольнуть передъ буржуазнымъ читателемъ своею образованностью и показать кукишъ въ карманѣ матеріализму. Цѣль романа: убаюкать буржуазію въ ея золотыхъ снахъ. Будь вѣренъ женѣ, молись съ ней по молитвеннику, наживай деньги, люби спортъ—и твое дѣло въ шляпѣ и на томъ и на этомъ свѣтѣ. Буржуазія очень любитъ такъ называемые „положительные“ типы и романы съ благополучными концами, такъ какъ они успокаиваютъ ее на мысли, что можно и капиталъ наживать и невинность соблюдать, быть звѣремъ и въ то же время счастливымъ.

Въ приложенномъ къ настоящему тому отрывкѣ изъ чеховскаго дневника за 1896 г. есть такая запись о поэтѣ Фетѣ: „Мой сосѣдъ В. Н. С. разсказывалъ мнѣ, что его дядя Фетъ-Шевшинъ, извѣстный лирикъ, проѣзжая по Моховой, опускалъ въ каретѣ окно и плевалъ на университетъ. Харкнетъ и плюнетъ: тьфу! Кучеръ такъ привыкъ къ этому, что всякій разъ, проѣзжая мимо университета, останавливался“.

Исторія „Чайки“.

(А. С. Суворину. 21. X. 1895). Можете себѣ представить, пишу пьесу, которую кончу тоже, вѣроятно, не раньше какъ въ концѣ ноября. Пишу ее не безъ удовольствія, хотя страшно вру противъ условій сцены. Комедія, три женскихъ роли, шесть мужскихъ, четыре акта, пейзажъ (видъ на озеро); много разговоровъ о литературѣ, мало дѣйствія, пять пудовъ любви.

(Ему же. 10. XI). Моя пьеса подвигается впередъ, пока все идетъ плавно, а что будетъ потомъ, къ концу, не вѣдаю. Въ ноябрѣ кончу.

(Е. М. Ш. Ноябрь). Пьесу я кончилъ. Называется она такъ: „Чайка“. Вышло не ахти. Вообще драматургъ я не важный.

(А. С. Суворину. 21. XI). Ну-съ, пьесу я уже кончилъ. Началъ ее forte и кончилъ pianissimo — вопреки всѣмъ правиламъ драматическаго искусства. Вышла повѣсть. Я болѣе недоволенъ, чѣмъ доволенъ, и, читая свою новорожденную пьесу, еще разъ убѣждаюсь, что я совсѣмъ не драматургъ. Дѣйствія очень коротки, ихъ четыре. Это еще только остовъ пьесы, проектъ, который до будущаго сезона будетъ еще измѣняться милліонъ разъ...

(И. Л. Щеглову. 23. IX. 1896). Около 6-го жажда славы повлечетъ меня въ Сѣверную Пальмиру, на репетиціи моей „Чайки“.

(М. П. Чеховой. 12. X). Пока Чайка идетъ неинтересно. Въ Петербургѣ скучно, сезонъ начнется только въ ноябрѣ. Всѣ злы, мелочны-фальшивы, на улицѣ то весеннее солнце, то туманъ. Спектакль пройдетъ не шумно, а хмуро. Вообще настроеніе не важное. Деньги на дорогу я пошлю тебѣ сегодня, или завтра, но ѣхать не совѣтую.

(А. С. Суворину. 18. X). Печатаніе пьесы пріостановите. Вчерашняго вечера я никогда не забуду, но все же спалъ я хорошо и уѣзжаю въ весьма сносномъ настроеніи. Въ Москвѣ ставить пьесу я не буду. *Никогда* я не буду ни писать пьесъ, ни ставить.

(Ему же. 22. X). Въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ (отъ 18 окт.) Вы трижды обзываете

меня бабой и говорите, что я струсилъ. Зачѣмъ такая диффамація? Послѣ спектакля я ужиналъ у Романова, честь-честью, потомъ легъ спать, спалъ крѣпко и на другой день уѣхалъ домой, не издавъ ни одного жалобнаго звука. Если бы я струсилъ, то я бѣгалъ бы по редакціямъ, актерамъ, нервно умолялъ бы о снисхожденіи, нервно вносилъ бы безполезныя поправки, и жилъ бы въ Петербургѣ недѣли двѣ-три, ходя на свою Чайку, волнуясь, обливаясь холоднымъ потомъ, жалуясь... Когда Вы были у меня ночью послѣ спектакля, то вѣдь Вы же сами сказали, что для меня лучше всего уѣхать; и на другой день утромъ я получилъ отъ Васъ письмо, въ которомъ Вы прощались со мной. Гдѣ же трусость? Я поступилъ такъ же разумно и холодно, какъ человѣкъ, который сдѣлалъ предложеніе, получилъ отказъ и которому ничего больше не остается, какъ уѣхать. Да, самолюбіе мое было уязвлено, но вѣдь это не съ неба свалилось; я ожидалъ неуспѣха и уже былъ подготовленъ къ нему, о чемъ и предупреждалъ Васъ съ полною искренностью.

Дома у себя я принялъ касторки, умылся холодной водой—и теперь хоть новую пьесу пиши. Уже не чувствую утомленія и раздраженія и не боюсь, что ко мнѣ пріѣдутъ Давыдовъ и Жанъ говорить о пьесѣ. Съ Вашими поправками я согласенъ—и благодарю 1000 разъ. Только пожалуйста не жалѣйте, что Вы не были на репетиціи. Вѣдь была въ сущности только одна репетиція, на которой ничего нельзя было понять; сквозь отвратительную игру совсѣмъ не видно было пьесы.

Получилъ телеграмму отъ Потапенко: успѣхъ колоссальный. Получилъ письмо отъ незнакомой мнѣ Веселитской (Микуличъ), которая выражаетъ свое сочувствіе такимъ тономъ, какъ будто у меня въ семьѣ кто-нибудь умеръ—это ужъ совсѣмъ некстати. А впрочемъ все это пустяки.

Сестра въ восторгѣ отъ Васъ и отъ Анны Ивановны, и я радъ этому несказанно, потому что Вашу семью люблю, какъ свою. Она поспѣшила изъ Петербурга домой, вѣроятно думала, что я повѣшусь.

(Е. М. Ш. Ноябрь). На первомъ представленіи я не все видѣлъ,—но то, что я видѣлъ, было тускло, сѣро, уныло, деревянно. Распредѣлялъ роли не я, декорацій мнѣ не дали новыхъ, репетицій было всего двѣ, артисты ролей не знали—и въ результатѣ всеобщая паника, упадокъ духа полный; играла не важно даже Коммиссаржевская, которая на одной изъ репетицій играла изумительно, такъ что сидѣвшіе въ партерѣ плакали, повѣсивъ свои носы...

Отчего Вы не попробуете написать пьесу? Вѣдь это такое ощущеніе, точно первый разъ лѣзешь въ неподогрѣтый нарзанъ.

(В. В. Билибину. Ноябрь). ...Я, конечно, радъ, очень радъ, но все же успѣхъ 2-го и 3-го представленія не можетъ стереть съ моей души впечатлѣнія 1-го представленія. Я не видѣлъ всего, но то, что видѣлъ, было уныло и странно до чрезвычайности. Ролей не знали, играли деревянно, нерѣшительно, всѣ пали духомъ; пала духомъ и Коммиссаржевская, которая играла неважно. И въ театрѣ было жарко, какъ въ аду. Казалось, противъ пьесы были всѣ стихіи. Но все-таки тѣмъ не менѣе я могу служить примѣромъ для юношества: послѣ спектакля я ужиналъ у Романова, ночь спалъ крѣпко, утромъ рецензій не читалъ (у газетъ былъ зловѣщій видъ), и въ полдень укатилъ въ Москву.

(А. С. Суворину. 2. XI). Да, проживу 700 лѣтъ и не напишу ни одной пьесы. Держу пари на что угодно.

(А. Ѳ. Кони. 11. XI). Вы не можете себѣ представить, какъ обрадовало меня Ваше письмо. Я видѣлъ изъ зрительной залы только два первыхъ акта своей пьесы, потомъ спдѣлъ за кулисами и все время чувствовалъ, что „Чайка“ провалится. Послѣ спектакля, ночью и на другой день, меня увѣряли, что я вывелъ однихъ идіотовъ, что пьеса моя въ сценическомъ отношеніи неуклюжа, что она неумна, непонятна, даже безсмысленна и пр. и пр. Можете вообразить мое положеніе—это былъ провалъ, какой мнѣ даже не снился! Мнѣ было совѣстно, досадно, и я уѣхалъ изъ Петербурга, полный всякихъ сомнѣній. Я думалъ, что если я написалъ и поставилъ пьесу, изобилующую, очевидно, чудовищными недостатками, то я утерялъ всякую чуткость и что, значитъ, моя машинка испортилась въ конецъ. Когда я былъ уже дома, мнѣ писали изъ Петербурга, что 2-е и 3-е представленіе имѣли успѣхъ; пришло нѣсколько писемъ, съ подписями и анонимныхъ, въ которыхъ хвалили пьесу и бранили рецензентовъ; я читалъ съ удовольствіемъ, но все же мнѣ было совѣстно и досадно, и сама собою лѣзла въ голову мысль, что если добрые люди находятъ нужнымъ утѣшать меня, то, значитъ, дѣла мои плохи. Но Ваше письмо подѣйствовало на меня самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я Васъ знаю уже давно, глубоко уважаю Васъ и вѣрю Вамъ больше, чѣмъ всѣмъ критикамъ, взятымъ вмѣстѣ—Вы это чувствовали, когда писали Ваше письмо, и оттого оно такъ прекрасно и убѣдительно. Я теперь покоенъ и вспоминаю о пьесѣ и спектаклѣ уже безъ отвращенія. Коммиссаржевская—чудесная актриса. На одной изъ репетицій многіе,

глядя на нее, плакали и говорили, что въ настоящее время въ Россіи это лучшая актриса, на спектаклѣ же и она поддалась общему настроенію, враждебному моей „Чайкѣ“, и какъ будто оробѣла, спала съ голоса. Наша пресса относится къ ней холодно, не по заслугамъ, и мнѣ ее жаль.

(Вл. И. Немировичу-Данченко. 20. XI). Да, моя Чайка имѣла въ Петербургѣ, въ первомъ представленіи, громадный неуспѣхъ. Театръ дышалъ злобой, воздухъ сперся отъ ненависти и я— по законамъ физики — вылетѣлъ изъ Петербурга, какъ бомба. Во всемъ этомъ виноваты ты и Сумбатовъ, такъ какъ это вы подбили меня написать пьесу.

(А. С. Суворину. 14. XII). ...Душа моя точно лужоная, я не чувствую къ своимъ пьесамъ ничего, кромѣ отвращенія, и черезъ силу читаю корректуру. Вы опять скажете, что это не умно, глупо, что это самолюбіе, гордость и проч. и проч. Знаю, но что же дѣлать? Я радъ бы избавиться отъ глупаго чувства, но не могу и не могу. Виновато въ этомъ не то, что моя пьеса провалилась; вѣдь въ большинствѣ мои пьесы проваливались и раньше, и всякій разъ съ меня какъ съ гуся вода. 17-го октября не имѣла успѣха не пьеса, а моя личность. Меня еще во время перваго акта поразило одно обстоятельство, а именно:—тѣ, съ кѣмъ я до 17-го окт. дружески и пріятельски откровенничалъ, безпечно обѣдалъ, за кого ломалъ копья (какъ, напримѣръ, Я.)—всѣ эти имѣли странное выраженіе, ужасно странное... Однимъ словомъ, произошло то, что дало поводъ Лейкину выразить въ письмѣ соболѣзнованіе, что у меня такъ мало друзей, а Недѣлѣ вопросить: „что сдѣлалъ имъ Чеховъ“, а Театралу помѣстить цѣлую корреспонденцію (95 №) о томъ, будто бы пишущая братія устроила мнѣ въ театрѣ скандалъ. Я теперь покоенъ, настроеніе у меня обычное, но все же я не могу забыть того, что было, какъ не могъ бы забыть, если бы, напримѣръ, меня ударили.

О В. А. Сѣровѣ.

[92 (С)].

Дѣтство и юность.

В. С. Сѣрова, вдова извѣстнаго композитора и мать еще болѣе извѣстнаго, тоже уже покойнаго, художника, въ той же „Рус. Мысли“ (X—XII), гдѣ она нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вспоминала свою жизнь съ мужемъ, разсказываетъ о томъ, какъ росъ ея сынъ—и многому изъ этого разсказа весьма обрадуется біографъ В. А. Сѣрова, а вмѣстѣ съ біографомъ и всѣ, интересующіеся личностью и жизнью одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ художниковъ.

„Тоша“ остался послѣ отца, когда ему не было еще и пяти лѣтъ. Овдовѣвшая В. С. Сѣрова, вынужденная для продолженія занятій своихъ по музыкѣ поселиться временно въ Мюнхенѣ, ребенка оставила на попеченіи своего друга Н. И. Друцкой-Соколинской, которая незадолго передъ тѣмъ основала у себя въ имѣніи земледѣльческую интеллигентскую колонію. Здѣсь-то вотъ, въ Никольскомъ, впервые—и ярко—дала себѣ знать въ пятилѣтнемъ мальчуганѣ художественная „жилка“.

„Разъ въ шалую минуту Тошѣ почему-то вздумалось изрѣзать на кусочки дѣтское платьишко безъ всякаго злого умысла, просто изъ озорства. Таличка (т.-е. Н. И.) его не наказала, не сдѣлала ему особо строгаго выговора, но взяла только что нарисованную имъ лошадку и порвала ее. На Тошу этотъ поступокъ произведъ настолько сильное впечатлѣніе, что черезъ 40 лѣтъ онъ вспоминалъ о немъ съ одинаковымъ возмущеніемъ, какъ и въ первый моментъ нашего свиданія послѣ гощенія на хуторѣ. Я не оправдываю педагогики Талички,— ненависть Тоши показала, насколько она оказалась не выдерживающей критики въ данномъ случаѣ. Правда, тогда нельзя еще было предвидѣть крупнаго дарованія будущаго замѣчательнаго художника, лошадками же были изрисованы массы клочковъ бумаги, которые и уничтожались массами. Но, видно, именно въ *эту* вложена была часть его художнической души: чего-нибудь онъ добивался, что-нибудь онъ ею обрѣлъ. Вѣдь почему-нибудь она была ему особенно дорога, если онъ ее помнилъ уже въ возрастѣ зрѣлаго художника. Это тайна творческой души, и ребенокъ боль и радость „исканія“ ощущаетъ такъ же остро, какъ и взрослый въ періоды сознательнаго „нахожденія“.

Въ другой разъ маленькій Тоша—какъ сообщала Н. И. въ письмѣ къ его матери — „купался со взрослыми и поразилъ меня возгласомъ: отчего на животѣ зеленоватый цвѣтъ кожи? И дѣйствительно, это было вѣрно,—до того тонко оказалось его наблюденіе. Вообще, когда получилъ краски, онъ все время рисовалъ и часто спрашивалъ: „такъ?“ Потомъ пойдемъ и посмотримъ вмѣстѣ на натуру. Любилъ облачка на небѣ, но особенно сильное впечатлѣніе произвело на него, когда весной корчевали лѣсъ и зажгли костры. Его едва возможно было домой залучить вечеромъ, онъ бы такъ и ночевалъ тамъ. А затѣмъ придетъ и хочется ему огонь нарисовать. Разъ вече-

ромъ разсердился, что желтая краска стала бѣлой, и ему не удалось то, что онъ хотѣлъ".

Когда В. С. Сѣрова прочно обосновалась за границей, Тошу повезли къ ней въ Мюнхенъ. Здѣсь прошли лучшіе годы его дѣтства, здѣсь же протекли первые годы его школьной жизни. Лѣто проводили они съ матерью въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Мюльталь.

„Оживленно, весело, беззаботно жилось намъ тогда. У меня съ Тошей установились вполнѣ товарищескія отношенія. Изрѣдка нарушались они, когда проявлялась во мнѣ „педагогика". Она была слишкомъ прямолинейна, своеобразна, иногда жестока, но всегда цѣлесообразна. Къ счастью, я къ ней прибѣгала рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ. Одинъ изъ такихъ случаевъ былъ слѣдующій.

Тоша былъ правдивый мальчикъ, отчасти оттого, что я никогда не позволяла себѣ давать ему уклончивые отвѣты, на всѣ вопросы отвѣчала безъ всякой лжи, не утаивая истины, безъ ужимокъ взрослаго „всезнайки". Взамѣнъ я требовала безусловной правдивости.

„Если ты мнѣ солжешь, то я съ тобой жить не стану"—угроза, къ которой Тоша отнесся очень серьезно: слово не потеряло еще цѣны для его дѣтской души.

И вдругъ... онъ обманулъ меня и преднамѣренно обманулъ. Случилось это такъ.

Въ одно прекрасное утро Тоша вернулся изъ Штарнберга ранѣе обыкновеннаго; съ лихорадочно возбужденнымъ лицомъ сталъ на солнцѣ развѣшивать свою купальную простыню съ особеннымъ усердіемъ. Простыня была такъ мокра, что возбудила во мнѣ нѣкоторое подозрѣніе. Подхожу къ веревкѣ—вижу, что съ нея прямо течетъ. Обращаюсь къ Тошѣ; сконфуженный, потупя взоръ, онъ стоитъ, какъ вкопанный.

— Отчего у тебя волосы сухіе?—спрашиваю.

Молчаніе.

— Ты былъ въ Штарнбергѣ?

— Былъ...

— Да ты правду говори, ты ходилъ въ Штарнбергъ?

— Ходилъ, да не дошелъ,—шопотомъ, произнесъ онъ.

— А отчего простыня мокрая?—продолжала я допытываться.

— Я ее въ колодцѣ намочилъ, — уже совсѣмъ растерялся онъ.

— Кто тебя этому научилъ?

— Никто,—лепеталъ онъ сквозь слезы.

— Нѣтъ, научилъ кто-нибудь; говори, кто?

— Мальчики,—расплакался онъ.

Наступила тяжелая минута.

— Ты со мной жить не будешь?—робко спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не буду,—твердо отвѣтила я.

Его самолюбіе не допускало просьбы о прощеніи. Онъ пересталъ плакать, покорно ожидая кары.

— Послѣ обѣда собери свои вещи, я увезу тебя въ городъ, къ Іегеръ. Ты помнишь ее?

— Помню. А что я тамъ буду дѣлать?

— Ея мужъ слесарь; будешь смотрѣть, какъ онъ работаетъ, можетъ быть, научишься чему-нибудь дѣльному. Такъ болтаться съ мальчиками не позволю, ты мнѣ теперь просто противенъ...—голосъ дрогнулъ отъ волненія, отъ боли.

Послѣ обѣда мы уѣхали въ Мюнхенъ. Онъ держался твердо, не размокалъ.

— Aber das herzige Büblein! (какой очаровательный мальчуганъ) — воскликнула г-жа Іегеръ, въ восхищеніи глядя на него: серьезный, съ пылающимъ румянцемъ на щекахъ, съ глазами, полными выраженія какой-то твердой рѣшимости, онъ былъ дѣйствительно восхитителенъ.

Я г-жѣ Іегеръ не сказала о причинѣ его удаленія изъ Мюльталя. Черезъ недѣлю обѣщала пріѣхать за нимъ. Она притащила металлическія стружки, крошечные гвоздики, я просила ему купать дѣтскій молоточекъ. Тоша повеселѣлъ. Мы простились просто, даже не безъ сердечности, какъ будто кара была роковой необходимостью, которой слѣдовало подчиниться безпрекословно.

Черезъ недѣлю я его привезла обратно въ Мюльталь.

— Я тебѣ теперь не противенъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, все прошло!

Снова возобновились товарищескія отношенія, а „педагогика" отошла надолго въ область воспоминаній. Все-таки осталась какая-то мнительность, осторожность. Особенно его пугала „кажущаяся" лживость его натуры. Я рѣзко отдѣляла эту очень часто проявлявшуюся неправду у дѣтей съ пылкимъ воображеніемъ отъ умышленной лжи. Разъ Тоша даже испугался, когда ему явственно представилось одно явленіе, котораго даже никогда не бывало. Только что пріѣхалъ капельмейстеръ Леви въ Мюнхенъ (Тоша никоимъ образомъ не могъ его видѣть раньше). Разъ, вернувшись съ репетиціи, начинаю разсказывать домашнимъ, какъ Леви былъ веселъ и оживленъ, представила шутя его жесты и прошлась по комнатѣ его скорой походкой, кланяясь направо и налѣво, приговаривая:

— Grüss Gott, meine Herren!

— Да,—воспламенился Тоша,— и шляпа у него на затылкѣ, машетъ перчатками...

— Что?!— изумилась я.—Да вѣдь ты его никогда не видалъ...

— Анъ видалъ, анъ видалъ, — горячился онъ.

— Тоша, да вѣдь онъ только вчера пріѣхалъ, когда же ты могъ его видѣть?

Тоша, оторопѣвъ, замолчалъ, щеки залились густымъ румянцемъ.

— Да гдѣ же я его видѣлъ? гдѣ его видѣлъ?—шепталъ онъ тревожно и старался припомнить.

Присутствующіе, наконецъ, увѣрили его, что онъ Леви видѣлъ во снѣ. Но Тоша не унимался.

Долго спустя послѣ этого недоразумѣнія онъ мнѣ сообщилъ, что явственно представлялъ себѣ Леви по моимъ разсказамъ, но когда онъ познакомился съ нимъ самимъ, то убѣдился, что никогда его не видалъ.

Тихая, однообразная жизнь Мюльталя нѣсколько всколыхнулась: кучка „цитристовъ“ поселилась въ нашей гостиницѣ и собирали они по вечерамъ непритязательную публику дешевенькаго ресторанчика. Тоша, конечно, былъ въ числѣ самыхъ рьяныхъ поклонниковъ этихъ рослыхъ, загорѣлыхъ, пропитанныхъ кнастеромъ (родъ махорки) горныхъ „человѣковъ“. Играли они на цитрахъ очень хорошо. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, у насъ подъ окномъ, ихъ инструменты звучали даже поэтично, особенно въ нашей обстановкѣ: въ горахъ, среди лѣса, въ тиши ночной. Тошѣ непремѣнно надо было проникнуть въ самую глубь пивного погребка. Я заглянула въ него невзначай: онъ сидѣлъ за общимъ столомъ, оперевъ голову на оба кулачонка, и буквально пожиралъ глазами этихъ музыкантовъ-великановъ. Я его даже не окликнула, — боясь нарушить всю прелесть его увлеченія. Оно было такъ велико, что Тоша сталъ въ погребкѣ засиживаться до поздней ночи, невзирая ни на какія увѣщанія. Пришлось снова прибѣгнуть къ моей „педагогикѣ“. Я пригрозила ему, что я своевременно лягу спать и замкну двери послѣ ужина, и надѣялась, что его это образумитъ.

Не тутъ-то было!

Позже обыкновеннаго слышу робкое постукиваніе въ дверь—я не шелохнулась: въ эту ночь ни онъ, ни я не сомкнули глазъ. Онъ на крылечкѣ просидѣлъ до разсвѣта, а я изъ окна слѣдила, что дальше будетъ. Когда онъ заснулъ на ступенькахъ, я его унесла въ комнаты. Съ тѣхъ поръ Тоша корректно возвращался къ ужину, да и горные „человѣки“ скоро отправились во-свояси“.

Мюнхенскій періодъ продолжался около четырехъ лѣтъ. Девятилѣтній Тоша—уже въ Парижѣ съ матерью: въ Парижѣ тогда жилъ Рѣпинъ, который взялся руководить развитіемъ юнаго дарованія.

Не сразу на новомъ мѣстѣ удалось избавиться отъ разныхъ заботъ и хлопотъ, не сразу все вошло въ норму, но наконецъ „жизнь сложилась хорошо къ общему нашему удовольствію, мы уже стали вмѣстѣ посѣщать салонъ Боголюбова, служившій центромъ всему русскому мірку въ Парижѣ. Среди просторной комнаты стоялъ во всю ея длину огромный столъ, на которомъ натянута была ватманская бумага. Всѣ присутствующіе художники занимали мѣста у стола и усердно рисовали. Помнится, что большею частью рисунки были вольныя импровизаціи на любыя темы, избранныя самими художниками. Рѣпинъ также занялъ мѣсто за столомъ и посадилъ возлѣ себя своего малолѣтняго ученика. Тишина соблюдалась полная, изрѣдка перебрасывались какимъ-нибудь замѣчаніемъ. Сначала Тоша какъ будто сконфузился, потомъ, я замѣчаю, карандашъ его что-то вырисовываетъ, вырисовываетъ твердо, неспѣша: онъ такъ сосредоточенно занялся, что не замѣтилъ даже, какъ за его стуломъ стали перешептываться, заглядывая точно мимоходомъ на его рисунокъ.

— Вотъ такъ молодчина!—невольно вырвалось у кого-то.

Заговорили, зашумѣли, послышались восклицанія, выражавшія полное изумленіе... и я взглянула наконецъ... тройка, русская тройка прямо „неслась“ во весь карьеръ! У меня захватило дыханіе, дрогнула душа отъ всего слышаннаго мною въ этотъ вечеръ. Думала: конецъ теперь пришелъ тихому, безпритязательному нашему житью-бытью—зернышко обнажили, вытащили изъ сырой земли; что-то будетъ дальше? Взглянула на Тошу и успокоилась: сосредоточенно доканчивалъ онъ своихъ коней; отъ усердія даже высунулъ кончикъ языка (привычка, которую онъ унаслѣдовалъ отъ отца), и положилъ карандашъ только тогда, когда окончилъ свой рисунокъ. Эта коллективная апробація авторитетныхъ судей не повліяла нисколько на нашу будничную жизнь: на слѣдующій день все шло своимъ чередомъ, хотя ни онъ, ни я—мы не забыли этого достопамятнаго для насъ вечера“.

Наступило для Тоши время, когда надо было серьезно заняться общеобразовательными предметами. Вернулись въ Россію. Сначала мальчикъ помѣщенъ былъ въ школу Мая въ Петербургѣ, но такъ какъ климатъ петербургскій оказался вреденъ для него, Сѣровы переселились въ Кіевъ.

Въ кіевской гимназіи маленькій художникъ

„прославился“ очень скоро. Однажды по возвращеніи домой онъ сталъ разсказывать, что директоръ „за вихры деретъ“ и вотъ за что.

„—Я нашелъ уголекъ въ корридорѣ и на стѣнѣ нарисовалъ директора. Да такъ похоже... хохолъ его такъ и торчитъ, носъ огромный...

— Тоша!—остановила я его въ ужасѣ, а онъ, сверкая глазенками, продолжаетъ, покатываясь со смѣху:

— Всѣ мальчики сбѣжались, кланялись стѣнѣ, кричали: „Иванъ Ивановичъ, а Иванъ Ивановичъ, простите, больше не будемъ!“

Тоша представилъ директора, какъ тотъ нечаянно подкрался и, увидѣвъ свое изображеніе на стѣнѣ, разсерженно процѣдилъ сквозь зубы: „Э, да ты вотъ каковъ, Сѣровъ!“ постоялъ, постоялъ передъ портретомъ, а затѣмъ принялся за Тошинъ вихоръ.

Когда подобныхъ проказъ, занесенныхъ въ „черную книгу“, накоплялось изрядное количество, меня повѣсткой вызывали въ гимназію.

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать съ вашимъ сыномъ, вотъ полюбуйтесь,—встрѣчаетъ меня обыкновенно директоръ, достаетъ „черную книгу“, поспѣшно перелистываетъ весь реестръ грѣшниковъ, наконецъ натыкается на фамилію „Сѣровъ“.—Такъ вотъ-съ! № 1 — нарушилъ порядокъ въ классѣ, вытаскивая клопа изъ чернильницы. Вѣдь всѣ повскакали со своихъ мѣстъ,—на что это похоже? Ну, Сѣровъ тащитъ клопа, потомъ Ивановъ, а наконецъ всѣ бросятся за клопами... это порядокъ?

Директоръ задыхался отъ волненія.

— А зачѣмъ клопы водятся въ классѣ?— пыталась я вставить.

— Ужъ это не мое дѣло, спросите сторожа.

— И что же, мой сынъ за это наказанъ?

— Конечно. Теперь взгляните,—директоръ выволокъ изъ шкафа нѣсколько тетрадокъ, — у насъ установлено правило, чтобы обложки на книгахъ и тетрадкахъ сохранялись въ чистотѣ, безъ кляксъ, безъ рисунковъ, безъ текстовъ. Это что?—Онъ гнѣвно ткнулъ пальцемъ въ обертку одной тетради.—Гдѣ это онъ видѣлъ, я васъ спрашиваю, гдѣ? А вы увѣряли, что онъ за границей воспитывался! Хороша заграница!

Онъ придвинулъ тетрадь.

— Какъ, гдѣ онъ видѣлъ?—засмѣялась я, залюбовавшись на рисуночекъ, — въ картинныхъ галлереяхъ, знаменитый Теньеръ мало ли трактовалъ подобные сюжеты?

Директоръ былъ, вѣроятно, добрѣйшимъ существомъ; съ любопытствомъ вглядѣлся въ рисуночекъ: ребенокъ такъ естественно, такъ дѣловито сидѣлъ на суднышкѣ и усердно хлопалъ въ ладошки!..“

Много возни съ художникомъ было у гимназическаго начальства: учиться прилежно, систематически онъ совсѣмъ не хотѣлъ. Преподаватели жаловались, что наказывать его невозможно: стоитъ въ углу и рисуетъ портреты учителей, да такъ удачно, что тѣ, забывая свои роли карателей, выпрашиваютъ на память свои портреты у наказаннаго...

Еще одинъ эпизодъ хочется выдѣлить въ воспоминаніяхъ матери о сынѣ—эпизодъ, относящійся къ болѣе поздней порѣ, когда Сѣровъ былъ уже ученикомъ академіи. В. С. въ это время проживала въ глуши Новгородской губ., насаждая музыку въ народѣ. Ее только что постигло большое горе: умеръ ея второй мужъ, В. И. Нѣмчиновъ.

„Почему-то мои близкіе родственники рѣшили, что меня оставлять одну жить въ деревенской обстановкѣ нельзя при томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ я находилась, и... въ одно прекрасное утро на порогѣ моей комнатки явился Тоша съ красками, мольбертомъ и крохотнымъ чемоданчикомъ.

— Я надумалъ писать твой портретъ, — шутливо произнесъ онъ,—ты вѣдь ничего не имѣешь противъ этого?

Что я могла имѣть противъ этого? Я давно жаждала имѣть портретъ, сработанный моимъ сыномъ.

Устроившись болѣе или менѣе сносно въ моемъ помѣщеніи, Тоша принялся за дѣло. Я постоянно носила кофту съ мѣховымъ воротникомъ и широкими обшлагами изъ того же бѣличьяго мѣха. Онъ усадилъ меня къ столу въ самой естественной, непринужденной позѣ и просилъ остаться въ моемъ обычномъ одѣяніи.

Первые сеансы прошли благополучно, мнѣ даже какъ будто становилось легче на душѣ и мое горе, казалось, было преодолено, какъ вдругъ случилась совершенно неожиданная помѣха, нарушившая Тошину работу. Пока онъ возился съ предварительными подготовленіями: усаживалъ „натуру“, налаживалъ освѣщеніе, набрасывалъ пробные мазки на палитру и пр., я сама оживилась, и повидимому, все обстояло благополучно.

Наступилъ моментъ художественнаго творчества... мы оба молчали, оба прониклись серьезнымъ значеніемъ этого момента. Тоша пронизывалъ свою модель острымъ взглядомъ портретиста-художника, какъ будто проникалъ въ самую сокровенную глубь. Лихорадочное его вниманіе достигло высшаго напряженія: видимо, онъ боялся потерять уловленное сходство, утратить удачное настроеніе. Все глубже, все пытливѣе вглядывался онъ въ меня: у меня

спирало дыханіе въ груди, что-то комкомъ подкатывалось къ горлу.

— Тоша! Я больше не могу... Не могу я переносить твоего взора: онъ душу мою обнажаетъ! Мнѣ жутко до боли, точно я безстыдно выставляю напоказъ свои страданія, свою нестерпимую муку...

Голова моя опустилась на столъ, и глухія рыданія нарушили тишину. Вдругъ раздался какой-то странный трескъ, что-то шумно упало... смотрю: Тоша стоитъ, прижавши лицо къ окну, рамка откинута въ сторону, у ногъ моихъ... разорванный въ клочки портретъ!

Никогда мы не вспоминали объ этомъ злосчастномъ случаѣ, никогда мой сынъ не пытался болѣе писать съ меня портрета".

Смерть.

Заключительная глава записокъ В. С. Сѣровой отведена воспоминаніямъ о тѣхъ гнетущихъ моментахъ, когда сознаніемъ художника завладѣла мысль о возможной скорой и скоропостижной смерти.

„...Я не суевѣрная. Ни въ какія чудеса, предчувствія не вѣрю: одинаково трезво отношусь къ событіямъ внѣшней природы, какъ и къ проявленіямъ изъ психическаго міра, иногда въ высшей степени загадочнымъ. Одинъ случай изъ того времени меня все-таки немного смутилъ. Тоша уѣхалъ въ Москву; я его увидѣла во снѣ умирающимъ въ незнакомой мнѣ комнатѣ, одѣтымъ въ чужой халатъ. Онъ такъ реально, такъ явственно предсталъ передъ моими духовными очами, что, проснувшись, я почувствовала неотразимый страхъ. Навожу справки: Тоша боленъ, лежитъ въ домѣ у Мамонтова. Пріѣзжаю туда, встрѣчаю сына изможденнаго, блѣднаго, въ чужомъ одѣяніи—точь въ точь какъ во снѣ! Съ тѣхъ поръ щемящая боль отъ какого-то суевѣрнаго страха за жизнь сына меня преслѣдовала всѣ послѣдующіе годы. Вѣроятно, у него также впечатлѣніе отъ внезапной кончины отца гнѣздилось въ глубинѣ его души; безпокойство его невольно сообщалось и мнѣ.

— А какъ папа умиралъ? Разскажи...

Снова и снова повторяю я извѣстное ему происшествіе. Обычный вздохъ, ощупываніе груди, пророческое изреченіе: „мнѣ долго не жить... я знаю!"

Видно, это предчувствіе у него часто всплывало и подчасъ нестерпимо угнетало.

Разъ мы сидѣли въ Байрейтѣ, на операхъ Вагнера „Валкирія". Въ сценѣ появленія предвѣстницы близкой кончины Зигмунда возлѣ меня вдругъ раздается сдержанное рыданіе, судорожное всхлипываніе. Въ темномъ, погруженномъ въ благоговѣйное молчаніе, театральномъ залѣ, этотъ трагическій плачъ потрясающе подѣйствовалъ не на меня одну. Взглянула на Тошу: какая-то роковая покорность, знакомый угрюмый взоръ, подавленная пришибленность во всей фигурѣ; „сонъ въ Сябринцахъ"—мелькнуло у меня въ умѣ.

Черезъ нѣсколько времени получаю въ деревнѣ телеграмму: „если хотите застать сына въ живыхъ, пріѣзжайте немедленно".

Я его застаю умирающимъ на квартирѣ у князя Львова, директора училища живописи и ваянія. Тогда онъ еще уцѣлѣлъ, какъ извѣстно. Но съ этого момента я ждала, ждала неуклонно роковой развязки. Сябринскій сонъ все явственнѣе, все рельефнѣе всплывалъ въ моемъ воображеніи.

Лѣтомъ я заѣхала въ Финляндію погостить къ Сѣровымъ, тотчасъ послѣ возвращенія В. А. изъ Лондона. Онъ былъ веселъ, оживленъ, въ приподнятомъ духѣ; но меня эта приподнятость пугала и настроила мрачно.

— Да чѣмъ вы опечалены? — спрашивали меня друзья мои.—Сынъ вашъ веселъ, бодръ; можетъ быть, европейскій успѣхъ вызвалъ эту приподнятость...

— У моего сына никакой успѣхъ не вызоветъ приподнятости его духа. Его бравурность меня смущаетъ. Онъ, такой осторожный, мнительный... вдругъ какъ будто переродился, самъ не свой.

Собирается къ кому-то на Кавказъ, еле отдохнувъ послѣ поѣздки по Европѣ. Невольно вспоминается отецъ, собиравшійся чуть-ли не наканунѣ своей смерти... въ Индію. То же безпокойство, та же лихорадочность въ Валентинѣ Александровичѣ. Встрѣчаемся въ Москвѣ черезъ нѣсколько недѣль: потухшій взоръ, во всей фигурѣ выраженіе покорности судьбѣ, угрюмый взглядъ, и снова кошмарный вопросъ: „а какъ умеръ отецъ? Разскажи...

Черезъ три недѣли его не стало"...

Одна изъ „жемчужинъ" въ искусствѣ Сѣрова.

Игорь Грабарь недавно помѣстилъ въ „Рус. Вѣд." (№ 269) отрывокъ изъ своей, приготовляемой къ печати, монографіи о В. А.,— ту главу ея, которая посвящена „двумъ жемчужинамъ" его творчества. Одна изъ этихъ жемчужинъ—портретъ „дѣвушки подъ деревомъ" (по каталогу Третьяковской галлереи — „Дѣвушка, освѣщенная солнцемъ"), портретъ двоюродной сестры художника, созданный имъ, когда ему было всего 23 года.

Незадолго до кончины Сѣрова, они съ И. Грабаремъ стояли передъ знаменитымъ портретомъ въ Третьяковской галлереѣ—послѣ того какъ онъ былъ перевѣшенъ, а именно спущенъ въ нижній рядъ. Только теперь, впервые съ тѣхъ поръ, какъ эта вещь попала въ галлерею, стало возможнымъ близко любоваться ея изумительнымъ живописнымъ богатствомъ.

„Я,—пишетъ г. Грабарь,— сказалъ Сѣрову о перевѣскѣ его картины, и ему захотѣлось на нее взглянуть. Когда мы пришли въ ту комнату, которая прежде слыла подъ названіемъ Левитановской, а позже всѣми звалась Сѣровской, и остановились у „Дѣвушки, освѣщенной солнцемъ“, онъ долго стоялъ передъ ней, пристально ее разсматривая и не говоря ни слова. Потомъ махнулъ рукой и сказалъ не столько мнѣ, сколько въ пространство: „Написалъ эту вещь, а потомъ всю жизнь, какъ ни пыжился, ничего ужъ не вышло: тутъ весь выдохся“. Потомъ онъ подвелъ меня вплотную къ картинѣ, и мы стали подробно разглядывать всѣ переливы цвѣтовъ на кофточкѣ, рукахъ, лицѣ. И онъ снова заговорилъ: „И самому мнѣ чудно, что это я сдѣлалъ,—до того на меня непохоже. Тогда я въ родѣ какъ съ ума спятилъ. Надо это временами: нѣтъ-нѣтъ, да малость и спятить. А то ничего не выйдетъ“.

И дѣйствительно, эта вещь создана въ минуту необычайнаго подъема, въ рѣдчайшемъ и подлиннѣйшемъ творческомъ экстазѣ. Ничего, что онъ писалъ ее все лѣто, втрое дольше, чѣмъ В. С. Мамонтову: художественное произведеніе уже на три четверти создано въ моментъ его вдохновеннаго зачатія, въ то чудесное, необыкновенное мгновеніе, когда жизненное видѣніе таинственно превращается въ душѣ художника въ видѣніе пластическое, въ художественный образъ. Вся работа этихъ трехъ мѣсяцевъ была только выявленіемъ, углубленіемъ и чеканкой этого перваго обаятельнаго образа“.

Мысли о современномъ театрѣ.

[8.01 : 792]

Европейскій театръ — а русскій въ особенности, особенно сильно—переживаетъ сейчасъ свое „Смутное время“, свой періодъ великой разрухи, свою эпоху самозванцевъ. И Богъ вѣсть когда наконецъ дождемся мы театральныхъ Мининыхъ и Пожарскихъ и „избранія на царство“ новой *династіи*,—Богъ вѣсть когда разрѣшится этотъ затяжной „кризисъ театра“. Когда еще это будетъ, а пока... пока кипитъ борьба разныхъ претендентовъ на престолъ,—борьба самыхъ разнообразныхъ театральныхъ лозунговъ, вплоть до весьма сомнительныхъ по своему происхожденію, по своимъ правамъ. Кипитъ борьба на „диспутахъ“, кипитъ на газетныхъ столбцахъ, шумъ ея проникаетъ и въ серьезную литературу о театрѣ—въ книги и статьи по театральнымъ вопросамъ, появляющіяся все въ большемъ и большемъ обиліи. Вотъ рядъ работъ въ этой области за какой-нибудь мѣсяцъ: въ Петербургѣ артистка Стравинская-Аполлонская выпустила книгу „Христіанскій театръ“, опять выступили на книжномъ рынкѣ Н. Евреиновъ и кн. С. Волконскій, Л. Андреевъ далъ въ послѣднемъ альманахѣ „Шиповникъ“ обширнѣйшее (второе) „письмо о театрѣ“; въ Москвѣ вышелъ коллективный трудъ—сборникъ статей нѣсколькихъ авторовъ: „Въ спорахъ о театрѣ“.

Кризисъ „аморальнаго“ театра.

Журналъ „Театръ и Искусство“ продолжаетъ укрѣплять позицію, на которую сталъ онъ по отношенію къ важнѣйшему, злободневнѣйшему изъ больныхъ вопросовъ современной театральной жизни. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ тамъ была сдѣлана попытка—Homo Novus'омъ—связать „кризисъ театра“ съ кризисомъ морали (см. „Бюллетени“ № 23—24). О томъ же пишетъ въ № 46 Ал. Вознесенскій. И снова останавливается на мысли о кризисѣ именно „аморальнаго“ театра самъ Homo Novus (№ 48),—по поводу одного изъ недавнихъ петербургскихъ театральныхъ диспутовъ.

„Возрожденіе театра, во всѣхъ его росткахъ и развѣтвленіяхъ,—читаемъ у г. Вознесенскаго,—возможно, конечно, только съ возрожденіемъ единственнаго почвеннаго корня его: живой человѣческой морали. Въ окончаніи пропаганды аморальныхъ идей и настроеній и поддержаннаго этой пропагандой (теперь уже жалкаго, но все еще длящагося) ницшеанскаго маскарада заинтересованы и жизнь, и литература, и искусство— но болѣе всѣхъ искусство театра. Все, чѣмъ хотѣли замѣнить дѣйственную мораль, эту органическую ткань театра, не прививалось и не росло, какъ не прививается и не растетъ деревянная нога, замѣняющая подлинную ногу.

Отсюда крахъ репертуарный, отсюда крахъ режиссерскій, отсюда крахъ актерскій—самое страшное изъ театральныхъ банкротствъ. Стоитъ только заговорить не увертливо, не косноязычно, а полнымъ ртомъ объ „упадкѣ морали“, т.-е. о коренной бѣдѣ театра, и сразу распутываются всѣ тѣ узлы, которые такъ кропотливо

и тщетно разматывались честными спеціалистами сцены и такъ грубо и безцѣльно разрубались развязными „новаторами“ ея. Нѣкогда все тотъ же А. Р. Кугель (Homo Novus) изумительно острымъ словомъ опредѣлилъ всего Островскаго во всемъ значеніи его для театра. Онъ назвалъ его: „этотъ христіанинѣйшій драматургъ“... Вотъ въ чемъ разгадка „отсутствія репертуара“... Пьесъ сколько угодно, драматурговъ больше, чѣмъ пьесъ, а репертуара все-таки нѣтъ, ибо нѣтъ живого моральнаго репертуара отъ авторовъ, воспитанныхъ на мертвой аморали. Появились пьесы философскія, эстетическія, обывательскія, литературныя и нелитературныя, а театральныя — исчезли. Потому что атмосфера авторскаго творчества исполнилась философіи, и эстетизма, и обывательски-удобныхъ, либо услаждающихъ „идей“, но лишилась простого добра, той наивной человѣческой благодати, безъ которой Островскій, великій драматургъ, мгновенно оказался бы безсильнымъ написать для сцены и пустяковый водевиль.

Эту мысль я поясню замѣчательнымъ, по яркой конкретности, примѣромъ. Л. Андреевъ, писатель со стихійно чуткой къ добру и правдѣ душой (чего стоитъ одна его „Тьма“!) написалъ красивую, умную, изысканную для театральныхъ подмостковъ пьесу „Екатерина Ивановна“. М. Арцыбашевъ, задоромъ молодого таланта заставившій въ свое время русское общество выслушать Санина, этого невозможнаго насильника надъ нашей совѣстью и душой, написалъ пьесу „Ревность“—въ своихъ обычныхъ, жизненно-грубыхъ тонахъ. И пьеса „Ревность“ взволновала, взбаломутила, двинула публику; „Екатерина Ивановна“ же оставила ее неубѣжденной, разсуждающей и мало подвижной. Какъ произведенія литературы—двѣ эти драмы несравнимы: андреевская въ невидимой выси надъ арцыбашевской. Но несравнимы онѣ и какъ произведенія театра: здѣсь ужъ героемъ является Арцыбашевъ, ибо съ открытымъ забраломъ вышелъ онъ предъ лицо публики на арену и каблукомъ растопталъ, раздавилъ моральную гидру, вокругъ которой неувѣренно и широко бродилъ Л. Андреевъ, какъ нѣжный и утонченный мыслитель... Оба писателя рисовали картину катастрофы—разрушенія женщиной семьи, но дѣло Арцыбашева было истинное театральное дѣло, его твореніе явилось необычайной для современности пьесой „отъ театра“—и отъ театра пришелъ къ нему тріумфъ.

Не понимающіе этого не поймутъ, конечно, успѣха „Ревности“, и естественны недоумѣнія ихъ: почему эта пьеса пришлась такъ публикѣ по сердцу? Я же считаю успѣхъ этой неуклюжей, но страстной пьесы симптоматичнымъ. Публикѣ наскучили и философскія усомнѣнія, и эстетическая злость, и всякая аморальность со сцены. Публика истомилась по простому добру, по простой любви, по простой правдѣ и красотѣ, по этимъ первичнымъ, но единственно великимъ—и въ шумныхъ вѣкахъ исторіи, и въ интимномъ ощущеніи личности—идеаламъ. Хоть спичкой душѣ посвѣти, но посвѣти! Хоть каблукомъ ударь въ зло, но ударь!“..

А Homo Novus пишетъ между прочимъ:

„Само собой разумѣется, что такихъ тупыхъ людей, которые говорили бы: „хотимъ жить по старинѣ и никакихъ ни новшествъ, ни измѣненій не допускаемъ“—нѣтъ. Всѣ, въ большей или меньшей степени, въ мѣру большей или меньшей своей чуткости, стремятся обновить и омолодить жизнь и, понятно, театръ. Но футуристъ, пришедшій въ желтой кофтѣ съ лентами, просто крикливый и безвкусный рекламистъ, а нисколько не омолодитель или обновитель жизни. Такъ и вѣчно юные театральные обновители, полагающіе, что пашить новую, и по возможности, нелѣпую ленту на необыкновенную кофту декораціи —значитъ, обновить театръ,—нимало его не обновляютъ, а просто „дѣлаютъ шумъ“, какъ статисты, а въ лучшемъ случаѣ,—„сенсацію“. Театръ обновляется и обновится театральнымъ талантомъ великихъ актеровъ или великихъ авторовъ, и притомъ, такъ какъ талантъ немыслимъ безъ воодушевленія, стало быть, безъ религіозной идеи, то надо думать, что обновленіе театра будетъ проникнуто страстнымъ исканіемъ смысла жизни и борьбою со смертью, какъ уничтоженіемъ, какъ формою равнодушнаго итога.

И вся бѣда Метерлинковъ, малыхъ сихъ въ родѣ Брюсовыхъ и Бальмонтовъ, и малѣйшихъ изъ сихъ, въ родѣ Блоковъ и Вяч. Ивановыхъ, то „тавро“, которое выжжено на ихъ поэзіи и является препятствіемъ къ допущенію ихъ въ театръ—заключается въ томъ, что мы ничего не можемъ найти у нихъ о смыслѣ дѣйствительной жизни, что мы не слышимъ у нихъ призывовъ къ борьбѣ, что мы не встрѣчаемъ у нихъ оправданія добра, посрамленія зла, но, наоборотъ, что всѣ они учатъ насъ искать вкусъ въ горькомъ, искать горькое въ сладкомъ, ложное въ правдивомъ, слѣпое въ видимомъ, людей въ куклахъ и куколъ въ людяхъ. Это любопытно, быть можетъ, какъ игра ума, наединѣ съ самимъ собой. Но это совершенно невозможно, совершенно нелѣпо, совершенно ненужно и безпо-

лезно на людяхъ, въ обществѣ, въ соціальномъ, динамическомъ, эффективномъ искусствѣ, каковымъ является театръ. И нечего намъ тыкать въ носъ примѣрами, въ родѣ борьбы ложноклассиковъ съ романтическою школою. Пусть „Эрнани“ былъ нарушеніемъ формъ театральной поэзіи, но это не было извращеніемъ и отрицаніемъ сущности театра, какъ дѣятельной борьбы страстей, какъ столкновенія добра и зла. Наоборотъ, романтизмъ былъ школой, которая въ ущербъ прозѣ, фальшиво преувеличивала эту борьбу и эти страсти.

Милости просимъ, если у васъ есть что сказать, если вы можете затронуть наше сердце!.. Какъ бы вы, гг. модернисты, ни были безвкусны въ своихъ притязаніяхъ,— театръ васъ приметъ. Но имѣйте же сказать людямъ, сидящимъ въ зрительной залѣ, что нибудь по существу, а не разносите имъ сахарные фіалы узорчатыхъ словъ. Слова въ театрѣ, если они только красивы и затѣйливы, не имѣютъ никакой цѣны. Слава Богу, уже всѣ стали признавать Островскаго—настолько-то выспались послѣ похмелья! Но Островскій потому великъ, какъ драматургъ, что умилителенъ, какъ поэтъ сердца. И часто плохой техникъ сцены, онъ, какъ родной, всѣми любимъ, ибо сердце сердцу вѣсть подаетъ...

И про актеровъ скажу то же. О, будьте, какъ хотите, кѣмъ угодно! „Оскверняйте“ себя сюртукомъ или наоборотъ, находите „оскверненіе“ въ рыцарской одеждѣ; держитесь, если вамъ это нравится, профилемъ или фасомъ. Пусть ваши слова падаютъ какъ камень въ колодецъ или какъ горохъ на полъ. Дѣлайте большія паузы или совсѣмъ ихъ не дѣлайте. Все это не столь существенно. А одно важно, нужно и неизбѣжно: страсть, сердце, отдача части своей души публикѣ на удовлетвореніе ея эмоціональнаго голода.

Вѣры нѣтъ—вотъ въ чемъ „кризисъ театра“. Не только вѣры, какъ дѣла жизни, но и вспышекъ вѣры, случайныхъ экстазовъ, омывающихъ сердце“.

Старый и новый театръ.

Въ первомъ своемъ „письмѣ о театрѣ“ Леонидъ Андреевъ только имѣлъ въ виду „поставить нѣкоторые вопросы“—прежде всего, вопросъ о томъ, что устарѣло въ современномъ театрѣ, отъ чего онъ долженъ отрѣшиться, если хочетъ „возродиться“ (см. „Бюл.“ № 13 за 1912/13 гг.). Во второмъ „письмѣ“ уже проводится рѣзкая граница между *старымъ* и *новымъ* театромъ. Обновленный театръ Андреевъ называетъ театромъ панпсихизма и, прежде чѣмъ противопоставленіемъ новаго старому сдѣлать болѣе понятнымъ происходящую на нашихъ глазахъ коренную ломку театра и его эволюцію, вдается въ анализъ „Чеховскаго театра“,—для поясненія этого названія „панпсихизмъ“.

„Особенность Чехова въ томъ, что онъ былъ наиболѣе послѣдовательнымъ панпсихологомъ. Если часто у Толстого *одушевлено* только тѣло человѣка, если Достоевскій исключительно преданъ самой душѣ, то Чеховъ одушевлялъ все, чего касался глазомъ: его пейзажъ не менѣе психологиченъ, чѣмъ люди; его люди не болѣе психологичны, чѣмъ облака, камни, стулья, стаканы и квартиры. Всѣ предметы міра видимаго и невидимаго входятъ лишь какъ части одной большой души; и, если его разсказы есть лишь главы одного огромнаго романа, то его вещи есть лишь разсѣянныя по пространству *мысли* и *ощущенія*, единая душа въ дѣйствіи и зрѣлищѣ. Пейзажемъ онъ пишетъ жизнь своего героя, облаками разсказываетъ его прошлое, дождемъ изображаетъ его слезы—квартирой доказываетъ, что безсмертія души не существуетъ. Таковъ Чеховъ въ беллетристикѣ—но таковъ же онъ и въ драмѣ своей.

И играть на сценѣ Чехова должны не только люди—его должны играть и стаканы, и стулья, и сверчки, и военные сюртуки, и обручальныя кольца. Вдругъ Чеховъ въ „Вишневомъ саду“ вводитъ какой-то загадочный звукъ „упавшей бадьи“, звукъ, котораго и воспроизвести нельзя—но онъ необходимъ, онъ есть необходимая часть души героевъ драмы, безъ него они не тѣ, безъ него и Чехова нѣтъ. И отсюда такъ понятно, почему всѣ театры, гдѣ играютъ только люди, а вещи не играютъ, до сихъ поръ не могутъ дать Чехова, не любятъ и не понимаютъ его. (Въ провинціи онъ почти совсѣмъ не идетъ). И отсюда становится не только то понятнымъ, почему Художественный театръ можетъ играть Чехова, но и то, въ чемъ сила и новизна и особенность Художественнаго театра: въ немъ играютъ не только люди, но и вещи. Онъ—театръ психологическій. Больше того—онъ театръ того панпсихизма, чистымъ представителемъ котораго въ литературѣ былъ Антонъ Чеховъ.

И въ квартиркѣ сестеръ Прозоровыхъ, и въ кабинетѣ Иванова, и въ томъ огурцѣ, который съ такой болью и обидой уноситъ, не доѣвъ, Шабельскій-Станиславскій, и въ сверчкѣ, и въ кольцахъ, и въ военныхъ сюртукахъ—во всемъ одно: психе. Вещи не есть вещи, а разсѣянныя мысли и ощущенія единой души.

Но не только вещи, а и самое *время* Чеховъ, а съ нимъ и театръ, сдѣлалъ не какъ часовщикъ, а какъ психологъ: время есть только мысль и ощущеніе героевъ. И тамъ, гдѣ нѣтъ чудесныхъ паузъ-мыслей, паузъ-ощущеній, гдѣ играютъ только талантливые люди, а время еще не научилось играть—тамъ нѣтъ Чехова и не будетъ. Вспомните, какъ плакали нѣмцы, не знающіе русскаго языка, когда съ ними со сцены Художественнаго театра заговорило своимъ интернаціональнымъ языкомъ паузъ *одушевленное* время чеховскихъ пьесъ! И уже одно то, что неуловимое время театръ такъ сумѣлъ подчинить своей великой художественной власти, дѣлаетъ театръ навѣки славнымъ и безсмертнымъ!

Одушевленное время, одушевленныя вещи, одушевленные люди—вотъ въ чемъ тайна очарованія чеховскихъ пьесъ, доселѣ не сходящихъ съ репертуара Художественнаго театра. Играетъ ли прислуга на балалайкѣ у воротъ, принося на сцену еле слышимый, почти угадываемый звукъ „Чижика“ (Ивановъ), заливается ли сверчокъ, какъ въ „Дядѣ Ванѣ“, лаютъ ли собаки, какъ въ „Вишневомъ саду“, бубенцы ли звенятъ, приносится ли крикъ съ пожара, проходитъ ли со свѣчей по темнымъ комнатамъ Наташа, ѣстъ ли Епиходовъ яблоко—все сводится къ одному: къ настроенію, все представляетъ собою не вещи дѣйствительности и не реальные звуки и голоса ея, а разсѣянныя въ пространствѣ мысли и ощущенія героевъ. Какъ любопытно, напр., что въ концѣ „Трехъ сестеръ“ всѣ герои драмы *мыслятъ и чувствуютъ тѣмъ военнымъ маршемъ*, который, какъ бы случайно, играютъ на улицѣ проходящіе солдаты; и разладъ ихней души выражается опять-таки не словами непосредственными и голыми, а тоже случайной, по видимости, фигурой дѣвушки съ арфой, ея нелѣпой и неумѣстной пѣсенкой: любила я, страдала я...

...*Игра во всю*—вотъ главнѣйшій, самый существенный признакъ, который кладетъ границу между старымъ и новымъ въ театрѣ: игра. Но что же такое: „игра“, театръ „игры“? И вотъ здѣсь я съ особенной силой чувствую ту почти безвыходность, когда о новыхъ вещахъ приходится говорить старыми словами, истинный смыслъ которыхъ исказился во время долгаго шатанія по свѣту. Къ такимъ словамъ прежде всего относится упомянутое слово „игра“ въ его примѣненіи къ театру. Затрепанное до послѣдней степени, примѣняемое вкривь и вкось, оно давно перестало понимать само себя. Вѣдь если „игра“ у Шекспира, то развѣ не „игра“ у Чехова? И развѣ не одинъ и тотъ же Качаловъ „играетъ“ и Гамлета, играетъ и „Иванова“—гдѣ же разница и въ чемъ она?

На это я отвѣчу, во-первыхъ, что Гамлета Качаловъ дѣйствительно „играетъ“ (хотя и очень желаетъ не дѣлать этого), а Чехова Качаловъ не играетъ, а дѣлаетъ какъ разъ что-то другое, для чего мы еще не имѣемъ точнаго и признаннаго термина. Когда романистъ или драматургъ-психологъ пишетъ своихъ героевъ, то „играетъ“ онъ ихъ или нѣтъ? Нѣтъ, онъ ихъ *переживаетъ*, творитъ, изображаетъ—все, что угодно, но только не играетъ. Ибо „игра“ есть нѣчто совсѣмъ отличное отъ того художественнаго процесса возсозданія живыхъ людей, который составляетъ основу творчества психологическаго. Игра есть *притворство*, и чѣмъ оно тоньше, умнѣе, красивѣе, тѣмъ игра лучше; психологическое творчество есть *правда*, и чѣмъ она очевиднѣе, строже, неподкупнѣе, чѣмъ дальше она отъ притворства, тѣмъ произведеніе выше и художественнѣе. Творя образы психологическіе, художникъ долженъ быть абсолютно искреннъ, не только вѣрить, но и знать, что вотъ именно таковой-то изображаемый съ этимъ именно носомъ, съ этой именно душой дѣйствительно и абсолютно существуетъ; и пусть читателю онъ покажетъ только спину его, для себя онъ долженъ знать всю его жизнь, каждый прыщикъ на его тѣлѣ, его сны и его явь. И совсѣмъ не долженъ быть искренъ писатель или драматургъ, если задача его дать игру,—избави Богъ, если онъ повѣритъ всерьезъ, что *маска* (синонимъ игры), надѣтая имъ, есть его подлинное и истинное лицо: играя, нужно вѣрить только наполовину, какъ тѣ *играющія* собаки, которыя только касаются другъ друга зубами, но не грызутъ.

И весь старый театръ есть театръ *притворства*—въ противоположность новому, который есть и будетъ театромъ *правды*. И вовсе не нужно показывать на сценѣ Арлекина и Панталоне, чистыхъ представителей comedia del'arte, чтобы видѣть театръ игры, театръ притворства: каждая старая и современная пьеса пронизана игрою, вся построена на притворствѣ, на маскѣ, вся пропитана той счастливой полуискренностью и автора и актеровъ, при которой никакая боль по-настоящему не больна, а только радуетъ эстетически. Театральныя слезы—этотъ потъ души, старающейся отдѣлаться отъ тяжелыхъ заболѣваній и страданія—столь же сладки, какъ и смѣхъ, и оправдываютъ негодующія слова искреннѣйшаго изъ писателей русскихъ, Вере-

саева: искусство хлещетъ насъ бичами, но бичи эти сплетены изъ розъ (цитирую на память). Очень возможно, что тотъ свистъ и вопли, которыми публика встрѣчаетъ теперешнія попытки дать драму психологическую, есть лишь показатель ея непривычки къ настоящимъ большимъ страданіямъ, не сладкимъ, а горькимъ слезамъ... какъ и отсутствіе публики на другихъ піесахъ показываетъ ея полное нежеланіе дольше мириться съ надоѣвшимъ притворствомъ театральнымъ.

Правда въ искусствѣ—вотъ лозунгъ грядущаго Возрожденія искусства, на порогѣ котораго мы стоимъ. И быть этому Возрожденію именно въ Россіи—въ это я твердо вѣрю. Но это между прочимъ.

И какъ нелѣпо говорить про Шаляпина, что онъ „поетъ“ Годунова, хотя то же слово вполнѣ примѣнимо къ Липковской, старательно поющей Віолетту—такъ и непримѣнимъ терминъ „играетъ“ къ актерамъ въ піесахъ Чехова на сценѣ Художественнаго театра. И эти понятія: актеръ *играетъ* и актеръ *переживаетъ* необходимо точно разграничить, даже репортеровъ научить, чтобы не смѣшивали. Но еще болѣе точно и строго надо отдѣлить другъ отъ друга старый театръ игры и новый психологическій театръ: здѣсь надо возвести высочайшій брандъ-мауэръ, стѣну изъ камня. *Маска*, лежащая въ самомъ основаніи театра притворства, роковымъ образомъ обрекаетъ его на вѣчную и нерасторжимую связь съ *зрѣлищемъ* и *дѣйствіемъ* во внѣшнихъ его проявленіяхъ. Но одни пути для правды и другіе пути для притворства—и тамъ, гдѣ такъ привольно для игры, тамъ тѣсно для творчества психологическаго, правды художественной. Такъ всякая свобода когда-нибудь становится рабствомъ; такъ дѣйствіе и зрѣлище, когда-то создавшія театръ, нынѣ становятся убійцами его, деспотами, съ которыми можетъ справиться только революція. И она уже началась съ приходомъ господина Кинемо, и музыкой ей служитъ трескъ разваливающагося стараго театра, свистъ недоумѣвающей публики и массовая забастовка драматурговъ. Ибо „оскудѣніе нашей драматической литературы“ есть въ концѣ концовъ лишь безсознательная и молчаливая забастовка тѣхъ, кто никакъ не хочетъ совмѣстить правду своего творчества литературнаго съ господствующей еще театральной ложью.

Вы посмотрите, какъ въ современной драмѣ безбожно ускорены всѣ психологическіе процессы и переживанія: любовь, ревность, гнѣвъ, подозрѣніе, болѣзнь, смерть (психологически), какъ поспѣшно взбирается актеръ по лѣстницѣ, гдѣ всѣ ступеньки сдвинуты и до самой колокольни всего только два шага. Чтобы яснѣе представить, какая жестокая неправда въ такомъ ускореніи, вообразите, что въ кинемо дается снимокъ похоронной процессіи, но что машинистъ пьянъ и пустилъ ленту съ утроенной быстротой: вдова бѣжитъ, скачутъ родственники, и самъ мертвецъ несется съ быстротою скаковой лошади—гдѣ тутъ похороны! И это есть первая и основная ложь театральной условной психологіи, отъ которой родятся безчисленныя маленькія лжи.

Старая драма знала и знаетъ только условную психологію—нѣчто совсѣмъ отличное и отъ психологіи жизненной и отъ литературной. О первой говорить не стану—она есть лишь виноградъ, изъ котораго еще нужно сдѣлать вино искусства; а въ литературѣ, въ ея лучшихъ образцахъ, мы встрѣчаемъ такую силу психологической разработки, при которой правда души, быть можетъ, узнается только впервые. Тьма, въ которую со временъ древнихъ была погружена душа человѣка, постепенно разсѣивается. Какъ море, гладкая поверхность для древнихъ, теперь мало-по-малу открываетъ тайны своихъ глубинъ, такъ лотъ психолога уже открылъ не мало сокровенныхъ тайнъ души, мѣстами—какъ у Достоевскаго—нащупалъ самое дно, тинистое и страшное, черное и глухое подъ массою прозрачныхъ водъ. Уже и въ сны проникъ психологъ-романистъ—въ ту таинственную область, гдѣ царятъ совсѣмъ особые законы: вспомните старую литературу, гдѣ люди какъ будто совсѣмъ не спали—такъ мало видятъ они сновъ!

...Главнымъ и царственнымъ свойствомъ всякаго крупнаго психологическаго произведенія является то, что изображаемое цѣликомъ поглощаетъ собою воспринимающаго, совершаетъ почти физическое чудо, поглощеніе одного „я“ другимъ—личностью автора и его героевъ. Пусть тѣло читателя или зрителя или слушателя будетъ находиться гдѣ угодно и какъ ему угодно: на постели, въ креслѣ зрительнаго зала, у полутемнаго окна, бросающаго послѣдній свѣтъ дня на страницы книги—душа его уже вошла въ книгу или музыку, стала звукомъ и словомъ ея. Внѣшне по виду и положенію своему онъ только зритель и читатель, на самомъ же дѣлѣ—онъ герой совершающагося. Развѣ кто-нибудь бываетъ „зрителемъ“ собственныхъ сновъ?

И тотъ пресловутый читатель, который „почитываетъ“, совершенно аналогичный тому зрителю, который „посматриваетъ“ — всегда есть лишь жертва автора или театра, самодовлѣющихъ въ своей игрѣ, званый, но не

избранный, приглашенный лишь для того, чтобъ подбирать крохи за столомъ у автора или актера. Они играютъ или они страдаютъ, и это его совершенно не касается: зачѣмъ только звали! И драма психологическая, та драма *новаго* театра, образцы которой дали каждый по-своему Чеховъ и Достоевскій, уже упразднила „зрителя“. Пусть это все тотъ же зрительный залъ Художественнаго театра, похожій на множество другихъ зрительныхъ заловъ, но зрителя въ немъ уже нѣтъ. То тѣло въ пиджакѣ, спокойное какъ у спящаго, что сидитъ въ креслѣ или на скамейкѣ—есть только видимость, которую просятъ не смѣшивать съ настоящимъ „зрителемъ“. Скажу дальше: во многихъ пьесахъ, помимо Чехова и Достоевскаго, уже встрѣчаются отдѣльныя сильныя и правдивыя мѣста, гдѣ истинный психизмъ уже проявляетъ всю силу заразительности своей; и когда доходитъ дѣйствіе до такого мѣста—*зрители* въ театрѣ изчезаютъ, публики нѣтъ, нѣтъ никого, кромѣ единой страдающей или радующейся души. Если вы способны сохранить спокойствіе и обычную наблюдательность даже въ такія минуты, то прислушайтесь къ молчащему залу: какъ многозначительно и даже страшно его молчаніе. Нѣсколько разъ я пробовалъ изъ-за кулисъ наблюдать за зрительнымъ заломъ, невидимымъ въ его обычной полутемнотѣ, и каждый разъ замѣчалъ одно: какъ бы нѣкій возвратъ отъ жизни къ смерти, отъ смерти къ жизни. То явится зритель, то исчезнетъ, то онъ есть, то его нѣтъ—какъ просто и даже наивно разрѣшалась для меня въ эти минуты „трудная“ задача о зрителѣ, котораго путемъ какихъ-то перемѣщеній, переноса его тѣла изъ одного мѣста въ другое, надо ввести въ хоровое начало!“

Существо театра.

Въ упомянутомъ сборникѣ „Въ спорахъ о театрѣ“ обращаетъ на себя вниманіе отрывокъ изъ подготовляемой къ печати книги кн. А. Сумбатова-Южина „Театръ“. Передъ нами интересная попытка заглянуть въ самую сущность театральнаго „дѣйства“, въ глубочайшую тайну взаимодѣйствія актера и зрителя. Мысли, развиваемыя въ данномъ отрывкѣ, пріобрѣтаютъ особенный интересъ въ виду многолѣтней сценической работы автора. Сотни, тысячи разъ имѣлъ онъ возможность лично испытать—въ горнилѣ сценическаго творчества—на самомъ себѣ почувствовать то сокровенное, что составляетъ душу театра. Еще большій интересъ пріобрѣтаютъ опытъ и плоды размышленій такого знатока дѣла въ наши дни театральныхъ блужданій и шатаній, въ дни безконечныхъ „споровъ о театрѣ“.

„Изъ того процесса, которымъ создается въ театрѣ художественный образецъ, спектакль, мы видимъ необходимость участія въ немъ двухъ живыхъ элементовъ—актера и зрителя, жизни творящей и жизни воспринимающей, которая *отражается неизбѣжно на самомъ актѣ творчества*. И актеръ и зритель знаютъ, про что я говорю. Всѣ они переживали въ театрѣ тѣ минуты, когда зала, охваченная игрой актера, отдаетъ ему свои нервы, свое напряженіе, всю свою душу. И онъ ихъ беретъ и прибавляетъ къ своимъ. Одинъ великій артистъ на вопросъ, откуда онъ беретъ краскъ отчаянія въ одномъ великомъ мѣстѣ великой драмы, отвѣтилъ, указывая на темный залъ—разговоръ шелъ въ антрактѣ репетиціи: „оттуда. Я только открываю ротъ, *она* уже кричитъ, а не я“.

Жизнь творящая создаетъ въ существѣ театра первый его элементъ — искусство. Жизнь воспринимающая создаетъ его второй элементъ.

Прежде чѣмъ найти ему названіе, необходимо разобраться, въ чемъ онъ выражается и что онъ производитъ. Только тогда намъ удастся назвать его такъ же опредѣленно, какъ мы назвали искусствомъ первый элементъ.

Именно „искусства“ въ этомъ второмъ элементѣ нѣтъ и слѣда. Ничья воля не обостряется и не направляется на образное осуществленіе зародившагося въ душѣ замысла, то-есть активнаго творчества въ этой работѣ воспріятія нѣтъ, значитъ, нѣтъ и искусства. Между тѣмъ, разъ нѣтъ толпы тутъ же, въ томъ же залѣ, который соединяется со сценой въ одно пространство послѣ того, какъ исчезъ занавѣсъ, разъ нѣтъ этихъ скопившихся жизней, этого объединеннаго въ одно собирательное цѣлое множества отдѣльныхъ душъ—нѣтъ и самого спектакля: остается подготовительное упражненіе со стороны *активныхъ* художниковъ, т.-е. актеровъ, если толпу не замѣняютъ отдѣльныя лица—товарищи, служащіе, рабочіе. Но вообразимъ, что кромѣ десяти участвующихъ въ пьесѣ актеровъ въ театрѣ нѣтъ никого, и эти десять актеровъ все-таки играютъ такъ, какъ играли бы передъ толпой. Тогда неизбѣжно—или для каждаго одного актера девять остальныхъ играли бы роль публики, и онъ отражался въ ихъ впечатлѣніяхъ и получалъ отъ нихъ то, что даетъ ему зала, или это было бы подготовительное упражненіе, при которомъ каждый изъ участниковъ дѣлалъ бы то же, что онъ дѣлаетъ одинъ въ своей комнатѣ, разучивая роль, т.-е. отдавался бы цѣ-

ликомъ охватившему его чувству, воплощалъ бы въ себѣ и претворялъ себя въ изображаемое лицо, словомъ, дѣлалъ бы все, что дѣлаетъ каждый художникъ надъ своимъ матеріаломъ, но самаго произведенія не было бы и слѣда, потому что спектакль есть не только осуществленіе замысла, какъ картина и статуя, а вмѣстѣ съ тѣмъ немедленное, непосредственное отраженіе воплощенія этого замысла въ другой душѣ.

Я настойчиво долженъ повторять это нѣсколько разъ, чтобы читатель почувствовалъ эту аксіому, единственно вѣрное опредѣленіе творимаго въ театрѣ образца искусства. Какъ при всемъ талантѣ, въ моменты высшаго вдохновенія, обладая всѣми красками на своей палитрѣ, дивными кистями, натурой—всѣмъ, что нужно для того, чтобы писать картину—художникъ безсиленъ создать ее, если ему не на чемъ ее написать, нѣтъ холста, стѣны, доски, бумаги—какого бы то ни было экрана, такъ не можетъ актеръ или актеры создать образецъ своего искусства безъ живого экрана—воспринимающей жизни. Публика для актера—это холстъ для художника, но холстъ живой, отзывчивый, помогающій, дополняющій художника, зажигающій его своимъ дыханіемъ, съ любовью и радостью купающій свою душу, свою мысль, нервы и сознаніе въ потокахъ его вдохновеній, отдаваясь ему, какъ женщина, и *какъ женщина создавая въ себѣ его дитя*, питающая его всѣми соками своего существа. Но вся эта великая тайна сближенія, зачатія, рожденія, жизни и—непремѣнно—смерти ребенка происходитъ въ теченіе двухъ, трехъ, четырехъ часовъ. Затѣмъ осталось воспоминаніе, уцѣлѣли въ душѣ отраженія пережитаго. Сама душа, переживая эти нѣсколько часовъ, переработала во что-то свое то, что она восприняла, можетъ быть сама измѣнилась въ чемъ-то, но само дитя—былъ мимолетный, созданный изъ одного духа образецъ красоты. Онъ *былъ*, былъ реально, *жилъ*, существовалъ. Но онъ, именно онъ, а не ему подобные, не будетъ никогда больше ни жить, ни существовать, потому что *неспособна душа человѣка быть мертвымъ фиксирующимъ полотномъ или мраморомъ*.

Однако, эта душа толпы, вѣрнѣе, душа каждаго изъ людей этой толпы „сохранила“ отраженія пережитаго и переработала его, даже сама измѣнилась въ чемъ-то. Кромѣ того, она волновалась и горѣла вмѣстѣ съ художникомъ, она участвовала въ его творчествѣ своими духовными силами, отдавая ему черезъ невидимыя нити свою любовь, свои волненія, какъ электрическіе токи. И хотя не она была творческимъ источникомъ созданія, но участіе ея настолько важно, что безъ него немыслимъ самый процессъ созданія образца.

И это близкое участіе оригинальной формы, не встрѣчающееся ни въ одномъ изъ другихъ видовъ искусства, гдѣ только воспринимаютъ уже созданное, не участвуя въ самомъ созданіи,—и результаты этого участія, неизбѣжно отражающіеся на духовной жизни людей—все это создаетъ изъ спектакля такъ же неповторяющійся въ другихъ образцахъ искусства двойной характеръ.

Спектакль съ одной стороны—образецъ искусства, какъ картина, какъ статуя, какъ поэма, съ другой—это общественное дѣло широкаго духовнаго значенія. Изъ этихъ двухъ элементовъ и состоитъ существо театра.

Ихъ нельзя отдѣлить другъ отъ друга безъ того, чтобы не исчезъ самый театръ. Повторяю еще разъ,—если зала не участвуетъ какъ воспринимающая жизнь, одно искусство актера не только безполезно, но его просто нѣтъ, такъ какъ оно ни на чемъ не отразилось, ни на чемъ не выявилось. Остался человѣкъ, который *можетъ* создать картину, носить ее въ душѣ, но не создалъ ее, потому что не на чемъ ее было написать. И обратно, если зала собралась, но нѣтъ художника, вызывающаго къ жизни ея духовныя силы, значитъ нѣтъ ничего, кромѣ сборища людей, изъ которыхъ одни говорятъ и волнуются на сценѣ, а другіе слушаютъ, смотрятъ и... разсуждаютъ о томъ, что видятъ и слышатъ въ залѣ. Каждый самъ по себѣ. Если образы сцены не дышатъ творчествомъ, нѣтъ искусства, а значитъ нѣтъ и его отраженія. Если въ этомъ случаѣ со сцены показать чудныя декораціи, значитъ сцена стала огромнымъ мольбертомъ на выставкѣ, а не театромъ. Если со сцены пламенно произносятся глубочайшія истины и въ каждой тирадѣ актеровъ слышенъ авторъ, но нѣтъ живыхъ переживаній живыми людьми—значитъ сцена стала каѳедрой проповѣдника или мыслителя, вѣрнѣе, ихъ фонографомъ, а не театромъ. Если на сценѣ „артисты“ демонстрируютъ красоту формы или движеній—это уменьшенный съѣздъ соколовъ или гимнастическихъ обществъ или имитація давнымъ-давно истлѣвшихъ формъ обрядовыхъ праздничествъ, а не театръ.

Театръ—воплощеніе духа жизни въ художественныхъ образахъ, всѣхъ глубинъ человѣческаго существованія, человѣческой мысли, страданій и радостей, а *живой человѣкъ* со всѣмъ неизмѣримымъ богатствомъ его мечтаній, чувствъ и переживаній и со всѣмъ разнообразіемъ его индивидуальныхъ внѣшнихъ формъ,

а также его дѣйствій—*единственный объектъ театра и какъ искусства, и какъ общественнаго дѣла*".

Огрубѣніе театра.

„Нѣкогда Драгомировъ издалъ нашумѣвшій приказъ, начинавшійся словами:

— Въ нѣкоторыхъ частяхъ дерутся.

Не знаю, какъ теперь обстоитъ въ воинскихъ частяхъ, но на театрахъ дерутся.

Въ прошломъ году дрались въ пьесѣ Леонида Андреева „Профессоръ Сторицынъ", а въ нынѣшнемъ вотъ уже въ третьей новинкѣ дерутся.

Дерутся въ идущей въ Москвѣ пьесѣ гр. А. Толстого „Наслѣдники", дерутся въ „Ревности" Арцыбашева, дерутся и въ пьесѣ Сургучева „Торговый домъ".

Случайно ли это или и тутъ вѣетъ нѣкій общій духъ, духъ современности, носящійся надъ жизнью нашей?

Нѣтъ ли тутъ связи съ этимъ разливомъ разнузданной дикости, съ этой вакханаліей звѣрства, знаменующей наши дни?

Дерутся теперь на сценѣ не символически какъ-нибудь—даже въ пощечинѣ, какъ она ни гнусна, главенствуетъ желаніе оскорбить надъ стремленіемъ причинить боль — нѣтъ, дерутся отвратительно, грубо, и дѣлаютъ изъ этого зрѣлище невыносимое.

Впрочемъ, послѣднее невѣрно. Зрѣлище драки на сценѣ вызываетъ лишь рѣдкіе, единичные протесты, а въ общемъ публика смотритъ и даже похваливаетъ.

Очевидно, авторы чувствуютъ, что нужно теперь публикѣ, чувствуютъ, по крайней мѣрѣ, какое зрѣлище можно теперь безнаказанно предложить публикѣ". (С. Любошъ. „Совр. Сл." № 2084).

„Князь отскакиваетъ, и въ ту же секунду Сергѣй Петровичъ бьетъ его по лицу.

. . . . . .

. . . бросается на него. Безобразная драка

. . . . . .

. . . . вбѣгаетъ лакей и бросается на князя. Общая короткая свалка, хриплое звѣриное рычаніе, и князь вылетаетъ за дверь . . . . . .

. . . . . .

(лакей) выталкиваетъ князя въ прихожую и закрываетъ за собой дверь. Слышенъ шумъ борьбы и голосъ князя: „Хамъ! Какъ ты смѣешь"... потомъ стукъ двери. Все стихаетъ. Лакей возвращается, очень довольный собою"*).

*) „Ревность" М. Арцыбашева.

Такой театръ пришелъ къ намъ только теперь, появился въ послѣдніе годы. Прежде знали, какъ трудно представить драку на сценѣ (до театра натуральнаго ее не представляли), чтобы не оскорбить зрителей. И я вспоминаю, что когда лѣтъ пятнадцать тому назадъ — въ пьесѣ „Злая яма" показывали на сценѣ, какъ одинъ человѣкъ бьетъ другого по лицу, то писали въ газетахъ статьи за и противъ этого: такъ театральная зала была смущена зрѣлищемъ. И до нашихъ дней я не запомню, чтобы у насъ дрались на театрѣ, не разрѣшая или не пытаясь разрѣшить того впечатлѣнія, которое это должно производить со сцены.

Такъ трудно на театрѣ грубое. Театръ его не допускаетъ, или допускаетъ только тогда, когда за грубымъ стоитъ ужасное, отчего грубое принимаетъ трагическій образъ. Но нашему широкому театру теперешнему, какъ лакею, который участвуетъ въ дракѣ, то и нравится, что „драка безобразная". Нравится „общая свалка, хриплое звѣриное рычаніе" и то, какъ „князь вылетаетъ за дверь". Послѣднее опредѣленіе даже совсѣмъ лакейскаго жаргона: „вылетаетъ за дверь". Войдя во вкусъ, театръ желаетъ еще показать, какъ лакей „выталкиваетъ князя въ прихожую" и хочетъ, чтобы послѣ того былъ еще слышенъ „шумъ борьбы" за сценою. Вкусъ къ „безобразной дракѣ" — это совсѣмъ новый вкусъ на русской сценѣ. Сцена драки заканчивается тѣмъ, что „лакей возвращается, очень довольный собою". Театръ хочетъ сказать: вотъ какой вкусъ у лакея. Театръ думаетъ, что у него самого, у его актеровъ и его зрителей, другой вкусъ.

Но въ тайнѣ ему самому больше всего на свѣтѣ нравится, какъ „совершенно неожиданно, коротко размахнувшись, мужъ бьетъ ее (жену) по головѣ". (П. Ярцевъ. „Рѣчь" № 286).

„Въ Петербургѣ съ несчастными актерами представляли пьесу, въ которой показывали донитки раздѣтую женщину. Люди серьезные находили, что обнаженіе въ этой пьесѣ годится только для тупыхъ зрителей, потому что это не возвышенное обнаженіе. Такая была мысль людей серьезныхъ. Но знаменательно, что никто не рѣшился сказать, что показывать на театрѣ эту несчастную женщину стыдно (а между тѣмъ, нельзя, чтобы никто этого не чувствовалъ), а всѣ спѣшили прибавить, что для цѣлей поэтическихъ это можно и даже ничего лучше нѣтъ, только надо, чтобы были высокія поэтическія цѣли. Таковъ результатъ эстетическаго воспитанія театральныхъ зрителей

которое совершилось въ короткое время у насъ на глазахъ.

Это невѣрно, что въ театрѣ можно все, даже если и не всякому. И невѣрно, будто вкусъ къ женской наготѣ, что̀ рядомъ со вкусомъ къ безобразной дракѣ появился у насъ въ театрѣ, преслѣдуетъ высокія поэтическія цѣли. Если для того, чтобы очистить на сценѣ то, какъ одинъ человѣкъ бьетъ другого по лицу, надобенъ очень талантливый и благородный театръ, то для того, чтобы показать на театрѣ очищенной наготу, — надобенъ театръ геніальный. У теперешняго же нашего широкаго театра къ наготѣ лакейскій вкусъ.

„Лакей стоитъ въ позѣ почтительнаго ожиданія и украдкой разсматриваетъ барыню (барыня въ распахнутомъ капотѣ), при каждомъ ея движеніи принимая безстрастный видъ“.

Любострастная игра у лакея ничѣмъ не оправдывается, кромѣ того, что лакей—мужчина, а передъ лакеемъ женщина въ распахнутомъ капотѣ. Здѣсь нѣтъ того, что, напримѣръ, есть въ страшной пьесѣ Стриндберга „Барышня Юлія“, перенасыщенной сладострастіемъ. Тамъ барышня отдается лакею. Но тамъ—такъ какъ это художество—у лакея нѣтъ подлой игры, а есть игра страшная. Тамъ на сценѣ лакей отрубаетъ голову у птички, которую барышня взяла съ собой, собираясь бѣжать съ лакеемъ (эту сцену, разъ увидавши, никогда нельзя забыть). Такъ тамъ бури въ крови выражаются, такъ выражается жестокое чувство мужчины къ женщинѣ, которою только что онъ овладѣлъ. Тамъ лакей нуженъ потому, что онъ плебей, потому что нужно грубое; но тамъ грубое перестаетъ быть грубымъ, потому что становится страшнымъ. Здѣсь же у лакея нѣтъ даже роли въ представленіи. Здѣсь есть то, что театры, распахивая на сценѣ женщинамъ капоты, представляютъ себѣ дѣло такъ, что всѣ мужчины, до лакея включительно, которые будутъ выходить на сцену, станутъ на это смотрѣть, и отъ этого выйдетъ художество“. (П. Ярцевъ. Тамъ же).

Изъ литературнаго прошлаго.

Л. Толстой. Тургеневъ. Гаршинъ.

[92(Т: Т: Г)].

Новыя главы „Моихъ воспоминаній“ гр. И. Л. Толстого въ „Рус. Сл.“,—уже доведенныхъ до конца,—попрежнему даютъ обильный и важный матеріалъ для характеристики Л. Н., его духовнаго облика, и вообще для біографіи его. Кромѣ того, здѣсь мы найдемъ два-три интереснѣйшихъ факта, касающихся другихъ покойныхъ писателей, которыхъ приходилось видѣть автору воспоминаній въ дѣтствѣ.

Толстой-сынъ подробно вспоминаетъ о томъ, какъ отразился на нихъ, на дѣтяхъ, извѣстный религіозно-нравственный переломъ отца.

„... Мы все чаще и чаще стали слышать отъ него сначала осужденіе, а потомъ и полное отрицаніе всякихъ церковныхъ обрядовъ и условностей.

Въ одинъ изъ постовъ, за обѣдомъ, отъ учителей, которые одни только ѣли скоромное, остались двѣ мясныя котлетки, которыя лакей отставилъ на другой столъ. Взглянувъ на нихъ, папа велѣлъ мнѣ подать блюдо и, къ ужасу всѣхъ насъ, началъ ихъ ѣсть и похваливать. Видя такое отношеніе отца, скоро и мы охладѣли къ постамъ, и наше молитвенное настроеніе смѣнилось полнымъ религіознымъ равнодушіемъ.

Онъ весь ушелъ въ свои новыя исканія и сразу рѣзко отшатнулся отъ своей прежней жизни. Это отрицаніе всего, чѣмъ жила наша семья до сего времени, стало болѣзненно чувствоваться всѣми нами. Я, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, чувствовалъ что папа̀ все больше и больше отъ насъ уходитъ и что наши интересы для него не только безразличны, но и чужды и противны.

Онъ сталъ сумраченъ, раздражителенъ, часто изъ-за пустыхъ мелочей ссорился съ мама̀, и изъ прежняго веселаго и жизнерадостнаго руководителя и товарища онъ обратился въ нашихъ глазахъ въ строгаго проповѣдника и обличителя.

Все чаще и чаще слышали мы отъ него рѣзкія порицанія пустой барской жизни, обжорства, обиранія трудового народа и праздности.

— „Мы вотъ сидимъ въ теплыхъ комнатахъ, а нынче на шоссе нашли замерзшаго человѣка. Онъ замерзъ потому, что никто не пустилъ его ночевать.

„Мы объѣдаемся котлетами да разными пирожными, а въ Самарѣ народъ тысячами пухнетъ и умираетъ съ голода.

„Мы ѣздимъ на лошадяхъ купаться, а у Прокофія околѣлъ послѣдній меринъ, и ему не на чемъ вспахать загонъ.

„Мы еще дрыхнемъ, а портной уже успѣлъ сбѣгать въ Тулу и назадъ за крючками на наши же полушубки“...

Не могу сказать, чтобы такія простыя слова отца не были понятны даже для дѣтей. Мы, конечно, ихъ понимали. Но это мѣшало нашему эгоистическому дѣтскому счастью и рѣзко нарушало всю нашу жизнь.

Затѣвается въ Ясной любительскій спектакль. Пріѣхали двѣ баронессы Менгденъ, Нуня Новосильцева, Кисленскіе. Всѣмъ весело. Игры, крокетъ, разговоры о влюбленіи. Вдругъ придетъ папа и однимъ словомъ или, даже хуже, однимъ взглядомъ возьметъ и испортитъ все. И становится скучно и иногда даже какъ-будто немного стыдно. Лучше бы онъ не приходилъ.

Ему не хочется нарушать наше веселье, — вѣдь онъ насъ всѣхъ очень любитъ, — а все-таки выходитъ такъ, что испортилъ. Ничего не сказалъ, а подумалъ.

И мы всѣ знаемъ, что, — и отъ этого намъ такъ непріятно.

Между тѣмъ, жизнь нашей семьи направленная по опредѣленному руслу, продолжала течь и развиваться. Все тотъ же Николай поваръ, тотъ же „анковскій пирогъ“, перенесенный къ намъ изъ семьи Берсовъ и уже успѣвшій пустить глубокіе корни въ Ясной Полянѣ, тѣ же гувернеры и гувернантки, тѣ же уроки, тѣ же грудныя дѣти, которыхъ постоянно кормитъ мама, — всѣ эти незыблемые устои, на которыхъ опиралась жизнь нашего муравейника, были еще прочны и такъ же, какъ и раньше, всѣмъ намъ эгоистически необходимы.

Правда, чувствовалась нѣкоторая тяжелая раздвоенность; чувствовалось, что чего-то главнаго стало нехватать, потому что папа все больше и больше сталъ отъ насъ отходить; часто бывало очень и очень тяжело, но измѣнить жизнь такъ, какъ хотѣлъ этого онъ, мы не могли, потому что это казалось намъ совершенно немыслимымъ.

Въ борьбѣ идеи съ традиціями, въ борьбѣ „жизни по-Божьи“ съ „анковскимъ пирогомъ“ случилось то, что всегда случается въ подобныхъ случаяхъ въ жизни людей: традиціи побѣдили, а идеи сдѣлали только то, что онѣ своей горечью немножко испортили сладость нашего пирога.

Какъ можно было совмѣстить жизнь „по-Божьи“, жизнь странниковъ и мужиковъ, которыми такъ восхищался папа, съ тѣми непогрѣшимыми основами, которыя были внушены намъ съ самой нашей колыбели: съ непремѣнной обязанностью ѣсть за обѣдомъ супъ и котлеты, съ говореніемъ по-англійски и по-французски, съ приготовленіемъ насъ въ гимназію и университетъ, съ ученіемъ роли къ любительскому спектаклю?

И часто намъ, дѣтямъ, казалось, что не мы не понимаемъ папа, а какъ разъ наоборотъ: онъ насъ пересталъ понимать, потому что онъ занятъ чѣмъ-то „своимъ“.

Это „свое“ были его новыя мысли и кучи книгъ, которыя появились у него въ кабинетѣ.

Онъ привезъ откуда-то цѣлыя горы разныхъ житій святыхъ, прологовъ и поученій отцовъ церкви и цѣлыми днями, запершись внизу, въ своемъ кабинетѣ, сидѣлъ, читалъ и что-то думалъ.

Къ обѣду онъ выходилъ мрачный, задумчивый, и когда разговаривалъ, то говорилъ только о „своемъ“ и былъ для всѣхъ насъ скученъ и неинтересенъ.

Вспоминая это время, я съ глубокимъ ужасомъ представляю себѣ его душевное состояніе.

Придя къ полному отрицанію всего того, чему онъ до этого молился, придя къ отрицанію той патріархальной барской жизни, которую онъ только что съ любовью описывалъ и которую создалъ себѣ самъ, придя къ отрицанію всей своей предыдущей дѣятельности, начиная съ войны и кончая литературной славой, семьей и религіей, — какъ ужасно должно было быть для него одиночество!

И оно было еще ужаснѣе тѣмъ, что это было одиночество человѣка въ чуждой ему толпѣ.

Начавъ съ отрицанія и еще не найдя тѣхъ положительныхъ началъ любви, которыя впослѣдствіи дало ему изученіе Евангелія и которыя легли въ основу всего его міросозерцанія, онъ метался, какъ человѣкъ, приговоренный къ смерти, и въ продолженіе двухъ лѣтъ боролся съ искушеніемъ самоубійства.

Тогда онъ пряталъ отъ себя шнурокъ, чтобы не повѣситься на перекладинѣ между шкапами въ своей комнатѣ, гдѣ каждый вечеръ бывалъ одинъ, раздѣваясь, и пересталъ ходить съ ружьемъ на охоту, чтобы не соблазниться слишкомъ легкимъ способомъ избавленія себя отъ жизни („Исповѣдь“, стр. 21).

А мы не понимали его.

И когда онъ, не выдерживая натиска мучившихъ его мыслей, выливалъ ихъ передъ нами, — мы испуганно сторонились, чтобы онъ не испортилъ намъ нашего дѣтскаго эгоистическаго счастья.

Правда, иногда онъ вникалъ въ нашу жизнь, интересовался нашими уроками и старался примѣняться къ нашему пониманію, но чувствовалось, что онъ это дѣлаетъ искусственно, натянуто, не какъ отецъ, а какъ учитель. Онъ это сознавалъ и самъ“.

Говоря объ отцѣ, какъ воспитателѣ, И. Л. пишетъ:

„Папа почти никогда не заставлялъ насъ что-нибудь дѣлать, а выходило всегда такъ, что мы, какъ будто по своему собственному желанію и почину, дѣлали все такъ, какъ онъ этого хотѣлъ.

Мама часто бранила насъ и наказывала, а онъ, когда ему нужно было заставить насъ что-нибудь сдѣлать, только пристально взглядывалъ въ глаза, и его взглядъ былъ понятенъ и дѣйствовалъ сильнѣе всякаго приказанія.

Вотъ разница между воспитаніемъ отца и матери. Бывало, понадобится на что-нибудь двугривенный. Если итти къ мамѣ, она начнетъ подробно разспрашивать, на что нужны деньги, наговоритъ кучу упрековъ и иногда откажетъ. Если пойти къ папѣ, онъ ничего не спроситъ,— только посмотритъ въ глаза и скажетъ: „Возьми на столѣ“.

И, какъ бы ни былъ нуженъ этотъ двугривенный, я никогда не ходилъ за нимъ къ отцу, а всегда предпочиталъ выпрашивать его у матери.

Громадная сила отца, какъ воспитателя, заключалась въ томъ, что отъ него, какъ отъ своей совѣсти, прятаться было нельзя.

Онъ все зналъ, и обманывать его было то же самое, что обманывать себя. Это было и тяжело, и невыгодно.

Особенно ярко отразилось на мнѣ вліяніе отца въ вопросѣ о женитьбѣ и въ отношеніи моемъ къ женщинамъ до брака.

Иногда какая-нибудь мелочь, какое-нибудь случайное слово, сказанное человѣку кстати, оставляетъ глубокій слѣдъ и потомъ вліяетъ на всю его жизнь. Такъ было и со мной.

Какъ-то утромъ бѣгу я внизъ по длинной, прямой лѣстницѣ ясенскаго дома, перескакивая сразу по двѣ ступеньки, и, по всегдашней привычкѣ, послѣднія нѣсколько ступеней спрыгиваю смѣлымъ и ловкимъ гимнастическимъ прыжкомъ.

Мнѣ было лѣтъ 16, я былъ силенъ, и прыжокъ вышелъ дѣйствительно красивъ.

Въ это время навстрѣчу мнѣ шелъ отецъ; увидавъ мой стремительный размахъ, онъ остановился передъ лѣстницей и разставилъ руки, чтобы поддержать меня, если я не удержусь на ногахъ и упаду.

Я ловко присѣлъ на обѣ ноги, поднялся передъ нимъ и поздоровался.

— Экій ты молодецъ!—сказалъ онъ улыбаясь и, очевидно, любуясь моей юношеской энергіей.—Въ деревнѣ такого молодца давно бы женили, а ты вотъ не знаешь, куда силы дѣвать.

Я ничего не отвѣтилъ, но эти слова произвели на меня впечатлѣніе громадное.

Меня поразилъ не упрекъ отца въ бездѣятельности, а для меня было ново то, что я дѣйствительно дорослъ до того, что меня „женить пора“.

Я зналъ, что отецъ очень ревниво относился къ цѣломудрію молодыхъ людей, зналъ, какъ онъ цѣнилъ въ этомъ отношеніи чистоту, и поэтому ранняя женитьба показалась мнѣ наилучшимъ рѣшеніемъ этого труднаго вопроса, мучающаго всякаго думающаго мальчика въ пору его возмужалости.

Я не могу предполагать, чтобы отецъ, сказавъ мнѣ эту фразу, предвидѣлъ то впечатлѣніе, которое она на меня произведетъ, но, несомнѣнно, что эти слова были сказаны отъ всего сердца, и поэтому они оставили во мнѣ громадный слѣдъ.

Я понялъ не только ихъ прямой смыслъ, но и все то, что было въ нихъ недосказано и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, было такъ значительно.

...Деликатность отца въ отношеніяхъ съ нами доходила до застѣнчивости. Были вопросы, которые онъ не рѣшался затрогивать, боясь этимъ сдѣлать больно.

Я не забуду того, какъ одинъ разъ въ Москвѣ (два-три года спустя послѣ описаннаго) онъ сидѣлъ и писалъ въ моей комнатѣ, за моимъ столомъ, а я невзначай забѣжалъ туда для того, чтобы переодѣться.

Моя кровать стояла за ширмами, и оттуда я не могъ видѣть отца.

Услышавъ мои шаги, онъ, не оборачиваясь, спросилъ:

— Илья, это ты?

— Я.

— Ты одинъ? Затвори дверь. Теперь насъ никто не услышитъ, и мы не видимъ другъ-друга, такъ что намъ не будетъ стыдно. Скажи мнѣ, ты когда-нибудь имѣлъ дѣло съ женщинами?

Когда я ему сказалъ, что нѣтъ, я вдругъ услыхалъ, какъ онъ началъ всхлипывать и рыдать, какъ маленькій ребенокъ.

Я тоже разревѣлся, и мы оба долго плакали хорошими слезами, раздѣленные ширмами, и намъ не было стыдно, и было такъ хорошо, что я эту минуту считаю одной изъ самыхъ счастливыхъ во всей моей жизни.

Никакіе доводы, никакія разсужденія не могли бы дать мнѣ того, что я пережилъ тогда. Такія слезы шестидесятилѣтняго отца не забываются даже въ минуты самыхъ сильныхъ искушеній“.

Объ отношеніяхъ Толстого къ женѣ сынъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ немного, но и среди этого рода данныхъ попадаются подробности, производящія впечатлѣніе.

Въ 1906 году Софья Андреевна была очень опасно больна. Наступилъ такой моментъ, когда лѣчившій ее проф. В. Снегиревъ заявилъ кате-

горически, что если не сдѣлать операціи сейчасъ же, то больная умретъ.

Л. Н., совершенно не вѣрившій въ пользу операціи, не сталъ однако противиться ей.

„Во время самой операціи онъ ушелъ въ „Чепыжъ“ и тамъ ходилъ одинъ и молился.

— Если будетъ удачная операція, позвоните мнѣ въ колоколъ два раза, а если нѣтъ, то... Нѣтъ, лучше не звоните совсѣмъ, я самъ приду,— сказалъ онъ, передумавъ, и тихо пошелъ къ лѣсу.

Черезъ полчаса, когда операція кончилась, мы съ сестрой Машей бѣгомъ побѣжали искать папа.

Онъ шелъ намъ навстрѣчу, испуганный и блѣдный.

— Благополучно! Благополучно! — издали закричали мы, увидавъ его на опушкѣ.

— Хорошо, идите, я сейчасъ приду,— сказалъ онъ сдавленнымъ отъ волненія голосомъ и повернулъ опять въ лѣсъ“.

Сергѣй Николаевичъ Толстой, хорошо съ дѣтства знавшій своего брата, не разъ говаривалъ про Л. Н.:

— Вѣдь это онъ такъ проповѣдуетъ про смиреніе да непротивленіе, а самъ онъ гордый.

Иллюстраціей къ этимъ словамъ можетъ служить столкновеніе Л. Н. съ московской администраціей изъ-за Сютаева, который въ 1881 г. пріѣхалъ въ Москву и жилъ въ домѣ Толстыхъ.

Генералъ-губернаторъ кн. Долгорукій послалъ жандармскаго ротмистра вынѣдать у Л. Н., каковы убѣжденія этого подозрительнаго тверского крестьянина и вообще какую роль онъ играетъ въ Москвѣ, да и скоро ли уѣдетъ къ себѣ домой.

„Я не забуду, какъ отецъ принялъ этого жандарма въ своемъ кабинетѣ, потому что я никогда не думалъ, чтобы онъ могъ до такой степени разсердиться.

Не подавая ему руки и не попросивъ его сѣсть, отецъ говорилъ съ нимъ стоя.

Выслушавъ просьбу, онъ сухо сказалъ, что онъ не считаетъ себя обязаннымъ отвѣчать на эти вопросы.

Когда ротмистръ началъ что-то возражать, папа поблѣднѣлъ, какъ полотно, и, показывая ему на дверь, сдавленнымъ голосомъ сказалъ: „Уходите, ради Бога, уходите отсюда поскорѣй. Я васъ прошу уйти!“ — крикнулъ онъ, уже не сдерживаясь, и, еле давъ растерявшемуся жандарму выйти, онъ изо всѣхъ силъ прихлопнулъ за нимъ дверь.

Послѣ онъ раскаивался въ своей горячности, очень жалѣлъ, что не сдержался и поступилъ грубо съ человѣкомъ, но все-таки, когда не унявшійся генералъ-губернаторъ прислалъ къ нему черезъ нѣсколько дней опять затѣмъ же своего чиновника Истомина, онъ никакихъ объясненій ему не далъ, сказавъ коротко, что если Владиміру Андреевичу хочется его видѣть, то никто не мѣшаетъ ему пріѣхать къ нему самому.

Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта исторія съ придирками администраціи, если бы Сютаевъ вскорѣ послѣ этого не уѣхалъ“.

Въ цитируемыхъ „Воспоминаніяхъ“ записано нѣсколько характерныхъ для Л. Н. отзывовъ его.

„Революціонеръ и христіанинъ,— говорилъ какъ-то Толстой,— стоятъ на двухъ крайнихъ точкахъ несомкнутаго круга. Поэтому ихъ близость только кажущаяся. Въ сущности, болѣе отдаленныхъ другъ отъ друга точекъ нѣтъ. Для того, чтобы имъ сойтись, надо вернуться назадъ и пройти весь путь окружности“.

Про толстовцевъ Л. Н. говаривалъ, что это — наиболѣе чуждая и непонятная ему секта. „Вотъ скоро я умру,— съ грустью предсказывалъ онъ,— и будутъ люди говорить, что Толстой училъ пахать землю, косить и шить сапоги, а то главное, что я всю жизнь силюсь сказать, во что я вѣрю и что важнѣе всего,— это они забудутъ“.

Заслуживаютъ также вниманія слова, сказанныя имъ о Владиміре Соловьевѣ.

„Соловьевъ, какъ мыслитель,— вспоминаетъ Н. Л.,— никогда не былъ близокъ моему отцу, и очень скоро онъ пересталъ его интересовать совсѣмъ. Отецъ считалъ его человѣкомъ „головнымъ“ и примѣнялъ къ нему эпитетъ „протоіереевъ сынъ“.

— Такихъ много,— говорилъ онъ.— „Протоіереевъ сынъ“, это — человѣкъ, живущій исключительно тѣмъ, что ему даетъ книга. Начитается и дѣлаетъ изъ прочитаннаго выводы. А *своего собственнаго*, самаго дорогого, у него ничего нѣтъ. Есть и среди протоіереевыхъ дѣтей умные люди, какъ, напримѣръ, Страховъ. Онъ былъ даже очень уменъ, и если бы онъ думалъ *отъ себя*, онъ былъ бы великъ, а вотъ въ этомъ и было его несчастье, что онъ тоже былъ „протоіереевъ сынъ“.

Съ Тургеневымъ Толстой, какъ извѣстно, много лѣтъ былъ въ ссорѣ и когда-то даже вызывалъ его на дуэль. Помирились они въ 1878 году, когда Тургеневъ два раза побывалъ въ Ясной Полянѣ. Но уже настоящей дружбы не могло быть между ними; слишкомъ разныя были натуры. Въ слѣдующій — послѣдній — свой пріѣздъ въ Россію, въ 1880 г., Тургеневъ опять заглянулъ къ Толстымъ. И вотъ тогда произошелъ тотъ случай на охотѣ,

о которомъ разсказываетъ авторъ воспоминаній,—случай, бросающій яркій свѣтъ на обоихъ великихъ писателей и показывающій лишній разъ, что *великіе* люди все-таки *люди*...

„...Мы пошли всей компаніей, т.-е. папа, мама и мы, дѣти, за Воронку.

Папа поставилъ Тургенева на лучшее мѣсто, а самъ сталъ шагахъ въ полутораста отъ него, на другомъ концѣ той же поляны.

Мама стояла съ Тургеневымъ, а мы, дѣти, невдалекѣ отъ нихъ развели костеръ.

Папа стрѣлялъ нѣсколько разъ и убилъ двухъ вальдшнеповъ, а Ивану Сергѣевичу не везло, и онъ все время завидовалъ счастью отца.

Наконецъ, когда стало уже темнѣть, на Тургенева налетѣлъ вальдшнепъ, и онъ его убилъ.

— Убили?— крикнулъ отецъ съ своего мѣста.

— Камнемъ упалъ, пришлите собаку поднять,—отвѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.

Папа послалъ насъ съ собакой. Тургеневъ указалъ намъ, гдѣ искать вальдшнепа, но, какъ мы ни искали, какъ ни искала собака, вальдшнепа не было.

Наконецъ, подошелъ Тургеневъ, пришелъ папа,—вальдшнепа нѣтъ.

— Можетъ-быть, подранили, могъ убѣжать,—говорилъ папа, удивляясь,—не можетъ быть, чтобы собака не нашла: она не можетъ не найти убитой птицы.

— Да нѣтъ же, Левъ Николаевичъ, я видѣлъ ясно, говорю вамъ: камнемъ упалъ, не раненый, а убитый наповалъ,—я знаю разницу.

— Но почему же собака его не находитъ? Не можетъ быть, что-нибудь не то.

— Не знаю, но только скажу вамъ, что я не лгу: камнемъ упалъ,—настаивалъ Тургеневъ.

Такъ вальдшнепа и не нашли, и остался какой-то непріятный осадокъ, какъ-будто кто-то изъ двухъ не совсѣмъ правъ. Или Тургеневъ, говоря, что онъ убилъ вальдшнепа наповалъ, или папа, утверждая, что собака не можетъ не найти убитой птицы.

И это случилось какъ разъ тогда, когда обоимъ такъ хотѣлось избѣжать всякихъ недоразумѣній.

Вѣдь для этого они даже избѣгали серьезныхъ разговоровъ и проводили время только въ пріятныхъ развлеченіяхъ...

Вечеромъ, прощаясь съ нами, папа тихонько шепнулъ намъ, чтобы мы утромъ, пораньше, пошли опять на это мѣсто и поискали бы *хорошенько*.

И что же оказалось?

Вальдшнепъ, падая, застрялъ въ развилинѣ, на самой макушкѣ осины, и мы насилу его оттуда вышибли.

Когда мы торжественно принесли его домой, это было цѣлое событіе, которому папа и Тургеневъ радовались еще гораздо больше, чѣмъ мы.

Оба они оказались правы, и все кончилось къ обоюдному удовольствію".

Изъ другихъ пріѣзжавшихъ въ Ясную Поляну писателей И. Л. Толстой запомнилъ хорошо Гаршина, тогда уже обнаруживавшаго признаки своей роковой болѣзни (весною 1880 г.).

„Мы сидѣли въ залѣ, за большимъ столомъ, и кончали обѣдъ.

Подавая послѣднее блюдо, лакей Сергѣй Петровичъ доложилъ отцу, что внизу его дожидается какой-то „мужчина".

— Что ему надо?—спросилъ папа,

— Онъ ничего не сказалъ, хочетъ васъ видѣть.

— Хорошо, я сейчасъ приду.

Не доѣвъ пирожнаго, папа всталъ изъ-за стола и пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

Мы, дѣти, тоже повскакали съ своихъ мѣстъ и побѣжали за нимъ.

Въ передней стоитъ молодой человѣкъ, довольно бѣдно одѣтый, не снимая пальто.

Папа здоровается съ нимъ и спрашиваетъ: „Что вамъ угодно?"

— Прежде всего, мнѣ угодно рюмку водки и хвостъ селедки,— говоритъ человѣкъ, глядя въ глаза отца смѣлымъ лучистымъ взглядомъ, наивно улыбаясь.

Никакъ не ожидавшій такого отвѣта, папа въ первую минуту какъ будто даже растерялся.

Что за странность? Человѣкъ трезвый, скромный на видъ, повидимому, интеллигентный. Что за дикое знакомство?

Папа взглянулъ на него еще разъ своимъ глубокимъ, проницающимъ взглядомъ, еще разъ встрѣтился съ нимъ глазами и широко улыбнулся.

Улыбнулся и Гаршинъ, какъ ребенокъ, который только что наивно подшутилъ и смотритъ въ глаза матери, чтобы узнать, понравилась ли его шутка.

И шутка понравилась.

Нѣтъ, конечно, не шутка, а понравились глаза этого ребенка, свѣтлые, лучистые и глубокіе.

Во взглядѣ этого человѣка было столько прямоты и одухотворенности, вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько чистой, дѣтской доброты, что, встрѣтивъ его, нельзя было имъ не заинтересоваться и не пригрѣть его.

Вѣроятно, это же почувствовалъ и Левъ Николаевичъ.

Сказавъ Сергѣю подать водки и какой-нибудь закуски, онъ отворилъ дверь въ кабинетъ и попросилъ Гаршина снять пальто и войти.

— Вы, вѣрно, озябли?—ласково сказалъ онъ, внимательно вглядываясь въ гостя.

— Не знаю, кажется, немножко озябъ,— ѣхалъ долго.

Выпивъ рюмку водки и закусивъ, Гаршинъ назвалъ свою фамилію и сказалъ, что онъ „немножко“ писатель.

— А что вы написали?

— „Четыре дня“. Этотъ разсказъ былъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Вы, вѣрно, не обратили на него вниманія.

— Какъ же, помню, помню. Такъ это вы написали? Прекрасный разсказъ. Какъ же, я даже очень обратилъ на него вниманіе. Вотъ какъ! Стало-быть, вы были на войнѣ?

— Да, я провелъ всю кампанію.

— Воображаю, сколько вы видѣли интереснаго. Ну, разскажите, разскажите; это очень интересно.

И отецъ сталъ разспрашивать Гаршина послѣдовательно и подробно о томъ, что ему пришлось видѣть и пережить.

Папа сидѣлъ рядомъ съ нимъ, на кожаномъ диванѣ, а мы, дѣти, расположились вокругъ.

Я, къ сожалѣнію, не помню точно этого разговора и не берусь его передать. Я помню только, что было очень и очень интересно.

Того человѣка, который удивилъ насъ въ передней, теперь уже не было. Передъ нами сидѣлъ умный и милый собесѣдникъ, ярко и правдиво рисовавшій намъ картины пережитыхъ ужасовъ войны, и разсказы его были такъ увлекательны, что мы весь вечеръ просидѣли съ нимъ, не отрывая отъ него глазъ и слушая.

Припоминая этотъ вечеръ теперь, когда я уже знаю, что бѣдный Всеволодъ Михайловичъ былъ въ то время на границѣ тяжелаго психическаго недуга, и ища въ своемъ впечатлѣніи о немъ признаковъ этого заболѣванія, могу сказать, что нѣкоторая его ненормальность проявилась развѣ только въ томъ, что онъ говорилъ слишкомъ много и слишкомъ интересно.

Съ ярко горящими, широко открытыми глазами, онъ выбрасывалъ намъ одну картину за другой, и чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ образнѣе и выразительнѣе становилась его рѣчь.

Когда онъ временами замолкалъ, выраженіе его лица измѣнялось, и на насъ опять смотрѣлъ милый и кроткій ребенокъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ къ намъ опять, но на этотъ разъ верхомъ на неосѣдланной лошади.

Мы изъ окна увидали его ѣдущимъ по „пришпекту“.

Онъ разговаривалъ самъ съ собой и какъ-то странно и широко размахивалъ руками.

Подъѣхавъ къ дому, онъ слѣзъ съ лошади и, держа ее въ поводу, потребовалъ у насъ карту Россіи.

Кто-то спросилъ его, зачѣмъ она ему нужна.

— Мнѣ надо посмотрѣть, какъ мнѣ проѣхать въ Харьковъ; я ѣду въ Харьковъ къ матери.

— Какъ, верхомъ?

— Ну, да, верхомъ,—что же тутъ удивительнаго?

Мы достали атласъ, вмѣстѣ съ нимъ разыскали Харьковъ; онъ записалъ попутные города, простился и уѣхалъ.

Впослѣдствіи оказалось, что Гаршинъ пріѣзжалъ къ намъ на лошади, которую онъ какимъ-то путемъ выпрягъ у тульскаго извозчика.

Хозяинъ лошади, не подозрѣвавшій того что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ больнымъ, потомъ долго разыскивалъ и съ трудомъ отобралъ свою лошадь назадъ.

Послѣ этого Гаршинъ исчезъ“.

* * *

Въ „Рѣчи“ (№ 309) А. Сергѣенко, излагая исторію храненія рукописей Л. Н. въ Англіи, даетъ описаніе знаменитаго тамошняго „толстовскаго архива“—спеціальнаго хранилища, выстроеннаго В. Г. Чертковымъ въ 1906 г. въ Крайстчерчѣ. Объ этомъ хранилищѣ слыхалъ всѣ, но мало кто имѣетъ представленіе о его опытномъ устройствѣ его. Поэтому воспользуемся свѣдѣніями, сообщаемыми теперь однимъ изъ близко стоящихъ къ архиву лицъ.

„Было выстроено небольшое каменное зданіе, называемое по-англійски strong или fiergroof room (крѣпкая или безопасная отъ огня комната). Это только одна комната. Длина ея около пяти аршинъ, ширина три с половиной аршина, высота вмѣстѣ съ нижнимъ отдѣленіемъ пять съ половиной аршинъ. Полъ и потолокъ сдѣланы изъ сплошного бетона въ аршинъ толщины. Стѣны изнутри выложены изъ синяго кирпича, выдерживающаго неимовѣрно раскаленную атмосферу, а снаружи изъ краснаго огнеупорнаго кирпича. Общая толщина стѣнъ болѣе аршина. Кирпичи смазаны особеннымъ цементнымъ составомъ, наиболѣе крѣпко соединяющимъ ихъ между собою. Зданіе сдѣлано такъ солидно, такъ скрѣплены въ немъ час

что все оно слилось какъ бы въ одинъ сплошной кусокъ. Оно гарантировано даже отъ землетрясенія, отъ котораго не могло бы ни распасться, ни получить трещины. Обошлась вся эта небольшая постройка около 3500 р.

Окна въ комнатѣ нѣтъ, свѣтъ проходитъ только черезъ дверь, когда она открыта. Дверь чугунная, съ двойными стѣнками, между которыми находится огнеупорный составъ. Дверь имѣетъ особый замокъ, у котораго выходятъ, при запираніи, изъ боковыхъ сторонъ двери толстые шипы, входящіе во всѣ притолки, такъ что взломать замокъ нѣтъ никакой возможности. Чтобы войти въ комнату, надо, помимо этой двери, пройти черезъ другую—рѣшетчатую. Пройдя эту дверь, вы попадаете въ первое отдѣленіе архива. Здѣсь помѣщаются бумаги, часто употребляемыя, и потому онѣ держатся поблизости. За первымъ отдѣленіемъ находится второе, раздѣленное отъ перваго сплошной рѣшеткой во всю комнату. Войти туда нужно черезъ другую рѣшетчатую дверь. Въ этомъ второмъ отдѣленіи находятся самыя драгоцѣнныя бумаги: рукописи, полныя копіи сочиненій, письма, дневники и др. бумаги Л. Н—ча.

Всѣ бумаги въ архивѣ хранились въ большихъ папкахъ, разставленныхъ по полкамъ. Папки были занумерованы, и содержащееся въ нихъ записано въ два каталога архива: алфавитный и хронологическій. Это позволяло быстро находить любую бумагу.

Въ архивѣ поддерживалась извѣстная температура, наилучшая для сохраненія бумагъ. Мы обратились по этому поводу въ Британскій Музей, и намъ сообщили, что температура должна соблюдаться отъ 62 до 68 гр. по Фарэнгейту. Для поддержанія температуры, помѣщеніе согрѣвалось газовой печкой, совершенно безопасной въ пожарномъ отношеніи. Въ виду влажнаго англійскаго воздуха, въ архивѣ нѣсколько разъ появлялись первые признаки сырости, особенно сейчасъ же послѣ постройки, когда стѣны еще не успѣли совершенно просохнуть. Для немедленнаго уничтоженія развитія сырости ставились банки съ хлористымъ кальціемъ, очень быстро ее вытягивающимъ. Позднѣе была поставлена еще провѣтривающая воздухъ машинка съ быстро вращающимися крыльями, приводящимися въ движеніе тоже газомъ. Для того же, чтобы сырость не закралась и во внутрь папокъ, въ рукописи, онѣ періодически пересматривались.

На ночь всѣ двери въ архивѣ запирались. Ихъ четыре. Послѣдняя дверь, скрывающая чугунную, снабжена особымъ устройствомъ. Когда она на ночь запирается, то въ извѣстномъ мѣстѣ дома спускаютъ электрическій рычажокъ, и если дверь послѣ этого открыть, то въ домѣ моментально въ двухъ мѣстахъ раздается оглушительный трескъ электрическихъ звонковъ. Такимъ образомъ, если бы кто-либо вздумалъ попытаться проникнуть ночью въ архивъ, то сразу дана была бы тревога.

Занятія съ рукописями ведутся не въ самомъ помѣщеніи архива, слишкомъ темномъ для этого, а въ комнатѣ, спеціально построенной рядомъ съ нимъ для занятій. Эта комната получила названіе „Архивной“. Тутъ много свѣта и удобные столы. Комната эта соединена стеклянной галлереей съ остальнымъ домомъ.

Какъ въ архивную комнату, такъ и въ самый архивъ никто изъ постороннихъ не допускается. Для этого на двери архивной комнаты сдѣлана соотвѣтствующая надпись на русскомъ и англійскомъ языкахъ. Надпись эта нерѣдко избавляла насъ отъ непріятныхъ разговоровъ съ любопытными посѣтителями, желавшими во что бы то ни стало посмотрѣть толстовскій архивъ.

Помѣстье Черткова—одна изъ достопримѣчательностей той мѣстности. И многіе туристы, попавшіе туда, считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ какъ осмотрѣть тысячелѣтнюю церковь въ Крайстчерчѣ, такъ притти и въ „Тактоновскій Домъ“ („Tuckton House“—названо такъ по имени ближайшаго мѣстечка Tuckton).

Теперь въ архивѣ хранится только небольшая часть рукописей,—такихъ, которыя все еще благоразумнѣе держать за границей. Остальныя бумаги Толстого нѣсколько мѣсяцевъ назадъ перевезены Чертковымъ въ Россію.

Достоевскій.

[92(Д)]

Нѣкто В. Васильевъ отъ племянницы Достоевскаго слышалъ новыя подробности его жизни и теперь подѣлился слышаннымъ съ читателями „Ст. Молвы“ (№ 341). Г. Васильевъ пишетъ между прочимъ:

„Какъ то ни странно, но великій психологъ, который такъ дивно проводилъ нити характеровъ и подмѣчалъ малѣйшія ихъ колебанія и незамѣтнѣйшіе извивы, въ окружающихъ людяхъ часто ошибался, слѣдуя мгновенному пристрастію или капризу воображенія. Онъ бывалъ даже наивенъ въ свѣтскихъ отношеніяхъ, принимая свѣтскую простоту за настоящую.

Такъ, когда онъ участвовалъ въ спектакляхъ, устраиваемыхъ великими князьями и другими высокопоставленными лицами, и благодаря этому былъ ласково принимаемъ, онъ настойчиво

звалъ ѣхать съ нимъ на репетиціи въ Зимній дворецъ своихъ родственниковъ и маленькихъ племянницъ, уговаривая ихъ: „Да поѣдемте же. Они такіе простые люди, они такъ рады будутъ, такъ славно примутъ васъ“.

Про свои посѣщенія дворца онъ разсказывалъ интересный случай. Какъ извѣстно, О. М. говорилъ крайне завлекательно и съ плѣнительнымъ краснорѣчіемъ, но при этомъ у него была пагубная привычка, часто встрѣчающаяся въ подобныхъ случаяхъ, придерживать своего собесѣдника за пуговицу или за полу. Какъ-то ему пришлось говорить съ императрицей Маріей Ѳеодоровной съ глазу на глазъ. Вопросъ былъ животрепещущій, и О. М. увлекся. Великъ былъ его ужасъ, когда, очнувшись, онъ замѣтилъ, что держитъ собесѣдницу за платье и находится съ ней уже у самой стѣны покоя. Оказалось, что во все время разговора государыня удивленно отступала да отступала отъ теребившаго кружево ея платья краснорѣчиваго собесѣдника, однако не желала прервать его, такъ какъ сама живо интересовалась его рѣчью и была такъ ею растрогана, что на глазахъ у нея появились слезы. О. М., разумѣется, сталъ горячо извиняться, но государыня просила его не смущаться и продолжать свою рѣчь“.

Вл. Соловьевъ.

[92 (С)]

Въ десятой кн. „Вѣстн. Евр.“ за минувшій годъ Левъ Никофоровъ вспоминаетъ о своихъ встрѣчахъ съ покойнымъ философомъ и приводитъ текстъ полученныхъ отъ него писемъ.

„Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Москву, старый мой пріятель В. Ѳ. Орловъ посовѣтовалъ мнѣ познакомиться съ Вл. Сер. Соловьевымъ, и мы какъ-то вечеромъ отправились къ нему. „Не знаю, въ Москвѣ ли Соловьевъ, — замѣтилъ Орловъ.—Спросимъ у извозчиковъ“.

—„Почему же извозчики могутъ это знать?“— удивленно спросилъ я. — „А, видишь ли, онъ не только ѣздитъ съ ними, но часто случается ему отбирать у нихъ выручку“.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что Вл. С. не любилъ отказывать не только нуждающимся, но и вообще просящимъ. Если ему случалось раздать всѣ имѣвшіяся при немъ деньги, а встрѣчался еще нищій, то онъ занималъ у извозчика. Это очень нравилось извозчикамъ, и они считали Соловьева особенно „душевнымъ бариномъ“.

Соловьевъ жилъ тогда на углу Пречистенки и Зубовской площади. Дойдя до площади, Орловъ спросилъ у стоявшаго тамъ извозчика: „А что Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ, въ Москвѣ?“ „Въ Москвѣ, дня три какъ уже пріѣхалъ и теперь дома“, отвѣтилъ извозчикъ, нисколько не удивленный этимъ вопросомъ.

...Однажды, войдя къ Соловьеву, я засталъ у него одного молодого поэта-декадента; поэтъ этотъ прислалъ Соловьеву томикъ своихъ стихотвореній и пришелъ выслушать его мнѣніе. „Отчего вы такъ торопитесь печататься?—замѣтилъ ему Соловьевъ.—Вы еще очень молоды, въ ваши годы даже Пушкинъ еще не печатался, а вы торопитесь выступить уже съ отдѣльнымъ томикомъ. Что бы вамъ подождать, пока вы не напишете что-нибудь дѣйствительно хорошее? Если у васъ есть даръ, дайте ему хоть нѣсколько созрѣть и оформиться. Вотъ природа, ужъ она ли не даровита, а между тѣмъ, если бы она остановилась на обезьянѣ, едва ли можно было бы сказать, что она создала нѣчто прекрасное; но она на этомъ не остановилась, она пошла дальше, и въ человѣкѣ мы уже видимъ задатки чего-то дѣйствительно прекраснаго. Сдѣлайте и вы такъ же; теперь ваша поэзія— простите за откровенность — достигла только обезьяньей стадіи; подождите, пока она не дойдетъ до человѣческой — если ей суждено,—и тогда печатайтесь“. И поэтъ, невольно улыбнувшись, горячо пожалъ Соловьеву руку.

Ив. Щегловъ (Леонтьевъ).

[92 (Щ-Л)]

Объ этомъ беллетристѣ-драматургѣ, умершемъ въ 1911 г., напомнилъ одинъ изъ знавшихъ его въ послѣдній, самый тяжелый, періодъ его жизни, — Р. К. Устьмедвѣдицкій; выдѣлимъ болѣе интересное въ давномъ очеркѣ, напечатанномъ въ дек. кн. „Ист. Вѣст.“

„Если я стану думать—какое было главное свойство покойнаго Ивана Леонтьевича въ эти послѣдніе годы, я прихожу къ заключенію, что ово—не жалоба на преждевременную старость, нищету и забвеніе, а увлеченіе литературой. Именно увлеченіе, а не только любовь. Я увѣренъ, что ни одинъ влюбленный не говоритъ съ такимъ нѣжнымъ чувствомъ о своей возлюбленной, какъ этотъ задавленный практическою жизнью старикъ говорилъ его Гоголѣ и Чеховѣ, о Пушкинѣ и Толстомъ, Гете и Байронѣ... Въ храмѣ русской литературы это былъ незримый старичокъ-сторожъ, который аккуратно по великой любви каждый день ставилъ желтыя свѣчи, сметалъ пыль, хранилъ самыя малыя преданія... Эта страстная любовь его къ литературѣ въ послѣдніе годы жизни

проявилась особенно сильно въ связи съ именемъ Гоголя.

Дѣло было весной 1909 года. Я пріѣхалъ какъ разъ изъ Москвы. И. Л. послѣ чая подошелъ къ окну, посмотрѣлъ, жмурясь близорукими глазами, на дворъ и объявилъ, что онъ хочетъ показать мнѣ одну большую рѣдкость и что сейчасъ мы ѣдемъ... Поѣхали. Передъ цвѣточнымъ магазиномъ И. Л. остановилъ извозчика и купилъ великолѣпный букетъ красныхъ гвоздикъ.

— Куда мы ѣдемъ?—спросилъ я, совсѣмъ сбитый съ толку этимъ букетомъ.

— Терпѣніе,—невозмутимо отвѣчалъ И. Л.

На углу Мѣщанской и Столярнаго переулка мы отпустили извозчика, вошли во дворъ, попали въ какой-то подъѣздъ и начали взбираться по старой темной вонючей лѣстницѣ. Изъ раскрываемыхъ дверей на насъ несло ароматомъ перегорѣлаго лука, помоевъ и тяжелаго мыльнаго пара. Сколько мы прошли этажей, не помню,—мнѣ тогда казалось, что лѣстница вела на самое небо. Наконецъ у одной двери И. Л. остановился и постучался,—звонка не было. Намъ открыла женщина съ засученными рукавами, безъ платка, съ сильно подбитымъ лѣвымъ глазомъ. Увидя И. Л., она молча посторонилась и пропустила насъ. Черезъ кухню мы прошли въ небольшую комнату, перегороженную аркой пополамъ. Послѣ сумрака лѣстницы комната поражала обиліемъ свѣта. Въ комнатѣ находился одинъ небольшой столикъ, на которомъ стояла вазочка съ красными гвоздиками. Передъ вазочкой на стѣнѣ висѣла извѣстная картина „Пушкинъ у Гоголя“...

— Въ этой комнатѣ жилъ Гоголь!—торжественно заявилъ мой путеводитель.—Вотъ между этими окнами стояла его конторка. Именно изъ этого окна открывался тотъ видъ, о которомъ онъ сообщаетъ въ письмѣ къ матери. Конечно, видъ этотъ сейчасъ не сохранился, но я тщательно справлялся и узналъ, что еще недавно все здѣсь было такъ, какъ описалъ Гоголь въ своемъ письмѣ... Вотъ тамъ, за перегородкой, помѣщался его вѣрный Якимъ. Именно здѣсь его посѣщалъ Пушкинъ. Эти стѣны слышали, какъ два пріятеля, два солнца русской литературы, вели горячіе разговоры до утра. Я здѣсь нарочно повѣсилъ эту картину,—она здѣсь кстати. Но имѣйте въ виду—о существованіи этой комнаты знаютъ только немногіе. Я молчу, пока не напишу доклада „Какъ я открылъ комнату Гоголя“. Сейчасъ это тайна. Я просто снимаю эту комнату для себя,—плачу пятнадцать рублей въ мѣсяцъ...

— Какъ вы, на самомъ дѣлѣ, открыли ее?—спрашиваю я.

— О!—счастливо засмѣялся И. Л.,—это долгая исторія! Я употребилъ на эти поиски нѣсколько лѣтъ. Я опросилъ здѣсь всѣхъ, кто могъ дать мнѣ нужныя свѣдѣнія, изучилъ біографіи всѣхъ мѣстныхъ домовъ. Это было очень трудно. Вотъ подробно объ этомъ вы узнаете изъ доклада...

Кстати—отмѣчу здѣсь: доклада, увы, онъ не написалъ,—помѣшали болѣзни и недовѣрчивое отношеніе къ его открытію со стороны печати. Вмѣсто доклада онъ помѣстилъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ обширное письмо въ редакцію, гдѣ разсказывалъ исторію своихъ поисковъ комнаты Гоголя...

Отмѣчу здѣсь и еще одно: И. Л. платилъ за комнату пятнадцать рублей, когда его мѣсячный заработокъ, по его признанію, колебался отъ ста до ста десяти рублей въ мѣсяцъ, когда на настойчивыя убѣжденія друзей поѣхать полечиться онъ неизмѣнно отвѣчалъ: „радъ бы, но бюджетъ русскаго писателя не позволяетъ“, когда на приглашеніе артистки Савиной, передъ которой онъ преклонялся, пріѣхать къ ней, онъ долженъ былъ отвѣтить отказомъ, такъ какъ у него не было... приличнаго сюртука!..

Вскорѣ послѣ посѣщенія Гоголевской комнаты я уѣхалъ. Черезъ мѣсяцъ самъ И. Л. былъ въ Москвѣ,—онъ пріѣхалъ на открытіе памятника Гоголю. О своемъ пріѣздѣ онъ писалъ въ письмахъ: „хотя полуживой, хотя безъ копейки, но на открытіе памятника Гоголю непремѣнно притащусь“.

На другой день послѣ открытія памятника онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ кипой бумагъ.

— Тс...—зашепталъ онъ, прикрывъ за собою дверь.—Страшная тайна!

— Что такое?

— Прокламаціи... Пожалуйста, раздайте въ университетѣ—среди товарищей...

Развертываю кипу,—дѣйствительно, листки по виду въ родѣ прокламацій. На каждомъ листкѣ ремингтономъ написано: „рецептъ приготовленія гоголевскихъ макаронъ“. Какъ показывала сноска, этотъ рецептъ любимаго блюда Гоголя былъ взятъ изъ „воспоминаній“ С. Т. Аксакова...

— Вы, пожалуйста, раздайте. Все-таки, въ память Гоголя! Я сейчасъ объѣздилъ всѣ крупные рестораны. Въ „Прагѣ“ обѣщали внести въ меню...“

Приведемъ еще запомнившееся крылатое слово Щеглова. Въ связи съ многолюдными торжественными похоронами Коммиссаржевской писатель горько замѣтилъ:

— Мы научились *хоронить* своихъ лучшихъ людей, но не научились еще ихъ *хранить*...

Джозефъ Пулицеръ.

[92 (П)]

Въ Нью-Іоркѣ вышла книга подъ страннымъ заглавіемъ: „Исторія одной страницы". Подразумѣвается та страница нью-іоркской газеты „The World" (Свѣтъ), на которой помѣщаются передовыя статьи по текущимъ вопросамъ. Вотъ на основаніи этихъ передовыхъ статей авторъ книги, Джонъ Хитонъ, составилъ обзоръ внутренней исторіи Соединенныхъ Штатовъ за время 1883—1911 гг., т.-е. за тотъ періодъ, когда названная газета принадлежала покойному Джозефу Пулицеру. Служить путевой нитью для историческаго обзора могла данная страница „The World" потому, что Пулицеръ, довольно беззаботный насчетъ содержанія остальныхъ страницъ своей газеты, съ неуклоннымъ, строгимъ вниманіемъ—даже во время продолжительнаго своего отсутствія изъ Америки—слѣдилъ за тѣмъ, чтобы помѣщаемыя на *этой* страницѣ статьи проникнуты были единствомъ направленія.

По книгѣ Хитона можно видѣть, какую крупную роль въ политической жизни страны играла разсматриваемая „страница", точнѣе—ея вдохновитель, въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка и первое нынѣшняго. Но для русскаго читателя можетъ быть интересна не эта роль, не дѣятельность знаменитаго американскаго „сверхъ-журналиста" (его даже называли, еще при жизни, „редакторомъ сверхъ-человѣкомъ"), а его личность. Съ ней насъ знакомитъ, по мемуарамъ, З. Р. въ № 2482 „Россіи". „Нельзя безъ глубокаго интереса слѣдить за борьбой этой могучей натуры съ условіями, отъ которыхъ опустились бы руки даже у недюжинныхъ людей",—говоритъ авторъ очерка, и онъ правъ.

Іосифъ Пулицеръ родился въ Венгріи. Отецъ его былъ еврей. Прибывъ въ Нью-Іоркъ подросткомъ, онъ прошелъ черезъ всякія мытарства, пока попалъ случайно въ журналисты, и въ нѣсколько лѣтъ создалъ себѣ въ повременной печати имя и прочное положеніе.

Ему было 36 лѣтъ, когда онъ купилъ газету „World". Когда ему исполнилось сорокъ лѣтъ, съ нимъ случился ударъ. Онъ совершенно ослѣпъ, здоровье его было разрушено навсегда, но первая чувствительность мучительно обострилась. Въ такомъ состояніи, постепенно ухудшавшемся, онъ прожилъ двадцать пять лѣтъ. Его умственныя способности, дѣятельность и энергія не только сохранились въ полной силѣ, но даже расширились и углубились. Страстная рѣшимость не быть отрѣзаннымъ отъ жизни, не поступаться завоеваннымъ съ такимъ трудомъ почетнымъ мѣстомъ въ политикѣ страны, не отставать ни на одинъ шагъ отъ мірового движенія—доходила у него до болѣзненности.

Осуществленіе этой рѣшимости затруднялось не только слѣпотой и общей физической слабостью, но и еще одной особенностью его нервнаго разстройства: онъ не выносилъ ни малѣйшаго шума. Онъ блѣднѣлъ, дрожалъ, его бросало въ холодный потъ отъ внезапнаго стука ложечки о блюдце, отъ легкаго треска зажигаемой спички, отъ звука воды, неосторожно наливаемой изъ графина. Вслѣдствіе невозможности добиться на сушѣ необходимой ему безусловной тишины, даже въ приспособленномъ къ этому домѣ въ Нью-Іоркѣ, на его приморской дачѣ, въ виллѣ въ южной Франціи, онъ по большей части жилъ на своей яхтѣ „Liberty". Тамъ двойныя двери, двойныя рамы, толстые ковры и толстыя переборки обращали его каюты, помѣщавшіяся въ сторонѣ отъ судовой жизни, въ царство молчанія. Всѣ бывшіе на яхтѣ ходили на резиновыхъ подошвахъ, и сонъ или отдыхъ хозяина охранялся протянутыми поперекъ палубы канатами, такъ что всякое движеніе надъ его головой прекращалось.

Величайшимъ несчастьемъ для Пулицера было то, что его душевныя и умственныя силы не были надломлены болѣзнями, сразившими его тѣло, что ключемъ кипѣвшая внутренняя жизнь и жажда дѣятельности не давали ему угомониться и притупленіемъ чувствъ и желаній дойти до спокойствія, а, напротивъ, обращались въ какое-то проклятіе ненасытимаго духовнаго голода.

Ему, слѣпому, ушедшему какъ улитка въ свою раковину, нужны были глаза и щупальцы для поддержанія связи и постояннаго общенія съ міромъ, отчужденія отъ котораго онъ боялся пуще всего; нужны были орудія для непрерывнаго пріобрѣтенія духовной пищи и снабженія его всѣми новостями текущей политической жизни, необходимыми для надзора за знаменитой „страницей" и отчасти для ея составленія. Поэтому его постоянно окружала полдюжина и больше секретарей, всегда и всюду сопровождавшихъ его и набиравшихся особыми агентами, изъ множества талантливыхъ и непремѣнно здоровыхъ молодыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ. Одинъ изъ такихъ „секретарей", раздѣлявшій съ нимъ послѣдній годъ его мученической жизни, забавно описываетъ допросъ, обнимающій малѣйшія подробности жизни, характера и обстоя

ельствъ, которому подвергся онъ и всѣ другіе кандидаты, письма которыхъ, въ отвѣтъ на очень искусно составленное объявленіе въ лондонскомъ „Times“ и другихъ газетахъ, удостоились вниманія поставщика секретарей Пулицера.

Если прослѣдить образъ жизни Пулицера въ годы его слѣпоты и вникнуть въ роль, которую играли въ ней секретари, перестаешь удивляться инквизиторскому допросу, которому ихъ подвергали. Отъ этихъ молодыхъ людей требовалось много знанія, находчивости, терпѣнія и физической выносливости.

Съ того времени, когда Пулицеръ вставалъ, до того, когда онъ ложился спать, онъ ни на минуту не бывалъ одинъ.

Серьезная работа начиналась около 11 часовъ. Пулицеръ приглашалъ одного изъ секретарей гулять съ нимъ, бралъ его подъ руку и, прохаживаясь по палубѣ, обстоятельно допрашивалъ его о содержаніи утреннихъ газетъ. Трудно себѣ представить, какой работы требовало приготовленіе этого ежедневнаго запаса газетныхъ извѣстій. Во-первыхъ, онъ не терпѣлъ никакихъ разсужденій, требуя одинъ голый фактъ, но съ тѣмъ, чтобы не было забыто ни одно обстоятельство, ни одно имя, ни одна дата или цифра. Выслушавъ этотъ сжатый отчетъ, онъ выбиралъ съ дюжину важнѣйшихъ извѣстій для дальнѣйшей разработки и требовалъ, чтобы его собесѣдникъ помнилъ различныя версіи, данныя полдюжиной газетъ разныхъ направленій, что было опущено въ той или другой, и даже отличительныя черты слога каждой статьи. Наконецъ, требовался краткій отчетъ о каждой передовой статьѣ, съ обозначеніемъ ея направленія и, по возможности, дословными цитатами изъ наиболѣе выдающихся мѣстъ.

Во время такихъ прогулокъ докладчикъ долженъ былъ полагаться исключительно на свою память, помогая себѣ только коротенькими замѣтками на карточкѣ. Другой секретарь просматривалъ тѣ же газеты и читалъ вслухъ важнѣйшія мѣста, и тутъ Пулицеръ, обладавшій феноменальной памятью, мгновенно улавливалъ малѣйшее разногласіе съ выслушаннымъ имъ утромъ докладомъ.

Оставалось использовать эту массу матеріала для его газеты. Это дѣлалось чаще всего въ видѣ передовой статьи, продиктованной самимъ Пулицеромъ и посылаемой въ редакцію „World“ по телеграфу: тѣмъ же путемъ онъ критиковалъ или хвалилъ тѣ или другія статьи, давалъ наставленія и пр.

До второго завтрака обыкновенно оставались свободныхъ полчаса. Это время посвящалось разбору лучшихъ журналовъ на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ,—особенно статей по исторіи, біографіи, текущей литературѣ и политикѣ. Спроситъ, бывало, Пулицеръ: „Сколько вы приготовили статей?“ Если секретарь, завѣдующій журналами, отвѣтитъ, положимъ, десять,—онъ скажетъ: „До завтрака полчаса, даю вамъ по три минуты на каждую статью“. Ознакомившись со тщательно выпущенной сутью каждой статьи, онъ иногда выражалъ желаніе, чтобы какая-нибудь статья была ему прочитана. Казалось бы, чего проще, но на дѣлѣ это было совсѣмъ не такъ просто. Онъ не выносилъ никакихъ вступленій, не желалъ слышать мнѣній автора. Если слогъ оказывался растянутымъ или запутаннымъ, чтецъ обязанъ былъ по мѣрѣ чтенія сокращать или упрощать его, или даже экспромптомъ замѣнять одну фразу другою, болѣе удачною, если не хотѣлъ услышать нервный окрикъ: „Дальше! Дальше! Ради Бога!“ Для того, чтобы ознакомить его съ содержаніемъ романа или драмы, не вызывая нетерпѣливаго вопроса: „А что, много еще осталось?“ нужно было основательно прочитать подлинникъ по меньшей мѣрѣ два раза, и то еще далеко не всегда получался желанный успѣхъ.

Пулицеръ каждый день исчерпывалъ мозговую дѣятельность шести—восьми людей. Каждый изъ нихъ проводилъ съ нимъ не болѣе полутора или двухъ часовъ; но для заготовленія духовной пищи, преподносимой въ эти 90—120 минутъ, едва хватало всего дня отъ 8-ми часовъ утра до 10-ти час. вечера, такъ что секретари съ неудовольствіемъ высиживали положенное время за общимъ столомъ, считая его потеряннымъ для своей работы. Хорошо еще, если бы это время служило имъ отдыхомъ; но, напротивъ, оно доводило умственное напряженіе до высшей степени, даже въ ущербъ пищеваренію, потому что хозяинъ не давалъ завязывать общаго легкаго разговора, а едва кто-нибудь упоминалъ о какомъ-либо предметѣ или фактѣ,—пользовался этимъ поводомъ для новаго изнурительнаго экзамена, обнимающаго всѣ стороны, виды и развѣтвленія даннаго предмета.

Вотъ забавный примѣръ этой поразительной умственной дѣятельности. Одинъ изъ секретарей, возвратившись изъ продолжительнаго отпуска, взятаго по нездоровью, въ первый же день за обѣдомъ имѣлъ неосторожность упомянуть, что онъ, по выздоровленіи, воспользовался двухмѣсячнымъ досугомъ для того, чтобы прочесть всего Шекспира. Пулицеръ немедленно набросился на неожиданную добычу и битыхъ полтора часа несчастный волей-неволей говорилъ, побуждаемый искусными вопросами, и

долженъ быть дать обзоръ всѣхъ трагедій, комедій и историческихъ драмъ, съ краткимъ изложеніемъ сюжетовъ, критическими очерками дѣйствующихъ лицъ, описаніемъ выдающихся сценъ и болѣе или менѣе длинными цитатами. Онъ не справился бы съ неожиданнымъ экзаменомъ, если бы его не выручали товарищи, подсовывая ему „шпаргалки". Когда онъ кончилъ, Пулиперъ спокойно сказалъ: „Продолжайте! Или вы не читали его сонетовъ?" Отвѣтомъ на этотъ неожиданный вопросъ былъ гомерическій смѣхъ всего сидѣвшаго за столомъ общества; не могъ не засмѣятся и самъ хозяинъ, у котораго, къ счастью, было сильно развито чувство юмора.

Изъ года въ годъ Пулиперъ не видѣлъ почти никого посторонняго. Жена и другіе члены его семьи изрѣдка навѣщали его; пріѣзжалъ на день-другой кто-нибудь изъ редакціи его газеты, вызванный куда-нибудь за океанъ ради двухъ-трехъ краткихъ совѣщаній; очень рѣдко приглашался гость на какую-нибудь недѣлю. Уединялся Пулиперъ такъ строго не изъ любви къ уединенію—онъ, напротивъ, отъ природы любилъ общество—но отъ увѣренности, что за всякое волненіе, хотя бы самое пріятное, онъ неизбѣжно поплатится многими безсонными ночами, невыносимыми нервными страданіями и долгимъ изнуреніемъ.

Двѣ казни.

[172.1 : 3].

Описанія казни рѣдко бываютъ правдивыми. Объясняется это необыкновеннымъ смятеніемъ въ душѣ зрителя, которое трудно передаваемо, особенно, если принять во вниманіе естественное желаніе разсказчика произвести впечатлѣніе. Поэтому подобныя описанія чаще удаются тѣмъ, кто почти совсѣмъ не заботится о впечатлѣніи на читателя и вмѣсто этого даетъ простое описаніе видѣннаго.

Помѣщаемыя нами два разсказа (одинъ — „Казнь" г. Гедройца—„Завѣты" № 11 и другой—изъ кн. г. Гартевельда, „Каторга и бродячая Сибирь" *) одинъ изъ китайской, другой изъ русской дѣйствительности—сильны именно своимъ безхитростнымъ реализмомъ и правдивостью.

I.

....„Безконечный зеленый лугъ, покрытый кочками. Если бы не онѣ, хорошо было бы бродить по свѣжей, словно засѣянной, муравѣ. И цвѣты попадаются, цикорій, ромашка и сонъ, такіе же, какъ наши, но крупнѣе. Солнце только что взошло, и лучи его падаютъ на одиноко растущее кривое дерево съ подвѣшеннымъ ящикомъ.

Тороплюсь подойти посмотрѣть и падаю, споткнувшись о кочку.

— Фу, чортъ!—ругаюсь я, потирая колѣно, — и откуда ихъ столько, муравьиныя, что ли?

— Это могилы казненныхъ, — невозмутимо отвѣчаетъ проводникъ Хуанъ-ли.— У насъ вѣдь не то, что въ другихъ областяхъ, гдѣ казненныхъ бросаютъ въ яму. У насъ хоронятъ, а головы на двѣ недѣли выставляютъ на этомъ деревѣ.

Я смотрю на ящикъ, сдѣланный въ видѣ клѣтки. За рѣшеткой двѣ головы. Одна, высохшая отъ солнца, съ оскаленными зубами и впадинами вмѣсто глазъ. Другая—свѣжая, губы раздвинуты усмѣшкой, а въ лѣвомъ глазу, какъ что-то живое, копошатся мухи. Я хочу и и не могу оторваться отъ мертвой улыбки и оскаленныхъ зубовъ.

„Это были люди" гвоздитъ мысль. Хочу отойти и не могу.

— Хунгузы, — презрительно произноситъ проводникъ, указывая на клѣтку. — Этотъ укралъ у русскаго солдата два рубля и сознался только передъ смертью... „Сознался", беззвучно шепчутъ мои губы.—У насъ не казнятъ безъ сознанія виновнаго,—гордо заявляетъ Хуанъ-ли,— каждаго допрашиваютъ, пытаютъ, и лишь послѣ признанія, подписаннаго кровью изъ большого пальца самимъ обвиняемымъ, выносится приговоръ.

Мы молчали; мухи ползаютъ по улыбающемуся лицу и оскаленнымъ зубамъ; солнце печетъ; словно паръ поднимается отъ муравейниковъ могилъ, и кажется онъ мнѣ удушливымъ и смраднымъ. Издалека доносится грохотъ барабановъ. Лицо проводника оскабляется.

— Казнь,—заявляетъ онъ. Я хочу уйти, но ноги не повинуются, я гдѣ-то въ другомъ мірѣ, подъ чужой волей.

Группами прибываютъ китайцы. Они весело раскланиваются и привѣтствуютъ другъ друга, потрясая сжатыми у груди кулаками. Густымъ кольцомъ окружаютъ кривое дерево съ клѣткой. Всматриваюсь. Среди нихъ много европейцевъ, нѣсколько солдатъ, двѣ-три повязки санитаровъ.

Лихо подкатила коляска съ эскортомъ изъ китайской конницы, прибылъ русскій представитель. Мы пожали руки.

— Казнятъ шестерыхъ хунгузовъ, — шепнулъ онъ мнѣ.— Смотрите — палачъ.

*) См. отд. „Отзывы" № 7 „Бюллетеней".

Въ середину круга вошелъ китаецъ съ безмятежнымъ выраженіемъ лица и большимъ двуострымъ мечомъ въ рукѣ.

Чувствуя себя господиномъ момента, онъ ловко срубилъ вѣтки согнутаго дерева, при чемъ только кисть руки описывала движеніе. Грохотъ усилился. Ползло бѣлое облако пыли, среди которой по залитой солнцемъ дорогѣ глазъ различалъ взводъ солдатъ, идущихъ медленно, ровно. За ними офицеръ на ворономъ конѣ, укрытый огненно-краснымъ плащемъ, двигающійся, какъ привидѣніе. За нимъ трубачи, барабанщики, опять солдаты. Послѣдними шли три арбы съ помостами. На каждомъ по двое осужденныхъ, связанные косами, спинами другъ къ другу. Въ волоса вплетенъ бумажный свертокъ съ описаніемъ совершенныхъ преступленій.

Шествіе растетъ, приближается, останавливается.

Дыханіе смерти проносится по лугу. Слышно, какъ дышитъ толпа, и грозное чудится въ этомъ дыханіи.

— Народные герои,—шепчетъ мнѣ студентъ съ кодакомъ. — Ихъ казнятъ за нападеніе на иностранный поселокъ.

Солдаты, войдя въ толпу, оцѣпляютъ кругъ. Осужденные сброшены на землю, точно кули. Косы развязаны, каждый поставленъ на колѣни, головы не покрыты, руки связаны за спиною. Не люди—скелеты, обтянутые кожей, со слѣдами пытокъ, съ измученными, но фатально спокойными лицами.

Только у одного, у послѣдняго, у самаго молодого, глаза съ безумною надеждою впились въ группу иностранцевъ, пришедшихъ на казнь.

Они не молили, а требовали пощады, требовали отчаянно и властно. Требованіе это чувствовалось сильнѣе, нежели бы онъ кричалъ. Оно проникало черезъ застегнутые сюртуки, взывало и вопило.

Кодакъ студента безсмысленно вздрагивалъ въ рукахъ. Представитель теребилъ пуговицы, а я—я замеръ и слился съ этимъ взглядомъ. Слился и не видѣлъ, что одна, другая, пять головъ уже отдѣлились отъ туловища. Очередь была за нимъ, за послѣднимъ.

Палачъ подходилъ. Онъ, а за нимъ я, втянулъ шею глубоко между плечами.

Палачъ видимо разсердился и схватилъ за косу, крикнувъ что-то грубое. Шея вытянулась, поползла, словно змѣя, такая тонкая, длинная.

Что-то блеснуло въ воздухѣ. Туловище высоко вспрыгнуло съ колѣнъ, повернулось въ воздухѣ и упало на усѣченную шею. Голова, точно шаръ, легла тутъ же. Ни звука, ни трепета, ни судороги....

„Хау", зловѣще вздохнула толпа и ринулась къ трупамъ. Офицеръ крикнулъ. Нагайки солдатъ захлестали по лицамъ. „А-а-а" загудѣло вокругъ. Кто-то изъ европейцевъ заплакалъ громко, по-дѣтски.

А мертвые глаза смотрѣли, не отрываясь".

II.

Г. Гартевельдъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ наблюдалъ казнь каторжанина Матохина, котораго онъ посѣтилъ наканунѣ казни.

— Если вамъ не будетъ противно,—сказалъ „смертникъ",—то приходите сегодня ночью. Мнѣ какъ будто веселѣе будетъ.

Сцена, предшествующая казни и самая казнь такъ изображены авторомъ:

„— ...Ну, вотъ и всѣ въ сборѣ,—произнесъ серьезно Адріанъ Федоровичъ (начальникъ тюрьмы).

— Дежурный! — крикнулъ Адріанъ Федоровичъ.—Вывести Шишкова.

— Кто это Шишковъ? — потихоньку спросилъ я стоявшаго близъ меня надзирателя.

— Это, ваше благородіе, палачъ,—такъ-же тихо отвѣтилъ онъ мнѣ,—тоже изъ каторжныхъ.

— Шишковъ! — окрикнулъ его Адріанъ Федоровичъ.

Шишковъ быстро подошелъ.

— Смотри ты у меня, чтобы все было въ порядкѣ, безъ фокусовъ. А то помнишь, прошлый разъ?.. Да что говорить!.. По тебѣ давно уже розга скучаетъ.

— Да помилуйте, ваше благородіе, почитай весь день работалъ! Все въ порядкѣ. Не впервые, ваше благородіе,—отвѣтилъ Шишковъ.

— Ну, пошелъ!—перебилъ его смотритель и громко произнесъ по направленію къ казармѣ:

— Вывести Матохина.

На крыльцѣ казармы, въ сопровожденіи надзирателя, показался Матохинъ, все еще въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ.

Онъ былъ какъ-то неестественно красенъ, но шелъ довольно твердо, смотря исподлобья кругомъ себя.

Шишковъ перешелъ къ Матохину и, взявъ его подъ мышки, подвелъ къ перекладинѣ.

А барабаны трещали.

Подъ перекладиной онъ съ Матохинымъ остановился, пощупалъ веревку и вдругъ началъ что-то искать. Искалъ онъ и на землѣ, и у себя, но, повидимому, не находилъ того, что

ему было нужно, и вдругъ подбѣжалъ къ Адріану Федоровичу.

— Ваше благородіе, — скоро и прерывисто заговорилъ онъ,—что-то неспособно... нечѣмъ намылить веревку-то... Былъ кусокъ мыла, занамятовалъ куда дѣлъ... Прикажите выдать кусокъ мыла...

— Что я тебѣ, подлецъ, прикажу выдать розогъ, это ужь, навѣрное, — сказалъ ему Адріанъ Федоровичъ и подошелъ къ поручику.

Барабаны замолкли и смотритель, обращаясь къ арестантамъ, сказалъ:

— А ну-ка, ребята, кто-нибудь изъ васъ пусть сходитъ въ казарму, да принесетъ кусокъ мыла.

Никто не тронулся.

— Что же дѣлать,—пожалъ онъ плечами!— Дежурный!—сказалъ онъ, обращаясь къ старшему надзирателю:—я тебѣ напишу сейчасъ записку, къ Лечинскому. Разбуди его, пусть немедленно выдастъ въ счетъ канцеляріи кусокъ мыла,—и онъ на колѣнѣ написалъ записку, съ которой надзиратель быстро исчезъ.

Громче всѣхъ ругался самъ Матохинъ. Онъ зналъ, что ему все равно терять нечего.

— Черти полосатые!—кричалъ онъ.—И повѣсить-то человѣка толкомъ не умѣете. Давно могли бы, небось, покончить дѣло. Разбудили меня чортъ знаетъ когда!

Наконецъ Матохинъ какъ будто утихъ (должно быть усталъ) и присѣлъ на скамейку подъ перекладиной. Рядомъ съ нимъ усѣлся и Шишковъ.

— Эхъ, хоть покурить бы дали!—сказалъ Матохинъ.

Шишковъ сейчасъ же вынулъ изъ кармана табакъ и посыпалъ себѣ на ладонь. Затѣмъ онъ откуда-то досталъ кусочекъ газетной бумаги и свернулъ двѣ „цыгарки“—одну для себя, а другую для Матохина. Такъ они рядышкомъ на скамейкѣ сидѣли и покуривали.

— А я сегодня видѣлъ Федю Ядренаго,— вдругъ обратился Шишковъ къ Матохину.— Изъ окна видѣлъ, мимо ходилъ.

— Да что ты?—съ живостью спросилъ Матохинъ.—И что же?

— Да я почемъ знаю, — отвѣтилъ Шишковъ,—сказываютъ, опять съ Катей валандается...

— Счастливъ его Богъ! — угрюмо проговорилъ Матохинъ.—Встрѣтить бы мнѣ его—свелъ бы счеты.

Тутъ они начали о чемъ-то шептаться, будто два пріятеля.

Вдругъ какъ-то сразу между ними появился надзиратель и протянулъ Адріану Федоровичу пакетъ.

— Передай Шишкову, — сказалъ ему надзиратель.

Надзиратель отдалъ пакетъ Шишкову. Шишковъ все возился съ веревкой.

Наконецъ, онъ вынулъ изъ-за пазухи какой-то небольшой мѣшокъ. Это была бѣлая холщевая маска, въ родѣ тѣхъ, которыя носятъ капуцины, съ большими дырами для просовыванія рукъ. Эту маску, такъ сказать, полусаванъ, онъ хотѣлъ было надѣть Матохину на голову, но тотъ отстранилъ его и что-то сказалъ. За трескотней барабановъ ничего не было слышно.

Шишковъ помогъ Матохину встать на скамейку, — тому съ кандалами было трудно на нее подняться,—тщательно надѣлъ ему на шею петлю, и для этого даже самъ влѣзъ рядомъ съ осужденнымъ.

Затѣмъ онъ быстро соскочилъ внизъ и выдернулъ скамью изъ-подъ ногъ Матохина...

Глаза повѣшеннаго стали стеклянными, лицо приняло какое-то странное, какъ будто удивленное выраженіе, а пальцы рукъ быстро, быстро перебирали что-то...

— Можно снять, Шишковъ! — крикнулъ Адріанъ Федоровичъ.—Сними скорѣе!

Шишковъ съ ловкостью обезьяны взобрался на перекладину, чтобы распустить веревку.

— Чего копаешься?—заоралъ на него смотритель.—Отрѣжь, и все тутъ!

— Чего портить веревку-то, ваше благородіе,—возразилъ Шишковъ,—веревка хорошая, еще пригодится.

Солнце уже взошло, и какъ разъ его лучи падали на лицо Матохина. То же удивленное и странное выраженіе оставалось на немъ“...

Идеи, образы, факты.

Научныя перспективы.

[1+5+6]

Аппаратъ для изобличенія лжи. Широкіе горизонты открываетъ въ области экспериментальной психологіи и психіатріи и въ судебной практикѣ этотъ, на первой взглядъ прямо невѣроятный, аппаратъ (конечно, при условіи дальнѣйшаго его усовершенствованія).

Недавно въ Вѣнѣ молодой ученый, докторъ Бенусси, прочелъ докладъ объ изобрѣтенномъ имъ аппаратѣ для изобличенія лжи. Бенусси поставилъ себѣ вопросъ, оставляетъ ли ложь какой-либо физическій, поддающійся на-

учпому констатированію слѣдъ на организмѣ лжеца, и пришелъ къ положительному выводу. Онъ исходилъ при своихъ изслѣдованіяхъ изъ того общаго положенія, что всякое душевное состояніе имѣетъ и свое физическое проявленіе, а слѣдовательно, должно подлежать установленію путемъ чувствъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что душевное состояніе лжеца — иное, чѣмъ душевное состояніе человѣка, говорящаго правду. Путемъ цѣлаго ряда опытовъ Бенусси установилъ, что это различіе въ душевныхъ настроеніяхъ, прежде всего, отражается на процессѣ дыханія.

Придя къ такому выводу, Бенусси сталъ искать способа констатировать безошибочно эти перемѣны въ дыхательномъ процессѣ. Для этой цѣли онъ изобрѣлъ слѣдующій аппаратъ. Онъ беретъ маленькую надувную подушку, къ которой придѣланъ легко открывающійся клапанъ, и прикладываетъ ее къ груди человѣка, надъ которымъ дѣлаетъ опытъ. При помощи резиновой трубки подушка соединена съ другой такой же подушкой, тоже снабженной клапаномъ. Въ зависимости отъ расширенія и сужепія грудной клѣтки при процессѣ дыханія, воздухъ въ надувной подушкѣ сгущается или разрѣжается, а въ зависимости отъ этого, приподымаются или опускаются клапаны въ обѣихъ подушкахъ. Эти движенія клапановъ при помощи простого приспособленія переносятся на вымазанную сажей бумагу. Такимъ образомъ, описанный аппаратъ даетъ возможность изобразить графически дыхательный процессъ каждаго человѣка. Изъ различія между кривыми дыхательнаго процесса у людей, говорящихъ правду, и у лжецовъ Бенусси дѣлаетъ дальнѣйшіе выводы.

Онъ производилъ опытъ съ 120 лицами. Каждому изъ нихъ Бенусси давалъ листъ бумаги, на которомъ было что-либо написано, съ предложеніемъ непремѣнно правильно прочесть написанное или же соврать насчетъ написаннаго. Во всѣхъ случаяхъ дыханіе записывалось при помощи описаннаго аппарата. И вотъ, оказалось, что лжецъ медленно вдыхаетъ и быстро выпускаетъ воздухъ, а человѣкъ говорящій правду, быстрѣе вдыхаетъ и медленнѣе выпускаетъ воздухъ. Во всѣхъ случаяхъ, такимъ образомъ, отношеніе между линіей, обозначающей вдыханіе, и линіей, обозначающей выдыхавіе воздуха, будетъ больше передъ тѣмъ, какъ человѣкъ сказалъ правду, чѣмъ послѣ того, и, наоборотъ, — будетъ меньше передъ ложью, чѣмъ послѣ нея. Получить эту формулу очень легко, а слѣдовательно, и легко установить, сказалъ ли человѣкъ правду или нѣтъ.

Опыты Бенусси удавались даже въ тѣхъ случаяхъ, когда объекты экспериментовъ пытались измѣнить свое дыханіе.

Такимъ образомъ оказывается, что знаменитый мостъ въ баснѣ Крылова, который проваливался, лишь только на него вступалъ лжецъ, не такая ужъ фантастическая выдумка... („День“).

Леченіе безумія кислородомъ. Кислородъ имѣетъ огромное примѣненіе въ медицинѣ и во многихъ случаяхъ является незамѣнимымъ средствомъ. Его примѣняютъ для вдыханій, для подкожныхъ впрыскиваній, въ случаѣ удушья или глубокаго обморочнаго состоянія, при нѣкоторыхъ легочныхъ болѣзняхъ и въ случаѣ иныхъ отравленій, какъ, напр., окисью углерода.

Докторъ Тулузъ, завѣдующій клиникой душевно-больныхъ въ окрестностяхъ Парижа, сдѣлалъ очень интересные опыты примѣненія леченія кислородомъ при нѣкоторыхъ душевныхъ болѣзняхъ.

Исходя изъ того положенія, что зачастую болѣзни и вызванное ими замедленіе функціонированія мозговыхъ центровъ имѣютъ въ основѣ истощеніе нервныхъ центровъ, онъ сдѣлалъ попытку вызвать ихъ усиленную дѣятельность путемъ подкожныхъ впрыскиваній кислорода. Опыты оказались очень удачны по результатамъ. Больному впрыскиваютъ около 250 см. кислорода, что происходитъ вполнѣ безболѣзненно. Нѣсколькихъ впрыскиваній бываетъ достаточно для значительнаго улучшенія состоянія здоровья больного, а въ иныхъ случаяхъ и для полнаго выздоровленія. Буйные помѣшанные приходятъ въ спокойное состояніе, меланхолики утрачиваютъ значительную долю своей подавленности. („Моск. Газ.“).

Новое теченіе въ зоопсихологіи. Читатели „Бюллетеней“ знаютъ о знаменитыхъ лошадяхъ К. Кралля „Мухамедѣ“ и „Царифѣ“ и ихъ поразительныхъ способностяхъ къ счету (№ 18 за 1911/2 г.). То, что продѣлываютъ эти, обученныя по особой системѣ лошади, совершенно не согласуется ни съ научными, ни даже съ ходячими представленіями объ умѣ животныхъ. Уже не разъ спеціальныя комиссіи ученыхъ провѣряли въ Эльберфельдѣ опыты Кралля, но, такъ какъ до сихъ поръ экспертизу не удавалось обставить строго научно, ученый міръ продолжаетъ дѣлиться на „вѣрующихъ“ и „невѣрующихъ“.

Любопытенъ контрольный аппаратъ, изобрѣтенный теперь въ парижскомъ психологическомъ институтѣ, для командируемой инсти-

тутомъ въ Эльберфельдъ лошадиной „экзаменаціонной“ комиссіи. Онъ состоитъ изъ длиннаго ящика, раздѣленнаго на пять перегородокъ. Въ каждой перегородкѣ поставлено по волчку съ граненными боками. На граняхъ 1-го, 3-го и 5-го волчковъ написаны цифры отъ 0 до 9; на граняхъ промежуточныхъ волчковъ, 2-го и 4-го, изображены знаки ариѳметическихъ дѣйствій—сложенія, вычитанія и т. д. Наконецъ, на задней сторонѣ перегородокъ, откуда будутъ глядѣть лошади, продѣланы отверстія, передняя же сторона плотно закрыта отъ глазъ публики.

Экзаменъ долженъ быть произведенъ такъ. Экзаминаторъ заставляетъ волчки вертѣться, не видя ихъ. Повертѣвшись, волчки останавливаются, и грани ихъ, обращенныя къ лошадямъ, показываютъ тѣ или иные цифры и знаки, видимые только лошадьми. Представимъ, напримѣръ, что лошади увидятъ слѣдующее:

$$7 - 3 \times 2$$

Онѣ должны будутъ сдѣлать вычисленіе и получить результатъ $= 8$. Только послѣ этого комиссія откроетъ ящикъ и увидитъ, какія цифры были передъ лошадьми. Такимъ способомъ будетъ устранена всякая возможность хотя бы безсознательнаго „подсказыванія“ отвѣта.

Въ Эльберфельдѣ побывалъ и одинъ изъ русскихъ спеціалистовъ, московскій профессоръ Г. Кожевниковъ, и теперь въ „Утрѣ Россіи“ въ большой статьѣ (№№ 283 и 284) онъ дѣлится своими впечатлѣніями и выводами о загадочныхъ лошадяхъ, а также, кстати, сообщаетъ о не менѣе удивительныхъ мыслительныхъ способностяхъ собаки „Рольфа“ и кошки „Дэзи“, главное же—отмѣчаетъ то новое теченіе въ наукѣ, которое вызвано опытами надъ разными этими феноменами животнаго міра.

„Какъ бы то ни было,—пишетъ профессоръ,—можно считать несомнѣнно доказаннымъ, что лошади Кралля дѣйствительно рѣшаютъ нѣкоторыя задачи и выстукиваютъ отвѣты на вопросы, а иногда говорятъ и собственныя мысли. Но явленіе это далеко не такъ просто и схематично, какъ это покажется на первый взглядъ.

Передо мною лежатъ многочисленные неопубликованные еще протоколы относительно собаки „Рольфа“ и кошки „Дэзи“, принадлежащихъ г-жѣ Паулѣ Мэкель изъ Маннгейма, женѣ врача. Если все написанное въ этихъ протоколахъ вѣрно и точно, то мы имѣемъ передъ собою проявленіе ума гораздо болѣе высокаго, чѣмъ у лошадей, въ особенности у „Рольфа“. Этого надо было ожидать, такъ какъ собака несомнѣнно умнѣе лошади и имѣетъ больше возможности развить свой умъ, выходясь въ комнатахъ, въ постоянномъ общеніи съ человѣкомъ.

Непрерывное общеніе съ госпожой и дѣтьми, постоянные разговоры, объясненіе собакѣ разныхъ предметовъ и явленій расширили ея умственный кругозоръ. Собака, какъ и многія другія комнатныя собаки, понимала много словъ. И вотъ однажды она совершенно неожиданно проявила способности къ счету. Разсказъ объ этомъ носитъ характеръ чего-то невѣроятнаго, но какъ бы то ни было, онъ уже напечатанъ какъ послѣдняя новость въ только что основанномъ научномъ журналѣ „Извѣстія общества для изученія психологіи животныхъ“. Дѣло было такъ: г-жа Мэкель учила маленькую дѣвочку ариѳметикѣ. Собака постоянно присутствовала при урокахъ, внимательно слушая. Однажды задача была такова, что въ ней при сложеніи приходилось сложить два и два. Дѣвочка запнулась. Мать попрекнула ее и сказала: „Навѣрное, даже „Рольфъ“ знаетъ это!“ И вотъ собака царапнула четыре раза по рукѣ своей госпожи, давая отвѣтъ на $2+2$. Ее начали тотчасъ же учить счету, въ которомъ она обнаружила большія способности, а затѣмъ по особой азбукѣ, которую собака сама себѣ назначала, выбравши для каждой буквы опредѣленное число постукиваній, началась диктовка отвѣтовъ на вопросы и даже высказываніе собственныхъ мыслей въ гораздо болѣе широкой мѣрѣ, чѣмъ у лошадей Кралля.

Собачья азбука совершенно случайная: такъ, напримѣръ, *а* обозначается какъ 4, *в* — 7. *с* — 24, *д* — 9 и т. п. Собака узнаетъ, что нарисовано на картинахъ, называетъ характерные признаки предметовъ, какъ, напримѣръ, окраску, передаетъ собственныя впечатлѣнія. Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ ночью она будитъ хозяйку и стучитъ ей: „слышу птицъ“. Въ это время кричали совы. Когда ее поймали за преступленіемъ—тащила бисквитъ со стола — и стали упрекать въ дурной постукѣ, она въ оправданіе сказала (т.-е. выстукала): „Кошка взяла мой“.

Невѣроятно, скажете вы. Я тоже это говорю, но приходится вѣрить протоколамъ, подписаннымъ нѣсколькими лицами, а также показаніямъ г-жи Мэкель, которую мы не имѣемъ никакого основанія подозрѣвать въ обманѣ. Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, удивительныя способности „Рольфа“ и кошки „Дэзи“, которая тоже диктуетъ не хуже, станутъ общепризнаннымъ достояніемъ; неправдоподобное будетъ покончено критикой, но суть дѣла останется — животныя могутъ выражать свои мысли членораз-

ческимъ языкомъ! И то, что останется, составитъ переворотъ въ наукѣ.

Съ одной стороны, есть до сихъ поръ „невѣрующіе“, а съ другой — только что основался и выпустилъ первую книжку спеціальный журналъ „Душа животныхъ“ („Tierseele“), только что основалось спеціальное общество для изученія психологіи животныхъ и выпустило три номера своихъ „Извѣстій“. Страницы этихъ изданій, посвященныя новому направленію въ изученіи психологіи животныхъ, украшены именами солидныхъ ученыхъ. Началось что-то новое, крупное, удивительное. Нѣчто, около чего мы ходили вѣками, не подозрѣвая о его существованіи и лишь смутно догадываясь, — способность животныхъ понимать и мыслить явилась передъ нами, подтверждаемая неоспоримыми фактами; и трудно даже предвидѣть, въ какомъ новомъ свѣтѣ мы будемъ разсматривать психику животныхъ въ близкомъ будущемъ.

Если мы остановимся на объясненіи, что животныя дѣйствительно соображаютъ и понимаютъ счетъ и диктовку сказаннаго, или даже сами диктуютъ нѣкоторыя свои мысли, то мы стоимъ передъ *великимъ научнымъ открытіемъ въ области біологіи,* которое открываетъ намъ самыя широкія и неожиданныя перспективы“.

Искусственныя почки. Трудно представить себѣ что-нибудь остроумнѣе этого замѣчательнаго прибора, который демонстрировался на 9-мъ международномъ конгрессѣ физіологовъ, происходившемъ недавно въ Гронингенѣ (Голландія).

Приборъ построенъ на законахъ диффузіи. Кто не знастъ элементарнаго опыта съ пробиркой изъ коллодія, въ которую налитъ почти безцвѣтный растворъ желѣзнаго купороса. Если такую пробирку погрузить въ стаканъ съ такимъ же безцвѣтнымъ растворомъ дубильной кислоты, то жидкость въ стаканѣ постепенно превратится въ чернила. Образующіяся при этомъ черныя струи наглядно показываютъ, какъ жидкость изъ пробирки диффундируетъ сквозь коллодіальную перепонку и обнаруживаетъ себя тѣмъ, что образуетъ въ стаканѣ новое соединеніе (дубильно-кислое желѣзо,— чернаго цвѣта).

Извѣстно также, что диффузія есть основной законъ, на которомъ основанъ обмѣнъ веществъ въ нашемъ организмѣ. Всѣ растворимыя вещества, ставшія негодными, диффундируютъ прежде въ кровь, сквозь стѣнки капилляровъ, и такимъ образомъ, вымываются изъ организма токомъ крови. Изъ крови они также диффундируютъ въ почки и выдѣляются вонъ.

Теперь представьте себѣ, что у животнаго подъ наркозомъ мы высасываемъ кровь посредствомъ искусственной піявки и пропускаемъ ее въ цѣлый рядъ коллодіальныхъ трубочекъ. Для опыта ихъ берутъ отъ 16 до 48. Эти трубочки расположены параллельно и окружены рингеровскимъ растворомъ. Растворъ предварительно нагрѣвается до температуры тѣла и, медленно стекая, непрерывно возобновляется.

Кровь протекаетъ по трубочкамъ, затѣмъ изъ послѣдней трубочки опять вводится въ шейную, либо бедряную вену животнаго и, какъ ни въ чемъ не бывало, поступаетъ въ общій круговоротъ крови. Приставивши къ тѣлу кровососный аппаратъ съ трубочками, мы только дѣлаемъ нѣчто въ родѣ отводнаго канала и увеличиваемъ кругъ кровообращенія для небольшого количества крови, которая теперь удлиняетъ свой обычный путь и временно поступаетъ въ аппаратъ для эксперимента.

Трубочки, какъ сказано, состоятъ изъ коллодія и погружены въ постоянно обновляющійся соляной растворъ. Значитъ, кровь, вступая въ трубочки, оказывается въ совершенно новыхъ для нея условіяхъ для диффузіи, и здѣсь отдаетъ рингеровскому раствору всѣ безъ исключенія вещества, которыя только содержатся въ ней и которыя могутъ диффундировать сквозь тонкую стѣнку коллодія.

А это намъ и надобно. Мы собираемъ стекающій рингеровскій растворъ и, по окончаніи опыта, подвергаемъ его изслѣдованію. Опытъ можетъ продолжаться безъ всякаго вреда для животнаго часовъ 16, а то и больше.

Анализъ раствора, послѣ его сгущенія, откроетъ намъ всѣ вещества, которыя содержатся въ крови въ самомъ ничтожномъ количествѣ и которыхъ мы не могли бы открыть никакими другими путями.

Такимъ образомъ, удалось обнаружить въ крови значительное количество амидокислотъ и мочевины, а также слѣды сахара и пептоновъ.

Въ нѣкоторомъ отношеніи эта искусственная почка дѣйствуетъ совершенно такъ же, какъ и настоящая. Если мы, напримѣръ, вводимъ въ организмъ салициловые препараты, то всѣ они цѣликомъ выдѣляются почками. Прослѣжено точно, сколько времени требуется на такое выдѣленіе. Оказывается, что искусственная почка выдѣляетъ или высасываетъ ихъ изъ крови нѣсколько скорѣе, т.-е. въ большемъ количествѣ въ ту же единицу времени.

Изобрѣтатели этого остроумнаго способа, д-ръ Раунтри и проф. Абель изъ Балтимора (С. Штаты), уже продѣлали съ нимъ много интереснѣйшихъ опытовъ надъ изученіемъ явленій метаболизма. Теперь эти опыты, конечно, станутъ необходимой принадлежностью каждой физіологической лабораторіи.

Но и для медицины они открываютъ весьма широкія перспективы. Если плохо дѣйствуютъ собственныя почки, можно приставить на время одну-двѣ искусственныя. Если организмъ отравленъ и здоровыя почки не могутъ своевременно вывести яда, можно поставить вспомогательную для нихъ почку.

Наконецъ, коллодій, можетъ быть, слишкомъ плотенъ для нѣкоторыхъ формъ диффузіи въ живомъ организмѣ. Можетъ быть, для этой цѣли окажутся наиболѣе пригодными какія-нибудь готовыя животныя перепонки, спеціально для этого обдѣланныя. Можетъ быть, сквозь животную перепонку, какъ пористую, станутъ проходить и нѣкоторые болѣе мелкіе виды микробовъ, особенно, если въ рингеровскій растворъ прибавить какого-нибудь вещества, которое оказываетъ притягательное дѣйствіе на этихъ микробовъ.

Словомъ, открывается совершенно новое, широкое поле для изслѣдованія организма или состава его крови и для промыванія его путемъ фильтраціи. Конечно, промываніе это не можетъ быть совершеннымъ, такъ какъ вся масса крови — слишкомъ велика сравнительно съ той, которая можетъ протекать сквозь промывательный приборъ. Но организмъ вѣдь и самъ дѣйствуетъ активно, и потому очень важно хотя бы немного облегчить ему борьбу съ вредными началами и хоть нѣкоторую часть ихъ выдѣлить этимъ искусственнымъ насосомъ. Съ остальной частью онъ справится самъ.

Пока это — только блестящая идея, оправданная опытомъ. Возможно, что практика выработаетъ наиболѣе легкіе и простые способы — выдѣлять въ аппаратъ изъ крупныхъ артерій максимальное количество крови. Можетъ быть, кровеносные сосуды, взятые отъ другого животнаго, окажутся неизмѣримо практичнѣе трубочекъ изъ коллодія, и ихъ фильтрующее дѣйствіе будетъ сильнѣе. Объ этомъ мы узнаемъ въ ближайшемъ будущемъ.

Само собой разумѣется, что опытъ ведется со всѣми предосторожностями противъ зараженія крови. Кажется еще не бывало примѣра, чтобы кровь, выведенная изъ организма, поступала въ него снова, какъ будто она совсѣмъ и не вытекала изъ него. (М. Новорусскій. „Рѣчь“).

„Шопированіе“. Новое слово это, новый terminus technicus, взялось отъ фамиліи швейцарскаго инженера Шопа, который открылъ замѣчательно практичный способъ металлизаціи предметовъ — посредствомъ особаго металлическаго „пульверизатора“.

„Шопировать“ можно все, и металлы, и дерево, и картонъ и стекло, и камень, и цементъ, и животные и растительные продукты.

Шопировать можно крыши домовъ и корпуса вагоновъ, стѣны нашихъ комнатъ и ткани, мостовыя сооруженія и днища морскихъ судовъ, каркасы воздушныхъ шаровъ и телеграфные столбы, калориферы и купола церквей, нефтяныя цистерны и пивоваренные чаны, химическую посуду и всякія издѣлія изъ дерева, стекла, глины и фарфора.

Способъ, введенный Шопомъ менѣе года назадъ, уже настолько зарекомендовалъ себя, что во Франціи сдѣланъ первый заказъ моста съ покрытіемъ по этому способу.

Въ Петербургѣ тоже устраивается общество эксплоатаціи способа Шопа, и въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, появятся издѣлія, о которыхъ всякій потребитель затруднится сказать, какъ они сдѣланы.

Вотъ, напр., изящная и массивная подставка подъ лампу изъ темной бронзы. Внутри, говорятъ, она отлита „изъ всякой дряни“, и только тонкая наружная пленка даетъ ей видимость бронзы. Вотъ чугунная кастрюля, прекрасно вылуженная внутри, хотя мы знаемъ, что ни одинъ лудильщикъ не можетъ лудить чугуна. Вотъ всякія точеныя, рѣзныя, дутыя и штампованныя издѣлія, мѣдныя, латунныя, бронзовыя, аллюминіевыя и друг. Они имѣютъ прекрасную видимость настоящихъ металловъ, но сдѣланы либо изъ желѣза, либо изъ дерева, либо изъ папье-маше. И опредѣлить это можно только по вѣсу, взявши вещь въ руки.

Но вотъ и яйцо куриное,—настоящее,—крытое мѣдью. Какія перспективы открываетъ оно! Наварите сразу пасхальныхъ яицъ на 10 лѣтъ, и они черезъ 10 лѣтъ, покрытыя мѣдью, будутъ также свѣжи, какъ и сегодняшнія. Представьте себѣ, что на склонѣ вашихъ дней вамъ подаютъ къ завтраку яйцо, которое шопировала ваша матушка для васъ лѣтъ 60 назадъ! И оно такъ же свѣжо, какъ свѣжи всѣ продукты, которыхъ не коснулось ни время, ни тлѣніе.

Сущность способа Шопа состоитъ въ томъ, что металлъ въ особомъ аппаратѣ (пистолетѣ) плавится и въ моментъ плавленія пульверизируется. Дутье происходитъ подъ давленіемъ восьми атмосферъ, и потому распыленіе получается идеальное. Дуло пистолета направляется, куда

нужно, и струя распыленнаго металла ударяетъ въ поверхность, внѣдряется въ нее и покрываетъ сплошной плотной пленкой.

Таковъ фактъ. И въ этомъ невѣроятность этого факта. Если бы струя расплавленнаго металла долетала до поверхности въ жидкомъ видѣ, то это былъ бы новый родъ металлизированія черезъ огонь, и больше ничего. Но она долетаетъ не въ жидкомъ видѣ, потому что она охлаждается почти моментально. Струя сжатаго воздуха подхватываетъ струю металла и, расширяясь, сильно охлаждается, охлаждая и самый металлъ. Подъ эту струю можно подставить руку, и она не сожжетъ ее. Можно подставить яблоко, и она не сваритъ его.

Но если такъ, то какимъ образомъ струя *нерасплавленнаго* металла можетъ создать на поверхности сплошную кроющую пленку? И почему эта пленка крѣпко, неотдѣлимо, пристаетъ къ покрываемой поверхности, изъ чего бы она ни состояла?

Вотъ вопросы, которые способъ Шопа ставитъ передъ физиками. Техникамъ же некогда задумываться надъ ними. (М. Новорусскій. „Рѣчь“).

Жидкій углеродъ. Открытіе жидкаго углерода—безспорно, одно изъ замѣчательнѣйшихъ открытій послѣдняго времени. До сихъ поръ углеродъ былъ извѣстенъ лишь въ твердомъ состояніи, и наблюдалось, что при сильномъ нагрѣваніи въ вольтовой дугѣ онъ превращается въ пары. Въ твердомъ состояніи углеродъ извѣстенъ въ трехъ видахъ: въ двухъ кристаллическихъ—въ видѣ алмаза и графита и въ безформенномъ (аморфномъ): это—уголь, получаемый искусственно, путемъ обугливанія различныхъ органическихъ соединеній. Привести углеродъ въ жидкое состояніе до сихъ поръ не удавалось, если не считать опытовъ Муассана, уже сдѣлавшаго кое-что въ этомъ направленіи.

Честь открытія принадлежитъ бреславльскому профессору Луммеру. Самая сущность открытія—чрезвычайно проста. Для того, чтобы расплавить углеродъ, нужна вольтова дуга, притомъ вовсе нѣтъ надобности въ чрезвычайной силѣ тока,—достаточно 220 вольтъ. Дуга получается, однако, не на воздухѣ, а въ герметически замкнутомъ сосудѣ, изъ котораго можетъ быть выкачанъ воздухъ. При разряженіи воздуха до 500—600 милим. давленія, уголь начинаетъ кипѣть, ниже 500 млм. онъ становится тягучимъ, жидкимъ, при 400 млм. онъ дѣлается совершенно жидкимъ и остается въ такомъ видѣ при дальнѣйшимъ разряженіи. Наконецъ, при 100 млм. давленія кипѣніе углерода прекращается. Въ результатѣ кипѣнія и плавленія, уголь превращается въ чистый графитъ. Такимъ образомъ, для успѣшнаго плавленія угля необходимо лишь пониженіе давленія.

Какое практическое значеніе будетъ имѣть открытіе Луммера, пока трудно учесть. Но главное примѣненіе жидкаго углерода — это, разумѣется, изготовленіе искусственныхъ алмазовъ. Приближается давно жданная перспектива — получать лабораторнымъ путемъ какіе угодно алмазы въ произвольномъ количествѣ. Если бы это случилось, алмазы, въ качествѣ предмета роскоши и тщеславія, утратили бы всякій интересъ. Зато техника получила бы могучее и дешевое орудіе для обработки стекла, твердыхъ каменныхъ породъ, либо твердыхъ металловъ, неподдающихся стали.

Тогда мы вонзили бы это дешевое орудіе въ каменную грудь горныхъ скалъ и цѣлыхъ хребтовъ и буравили бы ихъ въ произвольномъ мѣстѣ съ такой же легкостью, съ какой столяръ буравитъ дерево. Тоннели и шахты дѣлались бы легко и повсемѣстно, въ любой горной породѣ. А это широко распахнуло бы передъ нами нѣдра земныя и обнажило бы не только ихъ скрытое строеніе, ихъ таинственный составъ на значительной глубинѣ, но сдѣлало бы явными и всѣ ихъ скрытыя сокровища.

Наконецъ, всякій строительный камень мы получали бы въ любой формѣ и любого размѣра при посредствѣ алмазныхъ пилъ. „Камнепильные“ заводы дадутъ намъ сколько угодно каменныхъ плитъ и каменныхъ досокъ и брусьевъ, лишь только алмазное производство станетъ приготовлять алмазныя пилы не дороже обыкновенныхъ стальныхъ, столярныхъ и лѣсопильныхъ.

И кто знаетъ, не настанетъ ли у насъ тогда новый „каменный“ вѣкъ, на мѣсто деревяннаго? И не станетъ ли будущій столяръ изучать горныя породы со столярной точки зрѣнія такимъ же образомъ, какъ теперь онъ изучаетъ породы древесныя?

Но не эта утилитарная сторона соблазняетъ сейчасъ людей науки. Роль углерода въ строеніи нашей планеты, равно какъ и въ эволюціи небесныхъ свѣтилъ, все-таки до сихъ поръ была темной.

На землѣ не мало есть залежей графита. Затѣмъ, происхожденіе графита изъ каменнаго угля было доказано не разъ при изученіи пластовъ каменнаго угля. Графитъ считается конечнымъ продуктомъ обугливанія растеній, погребенныхъ въ нѣдрахъ земли. Но спрашивается: *весь ли* графитъ на землѣ слѣдуетъ считать продуктомъ растительной жизни? И въ част-

ности: нахожденіе графита въ древнѣйшихъ отложеніяхъ, относящихся къ архейской эрѣ, служитъ ли доказательствомъ того, что въ эту эру была богатая растительная жизнь?

Или же этотъ графитъ, равно какъ и всякій другой, могъ образоваться изъ расплавленнаго углерода, при его охлажденіи,—точно такъ же, какъ и всякая другая „вулканическая“ горная порода? И тогда присутствіе графита въ извѣстныхъ слояхъ никоимъ образомъ не можетъ считаться доказательствомъ существованія органической жизни на этихъ слояхъ.

А съ другой стороны, если расплавленный углеродъ находился на землѣ въ большихъ количествахъ, то почему онъ твердѣлъ только въ формѣ графита? И почему его кристаллическая форма затвердѣванія, т.-е. алмазъ, встрѣчается только въ видѣ мелкихъ и очень рѣдкихъ крупинокъ и не встрѣчается въ видѣ сплошныхъ кристаллическихъ залежей, на манеръ кварца?

Если эти залежи были, но потомъ во время разныхъ пертурбацій сгорѣли, то почему именно сгорѣла алмазная форма углерода, и не сгорѣла аморфная, т.-е. самъ графитъ?

И наконецъ, если углеродъ расплавляется въ жидкость только подъ давленіемъ, то не находится ли онъ и въ настоящее время въ нѣдрахъ земли въ расплавленномъ состояніи, постоянно готовый къ образованію углеродистыхъ металловъ? И тогда гдѣ же та промежуточная стадія, при которой жидкій углеродъ превращается не въ графитъ, а въ алмазъ?

Вотъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые возникаютъ сами собой каждый разъ, какъ мы думаемъ о жидкомъ углеродѣ. Если бы мы имѣли въ рукахъ жидкій углеродъ и могли получать его въ достаточномъ количествѣ! Тогда наши лабораторные опыты съ нимъ уяснили бы намъ цѣлую страницу жизни нашей планеты, ту самую интересную страницу, которая связана не только съ углеродомъ, но и съ превращеніемъ углерода послѣ смерти организма.

Наконецъ, эти опыты вывели бы насъ за предѣлы нашей планеты и доказали бы намъ возможность существованія графита на любой планетѣ — внѣ всякой связи съ органической жизнью на этой планетѣ.

И тогда тѣ рѣдкіе метеориты, въ которыхъ встрѣчается углеродъ въ различныхъ формахъ и соединеніяхъ, показались бы намъ не вѣстниками далекой жизни на неизвѣстной намъ планетѣ, а простыми минеральными обломками, присутствіе углерода въ которыхъ не даетъ намъ никакого права предаваться біологическимъ мечтаніямъ. (М. Новорусскій. „Рѣчь“.—П. Ю. „День“).

Ультра-фіолетовые лучи. Уже давно было извѣстно о существованіи невидимыхъ для нашего глаза лучей въ солнечномъ спектрѣ (различаемыхъ, однако, нѣкоторыми низшими животными,—ракообразными): ультра-фіолетовыхъ и инфра-красныхъ. И уже давно замѣчательныя особенности этихъ лучей привлекали къ себѣ вниманіе дѣятелей науки. Интересъ и важность изученія, напр., ультра-фіолетовыхъ лучей, увеличились съ тѣхъ поръ, какъ замѣчена была ихъ способность вызывать химическую реакцію въ нѣкоторыхъ веществахъ,—то превращеніе сахара въ спиртъ и угольную кислоту (броженіе), которое раньше умѣли достигать лишь съ помощью живыхъ организмовъ—дрожжевыхъ клѣтокъ, или ферментовъ. Другое отличительное свойство ультра-фіолетовыхъ лучей—ихъ абіотичность, т.-е. они губительны для жизни. Лучи эти—опаснѣйшіе изъ всѣхъ извѣстныхъ. Англійскій романистъ Уэльсъ, въ своей „Борьбѣ міровъ“, какъ бы предвидѣлъ эту необычайную разрушительную силу свѣта, вооруживъ героевъ романа, спустившихся на нашу планету марсіянъ, токомъ какихъ-то страшныхъ лучей, все опустошавшихъ, убивавшихъ на своемъ пути... Мы не страдаемъ отъ дѣйствія ультра-фіолетовыхъ лучей только потому, что окружающій насъ солнечный свѣтъ содержитъ лишь незначительное количество этихъ лучей (задерживаются атмосферой). Абіотичность невидимыхъ лучей даетъ намъ возможность воспользоваться ихъ силой, искусственно усиливая ее, въ цѣляхъ гигіены: посредствомъ лампочекъ, излучающихъ ультрафіолетовый свѣтъ, напр., стерилизуютъ съ успѣхомъ воду, молоко и другія питательныя жидкости, очищаютъ воздухъ зараженныхъ мѣстностей. Даже такіе выносливые микробы, какъ туберкулезные, погибаютъ подъ дѣйствіемъ названныхъ лучей.

Но таинственные „невидимые“ лучи оказываются еще болѣе таинственными и „магическими“. Въ Парижѣ проф. Д. Бертло, одинъ изъ виднѣйшихъ французскихъ ученыхъ, весьма успѣшно работающій надъ вопросомъ о химическомъ питаніи человѣка и, въ частности, надъ дѣйствіемъ ультра-фіолетовыхъ лучей въ этой области (см. „Бюл.“ № 1), въ послѣднемъ своемъ докладѣ сообщаетъ о новомъ поразительномъ свойствѣ названныхъ лучей. Они... „перевариваютъ“ пищу!

Природная лабораторія, желудокъ, не вѣдаетъ ни сильныхъ кислотъ, ни сильныхъ щелочей, посредствомъ которыхъ химикъ разлагаетъ

пищу. Пища въ желудкѣ переваривается благодаря многочисленнымъ растворяющимъ ферментамъ—слюнѣ, желудочному соку и т. д.—и столь же надежно разлагается ими, какъ и самыми сильными кислотами.

Пользуясь такими свойствами пищеварительныхъ ферментовъ, физіологи осуществляютъ искусственное пищевареніе, помѣщая въ свои колбы пищу съ названными веществами и поддерживая ее при температурѣ, близкой къ нормальной.

Теперь проф. Бертло нашелъ, что искусственное пищевареніе можно вызывать и помимо ферментовъ, помѣстивъ пищу въ хрустальный сосудъ и освѣтивъ ее ультра фіолетовыми лучами. Можно видѣть, какъ при этомъ пища переходитъ черезъ всѣ стадіи пищеваренія.

Можетъ-быть, немного спустя окажется возможнымъ облегчать пищевареніе погруженіемъ въ желудокъ маленькой лампы, дающей ультрафіолетовый свѣтъ?..

Но вотъ наукѣ удалось подойти вплотную еще къ одной тайнѣ невидимыхъ лучей, и новое открытіе—тоже весьма цѣнно какъ для самой науки, такъ и для практической жизни. Американскій проф. Р. Вудъ и другіе ученые сдѣлали очень удачные опыты фотографированія посредствомъ ультра-фіолетовыхъ и инфракрасныхъ лучей. Объ этихъ опытахъ подробно говоритъ „Нов. Вр.“ (№ 13549).

Такъ какъ для ультра-фіолетовыхъ лучей прозрачные для нашего глаза предметы совершенно непроницаемы, то пользоваться при фотографированіи обыкновенными объективами, сдѣланными изъ стекла, нельзя. Проф. Вудъ построилъ объективъ изъ кварца, вещества вполнѣ проницаемаго для невидимыхъ лучей этого разряда. Чтобы устранить проникновеніе черезъ такой объективъ видимыхъ лучей, онъ высеребрилъ очень тонкимъ слоемъ заднюю сторону линзы. Такимъ образомъ всѣ видимые лучи отражаются, а тонкій слой серебра не препятствуетъ прохожденію черезъ него невидимыхъ ультра-фіолетовыхъ лучей.

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ снимковъ, сдѣланный Вудомъ, это—снимокъ луны. Казалось бы страннымъ, что мы можемъ опредѣлить находящіяся вещества на наиболѣе отдаленныхъ планетахъ, между тѣмъ какъ на нашей ближайшей сосѣдкѣ—лунѣ химическія вещества намъ совершенно или почти неизвѣстны. Тутъ есть всѣ данныя думать, что они по составу мало чѣмъ отличаются отъ веществъ, составляющихъ землю, но спектроскопъ намъ ничего не говоритъ, такъ какъ луна не имѣетъ собственнаго свѣта и свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ. Многія земныя вещества могутъ быть узнаны сразу по виду, гдѣ главнымъ образомъ играетъ роль въ девяти случаяхъ изъ десяти цвѣтъ даннаго вещества. Но на лунѣ мы находимъ мало или только слѣды окраски составляющихъ ее веществъ даже въ самые лучшіе телескопы. Снимая луну желтыми лучами, фіолетовыми и ультра-фіолетовыми, проф. Вудъ замѣтилъ, что темное пятно около кратера Аристарха было мало замѣтно на снимкѣ, сдѣланномъ желтыми лучами, оно болѣе выдѣлилось на снимкѣ, сдѣланномъ фіолетовыми, и наконецъ рѣзко выдѣлилось на снимкѣ, сдѣланномъ ультра-фіолетовыми лучами. Тогда проф. Вудъ, снимая различные минералы и нѣкоторые изъ нихъ вулканическаго происхожденія, наконецъ нашелъ одинъ изъ нихъ, который такъ же, какъ и пятно около кратера Аристарха, мало выходилъ на снимкахъ желтымъ свѣтомъ и рѣзко на снимкахъ ультрафіолетовыми лучами. Химическій анализъ показалъ присутствіе окиси желѣза и слѣды сѣры. Но такъ какъ окись желѣза не воспроизводится ультра-фіолетовыми лучами на фотографической пластинкѣ, а сѣра, наоборотъ, выходитъ очень рѣзко, то, сопоставляя снимки, сдѣланныя съ луны и съ этого минерала, можно почти съ увѣренностью сказать, что черное пятнышко, вышедшее около кратера Аристарха, состоитъ изъ минерала, содержащаго сѣру, а такъ какъ сѣра почти всегдашняя спутница массъ вулканическаго происхожденія, то это вноситъ значительный интересъ въ споръ относительно того, дѣйствительно ли такъ называемые „кратеры“ на лунѣ — потухшіе вулканы.

Проф. Вудъ между прочимъ примѣнилъ ультра-фіолетовые лучи къ открытію стертыхъ и вновь передѣланныхъ надписей, что можетъ имѣть громадное значеніе для судебной экспертизы. Для этого изслѣдуемый документъ освѣщался кварцевой лампой, богатой ультра-фіолетовыми лучами, и снимался кварцевымъ объективомъ. То мѣсто, гдѣ было тщательно вычеркнуто или вытравлено слово, рѣзко выдѣлялось на снимкѣ.

Уже изъ этихъ примѣровъ видно, какую громадную будущность можетъ имѣть примѣненіе такъ назыв. невидимыхъ лучей въ научной фотографіи.

F-лучи („Лучи Уливи“). Научные журналы объ этихъ лучахъ пока умалчиваютъ. Къ сенсаціонному открытію итальянскаго инженера Уливи представители науки относятся съ весьма понятной осторожностью, выжиданіемъ и, настроенные скептически, не торопятся сдѣлать

новонайденные „лучи“ предметомъ изслѣдованія. Впрочемъ, самъ изобрѣтатель ревниво оберегаетъ свою тайну. Однако, что ни представляло бы собою открытіе Уливи, нельзя не считаться съ тѣмъ, что серьезное вниманіе къ его опытамъ все растетъ — и въ ученомъ мірѣ, и въ военныхъ сферахъ разныхъ странъ. Такъ импонирующе дѣйствуетъ все то, что уже удалось показать Уливи при помощи своихъ таинственныхъ аппаратовъ (напр., въ Англіи).

Изъ тѣхъ свѣдѣній, что сообщаютъ объ этомъ газеты, беремъ слѣдующее.

По нѣкоторымъ даннымъ, F-лучи — это, будто бы, невидимые лучи, располагающіеся за предѣлами ультра-фіолетовой части спектра. Они распространяются по прямой линіи на разстояніи до 13 километровъ и проникаютъ при этомъ подобно рентгеновскимъ иксъ-лучамъ черезъ всѣ металлы, за исключеніемъ свинца. Взрывающее дѣйствіе ихъ основано на томъ, что они, будто бы, производятъ измѣненіе въ молекулахъ тѣлъ, которыя ими освѣщаются, и образующееся при этомъ треніе (?) вызываетъ развитіе теплоты, достаточной для взрыва пороха, нитроклѣтчатки, динамита и т. п.

По другимъ свѣдѣніямъ, F-лучи будто бы вызываютъ появленіе искръ изо всѣхъ металлическихъ частей тѣхъ предметовъ, на которые они падаютъ. Въ силу этого, не только взрывчатыя вещества, но и взрывчатые газы и газовыя смѣси могутъ быть ими взорваны, и, напримѣръ, дирижабли подвергаются при ихъ дѣйствіи страшнѣйшей опасности взрыва.

Относительно аппарата, служащаго для полученія F-лучей, разсказываютъ, что онъ очень простъ и невеликъ. Онъ представляетъ собою ящикъ изъ двухъ отдѣленій, въ одномъ изъ нихъ находится дуговая электрическая лампа, служащая источникомъ свѣта, въ другомъ — двѣ кварцевыя чечевицы и семь цвѣтныхъ пленокъ, поглощающихъ всѣ цвѣтовые лучи спектра, кромѣ ультра-фіолетовыхъ и самихъ F-лучей.

„Лѣтъ пятнадцать назадъ,— разсказывалъ самъ Уливи недавно, въ прочитанномъ имъ въ Флорентійскомъ институтѣ высшихъ наукъ публичномъ докладѣ,— я принялся разрабатывать интересовавшую меня проблему трансформаціи солнечнаго свѣта въ другую форму энергіи, чтобы имѣть возможность утилизировать эту энергію для промышленныхъ цѣлей. Мнѣ удалось добиться слѣдующихъ результатовъ: при помощи спеціальнаго аппарата я получилъ возможность добывать энергію въ одну лошадиную силу на квадратный метръ поверхности аппарата. Тутъ я заинтересовался, такъ сказать, обратною проблемою: какъ трансформировать электрическую энергію въ энергію свѣтовую, производя въ эфирѣ колебанія достаточно быстрыя, чтобы они фиксировались на сѣтчатой оболочкѣ человѣческаго глаза. Какъ извѣстно, такія волны заключаются между нотою красною и нотою фіолетовою, между восемью и четырьмя десятитысячными долями миллиметра. Пользуясь извѣстными опытами Тесла, я построилъ особый аппаратъ, при помощи котораго могу производить электрическія волны, весьма короткія, но одновременно сильнаго напряженія. Повторяя многократно опыты, я получилъ, наконецъ, волну, равную всего семи сотымъ миллиметра.

Во время этихъ опытовъ, производившихся мною въ Клиши, близъ Парижа, случай пришелъ ко мнѣ на помощь: я обнаружилъ, что всѣ металлическія части аппаратовъ и инструментовъ моей лабораторіи, такъ сказать, отзывались на указанныя волны резонансомъ, давая искры. Обитатели сосѣднихъ домовъ жаловались на таинственные звуки — нѣчто въ родѣ крепитаціи — въ газопроводныхъ и водопроводныхъ трубахъ. Одинъ угольщикъ, жившій на разстояніи полутораста метровъ отъ моего жилища, устроилъ мнѣ свирѣпую сцену: во время моихъ опытовъ его лошади бѣсновались, такъ какъ изъ ихъ подковъ сыпались искры...

Естественно, что я заинтересовался этими явленіями. Въ моей памяти свѣжи были подробности взрыва французскаго броненосца „Liberté“, нагруженнаго порохомъ „B“. Я сталъ допытываться, не вызванъ ли былъ ужасный взрывъ этого пороха именно своего рода детонаціей; можетъ-быть, металлическія части броненосца, подъ вліяніемъ какихъ-либо атмосферическихъ феноменовъ, воспроизводили сами электрическія искры, которыя и зажгли порохъ „B“?

Постепенно приспособляя мои аппараты, я добился весьма существенныхъ результатовъ. Я имѣю возможность, такъ сказать, *рефлектировать колебанія*, которыя сопровождаютъ свѣтовыя волны, при чемъ могу ихъ направлять до извѣстной степени въ желаемомъ направленіи. Долженъ признаться, что и сейчасъ мои аппараты нуждаются въ весьма серьезныхъ усовершенствованіяхъ. Но и въ ихъ нынѣшнемъ видѣ я могу по произволу производить взрывъ пороха, находящагося на извѣстномъ отъ меня разстояніи, и, мало того, могу безошибочно на разстояніи опредѣлять нахожденіе металла.

При помощи моихъ аппаратовъ я берусь математически точно обнаружить мѣстонахожденіе крупныхъ металлическихъ предметовъ на поверхности круга съ діаметромъ въ 50 километровъ...

Что именно даютъ мои аппараты?

Аппараты эти производятъ извѣстныя колебанія, при помощи которыхъ я могу, какъ выражаются артиллеристы, идентифицировать и индивидуализировать разстояніе и мѣстонахожденіе тѣхъ предметовъ, которые должны быть обстрѣляны. При помощи другихъ моихъ аппаратовъ я могу посылать по опредѣленному направленію электрическія волны, при чемъ, если по пути этихъ волнъ встрѣчаются взрывчатыя вещества, то эти вещества взрываются.

Эти особыя волны, окрещенныя мною „лучами Уливи“, имѣютъ свойство размагничивать мгновенно „динамо“, находящіяся въ сферѣ ихъ дѣйствія. Обыкновенный черный порохъ, находящійся въ металлическихъ помѣщеніяхъ, подвергаясь воздѣйствію „лучей Уливи“, взрывается. Тотъ же порохъ, заключенный въ деревянныхъ коробкахъ, теряетъ на время свои взрывчатыя свойства. Срокъ этого состоянія равенъ приблизительно пяти или шести днямъ. Въ чемъ разгадка этого явленія,— я самъ еще не знаю.

Когда мною будетъ окончательно разрѣшена проблема примѣненія моего изобрѣтенія для военныхъ цѣлей, я займусь другою стороною вопроса, а именно промышленною. Подумайте, какой колоссальный переворотъ въ металлургическомъ дѣлѣ внесетъ мое изобрѣтеніе, дающее возможность съ математическою точностью опредѣлять мѣстонахожденіе металлическихъ массъ на разстояніи!

Какъ бы то ни было, но вся европейская печать чрезвычайно заинтересована открытіемъ Уливи. Оптимисты ожидаютъ отъ него полнаго уничтоженія войны, такъ какъ, владѣя F-лучами, можно, не сходя съ мѣста, уничтожить соперниковъ, взорвавъ ихъ пороховые магазины и склады, отправивъ ко дну броненосцы и спустивъ съ небесной выси дирижабли. Пессимисты полагаютъ, что если бы такіе лучи удалось открыть, то невозможной стала бы и мирная жизнь! Дѣйствительно, представьте себѣ, что подъ дѣйствіемъ лучей изъ всѣхъ металлическихъ предметовъ вылетаютъ искры; взорвались бы всѣ газовыя трубы, стали бы стрѣлять охотничьи ружья, наконецъ, возникъ бы простой общій пожаръ, такъ какъ электрическія искры могутъ зажечь и бензины и всякія другія легко воспламеняющіяся вещества!..

Для русскихъ читателей изысканія инженера Уливи представляютъ особый интересъ: десять лѣтъ назадъ загадочно погибъ, во время какого-то опыта, М. М. Филипповъ, который, какъ увѣрялъ онъ, открылъ способъ производства взрывовъ на разстояніи. Погибъ онъ самъ, а вмѣстѣ съ нимъ и тайна его открытія.

Новая побѣда безпроволочнаго телеграфа. При всемъ современномъ развитіи техники, мы не можемъ построить приборъ для измѣренія времени, идеально по равномѣрности передвигающій показатель: часы постоянно показываютъ не истинное, а ложное время, разность между которыми называется „поправкой часовъ“. Самые точные часы, хронометры, помѣщаемые въ глубокихъ подвалахъ, гдѣ температура почти не измѣняется, гдѣ они защищены отъ сотрясеній и толчковъ, — измѣняютъ за сутки свои показанія иногда на замѣтную величину, зависящую, главнымъ образомъ, отъ измѣненія барометрическаго давленія. Поэтому тамъ, гдѣ большая точность въ измѣреніи времени необходима, какъ, напримѣръ, въ астрономическихъ обсерваторіяхъ, тамъ провѣрка часовъ, сравненіе ихъ съ естественной единицей, — однимъ обращеніемъ земли вокругъ оси—должна былобы производиться каждыя сутки. Однако, находить, какъ говорятъ, поправку часовъ (что дѣлается обычно по наблюденіямъ звѣздъ или солнца), невозможно при облачномъ небѣ, которое служитъ главнымъ препятствіемъ къ ежесуточнымъ исправленіямъ хода часовъ.

Поиски выхода изъ этого положенія заставили собрать „Международную конференцію времени“, выработавшую замѣчательный проектъ, частью уже осуществленный. Его принципъ былъ высказанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшимъ директоромъ берлинской обсерваторіи В. Фёрстеромъ. По его мысли, безпроволочный телеграфъ долженъ былъ обслуживать всѣ обсерваторіи, доставляя имъ свѣдѣнія о точномъ времени изъ мѣстностей, гдѣ въ данный моментъ, вслѣдствіе отсутствія облаковъ, удалось таковое получить. Международная конференція также остановилась на этой мысли. По ея проекту весь земной шаръ долженъ быть раздѣленъ въ будущемъ на районы съ телеграфными станціями съ такимъ расчетомъ, чтобы не осталось уголка земли, а главнымъ образомъ океана, гдѣ нельзя было бы получить сигнала о точномъ времени. Сейчасъ такихъ участковъ установлено 13, изъ которыхъ всю Европу обслуживаетъ парижская обсерваторія черезъ Эйфелеву башню, ровно въ 12 часовъ дня сообщающая о наступившемъ полднѣ.

Въ нашей Пулковской обсерваторіи уже стоитъ огромная, причудливая, стальная антенна—мачта, служащая пріемникомъ сигналовъ. Ежедневно около 12 часовъ всѣ станціи прекращаютъ посылку телеграммъ, телефонъ замолкаетъ, и вскорѣ слышатся нѣсколько рѣзкихъ ударовъ. Эйфелева башня проситъ при-

готовиться, затѣмъ тишина, и, наконецъ, короткій, рѣзкій ударъ сообщаетъ о полднѣ.

Когда смотришь на Пулковскую мачту — не вѣрится, что это не сонъ, не фантастическій романъ, что при посредствѣ этого стального гиганта и соединеннаго съ нимъ телефона мы можемъ воспринять всѣ парижскія новости черезъ малую долю секунды послѣ отправленія извѣстія. Во время прошлыхъ маневровъ во Франціи, механикъ, устававливавшій въ Пулковѣ пріемникъ, прямо, поднеся телефонную трубку къ уху, передавалъ телеграммы и приказанія о передвиженіи войскъ, нападеніи и отступленіи. Такимъ образомъ, осуществляется мечта о непосредственныхъ сношеніяхъ со всѣмъ міромъ! (С. Гальперсонъ. „День“).

Прогрессъ общественной гигіены.

[614]

„*Недѣля здоровья*“. До этого додумались впервые въ Англіи, еще въ прошломъ году, и уже примѣру ея послѣдвали американскіе Соединенные Штаты. Выдающіеся дѣятели въ области личной и бщественнй гигіены пришли къ мнѣнію, что въ этихъ вопросахъ не будетъ никакого движенія впередъ до тѣхъ поръ, пока каждый отдѣльный членъ общества не сумѣетъ цѣнить все то, что было сдѣлано въ этомъ направленіи, и не будетъ самъ способствовать дальнѣйшему успѣху. Необходимо привлекать вниманіе всѣхъ членовъ общества къ вопросамъ здоровья и такимъ путемъ облегчать работу общественныхъ властей и добровольныхъ сотрудниковъ. Примѣняемый методъ—организація „недѣли здоровья“, въ теченіе которой вниманіе общества концентрируется на вопросахъ здоровья, и послѣднее такимъ образомъ, хотя и на короткое время, становится дѣйствительно центромъ общественнаго вниманія. Въ теченіе недѣли муниципальныя власти, учителя, лекторы, завѣдующіе кинематографическими театрами, промышленники, журналисты, артисты — всѣ дружно работаютъ въ одномъ направленіи. Первая „недѣля здоровья“ была устроена въ апрѣлѣ 1912 г.

Программа „недѣли здоровья“ включаетъ въ себѣ: проповѣди, лекціи въ воскресныхъ школахъ и въ школахъ для взрослыхъ, бесѣды учителей съ дѣтьми въ школахъ, лекціи для рабочихъ мужчинъ и женщинъ на фабрикахъ и заводахъ, посѣщеніе плательщиками налоговъ мувиципальныхъ учрежденій: водопроводовъ, станцій очищенія сточныхъ жидкостей, газовыхъ заводовъ и проч.; кинематографическія представленія соотвѣтствующаго характера, общественныя лекціи, демонстраціи ухода за дѣтьми, приготовленія пищи, физическаго воспитанія и т. п. („Своб. Восп.“).

„*Недѣля чистки города*“. Починъ такой общественной работѣ положенъ въ Америкѣ—въ Соединенныхъ Штатахъ, весною нынѣшняго года (передъ наступленіемъ теплой погоды). Въ теченіе „недѣли чистки“ жители городовъ призывались къ приведенію въ порядокъ и содержанію въ чистотѣ не только жилыхъ помѣщеній, но и лѣстницъ, чердаковъ, мусорныхъ ямъ, дворовъ, улицъ и проч. Въ штатѣ Нью-Іоркъ предварительно устраивались собравія въ городскихъ думахъ, въ аудиторіяхъ высшихъ школъ; обсуждались задачи мѣстной санитаріи и указывалось на необходимость личнымъ участіемъ способствовать успѣху „недѣли чистки города“.

Эта общественная работа ведется по инициативѣ различныхъ учрежденій, напр.: врачебныхъ управленій, или администрацій городовъ, или благотворительныхъ обществъ; такъ, въ Саратогѣ Спрингсъ (штата Нью-Іоркъ), „недѣлю чистки города“ организовала женская Ассоціація. („Своб. Восп.“).

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

1914 г. • Январь. — I. • № 9.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

Отзывы о книгахъ.

199/200. Модестовъ, А. Е. 1:891.7

О смыслѣ жизни въ русской художественной литературѣ XIX в. Вып. I—II. 1914. Спб., изд. „Энергія“. 86 + 106 стр. Ц. 60 + 70 к.

„Вопросъ о смыслѣ жизни — основной, центральный вопросъ человѣческой мысли. Каждый рѣшаетъ его поневолѣ, рѣшаетъ иногда всю жизнь, потому что уйти отъ него нельзя человѣку. Даже тѣ люди, у которыхъ сознаніе спитъ, своею жизнью, своимъ поведеніемъ даютъ отвѣтъ или отвѣты на этотъ вопросъ“. Авторъ считаетъ, что этотъ вопросъ особенно характеренъ для русской литературы, гдѣ часто писатели бросали свою художественную дѣятельность для публицистики и проповѣдничества. Въ двухъ выпускахъ своей книги онъ подбираетъ выдержки, наиболѣе характерныя для даннаго писателя, преимущественно изъ его художественныхъ произведеній, оставляя въ сторонѣ переписку, чтобы не загромождать обиліемъ матеріала. Каждому писателю посвящена предварительная общая характеристика, гдѣ дается оцѣнка его взглядовъ. Въ этой оцѣнкѣ авторъ, по его собственнымъ словамъ, старается спрятаться за писателя, т.-е. избѣгать по возможности своихъ взглядовъ, рискованныхъ заключеній и т. п. Нужно признаться, что это удалось М., насколько, конечно, вообще въ области столь близкой намъ новой литературы можно говорить о безпристрастіи. М. при оцѣнкѣ какого-либо писателя, собственно говоря, мало отходитъ отъ текста, отъ того, что говоритъ самъ художникъ—это его методъ. Говоря объ Ал. Толстомъ, онъ даетъ такую оцѣнку его міровоззрѣнія: „Смыслъ жизни для Толстого—въ красотѣ, въ служеніи ей. Служа красотѣ, служишь Богу, приближаешься къ нему и приближаешь другихъ людей. Это служеніе—и долгъ, и наслажденіе“. Такое опредѣленіе непосредственно вытекаетъ изъ неоднократныхъ лирическихъ признаній Ал. Толстого. То же самое можно сказать о характеристикѣ Гоголя, Лермонтова (презирающаго людей, и въ то же время не могущаго, подобно Демону, удовлетвориться одиночествомъ), Г. Успенскаго, М. Горькаго. При оцѣнкѣ Чехова авторъ не могъ не обратить вниманія на его душевное изящество, и, отступая тѣмъ самымъ отъ текста, отъ буквальнаго пересказа мыслей художника, вѣрно однако подмѣтилъ эту черту въ его характерѣ. Странно только, что разрѣшеніе Чеховскаго пессимизма и обрѣтеніе вѣры въ людей, по мнѣнію автора, выходитъ такое же, какъ у Тургенева, т.-е. чисто художническое. „Можно думать, говоритъ М., что среди другихъ болей человѣчества, Чеховъ отразилъ и облекъ въ образы боль пессимистическихъ мыслей, самъ ихъ не раздѣляя или раздѣляя не вполнѣ“. Намъ кажется, въ этой оцѣнкѣ не подчеркнуто съ достаточной силой то, что Чеховъ былъ болѣе всего пессимистомъ именно какъ художникъ и человѣкъ-обыватель, не отвлеченно, подобно Тургеневу, а отъ непосредственнаго столкновенія съ „обыденщиной“, въ силу того, что зоркимъ взглядомъ своимъ увидѣлъ „пошлость пошлаго человѣка“. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о Гончаровѣ, М. совершенно правильно указалъ на ошибочное отожествленіе нѣкоторыхъ изслѣдователей его съ Адуевымъ-дядей и Штольцемъ. Въ Гончаровѣ была налицо неудовлетворенность жизнью, иначе онъ не могъ бы создать прекраснаго образа Ольги, которая въ концѣ-концовъ не удовлетворяется пріобрѣтателемъ-Штольцемъ. Самъ Гончаровъ въ статьѣ „Милліонъ терзаній“ указалъ, что Чацкіе, т.-е. неудовлетворенные люди, неизбѣжны въ переходное время, и тѣмъ самымъ призналъ законность существованія этихъ послѣднихъ, духовную свою съ ними близость; только и отъ нихъ онъ, согласно своей натурѣ, требовалъ нѣкоторой положительности, даже въ отрицаніи. (*В. Чернобаевъ. „Совр.“ 1913—11*).

Вопросъ о смыслѣ жизни — глубокій, вѣковой вопросъ оправданія или осужденія жизни,—только блѣдными чертами намѣчается въ книгѣ М., хотя русская литература этому вопросу удѣлила значительное мѣсто. Самый способъ освѣщенія вопроса нельзя признать удачнымъ.

Короткіе отрывки, часто въ одну-двѣ строчки, выхваченные изъ различныхъ по времени и по настроенію произведеній, не могутъ освѣтить достаточно полно и глубоко такой сложный вопросъ. Вырванная изъ текста строчка или двѣ часто мало говорятъ сами по себѣ и нужно справляться съ произведеніемъ; часто стоящіе рядомъ два отрывка взяты изъ далекихъ хронологически другъ отъ друга произведеній, а двѣ рядомъ стоящія у писателя мысли разорваны и поставлены далеко, — все въ угоду системѣ, въ которую приведена мозаика отрывковъ. Но несмотря на систему, при чтеніи отрывки не сливаются въ ясную картину и не создаютъ желаемаго общаго впечатлѣнія, потому что оторванные отъ произведенія, отъ личностей, съ которыми тѣсно связаны, отрывки эти перестали жить. И мы понимаемъ, почему въ этой книгѣ

между Пушкинымъ и Горькимъ не нашелъ себѣ мѣста Достоевскій, глубже всѣхъ заглянувшій въ этотъ вопросъ: мы понимаемъ, какъ трудно было бы сдѣлать съ Достоевскимъ то, что М. сдѣлалъ съ Пушкинымъ, Гончаровымъ и другими. Даже постановка вопроса о смыслѣ жизни въ книгѣ не ясна. У однихъ (Пушкинъ) чаще всего въ приведенныхъ цитатахъ звучитъ мотивъ о „земныхъ радостяхъ", у другихъ (Лермонтовъ, Тургеневъ) подчеркивается, какъ представляютъ себѣ жизнь писатели, у третьихъ (Гончаровъ, Чеховъ, Гоголь) — какъ они изображаютъ жизнь человѣка. Но безсильные проникнуть вглубь вопроса о смыслѣ жизни, отрывки, выбранные М., набрасываютъ, правда, немногими грубыми штрихами, духовный обликъ того или другого писателя. (*В. Мяковскій. „День". 1913—299*).

Трудно понять, для чего составилъ свой сборникъ М. Вѣдь не предполагаетъ же онъ, что тѣ афоризмы и отрывки, которые онъ заключилъ въ немъ, могутъ дать хоть приблизительное представленіе о постановкѣ вопроса о „смыслѣ жизни" (!) у Некрасова, Щедрина, Успенскаго, Чехова, Горькаго? Его выборъ крайне субъективенъ, и нельзя ему повѣрить на слово, когда онъ утверждаетъ, что именно въ этихъ, а не иныхъ отрывкахъ особенно ярко обрисовывается міровоззрѣніе писателя. Мы въ правѣ требовать отъ него аргументаціи, а развить ее въ своемъ сборникѣ онъ не можетъ; для этого нужно дать рядъ монографій. Впрочемъ, какъ маленькая хрестоматія агитаціоннаго характера, его сборникъ можетъ имѣть нѣкоторое значеніе. (*Б. Энгельгардтъ. „Своб. Жур.". 1913—12*).

201. Орманіанъ, М. 281.6 (09)

Армянская церковь, ея исторія, ученіе, управленіе, внутренній строй, литургія, литература, ея настоящее. Пер. съ франц. Б. Рунтъ. 1913. М., изд. А. Будагова. 217 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ великой распрѣ христіанскихъ церквей армянская церковь занимаетъ исключительное положеніе. Ея догматическое развитіе пошло своеобразной дорогой: только три первыхъ вселенскихъ собора заслужили ея признанія, а въ дальнѣйшемъ формулировка ея догматическаго ученія была собственнымъ дѣломъ этой древней церкви. Это создало ей положеніе и репутацію церкви еретической, и именно монофизитской. Уже это отклоненіе армянской церкви въ сторону отъ вселенскаго пути догматическаго развитія способно остановить на ней вниманіе всякаго, интересующагося церковными вопросами. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ силу особаго историческаго положенія она выработала въ себѣ любопытныя черты демократизма, свободолюбія и терпимости, являясь рѣдкимъ примѣромъ церкви, далекой отъ интересовъ міровой политики, отъ стремленія къ какому бы то ни было расширенію господства духовнаго и свѣтскаго.

Передъ нами — книга объ армянской церкви на русскомъ языкѣ, принадлежащая перу бывшаго константинопольскаго патріарха, дважды выдвигавшагося кандидатомъ на эчміадзинскій престолъ. Цѣлью автора, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи, не является разрѣшеніе критическихъ, историческихъ и философскихъ споровъ, а лишь сообщеніе „краткихъ, но точныхъ свѣдѣній о важнѣйшихъ пунктахъ исторіи, вѣроученія, устава, уклада, литургіи и литературы" армянской церкви. Очень старательно подчеркиваетъ о. О. и ту значительную роль, которую играютъ міряне въ армянской церкви, вмѣстѣ съ проистекающимъ отсюда отпечаткомъ особаго демократизма, характеризующимъ эту церковь.

Вопросъ о томъ, придерживается ли армянская церковь монофизитизма, о. О. рѣшаетъ утвердительно, но отличаетъ при этомъ мовофизитство отъ ереси Евтихія. „Армянская церковь,—говоритъ онъ,—поддерживаетъ монофизитизмъ (ученіе о единосущности) эфесскаго собора, весьма различный отъ того, который отстаивалъ Евтихій. „Имя это официально и торжественно предано анаѳемѣ армянской церковью, наравнѣ съ Аріемъ, Македономъ и Несторомъ". Единосущность или монофизитизмъ, признанный армянской церковью, идентиченъ съ кирилловской или эфесской формулой: единосущность воплощеннаго слова Божія.

Однако напрасно мы стали бы искать въ книгѣ о. О. ссылокъ и указаній на тексты въ подтвержденіе этихъ интересныхъ выводовъ. Авторитетный авторъ, повидимому, прежде всего имѣлъ въ виду краткость и доступность своего труда. Однако при обиліи самостоятельныхъ историческихъ и догматическихъ утвержденій эта краткость дѣлается недостаткомъ книги. Иные аргументы звучатъ неубѣдительно даже для очерка, разсчитаннаго на широкую публику. Напр., ссылка на мнѣніе европейскаго дипломата въ защиту одного весьма интереснаго положенія о значеніи догматовъ. Отсутствіе указаній на богословскую литературу тѣмъ болѣе непонятно, что авторъ возлагаетъ, повидимому, большія надежды на разработку догматическихъ вопросовъ въ армянской церкви, едва ли не связывая ихъ со своими надеждами на будущее примиреніе христіанскихъ церквей.

Переведена книга съ французскаго. Въ транскрипціи армянскихъ именъ замѣчается отсутствіе единообразія; одно и то же имя передается по-русски различно. (*С. Кечекьянъ. „Рус. М.". 1912—13*).

Авторъ книги, въ самомъ ея началѣ даетъ характеристику своего труда, заявляя: „то, что мы предлагаемъ публикѣ, не есть плодъ долговременныхъ трудовъ", что и подтверждается содержаніемъ всей книги, представляющей не безпристрастное изложеніе историческихъ данныхъ, но крайне односторонее ихъ освѣщеніе.

О. стремится во что бы то ни стало убѣдить читателя, что армянская церковь есть самостоятельная христіанская, получившая непосредственное апостольское происхожденіе, такъ же, какъ церкви греческая и римская. Подобное стремленіе возбуждаетъ у читателя сразу нѣкоторое сомнѣніе въ дѣйствительности историческаго факта, тѣмъ болѣе, что авторъ, говоря о происхожденіи армянской церкви, начинаетъ съ указанія на отсутствіе вообще первоисточниковъ, которые могли бы освѣтить намъ дѣянія апостоловъ и апостольскую дѣятельность, взятую въ цѣломъ, и ссылается, какъ на примѣръ въ этомъ отношеніи, на церковь римскую, которая, говоритъ онъ, „вынуждена бороться съ тѣми же затрудненіями, когда приходится доказывать пребываніе святого Петра въ Римѣ". Нельзя не сознаться, что за этимъ какъ бы чувствуется

нѣкоторая неувѣренность въ защищаемомъ положеніи. Между тѣмъ О. во всемъ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи старается убѣдить читателя также въ томъ, что армянская церковь есть не только самостоятельная, но и наихристіаннѣйшая въ сравненіи съ греческой и римской.

Въ концѣ книги авторъ не менѣе также превозноситъ армянскій народъ, описывая его національный характеръ. Понятно, при такомъ общемъ направленіи своего историческаго сочиненія авторъ не могъ не сказать объ опасности для армянскаго народа со стороны Россіи, указывая примѣромъ Грузію, которая, говоритъ онъ, утратила свою національную обособленность съ слияніемъ грузинской церкви съ русскою.

Вслѣдствіе отмѣченной тенденціозности книги, она никакъ не можетъ быть признана полезнымъ руководствомъ для желающихъ ознакомиться съ исторіей армянской церкви и ея настоящимъ положеніемъ. (*Б. Г-въ. „Ист. В.“. 1913—11*)

202. Бемеръ, Г. 282

Іезуиты. Съ введеніемъ и примѣч. Г. Моно. Пер. Н. Попова. 1913. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 456 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Всѣ мало-мальски интеллигентные люди знаютъ іезуитовъ. Но знаютъ по наслышкѣ, по ходячимъ о нихъ мнѣніямъ. На дѣлѣ же — это знаніе сводится къ незнанію. Кто станетъ „изучать“ исторію іезуитовъ? Да и какъ ее изучать? Литература предмета — необъятна. Въ книжкѣ Б. она занимаетъ 10 стр. И то этотъ списокъ далеко не исчерпывающій. А вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомиться съ іезуитами, освободившись отъ ходячихъ мнѣній, необходимо по многимъ соображеніямъ. Вокругъ нихъ создалась такая же легенда, какъ вокругъ масоновъ. Ихъ или ругаютъ, или превозносятъ. Словомъ, къ нимъ относятся пристрастно. Но, кажется, наступило время и для суда нелицепріятнаго. Іезуиты врядъ ли кого теперь пугаютъ, какъ сила политическая. Всѣмъ извѣстныя прегрѣшенія ихъ можно имъ простить. Если подойти къ ихъ исторіи безъ предубѣжденія — она многому насъ научитъ. Такой геніальной организованности, такого умѣнія вліять и достигать своей цѣли врядъ ли сумѣла проявить какая-нибудь другая организація. А потому книжка Б. и встрѣтила такой успѣхъ. Она оказалась нужной и полезной. Читатели такъ отвыкли отъ объективности въ темѣ: іезуиты, что заподозрѣли даже почтеннаго профессора въ іезуитизмѣ. Въ предисловіи къ новому изданію авторъ очень остроумно опровергаетъ эти обвиненія. Книжку Б. можно смѣло рекомендовать русскому читателю. Главное достоинство ея — сжатость и объективность. Это — какъ бы резюме подлиннаго предсѣдателя суда. Авторъ не замалчиваетъ никакихъ грѣховъ іезуитовъ, но не молчитъ и объ ихъ добродѣтеляхъ. Да и невозможно въ XX вѣкѣ не признать громаднаго значенія такихъ поразительныхъ людей, какъ И. Лойола, или Фр. Ксавье. Книжку Б. читать не легко. Ея краткость куплена дорогой цѣной нагроможденія фактовъ. Исторія іезуитовъ шла не только во времени, но и въ пространствѣ. Время — короткое, всего 4 столѣтія, но пространства — громадныя, весь земной шаръ. Іезуиты были вездѣсущи. При чемъ для современнаго человѣка ихъ дѣятельность въ испанскихъ и португальскихъ колоніяхъ, въ Китаѣ и Индіи, пожалуй, даже интереснѣе, нежели ихъ европейская борьба съ лютеранствомъ. Іезуитское господство въ Парагваѣ — одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ исторіи. Это было царство своеобразнаго „соціализма“, и если оно погибло, то только по винѣ іезуитовъ. Переводчикъ приложилъ къ книгѣ обширное и очень обстоятельное введеніе, написанное Г. Моно для французскаго перевода. Книга издана „добросовѣстно и опрятно“. (*Д. Ф. „Рѣчь“. 1913—323*).

Тема, несмотря на сравнительно небольшіе размѣры книги, взята въ большомъ объемѣ. Среднему читателю, для котораго слово „іезуитъ“ есть символъ коварства и хитрости, связанной съ пресловутымъ „цѣль оправдываетъ средства“, въ книжкѣ Б. все будетъ ново и интересно, и многое очень неожиданно, потому что орденъ Іисуса имѣетъ въ своей исторіи не мало замѣчательныхъ примѣровъ героизма и самоотреченія и даетъ образцы изумительныхъ организаціонныхъ дарованій, которыя маленькое студенческое общество въ сравнительно короткое время сдѣлали міровой силой. Сухость изложенія составляетъ недостатокъ книги, но его отчасти искупаетъ обширное введеніе. Жаль, что переводчикъ не приложилъ хоть небольшого очерка исторіи іезуитовъ въ Россіи. Она очень любопытна, а Б. касается этого вопроса лишь въ нѣсколькихъ строкахъ. (*—чъ „Кіев. М.“ 1913—317*).

203. Амфитеатровъ, А. В. 235.2„04:15“

Собраніе сочиненій. П. XVIII. Дьяволъ (въ бытѣ, въ легендѣ и въ литературѣ среднихъ вѣковъ). 1913. Спб., изд. т-ва „Просвѣщеніе“. Ц. 1 р. 50 к.

А. — прекрасный разсказчикъ. Въ его распоряженіи всѣ краски русскаго языка, и владѣетъ онъ ими въ совершенствѣ. У него также поразительная память, и достаточно прочесть ему какую-нибудь книгу, чтобы по поводу ея вспомнить тысячу „подобныхъ же случаевъ“ изъ другихъ книгъ и изъ жизни. То же самое, повидимому, произошло и съ „Дьяволомъ“. Прочитавъ книгу такого же названія покойнаго туринскаго профессора литературы Артуро Графа, А., соблазнившись схемой итальянскаго историка, въ крайне занятной и доступной формѣ разсказалъ все, что онъ знаетъ о средневѣковыхъ и современныхъ народныхъ суевѣріяхъ. Для исторической науки „Дьяволъ“ никакого значенія не представляетъ, да и авторъ врядъ ли претендуетъ на это, но для обыкновеннаго читателя — это интереснѣйшая „Хрестоматія злого начала“, какъ ее правильно называетъ самъ А. Здѣсь дѣйствительно собрана буквально всякая чертовщина— „И страхи, и любовь, и черти, и цвѣты“. Здѣсь даже упоминается о томъ, что къ демонологіи ни малѣйшаго отношенія не имѣетъ, какъ, напримѣръ, Фелія Литвинъ, Л. Н. Толстой, П. Б. Струве, Э. Направникъ, Андрей Боголюбскій, Глинка, Кардуччи, Помяловскій и оперный пѣвецъ Ершовъ. Но все-таки „Дьяволъ“—занятная книга, прочесть которую можно съ удовольствіемъ. (*В. Ир—кій. „Рѣчь“. 1913—337*).

„Дьяволъ“ А. не принадлежитъ къ типу его обычныхъ беллетристическихъ работъ. Книгу нельзя назвать исчерпывающей и глубокой. Блестящая образная рѣчь А. прикрываетъ и зату-

шевываетъ бѣдность ея содержанія. Книга написана рядомъ, правда интересныхъ, но газетныхъ фельетоновъ. Для исторіи и науки авторъ своей книгой не сдѣлалъ ничего, но для человѣка, желающаго въ легкой, полубеллетристической, полуфельетонной формѣ познакомиться съ наиболѣе распространенными среднепѣковыми и современными народными суевѣріями и легендами, такая книга весьма желательна и и нужна. Издана книга небрежно. Нѣтъ почти ни одной латинской, итальянской или польской фразы (а ихъ достаточно), гдѣ нельзя бы было найти нѣсколько грубыхъ опечатокъ. (*А. К. „День". 1913—313*).

Въ этой книгѣ авторъ не ниже своихъ обычныхъ достоинствъ и не выше столь же обычныхъ недостатковъ. Богатая и разносторонняя эрудиція, занимательное изложеніе и живой языкъ книги безсильны скрыть отъ читателя отсутствіе руководящей точки зрѣнія, интимной связи автора съ избраннымъ имъ для книги предметомъ и вытекающей изъ послѣдней глубокой вѣры въ важность и нужность работы. И вотъ почему дидактическая задача, поставленная авторомъ въ предисловіи „систематическоо освѣщеніе того рабства личности и общества, въ которое перековывается, въ развитіи своемъ, каждая мистическая идея", осталась пока что (мы имѣемъ дѣло съ 1 т. „Дьявола") невыполненной, эта почтенная цѣль въ рукахъ А. явилась средствомъ мастерски разсказать пестрый рядъ анекдотовъ, то смѣшныхъ, то не вполнѣ чистоплотныхъ, то трагическихъ и всегда загромождающихъ архитектуру книги. Неискоренимая страсть нашего автора къ словечкамъ и фельетоннымъ ужимкамъ дурного тона, со страницы на страницу преслѣдуетъ читателя, отъ нѣкоторыхъ же трюковъ становится даже немного совѣстно за почтеннаго эмигранта, въ которомъ не умеръ еше нововременскій потѣшныхъ дѣлъ мастеръ. Чего стоитъ въ сочиненіи, претендующемъ быть историческимъ изслѣдованіемъ, напримѣръ, такая фраза: „философія не давалась демонамъ настолько, что въ ея области ихъ могъ бы загонять даже П. Б. Струве". Переходя отъ этихъ внѣшнихъ недостатковъ книги къ ея содержанію, мы вынуждены констатировать, что форма роковымъ образомъ повліяла и на содержаніе. Авторъ, увлеченный желаніемъ иллюстрировать и забывшій чувство мѣры, превратилъ свое изслѣдованіе въ хрестоматію анекдотовъ о сатанѣ, инкубахъ, суккубахъ и прочей „нежити" и „нечисти", но не даетъ и крупицы объясненія развитія мнѣа о дьяволѣ. Въ такомъ видѣ книга въ лучшемъ случаѣ можетъ быть названа анекдотической исторіей дьявола. Это морфологія сатаны, но не его физіологія, это разсказъ, а не исторія. Что бы стать послѣдней, ей не достаетъ самаго главнаго—соціологической точки зрѣнія. Дьяволъ, какъ и всѣ продукты мысли, можетъ быть объясненъ лишь на почвѣ анализа соціально экономическаго базиса той общественной среды, въ которой приходится мысли оперировать. Въ этой области авторъ отдѣлался лишь общеизвѣстными фразами. А жаль. Тема, имъ избранная, заслуживаетъ серьезной научной разработки. Для любителей легкаго и непритязательнаго чтенія книга можетъ представить все-таки нѣкоторый интересъ. (*А. Невлинъ. „Сиб. Ж." 1913—271*).

204. Голубинскій, Е. Е., проф. 281.93
О реформѣ въ бытѣ русской церкви. Сборникъ статей. 1913. М., изд. Имп. Общ. Исторіи и Древн. Росс. Ц. 1 р. 50 к.

Эпиграфомъ книги можно бы поставить два пролегающія въ ней красною нитью положенія: „У насъ, въ Россіи, слишкомъ много утвердила свое господство нравственность фарисейская, и должно, наконецъ, позаботиться, чтобы сокрушить ея господство и оставить власть единственно за нравственностью евангельской". „Желательно, чтобы епископы наши изъ сверхъ - человѣковъ, которыхъ они представляютъ теперь съ своей, по выраженію регламента, жестокой славой, превратились въ человѣковъ; чтобы они снизошли до той простоты и возможной настоящей гуманности, которая подобаетъ истиннымъ архипастырямъ".

Относительно реформы высшаго церковнаго управленія профессоръ пишетъ въ весьма энергичномъ тонѣ: „Соборности въ смыслѣ строгаго исполненія каноническихъ предписаній относительно собиранія соборовъ у насъ никогда не бывало, и въ самой греческой церкви она давно исчезла. Ни патріаршее управленіе не было у насъ тѣмъ, чѣмъ должно быть церковное управленіе, ни синодальное управленіе не стало тѣмъ, чѣмъ бы должно быть церковное управленіе, но второе стало лучше перваго. Церковное управленіе должно бы быть не просто соборнымъ, а коллегіально соборнымъ съ преимуществомъ коллегіальности надъ соборностью.

„Апостолы, основывая церкви въ смыслѣ административныхъ общинъ, соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ приходамъ, установили быть въ нихъ управленію коллегіальному, состоящему изъ собранія пресвитеровъ съ епископами во главѣ. Когда въ церкви водворилась централизація, апостольское учрежденіе коллегій было дополнено, по предписанію вселенскихъ соборовъ, ежегодными помѣстными соборами. У насъ во время патріаршества не было настоящей коллегіальности, смѣненной единоличнымъ управленіемъ архіереевъ, и вовсе не было соборности въ смыслѣ собиранія всѣхъ епископовъ на ежегодные соборы".

Недавно, замѣтимъ въ дополненіе къ этому, проф. Каптеревъ выяснилъ, что тѣ „соборы", которые собирались въ патріаршее время, были скорѣе случайными съѣздами архіереевъ.

Соборъ долженъ собираться, но не ежегодно; иначе они обратятся въ съѣзды архіереевъ для хорошихъ компанейскихъ обѣдовъ. Помѣстные соборы должны собираться изъ епископовъ, клириковъ и міранъ... Епархіальная власть у насъ не соборная, а единоличная, сосредоточенная въ лицѣ архіерея. „Случается, что архіереями бываютъ люди очень ограниченные. Они ведутъ дѣла епархіальнаго управленія жалкимъ образомъ; иногда управленіе цѣлою епархіей оказывается въ рукахъ какого-нибудь ничтожнѣйшаго келейника. Случается и нерѣдко, что архіереями бываютъ люди съ деспотическимъ характеромъ. Такіе архіереи бываютъ тиранами епархіи, тяжкими и жестокими. Случается, что архіереями бываютъ люди, преданные мерзкой страсти сребролюбія, которые употребляютъ средствомъ къ своему обогащенію симонію. Вообще... единовластіе дѣлаетъ людей болѣе должнаго властительными, что дѣйствительно и составляетъ характерную черту нашихъ архіереевъ... Желаемъ, чтобы русскій типъ архіереевъ, представляющій собою олицетвореніе высоковластія и недоступ-

ности, замѣнился типомъ архіереевъ греческихъ, представляющихъ образецъ настоящаго архіерейства".

Эта реформа само собою совершится, по мнѣнію проф. Голубинскаго, если у насъ, какъ на Востокѣ и какъ это было въ древней церкви, будетъ поставленъ епископъ для каждаго города и для каждаго сколько-нибудь крупнаго селенія. Чтобы не ставить епископовъ въ зависимость отъ оберъ-прокурора, профессоръ предлагаетъ не давать имъ орденовъ и не переводить съ кафедры на кафедру, а старшинство считать по старшинству посвященія. Чтобы поднять упавшій совершенно авторитетъ иночества, необходимо: число монастырей весьма сократить; ненужныя постройки запретить; излишки денегъ употреблять на благотвореніе; завести школы для монаховъ... (*Б. Царевскій. „Нов. Вр." 1913—13562*).

Г., пріобрѣвшій широкую извѣстность своими капитальными церковно-историческими трудами и огромною эрудиціею, не пользовался благоволеніемъ синодальныхъ сферъ. Его безпристрастные историческіе взгляды разрушили много иллюзій, созданныхъ прежними историками-панегиристами. А іерархія наша не любитъ критики. И если бы не всесильный К. П. Побѣдоносцевъ, то быть можетъ, много лѣтъ лежала бы въ рукописи вторая часть знаменитой „Исторіи русской церкви" Г. Однако, суровый оберъ-прокуроръ сумѣлъ оцѣнить выдающагося ученаго и посмотрѣть на вещи шире синодскихъ іерарховъ. Онъ нашелъ трудъ Е. Е. „въ высшей степени интереснымъ и полезнымъ" и тѣмъ заставилъ перемѣнить свое отношеніе къ нему архіереевъ. Впрочемъ, Г. не былъ практическимъ, общественнымъ дѣятелемъ, его такъ называемый „либерализмъ" не выходилъ изъ круга ученыхъ изысканій. Если онъ высказывался о вопросахъ современности, то единственно опираясь на данныя безпристрастной науки и изначальные церковные идеалы. Тѣмъ большій интересъ пріобрѣтаютъ сужденія Г. о церковной реформѣ, высказываемыя имъ какъ раньше, такъ особенно въ періодъ 1905—1906 гг., когда онъ былъ привлеченъ къ работамъ предсоборнаго присутствія. Изданная книжка большею частью даетъ новый, до сихъ поръ не напечатанный матеріалъ, въ видѣ незаконченныхъ статей и замѣтокъ. Опубликованныя теперь замѣтки касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ церковнаго преобразованія. Хотя и не въ систематическомъ видѣ, но здѣсь достаточно опредѣленно рисуется цѣлый планъ реформы, какъ ее представлялъ необходимой знаменитый историкъ. Г. считалъ большой ошибкою проектъ возстановленія патріаршества. Самое большее, что онъ допускалъ,—предоставленіе титула патріарха первенствующему члену синода, но безъ всякихъ правъ и привилегій. Между прочимъ, замѣчательно, Е. Е. расходился со многими и во взглядѣ на синодальную форму управленія. По его мнѣнію, синодъ, каковъ бы онъ ни былъ съ точки зрѣнія церковнаго идеала, все-таки лучше стараго патріаршества; законодательнымъ органомъ церкви, по мысли Г. долженъ быть соборъ, состоящій изъ епископовъ, клирия мірянъ; а административно-судебнымъ органомъ — синодъ, съ представителями бѣлаго духовенства. Оберъ-прокуроръ, теперь „властно командующій въ синодѣ", долженъ быть „лишенъ своей комавды" и сдѣлаться лишь простымъ блюстителемъ законности, какъ то предполагалось и Петромъ Великимъ. Однако, несправедливо обвинять во всѣхъ нестроеніяхъ русской церкви и оберъ-прокуроровъ. Развѣ, — говоритъ Г. — оберъ-прокуроры мѣшаютъ синодскимъ іерархамъ въ исправленіи недостатковъ? Если есть недостатки, то въ нихъ скорѣе повинна сама іерархія.

... Духовная школа должна давать полное среднее общее образованіе и имѣть дополнительные спеціально-богословскіе классы. Нужно весьма сократить число монастырей, ввести во всѣхъ монастыряхъ общежитіе, ограничить страсть монастырскаго строительства, отмѣнить получаемое монастырями изъ казны жалованье, а излишки монастырскихъ доходовъ обратить на дѣла благотворенія. Надо позаботиться сдѣлать наше богослуженіе понятнымъ народу. Для практическихъ церковныхъ дѣятелей книжка должна бы стать настольною, чтобы они имѣли возможность постоянно сопоставлять мудрые совѣты знатока церковнаго прошлаго съ планами будущаго. Нужно чтобы, по крайней мѣрѣ, церковное общество ближе познакомилось съ посмертнымъ завѣтомъ одного изъ преданнѣйшихъ сыновъ церкви и одного изъ ученѣйшихъ богослововъ. При подобномъ знакомствѣ станетъ понятнѣе многое изъ современной церковной дѣйствительности. (*П. Надеждинъ. „День". 1913—334*).

205. Гессенъ, Ю. 296:9 (×92.4)

Исторія евреевъ въ Россіи. 1914. Спб. 345 стр. Съ иллюстр. Ц. 2 р.

На небольшомъ количествѣ страницъ авторъ сжато излагаетъ судьбы евреевъ въ Россіи, начиная съ ихъ появленія здѣсь, во второй половинѣ 15-го вѣка, до 80-хъ г. прошлаго вѣка, когда изданы были знаменитыя „временныя правила", имѣвшія цѣлью, по извѣстному слову Побѣдоносцева, треть евреевъ уморить, треть заставить эмигрировать, а остальную треть—принудить креститься. Книга даетъ понятіе не только объ экономическомъ и правовомъ положеніи евреевъ, но и объ ихъ духовномъ состояніи. На многіе вопросы еврейскаго вѣроученія и исторіи (о хассидахъ, цадикахъ и о ритуальныхъ процессахъ) читатель получитъ отвѣтъ изъ книги Г.

Интересно отмѣтить, что однимъ изъ источниковъ автора являются труды проф. С. А. Бершадскаго, выросшаго въ священнической семьѣ, проникнутой непріязнью къ евреямъ, и ставшаго другомъ еврейскаго народа, когда онъ близко ознакомился съ его исторіей.

Книга иллюстрирована многочисленными портретами и картами. Написана яснымъ популярнымъ языкомъ. (*И. Книжникъ. „Рѣчь". 1913—295*).

Книги, посвященныя исторіи отдѣльныхъ національностей или ставшихъ частями Россіи ранѣе независимыхъ единицъ, представляютъ явленіе, особенно дающее себя чувствовать въ научной литературѣ послѣднихъ лѣтъ, и явленіе очень отрадное: онѣ вводятъ въ область обыденнаго историческаго зрѣнія сюжеты, ранѣе совершенно запущенные. Книга Г. именно заполняетъ такой частный, но, быть можетъ, самый досадный пробѣлъ. Среди подобнаго рода монографій она выгодно выдѣляется богатствомъ своего содержанія. Исторія законодательства въ ней обстоятельно освѣщена мыслями законодательныхъ предположеній и настроеніями прави-

тельственныхъ слоевъ, съ одной стороны, заинтересованныхъ группъ—съ другой. Изложена, правда болѣе фрагментарно, эволюція духовной жизни, но мало сдѣлано для выясненія факторовъ этой эволюціи, что особенно надо подчеркнуть въ отношеніи къ вліянію западно-европейской мысли, которая воздѣйствовала, какъ пытались уже отмѣтить, не только своими общественными ученіями, но, что гораздо неожиданнѣе—и экономическими.

Къ сожалѣнію, однако, Г. не обратилъ такого же вниманія на соціальную исторію евреевъ, и результатомъ этого явилось не только отсутствіе едва ли не самой важной стороны этой исторіи, но и не всегда пріемлемое изложеніе другихъ вопросовъ: такъ подъ религіозной контроверсой кроется иной разъ неогмѣченный глубокій соціальный конфликтъ (ранній хасидизмъ); такъ, напр., введеніе косвеннаго обложенія (коробочнаго сбора) было реформой отнюдь не техники только обложенія, но и соціальной его политики. Г. не излагаетъ вообще отношеніе общества къ еврейскому вопросу, дѣлая неудачное исключеніе въ пользу декабристовъ; найдя у нихъ, стремленіе удержать еврейскій народъ въ сторонѣ отъ общегосударственной жизни, онъ находитъ возможнымъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ счесть этотъ взглядъ характернымъ и для николаевской эпохи; однако, это неправильно и въ отношеніи къ александровской; укажу для примѣра на „В. Евр." Каченовскаго, который полагалъ, что „предразсудокъ противъ сей націи тирански господствуетъ, вопреки всѣмъ успѣхамъ здравой философіи", что „Александръ знаетъ, что пороки, еврейской націи приписываемые, суть необходимыя слѣдствія... закоренѣлаго угнетенія..., знаетъ, что гражданская и церковная терпимость есть вѣрнѣйшее средство сдѣлать евреевъ полезными членами общества" (1805 г., № 10). Отмѣчу еще, что въ книгѣ есть лишняя глава о герцогствѣ Варшавскомъ, что въ первой ея главѣ есть нѣкоторыя неточности и излишняя подчеркнутость кое-чего. Книга Г., благодаря использованному и разработанному въ ней матеріалу, станетъ настольной у всякаго, интересующагося ея предметомъ. (*В. Валкъ. „День". 1913—334*).

206. [. . . . . 301(08)

„Новыя идеи въ соціологіи". Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти. Сборникъ № 1. Соціологія, ея предметъ и современное состояніе. 1913. Спб., изд. „Образованіе". 142 стр. Ц. 80 к.

Редакторы ставятъ своею задачей выясненіе проблемы соціологіи, какъ теоретической и отвлеченной науки, отмежевываясь этимъ отъ эмпирическаго и конкретнаго изученія общественныхъ фактовъ. Они считаютъ нужнымъ подвести научныя основы подъ эту общую соціологію, тѣмъ болѣе, что вся вторая половина XIX в. была посвящена безчисленнымъ поискамъ опредѣлить границы, методъ, а также практическую цѣнность новой науки. (*„Рус. М." 1913—10*).

Сборникъ открывается замѣткой проф. Ковалевскаго „Соціологія на Западѣ и въ Россіи". Замѣтка эта носитъ въ сущности публицистическій характеръ: почтенный авторъ остроумно и картинно обрисовываетъ контрастъ между пышнымъ расцвѣтомъ соціологіи на Западѣ (университетская кафедра, журналы, конгрессы) и „загнаннымъ" положеніемъ этой „крамольной" науки въ Россіи. Къ сожалѣнію, проф. К. этимъ не ограничивается и пытается доказывать государственную и моральную пользу соціологіи, попутно задѣвая соціалистовъ, которые, какъ сторонники „классовой борьбы", „относятся къ соціологіи съ нѣкоторой подозрительностью". Подобныя полемическія выходки и странный практицизмъ нѣсколько не къ лицу человѣку науки и вообще стиль статьи проф. К. можетъ произвести непріятное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ читателей. Къ тому же въ ней и не все понятно. Упоминая цѣлый рядъ трудовъ по соціологіи, проф. К. не даетъ въ своей статьѣ никакихъ библіографическихъ указаній и этимъ ослабляетъ цѣнность тѣхъ дѣйствительно интересныхъ указаній на современную соціологію, которыя въ его статьѣ имѣются. Странно также полное умолчаніе о русскихъ соціологахъ (Лавровѣ, Южаковѣ и Михайловскомъ): враждебное отношеніе властей къ соціологіи ужъ не такъ безусловно ее въ Россіи упразднило, какъ можетъ показаться по статьѣ проф. К. Другого рода недостаткомъ страдаетъ статья де-Роберти „Современное состояніе соціологіи". Во-первыхъ, она написана очень туманнымъ и тяжелымъ языкомъ. Во-вторыхъ, де-Р. имѣетъ свою собственную философскую систему, выросшую изъ позитивизма Конта и эта система накладываетъ отпечатокъ на его соціологическіе взгляды. „Біосоціальная гипотеза" де Р., пытающаяся упразднить психологію, какъ отдѣльную науку, или точнѣе, допускающая существованіе психологіи, какъ науки, основанной на соціологіи, исходя изъ тезиса: раньше общество, потомъ возникающая на почвѣ общенія „высшая" психика индивидуума — утвержденіе чрезвычайно спорное. Вообще, во всѣхъ статьяхъ наблюдается чрезмѣрное смѣшеніе задачъ теоріи и практики и полное отождествленіе проблемы происхожденія нашихъ понятій съ совершенно иной проблемой ихъ логической значимости. Исключеніе составляетъ лишь статья Сорокина и отрывокъ изъ „Соціологіи" Зиммеля. Въ этихъ статьяхъ видно желаніе выйти за предѣлы догматическаго трактованія вопроса и столковаться съ другими теченіями. Остальные авторы слишкомъ тѣсно связываютъ научную соціологію (ко вреду ея) со всѣми односторонностями философскаго позитивизма. (*Ал. Гизетти. „День". 1913—341*).

Можно было бы сказать, что болѣе трехъ четвертей всей книги занято русскими авторами, если бъ не особенный, полу-интернаціональный характеръ именъ Ковалевскаго и де-Роберти, въ особенности второго, большинство работъ котораго вплоть до послѣдняго времени выходило на французскомъ языкѣ. Оба они уже достаточно опредѣлились въ наукѣ, и ихъ статьи отвѣчаютъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя могутъ быть у лицъ, знакомыхъ съ ихъ прежними печатными и устными выступленіями.

Проф. Ковалевскій вообще первоклассный разсказчикъ, и съ этой именно стороны приходится ограничить разсмотрѣніе его небольшого обзора „Соціологія на Западѣ и въ Россіи". Здѣсь обычно-мастерской кистью набрасывается передъ читателями картина не только внѣдренія соціологіи въ общую массу современной науки, но и ея официальное призваніе предметомъ университетскаго преподаванія во всѣхъ куль-

турныхъ странахъ, кромѣ... Россіи. Здѣсь, однако, авторъ почему-то говоритъ только объ одной каѳедрѣ (Психо-Неврологическій Институтъ) на всѣ наши 160 милліоновъ жителей, упуская изъ вида, что таковая же каѳедра существуетъ еще и на курсахъ Лесгафта. Чрезвычайная популярность и бѣглость очерка разсчитана, повидимому, на начинающаго читателя. Центръ тяжести даннаго сборника—статья Е. В. де-Роберти. Маститый мыслитель принадлежитъ къ той группѣ неопозитивистовъ, которая создала журналъ „La philosophie positive", во главѣ съ Литтре и Вырубовымъ. Передадимъ вкратцѣ смыслъ этого этюда.

Эмпиризмъ въ соціологическихъ построеніяхъ *логически* (sic!) несостоятеленъ, загналъ „умъ человѣка въ тупикъ прагматизма" и „помѣшалъ ей (соціологіи) ясно понять и признать специфическій характеръ общественныхъ фактовъ"; основной чертой ихъ природы признается ихъ *оборотимость:* „событія дѣйствуютъ на идеи, а идеи на событія, учрежденія на наши представленія, а представленія на учрежденія, экономика на право и политику, а право и политика на экономику, общественная плотность на способы производства, а способы производства на плотность, знаніе на технику, а техника на знаніе, религія и философія на искусство, а искусство на религію и философію, нравы на вѣрованія, а вѣрованія на нравы и т. д."

Все это такъ, и съ этимъ можно бы было согласиться: оборотимость, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ принциповъ *функціональныхъ* зависимостей, давно обратила на себя вниманіе современной научной мысли вообще и соціологической въ частности. Но проф. де-Р. уходитъ на совершенно исключительную позицію: оборотимость имѣетъ, по его мнѣнію, мѣсто только для „периферическихъ" (кавычки самого де-Р.) группировокъ и вовсе неприложима къ человѣку, который обрекается на вѣчно-пассивную роль... „Личность есть равнодѣйствующая многихъ силъ, которую обыкновенная, вульгарная мысль, состоящая въ близкомъ родствѣ съ мыслью прагматическою, ложно принимаетъ за одну изъ первоначальныхъ или производящихъ силъ. Видѣть въ личности, послѣднемъ звенѣ длинной эволюціонной цѣпи, истинную причину общественной эволюціи непростительное заблужденіе. И внести что-либо новое въ сознаніе личности, возвысить ее, усовершенствовать можно лишь однимъ путемъ: развитіемъ всѣхъ „периферическихъ", такъ сказать, группировокъ, способствовавшихъ образованію самой личности, какъ своего центральнаго ядра". Мѣсто, поистинѣ, сугубо темное, хотя и рѣзкое по выпаду противъ сторонниковъ соціологическаго активизма личности... Авторъ ищетъ выхода въ неопредѣленномъ выраженіи, сдобренномъ столь характернымъ „такъ сказать". Читателю оставалось бы думать, что эти группировки специфически-соціальнаго свойства возводятся на степень первичныхъ категорій sui generis, неразложимыхъ далѣе. Но сосѣдъ по сборнику, Сорокинъ, нѣсколько разъ сочувственно обращающійся къ авторитету де-Р., цитируетъ такое мѣсто: „Въ общественности, въ „надорганическомъ" явленіи, мы видимъ не что иное, какъ длительное, непрерывное, многостороннее и необходимое *взаимодѣйствіе*, устанавливающееся во всякой постоянной, а не случайной аггрегаціи живыхъ существъ" (Де-Роберти. „Новая постановка вопросовъ соціологіи"). Выходитъ, что „въ послѣднемъ счетѣ" дѣйствуютъ другъ на друга особи, а не „периферическія" образованія, которымъ (правда, по весьма неопредѣленному адресу) де-Р. вручаетъ самодержавную полноту соціальнаго воздѣйствія. Третья статья принадлежитъ Сорокину. Въ общемъ, направленіе мыслей автора здоровое. Но работа его черезчуръ напоминаетъ магистрантскія программы по множеству библіографическихъ указаній и обращенію къ представителямъ отечественной профессуры. Работа самого С. сводится къ классификаціи мнѣній по вопросу о „принципахъ и предметѣ соціологіи". Объемъ матеріала, повидимому, еще нѣсколько превышаетъ силы молодого автора. Попытка С. объединить Зиммеля въ вопросѣ о самостоятельности соціологіи съ Гумпловичемъ и Бугле едва ли можетъ быть принята безъ оговорокъ. Изъ чрезмѣрно почтительнаго отношенія къ авторитетамъ нѣкоторыхъ профессоровъ вытекаетъ и не совсѣмъ удачное слѣдованіе ихъ пріемамъ. Такъ, вслѣдъ за де-Роберти и С. употребляетъ затемняющія суть дѣла выраженія, напримѣръ, *„подъ психическимъ взаимодѣйствіемъ мы понимаемъ такой процессъ, „матеріей" котораго служатъ ощущенія, воспріятія, представленія и понятія, страданіе и наслажденіе и волевые акты,* въ точномъ и строгомъ значеніи этихъ терминовъ, *которое обязываетъ всегда считать эти элементы сознательными".* Говорить о „матеріи" психическихъ процессовъ—едва ли нужная натяжка, но эта пока натяжка чисто словесная. Важнѣе другая: при данной постановкѣ вопроса подразумѣвается, что всѣ соціальныя явленія подчиняются осознанію со стороны ихъ участниковъ,—а этого нельзя сдѣлать, не прибѣгая къ натяжкамъ уже чисто фактическаго характера (ср. хотя бы Тарда, Михайловскаго и др.).

Въ своемъ опредѣленіи предмета соціологіи С. повторяетъ слова Ковалевскаго, расширяя ея область (исходя изъ понятія „наиболѣе общихъ свойствъ психическаго взаимодѣйствія", на область всѣхъ *высшихъ* (Курсивъ мой. Л. Овичъ). Наиболѣе самостоятельнымъ мѣстомъ можно считать уже ранѣе затронутый авторомъ вопросъ о символическомъ бытіи психики, къ которому С. относитъ институты и учрежденія. Таковы мѣста книги, наиболѣе бросающіяся въ глаза. Можно бы было еще много сказать по поводу и новизны идей, да и общезначимости самихъ этихъ идей. Но нельзя не упомянуть еще объ одномъ недоразумѣніи, на которое толкаетъ М. М. Ковалевскій. Онъ пишетъ: „соціалисты... относятся къ соціологіи съ нѣкоторою подозрительностью: наука, проповѣдующая общественную солидарность, какъ бы подкапывается подъ ихъ credo общественной борьбы". Позволительно въ этомъ сужденіи и усомниться, и вотъ почему. Истинная соціологія не замалчивала факта борьбы и цѣлыхъ соціальныхъ единицъ между собою (взять хотя бы Гумпловича), и отдѣльныхъ, заключенныхъ внутри одного и того же общества элементовъ (см. работы Ю. Делевскаго по вопросу о соціальныхъ антагонизмахъ), а потому не за одной проповѣдью солидарности можно обращаться къ соціологіи, а и за изученіемъ явленій антагонизма, и даже за пониманіемъ того, какъ иные антагонизмы ведутъ къ торжеству высшихъ формъ общественной солидарности. Это разъ. А кромѣ того, не у соціалиста ли

Лаврова Ковалевскій заимствовалъ опредѣленіе предмета соціологіи, какъ изученіе условій роста, развитія, прогресса и регресса *солидарности* между людьми? Не соціалистъ ли (даже съ анархическимъ уклономъ) Л. Мечниковъ заканчиваетъ свой трудъ о географическихъ факторахъ цивилизаціи яркой формулой „солидарность или смерть"? Нельзя не пожалѣть, что по отношенію къ соціалистамъ почтенный Ковалевскій рискнулъ на дешевый пріемъ—бить „ихъ же добромъ, да имъ же челомъ". (*Л. Овичъ. „Завѣты". 1913—11*).

207. Игнатьевъ, Е. И. 511(075)

Начатки ариѳметики. 1914. Спб., изд. т-ва А. С. Суворина. 216 стр. Ц. 60 к.

Имя И., какъ прекраснаго популяризатора, извѣстно по его книгамъ: „Въ царствѣ смекалки" и „Наука о землѣ и небѣ". Настоящая книга является первою частью учебника ариѳметики. Авторъ поставилъ цѣлью заинтересовать ариѳметикою „первоклассника", подготовить его къ изученію науки о числѣ. Обыкновенно учебники ариѳметики достигаютъ обратнаго, начиная изложеніе курса съ опредѣленія понятій: величина, измѣреніе, число и т. д., при чемъ опредѣленія даются настолько отвлеченныя, что съ первыхъ же шаговъ заставляютъ учащихся запоминать ихъ, не вникая въ смыслъ. Авторъ разсматриваемаго учебника избѣгаетъ этого. Начиная съ того, что „предметовъ можетъ быть одинъ или много", онъ шагъ за шагомъ ведетъ ученика къ понятію о равенствѣ, количествѣ, величинѣ и т. д. Изложеніе вездѣ живое и интересное. Разобравъ дѣйствія надъ числами въ предѣлахъ первой сотни, авторъ знакомитъ учащихся съ измѣреніями длины, времени, вѣса и т. д. Къ книгѣ приложена таблица русскихъ мѣръ длины и метрической системы, а также изображеніе русскихъ монетъ. Послѣ измѣреній авторъ переходитъ къ первоначальному понятію о дробяхъ, устному и письменному счету, разсматриваетъ дѣйствія надъ многозначными числами. Такимъ образомъ первая часть содержитъ курсъ приготовительнаго и I классовъ гимназіи. Авторъ прекрасно выполнилъ поставленную имъ задачу въ своей первой части. (*И—нъ. „День". 1913—299*).

Въ предисловіи авторъ говоритъ: „рецидивъ безграмотности — явленіе, увы, еще далеко не отошедшее въ область преданій на Руси. Рецидивъ же ариѳметической безграмотности повторяется сплошь и рядомъ. И составитель былъ бы счастливъ, если бы этой книгѣ удалось сдѣлаться хотя до нѣкоторой степени „народной ариѳметикой", т.-е. книгой, отвѣчающей потребности стремящихся къ просвѣщенію низовъ". Можно признать, что задача авторомъ разрѣшена удачно.

Написана книга легкимъ языкомъ, каждое положеніе науки въ текстѣ же поясняется множествомъ общедоступныхъ жизненныхъ примѣровъ, благодаря чему усвоеніе достигается скоро, живо и легко, т.-е. при условіяхъ совершенно чуждыхъ обученію по схоластическимъ курсамъ. Подборъ поясни тельныхъ примѣровъ таковъ, что, кромѣ прямой цѣли, достигаются мѣстами и побочныя, въ видѣ сообщенія новыхъ свѣдѣній, входящихъ въ кругъ другихъ предметовъ. Чисто-научныя новшества книги заключаются: 1) въ томъ, что этотъ учебникъ не систематическій, а концентрическій, при чемъ концентрами являются: 1) числа перваго десятка; 2) числа первыхъ двухъ десятковъ; 3) числа первой сотни и первой тысячи, и 4) числа до милліона и выше; 2) другое новшество — измѣненіе термина: при помноженіи многозначныхъ чиселъ, произведеніе множимаго на каждую цифру множителя названо *частичнымъ*, а не частнымъ произведеніемъ, какъ это дѣлается въ систематическихъ курсахъ. Оба новшества слѣдуетъ считать разумными.

Первое потому, что оно приближаетъ представленія, возникающія при изученіи предмета къ жизни, а второе, какъ устраняющее ненужную путаницу, неизбѣжную при названіи однимъ именемъ и результата помноженія и результата дѣленія. Однимъ изъ крупнѣйшихъ достоинствъ книги является ея полная доступность и одинаковый интересъ для каждаго начинающаго, независимо отъ возраста и степени подготовки. Цѣнно и то, что русская педагогика въ лицѣ этой книги идетъ въ уровень съ послѣдними словами науки на Западѣ, близко подходя къ Юнгу, Борелю, Таннери и др. Издана книга, по своей скромной цѣнѣ, хорошо. (*И. Б. С. „Россія". 1913—2473*).

Составитель задался цѣлью написать „народную ариѳметику, т.-е. книгу, отвѣчающую потребности стремящихся къ просвѣщенію". Съ этой цѣлью онъ изучилъ почти всѣ русскія и иностранныя руководства ариѳметики (какъ сказано въ предисловіи); странно только, что главнѣйшими пособіями (терминъ автора) явились: университетскія лекціи Таннери, ариѳметика Борелія, очень старый теоретическій курсъ Лезана и Лепуана... Единственная указанная авторомъ методика, которую авторъ рекомендуетъ, какъ „лучшую изъ существующихъ методикъ по преподаванію математики" — это книга Юнга „Какъ преподавать математику?" Но я сильно сомнѣваюсь, чтобы Юнгъ въ чемъ-либо повліялъ на данную книжку. Отвергая всѣ ариѳметики, составитель рѣшилъ придерживаться и новой методики и новой ариѳметики. Такъ, онъ изучаетъ числа посредствомъ русскихъ пословицъ. Интересно было бы многія изъ нихъ иллюстрировать ариѳметически: „думай двояко, а дѣлай одинако", „седьмая вода на киселѣ", „съ пятаго на десятое", „вашего брата по тринадцати на дюжину кладутъ, да и то не берутъ" и т. п. Къ этому богатому матеріалу добавлены числовые примѣры, таблички; чрезвычайно много объясненій и поясненій. Одного только я не нашелъ во всей книгѣ — задачъ для народа, о которомъ такъ заботится составитель. Въ книгѣ нѣтъ ни одного практическаго упражненія, ни одной прикладной задачи. Нѣтъ даже упражненій въ вычисленіи площадей и объемовъ. Для 216-ти страницъ какъ будто и маловато „народнаго" матеріала; очевидно, еще какихъ-то книгъ авторъ не посмотрѣлъ. (*В. Мрочекъ „Шк. и Жиз." 1913—48*).

208. Покровскій, І. А., проф. 34(37)(09)

Исторія римскаго права. 1913. Спб. XVII+ 572 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Появленіе курса исторіи римскаго права есть, безъ сомнѣнія, событіе крупной научной важности. Всякому компетентному и юристу и историку хорошо извѣстно, насколько такіе курсы рѣдки, какъ бѣдна, къ сожалѣнію, общая литература даннаго предмета. Притомъ, бѣдною ее

приходится называть не только у насъ, въ Россіи. И только по адресу развѣ Италіи не будетъ, вѣроятно, увлеченіемъ держаться взгляда сравнительно болѣе оптимистическаго. При такихъ обстоятельствахъ вполнѣ естественно, что выходъ въ свѣтъ труда проф. П. мы и тогда уже должны бы привѣтствовать горячо и радостно, если бы прекрасный трудъ этотъ обладалъ и не столь серьезными и явными достоинствами научнаго и учебнаго свойства, отличался и меньшими полнотою и богатствомъ содержанія, чѣмъ какія ему присущи въ дѣйствительности.

Книга проф. П. распадается на двѣ, приблизительно равныя по своему объему, части, изъ которыхъ первая отведена исторіи институтовъ публичнаго права, а вторая исторіи гражданскаго права. Отмѣчу тутъ же, что система, принятая авторомъ для своего изложенія, не тождественна на протяженіи обѣихъ частей. Въ то время какъ въ области публичнаго права это система синхронистическая, или система періодизаціи — различаются періоды: царей, республики, принципата, абсолютной монархіи и „новаго міра,— для гражданскаго права избрана система болѣе „институціонная", хронологическая—изложеніе ведется по отдѣламъ: „гражданское общество" (здѣсь выясняется развитіе въ исторіи древняго Рима „субъекта права", т.-е. лица физическаго и юридическаго), далѣе, вещныя права, обязательства, семейственныя отношенія и наслѣдованіе. Къ публичному праву отнесены, какъ и слѣдовало предполагать, не только право государственное (строй государственный, сакральный, общественный, хозяйственный), но, главнѣйшимъ образомъ, и уголовное право, а равно уголовный судъ, въ особенности же гражданскій процессъ и, наконецъ, согласно твердо установившейся традиціи, такъ наз. источники права съ „юриспруденціей". Въ гражданскомъ правѣ читатель найдетъ нерѣдко очерки въ отдѣльности для цивильнаго права и для права „позднѣйшаго", которое, въ исторіи, напримѣръ, вещныхъ правъ, выясняется, въ свою очередь, отдѣльно для права а) преторскаго и б) послѣклассическаго. Таковъ основной планъ книги, ея, такъ сказать, остовъ. Наполняющій этотъ остовъ матеріалъ обработанъ и представленъ не только съ полнымъ знаніемъ труднаго дѣла, но прямо образцово. Не говоря уже, что всегда и неизмѣнно авторъ стоитъ на высотѣ новѣйшей романической науки, что имъ использована вся обширнѣйшая литература предмета— какъ юридическая, такъ и чисто историческая,— вплоть до трудовъ, появившихся въ 1912 г.; что техническая сторона — въ римскомъ правѣ, какъ хорошо извѣстно, отнюдь не маловажная— положительно безупречна. Отъ писателя съ научнымъ именемъ нашего автора иного, въ сущности, нельзя было ожидать. Нѣтъ, даже независимо отъ всего этого, трудъ, проф. П. заслуживаетъ максимальнаго признанія. Въ предисловіи къ труду мы читаемъ, что его назначеніе—служить „элементарнымъ руководствомъ для лицъ, желающихъ познакомиться съ основными процессами въ исторіи римскаго права". „Дать... возможно ясный очеркъ этихъ процессовъ — говорится далѣе, — ввести читателя въ важнѣйшія проблемы нашей науки — такова общая цѣль книги". Не подлежитъ сомнѣнію, что задача, намѣченная авторомъ въ этихъ словахъ, разрѣшена имъ въ полной мѣрѣ. Но точно также несомнѣнно, что достигнуто и дано, вмѣстѣ съ тѣмъ, гораздо больше. Не буду настаивать, что историческіе процессы въ развитіи римскаго права изображены не только „ясно", до прозрачности ясно, но и выпукло, ярко, порою художественно. Не выдвигаю даже многосторонности, а нерѣдко и детальности разработки, наблюдаемыхъ особенно во второй половинѣ труда, гдѣ часто изложеніе способно съ успѣхомъ замѣнить и курсъ „институцій" и, пожалуй, даже книгу по системѣ („догмѣ") римскаго права. Но рѣшительно не могу не обратить надлежащаго вниманія на тотъ отрадный фактъ, что извѣстныя, немаловажныя главы въ книгѣ нашего автора находятся въ тѣснѣйшей связи съ его же самостоятельными изслѣдованіями, и, весьма естественно, пріобрѣтаютъ оттого повышенную цѣнность. (*М. Пергаментъ. „Научн. Ист. Журн.". 1913—1*).

Точность и ясность мышленія, благородная простота изложенія характеризуютъ всѣ работы П. Чего бы онѣ не касались — всюду въ нихъ выступаетъ прекрасное пониманіе авторомъ духа жизни институтовъ права, его умѣніе схватить, подчеркнуть, зафиксировать его. Оттого такъ жизненны, непосредственны, „предметны", какъ говорятъ нѣмцы, т.-е. являются изслѣдованіями а непосредственной давности, дѣйствительности, а не книгами о книгахъ,—работы П.

Этими работами отличается и чрезвычайно просто и вмѣстѣ съ тѣмъ элегантно написанная „Исторія римскаго права". Несмотря на обширность трактуемаго ею предмета, она какъ-то особенно цѣлостная, единая, какъ изъ одного куска. Внутреннему единству соотвѣтствуетъ и равномѣрность разработки отдѣльныхъ частей: отдѣльнымъ вопросамъ отведены подобающія мѣста. Чтобы быть хорошимъ историкомъ права, необходимо быть прекраснымъ догматикомъ-систематикомъ: раскрытіе эволюціи институтовъ возможно только тогда, когда историку ясна сущность институтовъ и исторія ихъ развитія какъ со стороны содержанія ихъ, такъ и формы. И въ этомъ смыслѣ лежащая передъ нами книга— прекрасное свидѣтельство тому, что П. — признанный историкъ права. Это сказывается и въ блестящей оцѣнкѣ авторомъ во введеніи роли и значенія римскаго права въ исторіи правового развитія и въ современной юриспруденціи.

Тонкій цѣнитель достоинствъ римскаго права, П. предостерегаетъ отъ слѣпой вѣры въ его непогрѣшимость, отъ вѣры въ то, что дальше итти некуда: „Такая вѣра была бы противна исторіи, была бы противна и тому духу свободнаго изслѣдованія, которымъ были проникнуты и самые творцы римскаго права — римскіе юристы. Лозунгомъ современной юриспруденціи является знаменитое изрѣченіе Іеринга: „черезъ римское право, но впередъ, дальше его".

„Быть впереди народа, освѣщать ему путь, направлять его правосознаніе ко благу и правдѣ въ человѣческихъ отношеніяхъ — такова истинная обязанность юриспруденціи и ея отдѣльныхъ представителей". Этимъ идеямъ служитъ лучшее въ юриспруденціи. Вѣренъ имъ и авторъ книги. Нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія прекрасной книгѣ не только среди юристовъ, но и среди образованной публики вообще, которую интересуютъ вопросы права и его развитія. (*С. Левинъ. „День". 1913—264*).

Выходъ въ свѣтъ труда проф. П. предста-

являетъ собою крупное явленіе въ сферѣ отечественной романической литературы.

Обращаясь отъ формы изложенія къ его характеру, мы прежде всего замѣчаемъ, что поставленная авторомъ себѣ задача сказывается и здѣсь, выражаясь преимущественно въ томъ, что детали, а равно и литературныя указанія остаются въ сторонѣ. Если принять во вниманіе общій характеръ и тенденціи труда П., то подобное обстоятельство по существу находитъ себѣ, конечно, полное оправданіе, но, сторонясь деталей, авторъ, намъ кажется, иногда какъ будто злоупотребляетъ этимъ: многіе способы пріобрѣтенія права собственности (venditio sub hasta, accessio, пріобрѣтеніе плодовъ и т. п.) не находятъ, напримѣръ, себѣ мѣста въ его изложеніи. Далѣе, для разбираемой работы очень характерна та крайняя осторожность, съ которой авторъ подходитъ къ спорнымъ вопросамъ исторіи римскаго права, его отношеніе къ разнообразнымъ теоріямъ и гипотезамъ, напримѣръ, о сущности трибы, происхожденіи плебса, и клиентелы, причинахъ паденія царской власти и т. п. Эта же осторожность заставляетъ его чрезвычайно осмотрительно относиться къ тому направленію, въ числѣ крайнихъ сторонникъ въ котораго можно назвать Lambert'a и Pais'a. Однако, изъ сказаннаго отнюдь не слѣдуетъ того, что П. послушно идетъ за мнѣніемъ большинства. Многіе оригинальные выводы и построенія, къ которымъ онъ пришелъ въ своихъ прежнихъ трудахъ, особенно въ своей пользующейся заслуженнымъ признаніемъ работѣ „Право и фактъ въ римскомъ правѣ", сказываются въ его „Исторіи" съ достаточною яркостью и позволяютъ ему придать многимъ историческимъ процессамъ своеобразное освѣщеніе. Въ послѣднемъ отношеніи особенно интересно трактуются нѣкоторые вопросы исторіи претуры и преторскаго права, а также исторіи процесса. Если ко всему сказанному прибавить ясность и отчетливость изложенія, то, какъ думается, о книгѣ П. можно составить нѣкоторое опредѣленное мнѣніе. Правда, благодаря ея свойствамъ, читатель скорѣе почерпнетъ изъ нея пониманіе исторіи римскаго права, нежели пріобрѣтетъ основательное знаніе этой послѣдней, но тѣмъ не менѣе можно смѣло сказать и то, что благодаря ей читателю сразу станетъ яснымъ многое такое, для уясненія чего надъ другой подобнаго рода книгой ему пришлось бы потратить значительно больше и времени и труда. Однако, читая работу П., мы наткнулись на нѣкоторыя мѣста, вызвавшія въ насъ извѣстное недоумѣніе. Мы не хотимъ, конечно, сказать, что намъ встрѣтились болѣе или менѣе крупныя неточности, но вѣдь чѣмъ лучше какая-либо работа вообще, тѣмъ ярче выступаютъ въ ней неудачные пункты, хотя бы они были и довольно невиннаго свойства. (Отмѣчены погрѣшности и опечатки. *Ред. „Бюл".*).

...Само собою понятно, что применительно къ работѣ П. объ указанныхъ погрѣшностяхъ иначе какъ о простыхъ недосмотрахъ говорить и нельзя. Вся наша цѣль заключалась лишь въ желаніи указать незначительныя темныя пятнышки, вносящія нѣкоторую дисгармонію на фонъ блестящаго цѣлаго. (*В. П. Ивановъ. „Юрид. Библ.". 1913/14—3*).

209. Медынскій, Е. Н. 374

Внѣшкольное образованіе, его значеніе, организація и техника. 1913. Спб., изд. автора, 249 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Для всѣхъ работниковъ на почвѣ внѣшкольнаго образованія книга М. весьма полезна. Въ ней развита та правильная мысль, что задачей всѣхъ учрежденій по внѣшкольному образованію является не столько сообщеніе новыхъ знаній, сколько привитіе стремленія къ развитію, расширеніе умственнаго кругозора и художественнаго вкуса и содѣйствіе физическому преуспѣянію. Въ качествѣ принциповъ организаціи внѣшкольнаго образованія авторъ выдвигаетъ: общественность, безплатность, самостоятельность, общедоступность, систематичность, планомѣрность и порайонность. Далѣе авторъ подробно останавливается на устройствѣ библіотекъ, народн. чтеній, школъ для взрослыхъ, музеевъ, книжн. складовъ, народн. театровъ. Попутно сообщаются свѣдѣнія изъ исторіи ихъ организаціи, о дѣйствующихъ законоположеніяхъ и даже о формѣ прошеній по вопросамъ внѣшкольнаго образованія. Наша систематич. литература по вопросу о внѣшкольн. образованіи очень бѣдна. Въ виду этого книга М., составленная изъ лекцій, читанныхъ имъ въ Спб. педагогич. академіи, и разсматривающая вопросъ во всемъ его объемѣ, должна быть привѣтствуема всѣми, кто хочетъ ознакомиться съ положеніемъ дѣла внѣшкольнаго образованія и получить нужныя указанія по его постановкѣ. (*И. Книжникъ. „Рѣчь". 1913—330*).

Большинство работъ, преимущественно журнальныхъ статей, посвящено отдѣльнымъ лишь вопросамъ внѣшкольнаго образованія. Вотъ почему слѣдуетъ привѣтствовать появленіе книги М., которая разсматриваетъ общіе вопросы внѣшкольнаго образованія, устанавливаетъ связь между отдѣльными формами его, считавшимися раньше совершенно самостоятельными, и даетъ весьма цѣнныя указанія по организаціи различныхъ формъ и ихъ техникѣ. Очень интересны краткіе историческіе очерки развитія отдѣльныхъ формъ внѣшкольнаго образованія, предпосылаемые многимъ главамъ. Много вниманія авторъ удѣляетъ установленію точнаго понятія внѣшкольнаго образованія, и это работа далеко не излишняя, если вспомнить, сколько различныхъ мнѣній существуетъ по этому вопросу. Одни видятъ въ немъ образованіе для лицъ, не прошедшихъ школы, другіе — дополненіе къ школьному образованію. Большинство ограничиваетъ внѣшкольное образованіе лишь библіотеками, курсами для взрослыхъ и чтеніями для народа. Врядъ ли многіе отнесутъ къ нему газету, музей, театръ, выставку и т. п.

Авторъ очень широко раздвинулъ рамки понятія и въ этомъ — большая заслуга его. Онъ подводитъ подъ это понятіе все то, что можетъ содѣйствовать умственному, нравственному, эстетическому и физическому развитію человѣка.

Весьма полно и содержательно разработана у автора глава, посвященная библіотечному дѣлу, одной изъ важнѣйшихъ формъ внѣшкольнаго образованія. Въ этомъ отдѣлѣ есть весьма интересные выводы, сдѣланные на основаніи довольно крупныхъ статистическихъ данныхъ.

Въ главѣ, посвященной техникѣ библіотечнаго дѣла, есть весьма много цѣнныхъ указаній для небольшихъ библіотекъ. Не всѣ, однако, положенія можно признать безспорными.

Очень обстоятельно разработана у автора глава о школахъ для взрослыхъ. Хотя тутъ рѣчь идетъ о „школахъ“, тѣмъ не менѣе есть полное основаніе отнести ихъ къ „внѣшкольному“ образованію, и не потому только, что онѣ предназначены для взрослыхъ, но по той цѣли, какую онѣ себѣ ставятъ, такъ какъ онѣ имѣютъ въ виду не накопленіе знаній, а расширеніе умственнаго кругозора, общее культурное развитіе учащихся; къ тому же строятся онѣ на широкой самодѣятельности ихъ.

Въ своей книгѣ авторъ, повидимому, преимущественно имѣетъ въ виду работу въ земствѣ; отчасти это объясняется личнымъ опытомъ его, какъ завѣдующаго народнымъ образованіемъ въ одномъ изъ уѣздныхъ земствъ, отчасти потому, что книга эта представляетъ собой переработку лекцій, читанныхъ группѣ лицъ, подготовлявшихся для завѣдыванія народнымъ образованіемъ въ земствахъ. Этимъ можно объяснить себѣ, что въ книгѣ совсѣмъ не затронутъ вопросъ объ организаціи внѣшкольнаго образованія у многочисленныхъ народностей, населяющихъ Россію.

Весьма цѣненъ данный авторомъ указатель литературы по трактуемому вопросу.

Въ заключеніе горячо рекомендуемъ эту книгу вниманію читателей, какъ за ея несомнѣнныя достоинства вообще, такъ и за ту пользу, которую она можетъ принести дѣлу еврейскаго народнаго образованія. (*В. С. „Вѣст. Евр. Просв.“. 1913—26*).

Трудъ М. несомнѣнно будетъ въ рукахъ у всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ работниковъ, которые до сихъ поръ должны были за отсутствіемъ спеціальной подготовки учиться правильному веденію дѣла на самомъ же дѣлѣ. Это весьма добросовѣстный и хорошо выполненный трудъ. Къ сожалѣнію, не всѣ вопросы, касающіеся различныхъ формъ внѣшкольнаго образованія, разработаны достаточно подробно. (*В. Шир. „День“ 1913—366*).

210. Эвальдъ, К. 59:8

Сказки природы для юныхъ и взрослыхъ читателей. Пер. съ нѣм. В. А. Эдельштейнъ. Съ 34 рис. худ. А. А. Штирена. 1913. Спб., изд. А. Ф. Девріена. 345 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Авторъ названной книги взялъ на себя трудную задачу передать въ сказочной формѣ рядъ свѣдѣній о разнообразныхъ явленіяхъ природы.

Книга пригодна прежде всего для дѣтей, при чемъ лучше всего было бы не давать эту книгу читать однимъ дѣтямъ, а читать ее съ ними, чтобы можно было дополнить и объяснить сказанное въ ней. Что можетъ дать эта книга взрослымъ, мы не совсѣмъ себѣ представляемъ. Допустимъ, что ее возьмутъ въ руки кто-нибудь совершенно незнакомый съ естественными науками,—что же онъ изъ нея вынесетъ? Буквально, крупинки свѣдѣній, которыя сами по себѣ не могутъ дать взрослому никакого удовлетворенія. Если же читатель уже знакомъ съ естественными науками, „Сказки природы“ будутъ для него просто скучны. Итакъ, мы беремъ книгу Э. какъ дѣтскую книгу и разбираемъ ее съ этой точки зрѣнія. Для дѣтей она безусловно доступна по содержанію, хороша по изложенію и полезна не только по сообщаемымъ въ ней свѣдѣніямъ, но и потому, что даетъ удобный поводъ многое изъ сказаннаго дополнить устно, если чтеніе происходитъ при участіи взрослаго. Само собой разумѣется, „сказки“ Э. не равноцѣнны. Одной изъ самыхъ неудачныхъ, на нашъ взглядъ, является первая, — „Дитя звѣзды“. Вопросъ, о развитіи планетной системы едва ли вообще доступенъ дѣтскому пониманію, а когда къ нему примѣшивается антропоморфическая точка зрѣнія, тогда онъ невольно суживается и уже вслѣдствіе самаго характера изложенія является въ неправильномъ освѣщеніи. Зато поистинѣ поэтична сказка „Туманъ“, удивительно выдержанная по содержанію и формѣ. Изъ другихъ сказокъ слѣдуетъ отмѣтить „Кораллъ“ и особенно двѣ послѣднія, — „Старая ива“ и „Невидимки“, напомнившія намъ сказки Андерсена. Переводъ въ общемъ хорошъ, но что касается точности, кажется, не безупреченъ, хотя, не имѣя въ рукахъ оригинала, трудно говорить объ этомъ. Такъ, намъ кажется, что въ сказкѣ „Устрица“ неправильно стоитъ „навага“ вмѣсто „треска“. А въ сказкѣ „Тетушка гагара“ ужъ, конечно, внѣ всякаго сомнѣнія, гагара смѣшана съ гагой. (*М. Мензбиръ. „Рус. Вѣд.“ 1913—291*).

Въ своихъ сказкахъ природы, въ формѣ маленькихъ разсказовъ, Э. говоритъ о томъ, какъ живутъ устрицы, какъ созидаются коралловые рифы, какъ вьетъ свое гнѣздышко птичка-камышевка, какъ живетъ, работаетъ, радуется и умираетъ незамѣтное населеніе „Тихаго Пруда“. Онъ говоритъ о звѣздахъ, о морѣ, о стрекозахъ. Весь этотъ безсловесный міръ природы бесѣдуетъ между собой, разсказываетъ о своихъ планахъ и намѣреніяхъ, и въ этихъ несложныхъ разговорахъ выясняется характеръ жизни каждаго существа, тѣ законы природы, которымъ онъ подчиненъ.

Юные читатели съ пользой и удовольствіемъ прочтутъ книгу Э., которая, разсказывая сказки природы, поднимаетъ завѣсу надъ тайнами ея, надъ незыблемыми законами и въ простой наглядной, всѣмъ понятной формѣ сообщаетъ много цѣнныхъ свѣдѣній.

Рисунки въ книгѣ очень изящны, и вся она издана съ большимъ вкусомъ. (*Н. „Гол. М“. 1913—282*).

211. Рерихъ, Н. К. 7(081)

Собраніе сочиненій. Кн. 1. 1914. М., т-ва И. Д. Сытина Ц. 1 р. 50 к.

Р. писатель и художникъ, всю свою жизнь, съ юношескихъ лѣтъ, съ самаго начала своей художественно-писательской дѣятельности, творческой работой художника и терпѣливыми изысканіями изслѣдователя возсоздаетъ чудесный міръ прошлаго, каждый камень котораго для него ложится въ основу „строенія грядущаго“. Р. — не ученый, не археологъ, въ обычномъ значеніи этого слова; при всѣхъ своихъ раскопкахъ и изысканіяхъ онъ прежде всего художникъ. Какой-нибудь предметъ, найденый во время раскопокъ, для него не мертвый остатокъ прошлаго, но живой свидѣтель былой жизни.

Р. одинъ изъ первыхъ почуялъ красоту и понялъ значеніе нашей старины.

Съ такою любовью и художественной экспрессіей описываетъ художникъ-изслѣдователь свои соприкосновенія съ міромъ старины, что невольно увлеченный слѣдуешь за нимъ и по курганамъ Водской Пятины, и въ иконный теремъ Алексѣя Михайловича, и въ „подземную Русь“ — въ древ-

ній, на нѣсколько саженей засыпанный, Великій Новгородъ, и по длинному, долгому пути „изъ варягъ въ греки". Но не только стариной, не только прошлымъ живетъ Р. Всѣ благія начинанія въ области искусства—Талашкино, псковскій музей Плюшкина и смоленскій кн. Тенишевой и т. п. — встрѣчаютъ горячую его поддержку. Въ его живой, многогранной душѣ и современность находитъ отликъ. Въ отличіе отъ многихъ, онъ пишетъ только о томъ, что хорошо и значительно, и во всякомъ фактѣ или человѣкѣ, привлекшемъ его вниманіе, умѣетъ онъ находить то, что есть въ немъ хорошаго.

Врубель и Куинджи, Сѣровъ и японцы и т. д. — ничто цѣнное не ускользаетъ отъ его внимательнаго, всегда устремленнаго къ художественному взора. Большая заслуга издательства, собравшаго и издавшаго (въ общемъ, очень изящно, но, къ сожалѣнію, съ массой грубыхъ, досадныхъ опечатокъ) первый томъ сочиненій Р. Всякій, кто интересуется искусствомъ въ его прошломъ или настоящемъ, — съ интересомъ будетъ ждать дальнѣйшихъ томовъ. (*И. Александровичъ. „День". 1913—334*).

Книга эта — толстый сборникъ всего, что было до сихъ поръ написано художникомъ по разнымъ поводамъ, его газетныхъ статей, беллетристическихъ опытовъ, замѣтокъ и пр. Съ большимъ удовольствіемъ перелистываешь эту книгу. Сколько горячей любви къ старинѣ, знанія ея и чуткаго ея пониманія! Многія изъ статей этой книги прекрасные комментаріи къ цѣлому циклу картинъ художника изъ жизни древняго доисторическаго славянства. По мѣрѣ того какъ перелистываешь страницы одну за другой, многое изъ этой жизни какъ живое встаетъ передъ глазами... Хорошая книга! Дай Богъ, чтобы у нея нашлось побольше читателей. (*Сергѣй Глаголь. „Стол. Молва". 1913—342*).

Заслуги Р. — рядъ живыхъ, красочныхъ образовъ, а не та археологическая сушь, которой переполнены изслѣдованія нашихъ ученыхъ. Онъ смотритъ на изученіе старины, — какъ на „собирательство красоты", считая это дѣло не архивнымъ, а жизненнымъ и новымъ. И изучать эти красоты, и говорить о нихъ должны художники-спеціалисты, а не археологи-критики. Онъ говоритъ, что не такъ страшенъ погромъ прежнихъ художественныхъ формъ въ шумѣ и свистѣ рѣзни и пожаровъ, сколько погромъ тихій, проходящій незамѣтно. А у насъ портятъ памятники старины тѣ учрежденія, что „промываютъ" старую живопись и прикрываются именемъ археологической комиссіи. Противъ нихъ-то и идетъ Р. по преимуществу со всѣмъ пыломъ и задоромъ юности, еще не ослабѣвшей въ тискахъ жизни. (*К. „Нов Вр." 1913—13564*).

211. Розановъ, В. В. 8:7] (081)

Среди художниковъ. 1914. Спб. Ц. 3 р. 50 к.

Авторъ задался, повидимому, цѣлью собрать все, что онъ писалъ по случайнымъ поводамъ относительно искусства. Это не книга критика, у котораго имѣется опредѣленный методъ художественнаго изслѣдованія и оцѣнки, это даже не книга диллетанта, располагающаго вкусомъ и чутьемъ и, хотя пытающагося показать свое отношеніе къ искусству. Самое подходящее для книги Р. опредѣленіе — это книга обывателя, разсказывающаго о томъ, что онъ видѣлъ, слышалъ и думалъ, вращаясь среди художниковъ. Какъ и всякая обывательская литература, книга Р. заключаетъ въ себѣ слишкомъ много очень личнаго, совсѣмъ неубѣдительнаго и даже мало интереснаго за предѣлами переживаній автора. Часто слишкомъ замѣтно выдвигается элементъ интимности, даже фамильярности и, если все это было болѣе или менѣе умѣстно, понятно и даже необходимо въ такой книгѣ, какъ „Уединенное", которая раскрывала душу автора, то здѣсь это моментами производитъ очень непріятное впечатлѣніе... (*С. „День". 1913—327*).

Съ обычной своей безцеремонностью и съ той своеобразной фамильярностью, которая такъ ярко освѣщала всю душу Смердякова, его достойный потомокъ Р. собралъ въ громадный томъ всякаго рода хламъ, печатавшійся имъ на страницахъ „Новаго Времени". Этотъ хламъ названъ совершенно неподходящимъ именемъ „Среди художниковъ", при чемъ на обложкѣ рекламно обѣщаны и ихъ портреты. На самомъ дѣлѣ, изъ 63 статей, вошедшихъ въ эту книгу, едва ли четверть трактуетъ о художникахъ. А что касается портретовъ, то они представлены фотографіями Айседоры Дунканъ съ дѣтьми и М. Зембрихъ. Читатель вправѣ посѣтовать на то, что заглавіе книги, разсчитанное, повидимому, на опредѣленный спросъ, совершенно не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Читатель вправѣ негодовать. Но вѣдь Р. — только Р. На страницахъ „Уединеннаго" и „Опавшихъ листьевъ" онъ такъ краснорѣчиво доказываетъ свою moral insanity и такъ цинично говоритъ о своей нравственной безотвѣтственности, что вѣрить добросовѣстности и добропорядочности Р. могутъ только наивные люди. Самая книга представляетъ собою весьма пеструю мѣшанину изъ разнообразныхъ статей и даже рецензій. Р. одновременно говоритъ о художественныхъ народныхъ выставкахъ и сказкахъ Лабуля; о сіамскихъ танцахъ и Ибсенѣ; о „Саломеѣ" Уайльда и „Черныхъ воронахъ" Протопопова; объ Айседорѣ Дунканъ и пожарѣ Троицкаго собора въ Петербургѣ; о нумизматикѣ и М. И. Долиной; о басняхъ Крылова и Шаляпинѣ; о Пушкинѣ и Мироновой въ „Сафо"; о Рѣпинѣ и драмѣ г. Жданова; о Савонароллѣ и танцахъ невинности; о В. Ѳ. Комиссаржевской и балалаечникахъ и т. д., и т. п. И все это облито, конечно, розановскимъ соусомъ изъ обычныхъ противорѣчій и даже для Р. необычныхъ глупостей.

Въ книгѣ сохранились еще статьи изъ „Русскаго Слова", въ которомъ Р. гастролировалъ, какъ убѣжденный либералъ. Теперь Р. гастролируетъ на страницахъ „Новаго Времени", какъ убѣжденный погромщикъ, но это не мѣшаетъ ему торговать краснымъ товаромъ, оставшимся у него отъ прошлаго. Поэтому не удивляйтесь, если на первой страницѣ „Среди художниковъ" вы прочитаете гимнъ побѣдамъ современной демократіи (писано въ 1897 г.). Прикажутъ, Р. напишетъ гимнъ дьяволу и ангелу, дитяти и маркизу де-Садъ, Библіи и „Запискамъ кушетки". (*А. О. „Рѣчь". 1913—309*).

212. Шершеневичъ, В. 8.01

Футуризмъ безъ маски. 1914. М., кн-во „Искусство". Ц. 50 к.

Книжка Ш. — единственная до сихъ поръ (если не считать статьи В. Брюсова въ „Рус. Мысли") работа, которую можно рекомендовать читателю, пожелавшему ознакомиться съ теоре-

тическими основами футуризма. Главныя ея достоинства: простой и ясный языкъ, отчетливое пониманіе авторомъ своей задачи, достаточное знакомство съ вопросомъ и заслуживающее всяческой похвалы стремленіе быть объективнымъ. Кромѣ собственно футуризма, который Ш. раздѣляетъ на три вѣтви—итальянскій футуризмъ, эго-футуризмъ и кубо-футуризмъ,—онъ разсматриваетъ также предшествующій футуризму символизмъ и современные — акмеизмъ и научную поэзію Ренэ Гиля. Все это излагается имъ весьма толково, а мѣстами, напр. въ статьѣ „Основы футуризма“, даже и глубокомысленно. Въ общемъ, какъ популярный трактатъ, предназначенный для широкой публики, книжка Ш. должна быть признана чрезвычайно удачной, можно даже сказать—безупречной. Пожалуй, многіе изъ читателей даже удивятся, узнавъ, что авторъ ея самъ принадлежитъ къ числу русскихъ эго-футуристовъ!.. (*В. Л. „Своб. Жур.“ 1913—12*).

Въ настоящее время крайне необходимымъ и полезнымъ является спокойное выясненіе теоретическихъ основъ молодого направленія русской поэзіи. Книга Ш. отвѣчаетъ этой назрѣвшей потребности момента лишь отчасти. Какъ представитель эго-футуризма, Ш. недостаточно объективенъ по отношенію къ кубо-футуризму.

Такъ, неправильно умаляется значеніе Хлѣбникова, самаго крупнаго представителя кубо-футуризма, ненуженъ и непріятенъ полемическій характеръ критики. Черезчуръ субъективна и категорична также характеристика футуризма, какъ исключительно „нео-городской музы“; если самъ Ш. въ своихъ стихахъ урбанистъ (притомъ довольно поверхностный) и природа кажется ему банальной „рядомъ съ переживаніями и разноцвѣтнымъ грохотомъ проспекта“, то наиболѣе талантливые поэты эго-футуристы (И. Сѣверянинъ, Дм. Крючковъ) далеки отъ отрицанія природы, религіи и другихъ извѣчныхъ цѣнностей творческаго духа. Много у Ш. необоснованныхъ и произвольныхъ положеній, но, несмотря на всѣ недостатки книги, она имѣетъ несомнѣнное освѣдомительное значеніе; въ частности интересны страницы, посвященныя объясненію современныхъ рифмъ и ритмики. (*Вл. Смыльскій. „День“. 1913—334*).

Ш. очень жеманенъ. Онъ говоритъ какимъ-то особенно деликатнымъ языкомъ, со множествомъ иностранныхъ словъ, употребленныхъ очень своеобразно, онъ обращается къ Пушкину для подкрѣпленія своихъ выводовъ и очень проситъ не смѣшивать истинныхъ футуристовъ, поэтовъ будущности, съ кубо-футуристами, Хлѣбниковымъ и Крученыхъ, взглядовъ которыхъ онъ совсѣмъ не раздѣляетъ. Короче сказать, если отбросить все гаерство, весь шутовской нарядъ человѣка, осыпавшагося „романтической пудрой“, живущаго въ „мезонинѣ поэзіи“, нюхающаго духи изъ „экстравагантныхъ флаконовъ“ и пишущаго „поэзы“, если отбросить языкъ мольеровскихъ Жеманницъ въ родѣ: „Творчество лидируетъ толковое пониманіе“, то въ брошюрѣ Ш. есть кое-что и дѣльное.

Онъ говоритъ, что надо прощать поэту какую-угодно дерзость, лишь бы онъ сказалъ новое, иначе мы застрянемъ въ банальщинѣ, что толпа больше всего любитъ неоригинальныя книги и оригинальныя новыя ее отшатываютъ. Онъ говоритъ, что футуризмъ — поэзія будущаго и въ будущемъ залогъ ея успѣха, что она поетъ „быстроту“ современной жизни и оправдываетъ неологизмы, соотвѣтствующіе духу языка. Наши новые поэты сильны въ теоріяхъ, жаль только, что они обыкновенно выдумываютъ отличную теорію и по ней пишутъ, какъ на заказъ, а пишутъ обыкновенно плохо. Поэтому часто самыя лучшія теоретическія изысканія въ области стиха, формы или даже просто художественной формы остаются безплодными (*Н. Г. „Гол. М.“ 1913—294*).

213 [. . . . . 8—8

„Энергія“. Сборникъ статей. Подъ ред. А. Амфитеатрова. 1914. Спб. изд. типо-лит. „Энергія“. 428 стр. Ц. 1 р. 50 к.

„Э.“— новый у насъ типъ сборника, представляющій собою переходъ отъ беллетристич. альманаховъ къ журналу съ опредѣленнымъ единствомъ направленія и разнообразіемъ отдѣловъ. Въ сборникѣ живой журнальный отдѣлъ представленъ на этотъ разъ лишь публицистическимъ фельетономъ самого редактора. И загѣмъ, кромѣ четырехъ писемъ А. П. Чехова, весь остальной матеріалъ отведенъ беллетристикѣ. Среди послѣдней является интересной повѣсть Б. Тимофеева „Сухіе сучки“, написанная нѣсколько въ горьковскомъ тонѣ и стилѣ, но все же съ несомнѣнной печатью оригинальности и свѣжести. Трактуетъ повѣсть тему, сравнительно рѣдко затрагиваемую нашей художественной литературой—жизнь маленькаго уѣзднаго городка. Уѣздный городокъ пережилъ уже бурные годы, пронесся надъ нимъ вихрь революціи и, хотя все какъ-будто и вернулось въ старое русло стараго режима, однако, жизнь не повторяется, и новыхъ формъ ищутъ разбуженные обыватели. Если, съ одной стороны, темныя силы города сорганизовались въ союзъ русскаго народа, философію котораго очень остроумно излагаетъ лавочникъ Силинъ, умница и дѣлецъ, то, съ другой стороны, и небольшая группа интеллигенціи пытается подойти практически къ задачѣ времени—сдвинуть страну съ мертвой точки и обновить ее весеннимъ реформаторскимъ перерожденіемъ. Уѣздная жизнь проходитъ въ довольно интересныхъ фазахъ, и нѣкоторые типы, какъ доктора, судебнаго слѣдователя, старой учительницы и черносотенца Силина, воплощены весьма ярко и жизненно. Авторъ повѣсти — молодой, начинающій писатель, и для перваго дебюта онъ выступилъ довольно счастливо: его повѣсть сумѣла затронуть больной вопросъ нашей современности, вопросъ о той глушн Россіи, которая теперь какъ будто бы спитъ непробуднымъ сномъ. Помимо большой повѣсти Амфитеатрова „Юность одной пѣвицы—человѣческій документъ“, въ которой описываются рядъ крупныхъ и большихъ фигуръ помѣщичьей Россіи, ему же принадлежитъ публицистич. фельетонъ „Времена и нравы“. Въ немъ авторъ касается, между прочимъ, и Рязанова, и рядомъ интересныхъ справокъ доказываетъ не новую, конечно, истину, что Р. органически, природно, не можетъ не лгать, не клеветать, не нагло выдумывать. (*Н. А. „Рѣчь“. 1913—330*).

Наиболѣе интересной вещью сборника нужно признать повѣсть Тимофеева, при чтеніи которой вспоминаются нравы и жизнь ступенецкихъ обывателей изъ „Пятой Язвы“ А. Ремизова. Но Р. рисуетъ оголтѣлое отъ пьянства чиновниче-

ство глухого уѣзднаго захолустья; городъ же Асѣевъ — губернскій и фабричный, стоитъ при желѣзной дорогѣ, тутъ и забастовки бываютъ, и борются политическія партіи, выпускаются революціонныя прокламаціи и черносотенныя воззванія. При этомъ авторъ вводитъ насъ въ кругъ прогрессивной интеллигенціи этого города. И тѣмъ мрачнѣе и безотрадиѣе получается картина. Все это какіе-то разбитые, придавленные полуинвалиды, у которыхъ даже въ воспоминаніяхъ ни одной свѣтлой точки, только кошмары и ужасы. Единственный разъ, когда мы видимъ этихъ людей собравшимися вмѣстѣ, — всѣ они перепиваются, какъ самые завзятые студенецкіе обыватели, и оказываются способными лишь на безсвязные, пьяные выкрики и самооплеванія. А герой повѣсти, тоскующій и ищущій выхода скромный телеграфный чиновникъ Афанасій Петровичъ, уже въ другой компаніи, въ обществѣ сыщика и проститутки, въ грязномъ пригородномъ трактирѣ и притомъ случайно какъ-то напивается до такой степени, что спьяна выдаетъ своихъ друзей, послѣ чего и кончаетъ самоубійствомъ. Въ повѣсти мѣстами слишкомъ длинны и пьяныя сцены, и умные, и тоскливые разговоры. Впрочемъ, въ этомъ сборникѣ почти все „слишкомъ длинно".

„Человѣческій документъ" Амфитеатра на многихъ страницахъ рисуетъ тоже мало отрадную картину изъ прошлаго. Но новаго и оригинальнаго въ этомъ, довольно олеографичномъ, изображеніи прошлаго очень немного. Фантастическая повѣсть Сѣрошевскаго кончается устроеніемъ счастливаго царства съ дворцами-школами и музеями, и пр. и пр. Но добраться до такого царства, оказывается, нелегко даже и черезъ повѣсть С.: длинный и скучный путь!.. (*Ѳ. Щеколдинъ. „День". 1913—299*).

Фантастическая повѣсть Сѣрошевскаго представляетъ смѣсь бытового со сказочнымъ, при чемъ оба эти элемента спаяны довольно механически. То, что авторъ взялъ отъ сказки, могло бы представить интересъ для малолѣтняго читателя, но для взрослыхъ, для которыхъ это произведеніе предназначено, безконечныя путешествія героя къ сѣверному вѣтру, возвращеніе съ дарами, въ родѣ скатерти-самобранки или козочки, изъ-подъ копытъ которой сыплются червонцы, и затѣмъ неизмѣнное похищеніе этихъ даровъ хитрымъ трактирщикомъ, кажется излишне наивнымъ и утомительнымъ. Представляется, что вся эта сказка, вмѣстѣ съ ея финаломъ, въ которомъ герою, на-зло кознямъ коварнаго трактирщика, удается въ концѣ-концовъ настроить по всему краю „прелестныхъ дворцовъ, школъ, дѣтскихъ садовъ, музеевъ — чистыхъ, свѣтлыхъ, какъ храмы, фабрикъ", съ большою для себя выгодою могла бы помѣститься вмѣсто полутораста приблизительно страницъ на какихъ-нибудь десять. Въ повѣсти Тимофеева читатель догадывается о тѣхъ ухищреніяхъ къ какимъ прибѣгаетъ авторъ, чтобы довести своего героя до трагическаго конца, а потому и самая смерть его не производитъ того впечатлѣнія, на которое она разсчитана. Въ „Юности одной пѣвицы" вокругъ героини съ самаго ранняго дѣтства были „обыкновенные и романическіе люди". Самымъ необыкновеннымъ былъ ея отецъ, семейное положеніе котораго она опредѣляетъ такъ: „Двоеженецъ безъ единой жены, отецъ дѣтей, ему не принадлежащихъ. Не отецъ дѣтей ему принадлежащихъ". Разбираться въ этой путаницѣ не легко, — въ концѣ-концовъ и авторъ, поименовавъ всѣхъ многочисленныхъ дѣтей Крѣпышева,—начинаетъ путаться въ нихъ. Нѣсколько противорѣчій такого рода подрываютъ значеніе произведенія, какъ „документа", но и за повѣсть признать это нагроможденіе разныхъ семейственныхъ нескладицъ также довольно трудно. Общее впечатлѣніе отъ сборника таково, что названіе „Энергія" отзывается ироніей: все въ немъ вяло, тускло, несмотря на потуги на оригинальность и даже на „дерзаніе". (*Н. Н. В. „Нов. Вр." 1913—13515*).

„Энергія!" Чего бы ужъ лучше!.. Къ сожалѣнію, ни будирующее названіе новаго альманаха, ни репутація редактора съ такимъ почтеннымъ въ литературѣ именемъ не раскрываютъ намъ цѣлей этого литературнаго предпріятія. Начну, по своему обычаю, съ внѣшности, которой я всегда придаю особое, отчасти рѣшающее значеніе. Обложка—верхъ безвкусицы. Положительно удивляюсь, какъ могъ А. В. Амфитеатровъ поставить на подобной мерзости свое имя. Зеленое съ коричневымъ на бѣломъ фонѣ; какая-то безграмотная фигура, имѣющая символизировать энергію, и все это въ удивительно пошломъ тонѣ! Увы! „Зеленое съ коричневымъ" проникаетъ и весь сборникъ. Нельзя сказать, чтобы все содержаніе было плохо. Сѣрошевскій, Амфитеатровъ—не могутъ написать плохо. Но все это именно зелено и коричнево. Едва ли мы ошибемся, если допустимъ догадку, что „Юность одной пѣвицы" принадлежитъ къ юношескимъ произведеніямъ автора. Повѣсть ведется отъ лица разсказчицы, провинціальной артистки Крѣпышевой. Какъ видно изъ этого разсказа, наши артистки 25 лѣтъ тому назадъ писали не хуже, чѣмъ нѣкоторые нынѣшніе литераторы. По крайней мѣрѣ, помѣщенная въ томъ же номерѣ публицистическая статья Амфитеатрова по перу ничѣмъ не отличается отъ разсказа артистки Крѣпышевой. Тотъ же стиль, то же щегольство эрудиціей и тотъ же фельетонный задоръ. Отдѣльныя фразы повѣсти можно перемѣстить въ статью и обратно, и едва ли кто замѣтитъ подобный обманъ. Не въ обиду будь сказано—повѣсть слѣдовало изъ сборника исключить. Такой же участи слѣдовало подвергнуть миленькій, но совершенно дѣтскій разсказикъ Сѣрошевскаго, большую неуклюжую повѣсть Б. Тимофеева.

Но тогда въ сборникѣ ничего бы не осталось? Совершенно вѣрно. (*Andros. „У. Рос." 1913—253*).

214/5. Корелинъ, М. 845.09

Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Критич. изслѣдованіе. Т. II. Франческо Петрарка. Т. III. Боккачіо. 1914. Спб. Изд. 2-е. 255+131 стр. Ц. 1 р. 80 к.+90 к.

Изслѣдованіе К. о раннемъ италіанскомъ гуманизмѣ не нуждается въ рекомендаціи. Всякій, кто занимается исторіей, долженъ быть знакомъ съ этимъ прекраснымъ трудомъ русскаго ученаго, въ свое время обратившимъ на себя вниманіе спеціалистовъ не только у насъ, но и за границей. Надо пожелать, чтобы въ новомъ удешевленномъ изданіи, книга проф. К. стала достояніемъ широкихъ круговъ читателей. (*Н. Б—й. „Рѣчь". 1903—312*).

Капитальный трудъ К. давно вышелъ изъ про-

дажи и сдѣлался библіографической рѣдкостью. Нельзя поэтому не привѣтствовать выхода въ свѣтъ второго его изданія.

Напомню, что сочиненіе К., надъ которымъ онъ работалъ нѣсколько лѣтъ въ заграничныхъ библіотекахъ, было его диссертаціей, за которую отъ Московскаго университета онъ получилъ прямо докторскую степень, а потомъ одну изъ премій Академіи наукъ. Въ свое время и русская и заграничная критика очень высоко оцѣнили трудъ К., и въ нашей высшей школѣ онъ является однимъ изъ необходимѣйшихъ пособій при изученіи эпохи ренессанса. (*И. Карѣевъ. „Рус. Вѣд.". 1913—216*).

Бокаччіо К.—не біографія знаменитаго автора „Декамерона", а обзоръ его сочиненій и сочиненій о немъ. К. разсматриваетъ Бокаччіо какъ одного изъ родоначальниковъ гуманизма, но не за латинскія его сочиненія, какъ это дѣлаетъ Фойгтъ, но и за итальянскія, между прочимъ и за „Декамеронъ". (*И. К. „Рус. Вѣд.". 1913—244*).

Книга К. переиздается безъ всякихъ измѣненій и дополненій. Какъ всегда, этотъ методъ имѣетъ свои достоинства и недостатки. Никто не посягаетъ на индивидуальное творчество автора, но и никто не считаетъ нужнымъ поставить читателя въ курсъ всѣхъ пріобрѣтеній, какія сдѣлала наука за послѣднія полтора десятка лѣтъ въ области, гдѣ работалъ К. Нельзя скрыть отъ себя, что въ данномъ случаѣ, при переизданіи второго тома, редакціонныя дополненія были бы чрезвычайно кстати. Трудъ К., при всѣхъ его безспорныхъ достоинствахъ, отнюдь не принадлежитъ къ тѣмъ, которые составили эпоху, проложили новые пути въ изученіи того или иного вопроса, бросили совсѣмъ новую мысль и т. п. Самое построеніе второго, напр., тома таково, что сильно препятствуетъ образованію цѣльнаго и яркаго впечатлѣнія у читателя. Авторъ беретъ трактатъ Петрарки, излагаетъ вкратцѣ его содержаніе, дѣлаетъ обзоръ исторіографіи, относящейся къ этому трактату, а въ заключеніе излагаетъ собственное свое сужденіе; затѣмъ переходитъ къ другому трактату. Этотъ методъ чрезвычайно затрудняетъ знакомство съ собственными мыслями автора, который, вдобавокъ, преувеличенно сдержанъ и лакониченъ въ ихъ формулировкѣ. Разбираемый томъ—хорошій критическій комментарій къ исторіографіи ранняго гуманизма. Собственная изслѣдовательская работа автора, работа несомнѣнная и большая, какъ-то не видна, затерялась, распылилась между безчисленными оцѣнками чужихъ мнѣній. При этомъ постоянно сказывается подавляюще-сильное вліяніе Кертинга (Petrarca's Leben und Werke); отъ этого вліянія авторъ не освобождается, не смотря на общую независимую критическую оцѣнку, которую онъ даетъ труду Кертинга. Основные выводы относительно Петрарки, индивидуализмъ Петрарки, примирительныя тенденціи, заставлявшія Петрарку какъ бы искать синтеза средневѣковаго міросозерцанія съ новыми воззрѣніями на человѣка—все это было самостоятельно и подробно охарактеризовано К.—но все это уже далеко не было новостью, когда онъ писалъ. Громадная начитанность въ произведеніяхъ Петрарки позволяетъ ему однако воскрешать многое, чего читатель не найдетъ ни у кого изъ его предшественниковъ. За иллюстраціями той или иной мысли (и иллюстраціями свѣжими, не захватанными) у К. никогда остановки не бываетъ. Въ частности онъ превосходно изучилъ сравнительно мало извѣстные латинскіе трактаты перваго гуманиста и изучилъ ихъ во всѣхъ деталяхъ.

2-й томъ былъ бы цѣннѣе, если бы редакція пополнила его обзоромъ новѣйшей литературы о Петраркѣ: тогда значеніе этой части, какъ критическаго пособія, сильно повысилось бы. Но въ слѣдующихъ частяхъ книги трудъ покойнаго ученаго не нуждается въ этой редакціонной работѣ. Литература о Бокаччіо, напр., за послѣдніе годы не дала ничего сколько-нибудь важнаго, и поэтому третій томъ К., посвященный Бокаччіо, выглядитъ какъ-то свѣжѣе втораго тома. Вообще, Бокаччіо нашелъ въ К. интереснаго и вдумчиваго истолкователя и самостоятельный трудъ его здѣсь виднѣе, нежели въ томѣ, посвященномъ Петраркѣ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что, напр., книга Веселовскаго о Бокаччіо и живѣе, и ярче, и даже нужнѣе, нежели книги К. Покойный московскій историкъ былъ и ученымъ, и эрудитомъ,—но какъ эрудитъ, онъ былъ крупнѣе, нежели какъ ученый. Съ нетерпѣніемъ ждемъ завершенія этого изданія. (*„Рус. Бог." 1913—12*).

216. Берингъ, М. 891.7.09(×2).

Вѣхи русской литературы. Пер. В. Базилевской. Съ предисл. И. А. Хомякова. 1913. М. 165 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Книга Б. даетъ гораздо больше, нежели можно ожидать отъ сочиненія, написаннаго иностранцемъ, который, къ тому же, не является спеціалистомъ по исторіи литературы, но лишь вдумчивымъ и наблюдательнымъ диллетантомъ. Въ оригиналѣ *Вѣхи* предназначены для англійскихъ читателей, очень плохо знакомыхъ съ русской литературой, а потому, разумѣется, не содержатъ никакихъ фактовъ, неизвѣстныхъ образованнымъ русскимъ. Но глубоко интересны обобщенія и критическіе отзывы Б., который, стоя внѣ существующихъ у насъ литературныхъ партій, направленій и школъ, имѣлъ возможность судить о великихъ русскихъ писателяхъ (писателей второстепенныхъ онъ въ своей работѣ не касается) совершенно объективно и безпристрастно. При этомъ его критика не есть поверхностная и легковѣсная „критика со стороны". Повидимому, англійскій авторъ весьма основательно изучилъ новую русскую литературу. По крайней мѣрѣ, въ его книгѣ не замѣтно грубыхъ промаховъ, которые столь часто встрѣчаются въ трудахъ иностранцевъ, пишущихъ о Россіи. Б. сумѣлъ проникнуть въ духъ и сущность русской литературы, сумѣлъ, по собственному его выраженію, взглянуть на нее „изнутри", глазами русскаго читателя, самъ оставаясь все время англичаниномъ. Въ книгѣ есть любопытныя главы, посвященныя характеристикѣ русскаго національнаго характера и русскихъ національныхъ идеаловъ, поскольку эти послѣдніе отражаются въ литературѣ. По мнѣнію Б., характеръ русскихъ людей сотканъ изъ противорѣчій, зачастую совершенно непонятныхъ западному наблюдателю. Пассивность соединяется съ величайшемъ упорствомъ и настойчивостью, доброта и мягкость съ недобросовѣстностью, смиреніе съ ужасной гордостью. Въ нравственномъ отношеніи русскій человѣкъ колеблется

между двумя полярными крайностями: между типомъ праведнаго Иванушки-Дурачка и типомъ Люцифера (это имя Б. употребляетъ въ совершенно условномъ значеніи въ виду отсутствія подходящаго образа въ народной поэзіи). Типы созданные нашими писателями, англійскій критикъ стремится классифицировать соотвѣтственно ихъ большему или меньшему приближенію къ одному изъ этихъ двухъ образовъ. Такъ, у Достоевскаго кн. Мышкинъ представляетъ собою наиболѣе полное олицетвореніе Иванушки, тогда какъ Николай Ставрогинъ является самымъ яркимъ носителемъ люциферіанскаго начала. Л. Н. Толстой во вторую половину своей жизни только и дѣлалъ что проповѣдовалъ мораль Иванушки, но въ его собственной личности были черты, близкія къ Люциферу. Со многими сужденіями Б. можно спорить (и даже очень, когда, напр., онъ касается чисто политическихъ вопросовъ), но остроуміе его теоріи и горячая, неподдѣльная любовь къ русской литературѣ дѣлаютъ его книгу въ высшей степени достойной вниманія. (*П. Губерг. „Рус. М.“ 1913—11.*)

Поскольку Б. говоритъ о русскихъ дѣлахъ—это типичный россійскій октябристъ, „одѣтый въ англійскій пиджакъ“: безоглядный панегиристъ россійскихъ добродѣтелей, иногда съ мягкой укоризной смотрящій въ глаза правительству, но чаще пламенно его отстаивающій, обличитель либераловъ и революціонеровъ. Онъ благожелателенъ направо и недоброжелателенъ налѣво, но въ общемъ возвышенно равнодушенъ. Онъ прожилъ въ Россіи годы революціи и ея подавленія и вынесъ убѣжденіе, что „въ Россіи больше доброты и гуманности, чѣмъ въ какой бы то ни было странѣ“. Намъ тоже такъ кажется и мы были бы чрезвычайно благодарны человѣку, который, взглянувъ на страну и народъ со стороны, подтвердилъ бы это смутное наше убѣжденіе подмѣченными имъ фактами. Но Б. непосредственно продолжаетъ: „Это (указаніе на русскую гуманность), можетъ быть, удивитъ читателя; онъ вспомнитъ про мрачныя сообщенія газетъ объ избіеніяхъ, грубомъ обращеніи съ заключенными и о многихъ другихъ вещахъ такого рода, и можетъ усомниться въ истинѣ моихъ словъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, всегда есть и будетъ извѣстное количество жестокости въ жизни и отношеніяхъ людей. Я утверждаю, что ея въ Россіи меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и лишь волненія послѣднихъ лѣтъ привели къ тому, что эксцессы всякаго рода со стороны администраціи оставались безъ контроля и ничѣмъ не ограничивались“. Вотъ какъ просто. Черезъ сто лѣтъ у потомка „областныхъ судей“ отъ невѣроятной жестокости въ чужой странѣ волосы не встали дыбомъ: ему достаточно было вспомнить, что „Англія XVIII вѣка была политически болѣе подвинута, чѣмъ современная Россія“. Все служитъ къ возвеличенію казенной Россіи — даже ея политическая отсталость. „Въ Россіи положеніе бѣдныхъ людей нельзя считать невыносимымъ; оно плохо вслѣдствіе золъ, неотдѣлимыхъ отъ бѣдности, вслѣдствіе пьянства и безконтрольности администраціи, но оно не невыносимо. Если бы оно было таковымъ, вся русская бѣднота, которой насчитывается девяносто милліоновъ, поднялась бы давно уже, какъ одинъ человѣкъ. Ова этого не сдѣлала, потому что положеніе ея не невыносимо“. Надо еще помнить, что „первое, что поражаетъ англійскаго путешественника, впервые переѣзжающаго русскую границу,—это веселость русскихъ людей“. Не случайнымъ кажется такъ наблюдательному англійскому путешественнику что „клоуны въ русскихъ циркахъ неподражаемы“. Очевидно, и они понимаютъ, что положеніе не невыносимо и что, разъ бѣднота не „поднялась“, ей остается веселиться. Все было бы къ лучшему въ семъ лучшемъ изъ государствъ но, увы, въ немъ есть люди, которые находятъ что положеніе бѣдноты достаточно невыносимо. Это русскіе революціонеры. Ихъ Б. обличаетъ. цитатами изъ „Бѣсовъ“. Петръ Верховенскій самъ о себѣ говорящій: „я вѣдь мошенникъ, не соціалистъ! — это, по убѣжденію Б, не грубая карикатура, а пророческій образъ, коимъ Достоевскій предсказалъ въ 1872 году то, что произошло въ 1905 г. Съ событіями послѣдняго года и сопоставляетъ англійскій критикъ тираду Верховенскаго: „слушайте, я ихъ всѣхъ сосчиталъ: учитель, смѣющійся съ дѣтьми надъ ихъ Богомъ и надъ ихъ колыбелью, уже нашъ. Адвокатъ, защищавшій образованнаго убійцу тѣмъ, что онъ развитѣе своихъ жертвъ и, чтобы денегъ добыть, не могъ не убить, уже нашъ. Школьники, убивающіе мужика, чтобы испытать ощущеніе,—наши. Присяжные, оправдывающіе преступниковъ слошь,—наши. Прокуроръ, трепещущій на судѣ, что онъ не достаточно либералевъ,—нашъ“. „Въ этомъ революціонномъ символѣ вѣры—таково мнѣніе Б.—Достоевскій выразилъ тотъ идеалъ, по которому поступали тысячи новѣжественныхъ людей въ Россіи за послѣдніе три года. Все такъ называемое хулиганство, которое началось послѣ войны, и, хотя значительно уменьшилось, благодаря широкораспространенной системѣ военно-полевыхъ судовъ, но все еще продолжаетъ существовать—проистекаетъ изъ этого идеала, и послѣдователи его — сознательные или безсознательные приверженцы этой вѣры“. Б знаетъ, что у него могутъ попросить доказательствъ, и спѣшитъ прибавить: „потому что тотъ пролетаріатъ, существованіе котораго предвидѣлъ Достоевскій, теперь дѣйствительный фактъ, и большая часть его была пропитана именно такими идеями; не весь, конечно. Я отнюдь не хочу сказать, что всякій русскій соціалъ-демократъ исповѣдуетъ такія мысли, но я хочу сказать, что онѣ существуютъ и что большое количество людей поступало соотвѣтственно подобному ученію, лишь наполовину перевареному ими; они погибли сами и губили другихъ, поступая такъ, и кончали на висѣлицѣ“. Таковы общественно-политическія воззрѣнія, лежащія въ основѣ этой книги о русской литературѣ. Никакихъ вѣхъ она не намѣчаетъ—содержаніе ея разрозненно, и авторъ ея знаетъ, что оставилъ въ сторонѣ многихъ выдающихся русскихъ писателей. Это однако не важно: важно то, что никакихъ новыхъ или цѣнныхъ замѣчаній о русской литературѣ мы въ книгѣ Б. не нашли. Она написана для иностранцевъ, и въ ихъ рукахъ могла остаться. Для русскихъ читателей она, пожалуй, послужитъ нѣкоторымъ поученіемъ, если они отнесутся къ Б. такъ, какъ онъ — не безъ основанія—относится къ театральнымъ критикамъ „Рѣчи“ и „Руси“: „Я никогда не встрѣчалъ ничего особенно интереснаго въ ихъ статьяхъ: зато они, пожалуй, вѣрнѣе отражаютъ общественное мнѣніе“. Въ этомъ смыслѣ интересенъ и Б. Мы все смотримъ на западъ, надѣем-

ся, что у насъ „постыдятся Европы“ — и удивляемся, когда оказывается, что не стыдятся. А, когда прочтешь книгу Б., „отражающаго общественное мнѣніе“, то видишь, что стыдиться некого: вершины европейской мысли и совѣсти,—какъ всегда вершины,—исключеніе, а средній европейскій человѣкъ — Б. (*„Рус. Бог.“ 1913—11*).

217. **Энгельмейеръ, А.** 891.7—3

Разсказы. [1913]. М., изд. автора. Ц. 1 р. 50 к.

Разсказы по содержанію довольно разнообразны: авторъ изображаетъ и деревенскіе нравы, музыкальный міръ и бытъ артистовъ, и изнанку столичной жизни и психологію отдѣльныхъ представителей интеллигенціи. Въ нѣсколькихъ случаяхъ Э. переноситъ мѣсто дѣйствія въ далекую отъ русской дѣйствительности обстановку, — на китоловное судно, борющееся со страшной бурей на Южномъ Ледовитомъ океанѣ, за Вандименовой землей, въ Тироль, въ баварскія горы. Болѣе характерными являются однако тѣ вещи, которыя возсоздаютъ русскую жизнь и природу. Здѣсь, на ряду съ отголосками извѣстнаго быта, напримѣръ, крестьянскаго, привлекаютъ вниманіе гуманные мотивы, сказывающіеся, напримѣръ, при изображеніи судьбы неудачниковъ, людей, не знавшихъ личнаго счастья или безповоротно его утратившихъ: отраженъ въ нѣкоторыхъ разсказахъ и мотивъ душевнаго одиночества. Къ болѣе интереснымъ въ бытовомъ или психологическомъ отношеніи произведеніямъ, которыя мы находимъ въ настоящемъ сборникѣ, можно отнести такія вещи, какъ „Двойникъ“, „Дурашка и Цыпурашка“, „Свѣтлый праздникъ въ лѣсу“, „Святая минута“ (чувствуется вліяніе Льва Толстого, памяти котораго посвященъ Э. особый очеркъ,—„Послѣдняя религія“. отчасти— „Трушка Смолинъ“ (изъ деревенскихъ нравовъ). (*Ю. Веселовскій. „Рус. Вѣд.“ 1913—152*).

Книга разсказовъ Э. не является событіемъ на книжномъ рынкѣ, но все же заслуживаетъ вниманія. Э. умѣетъ разсказывать и у него есть, о чемъ разсказать. Онъ много видѣлъ, много наблюдалъ, и потому-то отъ его разсказовъ вѣетъ глубокой жизненной правдой. Жизнь, какъ она есть, не прикрашенная, не облеченная въ маскарадную мишуру фантазера, занимаетъ автора, и онъ повѣствуетъ съ одинаковой любовью и о мелкихъ, незамѣтныхъ людяхъ, о ихъ маленькихъ трагедіяхъ, о ихъ переживаніяхъ, и о большихъ людяхъ съ большою душой, но таящихъ свое внутреннее сокровище и не выносящихъ его на людское торжище. У Э. нѣтъ выдуманныхъ людей, нѣтъ „сверхчеловѣковъ“ ни въ дурную ни въ хорошую сторону. И эта безыскусственность замысла и исполненія выгодно отличаетъ автора. (*З. „Стол. Молва“. 1913—339*).

Въ разсказѣ „Послѣдняя религія“, въ которомъ изложена квинтъ-эссенція взглядовъ автора въ аллегорической формѣ, разсказывается о праведномъ и мудромъ старцѣ, учащемъ жить пришедшаго къ нему за помощью отъ зла жизни юношу, сердце котораго содрогнулось при первыхъ прикосновеніяхъ съ міромъ людей. Старецъ говоритъ, что съ теченіемъ времени „сердце человѣка будетъ все болѣе и болѣе любящимъ. И оно будетъ все усиленнѣе и усиленнѣе разыскивать зло на землѣ, чтобы сострадать тому, кого зло поражаетъ, чтобы смягчались его удары и, такимъ образомъ, стремиться уменьшить необъятное количество повсемѣстнаго страданія хоть на землѣ. И въ этомъ и будетъ высшее назначеніе лучшихъ представителей человѣческаго рода. Въ этомъ будетъ заключаться и его послѣдняя религія“. Разсказъ „Сверхъ-человѣкъ“ принадлежитъ къ числу лучшихъ въ книгѣ.

Э. рисуетъ намъ женщинъ, не только въ качествѣ жертвъ, но и въ роли настоящихъ жадныхъ палачей. Таковы въ разсказѣ „Жемчужина“, главная героиня его—алчная и жадносвирѣпая дѣвушка, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ, если только она ощущала запахъ золота, и не далеко ушедшая отъ нее „талантливая артистка“ въ разсказѣ „Улыбка“, развратничающая съ мальчикомъ-отрокомъ, пресыщенная уже развратомъ со взрослыми своими поклонниками.

Хорошъ разсказъ „Дурашка“ и „Цыпурашка“ изъ жизни актерской мелкой братіи. Нѣкоторые разсказы, какъ „Трушка Смолинъ“ „Свѣтлый праздникъ въ лѣсу“ и „Святая минута“ такъ и просятся для изданія ихъ отдѣльно для народа. Въ общемъ книжка заслуживаетъ полнаго сочувствія со стороны нашихъ читателей. (*Н. Чаровъ. „Рязан. Жизнь.“ 1913—208.*)

218. [. . . . 9(3)(02).

Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. II. Римъ—республика. Для III и IV кл. ср. учебн. зав. Сборникъ статей подъ ред. А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова. 1913. М., изд. „Задруга“. 333 стр. Съ илл. Ц. 1 р. 60 к.

Однѣ изъ статей вполнѣ доступны для 13 или 14-ти лѣтняго мальчика, другія ему не понятны. То же нужно сказать и объ иллюстраціяхъ: многіе древніе рисунки представлены въ реставраціи, нѣкоторые въ настоящемъ видѣ; большинство иллюстрацій требуетъ объясненій; есть такія, которыя уже устарѣли. Транскрипція римскихъ именъ иногда не точная: когда, наконецъ, перестанемъ упоминать городъ „Помпея“ вм. „Помпеи“. Въ городахъ улицы то очень широкія (?), то тѣсныя. Но книга въ общемъ интересна, читается съ удовольствіемъ и развиваетъ фантазію. *(С. Ц. „Гермесъ“. 1913—18).*

Составители не во всемъ, конечно, убереглись отъ ошибокъ, но новизна и трудность задачи во многомъ послужатъ имъ извиненіемъ. Статьи второй части книги, посвященной римской республикѣ, конечно, неравномѣрны по своимъ достоинствамъ. Лучшія статьи написаны К. Н. Успенскимъ и К. В. Ивковымъ: авторамъ удалось дать живые очерки повседневной римской жизни, попутно сообщая и новыя свѣдѣнія для учащихся. Особенно цѣнна въ послѣднемъ отношеніи статья о Карѳагенѣ: для большинства нашихъ гимназистовъ Карѳагенъ—просто имя воевавшаго съ Римомъ государства, а изъ статьи Успенскаго они узнаютъ, какова была политическая, религіозная и хозяйственная жизнь знаменитаго города. Превосходныя по сжатости и простой серьезности статьи Н. А. Куна, пожалуй, нѣсколько трудны для только что приступившихъ къ историческому чтенію подростковъ. Напротивъ, статьи В. Н. Перцева грѣшатъ излишней картинностью: авторъ заставляетъ своихъ героевъ разговаривать запросто о сложныхъ соціальныхъ процессахъ, съ трудомъ

раскрываемыхъ наукой и врядъ ли столь легко подмѣчавшихся людьми того времени. Остальныя статьи, въ общемъ, колеблются между этими двумя пріемами: начавъ въ полу-беллетристическаго разсказа, авторы скоро сбиваются на пересказъ научныхъ нашихъ свѣдѣній объ эпохѣ. Таковы статьи В. П. Жаворонкова, Т. П. Сократовой и А. А. Фортунатова.

Статья Е. Л. Богровой грѣшитъ модернизаціей: арка Януса изображена черезчуръ похожей не современную биржу, а откупщикъ—на банкира нашихъ дней. Хороши непритязательные очерки С. И. Радцига.

Очеркъ А. К. Дживелегова написанъ съ большимъ тактомъ и воодушевленіемъ, такой фактическій разсказъ, конечно, полезенъ учащимся. Напротивъ, очеркъ Я. В. Сорокина—сухъ и мало добавитъ къ учебнику. Большими недостатками страдаютъ и очерки А. М. Васютинскаго: въ разсказѣ о Катонѣ Старшемъ цитаты-пересказы изъ книги Катона „De re rustica“ превращены въ его рѣчи за обѣдомъ: въ очеркѣ засѣданія сената по поводу войны съ Пирромъ, авторъ описываетъ, какъ завѣдомо историческую, сцену въ сущности легендарную (явленіе слѣпого Аппія Клавдія). Тѣмъ же излишнимъ довѣріемъ къ преданію страдаетъ очеркъ П. П. Губскаго.

О полнотѣ книги трудно судить: многое зависитъ отъ того, какъ ее дополнитъ слѣдующій выпускъ (Имперіи). (*Ал. Гизетти. „День“. 1913—299*).

Сборникъ выдержанъ въ теоретическомъ отношеніи. Ему не чуждъ духъ нибуровской критики, положившій начало переоцѣнкѣ историческихъ цѣнностей; но, признавая „спорность“ вопросовъ римской древности, редакція стоитъ на очень умѣренной позиціи. Чтобы не отстать отъ школьныхъ программъ, факты легендарной исторіи передаются, хотя и съ настойчивыми оговорками: примѣсь чудеснаго и таинственнаго только легенда и т. п. Въ разныхъ статьяхъ излагаются данныя новѣйшихъ археологическихъ открытій, распространенныя научныя теоріи, первоисточника: Ливій, Плутархъ, Катонъ, Полибій... Освѣщеніе объективное, даты попадаются изрѣдка, но ихъ достаточно. Какъ педагогическое пособіе, сборникъ обладаетъ извѣстной полнотой матеріала, обработаннаго почти всегда (за исключеніемъ одной—двухъ статей) литературно и живо. Группировка планомѣрна, а обиліе и качество объяснительныхъ иллюстрацій—ихъ 85—значительно повышаютъ интересъ книги. Отмѣтимъ недостатки. Слѣдовало бы разсказать о положеніи римской женщины, ея роли въ жизни семьи, культа, государства... Слѣдовало бы разсказать и о римскомъ искусствѣ. Къ тому же этотъ пропускъ не вполнѣ послѣдователенъ: объ искусствѣ Этруріи говорится довольно подробно въ первой статьѣ. Но въ общемъ составители какъ бы преувеличиваютъ подготовленность учениковъ: объясненія спеціальныхъ терминовъ встрѣчаются лишь какъ исключеніе. (*Д. К. „Руль“. 1913—432*).

219/20. Фарфаровскій, С. В. 9(47).

Источники русской исторіи. Русь до-Петровская. Пособіе для старш. кл. ср. уч. зав. и для самообраз. Т. I—II. 1913. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. VII + 702 + 309 стр. Ц. 3 р.

Настоящая книга представляетъ собой переработку перваго изданія, вышедшаго въ 1909 г. заглавіемъ „Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи“. Теперь книга дополнена новымъ матеріаломъ, но зато въ ней нѣтъ указателя особенно трудныхъ словъ и выраженій, который былъ въ первомъ изданіи, а кромѣ того отсутствуютъ и примѣчанія. Это обстоятельство, думается намъ, затруднитъ пользованіе книгой въ цѣляхъ самообразованія, т. к. источники приведены въ подлинникахъ, разбираться въ которыхъ по спеціалисту часто весьма трудно. Конечно, ученикамъ книга дается легче, т. к. къ ихъ услугамъ помощь учителя, безъ энергичнаго участія котораго такая хрестоматія, какъ „Источники русской исторіи“, вообще, намъ кажется, не можетъ разсчитывать на особенный успѣхъ среди учениковъ. Но зато при совмѣстной работѣ учителя и учениковъ, будь то чтеніе и разборъ источниковъ въ классѣ или подготовка и разработка ихъ для рефератовъ, книга можетъ оказать учащимся громадную пользу. Подборъ источниковъ сдѣланъ достаточно полно и очень тщательно. Издана книга хорошо. (*Г. Гордонъ. „Нед. Об.“ 1913—8*).

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ составитель даетъ на страницахъ своего сборника цѣльные, законченные тексты различныхъ историческихъ актовъ. Подборъ этихъ текстовъ отличается разнообразіемъ и обдуманностью. Онъ захватываетъ и экономическія, и соціальныя, и политическія и бытовыя отношенія различныхъ эпохъ русской исторіи, и при компетентномъ руководствѣ этотъ сборникъ можетъ служить хорошимъ пособіемъ для приступающихъ къ серьезному ознакомленію съ нашимъ историческимъ прошлымъ. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд“. 1913—262*).

Знакомство съ памятникомъ пріучаетъ занимающагося къ самостоятельной работѣ и къ критическому отношенію къ дѣлаемымъ выводамъ. Съ этой стороны трудъ Ф. слѣдуетъ только привѣтствовать. Въ изданіе вошло 313 документовъ и отрывковъ изъ нихъ, при чемъ текстъ документовъ сопровождается въ нѣкоторыхъ случаяхъ поясни тельными примѣчаніями. Не всегда, впрочемъ, ясно, почему пояснены одни мѣста и не пояснены другія. Выборъ текста не всегда удаченъ. Такъ, договоръ съ греками 945 г. приведенъ по Табаковскому изданію 1844 г. Отчего бы не воспользоваться изданіемъ археограф. комиссіи, сказаніемъ Ипатской лѣтописи? Передавая текстъ съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника, слѣдовало быть особенно осторожнымъ, между тѣмъ, напримѣръ, текстъ Хутынской грамоты приведенъ со многими погрѣшностями противъ оригинала. Вмѣсто гоголиная—напечатано гоголинаа, вмѣсто Волмина—воимина, и т. д. Эти замѣчанія не умаляютъ, впрочемъ, значенія изданія въ его спеціальныхъ цѣляхъ (*Н. Маркевъ. „Уч. Рос.“ 1913—282*).

Какъ гласитъ само заглавіе, изданіе представляетъ сборникъ матеріаловъ по русской исторіи: отрывки изъ лѣтописей, грамотъ, посланія, договоры и т. д., расположенные въ порядкѣ исторіи и представляющіе драгоцѣнное пособіе на урокахъ отечественной исторіи. На основаніи своего многолѣтняго опыта авторъ убѣдился, что ученики старшихъ классовъ уже совершенно способны къ анализу и къ критикѣ и что какой-нибудь старинный документъ, прочтенный

въ классѣ, возбуждаетъ ихъ вниманіе и интересъ несравненно болѣе, чѣмъ уже подведенные итоги на страничкахъ учебниковъ исторіи.

Разобраться самому въ этихъ не всегда понятныхъ старинныхъ документахъ для ученика является не только интереснымъ, но и очень развивающимъ методомъ изученія исторіи.

Русь Кіевская и Суздальская представлены въ источникахъ, конечно, бѣднѣе, чѣмъ послѣдующія эпохи. Очень полно изображено Смутное Время, хотя, къ сожалѣнію, такой важный и интересный документъ, какъ „Учрежденная Грамота", здѣсь помѣщенъ не полностью и безъ подписей. Всѣ эти историческіе документы написаны тогдашнимъ языкомъ; для того же, чтобы ихъ было не такъ трудно понимать, все это напечатано современнымъ обычнымъ шрифтомъ, а не славянскимъ. (*И. Т. „Моск. Вѣд." 1913—291*).

221. Бочкаревъ, В. Н. 9(47)„14:16"

Московское государство XV—XVII вв. по сказаніямъ современниковъ - иностранцевъ. 1914. Спб., кн-во „Энергія". 144 стр. Ц. 90 к.

Еще очень недавно „сказанія иностранцевъ" были совсѣмъ почти недоступны для простыхъ смертныхъ. Въ виду этого, брошюру Б. нужно привѣтствовать. Само собой разумѣется, что это—сочиненіе популярное, не научное. Оно даже не преслѣдуетъ научныхъ цѣлей и представляетъ собой лишь своеобразную компиляцію. Авторъ разработалъ подробную программу отдѣльныхъ вопросовъ, разбилъ ихъ по рубрикамъ: территорія и населеніе, экономическій государств. строй, религія и духовенство и т. д., и затѣмъ снабдилъ эти вопросы отвѣтами, въ видѣ подлинныхъ выписокъ изъ наиболѣе значительныхъ „сказаній". Такимъ образомъ, сами иностранцы, своими словами, разсказываютъ намъ о Россіи. И этотъ разсказъ не можетъ не заинтересовать даже неподготовленнаго читателя. Ему дается непосредственный матеріалъ, только, такъ сказать, приспособленный для дилетанта. Конечно, въ небольшой книжкѣ нельзя было исчерпать предмета. Но тѣмъ не менѣе и того, что даетъ Б., вполнѣ достаточно, чтобы читатель могъ „войти во вкусъ" и, въ случаѣ желанія, обратиться къ первоисточникамъ. Единственный, впрочемъ очень серьезный упрекъ, который можно сдѣлать автору.—это слишкомъ поверхностное предисловіе и плохая, недостаточная даже для дилетанта библіографія. (*Книгочій. „Рѣчь". 1913—330*).

Число русскихъ источниковъ, по которымъ можно было бы возсоздать картину домашняго и и общественнаго строя древней Руси, очень ограниченно. Большой историческій матеріалъ, имѣющійся въ архивѣ, относится, главнымъ образомъ, къ хозяйственной и юридической сторонамъ прошлаго нашего государства. Къ счастью, этотъ важный пробѣлъ можно заполнить съ помощью большого количества сочиненій современниковъ-иностранцевъ, которые посѣщали Московское государство съ XV вѣка. Попадая въ незнакомую страну, они прежде всего поражались ея своеобразнымъ бытомъ, такимъ непохожимъ на бытъ западный. Въ запискахъ, мемуарахъ, донесеніяхъ своимъ правительствамъ, оставляемыхъ этими иностранцами, имѣется много чрезвычайно цѣнныхъ и важныхъ указаній. Не всегда, конечно, имъ можно довѣриться. Они не могли, какъ справедливо оцѣниваетъ значеніе этихъ источниковъ покойный проф. Ключевскій,—дать вѣрнаго объясненія многихъ явленій русской жизни, но описать ихъ, выставить наиболѣе замѣтныя черты, наконецъ, высказать непосредственныя впечатлѣнія, производимыя ими на непривыкшаго къ нимъ человѣка, они могли лучше и полнѣе, чѣмъ люди, которые приглядѣлись къ подобнымъ явленіямъ и смотрѣли на нихъ съ своей домашней, условной точки зрѣнія.

Пользованіе этими источниками не всякому доступно вслѣдствіе рѣдкости нѣкоторыхъ изъ нихъ, а также потому, что большое число сказаній иностранцевъ напечатано только въ спеціальныхъ историческихъ изданіяхъ, имѣющихся лишь въ столичныхъ библіотекахъ. Отсюда становится понятными значительность и полезность работы, произведенной Б. Его книга излагаетъ содержаніе 27 важнѣйшихъ источниковъ. Она будетъ полезна всякому серьезно занимающемуся изученіемъ русской исторіи.

Издана книга опрятно и недорого. (*В. Г—нъ. „День". 1913—306*).

Въ этомъ изданіи чувствуется компетентная рука составителя. Замѣтимъ только, что было бы желательно присоединить къ тексту пояснительныя примѣчанія о степени достовѣрности сообщаемыхъ иностранцами свѣдѣній, въ особенности въ отдѣлахъ, касающихся экономическаго и государственного строя. (*А. Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд." 1913—262*).

Читателю предлагаются отрывки изъ сочиненія Барбаро, Контарини, Ченслера, Дженкинсона, Олеарія, и др. иноземцевъ. Цѣль составителя—создать картину историч. жизни на основаніи только извѣстій иностранцевъ, и безъ того трудно достижима, такъ какъ эти извѣстія требуютъ очень тщательной провѣрки; при такомъ же отношеніи къ хронологіи (въ каждую рубрику попадаютъ извѣстія отъ XV, XVI и XVII вв.), читатель неизбѣжно получитъ совершенно фантастическое представленіе объ исторической дѣйствительности. Вѣдь нельзя же допустить, чтобы жизнь страны, ея соціально-политическій строй и культурно-бытовой укладъ не измѣнились въ теченіе трехъ вѣковъ. Къ какому же изъ этихъ вѣковъ можно отнести представленіе, создавшееся на основаніи столь различныхъ хронологическихъ данныхъ? Какъ изданіе историч. памятниковъ, книга не можетъ удовлетворить читателя. Все же нельзя отрицать за книгой нѣкотораго интереса и значенія: читатель найдетъ очеркъ сношеній Россіи съ Зап. Европой и библіографію; она можетъ усилить интересъ къ исторіи вообще и къ историч. памятникамъ—въ частности. (*М. Михайловъ. „Нов. Жизнь". 1913—12*).

222. Левицкій, В. 92(Б)

Августъ Бебель. Его жизнь и дѣятельность. 1913. Спб., изд. кн. маг., б. М. В. Попова. 79 стр. Съ портр. Ц. 35 к.

Покойный Бебель, несомнѣнно, являлся наиболѣе импозантной и наиболѣе любопытной фигурой въ рабочемъ движеніи послѣдняго полувѣка. И его жизненный путь представляетъ не обыкновенную и интересную картину постепен-

наго восхожденія этого сына прусскаго унтеръ-офицера, потомъ простого рабочаго—на вершины міровой извѣстности и популярности. Лавровый вѣнокъ славы достался Б. на закатѣ дней пугемъ очень долгой, тяжелой и неустанной борьбы. Но, какъ ни тяжелы были порой жизненныя невзгоды, какъ ни многочисленны были препятствія, Б. преодолѣвалъ ихъ, оставаясь всегда себѣ вѣрнымъ и не измѣняя тѣмъ задачамъ своей жизни, которымъ онъ отдался душой еще въ молодости. Вотъ почему Б. съ полнымъ правомъ могъ сказать о себѣ, что ему приходилось иногда совершать ошибки, но что въ любыхъ обстоятельствахъ—онъ оставался „честенъ"... Небольшая брошюра Л. знакомитъ насъ съ важнѣйшими этапами жизненнаго пути Б. въ біографіи, написанной сжато и живо. Авторъ біографіи хорошо подчеркиваетъ эту важнѣйшую черту въ жизни и личности Б., ту „честность съ собой", которой запечатлѣны длинная цѣпь фактовъ и событій жизни этого необыкновеннаго человѣка". На русскомъ языкѣ біографія Б. отдѣльнымъ изданіемъ появляется впервые. (*И. Ильинскій. „Своб. Жур." 1913—12*).

Жизнь Б. такъ тѣсно связана съ жизнью его партіи, что біографія Б. не можетъ быть ограничена личной жизнью этого прямого и цѣльнаго, неподкупно честнаго, одновременно сурового и мягкаго, страстно убѣжденнаго и терпимаго человѣка, „лучшаго человѣка во всемъ интернаціоналѣ". Б.—вождь партіи съ первыхъ дней ея существованія, ея главный ораторъ, ея политикъ и тактикъ, и потому его біографія — исторія германской соціалъ-демократіи. Вполнѣ понятно поэтому, что не давая полной и исчерпывающей картины германскаго рабочаго движенія, авторъ останавливается на всѣхъ важнѣйшихъ этапахъ его развитія. Знакомство съ взглядами основателя марксистской тактики на такіе вопросы, какъ вопросъ о „положительной парламентской работѣ" о партійномъ единствѣ, о подпольности и легальности, объ очередныхъ требованіяхъ, объ оппортунизмѣ и революціонности, объ отношеніи къ либераламъ, о нейтральности, профессіон. союзовъ—знакомство съ отвѣтами на всѣ эти вопросы Б. и всей германской соціалъ-демократіи въ значительной степени способствовало бы ослабленію тѣхъ антимарксистскихъ вліяній, которыя властвуютъ еще надъ сознаніемъ широкихъ массъ нашихъ рабочихъ и которыя предподносятся ему подъ именемъ послѣдовательнаго марксизма. Эту задачу выполняетъ книжка тов. Л., и потому ее можно горячо рекомендовать товарищамъ-рабочимъ. (*И. К. „Нов. Раб. Газ." 1913—103*).

Новыя книги.

Общія сочиненія [0]

930. [. 016:5

Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ за 1906 годъ, под. ред. проф. В. К. Совинскаго. Третья серія. Т. III. 1913. Кіевъ. Изд. Кіев. О-ва Естествоиспытателей. VIII+400 стр. Ц. 1 р. 50 к.

931. [. 087.1

Говорящія животныя. Текстъ автора „Степки-растрепки". Съ раскраш. картинами по рисун. Ц. Рейнгарта. 1913. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. 32 стр. Ц. не обозн.

932. Горбуновъ-Посадовъ, И. 087.1

Малымъ дѣтямъ. Разсказы и стихи. Собралъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Кн. 10—19, 21, 22, 24. 1913. М., изд. „Посредника". 16°. По 48 стр. Ц. 2½ к. за вып.

Содержаніе: 10: Ангелъ. Дѣвочка и грибы. (Быль. Л. Толстого). Волкъ и медвѣдь. (Басня). Какъ поймали птичку (Вагнера). Егоръ — артельный паревь. Лягушка и волъ. (Басня Крылова). Медвѣдь, журавль и лошадь. (Изъ „Дѣт. чтенія"). Мальчикъ и птичка (Стихи Плещеева). Жилетка (Быль. Л. Толстого). Работа солнышка (Стих. Жуковскаго). Камень (Быль). 11: Пѣсня птички (Андерсена). Цвѣтокъ въ тюрьмѣ (Стих. Плещеева). Несчастные. Пріемыши (М. Федотовой). Сиротинка (Стих. Вдовина). Недовольное деревцо. Худо тому, кто добра не дѣлаетъ никому. Бѣшеная собака. (Быль. Л. Толстого). Снѣгурка (Сказка). 12: Преданный другъ (Ю. Безродной). Первые цвѣточки (По Густавсону). Бѣдный Гнѣдко (Изъ Одоевскаго). Сонъ и дрема (Стих. И. Брута). 13: Наши звѣрьки (Е. Горбуновой). Фіалка (Стих.) Братъ. Поймалъ вора. Несмѣяна-царевна (Сказка). 14: Таня (А. Ч-ой). Больной сирота (Стих. А. Плещеева). Миръ на весь міръ (По М. Богданову). Охотники (Стих. Я. Егорова). На пожарѣ (По Пушкину). Пчелы (Стих. Н. Некрасова). Грибы (Сказка. А. Барыковой). Ночь идетъ. (Стих. И. Бѣлоусова). 15: Дождевой червь и сороконожка (П. Бирюкова). Японская сказка (В. Буренина). Про вѣрную собаку (Съ нѣм. В. Лукьянской). Птичка-пѣвунья (Стих. И. Бѣлоусова). Коняга (В. Щедрина). Конь-пахарь (Стих. „*"). Корова (Л. Толстого). Верба (Стих. И. Сурикова). Въ почномъ (Стих.) Соловьи (Стих. Н. Некрасова). 16: Шарикъ и жучка (И. Бѣлоусова). Нана (Стих. А. Мея). Реполовъ (Съ нѣм.) Цвѣты, листья, плоды и корни. Пятачокъ погубилъ. Котъ, пѣтухъ и лиса (Сказка). Сурка (С. Аксакова). Два мороза (Сказка). Арабъ и змѣя. 17: Спаленная гречиха (Сказка Андерсена). Ласточки (Стих. А. Майкова). Больная бѣлка. Орелъ и пчела (Басня). Нищіе. Бабушка и внучекъ (Стих. А. Плещеева) Моровъ Ивановичъ (Сказка А. Одоевскаго). 18: Жадная бѣлка (Сказка. По Густафсону). Мальчикъ на рѣкѣ (Стих. Я. Егорова). Молодой прохожій (И. Горбунова-Посадова). Пчелки на развѣдкахъ. Хлопотливая птичка (Стих.) Злой охотникъ. Добрый товарищъ (И. Горбунова-Посадова). Добрая память (Стих. А Круглова). Мишины думы (Водовозова). Въ лѣтнюю жару (Стих. А. Плещеева). Весна (А. Кедровой). Солнце и мѣсяцъ (Стих.) 19: Фролъ Силинъ (Изъ „Цвѣтника"). Осень (Стих.) Воробей (И. Тургенева). Дождь (Изъ „Игрушечки"). Нива (Стих. Ю. Жадовской). Бѣлка и Волкъ (Басня Л. Толстого). Дѣтство (Стих. И. Сурикова). Преданная собака. Дядюшка Яковъ. (Стих. Н. Некрасова). Кому труднѣе (Сказка). Птичкѣ (Стих. А. Мея). Нужда. (Сказка). Пѣсня пахаря (Стих. Кольцова). 21: Лѣсъ (Сказка Андерсена). Приходъ весны (Стих. И. Сурикова). Въ ученьи (И. Горбунова-Посадова). Горе. (Стих. И Сурикова). Уроки дяди (С. Аксакова). Зяблякъ въ неволѣ (А. Терье). Мужичокъ съ

ноготокъ (Стих. Некрасова). Два плуга (Басня). Вечеръ (Стих. И. Бѣлоусова). Бабочка и дитя (П. Заходимскаго). Птицы на дворѣ (М. Богданова). Голодная птичка (Стих.) 22: Воробушки. Овсяный кисель (Стих. В. Жуковскаго). Дѣти въ рощѣ. Обозъ (Стих. Никитина). Подъ снѣгомъ (С. Аксакова). Миролюбіе (И. Горбунова-Посадова). Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Царь и рубашка (Л. Т.). Морозко (Сказка). Соловейко (Стих.) Клопы (Л Толстого). Филаретъ Милостивый (А. Ч.) 24: Какъ дѣвочка любила своего отца. (И. Горбунова-Посадова). Ласточка (Стих. А. Плещеева). Раннія цвѣты (Стих.). Гнѣздо птички (С. Аксакова). Чужой (По В. Ладыженскому). Завтра. (Стих. Плещеева). Босой и калѣка. Пожаръ (Л. Т.) Дѣдушка Мазай и зайцы (Стих. Некрасова). Горбатая дѣвочка. Полетай, соловеюшко (Стих. А. Фета). Въ подвалѣ (В. Лукьянской). Отворилъ я клѣтку (Стих. И. Бѣлоусова).

993. Горбунова, Е. 087.1

Наблюдайте природу! (Какъ наблюдать природу, составлять гербарій, устроить акваріумъ и какъ записывать свои наблюденія). Со многими рис. 1913. М., изд. „Библ. И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юнош. № 293". 64 стр. Ц. 40 к.

994. Грэнъ, Г. 087.1

Слѣпой братъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Съ англ., въ изложеніи Д. Д. Т. 1913. Спб., изд. Д. А. Травина. 102 стр. Ц. 30 к.

Содержаніе: Заблудился. Пожаръ. Голосъ совѣсти. Въ судѣ. Рѣшеніе суда. Катастрофа. Вѣяніе смерти. Возвращеніе къ жизни. Эпилогъ.

995. Дефоэ, Данізль. 087.1

Мой первый Робинзонъ. Разсказъ Д. Дефоэ въ изложеніи для маленькихъ дѣтей Евг. Шведера. Съ 20 рис. въ текстѣ. 1913. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. 18 стр. Ц. не обозн.

996. Джонстонъ, А. 087.1

Маленькій полковникъ. Повѣсть для дѣтей средн. возраста. Пер. съ англ. Л. и Ж. Караваевыхъ. Съ рис. 1914. М., изд. „Библ. И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юнош. № 271". 64 стр. Ц. 40 к.

997. Дурылинъ, С. 087.1

За полуночнымъ солнцемъ. По Лапландіи пѣшкомъ и на лодкѣ. Съ рис. и 2-мя картами. 1913. М., изд. „Библ. И. Горбунова-Посадова. № 283". 120 стр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предисловіе. Свѣтлымъ путемъ. Сѣверная Двина и Бѣломорье. У вратъ Пахьолы. Лопари. „По-лопарямъ". Полуночное солнце. Краткій перечень книгъ о Лапландіи и лопаряхъ.

998. Ельмановы, И и Е. 087.1

У васъ свой садикъ. Разсказы для младш. возраста. Съ 48 рис. Обложка худ. О. Клевера. 1913. Спб., кн-во „Жизнь и знаніе". — „Дѣт. библ. Кн. 4". 54 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Цвѣтущій садикъ зимой. Посѣвы сѣмянъ. Цвѣточныя клумбы. Грядка для овощей. Какъ изъ сѣмени выростаетъ растеніе. Клубень. Цвѣтокъ. Клубника. Малина.

999. Карассо, А. 087.1

Мальчикъ-эмигрантъ. Разсказъ. 1913. М., скл. изд. въ кн. маг. „Литература". 20 стр. Ц. 12 к.

Содержаніе главъ: Отплытіе. Эмигранты. Маленькій эмигрантъ. Въ столовой. Въ госпиталѣ. Въ часы одиночества. На палубѣ. На „Островѣ Слезъ". Эпилогъ.

1000. Крестьяновъ, В. Н. 087.1

Слоникъ Мока и Мишукъ у себя дома. 1913. Спб. Изд. А. Ф. Девріева. 28 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

1001. Наоми. 087.1

Еврейскія сказки. Пер. съ англ. А. Энге 1914. Спб., изд. А. Н. Сельцера. 134 стр. С. иллюстр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе автора. Царь, царица и пчелка. Лиса-лакомка. Принцесса и раввинъ. Роза спасла. Лиса и медвѣдь. Старъ родами и духомъ юнъ. Разносчикъ счастья. Царь-языкъ. Волшебные сапоги Хонеима. Лиса и рыбки. Оселъ-чародѣй. Атинскій дурень. Изъ рабовъ въ цари.

1002. Хлѣбниковъ, П. 087.1

Среди опасностей. Разсказы о труженикахъ морей и рѣкъ. Со множ. рисунковъ. 1913. М., изд. „Библ. И. Горбунова-Посадова. 272". 78 стр. Ц. 45 к.

Содержаніе: Лоцманы на моряхъ и рѣкахъ. П. Хлѣбникова. Водолазы. Кл. Моффета, пер. П. Буланже.

Философія [1]

1003. Робинсонъ, Л. 1 (С)

Метафизика Спинозы. 1913. Спб., изд. „Шиповникъ". 424 стр. Ц. 3 р.

Содержаніе: Предисловіе. Хронологич. порядокъ сочиненій С. Краткій Трактатъ. Богъ и атрибуты-субстанціи. Объ атрибутахъ-свойствахъ Бога. Психофизич. параллелизмъ. Первое добавленіе и первый діалогъ. Переписка съ Ольденбургомъ, де Фрисомъ и Гудде. С. и Декартъ. С. и Бруно. Богъ-субстанція и атрибуты. О монизмѣ С. Безконечные модусы. Конечные модусы: человѣч. душа. Вѣчныя сущности и вѣчность души. Любовь къ Богу. Теодицея. Примѣчанія.

1004. Абрамовичъ, Н. Я. 1 (Т)

Религія Толстого. 1914. М., кн-во І. А. Маевскаго. 140 стр. Ц. 60 к.

Содержаніе: Отъ автора. Путь жизни и мысли. Христосъ и его ученіе. Вѣра и разумъ. Міръ и внутреннее „Я". Какъ и чѣмъ жить. Приложеніе: Посмертныя произведенія.

1005. Рамачарака, іогъ. 13

Жнани-іога. 1914. Спб., кн-во „Новый человѣкъ". 254 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Единый. Вездѣсущая жизнь. Творческая воля. Единство жизни. Единый и многіе. Въ разумѣ Единаго. Космическая эволюція. Путь къ человѣку. Метампсихозъ или переселеніе душъ. Духовная эволюція. Законъ Кармы. Отрывочныя замѣчанія.

1006. Кечекьянъ, С. Ф. 17 (С)

Этическое міросозерцаніе Спинозы. 1914. М., кн-во „Путь". XIV+340 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Теорія познанія и методологія С. Метафизика С. Природа человѣка.—Психологія С. Постановка, рѣшеніе этической проблемы. Оцѣнка нравствен-

наго ученія С. Ученіе о правѣ. — Естественное право. Естественное состояніе и общественный договоръ. Ученіе о государствѣ. Формы государств. устройства. — Раціональное устройство государства. Ученіе о правѣ и государствѣ. Заключит. замѣчанія.

Религія [2]

1007. [. 235.3

Древній Патерикъ. Избранныя сказанія. Пер. съ греч. Съ прибавленіемъ „Слова о плачѣ" изъ славянскаго Пролога, изданія 1642 г. 1914. М., изд. „Слово". 60+3 стр. Ц. 25 к.

1008. Зайцевъ, А. В. 281.93

Очеркъ религіознаго движенія (Изъ журн. „Старообрядческая Мысль"). 1913. М., тип. т-ва И. М. Машистова. 50 стр. Ц. 25 к.

1009. [. 281.93

Старая вѣра. Старообрядческая хрестоматія. Составлена А. С. Рыбаковымъ, К. Н. Швецовымъ и П. Г. Носовымъ. Подъ общей ред. директора Моск. Старообр. Инст. А. С. Рыбакова. 1914. М., тип. И. Д. Сытина. 400 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 60 к.

Изъ предисловія: „Собранный нами матеріалъ можетъ быть предметомъ изученія и чтенія не только въ старообр. школахъ, но и въ общихъ среднихъ школахъ: оригинальна русская мысль и русское религіозн. сознаніе XVII в., изображенныя яркимъ русскимъ языкомъ. Мы помѣщаемъ въ концѣ книги отрывки изъ сочиненій нынѣшнихъ писателей о старообрядчествѣ. Сила художеств. изображенія, внесеннаго въ нихъ, даетъ возможность глубже войти въ пониманіе психологіи старообрядчества."

Соціальныя науки [3]

1010. Богданъ - Сокольскій, А. М. (А. М. Богдановичъ). 33

Новый хлѣбъ Россіи. Въ 2-хъ частяхъ. — Труды экономич. семинарія. Проф. К. Г. Воблаго при Кіев. Коммерч. Инст.—1913. Кіевъ. тип. т-ва Е. А. Синькевичъ. IV+V+288 стр. Съ рис. и діаграммами. Ц. 1 р. 50 к.

1011. Кулишеръ, І. М. 33(02)

Политическая экономія. Популярный курсъ. Пособіе для прохожденія политической экономіи въ комперч. училищахъ и для самообразованія. 1914. Спб., изд. „Просвѣщеніе" 2-е, испр. X+332 стр. Ц. 1 р. 75 к.

1012. Струве, П. 33(47)

Крѣпостное хозяйство. Изслѣдованія по экономич. исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв. 1913. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 340 стр. съ 3 табл. и діагр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ. Крѣпостная статистика. Изъ исторіи идеи крестьян. землеустройства. Первая попытка возбужденія крестьян. вопроса въ царствованіе Александра II. Маклеръ слугъ и рабочихъ людей. Два отзыва. (О книгѣ В. Г. Бажаева и И. И. Игнатовичъ).

1013. Курская, А. С. 33:681

Производство часовъ въ Москвѣ и Москов. губ. Матеріалы къ исторіи кустарной промышленности въ Россіи. — „Семинарій по политич. экономіи подъ руковод. І. М. Гольдштейна при Моск. Высш. Жен. Курсахъ". 1914. М., изд. Семинарія по политич. экон. при Моск. Высш. Жен. Курсахъ. VIII+174 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Продисловія І. М. Гольдштейна и автора. Введеніе. Исторія часового производства въ Швейцаріи. Германія. Часовое производство въ Америкѣ, Франціи и Англіи. Производство часовъ въ Москвѣ. Часовое производство въ Звенигород. у., Моск. г. Заработная плата часовщиковъ. Продолжительность рабочаго дня. Санитарно-гигіенич. условія работы часовщиковъ. Жилищныя условія часовщиковъ въ Москов. и Звенигород. у. Ученическій трудъ въ часовомъ производствѣ. Возрастъ и грамотность часовщиковъ. О связи часовщиковъ съ землей. Заключеніе. Указатель литературы. Приложеніе (опросныя бланки, статистич. таблицы).

1014. Соловьевъ, Б. 331.823

Горнорабочіе и страхованіе. 1913. Спб., изд. „Прибой" 16°. 14 стр. Ц. 2 к.

1015. Дроздовъ, І. 333.5(47)

Заработная плата земледѣльческихъ рабочихъ въ Россіи въ связи съ аграрнымъ движеніемъ 1905—06 гг. 1914. Спб., изд. М. И. Семенова. Ц. 50 к.

Изъ вступленія: „Трактуя вопросъ о землед. рабочихъ со стороны высоты и эволюціи заработной платы, мы не только не отходимъ отъ вопроса о положеніи землед. рабочихъ, но, наоборотъ, погружаемся въ его гущу, ибо въ предлагаемой брошюрѣ дается необходимый матеріалъ, безъ котораго не можетъ быть нарисована картина того ужаснаго положенія землед. рабочихъ въ Россіи, въ которой волею россійскихъ соціально-политич. судебъ, находятся эти, поистинѣ, паріи нашего „самобытнаго" капитализма".

1016. Вильбрандъ, Р., проф. 334(06)

Значеніе потребительныхъ обществъ. Разрѣш. авторомъ пер. съ нѣм. А. Лутцъ - Кардашевой, подъ ред. и съ предисл. прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. 1914. М., кн-во „Трудъ". 24 стр. Ц. 20 к.

Изъ предисловія редактора: „Рѣчь проф. В. была произнесена на евангелическо-соціальномъ съѣздѣ въ Гамбургѣ, въ маѣ 1913 г. Она произвела огромное впечатлѣніе на собраніе. Отголоски этой рѣчи и до сихъ поръ можно встрѣтить въ нѣмецкой кооперат. и экономич. литературѣ".

1017. Ренненкампфъ, Н. К., проф. 34(03)

Юридическая энциклопедія. 1913. Спб. Изд. кн. маг. Н. Я. Оглоблина, 4-ое. VIII+296 стр. Ц. 2 р. 75 к.

Изъ предисловія: „Основаніемъ изданію „Ю. Э." послужили мои „Очерки Юрядич. Энциклопедіи" (1868 г.). Настоящій краткій курсъ составленъ примѣнительно къ программѣ по энцикл. права, изд. Мин. Нар. Просв. въ 1888 г., и предназначенъ главнымъ образомъ служить для слушателей пособіемъ при испытаніяхъ."

1018. Энсонъ, Вилльямъ, проф. 342(42)

Англійская корона, ея конституціонные законы и обычаи. Перев. съ англ. съ примѣч. Н. Зі-

харова. 1913. Спб., изд. Н. К. Мартынова. X+ +480 стр. Ц. 2 р. 50 к.

1019. [. 343.1

Дѣло Бейлиса. Стенографическій отчетъ. Томъ II. Судебное слѣдствіе. Допросъ свидѣтелей и заключенія экспертовъ. (Засѣданія 17—28). Съ приложеніемъ алфавитнаго поименного указателя. 1913. Кіевъ. Складъ: Ф. П. Борисовъ (Львовская, 45). 440 стр. Ц. 1 р. 50 к.

1020. [. 343.1

Дѣло Бейлиса. Стенографическій отчетъ. Т. III. Пренія сторонъ. Рѣчи прокурора, гражданскихъ истцовъ, защитниковъ и резюме предсѣдателя. Съ приложеніемъ алфавитнаго поименного указателя. 1913. Кіевъ. Складъ: Ф. П. Борисовъ (Львовская, 45). 300+IV стр. Ц. 1 р. 25 к.

1021. Брюнелли, П. 347.62

„Бракоразводный процессъ". Практическая справочная книга для присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощниковъ и лицъ, ведущихъ бракоразводныя дѣла. 1914. Спб. изд. „Молодой Адвокатъ". 16⁰ VI+105+X стр. Ц. 1 р. 50 к.

1022. Брюнелли, П. 347.965

„Повѣренные при защитѣ правъ". Справочная книга для лицъ, коимъ закономъ предоставлено право веденія судебныхъ дѣлъ. 1913. Спб., изд. „Молодой Адвокатъ". IV+198+II стр. Ц. 2 р. 85 к.

1023. Лебедевъ, А. И. 371

Школьное дѣло. (Для учителей, родителей и воспитателей). Вып. II. Дѣти. Теорія и практика воспитанія. 1914. Ниж.-Новг., изд. 2-ое, доп. А. И. Лебедева (Студенная, 22). 560 стр. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Отъ автора. Предисловіе ко 2-му изд. Общіе вопросы воспитанія и обученія: Задачи и идеалы воспитанія. Системы воспитанія въ ихъ историч. развитіи. Основы педагогики: Экскурсія въ область философіи, психологіи и этики. Изъ психологіи дѣтства. Основы дидактики: Опредѣленіе дидактики. Развитіе воли и чувства. Развитіе интеллекта. Ребенокъ въ классѣ. Изслѣдованіе личности.—Программа вопросовъ для изслѣдованія представленій у дѣтей, поступающихъ въ школы. Алфавит. указатель научно-педагогич. терминовъ и непонятныхъ словъ. (Къ каждой главѣ приложенъ списокъ литературы).

1024. Зарницына, М. 372

Школяры. Съ рис. Конст. Спасскаго.—„Библіотека" новой народной школы подъ ред. Ф. П. Борисова и Н. И. Лаврова. Вып. 1. Первый годъ обученія.—1914. М., изд. К. И. Тихомирова. 45+2 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Филологія [4]

1025. Юлій, Э. 43

Нѣмецкая азбука. — „Frohliche Stunden", eine deutsche Fibel. von Eduard Julius. 1913. Рига. скл. изд. въ кн. маг. Ф. И. Трескиной. 72 стр. Съ иллюстр. Ц. 35 к.

Изъ предисловія: „Учебникъ предназначенъ для учащихся, которые ужо знакомы съ процессомъ чтенія на родномъ языкѣ. Матеріалъ въ букварѣ расположенъ такъ, что на каждомъ урокѣ должны быть примѣняемы всѣ главные пріемы обученія языкамъ: бесѣда, чтеніе и письмо".

1026. [. 44

Русско-французскіе разговоры съ очеркомъ французской грамматики, съ вокабулами на важнѣйшія темы и указаніемъ трудностей произношенія. Составл. подъ ред. Joseph Loussert. 1913. М., изд. Т-ва А. А. Левенсона. 16⁰. 340 стр. Ц. 1 р. 25 к.

1027. Таккели, П. 44—3

Французско-русскій словарь, содержащій въ постепенномъ порядкѣ всѣ слова франц. языка, разобранныя и сгруппированныя по корнямъ. Томъ I—A. M. Томъ II—N. Z. 1913. Спб. Изд. 2-е. Тип. Имп. Академіи Наукъ. XLVI+II+191 стр. Ц. по 2 р. 50 к.

1027. Малиновскій, Вл. 491.7—1

Грамматика моего Алеши. Буква Ѣ въ коренныхъ словахъ. Сборникъ дѣтскихъ стихотвореній. 1914. Спб., тип. „Герольдъ" 16⁰ 16 стр. Ц. 12 к.

Чистыя науки [5]

1028. Крыжановскій, Д. А. 51+53

О максимальныхъ и минимальныхъ свойствахъ плоскихъ фигуръ. Элементарные этюды по физикѣ и математикѣ. 1913. Одесса, тип. Южно-Русскаго О-ва Печат. Дѣла. 16⁰ 99 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

1029. Донатъ, Б. 53(024.7)

Физика въ играхъ. Съ подробнымъ изложеніемъ простѣйшихъ способовъ изготовленія приборовъ для самостоятельнаго производства физическихъ опытовъ. Частью обработалъ Ф. Ю. Купферъ. 1914. Спб., изд. А. Ф. Девріена, 2-ое. XII+254 стр. Съ 124 рис. Ц. 2 р.

1030. Бачинскій, А. И., пр.-доц. 531

Ученіе о силахъ и о движеніи. (Механич. отдѣлъ физики). Съ предисл. засл. проф. Н. Е. Жуковскаго. Съ портр. Галилея и съ 176 чертеж. 1914. М., кн-во т-ва И. Д. Сытина. (Отдѣлъ сред. школы, подъ ред. А. А. Волкова, Д. Н. Егорова и др.) 240 стр. Ц. 1 р.

Изъ предисловія Ж: „Книга Б. представляетъ хорошее изложеніе элементовъ теоретич. механики, соотвѣт. обычному курсу общеобраз. средней школы, но дополненное нѣкоторыми статьями, опирающимися на основы анализа безконечно малыхъ".

1031. Франсэ, Р. Г. 589

Міръ малыхъ существъ прѣсной воды. Пер. съ нѣм. А. Бродскаго, подъ ред. и съ предисл. проф. Н. К. Кольцова. 1913. М., кн-во „Природа". 200 стр. Съ иллюстр. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предисловіе редактора и автора. Введеніе. Простѣйшія. Краткій опредѣлитель простѣйшихъ. Прѣсноводныя водоросли. Коловратки. Опредѣлители: наиболѣе распростран. видовъ коловратокъ, наиболѣе богатыхъ видами родовъ коловратокъ, располож. въ алфавитн. порядкѣ. Жизнь планктонныхъ рачковъ. Таблица для опредѣленія веслоногихъ и листоногихъ рачковъ. Методы изученія микроскопич. организмовъ: Методы лова. Изслѣдованіе живого матеріала. Методы фиксаціи. Наиболѣе употребит. фиксирующія жидкости. Окраска. Спеціальные методы. Разведеніе культуръ. Литература по микротехникѣ.

Прикладныя науки [6]

1032. Ломшаковъ, А. С., инж. 621
Испытаніе паровыхъ котловъ. Методы и приборы, примѣняемые при испытаніи и постоянномъ контролѣ котельныхъ устройствъ. 1913. Спб., изд. 2-е измѣн. и доп. Тип. Шредера. XVII+524 стр. Съ рис. Ц. 5 р.

1033. Шарковъ, В. В. 63
Что земледѣльцу надо знать о теплотѣ и гигіенѣ. 1913. М. Изд. т-ва „Агрономъ". 16°. 18 стр. Ц. 5 к.

1034. Фокинъ, Н. Н. 639
Токъ глухарей. На глухариныхъ токахъ. Странички изъ дневника. 1914. Спб., изд. журн. „Наша Охота". 111 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

1035. [Группе, М.] 646.5
Какъ плести изъ тесьмы, рафіи, стружекъ, веревокъ; работы изъ нитокъ и бисера, вырѣзываніе и нашиваніе. Составила по М. Группе Е. Короткова. Съ 32 рис. 1913. М., изд. „Библ. И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества". № 288. 32 стр. Ц. 20 к.

1036. Захаровъ, А. Б. 652
Коммерческая корреспонденція. — „Общедоступная библіотека". 1913. Спб., изд. т-ва „Дѣятель". 16°. 83 стр. Ц. 20 к.

1037. Чижевскій, Н. П., проф. 669.1
Желѣзо и азотъ. Экспериментальное изслѣдованіе количества азота и причинъ содержанія его въ чугунѣ, сталяхъ и желѣзѣ. 1914. Томскъ. Тип. Сибир. Т-ва Печат. Дѣла. 91 стр. Ц. 1 р. 20 к.

1038. Лѣнтовскій, А. Н., инж. 69
Каменные кессоны и бетонные кессоны съ плоскими желѣзобетонными перекрытіями системы инженера А. Н. Лентовскаго. 1913. Спб. Тип. Н. Я. Стойковой. II+183 стр. съ 23 лист. черт. Ц. 7 р.

1039. Богдановичъ, К. И., инж. 691
Каменные строительные матеріалы. Краткое руководство для технической оцѣнки горныхъ породъ, какъ строительныхъ матеріаловъ. 1913. Спб., изд. Геологич. Комитета. 100 стр. Съ 17 рис. и XIII табл. Ц. 1 р. 75 к.

Изящныя искусства [7]

1040. Вундтъ, В., проф. 701.
Фантазія, какъ основа искусства. Пер. А. А Зандера, подъ ред. проф. А. П. Нечаева. 1914. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. 146 стр. Ц. 90 к.
Отъ редактора: „Брошюра представляетъ собою переводъ первой главы II т. сочиненія В. „Völkerpsychologie".

1041. Жариновъ, Д. А., Никольскій, Н. М. и Радцигъ, С. И. 708
Культурно-историч. путеводитель по музею изящныхъ искусствъ имени имп. Александра III. Съ 44 иллюстр. и планомъ 1914. М., изд. т-ва „Міръ". 302 стр. Ц. 80 к.
Содержаніе: Отъ составителей. Залы: Египетскій, Азіатскій, греческой архаики, эгинетовъ, Греческій дворикъ, Олимпіи, Фидія.— Парѳенонъ конца V в., Праксителя, древнегреч. надгробн. рельефовъ, V—IV в. до Р. Х., Лисиппа, Ніобидовъ, Аѳродиты Милосской и Лаокоона, Пергамскій, Римскій. Читальный залъ. Средневѣковый залъ. Кабинетъ и залъ Итальян. Возрожденія. Капелла и залъ Итальян. Возрожденія (XVI в.) Христіан. дворикъ. Залъ Сѣверн. Возрожденія. Алфавит. указатель памятн. Музея.

1042. Л-нъ, Ю. 70
Памятники итальянскаго искусства въ музеѣ имп. Александра III въ Москвѣ. 1914. М., скл. кн. маг. „Наука". 96 стр. Съ иллюстр. Ц. 60 к.
Содержаніе: Отъ составителя. Залы XXI, XVI, XVIII, XX. Приложенія: В. Патеръ. О скульптурѣ. Хронологич. схема жизни главнѣйш. скульпторовъ.

1043. [. . . . . 72(47.31)
Путеводитель по Москвѣ, изд. Моск. Архитект. О-вомъ для членовъ V Съѣзда Зодчихъ въ Москвѣ, подъ ред. И. П. Машкова. 1913. М., изд. Моск. Архит. О-ва CCII+310 стр. Съ иллюстр., карт. и планами. Ц. 2 р. 50 к.
Содержаніе: Ѳ. О. Горностаевъ: Очеркъ древняго зодчества Москвы. П. Е. Бондаренко: Зодчество Москвы XVIII и начала XIX вѣка. Общія свѣдѣнія о Москвѣ. Инж А. А. Семеновъ: Канализація Москвы. Водоснабженіе Москвы. Город. желѣз. дороги. Моск. город. бойни. Газовый заводъ и газовое освѣщеніе Москвы. Город. хлѣбопекарня. Рѣчныя сооруженія и мосты. Соборы, монастыри, церкви и часовни. Дворцы. музеи, библіотеки, памятники и театры. Историч., обществ. и промышл. зданія. Учебн. завед., клиники, больницы, богадѣльни, вокзалы и частн. постройки. Памятный листокъ.

1044. Шульцъ, Г. 77
Фотографія съ природы. Практическія наставленія для учащихся и любителей. Пер. съ нѣм. изд. подъ ред. проф. С. Г. Навашина. 1913. Спб. изд. А. Ф. Девріена. 16°. XV+176 стр. Съ 41 фотограф. снимкомъ автора съ природы. Ц. 1 р. 50 к.

1045. [. 79
Спортъ во всѣхъ видахъ. Съ 24 иллюстр. Пер. М. М. Тверского съ послѣд. франц. изд. П. Лафиттъ и К° въ Парижѣ, подъ ред. С. Н. Алексѣева. 1914. М., изд. А. П. Поплавскаго. 368 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Содержаніе: Отъ переводчика и ред. рус. изд. Вмѣсто предисловія. Къ читательницамъ. Спортъ гигіеническій: Прогулка. Шведская гимнастика. Умѣніе хорошо держаться—изящныя манеры. Фехтованіе. Плаваніе. Велосипедъ. Спортъ увеселительный. Лаунъ-теннисъ. Гольфъ. Хоккей. Крикетъ. Крокетъ. Стрѣльба. Стрѣльба изъ лука. Діаболо. Джигитовка. Серьезные виды спорта: Автомобиль. Верховая ѣзда. Охота съ гончими. Ружейная охота. Рыбная ловля. Гребля. Альпинизмъ. Жизнь въ палаткѣ. Мореходство. Воздухоплаваніе. Авіація. Зимній спортъ: Катанье на конькахъ. Лыжи. Скелетонъ и салазки. Тобоганъ Женщина и спортъ. Женскій спортъ и костюмъ.

1046. [. 792
Въ спорахъ о театрѣ. Сборникъ статей. 1914. М., изд. „Кн-ва Писателей". 200 стр Ц. 1 р.
Содержаніе: Предисловіе. Ю. Айхенвальдъ: Отрицаніе театра. (Публич. лекція, прочит. въ М. 16 марта 1913 г.). С. Глаголь: Да

здравствуетъ театръ! Вл. И. Немировичъ - Данченко: Искусство театра. (Рѣчь, сказавная въ отвѣтъ Ю. И. Айхенвальду на его лекціи). Ѳ. Коммиссаржевскій: Писатель и актеръ. (Мысли). Вас. Сахновскій: Игра и спектакль. (Возраженіе). М. Бончъ-Томашевскій: Смерть или безсмертіе? А. Южинъ—Кн. Сумбатовъ: Отрывокъ изъ книги „Театръ". Д. Овсянико-Куликовскій: Къ вопросу о задачахъ театра.

1047. Евреиновъ, Н. Н. 792

Pro scena sua. Режиссура. Лицедѣи. Послѣднія проблемы театра. [1913]. Спб., кн-во „Прометей" Н. Н. Михайлова. 181 стр. Ц. 1 р. 50 к.

1048. Скородумовъ, Н. В. 792

Новый методъ упрощенныхъ постановокъ (устройство сцены и декорацій). Съ прилож. статей и эскизовъ декорацій акад. В. Д. Полѣнова. 1914. М., изд. И. Д. Сытина—„Моск. О-во Нар. Ун. Секція Сод. Устр. Дер. и Фабр. Театровъ". 78 стр.+18 табл. рис. Ц. 2 р.

Изъ предисловія: „Авторъ былъ командированъ заграницу, чтобы на мѣстѣ познакомиться съ тѣмъ, какъ тамъ поставлено дѣло въ лучшихъ сельскихъ и наиболѣе „упростившихся" город. театрахъ. Пришлось познакомиться съ цѣлымъ рядомъ постановокъ, изучить литературу по данному вопросу, организовать рядъ опытовъ какъ непосредственно въ сельск. театрахъ, такъ и въ самой секціи и, наконецъ, обратиться къ художеств. авторитетамъ для провѣрки всего того, что добыто опытомъ".

1049. Васильевскій, М. Н. 794

Игра въ шахматы. Общедоступ. руководство съ готовою таблицей и 32 шахматн. кружками—фигурами для игры. 1913. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. 16°. 28 стр. Съ иллюстр. Ц. 15 к.

Содержаніе: Игра въ шахматы. Историч. очеркъ. Правила игры. Знаки или сокращенія и технич. выраженія, употребл. въ шахм. игрѣ. Нѣсколько совѣтовъ для начинающихъ. Задачи. Рѣшенія задачъ.

1050. Васильевскій, М. Н. 794

Игра въ шашки. Общедоступ. руководство съ готовою таблицею и 24 шашечн. кружками для игры. [1913] Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. 16°. 16 стр. Съ иллюстр. Ц. 15 к.

Содержаніе: Предисловіе. Исторія игры въ шашки. Общія правила. Правила хода. Игра въ крѣпки, поддавки, башни или туры, волкъ(и) и овцы, собака и зайцы.

1051. Васильевскій, М. Н. 794

Игра въ шоги. Японскія шахматы. Правила игры съ готовою таблицею и 40 фигурами. 1913. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. 16°. 16 стр. Ц. 20 к.

Содержаніе: Предисловіе. Доска-таблица при игрѣ въ шоги: фигуры, особенности, превращенія, порвонач. разстановка. Какъ сдѣлать шоги.

Литература [8]

1052. Кружокъ Мечтателей. 8—8

Сказки. Рис., виньетки и обложки работы худ. И. П. Мозалевскаго. 1914. Спб., тип. И. Бораганскаго. 172 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Н. Софроновъ: Замокъ розовыхъ дѣвушекъ. Райскіе братья. Н. Гранская. Сердце принцессы. Е. Вальденъ. Алмазная корона.

1053. [. . . . . 8—8

Литературно-художественн. альманахи изд-ва „Шиповникъ". Кн. 22. 1914. Спб., изд. „Шиповникъ". 290 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Л. Андреевъ. Каинова печать (Не убій). К. Чуковскій: Эго-футуристы и кубо футуристы. Образцы футуристич. произведеній. Ѳ. Соллогубъ. Любовь надъ безднами. Л. Андреевъ. Письмо о театрѣ.

1054. [. . . . . 8—8

„Сиринъ". Сборникъ 2-й. 1913. Спб., изд. „Сиринъ". 264 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: В. Брюсовъ. Изъ книги „Сны человѣчества". (Стихотв.) А. Бѣлый. Петербургъ. Романъ. Гл. III—V. Вл. Пястъ. Поэма въ вонахъ.

1055. Майнъ-Ридъ. 82—9

Въ лѣсахъ и степяхъ Южной Африки. Охота и приключенія. Пер. И. П. Смидовичъ. (1913). Спб., изд. Рус. Книж. Т-ва „Дѣятель"—„Общедост. библ. № 302-04". 192 стр. Ц. 30 к.

1056. Майнъ-Ридъ. 82—3

Въ погонѣ за дикой лошадью или тропинка войны. Пер. Н. Н. Лотоцкой. 1913. Спб., изд. Рус. Книж. Т-ва „Дѣятель"—„Общедост. библ. № 300-01". 140 стр. Ц. 20 к.

1057. Келлерманъ, Б. 83—3

Собраніе сочиненій. Т. III. Ингеборгъ. Романъ. Пер. съ нѣм. Б. С. Бычковскаго. 1914. Спб., кн-во „Промотей" Н. Н. Михайлова. 224 стр. Ц. 1 р.

1058. [. . . . . 84—3

Красавица и чудовище и нѣсколько другихъ старо-французскихъ сказокъ. Иллюстраціи Эдмонда Дюлакъ. 1913. Спб., изд. А. Ф. Девріенъ. 198 стр. Ц. 12 р.

Содержаніе: Красавица и чудовище. Золушка. Синяя борода. Спящая красавица.

1059. Флоберъ, Г. 84—3

Полное собраніе сочиненій. Новые переводы съ послѣдняго (юбилейнаго) изд. Т. 1. Госпожа Бовари. Романъ. Пер. А. Чеботаревской подъ ред. Вяч. Иванова. (1913). Спб., изд. „Шиповникъ". 464 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Г-жа Бовари. Приложенія: Г. Флоберъ. О происхожденіи романа „Г-жа Бовари". Какъ писался романъ „Г-жа Бовари". Печатаніе романа въ „Revue de Paris". Судебныя преслѣдованія. Процессъ: Рѣчи прокурора и защитника, г. Сенара. Приговоръ.

1060. Флоберъ, Г. 84—3

Полное собраніе сочиненій. Новые переводы. Т. III. Искушеніе св. Антонія. Пер. Бор. Зайцева. (1913). Спб., изд. „Шиповникъ". 196 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Искушеніе св. Антонія. Приложенія: Справка о жизни св. Антонія. О происхожденіи „Искушенія св. Антонія". Редакція 1849,—56,—72 гг.

1061. Сервантесъ, Мигуэль. 86—3

Донъ Кихотъ Ламанчскій. Романъ въ двухъ частяхъ. Томъ I и II. Полный переводъ съ испанскаго. Съ рисунками Густава Дорэ. 1914. М. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 359+430 стр. Съ рис. Ц. за два тома 1 р. 50 к.

1062. Аврелій, Маркъ. 88

Наединѣ съ собой. Размышленія. Пер. съ греч. и примѣчанія С. Роговина. Вступит. очеркъ

С. Котляревскаго. 1914. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ.—„Памятники міровой литературы. Античные писатели". LVI+200 стр. Съ иллюстр. Ц. 2 р.

Отъ переводчика: „Переводъ сдѣланъ съ послѣди. критич. изданія Joh. Stich'a. При выполненіи своей задачи мы, въ качествѣ пособій, пользовались, кромѣ подлежащей литературы, латинск. переводомъ Gataker'a (по изд. 1704 г.), почти всѣми существующими нѣмец. переводами, франц. переводомъ Michaut, двумя англійск. переводами (Long, Collier—Zimmern) и итальян. (Ornato—Picchioni). Мы указываемъ въ примѣчаніи лишь наиболѣе существенныя изъ нашихъ отступленій отъ текста Stich'a".

1063. Софоклъ. 88—2

Драмы. Т. I. Пер. съ введ. и вступит. очеркомъ Ѳ. Зѣлинскаго. 1914. М., изд. М. и С. Сабашниковыхъ—„Памятники міровой литер. Античные писатели". LXVI+423 стр. съ иллюстр. Ц. 3 р.

Содержаніе: Предисловіе. Вступ. очеркъ: Софоклъ и героическая трагедія.—Аянтъ—Виченосецъ. Филоктетъ. Электра. — Комментарій. Объясненіе иллюстрацій.

1064. Померанцевъ, Б. П. 891.7(09)„17"

Обзоръ русской литературы XVIII вѣка въ темахъ и планахъ. Курсъ VI класса мужск. и женск. средн. учебн. завед. 1914. М. Тип. П. П. Рябушинскаго. 72 стр. Ц. 65 к.

1065. Владимиръ, П. 891.7—1

Стихотворенія. (Баллады, изъ цикла: „Цвѣты" и др.). 1913. Харьковъ, изд. В. Колобаева. 44 стр. Ц. 35 к.

1066. Вознесенскій, Ал. 891.7—1

Путь Агасфера. Первая книга стиховъ съ предисл. Л. Андреева. 1914. Спб., изд. „Шиповникъ". 110 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе Л. Андреева. Преддверіе. Путь понедѣльничій. Плѣнныя слова. Сумерки любви. ПАN.

1067. Г. Х. Д. 891.7—1

Осенніе листья. Стихотворенія въ прозѣ. 1914. Спб. Тип. „Спиріусъ". 4°. 154+IV стр. Ц. 1 р. 75 к.

1068. Оболенскій, Н. 891.7—1

Тризны. Сонеты 1911—12 г. 1913. Симферополь. Тип. М. С. Франка. 16°. 175 стр. Ц. 1 р.

1069. Цензоръ, Дм. 891.7—1

Легенда Будней. Лирика. 1914. Спб., изд. А. Аверченко. 216 стр. Ц. 1 р. 25 к.

1070. Фидлеръ, Л. 891.7—1/3

Лунная сказка. 1914. М., тип. т-ва А. И. Мамонтова. 48 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Лунная сказка—стихотворенія за окт. 1913. Разсказы: Простая случайность. Послѣднее испытаніе.

1071. Гаринъ, С. 891.7—2

Рыцарь бѣдный. Легенда въ 4-хъ дѣйст. съ прологомъ. Музыка Н. Кочетова. 1914. М., изд. В. Португалова. 96 стр. Ц. 50 к.

1072. Рафаловичъ, С. 891.7—2

Театръ. Пять пьесъ. 1914. Спб., изд. „Шиповникъ". 214 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: Рѣка идетъ. Красота. Послѣдняя вина. Дружба. Возвращеніе.

1073. Богословскій, П. (Закамскій Лѣсовикъ). 891.7—3

Жизнь зоветъ. Разсказы, очерки и воспоминанія. Сборникъ первый. 1913. Пермь. Скл. изд. Пермь, Екатерин. ул., 137². 164 стр. Ц. 1 р.

1074. Галуновъ, А. 891.7—3

Обойденные. 1914. М., изд. В. Португалова. 126 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Дѣти. Сказки осени. Рождественская пѣсня. Солнце уснуло.

1075. Нагродская, Е. 891.7—3

День и ночь. (Смѣшная исторія. Волшебный садъ. Кошмаръ). 1913. Спб., изд. М. П. Семенова. 176 стр. Ц. 1 р.

1076. Ремизовъ, А. 891.7—3

Докука и балагурье. Русскія сказки. [1913]. Спб., изд. „Сиринъ". 280 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Русскія женщины. Царь Соломонъ и царь Гороскатъ. Воры. Хозяева. Мірскія притчи. Глумы. Сказъ.

1077. Танъ, В. Г. 891.7—3

На озерѣ Лочѣ. Повѣсть изъ жизни первобытнаго человѣчества. 1914. М., изд. С. Курнина и К°. 16°. 80 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

1078. Бѣлинскій, В. Г. 891.7—6

Письма. Три тома. Редакція и примѣч. Е. А. Ляцкаго. Т. 1 (1829—1839). 1914. Спб., изд. „Огни". VIII+428 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Отъ редактора: „Въ основу настоящаго изданія положено собраніе писемъ Б., составленное акад. А. Н. Пыпинымъ. Редакторъ могъ воспользоваться собраніемъ Пыпина, за нѣкоторыми неизбѣжными исключеніями, почти сполна и включилъ въ него какъ письма, напечатанныя ранѣе выхода книги Пыпина (Бѣлинскій, его жизнь и переписка 1876), такъ и письма, напечат. послѣ выхода этой книги. При всемъ стремленіи напечатать письма Б. во всей полнотѣ, редакторъ счелъ необходимымъ подвергнуть исключенію нѣкоторыя строки и отдѣльныя слова и фразы, заключавшія въ себѣ выраженія слишкомъ рѣзкія, допустимыя при извѣстныхъ условіяхъ дружеской переписки, но въ печати невоспроизводимыя. Весьма немногія исключенія сдѣланы въ тѣхъ мѣстахъ писемъ, гдѣ Б. касался особенностей современнаго ему политич. состоянія Россіи; эти исключенія, относящіяся лишь къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, нигдѣ не измѣняютъ, впрочемъ, существа высказанныхъ имъ мыслей. Первый томъ заключаетъ въ себѣ письма, обнимающія московскій періодъ жизни Б., до его переѣзда въ Спб., съ 1829 по октябрь 1839 г."

1079. Чеховъ, А. П. 891.7—6

Письма А. П. Чехова. Подъ ред. М. П. Чеховой. Т. IV (1892—1896). Съ иллюстр. 1914. М., изд. „кн-ва Писателей". XXIV+540 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Біографич. очеркъ. (1892—1896). Мих. П. Чехова. Примѣчанія редактора. Письма А. П. (1892—1896). „Изъ дневника". (1896). „Шульцъ". (Изъ неоконченн. разсказа). Хронолог. указатель и указатель писемъ по адресатамъ.

1080. Жеромскій, С. 891.85—3

Сказ о Вальгержѣ Вдалом. Пер. съ польск. Евг. Троповскаго. 1914. Спб., кн-во „Ad Astra". 72 стр. Ц. 90 к.

1081. Нѣмоевскій, А. 891.85—8

Листопадъ.— Прометей и др. разсказы. Разрѣш. авторомъ пер. Е. и И. Леонтьевыхъ. 1914. Спб., изд. 2-ое, „Жизнь и Знаніе". 164 стр. Ц. 75 к.

Содержаніе: Листопадъ. Два поколѣнія. Въ пространствѣ. Вверху. Корабль ночи. Вѣтеръ. Старуха. Змѣя. Сумасшедшая. Автоматы. Подземные голоса. Машинистъ. Полдень. Бумажный дьяволъ. Подземный праздникъ. Горная телѣжка. Визитъ. Въ день расчета. Трагедія. Лампа. Ссора. Дѣти улицы. Двѣ тѣни. Козочка. Чортъ. Жизнь. Человѣкъ труда. Лотъ. Люблю. На морѣ. Прометей. Безумный бѣгъ. Мать и дитя.

Исторія и географія [9]

1082. Вольтеръ. 9(485)

Исторія Карла XII. Пер. съ франц. Н. Кранихфельдъ. 1913. Спб., изд. „Рус. Книж. Т-ва „Дѣятель".—Общедост. библ. № 293—297. 288 стр. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе къ исторіи Карла XII. появившееся передъ изд. 1732 г. Письмо къ маршалу Шуллембургу, венеціан. генералу. Письмо Норбергу, капеллану короля Швеціи Карла XII и автору исторіи этого монарха. Вѣское мнѣніе объ исторіи Карла XII.—Исторія Карла XII. короля шведскаго. Книги I—VIII.

1083. Гессенъ, Юлій. 9 (×92.4)

Исторія евреевъ въ Россіи. 1913. Спб. Тип. Л. Я. Ганзбурга. IV+345+VII стр. Съ рис. и картами. Ц. 2 р.

1084. Абрамовъ, И. С. 91 (47)

Подъ роднымъ солнцемъ. Экскурсіи по Россіи. 57 рис. въ текстѣ. Обложка худ. Е. М. Сотникова. 1914. Спб., кн-во „Жизнь и Знаніе"—„Библ. для юнош. кн. 9". VI+293 стр. Ц. 1 р.

Содержаніе: На Украйнѣ. По Волынскому Полѣсью. Край Тараса Бульбы. У Стародубскихъ слобожанъ. Вѣтка и вѣтковцы. Въ Черемшанскихъ скитахъ. Въ русскомъ Манчестерѣ. Въ Великорусской деревнѣ. У курскихъ „саяновъ". Волжскія легенды. Пѣшкомъ по Крыму. По Военно-Грузинской дорогѣ. Приложеніе: Необходимыя указанія для изучающихъ этнографію Россіи. Программа для собиранія этнографич. предметовъ. Программа для собиранія произведеній народной словесности.

1085. Круковскій, М. 91 (47)

По родному Сѣверу. Разсказы по родиновѣдѣнію. 1913. М., изд. т-ва И. Сытина. 199 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

1086. Карѣевъ, С. 91 (47.41)

Петербургъ въ семь дней. Краткій путеводитель по столицѣ и описаніе ея достопримѣчательностей. Съ 70 рис. 1913. Спб., изд. т-ва М. О. Вольфъ. 16°. 66 стр. Ц. 40 к.

Содержаніе: Предисловіе. Географич. положеніе. Рѣки и острова. Прогулка по улицамъ Спб. Достопримѣчательности Спб.

1087. Сосновскій, Д. И. 91 (47.9)

Охрана памятниковъ природы на Кавказѣ. (Докладъ, прочит. авторомъ въ соедин. засѣд. Кавк. Отд. Имп. Р. Геогр. О-ва и секціи географіи XIII Съѣзда Рус. Ест. и Врачей въ г. Тифлисѣ, происход. 18 іюня 1913 г.) 1913. Тифлисъ. тип. К. П. Козловскаго. 32 стр. Ц. 20 к.

1088. Батинъ, В. А. 9(57)

Минусинскій Край въ XVIII вѣкѣ. Этюдъ по исторіи Сибири. 1913. Минусинскъ, изд. Минусин. Мартьяновск. Музея. 212+3 стр. Ц. 1 р. 50 к.

1089. Амфитеатровъ, А. В. 92

Собраніе сочиненій. Т. XXI. Склоненныя ивы. 1913. Спб., кн. т-во „Просвѣщеніе". 340 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Отъ автора. О Коммиссаржевской. А. П. Ленскій. А. Н. Реджіо. Рашель. Н. П. Рощинъ-Инсаровъ. Пухомъ земля... (Ларошъ. П. И. Бларамбергъ. Васильевъ и Никольскій. А. Г. Меньшикова. М. И. Писаревъ. Яковлевъ-Востоковъ. Лагартинэ). Сухово-Кобылинъ. В. П. Далматовъ. А. И. Коморотовъ. П. И. Кичеевъ. Н. О. Ракшанинъ. Яша Рубенштейнъ. Пути русскаго искусства (Извлеченіе).

1090. Хусида, Эм. 92(М)

(Андреа) Мантенья (1431—1506). 1914. М., изд. І. А. Маевскаго „Летучая энцикл." 48 стр. Съ иллюстр. Ц. 15 к.

1901. Николаева, Нина. 92(П)

М. В. Нестеровъ. Подъ ред. С. Глаголя. 1914. М., кн-во І. А. Маевскаго „Летучая энцикл." 48 стр. Съ иллюстр. Ц. 15 к.

Содержаніе: М. В. Нестеровъ. Списокъ произведеній, находящихся въ музеяхъ М. и Спб. Библіографія.

1092. Языковъ, Н. М. 92(Я)

Письма къ родным за дерптскій періодъ его жизни. Подъ ред. и съ объяснит. примѣч. Р. В. Пѣтухова.—„Языковскій архивъ". Вып. І. 1913. Спб., изд. Отд. Рус. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ. VIII+502 стр. Съ портр. Ц. 2 р. 25 к.

1093. Селивановъ, А. В. 919.1

Матеріалы для исторіи рода рязанскихъ Селивановыхъ, ведущихъ свое начало отъ Кичибея. Собралъ А. В. Селивановъ. Ч. 2-ая. 1913. Рязань, Губерн. тип. 245+XI стр. Съ портр. Цѣна 2 р. 50 к.

Содержаніе журналовъ.

„Аполлонъ". (1913—10). Вс. Дмитріевъ. Н. Н. Ге.—Н. Пунинъ. Пути современнаго искусства и русская иконопись.—В. Ванъ-Гогъ. Письма къ Э. Бернару.—Г. Чулковъ. Пустое небо.—Г. Лукомскій. Архитектура на выставкѣ въ Академіи Художествъ и на „Мірѣ Искусства".—А. Р—въ. Художественныя дѣла.—Кн. М. Н. Волконскій. Десятилѣтіе Общедоступнаго театра.—Каратыгинъ. Конверты.—Ред. Чествованіе Дебюсси — В. Чудовскій. За осень.—Е. Кузьминъ. Письмо изъ Кіева.—Э. П. Альберъ Бенаръ. (Письмо изъ Парижа).—Вс. Дм. Новыя книги.—Худож. гости съ Запада.—Rossica.

„Богословскій Вѣстникъ". (1913—12). Св. Максима Исповѣдника житіе. Пер. изд. и примѣч. М. Д. Муретова.—С. И. Смирновъ. Русскіе духовники и расколъ старообрядцевъ.—С. С. Глаголевъ. Менделизмъ.—Д. П. Шестаковъ. О значеніи классицизма для духовной школы.—Свящ.

I. М. Смирновъ. Древне-церк.-сл. языкъ и возможное жизненное его примѣненіе.—Н. Сахаровъ. Протоіерей Новгородскаго Никольскаго Собора Ал. Родіоновъ.—Проф. А. П. Голубцовъ. Литургія въ первые вѣка христіанства.—Леонтій, митроп. Московскій. Мои замѣтки и воспоминанія.—Критика.—Изъ текущей жизни.—Изъ академич. жизни.

„Вегетаріанское Обозрѣніе“. (1913—10). Хр. Досевъ. Споръ о вегетаріанствѣ въ журналѣ „Духовный Христіанинъ“.—Ив. Наживинъ. Календарь „Зеленой Палочки“.—Л. Анкевбрандъ, Ф. Киферндорфъ и Д. Доміанъ. Проектируемая с.-хоз. колонія въ Іерусалимѣ.—Альбомъ столовой „Безубойное питаніе“.—С. О. Перперъ. Письма изъ Италіи. (Объ оспопрививаніи).—М. А. Столяръ. Письма изъ Америки.—П. Гуровъ. Наши цѣли и наши задачи.—А. И. Шарапова. Анна Кингсфордъ и Эдв. Мантландъ.—А. Обуховъ. Какъ мы портимъ нашихъ дѣтей.—Л. Гумилевскій. Худож. отдѣлъ „Въ плотяхъ“.—Возможно ли вегетаріанское міросозерцаніе.—Въ мірѣ печати.—Старый вегетаріанецъ и С. О. Перперъ. По міру.—Библіографія и критика.—Редакц. сообщ.

„Вѣра и Разумъ“. (1913—23). Преосв. Ѳеодоръ, еп. Сумскій. Рѣчь, сказанная 6 дек., при освященіи „Дома Братской Дружины“.—Проф. прот. Т. И. Буткевичъ. О смыслѣ и значеніи кровавыхъ жертвоприношеній въ дохристіанскомъ мірѣ и о такъ называемыхъ ритуальныхъ убійствахъ. (Продолж.)—Проф.-прот. П. Стеленкій. Любовь, какъ главное начало христіанской нравственности. (Продолж.).—К. Вознесенскій. Пастырская душепопечительность Христа и апостоловъ. (Продолж.).—Р. Изъ области мистическихъ исканій.—Прот. П. Ѳоминъ. Церковныя древности Харьковскаго края. (Продолж.).

„Вѣстникъ Воспитанія“. (1913—9). Чл. Гос. Думы И. Ключевъ. Къ вопросу о внѣшкольномъ образованіи.—П. Поспѣловъ. Памяти К. Д. Ушинскаго.—П. Соловьевъ. Университетскій вопросъ въ 60-хъ годахъ.—В. Улановъ. О постановкѣ исторіи на лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ.—Б. Сперанскій. „Русская исторія“ для средней школы.—Л. Хавкина-Гамбургеръ. Нью-Іоркская публичная библіотека.—Д-ръ В. Маркузонъ. О борьбѣ съ заразными болѣзнями въ дѣтскомъ возрастѣ.—Ю. Веселовскій. Тенденціозный романъ на педагогическую тему.—Н. К. Замѣтка по поводу ст. М. М. Рубинштейна „Педагоги безъ педагогики“.—Лихтенберже. Себастьенъ Бужю, разск. Перев. съ фр. S. W.—Критика и библіографія.—Хроника.—Указатель „В. В.“ за 1913 г.

„Вѣстникъ Еврейскаго Просвѣщенія“. (1913—26 (XII). Общество для распространенія просвѣщенія между евреями за 50 лѣтъ.—Л. Н. Канцельсонъ. Къ юбилею Общества.—Д-ръ С. І. Айзенштадтъ. О научныхъ методахъ преподаванія Талмуда.—Е. Шалытъ. О преподаваніи опытной геометріи въ начальной школѣ.—Еврейскія библ. въ Минской губ.—Критика и библіографія.—Хроника и сообщенія.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“. (1913—12). Заграничная хроника. I. Общественная жизнь: Къ паденію франц. кабинета Барту. Морская политика Англіи. Рѣчи англійскаго морского министра о соперничествѣ Англіи и Германіи. Проблемы эмиграціи въ Японіи. Телефонъ и шпіонажъ.—II. Литература и печать: Къ 600-лѣтію съ дня рожденія Боккаччіо. Подруга Гейне и Ип. Тэна. Рабиндранатъ Тагоръ.—III. Изъ области науки: Мои полеты внизъ головой.—Путешествіе Скотта къ южному полюсу.—Е. Робинсъ. Куда ты идешь? Съ англ.—Кл. Фарреръ. Корсаръ изъ Сенъ-Мало. Съ фр.—К. Млюнье. Цвѣточекъ. Рождеств. разск.—Р. Браккэ. Полунощникъ.—А. Стернъ. На службѣ государству.—Ж. Дереньи. Ея права.—Его же. Первые шаги.—Л. Пиранделло. Живая и мертвая.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики“. (1913—8 (596). Прив.-доц. Ю. Рабиновичъ. О періодическихъ непрерывныхъ дробяхъ.—Т. В. Рихардсъ. Основныя свойства элементовъ.—Прив.-доц. В. Каганъ. Ариѳметическое и алгебраическое дѣленіе.—Проф. Эйнштейнъ. О проблемѣ тяготѣнія.—Научная хроника.—Библіографія.—Задачи.—Рѣшенія задачъ.

„Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики“. (1913—9 (597). Т. В. Рихардсъ. Основные свойства элементовъ. (Оконч.).—М. Зиминъ. О раціональныхъ многосторонникахъ.—В. Шидловскій. Замѣтки къ курсу анализа безконечно-малыхъ въ среднейшколѣ.—Научная хроника: Распредѣленіе энергіи въ спектрѣ газа.—Библіографія.—Задачи.—Рѣшенія задачъ.

„Вѣстникъ Теософіи“. (1913—12). А. Безантъ. Интуиція съ точки зрѣнія теософіи и философіи. Перев. Е. П.—О. Красуской. Приходъ учителя.—А. Каменская. Анкета въ средней школѣ по вопросамъ религіозно-нравственнымъ.—В. Пушкина. Теософія и преступники.—А. Унковская. Письмо о музыкѣ.—Alba. Изъ дневника теософа.—Е. Г. Изъ воспоминаній о Сибири.—И. Соловьева (пересказ.). У райскихъ дверей, народная легенда.—В. Пушкина. Обозрѣніе теософической литературы.—Alba. Хроника теософическаго движенія.—Н. Т. Хроника жизни.—Н. Т. Изъ газетъ и журналовъ.—Вопросы и отвѣты.—Отзывы о книгахъ.—Эволюція символизма. (Изъ Тайной Доктрины Е. П. Блаватской). (Продолж.).—Изреченія изъ книги О. Лоджа.

„Голосъ Минувшаго“. (1913—12). М. О. Гершензонъ. Грибоѣдовская Москва. (Оконч.).—Ю. М. Стекловъ. Интернаціоналъ послѣ Гаагскаго конгресса.—У. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.—Н. А. Морозовъ. Во имя братства. (Оконч.).—Тимофей Заяцъ. Записки. Пер. и ред. А. К. Чертковой и Н. Н. Гусева.—Ст. Реймонтъ. „1794 годъ“, романъ. Перев. Е. Загорскаго.—Матеріалы: А. де Виньи. Ванда, поэма. Перев. въ стихахъ Е. Волчанецкой. Съ предисл. С. С. Розанова.—Письма Н. А. Гончарова къ Е. В. Толстой. (Оконч.).—Письма М. Н. Муравьева къ А. А. Зеленому. Сообщ. П. І. Шатиловъ.—В. Парадіевъ. Когда родился Г. И. Успенскій.—А. Гробовъ. О нестроеніяхъ общественныхъ. (Письма М. Н. Невзорова къ кн. А. Н. Голицину въ 1820 г. и митроп. Серафиму въ 1824 г.).—Обзоръ журнала: С. Г. Святиковъ. „Конституціонная“ записка гр. И. И. Шувалова.—Н. Л. Бродскій. О Герценѣ.

„Для Народнаго Учителя“. 1913—19). Н. Тулуповъ. Къ предстоящему съѣзду представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи.—Второй Всероссійскій съѣздъ представителей обществъ вспомоществованія лицамъ учительскаго званія.—А. Аникина. Рисованіе въ начальной школѣ.—С. Клодъ. Въ чемъ истинная наглядность обученія.—Д-ръ В. Е. Игнатьевъ. Общество попеченія объ учащихся дѣтяхъ.—В. Бабаковъ. Все-

россійская гигіеническая выставка.— Н. Тулуповъ. Судъ надъ книгой.— П. Ѳ. М. Библіографія.— П. Шестаковъ. Журналы для юношескаго и дѣтскаго чтенія.— Письма съ мѣстъ.— Земскія собранія очередной сессіи. Н. С. Изъ жизни учительскихъ организацій.— Разныя извѣстія.

„Для Народнаго Учителя". (1913—20). Отъ редакціи.— Печать о съѣздахъ.— Общества, принимающія участіе въ съѣздахъ.— Доклады на съѣздѣ.— Отъ организац. Комитета съѣзда имени Ушинскаго. — Н. Т. Изъ постановленій 1-го Всерос. съѣзда представителей обществ. воспомоществованій лицамъ учительскаго званія.—М. Левицкая. Отъ съѣзда до съѣзда.—Вл. Лабунскій. Обязанности завѣдывающаго народнымъ образованіемъ при уѣздныхъ земствахъ.— П. Ѳ. М. Дѣтское творчество въ основѣ начальнаго обученія.— На дальней окраинѣ.— Библіографія.— Обзоръ журнальной и книжной литературы.— Библіотечная практика — Разныя извѣстія.—Содержаніе ж. „Для Н. У." за 1913 г.

„Дошкольное Воспитаніе". (1913—9). Редакція. Наши пожеланія и мысли на будущее.— Ф. Клейнъ. Что разсказывать маленькимъ дѣтямъ. Перев. съ фр. В. Т.— М. Безобразова. Дешевая жизнь дѣтей дошкольнаго возраста. (Оконч.).— Начальная школа и дѣтскій садъ. Перев. съ нѣм. Я. Товстоносъ.— Къ Рождественской темѣ. Съ англ. Е. П.—М. Петерсонъ. Десять елочныхъ украшеній.— Е. Іорданская. Дѣтскіе журналы. (Оконч.).—Н. Алексѣева. „Дѣтскій Домъ" Обществ. помощь дѣтямъ рабочихъ въ Петербургѣ".— Педагогическая хроника.— Книги-подарки для дѣтей младшаго возраста.— Новыя книги.

„Жизнь для Всѣхъ". (1913—12). П. Тимофеевъ. Въ заносахъ.— Е. Милицына. Праздники. — В. Мартовскій. Родина.— А. С. Новиковъ. Пошутили.—Р. Кумовъ. Голосъ крови, драма въ 5 д.— А. Жернакова. Легенда о скрипкѣ.— Ив. Власовъ. Очерки деревенской жизни. — Э. Лесгафтъ. Морской путь въ Сибирь.— Н. В. Чайковскій. Высшая народная школа въ Даніи.— И. Книжникъ. О футуризмѣ. — А. П. Искатель истины и вѣчный труженикъ науки. (проф. Бахметьевъ).— А. Пинкевичъ. Геологическіе очерки. — П. Миролюбовъ. Народный учитель. — Н. Окуневъ. Р. М. Антоновскій. (Некрологъ). — Отъ ред. Наши друзья — органы печати. — Товарищеская бѣсѣда. — Библіографія.—Отъ ред.—Прочтите внимательно. — Содержаніе 12 кн. „Ж. д. Вс." — Содерж. приложеній. — Опросный листъ. — Ив. Трубинъ. Вѣрьте, стих. — В. Носъ. Пасмурный день, стих. — Кошкаровъ. Осень, стих. — С. Астровъ. Италія, стих. — А. Благовъ. С. Д. Дрожжину, стих.

„Завѣты". (1913—12). Varia. Р. Соловьевъ, П. Зоревъ, П. Орѣшинъ, Ал. Липецкій, Н. Авсѣевъ и Б. Серебряковъ. Стихотворенія. — Святочное: Ал. Ремизовъ. Оказіонъ; С. Бахарь. Аэриконъ.— Ив. Вольный. Юность. (Продолж). — Н. Ляшко. Живыя вещи. — Я. Порука. Небывшее и два одинокихъ. Перев. съ латинск. С. Клявсъ. — А. Франсъ. Очень мало подлюгъ. — Избранники. Изъ Э. Верхарна. — А. Н. Иванчинъ-Писаревъ. Изъ воспом. о „Хожденіи въ народъ". — П. Очаповскій. Съ небесъ на землю. — В. Евгеньевъ. Н. А. Некрасовъ и А. И. Герценъ. — В. Черновъ. Эросъ и мечта въ произведеніяхъ В. Брюсова.— Ивановъ-Разумникъ. Литер. и общественность. Правда или кривда? — Текущая жизнь.— Е. Звягинцевъ. Распаленные. — В. Черновъ. Научное построеніе идеаловъ и чистое познаніе. — Ивановъ-Разумникъ. Письма Бѣлинскаго. — Библіографія.

„Извѣстія по Народному Образованію". (1913—12). Правительственныя распоряженія. — В. В. Акимовъ. Народное образованіе въ Кіевской губ. (Оконч.). — С. В. Фарфоровскій. Народное образованіе въ Карской области.—П. О. Афанасьевъ. Школа среди инородцевъ Казанскаго края до Н. И. Ильминскаго. — Отзывы о книгахъ.

„Маски". (1913/4—3). А. Лонги. Портретъ Гольдони. — В. Сахновскій. Театръ Екатерининскаго вѣка. — М. Путлицъ. Сценическая теорія К. С. Станиславскаго. (Оконч.).— Ѳ. Коммиссаржевскій. „Декорація" въ современномъ театрѣ. — Е. Гунстъ. Вилли Ферреро. — А. Бродскій. Театральная жизнь Петербурга. — Б. Веевъ. О веселомъ ремеслѣ и умномъ веселіи актера. — В. Зеньковичъ. Мысли не-рецензента. — Robert S. Ж.-Ж. Руссо и театръ. — А. Брюсовъ. Объ идеальномъ театрѣ.—Омель. Изъ подслушанныхъ разговоровъ. — Л. М. Брановскій. Рис. на декораціи къ „Лѣкарю поневолѣ". — За рубежомъ. — Театральная лѣтопись. — Музыкальная лѣтопись. — Указ. сценической литер.

„Наша Заря". (1913—10/11). К. Оранскій. Свобода коалицій, какъ соціально политическій лозунгъ.— В. Майскій. Изъ теоріи и практики профессіональнаго движенія на Западѣ. — Гр. Петровичъ. На пути къ земской реформѣ. — Н. Борисовъ. „Мертвый домъ" нашихъ дней.—В. Валерьяновъ. Пролетаріатъ и искусство.— А. Потресовъ. Критическіе наброски. (Отвѣтъ В. Валерьянову).— В. Левицкій. Изъ иностранной соціалистической печати. — Н. Череванинъ. Критическій моментъ въ жизни октябризма. — Х. Сѣдовъ. Послѣ процесса.—П. Бэръ. Конгрессъ французскихъ металлистовъ. — А. Мартыновъ. Расколъ въ с. д. фракціи. — Отклики. — Некрологъ. Ф. Г. Сиротскій. — Библіографія.

„Новая Жизнь". (1913—1(XII). М. Арцыбашевъ. Преступленіе доктора Лурье. — Юр. Слезкинъ. Чужіе. — С. Городецкій. Силетня. —В. Беренштамъ. Записки адвоката. — К. Буасовьеръ. Въ лѣсу. — Стихи: Ал. Вознесенскаго, Н. Львовой, Ѳ. Сологуба, Игоря Сѣверянина, Л. Рейснеръ. Еврейство и европейская культура. — М. Энгельгардтъ. Научная эксплоатація труда. — А. Борисовъ. „Онъ" и мы. — П. Берлинъ. Сравнительное губернатовѣдѣніе. — И. Накатовъ. Въ предрассвѣтной пѣнѣ. — Критика и библіографія.

„Новый Журналъ для Всѣхъ" (1913—12). Л. Бактисъ, А. Боане, Барыковъ, К. Градичъ, А. Кругловъ, Н. Орличъ, Ольгердъ, В. Франчичъ. Стихотворенія. — А. Малышкинъ. Послѣдній Барыковъ. — С. Скиталецъ. Вероника. — Э. Гедыминъ. Нельзя. — А. Котеневъ. Два сада. — К. Дебринъ. Таежные волки. — М. Траценко. Струна. — А. Петричъ. Новелла.—Э. Ломаннъ. Земля праведная. Перев. съ фр. — Ѳ. Маяковъ. Поэтъ-философъ. — К. П. „Бѣсы" въ Московскомъ Худож. театрѣ и М. Горькій. — С. А. Гамаловъ. Подъ знаменемъ хама. — В. Жукъ. Психика и питаніе. — Г. М. Праздникъ культуры. — Г. Г. Угольный голодъ. — Л. М. Эпоха кинематографа. — Новыя книги.

„Обновленіе Школы". (1913—XX). Н. Мальцева. Школа новаго типа. — Н. М. Школа для отсталыхъ и аномальныхъ дѣтей. — Н. Гришковъ. О продолжительности учебнаго дня и часа въ средней школѣ. — Библіографія. — Хроника:

а) Первый всерос. съѣздъ; б) Программа съѣзда; в) А. Туфъ. По поводу съѣзда.—

„Педагогическій Сборникъ". (1913—12). Свящ. Н. Антоновъ. Изъ исторіи реформъ преподаванія Закона Божія. — А. А. Зонненштраль. Общій строй французской школы и преподаваніе физики во франц. ср.-уч. заведеніяхъ. — А. Флеровъ. Замѣтки личнаго опыта. — В. Волынцевичъ. Новости иностранной педагогической литературы. — Кн. Н. Химшіевъ и Вл. Правниковъ. Подготовка кадетъ къ офицерской службѣ. — Изъ исторіи „Журнала для чтенія воспитанниковъ военно-уч. заведеній". Сообщ. Н. С. Симоновъ. — Ал. Острогорскій. Странички изъ воспом. объ А. Я. Гердѣ. — Критика и библіографія.

„Педагогическое Обозрѣніе". (1913—9). Н. Флеровъ. Музей дѣтскаго творчества. — П. Сперанскій. Новыя идеи въ преподаваніи исторіи. — В. Фитеръ. Къ вопросу о преподаваніи литературы въ средней школѣ. — П. Сергѣевъ. Творческій элементъ въ постановкѣ дѣтскихъ игръ. — Обзоръ журналовъ. Изъ книгъ и журн. — Хроника школьной жизни. — Заграничная хроника.— Изъ школьной практики. В. Б-нъ. Говорящія числа. — Критика и библіографія.

„Природа". (1913—12). Проф. К. Д. Покровскій. Солнечная обсерваторія на г. Вильсонъ.— Проф. А. Е. Чичибабинъ. Бѣлковыя вещества и пути къ ихъ синтезу. — А. Е. Ферсманъ. Изумруды Урала. — М. Д. Залѣсскій. Новый методъ изученія строенія ископаемыхъ углей.— Проф. П. П. Мечниковъ. Туберкулезъ. — П-въ Делажъ. Возможенъ ли партеногенезъ у человѣка.—Засл. проф. П. А. Каблуковъ. Изъ воспом. о дѣятельности Императорскаго О-ва Любит. Естествозн., антропологіи и этнографіи. — Проф. Л. А. Тарасевичъ. 25-лѣтній юбилей Парижскаго Пастеровскаго Института. — Р. Марекъ. Человѣкъ и лѣсъ. — Научныя новости и хроника. — Смѣсь. — Астрономическія извѣстія. — Метеорологическія извѣстія.—Географическія извѣстія. — Библіографія.

„Просвѣщеніе". (1913—12). М. Росляковъ. Праздникъ, разск.—Демьянъ Бѣдный. Кладъ, сказка.— М. Герасимовъ. Рабочему. Заводскій гудокъ, стих. — Ю. Стекловъ. Французскіе черносотенцы и рабочій классъ. — Г. Кройманъ. Страхованіе на случай безработицы. — Волгинъ. Утро въ горахъ, стих. — Изъ переписки К. Маркса съ Фр. Энгельсомъ. — Ю. К. Международное соціалистич. Бюро о разногласіяхъ въ русской соц. демократіи. — Очерки изъ исторіи шведской с.-демократіи. Перев. Г. Тинскій. — А. Бланкъ. Выборы въ Италіи. — Kreeewis. Швейцарскій партейтагъ.—Демьянъ Бѣдный. Воинъ-правитель, басня. — В. Ильинъ. Критическія замѣтки по національному вопросу. — А. Николаевичъ. Къ переселенческому вопросу. — Г. Камъ. Изъ рабочаго движенія въ Польшѣ. — Я. Рославскій. Страховая кампанія московскихъ промышленниковъ.—Н. Бухаринъ. Фокусы-покусы г. Струве.— Библіографія.

„Путь". (1913—12). С. Д. Дрожжинъ. Два стихотв. — П. Сухотинъ. Дурочка, разск. — А. Замираловъ. Къ Богу, разск. — Д. Ратгаузъ. Стихотв. — С. Дрожжинъ. Стихотв. — Г. Виткинъ. Правильное сердце, статья. — С. Дрожжинъ. Современный нѣмецкій поэтъ Р. Рильке, воспом.— И. Бѣлоусовъ. Стихотв. — Литературная хроника. — Л. Зиловъ. Памяти Н. Львовой. — Дѣтскіе книги и журналы. — В. Гарской. Провинціальные очерки. — Библіографія.

„Русская Мысль". (1913—12). В. Брюсовъ. На берегахъ Саймы, стих. — В. С. Сѣрова. Какъ росъ мой сынъ. Воспом. о В. С. Сѣровѣ. (Оконч.). — І. А. Луксъ. Лола Монтецъ. Историч. очерки. Авториз. перев. съ нѣм. Э. К. Пименовой. (Оконч.).—А. Бутягина. Вечернее, разск.— Фр. Геббель. Мысли объ искусствѣ. Избр. мѣста изъ дневника и переписки. Перев. съ нѣм. С. Л. Франка. — А. Ахматова. Стихотвореніе. — І. Фалькбергетъ. Эли Шюрсдоттеръ. Перев. съ норвежск. М. П. Благовѣщенской. (Оконч.). — В. Брюсовъ. Обрученіе Даши. Сцены изъ жизни 60-хъ годовъ. — Б. Садовской. Стихотв. — Кн. Е. Трубецкой. Новая земская Россія. Изъ наблюденій земскаго дѣятеля — А. А. Корниловъ. Семейство Бакунинныхъ (По неизд. матеріаламъ).—Бар. С. А. Корфъ. Воздухоплаваніе и международное право.—Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры. 1. Переписка Вл. С. Соловьева съ И. С. Аксаковымъ. Сообщ. М. Зайдоманъ. II. Два письма кн. М. М. Дондуковой-Корсаковой къ Н. А. Добролюбову. Сообщ. Вл. Княжнинъ.—Е. А. Колтоновская. Изъ новѣйшей литературы. Сергѣевъ-Ценскій.—Э. Л. Радловъ. Письмо въ ред.—Въ Россіи и за границей.—Критическое обозрѣніе

„Русская Школа". (1913-11). Законодательныя постановленія и правительств. распоряж. — Н. Лубенецъ. Дошкольное воспитаніе и начальная школа. — С. Ашевскій. „Ясная Поляна" Л. Толстого въ критикѣ 60-хъ годовъ (Оконч.). — С. Золотаревъ. Дѣти въ посмертныхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого. — П. Мижуевъ Средняя школа въ Англіи и ея реформа въ XX вѣкѣ. (Продолж.). — С. Левитинъ. Новѣйшія общественно-педагогическія теченія на Западѣ. Трудовая школа. (Продолж.). — Б. Сергѣевъ. Въ женской гимназіи.— П. Райковъ. Очерки по методикѣ начальнаго курса анатоміи и физіологіи человѣка. — М. В. Новорусскій. Что дѣлать народному учителю. Руководство къ оборудованію своей школы. — Н. Вазанась-Гулайтисъ. Изслѣдованіе простѣйшихъ психическихъ процессовъ. (Оконч.). Библіографія. (Экспериментальный отд.). — Критика и библіографія.

„Русское Богатство". (1913-12). Ѳ. Крюковъ. О. Нелидъ. — Е. Сталинскій. Аграрный вопросъ въ современномъ соціализмѣ. — В. Муйжель. Опустошеніе. — Н. Ю. Шмидтъ. Анабіозъ. — Н. Шрейтеръ. Стих. — Ѳ. Воскресенскій. Послѣдній день г-на Друкаря. — Н. Шрейтеръ. Стих. — А. Горнфельдъ. Путь Сергѣева-Ценскаго.—Э. Ф. Бенсонъ. Въ провинціальной глуши.— В. Мякотинъ. Очерки соціальной Малороссіи. — Н. Шрейтеръ. Въ морѣ, стих. — П. А. Покровскій. Какъ живетъ донецкій шахтеръ. — Діонео. Изъ Англіи. — А. Рабиновичъ. Борба съ безработицей. — Н. С. Русановъ. Обзоръ иностранной жизни. — С. Елпатьевскій. Срамъ. — А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни. — И. Гордѣевъ. Случайныя замѣтки. Колдовской процессъ.— А. Е. Рѣдько. Литературные наброски. — Новыя книги. — Указатель авторовъ и произведеній, печатавшихся въ 1913 г.

„Сельское Хозяйство и Лѣсоводство". (1913-11). Проф. П. В. Будринъ. Зерновые хлѣба и кормовыя травы. — В. М. Вельбель. Главнѣйшіе выводы Плотянскаго опытнаго поля въ связи съ характеристикой района.— С. Ѳ. Третьяковъ.

Опытъ перемѣннаго увлажненія сосудовъ съ яровой пшеницей. — А. Н. Челинцевъ. Очерки по сельско-хоз. экономіи. — А. В. Отрыганьевъ. Работы Безенчукской сел.-хоз. опытной станціи за 1912 г. — Е. В. Перепелкинъ. Швейцарское скотоводство. Харьк. областн. совѣщаніе по животноводству. Животноводство въ Карачаѣ, Куб. обл. О сушеномъ кормѣ. — Н. К. Н—въ. Данныя къ вопросу о системѣ сортовъ ржи на основаніи изслѣдованія строенія колоса. Изслѣдованіе и группировка сортовъ мягкой пшеницы. Чегырехлѣтніе опыты съ яровой пшеницей. О сортахъ пшеницы, воздѣлывающейся въ Португаліи и улучшеніи ихъ. — Библіографія.

„Свободное Воспитаніе“ 1913/4-4). П. Горбуновъ-Посадовъ. Онъ живъ (Къ трехлѣтію со дня кончины Л. Н. Толстого). — П. Горбуновъ-Посадовъ. По поводу перваго всероссійскаго съѣзда по вопросамъ народнаго образованія. — Р. Ландебергъ. Школы подъ открытымъ небомъ. — Ф. Ганзбергъ. Реформа младшихъ школьныхъ классовъ. — Р. Ландебергъ. Какъ учатъ малышей родному языку. — Изъ писемъ учителей и читателей. — А. Герлахъ. Значеніе ариѳметики для жизни. — Н. К. Оговсюду: 1) Международный конгрессъ школьной гигіены. 2. Противоалкогольная выставка въ Вѣнѣ. 3. Организація дня, посвящ. вопросамъ народнаго образованія 4. Школьная библіотека въ Тасманіи.—П. Горбуновъ - Посадовъ. Нѣсколько словъ по поводу 2-го Всерос. имени Ушинскаго съѣзда. — Изъ газетъ и журналовъ.

„Свободный Журналъ.“(1913-1(XII). Л. Андреевъ. Происшествіе. — Вл. Ленскій. Бѣлый покой. — Г. Чулковъ. Глухая ночь. — К. Фибихъ. Дѣти.— Стихи: Л. Андрусона, Е. Вашкова, С. Городецкаго, М. Долинова, С. Кречетова. — М. Энгельгардтъ. Ископаемыя богатства. — Н. Рубакинъ. Наука и міросозерцаніе. — Вс. Филатовъ. Власть и общество въ XVII в. — М. Макаровъ. Легенда крови — М. Смоленскій. Въ Думѣ и около Думы — Н. Верлинъ. На Западѣ. — П. Сторицынъ. Театральная лѣтопись. — Новыя книги.

„Современный Міръ“. (1913-12). Ив. Шмелевъ. Волчій перекатъ, разск. — А. Федоровъ. Сонеты. 1. Аравія 2. Ловцы жемчуга. — А. Купринъ. Тараканья щель, разск. — И. Эренбургъ. Стихотвореніе—А. Серафимовичъ. Двѣ ночи, разск. — Ив. Буниннъ. Въ Венеціи, стих. — И. Эренбургъ. Стихотв. — Л. Клейнбортъ. Очерки рабочей демократіи. Ст. VI. Беллетристы - соціологи. — Л. Андреевъ. Живая книга.—П. Саломатинъ. Народный учитель.— В. Кранихфельдъ. Литер. отклики. Обличеніе женщины. — Е. Чириковъ. Провинціальныя картинки. — Демьянъ Бѣдный. Дятелъ, лиса и щеголь, сказка. — Н. Тасинъ. Въ царствѣ мелодрамы. Письмо изъ Парижа. — Н. Іорданскій. Политич. замѣтки. Безнадежный оптимизмъ.— Критика и библіографія.

„Сѣверныя Записки“. (1912 — 12). Б. Зайцевъ. Актерское счастье, разск. — Т. Готье. Эмали и камеи, стихотв. Перев. Н. Гумилева. — В. Г. Каратыгинъ. Новѣйшія теченія въ западно европейской музыкѣ. — Мих. Пришвинъ. Саморокъ, разск. — А. Чапыгинъ. Мірская пяня, разск. — С. Парнокъ. Стихотв. —С. Патрашкинъ. Свѣтлояръ, ром. (Продолж.). — Ѳ. Степунъ. О „Бѣсахъ“ Достоевскаго и письмахъ М. Горькаго.—Вл. Шмидтъ. И. Сѣверянинъ. — М. Добровольскій. Къ открытію Панамскаго канала. (Оконч.). — В. Вольскій. Кооперація въ общественномъ развитіи Россіи. — П. Сурожскій. Жалобы. — Гр. Ландау. Политическія замѣтки. (Симптомы). — Б. Эйхенбаумъ. Обзоръ иностр. журналовъ. — Библіографія. — Указатель „С. З.“ за 1913 г.

„Украинская Жизнь“. (1913—12). С. А. Ефремовъ. Наканунѣ. (Къ Шевченковскому юбилею). — G. Reedoovnу. Украинцы въ Сибири. — Къ вашей анкетѣ. 1. Письмо въ ред. кн. Д. И. Шаховского. 2. Отв. кн. Евг. Трубецкаго и Журналиста. — А. Вар—ъ. Деревянное церковное зодчество Украины и стиль барокко. — В. П. Кошевой. Мечты польскихъ націоналистовъ и дѣйствительность. (Оконч.). — М. Данько. Въ поискахъ красоты. (Повѣсти и разск. О Кобылянской). — Культурные праздники Украины: 1) О. Назаріивъ. Открытіе „Національнаго музея“ во Львовѣ. 2) М. Жученко. Юбилей проф. Д. Еварницкаго. — Д-ръ Н. Дикій. Обзоръ украинскихъ журналовъ. — В. Рѣзн—енко. На Украинѣ и внѣ ея. — Библіографія. — Литературная лѣтопись. — Указатель.

„Учительское Дѣло“. (1913—11). С. Сватиковъ. Рождественскіе съѣзды учителей и художественные музеи Петербурга. — С. Русова. Къ реформѣ народной школы. — Н. Нестеровъ. Народный учительскій съѣздъ обществъ взаимной помощи. — Второй съѣздъ учительскихъ обществъ взаимной помощи. — А. Отъ организаціоннаго комитета съѣзда. — Б. Положеніе о съѣздѣ. — В. Программа съѣзда. — Г. Анкета къ съѣзду. — Д. Подготовка съѣзда. — Къ съѣзду по вопросамъ народнаго образованія. — Льготный тарифъ для учителей, членовъ съѣзда по народному образованію. — Правительственныя постановленія и распоряженія. — Къ читателямъ.

„Художественно - Педагогическій Журналъ“. (1913—20). В. Позинъ. 2-й конгрессъ національнаго французскаго о-ва „Искусство въ школѣ“. — Л. Мищенко. Образовательно-художеств. экскурсіи. — М. В. Плетеная электрическая арматура. — Искусство и жизнь. — Хроника. — Выставки. — Музеи. — Иностр. худож. хроника.

„Художественно - Педагогическій журналъ“. (1913—21). В. Позинъ. 2-й конгрессъ національнаго франц. о-ва „Искусство въ школѣ“. — Н. Мальцева. Новый методъ рисованія. — Страничка изъ дѣятельности совѣта академіи художествъ. — Искусство и жизнь. — Хроника. — Выставки. — Музеи. — Лекціи. — Иностр. худож. хроника. — С. Рокотовъ. Выставки 1913—1914 гг.

Книги, поступившія въ редакцію.

Изд. „Образованіе“.

Новыя идеи въ астрономіи. Сб. № 3. Космогоническія гипотезы. II. 80 к.

Новыя идеи въ астрономіи. Сб. № 4. Распредѣленіе звѣздъ въ пространствѣ и ихъ движенія. 80 к.

Новыя идеи въ біологіи. Сб. № 2. Новое ученіе о нервной системѣ. 80 к.

Новыя идеи въ біологіи. Сб. № 3. Смерть и безсмертіе 1. 80 к.

Новыя идеи въ математикѣ. Сб. № 5. Принципъ относительности въ математикѣ. 80 к.

Новыя идеи въ соціологіи. Сб. № 2. Соціологія и психологія. 80 к.

Новыя идеи въ физикѣ. Сб. № 3. Принципъ относительности. 80 к.
Новыя идеи въ философіи. Сб. № 11. Теорія познанія и точныя науки. 80 к.
Новыя идеи въ философіи. Сб. № 12. Къ исторіи теоріи познанія. I. 80 к.
Новыя идеи въ химіи. Сб. № 4. Радіоактивныя вещества. II. 80 к.
Новыя идеи въ экономикѣ. Сб. № 1. Ученіе о распредѣленіи общественнаго дохода. 80 к.
Новыя идеи въ экономикѣ. Сб. № 2. Теорія народонаселенія и мальтузіанство. 80 к.

Изд. „Mathesis".

Е. Леффлеръ. Цифры и цифровыя системы культурныхъ народовъ. 1 р. 50 к.
Успѣхи астрономіи. Сборникъ статей подъ ред. А. Р. Орбинскаго. 1 р. 50 к.
А. Кларкъ. Исторія астрономіи въ XIX стол. 4 р.
Даниеманъ. Исторія естествознанія. 3 р.
Проф. Кольраушъ. Краткое руководство къ практическимъ занятіямъ по физикѣ. 2 р. 25 к.

Изд. „Книгоизд. писателей въ Москвѣ".

Гр. А. Н. Толстой. Разсказы. Т. III. 1 р.
Н. Тимковскій. Душа Толстого. 1 р.
М. Коцюбинскій. Разсказы. Т. III. 1 р.
Въ спорахъ о театрѣ. Сб. статей. Изд. „Книгоизд. Писателей въ М." 1 р.
Чеховъ, А. П. Письма Т. IV. 2 р.

Изд. журн. „Вѣстникъ Теософіи".

Бхагавальдъ гитъ, или пѣснь Господня. Перев. съ англ. и санскр. А. Каменской и П. Манціарли. 50 к.
А. Безантъ. Въ преддверіи храма. Изд. 2-е. 80 к. — Ея же. Древняя мудрость. Изд. 2-е. 1 р. 85 к.
Г. Борель. Непротивленіе. Wu-wei. Новелла, основанная на философіи Лао-тзе. 50к.

Изд. „Новый Человѣкъ".

Рамачарака, іогъ. Пути достиженія индійскихъ іоговъ. 1 р. 30 к. — Его же. Хатха-іога. Ученіе іоговъ о физическомъ здоровіи съ многочисленными упражненіями. 1 р.
П. Д. Успенскій. Исканія новой жизни. Что такое іога? 30 к.

Изд. т-ва М. О. Вольфъ.

Вл. Мясниковъ. Свѣтникъ. Книга для класснаго и внѣкл. чтенія. Ч. II.
М. Василевскій. Альбомъ монетъ. 60 к.
И. И. Замотинъ, проф. Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX ст. въ русск. литературѣ. Т. II. 2 р.
Д. А. Смолонъ. Мои воспоминанія. Т. II. 1 р. 50 к.
А. Александровскій, д-ръ. Первая помощь больному ребенку. 15 к.
Н. Ларкинъ. Какъ самому переплетать книгу. 15 к.
Г. Рукавишниковъ. Воспитаніе нравственнаго пистиката. 15 к.
Говорящія животныя. Текстъ автора „Степка-растрепка".
Д. Дефоэ. Мой первый Робинзонъ.
Ф. К. Зарин-Несвицкій. Тайна поповскаго сына.
Л. А Чарская. Тринадцатая. Ея же. На всю жизнь.
В. Русановъ. Замѣчательные русскіе мальчики.
М. Фарадей. Исторія свѣчки.
О. Григорьева. Что было и чего не было.
А. Е. Разинъ. Настоящій Робинзонъ.
Г. Лонгфелло. Гайавата. 1 р. 50 к.
М. Лемке. Жемчужины русской поэзіи. 1 р. 50 к.
В. Радецкій. Во что играть? 25 к.
М. Н. Васильевскій. Игра въ тоги. 20 к.—Его же. Игра въ шашки. 15 — Его же. Игра въ шахматы. 15 к.
С. Карѣевъ. Петербургъ въ семь дней. 40 к.
В. Вундтъ, проф. Фантазія, какъ основа искусства. 90 к.
В. Оксъ. Вольные дни Великаго Новгорода.
С. Ф. Либровичъ. Царица Агафья Семеновна. Записки вельможной пани. 75 к. — Его же. Исторія книги въ Россіи. 1 р.

Изд. „Путь".

Н. Лосскій. Интуитивная философія Бергсона. 70 к.
С. Дурылинъ. Церковь невидимаго града. Сказаніе о градѣ Китежѣ. 50 к.
И. Флоренскій, свящ. Столпъ и утвержденіе истины. 3 р. 50 к.
Л. Дюшенъ. Исторія древней Церкви. 2 р.

Изд. В. Яковенко.

Э. Пардо-Басанъ. „Ресторанъ", разск. 3 к. Его же. Горнорьбочій, разск. 3 к.
Г. Гейерстамъ. Какъ Андерсъ Петеръ продалъ лѣсъ. 7 к.
Уйда. Корзина со сливами, разск. 8 к.
Б. Ибаньесъ. Въ морѣ, разск. 5 к.
Н. Андреевъ. Петербургская Россія. III. Эпоха Александра I. 30 к.

Изд. „Наука" (Одесса).

И. М. Гринцеръ. Классная библіотека. (Текстъ, содержаніе, разборъ и пр.) 1) Былины о младшихъ богатыряхъ. 2. Оды Ломоносова и Державина. 3. Евгеній Онѣгинъ. 4. Повѣсти Гоголя. По 25 к. вып.
А. Полинковскій. „Лишніе люди" въ творчествѣ Тургенова и предшественниковъ. 50 к.

Изд. И. Горбунова-Посадова.

А. С. Зоновъ. Календарь для каждаго на 1914 г. 20 к.
Е. Коротнова. Какъ вырѣзать изъ цвѣтной бумаги. 25 к.
Ч. Робертсъ. I. Маленькій ушанъ. II. Хэккиземлекопъ. Разсказъ. 20 к.
А. Герлахъ. Какъ обучать ариѳметикѣ въ духѣ творческаго воспитанія. Вып. II. 35 к.

Изд. „Посредникъ".

Малымъ ребятамъ. Разсказы и стихи. Собр. И. Горбуновъ-Посадовъ. Кн. 1—24. 1 к. и 3 к. за кн.
Е. Коротнова. Какъ плести изъ тесьмы, рафіи, стружекъ, веревокъ; работы изъ бисера и нитокъ. 20 к.
А. Джонстонъ. Маленькій полковникъ. Повѣсть. 40 к.
Е. Горбунова. Наблюдайте природу. 40 к.
П. Хлѣбниковъ. Среди опасностей. 45 к.
С. Дурылинъ. За полуночнымъ солнцемъ. 80 к.
М. К. (По Е. Хонольду). Какъ сдѣлать самому вѣтряный двигатель. 45 к.
О. Кайданова и Ф. Глаголевъ. Питаніе школьниковъ. (Школьные приварки). 15 к.
С. Лагерлёфъ и др. Рождественскіе разск. 70 к.
К. Ф. Лебединцевъ. Маленькій, голубенькій мальчикъ. 40 к.

Изд. „Задруга".

Эриманъ-Шатріанъ. Исторія новобранца 1913 г. 25 к.

Н. Живаго. Коротай Коротаевичъ. Нянина сказка.
Л. Харди. Дневникъ дѣтскаго сада. 30 к.
А. Линденъ. Дочь венгерскаго вождя.
К. Фердинандовъ. Свайный поселокъ.

Изд. „Освобожденіе".

А. Свирскій. Собр. соч. Т. V. 1 р. 25 к.
А. Аверченко. Театральная пыль. Юмористка. Разск. 10 к.
Н. Гаринъ. Полное собр. соч. Т. XII. Сумерки. 1 р. 25 к.

Изд. „Прометей".

Каллерманъ. Туннель. Собр. соч. Т. IV. 1 р. 50 к.
Кн. В. В. Барятинскій. Комедія смерти. 1 р. 25 к.
Е. Сидоренко. Итальянскіе угольщики начала XIX в.
Д. Лондонъ. Собр. соч. Т. XIV. Любовь къ жизни. 1 р.
„Прометей". Литер.-худож. сборн. Кн. 2. 50 к.

Изд. т-ва О. Н. Поповой.

С. Поспѣловъ. Разсказы о дикихъ животныхъ Россіи. Кн. I. 15 к.
М. Пенькова. Въ гору. 50 к.
Ч. Робертсъ. Разсказы. Кн. II. 30 к.
В. Гауффъ. Избранныя сказки. 30 к.
Э. Томсонъ-Сэттонъ. Прикл. Рольфа. 2 р. 50 к.
Э. д'Эрвильи. Приключеніе доисторическаго мальчика. 80 к.
П. Гиро. Частная и общественная жизнь грековъ. Вып. II и III. 50 к. и 70 к.
Ватсонъ. Наслѣдственность. 60 к.
М. Туганъ-Барановскій. Періодическіе промышленные кризисы. 3 р.

Изд. І. А. Маевскаго.

Дж. Лондонъ. Собр. соч. Т. XVIII. До Адама. 1 р.
А. Додэ. Собр. соч. Т. IV. Фромонъ Младшій и Ризлеръ Старшій. Ром. 1 р. 50 к.
Н. Николаева. Ив. Конст. Айвазовскій. 15 к.
Ея же. Ив. Никол. Крамской. 15к.
Ея же. Мих. Вас. Нестеровъ. 15 к.
Эм. Хусидъ. Матенька. 15 к.
В. А. Готвальтъ. Сѣра. 15 к. **Его же.** Хлоръ. 15 к.
Н. Абрамовичъ. Религія Толстого. 60 к.

Изд. „Наука и Жизнь", К. Г. Зихмана (Рига).

Ю. Гаченъ, проф. Общее государственное право. I. Право соврем. монархіи. II. Право соврем. демократіи. III. Право современ. государственнаго соединенія. По 65 к. вып.
К. Х. Хмелевъ. Свѣтлое дѣтство. Хрестом. 80 к.

Изд. „Шиповникъ".

Альманахъ. „Шиповникъ". Кн. 22. 1 р. 25 к.
Ал. Вознесенскій. Путь Агасфера. Стихи. 1 р.
Я. Робинсонъ. Метафизика Спинозы. 3 р.
С. Рафаиловичъ. Театръ 5 пьесъ. 1 р.
Г. Флоберъ. Собр. соч. Т. I. Госпожа Бовари — 2 р. 50 к. — **Его же.** Собр. соч. Т. III. Искушеніе св. Антонія. 1 р.

Изд. „Жизнь и Знаніе".

А. Немоевскій. Листопадъ. Прометей и др. разск. 75 к.
Ив. Абрамовъ. Подъ роднымъ солнцемъ. Экскурсіи по Россіи. 1 р.
Е. и Н. Ельмановы. У насъ свой садикъ. 50 к.

Изд. „Дѣятель".

Майнъ-Ридъ. Въ погонѣ за дикой лошадью. 20 к.— **Его же.** Въ лѣсахъ и степяхъ Ю. Африки. 30 к.
Вольтеръ. Исторія Карла XII. 50 к.

Изд. ж. „Электричество и Жизнь".

С. Н. Александровскій, инж. Аккумуляторы Эдиссона. 40 к.
В. Д. Есиповъ. Спираль Румкорфа. 50 к.
В. В. Рюминъ-Старшій. Что нужно знать по химіи каждому электротехнику. 50 к. — **Его же.** Настольный справочникъ электротехника-любителя. 3 р.

Изд. Нижегородской Губ. Зем.

Внѣшкольное образованіе въ Лукояновскомъ у по обслѣдованію 1912 г. Вып. I.
Практич. занятія народныхъ учителей при музеѣ нагл. пособій Нижег. Г. З. — подъ руководствомъ Д. Д. Галанина и В. В. Станчинскаго, лѣтомъ 1913 г.
Доклады Губ. З. У.: 1) О расширеніи каталога Мин. Н. Пр. для ученич. библ. Низш. уч. завед., 2) О краткосрочныхъ курсахъ для учащихъ земскихъ нач. училищъ Нижег. г. лѣтомъ 1913 г.
Обзоръ мѣропріятій Нижегородскаго Губ. Земства по народному образованію въ 1912 и 1913 гг. Ч. III.

Изд. Спб. Студенч. Христіанск. Кружка.

Проф. Слезкинъ. Христіанство и цивилизація. 10 к. — **Его же.** О всемірномъ христіанскомъ студенч. союзѣ.
П. Николаи. Можетъ ли современный образованный мыслящій человѣкъ вѣрить въ Божество Іисуса Христа. 15 к.
Д. Р. Моттъ. Утренній часъ съ Богомъ. 3 к.—**Его же.** Труднѣйшая борьба въ жизни студента. 5 к. — **Его же.** I. Нравственная и духовная атрофія. III. Религія — преимущественно дѣло воли. 7 к.
Д. А. Муди. Что въ думаете о Христѣ? 3. Свѣтъ жизни. 5 к. — Чго мы ищемъ? Куда мы идемъ? 5 к. — Начало и ростъ духовной жизни. 10 к. — Въ защиту основныхъ принциповъ. — Вы свидѣтели мои. 3. — Цѣль Петерб. Христ. студенч. союза.

Л. Соколовъ. Судьба писателя. 35 к. — **Его же.** Вѣчныя цѣнности человѣческой жизни. 80 к. **Его же.** Практическая методика объяснительнаго чтенія. 1 р. 20 к. — **Его же.** Общая педагогика. 1 р. — **Его же.** Общая дидактика. 90 к.
Пр. Мериме. Избранные разсказы. Изд. К. Ф. Некрасова. 1 р. 25.
А. Вамбери. Моя жизнь. Изд. „Наука". 1 р. 75 к.
Э. Форъ. Діего Велискезъ. Изд.„ Всеобщ. библ". 10 к.
Ж. Роденбахъ. Искусство въ изгнаніи. Изд. „Всеобщ. библ". 20 к.
Ежегодникъ Физико-Терапевтическаго О-ва въ Москвѣ. Годы I и II.
Б. Р. Агинскій. Царь Василій Шуйскій и Тушинскій воръ. Изд. Слѣпцовой. „Кн. за кн." 13 к.
А. Ирасекъ. Пѣсни головы. Изд. „Кн. за кн." 28 к.
К. И. Сергѣевъ. Единство въ основѣ космоса. Изд. журн. „Физикъ-любитель". 95 к.
В. П. Зоринъ. Цвѣты. (Поэма.) 1 р. 50 к.
С. П. Рантовъ. Эсперанто въ деревнѣ и пр. 5 к.

В. Лехо. Человѣкъ, его происхожденіе и эволюціонное развитіе. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 2 р. 60 к.

Ѳ. Суринъ. (Масальскій). Смерть героя Скобелева. Изд. автора.

А. П. Постниковъ. Учебникъ физики. Ч. III. Изд. В. С. Спиридонова. 1 р. 25 к.

В. Ф. Пекарскій. Нормальная экономика. (Теоріи конкуренціи). Изд. „Нашъ Вѣкъ". 75 к.

Мольеръ. Сочиненія. Библ. всемірной литер. Европ. классики. Изд. „Окто". 2 р. 50 к.

А. Ковалевъ. Пажи напѣвы. Книга пѣсенъ. Изд. автора.

А. Сладкій. Взглядъ художника на жизнь. 40 к.

А. П. Панкратовъ. Милліоны въ землѣ. 50 к. — **Его же.** У великихъ могилъ. 50 к. Изд. В. Португалова.

Мюллеръ-Лізръ, д-ръ. Формы брака, семьи и родства. Изд. П. Г. Дауге. 75 к.

Матеріалъ для бесѣдъ съ маленькими дѣтьми. Вып. I и II. Составл. сотрудн. О-ва „Дѣтскій трудъ и отдыхъ" подъ ред. Л. К. Шлегеръ и С. Т. Шацкаго. Изд. „Грамотей". По 35 к.

Т. Львовъ. Жертва искупленія. Повѣсти въ стихахъ. Изд. автора. 30 к.

А. С. Зоновъ. Сельскій и деревенскій календарь на 1914 г. Изд. П. Горбунова-Посадова. 20 к.

Ветеринарный сборникъ. Труды О-ва вольныхъ ветеринарныхъ врачей въ Варшавѣ. Вып. XVII. 1 р.

Избранные стихи русскихъ поэтовъ. Серія сборн. по темамъ. „Россія". 60 к.

Избранные стихи русскихъ поэтовъ по періодамъ. Періодъ первый (Д. Давыдовъ — А. Фетъ). 60 к.

И. Евдокимовъ. Городскія стѣны. Стихи. Невскъ. 50 к.

А. Энгельмейеръ. Разсказы. 1 р. 50 к.

О. Вржесневскій. Доказательство „аксіомы" параллельныхъ прямыхъ. 20 к.

Докладъ по нар. образ. Нижег. земства. О расширеніи каталога Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библ. низш. уч. заведеній.

В. Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ М. Ю. Лермонтова. Ч. I и 2-я. Изд. автора. По 1 р.

В. Шершеневичъ Футуризмъ безъ маски. Изд. „Искусство". 50 к.

М. В. Португаловъ. Женщина въ русской худож. литературѣ. XIX в. Изд. „Эвергія". 1 р.

С. Фарфоровскій. Изъ фольклора Терскихъ казаковъ. Отд. оттискъ изъ „Вѣстн. Харьк. Истор. О-ва".

М. Г. Медвѣдевъ. Дубъ. Разсказъ. 40 к.

Г. Брихничевъ. Осанна. Стихи. 80 к.

„Въ помощь земледѣльцу". Жур. №№ 4 и 5 за 1913 г. Изд. „Калужск. с. хоз. О-ва".

Е. Мазепинъ. Повѣсти и разсказы изъ сельской жизни. 70 к. — **Его же.** Торговцы. Фельдшеръ, Разсказы. 50 к. — **Его же.** Сельскій учитель, повѣсть. 50 к. — **Его же** Что необходимо крестьянину. 10 к. — **Его же.** Волостной писарь, разск 15 к.

А. Кизсъ, проф. Человѣческое тѣло. Изд. „Природа". 90 к.

Д. Н. Вороновъ. Алкоголизмъ въ городѣ и деревнѣ въ связи съ бытомъ населенія. Изд. автора. 50 к.

Моск. Городск. Нар. У-тъ им. Шанявскаго. Изд. О-ва взаимопом. слушат. у-та. 50 к.

Е. Елачичъ. Сборникъ статей по вопросамъ дѣтскаго чтенія. Изд. автора. 1 р. 25 к.

С. Фонвизинъ. Записки свободной женщины. 1 р. 50 к.

Правда о Ленскихъ событіяхъ. Изд. П. Н. Баташева. 2 р.

Н. В. Могучій. Миражъ. Изд. О. О. Леоновича. 20 к.

Е. Волкова. Первый русскій печатникъ. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 12 к.

„Вѣстникъ Жизни слушателей Спб. с.-хоз. курсовъ". № 3. 15 к.

Отчетъ Имп. Россійск. историческаго музея им. Александра III въ Москвѣ за 1912 г.

А. Большаковъ. Лунная соната. 90 к. **Его же.** Этюдъ въ защиту пессимизма. 30 к.

В. К. Ш. Указатель книгъ и статей отдѣла имени кн. Г. А. Потемкина по исторіи и соврем. состоянію Новороссійскаго Края.

Н. Ильинскій. Софоклъ въ обработкѣ для школы. Изд. Кавказск. Уч. Окр. 1 р. 50 к.

Очерки по исторіи Византіи. Вып. III. Подъ ред. и съ предисл. проф. В. Н. Бенешевича. Изд. Студ. изд-го Комит. при Спб. ист.-фил. факульт.

Очарованный Странникъ. Альманахъ интуитивной критики и поэзіи. № 2. 35 к.

Доклады Губ. Земск. Управы Полтавскому Земск. Собр. 49-го очереднаго созыва. №№ 1 и 22.

К. С. Ауслендеръ. Послѣдній спутникъ. Изд. К. Ф. Некрасова. 1 р.

Извѣстія Московскаго Коммерч. Института. Экономическое отдѣленіе. Кн. I. 1913 г.

Н. Брандтъ. Саггегі. 4-я кн. стиховъ. Изд. автора. 70 к.

А. Селихановичъ. Очеркъ общей педагогики для семьи, школы и самообразов. 1 р.

К. Большаковъ. Сердце въ перчаткѣ. Стихи. Изд. „Мезонинъ поэзіи". 45 к.

„Крематорій здравомыслія". Вып. III—IV. Изд. „Мезонинъ поэзіи". 50 к.

„Всемірное Единеніе". Органъ человѣческаго единенія во всѣхъ формахъ мысли дѣйств. Изд. Н. Шейермана. 60 к.

Г. Гриммъ. Микель Анджело-Буонаротти. Вып. I и II. Изд. „Грядущій День".

Н. А. Хитьковъ. Ручной трудъ. Изд. автора. 10 к.

Г. М. Тумановъ. Характеристики и воспоминанія. Изд. „Тифл. Журн." 50 к.

Ф. Мюллеръ-Лізръ, д-ръ. Фазы любви. Изд. П. Г. Дауге. 1 р. 50 к.

Л. Чарская. Виновна, но... Ром. мятежной души. Изд. „Вѣнокъ". 1 р. 50 к.

Г. Лебонъ, д-ръ. Эволюція матеріи. Изд. М. И. Семенова. 2 р.

П. Я. Русская муза. Изд. 3-е, ж. „Рус. Бог." 1 р. 75 к.

„Дорогія мѣста". Подъ ред. Н. А. Бѣлоусова. Изд. ж. „Путь".

„Общедост. Юридич. Библ.", подъ ред. В. Я. Крюковскаго. № 1. Наемъ имущества. Изд. кн. м. бывш. М. В. Попова. 50 к.

Издатели: { В. Крандіевскій. В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

Типографія В. М. Саблина. Москва, Петровка, 26. Тел. 88-60 и 131-34.

ЖУРНАЛЪ для ХОЗЯЕКЪ

III г. изданія

съ 1914 г. БУДЕТЪ НАЗЫВАТЬСЯ:

„ЖУРНАЛЪ для ХОЗЯЕКЪ и ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ"

III г. изданія

и выходить также 2 раза въ мѣс.: 1-го и 15-го числа.

Объемъ журнала увеличенъ на 8 стр. тексти и съ № 24 на обложкѣ будутъ помѣщаться многокрасочные рисунки модъ и рукодѣлій.

ПРИЛОЖЕНІЯ въ 1914 году:

не менѣе 50 вырѣзн. выкроекъ дамскаго и дѣтскаго платья самыхъ послѣднихъ фасоновъ, контура рукодѣлій въ натуральную величину, рисунки модъ и рукодѣлій въ краскахъ, годов. приходо-расходная тетрадь, интересная книга для женщинъ: «Умѣнье . хорошо одѣваться», 12 книжекъ: «Для нашихъ дѣтей».

Цѣна съ доставкой и пересылкой:

БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ 24 № журнала:	СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ, кромѣ дѣтскихъ книжекъ:	СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:
на годъ . . . 3 р. — к.	на годъ . . . 3 р. 50 к.	на годъ . . . 4 р. — к.
„ 6 мѣс. . . 1 р. 75 к.	„ 6 мѣс. . . 2 р. — к.	„ 6 мѣс. . . 2 р. 25 к.
„ 3 мѣс. . . — 90 к.	„ 3 мѣс. . . 1 р. — к.	„ 3 мѣс. . . 1 р. 25 к.

Подробности подписки иногородней и городской и условія разсрочки найдете въ очередномъ № журнала

За 1913 г. журналъ можно получить съ I-го № — цѣна 3 рубля.

Продажа журнала у газетчиковъ всей Россіи, въ кіоскахъ и на станціяхъ жел. дорогъ. Съ 24 № цѣна № будетъ: безъ выкроекъ 15 к., съ выкройками 20 к.

Адресъ Редакціи: МОСКВА, КАМЕРГЕРСКІЙ, д. № 4.

1914 1914

КАТАЛОГИ НА СТАРЫЯ И РѢДКІЯ КНИГИ

ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ **И. М. ФАДѢЕВЪ.** *МОСКВА, Моховая, д. 26.*

„Новости Коммерческой Литературы"

въ 1913—1914 г. Ежемѣсячный библіографическій журналъ. Задача нашего журнала—дать по возможности своевременныя, полныя и точныя свѣдѣнія о появляющихся въ русской и иностранной литературѣ выдающихся книжныхъ новинкахъ изъ области коммерческихъ и сопредѣльныхъ съ ними знаній.

Программа журнала: I. Обзоры русской и иностранной литературы и періодической печати по вопросамъ экономическимъ, финансовымъ, коммерческой дѣятельности и коммерческаго образованія. II. Книжная лѣтопись (списки выходящихъ въ Россіи и за границей книгъ по указаннымъ выше вопросамъ). III. Отзывы о книгахъ. IV. Біографіи выдающихся дѣятелей въ области коммерческой литературы. V. Хроника. VI. Почтовый ящикъ (отвѣты редакціи на запросы подписчиковъ, касающіеся коммерческой литературы). Въ предѣлахъ этой программы Редакція сдѣлаетъ все, чтобы удовлетворить запросамъ своихъ читателей.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Н. С. Аринушкинъ, О. О. Бауэръ, Н. А. Блатовъ, Б. С. Боднарскій, Р. Л. Вейцманъ, А. П. Вышомірскій, П. М. Гончаровъ, С. В. Дегенъ, С. С. Дезорцевъ, С. Ф. Ивановъ, И. Г. Максимовъ, А. З. Поповъ, А. П. Рудановскій, Е. Е. Сиверсъ, М. Т. Теоринъ, Б. М. Яковлевъ и др.

Подписная цѣна: въ годъ (съ 1 сентября 1913 г. по 1 сентября 1914 г.) 2 руб. ., за $^1/_2$ года 1 руб. 50 коп. съ доставкой и пересылкой. Цѣна отдѣльнаго номера 25 коп.

Цѣна объявленій: послѣ текста — цѣлая страница 25 р., $^1/_2$ страницы 15 р., $^1/_4$ страницы 10 р.; на 3 и 4 стр. обложки: цѣлая страница 40 руб., $^1/_2$ страницы 25 р.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Екатерингофскій пр., д. 8, кв. 2. (Телефонъ 470-07).

Подписка принимается: а) въ Редакціи журнала и б) въ книжномъ складѣ „Коммерческая Литература"—С.-Петербургъ, Екатерингофскій пр., д. 8.

Редакторъ-издатель *В. Д. Юшмановъ.*

НОВАЯ КНИГА

Наталія Крандіевская.

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ.

Москва, 1914 г. Изданіе Некрасова. Стр. 72. Цѣна 75 коп.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

литературы, науки и общественной жизни. издаваемый В. С. Миролюбовымъ. Отъ издателя: Послѣ пріостановки въ 1906 году издававшагося и редактировавшагося мною въ теченіе 9-ти лѣтъ „Журнала для всѣхъ“ я приступаю къ изданію новаго популярнаго журнала значительно большаго объема. Въ „Ежемѣсячномъ Журналѣ“ будетъ даваться печатнаго матеріала приблизительно столько же, сколько даютъ наши толстые журналы, но расположеннаго въ 10—12-ти двойныхъ листахъ. Большой форматъ сохраняется ради лучшаго воспроизведенія снимковъ и картинъ. Цѣль изданія разносторонне освѣщать нашу общественную жизнь, знакомить съ жизнью заграничной и возможно шире отзываться на вопросы знанія въ статьяхъ, доступныхъ самому широкому кругу читателей.

Въ отдѣлахъ журнала принимаютъ участіе слѣдующіе авторы: I. Художественная литература: Леонидъ Андреевъ, Ив. Бунинъ, Вл. Винниченко, Б. Верхотуринскій, Ив. Вольный, Георгій Гребенщиковъ, С. Гусевъ-Оренбургскій, Ив. Замятинъ, Борисъ Зайцевъ, А. Золотаревъ, М. Исаковъ, А. Купринъ, Е. Лазаревскій, Евг. Лундбергъ, М. Мироновъ, В. Муйжель, Ив. Новиковъ, С. Подъячевъ, Алексѣй Ремизовъ, Б. Розовъ, А. Серафимовичъ, И. Сургучевъ, П. Сурожскій, Павелъ Сухотинъ, С. Семеновъ, Вл. Табуринъ, К. Троневъ, Гр. Ал. Толстой, А. Чапыгинъ, Б. Шишковъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, Ив. Шмелевъ. II. Исторія литературы: Н. Бродскій, В. Гиппіусъ, Евг. Лундбергъ „Толстой о себѣ“, „Толстой о народѣ“. Извлеченія изъ дневниковъ и сочиненій Л. Н. Толстого, составленныя Л. Никифоровымъ, А. Николаевъ, П. Сакулинъ, С. С. Розановъ. III. Письма: Л. Н. Толстого къ Л. К. Никифорову. Письма Н. Н. Златовратскаго, А. И. Эртеля и др. IV. Искусство: Н. Вартрамъ, Вл. Курбатовъ, Б. фонъ-Эдлингъ, Н. Щекотовъ, Эми. Хусадъ. V. Естествознаніе: Л. Бергъ, В. Бianки, О. Боголюбова, Проф. Владиміръ Вагнеръ, К. Давыдовъ, Евгеній Ключичъ, Ник. Кольцовъ, Л. Молчановъ, Н. Кузнецовъ—Очеркъ. В. Лункевичъ—Очеркъ. А. Немиловъ—Почему всѣ части человѣческаго тѣла работаютъ согласно. М. Новорусскій, Н. Онелянскій А. Палладинъ, М. Садовникова, С. Сазоновъ, Дан. Святскій, Ю. Филипченко. VI. Исторія: проф. И. Д. Андреевъ, В. Боголюбовъ, В. Вочкаревъ, В. Бутенко, Ст. Веселовскій, проф. Мих. Грушевскій, А. И. Заозерскій, П. Любомировъ, Вл. Перцовъ, Вл. Пичета, проф. А. Пресняковъ, проф. М. Ростовцевъ, К. Сивкова, Б. Сыромятниковъ, Н. Ракитниковъ, Г. Федотовъ. VII. Біографія: Характеристики. А. Золотаревъ.—Джордано Бруно. Л. Красновъ.—Ср. Франциск изъ Ассизи. С. Князьковъ.—Филиппъ Митрополитъ. Евгеній Лундбергъ.—Лютеръ. Вл. Потемкинъ.—Руссо. В. Н. Рихтеръ—Дени Дидеро. Ст. Слетовъ.—Подвижникъ революцію. А. Николаевъ.—Э. Реклю.—Профессоръ-гражданинъ (Лесгафтъ). Кропоткинъ. VIII. Былое: С. Сватиковъ. Очерки по исторіи общественнаго движенія. I. Н. Ножинъ. II. Серно-Соловьевичъ. В. С. Панкратовъ.—Одинъ изъ забытыхъ работниковъ. IX. Философія: Исторія религіи. А. Мейеръ. Х. Расколъ и сектантство: Д. Коноваловъ. П. Любомировъ. XI. Право. Государственное право: М. Гернетъ, И. Зайцевъ, Н. Полянскій, П. Покровскій, Б. Плетневъ. XII. Народное хозяйство и финансы: Ник. Сухановъ. XIII. Земство: Борисъ Веселовскій. XIV. Кооперація: Влад. Кильчевскій, А. Николаевъ. XV. Земельный вопросъ: К. Качаровскій, Н. Ракитниковъ, Н. Сухановъ, Н. Огановскій, Б. Черненковъ. XVI. Обзоръ общественно-политической жизни. Е. Синегубъ. XVII. Крестьянская жизнь. Б. Черненковъ. По деревнямъ и селамъ. Б. Муйжель. XVIII. Рабочая жизнь. Ѳ. Центиловичъ. XIX. Провинціальная жизнь. К. Харьковскій. XX. Критика: В. Гиппіусъ, А. Дерманъ, Е. Лундбергъ. XXI. Письма о заграничной жизни. В. Волгинъ, Г. Боуманъ, Ст. Вольскій, С. Рермеръ, Дорепталь, Христіанъ, Г. И. Шрейдеръ. XXII. Отвѣты на юридическіе вопросы подписчиковъ. Снимки съ картинъ.

Подписка принимается только на годъ—4 руб., съ перес. Допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ въ началѣ года и 2 руб. къ 1-му марту. За границу 6 рублей. Подписчикамъ недославшимъ къ 1-му марта отсроченныхъ 2 рублей, высылка журнала прекращается по доставленіи 2-й книжки. Книжнымъ магазинамъ уплачивается 5% только при передачѣ сразу полной годовой платы. Подписка въ разсрочку отъ нихъ не принимается. Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Кирпичный проспектъ, 18, уголъ Серпуховской. Контора открыта отъ 11 до 4 ч. ежедневно, кромѣ праздниковъ. Редакція—ежедневно отъ 4 до 5 ч. Тел. редакціи 617—61.

Типографія В. М. Саблина. Москва, Петровка, 26. Телеф. 88-60 и 131-34.

AP
50
B54
g.5,no.7-9

Biulleteni literatury i zhizni.
g. 5, no. 7-9

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED